31-2

ВѢСТНИКЪ

ЕВРОПЫ

ТРИДЦАТЬ-СЕДЬМОЙ ГОДЪ. — ТОМЪ IV.

ГОДЪ LXVI. — ТОМЪ CCCXC. — 1/14 ІЮЛЯ 1902.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ – ПОЛИТИКИ – ЛИТЕРАТУРЫ

ДВѢСТИ-ШЕСТНАДЦАТЫЙ ТОМЪ

ТРИДЦАТЬ-СЕДЬМОЙ ГОДЪ

ТОМЪ IV

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГАЛЕРНАЯ,

Главная Контора журнала:
Васильевскій Островъ, 5-я линія,
№ 28.

Экспедиція журнала:
Вас. Остр., Академич. переулокъ,
№ 7.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1902

КУСТАРНЫЙ ПРОМЫСЕЛЪ

въ

ПОЛТАВСКОЙ ГУБЕРНІИ

ОЧЕРКЪ.

Въ эпоху натуральныхъ формъ хозяйства каждая семья изготовляла почти всѣ необходимые предметы домашняго обихода, на что̀ уходило свободное время отъ главнаго промысла—сельскаго хозяйства. Въ этотъ періодъ *кустарные* промыслы являются побочными въ полномъ смыслѣ этого слова. Мало-по-малу патріархальный строй жизни измѣнился, и почти повсемѣстно натуральныя формы хозяйства обратились въ денежныя. Тэмпъ этой эволюціи въ послѣднее время быстро возрастаетъ, и только въ глухихъ, чисто „медвѣжьихъ углахъ" можно натолкнуться еще на замкнутыя хозяйства.

Наравнѣ съ этимъ измѣнились домашніе промыслы, которые обратились въ домашнюю промышленность. Постепенно эта промышленность оказалась несовмѣстимой съ главнымъ занятіемъ сельскаго населенія. Связь кустаря съ землей порвалась. Все ...личивающійся процессъ дифференціаціи, происходящій среди ...шего крестьянства, ясно обрисовалъ два класса—классъ за...точныхъ „заможнихъ панъ-отцовъ" и малосильныхъ—мало и вовсе безземельныхъ и бездомныхъ, такъ называемыхъ „пидсидковъ", свободныхъ отъ всякой недвижимой, а часто и дви...ой собственности.

Главнымъ, а въ большинствѣ случаевъ и исключительнымъ источникомъ существованія этой группы населенія является теперь кустарная промышленность.

На ряду съ этимъ глубоко измѣнилось и соціальное положеніе кустарей, какъ то будетъ видно изъ настоящаго нашего очерка кустарнаго промысла въ Полтавской губерніи, на основаніи котораго не трудно придти къ общимъ заключеніямъ о кустарномъ промыслѣ и въ другихъ губерніяхъ [1]).

I.

Въ Полтавской губерніи большинство кустарей порвало всякую связь съ землей: у многихъ нѣтъ собственныхъ огородовъ и даже усадебной осѣдлости. Тѣ же изъ нихъ, которые имѣютъ землю, предпочитаютъ сдавать ее исполу. Такимъ образомъ, кустарная промышленность является для нихъ главнымъ и почти исключительнымъ источникомъ существованія.

Въ губерніи насчитывается 78.500 хозяйствъ ремесленниковъ и 6.853 хозяйства кустарей [2]). Распредѣленіе послѣднихъ по размѣрамъ землевладѣнія представляется въ слѣдующемъ видѣ: неимѣющихъ вовсе земли — 27,1%, имѣющихъ до одной десятины—24,1%, имѣющихъ до трехъ десятинъ—21,3%, имѣющихъ до шести десятинъ—15,6%, свыше шести—8,5%. Относительно 3,2% свѣдѣній не получено. Большинство, а именно

[1]) Чтобы не пестрить статью подстрочными примѣчаніями, привожу списокъ источниковъ: „Цифровыя данныя по хозяйственной статистикѣ Полтавской губ., полученныя при основномъ описаніи ея въ 1882—1889 гг.“; „Сводный сборникъ по статистическому описанію Полтавской губерніи въ 1882—1889 годахъ“, вып. 1; „Кустарные промыслы сельскихъ сословій Полтавской губерніи“, составилъ В. И. Василенко; „Очерки домашнихъ промысловъ и ремеслъ Полтавской губ.“; „Роменскій уѣздъ“, С. И. Лысенко; „Очерки кустарныхъ промысловъ Полтавской губ.“, вып. 1; „Пряденіе и ткачество въ Зеньковскомъ и Миргородскомъ уѣздахъ“, составилъ и обработалъ В. И. Василенко; „Кустари и ремесленники Полтавской губ., по свѣдѣніямъ, собраннымъ въ 1898 и 1900 гг.“; „Гончарный промыселъ въ Полтавской губ.“, И. А. Зарѣцкаго; „Кустари-кожевники Полтавской губ.“, составилъ В. В. Святловскій; „Опытъ изслѣдованія промысловъ сельскаго населенія Полтавскаго уѣзда“, вып. 1—общій очеркъ, вып. II—статистическое изслѣдованіе промысловъ мѣстечка Рѣшетиловки; „Сельскій кредитъ въ Полтавской губ.“, вып. I и II; „Очеркъ мѣропріятій по усовершенствованію кустарныхъ промысловъ“, изданіе лохвицкаго уѣзднаго земства.

[2]) По опредѣленію статистическаго бюро полтавскаго губернскаго земства, „кустаремъ“ называется такой ремесленникъ, который работаетъ одинъ или со своей семьей, а если и имѣетъ наемныхъ рабочихъ, то не болѣе одного, и издѣлія свои продаетъ непосредственно или черезъ скупщиковъ. Если ремесленникъ работаетъ на заказъ и при этомъ частью на продажу, то его тоже надо считать „кустаремъ“.

71,6% работаютъ круглый годъ, 25%—въ свободное отъ полевыхъ работъ время и 3,4%—въ различное время года. Процессъ обезземеливанія кустарей идетъ весьма быстрымъ тэмпомъ. По даннымъ изслѣдованія кустарей въ Полтавскомъ уѣздѣ въ 1887 году изъ общаго числа 871 хозяйства безземельныхъ насчитывалось 53 или 6,1%, а по даннымъ 1900 года изъ общаго числа 577 хозяйствъ безземельныхъ оказалось 478 или 82,8%. Относительно Глинской волости Роменскаго уѣзда имѣются не менѣе демонстративныя данныя. Статистическая перепись 1889 года установила, что на 174 профессіоналовъ, сохранившихъ еще связь съ землею, приходится 305 человѣкъ, уже порвавшихъ такую связь. По свѣдѣніямъ, собраннымъ въ 1898 г. спеціально командированнымъ лицомъ для описанія промысловъ по отношенію къ одному Глинску, получилось на 65 человѣкъ перваго типа 308 человѣкъ второго, т.-е. ровно втрое меньше лицъ, входящихъ въ составъ земледѣльческихъ семей. Относительно того же Глинска имѣется весьма интересная таблица распредѣленія хозяйствъ по размѣрамъ землевладѣнія у сельскихъ сословій и мѣщанъ [1]).

Распредѣленіе хозяйствъ по разрядамъ.	По переписи 1889 г.		По даннымъ 1898 г.	
	Число хоз.	Въ %-хъ.	Число хоз.	Въ %-хъ.
I. Безземельные	10	1,8	15	2,8
II. Съ усадебной и пахотной до 1 дес.	212	37,9	151	26,4
III. Отъ 1 до 3 дес.	143	25,5	138	24,1
IV. Отъ 3 до 6 дес.	135	24,1	155	27,2
V. Свыше 6 дес.	60	10,7	113	19,7
Итого	560	100,0	572	100,0

„Такимъ образомъ,—заключаетъ изслѣдователь, г. Лысенко,—въ землевладѣніи Глинска мы замѣчаемъ ростъ трехъ крайнихъ группъ на счетъ, главнымъ образомъ, одной изъ среднихъ (второй) группъ, другими словами: въ то время, какъ число совершенно безземельныхъ увеличилось съ 1,8% до 2,6%—такъ же, какъ и увеличилось число имѣющихъ отъ 3 до 6 десятинъ, въ это же время замѣчается сильное уменьшеніе числа хозяйствъ, владѣющихъ въ общей сложности усадьбою и пахотью въ размѣрѣ до 1 десятины. Слѣдуетъ думать, что хозяйства съ одной усадебной или клочками пахотной земли представляютъ собою

[1]) По даннымъ подворной статистической переписи 1889 года и по даннымъ волости въ 1898 году (послѣ всеобщей переписи).

весьма неустойчивую хозяйственную единицу, растеривающую свои клочки земли въ пользу болѣе имущихъ группъ. Но такою имущею группою не является третья группа; наоборотъ, здѣсь также замѣчается сокращеніе числа хозяйствъ, хотя и небольшое (съ 25,5% до 24,1 или всего на 5 хозяйствъ). Размѣръ землевладѣнія до 3 десятинъ не можетъ служить не только основою земледѣльческаго хозяйства, но даже сколько-нибудь серьезною поддержкою хозяйству промысловому".

Для насъ чрезвычайно важно свидѣтельство, что размѣръ землевладѣнія до 3 десятинъ не можетъ служить не только основою земледѣльческаго хозяйства, но даже сколько-нибудь серьезною поддержкою хозяйству промысловому. Въ такомъ положеніи, какъ мы видѣли, находятся 75,9% всѣхъ кустарей Полтавской губерніи, и лишь 24,1% находятся въ лучшихъ условіяхъ.

Характеризуя промысловое село Засулье, тотъ же изслѣдователь пишетъ: „Изъ 964 хозяевъ 164 не имѣютъ ни клочка земли и въ большинствѣ случаевъ живутъ на квартирахъ въ чужихъ домахъ; еще 449 имѣютъ ничтожные клочки земли отъ 50 кв. саж. до 1 дес. максимумъ, такимъ образомъ 613 хозяйствъ или 63,6% совершенно безземельны. Изъ остальныхъ 145 или 15% находятся на границѣ между безземельемъ и нѣкоторымъ, весьма скромнымъ обезпеченіемъ землею, владѣя отъ 1 до 3 дес. каждое. И только 206 хозяйствъ болѣе или менѣе обезпечены землей, если хозяйство съ 3 дес. уже можно считать земледѣльческимъ".

По переписи 1888 года въ Засульѣ изъ общаго числа 829 хозяйствъ не было никакой земли у 73 хозяевъ, а только усадебная земля была у 285 хозяевъ, вмѣстѣ обѣ группы составляли 43%. Сравнивая этотъ процентъ дворовъ, потерявшихъ свою земледѣльческую физіономію еще въ 1888 году, съ процентомъ такихъ же дворовъ по даннымъ 1898 года, мы видимъ весьма замѣтный прогрессъ—съ 43% до 63% за десятилѣтіе 1888—1898 гг. Если сравнить не въ %, а въ абсолютныхъ числахъ, то результатъ еще нагляднѣе: въ 1888 г. безземельныхъ было 358 хозяйствъ, а въ 1898 г. уже 613.

Таковы вполнѣ объективныя данныя о движеніи земельной собственности въ наиболѣе промысловыхъ селеніяхъ. Мы имѣемъ многочисленныя свидѣтельства, что безземельная часть населенія главнымъ образомъ обращается къ кустарному промыслу, какъ единственному источнику существованія, если, разумѣется, имѣются подходящія естественныя условія—сырые матеріалы и рынокъ сбыта.

„Ремесленно-домашняя, какъ и кустарно-промышленныя отрасли производства распространены, за ничтожными исключеніями, въ средѣ сельскаго пролетаріата и крестьянъ малоземельныхъ хозяйствъ, не обезпеченныхъ въ такихъ насущныхъ потребностяхъ, какъ пропитаніе и одежда".

„Многимъ ткачамъ и другимъ ремесленникамъ и кустарямъ въ любомъ селеніи точно такъ же, какъ и въ значительныхъ городахъ, приходится жить „съ ручокъ да зъ пучокъ" (трудами рукъ) и всякому добывать за готовую копѣйку, съ тѣмъ различіемъ, что „въ мисти хочь за полушку та поживишь душку, а на сели и за пятакъ та сыды такъ".

„Гончарный промыселъ въ Полтавской губерніи имѣетъ характеръ въ большинствѣ случаевъ исключительнаго занятія для гончаровъ. Въ Опошнѣ, Миссвихъ-Млинахъ и Поповкѣ Зеньковскаго уѣзда занятіе гончарствомъ для кустаря служитъ не только главнымъ, но и исключительнымъ источникомъ заработка".

Земельное обезпеченіе гончаровъ ничтожно, и главное для нихъ не въ землѣ, а въ гончарной глинѣ. Кузнецы города Зенькова (25 семействъ) имѣютъ лишь небольшія усадьбы, да и то не всѣ. Земледѣльческія традиціи у сапожниковъ отходятъ въ область преданій—большинство изъ нихъ „голота", не имѣющая ни двора, ни кола.

Малоземельные сапожники въ Смѣломъ сдаютъ свою землю—„бо сами вже и орать не вміютъ". Почти всѣ покупаютъ хлѣбъ круглый годъ. Впрочемъ, это одинаково относится и къ другимъ кустарямъ. Большинство предпочитаетъ сдавать землю съ половины, чтобы избавиться отъ хлопотъ, да кромѣ того размѣръ землевладѣнія не позволяетъ держать необходимый инвентарь. Одинъ изъ ткачей выразился такъ: „теперь блаженство, когда нѣтъ и поросятка, а то было и ему неси съ базара и себѣ". Тѣ, кто имѣетъ рабочій скотъ, пробуютъ обрабатывать свою землю, спрягаясь съ другими. О такихъ хлѣбопашцахъ выражаются: „у нихъ хлѣбопашество—хлѣбъ пахаютъ, а ѣсть покупаютъ", а по отношенію къ многосемейному добавляютъ: „одна соха паха, а симъ ворить хапа"—намекъ на семь ртовъ. Разумѣется, психологическая, такъ сказать, связь съ землей существуетъ, и это весьма понятно, но суровая дѣйствительность разрушаетъ и эту связь. Появляется новая группа кустарей, свободная отъ всякой недвижимости—„пидсусидки", снимающіе углы въ чужой избѣ. Такимъ образомъ, промыселъ для кустаря все—„це моя борона, моя соха,—тутъ мое все".

При отсутствіи земельной собственности занятіе кустарною

промышленностью весьма неустойчиво. Если сокращеніе капиталистическаго производства влечетъ за собою безработицу для тысячи рабочихъ, то и въ кустарномъ производствѣ дѣло обстоитъ не лучше. Малѣйшій недородъ влечетъ за собой кризисъ, не уступающій по своей интенсивности и послѣдствіямъ промышленнымъ. Тысячи кустарей должны бросить промыселъ и искать заработковъ на сторонѣ. Издѣлія не находятъ сбыта. Дѣло только въ томъ, что это явленіе не бросается въ глаза. Кустари разсѣяны среди массы крестьянства, и сокращеніе производства незамѣтно, тогда какъ движеніе какой-нибудь 10-тысячной арміи безработныхъ фабричныхъ рабочихъ составляетъ крупное явленіе, хотя бы съ точки зрѣнія общественной безопасности. Кустарь не представляетъ реальной общественной силы, съ которой нужно считаться. Цѣлый районъ, извѣстный своимъ промысломъ, можетъ переживать ужаснѣйшій кризисъ и не обращать на себя вниманія. Неурожай хлѣба, неурожай конопли, всякое пониженіе платежныхъ силъ деревни прежде всего отзывается на томъ, что крестьяне могутъ сократить потребленіе. Носится старое бѣлье и одежда, покупается поношенное, заплатается и кое-какъ держится до слѣдующаго года, а ткачи сидятъ безъ работы.

Въ прошломъ году въ Зеньковскомъ уѣздѣ явились древодѣлы изъ Херсонской губерніи. Получая весною дерево по Днѣпру изъ сѣверныхъ губерній, они раздѣлываютъ его и выгодно сбываютъ на окрестныхъ ярмаркахъ. Промыселъ очень выгодный, ибо дерево на югѣ цѣнится дорого. Но въ прошломъ году вслѣдствіе недорода на мѣстныхъ рынкахъ сбыть приготовленныя издѣлія не представлялось возможнымъ. Пришлось двинуться на сѣверъ, за 800 слишкомъ верстъ. Малосильные кустари принуждены бросить производство, и лишь очень немногіе переживутъ кризисъ.

Въ зиму 1892 года (во время недорода) многимъ гончарамъ пришлось просить милостыню. „Такъ, въ Мисскихъ-Млинахъ (Зеньковскаго уѣзда) первѣйшій посудникъ, старикъ Ночовникъ, принужденъ былъ просить милостыню, а семейный сынъ, тоже изъ лучшихъ гончаровъ, съ весны ушелъ на заработки. То же самое въ Глинскѣ, гдѣ одинъ хорошій кожевникъ ходилъ по милостыню; въ Опошнѣ гончаръ Забѣла ходилъ по милостыню, а гончаръ Дьяченко такъ задолжался по гончарству, что вынужденъ былъ бѣжать отъ долговъ безъ вѣсти“.

„Въ неурожайный годъ, говоритъ гончаръ, и пидворитневый (горшки и макитры вмѣстимостью въ одно ведро) иногда идетъ за паляничку (небольшой хлѣбъ), и если не хочешь брать,

то баба еще замѣчаетъ „ачъ якій! мабудь вже наився“ (паляница, въ среднемъ, оцѣнивается въ 3 коп., а въ неурожайный годъ—въ 5 коп.). Вообще въ урожайный годъ „мужикъ бильшъ тоди выдумуе, чего роботать, да и хлѣбъ дешевле, а его вѣдь цѣлый годъ приходится покупать“.

Мы не говоримъ уже о другихъ причинахъ, вызывающихъ кризисы въ кустарныхъ промыслахъ,—появленіе на рынкахъ фабричныхъ издѣлій, конкурирующихъ съ кустарными, вздорожаніе сырыхъ матеріаловъ и т. д. Нерѣдко эти кризисы вызываютъ сокращеніе и паденіе промысла. Въ другихъ случаяхъ приходится понижать плату и удлинить рабочее время.

II.

Жилища и обстановка, въ которой приходится работать кустарю, крайне неудовлетворительны. Обыкновенно размѣръ жилой комнаты колеблется отъ 6 до 8 аршинъ длины и отъ 5 до 7 аршинъ ширины при высотѣ отъ 2 до $3^1/_2$ аршинъ. Нерѣдко можно встрѣтить землянки-хибарки, построенныя изъ хворосту или камыша, обмазанныя глиной, безъ сѣней и всякихъ другихъ пристроекъ-коморъ и т. д., съ окнами размѣромъ въ 64 квадратныхъ вершка. Въ комнатѣ объемомъ въ 3,8 куб. саж. зачастую помѣщается семь и болѣе человѣкъ. Тутъ же находятся всѣ орудія производства, кожи, ткацкіе станки или куча сырой глины. Съ непривычки тошнитъ и кружится голова. Вся мебель состоитъ изъ лавокъ, а столъ очень часто отсутствуетъ. Инвентарь очень скудный. Немногія хаты по условіямъ производства могутъ содержаться въ чистотѣ и опрятности. Вотъ нѣсколько описаній жилищъ. Хата 3 аршина вышины и 7,7 арш. по площади, освѣщена такъ плохо, что въ полдень лѣтняго дня было темновато, а зимой, говорятъ, совсѣмъ плохо работать. Хата загромождена двумя верстаками и стола нѣтъ; для писанія принесли изъ коморы крышку какого-то стола и приложили на верстакѣ. На напильной стѣнѣ стояла узенькая койка, но ее вынесли изъ хаты. Зимой и лѣтомъ спятъ на земляномъ полу; старикъ на печи, а кто-нибудь примащивается на лавѣ съ приставкою ослона. Въ хатѣ отсутствіе всякой мебели, кромѣ лавъ; вообще обстановка самая бѣдная. Надо имѣть въ виду, что въ этой обстановкѣ живетъ чета стариковъ, женатый сынъ съ невѣсткой, мальчикъ 7 лѣтъ и взрослая дочь—итого 6 человѣкъ.

Хата совсѣмъ ветхая—„iи тилько глына и держыть“. Оконце всего 8,8 вершковъ, и осенью и зимой довольно темно работать.

И въ другихъ хатахъ окна даютъ такъ мало свѣта, что „въ хмарненькiй день хоча и свитла не гасы, колыбъ булы достатки завже свитыты“.

„Потолокъ погнулся и по бокамъ осѣлъ, напильне и передпичне оконца 6,6 вершковъ, а остальныя 3 окна 12,12 вершк.“

Нерѣдко можно встрѣтить прямо ужасныя помѣщенiя въ 5 арш. длины, 4 ширины, при вышинѣ отъ 2 до 3 арш., причемъ 1/3 пространства занимаетъ печь. Въ такихъ хатахъ на одного обитателя зачастую приходится не больше „гробового“ количества воздуха.

У кожевниковъ чаны загромождаютъ жилую комнату, въ которой члены семьи и живутъ, и работаютъ, и спятъ, и ѣдятъ. Нерѣдко можно встрѣтить „зольникъ“ закопаннымъ въ земляной полъ съ покрышокъ изъ досокъ, а „дубникъ“, иногда болѣе плотно покрытый, служитъ взамѣнъ кровати, иногда же, когда хата попросторнѣе, оба чана устанавливаются вмѣстѣ посреди хаты.

Жилища гончаровъ въ общемъ ничѣмъ не отличаются отъ обыкновенныхъ крестьянскихъ избъ. Зимою и семья, и мастерская помѣщаются въ одной хатѣ. Отъ просыхающихъ издѣлiй и отъ испаренiя сырой глины развивается страшная сырость, атмосфера насыщается аммiачными парами, со стѣнъ течетъ гнилая вода, а съ потолка она падаетъ каплями на полъ, на которомъ образуется слой грязи, печи совсѣмъ раскисаютъ и разваливаются, причемъ во время топки отъ нихъ сильно дымитъ, окна никогда не размерзаются всю зиму, отчего и безъ того темное помѣщенiе становится еще темнѣе. Благодаря такой сырости, не только плетневыя хаты, но и рубленыя скоро сгниваютъ, стѣны кривятся и даютъ скважныя трещины. У многихъ хатъ стѣны не успѣваютъ просохнуть даже въ iюлѣ. Вербовая хата служитъ не больше 7—10 лѣтъ, а дубовая—20. Стѣны такихъ хатъ можно ногтемъ проковырять насквозь, такъ какъ дерево превращается въ сплошную гниль.

Дома во время работы гончаръ остается только въ самомъ необходимомъ костюмѣ лѣтомъ и зимою. Садясь за работу на кругѣ, гончаръ закатываетъ рукава выше локтей и босой работаетъ цѣлые дни. Можно себѣ представить, что̀ стоитъ проработать зиму въ лѣтнемъ костюмѣ, съ мокрыми до локтей руками и съ босыми ногами, въ атмосферѣ, переполненной водяными парами, при 10 или 12 градусахъ тепла.

Одинъ изъ изслѣдователей пишетъ, что на вопросъ о вредѣ для здоровья гончаровъ отъ жизни въ такихъ сырыхъ помѣщеніяхъ, ему отвѣчали: „ні, воно намъ не вредне (не пахнетъ дурно),—мы попривыкали, такъ воно намъ безъ понятія, а свіжого чоловіка вкінь зимою у хату, то більшъ сутокъ не выдержитъ. Зимою у насъ якъ у бани: пара стовбомъ стоитъ. Труба не закрывается зимою, хочъ якій морозъ,—щобъ вытягувало пару. Відъ пары и посуда кисне, падае". На ревматизмы не жаловались, но выражались такъ: болѣть не болѣемъ особенно, а если уже заболѣемъ да сляжемъ, то уже и не встаемъ. Мысль объ общихъ мастерскихъ, отдѣльныхъ отъ жилыхъ хатъ, никому и въ голову не приходила: ее считаютъ непрактичной, такъ какъ, помимо матеріальныхъ соображеній, гончарамъ для работы въ такихъ мастерскихъ пришлось бы ломать весь строй домашней жизни. Бездомнымъ гончарамъ очень трудно нанять хату. Ни одинъ хозяинъ не позволитъ работать въ хатѣ.

А вотъ при какой обстановкѣ приходится работать ткачамъ.

Ткачъ и ткачиха работаютъ обыкновенно въ жилой хатѣ, гдѣ помѣщается и вся ихъ семья. Благодаря своей громоздкости, станокъ очень стѣсняетъ обитателей хаты (на этомъ ткачи основываютъ свои надежды не попасть въ пекло, потому что тамъ и такъ тѣсно).

При работѣ получается масса пыли. Особенно много пыли выдѣляется при тканьѣ грубой рядовины—дерюги, такъ какъ на нее идетъ толстый и грязный валъ.

Въ самой тяжелой обстановкѣ приходится работать гребенщикамъ. Изслѣдованіе этого промысла произведено г. Василенкомъ. „Полный процессъ подготовки и окончательная выдѣлка роговыхъ гребней, пишетъ онъ, производится кустарями во всякое время года обыкновенно въ жилыхъ избахъ, большею частью не отличающихся просторомъ. Тѣснота даетъ себя чувствовать въ особенности въ теченіе осени и зимы, когда не только взрослые, занятые тѣмъ или другимъ дѣломъ, но и ребятишки вынуждены бываютъ по цѣлымъ днямъ безвыходно толкаться между взрослыми, или забиться въ „закутокъ" или на „пичь". Зимнія рамы не вставляются, такъ что при холодахъ ординарныя окна сильно замерзаютъ, а при таяніи льда изливаютъ цѣлые потоки воды, не говоря о томъ, что отъ нихъ распространяется сырость и довольно чувствительный холодъ, въ особенностя во время сильныхъ морозовъ или вѣтровъ. Между тѣмъ кустари работаютъ почти всегда въ однѣхъ рубахахъ".

„Распаренные въ истопленной печи цѣльные рога, какъ из-

мѣстно по непосредственному опыту, распространяють такую отвратительную вонь, что даже у привычныхъ „ажъ въ души верне", какъ выражались женщины въ семьяхъ гребенщиковъ. Нельзя не дать полной вѣры такимъ отзывамъ, имѣя въ виду, что при корняхъ роговъ всегда остаются частицы кожи и мяса, испускающія сукровицу въ пеплѣ. Но этимъ не ограничивается: распиленныя части „лопатки" нѣсколько часовъ варятся въ кипяткѣ и опять издають отвратительную вонь, положительно до тошноты, какъ пришлось изведать при наблюденіи полнаго процесса производства. Вообще атмосфера изба пресыщена специфическимъ запахомъ пригорѣлаго рога до того, что послѣ нѣсколькихъ часовъ пребыванія у гребенщиковъ платье не могло провѣтриться въ продолженіе почти недѣли. Само собой разумѣется,—о дезинфекціи жилищъ никто не помышляетъ".

Шерстобиты зимой работають тоже въ хатѣ. Производство состоитъ въ томъ, что посредствомъ крючка натягивается толстая струна и опускается на грязную немытую шерсть. При этомъ подымается туча пыли, которая положительно наполняетъ хату.

Вообще надо сказать, что жилищныя условія невозможны. Во всѣхъ хатахъ отсутствують двойныя рамы. Зимой окна намерзають и при оттепели и во время топки дають обильные потоки воды. Въ хатахъ постоянная сырость. На земляные полы наносится грязь или масса снѣга. Прибавьте отбросы, пиль, и будетъ понятно, что часто бываетъ въ хатѣ „наче въ хливи".

Матеріалы, на основаніи которыхъ возможно было бы судить о вліяніи домашней промышленности на здоровье кустарей, крайне скудны. Въ отчетахъ врачей мы не встрѣчаемъ рубрикъ, гдѣ бы указывалась заболѣваемость и смертность населенія по роду занятій. Имѣются лишь единичныя наблюденія, но и на основаніи этихъ отрывочныхъ данныхъ можно составить довольно ясное понятіе о вліяніи промысла.

Гончаровъ можно узнать по особой худощавости и желтизнѣ лица. Когда по какому-то вопросу было собрано „общество", то гончаровъ можно было узнать по цвѣту лица. Подобное же наблюденіе было сдѣлано и относительно гончаровъ мѣстечка Поставшукъ.

Мы видѣли, въ какой обстановкѣ приходится работать гончару. Ясно, что сырая и гнилая атмосфера не можетъ благопріятно отражаться на здоровьѣ. Многіе изъ гончаровъ, главнымъ образомъ мисочники, сами мелютъ свинецъ, приготовляютъ поливу и т. д., что также не можетъ не отразиться самымъ гибельнымъ образомъ на ихъ здоровьѣ.

Среди ткачей сильно развиты болѣзни дыхательныхъ путей. Всѣ ткачи жалуются на „удушье“, особенно подъ старость,—на кашель, на болѣзни глазъ и на послѣдствія сидячей жизни—отсутствіе аппетита, плохое пищевареніе и т. п. Пыль при работѣ низкихъ сортовъ рядовины и т. п.—ѣдкая, садится въ глоткѣ, такъ что часто приходится откашливаться. Ткачи отмѣчаютъ, что промыселъ для людей слабаго здоровья гибеленъ.

Какъ правило,—утверждаетъ одинъ изъ изслѣдователей,—ткачъ долженъ быть блѣденъ, изможденъ, часто страдаетъ „глазами“ и „недомоганіемъ“. Работу свою ткачи не считаютъ здоровой. Одинъ жаловался, что у него отъ работы руки и ноги „терпнуть“, а ночью все тѣло вздрагиваетъ—особенно ноги; затѣмъ, когда много работаютъ, то плохой аппетитъ бываетъ, на грудь „порохъ“ плохо дѣйствуетъ—вызываетъ удушье, а когда дѣлаютъ скатерти, то приходится сильно „напястысь“ грудью на станокъ и прибавить утокъ съ такою силою, „що ажъ хата трусится“. На болѣзнь глазъ и общее недомоганіе жаловались и многіе сапожники. „Очами не дужаю и пидъ сердцемъ пече“.

Портные не любятъ своего дѣла,—пишетъ г. Лысенко:—всѣ они считаютъ промыселъ вреднымъ для здоровья—главнымъ образомъ вслѣдствіе сидячаго образа жизни. Одинъ объясняетъ отсутствіемъ движенія свой катарръ желудка: „сидишь, якъ курка на яйцахъ,—тилько вона сидыть въ недилю, а я цилисенькій годъ“. Большинство жалуется на сильное ослабленіе зрѣнія. Нѣкоторые отмѣчаютъ отсутствіе аппетита, вялость, даже упадокъ духа—не хочется ни ѣсть, ни разлечься, какъ послѣ доброй физической усталости. Зимою, когда много работы, у иныхъ начинаетъ болѣть грудь.

Спеціальное изслѣдованіе санитарныхъ условій нѣкоторыхъ изъ производствъ необходимо съ точки зрѣнія общественной гигіены, такъ какъ эти производства нерѣдко являются началомъ инфекціонныхъ заболѣваній.

Рога для гребенщиковъ собираются щетинниками на необозримомъ пространствѣ юга Россіи, какъ съ убитаго, такъ и павшаго отъ всевозможныхъ болѣзней (въ томъ числѣ и отъ чумы) скота. Рога эти никогда не подвергаются дезинфекціи. При посѣщеніи м. Хомутца во время ростепели, пишетъ г. Василенко, приходилось видѣть цѣлыя кучи гніющихъ стружекъ и опилокъ по длинной улицѣ (по обѣ стороны моста), и вся улица была пресыщена вонючими испареніями гнилятины. Въ кварталахъ, обитаемыхъ гребенщиками, по улицамъ во многихъ мѣстахъ образовались уже цѣлые холмики изъ отбросовъ, скопляющихся

съ незапамятныхъ временъ, не говоря о томъ, что подъ плетнями, во дворахъ и на огородахъ гребенщиковъ валяются массы тѣхъ же отбросовъ.

Въ мелкихъ кустарныхъ кожевняхъ тоже не соблюдается никакихъ санитарныхъ условій. Кожевники г. Зенькова положительно отравляютъ воду въ небольшой рѣкѣ. Уже въ концѣ іюня или въ началѣ іюля вода загниваетъ и издаетъ противный запахъ. Въ самыхъ жилищахъ зимой невозможно пробыть нѣсколько минутъ. Сыромятныя заведенія всѣ крайне мелки и всегда помѣщаются въ жилой хатѣ, отчего зловоніе въ ней превосходитъ всякое описаніе. Г. Святловскій, изслѣдовавшій кожевенный промыселъ съ санитарной точки зрѣнія, нашелъ нужнымъ въ своемъ трудѣ между прочимъ привести мнѣніе нѣсколькихъ ученыхъ, которые утверждаютъ, что атмосфера, насыщенная органическими частицами, имѣетъ благотворное вліяніе на здоровье рабочихъ и предохраняетъ отъ различныхъ эпидемій. Можно однако сильно сомнѣваться въ благотворномъ вліяніи этой ужасной атмосферы.

Земскій врачъ Шелунинскій считаетъ, что кожевники въ Лубнахъ и населеніе возлѣ нихъ страдаетъ часто грудными болѣзнями, а также и эпидемическія болѣзни сперва появляются въ городѣ въ этой мѣстности.

Г. Веберъ нашелъ въ воздухѣ кожевенныхъ заводовъ значительную примѣсь углекислоты, сѣроуглерода и аммiака и прямо высказываетъ мысль, что только особенно одаренные отъ природы крѣпкіе субъекты могутъ отдаваться этой профессіи безъ явнаго и скораго ущерба для своего здоровья, кустари же въ этой атмосферѣ живутъ постоянно.

По нашему мнѣнію, сто кустарей больше загрязнятъ мѣстность, чѣмъ фабрика съ такимъ же количествомъ рабочихъ, такъ какъ послѣдняя все же находится подъ надзоромъ и старается утилизировать отбросы производства, у кустарей же вблизи жилищъ сваливается старая бывшая въ дѣлѣ кора, загнившіе соки, квасы, отработавшая известь, грязныя воды, жиръ, мездра, шерсть, обрѣзки кожи, разсолы, зола, рога, мясо, кости и т. д., и это изъ года въ годъ, безъ всякой дезинфекціи.

Очевидно, что въ этой области слѣдуетъ и даже должно сдѣлать попытки улучшить производство съ санитарной точки зрѣнія.

Безъ сомнѣнія, нѣкоторые изъ видовъ домашней промышленности сами по себѣ не представляютъ опасности для здоровья, какъ, напримѣръ, древодѣльная, но и въ данномъ случаѣ чрезмѣр-

ная продолжительность рабочаго дня не можетъ пройти безнаказанно для здоровья.

III.

Отвѣты кустарей на вопросъ о продолжительности рабочаго дня крайне однообразны. „Отъ зори до зори лѣтомъ, а зимой въ ранци до свита встаемъ, а якъ питухи спиваютъ, лягаемъ". Гончары зимою для работы и „въ досвита и зъ вечера палять свитло". Кузнецы работаютъ отъ восхода до захода, если зимою много работы, встаютъ во второмъ часу ночи и кончаютъ по заходѣ солнца. Всѣ изслѣдователи устанавливаютъ какъ норму рабочаго времени кустаря 16 часовъ. Очень часто рабочее время удлиняется и обращается въ безконечный 18, а иногда и 20-часовой день съ небольшими перерывами для ѣды.

„Выясненіе величины рабочаго дня,—говоритъ г. Лысенко въ своемъ изслѣдованіи,—имѣло цѣлью дать матеріалъ для сужденія между прочимъ о томъ, насколько домашняя промышленность требуетъ законодательнаго или иного вмѣшательства въ регулированіе рабочаго дня. Отвѣты простодушно давались самые правдивые, такъ какъ всякій хозяинъ сознавалъ себя глубоко правымъ, если онъ свою семью и своихъ наймитовъ и учениковъ держалъ за работою столько же, сколько работалъ и самъ". Характерно, что кустарь считаетъ себя глубоко правымъ, если онъ всю семью, т.-е. и дѣтей, держитъ за работой 16 часовъ,—это, какъ мы видѣли, норма рабочаго времени.

Въ пору спѣшнаго приготовленія заказовъ ткачамъ приходится просиживать за станкомъ чуть не цѣлыя сутки. „Тогда ужъ отдохнемъ, какъ наступитъ безработица". Одинъ ткачъ изображалъ, какъ онъ старается „переспать свой сонъ", не вставая изъ-за станка, а лишь склонивъ на него голову; спросонья кажется ему, что онъ продолжаетъ работу, и онъ чувствуетъ, какъ у него дергается то одна, то другая рука. Правда, такая усиленная работа не можетъ быть продолжительна, и сами ткачи признавались, если не поспятъ ночь-другую какъ слѣдуетъ, такъ потомъ, чтобы отоспаться, захватываютъ для сна и часть дня: „одно на одно и выходитъ". Но все же этотъ примѣръ наглядно показываетъ, какое мѣсто отводятъ ткачи своимъ личнымъ удобствамъ и потребностямъ, когда надо ловить горячій моментъ прилива заказовъ.

Г. Лысенко приводитъ характерный разсказъ о томъ, какъ смѣляне задумали устроить въ одной изъ церквей часы. Однако

дѣло не состоялось: „кто-то сообразилъ и пустилъ въ средѣ предполагаемыхъ жертвователей догадку, что если будутъ устроены часы и всякій будетъ слышать ихъ, то трудно будетъ уговорить рабочихъ, что еще не поздно и что они могутъ еще поработать...“ [1]).

По словамъ рабочихъ, обыкновенно бываетъ такъ, что пока не ложится хозяинъ, не долженъ ложиться и наймитъ. Когда хозяинъ захочетъ спать, онъ вмѣсто себя посылаетъ жену присматривать за рабочими. Только когда и жена изморится, къ глубокой полночи, тогда ложатся и рабочіе. Между тѣмъ, хозяинъ уже успѣетъ выспаться задолго до свѣта и будитъ наймитовъ на работу.

Понятно, какъ долженъ отзываться трудъ на здоровьѣ кустаря при столь усидчивой работѣ. „Якъ выйдешь съ хаты, то ноги такъ и гнутця, мовъ на пидношки ступаешь, та попухнуть часомъ якъ колодкы“,—говорятъ ткачи.

Фабричные рабочіе находятся въ лучшихъ условіяхъ. При всѣхъ несовершенствахъ нашего фабричнаго законодательства, все же рабочее время нормировано и постановлены нѣкоторые предѣлы работы женщинъ и малолѣтнихъ, которыя въ домашней промышленности несутъ трудъ наравнѣ съ главой семьи. Вотъ что̀ говорили, напр., сами гончары: „грамотность у насъ совсѣмъ не развита, потому что, какъ только мальчику минетъ 10 лѣтъ, мы его уже приспособляемъ къ ремеслу: глину рѣзать, выбирать камешки, дѣлать всякій „дрібьязокъ“, горшечки, конниковъ и т. п. Очевидно, рабочую силу дѣтей въ гончарствѣ начинаютъ эксплоатировать очень рано, и гончарный промыселъ надо причислить къ самымъ мрачнымъ въ этомъ отношеніи промысламъ: сѣтевязальному въ Воронкахъ и плетенію кошиковъ изъ рогоза въ Поставмукахъ, Городищѣ и др. селеніяхъ Лохвицкаго уѣзда“.

„Суканье цивокъ пріучаетъ къ довольно усидчивому труду и самыхъ малыхъ дѣтей, съ шестилѣтняго возраста,—говоритъ г. Лысенко.—Просидѣвъ въ хатѣ одного ткача около двухъ часовъ, я все время былъ свидѣтелемъ, какъ его 6-лѣтняя дочка, хорошенькое и живое дитя, не лишенное, повидимому, всѣхъ

[1]) По свѣдѣніямъ статистическаго бюро губернскаго земства, въ кустарномъ производствѣ занято 3463 члена семьи и 1498 рабочихъ, что̀ составитъ 30,4%. Число послѣднихъ значительно больше, такъ какъ регистрировались лишь такія „кустарныя“ семьи, которыя не имѣли рабочихъ или держали одного. Въ изслѣдованіяхъ „кустарной промышленности“, изданныхъ министерствомъ земледѣлія и государственныхъ имуществъ, кустарнымъ производствомъ считается и такое, въ которомъ нерѣдко занято до 30 и болѣе человѣкъ.

склонностей своего возраста къ беззаботнымъ играмъ, тѣмъ не менѣе, почти не отрываясь, сидѣла на своей трехногой скамейкѣ и наматывала цѣвки съ удивительной серьезностью и постоянствомъ. Въ Зеньковѣ мы знаемъ многихъ сапожниковъ, у которыхъ дѣти съ 6—7-лѣтняго возраста являются помощниками, а съ 8-ми обращаются въ перешивальниковъ, работающихъ цѣлый день. Очень часто, не желая лишиться помощи, кустари не отдаютъ своихъ дѣтей въ школу".

Такимъ образомъ, „вольная работа" кустаря заставляетъ его тянуть изъ себя послѣднія силы. Въ данномъ случаѣ больше, чѣмъ въ какомъ-либо другомъ, приложимы слова поэта: „Въ мірѣ есть царь, этотъ царь безпощаденъ—голодъ названье ему".

Нужда, а не свободная воля нормируетъ рабочее время кустаря. Извѣстнымъ коррективомъ, значеніе котораго отнюдь не слѣдуетъ преувеличивать, надо считать многочисленные праздники въ сельскомъ быту. Кромѣ того, самостоятельные производители сами сбываютъ свои издѣлія на базарахъ и ярмаркахъ, на что обыкновенно уходитъ цѣлый день, такъ какъ многіе по окончаніи торжища базаруютъ, т.-е. распиваютъ могарычи и т. д.

Рабочее время опредѣляется различно, въ зависимости отъ степени обезпеченія землею. Неимѣющіе вовсе земли или не обрабатывающіе ее сами,—а такихъ подавляющее количество,—работаютъ круглый годъ. Г. Лысенко приводитъ, между прочимъ, слѣдующія слова одной ткачихи: „круглый годъ робымъ, колы прыймаютъ лавочники, зимою и литомъ, откинувши тилько велики и маленьки празныкы—Онуфріевъ и други всяки, яки чуемъ и знаемъ".

Сапожники и кожевники работаютъ въ году примѣрно 260 дней. Гончары работаютъ весь годъ; періодъ усиленной работы —отъ Пасхи до Петра и Павла, когда и требованій на посуду больше, и ярмарокъ больше, и легче просушивать издѣлія въ это время: „тогда только не работаемъ, когда спимъ". Затѣмъ, тѣ гончары, у которыхъ есть свои клочки земли, лѣтомъ въ теченіе 1—1 1/2 мѣсяца работаютъ на нихъ такъ, что, по показаніямъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, на гончарство имъ остается до 200 дней въ году.

Очень часто кустари празднуютъ самые незначительные праздники. Такъ одинъ изъ изслѣдователей приводитъ фактъ, что кожевники недавно начали праздновать день св. Антонія изъ боязни антонова огня. Впрочемъ, имѣются и другія причины прогуловъ.

Низкая заработная плата, какъ и вездѣ, представляетъ мало

побужденій для интенсивнаго труда. Большинство сапожниковъ начинаетъ работу не съ понедѣльника, а со вторника—по очень понятной причинѣ, которую они излагаютъ такъ: „коли не хапае сего и того, а за работу бильшъ гривенника не заробышь, то лучше виднести его у казну—въ складку“ (въ монополію).

IV.

Ни въ одной отрасли домашнихъ промысловъ заработная плата не поднимается настолько высоко, чтобы покрыть расходы на всѣ потребности. Обыкновенно лишь съ трудомъ можно удовлетворить насущнѣйшія изъ нихъ, и всякій болѣе или менѣе экстраординарный расходъ является не подъ силу кустарю. Рѣдко кто изъ нихъ не имѣетъ долга. Приходится ли покрыть хату новой крышей, произошло ли прибавленіе семейства, кустарь долженъ занять. Большинство кустарей положительно перебивается изо дня въ день.

„Я ткачу,—пишетъ въ своемъ отчетѣ завѣдывающій Руновщиновской мастерской,—за расчесу шерсти и пряденіе изъ нея одного фунта нитки плачу 30 коп., при условіи, если въ фунтѣ будетъ не менѣе 20 пасомъ пряжи, т.-е. если нитка будетъ тонка. Опытъ показалъ, что для этого въ настоящее время требуется три дня усидчиваго труда пряхи, т.-е. ея дневной заработокъ не превышаетъ десяти копѣекъ, а при домашнихъ занятіяхъ съ дѣтьми и хозяйствомъ и того менѣе“.

Надо сказать, что въ другихъ случаяхъ довольно трудно опредѣлить размѣръ производства, а слѣдовательно и заработокъ.

Г. Василенко говоритъ: „самую слабую и непріятную часть въ настоящемъ трудѣ представляетъ опредѣленіе размѣровъ производительности ткача и ткачихи въ извѣстную единицу времени... Необходимо сказать, что, независимо непобѣдимаго недовѣрія кустарей къ цѣлямъ и задачамъ изслѣдованія, приходится считаться не только съ работоспособностью кустаря, но и съ техническими недостатками матеріаловъ и сукна“.

Заработокъ ткача въ сезонъ опредѣляется имъ въ 75 руб., а для ткачихи въ 25 руб. Однако въ другихъ мѣстахъ ткачи и слышать не хотѣли о возможности такого заработка. Средній дневной заработокъ Зеньковскихъ килимницъ можно опредѣлить въ 20 коп., съ повышеніемъ для лучшихъ мастерицъ до 30 коп. Заработокъ же прядильщицъ шерсти колеблется между 8—12 коп., а въ среднемъ 10 коп. въ день. Только самая искусная пряха,

работая „зъ досвита“ до 9 часовъ вечера, можетъ напрясть 3 мотка, т.-е. заработать 12 коп. „Намъ кажется, что будемъ не далеко отъ истины, — пишетъ г. Сосновскій, — если будемъ считать чистый заработокъ ткачей около 15—20 коп. въ день въ районахъ дешевой платы, и 25—30 коп. въ остальныхъ“. Мы не будемъ приводить разсчетовъ заработка рядовинщиковъ-ткачей и т. д. Цифры почти у всѣхъ одинаковы. Въ другихъ отрасляхъ кустарныхъ промысловъ заработокъ значительно выше. Это объясняется тѣмъ фактомъ, что ткачество болѣе другихъ удержало характеръ домашнихъ промысловъ Такъ для сапожниковъ опредѣляютъ заработную плату отъ 70 до 200 рублей въ годъ. Эти послѣднія цифры г. Сосновскій считаетъ средними для опредѣленія величины заработка рѣшетиловскихъ сапожниковъ.

По нашимъ вычисленіямъ, сапожники въ Зеньковѣ вырабатываютъ въ среднемъ до 120 руб. въ годъ. Изъ опросовъ гончаровъ въ Опошнѣ можно заключить, что годовой заработокъ колеблется отъ 40—60 руб. для производителей простой бѣлой посуды и до 140 р. для мисочниковъ. Заработокъ сильно колеблется въ зависимости отъ урона, удачнаго обжога и т. д.

Хорошему годовому рабочему платятъ самое большее 60 р. и до 70, чаще по 50 р. на хозяйскихъ харчахъ. При этомъ рабочій день послѣ Пасхи и до Семена (1 сентября) продолжается отъ восхода до захода солнца, а въ остальное время года отъ 3—4 часовъ утра до 10—11 часовъ вечера, когда приходится работать при лампахъ, съ перерывами для ѣды въ общей сложности два часа (ѣдятъ три раза въ сутки). Спятъ въ среднемъ 6—7 часовъ. Сами сапожники, сравнивая эту плату съ заработкомъ на фабрикѣ, говорятъ, что многіе изъ нихъ предпочли бы работать на фабрикѣ (табачной—у Рымаренка или Вахрамѣева), и работы меньше—отъ 6 часовъ утра до 6 часовъ вечера, и плата выше—простому рабочему по 12 руб. въ мѣсяцъ, а есть такіе, что и по тридцать рублей получаютъ; наконецъ, и работа на фабрикѣ „безъ всякаго клопоту“, т.-е. безъ риска потерять на товарѣ оборотный капиталъ, не найти сбыта и т. д. (г. Лысенко, „Очерки“).

Вопросъ о заработной платѣ въ домашней промышленности —больной вопросъ. Заработная плата не растетъ, а понижается, для чего имѣется масса причинъ: главнѣйшая изъ нихъ—бѣдность главнаго потребителя кустарныхъ промысловъ—крестьянства. Невозможно изолировать вопросъ о поднятіи благосостоянія кустаря отъ общаго крестьянскаго вопроса. Мы не хотимъ этимъ сказать, будто всякое мѣропріятіе, стремящееся къ частич-

ному улучшенію производства, никуда негодно. Напротивъ, важны и необходимы частичныя улучшенія техники и т. д., вліяющія такъ или иначе на поднятіе кустарныхъ промысловъ, но не слѣдуетъ упускать изъ виду, что положеніе кустарей тѣсно связано съ положеніемъ всего крестьянства. Трудно поднять благосостояніе кустаря, когда главный потребитель періодически голодаетъ, когда урожай съ крестьянскихъ земель не превышаетъ самъ 4, когда система податей обременительна для него, когда, наконецъ, недоѣданіе представляетъ обычное явленіе. Прибавьте къ этому темноту и инертность, при которыхъ уровень потребностей не идетъ дальше удовлетворенія растительныхъ запросовъ организма, и станетъ понятно, что улучшить положеніе кустарей, за исключеніемъ отдѣльныхъ личностей или группъ, едва ли возможно, независимо отъ общаго улушенія условій существованія всего крестьянства.

Данныя о заработной платѣ предрѣшаютъ вопросъ о потребностяхъ кустаря. Едва ли умѣстно говорить о сносномъ существованіи на 120 руб. семьи, состоящей въ среднемъ изъ пяти человѣкъ. Вотъ нѣсколько бюджетовъ, записанныхъ мною со словъ зеньковскихъ кустарей. Семья кустаря Леонтія Цюпака состоитъ изъ 8 человѣкъ. Цѣлый годъ онъ работаетъ на скупщика, и каждый рабочій день съ сыномъ 8 лѣтъ (самый старшій въ семьѣ) зарабатываетъ 65 коп. Кромѣ этого изрѣдка зарабатываетъ жена на поденщинѣ. Больше всего расходуется на муку—рублей 90 въ годъ, затѣмъ идетъ расходъ на мясо—рублей 15, на просо, сало и изрѣдка молоко для дѣтей рублей 20. На удовлетвореніе религіозныхъ потребностей рубля 2. Топливо свое—имѣется около десятины мокраго луга, поросшаго верболозомъ. Самовара нѣтъ. Иногда пьютъ, или, какъ выражается Цюпакъ, „балуются" липовымъ цвѣтомъ, холодной мятой и трояндой-розой, собственнаго сбора. Этотъ своеобразный чай заваривается въ черепяномъ чайникѣ. Сахару каждый разъ выходитъ на 2 коп. Наканунѣ моего посѣщенія съѣдено 3 хлѣба—„диты, якъ та прорва, обернувся и зновъ просятъ". Стоимость его надо опредѣлить въ 25 коп. На сниданье купленъ оселедець за 5 коп. На обѣдъ приготовлялся борщъ, на который пошло рыбы на 4 коп., картошки и капусты на 3 и олеи на 3 коп. На вечерю былъ сваренъ кисель—ягоды и мука обошлись въ 5 коп., всего за день израсходовано 41 коп. Въ скоромные дни вмѣсто олеи и оселедця покупается мясо—обрѣзковъ копѣекъ на 6—8.

Вотъ бюджетъ другого кустаря, Гаврила Понежи. Въ семьѣ 5 человѣкъ, изъ нихъ Гаврилу 20 лѣтъ, бабушкѣ—70, матери

—43, брату—12 и сестрѣ—7. Работаютъ мать и сынъ. Первая занимается ткачествомъ, а второй—кожевнымъ промысломъ. Имѣютъ десятину пахотной земли, которую сдаютъ съ исполу. „Якъ умеръ старый,—говорила мнѣ старуха,—то ничего не справляемъ, гдѣ ему вытянуть на насъ всихъ. Слава Богу, что съ голоду не пкхнемъ". На муку расходуютъ рублей 36, на пшено примѣрно—3 руб., на мясо—15, сало—10, масло постное—5, рыбу—3, на сахаръ—3 руб. (иногда пьютъ мяту), водку—1 р. 60 к., на подати—1 р. 30 к., топливо -15 руб. и на другіе расходы—15 руб. Разумѣется, подсчетъ примѣрный—„бо кто-жъ его счита, та записуе".

Г. Сосновскій пишетъ, „что главную пищу кустаря составляетъ хлѣбъ, но мясо и сало во всякомъ случаѣ въ большемъ употребленіи, чѣмъ на хуторахъ. Содержаніе въ общемъ довольно скудное: при семьѣ въ 5—6 душъ собственно на пищу считаютъ въ среднемъ рублей 80—100 въ годъ, или рублей 7—9 въ мѣсяцъ. Нашъ вопросъ объ употребленіи чая и сахару, введенный въ программу, какъ нѣкоторый показатель культуры, обыкновенно встрѣчалъ улыбку, иногда даже иронію и горечь".

А вотъ бюджетъ семьи, который приведенъ въ трудѣ г. Лысенка. „Намъ пришлось видѣть хозяйство, бюджетъ котораго построенъ почти исключительно на ткачествѣ, и на насъ оно произвело такое впечатлѣніе, что, уходя изъ хаты послѣ часового подробнаго опроса о доходахъ, заработкахъ, потребностяхъ семьи и пр., мы чувствовали какую-то внутреннюю неловкость, какъ будто мы шутили, издѣвались надъ кѣмъ-то, усчитывая „доходы", намъ было совѣстно за тотъ отнятый часъ рабочаго времени ткача, который мы употребили на опросъ. Это было хозяйство старика Луки Шламы. Живутъ они вдвоемъ со старухой въ крошечной и убогой хаткѣ, при которой имѣется такой же крошечный огородикъ, саженей въ 50 квадратныхъ,—для картошки, какъ пояснила старуха. Въ хатѣ пусто, не видно никакихъ предметовъ крестьянскаго достатка или комфорта, но она поражаетъ своею чистотою: все прибрано, аккуратно выбѣлено, нигдѣ ни соринки, такъ что самая убогость обстановки не навѣваетъ холоднаго унынія, а скорѣе какую-то тихую грусть. Сама старуха—болѣзненная женщина со слабымъ голосомъ, бѣдно, но чисто одѣтая; при нашемъ появленіи она, охая, слѣзла съ печи, куда забралась, чтобы отлежаться отъ какихъ-то болѣзней. Изъ разспросовъ мы узнали, что единственный сынъ ихъ ушелъ въ Ромны въ подмастерья къ портному, такъ какъ дома зацѣпиться не за что, земли совсѣмъ нѣтъ, а ткачество, оче-

видно, удовлетворить не можетъ; вся помощь отъ сына состоитъ въ томъ, что онъ изрѣдка пришлетъ „рубля грошей“. Изъ домашней скотины „одинъ кітъ“, который тутъ же трется около бабы и придаетъ ей добродушный видъ. Старики весь годъ ѣдятъ покупной хлѣбъ, котораго у нихъ выходитъ на двоихъ 30 пудовъ. На пищу у нихъ выходитъ въ недѣлю иногда 25 коп., чаще 50 к. и до 80 к.; чаю, конечно, не пьютъ, водки не употребляютъ. Тканьемъ занимается старикъ, старуха только „цівкы сукае“ да огородомъ завѣдываетъ. Верстакъ—старенькій, подвязанный и налатанный. Лѣтъ 13—14 назадъ старикъ ходилъ на Вкраіну, теперь не можетъ. По вечерамъ работать „при світлі не можу, не бачу вже“. Зимою приходится частенько сидѣть безъ всякой работы, такъ какъ въ это время бабы еще не напряли пряжи. Особенно плохо живется, когда хлѣбъ дорогой, и такъ его „ни за віщо“ покупать. Очевидно, держаться на извѣстномъ уровнѣ, соблюдать нѣкоторую уютность и чистоту въ хатѣ и въ одеждѣ этой дружной четѣ позволяетъ только сокращеніе до минимума жизненныхъ потребностей; но уже за порогомъ у нихъ нищета,—стоитъ старику или старухѣ заболѣть серьезно и слечь или умереть, остающійся членъ семьи уже не справится съ веденіемъ даже этого немудраго хозяйства, опирающагося не на запасные капиталы, а на рабочія руки“. Правда, мы взяли крайній типъ хмѣловскаго ткача,—такихъ наберется, по словамъ ткачей, еще не болѣе 3 хозяевъ среди ткачей, но зато на этомъ примѣрѣ мы видимъ, что̀ можетъ дать ткачество само по себѣ: оно почти не можетъ обезпечить даже минимумъ потребностей весьма неприхотливыхъ двухъ стариковъ.

V.

Положеніе кустарей было бы значительно лучше, еслибы они были самостоятельными производителями. Къ сожалѣнію, большинство изъ нихъ находится въ рукахъ скупщиковъ, во власти торговаго капитала, причемъ шансы о борьбѣ за „полный продуктъ труда“ далеко неравномѣрны.

Г. Василенко свидѣтельствуетъ, что гребенщики, подобно щетинникамъ, находятся въ неоплатномъ долгу и въ безвыходной кабалѣ у капиталистовъ. Г. Святловскій утверждаетъ, что главная масса кустарей—темная, инертная, находится въ полной экономической зависимости отъ ростовщиковъ, торговцевъ и круп-

ныхъ кожевниковъ. „На кого-нибудь изъ нихъ кустарь обязательно работаетъ. Самостоятельныхъ мелкихъ кустарей крайне мало“.

„Для настоящаго момента можно установить, что большинство гончаровъ самостоятельнаго сбыта издѣлій не имѣетъ и зависитъ отъ скупщиковъ“.

Въ Смѣломъ, читаемъ мы въ „Очеркахъ промысловъ“, существуютъ самые разнообразные виды эксплоатаціи труда, начиная отъ эксплоатаціи дѣтскаго труда родными или обучающими учениковъ мастерами и кончая эксплоатаціей самихъ мастеровъ мѣстными кредиторами и скупщиками.

Корреспонденція статистическаго бюро обрисовала тяжелую картину положенія кустарей, не находящихъ столь необходимаго для нихъ кредита. По отношенію къ мастерамъ Засулья П. Н. Андріанопольскій сообщаетъ, что „всѣ промыслы очень нуждаются въ кредитѣ, чтобы вырваться изъ когтей эксплоататоровъ, причемъ форма кредита должна быть не обще-банковая, обезпеченная имущественнымъ цензомъ или юридически обставленными обязательствами, а подъ личный трудъ и энергію, принимая во вниманіе способность выработки издѣлій и нравственныя качества кустаря“. Другой корреспондентъ В. Г. Царицынъ сообщаетъ поразительный примѣръ ростовщической кабалы: „особенно тяжелый кредитъ достается бичевникамъ (плетущимъ веревки); людъ этотъ состоитъ изъ самыхъ бѣдныхъ и частью вдовъ при маленькихъ дѣтяхъ. Кулаки, давая въ кредитъ деньги, берутъ процента на 1 рубль въ одну недѣлю 5 коп., чтò составитъ за годъ процентовъ 2 руб. 60 коп., значитъ, за годъ его рубль заживаетъ 2 руб. 60 коп., и еще могорыча не одинъ разъ“.

Слѣдуетъ однако имѣть въ виду, что роль скупщика является зачастую необходимой. Немногіе кустари могутъ собрать достаточную партію издѣлій, чтобы стоило тратить время и деньги на разъѣзды по ярмаркамъ. Къ тому же не всегда можно встрѣтить и покупателя. Гончары говорятъ, что „якъ бы мы на базарі продавали, то досіи вже съ голоду поздыхали бы“. Можно считать, что двѣ трети ткачей-рядовинщиковъ, овчинниковъ, сапожниковъ и оконщиковъ своихъ издѣлій сами на базарахъ никогда не продаютъ, а сбываютъ скупщикамъ.

Отношенія скупщика къ кустарю обстоятельно обрисованы г. Лысенкомъ. „Большинство ткачей, говоритъ онъ, не въ состояніи обойтись безъ скупщиковъ, однако строгой „приписки“ тѣхъ или иныхъ ткачей къ одному опредѣленному скупщику не существуетъ. Прежде всего самому скупщику неудобно вступать въ какія-либо обязательныя отношенія съ ткачами, обязываться

принимать отъ нихъ все, что бы они ни сдѣлали. Въ ріоды, когда спросъ на рядовину уменьшается, тог, щики дѣлаютъ видъ, что принимаютъ отъ нихъ рядо въ видѣ любезности, „зъ-за-любки", причемъ и тру, вается такъ, что многіе предпочитаютъ временно бро вину и перейти къ чему-либо другому. Мелкій креди ваемый скупщикомъ въ видѣ задатка на покупку также не имѣетъ очень широкаго распространенія малой кредитоспособности ткачей. Поэтому можно с вообще скупщики по отношенію къ ткачамъ свободн кихъ обязательствъ; ткачи же, наоборотъ, принужден между все одними и тѣми же пятью-семью скупщика волѣ стараются прочно держаться одного хозяина, о терять его благорасположеніе". Эти отношенія выяс роду домашней формы кустарной промышленности. узнаемъ изъ изслѣдованія г. Лысенка, что черезъ ру скихъ скупщиковъ проходитъ почти $^2/_3$ всей изготов довины, оставляя въ ихъ рукахъ отъ 4500 до 600 рыша, и что ткачи всецѣло зависятъ отъ „лавочников не можемъ не признать, что кустари находятся всец кахъ торговаго капитала. Вмѣстѣ съ тѣмъ раскроют недостатки этой формы производства. Кустарь не и можности такъ легко перемѣнить работодателя, какъ рабочій, и потому находится всецѣло въ рукахъ ску мое дѣйствительное средство борьбы за заработную пл стовка немыслима при домашней формѣ производст стари изолированы и не соединены въ организован Между тѣмъ скупщики ничѣмъ не связаны. Его к всякій данный моментъ можетъ быть изъятъ и об другія предпріятія. Въ капиталистическомъ же произво шая часть состоянія фабриканта вложена въ машины такъ легко остановить производство. Даже при неу рабочихъ забастовкѣ она все же достигаетъ извѣстны татовъ—фабрикантъ, испробовавшій это средство бор стараться избѣжать столкновеній съ рабочими и охот на уступки.

Во всѣхъ изслѣдованіяхъ мы не нашли указані зародыши какихъ-либо союзовъ. При многочисленных и бесѣдахъ съ кустарями всегда приходилось натал полное непониманіе выгодъ и возможности иной труда.

Г. Василенко въ своемъ трудѣ „Кустарные промысл

сословій" пишетъ: „въ отношеніи обезпеченія сырьемъ господствуютъ единичныя предпріятія, коллективные же союзы или товарищества являются скорѣе исключеніемъ". Одна изъ причинъ такого отношенія усматривается въ томъ, что „кустари чрезвычайно различаются между собою по образу жизни, нравственнымъ правиламъ и по степени трудолюбія".

Г. Лысенко рѣшительно утверждаетъ, что никакихъ артелей между ткачами никто не помнитъ и не представляетъ себѣ. Общихъ операцій по закупкѣ сырья и т. п. почти не бываетъ, если не считать тѣ рѣдкіе случаи, когда ткачи-сосѣди или знакомые сговариваются ѣхать на ярмарку или базаръ для закупки вала и пополамъ оплачиваютъ стоимость подводы, или когда рядовинщики сообща закупаютъ у торговцевъ партію сырья, непосильную для одного покупателя. Никакихъ учрежденій взаимопомощи между ткачами не существуетъ. „Въ совмѣстныя операціи бондари не вѣрятъ", — читаемъ мы дальше. Общей работы не понимаютъ: „одинъ будетъ отлучаться, а другіе будутъ недовольны".

Артелей столяры не составляютъ и общихъ мастерскихъ не устраиваютъ. Если случается иногда, что два компаніона соединяются для выполненія большого или спѣшнаго заказа, также и тогда они часто „спорятся промежду собою".

Нѣкоторыя земства и частныя лица организовали производительныя артели, но всѣ онѣ въ большинствѣ случаевъ оканчивались неудачей. Дѣло въ томъ, что производительныя организаціи слишкомъ затрогиваютъ матеріальные интересы каждаго, нерѣдко связывая и волю. При невозможности уровнять и учесть трудъ каждаго участника, безпрерывные конфликты неизбѣжны. Образовать артель легко,— стоитъ пообѣщать кредитъ, въ которомъ повсемѣстно ощущается нужда. Одно время въ Опошнѣ образовался цѣлый рядъ производительныхъ товариществъ, которымъ государственный банкъ выдавалъ щедрыя ссуды. Товарищества эти оказались очень недолговѣчными. Въ Зеньковской управѣ имѣется длинный списокъ должниковъ, которымъ государственный банкъ проситъ не выдавать ссудъ изъ земства.

Общій взглядъ малоросса на артели выразился въ поговоркѣ: „гуртове—чертове".

Домашняя промышленность еще надолго будетъ преобладающей формой производства въ такой обширной, малонаселенной и темной странѣ, какой является Россія. Нельзя ожидать настолько быстраго развитія капиталистическаго производства, чтобы

оно дало средства къ существованію мало- или вовсе безземельнымъ крестьянамъ и вытѣснило кустарное производство. Такимъ образомъ, занятіе кустарными промыслами является источникомъ къ существованію многочисленныхъ группъ крестьянства, и потому необходимо принять какія-нибудь мѣры къ поднятію благосостоянія кустарей и испробовать всѣ средства къ тому, чтобъ поставить кустаря въ сносныя санитарныя условія существованія. Мы полагаемъ, что при правильномъ развитіи кустарной промышленности многія отрасли могли бы постепенно перейти въ мануфактуры, а затѣмъ и въ фабрики съ высоко развитыми и подготовленными рабочими; другія же отрасли (какъ, напримѣръ, ткачество) могли бы спеціализироваться и поставлять издѣлія, разсчитанныя на индивидуальный спросъ.

Дм. Ярошевичъ.

МОЙ РОМАНЪ

ЧАСТЬ ВТОРАЯ *).

Et in Arcadia ego!

13 сентября.

Не открывала я своего дневника со дня отъѣзда Юрія изъ Вѣны, да и сегодня я его открыла затѣмъ только, чтобы прочесть и бросить. Но мнѣ стало жаль его, какъ странички изъ жизни, странички любви, за которою можетъ послѣдовать другая страничка, а тамъ еще одна, и еще, и еще — и выйдетъ, пожалуй, цѣлый романъ: *мой романъ*.

Я собиралась и письма Юрія сжечь, изъ опасенія какъ бы, чего добраго, бабушка о нихъ не провѣдала, но мнѣ и ихъ стало жаль, отчего—сама не знаю. Матеріаломъ для моего романа они послужить не могутъ. Юрій, по его собственному признанію, своихъ чувствъ чернилами изливать не умѣетъ, и потому его письма весьма мало походятъ на тѣ, которыя писалъ бы, напримѣръ, Ромео къ Джульетѣ, еслибы они вступили въ переписку.

Въ первомъ своемъ письмѣ Юрій сообщаетъ мнѣ о грубой ошибкѣ доктора, принявшаго простой нарывъ въ горлѣ у Людмилы Васильевны за дифтеритъ, и изъявляетъ свои сожалѣнія по поводу того, что эта ошибка ускорила нашу разлуку; но тутъ же онъ утѣшаетъ себя тѣмъ, что эта разлука не стòила мнѣ ни единой слезинки. На это я отвѣтила Юрію, что не умѣю изливать своихъ чувствъ слезами.

Затѣмъ я получила еще два письма отъ него, коротенькихъ, каждое по нѣсколько строчекъ. Въ одномъ изъ нихъ онъ мнѣ

---

*) См. выше: іюнь, 604 стр.

пишетъ, что погода въ деревнѣ райская, и что онъ по два раза въ день купается въ прудѣ, а въ другомъ—что погода адская, и онъ схватилъ насморкъ.

На послѣднее письмо Юрія я не успѣла ему отвѣтить изъ Вѣны, по винѣ Егора Ильича, который, придя внезапно къ рѣшенію, что коли умирать, такъ ужъ лучше дома—заторопился въ обратный путь, точно на пожаръ...

Мы доѣхали всѣ вмѣстѣ до границы, откуда Охотины отправились съ однимъ поѣздомъ черезъ Кіевъ въ Малиновку, а я съ другимъ—прямо домой.

Мое возвращеніе, послѣ почти трехмѣсячной отлучки, подъ кровъ бабушки ознаменовалось дурнымъ знакомъ. Я не особенно суевѣрна, но почему Ириша вздумала чистить „голыхъ человѣчковъ“, какъ она называетъ купидоновъ на бронзовой рамѣ разбитаго ею зеркала, не вчера и не завтра, а именно сегодня! Досадно!.. Тѣмъ болѣе, что съ этимъ зеркаломъ связано одно изъ первыхъ моихъ воспоминаній въ этомъ домѣ.

Передъ нимъ дѣдушка меня засталъ въ маминой траурной шляпѣ на головѣ. Креповый вуаль волочился за мною длиннымъ шлейфомъ по полу, что̀ меня, должно быть, и занимало.

Шутя погрозивъ мнѣ пальцемъ, дѣдушка ласково сказалъ: „кокетка будешь большая!“—Въ этотъ же день, за обѣдомъ, я съ дѣтскою важностью громогласно объявила, что когда я буду большая, я буду „кокетка“.

Этотъ глупенькій случай остался у меня въ памяти потому, вѣроятно, что я изъ-за него осталась безъ пирожнаго. Наказывать ребенка въ сущности за то только, что онъ ребенокъ—какъ это похоже на бабушку!

Добрый дѣдушка не посмѣлъ отмѣнить наказанія, но постарался исправить его несправедливость: послѣ обѣда онъ взялъ меня съ собою погулять и завелъ въ кондитерскую. Передъ тѣмъ какъ угостить меня моимъ любимымъ въ то время пирожкомъ съ желтымъ кремомъ, онъ взялъ съ меня обѣщаніе никому не говорить дома, куда я съ нимъ ходила. Обѣщаніе я исполнила по-своему, и на вопросъ бабушки, гдѣ я была съ дѣдушкой, я рѣшительно отвѣтила: „нельзя сказать—пирожокъ съѣла“...

Меня все-таки удивляетъ, что я могу такъ ясно помнить такія мелочи. Я была тогда вѣдь еще маленькая. Интересно, сколько мнѣ могло быть лѣтъ?.. Мама носила въ то время трауръ по папѣ, который умеръ лѣтъ за шесть до ея смерти, а она умерла десять лѣтъ тому назадъ. Теперь мнѣ одного только года недостаетъ до цѣлой четверти вѣка. Вотъ вамъ и ариѳметиче-

ская задача, Марья Сергѣевна: надо прибавить шесть къ десяти и вычесть изъ двадцати-четырехъ—сколько останется?

15 сентября.

Послѣ оживленной Вѣны и шумнаго отеля, въ которомъ мы тамъ жили, нашъ уѣздный городъ мнѣ кажется кладбищемъ, а нашъ домъ—склепомъ. Такъ бы вотъ своими собственными руками перевернула всю квартиру вверхъ дномъ; но бабушка ни одного изъ стульевъ въ своихъ неуютныхъ комнатахъ, ни одной бездѣлушки на своихъ безчисленныхъ этажеркахъ не позволяетъ переставить съ того мѣста, на которое она ихъ поставила еще до моего рожденія. Если бабушка будетъ жить до ста лѣтъ, какъ она надѣется, то она еще четверть вѣка будетъ сидѣть на своей неудобной жесткой старинной мебели, чинно разставленной въ неизмѣнномъ порядкѣ по стѣнамъ, оклеенныхъ запыленными старомодными обоями...

Мой первый визитъ былъ къ Варенькѣ Приклонцевой. Она окончательно разсталась съ своею самодуркой-теткой и перешла изъ ея роскошнаго дома въ меблированныя комнаты къ какой-то вдовѣ-попадьѣ.

Бабушка говоритъ, что Варенька юродивая. Это неправда, она—героиня. Кто бы изъ насъ рѣшился добровольно промѣнять хоть и клѣтку, да золотую, на какую-то скворешницу! Ужъ не бабушка... да и не я, признаться. Правда, что у меня нѣтъ никакого таланта, а у Вареньки есть голосъ, и большой. Она даетъ уроки пѣнія, чтобы собрать извѣстную сумму на поѣздку въ Италію, гдѣ она хочетъ подготовиться къ сценѣ. Ея мечта выступить въ „Евгеніѣ Онѣгинѣ". Она уже и теперь начала разучивать роль Татьяны, которая очень подходитъ къ типу ея красоты—скромной красоты полевого цвѣтка...

Поднимаясь по чердачной лѣстницѣ въ сопровожденіи хозяйки-попадьи, я услыхала громкій голосъ Вареньки.

— „Кто ты: мой ангелъ ли хранитель"...—пропѣла она съ жаромъ и чувствомъ.

„Я вашъ, сударыня, сосѣдъ",—прокричалъ ей кто-то визгливо въ отвѣтъ.

— „Или коварный искуситель"...—продолжала Варенька.

„Васъ искушать охоты нѣтъ".

— Что это, дуэтъ?—съ удивленіемъ спросила я свою спутницу.

— Это мой сынокъ-семинаристъ балуется,—объяснила она мнѣ и прибавила съ сердцемъ: — И наградилъ же меня Богъ такимъ убоищемъ!.. И за какіе грѣхи!.. Ужъ я ли его не учу,

себя не жалѣючи: и за уши, и за вихры, и по чемъ ни попало, и чѣмъ ни попало!.. Но и материнская наука этому выродку не впрокъ!.. Пропоетъ онъ сейчасъ дуэтъ со мною, настоящій!— съ этими словами, указавъ мнѣ на одну изъ дверей, выходящихъ на полу-темную площадку лѣстницы, вдова-попадья скрылась за другой.

Я застала Вареньку передъ зеркальнымъ шкафомъ, который служитъ ей и перегородкой, раздѣляя ея крошечную конурку на спальню и пріемную. Варенька стояла съ распущенными волосами, покрывавшими точно черной мантіей ея незатѣйливый костюмъ, состоявшій изъ нижней юбки, надѣтой прямо на рубашку. Она до того увлеклась своимъ пѣніемъ, что долго не обращала вниманія ни на мое присутствіе въ комнатѣ, ни на крикливые визги и брань за стѣной, гдѣ начался обѣщанный дуэтъ вдовы-попадьи съ ея сыномъ-семинаристомъ.

24 сентября.

Сегодня, по случаю пятницы, бабушка въ своемъ постномъ настроеніи: сердится безъ повода и причины на всѣхъ и ни за что, ни про чтò. Эхъ, бѣда, подумаешь, великая, что Домна Семеновна коржи съ макомъ немного пересолила, а сколько разъ ей пришлось выслушать изъ-за нихъ отъ бабушки поговорку о недосолѣ на столѣ и пересолѣ на спинѣ. Впрочемъ, если бабушкѣ вздумается когда-нибудь примѣнить свою крѣпостническую поговорку на дѣлѣ, то и тогда Домна Семеновна, по своей рабской привычкѣ, будетъ только плакаться: „прости моя мила, что ты меня била“. Я считаю Домну Семеновну добровольною жертвой бабушкина благодѣянія, которое состоитъ единственно въ томъ, что она ей простила лѣтъ сорокъ слишкомъ тому назадъ ея некорректное и неделикатное появленіе на свѣтъ въ своемъ домѣ. Простила!— какъ будто Домна Семеновна виновата, что ея мать, служившая бонной при моей матери, обманула если не довѣріе, то подозрительность бабушки, объяснивъ ей частыя посѣщенія дѣдушки дѣтской его нѣжными чувствами заботливаго отца къ единственному своему ребенку.

27 сентября.

Совѣтовать легко: „займитесь чѣмъ-нибудь“—написала я на это Юрію; пріятныхъ занятій не нахожу, а полезныхъ не ищу. И это правда. Я не муравей безъ дѣла, я—стрекоза безъ пѣсенъ...

Егоръ Ильичъ смертельно надоѣлъ сестрѣ Катѣ своими „тысяча и одной“ болѣзнями. И сахаръ, и песокъ, и камни—какое богатство въ собственномъ тѣлѣ!

„Хоть бы ужъ одинъ конецъ скорѣй,—пишетъ мнѣ Катя,— или сюда, или туда"!—А Егоръ Ильичъ, кажется, раздумалъ умирать. Онъ выписалъ себѣ отвуда-то, по чьей-то рекомендаціи, какого-то докторишку, который обѣщаетъ его вылечить какимъ-то однимъ новымъ средствомъ отъ всѣхъ старыхъ недуговъ. Шарлатанъ!..

Варенька Приклонцева заходила отдать мнѣ визитъ, и жаловалась на Машеньку Зернову, что та ей визита не отдала, а прислала только свою карточку съ лакеемъ, которому поручила сказать, что не можетъ рѣшиться подняться къ ней по темной чердачной лѣстницѣ.

Небось, ко мнѣ Машенька навѣрное первая прилетитъ, въ надеждѣ что-нибудь узнать о Чебаревѣ. Интересно будетъ посмотрѣть, какой у нея новый костюмъ...

Бабушка сказала сегодня, что когда она смотритъ на меня, ей кажется, что она видитъ себя молодой. Пріятный комплиментъ! какъ вы это находите, Марья Сергѣевна?.. Желаете ли вы походить, хотя бы и въ старости, на сѣдую сову въ чепцѣ и въ очкахъ?..

Положимъ, что въ этомъ случаѣ Юрій судитъ правильно: Егоръ Ильичъ не виноватъ ни въ одной изъ своихъ болѣзней. Но вѣдь и жена его въ нихъ не виновата!..

Поневолѣ пожелаешь смерти мужу, если его жизнью заживается собственная жизнь!

„Зачѣмъ ваша сестра за своего мужа замужъ выходила?"— спрашиваетъ меня Юрій въ своемъ послѣднемъ письмѣ. На этотъ вопросъ не только я ему, но и Катя самой себѣ врядъ ли съумѣетъ отвѣтить. Молода была—глупа была, а тутъ бабушка принялась совѣтовать: „женихъ состоятельный, солидный, другого такого и днемъ съ огнемъ искать—не найти...

Пусть Юрій лучше спроситъ у Егора Ильича зачѣмъ онъ женился на дѣвушкѣ болѣе чѣмъ вдвое моложе себя, не посовѣтовавшись, ну, хотя бы съ своею собственною лысиной, въ которой, какъ въ зеркалѣ, могъ бы отразиться вѣнецъ Гименея съ обратной своей стороны—тамъ, гдѣ ягодки вмѣсто цвѣточковъ...

Какое, однако, у Юрія можетъ быть важное дѣло въ Кіевѣ?!.. Я не хочу, чтобы онъ туда ѣхалъ—тамъ его жена.

Я ему телеграфировала: „Если меня любите—не поѣдете". Жду отвѣта.

„Люблю—и потому ѣду" — отвѣтилъ мнѣ Юрій. Онъ, кажется, понялъ изъ моей телеграммы, что я боюсь его встрѣчи съ женой, и хочетъ, чтобы я что-то поняла изъ его телеграммы. Но я ничего не понимаю и всего боюсь.

13 октября.

L'inquietude est le pire des maux, car elle se les invente tous"—истину этой поговорки я испытываю теперь на себѣ.

Безпокойство все допускаетъ, все!.. Не даромъ же создалась и другая поговорка: „On revient toujours à ses premières amours".

Юрій ѣздилъ въ Кіевъ, чтобы начать дѣло о разводѣ. Начало неудачное. Онъ отказался отъ свиданія съ женой, а она отказалась вести съ мужемъ переговоры черезъ посредника.

Но отчего Юрій отказался отъ этого свиданія—вотъ вопросъ, который меня теперь мучаетъ. Неужели и его испугала та же мысль, чтò и меня!..—значитъ, онъ не увѣренъ въ себѣ...

И къ чему Юрію заѣзжать въ Малиновку!.. Какое у него можетъ быть дѣло съ Егоромъ Ильичемъ?!..

Юрій уже черезчуръ подозрителенъ. Въ сущности, чтò онъ замѣтилъ въ Катѣ? Она перемѣнила прическу: это не спроста, она, значитъ, хочетъ кому-нибудь нравиться, а такъ какъ въ деревнѣ ей некому нравиться, кромѣ доктора, то... и т. д....

Во всякомъ случаѣ я напишу Катѣ, что Юрій сравниваетъ этого доктора съ ревеннымъ леденцомъ, приторнымъ до тошноты, но не безъ горечи. Если она за это на него разсердится, то, значитъ, онъ правъ въ другомъ.

20 октября.

Вчера, по случаю пятницы, бабушка спасала свою грѣшную душу постнымъ масломъ, а сегодня ея грѣшное тѣло пришлось касторовымъ масломъ спасать. Почувствовавъ себя нехорошо, она, по обыкновенію, собралась умирать, и среди ночи хотѣла посылать за священникомъ, но перемѣнила намѣреніе и послала за докторомъ, за ближайшимъ, который у насъ во флигелѣ недавно поселился.

Ну, этотъ молодой докторъ себѣ карьеры не сдѣлаетъ. Во-первыхъ, онъ застѣнчивъ какъ красная дѣвица, несмотря на свою мужественную наружность Геркулеса, а во-вторыхъ, онъ себя слишкомъ дешево цѣнитъ: онъ отказался отъ десяти рублей за свой ночной визитъ, а взялъ всего три, отославъ семь рублей обратно. Чудакъ!.. Его зовутъ Петромъ Ивановичемъ Пасхалиннымъ.

Катя крѣпко злится на Юрія. Неужели онъ правъ насчетъ ея доктора?!. Удивительно, какъ Егоръ Ильичъ ничего не замѣчаетъ, или онъ уже дѣйствительно такъ плохъ, какъ говоритъ этотъ докторъ!..

Юрій ѣздилъ въ Малиновку, по настоятельной просьбѣ Егора Ильича, чтобы подписаться подъ его завѣщаніемъ.

Очень вѣроятно, что скоро Катя останется вдовой, и богатой..

У Домны Семеновны „рожа на рожѣ“, какъ выражается бабушка, которой мнѣ приходится теперь читать вслухъ газеты. Она выписываетъ ихъ единственно ради помѣщаемыхъ тамъ объявленій о покойникахъ, между которыми она надѣется найти кого-нибудь изъ своихъ прежнихъ старыхъ добрыхъ знакомыхъ. Къ моему счастью, эти дни ея надежды не оправдались, иначе мнѣ пришлось бы выслушивать ея пріятныя воспоминанія изъ временъ царя Гороха, когда она, бабушка, была бѣла, какъ лилія, и свѣжа, какъ роза...

Юрій ѣдетъ въ Парижъ, надолго, до лѣта. Меня это извѣстіе крѣпко огорчило. Я надѣялась, что онъ пріѣдетъ на праздники въ Малиновку, куда и я собиралась поѣхать, но теперь не поѣду.

Богъ знаетъ, когда мы теперь съ нимъ увидимся!

11 ноября.

Когтева возвратилась изъ Петербурга, гдѣ ей было „такъ весело, ахъ, какъ весело!“ Тамъ или она была въ гостяхъ, или у нея гости. И здѣсь она собирается веселиться. Она уже назначила у себя „журъ-фиксы“ съ „фоль-журнé“, и уговариваетъ всѣхъ своихъ знакомыхъ послѣдовать ея примѣру, чтобы всѣ дни недѣли были заняты. „Ахъ, какъ это будетъ весело!“

Слѣдуя пословицѣ: лучше поздно, чѣмъ никогда—Когтева торопится наверстать потерянные годы, долгіе годы, проведенные ею съ старикомъ мужемъ, разбитымъ параличомъ, который продержалъ до самой своей смерти жену сидѣлкою подлѣ себя.

Прежде она была несчастная, а теперь она жалкая. Но никто ее не жалѣетъ и всѣ смѣются надъ нею...

Докторъ Пасхалинъ больше, чѣмъ чудакъ, онъ, скорѣе, психопатъ, право. Съ какимъ откровеннымъ презрѣніемъ онъ отшвырнулъ кружевную оборку на моей ночной кофточкѣ и какъ брезгливо морщился отъ моихъ тончайшихъ духовъ!..

Выслушавъ меня, онъ объявилъ:

— Ваша болѣзнь—ваше здоровье.

— Какъ это такъ?

— А такъ, очень просто. Избытку вашихъ силъ некуда дѣваться, вотъ онъ и брыжжетъ у васъ изъ глазъ слезами.

— Но что же мнѣ дѣлать, когда мнѣ все плакать хочется?

— Ну, и плачьте на здоровье, если вамъ больше дѣлать нечего.

— Спасибо за совѣтъ.

— Не за что. Впрочемъ, я могу вамъ еще одинъ совѣтъ дать: дѣлайте побольше моціона.

— Я гуляю...

— Этого недостаточно.

— Что же мнѣ, на велосипедѣ ѣздить?

— Женщина на велосипедѣ, пожалуй, еще противнѣе мужчины за пяльцами. Мой совѣтъ вамъ: мойте полы, стирайте бѣлье...

Мнѣ перестало хотѣться плакать—я расхохоталась. Пасхалинъ меня разомъ вылечилъ отъ нервнаго разстройства, длившагося нѣсколько дней...

Чебаревъ очутился въ Парижѣ, гдѣ опустошаетъ магазины, накупая цѣнные подарки для своей будущей, еще ему неизвѣстной „молодой хозяюшки". Это мнѣ сообщаетъ Юрій въ шутливомъ, но поддразнивающемъ тонѣ: каковъ, дескать, женишокъ!..

26 ноября.

Катя проситъ меня выслать ей серебряную папиросницу, которую она хочетъ поднести своему доктору въ знакъ признательности за его трогательное вниманіе къ ея больному мужу.

Какая нѣжная супруга, подумаешь!..

У Егора Ильича былъ легкій ударъ. Это первый звонокъ къ скорому отходу поѣзда на тотъ свѣтъ...

Что-жъ тутъ такого, что я написала Юрію: „Счастливый Чебаревъ—богатый, свободный!"—ничего, кажется! За что же онъ мнѣ мститъ совѣтомъ выйти за Чебарева замужъ, не дожидаясь, пока онъ, Юрій, будетъ хоть на половину такъ счастливъ какъ его соперникъ, то-есть—свободенъ? Глупо!

25 декабря.

Егоръ Ильичъ приказалъ долго жить... Бабушка получила письмо отъ Кати, въ которомъ она ей описываетъ смерть своего мужа. Въ сочельникъ, наканунѣ Рождества, онъ почувствовалъ себя настолько лучше, что подъ вечеръ потребовалъ, чтобы его вынесли изъ спальни на креслѣ въ гостиную, гдѣ Катя устраивала маленькую елку для Бобки. Увидавъ дерево, онъ вдругъ спросилъ: „зачѣмъ такъ рано восковыя свѣчи зажгли?"—Его вопросъ ужасно удивилъ Катю, потому что свѣчи на елкѣ еще не горѣли. „Потушите... потушите"... — пробормоталъ Егоръ Ильичъ, какъ-то странно не то прищуривъ, не то скосивъ глаза, а черезъ нѣсколько минутъ онъ закрылъ ихъ навсегда.

Бобка, когда умеръ его отецъ, сидѣлъ одинъ въ своей дѣтской, въ ожиданіи колокольчика, который долженъ былъ зазвонить

въ гостиной, когда елка будетъ зажжена. Бѣдный мальчикъ ждалъ, ждалъ, но напрасно. Не дождавшись призывного звонка, Бобка, всѣми забытый въ переполохѣ и какъ-то никѣмъ не замѣченный, проскользнулъ въ гостиную. Увидѣвъ, вмѣсто обѣщаннаго дерева, своего отца лежащимъ на столѣ, окруженномъ горящими свѣчами, онъ принялся неистово ревѣть: „Не хочу такой елки!.. папа, встань!.. не хочу такой елки!..“

4 января.

„Теперь Андрей Ильичъ свободенъ!“ —такъ начинается письмо Юрія. Эта мысль его сильно тревожитъ, и меня она немного безпокоитъ. Юрій тревожится, потому что не увѣренъ во мнѣ, а я въ самой себѣ совершенно увѣрена, но меня безпокоитъ Андрюша—я не знаю, какъ мнѣ теперь съ нимъ быть.

Написать Андрею... Но я вѣдь поклялась бабушкѣ не писать ему, пока онъ не вернется изъ своей ссылки...

Со смертью Егора Ильича ссылка Андрюши прекращается раньше положеннаго срока. Онъ вернется, и скоро навѣрно... Въ концѣ концовъ, какъ ни вертись, мнѣ придется съ нимъ объясниться, сказать ему, что я уже теперь не свободна... Какъ это будетъ?.. когда?.. Впрочемъ, пока я увижусь съ Андрюшей, мало ли что̀ еще можетъ быть!.. Лучше не думать пока о томъ, что̀ будетъ, довольно и того, что̀ уже было! Развѣ я мало слезъ пролила тогда черезъ него!..

Не съ радости же я сама вынудила Андрюшу согласиться на двухлѣтнюю разлуку со мною,—разлуку, которую, сговорившись между собою, требовали отъ насъ бабушка и Егоръ Ильичъ. Она—отъ меня, а онъ—отъ брата.

Только я своими слезами могла заставить Андрюшу промѣнять пріятную должность уѣзднаго предводителя дворянства въ уѣздѣ, гдѣ находится его имѣніе, на антипатичную для него службу какого-то чиновника, для какихъ-то особыхъ порученій, при какомъ-то губернаторѣ. И гдѣ же!—на Кавказѣ.

Это Егоръ Ильичъ ужъ такъ постарался для младшаго братца, которому, по его же словамъ, онъ замѣнялъ отца, и на котораго смотрѣлъ какъ на своего старшаго взрослаго сына.

Прощаясь со мною, Андрюша плакалъ, какъ малое дитя.

Онъ искренно меня любилъ, честно...

И я плакала. Андрюша меня утѣшалъ тѣмъ, что напрасно моя бабушка и его братъ такъ увѣрены, что въ любви „разлука—та же наука“, что его любви ко мнѣ на цѣлую долгую жизнь хватитъ, не только на какихъ-нибудь два года, по истеченіи которыхъ я ему обѣщала—если не разлюблю его до тѣхъ

поръ и не полюблю другого—обвѣнчаться съ нимъ тайкомъ, несмотря на запугиванія Егора Ильича и бабушки, перваго: доносомъ, расторженіемъ брака и признаніемъ дѣтей незаконными, а второй: грѣхомъ кровосмѣшенія, церковнымъ покаяніемъ, монастыремъ, страшнымъ судомъ и геенной вѣчной.

„Свиданіе вознаградить насъ за разлуку“ — утѣшала и я Андрюшу. Бѣдный Андрюша!..

Вотъ такъ пассажъ!.. Егоръ Ильичъ оставилъ все свое состояніе Бобкѣ, съ тѣмъ, что въ случаѣ его смерти до совершеннолѣтія все переходитъ къ Андрюшѣ. О Катѣ же въ завѣщаніи даже и не упомянуто, такъ что она по закону получитъ только вдовью часть, то-есть обратно свое же приданое!..

Катя зоветъ меня къ себѣ въ Малиновку. Она хочетъ посовѣтоваться со мною насчетъ своего траура и еще кое о чемъ. Я поѣду.

Малиновка, 19 января.

Адамъ Адамовичъ Пшикосковскій—такъ зовутъ Катина доктора. Охъ, какъ онъ мнѣ не нравится, несмотря на свои глазки незабудочками и ротикъ сердечкомъ. Это паукъ, и преядовитый, въ образѣ невинной божьей коровки. Очень боюсь, что Катя уже запуталась въ его паутинкѣ, сотканной изъ приторно сладкихъ рѣчей, отъ которыхъ у него долженъ оставаться горькій вкусъ во рту, какъ отъ аптечнаго леденца.

Надо спасать сестру!

Но не поздно ли?!. Ужъ если Катя, которая такъ любитъ хорошо поспать и хорошо поѣсть, встаетъ до зари и моритъ себя голодомъ, чтобы похудѣть, потому что monsieur Пшиксковскій не любитъ слишкомъ полныхъ дамъ, то дѣло уже плохо.

И чего этотъ докторъ здѣсь торчитъ! Пока былъ живъ Егоръ Ильичъ, постоянное присутствіе доктора въ домѣ, пожалуй, было необходимо, ну, а теперь, когда онъ умеръ?..

Вѣдь Бобка только предлогъ, и какой скверный предлогъ! Мать, прикрывающая свои грѣшки сыномъ—хуже выдумать нельзя! Чѣмъ Бобка, спрашивается, боленъ? Тѣмъ, что онъ постоянно реветъ?—но онъ и прежде вѣчно ревѣлъ и часто безо всякой причины, а сегодня онъ дѣйствительно могъ заболѣть съ перепугу, когда на него набросился „Тигръ“.

Прежде Катя никогда не держала въ своемъ домѣ собакъ изъ-за Бобки, ну, а теперь, еслибы Адамъ Адамовичъ вмѣсто дога настоящаго тигра завелъ въ ея домѣ, то и тогда она не посмѣла бы ничего сказать.

22 января.

Я уѣхала; послѣ того какъ Катя приревновала ко мнѣ Пшиксовскаго, я не могла тамъ больше оставаться. Мнѣ стыдно за сестру и жаль ее...

Такъ мнѣ и не удалось побывать на могилѣ Егора Ильича. Погода была все время до того скверная, что я и въ садъ ни разу не вышла, а церковь, въ оградѣ которой Егоръ Ильичъ похороненъ, довольно далеко отъ усадьбы, за деревней...

Дома меня ожидало письмо отъ Юрія. Письмо нѣжное, ласковое, но очень грустное. Что съ нимъ?.. Онъ не высказывается, но мнѣ кажется, что онъ боится, что я... что Андрюша... Нѣтъ, я не знаю чего онъ боится, но знаю, что я ничего не боюсь. Андрюша пойметъ все и все проститъ—онъ любитъ меня. А я Юрія люблю такъ, какъ никогда не любила Андрюшу...

Вчера заходила ко мнѣ Варенька Приклонцева и познакомилась у насъ съ Пасхалинымъ, за которымъ посылала бабушка, вслѣдствіе недоразумѣнія съ своимъ желудкомъ, по поводу похлебки съ грибами и постной селянки съ кислой капустой, огурцами и осетриной.

Варенька и Пасхалинъ понравились другъ другу, несмотря на возникшій между ними споръ на счетъ того, кто виноватъ въ томъ, что счастливые браки такъ рѣдки. Сперва онъ нападалъ на женщинъ, а она нападала на мужчинъ, а потомъ они сообща напали на бракъ вообще.

— Я никогда замужъ не выйду,—объявила Варенька.

— И отлично сдѣлаете,—одобрилъ ее Пасхалинъ,—однимъ несчастнымъ мужемъ на свѣтѣ меньше будетъ.—И я никогда не женюсь,—прибавилъ онъ, какъ будто ей въ утѣшеніе, на что она ему отвѣтила его же почти словами:

— И вы отлично сдѣлаете—одной несчастной женой на свѣтѣ меньше будетъ.

Когда Варенька вышла за чѣмъ-то изъ комнаты, Пасхалинъ мнѣ сказалъ:

— Она мнѣ нравится.

— Чѣмъ?—полюбопытствовала я.

— А хотя бы и тѣмъ, что корсетомъ своего тѣла не калѣчитъ и дурацкаго чуба на головѣ не носитъ.—При этомъ онъ очень не любезно поднялъ глаза сперва на мою прическу, а потомъ спустилъ ихъ на мой кожаный поясъ.

— Что бы вы сказали, если бы вы увидѣли мою другую подругу, Машеньку Зернову,—засмѣялась я,—у которой чубъ вдвое больше моего, а талья вдвое тоньше?

— Я бы на такого урода и смотрѣть бы не сталъ,—получила я въ отвѣтъ.

Когда Пасхалинъ отъ насъ ушелъ, Варенька мнѣ сказала:

— Онъ мнѣ нравится.

— Чѣмъ?—удивилась я.

— Да ужъ тѣмъ, что онъ такой кудластый. Значитъ, онъ человѣкъ серьезный, добросовѣстно занятый своимъ дѣломъ, если ему даже и причесаться некогда.

3 февраля.

Чебаревъ явился сюда прямо изъ Парижа. Я встрѣтила его сегодня на улицѣ и спрашиваю: „Когда вы пріѣхали?“— „Рано утромъ, вечеркомъ, поздно, на разсвѣтѣ“,—отвѣчалъ онъ мнѣ. Я бы подумала, что онъ рехнулся, еслибъ онъ мнѣ тутъ же самъ не объявилъ съ хвастливымъ видомъ, что онъ изъ спортсмэновъ обратился въ декадента. Бѣдная Машенька Зернова—прощай, велосипедъ! Теперь ей придется гоняться за намѣченнымъ ею женихомъ „верхомъ, въ откидной каретѣ“.

Уморительная эта Когтева!

„Ахъ, какъ весело!.. но какъ холодно!.. ахъ, какъ холодно!.. но какъ весело!..“—Съ этими восклицаніями она ворвалась въ мой маленькій будуаръ, и для того ли, чтобы согрѣться, или потому, что ей было еще весело—принялась прыгать по комнатѣ и хлопать въ ладоши.

Она была ужасно смѣшная въ своей розовой плюшевой „бебешкѣ“, какъ она называетъ свою шляпу въ формѣ дѣтскаго капора, которая не только не молодитъ ее, какъ она это напрасно воображаетъ, а наоборотъ, сильно старитъ. Когтева когда-то, говорятъ, была похожа на хорошенькую фарфоровую фигурку, а теперь она болѣе напоминаетъ восковую куклу, выкупанную въ кипяткѣ.

— Я къ вамъ прямо съ тройки,—сообщила она мнѣ, граціозно присѣвъ на ручку кресла.

— Вамъ такъ неудобно,—замѣтила я.

— Нѣтъ, нѣтъ, я такъ люблю... я какъ птичка—впорхнула въ клѣточку, покружилась, опустилась на жердочку и—фрръ!.. снова улетѣла...

Когтева вскочила съ ручки кресла и намѣревалась уже куда-то бѣжать, но я удержала ее за рукавъ ея свѣтло-голубой рубашечки.

— Ахъ, не удерживайте меня!.. Еслибы вы знали, сколько у меня еще дѣла!.. Я должна сдѣлать еще одинъ визитъ, примѣрить два платья у портного, причесаться у парикмахера и поспѣть домой на урокъ танцевъ. А передъ тѣмъ мнѣ надо успѣть

забѣжать въ кондитерскую, чтобы заморить червячка чашечкой шоколада съ бисквитикомъ. Вѣдь у меня съ утра еще росинки во рту не было!.. Я натощакъ отправилась въ театръ, чтобы захватить въ кассѣ ложу на сегодняшній вечеръ. Иду обратно—Чебаревъ ѣдетъ одинъ на тройкѣ. „Постойте!.. постойте!..“—кричу я. Онъ остановился. „Куда это вы?“ — спрашиваю.—„Отсюда не видно“,—отвѣчаетъ онъ мнѣ. Но я догадалась, что онъ собрался на свою дачу и впрыгнула въ его сани. Ѣдемъ мы вдвоемъ на тройкѣ—встрѣчаемъ Машеньку Зернову. Я ее сейчасъ же съ собою забрала. Дальше, по дорогѣ, я еще прихватила одного знакомаго мальчуганчика-гимназистика. Вотъ и устроился экспромптомъ пикничокъ en partie carrée: двѣ дамы и два кавалера. На дачѣ было превесело!.. Я играла въ саду въ снѣжки съ своимъ кавалеромъ-гимназистикомъ, а Машенька отправилась съ Чебаревымъ осматривать хозяйскимъ глазкомъ свои будущіе „домэны“ съ депандансами“. Скажу вамъ по секрету, что она въ него влюблена, но онъ какой-то безчувственный... Она ему сегодня на обратномъ пути въ саняхъ запѣла, видно ужъ съ горя, этотъ романсъ, знаете: „Я съ сердцемъ разбитымъ живу да живу“—а онъ ее утѣшилъ:—Не бѣда, битая посуда два вѣка живетъ.

10 февраля.

Катя свалилась къ намъ, какъ снѣгъ на голову. Этотъ неожиданный пріѣздъ не къ добру. Она что-то затѣваетъ. Не даромъ она сняла уже свой вдовій вуаль, проносивъ его вмѣсто положенныхъ шести мѣсяцевъ, всего шесть недѣль послѣ смерти мужа.

Ну, такъ и есть!.. Катя собирается выходить замужъ. Madame Pchikskowska!—одно это чего стоитъ!

Я въ отчаяніи!.. я въ ужасномъ отчаяніи!..

У меня было много сценъ съ бабушкой изъ-за Андрюши, но всѣ онѣ вмѣстѣ ничто въ сравненіи съ той одной сценой, которая была сегодня у Кати съ бабушкой изъ-за Пшиксковскаго.

Чего только онѣ другъ другу ни наговорили!

— Чтобы я дала свое благословеніе на бракъ съ полякомъ, католикомъ, моей внучкѣ, дочери моей дочери—да пусть скорѣе у меня рука отсохнетъ, вотъ правая рука, которою я тебя у купели православнымъ крестомъ перекрестила,—кричала бабушка, задыхаясь.

— Вы—ханжа! — запальчиво отвѣчала ей Катя: — старая, черствая ханжа!

— И это ты смѣешь мнѣ говорить!?.. ты!?. измѣнница!..

отступница!.. О, Господи!.. Во истину: „блаженны утробы не носившія, и сосцы не питавшіе!“

— Вы—фарисейка, лицемѣрка, іезуитка!..

Кончилось тѣмъ, что у бабушки сдѣлался обморокъ, а у Кати сдѣлалась истерика. Катя уѣхала ни съ кѣмъ не простившись.

17 февраля.

Три дня всѣ ходили на цыпочкахъ и говорили шопотомъ, точно въ домѣ былъ покойникъ. Три дня бабушка просидѣла безвыходно въ своей спальнѣ, не допуская къ себѣ никого, кромѣ Домны Семеновны, которая ходила съ краснымъ и опухшимъ отъ слезъ точно отъ новой рожи лицомъ.

Я еще лежала въ постели, когда ко мнѣ вошла бабушка съ серьезнымъ и торжественнымъ лицомъ и проговорила сурово:

— У меня теперь только одна внучка и наслѣдница—ты. Сестра твоя умерла для меня и вычеркнута изъ моего завѣщанія. Слышишь?

Я ей ничего не отвѣтила.

23 февраля.

И къ чему Юрій мнѣ все это пишетъ!.. У меня и безъ того адъ на душѣ, а онъ еще масла въ огонь подливаетъ.

Ни я и никто не можетъ Катѣ помѣшать сдѣлать колоссальную глупость. Она влюблена въ Пшибсковскаго какъ сорокъ тысячъ кошекъ и выйдетъ за него замужъ, не задавая себѣ вопроса, зачѣмъ онъ на ней женится.

Я и сама совершенно увѣрена, что онъ хочетъ пристроиться бракомъ съ мамашей къ опекѣ надъ ея сыночкомъ, но пусть Юрій самъ попробуетъ въ этомъ Катю увѣрить...

— Неужели это правда! — спросилъ меня на дняхъ Чебаревъ такимъ гробовымъ тономъ, точно дѣло шло не о помолвкѣ, а о похоронахъ моей сестры.

Услыхавъ мой утвердительный отвѣтъ, онъ шутовски завопилъ:

— „И башмаковъ еще не износила“...

— Не ваше это дѣло!—оборвала я его съ раздраженіемъ.

— Не мое-съ, parole d'honneur!.. но вообще это дѣло того, знаете, какъ это гдѣ-то поется: „cette affai-rrre, n'est pas clai-rrre“...

— Ничего въ этомъ дѣлѣ темнаго нѣтъ. Сестра полюбила...

— „Всѣ мы жаждемъ любви...“—неожиданно пропѣлъ мнѣ въ отвѣтъ Чебаревъ и еще неожиданнѣе спросилъ:

— А какъ зовутъ вашего будущаго beau-frère'а, не Альфонсомъ?

— Нѣтъ, его зовутъ Адамомъ,—простодушно отвѣтила я, не понявъ сразу его намека.

— Адамъ?!. ха, ха, ха!..—закатился ни съ того, ни съ сего Чебаревъ.—Адамъ, Адамъ—гдэ вамъ?.. ха, ха, ха ха!..

— Что это значитъ? — изумленно вытаращила я на него глаза.

— Это... ха, ха, ха!.. Это одинъ учитель, нѣмецъ, разсказывалъ своимъ ученикамъ по-русски, какъ „господинъ" Богъ звалъ провинившагося Адама въ раю: „Адамъ, Адамъ — гдэ вамъ?.." ха, ха, ха, ха!..

Чебаревъ такъ неудержимо, такъ весело и искренно хохоталъ надъ своею собственною глупостью, что мнѣ оставалось только послѣдовать его заразительному примѣру.

1 марта.

Правда ли, что ваша сестра замужъ выходитъ?—этимъ вопросомъ встрѣтила меня Когтева, пригласивъ меня къ себѣ запиской по „важному дѣлу".

— Да, правда,—принуждена я была сознаться.

— Но зачѣмъ она замужъ выходитъ?!. къ чему?!. Быть вдовой такъ весело, ахъ, какъ весело!..

Раздался звонокъ въ передней.

— Правда ли...—начала-было Машенька Зернова, едва переступивъ порогъ гостиной.

— Да, да, правда,—поспѣшила я сказать.

— Счастливица!—воскликнула она съ завистью,—во второй уже разъ замужъ выходитъ!..

Вернувшись отъ Когтевой, я застала у себя Вареньку Приклонцеву.

— Скажите мнѣ скорѣй, что это неправда, будто ваша сестра вторично замужъ выходитъ,—съ мольбою въ голосѣ обратилась она ко мнѣ.

— Къ несчастью, правда,—отвѣтила я ей.

— Извините меня, — произнесла она возмущенно,—но это нравственное паденіе! Я никогда не уважала вашу сестру, какъ „человѣка", а теперь я ее презираю, какъ женщину!

11 апрѣля.

Катя вчера пріѣхала. Бобка у нея очень опасно боленъ. Кашель у него безпрерывный, сухой, дыханіе тяжелое, отры-

вистое, по ночамъ жаръ и потъ. Пасхалинъ его подробно осматривалъ и выслушивалъ, но ничего не сказалъ.

Пасхалинъ говоритъ, что Бобкѣ совсѣмъ плохо, у него что-то вродѣ скоротечной чахотки, развившейся вслѣдствіе запущеннаго бронхита.

Но Катя и не подозрѣваетъ, что ея сынъ въ смертельной опасности.

„Вотъ пріѣдетъ Адамъ,—мечтаетъ она,—и мы повеземъ нашего больного мальчика въ Ялту, тамъ онъ у насъ живо поправится, на солнцѣ и морскомъ воздухѣ. Мой Адамъ скоро пріѣдетъ, мой ангелочекъ, мое счастье"...

Но вмѣсто ожидаемой отъ Пшиксковскаго телеграммы въ одно слово: „ѣду" — Катя получила отъ него длинное письмо, отъ котораго у нея сдѣлалась истерика, да какая!—настоящая.

Письма Пшиксковскаго я не читала, но думаю, что оно послужитъ Катѣ эпилогомъ къ ея неудачному роману.

— Я въ судъ на него подамъ!.. я на него донесу!.. онъ не имѣлъ права лечить въ Россіи, у него только дипломъ краковскаго университета, а, можетъ быть, и совсѣмъ никакого диплома нѣтъ... Онъ шарлатанъ!.. Онъ заморилъ моего мужа, разсчитывая, что я останусь богатой вдовой... Онъ забралъ у меня сиротскія деньги, какъ у опекунши... я его на каторгу упеку!.. Онъ меня считаетъ дурой, я ему покажу какая я дура!..

2 мая.

Умеръ Бобка, умеръ нашъ бѣдный мальчикъ.

Передъ смертью онъ заснулъ тихимъ, спокойнымъ сномъ. Это было передъ разсвѣтомъ. Проведя ночь безъ сна, я, сидя на креслѣ возлѣ кроватки больного мальчика, слегка задремала. Меня разбудилъ какой-то странный шорохъ. „Что это?"—спросила я, проснувшись, у старушки сидѣлки.—„Тише!.. тише!..—прошептала она таинственно,—это смерть прилетѣла". Отъ этого шопота, отъ этихъ страшныхъ словъ на меня какой-то безотчетный ужасъ напалъ. Я быстро вскочила съ мѣста, толкнувъ спинкою кресла ночной столикъ, на которомъ опрокинулись стоявшія на немъ стклянки съ лекарствами. Раздался испуганный крикъ—Бобка проснулся. „Чего вы такъ, барышня, испугались?—удивилась старушка,—вѣдь это Божья посланница: ласточка,—и обратившись къ Бобкѣ, она спросила:—А ты чего, Божій ангелочекъ, испугался?.. приснилось, что ли, страшное что-нибудь"? Сквозь тихія всхлипыванія Бобка слабымъ, дрожащимъ голоскомъ пролепеталъ: „Тигръ мою головку откусилъ..."—„Хри-

стось съ тобою, — перекрестила мальчика старушка, — откуда здѣсь такому лютому звѣрю взяться! Сюда вотъ птичка къ тебѣ прилетѣла... смотри... видишь?“—указывала она ему пальцемъ вверхъ, гдѣ билась подъ потолкомъ ласточка. Она влетѣла въ открытую дверь изъ сосѣдней комнаты, гдѣ забыли на ночь окно заперѣть.

Мало-по-малу Бобка успокоился и снова заснулъ, но уже тревожнымъ, предсмертнымъ сномъ. Онъ метался на своей кроваткѣ, часто стоналъ, а ласточка все кружилась и билась подъ потолкомъ.

Когда бабушка узнала о постигшемъ Катю великомъ горѣ, она сказала: „Теперь, когда ее Богъ за меня наказалъ, я могу ее простить“,—и отправилась къ Катѣ разыгрывать свою трагикомедію. Иначе я не знаю какъ назвать сцену „прощенья“, разыгранную бабушкой у гроба своего правнука.

Бобку похоронили рядомъ съ отцомъ, въ оградѣ церковной. Меня непріятно поразилъ запущенный видъ могилы Егора Ильича. „Хотя бы деревянный крестъ поставить пока...“ На это мое замѣчаніе Катя возразила съ озлобленіемъ: „Пусть братецъ ставитъ, хоть золотой крестъ—онъ единственный наслѣдникъ“...

Катя переноситъ свое послѣднее несчастіе гораздо спокойнѣе, чѣмъ это можно и нужно было ожидать.

Ея горе приходится сравнить съ грозовой тучей, разразившейся шумно и угрожающе громомъ и молніей и растаявшей дождемъ.

Катя выкричалась, выплакалась и... успокоилась. Нѣтъ, такія, какъ она, съ ума не сходятъ!..

Чебаревъ все возится съ Катей, какъ съ самой любимой сестрой. И она съ нимъ нѣжна, какъ съ братомъ, и... можетъ быть... и, можетъ быть, еще нѣжнѣе...

Я уѣзжаю, оставляю Катю. Но она будетъ не одна, ее будетъ часто навѣщать Чебаревъ. Онъ остается въ своемъ Миражѣ, которое всего въ шестнадцати верстахъ отъ Малиновки...

Юрій выѣхалъ изъ Парижа прямо въ свое имѣніе „Лѣски“.

20 іюня.

Юрій почти уже мѣсяцъ какъ вернулся изъ Парижа въ свои Лѣски, гдѣ наслаждается деревенскою жизнью.

Какое наслажденіе, подумаешь, ложиться спать съ курами, вставать съ пѣтухами, пить парное молоко, валяться на травѣ и рвать огурцы на огородѣ!..

Терпѣть не могу деревни!

Когтева и Варенька Приклонцева уѣхали за-границу, но не вмѣстѣ, понятно. Когтева уѣхала туда веселиться, а Варенька— трудиться.

Малиновка, 8 іюля.

Я счастлива. Юрій пріѣхалъ въ Малиновку наканунѣ моего пріѣзда сюда. Катя послала его вмѣсто себя на станцію ко мнѣ на встрѣчу. Мнѣ не пришлось выскочить изъ окна на пэрронъ вокзала, гдѣ стоялъ Юрій въ ожиданіи подходившаго поѣзда, только потому, кажется, что онъ самъ впрыгнулъ ко мнѣ въ вагонъ, на его замедленномъ ходу.

Въ первыя минуты свиданія я не могла говорить отъ радости и волненія, и только глупо и растерянно улыбалась на какіе-то вопросы Юрія, которые я слушала, не понимая. А онъ, наоборотъ, казался совершенно спокойнымъ.

Тогда, въ Вѣнѣ, я не съумѣла показать Юрію своего горя при разлукѣ съ нимъ, а теперь онъ скрылъ свою радость при свиданіи со мною...

Но на мое счастье туча надвигается: Андрюша ѣдетъ.

Юрій молчитъ, все наблюдаетъ за мною и чего-то отъ меня ждетъ. Я испытываю состояніе кошки передъ грозою, за которой зорко слѣдятъ, чтобы она отъ этой грозы куда-нибудь не запряталась.

Катя ждетъ Андрюшу не сегодня—завтра. Я попробовала ее попросить объясниться съ нимъ на мой счетъ, но она замахала руками какъ вѣтряная мельница крыльями: „И не проси!.. и не воображай!.. и ни за что на свѣтѣ“! Придется мнѣ самой объясниться съ Андрюшей—и объяснюсь, что-жъ дѣлать!.. Не Юрію же съ нимъ объясняться, какъ онъ мнѣ это предложилъ, шутя... Въ этой шуткѣ мнѣ послышались и укоръ, и затаенная ревность, и даже злорадство... и еще что-то: что-то обидное.

16 іюля.

Сегодняшній день былъ для меня, если не самый несчастный изъ несчастныхъ, то самый непріятный изъ всѣхъ непріятныхъ дней въ моей жизни.

На разсвѣтѣ была получена телеграмма отъ Андрюши, что онъ въ этотъ день пріѣдетъ въ Малиновку.

Юрій съ утра гдѣ-то скрывался до самаго обѣда. За обѣдомъ онъ со мною ни слова не сказалъ, но изрѣдка взглядывалъ на меня съ насмѣшливою и подозрительною пытливостью. Я краснѣла и блѣднѣла отъ этихъ взглядовъ, но не смущалась, я просто злилась. Вставъ изъ-за стола, онъ спросилъ Катю, что

ей привезти изъ Миража, куда онъ ѣдетъ съ обѣщаннымъ визитомъ къ Чебареву.

— Привезите мнѣ самого хозяина,—отвѣтила она ему.

Юрій уѣхалъ и не вернулся, остался ночевать въ Миражѣ. Послѣ обѣда Катя отправилась отдавать какія-то хозяйскія распоряженія по случаю пріѣзда Андрюши, я же, придя въ свою комнату и запершись въ ней на ключъ, бросилась ничкомъ на постель, зарылась лицемъ въ подушки и закрылась съ головою одѣяломъ, чтобы ничего не слышать и не видѣть. Однако я все слышала, только видѣть не могла, кто такъ быстро пробѣжалъ мимо моего окна съ громкимъ возгласомъ: „пріѣхали!“ — кто постучался ко мнѣ въ дверь, кто, скрипя колесами по песку сада, подъѣхалъ къ дому и остановился у крыльца. Скоро опять все стихло, только какая-то собачонка гдѣ-то лаяла, громко и весело.

Я бы еще долго такъ лежала, еслибы мнѣ не пришла мысль, что это вовсе не Андрюша пріѣхалъ, а Юрій вернулся, не доѣхавъ почему-нибудь до Чебарева.

„Онъ можетъ узнать, что я заперлась въ своей комнатѣ, можетъ чрезъ открытое низкое окно увидѣть меня днемъ въ постели... подумать...“ Я не останавливалась на мысли, что именно могъ подумать Юрій. Сбросивъ съ себя одѣяло на полъ, я вскочила съ кровати и хотѣла бѣжать, скорѣй бѣжать туда, откуда до моего слуха доносились голоса, которые, однако, трудно было издали различить. Но, проходя мимо зеркальнаго шкафа, я остановилась. Въ такомъ видѣ мнѣ нельзя было показаться ни Юрію, ни Андрюшѣ: лицо возбужденное, волоса растрепанные, платье измято. Пока я умывалась, причесывалась, переодѣвалась—прошло не мало времени. Солнце уже скрылось за высокими деревьями, когда я вышла въ садъ. Передъ домомъ, посреди газона, сидѣла на дерновой скамеечкѣ Катя, въ своемъ бѣломъ пикейномъ халатѣ, напоминая собою палатку, разбитую на травѣ, а передъ Катей стоялъ Андрюша. Онъ стоялъ ко мнѣ спиной, но я не сомнѣвалась, что это онъ, Андрюша. Юрій стройнѣе, и гораздо выше ростомъ, и гораздо шире въ плечахъ, и одѣвается иначе: не носитъ никогда даже въ жару, въ деревнѣ, ни чесунчоваго костюма, ни соломенной шляпы.

Минутъ пять стояла я, точно приросши ногами къ площадкѣ въ саду, гдѣ остановилась, увидавъ Андрюшу, а потомъ, перекрестившись:—будь что будетъ!—рѣшительнымъ шагомъ направилась къ газону.

Услыхавъ за собою шаги и шуршанье шелковаго чехла подъ

моимъ голубымъ батистовомъ платьемъ, Андрюша оглянулся назадъ. Увидѣвъ меня, онъ приподнялъ свою круглую, бѣлую, съ черной ленточкой шляпу и отодвинулся на шагъ отъ Кати, какъ бы пропуская меня къ ея скамейкѣ. Онъ щурился, не узнавая меня по своей близорукости. Только когда я совсѣмъ близко остановилась передъ нимъ и молча протянула ему дрожавшую и похолодѣвшую руку, онъ вскрикнулъ: „Мери!“

Отъ этого громкаго, но дѣтски радостнаго возгласа у меня разомъ вся кровь отхлынула отъ сердца и бросилась въ лицо, которое я поспѣшила спрятать въ свѣтлыхъ, шелковистыхъ и кудрявыхъ волосахъ Андрюши, воспользовавшись тѣмъ, что онъ низко наклонилъ свою голову, горячо цѣлуя мою руку.

— И какъ это вы мнѣ не сказали, голубушка, что Мери здѣсь? — обратился онъ къ Катѣ съ нѣжнымъ укоромъ и въ мягкомъ голосѣ, и въ кроткихъ большихъ голубыхъ глазахъ, и въ ласковой, доброй улыбкѣ на крупныхъ губахъ. Эта улыбка, слегка открывъ бѣлые и ровные зубы Андрюши, освѣтила, точно солнечнымъ лучомъ, его неправильное, но такое открытое, такое милое лицо.

— Вы у меня о ней не спрашивали, — отвѣтила Катя на укоризненный вопросъ Андрюши обо мнѣ.

— Забыли... начала-было я, совсѣмъ не кстати.

— Забылъ?!... я?!... васъ?!... Вы сами этому вѣдь не вѣрите, Мери?...

Отъ отвѣта на этотъ щекотливый вопросъ меня избавила Катя.

— Онъ никого изъ насъ не забылъ, но прежде чѣмъ интересоваться о томъ, кто здѣсь, онъ меня разспрашивалъ о тѣхъ, кого здѣсь больше нѣтъ.

Сказавъ это, Катя вдругъ совсѣмъ неожиданно расплакалась. Андрюша, глядя на Катю, дѣлалъ надъ собою усиліе, чтобы не послѣдовать ея примѣру. Онъ дергалъ нервно вздрагивающими пальцами свои короткіе, слегка вьющіеся на концахъ усы, усиленно моргалъ глазами, затуманенными уже слезами, но не выдержалъ и, закрывъ лицо обѣими руками, началъ громко всхлипывать.

Чтобы самой не разревѣться, я убѣжала съ газона. Я убѣжала прямо въ орѣховую бесѣдку, гдѣ стала ждать Андрюшу.

Я была увѣрена, что онъ меня тамъ найдетъ. Въ этой бесѣдкѣ мы съ нимъ часто встрѣчались когда-то... Съ тѣхъ поръ въ ней все осталось по прежнему: и круглый деревянный столъ, съ выцарапанными на немъ перочиннымъ ножикомъ двумя сердцами

пронзенными одною стрѣлой, и каменная скамейка передъ нимъ на которой мы просиживали вдвоемъ долгіе ночные часы при лунѣ... только на кустахъ орѣшника съ тѣхъ поръ дважды перемѣнились листья, подъ шелестъ которыхъ мы шептались и... цѣловались...

Андрюша заставилъ себя довольно долго ждать. Почти смеркалось, когда я услыхала собачій лай, вслѣдъ за которымъ раздался голосъ Андрюши:

— Шершъ, Шайтанъ!...—Шайтанъ, шершъ!

Въ бесѣдку сперва вбѣжала маленькая черненькая собачка, а потомъ показался Андрюша и остановился у входа.

— Мери, ты здѣсь? — неувѣренно произнесъ онъ, приглядываясь въ мою сторону.

Я молча поднялась со скамейки къ нему на встрѣчу.

— Ты здѣсь!.. я такъ и зналъ!.. видишь, что я не забылъ... ничего не забылъ... А ты?... не забыла меня?.. скажи скорѣй... Мери!.. моя Мери!.. Онъ протянулъ руки, чтобы обнять меня, но я рѣзко попятилась отъ него назадъ.

— Мери!—воскликнулъ онъ еще разъ, но уже не съ нѣжною и страстною мольбой, а съ тревогой, со страхомъ въ упавшемъ голосѣ.

Опустивъ голову и потупивъ глаза, я стояла передъ нимъ смущенная, пристыженная, виноватая...

Молчаніе мое, должно быть, было ужъ очень краснорѣчиво, если Андрюша и безъ моего признанія все вдругъ понялъ, все!

— Ты меня больше не любишь?.. Мери!.. умоляю тебя!.. скажи!.. не мучь меня!.. ты... ты... любишь другого?..

Я хотѣла ему отвѣчать, оправдаться передъ нимъ, но не находя подходящихъ словъ, замѣнила ихъ слезами.

Опустившись безмолвно и безсильно на каменную скамейку, я долго и горько плакала, а Андрюша, стоя передо мною на колѣняхъ и цѣлуя мои руки, просилъ у меня прощенія — прощенія въ моихъ слезахъ.

17 іюля.

Вчера было хорошо, а сегодня еще лучше! Днемъ—тягостное объясненіе съ Андрюшей, ночью — ужасная сцена съ Юріемъ... лучше и не вспоминать!..

Мнѣ жаль Андрюшу и очень жаль Юрія, но еще больше жаль самоё себя.

— Вы должны все знать,—рѣшилась я во всемъ признаться Андрюшѣ.—Да, я полюбила другого, крѣпко полюбила, навсегда, на всю жизнь. И онъ меня также любитъ.

— Кто это—онъ?—робко спросилъ Андрюша.

— Леоновъ, вы его знаете... Юрій Васильевичъ...

— Леоновъ?!—съ испуганнымъ удивленіемъ перебилъ меня Андрюша:—но вѣдь онъ...

Андрюша нерѣшительно примолкъ, а затѣмъ прибавилъ, осторожно испытуя меня:

— Я и Леонову знаю...

— Вы и ее знаете?—встрепенулась я:—гдѣ вы ее видѣли?..

Онъ отвѣтилъ нехотя.

— Та, о которой я говорю, на сценѣ, опереточная пѣвица, мнѣ кажется, что она жена того, котораго вы...

Запнувшись слегка, онъ торопливо докончилъ:

— Котораго вы знаете.

— Какая она собою?—спросила я съ необузданнымъ любопытствомъ.

— Она—красавица.

Отъ слова „красавица“ меня всю передернуло. Это не ускользнуло отъ Андрюши. Понявъ, своимъ чуткимъ сердцемъ, что̀ происходило въ моемъ уязвленномъ сердцѣ, онъ поспѣшилъ сказать:

— Но такую женщину, какъ эта Леонова, вѣдь любить нельзя.

— А жениться на ней можно?!—почти крикнула я на него, точно на виноватаго, хотя и по чужой винѣ.

— Когда онъ на ней женился, она, вѣроятно, была другая...

— И тогда онъ ее любилъ,—проговорила я сквозь слезы внезапной, унизительной ревности.

— Но теперь онъ васъ любитъ, вы... сказали...

Я ему ничего не отвѣтила.

— Онъ васъ любитъ, онъ разведется съ той... онъ на васъ женится... онъ обѣщалъ... да?...

Въ этомъ вопросительномъ „да“, произнесенномъ Андрюшей какъ-то далеко неувѣренно, мнѣ показалось что-то обидное для Юрія, котораго я попробовала защитить.

— Юрій Васильевичъ мнѣ ничего не обѣщалъ, но я обѣщала слѣпо ему вѣрить—и вѣрю.

Сорвавъ нѣсколько вѣточекъ плюща, обвивающаго перилы террасы, на которой мы сидѣли, Андрюша началъ ими обмахивать свое сильно возбужденное лицо.

Помолчавъ съ минуту, онъ спросилъ:

— Гдѣ вы съ нимъ познакомились?

— За-границей, въ прошломъ году.

— А съ тѣхъ поръ вы видѣлись съ нимъ?

— Да.

— Гдѣ?

— Здѣсь.

— Въ Малиновкѣ?!. когда?

— Въ послѣдній разъ—вчера.

— Здѣсь?!. вчера?!.—Андрюша не вѣрилъ своимъ ушамъ.

— Юрій Васильевичъ гоститъ у Кати,—пояснила я.—Вчера онъ уѣхалъ въ Миражъ къ Чебареву, но вернется опять сюда обратно... Онъ можетъ каждую минуту пріѣхать.

Андрюша вскочилъ со стула и зашагалъ взадъ и впередъ по террасѣ въ сильномъ волненіи. Онъ шагалъ все быстрѣе, пока ему не подвернулся подъ ноги его Шайтанъ, которому онъ нечаянно наступилъ на лапу. Собачонка съ пронзительнымъ визгомъ отскочила отъ него, а онъ вдругъ, какъ вкопанный, остановился передо мною и неожиданно проговорилъ.

— Прощайте, Марья Сергѣевна.

— Куда вы?!—испуганно схватила я Андрюшу обѣими руками за протянутую руку.

— Я долженъ уѣхать отсюда... я не могу здѣсь оставаться!.. съ нимъ...

— Нѣтъ, вы не можете уѣхать,—возразила я ему пылко и настойчиво,—вы должны здѣсь остаться... со мною...

— Для чего?..

— Для того, чтобы Юрій видѣлъ насъ вмѣстѣ, чтобы онъ убѣдился, что между нами ничего больше нѣтъ изъ того, что было, и быть не можетъ... что все между мною и вами кончено, и навсегда... что... что я васъ больше не люблю...

Закусивъ губы, Андрюша молча стоялъ передо мною, съ поблѣднѣвшимъ и вытянувшимся лицомъ, и пристально смотрѣлъ на меня своими большими голубыми глазами, полными нѣмой жалости и... укоризны.

Такъ смотрѣлъ онъ на меня, пока я не выпустила его руки изъ своихъ рукъ, и не опустила глазъ передъ его долгимъ взглядомъ.

— Хорошо, я останусь,—выговорилъ наконецъ Андрюша,—потому что я васъ еще люблю.

Вечеромъ, поздно уже, пріѣхалъ Юрій и привезъ съ собою Чебарева.

Я не видѣла какъ Юрій встрѣтился съ Андрюшей.

Когда я встала, пролежавъ нѣсколько часовъ сряду на диванѣ, зарывшись лицомъ въ мокрую отъ слезъ подушку, и, наскоро приведя себя въ порядокъ, вышла въ столовую, то всѣ уже сидѣли за ужиномъ.

Здороваясь со мною, Юрій пытливо глянулъ въ мое заплаканное лицо и быстро потупился, хмуро сдвинувъ брови. Андрюша посмотрѣлъ на меня съ тревогой, а Чебаревъ продекламировалъ какую-то глупость, вродѣ того, что „для барышни слезы то, что шипы для розы“,—прибавивъ тутъ же, что это экспромтъ его собственнаго сочиненія.

— Вы у меня умникъ,—ласково проговорила Катя.

Отъ этой похвалы круглое и дряблое лицо Чебарева расплылось въ сплошную улыбку. Но я обратила эту улыбку въ гримасу, сказавъ:

— Глупый умникъ опаснѣе умнаго дурака.

Катя вспыхнула, и желая, вѣроятно, мнѣ отмстить за Чебарева, спросила его:

— А собою хорошенькая эта „дывчина“, о которой вы начали намъ разсказывать, когда Мери вошла и помѣшала вамъ выдать маленькую тайну амурныхъ проказъ Юрія Васильевича.

— Страшное дѣло!—воскликнулъ тотъ.—Воплощеніе весны —parole d'honneur!.. Въ глазахъ васильки цвѣтутъ, а на щекахъ макъ распускается. Вотъ спросите самого Юрія Васильевича. Онъ оказывается рьянымъ любителемъ и полевыхъ цвѣточковъ!.. ха, ха!.. Пусть онъ вамъ покажетъ ея портретъ, на которомъ она утираетъ рукавомъ свои губы отъ его поцѣлуя... Страшное дѣло, какой портретъ!... Юрій Васильевичъ!.. выпьемъ за здоровье оригинала вашего „шедевра“!.. Идетъ?..

— За Наталочку?.. идетъ!—охотно согласился Юрій.

— Кстати, я съ собою изъ дома, на всякій случай, полдюжины шампанскаго прихватилъ. Разрѣшите подать? — спросилъ Чебаревъ Катю.

Она въ отвѣтъ кивнула ему головой, въ знакъ согласія, намѣренно избѣгая моего пристальнаго взгляда на нее.

Черезъ минуту, одновременно съ жаренымъ индюкомъ, на столѣ появились двѣ бутылки шампанскаго и бокалы.

Чебаревъ самъ началъ разливать свое вино. Когда очередь дошла до Андрюши, то онъ закрылъ рукою свой бокалъ.

У меня отъ сердца отлегло. Я предчувствовала, что шампанское было прихвачено Чебаревымъ не на всякій случай, а съ цѣлью напоить Андрюшу, по наущенію Юрія, которому, въ минуту глупой откровенности, я какъ-то хвастала, что сила любви во мнѣ *Андрюши побѣдила* его слабость къ вину. Тогда Юрій мнѣ сказалъ: „*qui a bu—boira*“—а теперь, въ первый разъ заговоривъ при мнѣ съ Андрюшей, онъ его спросилъ:

— *Вы не пьете?.. и не пили?..*

— И какъ еще пилъ!—отвѣтилъ за Андрюшу Чебаревъ:—страшное дѣло!.. Залпомъ бутылку шампанскаго выпивалъ, не отрывая горлышка отъ рта. Шутка сказать!.. parole d'honneur!.. Только Андрей Ильичъ не любитъ, чтобы надъ этою шуткой шутили... Какъ-то на одномъ маскарадѣ въ Кіевѣ я подошелъ къ нему въ соблазнительномъ костюмѣ вдовушки клико̀, состоящемъ изъ огромной картонной бутылки и съ золоченою пробкой вмѣсто головы.

— Съ тѣхъ поръ только позолота сошла, а пробка осталась,—не удержалась я, чтобы не подумать вслухъ.

Катя опять вспыхнула, а Чебаревъ, не разслышавъ или не понявъ моего замѣчанія, преспокойно продолжалъ:

— Я подошелъ къ нему и спрашиваю, шутя: узнаете подружку старую, но вѣрную свою? — Узнаю, отвѣчаетъ онъ, но предупреждаю, что когда она полная, я ее пью, а когда пустая—бью...

Катя прервала разсказъ Чебарева, обратившись къ Андрюшѣ, который нервно кусалъ губы и подергивалъ усы:

— За исполненіе всѣхъ вашихъ желаній, милый другъ, и за осуществленіе всѣхъ вашихъ надеждъ. Выпьемъ!..

Отстранивъ отъ себя протянутый бокалъ, Андрюша отвѣтилъ дрогнувшимъ голосомъ.

— У меня больше нѣтъ никакихъ желаній, нѣтъ и надеждъ.

— Были да сплыли,—попробовалъ съострить Чебаревъ.

Андрюша привскочилъ на стулѣ, но Катя его удержала, быстро положивъ свою руку къ нему на плечо. Заискивающе заглядывая въ его поблѣднѣвшее отъ дерзкаго намека лицо, она вкрадчиво сказала:

— А у меня есть одно желаніе, большое: чтобы вы выпили хоть каплю шампанскаго...

— Я больше не пью, голубушка,—отвѣтилъ онъ ей и, снявъ ея руку съ своего плеча, поднесъ ее къ губамъ и поцѣловалъ нѣсколько разъ сряду.

Но эта ласка, въ которой чувствовалась безмолвная, кроткая просьба, не тронула Катю. Желая мнѣ отмстить за Чебарева и угодить ему, она продолжала настаивать на своемъ—капризнымъ тономъ избалованнаго ребенка, которому мѣшаютъ сдѣлать задуманную имъ шалость:

— Я хочу, чтобы Андрюша выпилъ хоть одну каплю... я хочу!.. Слышите всѣ: я хочу!.. Пусть кто-нибудь придумаетъ что-нибудь, чтобы заставить его выпить съ нами... Придумайте кто-нибудь!..

— Марья Сергѣевна,—неожиданно обратился ко мнѣ Юрій.— А ну-ка, придумайте что-нибудь вы!

Я ему ничего не отвѣтила. Андрюша метнулъ на него глазами, блеснувшими зловѣщимъ бѣлымъ огонькомъ, и хотѣлъ ему что-то сказать, но я его остановила умоляющимъ взглядомъ.

— За здоровье Марьи Сергѣевны!—поднялъ Юрій свой бокалъ.—И за исполненіе ея тайнаго, не высказаннаго желанія, но которое я прочелъ въ ея выразительныхъ глазахъ, устремленныхъ на Андрея Ильича съ тщетною мольбой выпить хоть одну каплю шампанскаго за ея здоровье!

Въ отвѣтъ на этотъ вызовъ Юрія Андрюша стремительно схватилъ бутылку со стола, налилъ полный до краевъ стаканъ шампанскимъ и выпилъ его залпомъ.

— Браво, Андрей Ильичъ! — захлопалъ Чебаревъ въ ладоши. — А ну-ка, ухнемъ еще разъ! Еще разокъ за здоровье Марьи Сергѣевны!..

Первый стаканъ шампанскаго разомъ опьянилъ отвыкшаго отъ вина Андрюшу. Лицо его покраснѣло, глаза потускнѣли. Онъ ужъ не сознавалъ самъ, что̀ дѣлаетъ, когда на неотвязчивыя подстрекательства Чебарева онъ налилъ себѣ другой стаканъ шампанскимъ и опять залпомъ выпилъ его, предварительно пробормотавъ отяжелѣвшимъ языкомъ:

— Пью... пью за здоровье....

— „Пью за здравіе Мери, милой Мери моей!“—помогъ ему Чебаревъ.

— Я... я этого не сказалъ...

— Все равно, Пушкинъ это сказалъ за васъ.

— Пью... пью...—началъ-было Андрюша и кончилъ тѣмъ, что выпилъ третій стаканъ шампанскаго.

— Ну, вы этакъ, пожалуй, опять допьетесь до Наполеона,— расхохотался Чебаревъ.

— На-на-полеона?.. Ка-а-кого На-наполеона?..

Андрюша больше ничего не понималъ, онъ былъ совершенно пьянъ.

— Того самаго Наполеона, которымъ началось наше знакомство. Представьте себѣ, обратился Чебаревъ къ Юрію,— пріѣзжаю я однажды въ первый разъ въ деревню къ Андрею Ильичу по одному дѣлу, какъ къ предводителю дворянства. Застаю его въ полдень еще въ постели. Представляюсь: такой-сякой Чебаревъ-съ.—Такъ вы не Наполеонъ?—вдругъ спрашиваетъ онъ меня, parole d'honneur!.. Я, знаете ли, туда-сюда,

думаю, что онъ того... Я—и вдругъ Наполеонъ!.. страшное дѣло!.. А онъ какъ трахнетъ кулакомъ о спинку кровати, да какъ гаркнетъ на меня: „вонъ отсюда!.. такой-сякой... Подать мнѣ сейчасъ сюда Наполеона!..."

Андрюша смотрѣлъ на Чебарева безсмысленно своими мутными и усиленно моргавшими глазами, какъ будто силясь что-то понять, и вдругъ, стукнувъ кулакомъ по столу, прокричалъ страшнымъ, хриплымъ голосомъ:

— Вонъ отсюда!.. вонъ!..

Я вскочила со стула и опрометью выбѣжала изъ столовой въ садъ, ярко освѣщенный луною. Добѣжавъ до первой скамейки, что стоитъ подъ липами, я тамъ остановилась, неудержимо разрыдавшись.

Здѣсь меня нагналъ Юрій, выбѣжавшій слѣдомъ за мною въ садъ. Увидѣвъ меня рыдающей, онъ, вмѣсто того, чтобы меня успокоить, крикнулъ съ злобнымъ раздраженіемъ:

— Перестаньте!.. довольно!..

Я еще сильнѣе, еще громче начала рыдать.

— Это, наконецъ, невыносимо!.. Перестаньте!—съ бѣшенствомъ топнулъ онъ на меня ногою.—Изъ-за меня вы ни разу не заплакали, разлуку со мною вы не омочили ни единой слезой, а разрывъ съ этимъ вашимъ... вашимъ запаснымъ женихомъ вы заливаете цѣлой рѣкой слезъ... Что или кого вы такъ неутѣшно-горько оплакиваете?.. себя?.. его?.. или вашу опрометчивую измѣну?.. а можетъ быть, опостылѣвшую любовь вашего... вашего бывшаго жениха, которая вамъ стала дорога съ тѣхъ поръ, какъ онъ сталъ богатъ!..

Юрій все это говорилъ, а я все рыдала и рыдала.

Онъ схватилъ меня руками за плечи и, впиваясь въ мое тѣло пальцами, точно желѣзными клещами, сдавленнымъ, задыхающимся голосомъ прохрипѣлъ:

— Да отвѣчайте же мнѣ что-нибудь!.. Скажите что-нибудь въ оправданіе вашихъ оскорбительныхъ для меня слезъ... Скажите хоть одно слово...

— Мнѣ больно!—съ воплемъ вырвалось у меня.

Юрій такъ стремительно выпустилъ меня изъ своихъ тисковъ, что я, потерявъ равновѣсіе, покачнулась всѣмъ тѣломъ и, опрокинувшись назадъ, ударилась головой о стволъ липы, подлѣ которой стояла. Искры посыпались у меня изъ глазъ, я едва устояла на ногахъ, схватившись обѣими руками за спинку скамейки, на которую въ эту же минуту съ глухимъ стономъ, тяжело опустился Юрій.

У него отъ волненія, а отчасти, быть можетъ, и отъ выпитаго имъ за ужиномъ въ излишкѣ шампанскаго сдѣлался сильный припадокъ удушья.

Очнувшись отъ оглушившаго меня на нѣсколько секундъ ушиба, я увидѣла, что Юрій, полулежа на широкой скамейкѣ, одной рукой держится за грудь, а другой срываетъ съ шеи галстукъ и мнетъ накрахмаленный воротъ рубашки, стараясь выдавить изъ него запонку.

Лицо его, освѣщенное луной, показалось мнѣ мертвенно-блѣднымъ. Глаза у него были плотно зажмурены, а изъ раскрытаго рта, вмѣстѣ съ хриплымъ дыханіемъ, вырывались стоны.

Я крикнула что было мочи, но моего крика никто не услыхалъ въ домѣ, гдѣ происходила какая-то необычная, шумная суета: по всему саду раздавались громкіе голоса, лай, визгъ и вой Шайтана, хлопанье дверьми, звонъ бубенчиковъ...

Я хотѣла бѣжать, звать кого-нибудь на помощь, но ноги подо мною словно подкосились и я, какъ опрокинутый снопъ, свалилась на колѣни передъ Юріемъ.

Онъ открылъ глаза, привсталъ, протянулъ руки ко мнѣ, хотѣлъ меня поднять съ колѣнъ, но сейчасъ же безсильно откинулся къ спинкѣ скамейки и снова началъ стонать.

Юрій долго еще стоналъ, а я долго стояла передъ нимъ на колѣняхъ и, осыпая его руки поцѣлуями, просила у него прощенія—прощенія за свои слезы.

Стоны Юрія затихали и, понемногу, совсѣмъ стихли. Припадокъ его прошелъ.

И въ саду мало-по-малу все стихло, только изрѣдка слышался вой Шайтана, протяжный и жалобный.

Онъ и до сихъ поръ воетъ...

18 іюля.

Проснувшись, я, по обыкновенію, позвонила, но на мой звонокъ, вмѣсто горничной, явилась ко мнѣ Катя. Явилась она въ одной рубашкѣ, босая, растрепанная, съ заспаннымъ еще и уже заплаканнымъ лицомъ, и прямо, съ порога, накинулась на меня.

— Ты всю ночь поэтично прогуливаешься при лунѣ, а затѣмъ сладко отдыхаешь въ пріятныхъ снахъ, какъ будто тебѣ и дѣла нѣтъ до того, что̀ случилось...

— Съ кѣмъ случилось?! — перепугалась я спросонья, — съ Юріемъ?..

— Чортъ съ нимъ, съ твоимъ Юріемъ!.. Пусть онъ ко всѣмъ чертямъ убирается изъ этого дома, откуда ты всѣхъ разогнала.

— Я?!..—но Катя не дала мнѣ и рта разинуть.

— Да, да—ты!.. Черезъ тебя одинъ напился и другого отсюда выгналъ, а потомъ и самъ удралъ, изъ своего же собственнаго дома!

— Андрюша уѣхалъ?..

— Не оставаться же ему было послѣ его скандала въ моемъ домѣ...

— Позволь!.. ты же сама говорила, что это собственный домъ Андрюши.

— Я говорила, и это правда, а тебѣ нечего мнѣ его домомъ глаза колоть. Я сама и безъ тебя знаю, что Андрюша можетъ теперь меня изъ моего же дома выгнать, какъ онъ выгналъ Чебарева...

— И какъ ты гонишь Юрія Васильевича...

— И выгоню его!.. И тебя вмѣстѣ съ нимъ!..

— Изъ-за Чебарева?.. Катя!..

Мой возгласъ озадачилъ Катю. Она почувствовала въ немъ справедливый укоръ и начала оправдываться:

— Чебаревъ тутъ ни при чемъ, напрасно совершенно ты что-то подозрѣваешь и на что-то намекаешь, онъ мнѣ ничего такого... а просто онъ мой гость, къ тому же онъ — послѣдняя капля въ моемъ сердцѣ... У меня больше ничего нѣтъ, ни мужа, ни сына, ни... ни друга.. Я все разомъ потеряла... начиная съ этого... съ этого дома, и кончая этимъ... этимъ... А-а-адамомъ...

Катя не могла больше говорить: она разревѣлась...

Юрій половину дня не выходилъ изъ своей комнаты, которая находится рядомъ съ моей. Я нѣсколько разъ заглядывала изъ сада въ его окно, но штора изнутри была на немъ спущена.

Онъ только передъ обѣдомъ вышелъ на террасу, гдѣ я сидѣла одна. Катя еще до завтрака куда-то уѣхала.

Когда я увидѣла Юрія, я была встревожена происшедшей въ немъ со вчерашняго дня перемѣной: лицо пожелтѣло, подъ глазами темные круги, и глаза точно меньше стали.

— Что съ вами?—спросила я съ безпокойствомъ.

— Ничего,—нетерпѣливо передернулъ онъ плечами и перемѣнилъ разговоръ вопросомъ:

— Гдѣ ваша сестра?

— Катя уѣхала.

— Куда?

— Не знаю.

— Вѣроятно, къ Чебареву, извиняться за скандалъ въ своемъ домѣ, который не ея домъ... Впрочемъ, не мое это дѣло, куда и зачѣмъ она уѣхала, но не знаете ли вы, по крайней мѣрѣ, вернется ли ваша сестра ночевать домой?

— Не знаю.

— Если она не вернется сегодня, то мнѣ придется уѣхать отсюда, не простившись съ нею и не поблагодаривъ ее за гостепріимство...

— Вы уѣзжаете?!..

— А вы остаетесь?!—воскликнулъ Юрій моимъ же укоризненнымъ тономъ.—Послѣ того, что̀ вы слышали сегодня утромъ отъ вашей сестры?..

— И вы слышали?—и удивилась, и испугалась я.

— Я не глухой, Марья Сергѣевна, а у Екатерины Сергѣевны голосъ громкій, да и перегородки въ домѣ Андрея Ильича тонкія...

— Но мало ли что̀ можно сказать сгоряча...

— Сгоряча ваша сестра правду сказала. Не оправдывайте ее, потому что она права. Я уѣзжаю не только потому, что она выгоняетъ меня изъ своего дома, а потому еще, что не хочу оставаться въ домѣ Андрея Ильича.

— Значитъ, мы опять разстанемся?—проговорила я, чувствуя какъ у меня сердце сжалось отъ моего же вопроса.

— Это будетъ зависѣть отъ васъ, — сухо отвѣтилъ мнѣ Юрій.

— Отъ меня?.. Какъ же это?..

— Очень просто: поѣдемъ со мною, ко мнѣ...

— Я—къ вамъ?—изумленно подняла я глаза на него.

— Что̀ это вы такъ диво смотрите на меня, точно на сумасшедшаго?.. Я въ полномъ умѣ и здравомъ разумѣ, предлагаю вамъ ѣхать со мною, ко мнѣ. Согласны вы?.. да или нѣтъ?..

Я растерялась отъ этого неожиданнаго предложенія.

— Конечно, нѣтъ!.. то-есть, да... можетъ быть... я... я не знаю... Что̀ подумаютъ?.. Что̀ скажутъ?..

— Что̀ скажутъ?.. Кто подумаетъ?...

— Всѣ...

— Всѣ—никто! И никто не можетъ ничего найти предосудительнаго въ томъ, что вы погостите у меня въ деревнѣ, гдѣ я живу не одинъ, а съ сестрой, которую вы знаете, и которая должна всѣмъ женщинамъ, не исключая ни одной, служить примѣромъ всѣхъ женскихъ добродѣтелей.

Я молчала.

— Такъ вы не хотите со мною ѣхать? — спросилъ Юрій, не дождавшись моего согласія.

— А вы хотите, чтобы я съ вами поѣхала? — нерѣшительно проговорила я.

— Хочу, и очень. Я прошу васъ объ этомъ, своимъ согласіемъ вы докажете мнѣ ваше довѣріе, вашу любовь...

— Хорошо, я согласна, — рѣшилась я вдругъ.

Юрій нагнулся и молча поцѣловалъ меня въ лобъ...

Катя къ ночи вернулась изъ Миража. Узнавъ о нашемъ отъѣздѣ, назначенномъ на завтрашнее утро, она насъ не удерживала.

Дорогою Юрій все время былъ такъ внимателенъ, такъ ласковъ и нѣженъ со мною, какъ нельзя больше. Онъ и веселъ былъ, какъ никогда.

Людмила Васильевна, предупрежденная телеграммой брата о моемъ пріѣздѣ, встрѣтила меня съ букетомъ бѣлыхъ розъ, шипами которыхъ я тутъ же уколола палецъ, больно, до крови.

— Ничего, это хорошій знакъ, — сказала она съ улыбкой, но улыбка вышла кислая.

У Людмилы Васильевны, можетъ быть, и всѣ добродѣтели, но у нея есть и одинъ недостатокъ.

Пусть, по-моему, была бы она лучше порочна, но только искренна при этомъ...

Здѣсь очень хорошо. Прекрасный большой садъ, съ длинными, широкими аллеями, старыми тѣнистыми деревьями и съ хорошенькимъ цвѣтникомъ передъ домомъ. Но домъ небольшой, старой постройки, съ мезониномъ. Внизу — только гостиная, столовая и очень большая мастерская Юрія, съ отдѣльнымъ крыльцомъ, въ видѣ маленькой террасы, выходящей въ садъ, а наверху — остальныя четыре комнаты, изъ которыхъ лучшую занимаю я. Моя комната угловая, въ четыре окна и съ балкономъ, съ котораго открывается прелестный видъ на огромный прудъ, похожій скорѣе на маленькое озеро, и на деревню, раскинутую по ту сторону пруда.

Людмилу Васильевну я вижу только за столомъ и по вечерамъ, остальное все время она занята своими дѣтьми, своими больными, своими огурцами и капустой, другими словами: школой, больницей и огородомъ.

27 іюля.

— Отъ кого это письмо? — спросилъ Юрій, подавая мнѣ запечатанный конвертъ.

Я, конечно, сейчасъ же узнала хорошо мнѣ знакомый муж-

ской, крупный и четкій почеркъ, но покривила душой и отвѣтила съ притворнымъ удивленіемъ:

— Какъ же я могу знать отъ кого оно, не прочитавъ его.

— А я знаю: это письмо отъ Андрея Ильича. Отдайте мнѣ его.

Это была не просьба, это было приказаніе.

Я чувствовала себя возмущенной повелительнымъ тономъ Юрія, но точно загипнотизированная его строгимъ и властнымъ взглядомъ, я безпрекословно протянула ему письмо Андрюши нераспечатаннымъ.

Минуту, цѣлую долгую минуту Юрій держалъ это письмо въ рукахъ, точно пытая меня на медленномъ огнѣ, затѣмъ началъ рвать его съ нервною поспѣшностью, какъ будто оно жгло ему пальцы. Разорвавъ его, онъ мелкіе клочки бумаги швырнулъ на полъ, къ моимъ ногамъ, повернулся ко мнѣ спиной и вышелъ изъ гостиной, гдѣ я осталась одна съ своимъ безсильнымъ возмущеніемъ.

31 іюля.

Сегодня въ первый разъ Юрій не могъ совладать съ собою и все, что̀ накопилось у него за эти дни на душѣ, вырвалось въ нѣсколькихъ его словахъ.

Людмила Васильевна, покончивъ со всѣми своими заботами, которыхъ у каждаго ея дня *есть свои*—вечеромъ занялась, по обыкновенію, музыкой.

Сперва она сыграла довольно плохо, но не безъ выраженія, похоронный маршъ Шопена, а затѣмъ, замѣняя голосъ чувствомъ, спѣла свой любимый романсъ: „Сколько муки, сколько счастья, ты, любовь, несешь съ собой".

Юрій слушалъ пѣніе сестры, закрывъ глаза и откинувъ голову на спинку дивана, на которомъ сидѣлъ рядомъ со мною.

Когда Людмила Васильевна кончила свою музыку и, захлопнувъ крышку піанино, вышла изъ гостиной, чтобы принести какую-то изъ своихъ безчисленныхъ работъ, Юрій задумчиво провелъ рукою по влажнымъ, какъ мнѣ показалось, рѣсницамъ и, открывъ глаза, тихо, какъ будто про себя, проговорилъ съ грустной горечью:

— Любовь мнѣ принесла только мýку, одну только мýку.

— Счастье впереди,—замѣтила я.

Ничего мнѣ не отвѣтивъ и не глядя на меня, Юрій глубоко вздохнулъ, сомнительно покачавъ головой.

2 августа.

Вчера Юрію нездоровилось, онъ лежалъ въ своей спальнѣ въ мезонинѣ. Промаявшись цѣлый день одна, подъ-вечеръ я спустилась въ садъ и, увидѣвъ Людмилу Васильевну, сидѣвшую съ книгой въ рукахъ на крылечкѣ, что̀ ведетъ въ мастерскую Юрія, я подошла къ ней. При моемъ появленіи она перемѣнила чтеніе на вязанье, предложивъ мнѣ стулъ возлѣ своего.

Мы сидѣли сперва въ полномъ безмолвіи и тишинѣ, нарушаемой лишь постукиваньемъ металлическихъ спицъ Людмилы Васильевны одна о другую и моими полуподавленными зѣвками.

— Вамъ хочется спать?—заговорила со мною Людмила Васильевна.

— Нѣтъ, мнѣ просто скучно,—отвѣтила я, если и не совсѣмъ учтиво, зато совершенно откровенно.

— А вы дѣлали бы что-нибудь отъ скуки,—посовѣтовала она.

— Я ничего дѣлать не умѣю.

— Неужели?!—удивилась Людмила Васильевна,—ни шить, ни вязать, ни вышивать?..

Она пріостановилась, а я продолжала:

— Ни играть, ни пѣть, ни рисовать.

Помолчавъ, я прибавила:

— У меня никакихъ нѣтъ талантовъ.

Людмила Васильевна поглядѣла на меня съ снисходительнымъ сожалѣніемъ и промолвила утѣшительно:

— Еслибы хорошо поискать, можетъ быть, и нашлись бы.

— Нѣтъ, ужъ если Андрюша не нашелъ, такъ и искать нечего!—подумала я вслухъ, какъ это со мною иногда случается.

— Кто такой Андрюша?—спросила она, не подымая глазъ съ вязанья.

— Андрюша братъ... братъ...—замялась я.

— Развѣ у васъ есть братъ?

— Не мой братъ, а братъ моей сестры, то-есть, и не ея, а ея мужа...

— Кто же онъ такой этотъ вашъ... я не знаю какъ онъ вамъ приходится, своякъ, что ли?.. или, вѣрнѣе, никакъ... Словомъ, кто онъ, этотъ „Андрюша"—какъ вы сами его назвали—сыщикъ талантовъ, вообще?..

— Не сыщикъ и не вообще,—отвѣтила я обидчиво:—Андрюша хотѣлъ найти какой-нибудь талантъ именно во мнѣ, потому что онъ меня любитъ... любитъ какъ сестру.

— Но не нашелъ?

— Нельзя же найти то, чего нѣтъ!

— А хорошо онъ искалъ?—допрашивала меня Людмила Васильевна.

— Еще бы!.. Андрюша искалъ, искалъ, да и рукой махнулъ: „Ахъ, ты моя безталанна!"—По-малороссійски „безталанна" значитъ неудачница, обиженная судьбою,—пояснила я Людмилѣ Васильевнѣ.

— Это-то я знаю,—улыбнулась она своею безцвѣтною улыбкой,—а вы мнѣ лучше скажите, почему вашъ Андрюша говоритъ вамъ „ты" и называетъ васъ „моя", развѣ вы „его"?..

Вотъ какъ я попалась!

Чтò бы я отвѣтила Людмилѣ Васильевнѣ на ея коварный вопросъ—не знаю, такъ какъ мнѣ не пришлось ей отвѣчать.

— Милочка!—неожиданно раздался зовъ Юрія (сейчасъ же вслѣдъ за вопросомъ его сестры) гдѣ-то очень близко, какъ будто за моей спиной. Я оглянулась удивленно и испуганно—большая стеклянная дверь изъ мастерской Юрія была кѣмъ-то незамѣтно и неслышно открыта на крыльцо.

— Юрій... Юрій Васильевичъ здѣсь, внизу?.. Отчего же вы мнѣ сказали, что онъ тамъ, наверху?—спросила я.

Голосъ мой дрожалъ отъ затаенной досады на Людмилу Васильевну, которая, какъ я была увѣрена, намѣренно допрашивала меня, какъ настоящій сыщикъ, зная, что ея братъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ насъ, и слышитъ каждое наше слово.

— Тогда Юрій былъ тамъ, а теперь здѣсь,—отвѣтила она мнѣ просто и спокойно.

— Милочка!—снова раздался зовъ Юрія, нетерпѣливый и раздраженный.

Людмила Васильевна побѣжала къ брату въ его мастерскую, а я пошла къ себѣ, наверхъ, гдѣ безвыходно просидѣла до вечера.

Часовъ въ девять ко мнѣ вошла Маруся, молодая и шустрая дѣвушка-горничная.

— Наша барышня приказала васъ попытать, чи вы будете вечерети, чи нѣтъ?—произнесла она на своемъ русско-хохлацкомъ нарѣчіи, въ которомъ нерѣдко попадались и иностранныя словечки, наслышанныя ею отъ господъ, напримѣръ: „чи симпатія, чи антипатія".

— А Людмила Васильевна развѣ не будетъ ужинать?—спросила я.

— Нѣтъ, бо имъ теперь кусокъ въ глотку не полѣзетъ. Нашему панычу дуже нехорошо.

— Барину?!.. что съ нимъ?—перепугалась я.

— Да опять лягушка засосала.

— Что?!.. Какая лягушка?..

— Чи лягушка, чи жаба, что у нашего панича въ сердцѣ завелась. По вашему, по господскому: лягушка, а по нашему— жаба. Такъ и нашъ докторъ, что имъ сердце слухалъ, сказалъ: жаба.

„У Юрія жаба въ сердцѣ, и я это узнаю отъ какой-то глупой дѣвчонки, которая мнѣ это сообщаетъ съ улыбкой. Ей смѣшно, что у панича, вмѣсто „кралички“ какая-то лягушка въ сердцѣ завелась!.. Вѣдь это болѣзнь опасная, смертельная!.. Юрій, можетъ быть, въ эту минуту умираетъ“...

Отъ этой мысли у меня кровь застыла въ жилахъ. Не помня себя, я стремглавъ побѣжала внизъ, къ Юрію. На ступенькахъ его крыльца я столкнулась лицомъ къ лицу съ Людмилой Васильевной.

— Что съ нимъ?—спросила я сдавленнымъ отъ волненія голосомъ.

— Съ братомъ?.. у него припадокъ сердца съ сильнымъ удушьемъ.

— Могу я его видѣть?..

— Нѣтъ, къ чему!.. Помочь ему вы не можете, и его только стѣснитъ присутствіе посторонней,—послѣднее слово она произнесла съ удареніемъ, желая меня имъ уколоть, что̀ ей и удалось вполнѣ.

— Вамъ я чужая, а не ему!—вырвалось у меня запальчиво:—вы не имѣете права не пускать меня къ вашему брату, пользуясь тѣмъ, что онъ боленъ и не имѣетъ воли... пустите меня!..

— Нѣтъ, не пущу,—твердо проговорила она, загородивъ собою узкій входъ съ лѣстнички на крыльцо.

Съ этими словами Людмила Васильевна направилась обратно въ мастерскую Юрія.

Черезъ нѣсколько секундъ я услышала, какъ она проговорила намѣренно-громкимъ и внятнымъ голосомъ:

— Юрій! Марья Сергѣевна желаетъ тебя видѣть, можно ей войти сюда?

— Не надо!.. не надо!.. ради Бога...

Я не ожидала торжествующаго возвращенія Людмилы Васильевны съ обиднымъ для меня отвѣтомъ, который я сама услыхала, собственными ушами изъ собственныхъ устъ Юрія. Мнѣ оставалось только уйти, какъ можно скорѣй, что̀ я и сдѣлала.

Цѣлый часъ я простояла, не двигаясь, у открытаго окна, прислушиваясь къ каждому звуку, къ малѣйшему шороху, приглядываясь ко всякой тѣни въ саду... Но ничего не было слышно и никого не видно. Въ саду было совершенно тихо и темно. Луна еще не всходила, и небо было покрыто густыми грозовыми облаками.

Но вотъ мимо моей комнаты кто-то прошелъ по коридору. Мнѣ показалось, что это шаги Людмилы Васильевны. Я выглянула въ щель дверей: да, это была она.

Людмила Васильевна потушила висячую лампочку въ коридорѣ и вошла въ свою спальню. Щелкнулъ ключъ въ замкѣ и все снова стихло въ домѣ. Юрій остался, значитъ, еще у себя въ мастерской.

Прошло еще съ полчаса, но Юрій не возвращался къ себѣ наверхъ. Тогда я рѣшилась пойти къ нему.

Осторожно, на цыпочкахъ, спустилась я по деревянной лѣстницѣ внизъ. Дверь изъ передней въ садъ была не заперта на задвижку. Я ее открыла. Притокомъ воздуха затушило свѣчу въ моихъ рукахъ.

Въ саду было страшно темно, и гроза начиналась.

Держась обѣими руками за стѣнку дома, я кое-какъ, ощупью и крадучись, добрела до крыльца Юрія.

Въ мастерской горѣла лампа, при свѣтѣ которой я увидѣла Юрія черезъ стеклянную дверь. Онъ лежалъ на диванѣ, одѣтый. Я хотѣла постучаться къ нему, но не рѣшилась.

Поднялась буря, съ громомъ и молніей. Я дрожала отъ холода и отъ мысли, что мнѣ придется возвращаться къ себѣ по саду, въ грозу, подыматься по лѣстницѣ, въ темнотѣ...

Время шло, буря усиливалась. Началъ лить дождь. Вѣтеръ пронизывалъ мое розовое ситцевое платье, трепалъ волосы на моей головѣ, а я все стояла и стояла на крылечкѣ, не рѣшаясь постучаться къ Юрію, не рѣшаясь отойти отъ его освѣщенныхъ дверей.

Наконецъ, я рѣшилась: я постучалась.

Дверь отворилась. Я отскочила отъ нея въ темный уголъ площадки крыльца.

— Кто здѣсь?—спросилъ Юрій, показавшійся на порогѣ.— Милочка, это ты?..

Онъ сдѣлалъ шагъ въ мою сторону и сейчасъ же отступилъ назадъ.

— Вы?!—воскликнулъ онъ удивленно и недовольно, узнавъ меня при свѣтѣ ярко блеснувшей молніи.—Что вы здѣсь дѣ-

лаете въ такую погоду?.. зачѣмъ вы сюда пришли въ ночную пору?..

Я молчала.

— Вы здѣсь простудитесь, идите къ себѣ... идите скорѣй.

Я не трогалась съ мѣста.

— Идите же скорѣй... идите...—Юрій меня гналъ отъ себя, но когда онъ замѣтилъ, что я рѣшилась ему безропотно повиноваться, онъ вдругъ перемѣнилъ властный тонъ со мною и проговорилъ мягче:

— Впрочемъ, если хотите, вы можете войти ко мнѣ.

Моя любовь сильнѣе моего самолюбія: я воспользовалась милостивымъ, но далеко не любезнымъ приглашеніемъ или, вѣрнѣе, разрѣшеніемъ Юрія.

Войдя вслѣдъ за мною въ свою мастерскую, Юрій заперъ на ключъ за собою дверь, но это еще не все: онъ и тяжелую ковровую занавѣсъ спустилъ надъ нею.

— Зачѣмъ вы это дѣлаете?—спросила я съ безотчетнымъ страхомъ, отъ котораго у меня наконецъ развязался языкъ.

Онъ мнѣ ничего не отвѣтилъ.

— Я здѣсь не останусь... Я сейчасъ уйду!.. Выпустите меня!—заволновалась я.

— Для чего же вы сюда пришли?—насмѣшливо спросилъ онъ.

— Во всякомъ случаѣ не для того, чтобы здѣсь оставаться!.. Пустите меня!..

— Чего вы боитесь?.. Успокойтесь, Марья Сергѣевна. Я заперъ дверь, потому что сестра можетъ вернуться сюда ко мнѣ и застать васъ здѣсь... Но если вы боитесь оставаться со мною, то уходите...

Встрѣчаться у Юрія съ его сестрой, ночью, я, конечно, не хотѣла, но больше не хотѣла и уходить отъ него.

— Я и идти боюсь...—произнесла я нерѣшительно.

— Чего?—недовѣрчиво спросилъ онъ.

— Я боюсь и грозы, и темноты...

— Но когда вы шли сюда было и темно, и...

Я перебила его:

— Тогда я боялась только за васъ... я боялась, что, можетъ быть, вамъ дурно... я думала, что вы можете умереть...

— А вы не думали, что если я умру, вы можете выйти за „вашего“ Андрюшу, который васъ любитъ какъ „сестру“?

— Я никогда и ни за кого замужъ не выйду! — воскликнула я горячо и съ убѣжденіемъ. — Если вы умрете, то и я умру!..

— Не умрете, но выйдете замужъ...

— Но не за него, не за Андрея Ильича!.. я готова поклясться...

— Я и безъ вашей клятвы вѣрю, что въ эту минуту вы говорите то, что̀ думаете, но... но довольно объ этомъ, пока я еще живъ...

— И будете живы!.. — истерически крикнула я. — Вы не умрете... я не хочу слышать о вашей смерти... я не могу... не могу...

Что-то какъ будто защекотало у меня въ груди и подступило къ горлу. Мнѣ вдругъ неудержимо захотѣлось хохотать, вотъ-вотъ не выдержу и расхохочусь, но вмѣсто того я громко разрыдалась...

6 августа.

Бабушка, вызвавъ меня къ себѣ телеграммой, встрѣтила сценой.

— Новый романъ заводить!.. съ женатымъ человѣкомъ!.. да вѣдь это грѣхъ!..—кричала она.

— А разводы на что?—отвѣчала я спокойно.

— И разводъ — грѣхъ. Что̀ въ Евангеліи сказано?.. „Кто разведется или кто выйдетъ за разведеннаго, тотъ прелюбодѣйствуетъ“.

— Въ Евангеліи тоже сказано, что „кто много возлюбилъ, тому много и простится“.

— А ты къ чему это приводишь? Безстыдница!.. срамница!.. ты позоришь мою старость, мои сѣдые волосы...

Ну, Богъ съ ней, съ бабушкой! Положимъ, она мастеръ лаяться, да и я не плоха огрызаться, но попадись мнѣ только этотъ сплетникъ Чебаревъ!

И какая его нелегкая сюда принесла!.. Впрочемъ, и то не бѣда, что онъ насплетничалъ на меня бабушкѣ. Рано или поздно, она все равно узнала бы все отъ меня самой, но я не могу простить Чебареву, что черезъ него я должна была разстаться съ Юріемъ, когда вѣкъ бы съ нимъ не разставалась!..

12 августа.

Бабушка со мною не говоритъ, но подослала ко мнѣ Домну Семеновну въ качествѣ свахи.

— И отчего бы вамъ теперь не выйти замужъ за Андрея Ильича,—спросила она меня, какъ будто отъ себя.

— Скажите бабушкѣ, — отвѣтила я ей, — что теперь уже поздно. Тогда она не позволяла, а теперь я больше не хочу.

— Но отчего же такъ?

— Такъ, видно, не судьба...

— Такъ-то такъ, а жаль... Хорошій онъ человѣкъ, золотой, такой добрый, такой деликатный, и собою пріятный, къ тому же и богатый теперь. Вы бы подумали о себѣ, право...

— А вы лучше обо мнѣ не думали бы.

— Мнѣ-то что̀?.. что̀ мнѣ сказали сказать, то я и говорю...

— А вы скажите тѣмъ, кто вамъ сказалъ, то, что̀ я говорю.

Этимъ сватовство Домны Семеновны, по порученію бабушки, и кончилось.

Встрѣтивъ Чебарева на бульварѣ, гдѣ онъ проѣзжалъ свою новую лошадь, за которой, какъ оказывается, онъ сюда и пріѣхалъ, я его остановила и хотѣла, что называется, отдѣлать на всѣ корки, но изъ этого ничего не вышло.

— Простите меня, Марья Сергѣевна,—началъ онъ оправдываться, не дожидаясь моего обвиненія.—Я, право, не со зла, а просто сдуру, parole d'honneur!.. Почемъ мнѣ было знать, что ваша бабушенція ничего не знаетъ!.. Она меня спрашиваетъ что̀, да какъ?—хитрая старушенція, страшное дѣло!..—А я ей: такъ-то и такъ: - а она мнѣ: такъ вотъ какъ! — Тутъ-то я только узналъ, что она ничего не знаетъ и понялъ, что она все поняла. Тогда я себя треснулъ по башкѣ: „дуракъ ты, братъ, Антошка!.. молодая ты говядинка, старому воробью на клювъ самъ попался!“— Потомъ я туда и сюда... сплюнулъ—и поминай какъ звали!

Ну, что мнѣ было отвѣчать на такую безсмысленную чушь!

18 августа.

Бабушка опять говоритъ со мною, но ни о Юріѣ, ни объ Андрюшѣ—ни слова.

Не получивъ отвѣта на свое первое письмо, Андрюша пишетъ мнѣ вторично. Онъ извиняется передо мною въ самыхъ почтительныхъ, чуть ли не церемонныхъ выраженіяхъ, въ томъ, что уѣхалъ изъ Малиновки и такимъ образомъ не исполнилъ своего обѣщанія, которое онъ мнѣ далъ опрометчиво, не разсчитавъ своихъ „нравственныхъ силъ“ и не подумавъ о своей давно позабытой „слабости“, которою съумѣлъ воспользоваться „тотъ“, кому недостаточно было отнять у него, у Андрюши, мою любовь, но захотѣлось отнять еще и мое уваженіе.

Но я и на это письмо не отвѣчу Андрюшѣ—я дала слово Юрію.

Катя разсыпается въ восторженныхъ похвалахъ Андрюшѣ. Онъ и добръ, какъ ангелъ, онъ благороденъ, какъ рыцарь, онъ

и великодушенъ, какъ герой—словомъ, онъ дѣлится съ нею наслѣдствомъ ея мужа не по закону, а по-братски. Такимъ образомъ за нею остается Малиновка.

Въ постскриптумѣ она проситъ меня передать Чебареву, что „красное солнышко" ревнуетъ его къ „Маскотѣ". Я не понимаю, что это значитъ.

— Кто это—Маскотъ?—спросила я послѣ Чебарева.

— Это моя кобылка-съ,—усмѣхнулся онъ.

— А „красное солнышко" кто?

— Это нашъ секретъ-съ... А вы попробуйте догадаться.

Но я не попробовала—я не захотѣла догадаться.

30 августа.

Юрій ѣдетъ въ Кіевъ, опять по дѣлу о разводѣ. Неужели онъ опять побоится увидѣть эту... эту, красавицу... свою жену!..

Катя также собирается вмѣстѣ съ Андрюшей въ Кіевъ по какимъ-то дѣламъ, о которыхъ я никакого понятія не имѣю. „Купчая крѣпость", „запродажная запись"—для меня такія же страшныя слова, какъ „металлъ и жупелъ" для моей соперницы по части невѣжества въ этой области знаній.

Мнѣ тоже очень хочется поѣхать въ Кіевъ...

Поѣду—и кончено! Не можетъ же Юрій подумать, что я пріѣхала туда ради Андрюши, когда онъ самъ тамъ будетъ...

Мнѣ такъ хочется видѣть Юрія, такъ страстно хочется... Можетъ быть, я въ Кіевѣ и жену его увижу... Рѣшено—поѣду!

Кіевъ. 6 сентября.

Кажется мнѣ, что я напрасно сюда пріѣхала. Юрій, предупрежденный Катей о моемъ пріѣздѣ, не выѣхалъ меня встрѣтить на вокзалъ и хотя живетъ въ одной гостинницѣ съ нами, къ намъ не зашелъ. Такъ я его до сихъ поръ и не видѣла.

Андрюша тоже жилъ въ нашей гостинницѣ, но вчера переѣхалъ въ другую. Отъ кого изъ насъ онъ убѣжалъ—не знаю, такъ какъ мы съ Юріемъ пріѣхали въ одинъ и тотъ же день, только онъ рано утромъ, а я передъ вечеромъ...

Я поступила съ Юріемъ какъ Магометъ съ „горой": не дожидаясь, чтобы онъ ко мнѣ пришелъ, я сама пошла къ нему.

— Ты?!—воскликнулъ онъ озадаченно, отворивъ мнѣ свою дверь, въ которую я постучала изъ коридора. Очевидно, онъ ждалъ кого-нибудь другого, съ кѣмъ онъ не хотѣлъ, чтобы я встрѣтилась, потому что не впустилъ меня въ свою комнату, остановившись на порогѣ.

— Я пришла проститься съ тобой: я уѣзжаю,—схитрила я, вовсе не думая никуда уѣзжать пока.

— Съ Андреемъ Ильичемъ? — спросилъ Юрій съ дерзкою улыбкой.

— Развѣ Андрей Ильичъ тоже уѣзжаетъ? — удивилась я искренно.

— Я васъ объ этомъ спрашиваю...

— А я—васъ.

— Мнѣ до него дѣла нѣтъ. Я не для него сюда пріѣхалъ.

— И я не для него сюда пріѣхала и не съ нимъ уѣзжаю. Я пріѣхала въ Кіевъ, чтобы увидѣться съ вами и пришла теперь къ вамъ, чтобы проститься...

Въ концѣ коридора показался какой-то господинъ съ портфелемъ подъ мышкой. Завидѣвъ его, Юрій торопливо мнѣ сказалъ:

— Уходите... скорѣй, скорѣй!..

— Нѣтъ, я не уйду отъ васъ, пока вы не пообѣщаете придти ко мнѣ.

— Хорошо... приду, приду...

— Проститься?..

Онъ не успѣлъ мнѣ отвѣтить, потому что въ это время подошелъ къ намъ господинъ съ портфелемъ, который протянулъ Юрію руку, съ подозрительнымъ любопытствомъ косясь на меня сквозь очки...

Юрій исполнилъ послѣ свое вынужденное обѣщаніе: онъ пришелъ ко мнѣ съ тѣмъ, чтобы проститься со мною, но вмѣсто того самъ же потомъ просилъ меня остаться съ нимъ въ Кіевѣ.

8 сентября.

Этотъ господинъ, который приходилъ вчера къ Юрію, присяжный повѣренный по бракоразводнымъ дѣламъ.

Г-жа Жанна Лео согласилась наконецъ вести съ мужемъ интимные переговоры черезъ третье постороннее лицо. А Юрій такъ и не видѣлъ своей жены. Мнѣ кажется, что онъ избѣгаетъ даже выходить днемъ на улицу, чтобы не встрѣтиться съ нею, а выходитъ изъ дому по вечерамъ, когда она въ театрѣ. Неужели онъ такъ боится попасть снова подъ ея чары! Эта мысль гложетъ меня...

Ревность, жгучая, необузданная, только моя ревность могла мнѣ внушить смѣлость, чтобы сказать сегодня Юрію прямо, твердо и рѣшительно:

— Или ты увидишь свою жену, или меня ты больше никогда не увидишь!

— Хорошо, я ее увижу, но и ты ее увидишь вмѣстѣ со мною,—отвѣтилъ онъ мнѣ безъ малѣйшаго колебанія, совершенно спокойно.

Странно,—но неожиданное согласіе Юрія меня и удивило и озадачило, но нисколько не обрадовало.

12 сентября.

Какъ я раскаиваюсь въ своемъ ревнивомъ требованіи. Давая такъ охотно на него свое согласіе, Юрій зналъ, что въ его исполненіи я найду за него наказаніе. Онъ понимаетъ меня лучше, чѣмъ я самоё себя понимаю...

Вотъ какъ все произошло:

Цѣлый день я Юрія не видѣла. Въ восемь часовъ вечера онъ пришелъ ко мнѣ и сказалъ: „Ѣдемъ!"—я даже не спросила куда?

Мы поѣхали въ театръ. Во время пути, сидя со мною въ фаэтонѣ, Юрій не промолвилъ ни слова, а я и взглянуть на него не рѣшалась. Я волновалась безмѣрно и вся дрожала какъ въ ознобѣ, хотя кровь жгла меня какъ въ жару.

Что̀ происходило въ театрѣ—я не помню. Изъ всего тамъ мною видѣннаго, въ моей памяти ясно запечатлѣлись лишь образъ полуодѣтой женщины, разнузданно отплясывавшей канканъ—и блѣдное, страдальческое лицо Юрія, который смотрѣлъ на эту женщину съ невыразимымъ отвращеніемъ.

Нашъ путь изъ театра, такъ же какъ и туда, совершился въ полномъ безмолвіи. Проводивъ меня до моихъ дверей, Юрій, не останавливаясь и не простившись со мною, быстро направился дальше по коридору въ свой номеръ.

— Простите меня, — сказала я Юрію на слѣдующій день, войдя въ его комнату вечеромъ и напрасно прождавъ его цѣлый день у себя.

— Простить, въ чемъ?—спросилъ онъ, бѣгло взглянувъ на меня и снова опустивъ глаза на письмо, которое онъ писалъ, когда я вошла къ нему.

Я не знала, что̀ ему отвѣтить на его вопросъ. Хотя я и чувствовала въ чемъ-то искреннее раскаяніе, но въ чемъ именно, я не могла положительно сказать и потому поневолѣ молчала.

Юрій пересталъ писать. Онъ всталъ изъ-за письменнаго стола, на которомъ горѣли двѣ свѣчи, тускло освѣщая его строгое, серьезное лицо, раза два молча прошелся взадъ и впередъ по своей комнатѣ и наконецъ, остановившись передо мною, снова спросилъ:

— Простить?.. въ чемъ?.. Въ томъ, что ты заставила меня

вчера страдать?.. Теперь и ты страдаешь, понявъ слишкомъ поздно всю безполезную жестокость своего невеликодушнаго каприза, внушеннаго тебѣ ревнивымъ подозрѣніемъ: „а что если змѣя въ его сердцѣ еще не умерла, а только заснула!.. дай-ка я ее подразню, можетъ быть, она проснется и снова ужалитъ"... А еслибы змѣя снова ужалила меня, тебѣ же было бы больно, надѣюсь...

Я стояла опустивъ передъ Юріемъ свою повинную голову, и молчала, а онъ, немного погодя, продолжалъ, перемѣнивъ свой укоризненный тонъ на обвинительный:

— Твое собственное раскаяніе пусть тебѣ послужитъ наказаніемъ...

Андрюша уѣхалъ въ Малиновку за какими-то межевыми планами. Такъ я его ни разу и не видѣла въ Кіевѣ. Впрочемъ, онъ очень скоро вернется сюда обратно и пробудетъ здѣсь, пока не кончитъ свои дѣла по раздѣлу наслѣдства съ Катей.

14 сентября.

Сегодня день рожденія Бобки,—ему было бы семь лѣтъ.

Мы съ Катей ѣздили въ лавру служить по немъ панихиду.

Я вернулась изъ лавры очень разстроенная домой, гдѣ Юрій меня еще больше разстроилъ, сообщивъ, что онъ, по моему настоянію, былъ у профессора, который ему сказалъ, что съ его болѣзнью, пожалуй, и долго можно жить, но можно и умереть отъ каждаго припадка.

— Зачѣмъ онъ тебѣ это сказалъ?!. — воскликнула я возмущенно.

— Потому что я его просилъ сказать мнѣ правду, — спокойно отвѣтилъ онъ.

— Но такая правда не говорится!..

— Смотря кому... Я не барышня, сотканная изъ листочковъ мимозы.

— Я не знаю, изъ чего я соткана, но такой правды слышать не хочу!.. Зачѣмъ ты мнѣ ее говоришь?..

— Это мой долгъ. Мой долгъ также поговорить съ тобой кое о чемъ, но объ этомъ завтра. Сегодня ты ужъ черезчуръ „мимозно" настроена.

Какъ я ни просила Юрія сказать мнѣ все сейчасъ же, но онъ отдѣлывался отъ меня шуточками, пока Катя не вышла изъ своей спальни, гдѣ она переодѣвалась, и не предложила намъ поѣхать съ нею покататься за Днѣпръ. Юрій охотно согласился, и мы сдѣлали втроемъ очень пріятную прогулку.

— Что ты мнѣ хотѣлъ вчера сказать?—спросила я Юрія, оставшись съ нимъ позднимъ вечеромъ вдвоемъ.

— Не будьте такъ любопытны, Марья Сергѣевна, любопытство бываетъ часто наказано,—попробовалъ Юрій отшутиться, но тутъ же перемѣнилъ тонъ и произнесъ серьезно:—Я долженъ тебѣ сказать правду, а правда рѣдко бываетъ пріятна.

— Пріятное или непріятное, но я все хочу знать.

— Ну, такъ знай же, что тебѣ придется принести жертву.

— Какую?—съ безпокойствомъ спросила я.

— Большую—для маленькой любви, и маленькую—для большой любви. Любовь только жертвами вѣдь и можно измѣрить.

— Въ чемъ же будетъ состоять эта *маленькая* жертва, которую ты требуешь отъ меня.

— Я не требую — жертва должна быть добровольна. Дѣло въ томъ...

Юрій не договорилъ. Оборвавшись на полусловѣ, онъ сдѣлалъ стремительное движеніе обѣими руками, чтобы спасти ночную бабочку, кружившуюся надъ горѣвшей на столѣ лампой. Этой бабочки Юрій не замѣчалъ до тѣхъ поръ, пока ему не пришлось заговорить о „дѣлѣ“, а тутъ онъ принялся ее спасать отъ огня, съ рискомъ обжечь себѣ пальцы. Поймавъ ее за обгорѣлыя уже крылышки, онъ ее выбросилъ въ открытое настежь окно, а самъ снова сѣлъ на кушеткѣ.

Собравшись съ духомъ, въ чемъ Юрію помогла бабочка, давъ ему на это минуту времени, онъ продолжалъ:

— Дѣло въ томъ, что моя жена согласна на разводъ со мною лишь подъ двумя условіями. Первое изъ нихъ состоитъ въ томъ, что я ей долженъ дать тридцать тысячъ рублей, которыхъ у меня нѣтъ...

Я съ живостью перебила его:

— Но у меня онѣ есть... то-есть не тридцать, а всего двадцать пять... но я займу остальныя... это даже и жертвой не будетъ...

— Потому что я ее не приму,—поспѣшилъ Юрій добавить,—не достаточно еще твоей готовности купить меня у моей жены, надо еще мое согласіе продать себя тебѣ.

Я покраснѣла до ушей не за себя, а за Юрія.

Замѣтивъ впечатлѣніе, произведенное на меня его словами, онъ торопливо проговорилъ:

— Я самъ откуплюсь отъ своей жены. Надо будетъ продать имѣніе...

— „Лѣски“?.. и вамъ не жаль?—и удивилась я и обрадовалась, но больше удивилась.

— Мнѣ не жаль „Лѣсковъ“, но мнѣ жаль сестру. Милочка всю свою разбитую жизнь положила на свое маленькое доброе дѣло: учить бѣдныхъ дѣтей, лечить больныхъ...

„Солить огурцы, садить капусту“, — подумала я, но такъ какъ Юрій не могъ читать моихъ мыслей, то онъ продолжалъ растроганно:

— Разстаться сестрѣ со всѣмъ тѣмъ, что̀ она приняла въ свою любвеобильную душу, что̀ ее утѣшило въ горѣ, что̀ ее примирило съ самоё собою—будетъ для нея истинною жертвой.

— Я такой жертвы отъ Людмилы Васильевны не приму,— необдуманно повеликодушничала я.

Юрій возразилъ задорно:

— Вамъ она ее и не принесетъ, а я приму.

— Отчего же лучше не заложить имѣнія?—попробовала я некстати посовѣтовать, чѣмъ раздражила Юрія.

Онъ проговорилъ съ досадой:

— Потому что оно уже заложено и перезаложено... Но оставимъ это!.. И безъ вашихъ совѣтовъ и помощи я найду необходимыя деньги, чтобы выкупить свою свободу, но...

Юрій примолкъ; такъ какъ спасенная имъ бабочка не прилетѣла къ нему на выручку—неблагодарная!—то онъ привязался къ какой-то безобидной мухѣ, точно къ злѣйшему своему врагу.

Преслѣдуемая имъ муха сама спаслась, вылетѣвъ въ окно. Не находя больше ни въ чемъ и ни въ комъ удобнаго предлога для прекращенія со мною начатаго щекотливаго разговора, Юрій рѣшился наконецъ нанести мнѣ послѣдній и тяжкій ударъ:

— Купленная мною съ огромною жертвой, со стороны сестры, свобода будетъ лишь полу-свободой; сверхъ того, вина останется на мнѣ.

— Что это значитъ?—не сообразила я сразу, но уже предчувствуя что-то недоброе по пониженному тону Юрія, которымъ имъ была сказана послѣдняя фраза и по его опущеннымъ глазамъ.

— Это значитъ, что вы должны будете принести жертву вашимъ согласіемъ на бракъ съ человѣкомъ, обреченнымъ, хотя и по чужой винѣ, но по закону, на безбрачіе.

— Я не понимаю...—пробормотала я, — дѣйствительно не понимаю, въ чемъ именно будетъ состоять моя жертва. Какъ же я могу выйти за васъ замужъ, когда вы не будете въ правѣ на мнѣ жениться?..

— А такъ же, какъ и другіе женятся и замужъ выходятъ въ подобныхъ случаяхъ: обвѣнчаемся тайно.

— А потомъ?..

— Чего вы не спите до сихъ поръ и только мнѣ мѣшаете спать,—недовольнымъ, соннымъ голосомъ прокричала Катя изъ спальни.

Юрій, кажется, былъ очень доволенъ постороннимъ вмѣшательствомъ между нами. Онъ сейчасъ же ушелъ, наскоро простившись со мною.

21 сентября.

Юрій избѣгаетъ меня. Онъ вѣрно тоже мучается моимъ молчаніемъ. Къ тому же онъ, кажется, не хорошо себя чувствуетъ. Видъ у него совсѣмъ больной. Я почти увѣрена, что у него былъ опять припадокъ, и онъ употребилъ большую дозу морфія, потому что у него глаза какіе-то тусклые, точно туманомъ подернутые.

Завтра долженъ пріѣхать Андрюша.

23 сентября.

Юрій, очевидно, ждалъ чего-то, ждалъ, но, ничего не дождавшись, пришелъ ко мнѣ и объявилъ:

— Я уѣзжаю.

При его входѣ въ гостиную я держала въ рукахъ модный журналъ, который продолжала перелистывать при немъ молча, даже не спросивъ его, когда онъ уѣзжаетъ.

Видя, что сообщенное имъ извѣстіе не произвело на меня ожидаемаго и желаннаго впечатлѣнія, онъ спросилъ:

— А вы, Марья Сергѣевна, остаетесь въ Кіевѣ?

— Да, Юрій Васильевичъ, я останусь пока...

Юрій прервалъ меня:

— Пока Андрей Ильичъ сюда не вернется?

— Онъ уже вернулся, онъ уже здѣсь.

— Вы его видѣли?—спросилъ Юрій.

— Нѣтъ еще...

— Еще?!. — съ удареніемъ произнесъ онъ, — значитъ, вы увидите его?..

— Не знаю, это зависитъ...

— Отъ чего это зависитъ, или отъ кого?—спросилъ онъ.

— Только отъ меня одной, конечно. Если я захочу, то увижу Андрея Ильича, но я еще не знаю, захочу ли...

— Вы никогда не знаете сами чего хотите!—вспылилъ Юрій, на что я ему отвѣтила тоже запальчиво.

— Но зато я хорошо знаю, чего не хочу!

Въ отвѣтъ мнѣ Юрій повернулся ко мнѣ спиной и быстрыми шагами направился къ двери, которую съ такимъ трескомъ заперъ за собой, что я вздрогнула всѣмъ тѣломъ и выронила модный журналъ изъ рукъ на полъ.

Когда я говорила Юрію, что не знаю еще, захочу ли я видѣть Андрюшу, я рѣшительно не хотѣла его видѣть, а теперь хочу, непремѣнно.

25 сентября.

Какая я была злая, какая я была жестокая!.. глупо-злая и тупо-жестокая. Еслибы, заставляя Юрія мучительно и унизительно страдать, я съумѣла хотя бы насладиться его пыткой— но и того нѣтъ! Я сама страдала мучительно. Унижая его, я себя унижала, касаясь безжалостно раны въ его сердцѣ, я чувствовала ту же боль, которую и причиняла.

Я каюсь передъ собою и буду каяться передъ нимъ.

Завтра я открою передъ Юріемъ всю свою душу, истерзанную сомнѣніями, подозрѣніями, открою ему свое наболѣвшее отъ затаенной ревности къ прошлому сердце... Я буду у него просить прощенія за все.

Но развѣ я могла думать о томъ, что̀ говорила въ тѣ ужасныя минуты... Я даже не помню, съ чего все началось...

Да, припоминаю: Андрюша пришелъ къ Катѣ, ее дома не было... Зачѣмъ я его приняла?!.. Зачѣмъ... Чтобы отомстить Юрію?.. За что̀?.. за что̀?—спрашиваю я самоё себя—и не нахожу отвѣта.

Почти слѣдомъ за смущеннымъ моимъ пріемомъ Андрюшей вошелъ Юрій. Увидѣвъ насъ вдвоемъ, онъ поблѣднѣлъ какъ смерть, и, остановившись посреди комнаты, повернулся уже, чтобы уйти, но вышло какъ-то такъ, что онъ остался, а Андрюша ушелъ. Тутъ сейчасъ и началась между нами безумная сцена.

Юрій вышелъ, крайне взволнованный, изъ гостиной, но потомъ опять вернулся, на одну минуту, подошелъ къ кушеткѣ, на которую я бросилась въ полномъ изнеможеніи, нагнулся, поцѣловалъ меня въ лобъ и тихо сказалъ, почти шопотомъ:

„Прощай!!“

28 марта.

Шесть мѣсяцевъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ я услышала его послѣднее слово прощанья.

Я пережила Юрія, я цѣлыхъ полгода прожила послѣ него... но какъ?!..

Зачѣмъ, отнимая у него жизнь, судьба оставила мнѣ разумъ!..

Что̀ было тогда, въ тотъ день, со мной—не помню. Говорятъ, что, прибѣжавъ на мой неистовый крикъ, меня нашли распростертой на полу возлѣ дивана, на которомъ Юрій лежалъ мертвый.

Говорятъ, что Людмила Васильевна пріѣзжала на похороны брата; что сама она не плакала, но глядя на нее никто не могъ удержаться отъ слезъ; что ей сдѣлалось дурно во время отпѣванія, когда въ церковь вошла какая-то раскрашенная женщина въ траурномъ вдовьемъ вуалѣ и, подойдя къ гробу, возложила на него вѣнокъ изъ иммортелекъ.

Все это я слышала потомъ, а въ тѣ ужасные дни я лежала въ нервной горячкѣ, и метаясь на постели, колотясь головой о подушки, я повторяла все одно и то же: „Прости!.. Юрій!.. прости!..“

1 мая.

Со смерти Юрія прошло болѣе года.

— Вы должны жить... жить для другихъ,—сказалъ мнѣ сегодня Андрюша.

Я не рѣшилась его спросить, для кого я должна жить, я побоялась, что онъ отвѣтитъ: „для меня“...

Андрюша вскорѣ уѣхалъ и увезъ одну надежду съ собою. У меня не стало рѣшимости отнять ее у него. Онъ съ такою кроткою мольбой смотрѣлъ на меня своими большими голубыми глазами, полными слезъ, и такъ жалобно говорилъ:

— Вѣдь я у васъ ничего не прошу. Не давайте мнѣ обѣщанія, но не отнимайте у меня надежды, маленькой, самой маленькой надежды... Я уѣзжаю сегодня къ себѣ въ деревню, гдѣ пробуду все лѣто, всю осень, и откуда не напомню вамъ о себѣ ни единою строчкой, но ровно черезъ полгода я вернусь сюда. Пятаго ноября я буду здѣсь, у васъ, и тогда вы мнѣ скажете „да“ или „нѣтъ“—а пока ничего не говорите, умоляю васъ, умоляю...

20 мая.

— Лучше бы вы ужъ въ монастырь пошли,—совѣтуетъ мнѣ Домна Семеновна,—тамъ вы свою душу спасли бы, по крайней мѣрѣ, а здѣсь вы только свою молодую жизнь губите въ слезахъ да тоскѣ. Грѣхъ это!

— Хоть бы ты поѣхала куда для здоровья, — говоритъ бабушка,—посмотри на себя въ зеркало — на что̀ ты похожа стала: кожа да кости. Прежде у тебя, казалось, вмѣсто крови въ жилкахъ молоко текло, а теперь куда и бѣлизна твоя дѣвалась! Молоко въ лимонный сокъ обратилось!.. Поѣзжай въ деревню къ Катѣ на лѣто. Тамъ ты опять поправишься, дастъ Богъ!..

Чтобы я поѣхала въ Малиновку—да Боже меня сохрани!.. Тамъ каждый листочекъ на каждомъ кустикѣ будетъ меня спрашивать о Юріѣ,—гдѣ онъ?

— Поѣдемъ со мною на морскія купанья сперва въ Трувиль, а потомъ въ Біарицъ; тамъ, говорятъ, такъ весело, вотъ увидите какъ весело!—соблазняетъ меня Когтева.

— Счастье эгоистично,—философствуетъ Варенька Приклонцева,—а горе любитъ, чтобы имъ дѣлились съ другими.

— У меня горе нелюдимое,—отвѣчаю я ей.

3-го іюня.

Катя пріѣзжала сюда изъ Малиновки на нѣсколько дней вмѣстѣ съ Чебаревымъ—просить у бабушки благословенія на бракъ. Увидѣвъ меня, онъ всплеснулъ руками:

— Правду говорятъ, что горе однихъ только раковъ краситъ!

— Ты опять похорошѣешь, когда волосы твои отростутъ,—утѣшила меня Катя,—а пока я носила бы, на твоемъ мѣстѣ, парикъ.

Я ее поблагодарила за умный совѣтъ.

— Ничего глупаго въ моемъ парикѣ нѣтъ,—замѣтила она обидчиво,—гораздо глупѣе твой теперешній затрапезный черный балахонъ, въ которомъ ты на богомолку перехожую похожа.

Я не стала съ нею спорить. Не все ли мнѣ равно теперь—на кого я похожа!..

Чебаревъ собирается отпраздновать свою свадьбу съ Катей такъ, чтобы всѣмъ чертямъ стало тошно. Съ этою цѣлью онъ выпишетъ телятину изъ Москвы, устрицы изъ Остенде, паштеты съ гусиною печенкой изъ Страсбурга, омары изъ Шербурга, окорока изъ Праги, а фрукты и конфекты изъ Парижа.

На невѣстѣ Чебарева подъ вѣнцомъ будетъ надѣто бѣлое платье изъ старинныхъ венеціанскихъ кружевъ, а голову ея будетъ украшать, вмѣсто померанцеваго вѣнка, діадема изъ брилліантовъ.

Катя сіяетъ.

18 августа.

Сегодня день Катиной свадьбы съ Чебаревымъ. Ну, дай ей Богъ всего лучшаго! Они будутъ вѣнчаться въ Миражѣ. Катя умоляла меня пріѣхать къ ней на свадьбу, но это было свыше моихъ силъ. Мнѣ пришлось бы встрѣтиться съ Андрюшей, котораго она пригласила къ себѣ шаферомъ; кромѣ того, еще и другое... Нѣтъ, мнѣ еще не мѣсто даже и на чужомъ брачномъ пиру!..

5 сентября.

Неужели единственное счастье женщины быть женою и матерью?!..

Да и не всѣ же дѣвушки несчастны. Варенька Приклонцева, напримѣръ, ни за что не хочетъ выходить замужъ. Она совершенно довольна своею дѣвичьею долею—и всѣмъ своимъ женихамъ, по ея собственному выраженію, „показываетъ поворотъ отъ своихъ воротъ“. И мужа, и ребенка ей замѣняетъ ея талантъ, ея любимое дѣтище, которое ее питаетъ сладкими надеждами...

А я „безталанна“!.. Вотъ и не знаю, чѣмъ мнѣ наполнить мою пустую жизнь...

Вчера я получила письмо отъ Людмилы Васильевны. Мы съ нею въ перепискѣ, которою мы поддерживаемъ наши отношенія, въ память Юрія.

Вотъ и она обходится безъ мужа, безъ дѣтей, наполняя свою безличную жизнь заботами о своихъ ближнихъ и своемъ хозяйствѣ.

Не купить ли и мнѣ имѣньице, право... Заведу школу, больничку, разведу огородъ. Только и на это нуженъ талантъ!..

4 ноября.

Завтра пятое ноября, завтра долженъ пріѣхать Андрюша.

Шесть мѣсяцевъ тому назадъ, когда онъ меня умолялъ не говорить ему ни „да“, ни „нѣтъ“, я была увѣрена, что когда настанетъ назначенный имъ срокъ, я ему скажу: „нѣтъ“. А теперь, когда этотъ срокъ наступилъ, я не увѣрена, что не скажу Андрюшѣ: „да“...

Софья Витте.

КОНЕЦЪ.

МОЯ ПОѢЗДКА

въ

ШОТЛАНДІЮ

Воспоминанія и замѣтки.

I.—Гласговская выставка.

Прошлое лѣто я провелъ въ Гласго, гдѣ успѣлъ присмотрѣться во многому какъ въ жизни Шотландіи, такъ и спеціально въ жизни Гласго. И теперь, собираясь подѣлиться своими впечатлѣніями съ читателемъ, я раньше всего невольно останавливаюсь на гласговской международной выставкѣ.

Часто, вмѣсто того, чтобы тѣсниться въ толпѣ, я предпочиталъ любоваться выставкой издали, съ высокихъ горъ, примыкавшихъ къ ней съ запада и съ юга. Видъ съ этихъ горъ открывался восхитительный. Вся выставка была какъ на ладони, рѣзко выдѣляясь на сѣромъ, безцвѣтномъ фонѣ громаднаго города своими красками и оригинальной архитектурой. Главное выставочное зданіе ярко бѣлѣло съ своей верандой и портикомъ и отсвѣчивало сусальнымъ золотомъ своихъ башенекъ и минаретовъ, среди которыхъ возвышался огромный куполъ, поддерживавшій рѣявшаго высоко въ воздухѣ золочёнаго ангела. По обѣимъ сторонамъ этого зданія были раскинуты павильоны, эстрады, рестораны и кіоски причудливыхъ рисунковъ и яркихъ цвѣтовъ. Но особенно былъ интересенъ видъ по вечерамъ, когда на темномъ фонѣ ночи зажигались десятки тысячъ разноцвѣтныхъ огней. Стоя

на горной террасѣ, можно было видѣть тамъ внизу освѣщенныя гирляндами электрическихъ лампочекъ высокія башни, колонны, карнизы, галереи, балконы; вы могли видѣть огромныя толпы народа, медленно передвигавшіяся или неподвижно окружавшія эстрады, откуда доносились мелодическіе звуки разныхъ оркестровъ. И чѣмъ короче становились дни, тѣмъ оживленнѣе и ярче казалась выставка по вечерамъ. Иллюминаціи дѣлались все богаче и пышнѣе; начались фейерверочныя представленія, и выставка, бывало, озарялся моремъ разноцвѣтныхъ огней и переполняется грохотомъ и трескомъ ракетъ, сливавшимися съ музыкой оркестровъ. Сама публика, чѣмъ ближе къ концу, тѣмъ оживленнѣе и подвижнѣе становилась. Казалось, она спѣшила жить и наслаждаться, пока еще выставка открыта, и пока еще Гласго не вошелъ въ свою будничную колею. И когда, бывало, къ десяти часамъ ночи огни быстро потухали, фейерверки прекращались, музыка умолкала и выставочная территорія вся погружалась вдругъ во мракъ и покой, среди которыхъ раздавалось лишь таинственное журчанье протекавшей черезъ нее рѣки Кэльвинъ, сказочность картины выступала еще сильнѣе. Точно дворцы Аладдина, появлялись и исчезали всѣ эти выставочныя постройки и всѣ эти архитектурныя красоты и выкрутасы.

Да, изъ міра сказокъ вышло человѣчество, и въ міръ сказокъ, повидимому, возвращается оно! Двадцать-тридцать лѣтъ тому назадъ ничего подобнаго съ свѣтовыми эффектами, какіе можно было видѣть на парижской или гласговской выставкѣ, не было возможно. Вмѣсто электрическихъ лампъ существовали фонари; вмѣсто лампочекъ черезъ накаливаніе, нанизанныхъ на проволокѣ, которая можетъ быть перекинута черезъ балконы и башни, погружаться на дно рѣки, подъ водопадами, и бѣгать по зигзагамъ архитектурныхъ линій,—чадили плошки и бочки съ саломъ и смолой. Когда требовалось устроить иллюминацію, то нужно было зажигать каждую плошку отдѣльно, лазить съ лѣстницами, подниматься на веревкахъ и продѣлывать разныя другія головоломныя и трудныя штуки. И потухали огни тоже помаленьку, отъ вѣтра ли, отъ истощенія запасовъ сала и смолы или другихъ причинъ. Ничто тогда не говорило воображенію, не поражало ума. Теперь же отъ одного лишь незамѣтнаго поворота ключа гдѣ-нибудь въ укромномъ и никому невѣдомомъ мѣстѣ все сразу вспыхиваетъ и оживаетъ и такъ же внезапно и сразу тухнетъ и замираетъ. Какихъ еще намъ нужно волшебныхъ жезловъ и лампъ аладдиновыхъ!

Однако, несмотря на то, что издали выставка казалась

чѣмъ-то не реальнымъ и словно перенесенной изъ какого-то другого міра, чуждаго Гласго и его жизни, на самомъ дѣлѣ она была плоть отъ плоти Шотландіи, и врядъ ли какая другая выставка въ мірѣ, носившая названіе „международной", отличалась такимъ строго мѣстнымъ характеромъ, какъ гласговская международная выставка 1901 года. На этой выставкѣ, какъ въ фокусѣ, было собрано и представлено все то, чѣмъ Шотландія богата и жива. Не только экспонаты, но и весь выставочный бытъ, порядки и организація выставки, программы ея развлеченій— все это рельефно выдвигало и обрисовывало характеръ шотландскаго народа, его традиціи и вкусы, его культуру и общественную жизнь, какъ достоинства, такъ и недостатки ея.

Нечего говорить, что выставка въ Гласго явилась исключительно дѣломъ частнаго почина. Ее затѣяли нѣсколько гласговскихъ гражданъ, помнившихъ успѣхъ выставки 1888-го года. И такъ какъ всегда и вездѣ широкій частный починъ идетъ рука объ руку съ широкой общественной жизнью, безъ которой онъ немыслимъ, то и тутъ дѣло сразу приняло общественный характеръ. 20-го октября 1897 года былъ созванъ митингъ гражданъ города Гласго и другихъ лицъ въ зданіи думы и собравшіяся лица тутъ же на митингѣ, выслушавъ проектъ предпріятія, подписали гарантію на капиталъ въ 200.000 фунтовъ стерлинговъ. Тогда же была образована выставочная компанія и избранъ изъ среды присутствовавшихъ исполнительный комитетъ. Черезъ три мѣсяца гарантированный капиталъ увеличился до 349.667 фунтовъ, а ко дню открытія выставки онъ составлялъ больше полумилліона фунтовъ; при этомъ было рѣшено весь излишекъ дохода, какой окажется за уплатой процентовъ по гарантированному капиталу, передать въ пользу города на какую-нибудь опредѣленную цѣль. Въ 1888 г. выставка дала излишекъ въ 47.000 ф. ст., поступившій на постройку „Галереи художествъ", стоившей въ общемъ свыше двухъ милліоновъ рублей. И теперь также было рѣшено доходъ употребить на дѣло художественнаго образованія, доступнаго одинаково всѣмъ, т.-е. не на школы или академіи, доступныя лишь молодежи и вообще учащимся, а на покупку картинъ и другихъ предметовъ искусства, на пріобрѣтеніе органовъ для народныхъ залъ, на народные концерты и т. под. всѣмъ одинаково доступныя для пользованія предпріятія.

Церемонія закладки совершена 22 апрѣля 1899 г., а 2 мая 1901 г. всѣ выставочныя зданія, всѣ отдѣлы, за исключеніемъ

русскаго, и вся техническая часть ея благоустройства, какъ освѣщеніе, водопроводъ и пр., были совершенно готовы.

Въ виду общественнаго значенія выставки, въ покровители ея и въ члены ея совѣта и комитетовъ были приглашены разныя почетныя лица, начиная съ короля и кончая членами гласговскаго муниципальнаго правленія. Городской голова (лордъ-провостъ) былъ избранъ предсѣдателемъ совѣта выставки и всѣ пріемы и церемоніи, связанные съ нею, совершались имъ, какъ представителемъ города Гласго. Такимъ образомъ, дѣло, затѣянное частными лицами и исполненное на одни лишь частныя средства, обратилось въ общее дѣло города, слилось съ городской корпораціей и формально сдѣлалось предпріятіемъ города, хотя налогоплательщики никакого риска не несли и никакой отвѣтственности не взяли на себя. Каждый изъ гласговскихъ гражданъ считалъ выставку какъ бы своей собственностью; каждый изъ нихъ гордился успѣхомъ ея, точно самъ устраивалъ ее и все, что̀ показывалось на ней, было сдѣлано какъ бы его собственными руками.

И дѣйствительно, главную часть экспонатовъ составляли шотландскія издѣлія. Англія (т.-е. не Шотландія) въ выставкѣ почти никакого участія не приняла. Лондонъ, Ливерпуль, Манчестеръ и другіе большіе города Англіи такъ и посмотрѣли на выставку въ Гласго, какъ на частное дѣло одной Шотландіи, и даже не всей Шотландіи, а лишь одного города ея Гласго. Даже столица Шотландіи, Эдинбургъ, отстоящая всего въ часѣ ѣзды отъ Гласго, не очень-то охотно отозвалась на приглашеніе принять участіе въ выставкѣ. Ревность, существующая между этими двумя шотландскими городами, каждый изъ которыхъ претендуетъ на первенство, очень ясно сказалась въ томъ пренебреженіи, съ какимъ Эдинбургъ отнесся къ призыву Гласго. Эдинбургъ—это своего рода шотландская Москва, старая „порфироносная вдова“, имѣющая свой историческій кремль въ видѣ Holyrood Palace, мѣсто, гдѣ вѣнчались шотландскіе короли и гдѣ еще и теперь вѣнчаются иногда короли Великобританіи. Гласго же, это—своего рода Петербургъ, выскочка, несмотря на свое многовѣковое существованіе, болѣе живой, болѣе космополитическій, чѣмъ Эдинбургъ, и болѣе прогрессивный и многолюдный.

Этимъ пренебрежительнымъ отношеніемъ къ выставкѣ объясняется, конечно, и то, что когда выставка открылась, то главными ея посѣтителями были сами гласговцы и другіе шотландцы. Англичанъ же было очень мало. Особенно косились на нее лон-

донцы. „Гласго!.. Что намъ можетъ показать этотъ Гласго! Ужъ эти шотландцы, выдумаютъ же!“—какъ будто говорили они, проявляя инстинктивно старое, закоренѣлое чувство соперничества между Шотландіей и Англіей. Дальше я буду имѣть случай болѣе подробно говорить о національныхъ отношеніяхъ этихъ двухъ частей Соединеннаго Королевства; теперь же возвратимся опять къ выставкѣ. Само собою разумѣется, что еще меньше англичанъ посѣщали выставку иностранцы. Строго говоря, иностранныхъ посѣтителей на ней почти и не было. Лишь изрѣдка можно было замѣтить на ней какого-нибудь случайно забредшаго туриста изъ Франціи, Германіи или Россіи; но какъ обычное явленіе, которое можно было наблюдать на всякой другой большой международной выставкѣ, иностранный посѣтитель въ Гласго отсутствовалъ. И выставка не только экспонатами, но и по преобладающему составу посѣтителей была вполнѣ гласговская, а въ болѣе широкомъ смыслѣ—шотландская. Не удивительно поэтому, что и весь бытъ ея уже носилъ чисто національный характеръ, яркій мѣстный колоритъ, богатый лишь ему одному свойственными особенностями.

Однимъ изъ наиболѣе интересныхъ и несомнѣнно наиболѣе характернымъ для гласговской промышленности отдѣломъ былъ судостроительный. Этотъ отдѣлъ занялъ очень большое мѣсто въ главномъ зданіи и представлялъ собою рѣдкостный видъ разныхъ моделей съ построенныхъ главнымъ образомъ на гласговскихъ верфяхъ судовъ. Тутъ были модели судовъ, поддерживающихъ сообщеніе лишь между Ирландіей и Шотландіей, и модели огромнѣйшихъ кораблей, совершающихъ рейсы въ отдаленнѣйшіе края; модели судовъ, построенныхъ въ первые дни пароходнаго сообщенія и представлявшихъ лишь робкія попытки судостроительной техники, и модели только-что спущенныхъ въ воду гигантовъ, составляющихъ послѣднее слово комфорта и двигательной силы. Среди разныхъ моделей можно было видѣть, напр., модель судна, выстроеннаго въ 1839 г. въ Гласго для первой экскурсіи по Клайду, и сравнить ее съ моделью экскурсіонныхъ пароходовъ, выстроенныхъ тамъ же 30 или 40 лѣтъ спустя. Какой ростъ въ числѣ пассажировъ и въ требованіяхъ по отношенію къ удобствамъ! Вотъ модель судна, построеннаго въ послѣдній разъ изъ желѣза въ 1855 г., и тутъ же другая модель парохода, построеннаго недавно на той же верфи изъ стали для пароходной компаніи Кунардъ. Вмѣстимость его 14.000 тоннъ, длина 580 футовъ, что представляетъ рѣзкій контрастъ съ 2050 тоннами вмѣстимости и 270 ф. длины перваго стального

парохода, изготовленнаго той же судостроительной фирмой. Было бы, однако, долго останавливаться здѣсь на всѣхъ даже наиболѣе интересныхъ судовыхъ моделяхъ, фигурировавшихъ на выставкѣ и наглядно показывавшихъ размѣры и ростъ кораблестроительнаго дѣла въ Шотландіи.

Въ машинномъ отдѣлѣ, составлявшемъ вторую достопримѣчательность выставки, шотландское механическое дѣло занимало также самое крупное мѣсто, и вы тутъ могли видѣть, что духъ Джемса Уатта живъ еще понынѣ въ Гласго и что на заводахъ его изобрѣтательность и предпріимчивость бьютъ еще неизсякаемымъ творческимъ ключемъ. Вотъ газомоторы спеціальной системы фирмы Кембелль; насосы для шахтъ, выбрасывающіе 2.500 галлоновъ воды въ часъ на вышину въ 900 футовъ; газовые и нефтяные двигатели изъ города Джонстона въ 15 верстахъ отъ Гласго, пускающіеся въ ходъ автоматически, безъ помощи рабочаго; локомобили новой системы Макъ-Каллума, употребляющіе топливо въ видѣ угольнаго порошка и представляющіе собою послѣднее слово въ сбереженіи тепла; новая двигательная машина „Headech", изобрѣтеніе той же фирмы, что̀ и локомобиль Макъ-Каллума.

Цѣлый лѣсъ станковъ для выдѣлки разныхъ инструментовъ и частей разныхъ машинъ былъ выставленъ почти исключительно американцами и шотландцами. Нѣкоторыя фирмы въ Джонстонѣ, изготовляющія станки для рѣзки и точенія дерева, какъ, напр., фирма Джонъ Макъ-Довалль и Сынъ, заявляютъ въ своихъ каталогахъ, что онѣ изготовляютъ до 300 типовъ машинъ, причемъ многія изъ этихъ машинъ выпускаются изъ заводовъ въ разныхъ размѣрахъ.

Обозрѣватель гласговской выставки въ спеціальномъ англійскомъ журналѣ „Engineering Times" отозвался между прочимъ слѣдующимъ образомъ объ образцахъ выставленныхъ станковъ:

„Въ изготовленіи инструментовъ и машинныхъ частей замѣчается все больше и больше тенденція къ спеціализаціи. Есть много образцовъ, дѣйствующихъ вполнѣ или отчасти автоматически, и нѣкоторые изъ нихъ составляютъ замѣчательныя механическія выдумки, исполняя въ нѣсколько минутъ работу, которая до сихъ поръ требовала столько же часовъ... Одна выставленная машина можетъ производить работу надъ кускомъ металла въ $3^1/_2$ дюйма діаметра, автоматически выполняя до восьми операцій, вполнѣ отличныхъ другъ отъ друга. Есть новыя и только-что изобрѣтенныя винторѣзныя машины, и есть одна наждачная то-

чильня, которая работаетъ съ точностью до 0,001 дюйма, что составляетъ несомнѣнный прогрессъ въ машинахъ этого рода".

Я бы могъ привести множество такого рода отзывовъ спеціалистовъ, но цѣль моя вовсе не описаніе экспонатовъ. Выставка для насъ тутъ интересна лишь съ ея бытовой стороны, съ точки зрѣнія характеристики Шотландіи, а не сама по себѣ. И такъ какъ дальше намъ еще не разъ придется коснуться той или другой особенности ея, то мы могли бы сейчасъ же перейти къ предмету слѣдующей главы; но говоря о выставкѣ, считаю умѣстнымъ, ради полноты картины, сказать здѣсь нѣсколько словъ и о русскомъ отдѣлѣ ея.

Выставка, какъ извѣстно, называлась международной. Вдоль карниза свода, подъ куполомъ главнаго выставочнаго зданія, красовалась надпись, заимствованная изъ разныхъ псалмовъ и гласившая: „Они принесутъ славу и честь народовъ... Миръ да будетъ въ стѣнахъ твоихъ, благоденствіе въ чертогахъ твоихъ... Господня земля и что наполняетъ ее, вселенная и все живущее въ ней"... Какъ видите, дѣло шло о „народахъ" и „вселенной". А на самомъ дѣлѣ въ выставкѣ принимали участіе семь иностранныхъ государствъ, не считая великобританскихъ колоній. Эти семь государствъ были: Россія, Австро-Венгрія, Франція, Данія, Марокко, Персія и Японія. Однако, если выставка имѣла нѣкоторое право на названіе международной, то благодаря лишь участію Россіи, да въ нѣкоторой степени Франціи. Остальныя же участвовали лишь номинально, были представлены безъ всякихъ претензій и занимали сравнительно мало мѣста. Строго говоря, эти остальныя государства даже и номинально не всѣ участвовали, такъ какъ большинство изъ нихъ никакихъ средствъ на свое представительство въ Гласго не ассигновало и всѣ расходы по участію въ выставкѣ приняли на себя сами экспоненты. Одна лишь Россія ассигновала огромную сумму, въ общемъ достигшую около 350.000 рублей, и командировала цѣлый штатъ чиновниковъ съ генеральнымъ коммиссаромъ во главѣ. Изъ общей площади въ 71.540 квадрат. футовъ, отведенныхъ иностраннымъ государствамъ на выставкѣ, Россія заняла 40.836 футовъ, т.-е. значительно больше, чѣмъ половину.

На эту выставку Россія посмотрѣла исключительно съ точки зрѣнія торговаго баланса, и поэтому свое участіе въ ней она ограничила одними продуктами, которые могли бы служить или уже служатъ предметами вывоза. Литература, наука, искусство, соціальная жизнь и другія стороны народной дѣятельности и творчества, какъ не котирующіяся на биржѣ и непосредственно

не вліяющія на торговый балансъ, въ кругъ вѣдѣнія русскаго отдѣла не вошли. Правда, посѣтитель выставки могъ бы наткнуться и на два-три русскихъ экспоната изъ области чистаго художественнаго творчества, какъ, напр., на статуэтки работы кн. Трубецкого или на портретъ гр. Л. Н. Толстого, выжженный на деревѣ; но эти два-три экспоната являлись простой случайностью, въ родѣ едва замѣтнаго барельефа на фасадѣ огромнаго рыночнаго зданія. Русскіе павильоны были отмѣчены надписями, указывавшими на вполнѣ опредѣленный экономическій характеръ содержавшихся въ нихъ экспонатовъ. На одномъ зданіи значилась надпись „земледѣліе", на другомъ „горное дѣло", на третьемъ „лѣсоводство". Это были три главныхъ зданія, рядомъ съ которыми были выстроены три павильона поменьше, изъ которыхъ одинъ носилъ надпись „центральная Азія", другой, совсѣмъ маленькій, принадлежалъ хлѣботорговой фирмѣ Дрейфусъ, а третій—съѣзду мукомоловъ. Затѣмъ, предметы фабричнаго производства были выставлены въ общемъ выставочномъ зданіи, въ такъ-называемомъ „залѣ промышленности" (Industrial Hall), гдѣ Россія занимала площадь въ 11.131 кв. футъ. Объ этой части русскаго отдѣла и говорить не стоитъ. За исключеніемъ нѣсколькихъ фирмъ, дѣйствительно крупныхъ и извѣстныхъ, она была составлена довольно плохо. Это былъ въ сущности простой базаръ, на которомъ торговали всѣмъ, чѣмъ угодно, только не издѣліями русскихъ фабрикъ. Нѣкоторую цѣльность и характерность представляли собою лишь большія зданія, въ которыхъ дѣйствительно можно было подмѣтить стремленіе показать Англіи, чѣмъ мы богаты и чтò мы можемъ продавать иностранцамъ. Нѣкоторыя коллекціи были довольно значительны, особенно тѣ, которыя были перевезены цѣликомъ съ парижской выставки, какъ, напримѣръ, коллекція минераловъ, нефтяные продукты и другія. Довольно разнообразна и внушительна была коллекція зеренъ фирмы Дрейфусъ. Мукомолы также прислали богатое собраніе образчиковъ своего производства, но съ павильономъ ихъ, благодаря тому, что онъ попалъ въ несоотвѣтственныя руки, вышла, какъ говорится, большая незадача. Павильономъ сталъ завѣдывать какой-то Р., обратившій его въ спальню. Завѣдывавшій павильономъ любилъ себѣ послѣ обѣда отдыхать, и мука, вмѣсто того, чтобы красоваться въ витринахъ подъ стекломъ, хранилась въ мѣшечкахъ, наваленныхъ въ одну большую кучу и служившихъ мягкой постелью. Дѣло дошло до того, что генеральный коммиссаръ И. Н. Лодыженскій долженъ былъ удалить мукомола и на время даже закрыть павильонъ.

Въ общемъ, однако, русскій отдѣлъ производилъ впечатлѣніе большой бѣдности, не столько, быть можетъ, вслѣдствіе скудости экспонатовъ, сколько вслѣдствіе крайне неудачнаго плана построекъ. И дѣйствительно, трудно было придумать нѣчто болѣе плохое и безобразное. Главные три павильона имѣли необычайные размѣры. При нѣкоторой экономіи мѣста можно было бы въ нихъ помѣстить не только наиболѣе характерные экспонаты, но и весь Апраксинъ рынокъ съ Гостинымъ дворомъ въ придачу. По замыслу архитектора, зданія русскаго отдѣла должны были, очевидно, представить собою квинтъ-эссенцію русской національной архитектуры; на самомъ же дѣлѣ были выстроены темные и даже мрачные амбары, куда лучъ солнца могъ проникнуть лишь, какъ воръ, черезъ маленькое окошко, вырубленное у самой крыши. Причемъ для придачи имъ „національности" на одномъ зданіи намалеваны были баба-яга и жаръ-птица, на другомъ фронтонъ сдѣланъ въ видѣ кокошника, а на третьемъ— въ видѣ открытой пасти какого-то чудища-обла. Четвертое зданіе, средне-азіатское, было вытянуто высокими и кудрявыми башенками, напоминавшими свадебный пирогъ не очень-то искуснаго провинціальнаго булочника.

Въ общемъ павильоны русскаго отдѣла съ ихъ казарменной коричневой краской, съ ихъ тяжеловѣсностью и темнотой составляли далеко не завидный контрастъ съ стоявшимъ рядомъ уютнымъ, свѣтлымъ и изящнымъ домикомъ Ирландіи; съ простыми, безпретенціозными, полными свѣта и удобствъ зданіями Канады и Японіи, не говоря уже о дивно-красивомъ фасадѣ главнаго зданія.

Но еще болѣе невыгоднымъ для русскаго отдѣла оказывалось сравненіе его внутренняго устройства съ отдѣлами другихъ націй, хотя бы, напримѣръ, съ канадскимъ, въ которомъ полъ устланъ былъ сплошь мягкими коврами, стѣны заняты витринами, потолокъ убранъ гирляндами, флагами и разной матеріей—и все имѣло видъ туго напакованнаго ящика. Во второй половинѣ лѣта, когда дни стали уменьшаться, русскіе павильоны, и безъ того темные, да еще не освѣщавшіеся искусственнымъ свѣтомъ, стали запирать очень рано, часовъ въ шесть, въ пять пополудни, въ то время, какъ всѣ остальныя зданія на выставкѣ, освѣщавшіяся электричествомъ и открытыя до десяти часовъ вечера, привлекали по вечерамъ еще больше публики, чѣмъ днемъ.

Впрочемъ, здѣсь я не имѣю въ виду указать на всѣ недостатки и недочеты русскаго отдѣла. Мнѣ хотѣлось бы лишь указать на одну особенность его, составлявшую самый важный

и самый глубокій недостатокъ его въ сравненіи съ отдѣлами другихъ государствъ, это—полное изъятіе изъ состава русскаго коммиссаріата частнаго почина, полное исключеніе изъ организаціи отдѣла общественнаго элемента. Все дѣло было зачато и исполнено чиновничествомъ. Ни одинъ русскій купецъ или фабрикантъ, ни одинъ землевладѣлецъ изъ числа экспонентовъ не былъ приглашенъ къ участію въ организаціи и завѣдываніи дѣломъ, которое было предпринято на пользу русской промышленности. Правда, главные чиновники, которымъ было поручено устройство русскаго отдѣла, принадлежали менѣе всего къ тому типу „канцелярскихъ крысъ", которыхъ обыкновенно отожествляютъ съ чиновничествомъ. Напротивъ, какъ генеральный коммиссаръ, такъ и двое или трое изъ его ближайшихъ помощниковъ не были чужды личной инипіативы и дѣловитости, да и по своей прошлой дѣятельности были скорѣе помѣщики, чѣмъ чиновники. Но дѣло тутъ вовсе не въ расторопности или дѣловитости чиновниковъ. Промышленность—не филантропія и не общественная дѣятельность. Она живетъ и развивается личными интересами купцовъ, желаніемъ наживы, выгодностью для кармана. Аматерство въ промышленности столь же безполезно, если и не вредно, какъ и во всякомъ другомъ дѣлѣ. Тутъ „любви къ дѣлу" мало, тутъ нужна живая потребность въ барышѣ. Откуда же взяться этой потребности у чиновника, обезпеченнаго окладомъ и для котораго съ матеріальной стороны рѣшительно все равно, будетъ ли вывезено изъ Россіи милліонъ мѣшковъ зерна или два милліона, найдетъ ли русскій табакъ или вино и другіе предметы сбытъ за-границей или нѣтъ. Для него можетъ тутъ только идти рѣчь о служебномъ отличіи, но движеніе дѣла само по себѣ на немъ рѣшительно не можетъ отозваться.

Этимъ кореннымъ недостаткомъ русскаго коммиссаріата, въ высшей степени характернымъ для насъ, несомнѣнно многое объясняется и въ несовершенствахъ и недостаткахъ русскаго отдѣла на гласговской выставкѣ, который хотя и успѣлъ обратить на себя вниманіе англійской печати, былъ однако очень далекъ отъ того, какимъ онъ могъ бы быть при другихъ условіяхъ. Для иллюстраціи своей мысли считаю не лишнимъ привести здѣсь составъ комитетовъ нѣкоторыхъ другихъ государствъ, участвовавшихъ въ Гласго. Французскій выставочный комитетъ, пользуясь оффиціально санкціей республиканскаго правительства, состоялъ все-таки сплошь изъ самихъ фабрикантовъ и посредниковъ—торговцевъ. Почетнымъ президентомъ бюро комитета былъ фабрикантъ кружевъ и вышивокъ. Президентомъ былъ фабрикантъ

изъ департамента Уазъ, вице-президентами были книжный издатель, часовой фабрикантъ, фабрикантъ сафьянныхъ издѣлій и фабрикантъ бисквитовъ; генеральнымъ секретаремъ былъ экспортный торговецъ, казначеемъ—торговецъ тканями; секретарями были фабриканты мебельныхъ матерій, секретарь клуба фотографовъ въ Парижѣ, оптовый торговецъ галстуками и фабрикантъ каучуковыхъ издѣлій. Делегатомъ въ Гласго былъ Люсьенъ Леви, экспортеръ, имѣющій отдѣленіе своей конторы и въ Гласго. Затѣмъ, каждая группа французскихъ экспонентовъ имѣла свое особое бюро, въ которомъ принимали участіе и нѣкоторыя лица, сами ничего не выставлявшія, но представлявшія собою извѣстные коммерческіе интересы.

Участіе Даніи на гласговской выставкѣ ограничивалось исключительно выставкой разной посуды, статуэтокъ и барельефовъ изъ фаянса, терракоты и стекла, да нѣсколькихъ образчиковъ мебели. Всего участвовало шесть датскихъ фирмъ, приславшихъ удивительно красивые образцы своихъ произведеній. Всѣ расходы по выставкѣ приняли на себя эти же шесть фирмъ, и датскимъ отдѣломъ завѣдывалъ представитель ихъ, совершенно независимый отъ датскаго правительства. Я бесѣдовалъ съ этимъ представителемъ и онъ мнѣ сказалъ, что сдѣланные датскими фирмами расходы уже возвращены сторицею, такъ какъ, благодаря выставкѣ въ Гласго, онѣ уже успѣли получить изъ Великобританіи огромные заказы на терракотовыя издѣлія.

Австро-венгерская секція была организована вѣнской торговой палатой, т.-е. частнымъ учрежденіемъ, чуждымъ чиновничества, и въ Гласго секціей завѣдывалъ представитель этой палаты при содѣйствіи экспонентовъ.

Русскій же отдѣлъ, какъ мы видѣли, былъ всецѣло дѣломъ правительственнымъ, и такимъ образомъ, гласговская выставка доказала намъ первую и насущнѣйшую нужду Россіи—необходимость развитія частнаго торговаго почина при помощи широкой свободы личности и общественной жизни. Если русская часть выставки это доказала своей отрицательной стороной, то другіе иностранные отдѣлы и вся остальная часть выставки показали это своими положительными сторонами.

II.—Англо-шотландскія параллели и церковь.

Выше уже было сказано, что главный посѣтитель выставки былъ шотландецъ. Дѣйствительно, вся провинціальная Шотландія какъ бы считала своимъ патріотическимъ долгомъ побывать на

ней. Экскурсіонные поѣзда ежедневно привозили въ Гласго сотни и тысячи людей изъ западнаго „гайланда" (Western Highland), изъ южнаго и восточнаго „лоуланда", изъ крайняго глухого сѣвера, съ Гебридскихъ острововъ и, наконецъ, изъ ближайшихъ городовъ и весей кругомъ Гласго. Можно смѣло сказать, что не было поселка, хотя бы самаго маленькаго, который не послалъ бы своихъ представителей на выставку. При этомъ на выставкѣ всегда заранѣе знали, изъ какого уголка Шотландіи слѣдуетъ въ такой-то день ожидать гостей. Дѣло въ томъ, что въ каждомъ отдѣльномъ мѣстѣ здѣсь соблюдаются свои каникулы, свой праздникъ, продолжающійся въ большинствѣ случаевъ всего одинъ день, но въ иныхъ мѣстахъ и болѣе продолжительное время и даже иногда недѣлю—другую. Каждый городъ и деревня имѣютъ свои мѣстные праздники, которые однако ничего общаго не имѣютъ съ храмовыми праздниками въ Россіи. Въ Шотландіи мѣстный праздникъ—не церковный и не обнимаетъ лишь одного церковнаго прихода, а касается всѣхъ жителей; это праздникъ района, а не святого, праздникъ „города" или „деревни", а не церкви. Устанавливаются такіе праздники очень часто муниципалитетами и во многихъ мѣстахъ, особенно въ маленькихъ городахъ, не имѣютъ даже опредѣленныхъ дней, а каждый разъ зависятъ отъ рѣшенія жителей. Такъ, напримѣръ, въ Пертѣ, главномъ городѣ графства этого имени, углекопы ежегодно празднуютъ годовщину установленія восьмичасового рабочаго дня, и такъ какъ прекращеніе работы въ копяхъ влечетъ за собою закрытіе въ этотъ день конторъ шахтовладѣльцевъ, то и банки тоже закрываются, и весь городъ считаетъ эту годовщину рудокоповъ общимъ праздникомъ. Въ этомъ году праздновалась уже 31-я годовщина и день ея зависѣлъ исключительно отъ мѣстнаго союза углекоповъ, назначающаго его въ зависимости отъ разныхъ обстоятельствъ. Обыкновенно день этотъ назначается на понедѣльникъ, но иногда онъ приходится на первый понедѣльникъ въ іюнѣ мѣсяцѣ, иногда на послѣдній или второй, или третій понедѣльникъ того же мѣсяца.

Каникулы же въ Шотландіи, какъ и въ Англіи, выражаются въ обычаѣ—непремѣнно поѣхать куда-нибудь. Въ прошедшее же лѣто это значило—дѣлать экскурсіи въ Гласго на выставку, ставшую временной шотландской Меккой. То и дѣло въ ежедневныхъ отчетахъ гласговскихъ газетъ о выставкѣ сообщалось о посѣщеніи ея экскурсіонными партіями изъ разныхъ тамъ, никому невѣдомыхъ Лохвиноховъ, Лохранцевъ, Лоухау, Лохгойллгейдовъ, Тигнабруайховъ и тому подобныхъ уголковъ съ чуждыми для нашего уха и

подчасъ трудно произносимыми кельтскими названіями. Природный шотландецъ, особенно житель Гласго, съ его способностью различать тончайшія разницы въ мѣстномъ говорѣ, отлично могъ бы узнавать въ нихъ жителей того или другого мѣста Шотландіи. Для насъ же они всѣ составляли одну сплошную массу, которую по внѣшности намъ было бы даже трудно отличить отъ южно-англійской. Несмотря, однако, на это внѣшнее сходство шотландской толпы съ англійской, между шотландцами и англичанами существуетъ огромная разница, и даже мало наблюдательному человѣку не трудно замѣтить, что это двѣ разныя народности. Просто даже удивительно, какимъ образомъ шотландцы успѣли сохранить понынѣ свое національное самосознаніе, несмотря на постоянный, безпрерывный наплывъ новыхъ формъ жизни и чуждыхъ имъ расовыхъ элементовъ. На границѣ между Англіей и Шотландіей нѣтъ никакихъ стражей и никакихъ пограничныхъ столбовъ; до 50 пассажирскихъ поѣздовъ въ день соединяютъ Гласго и Эдинбургъ съ Лондономъ, не считая сообщенія съ другими городами Англіи; шотландскіе порты ежедневно шлютъ свои пароходы въ разныя заморскія страны и встрѣчаютъ пароходы всѣхъ странъ; обмѣнъ пассажировъ между Шотландіей и Англіей въ теченіе года доходитъ до многихъ милліоновъ. Казалось бы, что маленькая Шотландія, имѣющая всего 30.902 кв. мили поверхности, должна была потонуть и окончательно раствориться въ этомъ бурномъ потокѣ чуждыхъ ей элементовъ. Однако, какъ и утесы, которыми такъ богаты ея острова, она остается почти нетронутой вѣчно наскакивающими на нее волнами. Ея языкъ, ея религія, ея національное самосознаніе, ея житейскіе порядки—все это составляетъ у ней нѣчто рѣзко опредѣленное, ей одной принадлежащее и совершенно отличное отъ того, что̀ наблюдается въ Англіи. Правда, и языкъ, и религія, и національность, и порядки какъ будто у нихъ общіе съ Англіей; но въ то же время это и не англійское, а чисто шотландское. Англійскій языкъ въ устахъ шотландца, это—уже не безпрерывное глотанье буквъ и словъ, не мягкое горловое картавленіе, а широкій, громкій скрыпъ немазанныхъ колесъ, который въ минуты гнѣва и въ ссорѣ поднимается до невыносимой для непривычнаго уха пронзительности. Конечно, у шотландцевъ горной области и острововъ, помимо особенностей произношенія англійскаго языка, имѣются еще и свои чисто мѣстныя слова и даже свой древній кельтскій (или гальскій) языкъ; но о немъ еще рѣчь впереди; пока же мы го-

воримъ лишь о томъ, что̀ у нихъ общее съ Англіей и въ то же время носитъ свой особый шотландскій отпечатокъ.

Столь же рѣзко національна и религія шотландцевъ, хотя по существу она ничѣмъ не отличается отъ англійской. Шотландцы, это—тѣ же протестанты, что и англичане, тѣ же раціоналисты въ догмахъ и библейской критикѣ и тѣ же спиритуалисты въ пониманіи христіанства, какъ ученія не столько дѣла, сколько вѣры. Но въ то же время Шотландія имѣетъ свою „шотландскую“ церковь (Church of Scotland), выработавшуюся исторически и отличающуюся отъ англиканской административнымъ устройствомъ и формами богослуженія. Такъ, напримѣръ, епископальная церковь въ Шотландіи, хотя и усвоила себѣ съ 1863 года даже богослужебный требникъ, принятый въ Англіи, все-таки сохранила въ нѣкоторыхъ случаяхъ и свой прежній чинъ богослуженія, а въ административномъ отношеніи имѣетъ совершенно другія основы, чѣмъ англиканское исповѣданіе. Послѣднее считается государственнымъ и епископы его назначаются правительствомъ, между тѣмъ какъ въ Шотландіи епископальное исповѣданіе независимо отъ государства и епископы избираются самимъ духовенствомъ и прихожанами, при чемъ для законности избранія требуется, чтобы большинство голосовъ было какъ со стороны духовенства, такъ и со стороны прихожанъ. Затѣмъ англиканская церковь имѣетъ двухъ архіепископовъ; въ Шотландіи же архіепископовъ нѣтъ, а есть примусъ, избираемый самими епископами. Этотъ примусъ имѣетъ нѣкоторыя привилегіи, но власти у него никакой нѣтъ. Главная законодательная власть епископальной церкви сосредоточена въ генеральномъ синодѣ, состоящемъ изъ двухъ палатъ, одна изъ которыхъ состоитъ изъ епископовъ, а другая изъ представителей прочаго духовенства. Финансовая часть сосредоточена въ церковномъ совѣтѣ, состоящемъ изъ епископовъ, прочаго духовенства и представителей прихожанъ, а судебная—въ „епископальной коллегіи“, т.-е. въ собраніи всѣхъ епископовъ.

Государственная же церковь въ Шотландіи, это—пресвитеріанская, т.-е. какъ разъ то исповѣданіе, которое въ Англіи считалось бы нонконформистскимъ.

Въ общемъ, въ Шотландіи церковные вопросы играютъ неизмѣримо бо̀льшую роль, чѣмъ въ Англіи. Церковные споры въ нѣдрахъ пресвитеріанскаго исповѣданія волнуютъ всегда не только отдѣльныя конгрегаціи, но и всю, такъ сказать, большую публику. Занятія ежегодныхъ церковныхъ собраній разныхъ сектъ переполняютъ газеты стенографическими отчетами, и возбуждаемые

въ нихъ вопросы, какъ и рѣчи участниковъ, составляютъ постоянныя темы для передовыхъ статей. Одна изъ вѣчныхъ причинъ раздора и разногласій, это — вопросъ о независимости церкви. Многіе изъ прихожанъ, какъ и изъ духовенства, среди пресвитеріанъ, тяготятся положеніемъ своей церкви. Они хотятъ быть совершенно свободны въ своихъ внутреннихъ порядкахъ; они хотятъ быть полными хозяевами своихъ молитвенныхъ зданій, въ то время какъ теперь, пользуясь денежной поддержкой отъ государства, они до нѣкоторой степени ограничены во власти. Конечно, недовольные этой зависимостью отъ государства могутъ въ любое время отдѣлиться и образовать собственныя конгрегаціи, и дѣйствительно, многіе такъ и дѣлаютъ. Но вѣдь плоть наша немощна, и пасторы, аккуратно получающіе свое жалованье, подчасъ довольно крупное, предпочитаютъ оставаться въ лонѣ государственной церкви, а свои протесты и неудовольствія изливать на ежегодныхъ съѣздахъ, на которыхъ въ эффектной рѣчи, въ присутствіи множества посторонней публики, особенно дамской, можно блеснуть и независимостью мыслей, и стойкостью убѣжденій, и глубиной учености. Можно даже продекламировать стихи изъ Вордсворта и Вальтеръ-Скотта и вообще показать себя, что и мы-де тоже не простые люди и кое-что смекаемъ и въ поэзіи, и въ богословіи, и въ то же время не разставаться съ обезпеченнымъ кускомъ.

Вопросы о распаденіи того или другого исповѣданія (или, правильнѣе сказать, церкви, такъ какъ дѣло тутъ больше идетъ о внѣшней сторонѣ, объ организаціи, а не объ основахъ вѣры) или, наоборотъ, о соединеніи раньше распавшихся,—то и дѣло всплываютъ на поверхность жизни и занимаютъ и волнуютъ шотландцевъ. Въ послѣдніе два года возгорѣлась съ особенной силой борьба по поводу соединенія „Свободной Церкви Шотландіи“ съ „Соединенной Пресвитеріанской“ подъ однимъ именемъ „Соединенной Свободной Церкви“. Обѣ эти церкви когда-то (одна въ 1843 г., а другая въ 1733 г.) отпали отъ государственной по вопросу о патронатствѣ, т.-е. по вопросу о правѣ назначать пасторовъ помимо желанія прихожанъ. Въ 1874 г. парламентъ уничтожилъ патронатство въ нѣдрахъ государственной церкви Шотландіи, и самимъ прихожанамъ предоставлено право избирать своихъ пасторовъ. Поводъ къ обособленію отпавшихъ конгрегацій былъ такимъ образомъ устраненъ, и началась агитація къ соединенію ихъ если не съ государственной церковью, то хотя бы между собою. Эта агитація увѣнчалась успѣхомъ, и въ 1900 г. обѣ отрасли отпавшихъ конгрегацій формально со-

единились подъ упомянутымъ выше именемъ „Соединенной Свободной Церкви". Соединеніе было рѣшено синодомъ „Соединенной Пресвитеріанской" церкви единогласно, а въ собраніи „Свободной Церкви" было принято 557 голосами противъ 58. Торжество соединенія происходило въ Эдинбургѣ 31-го октября 1900 года. Въ одинъ и тотъ же часъ въ разныхъ мѣстахъ города собрались главныя лица возсоединившихся конгрегацій и тронулись отдѣльными процессіями по улицамъ, и встрѣчаясь и перемѣшиваясь на пути, они потомъ вступили одной толпой въ огромную временно выстроенную залу на площади Waverley Market, и здѣсь были громогласно прочитаны соотвѣтственные акты и подписаны старшинами (модераторами) каждой секты отдѣльно.

Казалось бы, тутъ и дѣлу конецъ. На самомъ дѣлѣ, однако, это соединеніе создало еще худшій расколъ, такъ какъ многія изъ конгрегацій одной стороны ни за что не соглашаются имѣть общихъ пасторовъ и общіе молитвенные дома съ конгрегаціями другой стороны и продолжаютъ отстаивать свою обособленность. И эта борьба въ нѣдрахъ только-что созданной „Соединенной Свободной церкви" принимаетъ иногда довольно ожесточенный характеръ, не лишенный, впрочемъ, комизма для постороннихъ наблюдателей. Такъ, напримѣръ, тѣмъ лѣтомъ въ приходѣ Килтарлити, близь Инвернесса, сторонники „Свободной церкви" выгнали изъ молитвеннаго дома сторонниковъ „Соединен. Свободн. церкви", собравшихся туда для митинга подъ предсѣдательствомъ пастора Коннелля изъ Инвернесса,—прямо-таки выгнали, а двери на замокъ заперли. Это случилось въ среду. Въ слѣдующую субботу сторонники „Соединенной Свободной церкви" замки сняли и, въ присутствіи полиціи и судебнаго пристава, повѣсили свои собственные замки. Сторонники свободной церкви на этотъ разъ замки оставили въ покоѣ и въ ближайшее воскресенье совершали богослуженіе на дворѣ внутри церковной ограды. Когда же явились противники съ Коннеллемъ во главѣ, требуя впуска въ церковь, то „свободные" ихъ погнали вонъ, и тѣ должны были совершать богослуженіе также подъ открытымъ небомъ, тутъ же вблизи своихъ противниковъ, но черезъ дорогу. Такимъ образомъ, вмѣсто того, чтобы обѣимъ соединившимся сектамъ молиться въ одномъ зданіи, обѣ стороны предпочли молиться на улицѣ другъ насупротивъ друга.

Распря между соединившимися и сепаратистами возгорѣлась такая, что охватила даже далекій и маленькій островокъ Сенкилда, самый западный изъ Гебридскихъ островокъ. Заброшен-

ный въ волнахъ Атлантическаго океана, находясь въ 40 миляхъ отъ ближайшаго острова и сообщаясь съ остальнымъ міромъ довольно рѣдко, и то лишь въ лѣтніе мѣсяцы, онъ какъ будто знать ничего не хочетъ, что̀ дѣлается тамъ въ шумномъ человѣческомъ обществѣ, въ большихъ, оживленныхъ городахъ Шотландіи. Все его населеніе въ 70 человѣкъ принадлежитъ всецѣло къ Свободной церкви, и „свободными“ сенкилдцы хотятъ остаться навсегда. Но мѣстный пасторъ, мистеръ Фиддесъ, лѣтомъ, во время своихъ вакацій, побывалъ въ большомъ свѣтѣ, въ Эдинбургѣ и Гласго, посѣтилъ даже и выставку и набрался опасныхъ новшествъ. Первымъ дѣломъ, возвратившись домой и сойдя съ парохода, который собралось встрѣтить все населеніе острова, и старые и малые,—пасторъ, къ удивленію и ужасу всѣхъ сенкилдцевъ, объявилъ имъ, что онъ ихъ формально присоединилъ къ соединеннымъ пресвитерамъ и что теперь они принадлежатъ уже не къ Free Church, а къ United Free Church.

— Это что̀ такая за новая церковь?—ужаснулись островитяне:—наши отцы и дѣды съ 1844 г. принадлежали къ Free Church и вдругъ мы перейдемъ въ United Free Church. Вѣдь это измѣна и ересь!

Напрасно мистеръ Фиддесъ началъ доказывать имъ, что въ сущности все остается по старому, что разница только въ имени; напрасно и капитанъ парохода, и бывшіе тутъ на палубѣ туристы вступились за Фиддеса и вмѣшались въ религіозный споръ, возгорѣвшійся на берегу между пасторомъ и его паствой. Сенкилдцы тонкостей не понимаютъ и упорно отказались перевезти съ парохода на берегъ вещи своего еретическаго пастора. Не нужно имъ, видите ли, ни пастора, ни вещей его. Пусть себѣ ѣдетъ обратно туда, гдѣ набрался своихъ ересей! Къ счастью, сенкилдская интеллигенція въ лицѣ учителя мѣстной школы приняла сторону бѣднаго пастора и послѣдній остался на островѣ, хотя и безъ вещей. Чѣмъ кончилась эта распря на далекомъ маленькомъ островѣ, мы въ точности не знаемъ.

Наиболѣе сильно власть церкви въ Шотландіи проявляется въ воскресенье. Этотъ день въ Шотландіи носитъ такой строгій національный отпечатокъ, что говорить о Шотландіи значитъ до нѣкоторой степени говорить о воскресномъ отдыхѣ. Вотъ почему считаю не лишнимъ посвятить „шабашу“ особую главу.

III.—Шотландское воскресенье.

Воскресенье для пріѣзжаго въ Шотландіи—безусловно самый скучный день. Воскресенье скучно и въ Англіи, но все-таки здѣсь оно соблюдается въ предѣлахъ человѣческаго терпѣнія, если не благоразумія. Когда огромный городъ, полный жизни, шума и сутолоки, вдругъ замираетъ, прекращая свою обычную дѣятельность, вы чувствуете себя въ немъ, точно вы гуляете одинокимъ въ огромномъ и опустѣломъ зданіи. Это не деревенское одиночество, подчасъ дѣйствующее успокаивающимъ и освѣжающимъ образомъ. Въ деревнѣ тишина и покой естественны, какъ вода въ озерѣ и огонь въ печкѣ. Въ городѣ же они давятъ, какъ тяжелый камень, отъ котораго не знаешь, куда бѣжать. Въ Англіи, какъ, наприм., въ Лондонѣ, магазины, банки и вообще торговыя заведенія закрыты, но зато двигаются поѣзда, конки, омнибусы; въ паркахъ играетъ музыка, въ клубахъ происходятъ собранія и музыкальные вечера; разныя лиги и общества даютъ дешевые концерты, иногда съ очень интересными программами. Въ извѣстные часы открыты музеи и библіотеки. И если почты нѣтъ и газеты не выходятъ, то и слава Богу, такъ какъ одинъ день въ недѣлю не мѣшаетъ дать нервамъ отдыхъ отъ различныхъ ожиданій и разочарованій. Лежа утромъ въ воскресенье въ постели, вы знаете, что никакого почтоваго стука въ дверь вамъ ожидать нечего; что̀ бы тамъ ни происходило въ широкомъ божьемъ мірѣ, никакія вѣсти васъ не взволнуютъ, не обрадуютъ и не огорчатъ. Это утро, этотъ день — вашъ, онъ принадлежитъ всецѣло вамъ одному, вашему внутреннему „я", и ничто постороннее не можетъ ворваться въ вашъ интимный этотъ міръ. Въ Шотландіи же вы не только духовно отрѣзываетесь отъ всего свѣта, но и физически. Поѣзда вовсе не идутъ. Изъ Гласго отправляются въ воскресенье лишь вечеромъ два поѣзда на югъ, въ Лондонъ, и два поѣзда въ Эдинбургъ. Это — единственные поѣзда на всю Шотландію, дерзко нарушающіе ея воскресную тишину. Пароходы не только никуда не отправляются, но и не смѣютъ заходить ни въ одинъ изъ шотландскихъ портовъ. Лишь одинъ пароходъ совершаетъ экскурсіонную поѣздку по рѣкѣ и заливу Клайда, да и этотъ пароходъ встрѣчаетъ сильную оппозицію. Но Гласго вообще по части воскреснаго сообщенія считается еще самымъ вольнодумнымъ городомъ Шотландіи. По его улицамъ, начиная съ полудня, двигаются въ воскресенье даже трамваи, что̀ составляетъ еще мечту свободомыслителей въ Един-

бургѣ и о чемъ въ горной Шотландіи и на сѣверѣ ея даже самые пылкіе вольнодумцы и мечтать еще не смѣютъ. Впрочемъ, зато въ Эдинбургѣ недавно стали открывать въ воскресенье на нѣсколько часовъ одинъ изъ музеевъ, а въ Гласго музеи все еще закрыты по воскресеньямъ.

Такимъ образомъ, пріѣзжій въ Шотландію въ воскресенье не только оторванъ отъ всего свѣта, но чувствуетъ себя плѣнникомъ, такъ какъ онъ никуда не можетъ даже бѣжать отъ скуки и тоски и обреченъ сидѣть цѣлый день въ комнатѣ или же предпринимать путешествіе пѣшкомъ. И это бы еще ничего, еслибы была надежда найти гдѣ-либо пристанище и отдыхъ. Но въ томъ-то и дѣло, что, отважившись въ путь-дорогу, вы рискуете умереть голодной смертью гдѣ-нибудь на краю дороги, такъ какъ всѣ трактиры, кабаки, рестораны закрыты, а въ гостинницы не пустятъ, заподозривъ въ васъ бѣглаго арестанта. И въ самомъ дѣлѣ, какой же порядочный человѣкъ бродитъ въ воскресенье по дорогамъ, вмѣсто того, чтобы сидѣть дома и читать что-нибудь назидательное въ промежутки между посѣщеніями церкви? Очевидно, у васъ совѣсть не чиста и вы какъ можно дальше прячетесь отъ тюрьмы.

Огромное большинство шотландскаго населенія посѣщаетъ въ воскресенье три раза церковь, и во всякомъ случаѣ найдутся въ Шотландіи очень немногіе, которые бы въ воскресенье не пошли въ церковь хотя бы одинъ разъ. Воскресенье вѣдь не только день отдыха въ Шотландіи, а день священный, больше извѣстный тамъ подъ именемъ „shabbath“, чѣмъ „sunday“. Мало отдыхать и ничего не дѣлать, но нужно еще пребывать въ нѣкоторой святости. Если вы играете на роялѣ, то вамъ полагается играть лишь sacred music, разные гимны и вообще церковную музыку; если читаете, то библію или по крайней мѣрѣ такія переложенія изъ библіи, какъ: „The Pillar of Fire“, „The Prince of the House of David“, и тому подобныя сочиненія религіознаго характера.

И замѣчательно, что въ то время какъ въ Англіи ледъ воскреснаго дня началъ значительно таять, и чѣмъ дальше, тѣмъ оживленнѣе и пріятнѣе дѣлается этотъ день,—въ Шотландіи никакихъ перемѣнъ не замѣчается. Наоборотъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ замѣчается даже реакція, и воскресная петля затягивается какъ будто еще сильнѣе. Такъ, напримѣръ, прошлымъ лѣтомъ небольшой городокъ Данунъ (Dannon), лежащій верстахъ въ 45 отъ Гласго на сѣверномъ берегу Клайда, дѣлалъ очень серьезныя попытки помѣшать воскреснымъ экскурсіямъ парохода.

Это очень благоустроенный городокъ, съ большой и красивой пристанью, съ большой эспланадой, съ полдюжиной церквей, съ разными пріютами, развалинами стараго зàмка, памятниками и прочими принадлежностями всякаго шотландскаго города. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, закончивъ постройку своей новой пристани, Данунъ на радостяхъ открылъ ее и для парохода, совершающаго воскресныя экскурсіи. Лѣто 1899 г. прошло довольно благополучно. Пароходъ приставалъ къ пристани, спускаясь внизъ по Клайду, и на обратномъ пути поднимаясь къ Гласго, и каждый разъ безпрепятственно высаживалъ и принималъ пассажировъ. Однако, въ слѣдующее лѣто экскурсанты уже начали испытывать нѣкоторыя стѣсненія. Данунцы, очевидно, начали раскаиваться въ своемъ либерализмѣ, но какъ-то стѣснялись откровенно признаться себѣ въ этомъ и вмѣсто того, чтобы рѣшительно повернуть обратно, пустились на хитрости и заявили, что они ничего не имѣютъ противъ того, чтобы пароходъ останавливался у пристани утромъ, но не могутъ разрѣшать ему останавливаться на обратномъ пути вечеромъ, такъ какъ-де въ это время жители Дануна какъ разъ въ церквахъ молятся и пароходный свистокъ вводитъ въ соблазнъ, профанируетъ святость дня и мѣшаетъ церковному хору. Само собою разумѣется, что если на обратномъ пути пароходу нельзя бы было ни принимать, ни высаживать пассажировъ въ Данунѣ, то экскурсантовъ туда или оттуда вовсе и не было бы въ воскресенье, и поэтому пароходная администрація рѣшила все-таки останавливаться и вечеромъ въ Данунѣ, но не очень ужъ громко свистѣть. Такимъ рѣшеніемъ пароходной администраціи данунцы оказались недовольны, и начались переговоры, споры, угрозы. Между тѣмъ „лѣто красное“ прошло, и экскурсіи прекратились сами собою. Наступило лѣто 1901 года. На это лѣто пароходная компанія, устраивающая воскресныя экскурсіи, особенно разсчитывала. Выставка должна была привлечь въ Гласго много пріѣзжаго народа, никогда раньше на Клайдѣ не бывавшаго и, слѣдовательно, готоваго пользоваться экскурсіями. Много иностранцевъ и англичанъ, служившихъ на выставкѣ и не знавшихъ куда дѣвать свой досугъ, рады были хотя бы возможности прокатиться на острова, лежащіе въ заливѣ Клайда, въ такъ называемомъ Firth of Clyde. Но на этотъ разъ данунцы ужъ не церемонились и съ самаго же начала заявили экскурсантамъ—„для своихъ прогулокъ избрать себѣ другой проулокъ“, и не только запретили пароходу останавливаться на обратномъ пути, но и на пути внизъ съ Гласго. Пароходъ однако на это запрещеніе не обратилъ вниманія и

возобновилъ свои воскресные визиты въ Данунъ. Тогда данунцы рѣшили запереть пристань со стороны набережной, но и это не помогло, и пароходъ все-таки продолжалъ выпускать и принимать пассажировъ и на пристани въ Данунѣ.

Въ одной изъ воскресныхъ прогулокъ по Клайду принялъ разъ участіе и я, и видѣлъ, такъ сказать, воочію эту любопытную борьбу между консервативными сабатаріанцами и новѣйшими нарушителями ихъ покоя. Нашъ пароходъ „Герцогиня Іоркская" имѣлъ между прочимъ и до 12 пассажировъ, взявшихъ билеты лишь до Дануна. Пароходъ подошелъ къ пристани въ половинѣ второго, т.-е. въ то время, когда данунцы обыкновенно только-что заканчиваютъ свой воскресный обѣдъ. Но очевидно приближеніе парохода заставило ихъ поторопиться обѣдомъ, такъ какъ вся набережная, вдоль каменной ограды, была усыпана любопытными. Сверху, съ поднимавшейся недалеко отъ пристани, вправо отъ нея, высокой горы на насъ смотрѣли нѣсколько десятковъ разодѣтыхъ въ свѣтлые лѣтніе костюмы барышенъ, придававшихъ общему виду особую живописность и красоту. Но на самой пристани не было ни души. Касса, багажная и пассажирскія комнаты были заперты и выходы на набережную закрыты и загорожены. Казалось, что мы подъѣхали къ какому-то чужому берегу, къ какому-то невѣдомому краю, обитатели котораго хотя и сбѣжались поглазѣть на насъ, но предпочитаютъ все-таки держать насъ отъ себя на нѣкоторомъ разстояніи. Чувствовалось, что насъ не хотятъ, что, какъ и европейцы въ страну чернокожихъ, мы насильно врываемся въ ихъ жизнь, полную воскреснаго сна, покоя и благочинія. И способы высадки пассажировъ тоже напоминали собою скорѣе атаку непріятельскаго берега, чѣмъ посѣщеніе прибрежной дачной мѣстности. Какъ только пароходу удалось остановиться, съ него сейчасъ же спрыгнули пассажиры и пароходные служащіе и, запасшись веревками, лѣстницами и сходнями, побѣжали къ одной изъ сторонъ пристани, откуда, несмотря на разные рѣшетки и барьеры, можно было достигнуть набережной. Нѣкоторые изъ пассажировъ, болѣе смѣлые, направились даже по парапету, рискуя попасть въ воду. Дальше пассивнаго противодѣйствія данунцы не шли. Они заперли пристань, а тамъ пусть себѣ упорные пассажиры дѣлаютъ что̀ хотятъ, пусть себѣ ломаютъ шею и падаютъ въ воду, если имъ нравится.

Эти сцены высадки пассажировъ въ Данунъ, съ незначительными, конечно, варіаціями, повторялись каждое воскресенье. Многимъ изъ мѣстныхъ жителей это, наконецъ, надоѣло, и они

потребовали отъ своей думы или болѣе рѣшительныхъ дѣйствій для охраны воскреснаго покоя, или же открытія пристани. И дума послѣ нѣсколькихъ горячихъ дебатовъ рѣшила „обратиться къ адвокату“, чтобы узнать, можно ли привлечь пароходную компанію къ отвѣтственности. Когда я уѣзжалъ изъ Гласго, этотъ вопросъ все еще не былъ рѣшенъ. Само собою разумѣется, что и выставка въ Гласго по воскресеньямъ была закрыта, и многіе гласговцы, особенно пасторы, все добивались позволенія совершать въ этотъ день богослуженія и читать проповѣди въ главномъ концертномъ зданіи ея. Все лѣто съ газетныхъ страницъ не сходилъ вопросъ объ отводѣ этой концертной залы для воскресныхъ религіозныхъ собраній, словно въ Гласго чувствовался недостатокъ въ помѣщеніяхъ для такого рода цѣлей. Выставочный комитетъ, однако, по разнымъ причинамъ, остался глухъ ко всѣмъ этимъ требованіямъ, и гласговскіе проповѣдники должны были довольствоваться тѣмъ, что устраивали религіозныя собранія на улицахъ, у главныхъ входовъ на выставку, или же у себя въ церквахъ, назвавъ эти собранія „выставочными“.

Какъ извѣстно, религіозные митинги и диспуты подъ открытымъ небомъ—одно изъ обычныхъ воскресныхъ явленій на всемъ великобританскомъ островѣ. Но нигдѣ они такъ не распространены, какъ въ Шотландіи, и особенно въ Гласго. Главное мѣсто въ Гласго для религіозныхъ диспутовъ, это—паркъ Glasgow Green, единственный здѣсь паркъ, который находится почти въ центрѣ города. Это очень большой паркъ, занимающій площадь въ 130 акровъ и играющій въ жизни Гласго роль Гайдпарка въ Лондонѣ, т.-е. это своего рода гласговскій форумъ, гдѣ народъ собирается для демонстрацій въ разныхъ случаяхъ своей общественной жизни. Любимое мѣсто разныхъ диспутантовъ составляетъ, однако, не самый паркъ, сколько площадь у воротъ его. Здѣсь можете каждое воскресенье наблюдать много сотенъ людей, разбившихся на кучки и о чемъ-то громко спорящихъ. Обыкновенно въ центрѣ той или другой кучки стоятъ два-три человѣка и дебатируютъ, а вокругъ нихъ тѣснится кольцомъ масса слушателей, принимающихъ живое участіе въ спорѣ одними лишь своими одобреніями или смѣхомъ. Въ Лондонѣ, въ Гайдпаркѣ, большинство такихъ спорящихъ группъ занято вопросами политическаго и вообще мірского характера. Въ Гласго же главная тема споровъ, это—библія и вообще религія, хотя попадается не мало и свѣтскихъ темъ. Проложивъ себѣ съ трудомъ дорогу черезъ тѣсное кольцо слушателей къ центру группы, вы можете услышать совсѣмъ ничтожный споръ о какомъ-нибудь неясномъ мѣстѣ

въ библіи, которое одинъ толкуетъ такъ, а другой иначе, или о томъ, продается ли въ Гласго настоящее датское масло или маргаринъ, явился ли Христосъ лишь одинъ разъ людямъ или два раза, пожертвовалъ ли Карнеги все, что ему слѣдовало бы пожертвовать, или лишь часть слѣдовавшаго, и о тому подобныхъ вопросахъ, отъ которыхъ подчасъ вѣетъ безпредѣльной наивностью или книжной схоластикой. Но нерѣдко наталкиваешься на спорщиковъ, которые обнаруживаютъ и солидную начитанность и даже глубину мысли. Если имѣть въ виду, что спорщики, какъ и слушающая ихъ публика, состоятъ исключительно изъ простого народа, изъ рабочихъ и мелкихъ, очень мелкихъ торговцевъ и ремесленниковъ, то манера и характеръ спора иногда поражаютъ высотою своего уровня. Чтобы дать нѣкоторое понятіе объ этихъ диспутахъ, приведу здѣсь отрывокъ одного изъ нихъ, подслушанный мною на площади Glasgow Green въ одно изъ воскресеній. День былъ дождливый и холодный; но у воротъ парка, какъ ни въ чемъ не бывало, стояла толпа народа и происходили диспуты. Я остановился у одной группы и началъ прислушиваться. Спорилъ вѣрующій съ невѣрующимъ, и предметомъ спора, когда я подошелъ, былъ текстъ изъ Евангелія отъ Матѳея: „Идите отъ Меня, проклятые, въ огонь вѣчный, уготованный діаволу и ангеламъ его". Невѣрующій отрицалъ возможность, чтобы Христосъ это сказалъ. Онъ приводилъ выдержки изъ сочиненій извѣстнаго американскаго писателя Роберта Ингерсолла и прибѣгалъ къ доводамъ психологическимъ.

— Это извѣстный психологическій фактъ,—говорилъ онъ,— что человѣкъ столь же отвѣтственъ за свои мысли, какъ и за цвѣтъ своихъ волосъ. Какъ же могъ Христосъ проклинать человѣка другого образа мыслей! Значитъ, это неправда!

— Неправда! — огрызнулся вѣрующій, — не все то ложь, что вы не понимаете. Нужно умѣть читать. Вы вотъ начитались Ингерсолла и думаете, что уже все понимаете, а между тѣмъ, въ той же библіи можете найти примѣръ, какъ невѣдомый отрокъ Даніилъ въ десять разъ превзошелъ мудростью всѣхъ тайновѣдцевъ и волхвовъ, какіе только были въ царствѣ Навуходоносора.

— Зачѣмъ же Христосъ такъ говорилъ, что не всякому понять можно?—спросилъ невѣрующій.

— Всякій можетъ понять; имѣющій уши слышать, да слушаетъ,—отвѣтилъ вѣрующій.

— А вотъ, я же не понимаю, какимъ образомъ Онъ могъ проклинать.

— Дѣло не въ пониманіи, а въ желаніи. Вы не хотите

понимать, вотъ въ чемъ дѣло. Сказано: иное упало на мѣста каменистыя, иное упало въ терніе, а иное упало на добрую землю.

— Я и говорю, что Христосъ, зная, что кромѣ доброй земли, есть и мѣста каменистыя, неповинныя въ томъ, что зерно не можетъ на нихъ взойти, не могъ проклинать ихъ.

— И Іовъ тоже выступалъ съ этими претензіями, какъ сказано: „хотя знаешь, что я не беззаконникъ, и что некому избавить меня отъ руки твоей", а все-таки послѣ призналъ праведность милосердаго Бога.

— Да что мнѣ Іовъ! — воскликнулъ, наконецъ, съ нетерпѣніемъ невѣрующій. У меня есть свой умъ и своя голова.— Іовъ вѣдь страдалъ не за меня, а за себя; а вы отвѣчайте на мои вопросы!

— Да что вамъ отвѣчать! Сказано въ пророкѣ Исаіи: „Я зналъ, что ты упоренъ, и что въ шеѣ твоей—жилы желѣзныя, и лобъ твой—мѣдный". Чего же еще!

Слушатели расхохотались, и спорящіе разошлись въ разныя стороны.

Приведенный отрывокъ разговора, который я тутъ же на площади старался занести въ свою записную книжку, въ нѣкоторомъ родѣ является характернымъ образчикомъ гласговскихъ религіозныхъ споровъ.

Уже въ одномъ соблюденіи воскреснаго дня шотландцы обнаруживаютъ свой особый національный характеръ, глубоко-серьезный, упрямый и не лишенный нѣкоторой величавой суровости; но шотландская національность выказывается и болѣе видными путями, къ которымъ я теперь и перехожу.

IV.—Шотландская національность.

Шотландцы считаютъ себя до сихъ поръ не только отдѣльной отъ англичанъ національностью, но даже гораздо лучшей и высшей расой, и очень не любятъ, когда ихъ называютъ англичанами... Правда, сами англичане только посмѣиваются надъ этими шотландскими претензіями, и всегда вышучиваютъ страсть шотландцевъ присваивать себѣ всѣ выдающіеся среди великобританцевъ таланты и извѣстности. „Шотландцы вѣдь и по-англійски лучше говорятъ, чѣмъ мы", — смѣются обыкновенно англичане, которые гораздо болѣе космополитичны, болѣе толерантны и, такъ сказать, благовоспитаннѣе, чѣмъ ихъ зарубежные

братья. Впрочемъ, шотландцы любятъ присваивать себѣ извѣстныхъ людей не только изъ британцевъ, но и заграничныхъ, даже русскихъ. Меня, напримѣръ, одинъ шотландецъ серьезно увѣрялъ, что генералъ Скобелевъ—шотландскаго происхожденія, на томъ основаніи, что фамильное имя Скобеллъ очень распространено въ Шотландіи, хотя не мало Скобелловъ есть и на югѣ Англіи.

Національное чувство шотландцевъ однако выступаетъ ярко наружу лишь въ Шотландіи. За предѣлами же ея шотландцы вполнѣ смѣшиваются съ англичанами, и никакого внѣшняго проявленія сепаратистскаго чувства и не замѣтишь у нихъ. Другое дѣло—у себя дома, въ Шотландіи. Тутъ слово „англичанинъ“, Englishman, значитъ именно англичанинъ въ географическомъ смыслѣ слова, т.-е. уроженецъ той части великобританскаго острова, которая лежитъ на югъ отъ Чевіотскихъ горъ. Если же шотландецъ хочетъ выразить вообще принадлежность къ англійскому государству, то онъ употребляетъ слово „british“ или „Britain“, обнимающее всѣ народности королевства и имперіи. Какъ разъ въ началѣ прошлаго лѣта лордъ Солсбери, напримѣръ, возбудилъ противъ себя сильный протестъ со стороны нѣкоторыхъ шотландцевъ за употребленіе въ сказанной имъ тогда рѣчи выраженій „англійская имперія“ и „англійскія военныя силы“. Въ главной гласговской газетѣ „Glasgow Herald“, органѣ министерской партіи, появилось нѣсколько негодующихъ писемъ, въ одномъ изъ которыхъ какой-то обиженный шотландецъ писалъ: „Самое оскорбительное въ этомъ то, что рѣчь лорда обошла весь цивилизованный міръ, и такимъ образомъ наше имя не получило должнаго ему, и договоръ, довѣрчиво подписанный нашими предками, преднамѣренно игнорируется Англіей. Когда же проснется Шотландія и разъ навсегда положитъ конецъ серьезнымъ захватамъ нашей національной чести и независимости? Я обыкновенно вотировалъ за юніонистовъ, но какъ патріотическій шотландецъ, я теперь считаю, что мой долгъ состоитъ въ томъ, чтобы впредь ничего общаго не имѣть съ партійною политикой, и удивляюсь, какъ можетъ какой бы то ни было шотландецъ поддерживать партію, главная цѣль которой, кажется, только въ томъ и состоитъ, чтобы уничтожить нашу національность. Этой въ высшей степени оскорбительной рѣчью (лорда Солсбери) слѣдовало бы позаняться недавно учрежденной шотландской патріотической ассоціаціи, еслибы послѣдняя не была уже такъ занята вопросомъ о королевскомъ титулѣ“.

Конечно, авторъ этого письма является уже крайнимъ выра-

зителемъ національнаго патріотизма. Большинство шотландцевъ не принимаетъ такъ близко къ сердцу вопросъ о томъ, употребляетъ ли Солисбери слово „англійская“ вмѣсто „британская“ имперія, но тѣмъ не менѣе не подлежитъ сомнѣнію, что всякому шотландцу въ большей или меньшей степени рѣжетъ ухо названіе „англійской“, вмѣсто британской, имперіи.

Интересно, что авторъ вышеприведеннаго письма, очевидно самъ ярый шотландскій патріотъ, относится все-таки иронически къ недавно учрежденной ассоціаціи, патріотизмъ которой наврядъ ли болѣе узокъ, чѣмъ тотъ, которымъ онъ самъ преисполненъ. Эта ассоціація недавно основана, главнымъ образомъ, съ цѣлью протеста противъ принятія королемъ титула Эдуарда VII. На одномъ изъ митинговъ этой ассоціаціи мнѣ неожиданно удалось присутствовать, прогуливаясь въ окрестностяхъ Стирлинга въ субботу, 15-го іюня. Здѣсь имѣется, не то деревня, не то городъ, Банноквернъ, извѣстный тѣмъ, что 685 лѣтъ тому назадъ вблизи него происходила битва, въ которой шотландскій король Робертъ Брюсъ побѣдилъ англійскаго короля Эдуарда II.

Признаюсь, объ этой исторической достопримѣчательности я уже узналъ послѣ того, какъ посѣтилъ Банноквернъ. Повлекла же меня туда не исторія, а географія или, правильнѣе сказать, топографія, такъ какъ по картѣ я видѣлъ, что мѣсто это богато прелестными видами и находится оно при желѣзной дорогѣ по пути изъ Гласго въ Эдинбургъ. Я и рѣшилъ выйти здѣсь изъ вагона и побродить до вечера, до часа обратнаго отъѣзда въ Гласго. И вотъ, отдыхая въ трактирѣ на окраинѣ Банноквернa, я замѣтилъ изъ окна не то процессію, не то просто толпу туристовъ и мѣстныхъ жителей, направлявшихся на большое поле, лежавшее за трактиромъ. Впереди двигалась телѣжка, въ которой сидѣлъ старикъ въ національномъ шотландскомъ костюмѣ и еще нѣсколько человѣкъ, а сзади нея шли двое волынщиковъ и наигрывали какой-то маршъ. За ними слѣдовали мужчины, женщины, дѣти. По дорогѣ, я видѣлъ, приставали и другіе, встрѣчавшіеся съ телѣжкой, и толпа все больше увеличивалась.

— Въ чемъ дѣло?—спросилъ я трактирщика.

— Митингъ патріотической ассоціаціи,—отвѣтилъ онъ; при этомъ онъ мнѣ объяснилъ, что у нихъ тутъ поле историческое. „Сюда,—разсказывалъ онъ мнѣ,—обыкновенно собираются для всякихъ патріотическихъ демонстрацій, касающихся лишь одной Шотландіи. Разъ въ два или три года у насъ тутъ бываютъ большія собранія съ музыкальными и вокальными представленіями, все національными; бываютъ танцы, спортъ, разныя фи-

зическія упражненія. Иногда собранія, устраиваемыя мѣстнымъ обществомъ сохраненія старины, продолжаются цѣлую недѣлю. Одни пріѣзжаютъ, другіе уѣзжаютъ".

Для меня это было совершенной новостью. О такомъ шотландскомъ Олимпѣ я раньше и не подозрѣвалъ, и само собою разумѣется поспѣшилъ на историческое поле. Митингъ происходилъ подъ предсѣдательствомъ какого-то пастора, открывшаго собраніе рѣчью, въ которой была изложена сущность вопроса. Оказывается, принцъ Уэльскій, принявъ титулъ Эдуарда VII при вступленіи своемъ на престолъ, глубоко обидѣлъ патріотическое чувство нѣкоторыхъ шотландцевъ, потому что „Эдуардъ VII" составляетъ продолженіе „Эдуарда VI", послѣднее же имя принадлежало королю одной лишь Англіи, а не Великобританіи. „То, что король оставилъ хорошее имя Альбертъ и принялъ имя Эдуарда VII, было не только сюрпризомъ для всѣхъ,—говорилъ пасторъ,—но и жестокимъ ударомъ для многихъ шотландцевъ. Такой титулъ фальсифицируетъ исторію Шотландіи, и принятіе его есть небывалое для нашей страны оскорбленіе. Шотландія не имѣла короля Эдуарда VI и поэтому не можетъ имѣть и Эдуарда VII".

Конечно, патріотическая ассоціація не преминула апеллировать прямо къ королю, но онъ оставилъ петицію безъ вниманія, хотя для успокоенія шотландцевъ онъ рѣшилъ послѣ коронаціи сейчасъ же посѣтить Эдинбургъ и дать здѣсь празднество въ историческомъ Holyrood Palace. Пасторъ убѣжденъ, что во всемъ виноваты совѣтники короля, у которыхъ, по словамъ оратора, „могутъ быть свои особыя причины", чтобы король не обратилъ вниманія на обращеніе къ нему ассоціаціи. Послѣдняя однако не можетъ оставить дѣло такъ и рѣшила составить протестъ и предложить его для подписи всѣмъ шотландцамъ. Протестъ этотъ предполагается поднести королю передъ коронаціей, затѣмъ отдать въ переплетъ и положить на храненіе въ какой-нибудь общественный архивъ или музей, „дабы и потомки наши знали объ учиненной несправедливости". При этомъ предсѣдатель митинга тутъ же громко прочелъ текстъ предлагавшагося для подписи протеста, который заканчивался заявленіемъ, что дѣлается онъ не только въ интересахъ исторической правды и шотландскихъ національныхъ правъ, но и въ интересахъ британскаго единства, братства и мира.

Послѣ предсѣдателя говорилъ какой-то школьный учитель, у котораго былъ, какъ говорится, зубъ противъ учителей изъ англичанъ, приглашаемыхъ въ шотландскія школы и „только портя-

щихъ нашъ чистый языкъ". Говорили еще нѣсколько человѣкъ; но самымъ интереснымъ ораторомъ оказался господинъ въ національномъ костюмѣ, закончившій свою рѣчь не безъ мелодраматическаго эффекта. Выхвативъ кортикъ изъ ноженъ, висѣвшихъ у него сбоку надъ юбочкой, и взмахнувъ имъ высоко надъ головой своей, онъ поцѣловалъ его и затѣмъ торжественно произнесъ: „Клянусь, что никогда не буду признавать подданства въ отношеніи какого бы то ни было Эдуарда VII, короля Великобританіи!"

Публикѣ, повидимому, очень понравилась эта клятва, произнесенная съ такой театральной торжественностью, и она весело привѣтствовала ее громовымъ у-ррр-эй!

Но этотъ старикъ съ его анти-королевской клятвой является скорѣе оригиналомъ и чудакомъ, чѣмъ истиннымъ представителемъ шотландскаго сепаратизма. На самомъ же дѣлѣ политически шотландская національность настолько слилась съ англійской, что какого либо сепаратическаго чувства въ этомъ отношеніи у ней и не можетъ быть. Напротивъ, какъ мы дальше увидимъ, политически Шотландія гораздо болѣе отожествляетъ себя со всей великобританской имперіей, чѣмъ Уэльсъ или хотя бы даже и сама Англія. Обособленность Шотландіи находитъ себѣ выраженіе не въ политикѣ, а въ ея общественности, ея традиціяхъ и чувствѣ національной гордости. Она сохранила и ревниво оберегаетъ свои національныя пѣсни и мелодіи, свои старинные костюмы, музыкальные инструменты, свой языкъ и народные обычаи. На выставкѣ въ Гласго посѣтитель могъ слушать каждый день настоящую шотландскую музыку, исполнявшуюся на національномъ „бэгпайпѣ" (bagpipe), т.-е. волынкѣ. И музыка эта исполнялась не какъ выставочная рѣдкость, не какъ національный курьезъ, а какъ обычная программа развлеченія всякаго шотландскаго собранія, какъ необходимость, сжившаяся съ народнымъ духомъ. Оркестры, играющіе на бегпайпахъ, не говоря уже объ отдѣльныхъ музыкантахъ, имѣются въ каждомъ городѣ, чуть ли не въ каждой деревнѣ. На выставкѣ эти оркестры мѣнялись каждую недѣлю, и когда, случалось, недѣля проходила безъ такого оркестра, публика роптала; въ газетахъ появлялись жалобы на пренебреженіе къ „нашей хорошей шотландской музыкѣ"—и выставочный комитетъ спѣшилъ исправить свою вину.

Правда, музыка эта такая, которую лучше и пріятнѣе слушать на довольно большомъ разстояніи, и то далеко не каждый день. Какъ всякая примитивная музыка, и шотландская очень

ужъ однообразна и напоминаетъ сказку про бѣлаго бычка. Каждая пьеса можетъ, очевидно, тянуться безъ конца, который знаменуется лишь тѣмъ, что барабаны и волынки внезапно обрываютъ и сразу перестаютъ играть. Всѣ шотландскія пьесы, исполняемыя на барабанахъ, по названіямъ раздѣляются на три рода: марши, стратспе (strathspey) и рили (reel). Разницы между ними въ мотивахъ почти нѣтъ никакой, и все сводится къ скорости темпа. Та же самая вещь будетъ маршъ, если играть ее moderato, „стратспе"—если allegro, а если presto—то будетъ „риль". Шотландцы могутъ цѣлыми часами стоять и слушать эту своеобразную музыку; непривычному же человѣку можетъ надоѣсть послѣ первыхъ же десяти минутъ однообразнаго гудѣнія волынокъ и грохота барабановъ. Впрочемъ, и шотландцы не всѣ выносятъ ее въ большихъ порціяхъ, какъ это видно изъ слѣдующей, очень недурной пародіи на программу выставки, напечатанной въ одной изъ гласговскихъ газетъ:

„9.30 ч. утра. Входъ на выставку открытъ.—9.31. Волынщики начинаютъ.—10.30. Волынщики играютъ въ сѣверномъ кіоскѣ.—11.30. Волынщики—въ южномъ кіоскѣ.—12.30. Волынщики—въ восточномъ кіоскѣ.—1.30 пополудни. 15 минутъ отдыха для посѣтителей.—1.45. Опять волынщики.—2.30. Еще разъ волынщики.—3.30. Волынщики маршируютъ направо.—4.30. Волынщики маршируютъ налѣво.—5.30. Посѣтители маршируютъ на собственныхъ своихъ головахъ.—10. Закрытіе выставки.—Полночь. Публика парализована; всѣхъ душитъ кошмаръ; волынщики торжествуютъ побѣду".

Изъ этой пародіи, вырвавшейся изъ груди измученнаго журналиста, находившагося все время на выставкѣ по обязанности, читатель можетъ между прочимъ увидѣть, что волынщики шотландскіе не только играютъ, но и маршируютъ. И дѣйствительно, шотландскую музыку нужно не только слушать, но и смотрѣть. Звуки являются въ ней лишь подробностью въ интересной картинѣ. Музыканты на волынкахъ обыкновенно одѣты въ національные костюмы, такъ какъ играть на національномъ инструментѣ въ обыкновенномъ платьѣ считалось бы въ нѣкоторомъ родѣ профанаціей родного искусства, все одно какъ иные считали бы профанаціей религіи церковную службу безъ соотвѣтствующихъ ризъ и епитрахилей. Нѣкоторыя же пьесы, именно марши, къ тому еще, играются на ходу. И видъ такого оркестра всегда очень привлекателенъ. Высокіе и статные музыканты въ гайлендерскихъ костюмахъ, съ развѣвающимися тартанами, шагаютъ по военному взадъ и впередъ на одной ка-

кой-нибудь площадкѣ, имѣя впереди себя барабанщика съ необычайныхъ размѣровъ барабаномъ, и всѣ они вмѣстѣ съ какимъ-то захватывающимъ ухарствомъ и безпредѣльной храбростью наигрываютъ воинственную и безконечную сказку про бѣлаго бычка.

Но, помимо этой музыки волынщиковъ, у шотландцевъ сохранились еще дѣйствительно дивныя мелодіи для пѣнія, широко распространенныя теперь во всей Великобританіи и Ирландіи. Въ Гласго посѣтители выставки имѣли возможность знакомиться съ ними въ исполненіи лучшихъ шотландскихъ хоровъ, такъ какъ въ концертномъ залѣ почти каждый день пѣлъ какой-нибудь новый хоръ, а иногда и нѣсколько хоровъ вмѣстѣ. Въ этомъ отношеніи Гласго и вся вообще Шотландія показали себя удивительно богатыми. Какихъ только хоровъ, любительскихъ и профессіональныхъ, тутъ не было! Университетскіе, школьные, церковные, частные любительскіе, пріютскіе, общества трезвости, взаимопомощи, кооперативные, тредъ-юніонскіе и разные другіе подъ всевозможными кличками. Каждая церковь, каждая часть города въ Гласго и затѣмъ чуть ли не каждая деревня посылали своихъ пѣвцовъ и пѣвицъ на выставку, и хотя репертуаръ всѣхъ этихъ хоровъ далеко не состоялъ изъ однѣхъ національныхъ пѣсенъ, но въ общемъ все-таки преобладала національная музыка, старинная и новая. Что же касается до словъ пѣсенныхъ, то нечего говорить, что главный національный бардъ Шотландіи, это—Робертъ Бернсъ, который почти весь переложенъ теперь на музыку. Его пѣсня „Auld Lang Syne", въ которой влюбленный съ трогательной простотой вспоминаетъ прежнее счастливое время, сдѣлалась обычной застольной и прощальной пѣсней на разныхъ торжественныхъ собраніяхъ не только въ Шотландіи, но и въ Англіи. Впрочемъ, самъ поэтъ считалъ эту пѣсню старинной, записанной имъ со словъ одного старика. Мелодія ея — тоже старинная, давно извѣстная, какъ выраженіе грусти разлуки, и пристала она къ словамъ пѣсни Бернса какъ будто сама собой, словно носимая въ воздухѣ цвѣточная пыль къ пестику цвѣтка. Обыкновенно, когда поютъ Auld Lang Syne въ концѣ прощальнаго обѣда, присутствующіе встаютъ и держатъ наперекрестъ другъ друга за руки (правая рука за правую руку сосѣда налѣво, а лѣвая—лѣвую руку сосѣда направо), переплетаясь въ одну цѣпь.

Второй поэтъ, пѣсни котораго стали національными, это—Вальтеръ-Скоттъ. Его баллада „Macgregor's Gathering", написанная на старинную мелодію, которую пѣли члены клана Мак-

грегора, сдѣлалась шотландской марсельезой. Ее можете услышать на всѣхъ рабочихъ собраніяхъ, на многолюдныхъ политическихъ митингахъ, на избирательныхъ сходкахъ и вообще на торжествахъ, на которыхъ дѣло идетъ о борьбѣ, объ общественныхъ вопросахъ и народныхъ интересахъ. Въ мою бытность въ Гласго я ее слышалъ много разъ и каждый разъ она производила на меня невыразимо сильное впечатлѣніе. Мелодія полна суроваго величія и захватывающаго задора, но въ то же время она и проникнута поэзіей шотландскихъ ландшафтовъ, тою именно мягкой грустью, которая только и навѣвается тихими озерами, замкнутыми среди вѣчно клубящихся туманами горъ.

Then gather, gather, gather Grigalach!
Gather, gather, gather!

Гремитъ хоръ и вы точно слышите топотъ сбѣгающихся горцевъ и бряцаніе тяжелаго вооруженія прошлыхъ вѣковъ.

Но кромѣ Бернса и Скотта, этихъ гигантовъ національной пѣсни, у шотландцевъ имѣются еще и многіе другіе чисто народные пѣвцы, творенія которыхъ стали настолько популярны, настолько срослись съ народнымъ творчествомъ, что пережили даже имена своихъ творцовъ. Мало, напримѣръ, кто теперь знаетъ имя Анны Барнардъ, дочери шотландскаго графа Балкарреса Файфскаго, хотя ея прекрасную балладу „Auld Robin Gray“ поетъ и знаетъ вся Шотландія. Забыто также имя Клерка (1680—1755), хотя его юмористическій „Мельникъ“ извѣстенъ наизусть по крайней мѣрѣ одной пятой части населенія Шотландіи. Извѣстны также только однимъ спеціалистамъ имена Рамсея, Блэра и другихъ поэтовъ XVII и XVIII столѣтій, хотя произведенія ихъ живы и свѣжи въ памяти народа.

Вся эта поэзія, хотя и чисто шотландская, доступна и англичанамъ, потому что языкъ ея, несмотря на всѣ мѣстныя выраженія, все-таки англійскій. Есть однако у шотландцевъ цѣлая поэтическая область, которая англичанамъ совершенно недоступна, это—на языкѣ древне-кельтскомъ (гальскомъ). Еще по настоящее время вся горная и островная часть Шотландіи говоритъ и пишетъ на этомъ языкѣ. Даже въ Гласго имѣются церкви, въ которыхъ богослуженіе совершается на гальскомъ языкѣ. И сохранившіе этотъ языкъ горные шотландцы считаютъ себя единственными коренными шотландцами, а „лоулендеровъ“, т.-е. жителей южной и восточной части Шотландіи,—лишь помѣсью шотландской крови.

Поддержку и сохраненіе національной музыки и литературы

и вообще національной старины взяло на себя общество, извѣстное подъ именемъ The Highland Association, и главная задача его — сохраненіе и распространеніе гальскаго языка. Разъ въ году общество это устраиваетъ состязаніе хоровъ и солистовъ и назначаетъ преміи за литературныя работы на гальскомъ языкѣ. Въ прошломъ году (1901) годичное собраніе общества состоялось въ Гласго. Днемъ происходило состязательное пѣніе, а вечеромъ былъ данъ въ концертномъ залѣ выставки публичный концертъ, въ которомъ приняли участіе всѣ хоры и отдѣльные пѣвцы и пѣвицы, получившіе награды на состязаніи. Это былъ, пожалуй, самый интересный концертъ на выставкѣ въ теченіе лѣта. Всѣ участники и участницы хоровъ заняли заднюю часть эстрады. На переднемъ же планѣ размѣстились два оркестра, одинъ— струнный, а другой—съ волынками и барабанами. Музыканты струннаго оркестра были во фракахъ, но волынщики были, конечно, одѣты въ національные костюмы. Среди публики, наполнявшей залъ и галереи, выдѣлялось множество лицъ, одѣтыхъ также въ гайландерскіе костюмы, представлявшіе большое разнообразіе въ деталяхъ.

Какъ извѣстно, главныя части шотландскаго или, какъ его сами шотландцы болѣе точно называютъ, гайландерскаго костюма состоятъ изъ коротенькой до колѣнъ юбочки (kilt) и коротенькаго кафтана съ металлическими пуговицами и кружевными обшивками. Иногда этотъ кафтанчикъ, какъ и слѣдуетъ быть кафтану, съ таліей, а иногда онъ сшитъ въ видѣ длиннаго пиджака, безъ таліи. На широкомъ поясѣ внизу жилета, подъ кафтаномъ, виситъ кортикъ, а иногда и ножъ, и вилка, и ложка. Всѣ эти вещи спрятаны въ ножнахъ и футлярахъ кругомъ пояса, спереди котораго спускается сумка (sporran) изъ шкуры барсука, изукрашенная кисточками и отдѣланная серебромъ. На ногахъ— башмаки или коты, обутые поверхъ клѣтчатыхъ чулокъ изъ толстой шерсти, подвязанныхъ подъ колѣнами какой-нибудь цвѣтной лентой. На головѣ красуется „bonnet", шляпа безъ полей, напоминающая треуголку, у которой отрублены концы сзади и спереди. Сбоку у „боннета" торчитъ перо и блеститъ пряжка. Иногда вмѣсто боннета носятъ мягкую круглую шапку безъ козырька. Затѣмъ, къ лѣвому плечу прикрѣпляется длинный пледъ (тартанъ), цвѣтъ котораго и рисунокъ зависитъ отъ того, къ какому клану принадлежитъ обладатель костюма. Ношеніе національнаго костюма въ Шотландіи было запрещено въ 1747 году по случаю якобинскаго возстанія, и наказывалось въ первый разъ заключеніемъ въ тюрьму на шесть мѣсяцевъ, а во второй

разъ изгнаніемъ на семь лѣтъ. Но опала эта продолжалась не долго, и въ шестидесятыхъ годахъ XVIII-го столѣтія стали опять безнаказанно публично показываться въ національныхъ костюмахъ, а въ 1782 г. запретъ былъ отмѣненъ формально. Однако, отмѣна запрета явилась немного запоздалой, такъ какъ шотландскіе національные костюмы къ тому времени успѣли выйти окончательно изъ моды, и съ тѣхъ поръ мода на нихъ такъ и не возобновилась. Теперь національные костюмы въ Шотландіи, какъ повседневную одежду, носятъ лишь дѣти, да и то довольно рѣдко. Взрослыхъ же шотландцевъ, если не считать солдатъ національныхъ полковъ и волонтеровъ, въ національныхъ костюмахъ можно скорѣе встрѣчать въ Лондонѣ, чѣмъ въ Гласго. Ношеніе „килта" (юбки) стало уже нѣкоторымъ чудачествомъ, кокетничаньемъ своимъ патріотизмомъ, вовсе излишнимъ тамъ, гдѣ всѣ патріоты.

Замѣчательно, однако, что національные костюмы въ Шотландіи сохранились только для мужчинъ. По крайней мѣрѣ на описываемомъ собраніи Highland Association только нѣкоторыя изъ пѣвицъ носили тартаны, спускавшіеся у нихъ съ лѣваго плеча. Но эти тартаны были пришпилены къ обыкновеннымъ бальнымъ платьямъ и наврядъ ли представляли собою точный снимокъ древнихъ костюмовъ кельтскихъ женщинъ.

Зато музыка была сплошь и несомнѣнно шотландская. Сначала волынщики, какъ и слѣдовало ожидать, сыграли свои неизмѣнные марши, стратспе и рилы, послѣ чего президентъ общества, молодой маркизъ Грегемъ, одѣтый по національному, произнесъ рѣчь. Сначала онъ выразилъ американскому народу чувства соболѣзнованія по поводу убійства президента Макъ-Кинлея, затѣмъ онъ перешелъ къ красотамъ и значенію древне-кельтскихъ пѣсенъ и музыки и, въ концѣ, выразилъ надежду, что любители старины постараются обезпечить тѣхъ изъ шотландцевъ, которые посвятятъ себя преподаванію гальскаго языка. Послѣ этого секретарь общества прочелъ списокъ лицъ, получившихъ премію за литературныя работы, розданы награды и программа закончилась пѣніемъ хоровъ, солистовъ и солистокъ и игрой струннаго оркестра, исполнявшаго тѣ же безконечныя и однообразныя „стратспе" и „рилы".

V.—Шотландская политика.

Будучи національной въ пѣснѣ, литературѣ и, какъ нѣкоторые увѣряютъ, въ живописи, Шотландія, однако, крайне импе-

ріалистична въ политикѣ, и въ этомъ отношеніи она не противорѣчитъ себѣ, а напротивъ, доводитъ свой націонализмъ до его логическаго заключенія. Она имперіалистична именно потому, что она узко-національна. Какъ извѣстно, политически Шотландія окончательно слилась съ Англіей въ 1707 году по соглашенію, состоявшемуся между парламентами вестминстерскимъ и эдинбургскимъ. Послѣдній далъ себя, такъ сказать, перенести въ Лондонъ, сохранивъ за Шотландіей самостоятельность организаціи государственной церкви, школьнаго дѣла и суда. Шотландія поэтому не считаетъ себя, да никогда и не была какой-то покоренной страной, а скорѣе мнитъ себя господствующимъ, старшимъ партнеромъ Великобританіи, и на славу и могущество послѣдней смотритъ именно какъ на славу одной Шотландіи или главнымъ образомъ Шотландіи. Внося же свою національную исключительность и въ политику, она невольно впадаетъ въ тотъ чрезмѣрный и непріятный джингоизмъ, которымъ отличаются всѣ такъ-называемые націоналисты. Шотландецъ въ политикѣ—это уже не мягкій сентименталистъ, вздыхающій по своимъ роднымъ горнымъ чащамъ и озерамъ, по своимъ горнымъ ручьямъ и туманамъ, а сухой, гордый, самодовольный человѣкъ, для котораго всѣ другіе народы лишь жалкое отродье. Быть можетъ, найдется среди нихъ и какой-нибудь порядочный народецъ, но и до шотландцевъ ему все-таки далеко, какъ до небесъ. Есть только одинъ избранный народъ—и этотъ народъ занимаетъ самый живописный клочокъ земного шара, имѣетъ самую лучшую въ мірѣ литературу и поэзію и самое храброе и мужественное сердце. Нѣтъ другихъ солдатъ въ мірѣ, кромѣ бригадъ горцевъ. Кто прошелъ, наигрывая на волынкѣ, даргайлское ущелье на сѣверо-западной границѣ Индіи, подъ градомъ пуль туземныхъ племенъ, какъ не шотландскій солдатъ! Кто легъ костьми подъ Магерсфонтеномъ, въ южной Африкѣ, какъ не шотландская бригада и ея славный вождь Вочопъ? (Всю эту тираду насчетъ шотландскихъ солдатъ я самъ слышалъ разъ на митингѣ въ Уайтчепелѣ, въ Лондонѣ, изъ устъ извѣстнаго шотландскаго винокура-милліонера Дюэра, нынѣ представителя Уайтчепеля въ парламентѣ). Вездѣ и всегда, когда Великобританіи нужны люди, не знающіе страха и готовые положить голову свою за отечество, она посылаетъ „гайлендеровъ“.

Не удивительно, что, будучи подъ вліяніемъ такого горделиваго настроенія, Шотландія показала себя въ войнѣ съ Трансваалемъ болѣе націоналистской, чѣмъ Англія. Всѣ шотландскія газеты, консервативныя и либеральныя, стали на сторону импе-

ріализма. Лишь одна вліятельная газета въ Данди осталась вѣрна высокимъ традиціямъ былого шотландскаго либерализма.

Нужно сказать, что на днѣ своей души всѣ шотландцы радикалы. Какъ страна чисто протестантская, не знавшая при этомъ никогда политическаго гнета, она свободна отъ мрака, окутывающаго умы католическихъ и зависимыхъ народовъ. Свободная, ничѣмъ не ограниченная общественная самодѣятельность сдѣлалась неразрывнымъ свойствомъ шотландскаго характера. Шотландецъ просто не понимаетъ, какъ могутъ люди жить и дышать безъ свободныхъ учрежденій и безъ широкой общественной жизни. Всѣ вопросы, національные или мѣстные, рѣшаются сообща, и каждый обыватель признаетъ себя вполнѣ заинтересованнымъ во всемъ, что̀ касается всѣхъ. Консервативная партія, поэтому, какъ теоретически анти-прогрессивная, въ Шотландіи никогда не имѣла подъ собою твердой почвы. Англійская либеральная партія долго считала Шотландію своей крѣпостью, какимъ-то маіоратомъ либераловъ. Однако, билль объ ирландскомъ гомрулѣ въ 1885 г. сильно пошатнулъ дѣло либеральной партіи. Протестантская, анти-папистская Шотландія менѣе всего расположена къ католической Ирландіи. Шотландія не довѣряетъ католичеству, подозрѣваетъ его во всѣхъ смертныхъ грѣхахъ и считаетъ его способнымъ на всѣ ужасы. И въ то время какъ англійскіе юніонисты,—Чемберленъ, герцогъ Дэвонширскій, лордъ Солсбери и ихъ сторонники, выступили противъ гомруля по причинамъ политическимъ, Шотландія испугалась гомруля по причинамъ церковнымъ и религіознымъ. Въ гомрулѣ она усмотрѣла попытку или, во всякомъ случаѣ, возможность возстановленія папской власти въ предѣлахъ Англіи, угнетенія ирландскихъ протестантовъ и чуть ли не возвращенія эпохи инквизиціи. Къ чисто церковному вопросу примѣшивается еще и нѣкоторый элементъ экономическій и соціальный. Ирландцы все больше и больше населяютъ Шотландію, особенно Гласго, гдѣ ихъ считается до 60.000 или 70.000 человѣкъ. Какъ самая бѣдная и невѣжественная часть населенія, они живутъ и грязнѣе и хуже шотландцевъ, и послѣдніе поэтому, даже и изъ наиболѣе бѣдныхъ слоевъ, смотрятъ на нихъ свысока.

— У насъ тутъ на улицѣ живутъ все приличныя семейства, вотъ только въ № такомъ-то живетъ ирландка,—сказала мнѣ разъ моя гласговская квартирная хозяйка, сама лишь жена рабочаго; при этомъ она произнесла „Irish Woman“ съ такой гримасой и такъ презрительно махнула рукой, какъ будто сама она была королева, а та даже ниже, чѣмъ придворная прачка.

Не пользуясь ни любовью, ни особымъ уваженіемъ, ирландцы поэтому менѣе всего могли разсчитывать на поддержку шотландцевъ. Нужно знать, какъ глубоко сидитъ въ каждомъ шотландцѣ чувство отчужденія отъ папства или, прямо говоря, чувство ненависти и презрѣнія къ нему, чтобы понять роль церкви въ вопросѣ о гомрулѣ. Въ Англіи, какъ я уже замѣтилъ, народъ вообще терпимѣе. Среди самихъ англичанъ есть сотни тысячъ католиковъ, и въ Англіи почти никогда не бываетъ религіозныхъ буйствъ и дракъ. Протестанты спокойно присутствуютъ даже на католическихъ уличныхъ процессіяхъ, и хотя, строго говоря, послѣднія закономъ воспрещены, но никогда имъ не мѣшаютъ. Уличныя службы и проповѣди католиковъ выслушиваются такъ же равнодушно, какъ и проповѣди анти-католиковъ. Въ Гайдпаркѣ, въ Лондонѣ, можно видѣть рядомъ двѣ толпы, мирно слушающія двухъ религіозныхъ антагонистовъ, говорящихъ другъ противъ друга, и лишь переходя мѣру насмѣшекъ и ругани, ораторъ можетъ встрѣчать иногда отпоръ въ видѣ протеста изъ толпы. Не то въ Шотландіи. Здѣсь уличная католическая процессія вызываетъ безпорядки и кровопролитіе. Проповѣди противъ папы или въ защиту его произносятся подъ сильной охраной полицейскихъ. Такъ, въ одно изъ воскресеній посѣтивъ Glasgow Green, я былъ удивленъ присутствіемъ множества полицейскихъ, цѣлыхъ колоннъ пѣшихъ и конныхъ стражей. Оказалось, что они были собраны здѣсь для предупрежденія безпорядковъ, которые ожидались въ виду религіозной проповѣди какого-то извѣстнаго анти-паписта. Въ этомъ отношеніи Гласго мало чѣмъ отличается отъ Бельфаста и Дублина, гдѣ то и дѣло происходятъ религіозные безпорядки вслѣдствіе нападенія католиковъ на протестантовъ или, наоборотъ, протестантовъ на католиковъ.

Вотъ почему Шотландія, оставшись въ корнѣ либеральной и даже радикальной, все-таки отвернулась изъ-за гомруля отъ либеральной партіи и, начиная съ 1886 г., все больше и больше посылаетъ въ парламентъ сторонниковъ Чемберлена. На выборахъ въ декабрѣ 1885 г. Шотландія дала 62 либераловъ и 10 консерваторовъ. Напечатанная тогда въ „Таймсѣ“ политическая карта, на которой либеральная партія обозначалась бѣлымъ цвѣтомъ, а торійская — темными штрихами, представляла Шотландію почти сплошь бѣлой, и лишь Гласго и ближайшія къ нему два прибрежныхъ графства Думбартонъ и Ренфрю, да два окраинныхъ маленькихъ клочка на южной границѣ Шотландіи темнѣли своими черными линіями. Но уже спустя мѣсяцевъ

шесть, на выборахъ 1886 г., изъ 72 членовъ Шотландія избрала 29 консерваторовъ. Въ 1895 г. она какъ будто опять потянулась къ либеральной партіи, избравъ 50 либераловъ и 22 консерваторовъ, но послѣ второй гомрульной попытки Гладстона она еще больше дѣлается консервативной, избирая 33 консерваторовъ и 39 либераловъ, а въ 1900 г.—38 консерваторовъ и 34 либераловъ, и такимъ образомъ теперешнее большинство шотландскихъ представителей въ парламентѣ уже консервативное или, правильнѣе, юніонистское. Конечно, главной причиной побѣды консервативной партіи на послѣднихъ выборахъ была трансваальская война, сдѣлавшая всѣхъ шотландцевъ, даже изъ принадлежащихъ къ либеральной партіи, имперіалистами. Дѣло дошло до того, что огромный городъ Гласго, имѣющій двѣ утреннихъ и три вечернихъ газеты, не имѣетъ ни одной, которая съ бо̀льшимъ или меньшимъ основаніемъ могла бы считаться органомъ либераловъ. Всѣ выходящія въ Гласго газеты—безусловные защитники воинственной политики. Впрочемъ, до половины іюня 1901 года въ Гласго выходила третья утренняя газета „Daily Mail“, которая по старой привычкѣ называла себя либеральной. И дѣйствительно, до нѣкоторой степени она еще продолжала сохранять независимое отъ господствующаго настроенія направленіе. Въ дѣлѣ англо-бурской войны однако и эта газета примкнула къ джингамъ, а, собственно, никакой разницы между нею и другими газетами, открыто-консервативными, не было. Въ срединѣ же іюня эта газета была продана фирмѣ Гармсвортъ, которая слила ее съ своей собственной газетой „Daily Record“, образовавъ такимъ образомъ „Daily Mail and Record“. Эта послѣдняя, стоющая полпенса, издается въ томъ же духѣ и въ томъ же видѣ, какъ и всѣ прочія газеты гармсвортской фирмы, имѣющей газету „Daily Mail“ въ Лондонѣ и другія газеты въ разныхъ городахъ Англіи. Фирма эта издаетъ и „либеральныя“, и „консервативныя“ и „юніонистскія“ газеты, но, строго говоря, ни одного политическаго направленія не придерживается, а руководствуется исключительно рыночнымъ спросомъ. Въ настоящее время или, вѣрнѣе, года полтора—два тому назадъ, имперіализмъ былъ очень въ модѣ, и всѣ гармсвортскія изданія—имперіалистскія.

Въ Эдинбургѣ издается извѣстная въ Англіи и вліятельная газета „Scotsman“, бывшая до 1885 г. радикальной; а съ тѣхъ поръ перешла въ юніонизмъ и все больше и больше примыкаетъ къ консерваторамъ. Теперь „Scotsman“—самый горячій сторонникъ министерства Солсбери-Чемберлена.

Было бы, однако, крайней несправедливостью по отношенію къ шотландцамъ сказать, что они всѣ безъ исключенія шовинисты или джинго. Не слѣдуетъ забывать, что, напримѣръ, такой анти-имперіалистъ, какъ Джонъ Морли, является членомъ парламента отъ шотландскаго города Монтрозъ, или что лидеръ либераловъ серъ Камбелль-Баннерманъ, такъ энергично выступающій за мирную политику, является избранникомъ Стирлинга, тоже въ Шотландіи, да и самъ онъ патріотическій шотландецъ. Даже въ Гласго, въ этомъ гнѣздѣ имперіализма, мнѣ пришлось присутствовать на митингахъ, на которыхъ раздавались рѣчи, глубоко трогательныя по искренности и поразительныя по мужеству и смѣлости, съ какими ораторы осуждали войну; и полныя залы слушателей то и дѣло разражались бурными одобреніями. Но, конечно, въ этихъ моихъ бѣглыхъ очеркахъ рѣчь можетъ идти только объ общихъ впечатлѣніяхъ, о главныхъ теченіяхъ и наиболѣе рѣзко бросающихся въ глаза явленіяхъ. И джингоизмъ несомнѣнно выступаетъ на первый планъ. Такъ, на выставкѣ въ Гласго самыми популярными номерами кинематографа или, какъ онъ назывался на выставкѣ, „біографа", были картины патріотически-военнаго содержанія. Представленія біографа давались каждый вечеръ и публика всегда ломилась въ двери многими тысячами. Наплывъ публики на эти представленія былъ такъ великъ, что администрація выставки въ концѣ концовъ вынуждена была назначить плату за входъ, но и это не помогло, и „біографъ" продолжалъ привлекать гораздо больше зрителей, чѣмъ могла вмѣстить зала, а она вмѣщала до 4.000 человѣкъ очень легко. Обыкновенно на этихъ представленіяхъ неизмѣнно давались портреты и сцены изъ трансваальской войны, вперемежку съ разными другими, такъ сказать, гражданскаго и домашняго характера. И вотъ, бывало, публика спокойно, съ легкими лишь восклицаніями удовлетвореннаго любопытства, смотритъ на мчащійся по Канадѣ поѣздъ, то шмыгающій черезъ тоннели, то несущійся у подошвы высокаго обрыва, то прорѣзывающій густой дремучій лѣсъ; спокойно и съ достоинствомъ любуется слономъ, принимающимъ утреннюю ванну, или негритянкой, моющей въ корытѣ своего чернаго негренка, и тому подобными милыми и шутливыми картинками, живьемъ перенесенными на экранъ волшебнаго фонаря. Но стоило только набросить на экранъ встрѣчу Баденъ-Поуэлля съ Робертсомъ, возвращеніе генерала Буллера, поднятіе британскаго флага надъ правительственнымъ зданіемъ въ Преторіи и т. под. характера виды, чтобы публика начала сразу неистово апплодировать, кричать,

взвизгивать и вообще выходить изъ себя, точно ей показали ни Богъ вѣсть какую поразительную штуку.

Постороннему наблюдателю этотъ воинственный пылъ не могъ быть симпатиченъ, долженъ былъ вселить совершенно ложное мнѣніе о народѣ, который все-таки живетъ менѣе всего милитарными интересами, и величіе и сила котораго—не въ военныхъ побѣдахъ, а въ просвѣщеніи и общественной культурѣ. Къ этому-то антидоту шовинизма или имперіализма мы теперь и перейдемъ.

VI.—Народное просвѣщеніе.

Каждый посѣтитель города Гласго непремѣнно замѣтилъ гласговскій университетъ; посѣтители же гласговской выставки прямо-таки не могли не видѣть его. Зданіе университета отдѣлялось отъ выставки лишь легкой желѣзной рѣшеткой, и стоя на горѣ съ высоко вытянувшейся башней надъ фронтономъ, оно какъ бы господствовало надъ всей выставочной картиной. Да не только зданіе университета, но и жизнь его какъ бы слилась съ жизнью выставки и духъ его парилъ надъ всѣмъ предпріятіемъ, какъ и высокая башня его доминировала надъ общимъ ландшафтомъ. Всякое университетское событіе составляло и событіе выставки, и, наоборотъ, всѣ выдающіяся и важныя выставочныя событія находили отзвукъ и въ университетѣ. Празднованіе 450-лѣтія гласговскаго университета, выпавшее на средину іюня 1901 года, было наполовину праздникомъ города и выставки, устроившихъ по этому случаю банкеты, пріемы, гулянья. Городской голова получилъ титулъ почетнаго доктора правъ, и на всѣхъ торжествахъ въ стѣнахъ университета, на торжественныхъ „ораціяхъ“ лорда Кельвина (знаменитаго Вильяма Томсона), проф. Юнга и проф. Смарта (первый говорилъ о Джемсѣ Уаттѣ, второй—о Вильямѣ Гэнтерѣ, основателѣ университетскаго музея, третій—объ Адамѣ Смитѣ), какъ и на церемоніи пожалованія степеней и въ другихъ случаяхъ обязательно присутствовали и занимали самыя почетныя мѣста члены гласговскаго муниципалитета. Съ другой стороны, ни одно городское торжество немыслимо безъ присутствія ректора (Principal) университета.

Да иначе это и не могло бы быть, потому что университетъ въ Гласго—это, такъ сказать, плоть отъ плоти города Гласго. Университетъ тамъ—не какое-нибудь особое, отдѣленное отъ всего прочаго учрежденіе, „принадлежащее“ какому-то министерству или департаменту, а общественное предпріятіе, родной братъ,

если не дѣтище муниципалитета. Въ то время какъ, напримѣръ, въ Оксфордѣ или Кембриджѣ, университетъ — все, а остальное лишь служитъ ему, или въ то время, какъ въ Лондонѣ, университетъ, напротивъ, лишь маленькій уголокъ, лишь придатокъ то къ королевской академіи, какъ это было раньше, то къ Имперскому Институту, какъ теперь,—въ Гласго университетъ—это не царь и не рабъ города, а самъ городъ, само гласговское общество, все одно какъ муниципалитетъ, съ которымъ онъ отчасти связанъ и оффиціально, потому что городской голова и одинъ городской совѣтникъ состоятъ ex officio членами университетскаго правленія (University Court), вѣдающаго хозяйственную часть университета.

И выставка, явившаяся общественнымъ дѣломъ города Гласго, уже тѣмъ самымъ была и близкимъ дѣломъ университета, открывшаго свои залы и аудиторіи для членовъ разныхъ конгрессовъ и съѣздовъ, собиравшихся въ Гласго по случаю выставки.

Какъ разъ лѣтомъ 1901 года, когда гласговская выставка должна была показать, чѣмъ богата Шотландія, одинъ изъ шотландцевъ, давно принявшій американское гражданство, рѣшилъ какъ бы увѣнчать дѣло просвѣщенія на своей старой родинѣ и подарилъ два милліона фунтовъ стерлинговъ съ тѣмъ, чтобы высшее образованіе въ Шотландіи сдѣлалось доступнымъ для всѣхъ студентовъ во всѣхъ четырехъ университетахъ ея. Это, конечно, очень важный и крупный подарокъ; но слѣдуетъ замѣтить, что высшее образованіе въ Шотландіи было всегда довольно доступно даже для очень бѣдныхъ людей, и во всякомъ случаѣ оно всегда было неизмѣримо дешевле, чѣмъ въ старинныхъ англійскихъ университетахъ. Слѣдовательно, особеннаго переворота въ просвѣщеніи страны пожертвованіе Карнеги (рѣчь идетъ здѣсь именно о немъ) не можетъ произвести. Кромѣ того, что въ шотландскихъ университетахъ плата за слушаніе лекцій рѣдко превышала 8—10 фунтовъ въ годъ, она еще не всегда требовалась, и многіе студенты не только ничего не платили, но получали еще отъ университета разныя стипендіи. Одинъ гласговскій университетъ, наприм., имѣетъ до 400 такъ называемыхъ bursaries (стипендій), въ общемъ достигающихъ до 100.000 руб. въ годъ. Нѣкоторые изъ завѣщанныхъ капиталовъ состоятъ изъ недвижимости, которая, благодаря вздорожанію земли, представляетъ въ иныхъ случаяхъ сумму въ нѣсколько разъ бо̀льшую, чѣмъ первоначальную. Еще болѣе богатъ стипендіями эдинбургскій университетъ, основанный 132 годами позже гласговскаго. Вотъ почему въ шотландскихъ университетахъ попадаются и

такіе студенты, которые во время каникулъ уходятъ работать вмѣстѣ съ своими отцами въ шахты, на фермерское поле, на заводы и т. под. черныя работы. Меня самого познакомили съ однимъ докторомъ въ Шотландіи, исполнявшимъ во время своего студенчества должность ночного сторожа у одного изъ гласговскихъ строительныхъ подрядчиковъ. Милліоны Карнеги лишь шире растворили двери, давно уже раскрытыя, и теперь молодой шотландецъ, имѣющій хоть какія-либо средства для собственнаго содержанія и желающій учиться, окончательно избавленъ отъ заботы насчетъ платы за слушаніе лекцій.

Нечего и говорить, что университеты въ Шотландіи, какъ и во всей Великобританіи и Ирландіи,—частныя корпораціи, независимыя отъ государства не только въ нравственномъ, но отчасти и въ финансовомъ отношеніи. Они созданы и поддерживаются частными иждивеніями и частной инціативой. Напримѣръ, университетъ въ Гласго для возведенія новаго зданія въ 1864 г. получилъ въ видѣ пособія отъ правительства 120.000 ф. стерл., частная же подписка дала 261.429 фунтовъ, а вся постройка обошлась 520.329 ф. стер. Университетъ въ Абердинѣ на расширеніе зданія получилъ отъ правительства 40.000 ф., а 100.000 изъ частныхъ источниковъ. Недавно ректоръ гласговскаго университета заявилъ въ печати о настоятельной потребности въ расширеніи университетскихъ помѣщеній для цѣлей лабораторныхъ, физіологическихъ экспериментовъ и пр., причемъ цифру расходовъ опредѣлилъ приблизительно въ 100.000 фунт.; и вотъ теперь, какъ разъ, когда я писалъ этотъ очеркъ, читаю въ газетахъ, что на митингѣ въ Гласго ректоръ сообщилъ, что въ счетъ требующагося имъ капитала уже подписано въ Шотландіи 63.000 ф. стерл.

Каждый изъ шотландскихъ университетовъ управляется своимъ Senatus Academicus, состоящимъ изъ профессоровъ и „принципала" (ректора). Послѣдній избирается „общимъ совѣтомъ", состоящимъ изъ всѣхъ лицъ, причастныхъ къ университетской наукѣ, какъ профессоровъ и получившихъ ученую степень, такъ и студентовъ. И въ этомъ отношеніи шотландскіе университеты куда демократичнѣе англійскихъ, въ которыхъ студенты изъ выборовъ ректора исключены. Одинъ лишь эдинбургскій университетъ долгое время не имѣлъ своего Senatus Academicus, будучи подъ управленіемъ городской думы, но теперь и онъ добился независимаго „академическаго сената" и сравненъ въ правахъ съ остальными шотландскими университетами.

Хотя въ настоящемъ очеркѣ мы ничуть не имѣемъ въ виду дать

какой-то всеисчерпывающій отчетъ о Шотландіи или ея народномъ образованіи и просвѣщеніи, но заговоривъ объ университетахъ, считаемъ не лишнимъ дать и слѣдующія цифры, взятыя нами изъ недавно вышедшихъ университетскихъ отчетовъ за 1899—1900 академическій годъ. Всего въ четырехъ шотландскихъ университетахъ училось въ этомъ году 6.187 чел.— 5.339 мужч. и 848 жен. Наибольшее число учащихся было въ эдинбургскомъ университетѣ (2.833 чел.) и въ глaсговскомъ (2.029). Самое малое число учащихся приходилось на университетъ въ Сентъ-Андрюсѣ, гдѣ было всего 353 студента и 144 студентки. Доходы же университетовъ въ круглыхъ цифрахъ были слѣдующіе: эдинбургскій имѣлъ 86.349 ф. стер., глaсговскій—57.837, абердинскій—14.316 и сентъ-андрюскій—56.100 ф. ст. Слѣдуетъ, однако, прибавить, что цифры этихъ доходовъ мѣняются очень сильно изъ года въ годъ въ зависимости отъ случайныхъ поступленій.

Эти высшіе разсадники образованія, какъ и высшія техническія учебныя заведенія въ Шотландіи, покоятся на чрезвычайно широкомъ фундаментѣ элементарнаго и средняго образованія, которымъ Шотландія въ правѣ гордиться. Въ этомъ отношеніи она поставлена гораздо лучше своего партнера, т.-е. Англіи. Народное образованіе въ Шотландіи задолго до Англіи уже было дѣломъ государственныхъ заботъ и покровительства. Уже больше двухсотъ лѣтъ тому назадъ каждому приходу было здѣсь вмѣнено въ обязанность имѣть и содержать школу, а землевладѣльцы обязаны были уступать участки земли подъ дома и огороды для учителей. Неудивительно поэтому, что обстановка школьнаго дѣла здѣсь богаче и само преподаваніе лучше, чѣмъ въ Англіи. Общественная школа, такъ называемая board school, здѣсь посѣщается всѣми одинаково, въ то время какъ въ Англіи дѣти средняго класса, т.-е. болѣе или менѣе состоятельныхъ родителей, избѣгаютъ этой школы и посѣщаютъ частныя, гдѣ приходится платить за ученіе. Въ Шотландіи лишь очень богатые люди, высшая аристократія, воспитываютъ дѣтей дома или въ пансіонахъ, все же прочее населеніе не считаетъ для себя унизительнымъ пользоваться даровымъ, т.-е. содержимымъ насчетъ мѣстныхъ и государственныхъ налоговъ, образованіемъ. Шотландія имѣетъ еще одно преимущество въ школьномъ дѣлѣ передъ Англіей: это—полное отсутствіе религіозныхъ агитацій въ школьной „политикѣ".

Въ Англіи, особенно въ Лондонѣ, англиканская церковь, да отчасти и нонконформистскія, стоитъ огромной помѣхой, какимъ-то церберомъ страшнымъ на пути народнаго образованія. Бу-

дучи до 1871 г., т.-е. до учрежденія общественныхъ школъ, единственнымъ хозяиномъ элементарныхъ школъ въ Англіи, церковь по настоящее время не можетъ примириться тамъ съ потерей своего вліянія и дѣлаетъ всевозможное, чтобы вернуть его, безпрестанно агитируетъ противъ общественныхъ школъ (board schools) и всѣми средствами мѣшаетъ ихъ успѣхамъ и развитію. Ничего подобнаго нѣтъ въ Шотландіи. Здѣсь пасторы уже свыклись съ тѣмъ, что хозяиномъ надъ школой являются сами родители и что церкви тутъ дѣлать нечего. И поэтому, несмотря на всю страсть шотландцевъ къ церковнымъ распрямъ и спорамъ, къ религіознымъ дебатамъ и диспутамъ, ихъ школа совершенно свободна отъ всякаго сектантскаго духа, и „школьной политики", такъ волнующей Англію, здѣсь даже не знаютъ. Въ общемъ Шотландія расходуетъ на элементарное образованіе, считая только школьный налогъ и государственныя ассигновки, свыше 16 милліоновъ рублей (въ учебномъ 1898—1899 г. Шотландія израсходовала 1.621.544 ф. стерл.), и расходъ на каждаго учащагося въ среднемъ составлялъ 2 ф. 12 шиллинговъ и 2½ пенни.

Но помимо высшихъ, среднихъ и элементарныхъ учебныхъ заведеній, Шотландія имѣетъ и свои особыя учрежденія, которыя соединяютъ образовательное дѣло съ дѣломъ развлеченія. Въ Гласго первое мѣсто среди такихъ учрежденій занимаетъ мѣстный „Атэнеумъ". Англичане вообще полюбили это слово. Какъ извѣстно, въ древней Греціи „атэнеумомъ" назывался храмъ, въ которомъ поэты и ученые имѣли обыкновеніе читать свои произведенія передъ толпою слушателей. И въ Англіи тоже въ каждомъ городѣ почти есть свой „Атэнеумъ", въ которомъ, однако, не всегда поэты и ученые собираются для цѣлей преподаванія. Въ Лондонѣ, напримѣръ, есть клубъ „Атэнеумъ", въ которомъ „ученые" и „поэты" собираются только для вкусныхъ обѣдовъ и билліардной игры. Въ Манчестерѣ „Атэнеумъ" составляетъ образовательное и клубное учрежденіе для одной молодежи; въ другихъ мѣстахъ есть „Атэнеумъ" лишь какъ рестораны, въ которые поэты и ученые даже никогда и не заглядываютъ. Въ Гласго же „Атэнеумъ" представляетъ соединеніе, такъ сказать, многихъ другихъ „атэнеумовъ" и настолько замѣчателенъ своимъ устройствомъ и задачами, что на немъ слѣдуетъ остановиться болѣе подробно. Цѣль его, говоря языкомъ его устава,— „доставить публикѣ возможность получать самыя полныя и новѣйшія свѣдѣнія по всѣмъ предметамъ общаго интереса, будь то коммерческимъ, литературнымъ или научнымъ; создать мѣсто,

куда было бы пріятно заходить въ промежутокъ между дѣломъ; вызвать потребность въ умственныхъ и просвѣщенныхъ занятіяхъ и обезпечить возможность удовлетворенія этой потребности облегченіемъ доступа къ систематическому изученію разныхъ отраслей полезныхъ знаній".

Гласговскій Атэнеумъ былъ основанъ въ 1847 г. группой молодыхъ людей, въ началѣ въ очень скромныхъ размѣрахъ. Но учрежденіе, видно, отвѣчало насущной потребности, и теперь оно представляетъ большое и красивое зданіе въ самомъ центрѣ города, среди биржъ, банковъ и конторъ. Желающій пользоваться имъ долженъ быть членомъ, или подписчикомъ, или же ученикомъ. Членъ обязанъ имѣть пай, который, кромѣ опредѣленнаго процента (если есть изъ чего получать), никакихъ дивидендовъ не приноситъ; весь чистый доходъ, за уплатой процентовъ, поступаетъ въ пользу учрежденія. Подписчики платятъ одну гинею въ годъ или $7^1/_2$ шиллинговъ за четверть года. Ученики и ученицы, которыя, впрочемъ, не могутъ быть моложе 16 лѣтъ, платятъ лишь за право слушанія лекцій. Въ настоящее время Атэнеумъ состоитъ изъ множества огромныхъ и хорошо, даже комфортабельно обставленныхъ залъ и учебныхъ комнатъ. Въ читальной залѣ имѣется свыше 600 періодическихъ изданій, среди которыхъ встрѣчаются и главныя заграничныя. Библіотека для выдачи книгъ на домъ обладаетъ нѣсколькими десятками тысячъ томовъ. Рядомъ съ нею находится комната для тѣхъ, которые желаютъ читать книгу или журналъ въ самомъ учрежденіи. Есть также особая комната для письменныхъ работъ, снабженная всѣми письменными принадлежностями и цѣлымъ рядомъ очень удобныхъ, отдѣльно расположенныхъ столиковъ. Богатая справочная библіотека выдѣлена въ особое помѣщеніе, надъ галереею читальной залы, и также обставлена всѣми удобствами для желающихъ тутъ же работать и дѣлать нужныя имъ выписки. Нѣсколько большихъ залъ отведено для ресторана, гдѣ отпускаются очень хорошіе и недорогіе завтраки, обѣды, чай и прочая закуска. Есть и курительная, билліардная и уборная, въ которой къ вашимъ услугамъ всегда горячая вода, доставляемая цѣлымъ рядомъ крановъ надъ мраморными умывальниками; при этомъ вы также безплатно пользуетесь и мыломъ, и чистыми полотенцами и разными чисто-содержимыми туалетными принадлежностями.

Имѣющіе право пользоваться Атэнеумомъ составляютъ между собою въ стѣнахъ его разные кружки и клубы, которымъ отведены особыя комнаты. Есть клубъ шахматистовъ, клубъ драматическаго искусства, клубы для изучающихъ французскій, нѣ-

мецкій и испанскій языки. Благодаря всѣмъ своимъ удобствамъ, Атэнеумъ привлекаетъ въ число своихъ подписчиковъ—и юношей, и стариковъ, и людей дѣловыхъ, коммерсантовъ, биржевыхъ маклеровъ и прочихъ такъ-называемыхъ „businessmen", какъ и отставныхъ купцовъ и чиновниковъ и тому подобныхъ „пенсіонеровъ" и людей безъ опредѣленныхъ занятій. Для нѣкоторыхъ Атэнеумъ является лишь продолженіемъ биржи, такъ какъ и тутъ они встрѣчаютъ всѣхъ нужныхъ имъ „покупателей" и „продавцовъ", и въ стѣнахъ его имѣются телефонъ, телеграфные автоматы, почтовый ящикъ и разсыльные. Всѣ биржевыя, политическія и всякія другія извѣстія, которыя присылаются главными телеграфными агентствами и автоматически отпечатываются на поставленныхъ здѣсь аппаратахъ, сейчасъ же выставляются въ читальной залѣ на нарочно для этой цѣли сдѣланныхъ рамахъ. Само собою разумѣется, что этими телеграммами пользуются почти одни взрослые подписчики. Молодежь же днемъ служитъ въ разныхъ конторахъ и рѣдко заглядываетъ въ Атэнеумъ раньше вечера, когда происходятъ почти всѣ классныя занятія, хотя не мало курсовъ читается и днемъ. По своему объему и содержанію читаемые здѣсь курсы предназначаются для тѣхъ молодыхъ людей, которые хотѣли бы подготовиться къ экзаменамъ на поступленіе въ государственную службу или въ университетъ, т.-е. для тѣхъ именно изъ поступающихъ въ университетъ, которые желаютъ получить ученую степень; для нежелающихъ же получить ученую степень—экзамена при вступленіи въ университетъ не требуется. Въ послѣднее время въ Атэнеумѣ обращено также вниманіе и на преподаваніе коммерческихъ знаній, а равно и новыхъ языковъ. Тутъ же имѣется и музыкальная школа, лучшая въ Гласго, и ученики и ученицы этой школы даютъ нѣсколько разъ въ году концерты въ пользу благотворительныхъ учрежденій.

Всего слушателей на разныхъ курсахъ въ Атэнеумѣ въ теченіе послѣдняго учебнаго года, т.-е. съ 1 сентября 1900 г. по 31 августа 1901 г., было 2.339, изъ которыхъ 1.784 приходилось на зимній семестръ и 555 на лѣтній. Въ музыкальной школѣ училось 1.266. Подписчиковъ же было 2.587. Подписчиками могутъ быть лица обоего пола, но желающіе подписаться должны быть отрекомендованы людьми, извѣстными лично или по своему положенію управляющему учрежденіемъ. Будучи въ Гласго, я также временно пользовался этимъ учрежденіемъ, соединившимъ для меня превосходный клубъ, ресторанъ, библіотеку, читальню съ мѣстомъ для литературныхъ работъ и для встрѣчи съ знакомыми, и я только сожалѣлъ, что ни годы мои, ни занятія мои

въ Гласго не дали мнѣ возможности воспользоваться и уроками для игры на скрипкѣ. Пожалуй, и этому научился бы тамъ!

Въ дѣлѣ устройства своего атэнеума гласговцы только въ меньшей степени отразили то, что̀ они высказали въ гораздо болѣе сложномъ и широкомъ дѣлѣ городского хозяйства. Какъ въ устройствѣ своего клубно-просвѣтительнаго учрежденія въ центрѣ торговаго водоворота, такъ и въ муниципальномъ устройствѣ сказался все тотъ же высоко-развитой у шотландцевъ духъ общественности, какой-то неподражаемый соціальный инстинктъ, котораго не успѣли еще выработать на̀роды съ придавленной личной иниціативой.

VII.—Гласговскій муниципалитетъ.

О Гласго давно установилось мнѣніе, что это препротивный городъ. Туристы его давно осудили и окончательно испортили его репутацію. И туристы отчасти правы. Дѣйствительно, съ ихъ точки зрѣнія Гласго никуда не годится. Представьте себѣ веселаго человѣка, наслышавшагося о шотландскихъ красотахъ природы и ѣдущаго съ спеціальной цѣлью любоваться ими. Находясь уже чуть ли не въ двухъ шагахъ отъ этихъ самыхъ красотъ, онъ первымъ дѣломъ наталкивается на огромнѣйшій городъ, въ которомъ, какъ говорится, „природы“ ни на грошъ нѣтъ, и который представляетъ собою какую-то безбрежную массу камня и заводскихъ трубъ, трубъ безъ конца, на югѣ и сѣверѣ, на востокѣ и западѣ, извергающихъ съ какимъ-то остервенѣніемъ цѣлыя облака дыма. Естественно, туристъ разочарованъ и первое впечатлѣніе его должно быть особенно непріятнымъ. Если, Боже упаси, туристъ еще человѣкъ „любознательный“, какой-нибудь журналистъ изъ породы борзописцевъ или легкомысленный французикъ въ поискахъ за „впечатлѣніями“, то раньше, чѣмъ ложиться спать съ дороги, онъ постарается объѣхать еще на имперіалѣ конки всѣ главныя улицы города и соберетъ „ужасные матеріалы“. Съ конки онъ непремѣнно увидитъ босого мальчика, продающаго на углу улицы спички, увидитъ дома, населенные несомнѣнно нищими, увидитъ пьяницъ и оборвышей—и приговоръ готовъ, особенно, если дождикъ накрапывалъ: Гласго городъ пьяницъ и нищихъ, покрытъ копотью и туманами и кишитъ трущобами, уличными попрошайками и проститутками. Такъ, напримѣръ, проживпгій въ Гласго цѣлыхъ полтора дня болтливый и поверхностный Max O'Rell въ своей книжкѣ о Шотландіи

„L'Ami Mac-Donald" только и могъ сравнить этотъ городъ съ „мрачной темницей, въ которой сатана устраиваетъ грѣшниковъ". „Это,—говоритъ онъ,—гнѣздо наиболѣе заразительное, наиболѣе желтое (?), наиболѣе черное и грязное и наиболѣе смрадное, въ какомъ когда-либо дано было жить человѣку".

Конечно, внѣшній видъ Гласго оставляетъ желать многаго. Какъ всѣ города западной Шотландіи, онъ построенъ не изъ кирпича, а изъ сѣраго камня, который придаетъ постройкамъ очень солидный видъ, не лишенный строгой величественности, но въ то же время и какую-то тяжеловѣсность и крайнее однообразіе. Яркихъ цвѣтовъ или вычурностей архитектурныхъ тутъ не увидите. Все разнообразіе тоновъ состоитъ лишь въ оттѣнкахъ сѣраго камня, мѣняющихся въ зависимости отъ времени. Только-что выстроенное зданіе имѣетъ свѣтло-сѣрый цвѣтъ, а выстроенное давно—темно-сѣрый, и между этими двумя крайностями заключается цѣлая градація оттѣнковъ все того же сѣраго камня. И на этомъ темно-сѣромъ фонѣ теряются всѣ архитектурныя различія, всѣ черты отдѣльныхъ построекъ. Улицы также, за однимъ или двумя исключеніями, нигдѣ не оживляются зеленью деревьевъ, отсутствіе которой здѣсь особенно сильно бросается въ глаза, когда пріѣзжаешь изъ Англіи, гдѣ даже въ Лондонѣ каждый домикъ имѣетъ свой „садикъ", свое дерево, которое виднѣется съ улицы или со двора. Правда, въ Гласго имѣются превосходные парки; но они всѣ, кромѣ Glasgow Green, расположены далеко отъ центра города и скорѣе могутъ считаться загородными.

Затѣмъ, и сама архитектура домовъ въ Гласго мало напоминаетъ англійскій городъ. Дома здѣсь построены многоэтажные, и каждая семья занимаетъ квартиру въ одномъ лишь этажѣ, какъ и на континентѣ. Большинство зданій, занятыхъ рабочими семьями и вообще мелко-торговымъ людомъ, подъѣздовъ не имѣетъ, и вмѣсто нихъ прямо съ улицы ведутъ на лѣстницы узенькіе и открытые корридорчики. Въ общемъ такое зданіе напоминаетъ задній флигель любого петербургскаго дома, но этотъ флигель выходитъ прямо на улицу, а позади себя, вмѣсто помойной ямы, имѣетъ открытый дворъ, граничащій съ дворомъ противоположнаго зданія или съ улицей. Поднимаясь по лѣстницѣ, вы имѣете передъ собою на площадкѣ каждаго этажа по двѣ двери, одну направо, другую налѣво, ведущія въ квартиры. На каждой изъ дверей обязательно имѣется мѣдная дощечка съ именемъ квартиронанимателя, будь то учитель, купецъ или поденщикъ. Войдя въ квартиру, вы легко открываете здѣсь одну особенность, ко-

торой, кромѣ Шотландіи, вы, кажется, нигдѣ не найдете: это—спальни въ видѣ шкафовъ. По мѣстному такая спальня называется „concealed bed“, т.-е. скрытая постель. И дѣйствительно, васъ вводятъ въ гостиную, гдѣ стоитъ піанино, трюмо и вообще обычная гостиная мебель, и вы думаете, что дверь въ углу ведетъ въ другую комнату или въ платяной или посудный шкафъ. На самомъ же дѣлѣ стоитъ только открыть эту дверь, чтобы увидѣть изголовье постели, часть которой скрыта гдѣ-то за дверью въ стѣнѣ. Въ послѣдніе годы городская дума, въ видахъ гигіеническихъ, больше не разрѣшаетъ постройки такихъ скрытыхъ нишъ и требуетъ, чтобы онѣ были совершенно открыты. Пока же всѣ раньше выстроенные дома снабжены этими „скрытыми постелями“, напоминающими каменные шкафы, у которыхъ раскрывается лишь одна половина дверцы.

Если, однако, отбросить первыя впечатлѣнія и познакомиться съ Гласго болѣе подробно, то невольно составишь себѣ о немъ и другое мнѣніе. Онъ тогда уже не покажется „мрачной темницей“, а представится городомъ, замѣчательнѣйшимъ по благоустройству и городскому хозяйству,—городомъ, который служитъ примѣромъ и образцомъ не только для другихъ муниципалитетовъ Великобританіи, но и заграничныхъ. За послѣдніе годы Гласго сталъ какимъ-то университетомъ муниципальнаго дѣла, куда ѣздятъ учиться всѣ интересующіеся благоустройствомъ большихъ городовъ.

Полное описаніе всей дѣятельности гласговскаго муниципалитета потребовало бы слишкомъ много мѣста, на которое врядъ ли могу здѣсь разсчитывать. Надѣюсь, однако, что коекакіе факты и цифры покажутся и тутъ не лишними.

Муниципальная дѣятельность Гласго замѣчательна особенно тѣмъ, что городъ, несмотря на свое многовѣковое существованіе (какъ полноправный городъ, Royal Burgh, съ 1140 г.), выросъ какъ будто вдругъ, и ему пришлось какъ-то сразу выполнять дѣло, которое въ другихъ городахъ совершалось исподоволь, постепенно и съ перерывами. Гласго, какъ и студентъ Франкенштейнъ въ сказкѣ у Шелли, какъ будто самъ вызвалъ всѣ свои затрудненія и проблемы, но въ противоположность герою у Шелли, не испугался ихъ, а съ замѣчательной энергіей и настойчивостью постарался разрѣшить и устранить ихъ. Еще въ концѣ XVIII-го вѣка городъ рѣшилъ, что ему необходимо воспользоваться протекающей черезъ него рѣкою Клайдъ, впадающей въ море, какъ путемъ для всемірной торговли, и приступилъ къ углубленію ея и къ постройкѣ доковъ и набережной.

И спустя какихъ-нибудь 50—60 лѣтъ, Клайдъ, бывшій раньше мелкой рѣченкой, по которой въ Гласго едва могли пробираться мелкосидящія баржи, сталъ многоводной и глубокой рѣкой, по которой поднимаются заокеанскіе пароходы до самаго „Гласговскаго моста“ (Glasgow Bridge), гдѣ устроены самыя главныя пристани. Всего на расширеніе и углубленіе рѣки городъ истратилъ свыше 16 милліоновъ фунт. стерлинговъ, изъ которыхъ до 5.500.000 составляетъ долгъ; но зато, создавъ себѣ портъ, Гласго создалъ какъ бы самого себя, и изъ города съ населеніемъ въ 83.769 чел. по переписи 1801 г. сталъ городомъ съ населеніемъ въ 735.906 чел. по переписи 1901 года. Если же считать и его предмѣстья, то населеніе его перевалило давно за 900.000. Городъ, не имѣвшій въ началѣ XIX-го вѣка никакой морской торговли, въ концѣ этого вѣка уже считалъ тонны нагрузки и выгрузки судовъ въ его портѣ милліонами. Въ 1900 г., напримѣръ, всего нагружено судовъ съ вмѣстимостью въ 2.240.161 тоннъ, а выгружено 1.452.023 тонны, и годовой доходъ города по портовому управленію достигъ около 500.000 фунт. стерл.

И вотъ, для этого города, такъ быстро выросшаго и сразу привлекшаго къ себѣ огромное населеніе рабочихъ изъ Ирландіи и горной Шотландіи, нужно было устроить всѣ тѣ удобства жизни и всю ту безопасность и гигіеничность, которыя требуются теперь отъ всякаго муниципальнаго управленія, стоящаго во главѣ культурнаго городского общества. И Гласго, насколько возможно, всѣ поставленныя ему требованія удовлетворилъ.

Конечно, первое дѣло для города, это—вода, и свою воду, самую пріятную для питья и совершенно чистую, Гласго получаетъ изъ озера Катринъ, лежащаго въ 34 миляхъ отъ города. Вся система водоснабженія составляетъ верхъ инженернаго искусства. Вода протекаетъ по тоннелямъ и въ восьми миляхъ отъ города собирается въ колоссальныхъ резервуарахъ на 300 футовъ выше города, вслѣдствіе чего распредѣленіе ея по водопроводнымъ трубамъ происходитъ подъ очень сильнымъ давленіемъ, дающимъ ей возможность подниматься въ самыя высокія зданія, и накачиваніе ея во время пожаровъ дѣлается совершенно излишнимъ. Въ прошломъ маѣ была открыта новая система водопроводныхъ тоннелей, такъ что гласговскій водопроводъ можетъ теперь доставить изъ горныхъ озеръ 110.000.000 галлоновъ воды въ день. Если имѣть въ виду, что ежедневное потребленіе воды въ прошломъ году было около 55.000.000 галлоновъ, то Гласго обезпеченъ нынѣшней своей системой водо-

снабженія даже при населеніи вдвое большемъ. Въ финансовомъ отношеніи водопроводное предпріятіе, принадлежащее городу съ 1866 г., оказалось очень выгоднымъ, и гласговцу обходится его замѣчательно чистая и безвредная вода втрое дешевле, чѣмъ лондонцу его далеко не такая хорошая вода.

Свои собственные газовые заводы городъ завелъ себѣ въ 1869 г., и можно смѣло сказать, что нѣтъ другого города въ Англіи, въ которомъ газъ, какъ для цѣлей освѣщенія, такъ и для кухонныхъ надобностей, былъ бы въ такомъ общемъ употребленіи, какъ въ Гласго. Городъ доставляетъ теперь свыше 6.000 милліоновъ кубическихъ футовъ газа въ годъ. Число газометровъ, поставленныхъ городомъ, было къ 31 мая 1901 г. 206.364.

Одна изъ интересныхъ особенностей въ дѣлѣ освѣщенія въ Гласго, это—то, что городъ самъ освѣщаетъ домовыя лѣстницы. Тѣ же служителя, которые зажигаютъ уличныя лампы, обязаны смотрѣть и за освѣщеніемъ лѣстницъ въ частныхъ домахъ своего района. Освѣщеніе лѣстницъ городъ считаетъ столь же необходимымъ въ видахъ общественной безопасности, какъ и освѣщеніе улицъ и содержаніе полиціи.

Затѣмъ городъ занимается также отдачей на прокатъ и продажей газовыхъ приборовъ для кухонъ. 31 мая 1901 г. у него, напримѣръ, считалось 21.053 газовыхъ прибора для отопленія и приготовленія кушаній, отданныхъ на прокатъ квартиронанимателямъ, а продано въ теченіе года 1.384 прибора. Въ послѣдніе годы городъ усиленно также занялся и электрическимъ освѣщеніемъ улицъ, какъ и снабженіемъ электричествомъ частныхъ абонентовъ.

Очень энергичнымъ и въ высшей степени прогрессивнымъ оказался Гласго въ вопросѣ о жилищахъ и въ связанномъ съ нимъ дѣлѣ оздоровленія города. Въ этомъ отношеніи, какъ, впрочемъ, и во многихъ другихъ, Гласго достигъ поразительныхъ результатовъ. Онъ былъ первымъ въ Великобританіи, добившимся разрѣшенія парламента на отчужденіе старыхъ негодныхъ жилищъ и на постройку за счетъ муниципалитета новыхъ. Добившись этого права въ 1866 г., онъ сейчасъ же приступилъ къ оздоровленію города. Первымъ дѣломъ онъ рѣшилъ очистить самое страшное гнѣздо заразы чуть ли не въ самомъ центрѣ города, гдѣ онъ пріобрѣлъ огромную площадь земли въ 88 акровъ (около 18 десятинъ), которая была почти сплошь застроена, да притомъ еще самыми отвратительными трущобами. Дома здѣсь, повидимому, строились не по опредѣленному плану, а по мѣрѣ

роста города и увеличенія населенія. Одинъ домъ пристраивался къ другому; одинъ этажъ возводился надъ другимъ; бывшіе здѣсь когда-то дворики и палисадники накрывались крышами, разгородились на клѣтки; и въ цѣломъ весь этотъ прогнившій и спертый кварталъ, въ которомъ не было даже улицъ настоящихъ, а какіе-то коррилоры, напоминалъ собой одинъ сплошной Ноевъ ковчегъ, который, однако, не носился по волнамъ, а осѣлъ на берегу Клайда, продолжая все больше и больше принимать въ свои клѣти разныхъ обитателей. Когда городъ приступилъ къ очисткѣ и оздоровленію этого участка, тамъ считалось 51.294 жителя. Въ среднемъ смертность доходила до 38,64 на тысячу въ годъ, причемъ значительно больше одной трети изъ числа смертей происходило отъ эпидемическихъ болѣзней. Средняя густота населенія была около 600 чел. на акръ, достигая въ нѣкоторыхъ случаяхъ до 1.000. Въ общемъ, населенность этого участка была слишкомъ въ семь разъ больше, чѣмъ въ другихъ частяхъ города. Сносъ старыхъ домовъ былъ произведенъ, однако, не сразу, такъ какъ некуда было бы дѣвать все населеніе ихъ, и поэтому возрожденіе обреченной на очистку мѣстности происходило постепенно; очищенные участки изъ-подъ старыхъ зданій продавались исподоволь и застраивались по новому, строго выработанному плану, въ которомъ на первомъ мѣстѣ стояло удовлетвореніе санитарныхъ требованій. И лишь теперь заканчивается предпринятое въ 1866 г. полное переустройство мѣстности. Затѣмъ муниципалитетъ и самъ взялся за домостроительство, и теперь онъ—одинъ изъ самыхъ богатыхъ домовладѣльцевъ въ Гласго. Всего на послѣдній октябрь мѣсяцъ (1901 года) у него были въ разныхъ частяхъ города собственныя зданія съ общимъ числомъ квартиръ 1.519. Само собою разумѣется, что муниципалитетъ при постройкѣ домовъ имѣетъ въ виду почти единственно потребности менѣе состоятельныхъ классовъ населенія, и поэтому большинство квартиръ состоитъ лишь изъ одной или двухъ комнатъ, и въ числѣ этихъ 1.519 квартиръ лишь 148 были о трехъ комнатахъ и всего одиннадцать съ числомъ комнатъ болѣе трехъ. Поступающія заявленія о желаніи снять квартиру въ одномъ изъ муниципальныхъ зданій классифицируются по имущественному положенію будущихъ квартирантовъ, и раньше всего удовлетворяются самые бѣдные, т.-е. чернорабочіе и поденщики, а потомъ уже рабочіе съ постояннымъ заработкомъ, ремесленники и т. д. По переписи, предпринятой муниципалитетомъ въ срединѣ лѣта 1901 года, оказалось, что всего жильцовъ въ домахъ его было 6.066. Средняя плата за квартиру въ

одну комнату въ мѣсяцъ была 11 шил. 3 пенса, т.-е. приблизительно рублей шесть въ мѣсяцъ; за двѣ комнаты—18 шил., и за трехкомнатную квартирку—24 шил. 6 п. Слѣдуетъ, однако, имѣть въ виду, что и однокомнатная квартирка имѣетъ отдѣльное помѣщеніе для кровати, переднюю, ватеркловетъ, чуланчикъ и плиту съ приборами для газовой кухни. Отопленіе во многихъ домахъ паровое.

Кромѣ домовъ (buildings) съ квартирами (по-англійски houses) для постоянныхъ жильцовъ, муниципалитетъ еще выстроилъ и содержитъ ночлежные дома для безсемейнаго и бродячаго населенія. Всего помѣщеній городъ имѣлъ прошлымъ лѣтомъ для 2.430 ночлежниковъ, каждому изъ которыхъ полагается особая постель, совершенно огороженная отъ другой, столикъ, запирающійся на ключъ, стулъ и вѣшалка, и затѣмъ, конечно, чистое постельное бѣлье. Въ прошломъ отчетномъ году почти всѣ постели (свыше 96%) были заняты каждую ночь. Всего городъ можетъ выручать отъ ночлежниковъ 14.225 ф. въ годъ, а выручилъ 13.711 ф. ст.

Въ 1896 г. гласговскій муниципалитетъ сдѣлалъ новый шагъ въ разрѣшеніи вопроса о жилищахъ и открылъ такъ-называемый Family Home, имѣющій цѣлью замѣнить семейный очагъ (home), „родной домъ“ для сиротъ, у которыхъ вовсе нѣтъ отца или матери. Кажется, гласговскій „семейный домъ“—единственное муниципальное учрежденіе этого рода въ Великобританіи. Цѣль его—обезпечить уходъ за дѣтьми, остающимися безъ надзора по случаю ли смерти кого-либо изъ родителей или же по другой какой-либо причинѣ. По своему устройству и задачамъ Family Home соединяетъ въ себѣ и ясли, и обыкновенный домъ съ квартирами для рабочихъ семей. Домъ стоилъ 17.000 фунт. ст. и разсчитанъ на 160 семействъ. Вдовецъ платитъ 5 шил. 6 п. въ недѣлю за комнату, а вдова 4 шил. За эту плату жильцы пользуются даровымъ отопленіемъ (паровымъ), электрическимъ освѣщеніемъ, ваннами и общими для всѣхъ залами, какъ столовой, читальной, залой для митинговъ, для дѣтскихъ игръ, концертной залой и др. Комнаты у вдовцовъ убираются прислугой, вдовы же должны сами убирать свои комнаты. По уходѣ родителей на работу, дѣти сдаются ими въ распоряженіе нянекъ, число которыхъ бываетъ три или четыре. Администрація дома снабжаетъ своихъ жильцовъ и пищей по опредѣленному прейскуранту. За содержаніе дѣтей въ теченіе дня родители платятъ особо. Лѣтомъ, когда я посѣтилъ этотъ домъ, въ немъ жило 80 вдовцовъ, 30 другихъ взрослыхъ и 217 дѣтей. Этотъ опытъ муниципаль-

ной заботы о дѣтяхъ, однако, особымъ успѣхомъ не пользуется, насколько я могъ судить по бесѣдѣ, которую я имѣлъ съ однимъ изъ самыхъ старшихъ гласныхъ гласговской думы и бывшимъ вицепредсѣдателемъ выставочнаго комитета, Джонсомъ Ширеромъ.

— Мы,—сказалъ онъ мнѣ,—сдѣлали этотъ опытъ, но пока и ограничимся имъ. Больше „семейныхъ домовъ" мы не намѣрены строить. Для того, чтобы поставить ихъ хорошо, требуется капиталъ, такъ какъ сами жильцы никогда не въ состояніи оплатить всѣ расходы. Если же мы поднимемъ плату, то къ намъ не попадутъ какъ разъ тѣ дѣти, которыхъ мы главнымъ образомъ имѣемъ въ виду и которыя больше всего и нуждаются въ нашихъ заботахъ. Городъ такимъ образомъ долженъ нести ежегодно убытки, а гласговскій налогоплательщикъ этого не любитъ. Успѣхъ всякаго муниципальнаго предпріятія у насъ всегда измѣряется не приносимыми имъ нравственными благами, которыя мѣркѣ не поддаются, а его финансовой стороной. Съ этой точки зрѣнія Family Home обманулъ наши ожиданія, хотя въ этомъ году онъ какъ разъ далъ излишекъ доходовъ надъ расходами. Конечно, есть муниципальныя предпріятія, которыя никогда никакихъ денежныхъ доходовъ и не приносятъ, какъ, напримѣръ, концерты въ паркахъ или же содержаніе этихъ самыхъ парковъ; но для такихъ предпріятій всегда имѣется прямое согласіе и даже требованіе налогоплательщика, чего въ отношеніи Family Home въ Гласго не замѣчается...

Не считая возможнымъ останавливаться здѣсь на другихъ предпріятіяхъ города, какъ электрическіе трамваи, библіотеки, прачечная, въ которой городъ беретъ на себя стирку бѣлья для обывателей, отводъ нечистотъ съ использованіемъ ихъ для унавоживанія фермы, содержимой городомъ, устройство субботнихъ концертовъ для народа и пр., перейду теперь къ составу самаго муниципальнаго управленія Гласго.

Въ Шотландіи вообще муниципальное устройство во многомъ отличается отъ англійскаго; въ Гласго же оно, къ тому еще обладаетъ и своими чисто-мѣстными отличіями, которыхъ не встрѣтите и въ другомъ, даже шотландскомъ городѣ. Весь городъ раздѣленъ на 25 участковъ, каждый изъ которыхъ избираетъ трехъ городскихъ совѣтниковъ. Такимъ образомъ, 75 человѣкъ избираются непосредственно населеніемъ, выдѣляющимъ изъ себя около 123.000 лицъ съ правомъ голоса, зависящимъ отъ имущественнаго ценза. Около одной шестой части избирателей составляютъ женщины. Кромѣ этихъ 75 человѣкъ, въ муниципальномъ управленіи Гласго засѣдаютъ еще на правахъ

членовъ два представителя отъ старинныхъ учрежденій, давно потерявшихъ свое значеніе и смыслъ и продолжающихъ существовать по традиціи, да потому, что они владѣютъ большими капиталами. Учрежденія эти — купеческое общество, извѣстное подъ именемъ Merchant House, и общество ремесленниковъ, извѣстное подъ именемъ Trades House. Оба эти общества были когда-то главными хозяевами города, живыми тѣлами, имѣвшими вполнѣ созидательныя и дѣятельныя свойства, а теперь это лишь омертвѣлая форма, безъ всякихъ муниципальныхъ или сословныхъ функцій, и существуетъ лишь, какъ преданье дней давно минувшихъ и какъ благотворительныя общества.

Затѣмъ, уже изъ своей среды городскіе совѣтники избираютъ „bailies“, т.-е. городскихъ судей, и лорда-провоста, своего предсѣдателя, исполняющаго также и должность судьи. Никто изъ городскихъ совѣтниковъ или выборныхъ судей, ни лордъ-провостъ жалованья не получаетъ. Всѣ должности административныя и судебныя исполняются безплатно. Обязанности мэра и лорда-мэра въ Англіи и провоста и лорда-провоста въ Шотландіи—почетныя. Власть у нихъ не выше, чѣмъ у обыкновеннаго городского совѣтника. Ихъ дѣло только предсѣдательствовать на собраніяхъ думы и „представлять“ въ лицѣ своемъ муниципальное достоинство и престижъ. Лордъ-провостъ Гласго—это, конечно, первое лицо въ Гласго, и наврядъ ли найдете тамъ общество или учрежденіе, начиная съ какого-нибудь клуба юношей-футболистовъ и кончая университетомъ, которое не считало бы себя въ правѣ пользоваться его услугами. Всѣ религіозные и благотворительные митинги, публичныя лекціи, съѣзды разныхъ обществъ, народныя представленія и вообще все то, что ищетъ въ предсѣдатели или президенты или участники какое-нибудь почетное лицо, непремѣнно обращается къ лорду-провосту. Онъ открываетъ базары, выставки, клубы; дѣлаетъ закладки госпиталей, пріютовъ, биржъ, музеевъ и принимаетъ у себя почетныхъ пріѣзжихъ, иностранныхъ гостей, знаменитыхъ согражданъ. И остается только тайной, какъ лордъ-провостъ успѣваетъ справиться со всѣмъ кругомъ своихъ почетныхъ обязанностей.

Составъ муниципалитета избирается на три года, при чемъ одна треть должна ежегодно возобновлять свои полномочія. Каждой осенью, поэтому, 25 городскихъ совѣтниковъ, по одному въ каждомъ избирательномъ участкѣ, вновь появляются кандидатами. Выборы, однако, производятся на самомъ дѣлѣ лишь въ 5—10 участкахъ, въ остальныхъ же прежнія лица сохраняютъ свои мѣста безъ всякой избирательной кампаніи. Въ совѣтники могутъ

быть избираемы тѣ же лица одно трехлѣтіе за другимъ; въ судьи же („бейли") и лорды-провосты принято избирать лишь на одно трехлѣтіе, такъ какъ должности эти—очень почетныя и должны быть доступны для всѣхъ совѣтниковъ, какъ награда за полезную дѣятельность на пользу города.

Зданіе, въ которомъ помѣщается муниципальное управленіе—самое красивое въ Гласго. Оно обошлось городу свыше пяти милліоновъ рублей, хотя далеко не вмѣщаетъ всѣхъ своихъ канцелярій, которыя разбросаны въ разныхъ частяхъ города, какъ, напримѣръ, канцеляріи по дѣламъ электрическихъ трамваевъ и коновъ, водоснабженія и постройки жилищъ. Но зато оно очень красиво и поражаетъ своимъ богатствомъ и просторомъ. Вся внутренняя облицовка стѣнъ, въ вестибюлѣ и корридорахъ, какъ и лѣстницы и полы, сдѣланы изъ прекраснаго разноцвѣтнаго мрамора. Зала засѣданія и банкетная, конечно, самыя красивыя. Расположеніе мѣстъ въ залѣ засѣданія довольно оригинально, и раньше мнѣ не пришлось его видѣть ни въ одномъ изъ англійскихъ муниципалитетовъ. Посрединѣ залы и поперекъ его поставленъ длинный столъ, за которымъ обыкновенно занимаютъ мѣста болѣе почетные совѣтники, какъ бывшіе судьи (ex-bailie), служащіе нѣсколько трехлѣтій подъ рядъ и др. Своими концами этотъ столъ упирается въ другіе столы, сдѣланные въ видѣ подковъ, расположенныхъ своими концами другъ противъ друга. Поперечный столъ такимъ образомъ стоитъ какъ бы внутри этихъ подковъ. Кругомъ послѣднихъ стоятъ кресла, а за ними параллельными линіями расположены другіе маленькіе столики и кресла. Лордъ-провостъ сидитъ у вершины одной изъ подковъ и по обѣ его стороны—разныя должностныя лица. Городской же секретарь сидитъ насупротивъ лорда-мэра внутри подковы, занимая первое мѣсто у поперечнаго стола.

Мнѣ удалось видѣть засѣданіе гласговскаго муниципальнаго правленія, состоявшееся въ началѣ ноября въ первый разъ послѣ третичныхъ выборовъ. Занятія были чисто формальныя и состояли въ избраніи новыхъ „бейли" и другихъ должностныхъ лицъ и въ приводѣ ихъ къ присягѣ. Собраніе, какъ первое послѣ выборовъ, открылось молитвой пастора, который приглашается по усмотрѣнію лорда-провоста. Затѣмъ лордъ-провостъ, въ цѣпи и мантіи, и имѣя передъ собою на столѣ два превосходныхъ букета цвѣтовъ въ вазахъ, сталъ читать списокъ лицъ, предложенныхъ въ магистраты (то же, что „бейли"). Въ виду того, что эти лица были раньше предложены и избраны уже въ закрытомъ собраніи, чтеніе списка носило уже чисто фор-

мальный характеръ, и каждое имя встрѣчалось единодушнымъ „согласны!“ Послѣ этого каждое избранное лицо подходило къ лорду-провосту, и тотъ возлагалъ на него должностную цѣпь при аплодисментахъ прочихъ совѣтниковъ. Когда возложеніе цѣпей закончилось и всѣ новые судьи возвратились на свои мѣста, городской секретарь прочелъ присягу, которую они всѣ выслушали стоя и съ приподнятой правой рукой. Затѣмъ, назначивъ изъ своей среды предсѣдателей разныхъ комитетовъ и другихъ лицъ, собраніе закрылось.

Кромѣ членовъ муниципалитета и представителей печати, можно было увидѣть въ залѣ еще одного, высокаго, пожилого господина съ бритыми усами и въ бакенбардахъ, носившаго красный фракъ и красную жилетку и все время стоявшаго у стѣны вблизи лорда-провоста. Это тоже одна изъ особенностей Шотландіи и называется the Provosts Man, человѣкомъ провоста. Это—лакей, состоящій на службѣ города и обязанный находиться при особѣ городского головы. На оффиціальныхъ обѣдахъ вы его найдете за кресломъ своего патрона; на торжественныхъ собраніяхъ вы его увидите на эстрадѣ рядомъ съ самыми важными лицами; на пріемахъ въ муниципалитетѣ онъ будетъ стоять у входа, точь-въ-точь какъ самъ хозяинъ дома. Словомъ, его фракъ краснѣетъ всюду и вездѣ, гдѣ лордъ-провостъ появляется въ качествѣ представителя города. Это, такъ сказать, оффиціальная тѣнь лорда-провоста; но стоитъ только послѣднему снять цѣпь съ шеи, какъ тѣнь, словно у Петра Шлемиля, моментально исчезаетъ.

VIII.—Прогулка за городъ.

Строго говоря, Гласго далеко не умѣщается въ своихъ муниципальныхъ границахъ, какъ ни широко онъ ихъ захватываетъ. Всѣ большіе города въ сущности теперь вездѣ гораздо больше, чѣмъ они обозначаются оффиціально. Съ улучшеніемъ путей сообщенія городское населеніе быстро разбрасывается на далекія разстоянія отъ городского центра, и вездѣ въ большихъ городахъ теперь замѣчается однородное явленіе наплыва обывателей утромъ и отлива вечеромъ. Во многихъ городахъ, какъ, напримѣръ, въ Петербургѣ, Лондонѣ, Берлинѣ, это разбрасываніе населенія на окраины и въ близлежащіе городишки и деревни главнымъ образомъ объясняется дороговизной квартиръ въ центрѣ столицъ. Въ Гласго же оно происходитъ единственно отъ желанія жить „на лонѣ природы“. Ужъ очень хороша и прекрасна тамъ

эта природа! Квартиры же въ городѣ не только не дороже, но даже въ иныхъ случаяхъ дешевле, чѣмъ вдали отъ него, въ городахъ и деревняхъ окружающихъ его графствъ Ланарка, Стирлинга и южныхъ частей Ренфрю, не говоря уже о береговой полосѣ Клайда, о берегахъ озеръ и заливовъ или островахъ Бютъ и Арранъ, гдѣ виллы, замки и коттеджи временно или постоянно заняты гласговцами, которымъ въ большей части и принадлежатъ. Большинство прибрежныхъ поселеній у Клайда обладаетъ превосходными купальными мѣстами, очень мало однако посѣщаемыми пріѣзжими изъ другихъ частей Великобританіи и составляющими какъ бы заповѣдныя мѣста самихъ гласговцевъ и мѣстныхъ аборигеновъ. Въ нѣкоторыхъ прибрежныхъ мѣстахъ, облюбованныхъ болѣе богатымъ классомъ населенія, нѣтъ даже ресторана или гостинницы, дабы, какъ выразился мнѣ одинъ изъ жителей Вемиссъ-Бея, „не повадился сюда чужой сбродъ".

Въ Вемиссъ-Бей (бухта Вемисса) я разъ попалъ въ концѣ іюля мѣсяца. Наслышавшись, что мѣстность превосходная, и прочитавъ въ одномъ изъ „путеводителей" восторженное описаніе ея окрестностей, я и рѣшилъ проѣхаться туда на день или два, тѣмъ болѣе, что Вемиссъ-Бей лежитъ всего въ 45 верстахъ отъ Гласго и поѣзда идутъ туда чуть ли не каждый часъ. Я представлялъ его себѣ чѣмъ-то въ родѣ купальнаго мѣста южной Англіи, оживленнымъ, полнымъ пріѣзжей публики прибрежнымъ центромъ, оглашаемымъ пѣніемъ и гитарнымъ бренчаньемъ уличныхъ „минестрелей", усыпаннымъ ресторанами, кофейнями, гостинницами, магазинами и переполненнымъ разными уличными торговцами и попрошайками. Каково же было мое изумленіе, когда поѣздъ, послѣ часовой или 50-минутной ѣзды, уперся въ какую-то глухую пристань, у которой дымилъ большой пароходъ. Съ одной стороны передо мною разстилалась гладкая поверхность тихой и широкой бухты, на горизонтѣ которой синѣли силуэты какихъ-то острововъ, а съ другой стороны поднимался высокій берегъ, скрывавшій съ глазъ моихъ всѣ бывшія на немъ постройки и рощи. Я вышелъ изъ вагона и почувствовалъ себя словно въ пустынѣ.

— Что-жъ, это еще лучше,—подумалъ я,—по крайней мѣрѣ тихо и спокойно, и можно будетъ отдохнуть.

Было около половины второго. „Адмиральскій часъ" не только давно наступилъ, но и назойливо требовалъ удовлетворенія; и первымъ моимъ дѣломъ было обратиться къ одному изъ желѣзнодорожныхъ служащихъ съ вопросомъ: „гдѣ тутъ ресторанъ?"

— У насъ тутъ нѣтъ ресторановъ,—отвѣтилъ онъ не безъ нѣкоторой гордости.

— Гдѣ же можно закусить?—спросилъ я, сильно упавъ духомъ.

— Булочку и чашку кофе, можетъ быть, вы у насъ тутъ въ станціонномъ буфетѣ найдете,—утѣшилъ онъ меня:—а болѣе существеннаго наврядъ ли.

— Въ такомъ случаѣ я лучше сейчасъ же отправлюсь въ гостинницу,—сказалъ я, надѣясь найти тамъ нѣчто „болѣе существенное“.

— Въ какую гостинницу?—спросилъ желѣзнодорожный служащій.—У насъ тутъ всего одна, да и та полна. Если вы заранѣе заказали комнату, тогда, конечно...—проговорилъ онъ.

Лицо мое, должно быть, въ эту минуту приняло очень несчастное выраженіе, и собесѣдникъ мой сейчасъ же поспѣшилъ сгладить произведенное его словами впечатлѣніе.

— Да на что вамъ Вемиссъ-Бей!—воскликнулъ онъ какъ-то весело.—Вотъ, пароходъ стоитъ, поѣзжайте лучше въ Мильпортъ, тамъ найдете и отличныя комнаты, и по дорогѣ можете на пароходѣ закусить, да и весь нашъ Вемиссъ-Бей увидите съ палубы какъ на ладони. Поторопитесь только, пароходъ сейчасъ отчалитъ.

Я его поблагодарилъ за совѣтъ и поспѣшилъ на пароходъ. Въ Мильпортъ—такъ въ Мильпортъ, подумалъ я. Не все ли равно гдѣ отдохнуть!

Пароходъ, полный пассажирами, тронулся и, взявъ немного въ сторону, пошелъ затѣмъ вдоль берега прямо на югъ, направляясь къ пристани городка Ларгсъ. Теперь съ палубы можно было дѣйствительно увидѣть весь берегъ вемиссвой бухты, который оказался очень волнистымъ и усѣяннымъ прекрасными виллами изъ краснаго камня, тонувшими въ рощахъ. Видны были и поднимавшіяся съ моря дорожки вверхъ по извилинамъ холмовъ, и лужайки, и цвѣтники. Возвышалась церковь, какое-то гидропатическое заведеніе, почтово-телеграфная станція. Бѣлѣли, словно чайки въ воздухѣ, няньки въ бѣлыхъ платьяхъ и съ бѣлыми дѣтскими колясочками. Отъ всей картины вѣяло такимъ спокойствіемъ, богатствомъ жизни и благоустройствомъ, что положительно жаль было даже вчужѣ нарушить ее, и я отлично понялъ того вемиссъ-бейскаго обывателя, съ которымъ я познакомился на пароходѣ и который откровенно мнѣ признался, что они стараются помѣшать возникновенію разныхъ гостинницъ и вообще туристскихъ убѣжищъ, и употребилъ уже извѣстную читателю фразу—„дабы не повадился чужой сбродъ“.

Отъ пристани Ларгса пароходъ повернулъ прямо на западъ и направился къ виднѣвшимся вдали камбрейскимъ островкамъ.

Есть большой островъ и малый островъ Камбрей, которые такъ и называются—Большой Камбрей и Малый Камбрей. Оба они лежатъ въ полумили разстоянія другъ отъ друга и въ двухъ миляхъ отъ Ларгса, т.-е. западнаго берега Шотландіи, берега графства Айръ. Пароходы пристаютъ лишь къ Большому Камбрею. Маленькій же Камбрей слишкомъ уже малъ, чтобы пароходы удостоивали его своими посѣщеніями. Всего жителей на немъ считается теперь девять человѣкъ, образующихъ два семейства: фермера и маячнаго сторожа. У нихъ есть свои глубокіе ботики, на которыхъ они сообщаются съ остальнымъ міромъ, состоящимъ для нихъ изъ рядомъ лежащаго Большого Камбрея. Но и Большой Камбрей вовсе уже не такой большой, и я его обошелъ кругомъ въ три съ половиной часа въ первый же день моего пріѣзда. Жителей на немъ считается около 1.700 чел., живущихъ почти всѣ въ единственномъ городѣ его, въ Мильпортѣ. Кромѣ этого городка, имѣется лишь еще двa-три домика на всемъ островѣ.

Мильпортъ, это—прелестный городокъ, чистенькій, уютный и тихій. Да откуда и взяться тутъ шуму, если не отъ прибоя волнъ! Но бухта здѣсь отлично защищена, и лишь вѣтры съ востока иногда нагоняютъ большія волны и холода. На самомъ же островѣ нѣтъ никакихъ фабрикъ, ни желѣзныхъ дорогъ, ни даже трамваевъ. Островъ представляетъ собою высокое плато, кругомъ котораго тянется узкая полоса низменнаго берега. Восточная сторона острова образуетъ большой полукругъ, съ нѣсколькими полукругами, вписанными въ него, и по берегу этихъ-то круглыхъ бухточекъ, у подошвы плато и чуточку взобравшись на него, и расположенъ городъ Мильпортъ, который иные гласговцы упорно называютъ деревней.

Тишина и уединеніе острова мнѣ такъ понравились, что я рѣшилъ остаться на немъ нѣсколько дней. И какіе это были славные дни! Одно воспоминаніе о нихъ опять погружаетъ меня въ какую-то счастливую нирвану, гдѣ нѣтъ ни печалей, ни страстей. Я остановился въ гостинницѣ у самой пристани, и окна моей чистенькой комнаты, за которую я всего платилъ около рубля 25 коп. въ сутки ($2^1/_2$ шил.), выходили на просторъ залива, а въ сторонѣ торчалъ скалистый островокъ Малаго Камбрея. Содержательница гостинницы разсказывала мнѣ, что она родомъ англичанка (т.-е. не шотландка) изъ Ланкашира, что на островѣ Большой Камбрей былъ только одинъ

хорошій человѣкъ и что этотъ человѣкъ былъ ея мужъ, который умеръ всего нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ. Она двадцать лѣтъ прожила въ Мильпортѣ, двадцать лѣтъ ей Мильпортъ нравился, здѣсь она родила и выростила дѣтей; но теперь этотъ городокъ ей опротивѣлъ и она рада продать все и бѣжать отсюда. „Вѣдь тутъ,—говорила она мнѣ,—все одна родня, всѣ другъ другу родственники, и сплетнямъ, и пересудамъ, и зависти нѣтъ конца“. У меня, однако, здѣсь не было ни родни, ни друзей, я искалъ лишь отдыха и нашелъ его въ избыткѣ.

Маленькій Камбрей принадлежитъ графу Эглинтону, а Большой Камбрей — маркизу Бюту. Мильпортъ имѣетъ отличную шоссированную набережную въ нѣсколько миль длины, нѣсколько церквей разныхъ исповѣданій, школы, семинарію. Въ одной или двухъ миляхъ разстоянія отъ него по берегу можно встрѣтить небольшое зданіе съ чистенькимъ дворикомъ и съ вывѣскою у калитки, гласящей, что посѣтители допускаются съ утра до вечера съ платой по пенсу за входъ. Это—морская станція, обѣщающая современемъ сдѣлаться самымъ замѣчательнымъ біологическимъ музеемъ въ Европѣ. Вы открываете калитку, переходите черезъ дворикъ и вступаете въ широко-раскрытыя двери. Вы кладете свой пенсъ на столикъ и начинаете осмотръ находящихся здѣсь рѣдкостей. Музей состоитъ изъ нѣсколькихъ залъ, расположенныхъ въ двухъ этажахъ. Въ нижнемъ этажѣ помѣщается резервуаръ для содержанія живой рыбы, имѣются столики для занятій и пр. Верхній же этажъ уставленъ витринами, а стѣны увѣшаны картами, разными иллюстраціями и коллекціями, и передъ вами тутъ открывается цѣлый міръ, котораго вы, быть можетъ, до того времени и не подозрѣвали. Спеціалистъ по морской біологіи, вѣроятно, нашелъ бы здѣсь цѣлыя сокровища интересныхъ экземпляровъ. Мнѣ же, какъ не-спеціалисту, больше всего бросались въ глаза яркіе цвѣта и чудовищныя или, напротивъ, чудныя формы. Вотъ, напримѣръ, морская мышь, отливающая дивными цвѣтами своихъ сверкающихъ покрововъ; вотъ интересная раковина въ формѣ лейки, носящая темное для меня названіе „Euplectella aspergilla“; вотъ морской полипъ въ видѣ пера съ нѣжнымъ опахаломъ, сдѣланнымъ точно изъ шелка; вотъ акалефы, маленькіе комочки съ зонтиками сверху и тонкими отростками снизу, удивительно напоминающіе дамскія шляпки съ спускающимися съ нихъ лентами. Тутъ и моржъ во всѣхъ стадіяхъ его развитія, начиная съ зародыша; тутъ и поразительный по красотѣ и яркости своихъ надкрылій

„алмазный жучекъ". Особенно богатъ музей коллекціями такъ называемыхъ морскихъ звѣздъ.

Всѣ находящіеся въ музеѣ коллекціи и экземпляры добыты со дна моря у береговъ западной горной Шотландіи и собраны на островѣ Камбреѣ усиліями одного мѣстнаго натуралиста, уроженцемъ Мильпорта, Давидомъ Робертсономъ, умершимъ въ 1897 г. Устройство морской станціи на его родномъ островѣ было мечтою его жизни, и хотя онъ умеръ, не доживъ до дня открытія этой станціи, мечта его осуществилась и станція была открыта сейчасъ же послѣ его смерти. И теперь это одна изъ самыхъ интересныхъ достопримѣчательностей на островахъ Шотландіи. Въ настоящее время музей или, какъ его называютъ иные, станція находится въ вѣдѣніи западно-шотландскаго біологическаго общества, владѣющаго собственнымъ пароходомъ для научныхъ изслѣдованій. Лѣтомъ, въ теченіе одного-двухъ мѣсяцевъ, въ музеѣ читались публичныя лекціи по біологіи, на которыхъ присутствовали главнымъ образомъ нарочно съѣхавшіеся сюда народные учителя и учительницы, а ученики изъ мильпортскихъ школъ совершали на пароходѣ общества „научныя экскурсіи", участвуя въ добычѣ со дна моря разныхъ животныхъ и въ классификаціи ихъ.

До моей поѣздки въ Мильпортъ, которая, какъ читатель видѣлъ, была совершенно случайной, я никогда раньше не слышалъ о существованіи тамошней морской станціи, и она была для меня такимъ же открытіемъ, какъ и многіе изъ выставленныхъ въ ней экземпляровъ, добытыхъ изъ нѣдръ морскихъ.

Я оставилъ тихій островъ Большой Камбрей съ сожалѣніемъ и тоской, словно выкинутый изъ уютнаго кабинета на чуждый для меня и шумный базаръ, въ толпу вѣчно толкающихъ другъ друга людей. Впереди синѣлъ берегъ Айршира, а справа уходилъ вдаль угрюмо высившійся маленькій Камбрей съ его девятью обитателями, какъ бы упрекая меня въ томъ, что, будучи такъ близко, я не посѣтилъ и его. Его высокіе и крутые берега какъ бы обѣщали еще болѣе глубокій покой и еще бо́льшую оторванность отъ грязнаго міра людского. Но путь мой лежалъ впереди, и вскорѣ я не только потерялъ изъ виду маленькіе островки, но и разстался съ Шотландіей, съ этой страной, въ которой глубокій романтизмъ и неизсякаемая поэзія живутъ бокъ-о-бокъ съ грубой иногда прозой и жестокой дѣйствительностью жизни.

С. И. Рапопортъ.

НА ПРИСТАНИ

РАЗСКАЗЪ.

I.

Не такъ давно, мнѣ случилось сдѣлать путешествіе на сѣверъ, въ полу-дикій еще Олонецкій край. Было это такъ: пришлось мнѣ перебраться изъ-за Онежья на одну изъ попутныхъ пристаней, чтобы попасть затѣмъ на пароходъ.

День былъ сырой, дождливый, какой бываетъ во второй половинѣ августа. Небо съ утра поливало дождемъ и безъ того неприглядную, пустую окрестность. На берегу одиноко стояла будочка пристани, и въ ней-то и пріютился я, чтобы скоротать длинные часы ожиданія парохода.

По счастью, будочка оказалась хотя крошечнымъ, но теплымъ помѣщеніемъ, снабженнымъ печкой, столомъ и скамьями. Постоянный ея лѣтній обитатель, пароходный приказчикъ, завѣдующій билетной кассой, довольно радушно предложилъ мнѣ гостепріимство.

— Незамѣтно время пройдетъ,—утѣшалъ онъ меня.—Самоварчикъ поставимъ, уху сварить можно, рыба у меня имѣется...

Я снялъ кожанъ, открылъ свой чемоданъ и, стянувъ тяжелые высокіе сапоги, съ удовольствіемъ переобулся въ теплыя туфли. У меня съ собой были книги, кой-какая провизія и потому скоротать день мнѣ представлялось возможнымъ.

Попросивъ благодушнаго приказчика поставить самоваръ, я въ ожиданіи его прикурнулъ на лавкѣ, подложивъ подъ голову дорожный пледъ.

Переходъ отъ сырой, холодной внѣшней атмосферы къ те-

плотѣ жилья нагналъ на меня сладкую истому и я незамѣтно забылся. Шопотъ переговаривающихся голосовъ разбудилъ меня. Я прислушался, не открывая глазъ.

— Никакъ ужъ вы въ четвертый это разъ?—говорилъ одинъ голосъ, въ которомъ я узналъ голосъ приказчика.

— Въ четвертый и есть, милый человѣкъ, въ четвертый. Что будешь дѣлать, не могу я тамъ, тяжко мнѣ.

Они помолчали.

— А это у васъ кто же?—полюбопытствовалъ онъ, очевидно, указывая на меня.

— Проѣзжій, пароходу дожидаются. Баринъ, видно, какой, ученый, вонъ книжки съ собой.

— Т-а-а-къ...—протянулъ тотъ.—Усталъ, видно, сердечный, притомился. Только вотъ лежитъ нехорошо, голова низко, затечетъ. Подушечку кабы подложить?

— А мнѣ и ни къ чему,—точно раскаиваясь въ своей недогадливости, сказалъ приказчикъ.—Вѣдь вотъ у меня подушекъ-то цѣлыхъ двѣ.

— Такъ чего же? Вотъ мы сейчасъ и подложимъ ему подъ головушку.

Я привсталъ.

— Спасибо вамъ, я спать не буду,—сказалъ я.

— Мы васъ никакъ разбудили тутъ съ нашимъ разговоромъ,—извинялся приказчикъ.

Я принялся разувѣрять ихъ. Спать мнѣ дѣйствительно не хотѣлось, недолгій отдыхъ освѣжилъ меня.

Вскорѣ мы всѣ трое: я и приглашенные мной приказчикъ и новый пришлецъ, усѣлись за самоваръ, и началась та тихая, мирная бесѣда, къ которой располагаетъ русскихъ людей чаепитіе.

Рѣзкую противоположность представляли между собою мои новые знакомцы. Рядомъ съ приземистымъ, низкорослымъ приказчикомъ, пышущимъ здоровьемъ и силой, прохожій поражалъ своимъ блѣднымъ, тонкимъ лицомъ и всей худобой высокаго, тощаго тѣла. Длинная черная борода, раздѣленная проборомъ, также черные и довольно длинные волосы придавали ему какой-то апостольскій, иконописный обликъ. Безкровное лицо освѣщалось одухотвореннымъ взглядомъ кроткихъ сѣрыхъ глазъ, а тонкія губы складывались въ печальную и какъ будто горькую улыбку. Остановили мое вниманіе и кисти рукъ съ длинными, красивыми пальцами; такія руки рѣдко бываютъ у простыхъ людей.

Одѣтъ онъ былъ опрятно, въ какое-то точно монашеское полукафтанье и перетянутъ кожанымъ ремнемъ. Говорилъ голосомъ мягкимъ и глуховатымъ, протяжно, медленно и нѣсколько витіевато.

— Въ Петербургъ ѣхать изволите? — спросилъ онъ меня между прочимъ.

Я отвѣтилъ утвердительно и ему задалъ тотъ же вопросъ.

— Да-съ, и я многогрѣшный туда же.

При этомъ онъ вздохнулъ.

— Въ столицу ѣдешь, а самъ вздыхаешь, — ухмыльнулся приказчикъ.—Эхъ, кабы насъ туда! А то сиди вотъ тутъ до заморозковъ, дуй въ кулакъ, гляди на Свирь, любуйся; а зиму въ деревнѣ, на печкѣ съ тараканами. Только и свѣту всего. Я вотъ, милый человѣкъ, дальше-то Петрозаводска и не бывалъ нигдѣ.

— Ну и что же съ того? Вездѣ люди живутъ, солнце всѣмъ одинаково свѣтитъ, а была бы душа спокойна, да не болѣло бы сердце, такъ гдѣ же и лучше человѣку, какъ не въ родномъ углу, да со своими кровными?

— Ладно, ладно, толкуй себѣ. Небось, тебѣ въ своемъ-то углу не больно сидится. Придешь гостемъ, да черезъ мѣсяцъ, много черезъ два и былъ таковъ. Хорошо тебѣ, какъ съ тебя ничего не спрашиваютъ: ни податей, ни прокормленья.

— Не завидуй, другъ любезный, охъ, не завидуй мнѣ. Да вѣдь знаешь самъ, что̀ меня изъ дому гонитъ, знаешь вѣдь судьбу мою горькую? Не на гулянку ухожу я, не радости ищу на чужой сторонѣ.

Онъ проговорилъ это съ такой печалью въ голосѣ, въ глазахъ выразилось такое страданіе, что жизнерадостному приказчику стало неловко.

— Н-да-а,—неопредѣленно процѣдилъ онъ сквозь зубы.

— Читали вы, господинъ милый, книжку такую: вѣчный жидъ?—обратился ко мнѣ прохожій и, не дождавшись моего отвѣта, заговорилъ снова:—ну вотъ, и я такой же буду вѣчный жидъ. И хожу я по бѣлу свѣту и нѣтъ мнѣ покоя, а жаждетъ его душа моя, охъ, какъ жаждетъ; и знаю вѣдь, что нигдѣ, нигдѣ не обрѣту его, а вотъ мечусь все. Впрочемъ, что же это? И зачѣмъ я малознакомому человѣку докучаю собой? Простите вы меня, господинъ милый. Онъ вѣдь вотъ парень хорошій,— указалъ онъ на приказчика,—добрый, только здоровый онъ, душой здоровый, и не понять ему моей боли, онъ вотъ и наступилъ мнѣ на душевную мозоль. Ну и заныла она и не смогъ я удержаться. Простите, не осудите.

Онъ всталъ со скамейки и поклонился мнѣ въ поясъ.

— А затѣмъ на угощеніи много благодарствую,—добавилъ онъ все еще взволнованнымъ голосомъ.

Я предложилъ ему еще чаю.

— Чувствительно, чувствительно вами благодаренъ,—отказался онъ, отходя въ дальній уголокъ.

При дѣятельной помощи приказчика довольно объемистый самоваръ былъ скоро опорожненъ; я примостился къ окну и раскрылъ книгу, но мнѣ не читалось. Близкое присутствіе чужого страданія, тотъ стонъ души, который только-что вырвался изъ этой бѣдной, видно наболѣвшей груди, подняли и во мнѣ всѣ житейскіе недочеты, и Исторія Земли Неймайра не отвѣчала на запросы минуты. Хотѣлось утѣшить бѣднягу, хотѣлось заглянуть въ живую книгу его скорби.

Мѣшало присутствіе веселаго приказчика.

И вдругъ онъ самъ помогъ мнѣ.

— А не будетъ ли милости вашей отпустить меня не надолго въ деревню, баринъ. Тутъ близехонько, версты съ двѣ. Можетъ, я ненуженъ вамъ. Собственно при проѣзжающихъ мы отлучаться не можемъ, претензія можетъ быть. А мнѣ бы ужасти какъ надо домой заглянуть. Баба у меня, можно сказать, на сносяхъ, провѣдать бы ее. Петръ-то Миколаичъ свой человѣкъ, ну, а вашей милости, баринъ, ужъ какъ угодно будетъ.

— Да идите себѣ съ Богомъ, идите конечно, вѣдь до парохода еще долго,—поспѣшилъ я дать ему свое согласіе.

— Иди, иди, Иванъ, а я господину барину могу послужить, если имъ что занадобится,—отозвался изъ своего уголка Петръ Николаевичъ.

— Ну, премного благодарствую, а я живымъ духомъ сбѣгаю,—уже напяливая зипунъ, лебезилъ приказчикъ.—А ты тутъ, Петръ Миколаичъ, пригляди, братъ, за всѣмъ, и насчетъ пассажировъ, если понаѣдутъ какіе, ну и все тамъ прочее, — выговорилъ онъ уже за дверями.

Петръ Николаевичъ только махнулъ ему рукой.

II.

И вотъ мы остались вдвоемъ. Онъ въ своемъ углу, я у окошка. Нѣсколько минутъ мы молчали. Онъ первый заговорилъ:

— Темно вамъ, господинъ. Огонька не зажечь ли? Лампа здѣсь имѣется.

— Спасибо,—отвѣтилъ я.—Да мнѣ что-то читать не хочется.

— Было время, любилъ и я хорошія книжки, да давно ужъ теперь не гляжу въ нихъ.

— Что-жъ такъ?—спросилъ я.

— А то, милый господинъ, что намъ, людямъ темнымъ, да сѣрымъ, не окошко онѣ открываютъ на свѣтъ Божій, а одну щелочку. Не про насъ, грѣшныхъ, видно, онѣ писаны, не про насъ.

— Вѣроятно, вы хотите сказать, что пишутся книги не всегда понятнымъ языкомъ? Такъ вѣдь есть и книги просто написанныя, приноровленныя для каждаго пониманія.

— Не то, господинъ, не то. Ну, тамъ не понялъ какое слово мудреное, это еще не вся бѣда. А вотъ какъ понялъ-то, да уразумѣлъ, да узналъ, что̀ ты такое и чѣмъ бы долженъ былъ быть по настоящему—тутъ-то и мука твоя. Распалятъ онѣ, книжки-то, разожгутъ тебя, совѣсть въ тебѣ расшевелятъ, ну и пропалъ ты совсѣмъ и лишился покоя. Жить намъ можно, сударь, пока совѣсть въ насъ спитъ, а проснулась она, да заговорила, тутъ ужъ не жизнь, а такъ, маята одна.

— Напротивъ, только тотъ и человѣкъ, въ комъ совѣсть не спитъ,—попробовалъ я возразить ему прописной моралью.

— Кажись бы оно и такъ; такъ бы оно и было, кабы совѣсть-то, пробудившись въ насъ, на вѣкъ бы насъ отъ всего худого отвадила. Только нѣтъ вѣдь этого ничего, и знаемъ, что грѣшимъ, а грѣшить не перестаемъ, зло-то въ насъ крѣпко сидитъ. Не умѣю я вамъ этого въ словахъ сказать, баринъ, а только знаю, что жить можно закрывши на все глаза, что̀ кругомъ тебя, да и въ свое нутро не заглядывая.

— Вы, должно быть, много горя въ жизни видѣли?—рѣшился я спросить его.

— Горя?—повторилъ онъ раздумчиво. Помолчавъ, онъ всталъ и, подойдя къ моему окошку, тихо опустился на скамейку рядомъ со мной.

— Мало еще мнѣ, злодѣю, того горя, что̀ я видѣлъ, — началъ онъ:—по настоящему вамъ сказать, баринъ, мѣсто мое не здѣсь, среди живого міра, не на свободѣ, да на раздольѣ, а въ темной подземной тюрьмѣ. Наложить бы на меня оковы желѣзныя, лишить бы меня свѣта бѣлаго, бросать бы мнѣ корку сухую, какъ псу смердящему, болѣло бы, страдало бы тѣло мое, легче бы душѣ моей было. Скорбь бы тѣлесная убила тогда, можетъ, муку душевную. Братоубійца я, Каинъ, а суду человѣческому не

подлежу, и въ томъ-то и мука моя. Убилъ я, не пожалѣлъ, не огнемъ, не ядомъ, а все равно убилъ, со свѣту согналъ брата родного. Знаютъ это всѣ и присные, и чужіе, а судить не судятъ. Судитъ меня одна лиходѣйка—совѣсть моя".

Онъ проговорилъ все это залпомъ, быстро и торопливо и смолкъ.

Молчалъ и я, не чувствуя себя въ правѣ спрашивать его.

— Ну, не обезсудьте, выслушайте меня несчастнаго,—съ мольбой въ голосѣ опять продолжалъ онъ. — Легче мнѣ, какъ покаюсь я доброму человѣку, да и епитимью я самъ на себя наложилъ такую, чтобы мерзость свою душевную передъ людьми обнажать. Не судитъ меня законъ человѣческій, ни подъ одну статью его не подходитъ мое злое дѣло, ему, закону, надо явное, видимое, а до помысловъ нашихъ, до измышленій преступныхъ дѣла ему нѣтъ. Ну, я самъ себя бичую, и хочется мнѣ найти такого человѣка, который плюнулъ бы въ меня, заушилъ бы меня, назвалъ бы меня тѣмъ словомъ, котораго я стою, и, мнится, полегчало бы мнѣ тогда.

Думается мнѣ, господинъ, что, какъ сказано въ писаніи, человѣкъ каждый сотворенъ по образу и подобію Божію, а потому и на свѣтъ явиться онъ дурнымъ не можетъ. Въ каждаго вложена Богомъ частица Его великолѣпія: и тлѣется она въ немъ, какъ искорка въ углѣ. Богъ далъ ее „владѣй и употребляй во славу Мою"! Иной эту искорку раздуетъ въ себѣ, вспыхнетъ въ немъ хоть маленькое пламя доброе, и горитъ это пламя до конца дней его, и грѣетъ, и свѣтитъ и ему и другимъ. Другой, напротивъ, и радъ бы вздуть огонекъ, да дыханье у него слабое, самъ не можетъ, а тѣ, что вокругъ него, или не хотятъ ему въ этомъ помочь, или же не раздуваютъ, а гасятъ въ немъ искру Божію.

Такъ и о себѣ я думаю: не рожденъ я былъ на то, чтобы лиходѣемъ стать, но силы настоящей душевной во мнѣ не было, а тѣ, что породили меня, не о душѣ моей пеклись, а о мамонѣ моемъ; кормили, ростили тѣло мое, собирали и копили для меня земныя блага, а о благахъ вѣчныхъ не помышляли.

Отецъ мой былъ деревенскій кулакъ-міроѣдъ. Тяжко, господинъ, къ родительскому имени примѣнять эти клички, но изъ пѣсни слова не выкинешь. Былъ онъ богатѣй на всю округу, и все Заонежье знало его. У кого нужда, подати, недоимки, кому поклониться? Николаю Ермилычу. Дастъ, поломается, а дастъ, но зато и уплату такую назначитъ, что легче бы человѣку на каторгу пойти, чѣмъ въ его рукахъ очутиться. Навьетъ онъ тогда

изъ него такихъ веревокъ, что хоть бы самому нечистому на нихъ повѣситься такъ впору.

И деньгами ему носятъ отплату по грошамъ, и трудомъ отрабатываютъ, а все расквитаться не могутъ. И пріобрѣталъ онъ себѣ таковымъ манеромъ даровыхъ работниковъ, что̀ и пахали и сѣяли, косили и жали, молотили, вѣяли и на гумно свозили его добро, и лѣсъ его рубили и къ пристанямъ доставляли— все задаромъ, все, будто бы, въ уплату долговъ. Народъ у насъ темный, почитай кругомъ безграмотный, три да пять сложить вмѣстѣ не можетъ, около такого народа знай только руки себѣ нагрѣвай. А мой тятенька пришлый, ярославецъ, смекалки хоть отбавляй.

Торговалъ онъ всѣмъ, что̀ въ деревенскомъ обиходѣ требуется, умѣлъ купить за гривенникъ, продать за четвертакъ. Въ своемъ селѣ у насъ лавка была, да кабакъ при ней, а по деревнямъ ѣздили двое отцовскихъ подручныхъ и скупали у мужиковъ ленъ, и хлѣбъ, и пеньку, не брезговали и бабьимъ товаромъ: холстами, нитками, кружевами. Всему этому батюшка мой находилъ вѣрный и прибыльный сбытъ. А тамъ разжился: лѣсныя дачи сталъ покупать, на Вознесенскую пристань дрова сплавлять. Да, кряжистый былъ мужикъ, кремня тверже.

Мать моя за него вдовой шла и привела съ собой къ нему двухлѣтняго сына. Взялъ онъ мою матушку за красу ея, да за смиренство: ему, властному, да крутому, полюбилась ея безотвѣтность и кротость. Взялъ онъ ее любя, а жилъ съ ней не по хорошему.

Ревнивъ онъ былъ и ревностью своей мучилъ ее, съ молодости и до старости. Ревновалъ онъ ее не то, что къ живымъ, а даже къ мужу ея покойному. Ревновалъ и къ сироткѣ ея малому: „зачѣмъ-де не съ нимъ прижитъ“. И лились сквозь его богатство матушкины слезы; словно въ теремѣ жила она, въ его большомъ полу-каменномъ домѣ.

На другой годъ замужества родила она ему сына—меня грѣшнаго. И покажись тутъ тятенькѣ, что мать своего первенца больше любитъ, чѣмъ его Петрушку, и сталъ онъ ее ежечасно урекать: „ты, дескать, сво̀о Мишаньку только и пѣстуешь; парню четвертый годъ, а онъ у тебя съ рукъ не сходитъ, а мой младенецъ въ забросѣ. Знать, первый мужъ любъ былъ, такъ и его отродье милѣе. Знай только, что Петръ-то мой, да и домъ мой, онъ въ немъ послѣ меня хозяинъ, а Мишанька твой здѣсь изъ милости“.

А того не думалъ тятенька, что сердце материнское лю-

бовью богато, и что для каждаго дитенка найдется въ немъ мѣсто.

Много поразсказала мнѣ ужъ послѣ старая стряпуха Аксинья, что вѣкъ изжила у насъ въ домѣ, объ этихъ первыхъ годахъ замужней жизни моей матери, а какъ сталъ я подростать, такъ и самъ узналъ, что въ домѣ мое мѣсто первое, а что старшій братъ мой только даровой нахлѣбникъ.

И вотъ съ этого-то началось мое душевное растлѣніе, и сталъ родной мой батюшка гасить во мнѣ искру Божію.

Извѣстно, росли мы вмѣстѣ и тянуло насъ другъ къ дружкѣ. Миша былъ веселый, забавный, ну, и какъ постарше меня, такъ и поозорнѣе. Разыграемся, расшалимся, какъ-нибудь онъ по нечаянности стукнетъ меня, толкнетъ—я разревусь, а тятенька ужъ тутъ какъ тутъ: „злодѣй, кричитъ, зашибъ Петрушку, убить его хочешь, чтобы на его мѣсто стать. А ты, потатчица, чего смотришь“? набросится на матушку: „любо тебѣ, чтобы твое отродье моего сына калѣчило“!

И пойдетъ, и пойдетъ. А оба нашалимъ что̀ — виноватъ всегда Миша. Ему и брань, ему и колотушки.

Миша росъ красавцемъ, весь въ матушку: бѣлый, румяный, кудри у него вились изъ кольца въ кольцо; и добрый онъ былъ, ласковый, и всѣмъ онъ любъ былъ, только тятенька мой ненавидѣлъ его.

„— Ишь претъ его,—скажетъ, бывало,—съ чужого-то хлѣба. Вотъ Петруха, какой худой, ледящій, а этого не уколупнешь“!

„— Побойся Бога, Николай Ермилычъ, — вымолвитъ мать и вздохнетъ такъ тяжко-тяжко.

А Мишанькѣ все ни по чемъ, съ него какъ съ гуся вода и брань и колотушки. Простоватъ онъ былъ и ненависти не понималъ; его прибьютъ, а онъ ластится. „Прости, тятенька, скажетъ, я въ другой разъ не буду“. И вины на немъ никакой нѣтъ, а прощенья проситъ.

— Дуракъ!—отвѣтитъ отецъ.

И вездѣ, гдѣ могъ, онъ обижалъ Мишу. Одежу ли справлять задумаетъ намъ, мнѣ норовитъ купить все хорошее, добротное, а брату либо свое старье перешить отдастъ, либо что ни на есть поплоше выберетъ. Сладкій ли какой кусокъ изъ города привезетъ, либо все мнѣ потихоньку сунетъ: „ѣшь, скажетъ, да никому не показывай“, либо кинетъ и ему рывкомъ, да швыркомъ, какой ни на есть остатокъ.

А тотъ за все: „спасибо, тятенька“.

III.

— Малъ я былъ, а свою силу скоро понялъ и хоть въ ту пору и любилъ брата, но все какъ-то считалъ его совсѣмъ другой породы, чѣмъ себя.

Мать, бывало, безъ отца скажетъ мнѣ:

„— Ахъ, Петруша, Петруша, много горя изъ-за тебя принимаетъ Миша. Онъ вѣдь братъ тебѣ родной, вступился бы ты за него передъ отцомъ когда.

Мнѣ будто стыдно станетъ и жалко Мишу, а какъ начнетъ отецъ меня хвалить, а его ругать, да попрекать, я и самъ повѣрю, что я лучше его, и любо мнѣ, что я отецкій сынъ, а онъ у моего отца пріемышъ чужой.

Видно зла-то во мнѣ было больше, чѣмъ добра.

Да и то сказать, душа въ ребенкѣ, что сѣмя въ землѣ. Поливай ты его свѣжей водицей, ставь на солнышко, и выйдетъ растеньице и корни пуститъ. А безъ живительной влаги, да безъ свѣта не взойдетъ сѣмя. Мою же ребячью душу купоросомъ ядовитымъ поливали, почву подъ моимъ душевнымъ сѣменемъ злобой и ненавистью насыщали.

Мать металась между нами обоими, оба мы были ей равно и дороги и милы, но уравнять наши доли ей было не подъ силу. Слова она не смѣла передъ отцомъ пикнуть, и плакала-то даже потихоньку, онъ слезъ не любилъ.

По девятому году вздумалъ отецъ Мишу въ лавку посадить.

„— Не все же ему дармоѣдомъ быть; пусть хоть привыкаетъ кусокъ свой отрабатывать.

Матушка было о школѣ заговорила.

„— Такому-то дураку учиться? Что ты его въ купцы, или въ господа выводить думаешь? Вотъ Петруньку я въ городъ, въ уѣздное отдамъ, будетъ съ тебя одного ученаго.

„— Да вѣдь нонѣ вѣкъ такой, Николай Ермилычъ; всѣхъ учатъ. Вѣдь, можетъ, ему грамота-то бы и далась,—попробовала возразить ему мать.

„— Дура голова. Да на кой ему лядъ твоя грамота? Капиталами ему орудовать, что ли, придется? Гдѣ они у васъ съ нимъ капиталы-то? Вотъ погоди, въ солдаты возьмутъ, тамъ и выучатъ.

„— Почемъ же ты знаешь, что его въ солдаты возьмутъ?— съ испугомъ спрашивала мать.

„— А ты бы какъ думала? Ему безпремѣнно идти придется. Петрушка у насъ одинакой сынъ, его ослобонятъ. А твой сирота. Вотъ кабы ты вдругорядь замужъ не вышла, такъ бы его тебѣ на прокормленье оставили. А теперь шабашъ: у тебя и мужъ и сынъ другой, такъ Михайлѣ не для кого оставаться. Вотъ до солдатчины онъ и послужитъ у насъ подручнымъ, а тамъ и съ Богомъ на царскую службу, да на казенные хлѣба.

Но и въ лавкѣ Миша не угодилъ отцу.

„— И зародится же такой,—жаловался онъ на него матушкѣ. —Ни толку въ немъ, ни смекалки, а выскочить съ носомъ тамъ, гдѣ его не спрашиваютъ—онъ тутъ какъ тутъ. Анамеднись мы муку пшеничную сортировали, Степанъ-то и скажи мнѣ при Мишанькѣ: „въ этомъ мѣшкѣ мука сыровата была маленько, теперь она попортилась, затхлымъ отзываетъ“. Ну, я ему: ставь молъ ее напередъ и въ ходъ пускай. А вчерась изъ Липова Антипъ прiѣхалъ, свадьба у него—сына женитъ: понабралъ того, да сего, да вотъ, говоритъ, еще мучицы фунтиковъ двадцать на пироги отпустите. Степанъ за совокъ, да къ переднему мѣшку, а нашего-то дурака сейчасъ и выдернуло: „дяденька Степанъ, въ этомъ мѣшкѣ мука затхлая, а имъ вѣдь на свадьбу нужно“. Каково! Вотъ и сыночекъ твой родимый, точно ворогъ вотчиму.

„— Да вѣдь онъ правду сказалъ,—попробовала-было защитить мальченку мать.

„— Правду! Умна больно и ты; сынокъ-то, видать, весь въ маменьку. Такъ неужто-жъ мнѣ затхлую-то выкидывать? По покупателямъ и товаръ. Эка невидаль мнѣ липовскiй Антипъ, да гости его свадьбишные. За милую душу съѣдятъ, небойсь!

„— Такъ ты ему затхлой и отпустилъ?

„— А то какой? Онъ было ломаться, а я ему: хочешь—бери, не хочешь—нѣтъ. Слушаешь дурака, такъ и ѣзжай назадъ въ Липово безъ товару, ничего не дамъ. Просишь въ долгъ, а туда же, рыло воротишь. Ну, и натрясъ же я послѣ вихры твоему Мишанькѣ!

И рѣдкiй день у насъ проходилъ, чтобы тятенька не ругалъ Мишу и не корилъ имъ маменьку.

„— Золотой-то твой Мишанька часъ отъ часу не легче творитъ. Завернулась въ лавку попадья, бѣлой патоки купить; отвѣсилъ ей Степанъ фунтъ, заплатила она двѣнадцать копѣекъ и ушла, а на ея мѣсто старуха Спиридониха приходитъ и тоже ей патока занадобилась. Степанъ вышелъ куда-то, я и говорю Мишанькѣ: отвѣсь 1/4 фунта; онъ это вѣшалъ, а старуха спрашиваетъ, сколько съ нея слѣдуетъ? „Пятакъ“, говорю. Какъ пя-

такъ, тятенька? за четверку три копѣйки слѣдоваетъ, выдернуло Мишаньку, сейчасъ вѣдь попадьѣ фунтъ за двѣнадцать копѣекъ отпускали. Старуха и вломись въ амбицію: „Что же это вы съ бѣдныхъ-то людей дороже, чѣмъ съ богатыхъ берете? Съ нашихъ грошей да копѣекъ сотни себѣ выколачиваете. Мало вамъ все, аспидамъ“? И пошла, и пошла. „Да провались вы, говоритъ, не надо мнѣ вашей и патоки, дерите съ тѣхъ, кто въ долгу у васъ, а я хоть и бѣднѣе бѣднаго, да на свой трудовой, чистый грошъ куплю“. Извѣстно, дура-баба, накричала, намутила, а что съ ее возьмешь? Принялъ сраму изъ-за твоего сыночка. Спасибо вамъ! Праведники, на чужой шеѣ сидя. Вѣдь уже дуракъ-дуракомъ, простофиля, а гдѣ напакостить вотчиму, тутъ у насъ и разсудокъ откуда ни возьмись берется. А ты у меня смотри, Петруха, на усъ мотай; какъ будешь приставленъ къ дѣлу, да вздумаешь такого же дурака валять, такъ ты мнѣ и не сынъ. У торговаго человѣка своя совѣсть, и не на то я наживаю, чтобы все по вѣтру пустить. Будешь оборотливъ, да произойдешь дѣло, какъ слѣдоваетъ—все твое, а какъ увижу, да замѣчу, что и ты къ нашему дѣлу негожъ — все на церкви отдамъ, пусть за мою душу молятся, не однимъ вамъ въ угодникахъ быть, мы и сами съ усами.

Тятенька никогда не упускалъ случая на примѣрѣ учить меня уму-разуму.

Съ годъ почитай промаялся Мишанька въ лавкѣ, на колотушкахъ, да на побранкахъ, а тутъ вдругъ получаетъ маменька письмо изъ Олонца отъ своего деверя по первому мужу, и пишетъ онъ ей, что желалъ бы Мишаньку къ себѣ взять въ сыновья.

„Ты, молъ, невѣстушка дѣтьми богата, у тебя двое, а насъ Богъ не благословилъ. И дослышали мы, что племянникъ мой Михайло не ко двору вотчиму, а мнѣ онъ кровь родная, и надумали мы съ женой взять его къ себѣ, уму-разуму научить по состоянью, къ своему дѣлу потомъ приставить и всѣмъ, что имѣемъ, его наградить по исходѣ дней нашихъ. А слухъ до насъ дошелъ, что онъ мальчикъ хорошій, тихій, безотвѣтный, и желаемъ мы ему счастье предоставить. Подумай хорошенько, невѣстушка, и не лишай доли своего сына родного. Чѣмъ ему у вотчима батракомъ даровымъ быть, да попреки слушать, лучше быть ему нашимъ сыномъ богоданнымъ и желаннымъ“.

А деверь матушкинъ курень свой пряничный да бараночный въ Олонцѣ держалъ и былъ онъ человѣкъ зажиточный, богобоязненный, у всѣхъ въ городѣ на виду и въ почетѣ, и даже старостой церковнымъ состоялъ ужъ много лѣтъ.

Взбѣленился тятенька, прочитавши письмо; мать неграмотная была, и извѣстно письмо въ его руки прежде всего попало.

„— Вотъ какъ!—сказалъ онъ.—Ужъ и до ябедъ дѣло дошло. Вскормилъ сопляка, пообчистилъ отъ грязи, а теперь нехорошъ сталъ. Взмотался малымъ-маля на ноги, пора вотчиму въ глаза наплевать. Дарового вишь батрака изъ него сдѣлать хотятъ, въ обидѣ онъ растетъ, слезами хлѣбъ поливаетъ. Спасибо вамъ, женушка ненаглядная, да пасыночекъ милый, спасибо, что опорочили передъ родней своей, что за хлѣбъ за соль мою надругались надо мной.

„— Полно тебѣ, Ермилычъ, въ чемъ мы-то тутъ причинны? я, ты знаешь, неграмотная и съ самой смерти мужниной съ деверемъ и не зналась, не токмо что. А онъ дитё малое, неразумное, онъ про дядю-то сково и слыхомъ не слыхалъ.

„— Змѣи вы подколодныя! знаю я васъ. Ты, тихоня, въ глаза не скажешь, а за глаза-то поди шу, шу, шу, съ кумами, да со сватьями. Такой молъ, да сякой мужъ у меня, посудите, люди добрые. А тамъ, глядишь, одинъ по одному и наплели плетенья до самаго Олонца.

А маменька разливалась слезами, какъ рѣкой.

„— Не гнѣви ты Бога напраслиной, Ермилычъ, скажи ты лучше, какъ мнѣ быть? Отдавать мнѣ Мишаньку Матвѣю Тимоѳеичу, либо нѣтъ? Разсуди ты своей умной головушкой. Тяжко мнѣ съ дитяткомъ моимъ разставаться, а и счастья боюсь лишить его.

Но тятенька отмахивался руками и твердилъ свое.

„— Я вамъ не совѣтчикъ; какъ кашу заварили, такъ и расхлебывайте. Твое дѣтище, ты въ ёмъ и вольна.

IV.

Плакала маменька, плакалъ и Мишанька:—„Не хочу къ дядюшкѣ, говоритъ, тамъ чужіе, я ихъ не знаю“.

Сходила маменька къ попу, сходила къ учительницѣ нашей, всѣ ей одно говорятъ:—„не лишай сына счастья. Матвѣй Тимоѳеичъ, слышно, человѣкъ хорошій, и жену его всѣ хвалятъ. Люди они состоятельные. У нихъ Миша на поглядочку будетъ, и выучатъ его, и къ дѣлу настоящему приставятъ. Въ вашемъ домѣ, да въ богатствѣ ему все равно доли нѣтъ, у твоего Ермилыча свой наслѣдникъ растетъ“.

Думала, думала маменька и рѣшилась.

„— Что-жъ, говоритъ, Ермилычъ, не хочешь ты мнѣ своего слова сказать, такъ я у добрыхъ людей совѣта спрашивала и всѣ мнѣ велятъ Мишу деверю отдать. Видно, судьба его такая ужъ: отца своего не зналъ, а теперь и отъ матери родимой уходить должёнъ.

Учительница ей и отвѣтъ деверю писала, а тамъ черезъ малое время прислалъ онъ матушкѣ другое письмо и деньги на дорогу ей и Мишѣ.

„Пріѣзжай, пишетъ, невѣстушка, сама къ намъ съ сыномъ; посмотри на наше житье-бытье, успокой свое сердце материнское. Знать будешь, гдѣ и у кого сына оставляешь. И не горюй, не тоскуй о немъ; не на обиду зовемъ мы его, а на любовь и на ласку".

А Мишанька ревмя-ревет, тоскуетъ:—„не вози меня, матушка, на чужую сторону, тяжко мнѣ будетъ безъ васъ всѣхъ".

Собралась таки матушка, поправила одежонку Мишину, сама снарядилась и лошадей до Олонца наняла.

Обѣгалъ Мишанька весь домъ, сверху донизу, и въ клѣтушки, и въ сараи, вездѣ заглянулъ, со всѣми попрощался. И скотину всю перeглядѣлъ, а ужъ про людей и говорить нечего. Всѣхъ обнимаетъ, всѣхъ цѣлуетъ:—„братецъ родимый, говоритъ мнѣ, не забывай меня". Къ вотчиму въ ноги упалъ:—„Тятенька, спасибо, что поилъ, кормилъ; прости ты меня Христа ради, что не угождалъ я тебѣ".

Всѣхъ слеза прошибла, а тятенька только и молвилъ:

„— Ну, Богъ съ тобой, Богъ съ тобой.

Съѣхали они со двора, тятенька и проводить не вышелъ. Только всѣмъ примѣтно, что и ему не по себѣ. Сѣлъ за столъ и голову рукой подперъ. Можетъ, въ ту пору и пошевелилось у него чтò на душѣ, можетъ, и жалко ему стало Мишаньку кроткаго, безотвѣтнаго и вспомнилось ему, какимъ малымъ, безпомощнымъ онъ взялъ его и какъ сурово держалъ, не находя для него мѣста ни въ домѣ, ни въ сердцѣ своемъ.

Вздумалъ-было я подойти къ нему приласкаться. Скучно и мнѣ стало одному, а тятенька толкнулъ меня отъ себя:

„— Не приставай, говоритъ, уходи.

И стали мы жить, да поживать безъ Миши. Матушка воротилась изъ Олонца веселая такая и радостная и не могла нахвалиться житьемъ-бытьемъ деверя, его жены, ихъ ласковостью.

„— Ужъ и приняли они меня оба. Не знали, куды и посадить, чѣмъ и угостить. А Мишѣ-то какъ рады! По сердцу онъ имъ ужъ очень пришелся, не налюбуются, не нахвалятся.

При мнѣ же ему и одежи накупили и забавъ всякихъ. До осени, говорятъ, пусть потѣшается, радуется, а тамъ въ школу его отдадимъ. Мнѣ на два платья деверь подарилъ, да она платокъ шелковый. А тебѣ, Петруша, гляди, пряниковъ цѣлый мѣшокъ прислали".

„— А ты нищая, что ли?—крикнулъ на нее батюшка.— Мало того, что сына съ рукъ свалила, такъ еще и дары за него приняла.

„— Что же мнѣ, родныхъ обижать, отказываться? Ты думаешь легко мнѣ съ ребенкомъ разстаться? Спасибо еще деверь-то обѣщался его ко мнѣ пускать кой-когда и отписывать, говоритъ, тебѣ будемъ о немъ почасту, а тамъ и самъ грамотѣ выучится, самъ тебѣ вѣсти о себѣ давать, Богъ дастъ, будетъ.

Той же осенью тятенька задумалъ учить и меня.

„— Сговорился я съ учительшей,—объявилъ онъ разъ вечеромъ за ужиномъ.—Она въ лавку за чаемъ приходила. Берется по вечерамъ Петрушку учить.

„— Что ты задумалъ такъ рано, Ермилычъ, ребенку восьмой годъ всего,—удивилась маменька.

„— Ужъ это не твоего ума дѣло. Не одному твоему Мишанькѣ ученымъ быть. Съумѣемъ и мы ему носъ утереть. Учительша-то говоритъ, что она въ одну зиму съ Петромъ-то пройдетъ, чему въ школѣ два года учатъ. Ну, а тамъ, благословясь, я и въ уѣздное его свезу, на хлѣбà къ куму устрою.

„— Да вѣдь этотъ слабый здоровьемъ у насъ; Миша вѣдь куда крѣпче его росъ.

„— Слабый, слабый, а кто въ томъ виноватъ? Видно, ты Мишу свово лучше кормила да пѣстовала. Ну да какой тамъ ни на есть, а учиться все ему надо. Не такого онъ отца сынъ, чтобы ему въ сѣрости оставаться. Такъ, Петра, правду я говорю, будешь учиться?

— Буду тятенька,—пообѣщался я.

„— То-то. Смотри у меня, братъ, не ударь лицомъ въ грязь. Вотъ какъ станетъ мать отъ любимаго да ученаго сына письма получать, надо, чтобы и ты на тѣ письма съумѣлъ отвѣтить, отписать: мы молъ васъ тоже ничѣмъ не хуже, хоть и моложе годами, да вамъ не уступимъ.

„Грамота далась мнѣ, и за зиму я выучился читать свободно и малымъ-маля писать; книжки полюбились мнѣ. Жилось мнѣ дома скучно, одиноко, деревенскихъ сверстниковъ я гнушался, да и отецъ не любилъ, чтобы я якшался съ деревенской дѣтворой, и потому по вечерамъ я съ удовольствіемъ бѣжалъ въ

школу. Съ учительницей тятенька расплачивался натурой: чаемъ, сахаромъ, ситнымъ.

Въ уѣздное училище мнѣ попасть не пришлось. Открылась у меня сильная золотуха, пошли на ногахъ сперва чирьи, потомъ раны, и сталъ я болѣть и проболѣлъ долгіе годы, вплоть до юности моей.

Чего тутъ ни дѣлали родители: и знахарей всѣхъ окружныхъ звали, и къ мощамъ угодника Александра Свирскаго возили, и ученыхъ докторовъ, какіе по близости были, всѣхъ со мной объѣздили, а мнѣ не легчало, и такъ почитай я лѣтъ десять былъ— ни жилецъ, ни мертвецъ. Тутъ-то я и пристрастился къ книжкамъ.

Носила ихъ мнѣ учительница наша, привозилъ изъ города и отецъ, и читалъ я по цѣлымъ днямъ, и только за книжкой забывалъ свое страданье.

Миша ѣзжалъ къ намъ чуть ни каждый годъ. Деверь матушкинъ свое слово держалъ и посылалъ ей сынка на поглядку.

Онъ съ возрастомъ становился все краше и краше изъ себя, а нравомъ былъ все такой же тихій, свѣтлый, добрый, да ласковый.

И ни разу онъ не пріѣхалъ съ пустыми руками. Всего, бывало, навезетъ: и матушкѣ обновку, и вотчиму табаку хорошаго, либо наливки какой дорогой; а обо мнѣ ужъ и говорить нечего; чего-чего, бывало, онъ ни надаритъ мнѣ: и карандашей разноцвѣтныхъ привезетъ, и бумаги всякой, и картинокъ.

„— Скучно тебѣ, братикъ, потѣшайся-ка вотъ.—Потомъ, узнавши, что я читать люблю, и онъ книжки мнѣ возить сталъ. А какъ гоститъ у насъ, не отойдетъ, бывало, отъ меня, все меня забавляетъ, все мнѣ разсказываетъ и учитъ меня.

И покуда гоститъ онъ у насъ, такъ я привяжусь къ нему, такъ мнѣ онъ станетъ милъ, что тошнѣе, кажись, смерти мнѣ разставаться съ нимъ. А какъ уѣдетъ, да какъ начнетъ тятенька ему завидовать: „ишь, молъ, счастье людямъ, ему и здоровье, ему и краса, а мой Петруха безчастный, заживо гніетъ весь“, и распалится съ этихъ словъ мое сердце на брата и зависть точно змѣя заползетъ мнѣ въ душу и я зачну думать: „чѣмъ я хуже его? И пониманье мнѣ дано, и разумъ, а здоровья да силъ нѣтъ и радости нѣтъ. Смерти Богъ не посылаетъ и на ноги не поднимаетъ.

Однако, годамъ къ восемнадцати мнѣ полегчало. Раны на ногахъ стали закрываться, и весь я точно въ воду живую окунулся. Толстѣть я не толстѣлъ, а все же въ тѣло вошелъ и

сталъ парень, какъ парень. Цвѣту только во мнѣ не было, краски, и отъ долгой лежанки все я гнулся какъ-то, точно сутуловатъ маленько былъ.

На ту пору Миша прiѣхалъ съ радостью. Дядѣ удалось его отъ солдатчины освободить, рекрутскую квитанцiю онъ купилъ ему. Матушка тутъ не знала, какъ и Бога благодарить:— „взыскалъ-де Онъ сироту Своей милостью и мою материнскую молитву услышалъ". А тятенька мрачнѣе тучи сталъ и говорить ей:—„дуракамъ молъ вездѣ счастье".

А въ ту побывку Миша ужъ совсѣмъ большимъ парнемъ прiѣхалъ, и одежи хорошей много съ собой навезъ, и часы съ цѣпочкой у него завелись, и гармоника-итальянка. Не налюбуется на него мать, да и всѣ въ деревнѣ отъ мала до велика не нахвалятся имъ.

Каждому онъ поклонится, съ каждымъ поговоритъ.

А и поклоны, и ласка у него для каждаго разные: старымъ людямъ низко, пренизко въ поясъ поклонится, молодымъ мужикамъ да молодкамъ руку протянетъ ласково, да привѣтливо, парнямъ кивнетъ съ улыбкой, дѣвушкамъ подмигнетъ задорно, малыхъ ребятъ, кого по головѣ погладитъ, кого на руки возьметъ, покачаетъ, выше головы подброситъ.

V.

Шли мы какъ-то съ нимъ въ праздничный день по деревнѣ, онъ въ гармонику наигрываетъ, да направо и налѣво поклоны отдаетъ, и вижу я, всѣ ему точно радуются, а я иду, до меня и дѣла никому нѣтъ. И сталъ я ему говорить:—„охота тебѣ, братецъ, мужичью кланяться, ровня они тебѣ, что ли?"

„— А ты бы какъ думалъ?—отвѣчаетъ.—Мы то съ тобой господа, что ли? Что у тебя отецъ, а у меня дядя богаче ихъ, да отъ нихъ же нажились, такъ за нами и сила? Нѣтъ, братъ, отъ одного мы дерева и гнушаться намъ ими не приходится. И по Божьи мы всѣ братья, да и плоть и кровь въ насъ одна. Ты вотъ, братецъ, книги читаешь и божественныя и житейскiя, а того не знаешь, что передъ мужикомъ-то этимъ мы не то что въ поясъ, а въ землю по настоящему кланяться должны, что мужикъ-то этотъ не то что насъ съ тобой, а почитай весь мiръ на себѣ везетъ. Спроси-ка ты у тятеньки-то своего, чьимъ онъ трудомъ мошну-то свою набилъ? Вотъ если онъ тебѣ правду

скажетъ и ты эту правду разберешь, какъ слѣдуетъ, такъ тогда тебя передъ этимъ мужикомъ совѣсть зазритъ.

Въ то время я на его слова мало вниманья обратилъ, спеси во мнѣ много было, и считалъ я себя куды умнѣе его, позже ужъ понялъ, что его-то разумъ былъ не по плечу намъ всѣмъ.

„— Вотъ,—заговорилъ онъ въ другой разъ,—меня отъ солдатчины избавили; радуюсь я за матушку, что ея сердце успокоилось, радуюсь и за дядю съ теткой, ужъ больно жалѣли и они меня отпускать на службу, а за себя, ты думаешь, радъ я. И ничуточки, Петруха. Меня ослобонили за деньги, такъ все равно, на мое мѣсто другому становиться придется, и грѣхъ деньгами отъ того откупаться, на что̀ другой по нуждѣ идетъ. Вотъ только тѣмъ и утѣшаю себя, что крови мнѣ проливать не придется, коли война бы у насъ была. Страшно, Петруха, кровь человѣческую пролить, хоть и недругъ, а все человѣкъ; боюсь я крови, худо мнѣ, не могу видѣть, какъ и скотину рѣжутъ, жалость такая.

Мы сидѣли на завалинкѣ передъ домомъ, а отецъ изъ окошка услышалъ насъ.

„— Какъ рѣжутъ скотину видѣть не можешь, а щи съ мясомъ, да бужанину съ хрѣномъ небойсь охотникъ ѣсть“,—сказалъ онъ посмѣиваясь.

„— А я вотъ что̀ вамъ скажу, тятенька:—кабы жилъ я одинъ, не на людяхъ, давно бы я мясо ѣсть бросилъ, да, можетъ, и брошу когда-нибудь.

„— Ладно ужъ, ладно. На словахъ-то мы всѣ добрѣе добрыхъ. Скотину вишь не зарѣзалъ бы и ѣсть бы не сталъ, ужъ больно жалостливъ! А перейди тебѣ кто дорогу, или протяни къ твоему добру руку—посмотрѣлъ бы я, что̀ бы ты заговорилъ.

„— Объ этомъ, батюшка, праздно и говорить не гоже. Да и что говорить? Ты все равно мнѣ не повѣришь. Будетъ съ меня, что я себя самъ знаю, и что̀ въ себѣ чувствую, то при себѣ и оставлю.

Батюшкѣ Мишины рѣчи не по сердцу были.

„— Поживемъ такъ увидимъ; ужъ больно ты, парень, въ рѣчахъ-то хорошъ, очень ужъ всѣмъ ты въ душу залѣзаешь. А бываетъ и такъ, что вотъ такіе-то праведники на дѣлѣ куда хуже насъ грѣшныхъ выходятъ.

„— Не нами сказано, что врагъ горами ворочаетъ, тятенька. Можетъ, и я заживусь на свѣтѣ; такъ и у меня мысли перемѣнятся; только вотъ думается мнѣ все, что не дологъ мой вѣкъ, а потому и начинать-то грѣшить не хочется.

Говоритъ это Миша, будто шутитъ, а у самого лицо перемѣнилось и печаль въ глазахъ стала.

„— Вотъ, тятенька, какъ посудишь: дядюшка затѣялъ въ Петрозаводскъ меня посылать, тамъ новый курень хочетъ ставить и меня туды хозяиномъ опредѣляетъ, да не охота мнѣ; тутъ я подъ чужимъ началомъ, дѣлаю, что̀ велятъ и отвѣта на мнѣ нѣтъ. А какой я хозяинъ? И не по душѣ мнѣ все это торговое дѣло, и смѣтки у меня настоящей въ немъ нѣтъ, да и на что оно мнѣ? Куда все деньги, да деньги, на что ихъ такую силу?

„— Что-жъ, въ монахи, что ли, затѣваешь идти?—спросилъ батюшка съ усмѣшкой.

„— И въ монахи не пойду. Какой я монахъ? Я жизнь люблю и людей люблю. Съ людьми жить хочу и съ ними и радость и горе дѣлить. А хотѣлось бы мнѣ вотъ чего, тятенька: купилъ бы мнѣ дядюшка землицу, да домъ поставилъ, да скотинки далъ и сталъ бы я крестьянствовать, работать въ землѣ и землей кормиться. Самое оно дѣло любезное и святое.

„— Это чтобы изъ поповъ да въ дьякона. Такъ и позволилъ тебѣ дядя? Онъ вотъ матери сказалъ, что въ гильдію тебя записать хочетъ, въ купцы вывести затѣялъ, а ты землю пахать надумалъ. Вотъ неправъ ли я былъ, когда матери твоей говорилъ, что дуракамъ счастье. Счастье то къ тебѣ идетъ, а ты отъ него спину воротишь. Его ладятъ въ купцы, а онъ въ мужики претъ!

„— А ты счастливъ, тятенька? Вотъ ты богатъ, вся округа въ твоихъ рукахъ, всѣ передъ тобой кланяются, а въ чемъ жизнь твоя прошла? Въ счетахъ, да разсчетахъ, въ копленьи, да наживѣ, а какую тебѣ радость эта нажива дала? Кому люди-то кланяются? Ты и самъ не разберешь, тебѣ ли, карману ли твоему? Сила ты здѣсь, вотъ и почетъ тебѣ, а прогори ты завтра, и не то что пожалѣютъ тебя, а порадуются всѣ твоей бѣдѣ. Кусокъ-то сладкій ты ѣшь, да въ домѣ живешь большомъ! Такъ вѣдь ужъ ты къ этому такъ привыкъ, что тебя это не тѣшитъ. Умрешь, сыну оставишь богатство свое; съумѣетъ онъ и захочетъ если по-твоему имъ распоряжаться — еще пріумножитъ капиталы и самъ и жизнь свою и душу въ нихъ уложитъ, не съумѣетъ, или не захочетъ—прахомъ пойдетъ все тобой нажитое и жизнь твоя, и труды пропадутъ даромъ. А что горше, да обиднѣе всего, такъ это то, что на торговомъ человѣкѣ всегда покоръ людской лежитъ. Я вотъ и хотѣлъ бы жить и помирать,

какъ всѣ. Вотъ ты что̀ хочешь, а не люблю я эти слова: нажива, прибыль, барыши, процентъ.

Но тятенькины глаза были крѣпко-накрѣпко закрыты на все такое, чего онъ видѣть не хотѣлъ, и не Мишѣ было раскрыть ихъ.

„— Ну и живи, какъ знаешь, твое дѣло. Не мути только, да не сбивай Петруху; благодарить Бога, что онъ не въ тебя пошелъ, а попробуй онъ мнѣ сказать этакое-то, такъ я бы съ него семь шкуръ спустилъ, да со двора согналъ, даромъ, что онъ у меня одинокой сынъ. Не то, что землю ему покупать, да дома строить, а я бы ему паршивой овцы не далъ. Да сдается мнѣ, что и твой дядюшка наврядъ тебѣ поблажать въ этомъ дѣлѣ будетъ, онъ себѣ наслѣдника бралъ, своему дѣлу продолжателя, а не супротивника, да не пересмѣшника. Какой чистоплюй выискался, покоръ вишь людсвой на насъ, торговыхъ людяхъ. Что мы нехристи, что ли? А кто церкви строитъ, на богадельни, да на пріюты жертвуетъ, крестьяне ваши, аль мы, торговые?..

„— У Бога всего много. Ему жертвъ вашихъ не надо, а кабы не обижали бѣдныхъ, да сирыхъ, такъ и не нужны бы имъ были пріюты ваши, да богадѣльни.

„— Вотъ ты куда гнешь! Ладно, братъ, ладно, будетъ ужъ, наслушался. Кабы ты не былъ своей матери сынъ, я бы тебѣ такой показалъ поворотъ отъ воротъ, что ты бы своихъ не узналъ...

„— Эхъ, тятенька, тятенька, я не гнѣвить васъ хочу, а жалко мнѣ васъ, а пуще всего Петруху жалко. Ну, инъ, простите меня, окаяннаго, можетъ, я и не съумѣлъ вамъ такъ сказать, какъ слѣдовало бы. Въ душѣ-то я знаю, что̀ у меня, а вотъ словами-то я не силенъ. Утѣшьте меня, скажите, что не гнѣваетесь.

„— Да ну тебя, отстань, вѣкъ былъ непутевый,—проворчалъ тятенька.

Въ этотъ пріѣздъ Миша зажился у насъ, несмотря на то, что батюшка все косился на него и явно показывалъ, что онъ у насъ гость нежеланный. Дома, правда, онъ сидѣлъ мало и все уходилъ то въ поле къ косарямъ, то въ сосѣднюю деревушку Святъ-Наволокъ.

Какъ-то разъ говоритъ онъ мнѣ вечеромъ, забравшись со мною на сѣновалъ, гдѣ мы съ нимъ спали: дома было жарко и душно.

„— Петруха, видалъ ты когда Настю, кружевницу изъ Святъ-Наволока?

„— Не знаю я никакой Насти; да и гдѣ мнѣ знать, куда я хожу? Да и давно ли ходить-то сталъ? Сколько лѣтъ сиднемъ сидѣлъ.

„— А она тебя знаетъ. Въ церковь онѣ къ вамъ сюда на село съ матерью ходятъ. Она тебя, Петруха, жалѣетъ: славный, говоритъ, пареневъ, худеневъ только изъ себя. Хошь, Петруха, я тебя къ ней сведу?

„— А на кой лядъ? На что мнѣ она?—сердито промычалъ я. Не любилъ я, когда меня жалѣли, а пуще всего, когда жалѣли за худобу, да за болѣзни мои.

„— Увидишь, такъ не скажешь на что? Ну, братъ, такой дѣвки я не видывалъ. И умомъ, и красотой, и добротой—всѣмъ взяла. Бѣдныя онѣ: мать-то вдова, кой-какъ перебиваются, она кружева плететъ, мать бабничаетъ, да лечитъ, тѣмъ и живутъ. А выучена она всему, въ самомъ Петрозаводскѣ въ пріютѣ была. И читаетъ, и пишетъ, и рукодѣлія всякія знаетъ. Право, братъ Петруха, сходимъ къ нимъ вмѣстѣ; онѣ обрадуются тебѣ. Хотѣлъ бы я очень, чтобы ты поглядѣлъ на нее, сказалъ бы мнѣ, какова она на твой взглядъ.

„— А у тебя своихъ-то глазъ нѣту? Да и что тебѣ такъ далась она? Невѣста, что ли?

„— Хорошо, кабы такъ, ужъ больно полюбилась она мнѣ, Петрушенька. Да что впередъ заглядывать, да о свадьбѣ думать! У меня еще пока ни кола, ни двора, и весь я во власти дядюшки съ тетушкой. А вотъ люба мнѣ она, Петрушенька, такъ люба, что гляжу не нагляжусь, слушаю, не наслушаюсь. Такъ пойдемъ къ нимъ со мной, Петра, а?

„— Присталъ ужъ, такъ не отстанешь. Давай спать, а тамъ видно будетъ.

VI.

Онъ и вправду не отсталъ и на другой же день вечеромъ, я отпросился у тятеньки изъ лавки погулять, и мы отправились съ братомъ въ Святъ-Наволокъ.

Я едва поспѣвалъ за Мишей; онъ какъ на крылышкахъ летѣлъ къ своей красавицѣ и всю дорогу неумолчно говорилъ о ней.

„— Не по сердцу вотъ только мнѣ Обориха сама, мать Настина. Хитрая, видать, неправильная старуха. И все о деньгахъ, да о богатствѣ. Настю, молъ, еще въ Петрозаводскѣ купецъ сваталъ, да молода она была, а съ ея красотой, да умомъ ей о

бѣдномъ и думать не стоитъ. Настя этихъ разговоровъ не любитъ; гордая она, останавливаетъ мать, а та все на свое воротитъ. Все выспрашиваетъ, какой у моего дядюшки капиталъ, да приписанъ ли я къ нему, или такъ, въ пріемышахъ? И про васъ съ тятенькой спрашивала: у Николая-то, молъ, Ермилыча одинъ сынъ, вотъ женишокъ-то на всю округу! А я ей говорю:—Петруха нашъ еще молоденекъ, какой онъ женихъ? Да и здоровьемъ слабоватъ.

„— Ну, это ты напрасно. Что я, вѣкъ, что ли, хворать долженъ, да калѣкой слыть,—съ сердцемъ сказалъ я.

„— Калѣкой не калѣкой, а все же надо правду говорить, Петрушенька, какой ужъ ты женихъ теперь? Вотъ развѣ поокрѣпнешь, какъ въ годы войдешь, тогда и ищи невѣстъ. Дѣвушкѣ молодой, да здоровой и мужа надо браваго, а ты смотри-ка, бѣдняга, изъ тины волокешься, точно нѣтъ еще въ тебѣ здоровья настоящаго, потому ты и не веселъ, скучный всегда, хмурый, а дѣвки молодыя веселье любятъ: хихи, да смѣхи.

Больше обидѣть онъ меня не могъ. И раньше-то я не долюбливалъ его и завидовалъ ему, а тутъ за эти слова и вовсе возненавидѣлъ его.

„— Не пойду я дальше, усталъ, иди одинъ,—выговорилъ я.

Миша повернулся и посмотрѣлъ на меня.

„— Нѣтъ, братъ, шалишь! Пошли вмѣстѣ, такъ и дойдемъ вмѣстѣ. Да что ты, Петрушка, сомлѣлъ весь, инъ и вправду усталъ? Ну, отдохнемъ сейчасъ, вонъ ужъ и ихняя Святъ-Наволоцкая околица.

Ему и ни къ чему было, что онъ своими словами обидѣлъ меня; въ мысляхъ онъ обиды не держалъ, а говорилъ такъ спроста, что̀ думалъ.

Пришли мы. Избушка Оборихина стояла на краю, хоть и ветхая, убогая, но чистенькая. Подъ окошками въ палисадникѣ липы насажены, а на самыхъ окошкахъ гераньки стоятъ, бальзамины въ горшкахъ, занавѣсочки повѣшаны съ бахромкой и въ крайнемъ окошкѣ за работой сидитъ наклонившись дѣвица; лица не видать, только большущая темная коса лежитъ на спинѣ, да рука въ розовомъ рукавѣ двигается.

Мишанька подкрался къ палисаднику и хлопъ въ ладоши. Дѣвушка вздрогнула и повернулась.

Ахъ, сударь мой, ни прежде, ни послѣ не видалъ я такого дѣвичьяго лица! Точно солнышко изъ-за тучъ выглянуло оно изъ окошка, полное, нѣжное, все залитое румянцемъ. Увидавъ Мишу, она засмѣялась, глубокія ямочки заиграли на щечкахъ, сѣрые

глазки блеснули задоромъ и молодымъ весельемъ, блеснули точно ниточка ровнаго жемчуга мелкіе зубки между алыхъ губъ маленькаго рта.

„— Михайло свѣтъ-Алексѣевичъ, видно молодца по обычаю; да никакъ и еще гостя съ собой привели,—сказала она, увидавши меня.

Я стоялъ дуракъ дуракомъ и смотрѣлъ на нее изъ-за Мишиныхъ плечей.

„— Ну, что же, входите, што ли? Не у палисадника же стоять пришли? Входите—гости будете.

„— Да мы такъ, погулять пошли, ненарокомъ забрели сюда,—поломался Миша.

„— Вотъ какъ! Ну, что-жъ—вольному воля. — Она лукаво блеснула глазами и отошла отъ окошка.

„— Зайти, что ли, Петруха, какъ полагаешь?—спрашиваетъ Михайло, а самъ ужъ давно шасть въ калитку и на крылечко.

Вошли. Сидитъ она снова за работой, коклюшки перебираетъ, не видитъ точно насъ.

„— А маменька ваша гдѣ же?—спрашиваетъ Миша.

„— Корову доить пошла. Вы за дѣломъ къ ней, што ли?

Она подняла голову и снова закатилась звонкимъ, точно серебрянымъ смѣхомъ.

И снова заблистали глазки, заиграли ямочки и опять я смотрѣлъ на нее во всѣ глаза и не въ силахъ былъ оторвать ихъ отъ лица ея.

И жутко было, и радостно, и сладко какъ-то. И теперь какъ сейчасъ видятся мнѣ черезъ много лѣтъ: маленькая избушка, бальзамины, лучи вечерняго солнца, снопомъ падающіе изъ окошка, и въ этихъ лучахъ она, вся розовая, и слышится мнѣ смѣхъ ея; видится мнѣ и кудрявая свѣтлая голова Миши, и раскрытая дверь, и въ ней старая Обориха съ подойникомъ въ рукахъ, и раздается Оборихинъ голосъ:

„— Никакъ у насъ гости дорогіе? Михайло Алексѣевичъ. А это братецъ должно быть вашъ, Николая Ермилыча сынокъ?

Посидѣли мы, чаю напились. Зоветъ меня Миша домой, а мнѣ и домой неохота. Вѣкъ бы сидѣлъ, да смотрѣлъ, да слушалъ.

Идемъ обратно и спрашиваетъ меня Михайло:

„— Ну, что, какъ? Какова, молъ, она, Настя-то?

А мнѣ и говорить-то съ нимъ не охота. Почувствовалъ я и понялъ, что сошлись мы съ нимъ на одной дорогѣ и что не братъ онъ мнѣ больше, а ворогъ лютый.

„— Что пристаешь, говорю? Самъ знаешь какова.

Тутъ посмотрѣлъ онъ на меня зорко, такъ пристально, и примолкъ сразу. Больше мы съ нимъ во весь путь слова не сказали.

И стало съ той поры рваться да ныть мое сердце.

Бывало, какъ вечеромъ пойдетъ Миша изъ дому, такъ и нападетъ на меня тоска лютая.

Пошелъ, думаю, къ ней, видитъ ее, любуется, и она, можетъ, ужъ любитъ его, красавецъ вѣдь онъ, веселый, говорунъ, забавникъ.

И самъ бы полетѣлъ туда, да неловко. Миша не зоветъ, одному идти совѣстно, хоть и просила меня Обориха не брезговать ими, водить съ ними знакомство, но Настя зато слова со мной не сказала, а только спросила Мишу про меня:

„— Что, братецъ-то вашъ всегда такой молчальникъ, да скромникъ?

Мучился я такъ до той поры, покудова Мишу дядя не отозвалъ письмомъ въ Олонецъ.

На прощанье онъ сказалъ мнѣ:

„— Тошнехонько уѣзжать, Петруша, самъ знаешь почему. Теперь до будущаго лѣта не видать мнѣ Настюши.

„— Жениться тогда пріѣдешь?—спрашиваю.

„— Кто его знаетъ, Петруха! Сердце дѣвичье измѣнчиво, да забывчиво; слыхалъ ты, говорятъ: съ глазъ долой и изъ сердца вонъ. Одно знаю, что мнѣ-то ее и въ жизнь не забыть.

Уѣхалъ Мишанька, и мнѣ легче стало. Думаю, по крайности не видитъ его она, а годъ времени много, и много за годъ перемѣниться можетъ.

Надумалъ я какъ-то къ нимъ пойти.

Обориха встрѣтила съ радостью.

„— Вотъ кого Богъ послалъ. Гость дорогой, Петръ Николаичъ! Забыли насъ, зашли разокъ съ братцемъ, показались какъ красное солнышко, да и нѣтъ потомъ. Настенька, привѣчай гостя, а я самоварчикъ согрѣю.

И Настя ничего, только скучнѣе будто стала, да я ужъ зналъ почему.

Лиха бѣда—начало. Сходилъ разъ, сходилъ другой, а тамъ чаще, да чаще, и рѣдкій вечеръ пройдетъ, чтобы я не сбѣгалъ въ Святъ-Наволокъ.

Обориха передо мной такъ и стелется, такъ и стелется.

„— И чѣмъ мы заслужили, говоритъ, что такого отца сынъ и самъ-то молодецъ, и красавецъ, нами сиротами не брезгуетъ.

Конечно, могу сказать, мы и въ городѣ-то хорошими людьми не забыты были. Первостатейный купецъ тамъ мою Настюху свaталъ, да не отдала я ее въ ту пору, пожалѣла, всего шестнадцатый годъ ей былъ. Молода, думаю, пусть посидитъ еще, а ея судьба отъ нея не уйдетъ. Здѣсь, извѣстно, съ кѣмъ знакомымъ быть? Сѣрота одна, мужичье. Ну, а Настенька моя въ пріютѣ училась, съ хорошими людьми канпанью вести привыкла, вотъ и рады мы, что вы нами не гнушаетесь. Такъ вѣдь, Настя, говорю я?

„— Полно вамъ, маменька. Не гнушаетесь, не брезгуете! Что мы, не-люди, что ли? Приходитъ къ намъ Петръ Николаевичъ, значитъ, хорошо ему у насъ, и я ему рада. Онъ вотъ мнѣ книжки читаетъ, разсказываетъ, мнѣ и работать веселѣе, какъ онъ придетъ.

О Мишѣ Настя со мной не заговаривала. Спросила только разъ какъ-то, получаетъ ли отъ него маменька письма? И тутъ же сказала: „впрочемъ, онъ самъ говорилъ, что письма писать не любитъ и что больше за него все дяденька пишетъ“.

Миновалъ конецъ лѣта, пошли осеннія непогоды, дожди, грязь невылазная, а я все хожу, да хожу по вечерамъ въ Святъ-Наволокъ, и стали тутъ замѣчать за мной родители.

„— И куды тѣ носитъ въ непогодь? — говоритъ разъ батюшка. — Люди рады дома сидѣть, а ты норовишь изъ дому. Смотри, парень, ужъ не завелъ ли шашни какія? Рановато, братъ, да и не по здоровью тебѣ.

„— И точно, Петрушенька, поберегъ бы ты себя. Осень время нехорошее,—завела и маменька.

Меня такъ и взорвало.

„— Да что вамъ всѣмъ далось мое здоровье. Что я, убогой какой, что ли? Шагу мнѣ изъ дому нельзя сдѣлать. Будетъ, посидѣлъ я у васъ за печкой.

„— Ишь какъ съ родителями-то заговорилъ. И впрямь, Петруха, ты бѣлены объѣлся. Ужъ не сдѣлалъ ли кто чего надъ тобой?

Матушка испуганно вскинула глазами.

„— Святъ, святъ, святъ!—заговорила она.—Что ты, Ермилычъ, накликаешь на сына.

А родительскимъ-то словамъ суждено было сбыться.

VII.

Совсѣмъ ужъ темные вечера настали, шелъ я какъ-то разъ изъ Святъ-Наволока и попалъ въ топкое мѣсто, еле выбрался, промокъ насквозь и еще по дорогѣ меня затрясла лихорадка. Какъ пришелъ домой, такъ и свалился. Возилась тутъ со мной матушка недѣли съ двѣ, всталъ я, а поправлялся все худо. И болѣзнь-то меня изломала совсѣмъ, и тоска по Настѣ сокрушила.

Была бы воля моя, запрягъ бы лошадь, да и полетѣлъ къ ней. А сказать родителямъ, да попроситься у нихъ не смѣю.

Лежу какъ-то въ боковушкѣ у себя, читаю и слышу матушка говоритъ съ отцомъ, видно думаетъ, что сплю я.

„— Какъ хочешь, Ермилычъ, а у Петруши нашего болѣзнь болѣзнью, а и окромя болѣзни еще причина есть.

„— Нну-у?..—протянулъ тятенька.—При всей своей суровости, да непреклонности, онъ въ домашнихъ и семейныхъ дѣлахъ вѣрилъ женскому чутью маменьки.

„— Да ужъ я тебѣ говорю. Я тутъ кой-что поразузнала. Влюбился онъ у насъ, вотъ и тоскуетъ.

„— Полно вздоръ-то городить. Велики годы его; девятнадцать-то лѣтъ. Да и въ кого здѣсь влюбляться? Дѣвки уродъ на уродѣ, на половину корела. Вотъ дай срокъ, выищемъ невѣсту изъ нашего торговаго званія, ну и пусть тогда влюбляется.

„— А я знаю, что̀ знаю,—настаиваетъ маменька.—И есть здѣсь дѣвица въ Святъ-Наволокѣ и умница, и красавица, и повадился къ ней Петрушка нашъ ходить. Тамъ онъ и увязъ со всѣмъ потрохомъ.

„— Въ Святъ-Наволокѣ говоришь, какая такая? И деревнюшка-то тамъ всего семь дворовъ, и голь все одна перекатная.

„— Да и она не изъ богатыхъ. Про Обориху лекарку слыхалъ? Такъ вотъ это дочка ейная—Настасья. Недавно она еще здѣсь—съ весны; въ Петрозаводскомъ онѣ долго жили съ матерью, та бабничала, а дочка за сиротство въ пріютѣ призрѣна была. Ужъ и хороша же, говорятъ.

„— Тцъ, и говорить не моги! Что намъ ейная краса, когда за душой гроша мѣднаго нѣтъ. За Петруху съ деньгами отдадутъ любую, знаютъ, въ какой домъ отдавать будутъ.

Лежу я слушаю, а тоска больше, да больше одолѣваетъ меня. Хоть и зналъ я своего тятеньку, зналъ и то, что судьбу мою онъ по-своему захочетъ устроить, да и о женитьбѣ на

Настѣ еще не помышлялъ пока, но тутъ мнѣ точно вдругъ что-то въ голову ударило: понялъ я, что мнѣ безъ Насти не жить. Точно тятенька своими словами передо мною мою же душу раскрылъ. И тутъ же у меня защемило сердце и точно кто мнѣ шепнулъ: „а она-то тебя любитъ? вѣдь знаешь ты, что ей другой милъ и что не въ тятенькѣ тутъ сила, а въ ней самой. А кто другой-то этотъ? Братъ вѣдь твой родимый. Онъ вѣдь ее нашелъ, онъ полюбилъ, онъ и тебя-то вѣдь къ ней свелъ, вѣрилъ тебѣ, счастье свое показать тебѣ хотѣлъ. А ты готовъ у него это счастье украсть".—Да любъ ли онъ ей? Что онъ ее любитъ, я знаю, онъ самъ сказалъ, а про нее вѣдь еще вилами на водѣ писано. Надо у ней допытаться, узнать. Веселая она сама, ну и любила балагурить, да смѣяться съ нимъ, а уѣхалъ, такъ вѣдь ничего, не убивается, не тоскуетъ, о немъ не спрашиваетъ.

И Обориха сама о немъ точно забыла, а ко мнѣ зато какъ ласкова, не знаетъ, куда и посадить, чѣмъ и угостить. Можетъ, у нихъ обѣихъ о Мишанькѣ и помышленья нѣту. А мнѣ-то изъ чего о немъ думать? Онъ себѣ и другихъ невѣстъ найдетъ, здоровый, да красивый. Мало у нихъ тамъ въ Олонцѣ дѣвокъ, да вонъ еще и въ Петрозаводскъ его дядя посылаетъ. Онъ, можетъ, здѣсь такъ только со скуки съ Настей хороводился, а теперь, можетъ, и другую какую нашелъ. Такіе-то, какъ онъ, забывчивы, имъ бы потѣха, да забава, и не можетъ онъ любить Настю такъ, какъ я.

Всю ночь я тогда промаялся отъ этихъ думъ, и такъ и этакъ поворачивалъ въ умѣ дѣло; то падетъ мнѣ на мысль, что грѣхъ я задумалъ передъ Мишей, и что Настя сама не пойдетъ за меня, да и тятенька мой не захочетъ поженить насъ, и что слѣдуетъ мнѣ себя въ руки взять и объ Настѣ забыть и думать; то вдругъ покажется, что все повернется на ладъ, и Настя меня полюбитъ, и тятенька мнѣ перечить не станетъ, и тутъ ужъ я брата не жалѣлъ и вины своей передъ нимъ не чувствовалъ: „кто зѣваетъ, тотъ воду хлебаетъ", говорилъ я себѣ на подкрѣпленіе и тутъ же со злорадствомъ дополнялъ: „вотъ ты и здоровый, и бравый, а съ носомъ отъѣдешь, а я хилякъ, да мозглякъ, какъ ты не разъ меня величалъ, твоей красавицей и завладѣю".

Съ этой-то ноченьки и ступилъ я на ту дороженьку, которая довела меня до пропасти. Худо человѣку, который счастье свое возомнитъ на чужой бѣдѣ построить. А зло точно мнѣ силъ придало, и сталъ я поправляться живехонько.

Разъ и говорю отцу: „можно, молъ, тятенька мнѣ прогуляться сходить?“

А онъ: „смотри, гулять—гуляй, да только по чужимъ деревнямъ шататься у меня не смѣй. Узнàю, такъ такого задамъ, что небо съ овчинку покажется.

„— Такъ что же мнѣ тутъ околачиваться съ мужиками деревенскими? Сами вы, тятенька, съизмальства мнѣ съ ними дружбу водить заказали, а я человѣкъ молодой и скучно мнѣ все одному да одному.

„— Да ты куда гнешь? И что вдругъ за скука за такая на тебя напала, чего недостаетъ тебѣ? Читать любилъ—никто не запрещаетъ, и книги всякія у тебя есть, церква у насъ на селѣ. Вотъ погоди, дай сроку, по городамъ тебя повезу, людей посмотришь, себя покажешь, въ дѣло войдешь, а тамъ невѣсту тебѣ сыщу, оженю тебя и про всякую ты эту скуку тогда и думать забудешь.

„— Нѣтъ ужъ, тятенька, вы это дѣло оставьте, невѣсту вамъ искать мнѣ не придется.

„— Что-жъ, аль самъ нашелъ? Безъ родительской воли въ такомъ дѣлѣ обойтись думаешь?

„— Нашелъ тамъ, или не нашелъ, а вѣдь съ моей женой не вамъ, тятенька, жить, а мнѣ, такъ и выбирать ее, на мой разумъ, мнѣ самому приходится.

„— Что и говорить! Разуменъ-то ты больно, я вижу, да только того не разсчиталъ, что самъ-то ты голъ, какъ соколъ, и своего-то у тебя только крестъ на шеѣ отъ крестнаго, и жить-то съ женой тебѣ на мой же отцовскій счетъ придется. Ну и смекай, есть ли надъ тобой моя воля, али нѣтъ ее? Что ты изъ книгъ-то своихъ уму-разуму набрался, такъ мнѣ на этотъ разумъ-то твой книжный наплевать. Я вотъ и немного въ книги-то эти самыя глядѣлъ, а благодарить Бога—капиталъ нажилъ. Готоваго-то у меня не было, самъ своимъ хребтомъ пріобрѣталъ все. А тебѣ, дурню, съ неба все валится, знай, подбирай, такъ ты носъ воротишь, въ малости отцу угодить не охота.

„— Въ малости? Да вѣдь мнѣ съ женой-то вѣкъ жить. А коли, тятенька, у меня ужъ и на примѣтѣ есть, коли люба мнѣ дѣвушка, может, жизни больше, такъ неужто-жъ вы моему счастью супротивникомъ будете?

„— И говорить не моги! Да нё то, что говорить и думать брось. Слыхали мы это. Мать твоя ужъ сказывала мнѣ, что у тебя зазноба въ Святъ-Наволокѣ заведена. Только пустое все

это, и не видать тебѣ ее, какъ ушей своихъ. Мои денежки не про проходимокъ всякихъ коплены, не про голь всякую перекатную. Деньги, братъ, къ деньгамъ должны идти, и найдемъ мы тебѣ невѣсту денежную.

„— Ваша воля, тятенька, и коли рѣшили вы въ умѣ своемъ мое несчастье сдѣлать, такъ видно и судьба тому быть. Только знайте вы, что я безъ Насти не жилецъ, либо съ тоски въ чахотку впаду, либо самъ руки на себя наложу. Коли не жалко вамъ своего рожденья, такъ губите меня. Пусть владѣетъ ей Мишанька, у него некому счастья отнимать. Родительской воли надъ нимъ нѣту, а дядя съ теткой на него чуть не Богу молятся. Мишанькѣ во всемъ удача, его и здоровьемъ Господь наградилъ, и всѣми утѣхами, а мнѣ, безчастному, ни въ чемъ, видно, радости не знать!

Говорю это, а самъ думаю: не терпитъ онъ Мишаньку и ему Мишанькина удача хуже, чѣмъ поперекъ горла станетъ. Хоть и уменъ ты, тятенька, да вѣдь и я не даромъ твой сынъ.

И точно.

„— Постой, погоди, говоритъ. При чемъ Мишанька-то? Аль невѣста-то у васъ на двоихъ одна? Хороша, видно, голубушка, разомъ въ двоихъ мѣтитъ.

„— Ни въ кого она не мѣтитъ, тятенька. А какъ былъ здѣсь Мишанька лѣтось, такъ подъѣзжалъ къ ней точно. И какъ уѣхалъ, сказалъ мнѣ: „буду, говоритъ, у дядюшки просить, позволилъ бы онъ мнѣ сватать ее. Дядюшка, говоритъ, мнѣ не откажетъ, по веснѣ, говоритъ, тогда и пріѣду за этимъ дѣломъ.

„— Что-жъ ты, хуже, что ли, Мишаньки-то? Онъ пріемышъ, а ты отецкій сынъ. У дяди-то не одинъ онъ племянникъ, еще невѣдомо, незнамо, какъ онъ наградитъ Мишаньку. А все же ты на это дѣло больно не разсчитывай и въ деревнюшку эту поганую и заглядывать не смѣй. Не твоего ума дѣло самому невѣстъ искать. Да вотъ еще что̀ я скажу тебѣ: матери объ этомъ ни гугу, а почему? на то моя смѣтка есть. Эти, братъ, дѣла громко да скоро не дѣлаются. На все время надо, а тамъ видно будетъ.

VIII.

Этимъ на тотъ разъ и закончился мой разговоръ съ тятенькой. Но ужъ изъ его послѣднихъ словъ понятно мнѣ стало, что онъ подаваться началъ. И пристрастилъ-то я его здо̀рово, сказавши, что алибо помру, алибо руки на себя наложу, и про

Мишанькину удачу передо мной во всемъ подпустилъ. И рѣшилъ я тутъ, пока что, ему не перечить и самому въ деревню не ходить. Буду, думаю, теперь его инако доѣзжать.

И сталъ я въ домѣ тише воды, ниже травы, кромѣ лавки никуда ни шагу, по вечерамъ сяду за книги и ни съ отцомъ, ни съ матерью ни полъ-слова.

Пью — не допиваю, ѣмъ — не доѣдаю, смиренство, да тишину такія на себя напустилъ, что старику 80-лѣтнему впору.

Спросятъ меня мать, отецъ: „что ты, Петруша, здоровъ ли? Что ты ходишь такой понурый, да невеселый?"

„— Когда же я веселъ-то былъ? отвѣчу. Да и чему радоваться-то мнѣ горемыкѣ. Развѣ я на другихъ людей похожъ. Радости никакой не видалъ, да и впереди ее не увижу.

„— Что ты, Петрушенька,—испугается мать. — Съ какихъ ты годовъ отъ радости зарекаешься? Жизнь твоя вся впереди, еще дождешься праздника.

„— И вправду, Петрà, на тебя и смотрѣть-то тошно. Что ты такой?—заговоритъ и батюшка.—Ну, наградилъ Богъ сынкомъ, нечего сказать. Хмурый, да кислый весь вѣкъ.

Я вздохну и пойду въ свою боковушку.

Изводилъ я такъ, изводилъ стариковъ, а тутъ надумалъ и еще получше.

„— Батюшка, говорю, благослови меня въ монастырь идти, къ Александру Свирскому.

„— Помолиться хочешь? Дѣло доброе. Только что̀ это ты зимой-то надумалъ? На богомолье люди лѣтомъ ходятъ.

„— Не на богомолье я, а совсѣмъ туда уйти хочу, постричься намѣренъ.

„— Что? Въ монахи! Да ты никакъ ужъ и совсѣмъ спятилъ. Да отъ какой бѣды тебѣ въ монахи идти и кто тебя пуститъ?

„— Ужъ въ этомъ-то, кажись, я воленъ, тятенька. Коли меня Самъ Господь направляетъ на Свою службу, такъ съ Нимъ вамъ ужъ не спорить. Задумалъ-было я свою судьбу по другому устроить—не пришлось. Что же зря-то на бѣломъ свѣтѣ мотаться? Не нашлось для меня счастья въ міру, такъ пойду хоть душу спасать, да Богу служить.

„— Не нашлось счастья! Да когда ему еще найтись-то было? Двадцати годовъ парню нѣтъ, а онъ изъ міра уходить рѣшилъ. Полно, брось пустое; поживи, погрѣши, тогда и иди каяться, да спасаться, богомоленье отъ тебя не уйдетъ.

„Матушка заливалась слезами, и кончился этотъ разговоръ тѣмъ, что тятенька раскричался на насъ обоихъ.

„— И не глядѣлъ бы на васъ дураковъ. И за что я-то казнь принимаю съ вами?—говоритъ.—У людей, глядишь, все по хорошему, какъ слѣдуетъ быть, а тутъ на-ко-ся! съ жиру бѣсятся.

Онъ свое, а я свое: „Пусти, да благослови", и на дню по нѣскольку разъ, какъ сойдемся, я все одно и то же.

„— Вы, тятенька, сами не тревожьтесь и маменьку успокойте. У ней не одинъ сынъ. Возьмите Мишаньку на мое мѣсто, жените его, пусть хоть онъ счастье узнаетъ, а я за васъ всѣхъ Богу молиться буду.

„— Молельщикъ тоже! У, змѣй ты, змѣй подлый. Знаю я, какая молитва у тебя на умѣ.

И такъ мытьемъ, да катаньемъ такого я страху напустилъ на тятеньку, что сталъ и мой старикъ задумываться. То на свою недолю ему жалуюсь, то Мишанькино счастье выхвалять стану.

Передъ самымъ Рождествомъ тятенька вдругъ говоритъ мнѣ:

„— Слушай, Петра. Узнавалъ я про эту тамъ, ну, какъ звать-то ее, бишь? Про лекаркину дочь изъ Святъ-Наволока. Ничего, говорятъ, дѣвица умная, степенная. Сватать, что ли, мнѣ ее тебѣ? Аль ты раздумалъ?

„— Бросилъ я эти мысли и точно, тятенька. Богъ съ нимъ со всѣмъ мірскимъ. Одного теперь душа моя проситъ: спокоя, да тихой пристани.

„— Ты опять за свое. Такъ не быть же по-твоему. Завтра же поѣду самъ къ Оборихѣ и какъ пить дамъ—женю тебя.

„— Ваше, молъ, дѣло, тятенька. Только невѣдомо вѣдь еще и пойдетъ ли она за меня. Можетъ, ей и взаправду Мишанька любъ.

„— Что? Чтобы всякая нищая, да посмѣла моему сыну отказать. Ну, ужъ тому не бывать! А про Мишаньку ты мнѣ и говорить не моги. Слышишь? Я и матери-то твоей до тѣхъ поръ не скажу ничего, пока у насъ дѣло не сладится. Мы твово Мишаньку ужо на свадьбу позовемъ, успѣетъ порадоваться. Онъ пока думалъ, да гадалъ, а мы у него невѣсту-то и умчимъ изъ-подъ носу.

Сказалъ это тятенька, а самъ такъ нехорошо смѣется, что мнѣ вдругъ жутко стало и пришло мнѣ тутъ въ голову: вотъ, молъ, меня, своего сына, онъ жалѣетъ и всѣмъ готовъ попуститься, лишь бы меня здоровымъ, да счастливымъ видѣть, а пасынка своего обездолить радъ. И стало мнѣ не по себѣ и говорю я тятенькѣ:

„— Да вѣдь Мишанька-то намъ не чужой.

„— Тебѣ братъ—извѣстно, твоей матери сынъ, ну, а мнѣ-то онъ кто? Чужого человѣка дитя, не мое. Я его ростилъ безъ малаго девять лѣтъ, а онъ отъ меня ушелъ, небойсь. А выросъ, такъ чѣмъ онъ для меня сталъ? Забылъ ты, какъ онъ учить меня принимался, брезгливость свою ко всему нашему торговому сословію показывать сталъ. Онъ праведникъ, святой, ему по-нашему и жить претитъ. Что же намъ-то о немъ думать? Да, признаться, съ меня и тебя одного будетъ и съ тобой впору возжаться, а до другихъ прочихъ мнѣ и горя мало.

На третій день праздниковъ тятенька говоритъ матушкѣ.

„— Вотъ что, мать, завтра съ обѣда къ намъ гости будутъ, такъ ты сготовься.

„— Кого звалъ?—спросила маменька.—Видно, какихъ важныхъ гостей, что готовиться велишь.

„— Сегодня не важные, а завтра и важными стать могутъ. У Бога милостей много: Онъ, видно, оглянуться хочетъ на ихъ сиротство, да убожество.

„— Да что ты загадки-то мнѣ загадываешь, Ермилычъ. Говори, кого звалъ?

„— Красавицу одну съ матерью. Вотъ поглядишь товаръ, можетъ, и не похаешь, тогда мы съ тобой его торговать зачнемъ.

Говоритъ тятенька, а самъ на меня посмотрѣлъ и глаза сощурилъ.

Маменька ничего не примѣчаетъ и опять за свое.

„— Что-жъ это, отецъ? Будетъ шутки-то шутить, говори, кого звалъ?

„— Стихъ сегодня на меня такой нашелъ, мать. Надо мной вишь судьба подшутила, вотъ и я себя вышучиваю. Эхъ, мать, мать, отжили мы съ тобой и пора намъ другимъ мѣсто уступать. Думалъ вотъ я своимъ умомъ сыну невѣсту изъ своего торговаго званія взять, дочь отецкую, а приходится бобыльвину дочку брать, сироту, у которой и приданаго-то всего рубаха, да перемываха. Такъ-то, мать; сватью будущую въ себѣ завтра въ гости жди, да невѣстушку нареченную.

Матушка остолбенѣла.

„— Что-жъ не радуешься? Оборихину дочку Настасью я сыну сватаю. Помнишь, лекарку изъ Святъ-Наволока, ты же мнѣ про нее по осени вспоминала. Ну, не вдрогъ я сыну своему: люба она ему — пускай и владѣетъ. Доволенъ, Петръ, что же молчишь? Не говоришь спасиба. Али все въ монахи собираешься?

Что мнѣ было говорить? И радостно мнѣ было, и страшно, и не зналъ я, какъ дождаться завтрашняго дня.

IX.

Пріѣхали онѣ. Свѣту я не взвидѣлъ, какъ увидалъ Настю. Въ заячьей шубкѣ, крытой сукномъ синимъ, да въ голубомъ шелковомъ платочкѣ на головѣ, такой она красавицей смотрѣла, будто и ни вѣсть какой уборъ на ней. Побѣлѣла только она, румянца на личикѣ прежняго нѣтъ и глаза стали такіе большіе, да горячіе. И не весела что-то, не играютъ ямочки, не смѣются губки, а на меня взглянула такъ сурово, непривѣтно, что у меня сердце упало.

Матушка встрѣтила ихъ ласково, привѣтливо, не чаяла родная, какому тутъ для нея горю починъ клался. А Oбориха такъ и вьется, такъ и лебезитъ; и отцу-то норовитъ все пріятное сказать, и маменькѣ.

„— Вотъ мы, ворóны, залетѣли въ высоки хоромы,—говоритъ.—А ужъ и домъ же у васъ, Николай Ермилычъ! Ѣзжала я и по городамъ, въ самомъ Петрозаводскѣ бывала и при всей своей бѣдности въ хорошихъ купеческихъ домахъ мнѣ гостить доводилось, а такого убранства, такого прибору не видывала. Хозяинъ-то, видать, богатъ, да тароватъ, а хозяюшка радивая, порядливая.

„— Гдѣ намъ, деревенскимъ людямъ, за городскими купцами угнаться. Такъ себѣ живемъ малымъ-мали,—говоритъ тятенька, а самъ, вижу, доволенъ похвалами Oборихи.—Любилъ тятенька свой домъ украшать, особенно верхнюю чистую половину. Тамъ у насъ всякаго добра было много: и мебели, и иконъ, и скатерти вездѣ на столахъ были разостланы, а по стѣнамъ картины всякія развѣшены. Маменька до цвѣтовъ была охотница—всякихъ развела, и было у насъ въ горницахъ дѣйствительно хорошо такъ, пріятно. Насчетъ чистоты, да порядка ужъ и говорить нечего, маменька на этотъ счетъ бѣдовая была.

Подали чай, закуску, заѣдки всякія. Oбориха знай угощается, да похваливаетъ, а Настя ни къ чему не притрогивается, сидитъ, молчитъ, какъ въ воду опущенная.

„— Скромная у васъ дѣвица,—говоритъ маменька,—тихая какая.

„— Это она такъ, не ознакомившись, а то куда рѣчиста, да смѣшлива. Да что ты, Настенька, и впрямь въ ротъ воды

набрала, поговорила бы, што ли, съ Петромъ Николаичемъ. Молодые вы люди, а слова промежъ себя не находите.

Набрался я смѣлости и говорю Настѣ:

„— Не желаете ли, Настасья Трофимовна, другія горницы наши поглядѣть?

„— И впрямь, идите-ка вы съ Богомъ,—говоритъ тятенька.— Можетъ, у васъ съ глазу-то на глазъ и языки развяжутся, а мы тутъ о своемъ дѣлѣ безъ васъ поговоримъ.

Вышли мы въ другую горницу, а Настя и говоритъ мнѣ:

„— Заприте дверь.

Заперъ я; она сѣла у стола, рукой подперла щечку, смотритъ на меня пристально такъ, да и говоритъ:

„— Знаете вы, Петръ Николаевичъ, что̀ тутъ затѣвается?

А я смѣло такъ:

„— Знаю, молъ, Настасья Трофимовна, и радуюсь.

„— Чему? Тому, вѣрно, что нищая мать, натерпѣвшись нужды, да горя, готова сбыть дочь въ богатый домъ. А узнали ли вы сперва, охотой ли пойдетъ дочь-то эта за васъ—богатаго сына отецкаго. Любитъ ли она васъ вотъ хоть на эстолько?

Она показала на кончикъ мизинца.

Меня кольнуло въ сердце, но я осилилъ боль и говорю:

„— Какъ мнѣ это знать, Настасья Трофимовна? Я весь во власти вашей, захотите покараете, захотите помилуете. Вотъ я такъ больше жизни своей, больше солнца краснаго, больше отца съ матерью васъ люблю.

„— Не надо, не надо, не хочу я вашей любви и слушать васъ не хочу. Господи! вѣдь вы знаете, знаете!..

„— Насчетъ чего это, Настасья Трофимовна?—а самъ въ душѣ хоть смутно, да знаю, о чемъ она говоритъ.

„— Ахъ, что это! Неужели я вамъ должна объяснять и душу свою на изнанку выворачивать? Не люблю я васъ, ну и дѣлу конецъ. И если возьмете вы меня силой, такъ знайте—не женой я вашей буду, а ворогомъ лютымъ.

Говоритъ это, а сама помертвѣла вся, глаза сверкаютъ, ручкой о столъ ударила, да какъ вскочитъ, открыла дверь и подбѣжала къ матери.

„— Поѣдемъ сейчасъ домой, нечего намъ тутъ дѣлать. Привезла ты меня сюда насильно, вотъ я ему и сказала все. Не быть ему моимъ мужемъ, такъ и знайте всѣ!

Маменька всплеснула руками, отецъ побагровѣлъ весь, а Обориха завертѣлась, какъ карась на сковородѣ.

„— Полно, полно, дурочка, — затрещала она. — Николай

Ермилычъ, Алена Ивановна, не слушайте, родимые. Это она со стыда, съ дѣвичьяго. И всѣ мы такъ-то въ дѣвкахъ: не любъ, а глядишь, покрыли вѣнцомъ, такъ и лучше и краше нѣтъ. Что на нее смотрѣть-то? Порѣшили мы, наше дѣло родительское, наши дѣти—наша и воля надъ ними.

И пошло тутъ такое, что теперь и вспомнить страшно. Точно озвѣрѣли мы всѣ, и батюшка, и Обориха, и я. Только одна маменька жалѣла Настю; ей она полюбилась и она съ другого же дня принялась уговаривать меня.

„— Отступись, Петруша, не бери грѣха на душу. Молодешенекъ ты, найдется для тебя невѣста. Любовь Богъ посылаетъ людямъ и противъ своей судьбы человѣку идти нельзя. Ей ты не милъ, и она въ томъ не причинна, а можетъ, найдется другая, что и тебя полюбитъ. Послушайся мать, сынокъ.

Гдѣ мнѣ было ее слушать? У насъ съ тятенькой былъ одинъ характеръ: что̀ намъ не дается, того намъ и надо.

„— Чтобы нищая дѣвчонка да надъ моимъ сыномъ мудрила,—кричалъ свое тятенька.—Нѣтъ, ужъ теперь дѣло затѣяно, и я живъ не буду, если не повѣнчаю ихъ.

Поѣхали мы съ отцомъ къ невѣстѣ, дары повезли. Обориха насъ какъ ни въ чемъ не бывало встрѣтила; лебезитъ передъ тятенькой, дарами любуется. Настя молча поклонилась только, на подарки и не глядитъ. Посидѣли мы такъ, поговорили съ Оборихой и уѣхали отъ невѣсты не солоно хлебавши.

А тутъ Обориха прибѣгаетъ къ намъ:

„— Надо, говоритъ, скорѣе дѣло кончать. Уломала я Настасью, теперь шелковая. Проклясть пообѣщалась, коли она супротивничать будетъ, ну, ее, извѣстно, жуть взяла. Теперь надо скорѣе ихъ иконами благословить, да и съ вѣнцомъ поспѣшать. Изъ церкви выйдетъ, такъ и дурь съ нея соскочитъ, увидитъ, что пришелъ конецъ ея блажи дѣвичьей.

„— Охъ, недоброе вы всѣ затѣваете,—говоритъ маменька.— Чуетъ мое сердце недоброе. Можетъ, дѣвкѣ кто другой любъ? Ты вмѣсто проклятьевъ-то своихъ спросила бы ее, по хорошему, по материнскому.

„— Полно, сватьюшка, кому ей любу быть, кого она еще видѣла? На то мы и матери, чтобы дѣтей своихъ знать. И я вѣдь тоже своему дитенку мать и надо полагать добра ей желаю, а не худа.

Благословили насъ иконами, а черезъ недѣлю и вѣнецъ назначили.

Тутъ и говоритъ тятенька матушкѣ:

„— А что же, мать, какъ думаешь? Вѣдь надо деверю-то твоему съ женой, да съ Михайлой въ Олонецъ написать. Надо же ихъ на свадьбу-то позвать. Кому же надъ Петрухой вѣнецъ держать, какъ не брату рòдному.

„— Ты самъ все лучше знаешь, что мнѣ тебя учить.

X.

Изъ Олонца гости пріѣхали въ канунъ самой свадьбы.

День былъ такой морозный, ясный, да солнечный, а на душѣ у меня невесело было. Всю ночь передъ тѣмъ я не спалъ отъ думъ. Близко было мое желанное счастье, а теперь оно не радовало меня. Настя была со мной какъ чужая, и ни взгляда, ни слова ласковаго я отъ нея не видалъ еще. Скажетъ: „здравствуйте, прощайте",—отвѣтитъ: „да, нѣтъ"—вотъ и все.

Сидишь, смотришь, въ томъ и все мое жениханье прошло, а завтра я мужемъ ея сдѣлаюсь.

Подчасъ мнѣ даже такое въ голову приходило, что ужъ и люблю я ее теперь не по прежнему. Тихая, да скучная, точно теперь и она, да не она.

А тутъ Миша еще. Какъ съ нимъ быть? Чтò я ему на его попреки скажу? Эхъ, заварилъ я кашу, думалось мнѣ, и на что, про что? Правду маменька сколько разъ мнѣ говорила, что я на рожонъ лѣзу.

Кинуть все развѣ? — приходило мнѣ много разъ въ голову въ ту ночь:—встать вотъ сейчасъ, къ отцу пойти и сказать ему, что не хочу я больше Насти и жениться не хочу. Но тутъ робость такая возьметъ передъ отцомъ, знаю я, что онъ сраму не захочетъ, скажетъ, все слажено, всѣмъ обсказано, гости позваны... Эхъ, была не была! Погибать, такъ погибать.

Утромъ я всталъ совсѣмъ больной, голову рвало на части, съ души мутило и пошелъ я провѣтриться на дворъ, думаю, легче будетъ. И одно у меня теперь помышленіе, одно желанье, чтобы Миша съ родными не пріѣхалъ. Только тѣмъ и утѣшаю себя, что авось-де имъ нельзя будетъ; хоть бы отъ этого-то мнѣ избавиться, хоть бы передъ нимъ на отвѣтъ не вставать.

Хожу это я по двору, вдругъ зазвенѣли бубенцы, ближе, ближе.

Къ намъ!—ёкнуло мое сердце. Такъ и есть, въ открытыя ворота летитъ къ намъ на широкій дворъ крытая кибитка, а на козлахъ правитъ тройкой Мишанька. Развеселый такой,

удалой. Сборнымъ поясомъ перетянутъ романовскій полушубокъ, кудри вьются кольцами изъ-подъ черной барашковой шапки. Румяный весь, ясноокій такой.

Какъ завидѣлъ меня, кричитъ:

„— Здорово, женихъ, вотъ и мы всѣ!

Осадилъ онъ тройку у крыльца, кинулъ вожжи нашему работнику и давай меня обнимать, цѣловать. А я ни живъ, ни мертвъ, рвусь отъ него къ кибиткѣ, тетку его высаживаю, съ дядей здороваюсь.

Вошли мы въ горницы. Раздѣлись они, Богу помолились и съ нашими здороваются.

Тутъ я вижу, что Мишанька еще радостнѣе, да веселѣе сталъ: маменьку цѣлуетъ, вертитъ, кружитъ, чуть не душитъ обнимаючи, съ тятенькой такъ ласково, да уважительно поздоровался. Сѣли они, наконецъ, всѣ, и гости, и наши, и тутъ деверь матушкинъ зачалъ:

„— Съ хорошимъ васъ дѣломъ, Николай Ермилычъ, Алена Ивановна. Съ женихомъ, съ невѣстой, съ будущими новоженами. Дай Богъ имъ совѣтъ, да любовь, вамъ въ нихъ радость и утѣшеніе. Жить вамъ всѣмъ въ любви, въ согласіи, имъ дѣтокъ скорѣе, а вамъ внуковъ дождаться.

„— За хорошее слово благодарствуемъ, Матвѣй Тимоѳеевичъ; спасибо, что не побрезгали нами грѣшными, пріѣхали нашу радость раздѣлить, — отвѣчаетъ батюшка. — Да, вотъ надумали устроить сынка, пока сами еще въ силахъ. Молоденекъ онъ, правда, да ничего, остепенить не мѣшаетъ, своя-то семья крѣпче и къ дому и къ дѣлу привяжетъ, чѣмъ отецъ съ матерью.

„— Кто говоритъ? Доброе дѣло, доброе дѣло. Особливо, какъ по душѣ, да по мысли беретъ. За приданымъ вамъ вѣдь гнаться нечего: сынъ у васъ одинокой и достаткомъ васъ Богъ благословилъ.

„— Ужъ насчетъ приданаго-то мы точно—маху дали,— засмѣялся батюшка.—Надо бы бѣднѣе невѣсту, да не найдешь. Ужъ больно полюбилась она нашему-то, ну и владѣй онъ ей, а наше гдѣ ни пропадало!

„— А коли по сердцу, такъ о приданомъ и жалѣть нечего. Имъ и вашимъ капиталомъ жить—не прожить. Вотъ и мы къ вамъ на свадьбу пріѣхали, а тоже думаемъ за однимъ дѣломъ у Алены Ивановны благословиться, да и своему молодцу въ вашихъ же краяхъ невѣсту посватать. Больно, видно, вы здѣсь красавицами богаты, что за невѣстами къ вамъ сюда пріѣзжать приходится.

Я сижу ни живъ, ни мертвъ, на Мишаньку и глядѣть не смѣю.

Вотъ-вотъ, думаю, о Настѣ заговорятъ, Господи, что съ нимъ-то будетъ, что будетъ.

И такая-то тоска засосала мое сердце и совѣсть поднялась во мнѣ. Сижу и кляну себя, что затѣялъ все дѣло и чую, что и Настю, и его, брата родимаго, гублю и себѣ-то, кромѣ зла, да печали, ничего не готовлю.

А тутъ, какъ заговорили о красавицахъ, Мишанька-то и толкъ меня ногой подъ столомъ, а самъ мигаетъ: „ты, молъ, знаешь, за какой я красавицей прiѣхалъ“.

А тятенька смѣется, да Матвѣю Тимоѳеевичу и говоритъ:

„— Не знаю ужъ, на какую красавицу вы здѣсь мѣтите. Кажись, въ нашей сторонѣ насчетъ этого товару не жирно.

„— Да вѣдь это у насъ съ вами, стариковъ, на это нюхъ-то плохъ, а вотъ наши молодцы такъ небойсь найдутъ, гдѣ раки-то зимуютъ. Говорить, что ли, Михайло, кого мы сватать-то прiѣхали?

„— Что-жъ, дяденька, мы здѣсь свои всѣ—не чужiе. Съ вашего дозволенья, я таиться не буду, да и передъ матушкой родимой мнѣ открыться давно пора.

Всталъ онъ и поклонился матушкѣ въ ноги.

„— На Настѣ Обориной изъ Святъ-Наволока я жениться хочу, она мнѣ люба.

Всплеснула руками матушка:

„— Съ нами крестная сила!

А тятенька, какъ зальется смѣхомъ, да такимъ злымъ, нехорошимъ. Затрясся я весь, какъ въ лихорадкѣ, и глазъ съ Миши не спускаю. Поднялся онъ на ноги, глазами обвелъ всѣхъ кругомъ, да и говоритъ:

„— Что же это? Аль нехороша, не по нраву тебѣ, матушка, моя желанная? Или она на какомъ худомъ примѣчанiи здѣсь, что и тятенька смѣется надо мной. Говорите скорѣе, не мучайте меня!

Говоритъ, а самъ побѣлѣлъ весь.

„— Надъ тѣмъ смѣюсь я, Михайло, что ты, братъ, поздно спохватился, да прозѣвалъ невѣсту. Вы за своимъ-то дѣломъ у насъ и не спросите, на комъ мы сына женимъ. А женимъ мы его на той самой Настасьѣ Трофимовнѣ Обориной, которую и вы сватать собрались.

Выговорилъ это тятенька твердо такъ, а самъ въ упоръ на Мишу смотритъ, точно любуется на муку его.

А Миша слова не вымолвилъ, вздохнулъ только такъ тяжко-

тяжко, да воротъ у рубахи рванулъ, точно воздуху ему стало не хватать.

Не вытерпѣлъ тутъ я, кинулся-было къ нему, но онъ тихо такъ отвелъ меня рукой, а самъ къ матушкѣ подошелъ и сѣлъ рядомъ съ ней.

Посидѣли такъ, помолчали. Матушка любовно Мишины кудри разглаживаетъ, чувствуетъ материнское сердце горе сыновнее, а тутъ и тетка съ другой стороны къ нему подсѣла, тоже по спинѣ его гладитъ.

Вдругъ деверь матушкинъ и говоритъ мнѣ:

„— Любопытно мнѣ вотъ что̀, Петръ Николаевичъ: съ Мишей вы братья ро̀дные, жилъ онъ у васъ тутъ лѣто цѣлое, неужли-жъ промежъ васъ никакихъ разговоровъ не было? Миша нашъ простякъ, у него душа открытая, и не вѣрится мнѣ, чтобы онъ, полюбивши дѣвушку, не признался вамъ. Между молодыми холостыми парнями такъ не водится. А если знали вы его думушку завѣтную, неужели не могли вы брата пожалѣть?

Сказалъ онъ это и какъ на гадину, на какую, смотритъ на меня.

А тятенька съ обидой такой говоритъ:

„— Что вы на моего-то парня зря нападаете, Матвѣй Тимоѳеевичъ? Онъ чему причиной? Что за любовь за такая, коли, полюбивши дѣвушку, уѣдутъ, да ни слуху, ни духу о себѣ не подаютъ. Хорошія-то невѣсты товаръ ходовой, не киснуть ей тутъ, вашего жениха поджидаючи. А не засватана она, такъ и моему Петрухѣ не заказано было на нее глядѣть, да зариться. Такъ-то-ся, Матвѣй Тимоѳеичъ, гнѣваться вамъ не приходится, да и Мишанькѣ невѣсты сыщутся; онъ у васъ всѣмъ взялъ: и красой, и ростомъ, и дородствомъ. Вы нашъ свадебный пиръ не темните, не печальте, мы къ вамъ по родственному, какъ ближнихъ людей васъ звали, просили.

„— Родственники, ближніе! видать! Какъ пріѣхалъ отъ васъ Миша по осени, такъ и открылся намъ, что облюбовалъ въ здѣшнихъ мѣстахъ невѣсту себѣ и что до весны ждать его она пообѣщалась. Раскинули мы умомъ со старухой и рѣшили на доброе дѣло у Алены Ивановны благословенья просить. Спросили мы Михайлу: сказывалъ ли ты матери о любви-то своей?— Нѣтъ, молъ, что раньше времени говорить, знаю я-де, что маменька перечить не будетъ, на вашу волю положится. Знаетъ о томъ одинъ братъ Петруха, ему говорено. Вотъ и смекайте теперь, каково хорошо вашъ сынокъ тайну братскую сохранилъ и на братниномъ горѣ свое счастье построить задумалъ. Не

гости мы на вашемъ пиру, пусть ваше веселье, да радость при васъ и остаются. Собирайся, жена, поѣдемъ домой, а ты, Миша, прощайся съ матерью, къ себѣ зови ее напредки, коли повидать тебя захочетъ, а намъ съ тобой ужъ никогда дороги сюда не будетъ.

„— Братецъ, Матвѣй Тимоѳеичъ,—заговорила-было маменька...

Поднялся тутъ Миша: — „Дяденька, молвилъ, обо мнѣ не сумлѣвайтесь и не тревожьте себя. Отъ судьбы не уйдешь и какъ пріѣхали мы на свадьбу, такъ и должны свадьбу мы отпировать. Погляжу я на братнино счастье, полюбуюсь имъ, а тамъ? Ну, тамъ видно, что̀ будетъ“.

Говоритъ спокойно такъ и на икону въ переднiй уголъ глядитъ.

Принялись тутъ уговаривать, да упрашивать Матвѣя Тимоѳеича и жена его Анна Митревна, и тятенька. Маменька плачетъ горько-горько, на меня и не глядитъ, а только Мишу къ себѣ все прижимаетъ, да голубитъ.

XI.

Скоротали мы кой-какъ день и вечеръ. Анна Митревна помогать принялась маменькѣ по хозяйству, Матвѣй Тимоѳеичъ ночевать ушелъ къ псаломщику знакомому у насъ же на селѣ. Съ тятенькой ему не сидѣлось и не говорилось; онъ и Мишаньку съ собой увелъ.

„— Пойдемъ, говоритъ, другъ, здѣсь безъ насъ справятся.

Ушли они, тятенька къ себѣ пошелъ; сижу я одинъ у окошка, смотрю на улицу: ночь тихая такая, морозная, мѣсячная, все кругомъ бѣло, такъ чисто, да ясно, а у меня на душѣ чернота и темь непроглядныя. Сижу, да и думаю: „какъ вѣдь просто, легко всему горю помочь и все дѣло распутать. Уговорить, да уломать тятеньку, потомъ сейчасъ къ Настѣ бѣжать, сказать ей, что Миша ее сватать пріѣхалъ, отказаться отъ нея самому и вмѣсто себя Мишу подъ вѣнецъ поставить. Еще не поздно вѣдь, до утра все дѣло справить можно.

Думалъ я, думалъ, вскочилъ вдругъ и кинулся въ тятенькину горницу.

Вхожу, онъ за счетами сидитъ, услыхалъ, голову повернулъ.

„— Что тебѣ?—спрашиваетъ.

Упалъ я ему въ ноги:—Тятенька, говорю, не серчай на

меня, отдумалъ я, не хочу я Насти; пусть беретъ ее Михайло; любы они другъ дружкѣ, такъ пусть и поженятся.

Какъ закричитъ, какъ затрясется тятенька:

„— Что, говоритъ, ты шутки шутить со мной затѣялъ? Чтобы мы съ тобой въ дуракахъ на всю округу ославились! Чтобы я какому-то Мишанькѣ-пріемышу да позволилъ своему сыну носъ утереть! Вонъ пошелъ, болванъ ты этакой, кабы да не свадьба твоя завтра, такъ я бы изъ тебя такую смятку сдѣлалъ, какой тебѣ и не снится!

И пошелъ, и пошелъ: — „Прокляну, кричитъ, смѣй только, щенокъ, насмѣшки дѣлать надо мной“!

Слушалъ я его, слушалъ и махнулъ рукой на все. Нѣтъ, думаю, видно не поправишь злого дѣла. Видно, судьба моя съ неправды жизнь начинать.

Не веселъ я всталъ въ свой свадебный день, а какъ одѣлся къ вѣнцу во все новое, да хорошее, да поглядѣлъ на себя въ зеркало, такъ меня самого въ жуть кинуло: страшный я такой, глаза ввалились совсѣмъ, въ лицѣ ни кровинки; такихъ-то, какъ я, подумалось мнѣ, въ гробъ кладутъ, а не подъ вѣнецъ ведутъ. Измучила меня совѣсть окаянная, да раздумье тяжкое.

А тутъ Миша приходитъ и точно живой водой онъ спрыснутъ послѣ вчерашняго. Румянцемъ горитъ лицо его бѣлое, кудри расчесаны, распомажены; нарядный онъ такой, да веселый, какъ ни въ чемъ не бывало.

„— Что, говоритъ мнѣ, ты не веселъ, князь молодой? Подбодрись, подтянись сегодня, день твой. Али не можется опять?

Самъ смѣется, шутитъ, другихъ смѣшитъ.

„— Я, говоритъ, свадьбы люблю и всѣхъ гостей на свадьбѣ разуважу и распотѣшу, на это я мастакъ.

И меня охорашиваетъ, и вокругъ маменьки вертится.—„Вы, говоритъ, у насъ еще красавица“.—И столъ свадебный оглядѣлъ, все на немъ переставилъ по-своему, и въ спальню заглянулъ, что для молодыхъ приготовлена была. Вездѣ порядокъ наводитъ, хлопочетъ, суетится.

Вижу, маменька, глядя на него, точно поуспокоилась, стали и онѣ съ теткой Анной Митревной посмѣиваться. Одинъ Матвѣй Тимоѳеичъ только хмурый, да пасмурный по вчерашнему.

За невѣстой Миша ѣхать отказался.

„— Я жениха въ церковь провожу, тамъ около него буду. За невѣстой дружку пошлемъ.

Такъ и сдѣлали. Стоимъ въ церкви, невѣсту ждемъ. Пріѣхала наконецъ; я съ Миши глазъ не спускаю, а ему будто и

ни къ чему, пошелъ навстрѣчу ей, поклонился низко, взялъ ее за руку и ко мнѣ подвелъ. А она снѣга бѣлѣй, глаза опущены, не глядитъ ни на кого.

Обвѣнчали насъ, домой воротились и за столъ пировать сѣли. Насъ, молодыхъ, рядомъ посадили; дружки бѣгаютъ кругомъ, виномъ обносятъ. Миша первый закричалъ: „горько!“ Подбѣжалъ къ намъ: —„подсластите, князь съ княгиней!“ Наклонился я къ Настѣ, а она все глазъ не поднимаетъ, сидитъ холодная такая, словно мертвая. А Миша торопитъ:—„горько“, кричитъ, „горько!“—и нагнулся къ ней. Тутъ она точно проснулась, вскинула сначала глазами на него, потомъ на меня и громко такъ говоритъ:—„что-жъ, вы не слышите, что-ли? Цѣловать вамъ жену велятъ“. Поцѣловалъ я ее, а у ней губы словно ледъ.

Много перемѣнъ за столомъ было, на славу справлялъ тятенька мой свадебный пиръ, ничего не жалѣлъ. Гости пили, ѣли безъ конца, а мнѣ тотъ пиръ горше казни былъ. Всѣ кричали „горько“ и всѣхъ громче Миша; онъ то-и-дѣло подскакивалъ къ намъ, то-и-дѣло заставлялъ насъ цѣловаться. Холодомъ обдавали меня Настины поцѣлуи, а слова она ни со мной, ни съ кѣмъ не вымолвила и ни къ чему за столомъ не притронулась.

Встали, наконецъ, убрали столы, музыка пошла, пляски. Гости, которые постарше, внизъ убрались допировывать, а молодежь веселиться начала.

„— Ну,—распорядился Миша,—теперь ты, князь молодой, долженъ всѣхъ дѣвицъ перебрать, со всѣми переплясать, со своей холостой, да удалой жизнью попрощаться, а княгинюшка насъ всѣхъ молодыхъ парней должна своей милостью пожаловать, а меня перваго за мое стараніе бесѣдой, да пляской подарить.

И подхватилъ онъ Настю и началъ ее кружить и вертѣть. Пляшетъ, а самъ ей все что-то наговариваетъ, и вижу я, она все бѣлѣй и бѣлѣй становится.

Посадилъ онъ ее, наконецъ, на стулъ, а самъ брякъ передъ ней на колѣни, схватилъ ее за руки, притянулъ къ себѣ, да въ самыя губы и поцѣловалъ ее крѣпко, такъ крѣпко.

Всталъ потомъ, поклонился ей низко.

„— Прости, говоритъ, Настасья Трофимовна и не осуди. Сестрица ты мнѣ теперь и цѣлую я тебя при всѣхъ, не за угломъ. Прости и ты, Петруха, простите и вы, красныя дѣвицы

и добрые молодцы. Моему пированью конецъ пришелъ и пьянъ я, и сытъ, и веселъ, и голова кружится—отдохнуть пойду.

Поклонился онъ на всѣ четыре стороны и взглядомъ повелъ на всѣхъ, потомъ на Настю еще разъ взглянулъ и остановилъ глаза на мнѣ.

Умирать буду, этого взгляда не забуду; точно огнемъ онъ прожегъ меня своими синими, да ясными глазами.

Ушелъ Миша; заплясали всѣ снова, а Настя больше ни съ кѣмъ плясать нейдетъ.

„— Не могу, говоритъ, устала.

Долго ли тутъ потѣшались—не знаю, только вдругъ слышимъ кричатъ внизу, по лѣстницѣ къ намъ бѣгутъ. Влетѣлъ Авдѣичъ, приказчикъ нашъ старшій, машетъ музыкантамъ, чтобы играть перестали, за нимъ Обориха, простоволосая, страшная, а тамъ еще, да еще люди.

Миша, кричатъ, зарѣзался, помираетъ, отходитъ!..

Обориха къ дочери кинулась.

„— Настенька, дитятко мое!

А Настя глаза раскрыла такъ страшно-страшно. Одной рукой за сердце схватилась, другой мать отъ себя толкаетъ.

„— Не надо, кричитъ, не надо, не подходите никто, никто.

Кинулась она внизъ, бѣжитъ по лѣстницѣ и только одно говоритъ:

„— Гдѣ, гдѣ?

„А внизу у всѣхъ и хмель прошелъ, мечутся, вопятъ; Анна Митревна въ судорогахъ на полу валяется, а изъ горницы, что подъ насъ, молодыхъ, налажена, раздается дикій крикъ матушки:

„— Миша, Миша, что̀ ты со мной сдѣлалъ!

Бросилась туда Настя, я за ней. Лежитъ Миша на нашей широкой, пышной кровати. Кровью его залило всѣ подушки и одѣяло. Бѣлый весь, руки раскинуты, лежитъ и не дышетъ ужъ.

И до сей поры я помню все, что̀ дальше было.

Помню, какъ страшно смотрѣла Настя, какъ неумолчно кричала маменька, какъ строго и сурово глядѣлъ на всѣхъ Матвѣй Тимоѳеичъ. Помню, какъ и вытолкнулъ онъ меня, какъ гадину, изъ горницы: „прочь отсюда, Каинъ, тебѣ здѣсь не мѣсто“.

Онъ ли это сказалъ, или самъ я себя назвалъ такъ — не знаю, только такъ я передъ собой Каиномъ на весь вѣкъ и остался.

Матвѣй Тимоѳеичъ съ собой Мишу увезъ, не захотѣлъ хоронить у насъ. Откупилъ онъ его большими деньгами у докторовъ и у полиціи. Всѣмъ заплатилъ, чтобы его хоронить по-хри-

стіански позволили и свидѣтельство бы такое выдали, что онъ въ припадкѣ съ собой покончилъ. Тогда еще въ нашихъ мѣстахъ строго было, и самоубійцъ безъ отпѣванья хоронили.

Насъ никого онъ на погребенье не позвалъ, только матушку съ собой увезъ. Съ тятенькой и со мной онъ слова не сказалъ, какъ уѣзжалъ отъ насъ, только съ Настей попрощался, да ей колечко съ Мишиной руки отдалъ.

Уѣхали всѣ, а у насъ стало такъ страшно, тихо, какъ въ могилѣ. Стихъ и тятенька, смолкъ и его зычный голосъ. Онъ и въ лавку и въ кабакъ пересталъ ходить, все сдалъ на руки Авдѣича, а самъ по цѣлымъ днямъ запирался у себя въ горницѣ, туда ему Авдѣичъ и чай и ѣду носилъ.

Домашностью орудовала Обориха, она съ самой свадьбы поселилась у насъ.

А мы съ Настей, какъ были чужими, такъ и остались. Ни слова промежъ насъ, ни взгляда. Не сговаривались мы, а безъ словъ знали, что намъ мужемъ и женой не быть.

Брачная наша горница стояла на замкѣ и гдѣ помѣщалась въ то время Настя—я не знаю.

XII.

А какъ я жилъ, что̀ думалъ? Должно быть, по привычкѣ ѣлъ, пилъ, спалъ, иначе живъ бы не былъ; а думалъ все одну думу, и дума эта вся была въ одномъ словѣ: „Каинъ“, а при словѣ этомъ передо мной всплывали два лица, и оба Мишины: одно розовое, веселое, которое было у него въ свадебный день вплоть до самаго прощанья съ нами, другое блѣдное, синее, на кровяныхъ подушкахъ.

И неумолчно слышалъ я слова его послѣднія: „прощайте всѣ, иду отдыхать, моему пированью конецъ пришелъ“.

Вотъ и ушелъ, отдыхаетъ теперь въ сырой землѣ. Закрылись его очи ясныя, недвижимы ноги рѣзвыя, не смѣются уста алыя, недолго гулялъ по свѣту добрый молодецъ. И вспоминалъ я доброту и ласку Мишины, вспоминалъ, какъ просиживалъ онъ со мной, больнымъ калѣкой, въ душной горницѣ, когда ему, здоровому, да сильному, можетъ, гулять хотѣлось, да бѣгать, какъ потѣшалъ, забавлялъ онъ меня, какъ онъ мнѣ книжки возилъ, читалъ мнѣ, училъ меня всему тому, что̀ самъ зналъ. Вспоминался и тотъ вечеръ, когда онъ со мной первымъ дѣлился своимъ счастьемъ, своей любовью.

И понялъ тутъ я и его, и себя, понялъ я душу свою черную, завистливую, позналь, что и Настю-то я полюбилъ не только за красу ея, а за то главное, что она любила его, а мнѣ завидно ему было, захотѣлось ее отнять у него.

Ужъ послѣ сорочинъ Мишиныхъ воротилась домой маменька, старенькая такая, худая, чуть живая. Мы ее не спрашиваемъ, она намъ ничего не разсказываетъ.

Пошла жизнь день за днемъ. Живемъ мы всѣ вмѣстѣ, а каждый порознь, и все точно хоронимся другъ отъ друга.

Подошла весна и сталъ я проситься у тятеньки къ Александру Свирскому на богомолье.

„— Не у меня теперь проснсь—у жены,—говоритъ онъ.— Отпуститъ тебя—иди.

Точно смѣялся онъ надо мной. Какое дѣло было моей женѣ до меня?

Ушелъ я. Побывалъ и въ Свирскомъ, и на Валаамѣ, молился, плакалъ, старцамъ каялся, а покоя своему сердцу не нашелъ. Съ чѣмъ ушелъ изъ дому, съ тѣмъ и воротился.

А какъ опять увидалъ я всѣхъ своихъ: Настю худую, строгую, безъ улыбки, безъ кровинки, маменьку жалкую, сѣденькую, сморщеную, увидалъ тятеньку съ Оборихой, еще тяжче мнѣ стало.

„— Слушай, Петръ, — сказалъ мнѣ тятенька на другой же день послѣ прихода домой,—пора тебѣ теперь за умъ взяться. Что̀ было, то прошло, а живымъ людямъ надо о живомъ и думать. Съ гореванья, да съ тоскованья сыты не будемъ, да и тошно мнѣ на всѣхъ васъ тутъ смотрѣть. Ты теперь мужикъ женатый и долженъ ты свою жену къ рукамъ прибрать. Да и за дѣло тебѣ взяться надо. Я старъ становлюсь, помереть могу, а у тебя въ торговомъ дѣлѣ еще смѣтки мало.

„— Да и не будетъ ее никогда,—отвѣтилъ я.—Негоденъ я теперь никуда, батюшка, и вашему дѣлу я не продолжатель.

„— Что же прикажешь, торговлю мнѣ сдавать? Столько-то лѣтъ проработавши, наладивши дѣло на лучшій манеръ, да другому съ него всѣ выгоды предоставить. Я, сынокъ, безъ дѣла жить не могу, хлѣба даромъ въ жисть не ѣлъ, да и тебѣ не совѣтую.

„— Я про васъ и не говорю; торгуйте себѣ, коли не претитъ вамъ, меня только ослобоните отъ дѣла этого.

„— Не претитъ! Братневъ, видно, завѣтъ вспомнилъ? Какже, тотъ вѣдь проповѣди мастеръ былъ сказывать. Всѣхъ на словахъ былъ лучше, да чище, скотину, говорилъ, рѣзать бы не сталъ, а самъ себя какъ барана зарѣзалъ!

Затрясся я весь, свѣту не взвидѣлъ.

„— Не троньте его,—кричу. — Мы его съ вами зарѣзали, мы убили. Не вынесъ онъ неправды нашей, съѣли мы его, съ бѣлаго свѣту согнали! А я вамъ больше не слуга и не помощникъ, такъ и знайте. Будетъ грабежа, неправды, злодѣйства. Не хочу, не хочу, ни денегъ вашихъ не хочу, ни дому этого проклятаго, кровью политаго, ни жены у другого отнятой, всѣхъ благъ, вами мнѣ дарованныхъ. Каина вы изъ меня сдѣлали, злодѣя!

Кричу, себя не помню, навалился мнѣ будто камень на сердце, а къ горлу комокъ подступилъ, душитъ меня.

Видитъ тятенька, должно̀, что я внѣ себя; подошелъ, взялъ меня за руки, смотритъ на меня и говоритъ:

„— Опомнись, замолчи. Бога ты забылъ, съ кѣмъ говоришь-то ты? На кого кричишь? Родитель вѣдь я тебѣ.

„— Родитель? А на что̀ породили вы меня? Чему учили? Зависти, враждѣ. Не моего счастья искали, а Мишиной погибели. Изъ ненависти къ нему вы и Настасью мнѣ высватали. Спохватился-было я, потянуло меня на правый путь... Я ли не молилъ васъ наканунѣ свадьбы своей проклятой отступиться отъ всего, предоставить все брату. А вы что̀ отвѣтили? „Не бывать этому сказали, не уступлю Мишанькѣ“. Ну, и радуйтесь: сгубили и его, и меня. Одно вамъ скажу, что больше купаться съ вами во грѣхѣ не буду. Будетъ съ меня Мишиной крови, и больше сосать ее изъ людей не могу я. И всего вашего добра, неправдой нажитого, мнѣ не надо!

Кинулся тутъ на меня тятенька, какъ звѣрь. Силенъ онъ былъ, хоть и старъ, подмялъ меня подъ себя, колотитъ, а самъ кричитъ источнымъ голосомъ:

„— Задушу, своими руками задушу, вытрясу изъ паршиваго мозгляка душу.

На крики наши вбѣжали маменька, Настя, теща.

Отнимаютъ они меня, плачутъ, а тятенька одно кричитъ:

„— Убью, прокляну!..

Люто онъ меня билъ, до безпамятства, и послѣ побоевъ его провалялся я недѣли съ двѣ. А какъ всталъ, такъ и упалъ маменькѣ въ ноги:

„— Родимая моя матушка, говорю, прости меня, за все прости. Не видала ты отъ меня радости, видно такъ Богъ судилъ, видно зачатъ я не въ добрый часъ. Ослобонить я васъ хочу, потому вижу, что несу за собой одно горе, да печаль. Злодѣй я великій, а суда надо мной нѣтъ, люди не судятъ и за мое

лиходѣйство мнѣ на землѣ наказанья не положено. Судитъ меня за то совѣсть моя, не даетъ она покою мнѣ ни денно, ни нощно. И наложилъ я самъ на себя епитимью тяжкую. Буду я скитаться по бѣлому свѣту отнынѣ и до конца жизни моей, не будетъ у меня ни кола, ни двора, питаться буду крохами, голову преклонять, гдѣ Богъ приведетъ, и смерть свою тамъ найду, гдѣ придетъ она.

Плачетъ маменька; извѣстно, жалѣетъ свое дѣтище несчастное, только не отговариваетъ меня, и чувствую я, что ужъ любви прежней у ней ко мнѣ нѣтъ.

Сходилъ и къ отцу я, поклонился и ему въ ноги:

„— Прости, говорю, батюшка, обидѣлъ я тебя тяжко, да неволенъ я въ себѣ. Прости, не поминай лихомъ.

Ни слова не отвѣтилъ, только рукой махнулъ.

Собрался я; продалъ Авдѣичу часы свои, крестнаго подарокъ, купилъ себѣ на нихъ бѣльишка, обувь, кафтанъ, котомку наладилъ и рано на зарѣ ушелъ изъ дому.

Провожать меня встали маменька съ Настей. Не плакали онѣ, не причитали, чувствовали видно, что такъ надо было, что жаждала душа моя искупленія и удаленія отъ всего того, съ чѣмъ я жилъ и съ чѣмъ грѣшилъ.

Отошелъ я, оглянулся на родной домъ и вижу въ воротахъ стоятъ маменька съ Настей, а наверху въ тятенькиномъ окошкѣ бѣлѣется его сѣдая голова. Поклонился я тутъ до земи всѣмъ имъ и пошелъ своей дорогой.

Вотъ и хожу такъ безъ малаго двадцать лѣтъ. Много мѣстъ исходилъ, много людей перевидалъ всякихъ, а хуже себя не нашелъ. Хожу по монастырямъ, наберу тамъ святыни: образковъ, книжекъ духовныхъ, потомъ въ города захожу, предлагаю ихъ людямъ добрымъ. Ничего, расходятся, покупаютъ; я прибыль беру грошовую, только на одеженку, да на хлѣбъ насущный, тѣмъ и питаюсь.

Былъ и въ своихъ мѣстахъ, раза четыре; съ виду тамъ все по старому: и домъ стоитъ тотъ же, и торговля. Только не тятенька ужъ ведетъ ее, а супруга моя Настасья Трофимовна У, у, у, дѣлецъ какой на всю округу. Прибрала она все къ своимъ рукамъ: и дѣло, и тятеньку съ маменькой. Тятенька-то параличемъ разбитъ ужъ девятый годъ никакъ, а маменька вся въ молитву ушла.

Всѣмъ и владѣютъ мать съ дочкой; Збориха дома орудуетъ, а Настя у насъ на селѣ прежнюю лавку держитъ, да еще двѣ

въ другихъ деревняхъ. Только кабакъ общество присудило закрыть.

Раздобрѣла она, опять стала веселая, и хоть подъ сорокъ ей, а король-королемъ. Ну, и то сказать, что же ей-то? На ней грѣха нѣтъ, подневольная была, что̀ велѣли, то и дѣлала.

Авдѣича у насъ ужъ нѣтъ, а приблизила она къ себѣ новаго приказчика Сергѣя, онъ у ней во всемъ правая рука.

А я теперь ужъ имъ совсѣмъ чужой сталъ. Приду, не выгонятъ, конечно, примутъ, но чувствую я, что имъ куда безъ меня легче. Тятенька ужъ не узнаетъ никого, ни руками, ни ногами, ни языкомъ не владѣетъ; маменькѣ, кромѣ Бога, да церкви ни до чего ужъ дѣла нѣтъ: „Спасаешься?—скажетъ, ну и слава Богу“. А Настѣ? Ну, о ней что ужъ и говорить? Она довольна и счастлива. А все, какъ долго тамъ не бываешь, тоскливо какъ-то.

Вотъ, господинъ милый, и жизнь вся моя. А въ чемъ она прошла?...

...Будетъ, однако. Выйти развѣ поглядѣть, не видать ли парохода, да и Иванъ-то нашъ пропалъ что-то.

Ну ждать пришлось недолго: явился и Иванъ, подошелъ и пароходъ и забралъ и меня, и бѣднаго добровольнаго скитальца.

Юл. Холостова.

ФИНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

въ ея

ПРОШЛОМЪ и НАСТОЯЩЕМЪ

I.

Говорить о томъ, что природа страны, ея почва, климатъ, вообще естественныя условія жизни имѣютъ рѣшительное вліяніе на умственный складъ населенія и на характеръ его литературы, значило бы—еще и еще разъ повторять давно извѣстную истину. Во всей Европѣ едва ли найдется другой уголокъ, гдѣ эти естественныя условія жизни сложились бы такъ своеобразно, какъ въ Финляндіи, и гдѣ ихъ вліяніе отразилось бы такъ рѣзко и наглядно на національномъ характерѣ и на всѣхъ его проявленіяхъ въ жизни общественной и духовной, — вообще на всей культурѣ мѣстнаго населенія.

Финскій народъ—одинъ изъ самыхъ древнихъ культурныхъ народовъ сѣверной Европы: онъ жилъ тамъ же, гдѣ живетъ и теперь, еще задолго до начала христіанскаго лѣтосчисленія. Первобытными обитателями Финляндіи, вѣроятно, были лапландцы, до сихъ поръ остающіеся кочевниками. При своей невысокой культурѣ, они обладали очень богатой народной поэзіей,—пѣснями и сказаніями, въ которыхъ поэтически отразилась суровая полярная природа и ея подавляющее дѣйствіе на человѣка. За ними слѣдовали тавасты, составляющіе и теперь главное ядро финскаго племени, упорные и выносливые труженики въ тяжелой борьбѣ съ мачихой-природой; послѣ нихъ явились карелы,

населяющіе теперь сѣверо-восточную часть Финляндіи и выгодно отличающіеся отъ мрачныхъ тавастовъ своей живостью и воспріимчивостью: изъ этого племени вышли почти всѣ современные финскіе поэты. Наконецъ, послѣ всѣхъ пришли завоеватели-шведы, которые въ продолженіе нѣсколькихъ столѣтій только отчасти успѣли слиться съ покореннымъ финскимъ элементомъ.

Слѣды древнѣйшаго міросозерцанія финскаго племени раскрываются въ остаткахъ народнаго героическаго эпоса. Несомнѣнно, что древніе финны были поклонниками солнца и огня; важное значеніе придавали они также и „колдовству". Впослѣдствіи ихъ религіозное сознаніе выражалось въ поклоненіи высшему Духу (haltia), который открываетъ себя въ человѣческомъ словѣ. Потому они считали мудрость высшимъ качествомъ человѣка и ставили ее гораздо выше мужества и храбрости. Народный герой „Калевалы", Вейнемейненъ,—пророкъ и поэтъ, одаренный глубочайшею мудростью, но вовсе не воинъ. Владыкой неба признавался у нихъ „Вѣчный Старецъ" Укко, богъ-громовникъ; кромѣ него финны вѣрили въ существованіе лѣсного духа Тапіо, морского божества Ахти, владыки подземнаго міра Туōми. Ихъ религія имѣла чисто духовный характеръ и не знала человѣческихъ жертвоприношеній.

Вслѣдствіе приверженности финновъ ко всему старому,—и до сихъ поръ составляющей основную черту ихъ національнаго характера,—а также и потому, что ихъ древняя религія имѣла характеръ скорѣе пантеистическаго міросозерцанія, чѣмъ культа опредѣленныхъ боговъ, христіанство распространялось среди финскаго народа очень медленно; но съ теченіемъ времени оно привилось такъ прочно, что теперь финны являются едва ли не самымъ религіознымъ народомъ въ Европѣ. Весьма благопріятную почву для распространенія нашелъ здѣсь также, въ сороковыхъ годахъ нашего столѣтія, нѣмецкій піэтизмъ, однимъ изъ самыхъ ревностныхъ пропагандистовъ котораго былъ Пааво Руотсалайненъ.

Носителями христіанской вѣры и западной культуры въ Финляндіи явились шведы, завоевавшіе эту страну тремя крестовыми походами, въ 1157, 1249 и 1293 гг. Государственное устройство Финляндія получила въ 1362 г., когда изъ нея образовано было шведское герцогство; съ этого времени начинается въ краѣ господство шведскаго языка и шведской культуры. Въ послѣдующія столѣтія сѣверная часть страны была, можно сказать, въ забросѣ, а южная служила постояннымъ яблокомъ раздора между Россіей и Швеціей — со временъ Сѣверной войны

до 1809 г., когда Финляндія завоевана была Александромъ I, который сохранилъ ея основные законы и обезпечилъ для нея возможность мирнаго культурнаго развитія. Съ этого времени, собственно, и ведетъ свое начало чисто финская культура.

Наиболѣе полнымъ и характернымъ выраженіемъ этой культуры является литература. Уже въ финскомъ героическомъ эпосѣ—„Калевалѣ“, и въ древнѣйшихъ лирическихъ пѣсняхъ—„Кантелетаръ“, мы видимъ наглядное и, въ общемъ, вѣрное изображеніе природы и народной жизни; въ новѣйшее время, пробужденіе національнаго самосознанія вызвало къ дѣятельности рядъ поэтовъ, любовно и правдиво рисующихъ своеобразную природу своей угрюмой родины, съ ея гранитными скалами, безчисленными озерами, свѣтлыми лѣтними ночами, мрачными лѣсами, пустынными песчаными или болотистыми равнинами и бурливыми горными потоками. Въ рамкѣ этого пейзажа они изображаютъ,—большею частью, совсѣмъ просто безъискусственно,—или собственную жизнь, или жизнь своихъ земляковъ, внѣшнюю и внутреннюю, политическія и общественныя отношенія, дѣйствительность и идеалы, мысли, чувства, стремленія и надежды. Въ этомъ отдаленномъ уголкѣ европейскаго міра не бываетъ никакихъ великихъ или хотя бы крупныхъ событій; люди не стоятъ лицомъ къ лицу съ тѣми жгучими общественными вопросами, которыми такъ волнуются передовыя европейскія націи; здѣсь жизнь течетъ медленно и однообразно,—все еще по старому патріархальному руслу,—и писатели изображаютъ, просто и реально, то съ меланхолическимъ сочувствіемъ, то съ легкой ироніей, радости и горести обитателей уединенныхъ деревушекъ и пустынныхъ уголковъ, тяжкую борьбу за существованіе среди скупой природы и суроваго климата, напряженный трудъ, нужду и лишенія, или скромное довольство и тихое семейное счастье. Только немногіе поэты самаго послѣдняго времени,—люди съ высшимъ образованіемъ, побывавшіе за границей и знакомые съ европейской литературой,—рисуютъ въ своихъ произведеніяхъ картины изъ жизни финской „столицы“, Гельсингфорса, и другихъ городовъ, изъ жизни крупныхъ землевладѣльцевъ и негоціантовъ. У этихъ писателей можно найти также и отголоски европейскихъ общественныхъ идей, разныхъ современныхъ вопросовъ, и зачатки болѣе или менѣе широкой художественной психологіи.

Основою современной финской литературы, посвященной почти исключительно изображенію мѣстной природы и народной жизни, служитъ сильно развитое національное самосознаніе и горячій патріотизмъ, въ одинаковой степени одушевляющій всѣ сколько-

нибудь интеллигентныя силы страны. Этому патріотическому одушевленію Финляндія обязана всей своей литературой, искусствомъ, а отчасти—и наукой. Каждый болѣе или менѣе образованный финнъ считаетъ своимъ патріотическимъ долгомъ взять на себя извѣстную долю участія въ общемъ трудѣ изученія родины и просвѣщенія народа; и эта дружная совмѣстная культурная работа успѣла, въ сравнительно короткій срокъ, принести весьма замѣтные и почтенные плоды.

Новая финская культура—происхожденія очень недавняго. Ранѣе присоединенія Финляндіи къ Россіи, и въ первое время послѣ него, въ краѣ господствовала культура исключительно шведская. Народъ, конечно, говорилъ почти вездѣ по-фински; но купцы, чиновники, ученые получали образованіе въ шведскихъ школахъ и университетахъ, откуда выносили высокомѣрное пренебреженіе къ финской рѣчи, какъ къ „мужицкому говору", неспособному возвыситься на степень литературнаго языка. Литература, до конца прошлаго столѣтія, также не имѣла въ себѣ ничего національно-финскаго и вращалась исключительно въ сферѣ шведскихъ умственныхъ и политическихъ интересовъ. Понятно, что эта литература не доходила до народа и не могла имѣть на него никакого вліянія. Финскому языку нигдѣ не учили, и образованный слой общества составлялъ обособленную касту, совершенно отрѣзанную отъ народа.

Но уже въ концѣ прошлаго столѣтія нѣкоторые филологи заинтересовались финской народной поэзіей и стали заботиться о собираніи и сохраненіи ея произведеній. Первымъ изъ этихъ ученыхъ былъ профессоръ абоскаго университета Габріэль Портàнъ (1739—1804), который считается основателемъ финской исторіи и филологіи; онъ былъ и первымъ составителемъ финскаго словаря. Въ томъ же направленіи дѣйствовали вслѣдъ за нимъ, Якобъ Тенгстрёмъ (1755—1832), написавшій, между прочимъ, разсужденіе о томъ, что новѣйшая финская поэзія должна быть „національной", Шёгренъ и Кастре́нъ. Врачъ Захарій Топеліусъ, отецъ знаменитаго впослѣдствіи финскаго поэта, во время своихъ разъѣздовъ по Финляндіи собралъ „старинныя руны и новыя пѣсни" и издалъ ихъ въ 1819 г.

Къ концу второго десятилѣтія нашего вѣка начинаетъ проявляться въ Финляндіи движеніе, получившее впослѣдствіи названіе „финноманіи" и направленное къ пробужденію національнаго самосознанія финскаго племени и къ признанію правъ народнаго языка. Первые шаги этого движенія были очень смѣлы и самонадѣянны: „финноманамъ" казалось, что стоитъ только

захотѣть,—и все сдѣлается само собою... Въ 1817 г. народный стихотворецъ Яковъ Ютейни заявилъ въ одной изъ своихъ пѣсенъ, что надо привязывать къ позорному столбу ученыхъ за то, что они не хотятъ писать на народномъ языкѣ,—что представлялось ему очень легкимъ дѣломъ. Два года спустя въ журналѣ „Мнемозина“ появилась статья Линсéна, въ которой говорилось, что развитіе финской націи тормазится двумя препятствіями, которыя легко могли бы быть устранены, еслибы только сами финляндцы этого пожелали: во-первыхъ, образованные люди не употребляютъ финскаго языка ни въ разговорѣ, ни на письмѣ, а во-вторыхъ, всѣ оффиціальныя бумаги пишутся на шведскомъ языкѣ. Авторъ обращался къ патріотическому чувству своихъ соотечественниковъ съ горячимъ призывомъ къ искорененію этихъ золъ... Нѣсколько времени спустя, Эрстремъ напечаталъ въ газетѣ „Abo Morgonbladet“ рядъ замѣчательныхъ статей, въ которыхъ выступилъ съ рѣшительнымъ требованіемъ литературныхъ правъ для финскаго языка. Финляндія, говорилъ онъ, стала теперь независимымъ государствомъ, а потому и ея населеніе должно образовать однородное цѣлое; всѣ граждане края должны сознавать себя финнами, и только финнами, а потому всѣ, съ общаго согласія, должны возвратить народной рѣчи ея законныя права. Для достиженія этой цѣли необходимо, прежде всего, сдѣлать финскій языкъ орудіемъ преподаванія во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, не исключая и университета, затѣмъ постепенно присвоить ему права языка оффиціальнаго, и т. д. Въ томъ же духѣ высказывались и другіе пылкіе патріоты, призывая своихъ соотечественниковъ свергнуть „шведское иго“ [1])... Къ этому времени и относится зарожденіе такъ-называемой „финноманской“ партіи въ Финляндіи и начало борьбы финномановъ съ „свекоманами“,—защитниками шведской культуры.

Считая себя „мудрецами“, свекоманы сначала только подсмѣивались надъ этими ребяческими мечтаніями патріотовъ, которые „сами не знаютъ, чего хотятъ“; но вскорѣ стали смотрѣть на нихъ серьезнѣе и бороться съ ними не на шутку, употребляя всѣ средства, какъ дозволенныя, такъ и недозволенныя, лишь бы только „потушить пожаръ въ самомъ началѣ“.

Но пробудившееся національное чувство уже нельзя было заставить замолчать. Въ двадцатыхъ годахъ среди студентовъ абоскаго университета образовался кружокъ финскихъ патріотовъ,

[1]) Интересныя газетныя статьи, относящіяся къ финноманскому движенію до начала 40-хъ годовъ, собраны г-жей Хультинъ въ книжкѣ: „Suomalaisuuden herätys“ („Пробужденіе финскаго самосознанія“), Hels. 1892.

посвятившій свои силы изученію народной жизни и поэзіи. Къ этому кружку принадлежали знаменитый впослѣдствіи поэтъ Іоганнъ-Людвигъ Рунебергъ, Снелльманъ, Нервандеръ, Эліасъ Лённротъ, Фредрикъ Цигнэусъ и Захарій Топеліусъ младшій. Въ 1827 г. абоскій университетъ погорѣлъ и былъ переведенъ въ Гельсингфорсъ; сюда же перебрались и члены этого кружка, къ которымъ здѣсь примкнули Нордстрёмъ, Кастрéнъ и нѣкоторые другіе. Они стали собираться еженедѣльно, по субботамъ, и скоро у нихъ явилась мысль основать „Финское литературное Общество", которое имѣло бы цѣлью содѣйствовать распространенію правильныхъ понятій о Финляндіи и ея исторіи, трудиться надъ разработкою финскаго языка и создать на этомъ языкѣ литературу какъ для народа, такъ и для образованнаго общества. Общество это и было основано въ 1831 году [1]). Душою его былъ Лённротъ, сынъ бѣднаго деревенскаго портного, ревностный защитникъ финской народности и неутомимый собиратель памятниковъ народной поэзія. Объѣздивъ всю Финляндію, онъ собралъ массу драгоцѣннаго этнографическаго матеріала и издалъ, при помощи литературнаго Общества, цѣлый рядъ сборниковъ народныхъ пѣсенъ, сказокъ, загадокъ, заговоровъ, пословицъ и пр. и, наконецъ, въ 1835 г., знаменитое собраніе финскихъ былинъ—„Калевалу". За этимъ грандіознымъ памятникомъ народнаго эпоса послѣдовало изданіе сборника лирическихъ пѣсенъ, подъ заглавіемъ „Кантелетаръ" (т.-е. дочь „кàнтеле", народнаго струннаго инструмента). Но прошло цѣлыхъ десять лѣтъ со времени основанія Финскаго литературнаго Общества до того дня, когда финскій языкъ добился, наконецъ, признанія своего въ школѣ, какъ учебнаго предмета. Подъ покровительствомъ Общества быстро стала развиваться народная финская литература, явился рядъ писателей въ прозѣ и стихахъ, языкъ началъ совершенствоваться, какъ вдругъ, въ началѣ 1850 г., на эту юную литературу обрушился тяжелый ударъ: по Высочайшему повелѣнію запрещено было печатать на финскомъ языкѣ какія бы то ни было книги, кромѣ духовныхъ и сельско-хозяйственныхъ, такъ что даже сочиненія Ѳаддея Булгарина,—и тѣ не посмѣли бы въ ту пору явиться въ финскомъ переводѣ. Эта строгая мѣра, повидимому, не находившая себѣ никакого основанія въ содержаніи и направленіи только-что зарождавшейся финской словесности, объясняется происками свекомановъ, ко-

[1]) Любопытныя подробности о дѣятельности этого общества см. въ изданной по случаю его пятидесятилѣтія книгѣ: E. G. Palmén, Oeuvre demi-séculaire de la Société de littérature finnoise. Hels. 1882.

торые, видя невозможность воспрепятствовать развитію ненавистнаго имъ финноманства, грозившаго, между прочимъ, и матеріальному благосостоянію шведскаго чиновничества, рѣшились на крайній шагъ: они воспользовались подозрительностью правительства того времени, возбужденною революціоннымъ движеніемъ на западѣ, и успѣли внушить тогдашнему генералъ-губернатору Финляндіи князю Меньшикову, что національныя стремленія финновъ представляютъ опасность для государственнаго порядка, такъ какъ финноманы стремятся къ созданію независимаго отъ Россіи финскаго государства. На замѣчаніе, сдѣланное однимъ изъ защитниковъ финской народности князю Меньшикову, что подобная идея можетъ придти въ голову только сумасшедшему, князь глубокомысленно отвѣтилъ: „Ma foi, le monde est plein de fous", и запретилъ печатать финскій переводъ Корнелія Непота...

Это положеніе продолжалось до вступленія на престолъ императора Александра II, когда Литературное Общество получило возможность возобновить свое прерванное издательство. Въ 1858 г. открыта была первая финская гимназія въ гор. Ювескюля, и въ томъ же году гельсингфорскій университетъ, гдѣ уже ранѣе существовала каѳедра финскаго языка, разрѣшилъ магистрантамъ и докторантамъ представлять диссертаціи на этомъ языкѣ. Эта побѣда языка не замедлила сказаться быстрымъ развитіемъ національной финской литературы,—публицистики, критики, изящной прозы и поэзіи, такъ что, собственно говоря, эта литература существуетъ на свѣтѣ еще очень недолго,—меньше полувѣка. Какъ и всѣ литературы мелкихъ народностей, она представляетъ интересъ преимущественно этнографическій, но, благодаря дружной работѣ цѣлаго ряда талантливыхъ писателей, успѣла уже обратить на себя вниманіе европейской публики.

Первыми представителями національной финской поэзіи нашего вѣка были, однакоже, люди, хотя и проникнутые пылкимъ патріотизмомъ, но писавшіе исключительно по-шведски,—что̀ и понятно, такъ какъ до 60-хъ годовъ финскій языкъ вовсе не употреблялся въ культурномъ обществѣ. Самое видное мѣсто среди этихъ писателей принадлежитъ Іоганну-Людвигу *Рунебергу*, въ лицѣ котораго Финляндія имѣетъ своего, такъ сказать, классическаго поэта. Его произведенія даютъ рядъ художественныхъ картинъ изъ жизни крестьянъ и помѣщиковъ; его „Разсказы прапорщика Столя" представляютъ поэтическую исторію войны за освобожденіе Финляндіи; имъ же написано нѣсколько трагедій, которыя принадлежатъ къ числу замѣчательныхъ произведеній всемірной литературы (особенно „Король Фьяларъ" и „Цари на

Саламинѣ"). Рунѣбергъ родился въ 1804 г. въ Якобстадѣ, въ семьѣ довольно образованнаго по тому времени шкипера, учился въ Улеаборгѣ и Вазѣ, потомъ поступилъ въ университетъ въ Або и 23 лѣтъ отъ роду уже получилъ степень магистра. Въ 1828 г., послѣ пожара университета, онъ переселился въ Гельсингфорсъ и здѣсь присоединился къ кружку ученыхъ и литераторовъ, изъ котораго, какъ сказано выше, образовалось Финское литературное Общество. Въ эту пору онъ написалъ большую часть лучшихъ своихъ произведеній. Нужда заставила его поступить учителемъ въ лицей въ Борго, гдѣ онъ пробылъ двадцать лѣтъ. Въ 1857 г. онъ оставилъ преподавательскую дѣятельность и всецѣло посвятилъ себя литературнымъ занятіямъ; но въ 1863 г. нервный ударъ навсегда приковалъ его къ постели. Тяжкая болѣзнь продолжалась цѣлыхъ 14 лѣтъ, до самой смерти Рунеберга, послѣдовавшей въ 1877 году.

Самымъ популярнымъ въ Финляндіи изъ всѣхъ сочиненій Рунеберга являются „Разсказы прапорщика Столя",—рядъ безъискусственныхъ эпическихъ повѣствованій въ стихотворной формѣ, проникнутыхъ горячимъ и благороднымъ патріотическимъ чувствомъ. Эта небольшая книжка, существующая во множествѣ изданій—какъ въ шведскомъ оригиналѣ, такъ и въ прекрасномъ финскомъ переводѣ,—открывается пѣсней „Нашъ край", которая въ Финляндіи считается какъ бы національнымъ гимномъ. Вотъ эта пѣсня въ переводѣ В. И. Головина, близко передающемъ подлинникъ:

Нашъ край, нашъ край, родимый край!
Греми, о, кликъ святой!
Какихъ намъ горъ, долинъ ни дай,
Какихъ волна сторонъ ни знай, —
Гдѣ любятъ такъ свой край родной,
Какъ любимъ сѣверъ свой?

Убогъ нашъ край,—и будь такимъ
Корыстному душой!
Чужой, кичась, пройдетъ предъ нимъ,
Но милъ онъ всѣмъ сынамъ своимъ, —
Намъ милы шхеры, боръ густой, —
То край нашъ дорогой!

Мы любимъ говоръ рѣкъ своихъ,
Своихъ ручьевъ полетъ,
Унылый шумъ лѣсовъ густыхъ,
Сіянье лѣта, звѣздъ ночныхъ, —
Все, все, что взглядъ иль пѣснь даетъ,
Чѣмъ сердце здѣсь живетъ!

Здѣсь мыслью, плугомъ, здѣсь мечемъ
Отцы вели свой бой;
Здѣсь, здѣсь, во тьмѣ и яснымъ днемъ,
Равно покоенъ, твердъ во всемъ, —
Здѣсь сердцемъ жилъ народъ родной,
Здѣсь финнъ несъ жребій свой!

Кто битвы счелъ, кто скорби счелъ
Былыхъ его годовъ?
Громъ брани шелъ изъ дола въ долъ
И холодъ-голодъ блѣдный велъ, —
Кто смѣрилъ всю его любовь,
Имъ пролитую кровь?

. . . .

О, тысячеозерный край,
Гдѣ вѣрность, пѣснь живутъ!
Ты бѣденъ, — но всегда блистай,
Былой нашъ край, грядущій край!
Намъ берегъ въ морѣ жизни тутъ,
Намъ вольный здѣсь пріютъ!

Вѣрь, — въ почкѣ скрытъ, взойдетъ твой цвѣтъ!
Любовь сыновъ хранитъ
Твой блескъ, твой цвѣтъ, твой день, твой свѣтъ,
Твоихъ надеждъ и благъ расцвѣтъ!
Нашъ гимнъ вновь громко зазвучитъ,
Родной нашъ прогремитъ!

На ряду съ этимъ гимномъ не менѣе часто поется финнами также и другая патріотическая пѣсня, — „Пѣсня Судми" Эмиля фонъ-Квантена:

Слушай, — звонко пѣснь несется,
Межъ утесовъ Вейно льется:
Это — Суоми пѣснь!
Слушай шелестъ соснъ высокихъ,
Слушай шопотъ рѣкъ глубокихъ:
Это — Суоми пѣснь!

Вотъ, гдѣ полюсь, — надъ снѣгами
Солнце съ лѣтними лучами:
Это — Суоми пѣснь!
Вотъ, съ небесъ, изъ мрака ночи,
Сѣверъ ярко смотритъ въ очи:
Это — Суоми пѣснь!

А долины, что ласкаютъ,
Гдѣ ручьи въ цвѣтахъ играютъ?
Это — Суоми пѣснь!
А въ вѣнцахъ изъ лѣса — горы,
Эхо, звѣздъ вечернихъ хоры?
Это — Суоми пѣснь!

Всюду тотъ же къ намъ взываетъ,
Тотъ же голосъ не смолкаетъ:
Это—Суоми пѣсны!
Братъ,—покуда сердце бьется,
Слушай, веселъ иль взгрустнется,
Только Суоми пѣснь! [1]).

Подобные патріотическіе мотивы занимаютъ самое видное мѣсто въ хорѣ финской поэзіи со временъ Рунеберга и до нашихъ дней. Сверстникъ Рунеберга, Ларсъ Стенбекъ оставилъ въ числѣ своихъ произведеній трогательную „Пѣсню о финской родинѣ“:

„Безмолвно, тихой грустію томимъ, шелъ въ горы молодой пѣвецъ; предъ нимъ Финляндія прекрасная лежала. Съ любовью скорбь въ груди его жила; его мечта высокая влекла,—найти отчизну финна“.

Въ шумныхъ городахъ, въ богатыхъ помѣстьяхъ, на горахъ и въ долинахъ,—всюду ищетъ онъ свою финскую отчизну—и не находитъ ея... Наконецъ—

„Онъ встрѣтилъ мирный и простой народъ. Тамъ, вѣрные обычаямъ стариннымъ, имѣли всѣ открытый, смѣлый взоръ; и понялъ онъ, что тамъ до этихъ поръ жива отчизна финна.

„Воскресла пѣснь въ груди его,—и онъ, восторгомъ и любовью вдохновленъ, запѣлъ, подобно птичкѣ беззаботной: о, родина, тебя я разыскалъ! Здѣсь, въ хижинахъ, среди родимыхъ скалъ, живетъ отчизна финна“!

Другой поэтъ, Альквистъ (1826—89), писавшій стихотворенія на финскомъ языкѣ подъ именемъ „Оксаненъ“ (переводъ его шведской фамиліи), восклицаетъ:

„Я бы умеръ въ упоеньѣ, еслибъ родины забитой я дождался возрожденья и языкъ услышалъ финскій я въ устахъ всего народа!“

Имъ же написана полная сильнаго лиризма „Пѣсня саволаксца“, которая служитъ для жителей сѣверо-восточной Финляндіи своего рода гимномъ [2]).

Даже скептикъ Карлъ Тавастшерна, — современный поэтъ, очень многимъ недовольный у себя на родинѣ,—замѣчаетъ въ одномъ изъ своихъ стихотвореній:

„Чудно̀: становлюсь я большимъ патріотомъ, какъ только разстанусь съ родною землей, съ которой такъ тѣсно я связанъ

[1]) Пер. В. Головина.

[2]) См. небольшую книжку, изданную *Н. И. Бахтинымъ* подъ заглавіемъ: „Поэты Финляндіи и Эстляндіи, изданы подъ ред. Н. Новича“. Спб. 1899.

душой; когда же вернусь,—то гляжу идіотомъ: Пегасъ чуть плетется рысцой,—какъ будто совсѣмъ и не мой! На свѣтѣ страны нѣтъ другой для сердца дороже, любезнѣе лирѣ; не знаю угла въ цѣломъ мірѣ презрѣннѣй,—милѣе, чѣмъ край мой родной!"

„Народъ, подобный моему народу,—говоритъ тотъ же писатель въ другомъ мѣстѣ,—долженъ держаться на собственныхъ ногахъ,—пусть онъ бѣденъ и неизвѣстенъ, онъ долженъ питаться собственными корнями, какъ бы ни были скудны его горы и поля. Та жизнь, какую онъ привыкъ вести съ давнихъ поръ, производитъ поколѣнія мужественныя, гордыя и сильныя; такое поколѣніе не дастъ повести себя на бойню и не склонится подъ топоръ съ покорностью жертвеннаго ягненка!"

Наконецъ, одинъ изъ самыхъ молодыхъ финскихъ поэтовъ Микаэль Любекъ (род. 1864), нерѣдко впадающій въ своихъ произведеніяхъ въ декадентскую аффектацію, написалъ нѣсколько очень прочувствованныхъ патріотическихъ стихотвореній, изъ которыхъ лучшимъ можно назвать „Скорбный годъ"—на праздникъ въ честь Рунеберга. Среди общаго торжества онъ призываетъ друзей вспомнить старое сказанье, въ которомъ онъ видитъ символъ самопожертвованія за родину:

„Живетъ въ народѣ странное преданье
О томъ, какъ въ пору бѣдственной войны
Между собой вступили въ состязанье
Достойные Финляндіи сыны.

У ярла Биргера, не внявъ запретамъ,
Женился на Сигридѣ младшій братъ
Венгтъ Лагманъ,—и невѣстѣ шлетъ съ привѣтомъ
Въ подарокъ Биргеръ свадебный нарядъ.

Изъ пурпура то было одѣянье,
Все въ серебрѣ и въ сѣткѣ золотой,
Лишь на груди,—какъ будто въ посмѣянье,—
Былъ вшитъ кусокъ матеріи простой.

Но Лагманъ Бенгтъ, въ свои младые годы,
Себя насмѣшкой не далъ оскорбить:
Велѣлъ онъ всѣ фамильные клейноды
На эту грудь, за рядомъ рядъ, нашить,—

И эта часть безцѣнная убора
Предстала ослѣпительной для взора.

Друзья мои,—потомству въ поученье,
Повѣрьте мнѣ,—старинный сей разсказъ
Родной страны судьбу и назначенье
Являетъ символически для насъ.

Какъ знать,—не будетъ ли нарядъ вѣнчальный
Знаменованьемъ участи печальной?
Что станется, коль силой роковой
Разрушится укладъ нашъ вѣковой?

Итакъ, теперь, почуявъ скорби годы,
Всѣ, въ комъ жива къ родной странѣ любовь,
Должны отдать ей всѣ свои клейноды,—
И мужество, и трудъ, и сердца кровь.

Пусть каждый, въ комъ горитъ любви отвага,
Безропотно ту жертву принесетъ,—
И будетъ намъ, Богъ дастъ, еще во благо
Ударъ судьбы въ прискорбный этотъ годъ!

Эти проявленія финскаго національнаго чувства, финской національной идеи, представляются очень своеобразными: такой приподнятый патріотизмъ встрѣчается только у мелкихъ народностей, которыя особенно дорожатъ самостоятельнымъ развитіемъ своихъ духовныхъ силъ; нѣчто подобное мы видимъ, напримѣръ, у чеховъ и у мадьяръ. Одинъ изъ самыхъ выдающихся представителей финскаго національзма, молодой романистъ Арвидъ Эрнефельтъ, вполнѣ опредѣленно высказывается на этотъ счетъ въ своемъ романѣ: „Человѣческая судьба":

„Насъ одушевляетъ,—говоритъ онъ,—мысль о томъ, что финское племя должно развиться въ особую націю, которая сама опредѣлитъ свою историческую судьбу и создастъ себѣ свою собственную культуру съ помощью своего собственнаго языка. Тотъ, кто не выросъ на этой мысли,—тотъ не въ состояніи насъ понимать. Ибо все коренится въ томъ, что мы вѣримъ въ свой народъ и въ его будущее, что мы любимъ этотъ народъ, его языкъ и его исторію, вѣримъ въ его культурную силу и думаемъ, что онъ необходимъ въ Европѣ. Этой идеей мы и живемъ".

Другой писатель (пишущій по-шведски)—Якобъ Аренбергъ, въ своемъ вышедшемъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ романѣ изъ быта восточной Финляндіи „Семья изъ Хаапакоски", говоритъ приблизительно то же самое:

„Елена не имѣла вовсе и понятія о томъ, какой любовью къ своему народу, къ своей странѣ одушевлено это маленькое общество, какую значительную долю своихъ доходовъ отдаютъ эти люди на общественныя дѣла, какъ ихъ ревнивая любовь къ этой бѣдной родинѣ въ каждомъ непривѣтливомъ словѣ, въ каждомъ рѣзкомъ приговорѣ видитъ оскорбленіе единственнаго сокровища, ради котораго они живутъ и готовы уме-

реть. Сравнивая между собою всѣ области, лежащія за 60-мъ градусомъ сѣверной широты, она нигдѣ не могла бы найти такой культуры, какъ здѣсь, въ этой маленькой сѣверной странѣ. Эта культура росла медленно, какъ и все у насъ на сѣверѣ; она стоила труда многихъ милліоновъ людей и многихъ вѣковъ; что же удивительнаго, если ея носители, оглядываясь на свой тяжкій трудъ и видя впереди только сумерки, не проявляли того легкаго жизнерадостнаго настроенія, которое сразу покоряетъ себѣ сердца?"

Но самымъ краснорѣчивымъ и самымъ, такъ сказать, необузданнымъ выразителемъ этого патріотическаго чувства является Юхани Ахо, вмѣстѣ съ тѣмъ—и наиболѣе даровитый изъ современныхъ финскихъ романистовъ. У него это чувство сквозитъ во всѣхъ описаніяхъ природы, во всѣхъ картинахъ финской жизни,—и природа является нерѣдко символомъ радостнаго или грустнаго патріотическаго настроенія. Говоритъ ли онъ о холодномъ восточномъ вѣтрѣ, несущемъ губительный морозъ на поля, только-что покрывшіяся вешними всходами,—вы чувствуете въ этой реальной картинѣ аллегорію иныхъ отношеній, общественныхъ и политическихъ; описываетъ ли онъ хмурый, дождливый осенній день среди угрюмаго финскаго пейзажа,—онъ случайно опускаетъ руку въ карманъ и находитъ тамъ клочекъ старой газеты, со статьей, начинающейся словами: „Тяжелое время переживаетъ теперь Финляндія. Уныніе наполняетъ душу и..." Продолженіе оторвано,—да его и не надо...

Въ одномъ изъ своихъ мелкихъ этюдовъ, собранныхъ въ четыре книжки подъ заглавіемъ „Стружки" (Lastuja, 1891—99), онъ сравниваетъ финскій патріотизмъ съ верескомъ:

„Мы, какъ верескъ, всѣмъ существомъ впились въ свою землю. Кто попробуетъ насъ отъ нея оторвать,—у того въ рукахъ останется одна только трава, а корни, оставшись глубоко въ землѣ, дадутъ новые побѣги. И когда это знаешь, и взглянешь на этотъ спокойный, теплый, синій небесный сводъ надъ твоей головой, тогда и почувствуешь, что Финляндія вовсе не слабѣе другихъ странъ, и что положеніе ея вовсе не такъ ужъ безнадежно..."

Въ другомъ этюдѣ онъ называетъ финскую народность „можевеловою" (Katajainen kansallisuutemme):

„Вовсе не по прихоти судьбы мы, финны, появились въ этомъ краѣ и остались здѣсь навсегда.

„Конечно, сюда заходили и другіе искатели земли. Но они или только проѣзжали черезъ дворъ, или поворачивали оглобли

отъ самыхъ воротъ. Лапландцы не успѣли запустить когтей въ сердце Финляндіи и на своихъ оленьихъ санкахъ помаленьку убрались туда, гдѣ для нихъ самъ собой растетъ кормъ. Шведы захватили самую плодородную береговую полосу, но когда захотѣли двинуться въ глубь страны и въ двухъ миляхъ отъ берега наткнулись на болото и глухой лѣсъ, то остались на своихъ мѣстахъ. Что касается восточныхъ нашихъ друзей, то они прошли плугомъ только до тѣхъ мѣстъ, гдѣ можно было развести огороды; а такъ какъ дальше было ужъ совсѣмъ чортъ знаетъ что (и, можетъ быть, даже жили черти), то они и удовольствовались тѣмъ, что понастроили себѣ каменныхъ оградъ съ церквами.....

„А финны чувствовали себя такъ, какъ будто обрѣли тучнѣйшія земли, текущія млекомъ и медомъ. Ихъ какъ будто тянуло на самыя каменистыя мѣста; словно гонимые какимъ-то страхомъ, они какъ нарочно выискивали каменистые пустыри, топкія болота и темные лѣса, растущіе на промерзлой землѣ.

„Есть люди, которые говорятъ, что финны такимъ образомъ были насильно сдвинуты съ дороги сильнѣйшими народами. Я же думаю, что это случилось въ правленіе самаго практичнаго изъ ихъ вождей. Онъ хорошо зналъ цѣпкость своего племени, зналъ, что тамъ, гдѣ у другого давно бы треснула спина, финнъ становится только сильнѣе. Кирка была мечемъ финна,—ею онъ завоевалъ себѣ землю, которую даже и его побѣдители признали его собственностью. Какъ бы эти побѣдители ни назывались, на какомъ бы языкѣ они ни говорили,—на шведскомъ ли, датскомъ,—въ концѣ концовъ, послѣ самыхъ блестящихъ побѣдъ, поле сраженія все-таки оставалось за финнами: для чужихъ поселенцевъ наша земля была слишкомъ твердымъ орѣхомъ. Такъ оно и теперь. Еслибы мы указали чужанину на свою землю и сказали бы ему: „Вотъ она,—приди и возьми!“—никто бы взять ее не рѣшился.

„Итакъ, мы можемъ сидѣть спокойно и безъ тревогъ, что̀ бы ни случилось. Какъ можжевельникъ, выросшій на каменистой почвѣ, мы можемъ спокойно прислушиваться къ шуму вѣтра въ небѣ. Ударъ молніи разбиваетъ въ щепки высокую сосну, но надъ можжевельникомъ онъ безсиленъ. По можжевельнику пройдетъ цѣлый военный обозъ, тяжелыя орудія своими колесами придавятъ его къ землѣ,—но онъ не сломится. Пройдетъ гроза— и маленькое деревцо опять распрямитъ свои короткія вѣтви, и одна вѣтка зашепчетъ другой: „Ты рости туда, а я буду рости сюда“. И скоро отъ слѣдовъ человѣка и отъ колеи колесъ не

останется и признака: сколько ни ищи, ничего не найдешь,—вся дорога заросла, а можжевельника точно никто и не трогалъ...

„У тѣхъ изъ нашихъ братьевъ, которые выбрали себѣ для жилья мягкіе луга, чужія колеса врѣзали въ эти луга очень глубокія колеи. Но именно то, что мы выбрали себѣ самую твердую каменистую землю, на которой можетъ рости только такой же можжевельникъ, какъ и мы сами,—это-то и было нашей величайшей мудростью. Тотъ Моисей, который привелъ насъ сюда, хорошо зналъ ту своеобразную силу, какая скрыта въ этомъ можжевеловомъ качествѣ (catajuus) нашего народа".

Чрезвычайно оригиналенъ также небольшой очеркъ Юхани Ахо „Юношеская мечта", изъ котораго мы приведемъ слѣдующія любопытныя строки:

„...Будущность Финляндіи представлялась намъ полною героическаго величія.

„Финляндія—то же, чѣмъ нѣкогда была Греція, и финскій народъ есть другой греческій народъ! Развѣ нѣтъ у насъ острововъ — такихъ же, какъ греческій архипелагъ? развѣ мы не такъ же побѣдоносно боролись съ насиліемъ, какъ они? Вѣдь и у насъ также были свои Термопилы и свой Саламинъ,—и мы также спасали западную цивилизацію!

„У нихъ былъ Гомеръ,—а у насъ есть Калевала. Но наши герои сражались за болѣе великое дѣло, чѣмъ греческіе: Агамемнонъ, Менелай и Ахиллъ воевали за хорошенькую женщину, а Вейнемейненъ, Ильмариненъ и Лемминкэйненъ—за народное благо! Тѣ брали города и разоряли ихъ, а эти освобождали свѣтъ изъ каменныхъ горъ сѣвера. Тѣ дѣйствовали мечемъ, а эти—силою слова.

„И силою слова мы когда-нибудь еще покоримъ весь міръ!

„Могущество грековъ обусловливалось не столько ихъ военными подвигами, сколько ихъ искусствомъ, ихъ литературой, ихъ духовнымъ величіемъ. То же должно быть и у насъ.

„Финскій языкъ богатъ и силенъ и благозвученъ не меньше греческаго. И съ помощью этого языка мы создадимъ литературу, которая вытѣснитъ всѣ прочія, мы создадимъ финскую цивилизацію, новую, свѣжую культуру, которая побѣдитъ всѣ старыя и отжившія. Мы распространимъ нашу идею далеко на западъ, пройдемъ всѣ народы, наши воззрѣнія повліяютъ на ихъ вѣрованія, и изъ нашего языка возникнутъ новые языки. Старый міръ разлагается, нуждается въ обновленіи и очищеніи; онъ коченѣетъ въ своихъ формахъ. Мы, финны, создадимъ новыя формы и вдохнемъ въ нихъ новый духъ. И мы совершимъ это, осно-

вываясь на нашей древности, — на Калевалѣ и Кантелетаръ. Наша страна станетъ мѣстомъ общенія Запада и Востока; она обогатится и процвѣтетъ; рядомъ съ старыми городами возникнутъ новые; на вершинахъ горъ воздвигнутся дворцы, а на мысахъ поставятся памятники народнымъ героямъ...

„И—кто знаетъ?—можетъ быть, въ нашей средѣ явится когда-нибудь новый Александръ Великій, который объединитъ всѣ финскія племена, разрушитъ Персію, создастъ всемірную финскую державу и понесетъ нашу цивилизацію далеко въ глубь темной Азіи...

„Такъ смотрѣли мы на свою исторію, такъ мы фантазировали съ разгорѣвшимися щеками, и твердо вѣрили, что наши фантазіи въ самомъ дѣлѣ осуществятся... Заоблачныя глупости!..

„Но эти юношескія мечты и эта дѣтская вѣра все-таки не совсѣмъ исчезли. Бываютъ времена, когда воспоминаніе о нихъ приноситъ утѣшеніе и когда мнѣ такъ хотѣлось бы опять вернуться назадъ, къ этимъ юношескимъ фантазіямъ и къ этой дѣтской вѣрѣ“ [1])...

Это настроеніе можно назвать рѣшительно господствующимъ въ финской литературѣ: имъ, въ большей или меньшей степени, проникнуты всѣ сколько-нибудь выдающіяся ея произведенія. Въ тѣсной связи съ глубокимъ патріотизмомъ финскихъ писателей находится и сочувственное изображеніе мѣстной природы, — полныя грустной привлекательности картины суровой зимы, лѣтняго „полуночнаго солнца“, уединенной жизни въ лѣсной глуши или въ шхерахъ и т. д., — и картины изъ жизни простого народа въ его тяжелой борьбѣ съ мачихой-природой и, наконецъ, типическое изображеніе различныхъ особенностей народнаго характера, каковы, напр., съ одной стороны, — упорство и постоянство, а съ другой — мечтательная и самоотверженная покорность судьбѣ и юмористическое отношеніе къ собственной жизни. Народные типы въ ихъ первобытной неприкосновенности и въ столкновеніи съ культурными вліяніями составляютъ едва ли не самую интересную сторону финской литературы, какъ прежняго времени, такъ и современной.

II.

Говоря о финской литературѣ, необходимо отличать писателей, пишущихъ исключительно по-шведски, отъ писателей, избрав-

---

[1]) *Juhani Aho.* Lastuja (Porvoo 1891), S. 267—270: „Nuoruuden unelma“.

шихъ своимъ орудіемъ народный финскій языкъ,—хотя произведенія тѣхъ и другихъ обыкновенно вслѣдъ за ихъ появленіемъ на одномъ изъ этихъ языковъ переводятся на другой. Первые принадлежатъ почти исключительно къ высшему классу финляндскаго общества; это—люди съ университетскимъ образованіемъ, знакомые съ европейскими языками и литературами и въ особенности, конечно, съ литературой скандинавской; въ ихъ произведеніяхъ, на ряду съ мотивами національными, чувствуется болѣе или менѣе сильное вліяніе западныхъ идей. Писатели, пишущіе по-фински, происходятъ, большею частью, изъ народа — изъ крестьянъ; многіе изъ нихъ вовсе не получили научнаго образованія, учились только въ начальной школѣ и впослѣдствіи уже самостоятельно образовали себя; нѣкоторые, правда, происходятъ изъ болѣе высшихъ сословій, какъ, напр., Юхани Ахо—сынъ пастора, Юхо Рэйоненъ—самъ пасторъ, Сантери Ингманъ, имѣющій степень доктора исторіи, Арвидъ Эрнефельтъ—юристъ; но и эти писатели большею частью вышли изъ самаго, какъ говорится въ Финляндіи, „сердца страны“, — изъ маленькихъ, захолустныхъ городковъ или хуторовъ, съ дѣтства жили среди простого народа и сроднились съ его міровоззрѣніемъ и бытомъ. Почти всѣ они, за исключеніемъ только Ахо и Мины Кантъ, стоятъ далеко отъ новыхъ европейскихъ идей, и стиль ихъ отличается большой простотой и безъискусственностью.

Выше мы уже говорили о Рунебергѣ и нѣкоторыхъ его современникахъ, писавшихъ, такъ же, какъ и онъ, по-шведски. Выдающееся мѣсто среди этихъ писателей занимаетъ Ларсъ Стенбекъ (1811—70), по направленію своему — романтикъ во вкусѣ нѣмецкаго Sturm und Drang періода, сочиненія котораго не имѣютъ почти никакого соприкосновенія съ современной ему дѣйствительностью. Ему принадлежитъ рядъ патріотическихъ стихотвореній, изъ которыхъ одно цитировано выше. Подъ конецъ жизни имъ овладѣло піэтистическое настроеніе, и онъ сталъ писать исключительно псалмы, отличающіеся высокимъ религіознымъ одушевленіемъ. Вообще, въ раннемъ періодѣ финской литературы рѣшительно преобладаетъ лирика. На этомъ поприщѣ выдѣлялись въ свое время: Фредрикъ Цигнеусъ (1807—81), патріотическія пѣсни котораго, по нынѣшнимъ понятіямъ, представляются уже слишкомъ напыщенными, но въ прежнюю пору всѣми повторялись съ восторгомъ; Эмиль фонъ-Квантéнъ (р. 1827), котораго „Пѣсня Судми“ приведена выше, и въ особенности—Юлій Вексéлль (р. 1838), къ сожалѣнію, рано потерянный для литературы, такъ какъ онъ 24-хъ лѣтъ сошелъ съ ума. Кромѣ

цѣлаго ряда сильныхъ лирическихъ стихотвореній, ему принадлежитъ историческая драма „Даніэль Юртъ“,—одно изъ замѣчательнѣйшихъ произведеній финской литературы [1]). Эта драма, полная мрачныхъ размышленій о цѣли и смыслѣ жизни и проникнутая ненавистью притѣсненныхъ къ притѣснителямъ, была однимъ изъ первыхъ шаговъ финской поэзіи по новому пути—болѣе внимательнаго наблюденія и болѣе реальнаго изображенія дѣйствительности, между тѣмъ какъ поэты старшаго поколѣнія, въ томъ числѣ и Рунебергъ, были преимущественно идеалистами. Переходомъ къ новому направленію служили также произведенія Амиля Нервандера—„Финскія исторіи“, „Финскія картины“ и нѣсколько одноактныхъ драматическихъ пьесъ, и Рафаэля Герцберга—„Воспоминанія дѣтства“, разсказы и историческія повѣсти. Значеніе этихъ произведеній заключается въ томъ, что они изображали финскую жизнь и такимъ образомъ придавали шведско-финской литературѣ національный характеръ, хотя и были еще очень далеки отъ настоящаго реализма, какимъ отличаются нынѣшніе финскіе писатели.

Самыми замѣчательными изъ писателей этой переходной эпохи являются Захарій Топеліусъ младшій, умершій въ 1898 г. 80-ти лѣтъ, и Іонаѳанъ Рейтэръ.

Топеліусъ, успѣвшій въ продолженіе своей долгой жизни и литературной дѣятельности пріобрѣсти европейскую извѣстность, безъ сомнѣнія, принадлежитъ къ числу самыхъ талантливыхъ представителей шведско-финской литературы. Онъ былъ сыномъ врача Топеліуса, о которомъ мы говорили выше, какъ о первомъ собирателѣ финскихъ народныхъ пѣсенъ. Его дѣтство и юность прошли въ кругу людей, горячо преданныхъ литературнымъ и художественнымъ интересамъ; поступивъ въ университетъ, онъ ревностно занялся изученіемъ философіи, исторіи, литературы и естествознанія; въ этой послѣдней области онъ пріобрѣлъ весьма обширныя свѣдѣнія; составленная имъ и изданная финскимъ литературнымъ обществомъ „Книга природы“ имѣла выдающійся успѣхъ и принесла обществу значительные доходы. Не меньшимъ успѣхомъ пользовались и другія составленныя имъ книги для народа: „Книга о нашей родинѣ“, „Сказки“ и семь томовъ „Книги для дѣтскаго чтенія“, куда вошли историческія статьи, народныя сказанія, очерки повседневной жизни, описанія природы и пр. Въ 1842 г., Топеліусъ получилъ въ гельсингфорскомъ университетѣ каѳедру „сѣверной“ (финской, русской

---

[1]) Переведена на русскій языкъ въ „Русскомъ Богатствѣ“ 1883, № 5 6.

и скандинавской) исторіи, которую занималъ до 1878 г., а въ послѣдніе три года былъ, кромѣ того, и ректоромъ университета. Научными изслѣдованіями онъ, впрочемъ, занимался очень мало, отдавая все свое время литературной дѣятельности во всѣхъ областяхъ поэтическаго слова, а также изданію, въ продолженіе 20-ти лѣтъ, большой газеты „Helsingfors Tidningar" (1841—60), на столбцахъ которой впервые появилась большая часть его сказокъ и стихотвореній.

Поэтическія произведенія Топеліуса въ наше время представляются уже устарѣлыми, потому что его литературныя понятія уже не соотвѣтствуютъ современнымъ взглядамъ; но въ свое время значеніе этихъ произведеній было очень велико и важно, не говоря уже о томъ, что многое изъ написаннаго Топеліусомъ и до сихъ поръ не утратило, и долго еще не утратитъ своего литературнаго достоинства. Таковы, напр., его чрезвычайно богатыя по содержанію сказки и легенды, прекрасныя и очень удобныя для пѣнія пѣсни, поэтическія картины природы, историческіе „Разсказы фельдшера", и до сихъ поръ остающіеся въ Финляндіи одною изъ самыхъ популярныхъ книгъ, и его драмы: „Регина Эммерицъ", „Пятьдесятъ лѣтъ спустя", „Охота короля Карла", „Принцесса Кипрская" и др. Первая изъ этихъ пьесъ до сихъ поръ не сходитъ со сцены шведскаго театра въ Финляндіи.

Для того, чтобы правильно судить о значеніи Топеліуса для финской литературы, надо прислушаться къ отзывамъ людей, которые были дѣтьми или юношами въ ту пору, когда онъ выступилъ со своими произведеніями. Вполнѣ компетентнымъ свидѣтелемъ въ данномъ случаѣ является Карлъ Тавастшерна,— одинъ изъ самыхъ выдающихся лирическихъ поэтовъ Финляндіи. „Этотъ замѣчательный человѣкъ,—говоритъ онъ о Топеліусѣ,— былъ одаренъ сердцемъ и простою рѣчью ребенка, умомъ мудреца, взоромъ добрѣйшаго человѣка, безпритязательною скромностью и прозорливостью генія. Въ его сказкахъ и описаніяхъ красота финской природы и вообще колоритъ сѣвернаго пейзажа представлялись намъ живѣе и ярче, нежели въ самой натурѣ. Онъ научилъ насъ любить и березу, и звѣзды, и тростникъ, и озеро, и водопадъ, и горный ручей, и облака... А послѣ камней и деревьевъ мы научились любить и Матти, и Майю, и изъ сотни другихъ разсказовъ узнали, что въ Финляндіи всѣ молодые люди и всѣ дѣвушки составляютъ одно братство; тогда наша любовь отъ камней, деревьевъ, ручьевъ и озеръ перешла къ отцу

и дѣду Матти, къ Аннѣ, Майѣ, Гретѣ и ко всѣмъ прочимъ людямъ, молодымъ и старымъ"...

Въ первомъ же собраніи своихъ стихотвореній, подъ заглавіемъ „Цвѣты вереска", Топеліусъ обнаружилъ замѣчательное мастерство формы вмѣстѣ съ богатствомъ и разнообразіемъ содержанія: онъ далъ здѣсь цѣлый рядъ очень музыкальныхъ лирическихъ пѣсенъ, много стихотвореній, проникнутыхъ восторженною любовью къ природѣ или простодушною религіозностью, а также нѣсколько вещей въ юмористическомъ тонѣ. Въ особенности привлекательны его стихотворенія, посвященныя картинамъ финской природы. Стихотворенія Топеліуса болѣе всего нравились читательницамъ, такъ какъ онъ особенно любилъ изображать настроенія юныхъ дѣвушекъ, затѣмъ—чувства матери, родительскую любовь и т. п., слегка окрашивая эти чувства романтическимъ колоритомъ. При этомъ Топеліусъ вовсе не принадлежалъ къ числу защитниковъ женской эмансипаціи: въ его глазахъ высшее достоинство женщины заключается въ томъ, чтобы быть вѣрной подругой мужа и воспитательницей своихъ дѣтей; въ этомъ „ея права", которыхъ ей нѣтъ надобности „требовать", потому что они издавна ей принадлежатъ.

Тѣмъ же настроеніемъ отличаются и позднѣйшіе сборники стихотвореній Топеліуса,—„Новые листья" (1876) и „Верескъ" (1889). Къ прежнимъ основнымъ мотивамъ его поэзіи здѣсь—особенно въ послѣднемъ изъ названныхъ сборниковъ,—присоединяется мотивъ религіозно-мистическій. Изъ числа прозаическихъ его произведеній вполнѣ заслуженною извѣстностью пользуются превосходныя сказки и легенды, проникнутыя чисто-дѣтскимъ простодушіемъ, живою символикою природы и яснымъ, благороднымъ міросозерцаніемъ. Упомянутые выше „Разсказы фельдшера" принадлежатъ также къ числу образцовыхъ произведеній шведско-финской повѣствовательной литературы. Это рядъ небольшихъ разсказовъ о разныхъ историческихъ событіяхъ отъ временъ тридцатилѣтней войны до Густава III, въ эпизодической формѣ, но съ соблюденіемъ всѣхъ условій историческаго реализма и нерѣдко съ очень характерными и остроумными сценами и разговорами, въ которыхъ сказалось правильное пониманіе руководящихъ идей изображаемой эпохи. Они обнимаютъ періодъ въ 140 лѣтъ (1631—1771), въ продолженіе котораго судьба одного финляндскаго семейства представляется тѣсно переплетенною съ историческими событіями. Разсказы эти передаются отъ имени старика-фельдшера, который больше всего гордится тѣмъ, что имѣлъ счастіе родиться въ одинъ день съ Наполеономъ; кругъ

его слушателей составляютъ: старуха-бабушка, роль которой похожа на роль хора въ древней трагедіи; ученый магистръ Свенонiусъ, человѣкъ смирный, когда не споритъ съ воинственнымъ капитаномъ Сванхольмомъ; маленькій, живой и подвижной школьникъ Іонаѳанъ; романтически настроенная и безмѣрно любопытная молодая женщина Анна-Шарлотта и еще нѣсколько лицъ, которыя сходятся каждую недѣлю послушать стараго фельдшера и обмѣниваются по поводу его разсказовъ мыслями и замѣчаніями. Эта рамка къ разсказамъ написана съ такимъ же мастерствомъ, какъ и самые разсказы, содержаніе которыхъ взято изъ эпохи, чрезвычайно богатой драматическими эпизодами, важными событіями и выдающимися историческими личностями. Удивительно уже и то, что въ эту эпоху Швеція,—страна бѣдная, отдаленная, съ населеніемъ, никогда не достигавшимъ и полутора милліона, не имѣвшая политическихъ друзей, занимала въ Европѣ положеніе великой державы и нерѣдко дѣйствительно держала въ своихъ рукахъ судьбу европейской политики. Въ ряду историческихъ личностей мы видимъ, прежде всего, величественную фигуру Густава-Адольфа, этого рыцаря протестантизма, жертвующаго жизнью для спасенія преслѣдуемой вѣры. Затѣмъ, когда послѣ кроваваго люценскаго боя все кажется потеряннымъ, и на шведскій тронъ вступаетъ ребенокъ-дѣвочка,—власть беретъ въ свои твердыя руки геніальный политикъ Аксель Оксенштерна и увѣренно устраняетъ всѣ опасности, грозившія погибелью Швеціи. Когда же Христина изъ-за каприза оставляетъ престолъ и вѣру отцовъ своихъ, является опять героическая личность Карла X, изображеніе котораго у Топеліуса напоминаетъ какихъ-то легендарныхъ героевъ,—рыцарей „Круглаго Стола“ или „Пѣсни о Роландѣ“. Далѣе, передъ нами проходятъ фигуры Карла XI, „послѣдняго рыцаря“ Карла XII и изящнаго, обольстительнаго Густава III, въ лицѣ котораго поэтъ видитъ воплощеніе „золотого вѣка“ шведской исторіи. На фонѣ историческихъ событій разыгрывается своеобразная романтическая фабула, полная самыхъ неожиданныхъ приключеній, за которою мы, однако, слѣдить не станемъ, такъ какъ для современнаго читателя она представляетъ лишь относительный интересъ.

Гораздо важнѣе была дѣятельность Топеліуса, какъ писателя для дѣтей. Это писательство было самымъ любимымъ его занятіемъ; онъ самъ говорилъ, что считаетъ высшимъ своимъ призваніемъ „бесѣдовать съ избранниками Божіими, съ тѣми, кому принадлежитъ царствіе небесное“. Его дѣтскія сказки смѣло можно поставить на ряду съ безсмертными сказками Андерсена.

Правда, у него нѣтъ такой богатой фантазіи, веселаго юмора и такого глубокаго чувства, какими проникнуты созданія датскаго сказочника; Топеліусъ только улыбается тамъ, гдѣ Андерсенъ хохочетъ, только вздыхаетъ тамъ, гдѣ Андерсенъ выплакиваетъ все свое сердце; финляндскій сказочникъ пишетъ не для забавы, а ради поученія; его гномы и эльфы—не столько духи, сколько отвлеченныя понятія, и вообще его сказки—не столько сказки, сколько нравоучительныя разсужденія; но разсужденія эти забавны, поэтичны, нѣжны и доставляютъ маленькимъ читателямъ истинное наслажденіе. Топеліусъ въ дѣтскомъ кругу пользовался такой широкой популярностью, какой Андерсенъ никогда не достигалъ; надо замѣтить, что онъ всегда очень любилъ дѣтей,—чего нельзя сказать объ Андерсенѣ,—и дѣти это чувствовали, и платили ему тѣмъ же. Значительная доля его огромной переписки заключаетъ въ себѣ переписку съ дѣтьми.

Іонаѳанъ Рейтэръ во многомъ похожъ на Топеліуса, хотя и не обладаетъ его поэтическимъ талантомъ. Но зато, какъ представитель поколѣнія гораздо болѣе молодого, онъ гораздо ближе къ нашему времени. Онъ родился въ 1859 г. въ семьѣ пастора въ приморскомъ городкѣ Экенэсѣ, провелъ всю молодость въ шхерахъ и теперь еще проводитъ все свое свободное время въ маленькомъ домикѣ на берегу моря, въ постоянномъ общеніи съ рыбаками. Родственная связь съ духовенствомъ (мать его была также дочь пастора) и впечатлѣнія окружавшей его съ дѣтства природы отразились и въ его произведеніяхъ: мы видимъ въ нихъ глубокое религіозное чувство и горячую любовь къ природѣ, въ особенности—къ морю и къ его труженикамъ. Религіозное настроеніе поэта выражается, между прочимъ, въ его нѣсколько тенденціозныхъ разсказахъ объ обращеніи невѣрующихъ и въ рѣзкихъ нападкахъ на современныя матеріалистическія идеи. Господствующимъ мотивомъ лирики Іонаѳана Рейтэра является радость бытія: онъ любитъ свѣтъ, солнце, веселье: „Какъ хорошо, что на землѣ такъ много солнечнаго свѣта"! — восклицаетъ онъ въ одномъ изъ своихъ стихотвореній. У него нерѣдко можно найти веселые юмористическіе разсказы; но при этомъ онъ далеко не безусловный оптимистъ: онъ знаетъ, что „средь лѣтняго веселья вторгается къ намъ скорбь, и смерть неумолимо свои уноситъ жертвы"; онъ умѣетъ рисовать и мрачныя картины изъ близко знакомаго ему быта финскихъ рыбаковъ. Но высшимъ утѣшеніемъ и удовлетвореніемъ въ жизни является для него трудъ, которому онъ и посвящаетъ восторженные гимны, восхваляя, вмѣстѣ съ тѣмъ, мужество, выносливость и неустраши-

мость въ тяжелой борьбѣ человѣка за существованіе. Способность къ самоотверженію во имя долга также находитъ въ немъ своего пѣвца. Въ стихотвореніи „Жизнь велитъ“ крестьянинъ жертвуетъ своей величайшей радостью—цвѣтущимъ кустомъ, въ которомъ всегда пѣли соловьи,—для того, чтобы дать солнечнымъ лучамъ доступъ къ полю: каждымъ ударомъ топора онъ наноситъ тяжкую рану своей душѣ, уничтожаетъ радость своей жизни, но зато открываетъ свое поле солнцу...

Жизнь на берегу вольнаго моря сдѣлала Рейтэра восторженнымъ поклонникомъ и пѣвцомъ свободы,—но свободы въ томъ общемъ, отвлеченномъ значеніи, въ какомъ понимаютъ ее обыкновенно идеалисты-юноши. Литературная же его заслуга заключается не въ этихъ гимнахъ отвлеченной идеѣ, а въ живописныхъ, богатыхъ яркими, живыми красками описаніяхъ природы, въ особенности—моря. Природа для него—великая цѣлительница отъ всѣхъ ранъ, получаемыхъ въ житейской борьбѣ. „Отъ брани, отъ шумнаго спора, отъ пошлыхъ житейскихъ тревогъ“, отъ общественныхъ условностей и предразсудковъ онъ бѣжитъ на лоно природы—и въ собственномъ сердцѣ создаетъ свой особый, свободный и привлекательный міръ... По характеру своего дарованія Іонаѳанъ Рейтэръ является однимъ изъ послѣднихъ представителей поэтическаго романтизма. Поэты позднѣйшаго поколѣнія—всѣ безъ исключенія реалисты, пѣвцы дѣйствительности, или психологи въ современномъ, научномъ смыслѣ слова, далекіе отъ того восторженнаго идеализма, какимъ проникнута романтическая лирика Іонаѳана Рейтэра.

Самымъ замѣчательнымъ изъ этихъ новыхъ лириковъ, и вообще самымъ выдающимся представителемъ шведско-финской поэзіи является Карлъ Тавастшерна (1860—98). Въ 1883 г. вышелъ въ свѣтъ первый сборникъ его стихотвореній, подъ заглавіемъ: „För Morgonbris“ (Передъ утреннимъ вѣтеркомъ“) и сразу обратилъ общее вниманіе на молодого автора. Это были юношески-свѣжія стихотворенія, не вполнѣ выдержанныя по формѣ, но проникнутыя зато непосредственнымъ чувствомъ и поражающія живостью красокъ. Многія изъ нихъ, дѣйствительно, были написаны на морскомъ берегу, въ шхерахъ, гдѣ молодой поэтъ гостилъ у одного своего пріятеля; нѣкоторыя еще раньше появились въ печати, безъ подписи, въ журналѣ „Finsk Tidskrift“. Поэтъ передаетъ здѣсь свои „юныя мысли“, исповѣдуется въ своихъ „юныхъ чувствахъ“ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, обнаруживаетъ склонность къ довольно ѣдкой сатирѣ.

Нѣсколько лѣтъ спустя, въ 1886 г., появилось другое его

произведеніе, на этотъ разъ въ прозѣ: это былъ романъ, содержаніе котораго было взято изъ собственной жизни автора, изъ его собственныхъ юношескихъ впечатлѣній. Въ этомъ новомъ произведеніи опять говорилось о молодежи, объ ея жизнерадостныхъ чувствахъ и восторженныхъ стремленіяхъ, но говорилось также и объ ея легкомысліи, о скоро наступающемъ горькомъ разочарованіи, о томъ, какъ люди хоронятъ сами себя, примиряясь съ безрадостной судьбой... Романъ этотъ называется „Друзья дѣтства“ или „Судьба времени“. Здѣсь авторъ даетъ правдивое изображеніе жизни финской молодежи, выроставшей въ эпоху сильнѣйшаго національнаго подъема, когда юноши носились съ идеальными представленіями о свободѣ и смотрѣли на жизнь сквозь призму романтическаго міросозерцанія, когда они свято вѣровали въ прогрессъ культуры, въ право личности на свободное развитіе, и горячо разсуждали о своихъ великихъ задачахъ въ житейской борьбѣ... Но суровый опытъ жизни скоро разбиваетъ эти молодыя иллюзіи, и онѣ уступаютъ мѣсто горькимъ сомнѣніямъ, разочарованію и покорности своей судьбѣ...

Этими произведеніями, да еще небольшимъ сборникомъ „Новыхъ стихотвореній“, въ которомъ, между прочимъ, находится циклъ картинокъ „Изъ дѣтскихъ лѣтъ“, Тавастшерна пріобрѣлъ громкое литературное имя у себя на родинѣ. Первоначально онъ вовсе и не мечталъ о литературной карьерѣ: сынъ генералъ-майора русской службы, онъ провелъ дѣтство въ отцовскомъ имѣніи „Аннила“ близь Ст.-Михеля, потомъ поступилъ въ гельсингфорскій политехническій институтъ и въ 1883 г., окончивъ курсъ съ званіемъ архитектора, отправился въ Парижъ для усовершенствованія въ своемъ искусствѣ. Но какъ разъ передъ отъѣздомъ онъ издалъ названный выше сборникъ стихотвореній „Передъ утреннимъ вѣтеркомъ“. Успѣхъ этой книжки побудилъ его всецѣло отдаться литературной дѣятельности и во время своихъ многолѣтнихъ странствованій по Европѣ онъ написалъ цѣлый рядъ драмъ, романовъ, повѣстей и стихотвореній. Но, несмотря на это разнообразіе своихъ произведеній, Тавастшерна, по сущности своего таланта, вездѣ остается лирикомъ; все его творчество отличается чисто-субъективнымъ характеромъ; вездѣ онъ является рядомъ съ своими дѣйствующими лицами въ роли насмѣшливаго, сострадательнаго или негодующаго наблюдателя жизни, или отдаетъ эту роль кому-нибудь изъ своихъ героевъ, который, такимъ образомъ, служитъ воплощеніемъ идей автора. Его романы представляютъ, по большей части, рядъ отдѣльныхъ картинъ, изображающихъ различныя настроенія и иногда дости-

гающихъ значительной лирической силы. Лучшимъ изъ нихъ является послѣдній по времени сочиненія: „Господство женщинъ“. Его небольшія повѣсти и нравоописательные очерки отличаются мастерствомъ изложенія и представляютъ большой психологическій интересъ.

Поэзія Тавастшерны отличается какою-то странною раздвоенностью: онъ любитъ антитезы въ изображеніи характеровъ, и мы повсюду видимъ у него дуализмъ, иногда въ одномъ и томъ же лицѣ, иногда въ различныхъ лицахъ. Критика видитъ въ этомъ результатъ собственной двойственности поэта, который хотѣлъ самъ себѣ уяснить эту загадочную для него черту своей натуры. Въ своемъ романѣ „Туземецъ“ онъ изображаетъ типъ тяжеловѣснаго, неповоротливаго человѣка, погруженнаго въ свои мысли, упрямаго, подчасъ даже грубаго, но способнаго глубоко чувствовать и, при своей душевной замкнутости, склоннаго къ самоуглубленію. Въ этомъ типѣ есть черты характера самого Тавастшерны: шведъ по воспитанію и по языку, онъ былъ настоящимъ финномъ, „тавастомъ“, представителемъ „сердца Финляндіи“, которую онъ глубоко любилъ и понималъ. Грустное, меланхолическое настроеніе выражается, напримѣръ, въ его стихотвореніи: „Все вокругъ меня такъ тихо“:

Жатва кончена, и съ поля
Осень гонитъ лѣто прочь.
Все вокругъ меня такъ тихо,
Словно даже эхо скрылось
Изъ разсѣлинъ мрачныхъ горъ.

Пріумолкла вереница
Пѣсенъ радостныхъ моихъ.
Все вокругъ меня такъ тихо,
Словно ангелы неслышно
Въ темной комнатѣ прошли.

Пусто все... Не слышно смѣха...
Всѣ разсѣялись друзья...
Все вокругъ меня такъ тихо,
Что тяжелый вздохъ мой ясно
Въ мертвой слышенъ тишинѣ.

И на свѣтъ выходятъ думы,
Задремавшія давно...
Все вокругъ меня такъ тихо,
Что я слышу, какъ тихонько
Смерть въ мою стучится дверь...

Изо всѣхъ угловъ собрались
Даже дѣтскія мечты...

Все вокругъ меня такъ тихо,
Что кричу я отъ испуга,
Какъ ребенокъ мать зову.

Но отецъ и мать—въ могилѣ...
И мечты проснулись вновь.
Все вокругъ меня такъ тихо,
Что, во власть отдавшись думамъ,
Никнетъ долу голова...

Думы, полныя печали,
Такъ мнѣ дороги теперь!
Все вокругъ меня такъ тихо,
Что мечты меня лелѣютъ,
Навѣвая чудный сонъ...

Съ ними я живу, печалюсь
И смѣюсь—не надо словъ!
Все вокругъ меня такъ тихо,
Точно въ тѣсной, темной кельѣ,
Гдѣ неслышно замираетъ
Догорающая жизнь...

Съ другой стороны, тотъ же Тавастшерна является передъ нами изящнымъ рыцаремъ, ловкимъ и опытнымъ свѣтскимъ человѣкомъ, свободнымъ отъ предразсудковъ космополитомъ, который стоитъ на высотѣ современной европейской культуры и, несмотря на всю свою любовь къ родинѣ и сочувствіе къ народу, ясно видитъ всѣ его недостатки и слабости,—человѣкомъ, въ душѣ котораго горькимъ чувствомъ отзываются всѣ эти громкіе споры изъ-за мелочей жизни, раздоры и ненависть, порождаемые ничтожными причинами. Онъ сознаетъ и чувствуетъ, что въ мірѣ есть нѣчто болѣе высокое, чѣмъ національная идея, а именно—идея любви къ человѣчеству и всеобщаго братства, къ которой онъ не разъ возвращается въ своихъ произведеніяхъ, видя въ ней животворное начало грядущаго вѣка... Онъ направляетъ жало своей ядовитой сатиры противъ узкой повседневной морали и противъ ходячихъ понятій о правдѣ и справедливости; лицемѣрному правосудію современнаго общества онъ противопоставляетъ братскую общечеловѣческую любовь, которая должна упразднить все нынѣшнее правосудіе. Въ одномъ изъ своихъ стихотвореній онъ говоритъ:

Когда-то принесла, отчизна-мать,
Своихъ сыновъ на жертву ты народу;
Теперь съ восторгомъ ты должна отдать
Ихъ въ жертву—человѣческому роду!

а въ другомъ стихотвореніи находимъ слѣдующія строки:

Настанетъ время,—кончится борьба!
Весь этотъ споръ племенъ и ихъ судьба
Теперь меня нимало не смущаетъ:
Всемірный трудъ и братство всѣхъ людей
Могучей силой творческихъ идей
Міръ новый изъ развалинъ созидаетъ!

Въ романѣ „Господство женщинъ“ онъ рѣзко нападаетъ на національное самообольщеніе и на тѣхъ неразумныхъ идеалистовъ, которые мечтаютъ о „народѣ“, нисколько его не зная, и съ негодованіемъ отвертываются отъ него, когда оказывается, что онъ не отвѣчаетъ ихъ романтическимъ представленіямъ, подобно герою романа „Человѣческая доля“ Арвида Эрнефельта, который „хочетъ дать народу только то, что самъ считаетъ для него полезнымъ, не вдаваясь въ разслѣдованіе того, что народу нужно“. При такомъ образѣ мыслей, Тавастшерна всегда чувствовалъ, что у себя на родинѣ, въ Финляндіи, ему не по себѣ, что тамъ ему слишкомъ тѣсно, слишкомъ мало простора его мыслямъ, которыя какъ мухи, запертыя въ комнатѣ, бьются въ стекла, пытаясь вырваться на волю. Вотъ его характерное стихотвореніе:

ЖУЖЖАНЬЕ МУХЪ.

Мы—мухи! Въ оконныя стекла мы бьемся:
Вѣдь есть у насъ крылья! Мы вдаль унесемся!
Летимъ напроломъ! Коль одна упадетъ,—
Другая къ свободѣ дорогу найдетъ!

Тамъ родина наша, гдѣ чистое поле,
Гдѣ вѣтеръ насъ носитъ, лаская, на волѣ..
Такъ смѣло ударимся въ стекла, сильнѣй!
Тѣмъ ближе побѣда, чѣмъ натискъ дружнѣй!

А мухи другія—въ столовой укрылись
И къ кушаньямъ жадной толпой прилѣпились:
Винцо попиваютъ и сахаръ ѣдятъ,
И скатерть мараютъ, и родъ свой плодятъ...

Вкругъ сладкаго блюда имъ весело виться!
А мы—хоть умремъ—до конца будемъ биться:
Безъ солнца, безъ воли мы жить не хотимъ!
Ударимъ дружнѣе,—скорѣй улетимъ!

Другое, не менѣе характерное стихотвореніе находимъ въ сборникѣ 1896 года. Здѣсь поэтъ изображаетъ себя пловцомъ:

Домой—подъ холоднымъ осеннимъ дождемъ,
Домой—среди ночи угрюмой, домой—

По черным и грознымъ волнамъ,
Навстрѣчу теченью и вѣтру,
Свой челнъ я направилъ, какъ будто во снѣ,
И бурныя волны меня не разбудятъ!

Но поэтъ долженъ плыть „подъ вольнымъ парусомъ", потому что на него косились въ то время, когда онъ плавалъ въ красивой лодочкѣ, на шлюпочкѣ для хорошей погоды, и не принимали его въ парусный клубъ за то, что у него, будто бы, нѣтъ „самообладанія", что онъ „не любитъ своей родины и своей колыбели", „не питаетъ почтенія къ уставу клуба и отцовскимъ традиціямъ". Тогда онъ перестроилъ свою шлюпку, такъ что она стала на половину увеселительнымъ, а на половину серьезнымъ паруснымъ судномъ; но послѣ этого надъ нимъ стали смѣяться „вольные парусники". А потому онъ не желаетъ возвращаться въ отцовскій домъ „блуднымъ сыномъ" и предпочитаетъ оставаться „вѣчнымъ жидомъ": его путь ведетъ „въ дальнюю страну"; онъ не годится для мирнаго семейнаго круга; онъ видитъ такія вещи и слышитъ такіе звуки, которыхъ не вѣдаетъ его отецъ...

Это негодованіе на узкость и ограниченность отечественнаго кругозора съ особенной силой ядовитой ироніи и возвышеннаго гнѣва сказалось въ послѣднемъ произведеніи Тавастшерны,—въ обширномъ сборникѣ пѣсенъ подъ заглавіемъ „Лауреатъ". Эти пѣсни заключаютъ въ себѣ поэтическую исторію страданій поэта, который, въ концѣ концовъ, удаляется „въ страну грезъ": критика уничтожаетъ его, общество преслѣдуетъ его клеветой и гоненіями за его „безпутную жизнь"... Сначала, „ради куска хлѣба", онъ дѣлается „поэтомъ для толпы", и публика превозноситъ его; затѣмъ онъ становится „газетнымъ писателемъ",—какимъ и въ самомъ дѣлѣ былъ Тавастшерна въ послѣдніе годы жизни въ своемъ родномъ городѣ Бьернеборгѣ,—и эта жизненность темы придаетъ его сатирѣ особенную, разрушительную силу гнѣвнаго паѳоса... Бракъ „лауреата" съ его „ангеломъ-хранителемъ" Анной разстроивается, поэтъ отказывается отъ любовныхъ мыслей и возносится къ небу, „въ прозрачную синеву" поэтической сферы, гдѣ апрѣль очаровываетъ его дуновеніемъ весны, такъ что онъ горстями сыплетъ на землю „дукаты пѣсенъ золотыхъ". Но вскорѣ онъ пробуждается отъ этого очарованнаго сна и погружается въ унылое раздумье. Тогда на него ниспадаетъ вѣнокъ изъ мака; онъ переносится въ страну сновидѣній и видитъ себя царемъ, передъ которымъ склоняются всѣ его враги, а онъ имъ великодушно прощаетъ. Эти пѣсни

о сновидѣніяхъ принадлежатъ къ числу самыхъ лучшихъ стихотвореній Тавастшерны, поражающихъ поэтическимъ одушевленіемъ и богатствомъ фантазіи; онѣ отличаются также удивительнымъ совершенствомъ техники и выразительностью языка.

Но, несмотря на склонность поэта къ полемико-сатирическому направленію, онъ, въ сущности, вовсе не былъ поэтомъ тенденціознымъ: онъ интересовался человѣческой личностью прежде всего — какъ предметомъ для изученія и художественнаго воспроизведенія, но мнѣніе его о нравственныхъ качествахъ этой личности было очень невысоко: онъ не вѣрилъ въ „сильныя“ страсти, въ „глубокія“ чувства, подъ которыми ему видѣлось не больше, какъ упрямство или привычка; точно такъ же, какъ многія дѣйствія, повидимому безкорыстныя, представлялись ему результатомъ самолюбія или тщеславія. Многія современныя идеи также вызывали со стороны поэта скептическое отношеніе къ себѣ: въ драмѣ „Дѣловые люди“ онъ старается показать, что одушевленіе тѣми или иными политическими планами нерѣдко имѣетъ своимъ источникомъ только эгоизмъ или жажду извѣстности, а въ романѣ „Господство женщинъ“ рисуетъ увлеченіе „народничествомъ“ какъ mot d'ordre извѣстной партіи, въ которомъ участіе сердца не имѣетъ почти никакого значенія.

Гораздо проще изображаетъ онъ женскіе типы. Это, по большей части, существа безъ высшихъ стремленій, но сердечныя, любящія, готовыя на самопожертвованіе ради любимаго человѣка. Его идеаломъ является женщина съ твердымъ характеромъ и сильной волей; она не порхаетъ съ бала на балъ, заглядываясь на перваго встрѣчнаго, но крѣпко держится однажды сдѣланнаго выбора, не разыгрываетъ изъ себя глупой невинности, а смѣло и открыто наслаждается короткимъ „маемъ счастья“; когда же онъ пройдетъ,—спокойно и увѣренно дѣлитъ она съ своимъ избранникомъ остальное время жизни. Ему противна всякая „эмансипація“, потому что она уничтожаетъ женственность и обращаетъ жизнь женщины въ безпрерывную борьбу, въ которой всѣ средства считаются дозволенными. Точно такъ же высказывается онъ и противъ той нравственной равноправности половъ, которой такъ горячо требуетъ Бьернсонъ. На эту тему имъ написана драматическая пародія въ одномъ дѣйствіи, подъ заглавіемъ „Женщина эманципируется“, въ которой онъ хотѣлъ показать, что фанатическія защитницы женскихъ правъ причиняютъ окружающимъ одно только зло. Въ другой своей комедіи „Пиретъ“ (женское имя) онъ показываетъ, какъ опасно относиться къ дѣвушкѣ-подростку какъ къ малому ре-

бенку. Пиретъ принимаетъ въ серьезъ шутливое ухаживанье жениха своей сестры и, такимъ образомъ, испытываетъ горькое разочарованіе въ первой своей любви. Третья комедія Тавастшерны—„Смѣлый опытъ"—является подражаніемъ Стринбергу: здѣсь женихъ желаетъ испытать вѣрность своей невѣсты и проситъ своего пріятеля постараться влюбить ее въ себя. Въ видѣ послѣдняго вывода, невѣста говоритъ жениху: „Нельзя производить опытовъ съ женщиной, если ее любишь".

Кромѣ этихъ небольшихъ пьесъ, Тавастшерна написалъ еще большую комедію „Дѣловые люди" („Affärer"), представленную съ громкимъ успѣхомъ на гельсингфорскомъ театрѣ въ 1890 г. Это—злая, ожесточенная сатира на финляндское интеллигентное общество и на его политическія стремленія, а также на легкомысліе и продажность видныхъ общественныхъ дѣятелей.

Но самой замѣчательной изъ пьесъ Тавастшерны является передѣланная имъ изъ своего же романа „Тяжелыя времена" крестьянская трагедія „Дворъ Урамо" (Uramo-torp), также представленная, въ началѣ 90-хъ годовъ, въ Гельсингфорсѣ, въ переводѣ на финскій языкъ. Предметомъ этой трагедіи служитъ борьба фанатическаго чувства справедливости съ эгоистическимъ легкомысліемъ,—борьба, разрѣшаемая съ помощью благодѣтельной и всепрощающей любви. Вмѣстѣ съ тѣмъ, это широкая картина общественной жизни, раскрывающая трагическія послѣдствія безнравственности высшихъ классовъ общества и ея развращающее вліяніе на простой народъ. Въ лицѣ двухъ земледѣльцевъ авторъ представилъ здѣсь два главные типа финскаго племени: „спокойнаго, трудолюбиваго, довольствующагося немногимъ и неодолимо упрямаго таваста Лехтимаа и ловкаго, продувного, честолюбиваго, но беззаботнаго и легкомысленнаго остерботнійца—Карла Пихля, а также далъ превосходное изображеніе характера деревенской прелестницы. Представителями высшаго класса въ пьесѣ являются легкомысленный свѣтскій жуиръ и благородная дѣвушка, полная альтруистическихъ чувствъ.

Тавастшерна умеръ въ 1898 г., всего 38-ми лѣтъ, и въ его лицѣ Финляндія потеряла одного изъ самыхъ выдающихся своихъ поэтовъ, много сдѣлавшаго для литературы и еще больше обѣщавшаго ей...

Другимъ даровитымъ лирическимъ поэтомъ и новеллистомъ, пишущимъ, такъ же, какъ и Тавастшерна, на шведскомъ языкѣ, является Микаэль Любекъ (р. 1864). Онъ происходитъ изъ очень интеллигентной и просвѣщенной семьи и получилъ всестороннее образованіе въ Гельсингфорсѣ и въ германскихъ университетахъ,

объѣхалъ почти всю Европу и пріобрѣлъ весьма основательныя литературныя познанія. Одною изъ главныхъ особенностей его писательскаго таланта надо признать его слогъ, замѣчательный своей удивительной сжатостью и въ то же время—силой и опредѣленностью въ передачѣ всѣхъ оттѣнковъ душевныхъ настроеній. Онъ чрезвычайно скупъ на слова, но умѣетъ выбирать ихъ такъ, что они всегда производятъ должное впечатлѣніе. Этотъ лаконизмъ ведетъ къ тому, что всѣ произведенія Любека необыкновенно коротки: его такъ и прозвали „поэтомъ маленькихъ книжечекъ". При этомъ онъ обладаетъ тонкою наблюдательностью и умѣньемъ немногими чертами рисовать яркія картины природы и человѣческой жизни и опредѣлять сущность того или иного характера. Въ видѣ примѣра можно привести слѣдующее признаніе молодой дѣвушки изъ разсказа „Мозаичная работа":

„Я также хотѣла бы имѣть право поступать смѣло, безъ необходимости раскаяваться въ этой смѣлости, когда и сердце, и разсудокъ говорятъ мнѣ, что природа никогда, никогда не ошибается. Мы, дѣвушки, можемъ испытывать дивную, бурную радость,—даже до слезъ,—но въ то же время и страдаемъ отъ тягостной чувствительности въ отношеніи къ другимъ людямъ. Мужчина для насъ—двойственная личность: какимъ *мы* его видимъ и слышимъ, это—одно, а каковъ онъ *на самомъ дѣлѣ*, это—другое. Когда онъ слишкомъ приближается къ намъ или къ другимъ,—мы стараемся съ помощью своего бѣднаго опыта защищать его слова и поступки; но это мучитъ насъ горько и долго,—до тѣхъ поръ, пока фантазія снова не окружитъ его блестящимъ ореоломъ. Непорочность, которая въ темнотѣ и одиночествѣ краснѣетъ за свою радость и стыдится мыслей о будущемъ, упорствуя въ себѣ, медленно, но охотно уступаетъ счастливому самопожертвованію,—и самая непорочная изъ насъ становится самой откровенной"...

Любекъ прекрасно владѣетъ также и юморомъ, который у него принимаетъ самые разнообразные оттѣнки, — отъ тонкой, чуть не нѣжной ироніи до сокрушительной, ядовитой сатиры. Вообще, юмористическое настроеніе преобладаетъ въ его произведеніяхъ и чаще всего принимаетъ оттѣнокъ горькаго разочарованія жизнью. Любекъ написалъ много лирическихъ стихотвореній на любовныя темы; въ своихъ прозаическихъ разсказахъ онъ также чаще всего говоритъ о любви; но и любовь въ его изображеніи, несмотря на всю нѣжность и изящество, дышетъ какою-то усталостью и разочарованной покорностью судьбѣ. Даже

тамъ, гдѣ онъ изображаетъ побѣду любви, его герой обращается къ своей возлюбленной съ такими словами:

„Не подумай, что я жду отвѣта *теперь* или въ скоромъ будущемъ. Обдумай свое рѣшеніе хорошенько, чтобы опять не поторопиться. Быть можетъ, ты чувствуешь влеченіе къ „Неизвѣстному“: вѣдь не даромъ же говорила ты, что ты не знаешь своего стараго товарища. Наблюдай меня и суди строго, если желаешь, только не забывай справедливости... и не будь неестественной! И если ты, наконецъ, придешь къ мысли, что ты можешь рѣшиться на этотъ шагъ,—скажи мнѣ это откровенно, по старой нашей дружбѣ; я постараюсь не прыгать отъ радости, а только поцѣлую тоненькія синія жилки твоей руки и тихонько скажу тебѣ, что это съ твоей стороны—отважный поступокъ!“

Въ другомъ его разсказѣ дѣвушка, послѣ горькаго разочарованія въ любви, приходитъ къ заключенію, что „въ трудѣ—единственная надежная опора для слишкомъ пылкой юности: съ этой опорой мы не потеряемся, каково бы ни было будущее!“

Эта разочарованность, эта усталость души сказывается не только въ новеллахъ Любека на любовныя темы, но и во многихъ другихъ его произведеніяхъ. Особенно характерными въ этомъ смыслѣ являются его стихотворенія: „Гдѣ ты, матушка?“ и „Прощаніе“. Въ первомъ изъ нихъ онъ признаетъ, что въ мірѣ все—обманъ; онъ хотѣлъ бы смотрѣть на міръ сквозь блестящую призму своей фантазіи, но мать плачетъ, и онъ не въ силахъ предаваться мечтаніямъ:

Я помню степь въ краю родномъ,
И елку надъ водой,
Старинный прадѣдовскій домъ,
Дорогу въ лѣсъ глухой.

Я помню милыя черты
Любимаго отца,
Я помню дѣтскія мечты
О счастьѣ безъ конца...

Я помню, какъ печаленъ былъ
Взоръ матери моей,—
Какъ приговоръ врача разбилъ
Всю радость дѣтскихъ дней...

Тогда горячею слезой
Мой взоръ отравленъ былъ:
Терпѣнью учитъ опытъ злой
И гаситъ сердца пылъ!

Я не ропщу, друзья,—о, нѣтъ!
Смѣялись вы со мной,—
Такъ помолитесь, чтобы свѣтъ
Разсѣялъ мракъ ночной!

. . . .

Мечтатель! Что за дѣло вамъ
До участи моей?
Невзгоду прогоню я самъ
Фантазіей своей:

Вотъ, предо мною опять явился
Родной пріютъ,
Лужокъ цвѣтущій, гдѣ я рѣзвился,
И лѣсъ, и прудъ...
Въ лучахъ заката волна сверкаетъ
И ель горитъ,
Лѣсныя пташки кругомъ порхаютъ,—
Ихъ трель звенитъ...
Вотъ берегъ тихій... Вдали стремится
Къ нему ладья...
И вновь я вижу родныя лица...
О, мать моя!

. . . .

Что это? Плачешь ты? Развѣ не твой
Образъ явился теперь предо мной?
Матушка! матушка! гдѣ же ты?
Гдѣ вы, мечты?..

Дѣйствительность неумолимо призываетъ его къ себѣ,—и его „Прощаніе“ звучитъ воплемъ изстрадавшагося человѣка:

Спасибо за привѣтъ сердечный
Въ тяжелый часъ.

Предъ нами—разные пути:
Намъ рядомъ больше не идти.
Здѣсь, на землѣ, ничто не вѣчно;
Нѣтъ вѣчнаго и въ насъ.

„Итакъ,—нѣтъ общаго межъ нами?
„Ужель онъ видитъ новый свѣтъ?
„Не вѣритъ нашей онъ святынѣ,
„Въ его жъ боговъ у насъ и нынѣ,
„Какъ прежде, также вѣры нѣтъ.
„Своихъ друзей онъ избѣгаетъ,
„Которыхъ прежде такъ любилъ,
„Ученьямъ нашимъ не внимаетъ,
„Молитвы наши отвергаетъ,
„Свое онъ сердце отравилъ!

„Господь! безумца просвѣти!
„Дай правый путь ему найти!"

Спасибо за привѣтъ сердечный
Въ тяжелый часъ.

О патріотизмѣ Любека мы уже говорили выше и привели его стихотвореніе „Скорбный годъ". Отъ искусства онъ требуетъ, чтобы оно оставило чужіе сюжеты и обратилось къ своимъ роднымъ. Но въ другихъ отношеніяхъ онъ является приверженцемъ новѣйшаго философскаго міросозерцанія. Въ разсказѣ „Мозаичная работа" онъ формулируетъ свои пантеистическіе взгляды слѣдующимъ образомъ:

„Звѣздная ночь въ полѣ всякій разъ напоминаетъ мнѣ великій законъ безконечности; но я не падаю въ прахъ: я съ гордостью прислушиваюсь къ этой ночи, ибо мое исчезающее существо есть часть великаго цѣлаго. Смерть груба, какъ всякая грубая сила; но, не взирая на мысль объ ея неизбѣжности, я не боюсь ея. Единство первобытныхъ силъ, жизнь,—вотъ источникъ истины, вотъ мой Богъ. Въ мірѣ есть только одна основная религія,—религія любви. Это—моя вѣра".

Во многихъ своихъ произведеніяхъ Микаэль Любекъ является выразителемъ мистическихъ и символическихъ идей, и притомъ—обыкновенно въ неясной, импрессіонистской формѣ, на манеръ современныхъ декадентовъ и вообще любителей таинственнаго и недосказаннаго. Эти произведенія молодого поэта, однако, повидимому, не пользуются особенною популярностью на его родинѣ: авторитетный финскій журналъ „Valvoja" („Наблюдатель") говоритъ, что Любекъ имѣетъ гораздо больше читателей въ Швеціи, чѣмъ въ Финляндіи...

Среди современныхъ финляндскихъ романистовъ, пишущихъ на шведскомъ языкѣ, видное мѣсто занимаетъ Якобъ Аренбергъ. Его произведенія замѣчательны не столько своими художественными достоинствами, сколько изображеніемъ современной финской культуры и особенностей умственной жизни образованнаго класса и народа въ Финляндіи. Это—романистъ-проповѣдникъ, пользующійся литературой для пропаганды своихъ излюбленныхъ идей,—политическихъ, національныхъ и религіозныхъ; оттого въ его романахъ постоянно встрѣчаются отступленія и теоретическія разсужденія по разнымъ вопросамъ, болѣе или менѣе близко соприкасающимся съ „злобой дня", напр., — о значеніи національности, о борьбѣ между финскимъ и шведскимъ языками, о необходимости смотрѣть на религію какъ на важнѣйшее на-

ціональное дѣло, о хищническомъ истребленіи лѣсовъ въ Финляндіи, о развитіи духа спекуляціи и о погонѣ крестьянскаго населенія за образованіемъ, которое отбиваетъ крестьянъ отъ ихъ естественной среды, и пр. Аренбергъ является, между прочимъ, рѣшительнымъ противникомъ нѣкоторыхъ современныхъ идей, напр., равноправности женщинъ. Онъ выступаетъ съ проповѣдью государственной и общественной борьбы съ бѣдностью, а рабочему сословію рекомендуетъ самопомощь въ видѣ трезвости, бережливости, учрежденія сберегательныхъ, похоронныхъ и т. п. кассъ и пр. Вообще онъ не любитъ „модныхъ“ воззрѣній и широкихъ преобразовательныхъ плановъ и высказывается въ пользу средствъ хотя и старыхъ, но зато испытанныхъ.

Своимъ отвлеченнымъ взглядамъ и теоріямъ Аренбергъ старается дать реальное художественное воплощеніе въ характерныхъ фигурахъ и типахъ, которые являются дѣйствующими лицами его романовъ и повѣстей. Типы эти, по большей части, создаются имъ нѣсколько искусственно, по заданной программѣ; но въ нихъ, все-таки, видно знаніе человѣческой натуры и большая наблюдательность. Но въ особенности цѣнны его произведенія изображеніемъ различныхъ сторонъ финляндской культуры. Такъ, напр., въ одномъ изъ его романовъ мы находимъ интересныя подробности о жизни дровосѣковъ и плотовщиковъ,—представителей промысла, имѣющаго въ Финляндіи очень существенное значеніе.

„Житье дровосѣка въ дремучемъ лѣсу—собачье житье. Чуть свѣтъ, на морозѣ, едва не утопая въ снѣгу, онъ рубитъ сосны, очищаетъ вѣтви и съ помощью маленькихъ, лохматыхъ лошаденокъ тащитъ бревно на берегъ рѣки. Снѣгъ засыпаетъ людей и лошадей, руки мерзнутъ, а по всему тѣлу струится потъ отъ тяжелой работы. Кусокъ хлѣба или холодной рыбы, да чашка горячаго кофе—вотъ все, чѣмъ они питаются; впрочемъ, если среди рабочихъ окажется случайно бывшій кухонный мужикъ или солдатъ, то они стряпаютъ себѣ и горячую похлебку. Вечеромъ всѣхъ лошадей привязываютъ подъ самую высокую елку, гдѣ онѣ жмутся одна къ другой и другъ друга согрѣваютъ, а рабочіе идутъ на ночлегъ.

„Мѣстомъ ночлега служитъ шалашъ изъ трехъ стѣнъ и непромокаемой крыши. Въ этомъ шалашѣ они укладываются на нары, ногами наружу,—а снаружи всю ночь горитъ костеръ, для того, чтобы отгонять дикихъ лѣсныхъ звѣрей и грѣть ноги спящимъ. Въ дождь, въ туманъ, въ метель, когда вѣтеръ свиститъ въ верхушкахъ сосенъ и морозъ усиливается до того, что

мелкія птички мертвыми падаютъ съ деревьевъ, а на небѣ полыхаетъ сѣверное сіяніе, этотъ шалашъ служитъ единственнымъ мѣстомъ, гдѣ могутъ укрыться закаленныя дѣти лѣса...

„Если имъ случится зайти далеко отъ родной деревни, то они навѣщаютъ ее не больше двухъ разъ въ мѣсяцъ, да и то только тогда, когда выпадетъ снѣгъ, и можно будетъ пройти на лыжахъ кратчайшимъ путемъ черезъ замерзшія болота и озера.

„За работой много не разговариваютъ. Почти только и слышно, что громкій окрикъ: „Сторонись!“ когда падаетъ подрубленное дерево.

„Морозы, снѣгъ, метели, короткіе, сумрачные дни, долгія холодныя ночи,—все это дровосѣкъ переноситъ равнодушно. Одно только заставляетъ его роптать, портитъ ему кровь и губительно отзывается на его здоровьѣ, это—дождь. Дождь—злѣйшій врагъ дровосѣка. Сырая осень и мокрая весна—это для него то же, что буря для рыбака или морозъ для земледѣльца: разоренье!

„Былъ уже конецъ марта. Дни становились длиннѣе, солнце утромъ и вечеромъ ярко свѣтило между почернѣвшими стволами сосенъ.

„Работа дровосѣковъ становилась труднѣе. Съ каждымъ ударомъ топора по упругому стволу мокрый снѣгъ и водяныя капли падали на головы и шеи дровосѣковъ и забирались подъ одежду. Да и рубить дерево было уже не такъ легко, какъ зимой: стволъ дѣлался вязче, эластичнѣе, и его сопротивленіе ударамъ топора было гораздо сильнѣе.

„И вотъ, въ одинъ ясный, хорошій мартовскій день, когда снѣжные кристаллы искрились на солнцѣ маленькими звѣздочками, Вейкколинъ скомандовалъ: „Шабашъ!“

„Рубка лѣса на этотъ годъ была покончена. Зима уже прошла; глубоко подъ снѣгомъ и промерзлой землей начали пробуждаться и приходить въ движеніе живыя силы, жизненные соки лѣса стали подниматься все выше и выше по тонкимъ жилочкамъ между корой и стволомъ и проникать въ клѣтки дерева. Теперь этотъ лѣсъ уже не годился на постройки, потому что его соки скоро приходятъ въ броженіе, и срубленное дерево скоро загниваетъ, не выдерживая продолжительнаго сплава по рѣкамъ и озерамъ.

„Теперь настаетъ работа сплавщикамъ. Надо спѣшить, пока не сталъ снѣгъ, чтобы успѣть вытащить всѣ срубленныя бревна изъ лѣсной чащи къ рѣкѣ, по которой они пойдутъ на лѣсопильный заводъ. Это—работа тяжелая и для людей, и для ло-

шадей. Каждое бревно надо уложить на отдѣльныя салазки такъ, чтобы оно не волочилось по снѣгу, и къ каждому бревну припрягается одна, а то и двѣ лошади,—смотря по тому, какова дорога. Цѣлый день, фыркая отъ усталости, таскають эти лошади бревна черезъ пригорки и кочки, черезъ валежникъ и ямы вонъ изъ лѣсу, гдѣ срубленныя теперь деревья росли нѣсколько столѣтій, не видя около себя ни одной человѣческой души... А когда солнце растопитъ ледъ, и рѣчки обратятся въ бурные потоки, эти мощные лѣсные великаны съ головокружительной быстротой понесутся по теченію...“

Въ томъ же романѣ „Вейкколинъ“, изъ котораго взятъ этотъ отрывокъ, Аренбергъ изображаетъ жизнь финскаго пастора:

„Отправляясь внутри страны къ какому-нибудь чиновнику,—коронному фогту, лэнсману, судьѣ, врачу,—вы уже заранѣе можете составить себѣ представленіе о томъ, какъ живетъ этотъ человѣкъ; но вы никогда не можете угадать, что̀ вы найдете въ домѣ сельскаго пастора.

„Вы можете встрѣтить такого пастора, у котораго дочки съ полнымъ знаніемъ дѣла разсуждаютъ о новѣйшемъ французскомъ романѣ, а комнаты украшены бронзовыми статуями, картинами, коврами, такъ что почетные прихожане чувствуютъ себя здѣсь какъ дома, а мужикъ останавливается у дверей, не смѣя идти дальше. Вы можете найти и такой пасторскій домъ, гдѣ дочки въ холстинковыхъ платьяхъ цѣлый день заняты на кухнѣ или въ кладовой и гдѣ единственнымъ художественнымъ украшеніемъ скромнаго жилища служитъ Распятіе или олеографическое изображеніе Божіей Матери или Лютера. Здѣсь всякаго приходящаго, кто бы онъ ни былъ, встрѣчаютъ одинаково радушно.

„Наконецъ, нерѣдко можно наткнуться и на такого пастора, который самъ вышелъ изъ крестьянъ и женатъ на крестьянкѣ; для него бѣдная студенческая комнатка является идеаломъ всяческой роскоши и комфорта,—комфорта, въ которомъ онъ самъ, собственно, не нуждается, и отъ котораго охотно отказался бы, еслибы не считалъ себя обязаннымъ его поддерживать „ради своего положенія“. Въ домѣ такого пастора вы найдете пустую комнату, съ поблекшими драценами на окнѣ, повсюду табачный дымъ, мебель различнаго вида и возраста, случайно сюда попавшую и разставленную въ случайномъ порядкѣ.

„А причина этого разнообразія въ обстановкѣ пасторскихъ домовъ заключается въ томъ, что у насъ, въ Финляндіи, нѣтъ сословія, болѣе разнороднаго по своему составу, чѣмъ пасторское. Должности пасторовъ постоянно замѣщаются все новыми и

новыми людьми, которые часто выходятъ изъ самыхъ глубокихъ слоевъ народной массы, между тѣмъ какъ чиновничьи мѣста всѣ, точно по наслѣдству, являются принадлежностью все одного и того же общественнаго класса"...

Самое выдающееся произведеніе Аренберга, имѣвшее нѣсколько лѣтъ тому назадъ огромный успѣхъ въ Финляндіи,—романъ „Семья изъ Хаапакоски", въ которомъ изображается жизнь представителей культурнаго класса въ восточной Финляндіи. А такъ какъ этотъ кругъ не особенно многочисленъ, то почти всѣ лица, его составляющія, хорошо извѣстны всѣмъ и каждому въ мѣстномъ обществѣ; оттого всѣ мѣстные читатели искали и, конечно, находили въ романѣ Аренберга портреты болѣе или менѣе выдающихся финляндскихъ дѣятелей.

Въ этомъ романѣ авторъ съ особенной полнотой и яркостью изложилъ свои основныя политическія и общественныя убѣжденія. Прежде всего, онъ требуетъ, чтобы высшій, болѣе или менѣе властный, классъ общества стоялъ на стражѣ національныхъ интересовъ и подавалъ примѣръ непоколебимой вѣрности не только стародавнимъ завѣтамъ предковъ, но и національной религіи: „Чѣмъ болѣе однородною и прочно сплоченною является масса маленькаго народа, тѣмъ больше основаній надѣяться на ея стойкость и живненность. Поэтому я признаю необходимымъ, чтобы руководящія лица примыкали къ тому вѣроисповѣданію, къ тѣмъ мыслямъ и чувствамъ, которыя наиболѣе широко распространены въ народѣ и низшихъ его слояхъ".

Такимъ образомъ, руководящіе люди должны строго блюсти лютеранскую вѣру—если не по религіознымъ мотивамъ, то по народнымъ. То же національное чувство заставляетъ Аренберга враждебно относиться ко всему чужеземному, къ раздвоенію языковъ, къ развитію промышленнаго духа, который вызываетъ погоню за наживой, въ ущербъ чувству патріотическому.

Выше уже было сказано, что Аренбергъ—принципіальный противникъ женской равноправности. Взглядъ его на это дѣло ясно выражается въ одномъ изъ его разсказовъ, гдѣ врачъ говоритъ ученой дамѣ:

„Ахъ, сударыня, теперь такъ много разсуждаютъ о женскомъ вопросѣ! А по-моему, никакого женскаго вопроса нѣтъ, а есть только вопросъ о конкурренціи, въ которой женщина пріобрѣтаетъ право на пару тысячъ марокъ годового дохода и въ то же время теряетъ сама себя. Мы, мужчины, слѣплены изъ другого тѣста, чѣмъ вы,—это правда; но я знаю также, что всѣ великія, прекрасныя и благородныя идеи, когда-либо получившія

воплощеніе въ поэзіи или музыкѣ, въ краскахъ или мраморѣ, всѣ высокія и глубокія истины, поднимавшія человѣчество на высшую ступень, внушены и вскормлены женщинами".

Онъ хочетъ сказать, что женщины не вносятъ въ такъ называемый женскій вопросъ никакого идеальнаго содержанія, а имѣютъ въ виду исключительно матеріальныя цѣли, и что, съ другой стороны, искусство и всѣ идеальныя пріобрѣтенія человѣчества подвергнутся упадку, если женщины перестанутъ быть идеальными вдохновительницами мужчины. Его отношеніе къ эманципированнымъ женщинамъ совершенно полемическое. Такъ, объ одной изъ нихъ онъ говоритъ: „Это была особа, глубоко убѣжденная въ женскихъ правахъ. На какихъ основаніяхъ и положеніяхъ она строила свои теоріи,—этого она объяснить не могла".

Не менѣе рѣшительно возстаетъ Аренбергъ и противъ того стремленія къ образованію, которое для многихъ служитъ только средствомъ къ выходу изъ своей привычной среды, — а этотъ выходъ рѣдко приводитъ къ добру. На этотъ счетъ у Аренберга есть очень характерный разсказъ, напоминающій извѣстное разсужденіе о томъ, до чего доводитъ ученье: читалъ-читалъ человѣкъ книжки, да ногу себѣ и сломалъ! Крестьянскій парень Хултила оказался очень способнымъ къ наукѣ, и вся деревня хвалилась и гордилась имъ. Дали ему возможность добраться до университета,—и когда онъ сталъ студентомъ, онъ уже сталъ чужимъ для круга близкихъ ему людей: они могли только дивиться ему, но уже перестали его понимать. Онъ отказался отъ своего крестьянскаго платья и отъ родного финскаго языка,—хотя и никогда не въ состояніи былъ научиться правильно говорить по-шведски; затѣмъ онъ отказался отъ здраваго крестьянскаго консерватизма и, такимъ образомъ, потерялъ свою послѣднюю опору въ жизни. Всѣ связи между нимъ и людьми деревни были окончательно порваны. Потомъ онъ сдѣлался пасторомъ,—но либеральный образъ мыслей и склонность къ выпивкѣ скоро лишили его этого мѣста, и онъ оказался въ нищетѣ и въ грязи. „Ахъ, еслибы я остался мужикомъ!"—нравоучительно заключаетъ онъ свою печальную исторію.

Справедливость требуетъ, впрочемъ, замѣтить, что такой взглядъ на стремленіе низшаго класса перейти въ высшій не составляетъ исключительной особенности Аренберга, а раздѣляется также и нѣкоторыми другими финскими писателями.

Другимъ выдающимся представителемъ шведско-финской повѣствовательной литературы является Конни Цилліакусъ. Этотъ

писатель имѣетъ много общаго съ Аренбергомъ: въ его произведеніяхъ также преобладающее мѣсто занимаетъ тенденціозная полемика или картины финляндской культуры. Полемическія свойства его таланта особенно ярко выступаютъ въ романѣ „Въ обществѣ“, гдѣ онъ изображаетъ безпардоннаго проходимца-спекулянта, какъ героя нашего времени, порабощеннаго духомъ наживы. Но выводимые авторомъ характеры слишкомъ грубы, односторонни и не производятъ впечатлѣнія живыхъ людей. Гораздо интереснѣе его картины изъ жизни финскихъ переселенцевъ въ Америкѣ: онъ самъ былъ за океаномъ и прекрасно изучилъ всѣ стороны быта американскихъ колонистовъ въ лѣсахъ и преріяхъ дальняго Запада, куда преимущественно стремятся финскіе эмигранты. Помимо художественнаго воспроизведенія этого быта, разсказы Цилліакуса имѣютъ еще и другую, побочную цѣль: дать своимъ землякамъ точныя свѣдѣнія объ условіяхъ жизни въ Америкѣ, о томъ, съ какими затрудненіями и опасностями приходится тамъ бороться и на что можно разсчитывать при достаточномъ запасѣ энергіи и терпѣнія. Но авторъ дѣлаетъ это не въ видѣ какихъ-нибудь теоретическихъ совѣтовъ переселенцамъ: онъ рисуетъ яркія и живыя картины дѣйствительной жизни и выводитъ рядъ типовъ, вѣрно и жизненно схваченныхъ прямо съ натуры. Эти небольшіе разсказы, собранные въ двухъ книжкахъ подъ заглавіемъ „Разсказы о переселенцахъ“, пользуются въ Финляндіи большимъ успѣхомъ.

Къ этому кругу шведско-финскихъ литературныхъ дѣятелей примыкаетъ также нѣсколько писательницъ, въ числѣ которыхъ есть двѣ-три не лишенныхъ таланта. Первою по времени въ этомъ ряду является Сара-Елизавета Ваклинъ (1790—1846), издавшая въ 1844 г. томъ разсказовъ подъ заглавіемъ: „Сто воспоминаній изъ Остерботніи“, гдѣ изображается жизнь финскаго сѣвера и въ особенности Улеаборга. Жена поэта Рунеберга также въ свое время пріобрѣла извѣстность своими литературными произведеніями—аллегорическими сказками и двумя-тремя повѣстями, въ которыхъ она выступила горячей сторонницей женскаго движенія. Любителямъ нравоучительнаго чтенія до сихъ поръ доставляютъ большое удовольствіе многочисленные разсказы Эдиѳи Форсманъ (р. 1853), издаваемые ею подъ общимъ заглавіемъ „У вечерней лампы“; но эти разсказы не имѣютъ большой литературной цѣнности, какъ и все, назначаемое для такъ называемаго „семейнаго“ чтенія. Защитницы женской эмансипаціи высоко цѣнятъ историческій трудъ Александры Грипенбергъ: „Реформаторскія стремленія къ улучшенію быта женщины“.

Эта писательница напечатала также, подъ псевдонимомъ Aarne („Кобольдъ"), нѣсколько небольшихъ разсказовъ.

Но самой талантливой изъ современныхъ шведско-финляндскихъ писательницъ является Елена Вестермаркъ (р. 1857), авторъ цѣлой книги разсказовъ подъ заглавіемъ „Изъ записной книжки" и романа „Побѣда жизни". Эти произведенія отличаются тонкою наблюдательностью и мастерствомъ въ обрисовкѣ характеровъ; нерѣдко въ нихъ сказывается и сатирическій элементъ въ очень жизненной и остроумной формѣ. Особенно удаются автору изображенія незамѣтныхъ для посторонняго взора душевныхъ трагедій въ жизни маленькихъ и—на первый взглядъ—даже нѣсколько смѣшныхъ людей, какъ, напр., приживалка, бывшая когда-то красавицей и предметомъ общихъ ухаживаній, и т. п.

Самое крупное произведеніе Елены Вестермаркъ, это—ея романъ „Побѣда жизни". Основная мысль автора заключается въ томъ, что каждый человѣкъ въ теченіе своей жизни долженъ стараться внести въ міръ больше любви, чѣмъ было ранѣе, ибо только этимъ путемъ любовь можетъ, въ концѣ концовъ, вытѣснить изъ міра ненависть и злобу. Въ этомъ увеличеніи общаго запаса любви и заключается „побѣда жизни". До тѣхъ поръ, пока человѣкъ носитъ въ своемъ сердцѣ месть, ненависть и злыя мысли, онъ гнѣвитъ Творца жизни и любви. Одна пожилая женщина, обрисованная въ романѣ очень живыми и рельефными чертами, разочаровывается въ иллюзіяхъ, которыми она поддерживала себя въ продолженіе всей своей неутомимо трудовой жизни, и становится ненавистницей человѣчества; она не только тушитъ предостерегающій огонь, который въ теченіе многихъ лѣтъ она всегда зажигала въ своемъ домѣ на береговой скалѣ въ бурныя ночи, но даже молится Богу, чтобы Онъ истребилъ какъ можно больше ненавистныхъ ей людей. Въ концѣ романа она, однако, исцѣляется отъ этой своей мизантропіи, видя, какъ жена лоцмана, которой также приходится вести очень тяжкую жизнь, покорно и терпѣливо мирится съ своей неприглядной долей.

Все это разсказано очень хорошо и, главное, жизненно; но въ романѣ чувствуется и существенный недостатокъ: отсутствіе строго продуманнаго плана композиціи, неравномѣрная разработка деталей, иногда — недостаточно ясная характеристика дѣйствующихъ лицъ, особенно—мужчинъ. Несмотря, однако, на эти недостатки, Елена Вестермаркъ, безспорно, занимаетъ первое мѣсто среди шведско-финляндскихъ писательницъ нашего времени, и мѣстная критика возлагаетъ на нее большія надежды.

Среди шведско-финляндскихъ писательницъ есть также нѣсколько лирическихъ поэтессъ. Первое мѣсто между ними занимаетъ Адель Веманъ, пишущая подъ псевдонимомъ Parus Ater. Раньше она помѣщала свои стихотворенія въ разныхъ журналахъ, но въ послѣднее время издала отдѣльный сборникъ подъ заглавіемъ „Звуки изъ деревни“ (Töner från Bygden, 1898). Эти стихотворенія, по своему тону и содержанію, представляютъ въ финляндской литературѣ нѣчто совершенно новое и оригинальное: большая часть ихъ изображаетъ крестьянскіе типы или сцены изъ деревенской жизни,—изображаетъ съ большимъ реализмомъ и веселымъ юморомъ, въ которомъ кое-гдѣ чуть-чуть слышна нравоучительная нотка. Особенно удаются ей поэтическія описанія природы, получающія въ ея стихахъ большую прелесть, благодаря тому, что поэтесса въ совершенствѣ владѣетъ техникой размѣра и риѳмы и какъ будто шутя преодолѣваетъ всевозможныя трудности. Но въ ея поэзіи нѣтъ глубокихъ мыслей и чувствъ; ея содержаніе довольно поверхностно, но зато всегда оригинально, изящно и красиво.

П. Морозовъ.

НАЦІОНАЛЬНАЯ ДВОЙСТВЕННОСТЬ

въ

ТВОРЧЕСТВѢ ГОГОЛЯ

ОЧЕРКЪ.

Душа Гоголя была полна тяжелыхъ и непримиримыхъ противорѣчій - это знаетъ каждый, кто ближе подходилъ къ личности великаго писателя путемъ ли углубленія въ матеріалъ біографическій, или въ произведенія его творчества. Наличность этихъ противорѣчій такъ очевидна, что вызывала даже попытки ихъ объясненія на патологической основѣ. Одинъ извѣстный психіатръ подводилъ всѣ якобы ненормальныя проявленія въ психологіи Гоголя подъ одну форму душевнаго заболѣванія—извѣстный видъ меланхоліи. Противорѣчія, разсматриваемыя подъ этимъ угломъ зрѣнія, являются лишь періодически наступающими помраченіями и просвѣтленіями сознанія, столь характерными для нѣкоторыхъ психическихъ заболѣваній. Но врядъ ли можно добиться чего-либо цѣннаго на этомъ скользкомъ пути. Читайте корреспонденцію Гоголя, изданную недавно подъ редакціей г. Шенрока въ четырехъ солидныхъ томахъ и развертывающую передъ нами личность великаго писателя, если не день за днемъ, то недѣля за недѣлей, мѣсяцъ за мѣсяцемъ, отъ ранняго дѣтства до могилы—и вы должны неизбѣжно придти къ убѣжденію, что имѣете дѣло съ единымъ и цѣльнымъ сознаніемъ, т.-е. вполнѣ здоровымъ психически.

Но за всѣмъ тѣмъ все-таки остается въ наличности фактъ,

что душа Гоголя была, дѣйствительно, жертвой мучительныхъ противорѣчій; остается и нашъ вполнѣ естественный и понятный интересъ къ этому факту.

О полномъ освѣщеніи этой темной, страдальческой души пока не можетъ быть и рѣчи: психологія, какъ наука, не даетъ прочной почвы для сложныхъ психологическихъ построеній, а Гоголевскій матеріалъ только вступаетъ въ первый фазисъ своей разработки. Пока возможно лишь намѣтить нѣкоторые элементы этой сложной задачи, и мы хотимъ предложить вниманію читателя нѣкоторыя, относящіяся сюда, соображенія, вынесенныя изъ изученія Гоголя въ его жизни и твореніяхъ.

I.

Мы не имѣемъ возможности распространяться здѣсь о томъ значеніи—вполнѣ выясненномъ современной филологіей—какое имѣетъ въ творчествѣ стихія народности: всякое творчество, и поэтическое въ особенности, заключено въ ней, въ своей народности, ею питается, и въ свою очередь само вліяетъ на нее, расширяя ея предѣлы, обогащая ея содержаніе. Душа Гоголя была, прежде всего, поражена раздвоенностью въ этой основной стихіи своего бытія. Великій писатель былъ роднымъ сыномъ народности малорусской и пріемнымъ—великорусской. Своей пріемной матери онъ отдалъ все: свой великій талантъ, жизнь свою, кровь своего сердца. Но ничто не могло уничтожить значеніе того, что и жизнь, и талантъ онъ получилъ не отъ нея, а отъ той, отъ другой...

Рѣшаемся утверждать, что, ставъ на эту точки зрѣнія, мы получимъ опору для нѣкоторыхъ выводовъ, иначе освѣщающихъ личность и творчество Гоголя, чѣмъ это было до сихъ поръ принято.

Однажды А. О. Смирнова, въ письмѣ къ своему великому другу, затронула вопросъ о его національности. Гоголь отвѣчалъ ей такъ: „Скажу вамъ, что я самъ не знаю, какова у меня душа, хохлацкая или русская. Знаю только то, что никакъ бы не далъ преимущества ни малороссіянину передъ русскимъ, ни русскому передъ малороссіяниномъ. Обѣ природы щедро одарены Богомъ, и какъ нарочно каждая изъ нихъ порознь заключаетъ въ себѣ то, чего нѣтъ въ другой“...

Несомнѣнно, отвѣтъ этотъ—отвѣтъ вполнѣ искренній и правдивый. Гоголю нерѣдко посылались упреки въ лицемѣріи, не-

искренности, въ сознательныхъ намѣреніяхъ обмануть или одурачить людей, съ которыми имѣлъ дѣло. Но ничего подобнаго не могло быть относительно Смирновой, которую Гоголь глубоко уважалъ и любилъ. Мы вѣримъ, что Гоголь, когда писалъ Смирновой, то дѣйствительно самъ не зналъ, какова у него душа — хохлацкая или русская? Но значитъ ли это, что его духовный обликъ былъ лишенъ національной окраски, и его душа не знала національныхъ чувствъ и симпатій? или что въ его душѣ два національныхъ элемента уживались въ полной гармоніи, никогда и ничѣмъ не заявляя о своихъ взаимныхъ противорѣчіяхъ? Едва ли можно допустить одно или другое.

Но, можетъ быть, то, чего Гоголь не зналъ про себя, то знали про него другіе: объективное наблюденіе во многихъ случаяхъ пригоднѣе для рѣшенія психологической задачи, чѣмъ внутреннее самонаблюденіе.

Обстоятельства жизни Гоголя хорошо извѣстны; кромѣ того, Гоголя близко знали многіе люди, которые передали намъ свои впечатлѣнія и наблюденія.

Гоголь былъ, по происхожденію, коренной малороссъ и провелъ свое дѣтство на Украйнѣ въ родномъ домѣ. Домъ этотъ былъ типичнымъ домомъ тогдашняго малорусскаго дворянина средней руки. Малорусское дворянство временъ Гоголевскаго дѣтства было уже въ значительной степени денаціонализировано; но эта денаціонализированная среда была все-таки окружена атмосферой, насыщенной исторической традиціей. Традиція была такъ сильна, что захватывала даже умы и настроенія высшихъ мѣстныхъ представителей правительственной власти. Малороссійскіе генералъ-губернаторы, сначала кн. Лобановъ-Ростовскій, вслѣдъ за нимъ кн. Репнинъ, подаютъ въ Петербургъ проектъ за проектомъ о возстановленіи козачества, т.-е. возвращенія малорусскаго козачества изъ того положенія казенныхъ поселянъ, въ какое ихъ поставили реформы Екатерины II, „къ первобытному ихъ воинственному состоянію“, какъ выражаются авторы проектовъ. Проекты эти потерпѣли фіаско, а кн. Репнинъ, коренной русскій вельможа, подвергся даже подозрѣніямъ въ украинскомъ сепаратизмѣ. Но вѣдь старое козачество съ его оригинальной организаціей еще держалось въ Черноморьѣ въ видѣ кубанскаго козачьяго войска; въ устьяхъ Дуная, подъ покровительствомъ Турціи, существовала еще Задунайская-Сѣчь, воспроизводившая запорожскіе порядки. На Кубань и Дунай то-и-дѣло бѣжали, постоянно и отовсюду, крѣпостные малороссы, отыскивая утраченную свободу, доставляя тѣмъ своимъ панамъ неизсякаемый

источникъ заботъ, огорченій и толковъ. Гоголю было 11 лѣтъ, когда правительство увидѣло себя вынужденнымъ произвести второе крупное переселеніе козаковъ изъ Полтавской и Черниговской губ. на Кавказъ—первое переселеніе совершилось въ годъ рожденія Гоголя: такіе факты не проходятъ безслѣдно для общественнаго самосознанія. Но самосознаніе это получало пищу и изъ иныхъ источниковъ. Только-что народившійся харьковскій университетъ, сдѣлавшись культурнымъ центромъ украинской территоріи, живо откликнулся на идею славянскаго возрожденія, зашедшую съ Запада: на харьковской почвѣ, тогда еще сильно насыщенной мѣстной національной культурой, идея славянскаго возрожденія быстро превратилась въ идею возрожденія украинскаго. Явилась группа слободско-украинскихъ поэтовъ и писателей, рядъ малорусскихъ изданій, ученыхъ и литературныхъ. Та же идея украинскаго возрожденія бродила и развивалась въ правобережной Украйнѣ, принимая здѣсь свою окраску, согласную съ польскими историческими традиціями края.

Семья Гоголя, для своего времени образованная и въ высокой степени общительная, не могла оставаться чуждой различнымъ вліяніямъ этого рода. Но она и внутри себя носила живую историческую традицію. Предокъ Гоголей, Остапъ, былъ при Дорошенкѣ подольскимъ полковникомъ, и когда Дорошенко передался подъ турецкій протекторатъ, получилъ гетманскую булаву, какъ ставленникъ Польши. Такіе факты, вообще, не забываются потомками; а въ условіяхъ быта и нравовъ тогдашней Малороссіи они пріобрѣтали исключительную важность. Малорусское дворянство, почти все сплошь и очень недавно лишь отдѣлившееся отъ народной массы, цѣплялось за всякій фактъ, могущій утвердить и украсить ихъ родословную, и предокъ-гетманъ,—хотя бы лишь наказной, хотя бы лишь польскій и фиктивный,—это былъ драгоцѣннѣйшій клейнодъ, семейная реликвія, на которой незыблемо покоилось достоинство и честь семьи. Малорусская стихія была такъ сильна въ Гоголевской семьѣ, что отецъ Гоголя считалъ малорусскій языкъ за свой родной: когда его незаурядныя творческія силы искали выхода и приложенія, онѣ нашли это приложеніе въ стихіи именно родного языка. Василій Аѳанасьевичъ Гоголь—авторъ двухъ малорусскихъ комедій, что̀ даетъ ему право считаться однимъ изъ родоначальниковъ современной украинской литературы. Все это—и многое другое—не оставляетъ никакихъ сомнѣній въ томъ, что ребенкомъ Гоголь росъ, окруженный атмосферой малорусской народности. Каковъ былъ языкъ его дѣтства? Тотъ ли „языкъ души“,

—какъ онъ называетъ малорусскій языкъ въ одномъ письмѣ къ Максимовичу—или иной, обще-русскій? Мы ничего не знаемъ объ этомъ. Легко допустить, что его отецъ въ своихъ заботахъ о будущей карьерѣ сына—и уже мать, непремѣнно—заставляли ребенка говорить „по-пански", а не „по-хлопски", какъ это дѣлали тысячи и тысячи иныхъ малорусскихъ отцовъ и матерей. Но Гоголь-подростокъ владѣлъ языкомъ своей родины, какъ роднымъ—объ этомъ опредѣленно свидѣтельствуетъ извѣстный разсказъ Стороженка, который сообщаетъ, какъ Гоголь объяснялся съ крестьяниномъ и его жинкой по поводу своего незаконнаго вторженія въ ихъ огородъ. Школьная жизнь въ Нѣжинѣ не вырвала Гоголя изъ національной украинской среды. „А що, Василю, якъ бы гимназія сгоріла?"—повторяетъ онъ въ письмѣ къ нѣжинскому товарищу запавшую ему въ голову школьную шутку, указывая тѣмъ самымъ, что малорусскій языкъ былъ въ обычномъ употребленіи между нѣжинскими школярами.

Великій писатель оставилъ родину уже сложившимся человѣкомъ. Двадцатилѣтній юноша неспособенъ мѣняться въ основныхъ чертахъ своей духовной личности, еслибъ эта личность даже и не носила на себѣ отпечатка той упорнѣйшей индивидуальности, какую носитъ личность Гоголя. Даже украинская внѣшность Гоголя была настолько выразительна, что прозвище „хохолъ", „хохликъ", такъ и осталось за нимъ въ петербургскомъ кружкѣ Россетъ-Смирновой, Пушкина и Жуковскаго. Эту украинскую внѣшность Гоголь сохранилъ, какъ утверждаютъ наблюдатели, до конца жизни, хотя въ зрѣломъ возрастѣ только изрѣдка и на короткое время пріѣзжалъ на родину. А извѣстныя стороны его характера—скрытность, упрямство, своеобразный юморъ—всегда и всѣми объяснялись какъ проявленіе малорусскихъ національныхъ особенностей. Мы знаемъ, что Гоголь, въ теченіе своей жизни, не упускалъ случаевъ пользоваться малорусской рѣчью: по-малорусски объяснялся онъ за-границей съ польскими эмигрантами, Богданомъ Залѣсскимъ и Мицкевичемъ; сохранилось его письмо къ Богдану Залѣсскому, написанное на народномъ малорусскомъ языкѣ,—по-малорусски говорилъ онъ въ Москвѣ, уже передъ смертью, со своимъ слугой, и, конечно, по-малорусски бесѣдовалъ со своими земляками. Объ исключительномъ расположеніи Гоголя къ землякамъ сохранилось много свидѣтельствъ. Даже съ Россетъ-Смирновой, „дамой блистательнаго свѣта", онъ сошелся легко и быстро потому, что она, по ея собственнымъ словамъ, привлекла и, такъ сказать, приручила его заявленіями самыхъ горячихъ симпатій ко всему украинскому.

Его ближайшіе друзья, друзья всей его жизни, Данилевскій и Прокоповичъ, были мароруссы. А то обстоятельство, что Гоголь рѣзко мѣнялся, когда попадалъ въ кругъ земляковъ, и не только въ молодости, а и въ концѣ жизни—это замѣтили и вспоминали многіе, иные, какъ, напр., Бергъ, рѣзко и съ недоброжелательствомъ подчеркивая этотъ фактъ. Съ земляками исчезала скрытность Гоголя, его натянутыя манеры—та напряженность и настороженность, которая безъ словъ предупреждала всякую отдаленную попытку коснуться того, чтò таилось въ душѣ Гоголя вѣчно болящею язвой... Читайте его письма къ землякамъ, сравните ихъ простой, открытый, любящій тонъ съ тономъ остальной его корреспонденціи за малыми исключеніями, и вы почувствуете всю огромную разницу его настроеній въ томъ и другомъ случаѣ. „Ради всего нашего", „ради нашей Украины", „наша единственная бѣдная Украина", „душа сильно тоскуетъ за Украиной"—вотъ выраженія изъ его писемъ къ землякамъ. Малорусскую музыку, танцы и въ особенности пѣсни Гоголь всегда любилъ страстно: даже передъ смертью, уже больной, съ крайне притупленной воспріимчивостью къ впечатлѣніямъ и интересамъ внѣшняго міра, писатель вспыхивалъ и оживалъ при звукахъ родной пѣсни. А его огромный интересъ къ малорусской исторіи, которую онъ изучалъ и зналъ какъ спеціалистъ, къ украинскимъ лѣтописямъ, къ собиранію всякаго рода этнографическаго матеріала, въ особенности пѣсеннаго...

Факты этого рода можно бы умножать еще и еще; но мы прибавимъ только вотъ чтò. Если Гоголь писалъ Смирновой, что онъ не знаетъ самъ, какова его душа, хохлацкая или русская, то вѣдь онъ же писалъ,—правда, нѣсколькими годами раньше—другому близкому человѣку, извѣстному ученому тогда, профессору въ Москвѣ, Максимовичу: „Бросьте въ самомъ дѣлѣ эту кацапію, да поѣзжайте въ гетманщину... Туда, туда, въ Кіевъ! въ древній, въ прекрасный Кіевъ! Онъ нашъ, онъ не ихъ, не правда ли? Тамъ или вокругъ него дѣялись дѣла старины нашей... Дурни мы, право, какъ разсудить хорошенько... Для кого и кому мы жертвуемъ всѣмъ? Идемъ въ Кіевъ"... Ясно, изъ какой души вырывались эти горячія молодыя рѣчи...

Однако сколько бы мы ни собрали свидѣтельствъ въ томъ же родѣ, включая даже показанія литературныхъ враговъ Гоголя, которые обзывали его „хохлацкой душой" и „врагомъ Россіи"—все-таки на противоположной чашкѣ вѣсовъ останется одно, значительностью своей перевѣшивающее все остальное: Гоголь

былъ русскимъ писателемъ, гордостью русской, а не украинской литературы.

Намъ кажется, что для рѣшенія вопроса о національности Гоголя незачѣмъ обращаться ни къ его біографіи, ни къ его личнымъ свидѣтельствамъ, ни къ показаніямъ его друзей или враговъ. Біографическія данныя могутъ быть толкуемы такъ или иначе; свидѣтельства и показанія всегда субъективны. Въ данномъ вопросѣ есть возможность объективнаго рѣшенія: его даютъ сами произведенія Гоголя.

II.

Недавно вышло спеціальное изслѣдованіе гельсингфорскаго профессора Мандельштама: „О характерѣ Гоголевскаго стиля“. Проф. Мандельштамъ тщательно изучилъ языкъ Гоголя, слѣдуя пріемамъ великихъ языковѣдовъ XIX вѣка, въ особенности Потебни, и пришелъ къ такимъ выводамъ. Онъ утверждаетъ, что „возбужденіе мысли шло у Гоголя по колеѣ родного, т.-е. малорусскаго языка“. Участіе малорусскаго языка, малорусской національной стихіи, сообщаетъ художественному міросозерцанію Гоголя ту особую складку, которая выдѣляетъ его творческую индивидуальность. Гоголь, повидимому, самъ не сознавалъ того, что открываетъ ученый анализъ его слова, а именно, что онъ безсознательно пользовался стихіей малорусской рѣчи всегда, когда ощущалъ подъемъ чувства, подъемъ художественнаго настроенія. Писатель мысленно переводилъ слова и обороты съ языка малорусскаго на общерусскій, такъ что всякому знакомому съ обоими языками и чуткому человѣку легко замѣтить эти мысленные переводы. Но во многихъ случаяхъ, думая на родномъ языкѣ, Гоголь и не давалъ себѣ труда переводить, а оставлялъ малорусскіе обороты и выраженія. Отсюда происходитъ тотъ своеобразный колоритъ языка, который заставилъ кого-то выразиться, что Гоголь писалъ не на русскомъ, а на гоголевскомъ языкѣ. Естественно, что въ болѣе раннихъ произведеніяхъ эта сторона выступаетъ рѣзче. Но и позже, когда русская рѣчь окрѣпла, все-таки въ моменты художественнаго подъема, подъема чувства, у Гоголя наплывала рѣчь малорусская. По мнѣнію проф. Мандельштама, малорусскій и русскій языки связаны были въ душѣ Гоголя съ различными областями и пріемами мысли, и эти области были разграничены, хотя иногда и не очень рѣзко. Еслибы мы не имѣли никакихъ біографическихъ свѣдѣній относительно Гоголя, то „по языку, по выраженіямъ, образамъ,

сравненіямъ, входящимъ въ главныя его произведенія, мы должны были бы заключить, что имѣемъ дѣло съ малороссомъ"...

Вотъ первое проявленіе психической раздвоенности, укрывавшейся въ глубочайшей глубинѣ души Гоголя, недоступной для сознанія самого художника.

Идемъ дальше, отъ слова и стиля къ самому процессу и содержанію художественнаго творчества.

Многіе указывали на то, что въ творчествѣ Гоголя переплетаются два элемента, какъ бы несовмѣстимые, исключающіе другъ друга. Это — лиризмъ и юморъ — восторженная пылкая идеализація дѣйствительности и низведеніе ея черезъ осмѣяніе на степень не только вульгарнаго, пошлаго, но и низкаго, безобразнаго. И, конечно, это правда: даже въ такомъ произведеніи какъ Тарасъ Бульба, глубоко проникнутомъ лирическимъ элементомъ, пробивается мѣстами юмористическая жилка, и такое глубоко юмористическое произведеніе какъ „Мертвыя Души" перерываются отступленіями страстно-лирическаго характера. Но для нашихъ цѣлей любопытно не это: любопытно прослѣдить эту двойственность творчества Гоголя въ связи съ содержаніемъ его произведеній. И здѣсь мы замѣчаемъ слѣдующее. Почти весь лиризмъ его творчества изливается въ произведеніяхъ изъ малорусской жизни; на долю произведеній изъ жизни общерусской выпадаетъ только юморъ, и притомъ не тотъ нѣжный, мягкій, такъ сказать, любовный юморъ, которымъ расцвѣчены также кое-гдѣ и малорусскія произведенія Гоголя, а совсѣмъ иной, холодный и суровый, бьющій и клеймящій, какъ орудіе казни.

Собственно говоря, неправильно подводить эту двойственность подъ опредѣленія лиризма и юмора. Тутъ есть кое-что другое, болѣе сложное.

Если обхватить произведенія Гоголя однимъ общимъ взглядомъ, то невольно получаешь такое впечатлѣніе, какъ будто имѣешь дѣло съ двумя различными писателями, правда, имѣющими между собой много общаго, но сильно расходящимися въ своихъ художественныхъ пріемахъ, въ характерѣ творчества. Одинъ Гоголь, обращенный къ малорусской жизни, цѣльно схватываетъ эту жизнь и воспроизводитъ. Картины, образы, типы—все является передъ вами въ своихъ естественныхъ отношеніяхъ; положительное и отрицательное, добро и зло, красота и безобразіе въ ихъ оттѣнкахъ и комбинаціяхъ—все отражается въ творчествѣ Гоголя въ той гармоніи, какая характеризуетъ полноту жизни. А главное, во всемъ чувствуется присутствіе всеобъемлющей любви художника къ этой изображаемой имъ жизни. Вы понимаете,

что художникъ любитъ не только то, что̀ онъ изображаетъ какъ прекрасное и доброе, справедливое и благородное: онъ любитъ и пьяницу Солопія Черевика, и предателя Андрія, и совсѣмъ недобродѣтельнаго Хому Брута, и глупаго Шпоньку. Кто-то выразился, что Гоголь въ „Тарасѣ Бульбѣ“ представляетъ дѣйствительность, освѣщенную бенгальскимъ огнемъ. Нѣтъ, это не свѣтъ бенгальскаго огня: это—тотъ особый свѣтъ, которымъ освѣщено въ глазахъ молодой матери лицо ея первенца. Въ будничномъ настроеніи вы склонны чувствовать преувеличеніе въ описаніи украинской ночи, Днѣпра; но если ваше настроеніе приподнято, или, если вы тоскуете на чужбинѣ за родиной, какъ несомнѣнно тосковалъ за ней Гоголь первое время своей жизни въ Петербургѣ, весь этотъ блескъ, яркость, роскошь красокъ, — все кажется вамъ вполнѣ естественнымъ, вполнѣ соотвѣтствующимъ дѣйствительности. Ясно, что художникъ, когда писалъ, жилъ заодно съ изображаемой имъ жизнью.

Но вотъ художественное творчество Гоголя обращается къ русской дѣйствительности, — и его пріемы рѣзко мѣняются. Художникъ какъ бы помѣщается внѣ „громадно-несущейся передъ нимъ жизни“ и наблюдаетъ ее. При этомъ онъ помѣщается такъ, что можетъ наблюдать жизнь лишь „съ одного боку“, по его собственному выраженію. Жизнь, наблюдаемая такъ, даетъ въ воспроизведеніи своемъ образы совсѣмъ иного характера. Образы эти теряютъ свои естественныя очертанія и соотношенія, являются крайне преувеличенными въ тѣхъ чертахъ, съ какихъ ихъ наблюдаетъ художникъ, но зато чрезвычайно выигрываютъ въ выразительности. По замыслу художника, о которомъ онъ самъ опредѣленно свидѣтельствуетъ, это должны быть только каррикатуры; но сила огромнаго таланта, помимо воли художника, даетъ душу этимъ каррикатурамъ: онѣ живутъ, какъ живутъ глаза въ его „Портретѣ“, — живутъ, возбуждая смѣхъ, скорбь, негодованіе, возбуждая въ самомъ художникѣ ужасъ передъ этой созданной имъ жизнью. Вся красота, которою Гоголь окружалъ такъ любовно, такъ роскошно малорусскую дѣйствительность, исчезла безслѣдно. То, что̀ разворачивается теперь передъ вами, даже нельзя назвать жизнью: это какая-то геенна, изъ которой авторскій геній своею волею удалилъ „плачъ и скрежетъ зубовъ“, а оставилъ только безобразіе, освѣтивъ это безобразіе такъ, что оно вызываетъ невольный и неудержимый смѣхъ. Но измѣните нѣсколько освѣщеніе, удалите смѣхъ—и что̀ явится передъ вами?

„Пустынны, грустны и безлюдны наши пространства, такъ же безпріютно и непривѣтливо все вокругъ насъ, точно какъ будто

мы не у себя дома, не подъ родною нашею крышей, но гдѣ-то остановились безпріютно на проѣзжей дорогѣ, и дышитъ намъ отъ Россіи не радушнымъ роднымъ пріемомъ братьевъ, но какою-то холодной, занесенной выогой почтовой станціей, гдѣ видится одинъ ко всему равнодушный станціонный смотритель съ черствымъ отвѣтомъ: „нѣтъ лошадей"... Какой это геніально простой и потрясающій скорбью образъ! Воспримите его подготовленной душой, и васъ будетъ преслѣдовать, какъ тяжелый кошмаръ, эта холодная, занесенная вьюгой почтовая станція, представляющая собою Россію, и русскій гражданинъ—злосчастный путникъ, который безпріютно бродитъ во мракѣ и холодѣ, осужденный на то, чтобъ вѣчно слышать одно равнодушно-грубое: „нѣтъ лошадей!"

Итакъ, Гоголь относился къ русской жизни, какъ посторонній ея наблюдатель. Посторонній, но не равнодушный: все-таки онъ былъ связанъ съ этой жизнью кровными интересами. Однако неравнодушіе это имѣетъ мало общаго съ тѣмъ чувствомъ, которое питалъ Гоголь къ своей малорусской родинѣ. Малороссія „единственно вдохновляла его", по выраженію проф. Мандельштама, т.-е. въ ней лишь онъ черпалъ положительное содержаніе своихъ художественныхъ воззрѣній, идеальные мотивы своего творчества. Для Великой Россіи у него оставалось только отрицаніе, его безпощадный, злобный, неподражаемый юморъ. Но народъ, нація, какъ соціально-духовный организмъ, не можетъ быть содержаніемъ юмора—такое предположеніе было бы нелѣпостью, разрушающей себя своими внутренними противорѣчіями. Къ тому же вполнѣ очевидно, что Гоголь не только не зналъ великорусскаго народа съ его столь характернымъ національнымъ обликомъ, но и совсѣмъ не интересовался имъ,—ни его современными особенностями, ни его историческимъ прошлымъ. Когда, во время его неудачной профессуры, ему предложили, со свойственной тѣмъ временамъ безцеремонностью, читать русскую исторію, Гоголь ужаснулся. „Чортъ возьми",—пишетъ онъ:—„еслибъ я не согласился взять скорѣе ботанику или патологію, чѣмъ русскую исторію. Ты хочешь, чтобъ самая должность была для меня тягостной! Если меня не будетъ занимать предметъ мой, я буду несчастливъ"... И это пишетъ тотъ самый Гоголь, который сбирался „удрать" исторію Малороссіи чуть не въ десяти томахъ, въ стольких же томахъ исторію среднихъ вѣковъ, который, по нуждѣ, брался читать и древнюю исторію, извѣстную ему, конечно, гораздо меньше, чѣмъ исторія Россіи, въ силу естественной связи этой послѣдней съ исторіей Мало-

россіи, несомнѣнно и серьезно его интересовавшей. Все положительное въ великорусской націи онъ обходилъ, можно-бъ сказать тенденціозно, еслибъ это не было такъ вполнѣ безсознательно. Его московскіе поклонники славянофилы восхищались—конечно, за неимѣніемъ лучшаго—фигурой кучера Селифана, воплощавшей яко бы въ себѣ великорусскій народный духъ. Но вѣдь это такое же смѣшное преувеличеніе и той же категоріи, какъ и сравненіе „Мертвыхъ Душъ“ съ поэмами Гомера, на какое рискнулъ умный, даровитый и искренній К. С. Аксаковъ. Ни кучеръ Селифанъ, ни Петрушка, ни трактирные половые и лакеи, ни мужики, бесѣдующіе о томъ, доѣдетъ ли колесо до Казани—не великорусскій народъ. Гоголь какъ бы даже и не подозрѣвалъ о существованіи этой здоровой и сильной великорусской народной стихіи, а судилъ о ней только по тѣмъ нечистымъ междуклассовымъ, междунаціональнымъ осадкамъ, которые неизбѣжны при извѣстныхъ условіяхъ. Гоголь зналъ болѣе или менѣе только русскую общественность—выработанныя исторіей формы культурной русской жизни и ненавидѣлъ какъ эти формы, такъ и ихъ носителей до глубины души. Какъ онъ ненавидѣлъ эти формы—объ этомъ слишкомъ краснорѣчиво свидѣтельствуютъ его произведенія. Какъ онъ ненавидѣлъ ихъ носителей—само русское общество, воплощавшее въ себѣ эти формы, ясно изъ его переписки, изъ тѣхъ выраженій, которыя прорываются то тамъ, то сямъ, напр.: „на Руси такая коллекція гадкихъ рожъ“; этотъ „безмозглый классъ людей“—выраженія, равносильныя жесту человѣка, сбрасывающаго съ своего платья какое-нибудь отвратительное насѣкомое. Вотъ этой-то ненависти и суждено было сдѣлаться источникомъ той огромной, исторической заслуги, какую оказалъ Гоголь нашему развитію. Коренному русскому человѣку, конечно, трудно было порвать тѣ тонкія психологическія нити кровныхъ симпатій, какія связывали его съ роднымъ народомъ и его культурой, и нужна была большая внутренняя работа надъ своимъ образованіемъ и развитіемъ критической мысли, чтобъ встать внѣ своей среды и отнестись къ ней объективно. Какими судорожными усиліями мысли, какой душевной борьбой дошелъ Бѣлинскій до того настроенія, какое продиктовало ему его знаменитое письмо къ Гоголю: вѣдь не трудно понять, что̀ значило его примиреніе съ дѣйствительностью подъ флагомъ Гегелевской философіи, его Бородинская годовщина... Первые московскіе славянофилы относились вполнѣ отрицательно къ современной имъ русской дѣйствительности и готовы были молиться на Гоголя, какъ выразителя этого отрицанія: и тѣмъ не менѣе какъ

тяжело давалось оно имъ, какъ упорно стремилась ихъ мысль и чувство къ положительнымъ сторонамъ русской жизни... То, что̀ дорого обходилось Бѣлинскому или Герцену, Хомякову или Аксаковымъ, то далось Гоголю само собой, безъ всякаго подготовительнаго труда и усилій, безъ работы критической мысли, безъ того душевнаго надрыва, которымъ сопровождается низверженіе старыхъ родныхъ кумировъ. Всѣ недостатки русскаго общественнаго строя, его вопіющія отклоненія отъ человѣческой правды были непосредственно ясны холодному и наблюдательному взору Гоголя, а его великій талантъ уже помогъ заключить эти наблюденія въ образы поразительной силы.

Но значитъ ли это, что у Гоголя вовсе не было никакого „смѣха сквозь слезы"? что ему не надъ чѣмъ было плакать? Нѣтъ, не значитъ. Слезы Гоголя надъ русской жизнью не были тѣми кровавыми, тѣми разбивающими сердце слезами, какъ слезы Бѣлинскаго: но все-таки это были слезы. Прежде всего, Гоголь по особымъ свойствамъ своей духовной природы—или, можетъ быть, точнѣе сказать, своей нервной организаціи—вообще воспринималъ дѣйствительность какъ страданіе: его природа была природой пессимиста. Затѣмъ, русская дѣйствительность, имъ наблюдаемая, стояла слишкомъ въ разрѣзъ съ его моральными идеями и чувствами: онъ вынесъ изъ дѣтства опредѣленное, традиціонное, религіозно-нравственное міропониманіе и пронесъ его неприкосновеннымъ черезъ всю свою жизнь—свободный отъ заразы даже тѣмъ легкимъ французскимъ скептицизмомъ, которому отдавали обычную дань современные ему молодые умы. А, наконецъ, самое главное—то, что русская дѣйствительность оскорбляла въ Гоголѣ одну идею, которая выросла изъ этой же самой дѣйствительности. Это—идея русскаго государства, которую Гоголь какъ-то странно отвлекалъ отъ всякихъ формъ ея воплощенія и облекалъ въ своей душѣ настоящимъ апотеозомъ. Какъ сложилось въ великомъ писателѣ преклоненіе передъ идеей русской государственности—трудно прослѣдить: совершенно очевидно лишь, что онъ вывезъ эту идею готовой изъ своей малорусской родины. Можетъ быть, здѣсь вліяли впечатлѣнія, полученныя имъ еще въ дѣтствѣ во время частыхъ посѣщеній, вмѣстѣ съ родителями, Трощинскаго; вліяли и понятія, привитыя въ юношествѣ частью школой, частью русской литературой. Воспріимчивую почву находили эти чувства и понятія также въ южномъ темпераментѣ Гоголя, въ его влеченіи ко всему яркому, эффектному, грандіозному. Конечно, не придуманъ писателемъ, а выброшенъ изъ глубины души знаменитый образъ, заключающій

первую часть „Мертвыхъ Душъ": „Не такъ ли и ты, Русь, что бойкая необгонимая тройка несешься? Дымомъ дымится подъ тобой дорога... летитъ мимо все, что ни есть на землѣ, и, косясь, постараниваются и даютъ ей дорогу другіе народы и государства"...

Какъ ни противорѣчитъ этотъ образъ приведенному выше образу Россіи въ видѣ занесенной вьюгой почтовой станціи, но оба они одинаково выношены въ противорѣчивой душѣ Гоголя. И несомнѣнно, что Гоголь всю жизнь находился подъ обаяніемъ идей, связанныхъ съ этой Россіей, отъ которой „косясь постараниваются другіе народы и государства". Обстоятельства и условія жизни укрѣпляли въ немъ эти идеи. Кружокъ Жуковскаго, Пушкина и Россетъ-Смирновой, который имѣлъ на Гоголя наибольшее вліяніе, былъ всецѣло пропитанъ преданной любовью къ русской государственности. Наконецъ, даже личныя чувства признательности привязывали Гоголя къ императору Николаю и императорскому Двору. Въ связи съ этими идеями и чувствами находится, конечно, и та мысль, около которой, какъ около неподвижной оси вращалась писательская дѣятельность Гоголя: мысль о службѣ государству. Еще школьникомъ изъ Нѣжина Гоголь писалъ своему дядѣ: „съ самыхъ лѣтъ почти непониманія я пламенѣлъ неугасимою ревностью сдѣлать жизнь свою нужною для блага государства"... „Службу государству", „благо государства" Гоголь понималъ, конечно, сперва очень элементарно: это значило поступить на государственную службу по министерству юстиціи, добиться важнаго чина и такимъ путемъ сдѣлаться „благодѣтелемъ человѣчества". Да и какое иное пониманіе жизненныхъ задачъ могла дать русская жизнь того времени, жизнь Николаевской эпохи? Когда Гоголь въ Петербургѣ пришелъ къ сознанію своего великаго таланта, первыя его произведенія есть еще проявленія свободной, такъ сказать, стихійной игры его огромныхъ творческихъ силъ. Но вслѣдъ затѣмъ онъ уже спѣшитъ набросить на свое творчество узду изъ своей излюбленной идеи: „службы государству". Посмотрите, какъ Гоголь цѣнитъ свои произведенія: его обычный критерій есть государственная польза. Оскорбляетъ его до глубины души лишь то, когда противники и недоброжелатели отвергаютъ такую пользу его произведеній или, наоборотъ, утверждаютъ, что они приносятъ вредъ государству.

Вотъ именно въ этомъ пунктѣ,—въ томъ коренномъ разграниченіи, какое выступаетъ въ отношеніяхъ Гоголя, съ одной стороны, къ русской государственности, къ политическимъ формамъ

жизни, съ другой—къ формамъ культурной жизни русскаго общества, и заключается одна изъ любопытнѣйшихъ особенностей Гоголевскаго міропониманія. Онъ не видѣлъ связи между этими двумя категоріями явленій,—связи, которая была ясна для другихъ его передовыхъ современниковъ, для его поклонниковъ и почитателей какъ славянофильскаго, такъ и западническаго лагеря. Какъ могъ творецъ „Мертвыхъ Душъ" не понимать, что крѣпостныя отношенія есть отвратительнѣйшее изъ соціальныхъ золъ, что только въ ихъ отравленной атмосферѣ могла зародиться эта возмущающая душу коллекція нравственныхъ уродовъ, имъ выведенныхъ? И однако онъ не понималъ этого. „Объясни мужикамъ",—пишетъ Гоголь въ письмѣ къ русскому помѣщику,—„что ты родился помѣщикомъ, что взыщетъ съ тебя Богъ, еслибъ ты промѣнялъ это званіе на другое, потому что всякій долженъ служить Богу на своемъ мѣстѣ, а не на чужомъ, равно какъ и они, родясь подъ властью, должны покоряться той самой власти, подъ которой родились... Скажи имъ, что заставляешь ихъ работать вовсе не потому, чтобы нужны были тебѣ деньги на свои удовольствія (и въ доказательство тутъ же сожги передъ ними ассигнацію), а потому, что Богомъ повелѣно трудомъ и пòтомъ снискивать хлѣбъ... Учить мужика грамотѣ, чтобы читать книжонки, которыя издаютъ европейскіе человѣколюбцы, есть вздоръ" и т. д. Какъ могъ великій творецъ „Ревизора" не понимать, что взяточничество и всякій видъ произвола неизбѣжны въ обществѣ, связанномъ по рукамъ и ногамъ собственной темнотой и отданномъ тогда въ распоряженіе орды чиновниковъ, невѣжественной и своекорыстной? И однако онъ не понималъ этого. Онъ находилъ, что общій строй нашъ превосходенъ. „Все полно и вездѣ слышна законодательная мудрость, какъ въ установленіи самихъ властей, такъ и въ соприкосновеніяхъ ихъ между собой... Слышно, что самъ Богъ строилъ незримо руками государей. Все устроено такъ, чтобы споспѣшествовать въ добрыхъ дѣйствіяхъ и останавливать на пути къ злоупотребленіямъ"... Изученіе Гоголевской корреспонденціи, изданной недавно въ четырехъ томахъ, заключающихъ больше двухъ тысячъ страницъ, убѣждаетъ насъ, что въ приведенныхъ цитатахъ Гоголь выражалъ мысли всей своей жизни, которымъ онъ не измѣнялъ никогда. Искренно, всей душой стремясь къ воплощенію добра въ формахъ тогдашней русской жизни, Гоголь былъ убѣжденъ, что добро это призваны воплощать въ общественныхъ низахъ добродѣтельные отцы-помѣщики, а на общественныхъ верхахъ мудрые губернаторы и генералъ-губернаторы съ

ихъ достойными супругами, на совѣсти и отвѣтственности которыхъ лежатъ общественные нравы.

Итакъ, Гоголь не понималъ, что формы жизни государственной, политической, съ одной стороны, и соціально-культурной, съ другой, находятся въ самой тѣсной связи между собой. Трудное дѣло—отдѣлить одно отъ другого, да еще отдѣлить такъ рѣшительно, какъ отдѣлялъ Гоголь, отдавая одной сторонѣ благоговѣйное почтеніе, другой—безпощадную насмѣшку. Императоръ Николай лучше Гоголя понималъ это, когда сказалъ, глядя на „Ревизора“: „Ну, комедійка! досталось всѣмъ, а больше всѣхъ мнѣ“... Но и Гоголь, если не понималъ ясно, то чувствовалъ, что его насмѣшка бьётъ дальше намѣченной цѣли, вторгаясь въ ту область, которую онъ хотѣлъ бы видѣть неприкосновенной святыней. Отсюда то крайнее угнетеніе духа, въ которое онъ впалъ, когда написалъ „Ревизора“; отсюда мучительныя попытки сдвинуть „Мертвыя Души“ съ ихъ первоначальнаго пути. Ничего подобнаго не могло быть, еслибы Гоголь былъ увѣренъ въ своей правотѣ...

Но чтобы представить себѣ всю глубину противорѣчій, опутывавшихъ мысль Гоголя, надо имѣть въ виду еще слѣдующее. Конечно, не можетъ быть никакихъ сомнѣній, что Гоголь былъ вполнѣ искреннимъ, когда окружалъ словеснымъ апотеозомъ идею русской государственности, политическій строй русской жизни. Но можно ли предположить, что онъ былъ менѣе искреннимъ, когда, въ „Тарасѣ Бульбѣ“, окружалъ апотеозомъ—не словеснымъ лишь, а художественнымъ—совсѣмъ иной историческій строй, демократическій строй малорусскаго козачества, который онъ изучилъ и прекрасно понималъ? И, конечно, мы въ правѣ сказать, что даже по отношенію къ этой, такъ сказать, специфически ограниченной области Гоголь носилъ въ душѣ двѣ правды, изъ которыхъ одна укрывалась въ глубинахъ его художественно-творческой психологіи, питавшейся національной стихіей, другая—владѣла поверхностной оболочкой его резонирующей мысли...

Такимъ образомъ, міросозерцаніе великаго писателя было полно раздвоенности и тяжелыхъ противорѣчій. Эта раздвоенность и противорѣчивость есть естественный и психологически необходимый результатъ того, что Гоголь оторвался отъ своей національной почвы „для службы“ русскому государству, но не отрѣшился, и не могъ отрѣшиться, отъ исключительности своихъ національныхъ симпатій. Гоголь сдѣлался преданнымъ пріемнымъ сыномъ русской государственности, но до конца не могъ ассимилироваться съ русской народностью. Конечно, не онъ первый, не онъ послѣдній былъ въ такомъ положеніи. Разные люди на-

ходятъ изъ него разные психологическіе выходы. Гоголь нашелъ свой выходъ въ мистицизмѣ. Съ точки зрѣнія небесъ и вѣчности обращались въ ничтожную суету всѣ вопросы и противорѣчія. Но на этомъ пути ждала писателя гибель его великаго таланта, который не могъ питаться одними „Размышленіями о божественной литургіи". А гибель таланта сдѣлалась гибелью и самого человѣка...

Гоголь палъ жертвой душевной раздвоенности, имѣвшей свои глубочайшіе корни въ раздвоенности національной.

Александра Ефименко.

СТИХОТВОРЕНІЯ

I.

Мечтаю о мечтѣ безплотной,
И погружаюсь въ сонъ безъ сна;
Люблю любовью беззаботной,
Хоть знаю, что душа одна
И нѣтъ отвѣтнаго признанья;
Томлюсь безропотной тоской,
И шлю ненужныя лобзанья,
Затерянный въ толпѣ людской.

Кругомъ же все въ тупомъ смятеньи,
Какъ будто жизнь не мигъ одинъ,
И вѣры нѣтъ въ исчезновенье,
Какъ будто смерть не властелинъ;
Вражда пируетъ на просторѣ,
Какъ будто правда не живетъ,
И нѣтъ отчаянья въ позорѣ,
Какъ будто завтра Богъ умретъ...

II.

Опять я тамъ, гдѣ все привѣтомъ дышитъ,
Гдѣ нѣжится синѣющая даль,
Гдѣ Богъ свое созданье лучше слышитъ,
Гдѣ любишь всѣхъ и гдѣ мгновенья жаль.

Опять я тамъ, гдѣ тихая отрада,
Гдѣ прошлое мерещится какъ сонъ,
Гдѣ отъ тревогъ желанная ограда,
Гдѣ умолкаетъ мой безкрылый стонъ.

Опять я тамъ, куда я такъ стремился,
Невольный рабъ житейской суеты;
Опять я тамъ, гдѣ свѣтлый духъ вселился,
Гдѣ ты, моя волшебница, гдѣ ты!..

III.

Объятый волшебствомъ лазурной ночи,
Объятый трепетомъ воскреснувшей весны,
Смотрю въ твои задумчивыя очи
И вижу на-яву божественные сны.

Но близокъ день: очарованье сгинетъ,
Замолкнутъ сказки тихо дремлющихъ небесъ,
Богъ вдохновенья прахъ земной покинетъ—
И снова нѣтъ любви, и снова нѣтъ чудесъ...

IV.

Огнемъ горитъ закатъ надъ снѣжною равниной,
И отблески небеснаго огня
Торопятся пройти морозною путиной,
Безсильные согрѣть меня.

Познавъ тщету своихъ усилій запоздалыхъ,
Закатъ погасъ, безропотенъ и тихъ...
Молю тебя простить, что этихъ вспышекъ алыхъ
Не закрѣпитъ мой бѣдный стихъ!

С. М. Л—въ.

КИМЪ

РОМАНЪ.

— Kim, by Rudyard Kipling.

IV *).

Отецъ и сынъ заговорили между собой вполголоса. Кимъ сѣлъ отдохнуть подъ дерево, но лама нетерпѣливо дергалъ его за рукавъ.

— Идемъ, идемъ. Рѣка не здѣсь.

— Охъ, не слишкомъ ли уже мы долго идемъ безъ отдыха. Наша рѣка не убѣжитъ. Подожди немного—онъ намъ подастъ еще милостыню.

— Этотъ мальчикъ,—сталъ разсказывать старый солдатъ своему сыну,—другъ звѣздъ. Это онъ разсказалъ мнѣ вчера про войну. Ему было видѣніе—онъ слышалъ какъ главный отдавалъ войскамъ приказъ выступать.

— Гм...,—сказалъ сынъ низкимъ груднымъ голосомъ.—Онъ подслушалъ базарные толки и воспользовался ими.

Отецъ разсмѣялся.—Во всякомъ случаѣ онъ не прискакалъ ко мнѣ просить новаго коня и Богъ-знаетъ сколько рупій. А полки твоихъ братьевъ тоже готовятся выступать?

— Я не знаю. Я взялъ отпускъ и поспѣшилъ сюда, чтобы...

— Чтобы просить у меня денегъ, прежде чѣмъ тебя предупредятъ братья. Всѣ вы—моты и картежники. Но ты никогда не былъ въ атакѣ. Это правда, что для атаки нужна хорошая

---

*) См. выше: іюнь, 746 стр.

лошадь. Нуженъ также тебѣ умѣлый слуга и пони для него. Давай подсчитаемъ, подумаемъ.—Онъ сталъ барабанить по сѣдлу.

— Тутъ не мѣсто производить разсчеты, отецъ. Поѣдемъ къ тебѣ домой.

— Такъ заплати хоть мальчику. У меня нѣтъ мелочи съ собой, а онъ мнѣ принесъ хорошія вѣсти. Эй, „всѣмъ на свѣтѣ другъ", а война-то въ самомъ дѣлѣ готовится, какъ ты говорилъ.

— Ну да, я знаю, что будетъ война,—спокойно отвѣтилъ Кимъ.

— Что такое?—спросилъ лама, перебиравшій четки; онъ горѣлъ желаніемъ продолжать путь.

— Мой учитель не тревожитъ звѣздъ по заказу. Мы первые принесли вѣсть о войнѣ—будь свидѣтелемъ, что мы ее принесли, а теперь мы идемъ дальше.—Кимъ какъ бы невзначай протянулъ сложенную чашечкой руку.

Сынъ кинулъ ему серебряную монету, которая засверкала на солнцѣ, и что-то пробормоталъ о нищихъ и фокусникахъ. Это была монета въ четыре анна; на нихъ можно было прокормиться вдвоемъ нѣсколько дней. Лама, увидавъ блескъ метала, пробормоталъ благословеніе.

— Иди своей дорогой, „всѣмъ на свѣтѣ другъ",—крикнулъ старый солдатъ Киму, поворачивая лошадь.—Разъ въ жизни я встрѣтилъ пророка, говорящаго правду, и онъ не солдатъ.

Отецъ и сынъ ускакали; старикъ держался такъ же прямо на сѣдлѣ, какъ и молодой.

Пенджабскій констэбль въ желтыхъ полотняныхъ шароварахъ лѣниво плелся по дорогѣ. Увидавъ мелькнувшую въ воздухѣ монету, онъ подошелъ.

— Стойте,—крикнулъ онъ для большей внушительности по-англійски.—Развѣ вы не знаете, что взимается такса по два анна съ человѣка за проходъ по этой тропинкѣ на большую дорогу. Съ васъ двухъ слѣдуетъ четыре анна. Таково приказаніе начальства. Деньги идутъ на разсадку деревьевъ и содержаніе дорогъ.

— И на то, чтобы набивать брюхо полиціи,—сказалъ Кимъ, отбѣжавъ, чтобы констэбль не могъ схватить его.—Шевельни мозгами, пустая ты башка. Ты полагаешь, что ли, что мы выскочили изъ ближайшей лужи, какъ твоя теща лягушка. Слыхалъ ли ты когда-нибудь о моемъ братѣ?

— А кто онъ, твой братъ?—Оставь мальчишку,—крикнулъ старшій констэбль, съ наслажденіемъ слѣдившій за происходя-

щимъ съ веранды, гдѣ онъ сидѣлъ на корточкахъ и курилъ трубку.

— Ты взялъ этикетку съ бутылки „бэлетъ-пани“ (содовой воды), приклеилъ ее къ мосту и собиралъ цѣлый мѣсяцъ налоги съ прохожихъ, говоря, что такъ требуетъ начальство. Тогда пришелъ англичанинъ и свернулъ ему шею. Да, братецъ, я городская ворона, а не деревенская.

Полицейскій присмирѣлъ и отступилъ, а Кимъ еще долго хохоталъ надъ нимъ, продолжая путь.

— Ну, развѣ есть на свѣтѣ другой такой ученикъ, какъ я? —весело кричалъ онъ ламѣ.—Тебя бы всего общипали, прежде чѣмъ ты успѣлъ бы отойти на десять верстъ отъ Лагора, если бы я не охранялъ тебя.

— Я самъ иногда думаю, что ты добрый духъ, а иногда мнѣ кажется, что ты дьяволенокъ,—сказалъ лама, улыбаясь.— Ну, а теперь давай идти какъ слѣдуетъ.

Они прошли много верстъ въ полномъ молчаніи,—слышенъ былъ только стукъ четокъ. Лама погрузился, какъ всегда, въ глубокія думы, но у Кима глаза были широко раскрыты на окружающее. Безграничный веселый міръ, который ему открывался теперь, былъ куда занятнѣе узкихъ, запруженныхъ народомъ улицъ Лагора. На каждомъ шагу Кимъ созерцалъ новыя зрѣлища, видѣлъ новыхъ людей, принадлежащихъ и къ знакомымъ ему, и къ совершенно невѣдомымъ кастамъ. Они встрѣтили на пути длинноволосыхъ „санси“, пропитанныхъ какимъ-то ѣдкимъ запахомъ, съ корзинами ящерицъ и разной другой нечистой пищи за спиной и въ сопровожденіи тощихъ, голодныхъ собакъ. Вслѣдъ за ними шелъ неувѣренной, развинченной походкой недавно выпущенный изъ тюрьмы человѣкъ; ноги его еще слишкомъ привыкли къ кандаламъ. Его сытый видъ и лоснящаяся кожа доказывали, что правительство лучше кормитъ заключенныхъ, чѣмъ честные люди кормятся сами. Кимъ сейчасъ понялъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло— ему не разъ пришлось наблюдать такую походку,—и онъ крикнулъ ему вслѣдъ шутливое замѣчаніе. Изрѣдка имъ попадались на пути разряженныя толпы—цѣлыя деревни, отправляющіяся на какую-нибудь сельскую ярмарку. Празднично настроенныя группы шли медленно, окликая одна другую, покупая на пути сласти у разносчиковъ или останавливаясь для молитвы передъ встрѣчными алтарями—иногда индусскими, иногда мусульманскими;—и къ тѣмъ и къ другимъ низшія касты обоихъ вѣроисповѣданій относятся съ безпристрастнымъ благоговѣніемъ. Встрѣчались путникамъ и свадебныя процессіи, идущія по боль-

шой дорогѣ съ музыкой и веселыми криками, и ѣдкость пыли подавлялась запахомъ жасмина и ноготковъ. Еще интереснѣе и забавнѣе были бродячіе фокусники съ ихъ полудикими обезьянами, или слабымъ задыхающимся медвѣдемъ, или съ женщиной, которая привязывала къ ногамъ рога козла и плясала въ такомъ видѣ на канатѣ, пугая лошадей и приводя въ изумленіе и восторгъ визжащихъ отъ удовольствія женщинъ.

Лама не поднималъ глазъ на все, что̀ происходило вокругъ него; онъ упорно глядѣлъ въ землю и шелъ ровными шагами часъ за часомъ—душа его пребывала гдѣ-то далеко. Но Кимъ чувствовалъ себя на седьмомъ небѣ. Большая дорога пролегала въ этомъ мѣстѣ по высокой насыпи, ограждавшей отъ разливающихся зимой горныхъ потоковъ, такъ что путники шли надъ полями и деревнями, какъ бы по длинной террасѣ; и передъ ними, справа и слѣва, разстилалась вся Индія. Красиво было глядѣть на ползущіе по дорогамъ внизу тяжелые возы съ зерномъ и хлопкомъ. Скрипъ осей слышался еще за версту, а потомъ по мѣрѣ приближенія раздавались окрики и ругательства извозчиковъ, взбирающихся съ шумомъ и бранью на крутой отвѣсъ, чтобы выбраться на большую дорогу. Весело было глядѣть и на поселянъ, кажущихся маленькими кучками краснаго, голубого, розоваго, бѣлаго и шафрановаго цвѣта; они сворачивали съ большой дороги и расходились маленькими группами въ два-три человѣка по равнинѣ, направляясь въ свои деревни. Кимъ воспринималъ всѣ эти зрѣлища душой, хотя не могъ выразить своихъ чувствъ словами; онъ только покупалъ очищенный отъ шелухи сахарный тростникъ, съ наслажденіемъ жевалъ его и выплевывалъ сердцевину на землю. Лама отъ времени до времени нюхалъ табакъ; наконецъ Киму стало не вмоготу молчать.

— Хорошая страна югъ,—сказалъ онъ.—Воздухъ хорошъ, вода хороша. Вѣдь правда?

— И всѣ они привязаны къ Колесу,—возразилъ лама.—Привязаны въ каждой новой жизни. Ни одному изъ нихъ не открылся путь.

— Мы уже долго идемъ и дорога утомительная,—сказалъ Кимъ.—Навѣрное скоро дойдемъ до „парао“ (мѣсто отдыха). Не остановиться ли намъ тамъ? Смотри, солнце ужъ заходитъ.

— А кто пріютитъ насъ сегодня на ночь?

— Все равно. Въ этой странѣ много добрыхъ людей. А къ тому же—онъ понизилъ голосъ до шопота—у насъ есть деньги.

Толпа путниковъ все увеличивалась по мѣрѣ приближенія

въ „парао“, гдѣ они рѣшили остановиться на ночь. Рядъ лавокъ, гдѣ продается самая простая пища и табакъ, сложенные дрова, полицейскій участокъ, колодезь, водопой для лошадей, нѣсколько деревьевъ и подъ ними стоптанная мѣстами земля съ кучками пепла отъ потухшихъ костровъ — таковъ видъ этихъ „парао“, кишащихъ въ тому же толпами нищихъ и стаями воронъ, одинаково голодныхъ какъ тѣ, такъ и другія.

Солнце пронизывало широкими золотыми полосами нижнюю часть листвы мангиферъ, а потомъ быстро зашло, освѣтивъ на минуту лица, колеса телѣгъ и рога быковъ кроваво-краснымъ блескомъ. Спустилась ночь, измѣняя всю атмосферу, протягивая ровный, тонкій, какъ паутина, синій туманный покровъ надъ всей мѣстностью; въ туманѣ особенно отчетливо чувствовался запахъ древеснаго дыма и скота и ароматъ пшеничныхъ лепешекъ, испеченныхъ въ золѣ. Ночной караульщикъ торопливо вышелъ изъ полицейскаго участка, покашливая ради пущей важности; зажженный уголекъ горѣлъ краснымъ пятномъ въ трубкѣ извозчика, отъѣзжающаго отъ большой дороги.

Въ общемъ „парао“ не многимъ отличался отъ „кашмиръ-сарая“ — онъ былъ только меньше. Кимъ съ наслажденіемъ окунулся въ веселую азіатскую суету, среди которой можно, вооружившись терпѣніемъ, достать все, что нужно для удовлетворенія скромныхъ потребностей.

Киму и не нужно было многаго, такъ какъ лама не имѣлъ никакихъ кастовыхъ предразсудковъ и пищу для него можно было купить уже сваренной въ любой изъ лавченокъ; но Кимъ хотѣлъ раскутиться и купилъ нѣсколько плитокъ для топки, чтобы развести огонь. Вокругъ маленькихъ огоньковъ сновали люди, требуя оливковаго масла, зеренъ, сластей или табака, толкаясь въ ожиданіи очереди у колодца. И среди мужскихъ голосовъ раздавались визги и смѣхъ женщинъ, которымъ не дозволяется открывать лица при чужихъ.

Кимъ обратилъ вниманіе на въѣхавшую въ „парао“ разукрашенную семейную карету — „рутъ“ — съ расшитымъ навѣсомъ въ видѣ двухъ куполовъ; все вмѣстѣ походило на двугорбаго верблюда. Карету сопровождала свита изъ восьми человѣкъ, и двое изъ нихъ вооружены были ржавыми саблями — лучшее доказательство того, что они сопровождали знатную особу, такъ какъ простые люди не носятъ оружія. Изъ-за занавѣсовъ раздавался цѣлый потокъ жалобъ, приказаній, шутокъ и словъ, которыя европеецъ назвалъ бы, пожалуй, крупной бранью. Въ каретѣ, очевидно, сидѣла женщина, привыкшая командовать.

Кимъ критическимъ взоромъ оглядѣлъ свиту. На половину она состояла изъ сѣдобородыхъ тонконогихъ урійцевъ, жителей Нижней Индіи, а на половину изъ сѣверныхъ горцевъ въ драповыхъ курткахъ и съ мягкими фетровыми шляпами; уже эта смѣсь многое объясняла, еслибы даже Кимъ не подслушалъ перебранки между двумя разнородными половинами свиты. Старая дама ѣхала, очевидно, на югъ къ кому-нибудь въ гости, къ богатому родственнику, по всей вѣроятности къ зятю, который послалъ ей на встрѣчу почетный эскортъ. Горцы, вѣроятно, принадлежатъ къ ея племени,—они, вѣроятно, изъ Кулу или Кангръ. Было совершенно ясно, что она не ѣдетъ выдавать замужъ свою дочь;—еслибы съ нею ѣхала молодая дѣвушка, занавѣси кареты были бы плотно задернуты, и стража никого не подпустила бы къ каретѣ. Вѣрно, очень веселая и храбрая дама,—думалъ Кимъ, держа плитку топлива въ одной рукѣ, съѣстные припасы для ламы въ другой, и очищая плечомъ путь своему учителю. Изъ этой встрѣчи навѣрное можно извлечь пользу. Лама, конечно, не посодѣйствуетъ ему, но, какъ добросовѣстный „чела", Кимъ готовъ былъ съ радостью просить милостыню за двоихъ. Онъ разложилъ огонь какъ можно ближе къ каретѣ, ожидая, что кто-нибудь изъ свиты велитъ ему убраться. Лама тяжело опустился на землю и снова сталъ перебирать четки.

— Убирайся подальше, нищій,—крикнулъ одинъ изъ горцевъ на ломаномъ индостанскомъ нарѣчіи.

— Ба, да это только „пагари" (горецъ),—произнесъ Кимъ черезъ плечо.—Съ которыхъ поръ горные ослы завладѣли всѣмъ Индостаномъ?

Въ отвѣтъ Кимъ услышалъ очень быстрое и вразумительное перечисленіе своей родни за три поколѣнія.

— А!—голосъ Кима сталъ болѣе нѣжнымъ, чѣмъ когда либо, и онъ принялся разламывать плитки топлива.—У насъ на родинѣ это называется началомъ любовной бесѣды.

Рѣзкій тонкій голосъ изъ-за занавѣсокъ вдохновилъ горца на второй взрывъ отборнѣйшей ругани.

— Не дурно, не дурно,—спокойно сказалъ Кимъ.—Но берегись, братецъ, вѣдь мы—я говорю: мы—можемъ отвѣтить парочкой проклятій. А наши проклятія извѣстны тѣмъ, что всегда исполняются.

Урійцы разсмѣялись; горецъ бросился къ Киму съ угрожающимъ жестомъ; въ это время лама вдругъ поднялъ голову, и его огромная шляпа ярко озарилась пламенемъ костра, разложеннаго Кимомъ.

— Что тутъ происходитъ? — спросилъ онъ.

Горецъ остановился, окаменѣвъ отъ ужаса.

— Я... я... чуть не совершилъ страшнаго грѣха,—пробормоталъ онъ.

— Эй, почему ты еще не отогналъ это нищенское отродье?—крикнула старая дама.

Горецъ подошелъ къ каретѣ и шепнулъ что-то за занавѣску. Наступило мертвое молчаніе, а потомъ послышались какія-то непонятныя слова.

„Дѣло, кажется, пошло на ладъ“,—подумалъ Кимъ, дѣлая видъ, что онъ ничего не видитъ и не слышитъ.

— Когда... когда онъ поѣстъ,—горецъ заговорилъ съ Кимомъ заискивающимъ тономъ,—тогда, можетъ быть, святой отецъ удостоитъ своей бесѣды ту, которая желала бы поговорить съ нимъ.

— Когда онъ поѣстъ, онъ ляжетъ спать,—отвѣтилъ Кимъ съ важностью. Онъ еще не вполнѣ понималъ, какой оборотъ дѣло принимаетъ, но рѣшилъ во всякомъ случаѣ извлечь пользу изъ него.—А теперь я пойду доставать ему пищу.—Послѣдняя фраза, сказанная нарочно очень громко, сопровождалась жалостнымъ вздохомъ.

— Я и мои соплеменники позаботятся объ этомъ, если намъ будетъ дозволено.

— Дозволяется,—отвѣтилъ Кимъ еще болѣе важнымъ тономъ.—Святой отецъ, эти люди принесутъ намъ ѣду.

— Добрые здѣсь люди. Вся южная страна полна добрыхъ людей. Какъ свѣтъ великъ и страшенъ!—соннымъ голосомъ пробормоталъ лама.

— Пусть онъ теперь поспитъ,—сказалъ Кимъ,—а потомъ накормите насъ хорошенько, когда онъ проснется. Онъ очень святой человѣкъ.

Опять одинъ изъ урійцевъ что-то пренебрежительно пробормоталъ.

— Онъ вѣдь не факиръ, и не нищій изъ тѣхъ, которые слоняются въ Нижней Индіи,—продолжалъ Кимъ строгимъ голосомъ, поднимая глаза къ звѣздамъ.—Онъ самый святой изъ всѣхъ святыхъ людей. Онъ выше всѣхъ кастъ. А я его „чела“.

— Иди сюда,—произнесъ тонкій голосъ изъ-за занавѣски.

Кимъ подошелъ, чувствуя, что невидимые ему глаза слѣдятъ за нимъ. Изъ кареты высунулся костлявый, смуглый палецъ, унизанный кольцами, и начался разговоръ.

— Кто онъ такой?

— Очень святой человѣкъ. Онъ пришелъ издалека, изъ Ти-

бета, изъ далекаго мѣста въ снѣжныхъ горахъ. Онъ умѣетъ читать по звѣздамъ, составлять гороскопы. Но онъ дѣлаетъ это не за деньги, а только по добротѣ сердца и изъ великаго милосердія. Я его ученикъ. Меня зовутъ тоже „другомъ звѣздъ".

— Ты не горный уроженецъ!

— Спроси его. Онъ тебѣ скажетъ, что я былъ посланъ ему небомъ, чтобы привести его къ цѣли его странствія.

— Не ври! Помни, мальчишка, что я старая женщина и не дура. Ламъ я знаю и очень ихъ почитаю, но ты такой же „чела", какъ мой палецъ—дышло этой кареты. Ты индостанскій парія—дерзкій и безстыдный нищій, и служишь ламѣ, кажется, только ради наживы.

— А развѣ мы всѣ работаемъ не для наживы?—Кимъ быстро перемѣнилъ тонъ, чтобы принаровиться къ голосу старой дамы.— Я слышалъ,—это была стрѣла, пущенная наугадъ,—я слышалъ...

— Что ты слышалъ?—переспросила она, стуча пальцемъ.

— Не знаю такъ ли это, но на базарахъ говорятъ, что даже раджи—мелкіе горные раджи—продаютъ самыхъ красивыхъ своихъ женщинъ ради выгоды—продаютъ ихъ на югъ.

Для мелкихъ горныхъ раджей нѣтъ ничего обиднѣе, чѣмъ именно это обвиненіе, но на индійскихъ базарахъ это считается однимъ изъ достовѣрнѣйшихъ фактовъ таинственной торговли рабами въ Индіи. Старая дама вознегодовала и обозвала Кима сквернымъ лгунишкой. Еслибы Кимъ посмѣлъ сказать что-либо подобное, когда она была молодой дѣвушкой, его бы въ тотъ же вечеръ отдали на растоптанье слонамъ.

— Прости меня, я нищенское отродье, какъ ты сказала сама, „Око красоты".

— Вонъ какъ!—Око красоты?! Какъ ты смѣешь подступаться ко мнѣ съ своими нищенскими любезностями?—И все же она снисходительно засмѣялась, услыхавъ давно забытое обращеніе.— Сорокъ лѣтъ тому назадъ, меня можно было такъ назвать—и не безъ основанія. Да, даже тридцать лѣтъ тому назадъ. Но вотъ что̀ выходитъ отъ этого таскания по всей Индіи—вдовѣ короля приходится сталкиваться со всякимъ сбродомъ и служить посмѣшищемъ каждому нищему.

— Великая королева,—быстро заговорилъ Кимъ, чувствуя по ея голосу, что она вся дрожитъ отъ негодованія.—Я-то, конечно, таковъ, какъ ты сказала, но мой учитель все-таки святой человѣкъ. Онъ еще не знаетъ, что великая королева приказала ему.

— Приказала? Да развѣ я могу приказывать святому чело-

вѣку, учителю великаго закона? Могу ли я требовать, чтобы онъ пришелъ говорить съ женщиной? Никогда.

— Пожалѣй о моей глупости. Мнѣ казалось, что это былъ именно приказъ.

— Нѣтъ, это была просьба. Можетъ быть, вотъ это вразумитъ тебя!—Изъ кареты ему просунули серебряную монету. Кимъ взялъ ее и отвѣсилъ глубокій поклонъ.

Старая дама поняла, что нужно задобрить мальчика, который былъ для ламы глазами и ушами.

— А что тебѣ собственно надо?—спросилъ Кимъ ласковымъ и вкрадчивымъ тономъ, противъ котораго—онъ это зналъ—рѣдко кто могъ устоять.—Можетъ быть, въ твоей семьѣ хотятъ сына? Скажи прямо, вѣдь мы, священнослужители...—послѣднія слова были прямымъ плагіатомъ изъ рѣчи знакомаго Киму факира.

— Мы, священнослужители! Да ты недоросъ до...—она оборвала шутку, засмѣявшись.—Повѣрь мнѣ, о, священнослужитель, что мы, женщины, думаемъ вовсе не о сыновьяхъ. Къ тому же, у моей дочери уже есть мальчикъ.

— Двѣ стрѣлы въ колчанѣ лучше, чѣмъ одна, а три и того лучше.—Кимъ произнесъ пословицу сосредоточенно откашливаясь, и скромно потупилъ глаза.

— Это совершенная правда. Но, можетъ быть, и этого дождемся. Конечно, на этихъ факировъ въ Нижней Индіи надежда плоха. Я имъ посылаю подарки и деньги, а они только пророчествуютъ.

— А...—протянулъ Кимъ съ невыразимымъ презрѣніемъ,—они пророчествуютъ!—Ни одинъ профессіоналъ не сказалъ бы этого лучше, чѣмъ онъ.

— А молитвы мои были услышаны только тогда, когда я вспомнила о богахъ моей родины. Я выбрала благопріятный часъ и, можетъ быть, святой отецъ слыхалъ о настоятелѣ монастыря Лунгъ-Шо. Ему я изложила свое желаніе—и все исполнилось въ надлежащій срокъ. Браминъ, который живетъ у отца сына моей дочери, говорилъ потомъ, что мы этимъ обязаны *его* молитвамъ, но онъ ошибается, и я это ему докажу, когда мы пріѣдемъ. А теперь я поѣду въ Будгайю помолиться объ отцѣ моихъ дѣтей.

— Туда и мы направляемся.

— Вдвойнѣ счастливое предзнаменованіе!—воскликнула тонкимъ голосомъ старая дама.—По меньшей мѣрѣ это предвѣщаетъ второго сына.

— О, „всѣмъ на свѣтѣ другъ“!—Лама проснулся и позвалъ Кима съ испугомъ ребенка, проснувшагося на непривычномъ мѣстѣ.

— Иду, иду, святой отецъ!—Онъ стремглавъ побѣжалъ къ костру; ламу уже окружили горцы, принесшіе ему блюда съ кушаньемъ, и почти молились на него; южане имѣли недовольный видъ.

— Ступайте прочь!—крикнулъ Кимъ.—Развѣ мы станемъ ѣсть на виду у всѣхъ, какъ собаки?

Они въ молчаніи закончили трапезу, отвернувшись другъ отъ друга, и Кимъ выкурилъ еще на десертъ папиросу изъ мѣстнаго табака.

— Не говорилъ ли я сто разъ, что югъ хорошая страна? Вотъ тутъ оказалась благочестивая знатная вдова горнаго раджи; она ѣдетъ на богомолье въ Будгайю. Это она прислала намъ эти блюда, и когда ты отдохнешь, она хотѣла бы поговорить съ тобой.

— Неужели и это тоже дѣло рукъ твоихъ? Да почіетъ на тебѣ благословеніе. — Лама торжественно наклонилъ голову.—Я много людей зналъ за свою долгую жизнь, и не мало было у меня учениковъ. Но ни къ кому изъ людей,—если ты только сынъ земной матери—мое сердце такъ не привязывалось, какъ къ тебѣ. Ты такой заботливый, мудрый, ласковый мальчикъ, хотя и кажешься мнѣ иногда дьяволенкомъ.

— И я никогда не видывалъ такого священника, какъ ты.— Кимъ разглядывалъ съ любовью всѣ морщинки на добромъ желтомъ лицѣ ламы.—Еще трехъ дней не прошло послѣ нашей первой встрѣчи, а мнѣ кажется, что мы уже сто лѣтъ путешествуемъ вдвоемъ.

— Можетъ быть, мнѣ дано было оказать тебѣ услугу въ предшествующей жизни. Можетъ быть,—онъ улыбнулся,—я освободилъ тебя отъ капкана, или, поймавъ тебя на удочку въ тѣ дни, когда еще не позналъ истину, я выпустилъ тебя обратно въ рѣку.

— Можетъ быть,—спокойно сказалъ Кимъ.—А что касается женщины въ каретѣ, то, по-моему, ей нуженъ второй сынъ для ея дочери.

— Это не имѣетъ отношенія къ пути,—сказалъ лама со вздохомъ.—Но хорошо хоть то, что она пріѣхала съ горъ. О, мои горы, и снѣгъ на горахъ!

Онъ всталъ и направился къ каретѣ. Киму смертельно хотѣлось пойти за нимъ, но лама его не позвалъ; словъ, которыя доносились до него, онъ не понималъ—разговоръ шелъ на гор-

номъ нарѣчіи. Женщина, очевидно, предлагала ламѣ вопросы, а лама ихъ долго обдумывалъ, прежде чѣмъ отвѣтить. По временамъ Кимъ слышалъ пѣвучіе звуки китайскихъ текстовъ; сквозь полуопущенныя вѣки онъ видѣлъ странную, прямую и стройную фигуру ламы, стоящаго передъ каретой; пламя костра бросало черныя тѣни на глубокія складки его желтой одежды; весь онъ походилъ на узловатый стволъ дерева, на который заходящее солнце бросаетъ полосами тѣни; нарядная лакированная карета тоже блестѣла въ отблескахъ пламени какъ самоцвѣтный камень. Вышитыя золотомъ занавѣски дрожали отъ вѣтра, то поднимаясь, то опускаясь, и когда разговоръ становился оживленнѣе, унизанный кольцами палецъ искрился среди мелькавшихъ вышитыхъ узоровъ. За каретой начиналась стѣна мрака, прерываемая безчисленными маленькими огоньками и мелькающими фигурами, лицами и тѣнями.

Лама наконецъ возвратился. За нимъ одинъ изъ горцевъ несъ стеганое одѣяло и старательно разостлалъ его у разведеннаго костра.

„Она заслуживаетъ десять тысячъ внуковъ,—подумалъ Кимъ.— А тѣмъ не менѣе, еслибы не я, то всѣхъ этихъ даровъ мы бы не получили“.

— Добродѣтельная женщина—и мудрая.—Лама сталъ медленно ложиться, расправляя свои члены, какъ лѣнивый верблюдъ. — Міръ полонъ щедротъ для слѣдующихъ по пути.— Онъ перебросилъ половину одѣяла Киму.

— А что она тебѣ сказала?—Кимъ завернулся въ удѣленную ему половину одѣяла.

— Она спрашивала у меня о многомъ и просила разрѣшенія разныхъ вопросовъ—все это большей частью глупости, болтовня служащихъ дьяволу браминовъ, притворяющихся, что они слѣдуютъ по пути. На нѣкоторые вопросы я отвѣтилъ, а про другое сказалъ, что это вздоръ. Много есть носящихъ одежды священнослужителей, но немногіе держатся пути.

— Правда, совершенная правда.—Кимъ говорилъ вдумчивымъ, примирительнымъ тономъ, вызывающимъ на откровенность.

— Но она все-таки умна и разсудительна. Она очень желаетъ, чтобы мы поѣхали съ ней въ Будгайю; по ея словамъ, ея путь на югъ совпадаетъ съ нашимъ на много дней.

— И ты согласился?

— Имѣй терпѣніе выслушать меня. Я сказалъ ей, что прежде всего я долженъ думать о своей цѣли. Она слыхала много глупыхъ басенъ, но великую правду о моей рѣкѣ—она

не знаетъ. Таковы эти священники въ Нижней Индіи. Она знаетъ настоятеля въ Лунгъ-Шо, но ничего не знаетъ о моей рѣкѣ— и не знаетъ про стрѣлу.

— Что-жъ дальше?

— Я поэтому ей сказалъ о моемъ исканіи, и о пути, и о многомъ другомъ, очень важномъ. Она просила только, чтобы я сопровождалъ ее и молился о второмъ сынѣ

— Ага, „мы, женщины", *не* думаемъ ни о чемъ, кромѣ какъ о дѣтяхъ,—сказалъ Кимъ соннымъ голосомъ.

— Ну, а такъ какъ намъ съ ней по пути, то я не знаю, чѣмъ бы мы уклонились отъ нашей цѣли, сопровождая ее, по крайней мѣрѣ до...—я забылъ названіе города.

— Эй,—сказалъ Кимъ, оборачиваясь и обращаясь рѣзкимъ шопотомъ къ одному изъ стоящихъ по близости уріевъ.—Гдѣ живетъ вашъ хозяинъ?

— По близости Сагаруннора, среди фруктовыхъ садовъ.— Онъ назвалъ деревню.

— Вѣрно, — сказалъ лама. — До этого мѣста по крайней мѣрѣ мы можемъ ѣхать съ нею. Я вѣдь могу по дорогѣ осматривать всѣ рѣки. Она очень просила, чтобы я согласился. Ей этого сильно хочется.

Кимъ засмѣялся про себя подъ одѣяломъ. Когда властная старая дама оправится отъ своего благоговѣйнаго ужаса передъ ламой, думалъ онъ, ее, вѣроятно, интересно будетъ послушать.

Онъ уже почти заснулъ, когда лама вдругъ произнесъ вслухъ пословицу:

„Мужьямъ болтливыхъ женщинъ будетъ великая награда".

Кимъ слышалъ еще какъ лама послѣ того нѣсколько разъ нюхалъ табакъ; потомъ мальчикъ заснулъ, продолжая смѣяться.

Свѣтлая утренняя заря разбудила и людей, и воронъ, и воловъ. Кимъ поднялся, зѣвнулъ, встрепенулся и почувствовалъ, какъ восторгъ наполняетъ его душу. Индія проснулась, и Кимъ былъ въ самомъ центрѣ ея, болѣе бодрый и возбужденный, чѣмъ всѣ другіе. О пищѣ ему нечего было заботиться— не нужно было тратить ни гроша въ лавкахъ, переполненныхъ народомъ. Вѣдь онъ былъ ученикомъ святого человѣка, принятаго въ свиту властной старой дамы. Имъ все приготовятъ, почтительно пригласятъ ихъ откушать, — они тогда сядутъ и будутъ ѣсть. Въ остальномъ—Кимъ разсмѣялся про себя, полоща ротъ— общество ихъ покровительницы только увеличитъ прелесть путешествія. Онъ внимательно оглядѣлъ воловъ, которые отдувались и мычали, когда ихъ стали запрягать. Если окажется, что они

очень быстро идутъ — это было, впрочемъ, мало вѣроятно,—то онъ сможетъ чудесно усѣсться на дышлѣ. Лама будетъ сидѣть рядомъ съ возницей, а свита, конечно, пойдетъ пѣшкомъ. Конечно, старая дама будетъ много говорить, и судя по тому, что̀ онъ слышалъ, разговоръ ея не будетъ лишенъ соли. Она уже отдавала приказанія, громко говорила и, нужно сказать, очень энергично ругала своихъ слугъ за нерадивость.

— Дайте ей трубку. Ради всѣхъ боговъ, дайте трубку, чтобы заткнуть ей ротъ,—кричалъ уріецъ, связывая въ узлы постельныя принадлежности.—Она сродни попугаямъ—они тоже трещатъ на зарѣ.

— Что тамъ съ волами? Эй! Присмотри за волами!—Они пятились и бросились въ сторону, потому что на нихъ наѣхалъ возъ съ зерномъ, и ось его задѣла ихъ за рога.—Куда ты лѣзешь, слѣпой филинъ, не видишь, что ли? — крикнулъ уріецъ извозчику.

— Ай, ай, ай! Въ каретѣ сидитъ королева Делійская; она ѣдетъ молиться о томъ, чтобы у нея родился сынъ, —отозвался человѣкъ, сидящій наверху тяжело нагруженнаго воза.—Мѣсто королевѣ и ея первому министру, сѣрой обезьянѣ, ѣдущей верхомъ на своемъ собственномъ копьѣ!—Другой возъ, нагруженный корой для кожевеннаго̀ завода, ѣхалъ вслѣдъ за первымъ, и возница его сказалъ еще нѣсколько новыхъ любезностей, повстрѣчавшись съ пятившимися волами.

Изъ-за развѣвающихся занавѣсокъ послышалась брань,—не очень продолжительная, но превзошедшая всѣ ожиданія Кима по силѣ и убѣдительности. Онъ видѣлъ, какъ извозчикъ задрожалъ отъ изумленія, какъ онъ сталъ отвѣшивать глубокіе поклоны по направленію голоса, кричащаго изъ кареты, а потомъ соскочилъ съ воза и помогъ слугамъ вывезти карету со строптивыми волами на большую дорогу. Тутъ голосъ изъ кареты объяснилъ ему, какова на самомъ дѣлѣ женщина, на которой онъ женатъ, и что̀ она дѣлаетъ въ его отсутствіе.

Кимъ не могъ удержаться отъ хохота при видѣ удиравшаго извозчика.

— Кончено это наконецъ? Чистый срамъ, что бѣдная женщина не можетъ ѣхать на богомолье, не подвергаясь оскорбленіямъ всякаго индостанскаго сброда,—что ей приходится глотать обиды, какъ люди ѣдятъ хлѣбъ. Но у меня еще не отсохъ языкъ— нѣсколько словъ во̀-время сказанныхъ могутъ иногда очень пригодиться. А мнѣ все-таки не дали табака. Гдѣ этотъ одноглазый,

злополучный безстыдникъ, который все еще не приготовилъ моей трубки?

Одинъ изъ горцевъ быстро передалъ черезъ окно кареты трубку, и струя густого дыма, показавшаяся изъ-за занавѣсокъ, была знакомъ, что миръ возстановленъ.

Если Кимъ наканунѣ гордо выступалъ въ сознаніи того, что онъ ученикъ святого человѣка, то теперь гордость его удесятерилась: онъ состоялъ почти что въ королевской свитѣ и былъ подъ покровительствомъ могущественной старой дамы съ очаровательными манерами. Свита, съ повязанными по мѣстному обычаю головами, слѣдовала по обѣ стороны кареты, поднимая огромныя облака пыли.

Лама и Кимъ шли нѣсколько въ сторонѣ; Кимъ жевалъ сахарный тростникъ. Они слышали издали какъ неустанно трещала старая дама. Она требовала, чтобы слуги говорили ей о томъ, что̀ происходитъ на дорогѣ, и какъ только они отъѣхали отъ „парао", она отдернула занавѣску и выглянула изъ окна; лицо ея лишь на треть прикрыто было покрываломъ. Ея слуги не глядѣли на нее, обращаясь къ ней, и такимъ образомъ, приличія, требующія, чтобы женщины высшихъ классовъ не показывали своего лица, были болѣе или менѣе соблюдены.

Черезъ нѣсколько времени она послала одного изъ слугъ просить ламу, чтобы онъ шелъ рядомъ съ каретой—она желала бесѣдовать съ нимъ о религіозныхъ вопросахъ. Кимъ остался одинъ среди пыли, продолжая жевать сахарный тростникъ. Болѣе часа огромная шляпа ламы выглядывала какъ мѣсяцъ изъ-за облака пыли, и Кимъ понялъ по долетавшимъ до него звукамъ, что старая дама плакала.

Въ полдень они свернули съ большой дороги, чтобы поѣсть; обѣдъ былъ очень вкусный, обильный и хорошо поданный на тарелкахъ изъ чистыхъ листьевъ, въ тѣни, вдали отъ дорожной пыли. Остатки были отданы нищимъ во исполненіе предписаній закона, а послѣ обѣда всѣ предались долгому блаженному куренію. Старая дама удалилась за занавѣски своей кареты, но очень свободно вмѣшивалась въ разговоръ; слуги ея, какъ это обыкновенно бываетъ на востокѣ, вступали съ ней въ споръ и часто возражали ей. Она сравнивала прохладу и сосны родныхъ горъ съ пылью и мангиферами юга, разсказала исторію про старыхъ мѣстныхъ боговъ на рубежѣ владѣній ея мужа, ругала табакъ, который приходится здѣсь курить, ругала всѣхъ браминовъ и безцеремонно говорила объ ожидаемыхъ ею въ будущемъ внукахъ.

V.

Громоздкая карета, окруженная лѣнивой свитой, снова двинулась въ путь; старая дама спала до слѣдующей остановки. Переѣздъ на этотъ разъ былъ очень короткій; оставался еще часъ до захода солнца, и Кимъ приставалъ ко всѣмъ, ища чѣмъ бы позабавиться.

— Почему бы намъ не сѣсть и не отдохнуть?—сказалъ ему одинъ изъ свиты. — Только черти и англичане любятъ ходить взадъ и впередъ безъ всякой надобности.

— Не слѣдуетъ дружить ни съ дьяволомъ, ни съ обезьяной, ни съ мальчиками, такъ какъ невозможно предвидѣть, что̀ имъ взбредетъ въ голову,—прибавилъ его товарищъ.

Кимъ съ презрѣніемъ отвернулся — онъ вовсе не желалъ выслушивать старую сказку о томъ, какъ чортъ сталъ играть съ мальчиками и потомъ въ этомъ раскаялся. Отойдя отъ другихъ, онъ пошелъ гулять.

Лама направился за нимъ. Весь день, какъ только они проходили мимо воды, онъ сворачивалъ съ дороги для осмотра, но ни разу не было у него предчувствія, что онъ нашелъ свою рѣку. Онъ незамѣтно для самого себя нѣсколько отвлекся отъ своего исканія, чувствуя себя очень хорошо въ роли почитаемаго совѣтчика знатной дамы, съ которой онъ имѣлъ возможность говорить на разумномъ родномъ языкѣ. Къ тому же онъ внутренно приготовился провести много свѣтлыхъ лѣтъ въ исканіи рѣки, такъ какъ ему чуждо было нетерпѣніе бѣлыхъ людей, и душа его полна была глубокой вѣры.

— Ты куда идешь?—окликнулъ онъ Кима.

— Никуда,—переходъ былъ короткій, а все это—Кимъ провелъ рукой по воздуху—для меня ново.

— Она, безспорно, мудрая и разсудительная женщина. Но трудно размышлять, когда...

— Всѣ женщины таковы.—Кимъ сказалъ это, какъ сказалъ бы Соломонъ.

Лама сталъ перебирать четки и началъ свою молитву обычными словами: „Om mane pudme hum“, возносяя благодарность небу за прохладу, покой и отсутствіе пыли.

Кимъ съ любопытствомъ вглядывался во все, что̀ открывалось теперь его взорамъ. Его прогулка не имѣла опредѣленной цѣли; ему только интересно было разсмотрѣть ближайшія хижины, непохожія на всѣ дома, какіе ему случалось видать прежде.

Они пришли къ широкому пастбищу, которое отливало пурпуромъ въ предвечернемъ свѣтѣ; посрединѣ возвышалась группа мангиферъ. Киму показалось страннымъ, что въ такомъ удобномъ мѣстѣ не стояло алтаря; мальчикъ обратилъ на это вниманіе, какъ будто бы онъ былъ браминомъ. Вдали онъ замѣтилъ шедшихъ по ровному мѣсту четырехъ людей; на разстояніи они казались очень маленькими. Онъ пристально разглядѣлъ ихъ, защитивъ глаза ладонями и замѣтилъ блескъ мѣди.

— Солдаты, бѣлые солдаты,—сказалъ онъ.—Посмотримъ-ка на нихъ.

— Мы съ тобой всегда встрѣчаемъ солдатъ, когда идемъ вдвоемъ. Но я никогда не видѣлъ бѣлыхъ солдатъ.

— Они не причиняютъ зла, если только не пьяны. Станемъ за это дерево.

Они спрятались за толстые стволы въ прохладномъ сумракѣ мангиферъ. Двѣ маленькія фигуры остановились; двѣ другія нерѣшительно приближались къ нимъ. Это былъ аванпостъ марширующаго полка, высланный для разбивки лагеря. У нихъ были въ рукахъ пятифутовые шесты съ развѣвающимися флагами, и они окликали другъ друга, идя по равнинѣ.

Наконецъ они грузными шагами вступили въ рощу.

— Это мѣсто, кажется, годится,—офицерскія палатки поставимъ подъ деревьями, а мы всѣ можемъ расположиться подальше. Намѣтили ли они позади мѣсто для багажныхъ фургоновъ?

Они что-то крикнули своимъ товарищамъ вдали, и отвѣтъ прозвучалъ очень слабо и неясно.

— Вбей флагъ сюда,—сказалъ одинъ солдатъ другому.

— Что это они здѣсь готовятъ?—спросилъ лама, пораженный всѣмъ происходящимъ.—Какъ міръ великъ и страшенъ! И что̀ изображено на флагѣ?

Одинъ изъ солдатъ бросилъ на землю доску въ нѣсколькихъ футахъ разстоянія отъ нихъ, потомъ заворчалъ, поднялъ ее, сталъ совѣтываться со своимъ товарищемъ, который осматривалъ тѣнистую рощу, и перевернулъ доску на другую сторону.

Кимъ глядѣлъ на нихъ во всѣ глаза и прерывисто дышалъ.

— О, святой отецъ,—прошепталъ онъ,—вспомни мой гороскопъ, вспомни, что̀ нарисовалъ на пескѣ браминъ въ Умбаллѣ! Вспомни, что̀ онъ сказалъ. Сначала придутъ два „ферраша", чтобы все приготовить — въ темномъ мѣстѣ; такъ всегда начинаются видѣнія.

— Но вѣдь это не видѣніе, — сказалъ лама. — Это только иллюзія жизни, и больше ничего.

— А за ними придетъ быкъ—красный быкъ на зеленомъ полѣ. Смотри, вотъ онъ.

Кимъ указалъ на флагъ, развѣвавшійся на вѣтру въ десяти футахъ отъ нихъ. Это былъ самый обыкновенный лагерный флагъ; но въ полку очень любили всякое щегольство, и флагъ былъ украшенъ полковымъ девизомъ, краснымъ быкомъ — гербомъ мавериковъ—на зеленомъ полѣ (эмблема Ирландіи).

— Да, вижу и теперь припоминаю, — сказалъ лама.—Конечно, это твой быкъ. Конечно, и это именно тѣ два человѣка, котôрые должны все приготовить.

— Это солдаты, бѣлые солдаты. А что сказалъ браминъ? „Быкъ знаменуетъ войну и вооруженныхъ людей". Святой отецъ, это относится къ моему исканію.

— Правда, правда.—Лама пристально смотрѣлъ на флагъ, пламенѣвшій какъ рубинъ въ вечернихъ сумеркахъ.—Умбальскій браминъ сказалъ, что твой знакъ—знакъ войны.

— Что же намъ теперь дѣлать?

— Подождемъ.

— Вотъ видишь, мракъ разсѣивается,—сказалъ Кимъ.

Не было, конечно, ничего чудеснаго въ томъ, что заходящее солнце пробилось наконецъ сквозь стволы деревьевъ въ рощу и залило ее на нѣсколько минутъ мягкимъ золотымъ свѣтомъ; но Киму это показалось исполненіемъ пророческихъ словъ брамина.

— Слышишь, — сказалъ лама, — тамъ вдали бьютъ въ барабанъ.

— Это музыка,—объяснилъ Кимъ.

Онъ не разъ слышалъ полковую музыку, но лама былъ очень изумленъ.

Полковой оркестръ мавериковъ игралъ лагерный сборъ. За музыкантами шелъ обозъ. Колонна солдатъ приблизилась, а за нею возы, затѣмъ, одни пошли направо, другіе—налѣво; стройная колонна разсыпалась какъ муравейникъ и...

— Да вѣдь это колдовство,—сказалъ лама.

Равнина покрылась палатками, которыя, казалось, снимались съ возовъ совершенно готовыми. Кучка солдатъ вошла въ рощу, молча раскинула большую палатку и вокругъ нея еще восемь или девять другихъ, вынула котлы, сковороды и узлы, которыми завладѣла толпа туземныхъ слугъ. Роща на глазахъ у ламы и Кима превратилась въ благоустроенный городъ.

— Уйдемъ, — сказалъ лама, когда засверкали огни и въ палатку вошли офицеры, звеня саблями.

— Постой здѣсь въ тѣни. Насъ не видно при огнѣ,—сказалъ Кимъ, не отрывая глазъ отъ флага.

Онъ еще никогда до того не видѣлъ, какъ хорошо дисциплинированный полкъ раскидываетъ лагерь въ полчаса.

— Смотри, смотри, смотри,—прерывисто сказалъ лама,—вотъ идетъ браминъ.

Это былъ Беннетъ, полковой пасторъ; онъ шелъ прихрамывая, одѣтый въ черное запыленное платье. Кто-то изъ его паствы невѣжливо посмѣялся надъ его неповоротливостью, и чтобы пристыдить его, Беннетъ шелъ весь день нога въ ногу съ солдатами. По его черной одеждѣ, золотому кресту на длинной цѣпи, безбородому лицу и мягкой черной шляпѣ съ широкими полями, его признали бы священнослужителемъ во всей Индіи. Онъ опустился на походный стулъ у дверей офицерской палатки и сталъ снимать сапоги. Нѣсколько офицеровъ окружили его, смѣясь и шутя надъ его подвигомъ.

— Разговоръ бѣлыхъ людей лишенъ всякаго благородства,—сказалъ лама, судившій только по тону непонятныхъ ему рѣчей. —Но я вижу лицо этого священнослужителя, и мнѣ кажется, что онъ много знаетъ. Какъ ты думаешь, говоритъ онъ по-нашему? Я бы хотѣлъ поговорить съ нимъ о рѣкѣ.

— Не говори съ бѣлымъ человѣкомъ, пока онъ не поѣлъ,—отвѣтилъ Кимъ мѣстной пословицей.—Они теперь будутъ ѣсть, и я не думаю, чтобы у нихъ стоило просить милостыню. Пойдемъ къ нашимъ. Поѣвши, мы вернемся сюда. Вѣдь это навѣрное красный быкъ—мой красный быкъ.

Оба они были очень разсѣяны за вечерней ѣдой, и никто не нарушалъ ихъ молчанія, потому что, надоѣдая гостямъ, можно было навлечь на себя несчастіе.

— А теперь,—сказалъ Кимъ,—вернемся туда. Но ты, святой отецъ, долженъ будешь посидѣть и подождать меня—ты ходишь не такъ скоро, какъ я, а мнѣ не терпится—хочу посмотрѣть еще разъ на краснаго быка.

— Но развѣ ты понимаешь ихъ языкъ? Не ходи слишкомъ скоро, по дорогѣ вѣдь темно,—съ безпокойствомъ сказалъ лама.

Кимъ ничего ему на это не отвѣтилъ.

— Я знаю мѣсто вблизи рощи,—сказалъ онъ,—гдѣ ты можешь сидѣть, пока я схожу къ нимъ. Подумай,—прибавилъ онъ, замѣчая протестъ со стороны ламы,—вспомни, что это касается моего исканія, моего „краснаго быка“. Знаменіе въ звѣздахъ относилось ко мнѣ, а не къ тебѣ. Я немножко знакомъ съ обычаями бѣлыхъ солдатъ, и мнѣ всегда пріятно видѣть новое.

— Да развѣ есть что-нибудь на землѣ, чего ты не знаешь?

Лама послушно усѣлся въ маленькой ямѣ, неподалеку отъ мангиферъ, чернѣвшихъ на фонѣ звѣзднаго неба.

— Подожди меня здѣсь.

Кимъ убѣжалъ и исчезъ въ темнотѣ. Онъ зналъ, что по всей вѣроятности вокругъ лагеря будутъ разставлены часовые, и улыбнулся, услышавъ тяжелые шаги одного изъ нихъ. Кимъ умѣлъ пробираться по крышамъ въ Лагорѣ въ лунную ночь, пользуясь всякой маленькой полоской и уголкомъ тѣни, чтобы скрыться отъ своихъ преслѣдователей, и его не могъ испугать отрядъ дисциплинированныхъ солдатъ. Онъ пролѣзъ между двухъ часовыхъ и потомъ, то пускаясь бѣгомъ, то останавливаясь, то скрючившись и пробираясь ползкомъ по землѣ, добрался до освѣщенной офицерской палатки, притаился за деревомъ и сталъ ждать, чтобы какое-нибудь сказанное тамъ слово вразумило его, какъ дѣйствовать дальше.

Онъ думалъ только о томъ, чтобы узнать еще что-нибудь про краснаго быка. По его пониманію—а невѣжественность Кима была такой же поразительной, какъ и его житейская мудрость,—всѣ эти люди—девятьсотъ дьяволовъ, про которыхъ говорилъ его отецъ въ своемъ пророчествѣ,—вѣроятно такъ же молятся быку, какъ индусы молятся священной коровѣ. Это казалось ему по меньшей мѣрѣ совершенно въ порядкѣ вещей и вполнѣ логичнымъ. Поэтому ему больше всего хотѣлось поговорить съ пасторомъ; тотъ навѣрное сможетъ ему все разъяснить. Съ другой стороны, Кимъ хорошо помнилъ благообразныхъ патеровъ, которыхъ такъ избѣгалъ въ Лагорѣ, и зналъ, что они любятъ вмѣшиваться не въ свое дѣло и могутъ заставить его учиться. Но развѣ ему не было сказано въ Умбаллѣ, что его знакъ на небесахъ знаменуетъ войну и вооруженныхъ людей? Развѣ онъ не былъ „другомъ звѣздъ“ такъ же, какъ и „всѣмъ на свѣтѣ другомъ“, и развѣ все его существо не было преисполнено страшныхъ тайнъ? А главное—и это говорило въ немъ сильнѣе всего остального—новое его приключеніе было очень веселымъ и самымъ очаровательнымъ образомъ напоминало его прежнія рысканія по крышамъ, будучи въ то же время исполненіемъ великаго пророчества. Онъ легъ плашмя на землю и подползъ къ двери палатки, придерживая одной рукой амулетъ на своей шеѣ.

Онъ увидѣлъ именно то, что̀ ожидалъ. Сагибы молились своему богу. Въ центрѣ офицерскаго стола стояло въ качествѣ единственнаго украшенія, которое они возили съ собой въ походахъ,

изображеніе золотого быка на зеленомъ полѣ. Къ нему сагибы протягивали стаканы и громко что-то кричали всѣ вмѣстѣ.

Пасторъ Артуръ Беннетъ обыкновенно уходилъ изъ офицерскаго собранія послѣ этого тоста, и такъ какъ былъ утомленъ отъ долгаго марша, то еще болѣе прихрамывалъ, чѣмъ обыкновенно. Кимъ, немного поднявшій голову, все еще глядѣлъ на привлекавшій его предметъ на столѣ, когда пасторъ вышелъ изъ палатки. Кимъ хотѣлъ быстро ускользнуть и, подавшись въ сторону, сбилъ съ ногъ пастора, который, однако, успѣлъ схватить его за горло и чуть не задушилъ его. Тогда Кимъ изо всѣхъ силъ ударилъ его въ животъ. Мистеръ Беннетъ, задыхаясь, приподнялся, не выпуская мальчика, и потащилъ его къ себѣ въ палатку, не говоря ни слова. Маверики были неисправимые шутники, а англичанинъ рѣшилъ поэтому, что лучше всего молчать, пока онъ не узнаетъ въ чемъ дѣло, чтобы не попасться въ просакъ.

— Да это просто какой-то мальчишка?—крикнулъ онъ, подводя свою добычу къ фонарю въ палаткѣ. Онъ сталъ его трясти и крикнулъ:—что̀ ты тутъ дѣлалъ? Ты воръ. Хуръ? Малумъ?

Запасъ его индусскихъ словъ былъ очень ограниченъ.

Сильно возмущенный Кимъ рѣшилъ не оправдываться въ взводимой на него клеветѣ. Онъ тяжело дышалъ и придумывалъ въ то же время правдоподобную исторію о своемъ знакомствѣ съ полковымъ поваренкомъ, поглядывая также на приподнятую лѣвую руку пастора, изъ-подъ которой можно было ускользнуть въ дверь. Случай представился; Кимъ уже очутился на порогѣ, но пасторъ успѣлъ задержать его, схвативъ за тесемку, на которой висѣлъ амулетъ, и зажалъ въ рукѣ кожаный мѣшечекъ.

— Отдайте мнѣ его, отдайте! Не отнимайте моихъ бумагъ.

Эти слова Кимъ сказалъ по-англійски,—на неуклюжемъ англійскомъ языкѣ туземцевъ.

Пасторъ былъ пораженъ.

— Что̀ это?—сказалъ онъ, раскрывая руку.—Какой-то языческій амулетъ? Откуда, откуда ты знаешь по-англійски? Маленькихъ мальчиковъ наказываютъ за воровство. Знаешь ты это?

— Я, я не воровалъ.—Кимъ былъ въ такомъ ужасѣ, что сталъ прыгать на одномъ мѣстѣ, какъ собака передъ поднятой палкою.— Отдайте мнѣ. Это мой амулетъ, не отнимайте его у меня.

Пасторъ, не слушая его, подошелъ къ дверямъ палатки и громко позвалъ кого-то. На его зовъ пришелъ плотный, гладко выбритый человѣкъ.

— Мнѣ нужно посовѣтоваться съ вами, отецъ Викторъ,— сказалъ Беннетъ. — Я поймалъ этого мальчика въ темнотѣ за офицерской палаткой. Собственно слѣдовало бы его отодрать и отпустить. Онъ, кажется, воришка. Но онъ говоритъ по-англійски, и очень дорожитъ какимъ-то амулетомъ. Можетъ быть, вы поможете мнѣ разобраться въ этомъ дѣлѣ.

Беннетъ считалъ, что между нимъ и католическимъ патеромъ ирландской части войска существуетъ непроходимая пропасть, но почему-то всегда, когда англійской церкви нужно разобраться въ чьей-нибудь психологіи, она обращается за помощью къ римской церкви.

— Какъ, воръ—и говоритъ по-англійски? Посмотримъ его амулетъ. Да это вовсе не амулетъ, Беннетъ.

Отецъ Викторъ протянулъ руку за мѣшечкомъ.

— Но имѣемъ ли мы право открыть его? Можетъ быть, просто слѣдуетъ только отколотить мальчишку и...

— Я не воръ,—протестовалъ Кимъ.—Вы меня и безъ того исколотили. А теперь отдайте мнѣ мой амулетъ, и я уйду.

— Подожди, мы сначала посмотримъ, что тутъ такое,—сказалъ отецъ Викторъ, медленно разворачивая пергаментъ „ne varietur“ злополучнаго Кимбала О'Гара, его полицейское свидѣтельство и метрику Кима.—На ней О'Гара, думая, что этимъ отлично устраиваетъ судьбу своего сына, написалъ множество разъ одну и ту же фразу: „позаботьтесь о мальчикѣ. Пожалуйста, позаботьтесь о мальчикѣ“. Эти слова были скрѣплены его подписью и полнымъ обозначеніемъ названія и номера его полка.

— Да разрушатся силы адовы! — сказалъ отецъ Викторъ, передавая бумаги Беннету.—Знаешь ли ты, что въ этихъ бумагахъ?—обратился онъ къ Киму.

— Да,—отвѣтилъ Кимъ.—Бумаги мои, и я хочу уйти.

— Я ничего не понимаю, — сказалъ Беннетъ. — Онъ, вѣроятно, нарочно принесъ съ собой эти бумаги. Можетъ быть, это одинъ изъ способовъ собирать милостыню?

— Для нищаго онъ слишкомъ торопится уйти отъ насъ. А вѣдь дѣло-то оказывается любопытное. Вы вѣрите въ провидѣніе, Беннетъ?

— Конечно.

— Ну, а я вѣрю въ чудеса—это сводится къ одному и тому же. Да разрушатся силы адовы! Кимбалъ О'Гара—и это его сынъ. Но вѣдь мальчикъ туземецъ, а я самъ присутствовалъ при вѣнчаніи Кимбала съ Анни Шотъ. Съ которыхъ поръ у тебя эти бумаги, мальчикъ?

— Съ самаго дѣтства.

Отецъ Викторъ подошелъ къ Киму и отстегнулъ ему рубашку на груди.

— Вотъ видите, Беннетъ, онъ не совсѣмъ черный. Какъ тебя зовутъ?

— Кимъ.

— Или, можетъ быть, Кимбалъ?

— Можетъ быть. Да отпустите ли вы меня наконецъ?

— А какъ тебя еще зовутъ?

— Зовутъ меня еще Кимъ Ришти-ке. Это значитъ Кимъ риштскій.

— Что̀ значитъ „риштскій"?

— И-риштскій. Мой отецъ былъ изъ этого полка.

— А, понимаю, это значитъ ирландскій (Irish—ирландскій).

— Ну, да. Отецъ мнѣ такъ и сказалъ, когда былъ живъ. Теперь онъ ушелъ отсюда, умеръ давно.

Беннетъ вмѣшался въ разговоръ.

— Возможно, что я ошибся относительно него. Онъ навѣрное бѣлый, хотя, очевидно, онъ ужасно запущенъ. Я, кажется, сильно помялъ его. Я спиртныхъ напитковъ не признаю, но...

— Такъ дайте ему рюмку шерри, и пусть онъ посидитъ на кровати. Послушай, Кимъ,—продолжалъ отецъ Викторъ, — тебѣ никто ничего худого не сдѣлаетъ. Выпей-ка это и разскажи намъ о себѣ. Если ты ничего противъ этого не имѣешь, то ужъ пожалуйста говори правду.

Кимъ откашлялся, выпилъ вино и призадумался. Наступилъ моментъ, когда нужна была осмотрительность, потому что съ нимъ творились чудеса. Мальчиковъ, которые шляются вокругъ лагерей, обыкновенно выгоняютъ, предварительно отодравъ. Но его не побили,—очевидно, его охранялъ амулетъ. Повидимому, также умбальскій гороскопъ и тѣ слова, которыя самъ Кимъ запомнилъ изъ несвязныхъ рѣчей отца, самымъ чудеснымъ образомъ подходили къ настоящимъ обстоятельствамъ. Иначе почему бы жирный патеръ былъ такъ ими пораженъ, и почему бы тощій пасторъ далъ ему теплое желтое вино?

— Мой отецъ, онъ умеръ въ Лагорѣ, когда я еще былъ совсѣмъ маленькимъ. А женщина—она была торговкой,—у нея была лавка тамъ, гдѣ останавливаются извозчики.

Кимъ попробовалъ начать съ правды, еще не рѣшивъ, насколько для него будетъ полезно держаться ея.

— А твоя мать?

— Нѣтъ ее у меня,—сказалъ Кимъ, махнувъ рукой.—Она

ушла отсюда, когда я только-что родился. Мой отецъ—онъ досталъ эти бумаги изъ Жаду-Гера,—какъ это по-вашему? (Беннетъ кивнулъ головой, чтобы показать, что онъ понимаетъ)—потому что онъ былъ на хорошемъ счету. Онъ мнѣ самъ это сказалъ. Онъ также сказалъ, а послѣ того и браминъ, который два дня тому назадъ сдѣлалъ рисунокъ на пескѣ въ Умбаллѣ. Онъ сказалъ, что я увижу краснаго быка на зеленомъ полѣ, и что быкъ составитъ мое счастье.

— Феноменальный лгунишка!—пробормоталъ Беннетъ.

— Да разрушатся силы адовы! что за страна, — прошепталъ отецъ Викторъ.—Продолжай, Кимъ.

— Я не пришелъ воровать. Къ тому же я ученикъ очень святого человѣка. Онъ сидитъ тамъ въ полѣ. Мы увидѣли двухъ людей съ флагами,—они пришли все приготовить. Такъ всегда бываетъ въ видѣніяхъ, или когда исполняется пророчество. Я потому и зналъ, что все исполнится. Я увидѣлъ краснаго быка на зеленомъ полѣ, а мой отецъ, онъ сказалъ: „Девятьсотъ чертей и полковникъ, который ѣдетъ верхомъ на лошади, будутъ о тебѣ заботиться, когда ты найдешь краснаго быка“. Я не зналъ, что мнѣ дѣлать, когда увидѣлъ быка, и ушелъ, а когда стемнѣло я вернулся. Я хотѣлъ еще разъ посмотрѣть на быка, и увидалъ его снова—ему молились сагибы. Я полагаю, что быкъ принесетъ мнѣ счастье. Святой отецъ тоже такъ сказалъ. Онъ сидитъ тутъ по близости. Если я позову его, вы ему ничего дурного не сдѣлаете? Онъ очень святой человѣкъ. Онъ можетъ засвидѣтельствовать все, что̀ я разсказалъ, и онъ знаетъ, что я не воръ.

— Офицеры молились быку? Что̀ это значитъ?—сказалъ Беннетъ. — Ученикъ святого человѣка? Онъ сумасшедшій, что ли, этотъ мальчикъ?

— Онъ сынъ О'Гара, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Сынъ О'Гара въ союзѣ съ темной силой. Отецъ его тоже какъ разъ былъ на это способенъ—когда напивался. Позовемъ лучше этого святого. Онъ, можетъ быть, что-нибудь знаетъ.

— Онъ не все знаетъ,—сказалъ Кимъ. — Я вамъ его покажу, пойдемте со мной. Онъ мой учитель. А потомъ ужъ отпустите насъ.

— Да разрушатся силы адовы!—вотъ все, что̀ могъ сказать отецъ Викторъ, когда Беннетъ вышелъ изъ палатки, опираясь одной рукой на плечо Кима.

Они застали ламу на томъ мѣстѣ, гдѣ Кимъ усадилъ его.

— Мое исканіе окончено, — крикнулъ Кимъ на туземномъ нарѣчіи.—Я нашелъ быка, но Богъ знаетъ, что̀ теперь будетъ.

Они тебѣ ничего не сдѣлаютъ. Иди въ палатку къ жирному патеру вотъ съ этимъ тощимъ, и посмотри, чѣмъ все кончится. Тамъ все не по-нашему, и они не умѣютъ говорить по-индусски. Они невѣжественные ослы.

— Не слѣдуетъ въ такомъ случаѣ смѣяться надъ ихъ невѣжествомъ,—возразилъ лама.—Я радъ твоему счастью, чела.

Лама направился въ палатку съ спокойнымъ достоинствомъ и безъ всякаго недовѣрія; онъ поклонился представителямъ церкви, какъ равнымъ, и сѣлъ у огня. Желтая обивка палатки бросала при свѣтѣ лампы красные отблески на его лицо.

Беннетъ глядѣлъ на него съ полнымъ безучастіемъ, съ какимъ его религія относится къ вѣрованіямъ девяти-десятыхъ человѣчества, обобщенныхъ подъ однимъ названіемъ язычниковъ.

— И чѣмъ же завершилось твое исканіе? Какой даръ принесъ тебѣ красный быкъ?—спросилъ лама, обращаясь къ мальчику.

— Онъ спрашиваетъ: „что̀ вы намѣрены дѣлать"?

Такъ какъ Беннетъ съ недоумѣніемъ смотрѣлъ на отца Виктора, то Кимъ рѣшилъ въ своихъ собственныхъ интересахъ взять на себя роль переводчика.

— Я не понимаю, какое отношеніе имѣетъ этотъ факиръ къ мальчику, который навѣрное или одураченъ имъ, или его сообщникъ,—сказалъ Беннетъ.—Мы не можемъ допустить, чтобы англійскій мальчикъ... если онъ въ самомъ дѣлѣ сынъ масона, то чѣмъ скорѣе онъ попадетъ въ масонскій сиротскій пріютъ, тѣмъ лучше.

— Вы говорите какъ секретарь масонской ложи нашего полка,—сказалъ отецъ Викторъ.—Но объяснимъ старику наши намѣренія. Онъ не имѣетъ видъ обманщика.

— Я знаю по опыту, что восточнаго человѣка невозможно разгадать. Кимбалъ, я прошу тебя передать этому человѣку дословно то, что̀ я скажу.

Кимъ выслушалъ нѣсколько фразъ Беннета, и началъ слѣдующимъ образомъ:

— Святой отецъ, этотъ тощій болванъ, похожій на верблюда, говоритъ, что я сынъ сагиба.

— Какъ это можетъ быть?

— Это навѣрное такъ. Я зналъ это съ тѣхъ поръ, какъ родился,—онъ же догадался объ этомъ только послѣ того, какъ прочелъ всѣ мои бумаги. Онъ полагаетъ, что ужъ разъ человѣкъ сагибъ, то онъ всегда имъ остается; оба они вмѣстѣ рѣшили оставить меня въ полку, или отослать меня въ „мадриссу" (школу).

Такіе случаи уже бывали. Я всегда этого избѣгалъ. Жирный дуракъ предлагаетъ одно, тощій—другое. Но это все равно. Мнѣ придется, можетъ быть, провести здѣсь одну ночь, а можетъ быть и двѣ. Это уже со мной бывало. Потомъ я убѣгу и вернусь къ тебѣ.

— Но скажи имъ, что ты мой „чела". Разскажи имъ, какъ ты встрѣтился мнѣ на пути, когда я ослабѣлъ и потерялся среди всего чужого. Скажи имъ о нашемъ исканіи, и они навѣрное сейчасъ же отпустятъ тебя.

— Я уже говорилъ. Но они смѣются надо мной и угрожаютъ полиціей.

— О чемъ вы говорите?—спросилъ м-ръ Беннетъ.

— Ни о чемъ особенномъ. Онъ только сказалъ, что если вы меня не отпустите, то это очень помѣшаетъ его дѣламъ—его важнымъ, не терпящимъ отлагательства личнымъ дѣламъ. И еслибы вы знали, каковы его дѣла, вы бы остереглись мѣшать ему.

— А въ чемъ же они состоятъ?—спросилъ отецъ Викторъ, не безъ участія глядя на лицо ламы.

— Есть рѣка въ этой странѣ—и ее то онъ о-очень хочетъ найти. Она произошла отъ стрѣлы...—Кимъ нетерпѣливо топнулъ ногой, такъ какъ ему трудно было переводить свои мысли съ туземнаго языка на ломаный англійскій.

— Ну да что тамъ, — ее сотворилъ нашъ владыка Будда, и если въ ней выкупаться, то всѣ грѣхи смываются, и человѣкъ становится чистъ, какъ хлопчатая бумага. Я его ученикъ, и мы должны найти эту рѣку. Это для насъ очень важно.

— Неужели смываетъ всѣ грѣхи?—спросилъ отецъ Викторъ, и тонъ его сталъ еще болѣе участливымъ и дружескимъ. — А какъ долго вы уже въ поискахъ рѣки?

— Уже много дней. Теперь намъ пора идти и продолжать искать. Вѣдь здѣсь рѣки нѣтъ,—вы сами видите.

— Конечно, нѣтъ,—сказалъ серьезно отецъ Викторъ.—Но ты не можешь сопровождать больше старика, Кимъ. Другое дѣло, еслибы ты не былъ сыномъ солдата. Скажи ему, что полкъ будетъ заботиться о тебѣ и постарается, чтобы ты сталъ такимъ же хорошимъ человѣкомъ, какъ только можно этого пожелать. Скажи ему, что если онъ вѣритъ въ чудеса, онъ долженъ повѣрить.

— Не думайте, что возможно его убѣдить.

— Я и не думаю. Но онъ навѣрное считаетъ чудомъ то, что мальчикъ пришелъ какъ разъ въ свой полкъ, отыскивая

„краснаго быка“. Подумайте, Беннетъ, сколько шансовъ было противъ. Этотъ одинъ мальчикъ гдѣ-то въ Индіи—и именно нашъ полкъ, попавшійся ему на встрѣчу. Это должно казаться предопредѣленіемъ. Скажи это ему.

— Они говорятъ, что предсказаніе гороскопа теперь исполнилось, что такъ какъ я возвращенъ этому народу и ихъ „красному быку“—хотя ты знаешь, что пришелъ я сюда самъ изъ любопытства — то я непремѣнно долженъ учиться въ школѣ и стать сагибомъ. Я сдѣлаю видъ, что согласенъ — потому что въ худшемъ случаѣ это сведется къ тому, что я нѣсколько разъ пообѣдаю не съ тобой,—потомъ я убѣгу, и пойду дальше на югъ, по пути въ Сагарунпоръ. Поэтому, прошу тебя, святой отецъ, не отходи отъ старухи, не покидай ее, пока я не вернусь. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что мой знакъ—знакъ войны и вооруженныхъ людей. Вотъ видишь—они дали мнѣ вина и посадили меня на почетное ложе. Мой отецъ былъ навѣрное очень виднымъ человѣкомъ. И я посмотрю: если они будутъ оказывать мнѣ почеть—хорошо. Если нѣтъ—тоже хорошо. Во всякомъ случаѣ я убѣгу и вернусь къ тебѣ, когда мнѣ все это надоѣстъ. Но пожалуйста, не разставайся съ женщиной изъ Кулу, а то я потеряю твой слѣдъ... О, да-а, прибавилъ мальчикъ по-англійски, я ему все передалъ, что̀ вы сказали.

— Чего же старикъ еще ждетъ, не понимаю, — сказалъ Беннетъ, сунувъ руку въ карманъ.—Всѣ подробности мы современемъ разузнаемъ; я дамъ ему...

— Дайте ему придти въ себя. Можетъ быть, мальчикъ ему дорогъ,—возразилъ отецъ Викторъ, останавливая пастора.

Лама вынулъ четки изъ-за пояса и надвинулъ на глаза свою шляпу съ широкими полями.

— Что ему еще нужно?

— Онъ говоритъ... — Кимъ поднялъ руку—онъ говоритъ... Помолчите немного. Онъ хочетъ мнѣ что-то сказать. Вы сами видите, что не понимаете его словъ, а если вы будете продолжать говорить, то онъ, пожалуй, нашлетъ на васъ проклятіе. Когда онъ беретъ вотъ такъ четки—это всегда значитъ, что его нужно оставить въ покоѣ.

Оба англичанина замолчали, пораженные словами Кима, но взглядъ Беннета не предвѣщалъ ничего хорошаго для мальчика, въ томъ случаѣ, еслибы имъ завладѣла англиканская церковь.

— Сагибъ и сынъ сагиба.—Въ голосѣ ламы звучала скорбь.— Но ни одинъ бѣлый не знаетъ Индіи и ея нравовъ, какъ ты. Какъ же это можетъ быть?

— Не все ли равно, святой отецъ? Помни, что дѣло идетъ только объ одной или двухъ ночахъ. Я вѣдь умѣю такъ быстро мѣнять свой видъ! И теперь будетъ то же, что тогда, когда я впервые заговорилъ съ тобой у большой пушки Замъ-Замма.

— Да, ты былъ одѣтъ какъ бѣлые люди, — когда я въ первый разъ вошелъ въ „Домъ чудесъ". А во второй разъ ты уже пришелъ индусомъ. Кѣмъ же ты будешь въ твоемъ третьемъ воплощеніи?—Онъ грустно улыбнулся.—Ахъ, чела, ты причинилъ горе старому человѣку,—вѣдь я привязался къ тебѣ всѣмъ сердцемъ!

— И я къ тебѣ тоже. Но какъ я могъ знать, что „красный быкъ" впутаетъ меня въ такую исторію?

Лама снова надвинулъ шляпу на лицо и сталъ нервно перебирать четки. Кимъ усѣлся на корточкахъ у его ногъ и прикоснулся къ краю его одежды.

— А теперь оказывается, что этотъ мальчикъ сагибъ,—продолжалъ лама вполголоса. — Такой же сагибъ, какъ хранитель „Дома чудесъ".—Знакомство ламы съ бѣлыми людьми было очень ограниченное. Онъ какъ бы заучивалъ урокъ. — Значитъ, ему не подобаетъ жить по иному, чѣмъ другіе сагибы. Онъ долженъ вернуться къ своему народу.

— На одинъ или два дня,—сказалъ Кимъ задабривающимъ тономъ.

— Нѣтъ, ты не уйдешь.—Отецъ Викторъ замѣтилъ, что Кимъ направляется къ двери, и заступилъ ему дорогу.

— Я не понимаю этихъ бѣлыхъ людей. Браминъ въ Лагорскомъ „Домѣ чудесъ" обошелся со мной привѣтливѣе, чѣмъ этотъ тощій человѣкъ. У меня хотятъ отнять мальчика, хотятъ сдѣлать сагибомъ моего ученика! Горе мнѣ—какъ же я найду мою рѣку? А у нихъ развѣ нѣтъ учениковъ? Спроси ихъ.

— Онъ говоритъ, что теперь не сможетъ отыскать рѣку— это его очень огорчаетъ. Онъ спрашиваетъ, есть ли у васъ ученики и перестанете ли вы надоѣдать ему. Онъ хочетъ омыться отъ своихъ грѣховъ.

Ни Беннетъ, ни отецъ Викторъ, не знали, что отвѣтить.

Горе ламы приводило Кима въ отчаяніе, и онъ снова заговорилъ съ англичанами:

— Отпустите насъ—мы спокойно уйдемъ. Мы не воры. Мы будемъ продолжать искать рѣку, какъ и прежде, передъ тѣмъ какъ я попался. Я очень жалѣю, что нашелъ „краснаго быка" и все остальное. Не хочу я всего этого.

— А между тѣмъ ничего лучшаго нельзя было бы и придумать для тебя,—сказалъ Беннетъ.

— Боже мой, я не знаю какъ утѣшить его, — произнесъ отецъ Викторъ, сочувственно глядя на ламу.—Нельзя допустить, чтобы онъ увелъ мальчика съ собой, а между тѣмъ онъ хорошій человѣкъ—я въ этомъ увѣренъ. Беннетъ, ради Бога не давайте ему теперь денегъ, а то онъ проклянетъ весь вашъ родъ.

Они простояли нѣсколько минутъ, не говоря ни слова, почти не дыша. Потомъ лама поднялъ голову и поглядѣлъ вдаль, въ пустоту.

— И это случилось со мной, идущимъ по пути, — сказалъ онъ съ горечью.—Мой это грѣхъ—и на мою голову пало наказаніе. Я самъ себя увѣрилъ — теперь я вижу, что это было заблужденіе—что ты мнѣ посланъ для того, чтобы помочь мнѣ въ моемъ исканіи. Поэтому душа моя открылась тебѣ, и я полюбилъ тебя за твою доброту и за мудрость твоихъ молодыхъ лѣтъ. Но тѣ, которые идутъ по пути, не должны допускать въ себѣ пламени какихъ бы то ни было чувствъ и привязанностей, потому что все это только обманъ глазъ. Какъ говоритъ...—онъ привелъ старое китайское изреченіе, подтвердилъ его еще однимъ, а потомъ для большей убѣдительности и третьимъ.—Я отступилъ отъ пути, мой чела. Ты въ этомъ не виноватъ. Я наслаждался видомъ жизни, новыхъ людей на дорогахъ, тѣмъ, что все это радовало тебя. Я привязался къ тебѣ вмѣсто того, чтобы думать о моемъ исканіи,—только о немъ. Теперь я скорблю отъ того, что тебя отняли у меня, и моя рѣка далека отъ меня. Я нарушилъ законъ.

— Да сокрушатся силы адовы! — сказалъ отецъ Викторъ. Умудренный опытностью исповѣдника, онъ чувствовалъ муку въ каждомъ словѣ ламы.

— Я теперь понимаю, что знаменіе краснаго быка относилось ко мнѣ такъ же, какъ къ тебѣ. Всякое желаніе красно; всякое желаніе—зло. Я покаюсь и буду искать одинъ мою рѣку.

— Вернись по крайней мѣрѣ къ женщинѣ изъ Кулу, — сказалъ Кимъ,—иначе ты погибнешь въ пути. Она будетъ заботиться о тебѣ и кормить тебя, пока я не вернусь.

Лама махнулъ рукой въ знакъ того, что его рѣшеніе безповоротно.

— А теперь,—онъ заговорилъ съ Кимомъ совсѣмъ другимъ тономъ, — узнай, что̀ они намѣрены сдѣлать съ тобой? Вѣдь я все-таки могу новыми заслугами загладить прежніе грѣхи.

— Они думаютъ сдѣлать изъ меня сагиба—таково по крайней мѣрѣ ихъ намѣреніе. Но послѣ завтра я вернусь къ тебѣ. Не печалься.

— Какого сагиба,—такого, какъ этотъ или тотъ?—онъ указалъ на отца Виктора.—Или такого, который тяжело ступаетъ и носитъ оружіе, какъ тѣ люди въ палаткахъ?

— Можетъ быть, такого.

— Нехорошо. Тѣ люди—рабы страстей и идутъ къ пустотѣ. Ты не долженъ быть такимъ.

— Браминъ въ Умбаллѣ сказалъ, что моя звѣзда означаетъ войну,—возразилъ Кимъ.—Я могу спросить этихъ дураковъ, но, кажется, не стоитъ. Я сегодня же убѣгу, потому что въ сущности мнѣ только хотѣлось увидѣть новое, и теперь я удовлетворенъ.

Кимъ предложилъ еще нѣсколько вопросовъ по-англійски отцу Виктору и перевелъ его отвѣты ламѣ.

— Такъ вотъ онъ говоритъ: „вы отнимаете его у меня и не можете сказать, что̀ собираетесь съ нимъ сдѣлать“. Онъ говоритъ:—„Скажите мнѣ прежде чѣмъ я уйду, что̀ съ нимъ будетъ, потому что воспитать ребенка—не шутка“.

— Тебя отправятъ въ школу. А потомъ посмотримъ. Скажи, Кимбалъ, тебѣ навѣрное хочется быть солдатомъ?

— „Гара-логомъ“ (бѣлымъ)? Н-нѣтъ.—Кимъ энергично потрясъ головой. Перспектива дисциплины и выправки не имѣла для него ничего привлекательнаго.

— Я не хочу быть солдатомъ.

— Ты будешь тѣмъ, чѣмъ тебѣ прикажутъ,—сказалъ Беннетъ.—И тебѣ слѣдовало бы благодарить насъ за то, что мы заботимся о тебѣ.

Кимъ снисходительно улыбнулся. Если эти люди воображаютъ, что онъ будетъ дѣлать что-либо, чего не хочетъ, то тѣмъ лучше.

Послѣдовало снова долгое молчаніе. Беннетъ потерялъ терпѣніе и предложилъ позвать часового, чтобы вывести „факира“.

— А какъ у сагибовъ учатъ—даромъ или за деньги? Спроси ихъ,—сказалъ лама, и Кимъ перевелъ его вопросъ.

— Они говорятъ, что учителя получаютъ плату, но что за меня будетъ платить полкъ. Да не все ли это равно? Вѣдь я останусь у нихъ одну только ночь.

— И чѣмъ больше платить, тѣмъ ученіе лучше?—Лама очевидно не хотѣлъ входить въ планы Кима о бѣгствѣ.—Платить за ученіе не грѣшно, а учить незнающихъ—благое дѣло.—Четки защелкали въ рукахъ старика какъ счеты, и онъ взглянулъ въ лицо своимъ притѣснителямъ.

— Спроси у нихъ за сколько денегъ ты можешь получить мудрое и пригодное для тебя обученіе, и въ какомъ городѣ?

— Это зависитъ отъ обстоятельствъ, — сказалъ отецъ Викторъ, когда Кимъ перевелъ ему слова старика. — Полкъ будетъ платить за тебя, пока ты будешь учиться въ военномъ сиротскомъ пріютѣ, или же тебя могутъ помѣстить въ Пенджабскомъ масонскомъ пріютѣ.—Мы съ тобой, конечно, не можемъ понять, что это означаетъ, — прибавилъ Кимъ отъ себя, переводя ламѣ слова отца Виктора.—Но лучшая школа для мальчиковъ во всей Индіи, конечно, St. Xavier in partibus, въ Лукноу.—Передача всѣхъ этихъ свѣдѣній ламѣ потребовала довольно много времени, потому что Беннетъ хотѣлъ запугать ламу сложностью свѣдѣній.

— Онъ хочетъ знать, сколько это стоитъ?—спокойно сказалъ Кимъ.

— Двѣсти или триста рупій въ годъ.—Отецъ Викторъ уже давно пересталъ удивляться тому, что̀ слышалъ, а Беннетъ, потерявшій терпѣніе, ничего не могъ понять.

— Онъ говоритъ: „Напишите названіе школы и сумму денегъ на бумажкѣ и дайте ему“. И онъ говоритъ также, чтобы вы написали внизу свое имя, потому что онъ черезъ нѣсколько дней пришлетъ вамъ письмо. Онъ говоритъ, что вы хорошій человѣкъ. Онъ говоритъ, что тотъ, другой, дуракъ. А теперь онъ хочетъ уйти.

Лама быстро поднялся. — Я иду продолжать мое исканіе!— крикнулъ онъ и вышелъ изъ палатки.

— Онъ наткнется на часовыхъ,—сказалъ отецъ Викторъ, вскочивъ съ мѣста послѣ ухода ламы.

— Но я не могу оставить мальчика.

Кимъ хотѣлъ кинуться вслѣдъ за ламой, но удержался. Оклика часовыхъ не послѣдовало. Лама исчезъ.

Кимъ спокойно усѣлся на кровати пастора. Хорошо то, что лама обѣщалъ не отходить отъ дамы изъ Кулу, а все остальное не важно. Киму было пріятно, что оба патера были такъ возбуждены. Они долго говорили вполголоса, — отецъ Викторъ что-то предлагалъ м-ру Беннету; тотъ какъ-будто относился съ недовѣріемъ къ его словамъ. Все это было очень ново и неожиданно, но Киму прежде всего хотѣлось спать. Въ палатку пришли еще люди, одинъ изъ нихъ былъ навѣрное полковникъ, какъ предсказывалъ отецъ Кима, и стали предлагать ему множество вопросовъ, главнымъ образомъ относительно женщины, у которой онъ жилъ съ дѣтства. Кимъ отвѣчалъ на все полной правдой. Они, очевидно, не считали ту женщину хорошей воспитательницей.

Но во всякомъ случаѣ все это происшествіе представляло

интересъ новизны. Рано или поздно, если ему вздумается, онъ сможетъ убѣжать на просторъ, въ ту огромную, сѣрую, пустынную Индію, гдѣ нѣтъ ни патеровъ, ни палатокъ, ни полковниковъ. А пока, если на сагибовъ можно произвести впечатлѣніе, то нужно объ этомъ постараться. Вѣдь и онъ тоже сагибъ.

Послѣ долгихъ переговоровъ, смыслъ которыхъ Кимъ не могъ уловить, его сдали на руки сержанту со строгимъ приказомъ не дать ему убѣжать. Полкъ направлялся въ Умбаллу, а Кима рѣшено было отправить въ Санаваръ, частью на счетъ масоновъ, частью на средства, собранныя по подпискѣ.

— Все это въ высшей степени удивительно и граничитъ съ чудомъ, полковникъ, — этими словами отецъ Викторъ закончилъ свой длинный разсказъ о Кимѣ.—Его другъ буддистъ исчезъ, взявъ записку съ моимъ именемъ и адресомъ. Я не знаю, намѣренъ ли онъ платить за воспитаніе мальчика, или же задумалъ какое-то колдовство.—Обращаясь къ Киму, отецъ Викторъ добавилъ:

— Ты еще когда-нибудь будешь благодаренъ своему покровителю—красному быку. Мы сдѣлаемъ тебя человѣкомъ въ Санаварѣ, хотя бы тебѣ пришлось для этого перейти въ протестантство.

— Конечно, конечно,—сказалъ Беннетъ.

— Но вы не поѣдете въ Санаваръ,—сказалъ Кимъ.

— Нѣтъ, мы поѣдемъ въ Санаваръ, мальчикъ. Такъ велѣлъ главнокомандующій, а это поважнѣе того, что говоритъ сынъ О'Гара.

— Вы не поѣдете въ Санаваръ, а отправитесь на войну.

Громкій общій смѣхъ огласилъ всю палатку.

— Когда ты будешь лучше знать свой полкъ, ты не будешь смѣшивать простые переходы съ войной, Кимъ. Когда-нибудь мы конечно пойдемъ и на „войну“.

— Н-да. Я это отлично знаю.—Кимъ опять пустилъ стрѣлу наугадъ. Если они даже и не идутъ на войну, то во всякомъ случаѣ они не знаютъ того, что̀ онъ подслушалъ у веранды въ Умбаллѣ.

— Я знаю, что теперь вы еще не идете на войну, но я вамъ говорю, что какъ только вы придете въ Умбаллу, васъ пошлютъ на войну — на новую войну. Пойдутъ восемь тысячъ человѣкъ и—пушки.

— Каковъ! разсказываетъ какъ по писаному. Кромѣ всѣхъ своихъ талантовъ, ты еще и пророчишь? Уведите его, сержантъ, возьмите для него платье у барабанщиковъ, и присматривайте

за тѣмъ, чтобы онъ не ускользнулъ у васъ изъ-подъ рукъ. Кто смѣетъ утверждать, что вѣкъ чудесъ миновалъ? Однако я пойду спать. У меня мысли начинаютъ путаться.

Часъ спустя въ самомъ отдаленномъ углу лагеря Кимъ сидѣлъ начисто вымытый, въ ужасномъ платьѣ, которое ему натирало руки и ноги.

— Удивительный птенчикъ, —сказалъ сержантъ.—Пришелъ съ желтоголовымъ браминомъ, на груди у него спрятаны масонскія свидѣтельства его отца, говоритъ Богъ вѣсть что̀ о какомъ-то красномъ быкѣ. Браминъ исчезаетъ безъ всякихъ объясненій, а мальчикъ сидитъ скрестя ноги на постели пастора и предсказываетъ кровавую войну. Индія—ужасная страна для богобоязненнаго человѣка. Я ужъ лучше привяжу его ногу къ шесту палатки, чтобы онъ не удралъ черезъ потолокъ. А что̀ ты такое говоришь о войнѣ?

— Восемь тысячъ человѣкъ и пушки,—сказалъ Кимъ.—Очень скоро вы это узнаете.

— Это утѣшительно, что̀ ты говоришь, маленькій чертенокъ. Ложись туда, къ барабанщикамъ и спи. Два мальчика лягутъ тутъ же рядомъ, чтобы караулить тебя, пока ты будешь спать.

VI.

Рано утромъ лагерь снялся, и бѣлыя палатки исчезли, а маверики выступили по боковой дорогѣ къ Умбаллѣ. Мѣсто стоянки старой дамы и ея свиты осталось въ сторонѣ, и Кимъ, тяжело шагавшій рядомъ съ багажнымъ фургономъ подъ перекрестнымъ огнемъ взглядовъ и пересудовъ солдатскихъ женъ, немного упалъ духомъ. Онъ убѣдился, что за нимъ внимательно наблюдали: съ одной стороны отецъ Викторъ, а съ другой— м-ръ Беннетъ.

Къ полудню колонна остановилась. Ординарецъ подалъ полковнику письмо. Онъ прочелъ его и заговорилъ съ маіоромъ. На разстояніи полумили въ арріергардѣ Кимъ услыхалъ топотъ лошади и веселые крики, приближавшіеся къ нему въ облакахъ пыли. Потомъ кто-то ударилъ его сзади по плечу и крикнулъ:

— Ну-ка, скажи, какъ ты это узналъ, чертенокъ? Отецъ Викторъ, можетъ быть, вамъ удастся заставить его говорить.

Къ нему подскакала маленькая лошадка и онъ очутился на сѣдлѣ рядомъ съ патеромъ.

— Ну, сынъ мой, твое вчерашнее пророчество исполнилось.

Мы получили приказъ быть завтра въ Умбаллѣ, чтобы быть готовыми къ атакѣ.

— Это что же такое? — спросилъ Кимъ. Слово „атака" было для него незнакомо.

— Мы идемъ „на войну", какъ ты говоришь.

— Ну да, я это еще вчера сказалъ.

— Но какъ ты это узналъ? Да разрушатся силы адовы!

Глаза Кима засверкали. Онъ плотно сжалъ губы, кивнулъ головой и принялъ самый таинственный видъ.

Капелланъ поѣхалъ дальше среди густой пыли, и рядовые, сержанты и оберъ-офицеры — всѣ показывали другъ другу на Кима. Полковникъ, стоявшій во главѣ колонны, посмотрѣлъ на него съ любопытствомъ.

— Вѣроятно, по базару ходили какіе-нибудь слухи, — сказалъ онъ, — но и тогда... — онъ справился въ бумагѣ, которую держалъ въ рукахъ. — Дьявольское навожденіе! Дѣло рѣшено въ послѣднія двое сутокъ.

— Теперь, когда я вамъ все сказалъ, вы отпустите меня назадъ, къ моему старику? — спросилъ мальчикъ. — Если онъ не остался съ этой женщиной изъ Кулу, то я боюсь, какъ бы онъ не умеръ.

— Насколько я могу судить по виду, онъ совершенно такъ же способенъ о себѣ позаботиться, какъ и ты. Ты принесъ намъ счастье, и мы сдѣлаемъ изъ тебя настоящаго человѣка. Теперь я отведу тебя къ твоему багажному фургону, а вечеромъ ты приди ко мнѣ.

Весь остальной день Кимъ былъ предметомъ почтительнаго любопытства нѣсколькихъ сотенъ бѣлыхъ людей. Исторія его появленія въ лагерѣ, обнаруженія его происхожденія и его удивительнаго пророчества повсюду передавалась и прикрашивалась. Толстая безобразная женщина, сидѣвшая на кучѣ перинъ и подушекъ, таинственно спросила у него, вернется ли ея мужъ съ войны. Кимъ пораздумалъ съ важнымъ видомъ и отвѣчалъ, что вернется, и тогда женщина дала ему поѣсть. Во многихъ отношеніяхъ эта огромная процессія съ игравшей по временамъ музыкой, эта толпа свободно болтающихъ и смѣющихся людей напоминала празднества въ Лагорѣ. Такъ какъ до сихъ поръ ни о какой тяжелой работѣ не было и помина, то Кимъ рѣшилъ не лишать этихъ людей своего присутствія и покровительства. Вечеромъ къ нимъ вышло нѣсколько оркестровъ музыки и проводили ихъ до лагеря, находившагося возлѣ желѣзнодорожной станціи въ Умбаллѣ. Интересная это была ночь! Люди изъ другихъ полковъ

приходили въ гости къ маверикамъ, а маверики ходили въ гости къ нимъ. Вообще маверики славились умѣньемъ весело пожить, но, несмотря на это, они явились на другой день на вокзалъ въ образцовомъ порядкѣ. Кимъ, остававшійся съ больными, женщинами и мальчиками, громко выкрикивалъ прощальныя привѣтствія, когда поѣздъ тронулся со станціи. До сихъ поръ жить какъ сагибъ было очень весело, но все-таки онъ относился къ этой жизни съ большимъ недовѣріемъ. Когда поѣздъ ушелъ, то его отправили подъ надзоромъ мальчика-барабанщика въ тѣсные бараки съ выбѣленными стѣнами. Полы въ нихъ были покрыты мусоромъ, веревками и бумагами, а подъ потолками глухо отдавались его одинокіе шаги. По восточному обычаю онъ свернулся клубочкомъ на полосатой койкѣ и заснулъ. Какой-то сердитый человѣкъ сошелъ съ веранды, разбудилъ его и объявилъ, что онъ учитель. Для Кима этого было вполнѣ достаточно, чтобы тотчасъ же уйти въ свою раковину. Среди множества гостей, являвшихся къ женщинѣ, у которой Кимъ провелъ дѣтство, находился одинъ какой-то странный нѣмецъ, расписывавшій декораціи для странствующаго театра. Онъ разсказалъ Киму, что „участвовалъ въ баррикадахъ въ сорокъ-восьмомъ году", и поэтому—для Кима въ этомъ была какая-то связь—предложилъ учить мальчика, чтобы получать за это столъ. Каждая буква стоила Киму побоевъ, но это не заставило его относиться съ бо̀льшимъ уваженіемъ къ наукѣ.

— Я ничего не знаю. Пошелъ прочь!—проговорилъ Кимъ, почуявъ недоброе.

Тогда пришедшій схватилъ его за ухо и потащилъ въ самую дальнюю комнату, гдѣ на скамьяхъ сидѣла дюжина маленькихъ барабанщиковъ. Тамъ учитель велѣлъ ему сидѣть смирно, если онъ кромѣ этого ничего неспособенъ дѣлать, и Кимъ исполнилъ приказаніе весьма успѣшно. По крайней мѣрѣ полчаса учитель что-то объяснялъ, проводя бѣлыя линіи по черной доскѣ, а Кимъ снова погрузился въ прерванный-было сонъ. Онъ весьма неодобрительно относился къ настоящему положенію вещей. Это была настоящая школа и дисциплина,—двѣ вещи, которыхъ онъ тщательно избѣгалъ въ теченіе двухъ третей своей юной жизни. Вдругъ его осѣнила блестящая идея, и онъ удивился, что не подумалъ объ этомъ раньше. Учитель распустилъ классъ, и Кимъ первый выскочилъ черезъ веранду на солнце.

— Эй ты! Подожди! Стой! — раздался тонкій голосъ сзади него.—Мнѣ велѣли за тобой смотрѣть. Я не долженъ тебя выпускать! Куда ты идешь?

Это кричалъ маленькій барабанщикъ, слонявшійся вокругъ него цѣлый день. Кимъ оглядѣлъ толстаго веснущатаго мальчика съ головы до ногъ. На видъ ему было лѣтъ четырнадцать.

— Иду на базаръ, чтобы купить сластей... для тебя,—отвѣтилъ онъ, подумавъ.

— Базаръ дальше того мѣста, до котораго позволено ходить. Если мы туда пойдемъ, то насъ выпорютъ. Иди назадъ.

— А докуда мы можемъ ходить?—спросилъ Кимъ, стараясь быть вѣжливымъ до поры до времени.

— До того дерева на дорогѣ.

— Такъ я и пойду туда.

— Хорошо. А я не пойду. Больно жарко. Мнѣ и отсюда тебя видно. Тебѣ же достанется, если убѣжишь.

Кимъ поплелся къ дереву; оно росло въ углу, на дорогѣ, проходившей черезъ базаръ. Тамъ онъ усѣлся и сталъ наблюдать за прохожими. Большинство изъ нихъ были служители изъ бараковъ, принадлежавшіе къ низшей кастѣ. Кимъ окликнулъ одного изъ нихъ, метельщика, и тотъ отвѣтилъ ему совершенно ненужной бранью, вполнѣ естественно надѣясь, что европейскій мальчикъ не съумѣетъ ему отвѣтить.

Но рѣзкій и быстрый отвѣтъ Кима вывелъ его изъ этого недоразумѣнія. Мальчикъ вложилъ въ этотъ отвѣтъ всю свою томящуюся въ неволѣ душу, пользуясь случаемъ выбраниться на самомъ знакомомъ для него языкѣ.

— А теперь иди къ ближайшему писцу на базарѣ и позови его сюда. Я буду письмо писать.

— Но... но какой же ты сынъ бѣлаго человѣка, если нуждаешься въ базарномъ писцѣ? Развѣ въ баракахъ нѣтъ школьнаго учителя?

— Есть; а въ аду такихъ еще больше. Исполняй мое приказаніе, ты... ты дуралей! Служитель Лаль-Бега! (Кимъ былъ знакомъ съ богомъ метельщиковъ). Бѣги исполнить мой приказъ, а не то мы съ тобой опять посчитаемся.

Метельщикъ быстро удалился.

— Тамъ у бараковъ, подъ деревомъ дожидается бѣлый мальчикъ, только онъ не бѣлый мальчикъ,—сообщилъ онъ первому попавшемуся базарному писцу.—Онъ тебя спрашиваетъ.

— А онъ заплатитъ?—спросилъ писецъ, приводя въ порядокъ свою конторку, перья и сургучъ.

— Я не знаю. Онъ не похожъ на другихъ мальчишекъ. Пойди и увидишь. А стóитъ посмотрѣть.

Кимъ началъ подпрыгивать отъ нетерпѣнія, когда показалась

наконецъ тонкая фигура юнаго писца. Едва онъ приблизился настолько, что могъ слышать голосъ Кима, мальчикъ послалъ ему навстрѣчу самую краснорѣчивую и сложную брань.

— Сначала ты мнѣ заплати,—сказалъ писецъ.—Твоя брань увеличиваетъ плату. Но кто ты такой, что такъ одѣтъ и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ ругаешься?

— Это ты узнаешь изъ письма. Это цѣлая исторія,—никогда еще такой не бывало. Но я тороплюсь. Впрочемъ, найдется и другой писецъ. Въ Умбаллѣ ихъ такое же множество, какъ и въ Лагорѣ.

— Четыре анна,—сказалъ писецъ, усаживаясь и раскладывая свои принадлежности. Кимъ машинально усѣлся подлѣ него на корточки и сдѣлалъ это—несмотря на отвратительныя обтянутыя панталоны—такъ, какъ умѣютъ это дѣлать только туземцы.

Писецъ покосился на него.

— Такую цѣну можно спрашивать только съ сагибовъ,—сказалъ Кимъ.—Назначь настоящую.

— Полтора анна... но еще разъ скажи на милость, что ты за бѣлый мальчикъ?

— Это будетъ объяснено въ письмѣ, которое будетъ написано Магбубу-Али,—продавцу лошадей въ Кашмиръ-Сараѣ, въ Лагорѣ. Онъ мой другъ.

— Ну и чудеса!—пробормоталъ писецъ, погружая тростинку въ чернильницу.—Писать надо по-индусски?

— Конечно. Такъ, значитъ, Магбубу-Али. Начинай. „Я доѣхалъ со старикомъ до Умбаллы въ поѣздѣ. Въ Умбаллѣ я отнесъ извѣстіе о родословной гнѣдой кобылы“.—Послѣ всего видѣннаго въ саду, онъ не рѣшался писать о бѣлыхъ жеребцахъ.

— Потише немного. Къ чему тутъ гнѣдая кобыла... Это Магбубъ-Али—извѣстный крупный торговецъ?

— А то кто же? Я служилъ у него. Возьми побольше чернилъ. Пиши дальше. „Какъ было приказано, такъ я и сдѣлалъ. Потомъ мы пошли пѣшкомъ въ Бенаресъ, но на третій день встрѣтили полкъ. Я пошелъ въ лагерь, меня схватили и съ помощью заколдованныхъ бумагъ, висѣвшихъ у меня на шеѣ и о которыхъ ты знаешь, рѣшили, что я сынъ одного изъ полковыхъ людей. Все это согласно предсказанію о красномъ быкѣ, о которомъ, какъ тебѣ извѣстно, всѣ толкуютъ у насъ на базарѣ. Священникъ изъ полка переодѣлъ меня и далъ мнѣ новое имя. Былъ еще другой священникъ, тотъ глупый. Новое платье очень тяжело носить, но я сагибъ, и на сердцѣ у меня тоже тяжело. Меня помѣстили въ школу и бьютъ. Здѣшній воздухъ и

вода мнѣ не нравятся. Пріѣзжай и помоги мнѣ, Магбубъ-Али, или пришли мнѣ денегъ, потому что мнѣ не хватаетъ, чтобы заплатить писцу, который пишетъ это письмо".

— Который пишетъ это письмо!.. Я самъ виноватъ, что такъ попался. Ловокъ же ты! Но что все это за исторія,—неужели же это правда?

— Магбубу-Али нѣтъ выгоды лгать. Когда деньги будутъ получены, я заплачу.

Писецъ недовѣрчиво промычалъ, но все-таки вынулъ изъ конторки печать, запечаталъ письмо, передалъ его Киму и ушелъ. Имя Магбуба-Али было всевластно въ Умбаллѣ.

— Что ты тамъ дѣлалъ съ этимъ бездѣльникомъ?—спросилъ барабанщикъ, когда Кимъ вернулся на веранду. — Я за тобой наблюдалъ.

— Такъ, поболталъ съ нимъ немного. А что мы теперь будемъ дѣлать?

— Черезъ полминуты затрубитъ рогъ къ обѣду. Скука здѣсь! Я бы хотѣлъ уйти съ полкомъ. А то тутъ одно ученье и больше ничего. И убѣжать-то нельзя, все равно вернутъ.

— А ты бывалъ въ Англіи?

— Бывалъ. Я только недавно сюда пріѣхалъ съ матерью. А ты, кажется, ровно ничего не знаешь, настоящій неучъ-нищій. Тебя вѣдь, кажется, гдѣ-то на улицѣ подобрали?

— Да. Разскажи мнѣ про Англію. Мой отецъ былъ оттуда.

Кимъ слушалъ не возражая, хотя не вѣрилъ ни одному слову изъ всего того, что барабанщикъ разсказывалъ ему о предмѣстьяхъ Ливерпуля, заключавшихъ въ себѣ для него всю Англію.

Такъ тянулось время до обѣда. Обѣдъ былъ очень невкусный, и его подавали мальчикамъ и нѣсколькимъ больнымъ солдатамъ въ углу одной изъ барачныхъ комнатъ. Но такъ какъ письмо Магбубу было послано, то Кимъ чувствовалъ большое облегченіе, хотя полнѣйшее одиночество среди бѣлыхъ людей и угнетало его.

Онъ былъ радъ, когда послѣ обѣда за нимъ пришелъ солдатъ отъ отца Виктора, жившаго по другую сторону пыльнаго плаца. Патеръ читалъ письмо, написанное красными чернилами, и взглянулъ на Кима еще съ бо̀льшимъ любопытствомъ, чѣмъ обыкновенно.

— Ну, что, какъ тебѣ здѣсь нравится, сынъ мой? Не очень? Да, это должно быть тяжело, очень тяжело для такого дикаго звѣрька. Послушай. Я получилъ удивительное посланіе отъ твоего друга.

— Гдѣ онъ? Здоровъ? О! Если онъ можетъ писать мнѣ письма, то все хорошо.

— Значитъ, ты его любишь?

— Конечно люблю. И онъ меня любитъ.

— Это видно по письму. Онъ умѣетъ писать по-англійски?

— Оа-а нѣтъ. Не думаю, чтобы умѣлъ, но конечно онъ нашелъ писца, который умѣетъ писать по-англійски о-очень хор-р-ошо, и такимъ образомъ и написалъ. Я надѣюсь, вы понимаете?

— А тебѣ извѣстны его денежныя дѣла?

Лицо Кима выразило, что онъ ничего не знаетъ.

— Какъ я могу знать?

— Ну такъ слушай. Первую часть мы пропустимъ. Письмо написано съ дороги...

„Сидя въ сторонѣ отъ дороги въ глубокомъ раздумьѣ и уповая, что Ваша милость одобритъ этотъ мой шагъ, который умоляю привести въ исполненіе, ради Всемогущаго Бога. Образованіе есть высшее благо, если только оно самое лучшее. Иначе же совсѣмъ безполезно." Старикъ попалъ не въ бровь, а въ глазъ,—надо отдать ему справедливость! „Если Ваша милость соблаговолитъ дать моему мальчику высшее образованіе въ Ксавье" (вѣроятно онъ говоритъ о школѣ Сентъ-Ксавье), „согласно нашему разговору, имѣвшему мѣсто въ Вашей палаткѣ въ теченіе пятнадцати секундъ" (какой дѣловой тонъ!), „то Всемогущій Богъ благословитъ Вашу милость до третьяго и четвертаго нисходящаго поколѣнія". Теперь слушай внимательно! „Положитесь на покорнѣйшаго слугу Вашей милости относительно уплаты соотвѣтственнаго вознагражденія, трехъ сотъ рупій въ годъ за дорого стоющее образованіе въ Сентъ-Ксавье, въ Лукноу, и черезъ малое время я пришлю означенную сумму туда, куда вы мнѣ назначите. Слуга вашей милости не имѣетъ въ настоящее время гдѣ главу преклонить, но ѣдетъ въ Бенаресъ въ поѣздѣ, во избѣжаніе преслѣдованій старой женщины, много и безпокойно говорящей, живущей въ Сагарунпорѣ по семейнымъ дѣламъ". Ради всего на свѣтѣ, что̀ все это значитъ?

— Она просила его быть ея „пуро"—ея священникомъ въ Сагарунпорѣ, я такъ думаю. А онъ не хочетъ на это согласиться изъ-за своей рѣки. И говоритъ же эта старуха, ужъ можно сказать!

— Такъ для тебя все это ясно? Но для меня... это выше моего пониманія. „Итакъ, ѣду въ Бенаресъ, гдѣ найду адресъ

и откуда препровожу рупіи для мальчика, который для меня —зѣница ока, и ради Всемогущаго Бога дайте ему это образованіе, и тогда вашъ проситель будетъ считать своимъ долгомъ вѣчно и благоговѣйно молиться за васъ. Написано Собрао Сатайемъ, у разрушенныхъ воротъ алахабадскаго университета, для почтеннаго Тешу ламы, священнослужителя Зухъ-Зенъ, ищущаго рѣку. Адресъ: въ храмъ Тиртанкеровъ, Бенаресъ. П. М. Умоляю замѣтить, что мальчикъ для меня—зѣница ока, и что рупіи будутъ высылаемы въ количествѣ трехъ сотъ въ годъ. Ради Всемогущаго Бога".

Теперь скажи мнѣ, что это: сумасшествіе или дѣловое предложеніе? Я спрашиваю тебя, потому что мой разсудокъ отказывается что-нибудь понять тутъ.

— Онъ говоритъ, что будетъ давать мнѣ триста рупій въ годъ,—значитъ, онъ будетъ ихъ мнѣ давать.

— Такъ ты вотъ какъ на это смотришь?

— Конечно. Разъ какъ онъ это говоритъ!

Священникъ свистнулъ и заговорилъ съ Кимомъ, какъ съ равнымъ:

— Я этому не вѣрю, но мы посмотримъ. Ты долженъ былъ отправиться сегодня въ военный сиротскій пріютъ въ Санаварѣ, гдѣ полкъ содержалъ бы тебя до той поры, когда тебя можно было бы завербовать въ солдаты. Тебя сдѣлали бы сыномъ англиканской церкви. Беннетъ хлопоталъ объ этомъ. Съ другой стороны, если ты поступишь въ школу Сентъ-Ксавье, то получишь высшее образованіе и... и настоящую религію. Ты видишь, какой это трудный вопросъ?

Кимъ ничего не видѣлъ, кромѣ воображаемой фигуры ламы, отправляющагося въ поѣздѣ на югъ, и не имѣющаго никого, кто бы просилъ для него милостыню.

— Если твой другъ пришлетъ изъ Бенареса деньги,—но откуда,—да разрушатся силы адовы!—можетъ нищій набрать триста рупій?—то ты поѣдешь въ Лукноу и я заплачу за твой проѣздъ, такъ какъ не имѣю права трогать казенныхъ денегъ, если намѣреваюсь, какъ это въ самомъ дѣлѣ и есть, сдѣлать изъ тебя католика. Я подожду его денегъ три дня, хотя нисколько не вѣрю во все это.

— О, д-да!..—произнесъ неопредѣленно Кимъ.—Онъ раздумывалъ о томъ, пришлетъ ли ему Магбубъ-Али цѣлую рупію. Тогда онъ могъ бы заплатить писцу и писать письма ламѣ въ Бенаресъ. Можетъ быть, Магбубъ навѣститъ его, когда поѣдетъ въ слѣдующій разъ съ лошадьми на югъ. Навѣрное онъ дол-

женъ знать, что Кимъ исполнилъ его порученіе и что это вызвало большую войну, о которой и взрослые и мальчики такъ шумно разсуждали за обѣденнымъ столомъ въ баракѣ. Но если Магбубъ-Али этого еще не зналъ, то было бы очень неосторожно говорить ему объ этомъ. Магбубъ-Али жестоко обращался съ мальчиками, знавшими, или воображавшими, что знаютъ слишкомъ много.

— Ну, пока я не получу дальнѣйшихъ извѣстій,—прервалъ отецъ Викторъ его размышленія,—ты можешь бѣгать и играть съ другими мальчиками. Они тебя чему-нибудь выучатъ, но я не думаю, чтобы тебѣ было это особенно пріятно.

Медленно протянулся скучный день. Когда онъ захотѣлъ лечь спать, то его научили складывать платье и выставлять за порогъ башмаки, причемъ другіе мальчики смѣялись надъ нимъ. На зарѣ его разбудилъ звукъ роговъ. Послѣ завтрака его поймалъ школьный учитель, сунулъ ему подъ носъ безсмысленные знаки, далъ имъ какія-то дурацкія названія и побилъ его безъ всякаго видимаго основанія. Кимъ рѣшилъ-было его отравить, взявъ взаймы опіума у барачнаго метельщика, но вспомнивъ, что они обѣдали всѣ вмѣстѣ (что̀ было особенно противно Киму, любившему ѣсть, повернувшись спиной), то это могло быть слишкомъ опасно. Потомъ онъ пробовалъ бѣжать въ деревню, гдѣ браминъ опоилъ опіумомъ ламу и гдѣ жилъ старый солдатъ, но дальнозоркіе часовые слѣдили за маленькой фигурой въ ярко-красномъ мундирѣ и каждый разъ возвращали его назадъ. Куртка и панталоны мѣшали ему, стѣсняя движенія и души и тѣла, и онъ отказался отъ своихъ плановъ, положившись, по восточному, на случай и время. Три мучительныхъ дня протянулись въ большихъ бѣлыхъ комнатахъ, гдѣ гулко отдавался каждый звукъ.

Отношенія его съ маленькимъ барабанщикомъ обострились, и послѣдній, выведенный изъ себя презрительнымъ молчаніемъ Кима, пользовался всякимъ случаемъ, чтобы отколотить его. Но на утро четвертаго дня Кимъ былъ отмщенъ. Они пошли вдвоемъ къ мѣсту скачекъ въ Умбаллѣ, а вернулся назадъ только одинъ барабанщикъ. Плача, разсказалъ онъ, что маленькій О'Гара, которому онъ ничего особеннаго не сдѣлалъ, вдругъ окликнулъ какого-то негодяя съ красной бородой, проѣзжавшаго верхомъ. Негодяй этотъ выбранилъ и побилъ его, а потомъ подхватилъ О'Гара къ себѣ на лошадь и ускакалъ галопомъ. Это извѣстіе дошло до отца Виктора и онъ выпятилъ свою длинную верхнюю губу. Онъ и безъ того былъ пораженъ, получивъ письмо изъ

храма Тиртанкеровъ въ Бенаресѣ со вложеніемъ банковаго билета въ триста рупій и съ приложеніемъ изумительной молитвы къ „Всемогущему Богу". Лама былъ бы еще болѣе непріятно пораженъ, чѣмъ патеръ, еслибы зналъ, какими словами передалъ базарный писецъ его любимое выраженіе: „сдѣлать доброе дѣло и этимъ заслужить передъ Богомъ".

— Да разрушатся силы адовы!—пробормоталъ отецъ Викторъ, вертя въ рукахъ деньги.—А теперь онъ сбѣжалъ съ другимъ какимъ-то своимъ новоявленнымъ другомъ. Ужъ и не знаю, что̀ для меня легче: отыскать его или совсѣмъ потерять. Онъ совершенно внѣ моего пониманія. И какимъ это образомъ нищій достаетъ деньги, чтобы воспитывать бѣлыхъ мальчиковъ?

А за три мили оттуда, на мѣстѣ скачекъ въ Умбаллѣ, Магбубъ-Али ѣхалъ верхомъ на сѣромъ жеребцѣ, держа передъ собою на сѣдлѣ Кима.

— Но, маленькій „всѣмъ на свѣтѣ другъ", дѣло касается моей чести и репутаціи. Всѣ офицеры сагибы во всѣхъ полкахъ и вся Умбалла знаютъ Магбуба-Али. Люди видѣли, какъ я тебя подхватилъ и какъ отдѣлалъ этого мальчишку. И теперь насъ видно со всѣхъ сторонъ. Какъ же могу я увезти тебя и спустить гдѣ-нибудь въ полѣ? Меня въ тюрьму посадятъ. Будь терпѣливъ. Когда ты будешь взрослымъ человѣкомъ—кто знаетъ— ты поблагодаришь Магбуба-Али.

— Увези меня подальше отъ ихъ часовыхъ, чтобы я могъ снять это красное платье. Дай мнѣ денегъ, и я пойду въ Бенаресъ и опять буду съ моимъ ламой. Я не хочу быть сагибомъ, а ты вспомни, я вѣдь исполнилъ твое порученіе.

Жеребецъ сдѣлалъ дикій прыжокъ. Магбубъ-Али неосторожно затянулъ острый ременный поводъ. (Онъ не принадлежалъ къ новому сорту торговцевъ лошадьми, надѣвающему англійскіе сапоги и шпоры). Кимъ вывелъ изъ этого свои особыя заключенія.

— Это было не важное дѣло. Я и сагибъ успѣли ужъ забыть о немъ. Я отправляю столько писемъ и посылокъ людямъ, спрашивающимъ меня о лошадяхъ, что не могу потомъ все ясно припомнить и отличить одно отъ другого. Дѣло шло, кажется, о гнѣдой кобылѣ, Петеръ Сагибъ хотѣлъ имѣть ея аттестатъ?

Кимъ тотчасъ же замѣтилъ ловушку. Еслибы онъ сказалъ „гнѣдая кобыла", то Магбубъ понялъ бы, что онъ что-то подозрѣваетъ и потому такъ охотно замѣняетъ одно названіе другимъ. Поэтому онъ отвѣтилъ:

— Гнѣдая кобыла? Нѣтъ. Я не забываю такъ скоро исполняемыя мною порученія. Это былъ бѣлый жеребецъ.

— Да, это вѣрно. Бѣлый арабскій жеребецъ. Но ты мнѣ написалъ про гнѣдую кобылу.

— Кто же станетъ говорить правду писцу?—отвѣтилъ Кимъ, чувствуя тяжесть руки Магбуба на своей груди.

— Эй! Магбубъ, старый ты плутъ, остановись!—раздался голосъ англичанина, догонявшаго ихъ верхомъ на маленькомъ пони.—Я гоняюсь за тобой повсюду. Твой конь недурно идетъ. Вѣдь онъ продажный, вѣроятно?

— У меня есть еще молодой конь, сотворенный самимъ небомъ для игры въ „поло". Подобнаго ему другого не найдется. Онъ...

— И играетъ въ поло, и служитъ за столомъ. Знаемъ мы все это. А что это за пострѣлъ такой у тебя?

— Это мальчикъ,—серьезно отвѣчалъ Магбубъ.—Его билъ другой мальчишка. Отецъ его служилъ бѣлымъ солдатомъ во время большой войны. Онъ дѣтство провелъ въ Лагорѣ и еще совсѣмъ маленькимъ ребенкомъ игралъ съ моими лошадьми. Теперь они хотятъ сдѣлать изъ него солдата. Но я не думаю, чтобы это ему было по душѣ. Я взялъ его прокатить. Скажи мнѣ, гдѣ твои бараки, и я отвезу тебя туда.

— Спусти меня. Я бараки и одинъ найду.

— А если ты убѣжишь, то всякій меня же обвинитъ.

— Да куда же ему бѣжать?—спросилъ англичанинъ.

— Онъ здѣсь родился. У него много друзей. Онъ идетъ куда захочетъ. Онъ ловкій плутъ. Стоитъ ему перемѣнить платье и онъ въ мгновеніе ока превратится въ индусскаго мальчика низшей касты.

— Чорта съ два!—произнесъ англичанинъ, въ то время, какъ Магбубъ повернулъ лошадь къ баракамъ.

Кимъ заскрежеталъ зубами. Магбубъ издѣвался надъ нимъ, какъ настоящій вѣроломный афганецъ:

— Они посылаютъ его въ школу, надѣваютъ ему на ноги тяжелые башмаки и пеленаютъ его вотъ въ это платье. Такимъ образомъ онъ забудетъ все, что̀ знаетъ. Который твой баракъ?

Кимъ указалъ—говорить онъ не могъ—на помѣщеніе отца Виктора.

— А можетъ быть, изъ него и выйдетъ хорошій солдатъ,—раздумчиво проговорилъ Магбубъ.—Во всякомъ случаѣ ординарецъ изъ него отличный выйдетъ. Я его разъ посылалъ съ

однимъ порученіемъ изъ Лагора. Дѣло шло о родословной одного бѣлаго жеребца.

Киму ясно представился длинный сѣрый рядъ бараковъ и школъ, и онъ съ отчаяніемъ и мольбой взглянулъ въ гладко выбритое лицо англичанина, но по этому неподвижному лицу нельзя было узнать, вспомнилъ ли онъ что-нибудь. Однако и въ эту роковую минуту Киму даже въ голову не пришло отдаться во власть бѣлаго человѣка или выдать ему афганца.

— Моя лошадь хорошо выѣзжена,—сказалъ Магбубъ.—Другія стали бы, пожалуй, лягаться, сагибъ.

— А-а,—произнесъ, наконецъ, англичанинъ, потирая концомъ хлыста потный загривокъ своего пони.—Кто готовитъ мальчика въ солдаты?

— Онъ говоритъ, что полкъ, который нашелъ его, и въ особенности падре-сагибъ этого полка.

— Вотъ самъ падре!—задыхающимся голосомъ произнесъ Кимъ, когда отецъ Викторъ появился наверху на верандѣ.

— Да разрушатся силы адовы, О'Гара! Сколько же, наконецъ, у тебя самыхъ разнообразныхъ друзей въ Азіи?—воскликнулъ онъ, когда Кимъ слѣзъ съ лошади и остановился передъ нимъ съ безпомощнымъ видомъ.

— Съ добрымъ утромъ, падре!—весело проговорилъ полковникъ.—Я по слухамъ васъ хорошо знаю. И раньше еще хотѣлъ съ вами познакомиться. Мое имя Крейтонъ.

— Вы членъ этнологическаго общества?—спросилъ отецъ Викторъ.—Полковникъ утвердительно кивнулъ головой.—Въ такомъ случаѣ очень радъ васъ видѣть и кромѣ того благодарю васъ за то, что вы привели мнѣ мальчика.

— Не за что, падре! Мальчикъ и не собирался убѣгать. Я встрѣтилъ его съ Магбубомъ-Али. Вы его не знаете?—спросилъ онъ, указывая на продавца лошадей, усѣвшагося съ безстрастнымъ видомъ на самомъ солнцѣ.—Онъ всѣмъ намъ продаетъ лошадей. А этотъ мальчикъ—прелюбопытное явленіе. Вы мнѣ можете разсказать что-нибудь о немъ? Только позвольте мнѣ сказать нѣсколько словъ Магбубу.—И, возвысивъ голосъ, онъ проговорилъ по-урдусски:

— Это все отлично, Магбубъ-Али, только нечего разсказывать мнѣ всѣ эти исторіи объ этомъ пони. Триста пятьдесятъ рупій я даю и ни одного гроша больше.

— Сагибъ немножко разгоряченъ и возбужденъ послѣ ѣзды, —возразилъ торговецъ лошадьми, подмигивая съ видомъ избалованнаго шута.—А вотъ теперь онъ увидитъ ясно, чего стоитъ

моя лошадка. Я подожду пока сагибъ кончитъ разговоръ съ падре. Я подожду вонъ подъ тѣмъ деревомъ.

— Да ну тебя!—засмѣялся полковникъ:—дожидайся, если у тебя столько свободнаго времени. Теперь я весь къ вашимъ услугамъ, падре. А гдѣ же мальчикъ?

— А-а, онъ пошелъ толковать съ Магбубомъ.

— Ловкій мальчишка. Могу я попросить васъ отослать мою лошадь подъ навѣсъ?—Онъ опустился въ кресло, съ котораго было хорошо видно Магбуба и Кима, разговаривавшихъ подъ деревомъ. Падре вышелъ, чтобы отдать распоряженія. Крейтонъ услыхалъ голосъ Кима, произнесшаго съ горечью:

— Скорѣй довѣрься брамину, чѣмъ змѣѣ, и скорѣе змѣѣ, чѣмъ афганцу, Магбубъ-Али.

— Это ничего не значитъ,—возразилъ продавецъ лошадей, тряхнувъ медленно своею красной бородой.—Дѣти не замѣчаютъ ковра на станкѣ, пока весь рисунокъ не вытканъ. Повѣрь мнѣ, „всѣмъ на свѣтѣ другъ“, я тебѣ оказываю большую службу. Они не отдадутъ тебя въ солдаты.

— Простите, одну минуту!—закричалъ падре изъ комнаты, —я хочу принести вамъ документы, относящіеся къ этому дѣлу.

— Если благодаря мнѣ ты заслужишь милость этого храбраго и мудраго полковника,—продолжалъ торговецъ лошадей,— и достигнешь большого почета,—чѣмъ ты отблагодаришь Магбуба-Али, сдѣлавшись взрослымъ человѣкомъ?

— Нѣтъ, нѣтъ; я просилъ тебя отпустить меня на дорогу, гдѣ я былъ бы въ безопасности, а ты продалъ меня назадъ англичанамъ. Сколько они тебѣ за это заплатятъ?

— Смѣлый дьяволенокъ!—подумалъ полковникъ и, откусивъ кончикъ сигары, вѣжливо повернулся къ вошедшему отцу Виктору.

— Что это за письма,—видишь, толстый патеръ размахиваетъ ими передъ полковникомъ? Стань сзади лошади, какъ будто держишь ее подъ уздцы!—сказалъ Магбубъ-Али.

— Это письмо отъ моего ламы съ дороги. Онъ пишетъ, что будетъ платить триста рупій въ годъ за мое ученье.

— Ого! Такъ вотъ онъ каковъ, старая „красная шапка“? А въ какую школу?

— Богъ знаетъ. Я думаю въ Лукноусскую.

— Да, тамъ есть большая школа для дѣтей сагибовъ и полу-сагибовъ. Такъ, значитъ, и лама тоже любитъ „всѣмъ на свѣтѣ друга“?

— Да. А кромѣ того онъ не лгалъ и не возвращалъ меня въ неволю. А теперь ты уѣдешь, а меня опять засадятъ въ пустыя

комнаты, гдѣ нѣтъ хорошенькаго мѣстечка, чтобы уснуть, и гдѣ мальчишки бьютъ меня...

— Я этого не думаю. Потерпи немного, дитя.

Пять—десять—пятнадцать минутъ прошло, а отецъ Викторъ все еще что-то оживленно говорилъ и задавалъ вопросы полковнику, а тотъ отвѣчалъ ему.

— Ну, теперь я вамъ разсказалъ все, что̀ знаю о мальчикѣ съ начала до конца, и для меня это большое облегченіе. Слышали ли вы когда-нибудь что-нибудь подобное?—закончилъ патеръ свой разсказъ.

— Во всякомъ случаѣ старикъ прислалъ деньги. Чѣмъ болѣе узнаешь туземцевъ, тѣмъ менѣе можешь отвѣчать за то, что̀ они сдѣлаютъ и чего не сдѣлаютъ.

— Это правда, и единственное, что̀ меня смущаетъ, это мысль о томъ, что̀ случится, если старый нищій...

— Лама, лама, почтеннѣйшій; многіе изъ нихъ—настоящіе джентльмены у себя на родинѣ.

— Ну, хорошо, лама... такъ вотъ, что̀ случится, если онъ не заплатитъ на будущій годъ. Наконецъ, онъ можетъ умереть, и брать деньги язычника, чтобы давать христіанское воспитаніе ребенку...

— Но вѣдь онъ ясно выразилъ свое желаніе. Какъ только онъ узналъ, что мальчикъ бѣлый, такъ тотчасъ же и распорядился соотвѣтствующимъ образомъ. Мой вамъ совѣтъ: пошлите мальчика въ Лукноу. Лама будетъ избавленъ отъ лишнихъ расходовъ, и это приведетъ его въ благодушное настроеніе. Все это очень легко устроить. На слѣдующей недѣлѣ я ѣду въ Лукноу. Дорогой я присмотрю за мальчикомъ.

— Вы добрый человѣкъ.

— Нисколько. Лама прислалъ деньги, и мы обязаны исполнить его желаніе. Такъ, значитъ, это рѣшено? Въ будущій вторникъ вы мнѣ его пришлете къ ночному поѣзду. Это будетъ черезъ три дня. Онъ не можетъ натворить никакой бѣды въ три дня.

— Не знаю, какъ и благодарить васъ.

— Вотъ что̀ вы можете для меня сдѣлать. Мы всѣ, этнологи, ревнивы къ чужимъ открытіямъ, какъ галки. Эти открытія только намъ и интересны конечно, но вы знаете, что̀ за люди коллекціонеры. Поэтому не говорите ни слова ни прямо, ни косвенно объ азіатской особенности характера этого мальчика: объ его приключеніяхъ, пророчествѣ и т. д. Я потомъ самъ все это у него выпытаю... вы понимаете?

— Вполнѣ. Вы напишете цѣлый удивительный разсказъ объ

этомъ. Обѣщаю вамъ не говорить никому ни слова, пока не увижу его въ печати.

— Благодарю васъ. Однако, мнѣ надо вернуться домой къ завтраку. Силы небесныя! Старикъ Магбубъ все еще здѣсь!— Онъ возвысилъ голосъ, произнося эти слова и продавецъ лошадей вышелъ изъ-подъ тѣнистаго дерева.—Ну, чего тебѣ еще?

— Что касается твоей лошади, — сказалъ Магбубъ,—то я говорю, что если жеребенокъ рожденъ для игры въ „поло" и умѣетъ бѣжать за мячемъ безъ ученья по одной догадкѣ, то весьма несправедливо запрягать его въ тяжелую повозку, сагибъ!

— Я тоже это говорю, Магбубъ. Жеребенокъ будетъ готовиться только для игры въ „поло". (Этотъ народъ ни о чемъ на свѣтѣ не думаетъ, кромѣ лошадей). Я увижу тебя завтра, Магбубъ, если у тебя есть что-нибудь въ этомъ родѣ для продажи.

Продавецъ поклонился, какъ всѣ лошадники, сдѣлавъ широкое движеніе рукой.

— Будь терпѣливъ, „всѣмъ на свѣтѣ другъ",—шепнулъ онъ видимо страдающему Киму.—Твоя судьба устроена. Скоро ты отправишься въ Лукноу, а вотъ пока чѣмъ заплатить писцу. Я еще увижу тебя и не разъ—и онъ ускакалъ по дорогѣ.

— Послушай, — сказалъ на мѣстномъ нарѣчіи полковникъ съ веранды,—черезъ три дня ты поѣдешь со мною въ Лукноу и услышишь, и увидишь много новаго. А пока сиди смирно и не убѣгай.

— А я встрѣчу тамъ моего святого старца? — простоналъ Кимъ.

— Во всякомъ случаѣ Лукноу ближе къ Бенаресу, чѣмъ Умбалла. Помни: многое мнѣ было сказано, чего я не забуду.

— Я буду ждать,—сказалъ Кимъ,—но мальчишки станутъ колотить меня.

Раздался звукъ роговъ, призывавшихъ къ обѣду.

VII.

Послѣ завтрака учитель отпустилъ Кима. Онъ побѣжалъ на базаръ и отыскалъ юнаго писца.

— Теперь я заплачу,—сказалъ онъ царственнымъ тономъ,— и еще мнѣ нужно письмо написать.

— Магбубъ-Али въ Умбаллѣ,—любезно заявилъ писецъ.

Благодаря своей должности, онъ представлялъ собою настоящее справочное бюро.

— Теперь не Магбубу, а одному монаху. Бери перо и пиши скорѣе. „Тешу Ламѣ, святому отцу изъ Ботіала, ищущему рѣку и находящемуся теперь въ храмѣ Тиртанкеровъ въ Бенаресѣ". Возьми побольше чернилъ! „Черезъ три дня я ѣду въ Лукноу, въ Лукноусскую школу. Названіе школы Ксавье. Я не знаю, гдѣ эта школа, но она въ Лукноу".

— Но я знаю Лукноу,—перебилъ его писецъ.—Я знаю и школу.

— Такъ объясни ему, гдѣ она находится, и я прибавлю тебѣ полъ „анна".

Тростниковое перо энергично заскрипѣло.

— Теперь онъ не ошибется.—Писецъ поднялъ голову.

— Кто это за нами наблюдаетъ съ той стороны улицы?

Кимъ быстро взглянулъ по указанному направленію и увидалъ полковника Крейтона въ костюмѣ для тенниса.

— О, это одинъ сагибъ, знакомый съ толстымъ патеромъ въ баракахъ. Онъ меня зоветъ.

— Что ты дѣлалъ?—спросилъ полковникъ, когда Кимъ подошелъ къ нему.

— Я... я не убѣгаю. Я посылаю письмо къ моему святому старцу въ Бенаресъ.

— Я и не думалъ, что ты хочешь убѣжать. Ты написалъ, что я увожу тебя въ Лукноу?

— Нѣтъ, этого я не писалъ. Прочитайте письмо, если не вѣрите.

— Такъ почему же ты выпустилъ мое имя? — полковникъ странно улыбнулся.

Кимъ собралъ всю свою храбрость.

— Мнѣ разъ сказали, что нехорошо писать имена чужихъ людей, замѣшанныхъ въ какомъ-нибудь дѣлѣ, потому что отъ этого многія хорошія намѣренія не могутъ быть приведены въ исполненіе.

— Тебя хорошо научили, — замѣтилъ полковникъ, и Кимъ покраснѣлъ.—Я забылъ мой ящикъ съ сигарами на верандѣ у падре. Сегодня вечеромъ принеси его ко мнѣ на домъ.

— А гдѣ вашъ домъ?—спросилъ Кимъ, быстро сообразившій, что его такъ или иначе испытываютъ и что надо держать ухо востро.

— Спроси у кого-нибудь на базарѣ.—Полковникъ пошелъ дальше.

— Онъ забылъ свой ящикъ съ сигарами, — сказалъ Кимъ, вернувшись къ писцу. — Я долженъ принести его ему сегодня вечеромъ. Ну, а письмо мое кончено, только надо три раза прибавить: „Приходи ко мнѣ! Приходи ко мнѣ! Приходи ко мнѣ!“ Теперь я заплачу тебѣ за марку и отнесу письмо на почту.

Онъ всталъ, чтобы идти, но, какъ бы вспомнивъ что-то, спросилъ:

— А кто этотъ сердитый сагибъ, разговаривавшій со мною?

— О, это никто иной, какъ Крейтонъ сагибъ... очень глупый сагибъ. Онъ полковникъ безъ полка.

— А чѣмъ онъ занимается?

— А Богъ его знаетъ. Онъ все покупаетъ лошадей, на которыхъ не можетъ ѣздить, и разспрашиваетъ о растеніяхъ, камняхъ и народныхъ обычаяхъ. Торговцы зовутъ его отцомъ дураковъ, потому что его такъ легко надуть, продавая ему лошадь. Магбубъ-Али говоритъ, что онъ безумнѣе всѣхъ другихъ сагибовъ.

— О-о!—произнесъ Кимъ и ушелъ. Благодаря своей опытности, онъ имѣлъ нѣкоторое понятіе о людяхъ и разсудилъ, что дуракамъ не передаютъ извѣстій, вслѣдствіе которыхъ вызываются восемь тысячъ человѣкъ съ пушками. Главнокомандующій всей Индіи не сталъ бы такъ говорить съ дуракомъ, какъ онъ говорилъ, когда Кимъ подслушивалъ ихъ разговоръ. И тонъ Магбуба-Али не мѣнялся бы такъ при произнесеніи имени полковника, если бы полковникъ былъ дуракъ. Слѣдовательно—при этомъ Кимъ даже подпрыгнулъ—тутъ была какая-то тайна, и вѣроятно Магбубъ-Али шпіонилъ для полковника такъ же, какъ Кимъ шпіонилъ для Магбуба-Али. И, повидимому, такъ же, какъ продавецъ лошадей, полковникъ цѣнилъ людей, не выказывающихъ особенно своей ловкости и ума. Онъ радовался, что не выдалъ себя и не показалъ, что знаетъ, гдѣ находится домъ полковника, а когда, вернувшись въ бараки, убѣдился, что ящикъ съ сигарами не былъ оставленъ, то весь просіялъ отъ восторга. Этотъ человѣкъ—тонкій, ловкій и пронырливый, играющій въ скрытую игру, пришелся ему по сердцу. Если онъ былъ дуракъ, то Киму и себя пришлось бы считать дуракомъ. Но онъ ничѣмъ себя не выдалъ, когда отецъ Викторъ каждое утро въ теченіе трехъ дней говорилъ ему о цѣломъ рядѣ новыхъ боговъ и второстепенныхъ божковъ, особенно объ одной богинѣ, называющейся Марія. Кимъ сообразилъ, что она составляла одно съ Баби Миріамъ, извѣстной ему изъ вѣроученія Магбуба-Али. Онъ не обнаружилъ никакого волненія, когда послѣ урока отецъ Викторъ сталъ

таскать его изъ лавки въ лавку, покупая необходимые предметы, чтобы снарядить его въ путь. Онъ не жаловался, когда маленькіе барабанщики пихали его изъ зависти, что онъ отправляется въ высшее учебное заведеніе, а только ждалъ съ большимъ интересомъ, какъ разыграются обстоятельства. Добродушный отецъ Викторъ отвезъ его на станцію, посадилъ его въ пустой вагонъ второго класса, рядомъ съ первымъ классомъ, гдѣ находился Крейтонъ, и простился съ нимъ съ искреннимъ чувствомъ.

— Они сдѣлаютъ изъ тебя человѣка, О'Гара, бѣлаго человѣка и, я надѣюсь, хорошаго человѣка. Я сообщилъ тебѣ нѣкоторыя религіозныя понятія, по крайней мѣрѣ надѣюсь, что я это сдѣлалъ, и ты помни: когда тебя будутъ спрашивать, къ какой религіи ты принадлежишь, говори—къ католической.

Кимъ закурилъ плохую сигару, купленную на базарѣ, улегся и сталъ думать. Это одинокое путешествіе не было похоже на его веселое странствіе въ третьемъ классѣ съ ламой.—Сагибы мало наслаждаются путешествіемъ,—раздумывалъ онъ.—Однако меня перебрасываютъ съ мѣста на мѣсто, какъ мячикъ. Таковъ мой „Кизметъ". Ни единый человѣкъ не можетъ уйти отъ своего „Кизмета". Но я буду молиться Баби Миріамъ, и я сагибъ...—онъ жалобно посмотрѣлъ на свои башмаки. — Нѣтъ; я Кимъ. Вокругъ меня огромный міръ, а я только Кимъ. Кто такое Кимъ? — Онъ впервые сталъ разсуждать о своемъ существѣ и дѣлалъ это до тѣхъ поръ, пока у него не пошла кругомъ голова. Въ это время за нимъ прислалъ полковникъ и долго съ нимъ разговаривалъ. Насколько Кимъ могъ понять, ему слѣдовало быть прилежнымъ и предстояло вступить въ департаментъ индійской государственной полиціи. Если онъ окажется способнымъ и выдержитъ экзамены, то будетъ получать въ семнадцать лѣтъ тридцать рупій въ мѣсяцъ, и полковникъ Крейтонъ позаботится о томъ, чтобы найти ему подходящее занятіе. Сначала Кимъ дѣлалъ видъ, что понимаетъ хотя одно слово изъ трехъ въ его рѣчи, но потомъ полковникъ, видя свою ошибку, перешелъ на плавное и живописное урдусское нарѣчіе, и Кимъ былъ вполнѣ доволенъ. Развѣ могъ быть дуракомъ человѣкъ, знавшій языкъ въ такомъ совершенствѣ, у котораго такія мягкія и тихія движенія и у котораго глаза такъ непохожи на тупые, заплывшіе глаза другихъ сагибовъ?

— Да, ты долженъ научиться зачерчивать дороги, горы и рѣки и удерживать въ головѣ рисунокъ, пока не настанетъ удобное время, чтобы перевести все это на бумагу. Можетъ быть, когда-нибудь, когда ты будешь на дѣйствительной службѣ

и мы будемъ работать вмѣстѣ, я скажу тебѣ: „перейди за эти горы и посмотри, чтò находится по ту сторону". А кто-нибудь скажетъ: „Въ этихъ горахъ живутъ злые люди, они убьютъ агента, если онъ будетъ похожъ на сагиба". Чтò тогда?

Кимъ подумалъ. Не было ли опасно отвѣчать на такіе вопросы?

— Я бы передалъ слова этого человѣка.

— Но еслибы я возразилъ: „Я дамъ сто рупій, чтобы имѣть рисунокъ рѣки, чтобы знать, чтò тамъ, за этими горами, и чтò говорятъ люди въ деревнѣ?

— Какъ могу я сказать? Я вѣдь еще мальчикъ. Подождите, когда я буду взрослымъ.—Но, увидавъ, что полковникъ нахмурился, онъ прибавилъ:

— Но я думаю, что я въ нѣсколько дней заслужилъ бы сто рупій.

— Какимъ образомъ?

Кимъ рѣшительно покачалъ головой.—Если я стану объ этомъ разсказывать, то кто-нибудь другой можетъ услышать и предупредить меня. Нехорошо выдавать себя задаромъ.

— Ну, теперь скажи,—полковникъ протянулъ ему рупію. Рука Кима потянулась-было къ монетѣ, но потомъ опустилась.

— Нѣтъ, сагибъ, нѣтъ. Я знаю, какая будетъ цѣна за отвѣтъ, но не знаю, зачѣмъ заданъ вопросъ.

— Ну, такъ возьми ее въ подарокъ,—сказалъ Крейтонъ, подбрасывая монету.—У тебя острый умъ. Старайся, чтобы тебѣ его не притупили и не ослабили въ Сентъ-Ксавье. Тамъ есть много мальчиковъ, которые презрительно относятся къ чернымъ.

— Ихъ матери были базарными торговками,—сказалъ Кимъ, знавшій, что люди смѣшаннаго происхожденія съ особенной ненавистью относятся къ близкимъ имъ по крови чернымъ.

— Это правда; но ты—сагибъ и сынъ сагиба. Поэтому никогда не презирай черныхъ людей. Я знавалъ мальчиковъ вновь поступавшихъ на службу правительству и притворявшихся, что не понимаютъ языка и обычаевъ черныхъ людей. Имъ прекращали выдавать жалованье за невѣжество. Нѣтъ бòльшаго грѣха, чѣмъ невѣжество. Запомни это.

Нѣсколько разъ въ продолженіе длиннаго двадцати-четырехъ часового переѣзда на югъ полковникъ посылалъ за Кимомъ и каждый разъ развивалъ передъ нимъ послѣднее положеніе.

— Мы всѣ будемъ составлять одно цѣлое,—сказалъ наконецъ Кимъ,—полковникъ, Магбубъ-Али и я, когда я сдѣлаюсь агентомъ. Полковникъ будетъ такъ же пользоваться моими услу-

гами, я думаю, какъ это дѣлалъ Магбубъ-Али. Это будетъ очень хорошо, если это мнѣ дастъ возможность бродить по Индіи. Платье-то это отъ ношенья не дѣлается удобнѣй.

Когда они пріѣхали на многолюдную Лукноусскую станцію, то ламы тамъ и признака не было. Кимъ ничѣмъ не выказалъ своего разочарованія, пока полковникъ усаживалъ его въ коляску со всѣми его новенькими дорожными принадлежностями и отправлялъ одного въ школу Сентъ-Ксавье.

— Я не прощаюсь съ тобою, потому что мы еще много разъ будемъ встрѣчаться,—крикнулъ онъ,—много разъ, если ты будешь уменъ. Но ты еще не былъ испытанъ.

— Не былъ и тогда, когда принесъ тебѣ,—Кимъ рѣшился заговорить на ты, какъ съ равнымъ,—аттестатъ бѣлаго жеребца въ ту ночь?

— Многое очень хорошо забывать, братецъ,—отвѣчалъ полковникъ и такъ взглянулъ на Кима, что этотъ взглядъ пронизалъ насквозь мальчика, поспѣшившаго усѣсться въ экипажъ. Ему понадобилось не менѣе пяти минутъ, чтобы придти въ себя. Потомъ онъ критически повелъ носомъ, какъ бы нюхая новый воздухъ.

— Богатый городъ,—сказалъ онъ.—Богаче Лагора. Базары навѣрное очень хороши. Кучеръ, провези-ка меня немножко по базарамъ.

— Мнѣ велѣно отвезти тебя въ школу.—Кучеръ употребилъ „ты", что̀ было большой грубостью въ отношеніи къ бѣлому человѣку. Кимъ выяснилъ его заблужденіе на чистѣйшемъ и краснорѣчивѣйшемъ мѣстномъ нарѣчіи, взлѣзъ на козлы, и когда полное взаимное пониманіе было установлено, сталъ кататься въ теченіе двухъ часовъ взадъ и впередъ по городу, разсматривая, сравнивая и наслаждаясь.

Нѣтъ города,—за исключеніемъ короля всѣхъ городовъ—Бомбея,—болѣе красиваго и въ болѣе блестящемъ стилѣ, чѣмъ Лукноу, смотрѣть ли на него съ моста, перекинутаго черезъ рѣку, или съ верхушки Имамбара на золоченыя кровли Чэтеръ-Мунзиля и на зелень деревьевъ, въ которой утопаютъ всѣ постройки. Возница, польщенный похвалами Кима его родному городу, разсказалъ мальчику много удивительныхъ вещей, гораздо болѣе интересныхъ, чѣмъ вѣчный разсказъ о возстаніи англійскихъ проводниковъ.

— Ну, теперь поѣдемъ въ школу,—сказалъ наконецъ Кимъ.

Большая старая школа Сентъ-Ксавье, состоявшая изъ нѣсколькихъ низкихъ тяжелыхъ бѣлыхъ строеній, занимала довольно

большое пространство земли въ нѣкоторомъ разстояніи отъ города.

— Что тамъ за люди живутъ?—спросилъ Кимъ.

— Молодые сагибы—все чистые черти, но, по правдѣ говоря,—а мнѣ приходится многихъ изъ нихъ возить на станцію и со станціи,—я еще ни одного такого дьявола не видалъ, какъ ты, котораго я теперь везу.

Кимъ только-что собрался отвѣтить на эту дерзость, какъ вдругъ въ полусвѣтѣ сумерекъ его взглядъ упалъ на фигуру, сидѣвшую у подножія одного изъ оштукатуренныхъ столбовъ возлѣ школьныхъ воротъ.

— Стой!—крикнулъ Кимъ.—Остановись здѣсь. Я сейчасъ въ школу не поѣду.

— А что̀ ты мнѣ заплатишь за всѣ эти разъѣзды?—дерзко спросилъ кучеръ.—Рехнулся, что ли, мальчишка? Для чего ему понадобился этотъ монахъ?

А Кимъ уже поклонился въ землю и цѣловалъ пыльныя ноги, выглядывавшія изъ-подъ разорванной желтой одежды.

— Я здѣсь дожидался полтора дня,—началъ лама ровнымъ голосомъ.—Нѣтъ, у меня былъ ученикъ. Мой другъ изъ храма Тиртанкеровъ далъ мнѣ провожатаго, чтобы придти сюда. Я пріѣхалъ изъ Бенареса въ поѣздѣ, когда мнѣ дали твое письмо. Я хорошо поѣлъ и ни въ чемъ не нуждаюсь.

— Но почему ты не остался съ женщиной изъ Кулу, святой отецъ? Какъ ты добрался до Бенареса? Тяжело у меня было на сердцѣ съ тѣхъ поръ, какъ мы разстались.

— Женщина утомила меня неизсякаемыми потоками рѣчи и требованіемъ заклинаній для дѣтей. Я разстался съ нею и ея свитой, дозволивъ ей сдѣлать доброе дѣло и угодить Богу, сдѣлавъ мнѣ подарки. Рука у нея щедрая, и я обѣщалъ вернуться въ ея домъ, если окажется нужнымъ. Тогда, оставшись одинъ на этомъ огромномъ и страшномъ свѣтѣ, я вспомнилъ про поѣздъ въ Бенаресъ. Тамъ, въ храмѣ Тиртанкеровъ, я знаю одного настоятеля, такого же искателя, какъ и я.

— Да! Твоя рѣка,—сказалъ Кимъ.—Я и забылъ про рѣку.

— Такъ скоро, мой *чела*? Я никогда ее не забываю. Но, разставшись съ тобою, я подумалъ, что лучше мнѣ идти въ храмъ и спросить совѣта, потому что, видишь ли, Индія очень велика, и, можетъ быть, мудрые люди еще до насъ оставили записки о томъ мѣстѣ, гдѣ находится рѣка. По этому поводу въ храмѣ Тиртанкеровъ происходятъ споры: одни говорятъ одно, другіе—другое. Всѣ они очень вѣжливые люди.

— Пусть такъ, но что ты дѣлаешь теперь?

— Я дѣлаю доброе дѣло, помогая тебѣ, мой *чела*, пріобрѣсти мудрость. Священнослужитель изъ того общества людей, которые служатъ „красному быку", написалъ мнѣ, что для тебя все будетъ сдѣлано, какъ я хочу. Я послалъ деньги за годъ, а теперь пришелъ, какъ видишь, чтобы посмотрѣть, какъ ты войдешь въ ворота ученья. Полтора дня я дожидался, не потому, чтобы меня влекла любовь къ тебѣ,—это не входитъ въ путь, но потому,—такъ они и въ храмѣ Тиртанкеровъ сказали,—что, заплативъ деньги за ученье, я по справедливости долженъ посмотрѣть, чѣмъ кончится это дѣло. Они такъ ясно разрѣшили всѣ мои сомнѣнія. Я все боялся, что, можетъ быть, иду потому, что хочу тебя видѣть, ослѣпленный краснымъ туманомъ привязанности. Но это не такъ... Кромѣ того, меня смутилъ одинъ сонъ.

— Но, конечно, святой отецъ, ты не забылъ нашего странствія и всего случившагося въ тѣ дни. Навѣрно, ты пришелъ немножко и для того, чтобы меня видѣть?

— Лошади прозябли и ужъ время ихъ кормить давно прошло,—сталъ жаловаться кучеръ.

— Убирайся къ дьяволу и дожидайся тамъ съ своей непотребной теткой!—проворчалъ черезъ плечо Кимъ.

— Я совсѣмъ одинъ въ этомъ краю. Я не знаю, куда я иду и что̀ со мною будетъ. Все мое сердце я вложилъ въ письмо къ тебѣ. Если не считать Магбуба-Али, а онъ патанъ, то у меня нѣтъ друзей, кромѣ тебя, святой отецъ. Не уходи же совсѣмъ.

— Я ужъ объ этомъ думалъ,—возразилъ лама дрожащимъ голосомъ.—И рѣшилъ, что отъ времени до времени я буду дѣлать доброе дѣло—если не найду до тѣхъ поръ моей рѣки—лично убѣждаясь въ томъ, что ноги твои идутъ по пути мудрости. Чему въ школѣ будутъ тебя учить—я не знаю, но священнослужитель написалъ мнѣ, что ни одинъ сынъ сагиба во всей Индіи не будетъ выученъ лучше тебя. Итакъ, отъ времени до времени я буду приходить. Можетъ быть, ты сдѣлаешься такимъ сагибомъ, какъ тотъ, что̀ далъ мнѣ эти очки,—лама тщательно протеръ стекла,—въ „Домѣ чудесъ" въ Лагорѣ. Я на это надѣюсь, ибо онъ былъ кладезь мудрости, болѣе мудрый, чѣмъ многіе настоятели... А можетъ также случиться, что ты забудешь меня и нашу встрѣчу.

— Вѣдь я ѣлъ твой хлѣбъ,—страстно воскликнулъ Кимъ,—могу ли я когда-нибудь забыть тебя?

— Нѣтъ... нѣтъ,—старикъ отстранилъ отъ себя мальчика. —Я долженъ вернуться въ Бенаресъ. Отъ времени до времени, такъ какъ я узналъ теперь обычаи писцовъ въ этой странѣ, я буду присылать тебѣ письма, и отъ времени до времени буду приходить самъ, чтобы повидать тебя.

— А куда же мнѣ-то посылать письма?—съ плачемъ проговорилъ Кимъ, цѣпляясь за платье ламы и совершенно забывая, что онъ сагибъ.

— Въ храмъ Тиртанкеровъ въ Бенаресѣ. Это мѣсто я избралъ, пока не найду рѣку. Не плачь, потому что, видишь ли, всякое желаніе есть обманъ и лишняя цѣпь, привязывающая къ колесу. Иди въ ворота ученья. Чтобы я видѣлъ, какъ ты войдешь... Ты любишь меня? Такъ иди, а то мое сердце разорвется... Я буду приходить. Я навѣрно приду.

Лама стоялъ и смотрѣлъ, какъ экипажъ съ грохотомъ въѣхалъ во дворъ и какъ за Кимомъ шумно захлопнулись ворота.

. . . .

У мальчика, родившагося и воспитаннаго въ тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ родился и воспитался Кимъ, бываютъ свои особыя манеры и привычки, дѣлающія его непохожимъ на другихъ. Его наставники должны употреблять относительно него пріемы, совершенно непонятные для англійскихъ учителей. Поэтому можно себѣ представить все, что̀ долженъ былъ пережить и переиспытать Кимъ, въ качествѣ воспитанника школы Сентъ-Ксавье, среди двухъ или трехъ-сотъ скороспѣлыхъ юношей, большинство которыхъ никогда не видало моря. Онъ подвергался обычнымъ наказаніямъ за то, что во время холеры въ городѣ убѣгалъ дальше положенныхъ границъ. Это случалось до тѣхъ поръ, пока онъ не выучился четко писать по-англійски и былъ вынужденъ обращаться къ базарному писцу. Былъ онъ, конечно, обвиняемъ и въ томъ, что курилъ и употреблялъ такую отборную брань, какой никогда не слыхивали въ школѣ Сентъ-Ксавье. Онъ научился мыться съ чисто туземной тщательностью, такъ какъ туземцы въ глубинѣ души считаютъ всѣхъ англичанъ немного грязными. Въ школѣ воспитывались сыновья желѣзнодорожныхъ и телеграфныхъ чиновниковъ, офицеровъ въ отставкѣ или на дѣйствительной службѣ въ качествѣ главнокомандующихъ арміей какого-нибудь подвластнаго раджи; сыновья морскихъ офицеровъ и лицъ, живущихъ государственной пенсіей, плантаторовъ, торговцевъ и миссіонеровъ. Родители отлично могли бы воспитывать ихъ въ Англіи, но они любили школу, въ которой воспитывались сами, и въ Сентъ-Ксавье одно смуглое поколѣніе смѣнялось

другимъ. Одни разсказы о приключеніяхъ,—не считавшихся у нихъ за приключенія,—пережитыхъ воспитанниками по дорогѣ въ школу или изъ школы, заставили бы встать дыбомъ волосы на головѣ всякаго европейскаго мальчика. Они имѣли обыкновеніе разгуливать одни въ тянувшихся на сотни миль дремучихъ джунгляхъ (лѣсахъ), подвергаясь восхитительной возможности встрѣтиться съ тиграми, и лежали совершенно спокойно въ то время, какъ леопардъ обнюхивалъ ихъ паланкинъ. Тамъ были мальчики лѣтъ пятнадцати, проведшіе полтора дня на островкѣ среди разлившейся рѣки, и другіе, овладѣвшіе во имя св. Франциска Ксавье случайно попавшимся слономъ какого-то раджи, когда дожди размыли дорогу въ имѣніе ихъ родителей. Тамъ былъ одинъ мальчикъ, помогшій своему отцу, по его словамъ,—и въ этомъ не было сомнѣнія,—отбить отъ своей веранды при помощи карабиновъ цѣлую шайку акасовъ еще въ тѣ времена, когда эти охотники на людей смѣло нападали на одинокія жилища плантаторовъ. И каждый разсказъ сопровождался странными разсужденіями, безсознательно заимствованными у туземныхъ своихъ кормилицъ, и оборотами рѣчи, явно только-что переведенными съ туземнаго языка. Кимъ наблюдалъ, слушалъ и одобрялъ. Это не былъ больше глупый односложный разговоръ мальчиковъ-барабанщиковъ. Онъ вступилъ въ знакомую для него и понятную жизнь. Это была подходящая для него атмосфера, и мало-по-малу онъ совершенно свыкся съ нею. Когда погода потеплѣла, то ему дали костюмъ изъ нитяннаго тика, и онъ относился къ новому пріятному физическому ощущенію съ той же радостью, съ какой примѣнялъ свой острый умъ къ выполненію задаваемыхъ ему уроковъ. Его сообразительность привела бы въ восторгъ англійскихъ учителей, но учителя Сентъ-Ксавье хорошо знакомы съ этимъ быстрымъ умственнымъ развитіемъ мальчиковъ подъ вліяніемъ солнца и всей обстановки, равно и съ внезапнымъ упадкомъ всѣхъ умственныхъ силъ у двадцати-трехъ и двадцати-четырехлѣтнихъ молодыхъ людей.

Кимъ не забывалъ быть очень сдержаннымъ, и когда другіе воспитанники разсказывали цѣлыя исторіи подъ покровомъ жаркой ночи, онъ не давалъ воли своимъ воспоминаніямъ.

Воспитанники Сентъ-Ксавье смотрятъ свысока на „настоящихъ туземцевъ". „Не слѣдуетъ забывать, что ты сагибъ и что, по окончаніи экзаменовъ, ты будешь повелѣвать туземцами". Кимъ это отмѣтилъ для себя, потому что уже начиналъ понимать куда вели экзамены.

Наконецъ, наступили вакаціи съ августа по октябрь,—вакаціи,

вызванныя жарой и дождями. Киму сообщили, что его отправятъ на сѣверъ, на одну горную станцію за Умбаллой, гдѣ отецъ Викторъ его устроитъ.

— Въ барачную школу?—спросилъ Кимъ.

— Да, вѣроятно такъ, — отвѣчалъ учитель. — Ты можешь ѣхать вмѣстѣ съ молодымъ Де-Кастро вплоть до Дели.

Кимъ обсудилъ дѣло со всѣхъ сторонъ. Онъ былъ все время прилеженъ, какъ ему совѣтовалъ полковникъ.

Вакаціи даются мальчику и, слѣдовательно, вполнѣ принадлежатъ ему, а барачная школа—одно мученье послѣ школы Сентъ-Ксавье. Отъ ламы не было никакихъ извѣстій, но большая дорога была все та же. Кимъ соскучился по тому особенному чувству, которое испытываешь, когда нога погружается въ мягкую дорожную грязь,—точно такъ же, какъ жаждалъ поѣсть жаренаго барана съ масломъ и капустой, риса, посыпаннаго сильно пахнущимъ кардамономъ, или риса съ шафраномъ, чеснокомъ и лукомъ, а также жирныхъ базарныхъ сластей. А тамъ его будутъ кормить полусырой говядиной на глиняныхъ барачныхъ тарелкахъ, и курить придется тайкомъ. Но все-таки онъ былъ сагибъ, учился въ школѣ Сентъ-Ксавье, а этотъ дьяволъ Магбубъ-Али... Нѣтъ, онъ не станетъ пользоваться гостепріимствомъ Магбуба, а все-таки... Онъ долго обсуждалъ этотъ вопросъ, лежа одинъ въ дортуарѣ, и наконецъ пришелъ къ заключенію, что былъ несправедливъ къ Магбубу.

Школа была пуста, почти всѣ учителя разъѣхались. Желѣзнодорожный паспортъ, данный ему полковникомъ Крейтономъ, лежалъ у него въ карманѣ. Денегъ оставалось двѣ рупіи семь анна. Новый кожаный чемоданъ съ буквами „К. О'Г." и свертокъ съ постелью лежали приготовленные въ пустой спальнѣ.

— Сагибы всегда бываютъ привязаны къ своему багажу,— произнесъ Кимъ, кивая головою на свои вещи.—Вы останетесь здѣсь.

Онъ, улыбаясь, вышелъ изъ школы и пошелъ подъ теплымъ дождемъ въ одинъ знакомый ему домъ. Черезъ полчаса онъ вышелъ оттуда съ гладко выбритой головой и въ костюмѣ индусскаго мальчика. На Лукноусской станціи онъ имѣлъ случай наблюдать, какъ юный Де-Кастро, совсѣмъ утопая въ своей огромной шляпѣ, входилъ въ отдѣленіе втораго класса. Кимъ осчастливилъ своимъ присутствіемъ вагонъ третьяго класса и скоро сдѣлался душою всего ѣхавшаго въ немъ общества. Онъ разсказывалъ о себѣ самыя фантастическія сказки, варьируя ихъ по мѣрѣ того, какъ мѣнялись пассажиры. Въ эту ночь во всей

Индіи не было болѣе веселаго человѣка, чѣмъ Кимъ. Въ Умбаллѣ онъ вышелъ и, шагая по лужамъ, направился къ востоку черезъ покрытыя зеленью поля въ ту деревню, гдѣ жилъ старый солдатъ. Приблизительно въ то же время полковнику Крейтону дали знать въ Симлу по телеграфу, что юный О'Гара исчезъ. Магбубъ-Али продавалъ какъ разъ лошадей въ томъ же городѣ, и полковникъ сообщилъ ему о случившемся.

— Это ничего,—отвѣчалъ продавецъ лошадей.—Люди все равно, что лошади. Временами у нихъ является потребность поѣсть соли, и если онѣ не находятъ ее въ ясляхъ, то начинаютъ вылизывать ее съ земли. Онъ опять отправился немножко на большую дорогу. Школа его утомила. Я зналъ, что такъ будетъ. Я самъ его подберу какъ-нибудь съ большой дороги. Вы не безпокойтесь, Крейтонъ сагибъ.

— Такъ ты не думаешь, что онъ умеръ?

— Можетъ быть, его убила лихорадка. А кромѣ этого я ничего не боюсь для мальчика. Обезьяна не свалится среди деревьевъ.

На другое утро за прогулкой полковника нагналъ Магбубъ-Али верхомъ.

— Такъ и оказалось, какъ я думалъ,—сказалъ онъ.—Онъ мнѣ прислалъ письмо, узнавъ на базарѣ въ Умбаллѣ, что я здѣсь.

— Прочитай,—произнесъ со вздохомъ облегченія полковникъ.

Было бы странно человѣку съ его положеніемъ интересоваться маленькимъ бродяжкой, но полковникъ помнилъ разговоръ въ вагонѣ и въ теченіе послѣднихъ мѣсяцевъ нѣсколько разъ принимался думать о странномъ молчаливомъ и сдержанномъ мальчикѣ. Его побѣгъ былъ верхомъ дерзости, но онъ служилъ доказательствомъ большой сообразительности и энергіи.

Магбубъ-Али развернулъ письмо и прочелъ:

„Другъ звѣздъ", онъ же „всѣмъ на свѣтѣ другъ"...

— Это что̀ значитъ?

— Мы его такъ зовемъ въ Лагорѣ. „Всѣмъ на свѣтѣ другъ" взялъ отпускъ, чтобы отправиться въ тѣ мѣста, куда захочетъ. Въ назначенный день онъ вернется. Если случится что-нибудь неладное, то пусть „рука дружбы" отклонитъ бичъ бѣдствія". Тутъ еще дальше есть, но...

— Ничего, читай.

— Есть вещи, неизвѣстныя тѣмъ, которые ѣдятъ вилками. Пока лучше ѣсть обѣими руками. Скажи смягчающія слова тѣмъ, которые этого не понимаютъ, чтобы сдѣлать возвращеніе благо-

пріятнымъ". Эти выраженія, конечно, есть дѣло писца, но посмотрите какъ умно все это придумано, такъ что намеки понятны только для тѣхъ, кто знаетъ въ чемъ дѣло.

— Это и есть „рука дружбы", отстраняющая „бичъ бѣдствія"?—спросилъ, смѣясь, полковникъ.

— Видишь, какой умный мальчикъ, онъ обращается ко мнѣ съ тѣмъ, чтобы я примирилъ васъ. Онъ говоритъ, что вернется. А теперь онъ только усовершенствуетъ свои познанія. Подумай, сагибъ, онъ цѣлыхъ три мѣсяца провелъ въ школѣ. А вѣдь онъ не былъ подготовленъ къ такой жизни. Что меня касается, то я радъ: жеребенокъ учится игрѣ въ „поло".

— Да, но другой разъ онъ не долженъ уходить одинъ.

— Почему же? Онъ не дуракъ, и когда будетъ нужно, придетъ ко мнѣ. Пора „цѣлителю жемчуга" забрать его въ руки. Онъ быстро мужаетъ.

Черезъ мѣсяцъ послѣ этого Магбубъ поѣхалъ въ Умбаллу за новой партіей лошадей и по дорогѣ въ сумеркахъ ему попался Кимъ. Онъ попросилъ у торговца лошадей милостыню, тотъ его выругалъ,—тогда мальчикъ заговорилъ по-англійски. Кругомъ никого не было, такъ что никто не услыхалъ, какъ Магбубъ вскрикнулъ отъ изумленія.

— Ого! А гдѣ же ты былъ?

— Тамъ и сямъ, вездѣ понемногу.

— Иди подъ дерево, чтобы дождь не мочилъ, и разскажи.

— Нѣсколько времени я жилъ у одного старика недалеко отъ Умбаллы, потомъ у однихъ знакомыхъ, мужа и жены въ Умбаллѣ. Потомъ съ однимъ знакомымъ доѣзжалъ до Дели. Это удивительный городъ. Потомъ я служилъ погонщикомъ у одного маслопродавца и гналъ ему быка на сѣверъ, но услыхалъ, что въ Путтіалѣ большой праздникъ, и отправился туда вмѣстѣ съ однимъ фейерверкеромъ. Праздникъ большой былъ. — Кимъ потеръ себѣ желудокъ.—Я видѣлъ раджей и слоновъ въ золотыхъ и серебряныхъ украшеніяхъ. Всѣ фейерверки зажгли сразу и одиннадцать человѣкъ было убито, въ томъ числѣ и мой фейерверкеръ, а меня отбросило къ палаткѣ, но я не ушибся. Потомъ я ушелъ назадъ, къ желѣзной дорогѣ, и служилъ у одного лошадника грумомъ за прокормъ. А вотъ теперь я здѣсь. Но что говоритъ полковникъ сагибъ? Я не хочу быть битымъ.

— „Рука дружбы" отвратила „бичъ бѣдствія", но другой разъ, если ты уйдешь на „большую дорогу", такъ ужъ со мной. Одному тебѣ еще рано.

— А по-моему такъ поздно. Я выучился читать и писать по-англійски въ школѣ. Я скоро совсѣмъ сдѣлаюсь сагибомъ.

— Нечего сказать!—засмѣялся Магбубъ, глядя на промокшую фигурку Кима подпрыгивавшаго подъ дождемъ.—Селямъ, сагибъ! — и онъ насмѣшливо поклонился. — Что же, усталъ ты шляться по дорогѣ, или еще поѣдешь со мною въ Умбаллу и будешь служить при лошадяхъ?

— Я поѣду съ тобою, Магбубъ-Али.

Съ англ. П—на С—ва.

СОВРЕМЕННЫЯ ЗАДАЧИ

I.

Многіе жалуются у насъ на умственный разбродъ, на неустойчивость стремленій и взглядовъ, на шаткость и перемѣнчивость въ пониманіи общественныхъ потребностей и интересовъ, на отсутствіе послѣдовательности и выдержки въ осуществленіи предположенныхъ цѣлей. Можетъ быть, эти жалобы и справедливы. Въ ходѣ нашей такъ-называемой общественной жизни дѣйствительно замѣчаются иногда рѣзкіе скачки, внезапные переходы отъ пылкаго энтузіазма къ полному равнодушію и унынію.

Давно ли, напримѣръ, наша печать восторженно привѣтствовала коренную реформу средней школы, съ отреченіемъ отъ „ложнаго, мертвящаго классицизма"? Теперь старая система, столь рѣшительно осужденная, уже вновь находитъ защитниковъ, подъ прикрытіемъ уваженія къ истинному классицизму, для насажденія котораго, какъ всѣмъ хорошо извѣстно, нѣтъ у насъ необходимѣйшихъ условій. Опять повторяются шаблонныя, не разъ опровергнутыя ссылки на примѣръ передовыхъ культурныхъ странъ, и самоувѣренно высказывается мнѣніе, что отмѣна школьнаго классицизма была бы „гибелью" русскаго просвѣщенія.

Не всегда однако эти перемѣны взглядовъ и настроеній зависятъ отъ общества. Симпатіи заинтересованной публики и убѣжденія свѣдущихъ лицъ остаются тѣ же; мѣняются только элементы, опредѣляющіе направленіе общественныхъ дѣлъ, или мѣняется атмосфера, среди которой они призваны дѣйствовать. А въ атмосферныхъ вліяніяхъ господствуютъ факторы, не поддающіеся точному опредѣленію и оставляющіе много мѣста непредвидѣннымъ случайностямъ.

Недостатокъ постоянства въ руководящихъ идеяхъ характеризуетъ и бюрократическія учрежденія, по авторитетному свидѣтельству извѣстнаго „Московскаго Сборника“ К. П. Побѣдоносцева. Какъ объяснено въ этомъ сборникѣ, „поприще государственной дѣятельности наполняется все архитекторами, и всякій, кто хочетъ быть работникомъ, или хозяиномъ, или жильцомъ,— долженъ выставить себя архитекторомъ“... „Наше время,—говорится въ другомъ мѣстѣ того же Сборника, — есть время мнимыхъ, фиктивныхъ, искусственныхъ величинъ и цѣнностей, которыми люди взаимно прельщаютъ другъ друга: дошло до того, что дѣйствительному достоинству становится иногда трудно явить и оправдать себя, ибо на рынкѣ людского тщеславія имѣетъ ходъ только дутая блестящая монета. Въ такую эпоху люди легко берутся за все, воображая себя въ силахъ со всѣмъ справиться,—и успѣваютъ при нѣкоторомъ искусствѣ проникать, безъ большихъ усилій, на властное мѣсто. Властное званіе соблазнительно для людского тщеславія; съ нимъ соединяется представленіе о почетѣ, о льготномъ положеніи, о правѣ раздавать честь и создавать изъ ничего иныя власти... И такъ много есть людей, передъ коими власть, легкомысленно взятая, легкомысленно возложенная, становится роковымъ сфинксомъ и ставитъ свою загадку. Кто не съумѣлъ разгадать ее—тотъ погибаетъ“... „Жизнь течетъ въ наше время съ непомѣрною быстротою—сказано опять въ томъ же Сборникѣ,—государственные дѣятели часто мѣняются, и потому каждый, покуда у мѣста, горитъ нетерпѣніемъ прославиться поскорѣе, пока еще есть время и пока въ рукахъ кормило“...

Впрочемъ, разногласія съ предшественниками и отступленія отъ рутины нерѣдко оправдываются назрѣвшими практическими потребностями, которыя слишкомъ долго оставлялись безъ вниманія; гораздо важнѣе разногласія другого рода—между дѣятелями разныхъ вѣдомствъ, которые часто совершенно расходятся въ воззрѣніяхъ на текущіе вопросы современности и на способы ихъ разрѣшенія. Тотъ или другой взглядъ одерживаетъ верхъ, смотря по вліянію и значенію защищающаго его вѣдомства или лица; а наибольшее вліяніе не всегда соединяется съ наибольшею компетентностью въ спорномъ вопросѣ, что подтверждается нѣкоторыми вѣскими замѣчаніями упомянутаго „Московскаго Сборника“. Искусство канцелярской фразеологіи доведено у насъ до высокой степени совершенства и способствовало уже возвышенію многихъ дѣятелей, общій типъ которыхъ весьма живо обрисованъ въ томъ же сборникѣ, подъ собирательнымъ именемъ Ни-

кандра. Такого рода „великій человѣкъ можетъ, ничего не смысля въ дѣлѣ и не давая себѣ большого труда, защищать какой бы то ни было проектъ преобразованія, составленный въ подначальныхъ канцеляріяхъ кѣмъ-нибудь изъ малыхъ преобразователей, подстрекаемыхъ тоже желаніемъ дешево прославиться"... „Есть волшебныя слова, которыми очаровывается насъ у всякое совѣщаніе,—и Никандръ умѣетъ произносить ихъ въ нужную минуту. „Всѣми признано уже нынѣ"; „новѣйшая цивилизація дошла до такого-то вывода"; „статистическія цифры доказываютъ"; „во Франціи, въ Пруссіи и т. д. давно уже введено такое-то правило"... Но самое волшебное изъ волшебныхъ словъ—это „наука говоритъ, въ наукѣ признано"... Никандръ давно уже понялъ, что этого слова—наука—мы боимся какъ чорта, и не смѣемъ обыкновенно возражать на него"... При помощи подобныхъ ссылокъ, опутанныхъ „пеленами закругленной фразы", удается доводить до пристани неудачные законопроекты, сочиненные на скорую руку въ „подначальныхъ канцеляріяхъ", или отклонять серьезные труды, выработанные въ спеціальныхъ коммиссіяхъ послѣ долгаго и внимательнаго изученія. Этотъ порядокъ вещей, столь мѣтко осуждаемый—хотя и не прямо—„Московскимъ Сборникомъ" К. П. Побѣдоносцева, становится господствующимъ по мѣрѣ сосредоточенія предварительныхъ законодательныхъ работъ въ „подначальныхъ канцеляріяхъ" отдѣльныхъ вѣдомствъ, въ связи съ ослабленіемъ регулирующей и объединяющей роли государственнаго совѣта въ дѣлахъ законодательства.

Безплодность работъ большинства нашихъ законодательныхъ коммиссій вошла уже въ пословицу: вспомнимъ многотомные труды коммиссій 70-хъ и 80-хъ годовъ предъидущаго вѣка—о податной реформѣ, о положеніи сельскаго хозяйства, о волостныхъ судахъ, объ опекѣ, о реформѣ мѣстнаго управленія и др. Послѣдняя изъ перечисленныхъ коммиссій, такъ называемая Кахановская, обставленная необыкновенно старательно и снабженная обширными полномочіями, имѣла своею задачею преобразованіе всего административнаго строя провинціи, въ видахъ возстановленія единства мѣстныхъ учрежденій безъ ущерба для земскаго самоуправленія; она приступала къ дѣлу, какъ казалось, при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ и вызывала въ обществѣ самыя широкія ожиданія, а между тѣмъ ей не дано было даже окончить начатую работу. Измѣнились „вѣянія", и составленіе предположенныхъ проектовъ перешло отъ самостоятельной коммиссіи въ „подначальныя канцеляріи" соотвѣтственнаго вѣдомства. Законодательство, въ своей существенной приготовительной стадіи,

все болѣе дѣлается какъ бы побочною отраслью администраціи и подчиняется всѣмъ колебаніямъ и перемѣнамъ, какія свойственны исполнительнымъ бюрократическимъ учрежденіямъ. Высшій родъ государственной дѣятельности, преполагающій систематическое, организаторское творчество, низводится какъ будто на степень второстепеннаго орудія бюрократіи, подвластнаго всякимъ перемѣнчивымъ и мимолетнымъ вѣяніямъ. Когда назначается какая-нибудь коммиссія для обсужденія вопроса, представляющаго крупный общій интересъ, то сами члены коммиссіи могутъ уже заранѣе предвидѣть обычный исходъ своихъ совѣщаній и работъ: труды пропадутъ напрасно и выработанные законопроекты останутся въ канцелярскомъ архивѣ, а дѣло рѣшится согласно желанію и взглядамъ заинтересованнаго вѣдомства, по проекту, изготовленному въ его „подначальныхъ канцеляріяхъ". Бываетъ и такъ, что коммиссія, принадлежащая къ составу даннаго вѣдомства, выработаетъ извѣстные законопроекты, а руководители вѣдомства забракуютъ ихъ и замѣнятъ совсѣмъ другими, составленными домашнимъ канцелярскимъ способомъ; такъ случилось между прочимъ съ коммиссіею П. П. Цитовича и ея проектами новыхъ законовъ объ акціонерныхъ компаніяхъ и о биржахъ. Отсюда происходятъ двоякія, одинаково неизбѣжныя и нежелательныя послѣдствія,—съ одной стороны, непроизводительная трата казенныхъ денегъ на содержаніе коммиссій, а съ другой—упадокъ духа и энергіи въ участникахъ законодательной работы, при отсутствіи увѣренности въ осуществленіи предпринятаго дѣла и въ доведеніи его до конца.

Крупнѣйшіе интересы страны и народа вездѣ зависятъ отъ законодательства и неразрывно связаны съ нимъ; на каждомъ шагу чувствуется потребность новыхъ законовъ или пересмотра старыхъ. Спросъ на преобразованія, улучшенія и разнобразныя реформы выступаетъ теперь сильнѣе, чѣмъ когда-либо;—а можно ли сказать, что у насъ существуетъ опредѣленный механизмъ, приспособленный къ правильной подготовкѣ рѣшеній законодательныхъ вопросовъ и обезпечивающій единство и послѣдовательность въ общемъ ходѣ развитія законодательства? Фактически законодательная инціатива и самое составленіе законопроектовъ входятъ въ кругъ занятій различныхъ административныхъ вѣдомствъ, обремененныхъ своими собственными, и безъ того слишкомъ сложными и многочисленными дѣлами. Министерство, изготовившее и санкціонировавшее законопроектъ, посылаетъ его на заключеніе другихъ вѣдомствъ, вмѣстѣ съ подробною объяснительною запискою; затѣмъ эти вѣдомства въ свою очередь по-

ручаютъ свѣдущимъ чиновникамъ приготовить отвѣтныя, болѣе или менѣе пространныя записки, и бумажный обмѣнъ мнѣній, принимающій иногда характеръ оживленной полемики, кончается или признаніемъ несвоевременности проекта, или же передачею его на разсмотрѣніе государственнаго совѣта. Пока проектъ путешествуетъ по разнымъ вѣдомствамъ, судьба его можетъ рѣшиться въ ту или другую сторону, независимо отъ оцѣнки его достоинствъ и недостатковъ, благодаря перевѣсу одного изъ тѣхъ вліяній, о которыхъ мы говорили выше; часто дѣло откладывается на неопредѣленное время, потомъ опять возбуждается, даетъ работу новымъ коммиссіямъ и канцеляріямъ, проходитъ тѣ же мытарства и въ лучшемъ случаѣ, дойдя до государственнаго совѣта, получаетъ наконецъ развязку, согласную или несогласную съ его мнѣніемъ. Настоятельныя общенародныя задачи тщетно ждутъ своего разрѣшенія въ теченіе многихъ лѣтъ, и разрѣшаются временно, по случайнымъ мотивамъ, за отсутствіемъ постояннаго самостоятельнаго учрежденія, которое объединяло бы въ себѣ подготовительныя работы по законодательству. Что же удивительнаго въ томъ, что общество впадаетъ въ индифферентизмъ, не зная, чего держаться и на что̀ надѣяться даже въ самыхъ насущныхъ общественныхъ вопросахъ, стоящихъ на очереди?

II.

Нигдѣ въ мірѣ нѣтъ, кажется, такого обремененія административныхъ вѣдомствъ и лицъ непосильною массою сложныхъ обязанностей, какъ у насъ. Необъятный кругъ дѣлъ, лежащихъ на одномъ нашемъ министерствѣ финансовъ, могъ бы всецѣло наполнить дѣятельность нѣсколькихъ обширныхъ вѣдомствъ, и дѣйствительно распредѣляется обыкновенно заграницею между тремя отдѣльными министерствами—финансовъ, торговли и публичныхъ работъ. Совмѣщая въ себѣ заботы о противоположныхъ интересахъ—торгово-промышленныхъ и казенныхъ, народно-экономическихъ и фискальныхъ,—это министерство должно обладать нечеловѣческою энергіею и дальновидностью, чтобы справиться съ обиліемъ непрерывно возростающихъ трудностей общаго хозяйственнаго положенія страны. А такъ какъ совмѣстить несовмѣстимое—не по силамъ даже геніальнымъ дѣятелямъ, то результаты получаются иногда печальные. Наши внѣшніе финансовые успѣхи могутъ идти параллельно съ несомнѣннымъ упадкомъ благосостоянія огромнаго большинства народа, чего не отрицаютъ уже

и тѣ спеціалисты въ области государственныхъ финансовъ, которые до сихъ поръ обнаруживали склонность къ оптимизму.

Яркую характеристику нашего ненормальнаго экономическаго положенія представилъ недавно авторъ объемистаго изслѣдованія о русскомъ государственномъ кредитѣ, профессоръ П. П. Мигулинъ, въ статьѣ, помѣщенной въ мартовской книжкѣ „Народнаго Хозяйства". „Мы уже давно ничего не накопляли,—говоритъ г. Мигулинъ,—мы жили въ долгъ, занимая заграницей и тратя полученныя оттуда деньги на развитіе промышленности обработывающей и на разработку нашихъ горныхъ богатствъ, тогда какъ потребитель исчезалъ съ ужасающею быстротою"... Систематическое пониженіе покупной силы населенія создаетъ почву для промышленныхъ кризисовъ, которыхъ не устранятъ никакія внѣшнія мѣропріятія. Наша задолженность иностранцамъ, „если считать всѣ размѣщенныя заграницею государственныя или гарантированныя государствомъ бумаги, составляетъ до пяти милліардовъ рублей, съ ежегодными платежами въ 200—250 милліоновъ рублей". Чрезвычайно характерно, по словамъ г. Мигулина, что „заграничная задолженность наша съ 1893 года по 1899 г. включительно возросла приблизительно на тысячу милліоновъ рублей, и превышеніе обыкновенныхъ государственныхъ доходовъ надъ расходами за тотъ же періодъ составляло около тысячи милліоновъ,—совпаденіе знаменательное и отнюдь не случайное! Неурожай у насъ слѣдовалъ за неурожаемъ, страна должна была по своему международному балансу приплачивать ежегодно громадныя суммы, отовсюду шли извѣстія объ обнищаніи населенія, о его вырожденіи, о прекращеніи его прироста во многихъ центральныхъ мѣстностяхъ, а между тѣмъ государственные финансы процвѣтали, и за семь лѣтъ получился избытокъ обыкновенныхъ доходовъ надъ расходами въ суммѣ до тысячи милліоновъ рублей, и это несмотря на большой ростъ расходовъ и на отнесеніе въ счетъ обыкновенныхъ расходовъ такихъ статей, какъ перевооруженіе арміи, улучшеніе и усиленіе желѣзныхъ дорогъ и др., которыя раньше (до 1894 г.) относились въ счетъ расходовъ чрезвычайныхъ. „Финансовое искусство—не магія", писалъ министръ финансовъ въ своемъ всеподданнѣйшемъ докладѣ за 1896 годъ, а между тѣмъ, получилось дѣйствительно нѣчто магическое. Оборотная сторона медали заключалась именно въ постепенномъ разореніи народныхъ массъ; это разореніе шло ускореннымъ темпомъ при кажущемся оживленіи крупной промышленности. Обманчивый приливъ капиталовъ поощрялъ расточительность въ расходахъ: напр., сибирская же-

лѣзная дорога обошлась вчернѣ на 300—350 милліоновъ дороже, чѣмъ предполагалось по первоначальнымъ смѣтамъ; сравнительно еще больше стоила восточно-китайская дорога. „Безъ преувеличенія можно сказать,—замѣчаетъ далѣе г. Мигулинъ,—что на желѣзнодорожномъ строительствѣ послѣдняго десятилѣтія по крайней мѣрѣ до 500 милліоновъ рублей было израсходовано лишнихъ, которые могли бы остаться въ распоряженіи государственнаго казначейства и быть употреблены на культурныя надобности населенія, способствуя поднятію уровня его благосостоянія"...

Г. Мигулинъ ставитъ въ вину нашему финансовому вѣдомству цѣлый рядъ ошибокъ. Во-первыхъ, оно оказывало чрезмѣрное довѣріе „разнымъ дѣльцамъ и предпріятіямъ, которые этого довѣрія отнюдь не заслуживали, и притомъ съ полною очевидностью не заслуживали". Во-вторыхъ, оно не дало хода проекту объ акціонерныхъ предпріятіяхъ, въ которомъ уничтожалась концессіонная система,—„очевидно, чтобы остаться руководителемъ нашей промышленности, разрѣшать или класть предѣлъ ея развитію въ томъ или другомъ направленіи"; вмѣстѣ съ тѣмъ, оно „выхлопотало законъ о надзорѣ за всѣми частными кредитными учрежденіями (съ правомъ на ревизію черезъ своихъ чиновниковъ), т.-е. тѣми учрежденіями, которыя финансировали всѣ вновь возникающія предпріятія". Въ-третьихъ, оно „казенными заказами поощряло возникновеніе новыхъ предпріятій въ той отрасли промышленности, развитіе которой считалось необходимымъ, и отчасти именно такою политикою создано перепроизводство металлургической промышленности"; притомъ министерство „бралось не только за нормировку производства, но даже потребленія (сахарная нормировка, казенная продажа питей съ нормировкой производства спирта)". Г-нъ Мигулинъ не упрекаетъ министерства финансовъ за то, что оно старалось искусственно оживить нашу промышленность путемъ привлеченія въ нее иностранныхъ капиталовъ; онъ сожалѣетъ только, что эти капиталы „не туда были направлены, куда слѣдовало, и что слишкомъ ужъ съ ними обращались небрежно, черезчуръ расточали ихъ, забывая о бѣдности нашего отечества и о необходимости для него самой строгой бережливости". Надо было позаботиться, чтобы „хотя часть иностранныхъ капиталовъ была направлена въ сторону оживленія земледѣльческаго промысла". Однако, г. Мигулинъ замѣчаетъ благопріятную перемѣну во взглядахъ финансоваго вѣдомства за послѣднее время; руководители нашей экономической политики не настаиваютъ на прежнихъ ошибкахъ и заблужденіяхъ. Признаки этой перемѣны—назначеніе особой коммиссіи, подъ пред-

сѣдательствомъ товарища министра финансовъ, для изслѣдованія вопроса объ экономическомъ состояніи населенія центрально-черноземнаго района, и затѣмъ учрежденіе особаго совѣщанія о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности, подъ предсѣдательствомъ самого министра финансовъ. „Все это весьма многознаменательно, — говоритъ проф. Мигулинъ, — ясенъ поворотъ вниманія въ сторону коренного нашего промысла—земледѣлія и сельскохозяйственной промышленности, въ сторону обнищавшаго нашего сельскохозяйственнаго центра. Что во главѣ совѣщанія поставленъ министръ финансовъ — чрезвычайно характерно и можетъ служить ручательствомъ блестящаго исполненія возложенной Высочайшею властью на совѣщаніе задачи".

Замѣчанія г. Мигулина представляютъ типическій образчикъ критики, примѣняемой или, вѣрнѣе, допускаемой по отношенію къ вліятельнымъ бюрократическимъ вѣдомствамъ. Съ одной стороны, указываются важныя ошибки, что̀ свидѣтельствуетъ о нѣкоторой свободѣ сужденія, принадлежащей критикующему, а съ другой—выражаются надежды на счастливый поворотъ въ предначертаніяхъ даннаго вѣдомства, въ виду учрежденія компетентныхъ коммиссій и совѣщаній, которыя обсудятъ поднятые вопросы и разрѣшатъ ихъ, конечно, въ желательномъ смыслѣ. Мы думаемъ, что никакихъ ошибокъ и заблужденій, въ родѣ перечисленныхъ г. Мигулинымъ, нельзя ставить въ вину руководителямъ финансоваго вѣдомства при существующихъ условіяхъ; — напротивъ, надо еще удивляться, что ошибокъ не совершено гораздо больше при той грандіозной массѣ разнородныхъ и крупныхъ дѣлъ, которая сосредоточивается въ министерствѣ финансовъ и лежитъ на отвѣтственности его главы. Государственный человѣкъ, каковы бы ни были его дарованія и опытность, не можетъ быть ни всевѣдущимъ, ни вездѣсущимъ; онъ физически не въ состояніи самостоятельно слѣдить за всѣми вопросами, требующими его участія и рѣшенія; онъ вынужденъ полагаться на тѣ свѣдѣнія, какія содержатся въ доходящихъ до него оффиціальныхъ бумагахъ, или на то освѣщеніе фактовъ, какое предлагается ему заинтересованными лицами, имѣющими къ нему доступъ. При возбужденіи вопросовъ, затрогивающихъ значительные промышленные интересы, естественно стремятся прежде всего подавать свой голосъ промышленные дѣльцы, капиталисты и предприниматели; они могутъ пользоваться услугами свѣдущихъ лицъ для составленія краснорѣчивыхъ и убѣдительныхъ докладныхъ записокъ, наполненныхъ богатымъ цифровымъ матеріаломъ, и эти записки вліяютъ на окончательное рѣшеніе просто потому, что нѣтъ имъ

никакого противовѣса. Ни потребители, обираемые промышленными дѣльцами, ни рабочіе, эксплуатируемые въ ихъ предпріятіяхъ, ни добровольные защитники общихъ интересовъ страны не представляютъ своихъ докладныхъ записокъ въ подлежащее вѣдомство, а мнѣнія, выражаемыя въ печати, не имѣютъ характера документовъ, которые можно бы присоединять къ канцелярскимъ бумагамъ. Интересы наиболѣе многочисленныхъ группъ населенія остаются для вѣдомства чѣмъ-то отвлеченнымъ и неопредѣленнымъ, тогда какъ желанія промышленныхъ дѣльцовъ и капиталистовъ формулируются точно и преподносятся съ настойчивостью при всякомъ удобномъ случаѣ, отъ имени всей вообще промышленности. Разумѣется само собою, что трудно отказать въ довѣріи виднымъ коммерсантамъ, неустанно хлопочущимъ о нуждахъ отечественной промышленности,—и упрекать кого-либо за это довѣріе мудрено, при отсутствіи или неясности независимаго общественнаго мнѣнія. Стремленіе вѣдомства сохранить въ своихъ рукахъ разрѣшающую и контролирующую власть относительно акціонерныхъ компаній также не зависитъ отъ доброй воли отдѣльныхъ лицъ, а есть только логическое послѣдствіе системы, исключающей всякія иныя формы контроля, кромѣ бюрократическихъ. Устанавливается то, что въ „Московскомъ Сборникѣ" К. П. Побѣдоносцева названо „гипертрофіею власти". Люди добросовѣстно убѣждены, что общественное благо создается и охраняется только въ канцеляріяхъ; съ этой точки зрѣнія и частная промышленность не можетъ развиваться безъ заботливой оффиціальной опеки, дополняемой казенными субсидіями и заказами. Если заводчики увѣрили кого слѣдуетъ, что прекращеніе казенныхъ пособій и льготъ грозило бы закрытіемъ цѣлыхъ отраслей производства и привело бы къ опасному кризису, то кто станетъ опровергать эти увѣренія, и чьи возраженія будутъ приняты во вниманіе? Въ свое время раздавались громкіе голоса противъ увлеченій односторонняго промышленнаго протекціонизма, и во главѣ протестующихъ было такое солидное и авторитетное общественное учрежденіе, какъ Императорское Вольное-Экономическое Общество, издавшее спеціальный сборникъ по этому предмету; однако предостерегающіе доводы не дошли по назначенію, и самый сборникъ названъ былъ „памфлетомъ" въ одной изъ распространенныхъ газетъ, гдѣ протекціонные принципы усердно защищались извѣстнымъ спеціалистомъ по балету.

III.

Весьма возможно, что особое совѣщаніе о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности исполнитъ свою задачу лучше другихъ, прежде существовавшихъ совѣщаній и коммиссій; но государственные люди, призванные руководить работами этого совѣщанія, отягчены, къ сожалѣнію, многосложными текущими дѣлами своихъ вѣдомствъ и трудно найдти достаточно времени для обстоятельнаго обсужденія цѣлаго ряда крупныхъ вопросовъ, связанныхъ съ нуждами нашего земледѣлія.

Какъ это ни странно, но относительно высшихъ и должностныхъ лицъ считается какъ бы необязательнымъ имѣть въ виду ограниченность человѣческой природы. Одни и тѣ же дѣятели должны участвовать въ десяткахъ разнообразныхъ совѣщаній, рѣшать сотни дѣлъ, завѣдывать многочисленнымъ персоналомъ и еще удѣлять вниманіе новымъ, отчасти постороннимъ для нихъ задачамъ. Предполагается какъ будто, что „властное мѣсто" даетъ человѣку обыкновенныя силы, расширяющія его способность къ труду до размѣровъ, недоступныхъ обыкновеннымъ смертнымъ.

Не только высшимъ, но и второстепеннымъ органамъ администраціи приписываются такія же сверхъ-человѣческія черты, исключающія соблюденіе условій времени и мѣста. Нѣтъ такого бремени, которое признавалось бы непосильнымъ для бюрократіи. Само „особое совѣщаніе" нашло, что „въ такомъ жизненномъ и важномъ для всей Россіи дѣлѣ, какъ сельское хозяйство, едва ли цѣлесообразно предпринимать какія-либо мѣры, не спросясь мнѣнія тѣхъ, чьи нужды удовлетворить должны эти мѣры, кто близко стоитъ къ земледѣлію и кому лучше всего извѣстны его слабыя стороны и насущныя требованія"; поэтому „опросъ мѣстныхъ людей и учрежденій представляется безусловно необходимымъ" („Правительственный Вѣстникъ", отъ 27 марта, № 69). Какимъ же путемъ будетъ производиться этотъ „безусловно необходимый" опросъ? Для этого образуются мѣстные комитеты изъ лицъ, наиболѣе обремененныхъ текущими служебными дѣлами,—губернскіе, „подъ предсѣдательствомъ губернаторовъ, изъ губернскаго и уѣздныхъ предводителей дворянства, предсѣдателя и членовъ губернской земской управы, предсѣдателей уѣздныхъ земскихъ управъ, управляющихъ казенною палатою и государственными имуществами, уполномоченныхъ по сельскохозяйственной части, предсѣдателей сельскохозяйственныхъ обществъ и всѣхъ

тѣхъ лицъ, участіе коихъ будетъ признано губернаторомъ полезнымъ для дѣла или кои будутъ указаны особымъ совѣщаніемъ", и уѣздные, „подъ предсѣдательствомъ уѣздныхъ предводителей дворянства, изъ предсѣдателя и членовъ уѣздной земской управы и лицъ, участіе коихъ признано будетъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства полезнымъ для дѣла". Въ не-земскихъ губерніяхъ предсѣдатели и члены земскихъ управъ замѣняются непремѣнными членами губернскихъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій и другими должностными лицами, по назначенію губернаторовъ. Такъ какъ всѣ эти участники губернскихъ и уѣздныхъ комитетовъ не будутъ освобождены отъ своихъ обычныхъ обязанностей, то могутъ ли они успѣшно справиться съ возлагаемою на нихъ новою работою и въ состояніи ли они исполнить ее безъ помощи рутинныхъ канцелярскихъ пріемовъ?

Способъ собиранія свѣдѣній и предварительной ихъ разработки предусмотрѣнъ заранѣе. „Отзывы уѣздныхъ комитетовъ, со всѣми къ нимъ матеріалами, должны поступать въ губернскіе комитеты, которые съ своими заключеніями представляли бы ихъ въ совѣщаніе. Есть полное основаніе надѣяться,—говорится въ „Правительственномъ Вѣстникѣ",—что при предложенномъ способѣ опроса будутъ получены отвѣты, въ полной мѣрѣ выражающіе взгляды какъ мѣстнаго населенія, такъ и мѣстной администраціи". Отзывы и заключенія подлежащихъ канцелярій будутъ, конечно, выражать взгляды мѣстной администраціи, если только послѣдняя успѣетъ выработать какіе-нибудь опредѣленные взгляды по порученному ей экстренному дѣлу; но что касается „взглядовъ мѣстнаго населенія", то они неизбѣжно останутся въ сторонѣ и могутъ только случайно проникнуть въ оффиціальные матеріалы, представляемые изъ уѣздныхъ комитетовъ въ губернскіе, а оттуда въ совѣщаніе. Единственныя учрежденія, имѣющія прямую связь съ интересами мѣстнаго землевладѣнія и сельскаго хозяйства, располагающія притомъ особымъ штатомъ спеціалистовъ по изученію мѣстной сельскохозяйственной жизни, преимущественно крестьянской, устранены отъ непосредственнаго участія въ предстоящемъ обсужденіи нуждъ земледѣльческой промышленности.

Дѣло, поставленное въ такія тѣсныя бюрократическія рамки и разсчитанное лишь на исключительную трудоспособность должностныхъ лицъ, обѣщаетъ весьма скромные плоды,—какъ это вѣроятно и предполагалось. Оно не внесетъ новой живой струи въ нашу экономическую политику, не повліяетъ на односторонній характеръ промышленнаго протекціонизма, не обновитъ сельско-

хозяйственнаго законодательства и даже не выяснить дѣйствительныхъ нуждъ земледѣльческаго населенія,—чего впрочемъ и не имѣлось въ виду. Интересы сельскохозяйственной промышленности, понятые извѣстнымъ образомъ, могутъ не совпадать съ интересами занимающихся ею классовъ народа. Правда, вопросъ имѣетъ и свою принципіальную сторону, которою обыкновенно утѣшаются оптимисты при слабости практическихъ результатовъ какого-нибудь предпріятія. Несомнѣнно, что „уже самымъ учрежденіемъ совѣщанія признается первостепенное значеніе сельскохозяйственной промышленности, какъ коренного занятія населенія Россіи и основы народнаго благосостоянія". Это справедливое замѣчаніе одного изъ членовъ совѣщанія соотвѣтствовало и выраженному раньше мнѣнію предсѣдателя о необходимости „войти въ разсмотрѣніе и хозяйственныхъ нуждъ крестьянства, численность котораго достигаетъ $^4/_5$ всего населенія Европейской Россіи и которое собираетъ съ своихъ и арендуемыхъ имъ земель болѣе двухъ третей всего производимаго Россіею хлѣба". Но все это въ принципѣ давно уже признано—и оффиціально подтверждалось много разъ, что крестьянство составляетъ главную массу населенія, и что земледѣліе есть основа народнаго благосостоянія; однако эти оффиціальныя признанія и подтвержденія ничѣмъ пока не отразились на судьбахъ крестьянства.

Главная масса населенія періодически бѣдствуетъ и неудержимо клонится къ упадку; въ народѣ уменьшилось даже потребленіе хлѣба, и по приблизительному разсчету, который приводитъ Ѳ. Г. Тернеръ, оно понизилось въ послѣдніе годы среднимъ числомъ почти на два съ половиною пуда на душу. Недостатокъ питанія отзывается, между прочимъ, увеличеніемъ процента неспособныхъ къ отбыванію воинской повинности; въ теченіе семи лѣтъ этотъ процентъ, по отношенію къ числу принятыхъ на службу, возросъ съ $64^1/_2$ почти до 79. Компетентные изслѣдователи приходятъ къ заключенію, что „населеніе имперіи, живя впроголодь и при самыхъ противо-хозяйственныхъ условіяхъ, идетъ по пути замѣтнаго вырожденія". Нѣтъ ничего хуже, какъ закрывать глаза на дѣйствительность: положеніе, можетъ быть, несравненно серьезнѣе, чѣмъ думаютъ сторонники канцелярскихъ палліативовъ,—оно не столько печально въ настоящемъ, сколько можетъ грозить великими опасностями въ будущемъ. Мѣры, принимавшіяся до сихъ поръ, не ослабили значенія того факта, что десятки милліоновъ народа живутъ „впроголодь и при самыхъ противо-хозяйственныхъ условіяхъ"; эти условія,

очевидно, не стали лучше отъ того, что существуютъ особыя коммиссіи для изслѣдованія и улучшенія ихъ.

Мы, конечно, не имѣемъ еще свѣдѣній о дѣятельности особой коммиссіи по вопросу объ экономическомъ состояніи населенія центральнаго черноземнаго района; коммиссія, вѣроятно, соберетъ современемъ какіе-нибудь матеріалы и, быть можетъ, даже напечатаетъ свои труды; но едва ли все это облегчитъ въ чемъ-либо реальныя нужды населенія нашихъ центральныхъ губерній, если даже работы коммисіи придутъ къ благополучному концу. Опытъ всѣхъ нашихъ прежнихъ коммиссій не позволяетъ возлагать преувеличенныя надежды и на новыя однородныя учрежденія, хотя бы въ основѣ ихъ лежали самыя лучшія намѣренія.

IV.

Замѣчательно, что склонность къ широкимъ реформаторскимъ планамъ у насъ не ослабѣваетъ и отчасти еще какъ будто усиливается, при доказанной на дѣлѣ невозможности справиться съ обиліемъ элементарныхъ задачъ и вопросовъ, издавна стоящихъ на очереди. Такъ, въ послѣднее время поднятъ вопросъ объ упраздненіи или коренномъ преобразованіи крестьянской земельной общины,—когда не сдѣлано еще перваго шага къ устраненію неурядицъ мѣстной сельской администраціи, превращающихъ крестьянское самоуправленіе въ какой-то безформенный хаосъ безправія. Выборныя крестьянскія власти несутъ на себѣ безчисленныя обязанности низшихъ исполнительныхъ органовъ всѣхъ вѣдомствъ и должны при своемъ безграмотствѣ вести крайне сложное письменное дѣлопроизводство; эти посторонніе административно-полицейскія и канцелярскія функціи налагаютъ свою печать и на весь ходъ завѣдыванія собственно крестьянскими дѣлами, причемъ сохраняется лишь тѣнь самоуправленія. Казалось бы, что прежде чѣмъ толковать о реформѣ внутренняго поземельнаго быта крестьянъ, слѣдовало бы позаботиться объ избавленіи ихъ отъ чрезмѣрныхъ служебныхъ повинностей, чтобы, съ одной стороны, облегчить существованіе сельскихъ обывателей, а съ другой—устроить на разумныхъ началахъ сельское управленіе. Но наши смѣлые публицисты предпочитаютъ придумывать искусственныя принудительныя мѣры для подъема народнаго благосостоянія, полагаясь единственно на творческую силу бюрократіи; они готовы приняться за ломку вѣкового поземельнаго строя, „не спрося мнѣнія тѣхъ, чьи нужды удовлетворить должны эти мѣры“.

Подъемъ былъ бы очень нуженъ народу—не только экономическій, но и образовательный, и нравственный; для этого нужно прежде всего предоставить людямъ самую возможность такого подъема,—устранить излишнія стѣсненія и тягости, уничтожить круговую поруку при взысканіи податей (что̀ уже рѣшено въ принципѣ), освободить отъ налоговъ извѣстный минимумъ годичнаго земледѣльческаго дохода или заработка, расширить доступъ къ первоначальному образованію и дѣйствовать вообще въ духѣ тѣхъ реформъ, которыя принято называть освободительными. Нѣтъ другого пути и для улучшенія общихъ условій сельскохозяйственной промышленности. Реформаторы, предлагающіе передѣлать строй народной жизни по своимъ понятіямъ, должны остановиться предъ вопросомъ: гдѣ у насъ средства и силы для осуществленія столь обширныхъ преобразованій? Бюрократія не всемогуща: она незамѣнима въ дѣлахъ управленія, но не достигаетъ цѣли въ дѣлахъ законодательства.

Десять лѣтъ тому назадъ въ высшихъ административныхъ сферахъ происходили горячіе споры объ общинѣ: тогда обсуждались законопроекты о мірскихъ передѣлахъ и о неотчуждаемости крестьянскихъ надѣльныхъ земель. Главнымъ противникомъ общиннаго землевладѣнія выступило министерство двора и удѣловъ, которое въ своей запискѣ представило настоящій обвинительный актъ противъ общины и рѣшительно требовало ея упраздненія. Въ обстоятельной отвѣтной запискѣ министерства финансовъ были разобраны и опровергнуты доводы придворнаго вѣдомства, съ подробнымъ объясненіемъ великихъ и разнообразныхъ преимуществъ общины, на основаніи богатаго фактическаго матеріала, заимствованнаго изъ сборниковъ земской статистики и изъ нашей экономической литературы и журналистики. Въ дальнѣйшемъ возраженіи министерства двора указывалось, между прочимъ, на ненадежность земскихъ статистическихъ изслѣдованій и на сомнительность данныхъ, цитируемыхъ министерствомъ финансовъ изъ частныхъ экономическихъ трудовъ, причемъ упоминалось между прочимъ о невозможности ссылаться на работы г-на В. В., ибо послѣдній, „какъ извѣстно, по профессіи—врачъ, а по стремленіямъ—фанатикъ идеи общины“ [1]). Министерство финансовъ одержало тогда верхъ, и законъ о неотчуждаемости надѣловъ, подготовлявшійся въ канцеляріяхъ съ 1884 года, былъ наконецъ утвержденъ 22 ноября 1893 года; еще раньше—

[1]) См. нашу статью въ „Вѣстникѣ Европы“, 1894, мартъ: „Новые споры объ общинѣ“.

8 іюня того же года—былъ принятъ законъ о передѣлахъ общинныхъ земель. Теперь министерство финансовъ измѣнило свое мнѣніе, насколько можно судить по нѣкоторымъ признакамъ и особенно по отчету петербургскаго корреспондента парижской газеты „Temps" (отъ 31 мая); министерство будто бы признаетъ желательнымъ постепенное упраздненіе общинныхъ порядковъ землевладѣнія, въ интересахъ развитія сельско-хозяйственной культуры на началахъ личной собственности, и слѣдовательно стоитъ уже на почвѣ тѣхъ взглядовъ, которые оно такъ убѣдительно опровергало въ 1893 году.

Чѣмъ объяснить эту коренную перемѣну убѣжденій по одному изъ важнѣйшихъ вопросовъ нашей экономической жизни? Измѣнились ли съ тѣхъ поръ условія крестьянскаго быта, уменьшилась ли опасность образованія многомилліоннаго сельскаго пролетаріата при замѣнѣ общиннаго владѣнія участковымъ, или наша крупная промышленность сдѣлала такіе грандіозные самостоятельные успѣхи, что можетъ обезпечить постоянный заработокъ милліонамъ крестьянъ, которые неизбѣжно останутся безъ земли послѣ упраздненія общины? Ничего этого мы не видимъ,—реальное положеніе ни въ чемъ не измѣнилось, и только въ идеяхъ и намѣреніяхъ руководителей финансоваго вѣдомства произошла перемѣна, мотивы которой въ точности неизвѣстны. Намъ просто даютъ понять, что нужно уничтожить общину, которую десять лѣтъ тому назадъ рѣшено было сохранить и урегулировать. Но, упраздняя существующее, надо устроить взамѣнъ нѣчто новое и притомъ цѣлесообразное, приспособленное къ разнообразнымъ условіямъ и потребностямъ народной жизни,—а для такой колоссальной устроительной работы у насъ нѣтъ подходящихъ орудій и средствъ. Если требуются десятки лѣтъ для подготовки, обсужденія и принятія какого-нибудь несложнаго законодательнаго проекта, если до сихъ поръ не подвигается впередъ пересмотръ положеній о крестьянахъ и не составленъ давно предположенный сельскій судебный уставъ,—не говоря о многихъ другихъ проектахъ, мирно лежащихъ въ разныхъ канцеляріяхъ,—то мыслимо ли разсчитывать на успѣхъ новаго законодательнаго предпріятія, почти равнаго, по значенію и объему, крестьянской реформѣ 1861 года? По крайней мѣрѣ, нашему времени этотъ порывъ устроительнаго творчества былъ бы совершенно не по плечу.

Побужденія, заставляющія желать упраздненія общины, вытекаютъ изъ идей и понятій, которыя въ 1893 году имѣли такую же силу, какъ и нынѣ. Подъ вліяніемъ спеціальныхъ за-

ботъ и интересовъ, связанныхъ съ ходомъ торгово-промышленнаго движенія, вырабатываются опредѣленные экономическіе взгляды, которые затѣмъ примѣняются и къ земледѣлію и къ крестьянскому поземельному строю. Обязательное господство личнаго интереса, свобода предпріимчивости и инициативы въ способахъ веденія хозяйства, возможность самостоятельныхъ хозяйственныхъ разсчетовъ и улучшеній,—все это, безспорно, почти не существуетъ для отдѣльныхъ участниковъ общиннаго владѣнія, а между тѣмъ безъ этихъ обычныхъ пружинъ всякой экономической дѣятельности трудно себѣ представить прогрессивное развитіе земледѣльческой культуры. Въ появившемся недавно весьма дѣльномъ польскомъ сочиненіи г. Станислава Піотровскаго о русской общинѣ собраны противъ нея краснорѣчивые аргументы, которые, на первый взглядъ, кажутся вполнѣ основательными и даже какъ будто неопровержимыми. „Періодическіе передѣлы,—говоритъ г. Піотровскій,—несомнѣнно служатъ преградою для успѣховъ земледѣлія, и вліяніе ихъ не ограничивается задержкою сельско-хозяйственныхъ улучшеній, но выражается также—что еще важнѣе—въ истощеніи земли и уменьшеніи ея урожайности". Ссылки на то, что община есть готовая форма для производительныхъ земледѣльческихъ союзовъ, необходимость которыхъ чувствуется повсюду на Западѣ,—основаны на иллюзіи, ибо міръ, какъ союзъ принудительный, „стѣсняетъ не только имущественную, но и личную свободу членовъ, и ограничиваетъ ихъ даже въ правѣ мѣнять мѣсто жительства" [1]). Г. Піотровскій не отдѣляетъ административнаго значенія сельскихъ обществъ отъ ихъ хозяйственной роли и относитъ къ послѣдней результаты ненормальнаго смѣшенія функцій, которое можетъ быть устранено лишь путемъ сельско-административной и фискальной, а не поземельной реформы. Община сама по себѣ не спасаетъ ни отъ повальнаго голода при неурожаѣ, ни отъ обѣднѣнія и обнищанія крестьянской массы. „Сельскій пролетаріатъ,—замѣчаетъ г. Піотровскій,—одинаково развивается какъ въ мѣстностяхъ, гдѣ крестьяне владѣютъ землею на общинномъ правѣ, такъ и въ округахъ, гдѣ утвердилось участковое и личное владѣніе" (стр. 265); другими словами, дѣло не поправилось бы и съ переходомъ отъ мірского владѣнія къ участковому и къ личной собственности. Но съ наибольшею силою дѣйствуютъ на умы общія соображенія, заим-

---

[1]) Stanisław Piotrowski, Wspólna własność ziemska w gminie wielkorossyjskiej. Warszawa, 1902, стр. 266, 274 и др.

ствованныя изъ опыта иностранныхъ государствъ и изъ популярныхъ руководствъ по политической экономіи. Сельская поземельная община была вездѣ первобытною формою землевладѣнія и сопутствовала низшимъ ступенямъ культуры; вездѣ она разлагалась и исчезала по мѣрѣ развитія денежнаго хозяйства, промышленной цивилизаціи и земледѣльческой техники. Въ каждой странѣ, какъ принято думать, наступаетъ періодъ, когда общинное владѣніе является помѣхою дальнѣйшему экономическому прогрессу и настоятельно требуетъ преобразованія по типу личной собственности, которая одна только даетъ просторъ индивидуальному почину, энергіи и предпріимчивости отдѣльныхъ лицъ въ области необходимыхъ сельско-хозяйственныхъ усовершенствованій. Такая пора,—говорятъ,—наступаетъ и въ Россіи; и намъ предстоитъ разстаться съ устарѣлыми общинными порядками и замѣнить ихъ другими, болѣе соотвѣтствующими общему экономическому состоянію страны.

Если это справедливо, то для осуществленія реформы нѣтъ надобности предпринимать какія-либо новыя мѣры: общинникамъ предоставлено по закону право отказываться отъ мірского владѣнія и вводить у себя окончательный раздѣлъ земель на наслѣдственные подворные участки. Добровольный переходъ отъ общиннаго владѣнія къ участковому даже поощряется Положеніемъ 19 февраля 1861 года и позднѣйшими узаконеніями. Ничто не препятствуетъ у насъ тому естественному ходу „эволюціи" крестьянскаго землевладѣнія, на который ссылаются противники общины. Желательная перемѣна совершится сама собою, безъ потрясеній, когда настанетъ къ тому время. Крестьянство не будетъ насильно держаться такого порядка, который окажется невыгоднымъ для земледѣлія и для большинства домохозяевъ. Единственное, что̀ могли бы сдѣлать представители власти для ускоренія реформы, это—разъяснять крестьянамъ ихъ законное право на замѣну мірского владѣнія участковымъ и облегчить имъ усвоеніе сельско-хозяйственныхъ знаній и улучшеній. Если же крестьяне предпочтутъ сохранить общину и приспособить ее къ измѣнившимся условіямъ жизни, то и противъ этого ничего нельзя сказать, съ точки зрѣнія естественной „эволюціи". Уничтоженіе круговой поруки—отвѣтственности исправныхъ плательщиковъ податей за недоимщиковъ—освобождаетъ общину отъ извращавшаго ее нароста и впервые ставитъ ее въ нормальныя условія для дѣйствительнаго испытанія ея жизнеспособности. Дальнѣйшее должно зависѣть уже отъ результатовъ сдѣланнаго

опыта. Весь вопросъ объ общинѣ теряетъ свою остроту при такой простой и реальной его постановкѣ.

Не о такомъ добровольномъ и постепенномъ преобразованіи идетъ рѣчь въ новѣйшихъ проектахъ упраздненія общины. Газетные застрѣльщики предпринятой кампаніи, гг. А. Никольскій, г. П. Д., авторъ объемистаго реакціоннаго изслѣдованія о „нашей деревнѣ", вышедшаго въ 1900 году, и многіе другіе откровенно высказываются въ пользу искусственныхъ, болѣе или менѣе принудительныхъ мѣропріятій для частичнаго или общаго переустройства крестьянскаго быта и для подчиненія его общимъ гражданскимъ законамъ (т.-е. X-му тому свода законовъ), независимо отъ желаній и интересовъ большинства самихъ крестьянъ. „По весьма распространенному мнѣнію,—говоритъ по поводу подобныхъ тенденцій одинъ изъ самыхъ осторожныхъ и авторитетныхъ изслѣдователей нашего землевладѣнія, Ѳ. Г. Тернеръ,—для урегулированія существующаго неустройства необходимо пріобщить крестьянскую жизнь къ общему гражданскому типу, замѣнивъ дѣйствующее въ крестьянскомъ быту обычное право постановленіями X-го тома, а такъ какъ гражданское право зиждется на началѣ собственности, то необходимо прежде всего упразднить общинное владѣніе землею, поставивъ на его мѣсто начало частной личной собственности. Съ такимъ абсолютнымъ воззрѣніемъ однако трудно согласиться. При неразвитости и малограмотности нашего крестьянскаго сословія, подчинять всѣ его бытовыя отправленія, вмѣсто привычнаго ему обычнаго права, сложнымъ постановленіямъ X-го тома, едва ли было бы своевременно. Что же касается упраздненія общиннаго владѣнія, то... мы полагаемъ, что, нисколько не препятствуя преобразованію общиннаго въ частное владѣніе тамъ, гдѣ въ этомъ будетъ проявляться дѣйствительная потребность, слѣдуетъ безусловно воздерживаться отъ всякаго поползновенія къ понудительному насильственному прекращенію общиннаго пользованія. Не касаясь вопроса общиннаго владѣнія, частной собственности и общаго гражданскаго права, остается еще довольно обширное поле для реформаторской дѣятельности;—въ границахъ устраненія разныхъ частностей неустройства сельскаго управленія можно достигнуть весьма важныхъ результатовъ" [1]).

Ѳ. Г. Тернеръ могъ бы добавить, что постановленія X-го тома Свода законовъ по существу совершенно непригодны для массы

[1]) Государство и землевладѣніе. Часть II. Крестьянское землевладѣніе. Спб. 1901, стр. 417—418.

сельскихъ обывателей, такъ какъ они вырабатывались и издавались исключительно для высшихъ и среднихъ классовъ населенія—помѣщиковъ, купцовъ и мѣщанъ, сообразно ихъ особымъ потребностямъ и условіямъ жизни, при господствѣ крѣпостного права. Такъ называемые „общіе гражданскіе законы" были и остаются вовсе не общими, а сословными, приноровленными къ быту крѣпостной Россіи. Сословіе свободныхъ сельскихъ обывателей, созданное крестьянскою реформою, осталось внѣ дѣйствія гражданскихъ законовъ по той простой причинѣ, что оно еще не существовало во время составленія этихъ законовъ и, слѣдовательно, не имѣлось ими въ виду; а примѣнить къ спеціальнымъ поземельнымъ и бытовымъ отношеніямъ крестьянства гражданскія постановленія, предназначенныя для чиновниковъ, помѣщиковъ и горожанъ, было бы явною нелѣпостью. Нужно еще установить подходящіе гражданскіе законы для сельскаго населенія и включить ихъ въ новое гражданское уложеніе для того, чтобы имѣть право разсуждать объ общемъ гражданскомъ законодательствѣ, какъ о чемъ-то существующемъ, обязательномъ и для крестьянъ.

Проповѣдники элементарныхъ экономическихъ истинъ о преимуществахъ личной собственности передъ общественною, о выгодахъ свободнаго проявленія и соперничества частныхъ интересовъ въ области землевладѣнія, упускаютъ изъ виду всю новѣйшую исторію поземельнаго вопроса въ западной Европѣ и у насъ. Дѣло именно въ томъ, что земля—не такой же предметъ собственности, какъ фабрика или заводъ, и что поземельныя права и отношенія повсюду неразрывно переплетаются съ важнѣйшими общественными и государственными правами и интересами, забвеніе которыхъ гибельно для страны и народа. Еслибы вопросъ разрѣшался простымъ примѣненіемъ шаблонныхъ промышленныхъ принциповъ, то онъ давно сошелъ бы со сцены въ большей части культурныхъ государствъ и не вызывалъ бы безконечныхъ обсужденій и споровъ въ спеціальной литературѣ [1]). Между тѣмъ аграрная проблема до сихъ поръ принадлежитъ къ числу самыхъ жгучихъ на Западѣ; ей посвящается громадное количество изслѣдованій и сочиненій, выводы которыхъ не имѣютъ ничего общаго съ прежними теоріями буржуазныхъ оптимистовъ.

„Все яснѣе входитъ въ общественное сознаніе тотъ фактъ,—

[1]) Ср. наши статьи о поземельномъ вопросѣ въ „Вѣстникѣ Европы": 1883, январь; 1885, мартъ и апрѣль; 1890, сентябрь—декабрь; 1893, мартъ; 1894, авг. и сент., а также отдѣльно: „Охрана крестьянскаго землевладѣнія", 1891.

говоритъ прусскій консервативный экономистъ, профессоръ Зерингъ,—что утвердившееся со времени освобожденія крестьянъ законодательство о поземельной собственности, превращавшее землю въ товаръ, а дворы и усадьбы—въ капиталъ, способствовало не столько переходу землевладѣнія въ наиболѣе производительныя руки и къ лучшимъ хозяйственнымъ условіямъ, сколько распаденію среднихъ владѣній на крошечные нищенскіе участки и подчиненію свободныхъ сельскихъ хозяевъ капиталистамъ. Старое феодальное владычество смѣнилось болѣе жесткимъ господствомъ капитала, и на мѣсто исчезнувшей противоположности крупнаго и мелкаго землевладѣнія становится противоположность владѣнія земельнаго и денежнаго"...

„Подъ гнетомъ неограниченной конкурренціи, — замѣчаетъ другой нѣмецкій консерваторъ, извѣстный профессоръ Отто Гирке, —все болѣе и болѣе исчезаютъ мелкія и среднія самостоятельныя хозяйства, какъ неспособныя къ соперничеству съ крупными, и что̀ не можетъ возвыситься до степени крупнаго производства, понижается до уровня наемной работы. Исчезновеніе среднихъ и мелкихъ владѣній имѣетъ, однако, то дальнѣйшее послѣдствіе, что пропасть между владѣющими и неимущими расширяется до необозримыхъ размѣровъ" [1]).

Говоря о принудительномъ раздѣлѣ общинныхъ земель въ Пруссіи, начатомъ въ двадцатыхъ годахъ прошлаго столѣтія подъ вліяніемъ убѣжденія въ несовмѣстимости общинныхъ порядковъ съ требованіями сельско-хозяйственнаго прогресса, профессоръ Теодоръ фонъ-деръ Гольцъ, сторонникъ и хвалитель прусской экономической политики, находитъ ошибочнымъ и несправедливымъ прежнее отрицательное отношеніе къ общинѣ. „Такой взглядъ на общинное землевладѣніе,—по его словамъ,—исходилъ изъ господствовавшей въ то время индивидуалистической теоріи, согласно которой хозяйственное благоденствіе не только отдѣльныхъ лицъ, но и всего государства считалось наилучшимъ образомъ обезпеченнымъ, при условіи предоставленія каждому отдѣльному лицу свободы распоряженія своими личными способностями и силами... Подъ вліяніемъ этого движенія противъ общиннаго землевладѣнія, усиленно подчеркивались всѣ его недостатки и въ то же время не обращалось вниманія на его положительныя стороны, какъ формы землевладѣнія, предохраняющей наиболѣе слабыхъ въ экономическомъ отношеніи членовъ общины отъ по-

[1]) Заимствуемъ обѣ цитаты изъ появившейся недавно объемистой книги Альфреда Носсига: „Die moderne Agrarfrage", von Dr A. Nossig. 1902, стр. 452—453.

тери связи съ землею и образованія класса безземельныхъ батраковъ... Въ настоящее время, напротивъ, установилось почти единогласное мнѣніе о нежелательности обращенія въ частную собственность всѣхъ безъ исключенія общинныхъ земель, въ особенности же лѣсовъ. Раціональное и доходное лѣсное хозяйство возможно только на болѣе значительныхъ площадяхъ, эксплуатируемыхъ по одному общему плану и находящихся подъ одинаковымъ и надежнымъ присмотромъ. Затѣмъ, для мелкихъ крестьянскихъ собственниковъ и для живущихъ въ деревнѣ рабочихъ и ремесленниковъ весьма важно также существованіе общественныхъ пастбищъ, которыя нерѣдко одни только и даютъ имъ возможность содержать скотъ и получать удобреніе, необходимое для земледѣлія; содержаніе скота въ стойлѣ для этой категоріи мелкихъ собственниковъ или вовсе недоступно, или чрезмѣрно дорого" [1]).

Въ томъ же смыслѣ высказывается и благонамѣренный спеціалистъ по аграрной политикѣ, принципіальный противникъ общины и обличитель соціалъ-демократіи, Бухенбергеръ: „Дѣйствительно, право пользованія общинною собственностью, принадлежащее въ одинаковой степени даже бѣднѣйшему сочлену, создаетъ прочную связь между общиною и членами ея и въ извѣстной степени сдерживаетъ отливъ населенія. Участіе въ общинной собственности обезпечиваетъ маленькимъ людямъ въ общинѣ твердую экономическую опору и предохраняетъ ихъ отъ крайней нищеты... Наконецъ, въ фабричныхъ мѣстностяхъ благодѣтельное значеніе общины выражается въ томъ, что она обезпечиваетъ осѣдлому рабочему населенію собственное производство хотя бы части продуктовъ домашняго потребленія и кромѣ того смягчаетъ вредныя стороны чисто-фабричнаго быта. И такъ какъ членъ общины можетъ быть устраненъ изъ нея только при исключительныхъ условіяхъ, то вполнѣ правы тѣ, кто съ именемъ общины соединяетъ понятіе о родномъ кровѣ. Тѣ же выгоды получаются, когда населеніе пользуется подобнымъ же образомъ общиннымъ лѣсомъ, т.-е. когда каждый имѣетъ право на опредѣленное количество дровъ и строительнаго матеріала. Приведенныя соображенія, равно какъ и тотъ взглядъ, что община поддерживаетъ экономически слабую часть сельскаго населенія и способствуетъ устраненію классовыхъ противорѣчій въ сельскомъ быту, воспрепятствовали въ южной Германіи раздѣлу общинныхъ

---

[1]) Аграрный вопросъ и аграрная политика, перев. Д. Флексора. 1902, стр. 115—116.

земель... и способствовали созданію даже затрудненій для производства раздѣловъ (согласіе большинства общинниковъ, разрѣшеніе правительства)... Положительныя стороны общиннаго устройства сохраняютъ свою силу и до сихъ поръ; о вредѣ общины можно говорить лишь тогда, когда общинное владѣніе слишкомъ преобладаетъ надъ частною собственностью, и когда слишкомъ широкое пользованіе общиннымъ имуществомъ порождаетъ хозяйственную небрежность и безпечность... Поэтому та часть общиннаго имущества, которая предназначается для общаго пользованія, не должна переходить извѣстныхъ границъ; иначе выгодныя стороны общиннаго устройства могутъ превратиться во вредныя. Эти ограниченія должно имѣть въ виду тѣмъ общинамъ, которыя, сохранивъ еще остатки стараго общиннаго владѣнія, хотятъ удержать его и впредь. Тѣ же общины, въ которыхъ общинное владѣніе съ теченіемъ времени совершенно исчезло, усмотрятъ въ нихъ основаніе для возстановленія у себя, при удобномъ случаѣ, общинной собственности. Удобный случай для этого представляютъ иногда принудительныя продажи земель. Несомнѣнно, въ интересахъ самихъ же членовъ общины—явиться въ лицѣ всей общины покупщикомъ цѣлыхъ имѣній или отдѣльныхъ участковъ, продаваемыхъ съ молотка, вмѣсто того, чтобы давать имъ переходить въ руки профессіональныхъ спекулянтовъ или кулаковъ. Нѣкоторыя нежелательныя явленія въ процессѣ мобилизаціи земельной собственности, происходящія вслѣдствіе спекулятивной торговли землями, быть можетъ, могли бы быть устранены такою политикою вмѣшательства общинъ гораздо дѣйствительнѣе, нежели законодательными мѣрами" [1]).

Не надо забывать еще, что прусская администрація и прусское законодательство славятся качествами, отсутствующими въ другихъ странахъ, и что прусское частное землевладѣніе можетъ дѣйствительно служить образцомъ сельско-хозяйственной культуры, въ противоположность нашему привилегированному землевладѣнію, которое въ общей массѣ, по безпечности и небрежности хозяйства, немногимъ отличается отъ крестьянскаго. Притомъ въ Германіи вопросъ о земельной общинѣ касался интересовъ 16—18 милліоновъ или четвертой части всего населенія, а у насъ онъ имѣетъ жизненное значеніе для 70—80 милліоновъ или огромнаго большинства народа. Наши общія хозяйственныя

[1]) Основные вопросы сельскохозяйственной экономіи и политики. Переводъ съ нѣмецкаго А. Гурьева. Спб. 1901, стр. 17—19.—Замѣтимъ кстати, что въ хорошемъ вообще русскомъ переводѣ не слѣдовало бы называть извѣстную рѣку Вислу—Вейкселемъ (стр. 87).

и прочія условія не таковы, чтобы съ легкимъ сердцемъ приниматься за преобразованіе народнаго поземельнаго быта—тѣмъ болѣе, что и привилегированное землевладѣніе даетъ у насъ слишкомъ мало хорошихъ примѣровъ населенію и нуждалось бы въ контролѣ уже въ виду своей непомѣрной и постоянно возростающей задолженности.

Такимъ образомъ, прежде чѣмъ думать о крупныхъ законодательныхъ реформахъ, въ родѣ упраздненія крестьянской общины, надо было бы подумать о многомъ другомъ. Первостепенная практическая задача нашего времени—установить способы, которыми обезпечивалось бы цѣлесообразное и послѣдовательное предварительное обсужденіе текущихъ законодательныхъ потребностей, „дабы—какъ то сказано въ указѣ 1861 года объ учрежденіи Совѣта министровъ—соблюсти общую систему и единство дѣйствій всѣхъ министерствъ и главныхъ управленій“ и вмѣстѣ съ тѣмъ избѣгнуть частыхъ рѣзкихъ перемѣнъ и противорѣчій въ области законодательства.

Л. Слонимскій.

ВЕСЕННЯЯ НОЧЬ

Какая чудная погода:
Совсѣмъ свѣтло, какъ будто днемъ,
Хотя далеко до восхода,
Хотя короткимъ, лѣтнимъ сномъ
Еще покоится природа.

Сѣдой туманъ слегка дымится
Надъ свѣтлой, тихой гладью водъ,
То порѣдѣетъ, то сгустится,—
А между тѣмъ небесный сводъ
Все ярче, ярче золотится.

Въ туманномъ воздухѣ прохладно,
И полнымъ вздохомъ грудь твоя
Прохладу эту ловитъ жадно...
А гдѣ-то пѣсня соловья
Звучитъ томительно отрадно.

Не долго ждать—и все проснется,
Все оживетъ, все встанетъ вдругъ,
Лѣниво вѣтеръ пронесется
И рыба, оставляя кругъ
Надъ гладью водяной, всплеснется.

Какъ хороша картина эта...
Увы! ее не передашь,
Въ ней столько воздуха и свѣта,—
Предъ ней блѣднѣетъ карандашъ
И меркнетъ бѣдный стихъ поэта!

Влад. Марковъ.

АМЕРИКАНСКІЙ ИМПЕРІАЛИЗМЪ

И

НЫНѢШНІЕ ЕГО ПРЕДСТАВИТЕЛИ

Письмо изъ Америки.

Какъ и слѣдовало ожидать, новая администрація принесла съ собою новыя теченія и въ нашу общественную мысль, и въ нашу общественную дѣятельность. Президентъ Рузевельтъ оказался слишкомъ самостоятельнымъ, слишкомъ импульсивнымъ человѣкомъ, чтобы не внести серьезнаго отраженія своей индивидуальности на всю обстановку и Бѣлаго Дома, и той сложной машины, которая называется американскимъ правительствомъ. За послѣдніе полгода онъ не только радикально перестроилъ кабинетъ Макъ-Кинлея, но и перенесъ центръ тяжести отъ однихъ лицъ къ другимъ; наиболѣе интимные совѣтники покойнаго утратили свое вліяніе на государственныя дѣла, и новые люди управляютъ теперь ихъ ходомъ и уже успѣли придать имъ совсѣмъ другой тонъ. Перестройка кабинета шла нѣсколько иначе, чѣмъ это ожидалось въ свѣдущихъ сферахъ: министръ иностранныхъ дѣлъ Гэй и американскій посолъ въ Лондонѣ Чоатъ все еще занимаютъ свои посты—хотя вѣроятно и не потому, что ихъ завѣдомое англофильство вполнѣ соотвѣтствуетъ взглядамъ президента, а благодаря заявленіямъ и любезностямъ германскаго императора, довольно шумнымъ и не вполнѣ обычнымъ;—при ихъ наличности и при томъ вниманіи, которое привлекъ къ себѣ въ Европѣ пріѣздъ въ Америку принца Генриха прусскаго, и въ виду извѣстнаго, неоснованнаго на фактахъ заявленія министерства иностранныхъ дѣлъ въ британскомъ парламентѣ, отставка Гэя

или Чоата оказалась бы слишкомъ крутой англофобской демонстраціей, и Рузевельту пришлось отложить ее. до болѣе благопріятнаго времени. Такъ, по крайней мѣрѣ, объясняетъ себѣ настоящее политическое положеніе дѣлъ здѣшнее общественное мнѣніе. Тогда какъ, благодаря этимъ фактамъ, внѣшняя политика Союза все еще течетъ въ предѣлахъ, завѣщанныхъ ей Макъ-Кинлеемъ, его внутренняя политика уже отошла на задній планъ;—оставляя на своемъ мѣстѣ Гэя, Рузевельтъ уже отставилъ министра финансовъ Гэджа, одного изъ талантливѣйшихъ финансистовъ Союза, генералъ-почтмейстера Смита и морского министра Лонга, крупнѣйшихъ представителей того коммерціализма, который со временъ испано-американской войны всецѣло руководилъ всей внѣшней и внутренней политикой Союза. Потерялъ всякое значеніе въ правительственныхъ сферахъ и сенаторъ Ганна, предсѣдатель національнаго исполнительнаго комитета республиканской партіи, имѣвшій при Макъ-Кинлеѣ огромное вліяніе и считавшійся главнымъ вожакомъ того, якобы, имперіализма, въ тогу котораго рядился за послѣдніе три года самый эгоистическій, самый беззастѣнчивый коммерціализмъ. Мѣста отставленныхъ министровъ заняли малоизвѣстныя, и, сравнительно, незначительныя лица, не имѣющія опредѣленныхъ національныхъ репутацій—а въ положеніе Ганны вступили сенаторы въ федеральномъ сенатѣ, отъ штата Массачузетса Лоджъ и отъ штата Индіаны Бевериджъ, имперіалисты pur sang и чисто принципіальные, во всѣхъ своихъ рѣчахъ и дѣйствіяхъ совершенно обходящіе главный рычагъ предшествовавшаго режима—коммерціализмъ.

Сенаторъ Лоджъ—Henry Cabot Lodge—прекрасный, чрезвычайно типичный представитель тѣхъ теченій, которыя со времени основанія Сѣверо-американскаго союза извѣстны въ его исторіи подъ именемъ ново-англійскаго идеализма. Штаты новой Англіи, съ Массачузетсомъ во главѣ и съ городомъ Бостономъ какъ признаннымъ ихъ центромъ, всегда выдѣлялись изысканной теоретической подготовкой своихъ представителей въ государственныхъ совѣтахъ націи. Ихъ государственные люди прежде всего—философы, съ твердыми, ясно выработанными принципами, съ точной, неукоснительно преслѣдуемой системой для проведенія ихъ въ жизнь. Новая Англія всегда знаетъ, что̀ ей нужно отъ Союза; она презираетъ оппортунизмъ, и играла и играетъ совсѣмъ непринадлежащую ей роль, если принять въ соображеніе только территорію и народонаселеніе. Она сильна умственнымъ развитіемъ своихъ массъ, и всегда обладала и обладаетъ и теперь, кромѣ того, извѣстной умственной аристократіей, если можно такъ выразиться. Тогда какъ центръ и, въ особенности, Западъ посылаютъ въ Вашингтонъ успѣшныхъ дѣльцовъ или ловкихъ, беззастѣнчивыхъ политикановъ, которыхъ тамъ довольно быстро раскусываютъ, новая Англія

придаетъ огромное значенiе серьезному образовательному цензу, и ея представители всегда тонко и всесторонне образованные люди, вооруженные строгой логикой, обширными познанiями и умѣньемъ проводить свои идеи. Въ войнѣ за уничтоженiе рабства новая Англiя была головой, центръ и Западъ—силой, chair à canon. Во всякомъ идейномъ конфликтѣ, въ правительственныхъ ли исполнительныхъ сферахъ, въ конгрессѣ ли, новая Англiя всегда дѣйствуетъ сообща, всегда занимаетъ цѣликомъ извѣстное опредѣленное мѣсто, и обыкновенно достигаетъ въ концѣ концовъ своихъ цѣлей. Она компактна и дисциплинирована; она чрезвычайно требовательна къ своимъ представителямъ, воспитываетъ и пробуетъ ихъ весьма основательно, прежде чѣмъ посылаетъ ихъ въ Вашингтонъ. Быть представителемъ новой Англiи въ конгрессѣ значитъ пройти длинную, основательную школу въ ея мѣстныхъ законодательныхъ собранiяхъ, значитъ обладать и опытомъ, и быстротой соображенiя и способностью обнять вопросъ всесторонне—это, такъ сказать, патентъ на извѣстное положенiе въ свѣтѣ, извѣстная, весьма высокая умственная и даже нравственная печать. И сенаторъ Лоджъ, наиболѣе выдающiйся изъ современныхъ представителей новой Англiи въ конгрессѣ, конечно, не представляетъ исключенiя. Это очень образованный, умный и остроумный человѣкъ, крайне находчивый, съ изумительной способностью работать долго и неутомимо, съ обширнымъ опытомъ на государственномъ поприщѣ, и съ непоколебимымъ убѣжденiемъ въ истинѣ своихъ взглядовъ. Онъ думаетъ, что настало время Союзу отказаться отъ своей инертной замкнутости, что его дальнѣйшiй прогрессъ невозможенъ безъ территорiальнаго расширенiя, безъ активнаго распространенiя своихъ влiянiй и внѣ чисто американскихъ предѣловъ—что настоящая арена для бьющей ключомъ нацiональной самодѣятельности слишкомъ тѣсна. Онъ полагаетъ, что нацiя должна рости во всѣхъ направленiяхъ, не исключая и территорiальнаго, что задержка приведетъ ее къ преждевременному разложенiю и нацiональной смерти. Имперiализмъ Лоджа основанъ не на оппортунизмѣ, не на торгашескихъ выгодахъ, а на извѣстномъ философскомъ мiровоззрѣнiи, на чисто идейной, государственной, якобы, необходимости. Превосходной иллюстрацiей его убѣжденiямъ въ этомъ направленiи служитъ только-что появившаяся въ майской книжкѣ „Scribner's Monthly Magazine“ статья „Some impressions of Russia“, статья, въ которой онъ даетъ выводы впечатлѣнiй своего путешествiя по Россiи прошлымъ лѣтомъ. Можно, конечно, спорить по поводу его выводовъ, но нельзя не удивляться замѣчательной наблюдательности и умѣнью схватить и очертить дѣйствительно наиболѣе слабыя стороны русской жизни. Статья эта, на мой взглядъ, заслуживаетъ особеннаго вниманiя русскаго читателя.

Сенаторъ Беверидж—человѣкъ совсѣмъ въ другомъ родѣ. Ему недавно минуло 30 лѣтъ—онъ самый молодой членъ федеральнаго сената—и попалъ онъ туда не путемъ постепеннаго повышенія, а сразу, безъ всякой предварительной подготовки въ общественныхъ дѣлахъ, исключительно благодаря своему изумительному краснорѣчію и силѣ своей личности. Онъ считается лучшимъ современнымъ ораторомъ Союза—и однимъ изъ самыхъ интенсивныхъ и вліятельныхъ имперіалистовъ. Онъ побывалъ на Филиппинахъ, вывезъ оттуда самыя благопріятныя впечатлѣнія, и вездѣ и всюду является отлично вооруженнымъ защитникомъ администраціи. Онъ стоитъ ближе къ Рузевельту, чѣмъ Лоджъ, являясь представителемъ дѣятельнаго, энергическаго Запада, не стѣсняющагося при случаѣ философскими тонкостями и далеко не такъ осторожнаго и предусмотрительнаго, какъ чопорная новая Англія. Интересно, что и Бевериджъ путешествовалъ прошлымъ лѣтомъ по Россіи—хотя онъ и не повѣдалъ свѣту о своихъ впечатлѣніяхъ, а прислалъ только въ нашу Associated Press очень характерную телеграмму, что посѣтилъ въ Ясной Полянѣ графа Л. Н. Толстого, и задалъ ему тридцать вопросовъ по различнымъ государственнымъ и общественнымъ дѣламъ, и что онъ, Бевериджъ, радикально несогласенъ ни съ однимъ изъ полученныхъ имъ отъ русскаго философа отвѣтовъ.

Въ настоящій моментъ идейный имперіализмъ Рузевельта и Лоджа совсѣмъ заслонилъ коммерціализмъ Макъ-Кинлея и Ганны. Свирѣпая парламентская борьба, вотъ уже нѣсколько мѣсяцевъ занимающая собою федеральный сенатъ и всю страну по поводу внесеннаго администраціей на разсмотрѣніе конгресса закона объ учрежденіи постояннаго управленія Филиппинами, ежедневно сводится къ главному принципіальному вопросу. Законъ этотъ совершенно игнорируетъ конституцію Союза, копируетъ въ своихъ основныхъ положеніяхъ англійскую колоніальную систему и несомнѣнно идетъ въ разрѣзъ со всѣми завѣтными американскими понятіями о правахъ человѣка. Союзъ будетъ самъ по себѣ, Филиппины съ своимъ десятимилліоннымъ населеніемъ сами по себѣ, государство въ государствѣ, управляемое безъ согласія и участія управляемыхъ, пришельцами, чуждыми имъ по духу и языку. Оппозиція, оспаривая всѣ положенія этого закона шагъ за шагомъ, статью за статьей, въ то же время настойчиво и съ большимъ успѣхомъ выясняетъ эфемерность надеждъ на скорое и сколько-нибудь дѣйствительное умиротвореніе населенія. Усмиреніе возстанія продолжается уже слишкомъ три года;—доказано, что мѣры, принимаемыя американской арміей на островахъ, едва ли чѣмъ отличаются отъ испанскихъ, и что употребляются даже пытки, не говоря уже о повсемѣстномъ примѣненіи концентраціи населенія на манеръ кубан-

скаго усмирителя Вейлера и сожженія цѣлыхъ деревень и городовъ. Нѣсколько офицеровъ арміи и даже одинъ генералъ, военный начальникъ острова Самара Смитъ, были преданы суду за жестокости въ родѣ разстрѣливанія безъ суда, приказовъ не брать плѣнныхъ и другихъ безчеловѣчныхъ распоряженій. Коммиссія сената по изслѣдованію Филиппинскихъ дѣлъ завалена доносами;—ежедневно выплываютъ наружу самыя вопіющія злоупотребленія, превышенія власти, военные приказы, по жестокости ни въ чемъ не уступающіе испанскому режиму. Предполагаемый на будущій бюджетный годъ расходъ на армію превышаетъ сто милліоновъ долларовъ—и тотъ „идейный" журавль въ небѣ, за которымъ такъ упорно гонятся Рузевельтъ и Лоджъ, заставляетъ общественное мнѣніе все болѣе и болѣе жалѣть о той синицѣ въ рукахъ, какою оказываются эти неблагоразумно изводимыя деньги.

20-го прошлаго мая, островъ Куба сдѣлался самостоятельнымъ государствомъ. Президентъ республики Пальма — объамериканившійся кубанецъ, 30 лѣтъ безвыѣздно проживпій въ изгнаніи съ родины въ Нью-Іоркѣ — объѣхалъ весь островъ, который теперь окончательно очищенъ американскими войсками, и правительство передано въ руки ему и вновь избранному конгрессу. Новая республика разорена до крайности—и, въ экономическомъ и финансовомъ отношеніяхъ, ея будущее представляетъ собою крайне непригляднуто картину. Благодаря сначала многолѣтнему возстанію, а потомъ войнѣ, его рабочее населеніе уменьшилось на цѣлую половину,—послѣдовавшіе же за ними американское управленіе и порядки возвысили заработную плату въ нѣсколько разъ, доведя ее почти до уровня Союза, и главные источники богатствъ Кубы—производства сахару и табаку—перестали оплачивать расходы и поставили плантаторовъ въ безвыходное положеніе, тѣмъ болѣе, что цѣна на сахаръ-сырецъ на всемірномъ рынкѣ все понижается и въ Союзѣ опустилась уже въ оптовой продажѣ до четырехъ и даже $3^3/_4$ цента за фунтъ. Свѣдущіе люди, въ томъ числѣ бывшій въ теченіе прошлыхъ двухъ лѣтъ военнымъ американскимъ губернаторомъ острова генералъ Вудъ, утверждаютъ, что экономическій кризисъ настолько остёръ, что безъ прямой и быстрой помощи Союза новая республика не можетъ существовать, что ей предстоитъ скорое и безнадежное банкротство во всѣхъ отношеніяхъ и направленіяхъ. Необходимо замѣтить, что на Кубѣ всегда была и существуетъ и теперь довольно сильная туземная партія присоединителей, видящая единственное спасеніе острова отъ неизбѣжныхъ пертурбацій, политическихъ и экономическихъ, въ присоединеніи его къ сѣверо-американскимъ штатамъ—партія, состоящая главнымъ образомъ изъ дѣло-

выхъ людей, промышленниковъ, купцовъ и землевладѣльцевъ, и обнимающая собою, по всей вѣроятности, большинство чисто бѣлаго населенія острова, въ томъ числѣ всѣхъ кровныхъ испанцевъ, по условіямъ мира избравшихъ Кубу своимъ отечествомъ. Въ то же время, само собой разумѣется, что всѣ крайніе имперіалисты Союза, въ родѣ Рузевельта и Лоджа, втайнѣ сочувствуютъ этой партіи; если Куба и получила теперь наконецъ свою самостоятельность, то это не потому, что они дѣйствительно считаютъ это наилучшимъ для нея, а только благодаря необходимости выполнить формально торжественное всенародное обѣщаніе Макъ-Кинлея и конгресса при объявленіи испано-американской войны. Едва ли можно сомнѣваться, что партія эта какъ на самомъ островѣ, такъ и въ предѣлахъ Союза, молчитъ въ настоящее время только благодаря этой необходимости, и что она не преминетъ выступить на аггрессивный путь дѣйствій, какъ только формальность эта будетъ выполнена и представится затѣмъ подходящій поводъ. Наиболѣе нетерпѣливые изъ нихъ и теперь не стѣсняются публично называть вышеупомянутое обѣщаніе глупымъ сантиментализмомъ, убыточно для обѣихъ странъ задерживающимъ законный, якобы, ходъ вещей. Ждать такого повода, въ виду всего вышеизложеннаго, по всей вѣроятности, придется очень недолго, если имперіалисты въ Союзѣ останутся у кормила правленія и въ будущемъ. Американскій капиталъ, въ особенности трёсты сахарный и табачный, и теперь уже контролируютъ сахарное и табачное производства Кубы, и очень ловко и энергично стремятся воспользоваться импульсивностью Рузевельта и его „идейнымъ имперіализмомъ“. Подъ предлогомъ неотложной необходимости финансовой помощи разоренному острову, президентъ настойчиво требуетъ у конгресса сбавки тарифа на сахаръ-сырецъ Кубы. Парламентская борьба по этому вопросу въ палатѣ представителей Союза, продолжающаяся всю настоящую сессію, расколола въ ней республиканское большинство, и, несмотря на упорныя настоянія администраціи и всѣхъ вожаковъ господствующей партіи, до сихъ поръ не дала ни имъ, ни Кубѣ требуемой уступки. Сахарный вопросъ совершенно замѣнилъ собою въ Союзѣ вопросъ серебряный—и правительственныя сферы, и пресса, и общественное мнѣніе такъ же заняты имъ теперь, какъ были заняты шесть лѣтъ тому назадъ биметализмомъ. Союзъ потребляетъ ежегодно $2^1/_2$ милліона тоннъ сахару; изъ нихъ 500.000 тоннъ онъ производитъ самъ, 100.000 тоннъ получаются съ острова Порто-Рико, 300.000 тоннъ съ Сандвичевыхъ островов, а 1.600.000 тоннъ покупаются за границей, составляя главную статью импорта страны на сумму свыше $ 100.000.000⁰⁰ въ годъ. До возстанія и войны Куба производила около милліона тоннъ и, вмѣстѣ съ другими вестъ-индскими островами, служила главнымъ

источникомъ этого импорта; съ началомъ возстанія производство Кубы все уменьшалось, упало до 300.000 тоннъ въ годъ, американскимъ сахарнымъ рынкомъ воспользовались Германія и другія страны, и теперь, когда сахарное производство Кубы опять разсчитываетъ вернуться къ своей прежней производительности и даже усилить ее, оказывается, что и прежній рынокъ занятъ, и что цѣны упали, и что расходы производства удвоились и утроились, и что безъ специальныхъ тарифныхъ скидокъ кубанскій сахаръ нельзя продать въ Союзѣ безъ огромныхъ убытковъ. Правда, оппозиція проекту несогласна съ нѣкоторыми изъ этихъ положеній, утверждая, напримѣръ, что улучшенные методы производства должны контръ-балансировать увеличеніе заработной платы; тѣмъ не менѣе, общее положеніе острова, вѣроятно, дѣйствительно крайне плохо, хотя краски, можетъ быть, и сгущены нѣсколько ея ярыми покровителями. Затронутые этой сахарной революціей интересы такъ громадны и такъ безнадежно враждебны, что самые дальновидные наши государственные люди и экономисты не предвидятъ практичнаго ея рѣшенія, по крайней мѣрѣ въ непосредственномъ будущемъ. Съ одной стороны, независимая въ формально-политическомъ смыслѣ Куба находится въ безъисходной крѣпостной зависимости отъ финансовой политики Союза; съ другой, предлагаемый Рузевельтомъ и имперіалистами выходъ въ формѣ тарифной скидки на цѣлыхъ 50% встрѣчаетъ въ палатѣ представителей непреодолимую преграду со стороны коалиціи анти-имперіалистовъ съ представителями свекло-сахарныхъ интересовъ Союза и противниками сахарнаго трёста; съ третьей,—тайное, но могучее давленіе на всѣ такъ или иначе подверженные заграничнымъ вліяніямъ элементы, со стороны настоящихъ поставщиковъ сахара въ Союзъ, преимущественно Германіи. Анти-имперіалисты не сомнѣваются—и, вѣроятно, вполнѣ справедливо—что главный адвокатъ кубанскихъ интересовъ въ этомъ вопросѣ, Рузевельтъ, пользуется экономической зависимостью острова какъ предлогомъ для того, чтобы подчеркнуть необходимость и неизбѣжность его присоединенія къ Союзу, и стремится только усилить своей настоящей политикой партію имперіалистовъ и на островѣ, и въ Союзѣ, даже рискуя своей популярностью какъ врага трёстовъ, такъ какъ общественное мнѣніе страны убѣждено, что воспользуется требуемой скидкой главнымъ образомъ сахарный трёстъ. Свекло-сахарные же интересы Союза, контролирующіе довольно значительное меньшинство республиканской партіи, несомнѣнно принесутъ въ жертву свои имперіалистскія тенденціи экономическому благосостоянію своихъ штатовъ—Мичигана, Небраски, Калифорніи, Висконсина, въ которыхъ свекло-сахарное производство укоренилось, быстро развивается и, въ послѣдніе годы, дѣлается все больше и больше

господствующимъ въ мѣстныхъ дѣлахъ и политикѣ. Если, что не только возможно, но и вѣроятно, сахарный вопросъ сдѣлается вопросомъ національной политики, какъ внезапно сдѣлался имъ еще такъ недавно вопросъ серебряный, коалиція анти-имперіалистовъ по принципу съ анти-присоединителями изъ-за сахару—фактъ уже совершившійся, что касается палаты представителей,—можетъ расколоть республиканскую партію и на будущихъ конгрессіонныхъ и національныхъ выборахъ, и погребсти нашъ новоявленный имперіализмъ. Рузевельтъ упрямъ и независимъ, его главные настоящіе совѣтники такъ же самонадѣянны и самоувѣренны, какъ и онъ самъ, и, ослѣпленные блестящими теоретическими перспективами, едва ли способны оцѣнивать настоящее политическое положеніе съ надлежащимъ безпристрастіемъ;—оппозиція надѣется, что они не преминутъ зарваться и въ концѣ-концовъ жестоко ошибутся въ своихъ разсчетахъ.

Однимъ изъ эпизодовъ, очень рельефно характеризующихъ настоящее настроеніе новой администраціи, служитъ столкновеніе Рузевельта съ главнокомандующимъ американской арміей, генераломъ Майльсомъ. Генералъ этотъ у насъ очень популяренъ. Начавъ свою службу двадцатилѣтнимъ юношей, волонтеромъ рядовымъ въ самомъ началѣ междоусобной войны 1861—1865, онъ кончилъ эту войну генераломъ, командиромъ отдѣльнаго корпуса, былъ въ теченіе ея много разъ раненъ, отличился беззавѣтной храбростью, распорядительностью и хладнокровіемъ, доставившими ему переводъ въ регулярную армію, и считается главнымъ героемъ всѣхъ тѣхъ индійскихъ войнъ, которыми такъ богата исторія американскаго запада въ теченіе семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годовъ;—ему приписывается окончательное подчиненіе и „прирученіе“ самыхъ свирѣпыхъ индійскихъ племенъ Аризоны, Колорадо и всего сѣверо-запада. Объ его личныхъ безчисленныхъ приключеніяхъ въ теченіе этихъ войнъ имѣется цѣлая литература, все болѣе и болѣе принимающая настоящій легендарный характеръ. Несмотря на эту популярность, а можетъ быть и благодаря ей, генералъ Майльсъ никогда не пользовался благоволеніемъ администраціи Макъ-Кинлея, и всегда былъ на ножахъ съ его военными министрами;—его обвиняли въ безпокойности характера, въ честолюбіи и даже въ честолюбивыхъ замыслахъ, и съ того времени какъ онъ сдѣлался главнокомандующимъ, держали, такъ сказать, въ черномъ тѣлѣ; въ испано-американской войнѣ онъ игралъ только самую незначительную роль и не принялъ никакого участія въ военныхъ дѣйствіяхъ. Но, несмотря на то, что Макъ-Кинлей „затиралъ“ Майльса, онъ все-таки сохранилъ извѣстныя прерогативы своего поста и, на-

ружно по крайней мѣрѣ, пользовался и почетомъ, и извѣстнымъ мѣстомъ въ военныхъ совѣтахъ. Ему несомнѣнно умышленно не дали случая усилить свою популярность и сдѣлаться опаснымъ военнымъ народнымъ героемъ, но и не раздражали по пустякамъ. Рузевельтъ, лично нетерпящій Майльса и считающій его безполезной развалиной, стоящей на пути болѣе талантливыхъ людей, круто измѣнилъ политику своего предшественника и сразу всталъ къ главнокомандующему въ открытыя враждебныя отношенія, до того, что даже счелъ нужнымъ сдѣлать старику публичный выговоръ „за разговоры", нарушающіе, якобы, военную дисциплину. До сихъ поръ главнокомандующимъ американской арміей всегда былъ старшій по спискамъ генералъ, несмотря на его способности и личность;—по достиженіи предѣльнаго для дѣйствительной службы возраста, 64-хъ лѣтъ, онъ увольнялся въ отставку, и его вакантное мѣсто занималъ слѣдующій по старшинству,—и генералъ Майльсъ сдѣлался и состоитъ главнокомандующимъ только благодаря этому порядку, и такъ какъ ему въ настоящее время всего 62 года, то и безъ спеціальныхъ мѣръ онъ имѣетъ оставаться на своемъ посту еще два года. Рузевельту, съ его „идейнымъ имперіализмомъ", такая независимость главнокомандующаго арміей кажется ненормальной,—и вотъ въ федеральный сенатъ былъ внесенъ военнымъ министерствомъ проектъ закона о коренномъ преобразованіи военнаго вѣдомства по чисто европейскимъ образцамъ, причемъ постъ главнокомандующаго по старшинству совершенно упразднялся, а вводился генеральный штабъ, начальникъ котораго, какъ и начальники отдѣльныхъ управленій, имѣли назначаться президентомъ изъ числа офицеровъ арміи по его усмотрѣнію, совершенно помимо ихъ списочнаго положенія. Общественное мнѣніе объяснило себѣ этотъ проектъ стремленіемъ Рузевельта отдѣлаться отъ Майльса и настоящихъ начальниковъ управленія арміею, съ тѣмъ, чтобы назначить на ихъ мѣста своихъ фаворитовъ, которыхъ у него завѣдомо не мало въ средѣ сравнительно молодыхъ офицеровъ, при настоящихъ порядкахъ не имѣющихъ никакой надежды на болѣе влiятельныя мѣста. Военная коммиссія сената, разсматривая этотъ проектъ, запросила заключенія генерала Майльса, и этотъ послѣдній страстно раскритиковалъ всѣ его положенія, назвалъ его попыткой онѣмечить американскую армію и сдѣлать ее не самостоятельнымъ учрежденіемъ, свободнымъ отъ партійности и фаворитизма, какимъ она была доселѣ, а послушнымъ орудіемъ возможныхъ въ будущемъ диктаторскихъ поползновеній. Этотъ отзывъ цѣликомъ попалъ въ печать—и вызвалъ настоящую бурю. Сенатъ, несмотря на господство въ немъ республиканской партіи, почти единогласно высказался противъ проекта и оставилъ въ силѣ настоящій порядокъ, только

слегка измѣнивъ его согласно предложеніямъ Майльса. Положеніе, понятно, крайне натянуто—трудно предвидѣть, чѣмъ оно разрѣшится—но несомнѣнно то, что Рузевельтъ своей бестактностью во всемъ этомъ дѣлѣ далъ анти-имперіалистамъ крупный козырь въ руки, и что никакія объясненія слѣпыхъ приверженцевъ администраціи о „пользѣ службы“ не могутъ изгладить подозрѣній относительно истиннаго смысла проекта, цѣликомъ продиктованнаго съ одной стороны дѣйствительнымъ, опаснымъ имперіализмомъ, съ другой—импульсивностью и горячностью президента. Конфликтъ Рузевельта съ Майльсомъ, начавшись на почвѣ личной антипатіи, успѣлъ перейти на чисто принципіальную и съ теченіемъ времени пріобрѣлъ обширное политическое значеніе и заинтересовалъ собой всю страну.

Разростаніе трёстовъ идетъ за послѣднее время еще болѣе быстрымъ аллюромъ, чѣмъ когда-либо прежде. Администраціи Кливелэнда и Макъ-Кинлея ничего противъ нихъ не предпринимали, ссылаясь на то, что настоящіе законы недостаточны для сколько-либо успѣшнаго имъ противодѣйствія. Когда, лѣтъ десять тому назадъ, конгрессъ принялъ анти-трёстный билль Шермана, были сразу начаты нѣсколько исковъ противъ разныхъ трёстовъ, но всѣ они были проиграны властями, такъ какъ трёсты съумѣли обойти всѣ положенія этого закона и оказались недосягаемыми. Обыкновенному смертному подобныя юридическія тонкости совершено недоступны, — онъ знаетъ только, что трёсты преслѣдовали, повидимому, умѣло и энергично, что дѣла эти доходили до верховнаго суда Союза, но что всегда и вездѣ трёсты не только выходили сухими изъ воды, но и немедленно разростались и развѣтвлялись. Общественное мнѣніе давно успѣло до извѣстной степени примириться съ этимъ положеніемъ дѣлъ, и требовало изданія новыхъ законовъ, болѣе положительныхъ и болѣе соотвѣтствующихъ дѣйствительнымъ потребностямъ. Извѣстно было, что Рузевельтъ —открытый и заклятый врагъ всѣхъ трёстовъ, вѣрящій въ возможность ихъ искорененія законодательными путями,—и потому ожидалось, что онъ прежде всего потребуетъ отъ конгресса соотвѣтствующихъ новыхъ законовъ. Но и въ этомъ отношеніи онъ оказался такъ же самоувѣреннымъ, какъ и во многихъ другихъ,—уже въ своемъ посланіи при открытіи текущей сессіи конгресса онъ заявилъ, что законъ Шермана достаточенъ для обузданія трёстовъ, и что все дѣло заключается только въ томъ, чтобы наблюсти за его исполненіемъ. И дѣйствительно, очень скоро по вступленіи въ должность, по его предложенію, министръ юстиціи началъ иски противъ трёстовъ сѣверныхъ трансконтинентальныхъ желѣзныхъ дорогъ—Northern Securities Com-

рапу—мясного въ Чикаго и каменноугольнаго въ Пенсильваніи. Иски эти начаты съ подобающимъ трескомъ и шумомъ,—но, повидимому, нисколько не обезпокоили воротилъ этихъ трёстовъ, отвѣтившихъ президенту новой комбинаціей, еще болѣе грандіозной и на этотъ разъ уже международной. Тотъ же Пирпонтъ Морганъ, который организовалъ билліонный стальной трёстъ, вышеупомянутый сѣверный желѣзнодорожный и десятки другихъ, всего нѣсколько недѣль тому назадъ скупилъ всѣ трансъ-атлантическія пароходныя линіи [1] и, захвативъ такимъ образомъ весь сквозной европейскій транзитъ, оказался безусловнымъ диктаторомъ всего американскаго желѣзнодорожнаго дѣла, и притомъ диктаторомъ внѣ предѣловъ федеральной правительственной юрисдикціи. Морганъ — дѣлецъ поистинѣ изумительный своей энергіей, продерзостью замысла и успѣшностью; — говорятъ, что онъ лично заработалъ $ 175.000.000⁰⁰ организаціей различныхъ трёстовъ за послѣдніе два года. Благодаря его дѣятельности, въ настоящій моментъ $^7/_8$ всѣхъ американскихъ желѣзныхъ дорогъ — итогъ которыхъ къ началу 1902 года достигъ цифры слишкомъ въ 200.000 англ. миль— находятся въ рукахъ всего шести синдикатовъ, изъ которыхъ три составляютъ въ сущности одное цѣлое, такъ какъ de facto контролируются имъ однимъ—да и остальные три находятся въ значительной отъ него зависимости. Морганъ началъ съ того, что убѣдилъ въ цѣлесообразности своей политики „гармоніи между крупными интересами" крупнѣйшихъ нашихъ капиталистовъ, Рокфеллера, Вандербильтовъ, Гульдовъ, Карнэги, Хилла, Харримана, одного за другимъ, и вступилъ съ ними въ союзъ,—теперь онъ ворочаетъ такой консолидаціей капиталовъ, о какой не имѣла до сихъ поръ никакого понятія вся вселенная, и можетъ по своему усмотрѣнію диктовать условія любому промышленному или торговому дѣлу во всей странѣ. Опредѣляя капитализацію поглощаемыхъ его трёстами отдѣльныхъ предпріятій, онъ обыкновенно очень щедръ;—ему ничего не стоитъ удвоить и утроить такую капитализацію, такъ какъ это только поднимаетъ его собственную коммиссію, и благодаря этой щедрости, онъ до сихъ поръ неизмѣнно имѣлъ успѣхъ и не встрѣчалъ никакого противодѣйствія. Интересы, контролируемые Морганомъ совершенно автократически, такъ обширны и такъ разнообразны, такъ покрываютъ всю страну, что въ исторіи Союза, конечно, никогда еще не было одного человѣка, который такъ нераздѣльно управлялъ бы имъ, какъ это теперь дѣлаетъ этотъ американскій „Наполеонъ финансовъ".

Чего могутъ достичь при подобныхъ условіяхъ правительственные

[1] Къ трёсту этому, съ самаго начала обнимавшему всѣ великобританскія, скандинавскія, голландскія и бельгійскія линіи, надняхъ присоединились и обѣ нѣмецкія и французская, и даже итальянскія средиземно-атлантическія.

иски противъ двухъ-трехъ трёстовъ, когда имя имъ легіонъ и когда всѣ они находятся въ непосредственной связи и сосредоточиваютъ всѣ свои силы, энергію и вліяніе для поддержки атакованнаго такъ или иначе собрата,—читатель, вѣроятно, съумѣетъ отвѣтить и самъ. „Поспѣшишь—только людей насмѣшишь", и въ такомъ-то положеніи, по всѣмъ видимостямъ, очутится весьма скоро и Рузевельтъ съ его министромъ юстиціи. А тѣмъ временемъ трёсты окончательно утвердятся и закрѣпостятъ нашу великую и обильную страну, и экономическая революція, результатовъ которой теперь нельзя предвидѣть даже приблизительно, сдѣлается совершенно неизбѣжной.

— -

Настоящее письмо мнѣ приходится заключить тройнымъ некрологомъ. 6-го мая умерли римско-католическій архіепископъ Нью-Іорка, Корриганъ, бывшій командиръ вестъ-индскаго флота во время испано-американской войны адмиралъ Сампсонъ, и писатель Бретъ-Гартъ.

Корриганъ былъ архіепископомъ Нью-Іорка 17 лѣтъ, и пользовался огромнымъ вліяніемъ во всемъ американскомъ католическомъ мірѣ. Американское католическое духовенство вообще отличается своими способностями, будучи выбираемо съ особой тщательностью;—я лично зналъ и знаю многихъ его представителей, и нисколько не удивляюсь успѣхамъ католичества по сю сторону океана. А Корриганъ былъ особо выдающимся человѣкомъ, успѣвшимъ даже установить нѣчто въ родѣ постоянной папской дипломатической миссіи въ Вашингтонѣ;—только со времени испано-американской войны удалось папѣ вынудить американское правительство принимать его посланниковъ и трактовать съ ними о разныхъ церковныхъ дѣлахъ. Обладаніе Филиппинскими островами заведетъ это правительство еще дальше,—и теперь уже рѣшено, что губернаторъ Филиппинъ, судья Тафтъ, находящійся здѣсь временно по болѣзни, поѣдетъ назадъ черезъ Европу и Римъ, какъ чрезвычайный посолъ Рузевельта къ папѣ, подъ предлогомъ достиженія соглашенія по поводу поземельныхъ имуществъ католическихъ монашескихъ орденовъ на островахъ, а въ сущности, съ цѣлью заручиться содѣйствіемъ папы къ усмиренію возстанія. Въ нашихъ мыслящихъ сферахъ эти отступленія отъ вѣковыхъ традицій произвели серьезный переполохъ:—онѣ опасаются, что католичество не ограничится временнымъ успѣхомъ, а съумѣетъ связать правительство и для будущаго.

Корриганъ же былъ извѣстенъ тѣми тактомъ и ловкостью, съ которыми онъ устроилъ дѣло патера Глинна, нѣсколько лѣтъ тому назадъ надѣлавшее большого шуму по всей Америкѣ, благодаря популярности послѣдняго и энергіи, съ которой онъ проповѣдывалъ теорію

Генри Джорджа объ единомъ поземельномъ налогѣ—энергіи, вызвавшей гнѣвъ папы, отлученіе Глинна и громадный скандалъ во всѣхъ католическихъ сферахъ Союза.

Адмиралъ Сампсонъ былъ нашимъ ученымъ морякомъ,—онъ много лѣтъ завѣдывалъ морской академіей въ Аннаполисѣ, и считался номинальнымъ побѣдителемъ испанской эскадры подъ Сантъ-Яго. Кампанія эта безнадежно разстроила его здоровье, — послѣдніе два года онъ медленно умиралъ отъ общаго разстройства, вызваннаго непосильнымъ нервическимъ напряженіемъ;—тѣмъ же поплатились очень многіе другіе ея участники,—такъ невыносима морская служба на современныхъ броненосцахъ въ тропическомъ климатѣ.

Бретъ-Гартъ, конечно, хорошо извѣстенъ въ переводахъ его прозаическихъ произведеній и русской читающей публикѣ; — дома онъ пользовался обширной популярностью и какъ далеко незаурядный поэтъ. Послѣднія 15 лѣтъ своей жизни онъ провелъ въ Англіи, гдѣ и умеръ. Лучшее изданіе всѣхъ его сочиненій заключаетъ въ себѣ до 20 большихъ томовъ; но главной основой его славы и извѣстности остались до конца его первые небольшіе разсказы и поэма „Heathen Chinee"—„Язычникъ китаецъ". Наше молодое поколѣніе, къ сожалѣнію, мало знакомо съ нимъ:—онъ успѣлъ пережить свою славу, главнымъ образомъ потому, что исчезъ мало-по-малу тотъ своеобразный пограничный міръ, который онъ почти исключительно описывалъ, исчезъ настолько, что начинаетъ уже переходить въ легендарный періодъ исторіи Калифорніи. Современные литературные вкусы требуютъ „послѣдняго слова", требуютъ „злобы дня", „fin de siècle"—американскій народъ живетъ быстро, живетъ преимущественно сегодняшнимъ днемъ, и не успѣлъ еще научиться оборачиваться и къ прошлому и пользоваться и имъ какъ слѣдуетъ.

П. А. Тверской.

1 іюня 1902 г.
Лосъ Анжелесъ, Калифорнія.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 іюля 1902.

Высочайшій рескриптъ 10 іюня с. г. — Вопросы, переданные особымъ совѣщаніемъ на обсужденіе мѣстныхъ комитетовъ.—Пренія въ губернскихъ земскихъ собраніяхъ саратовскомъ и курскомъ.—Разныя мнѣнія о мелкой земской единицѣ.—Пріостановка оцѣночныхъ работъ въ 12 земскихъ губерніяхъ.—Неправильный взглядъ на губернское земство.—Смѣшеніе фактовъ съ вымыслами.—Post-scriptum.

Въ № 126 „Правительственнаго Вѣстника“, отъ 11 іюня с. г., напечатанъ нижеслѣдующій Высочайшій рескриптъ, данный на имя управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія Г. Э. Зенгера:

Григорій Эдуардовичъ. Назначивъ васъ управлять министерствомъ народнаго просвѣщенія, Я возложилъ на васъ въ числѣ важнѣйшихъ обязанностей задачу разработать и представить на Мое утвержденіе чрезъ государственный совѣтъ проекты преобразованія средней школы и высшихъ учебныхъ заведеній.

Дабы при выполненіи этой работы воспользоваться тѣмъ, что Я призналъ полезнымъ въ предположеніяхъ вашихъ ближайшихъ предмѣстниковъ, Мною разрѣшено вамъ подвергнуть новому разсмотрѣнію составленные ими проекты, касающіеся средней школы. Независимо отъ сего признаю нужнымъ преподать нѣкоторыя руководительныя указанія.

Прежде всего подтверждаю Мое требованіе, чтобы въ школѣ съ образованіемъ юношества соединялись воспитаніе его въ духѣ вѣры, преданности Престолу и Отечеству и уваженія къ семьѣ, а также забота о томъ, чтобы съ умственнымъ и физическимъ развитіемъ молодежи пріучать ее съ раннихъ лѣтъ къ порядку и дисциплинѣ. Школа, изъ которой выходитъ юноша съ одними лишь курсовыми познаніями, не сродненный религіозно-нравственнымъ воспитаніемъ съ чувствомъ долга, съ дисциплиною и съ уваженіемъ къ старшимъ, не только не полезна, но часто вредна, развивая столь пагубныя для каждаго дѣла своеволіе и самомнѣніе.

Для указанной Мною цѣли слѣдуетъ немедленно позаботиться о томъ, чтобы постепенно въ столицахъ и губернскихъ городахъ были устраиваемы воспитательные пансіоны при среднихъ учебныхъ заве-

деніяхъ, строго подбирая для воспитательнаго дѣла наилучшихъ людей и отнюдь не допуская къ нему лицъ, не подготовленныхъ къ указаннымъ Мною задачамъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Я считаю необходимымъ разработку вопроса о лучшемъ матеріальномъ обезпеченіи лицъ, призванныхъ нести учебную и воспитательную службу.

Относительно устройства школы, Я желаю, чтобы она была трехъ разрядовъ: низшая съ законченнымъ курсомъ образованія, средняя школа разныхъ типовъ, также съ законченнымъ образованіемъ, и средняя съ подготовительнымъ для университета курсомъ школа.

Что касается университетовъ, то, послѣ печальнаго опыта минувшихъ лѣтъ, Я ожидаю отъ учебной администраціи и профессоровъ сердечнаго и предусмотрительнаго участія къ духовному міру ввѣренной ихъ попеченіямъ молодежи. Да помнятъ они, что во всѣхъ случаяхъ сомнѣнія, борьбы и увлеченія молодежь въ правѣ искать и находить въ своихъ руководителяхъ недостающихъ ей опыта, стойкости убѣжденій и сознанія зависимости иногда цѣлой жизни отъ одной минуты безразсуднаго увлеченія.

Родительскому сердцу Моему было отрадно узнать, что значительное большинство студентовъ, въ концѣ нынѣшняго учебнаго года, въ самостоятельномъ сознаніи своего долга, вернулось къ учебнымъ занятіямъ и къ порядку. Я хочу вѣрить, что послѣ лѣтняго отдыха и успокоеннаго обращенія къ своей совѣсти, а также подъ благотворнымъ вліяніемъ родителей и близкихъ, учащаяся молодежь внемлетъ Моему голосу, призывающему ее вмѣстѣ со всѣми Моими вѣрноподданными подъ сѣнь труда и законности.

Безпорядкамъ, позорящимъ науку и университеты, которыми въ прежнее время справедливо гордилась Россія, и губящимъ столько дорогихъ Отечеству и Мнѣ молодыхъ жизней, долженъ быть, во благо ввѣреннаго Мнѣ Богомъ народа, положенъ конецъ.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

„*НИКОЛАЙ*“.

„10-го іюня 1902 г. Петергофъ“.

Какъ мы слышали, одновременно съ появленіемъ этого важнаго акта открылись и занятія коммиссіи по временной организаціи нашихъ университетовъ и ихъ быта, подъ предсѣдательствомъ самого управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія.

Около мѣсяца тому назадъ обнародовано новое сообщеніе особаго совѣщанія о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности. Установивъ програму предстоящихъ ему работъ, совѣщаніе признало нужнымъ передать на заключеніе мѣстныхъ губернскихъ и уѣздныхъ комитетовъ *большую часть* пунктовъ этой программы. При этомъ совѣщаніе

имѣло въ виду, что „сообщеніе на мѣста не всѣхъ пунктовъ программы не можетъ въ чемъ-либо стѣснить сужденія мѣстныхъ комитетовъ, такъ какъ этимъ послѣднимъ будетъ поставленъ общій вопросъ о нуждахъ нашей сельско-хозяйственной промышленности, дающій имъ полный просторъ въ изложеніи своихъ взглядовъ". Вмѣстѣ съ тѣмъ, усмотрѣнію мѣстныхъ комитетовъ предоставлено обсуждать или всѣ сообщенные имъ пункты, или остановиться на тѣхъ изъ нихъ, которые будутъ признаны имѣющими для данной губерніи или уѣзда наиболѣе существенное значеніе. Еслибы мѣстные комитеты при этомъ нашли, что въ числѣ сообщенныхъ имъ пунктовъ программы отсутствуетъ указаніе на какой-нибудь вопросъ, отъ разрѣшенія котораго можно было бы, по мѣстнымъ условіямъ, ближе всего ожидать поднятія сельско-хозяйственной промышленности, то обстоятельство это не лишаетъ комитетъ права имѣть по такому вопросу сужденія и представлять свои соображенія.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что данное мѣстнымъ комитетамъ право не стѣсняться предѣлами сообщенныхъ имъ вопросовъ значительно увеличиваетъ ихъ свободу дѣйствій, а слѣдовательно, и шансы полноты и искренности ихъ отвѣтовъ. Намъ кажется, однако, что такое право могло бы быть предоставлено комитетамъ и при сообщеніи имъ *всѣхъ* пунктовъ программы; достаточно было бы оговорить, что они не имѣютъ исчерпывающаго характера—и эта оговорка соотвѣтствовала бы дѣйствительности, такъ какъ совѣщаніе, съ самаго начала своихъ занятій, допустило возможность постепеннаго пополненія своей программы. Зная *всѣ* вопросы, поставленные совѣщаніемъ, комитеты легче могли бы замѣтить пробѣлы и пропуски программы— и, съ другой стороны, не оставили бы безъ разработки ни одного ея пункта, близко касающагося данной мѣстности. Содержаніе программы, безъ всякихъ исключеній, сдѣлалось бы, притомъ, извѣстнымъ не только комитетамъ, но и обществу, и печати, глубоко заинтересованнымъ работами совѣщанія. Какъ бы то ни было, просторъ, предоставленный комитетамъ, и теперь довольно широкъ: остается пожелать, чтобы они воспользовались имъ въ полной мѣрѣ. Помѣшать этому могутъ, прежде всего, предсѣдатели комитетовъ. По справедливому замѣчанію „Земледѣльческой Газеты", „всякому хоть сколько-нибудь знакомому съ фактическими условіями, при которыхъ функціонируетъ большинство нашихъ губернскихъ, нерѣдко на словахъ только коллегіальныхъ учрежденій, извѣстно, до чего бываетъ иногда значителенъ гнетъ слишкомъ субъективнаго или, точнѣе, слишкомъ властнаго порой предсѣдателя". Изъ этой безспорной предпосылки „Земледѣльческая Газета" выводитъ не совсѣмъ правильное заключеніе: она полагаетъ, что необходимо было бы составить и обнародовать теперь

же особый наказъ комитетамъ, включивъ въ него „точный перечень вопросовъ, *не* подлежащихъ обсужденію комитетовъ"; только тогда особое совѣщаніе „могло бы располагать надлежаще полнымъ освѣщеніемъ въ мѣстныхъ комитетахъ всеглавнѣйшихъ по крайней мѣрѣ нуждъ нашей сельско-хозяйственной среды". Мы думаемъ, наоборотъ, что такой наказъ былъ бы излишнимъ и даже вреднымъ: *излишнимъ* —потому что для обезпеченія свободы сужденій въ комитетахъ совершенно достаточно простого циркуляра губернаторамъ, рекомендующаго имъ крайне сдержанное пользованіе предсѣдательскою властью; *вреднымъ*—потому что въ перечень вопросовъ, не подлежащихъ обсужденію, весьма легко могли бы быть включены и такіе, постановка которыхъ, при отсутствіи запрета, не встрѣтила бы затрудненій. Чѣмъ меньше ограниченій и стѣсненій, тѣмъ лучше, особенно въ такомъ дѣлѣ, гдѣ прежде всего необходимъ свѣтъ, какъ можно больше свѣта.

Вопросы, переданные совѣщаніемъ на обсужденіе мѣстныхъ комитетовъ, могутъ быть раздѣлены на три главныя группы—техническую, экономическую и юридическую. Къ первой относятся всѣ тѣ, гдѣ идетъ рѣчь о распространеніи и дальнѣйшемъ усовершенствованіи раціональныхъ способовъ сельско-хозяйственнаго производства и цѣлесообразныхъ пріемовъ борьбы съ бѣдствіями и неудобствами, отъ которыхъ страдаетъ наша сельско-хозяйственная промышленность; вторую группу образуютъ вопросы, касающіеся кредита, землепользованія, коопераций, торговли, отхожихъ промысловъ, разселенія и переселенія; третью—вопросы, касающіеся формальной охраны правъ. Всего бѣднѣе послѣдняя группа, всего богаче—первая, обнимающая собою четырнадцать вопросовъ (изъ 27). На неполноту второй группы, безъ сомнѣнія наиболѣе важной, совершенно правильно указываютъ „Русскія Вѣдомости", подчеркивая молчаніе программы (въ той ея части, которая сообщена мѣстнымъ комитетамъ) о средствахъ расширенія крестьянскаго землевладѣнія и крайнюю недостаточность единственнаго вопроса, затрогивающаго переселеніе („привлеченіе сельскихъ обществъ къ расходамъ по выселенію прироста ихъ населенія и по выдачѣ воспособленій выселяющимся"). Еще крупнѣе другіе пробѣлы, констатируемые московской газетой: въ числѣ вопросовъ, переданныхъ комитетамъ, вовсе нѣтъ такихъ, которые относились бы къ устройству сельскаго управленія и самоуправленія и къ податной системѣ—двумъ сторонамъ жизни, неразрывно связаннымъ съ успѣхами сельскаго хозяйства. Къ нимъ можно прибавить еще третью, также обойденную въ вопросахъ—образованіе народа, общее и спеціальное. Мы имѣли уже случай замѣтить [1]), что школа, правопорядокъ, ра-

---

[1]) См. Внутреннее обозрѣніе въ № 5 „Вѣстн. Европы" за текущій годъ.

ціональное распредѣленіе податного бремени имѣютъ „первостепенную важность“ для сельско-хозяйственной промышленности, т.-е. подходятъ подъ критерій, установленный совѣщаніемъ для опредѣленія границъ его работы.

Учрежденіе совѣщанія состоялось въ концѣ января, по окончаніи очередныхъ земскихъ сессій. Высказаться по существу задачъ, возложенныхъ на совѣщаніе, а также по вопросу о способахъ ихъ разработки, могли, поэтому, только немногія губернскія земства, въ чрезвычайныхъ своихъ собраніяхъ. Въ преніяхъ и постановленіяхъ этихъ собраній слышатся три главныя ноты: сожалѣніе о томъ, что совѣщаніе не нашло нужнымъ произвести опросъ земскихъ учрежденій—желаніе, чтобы земства были представлены въ совѣщаніи выбранными отъ нихъ лицами—и указаніе на необходимость расширить кругъ занятій совѣщанія. Первая нота звучитъ съ особенною ясностью въ докладѣ саратовской губернской земской управы. Совѣщаніе, какъ извѣстно, остановилось на мысли, что обращеніе къ земствамъ было бы излишне въ виду недавнихъ отвѣтовъ, данныхъ ими, по аналогичному поводу, вслѣдствіе приглашенія министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ. Саратовская управа напоминаетъ, что на путь экономическихъ мѣропріятій земства вступили, бо̀льшею частью, послѣ 1894-го года, т.-е. послѣ отвѣтовъ на вопросы министерства; съ тѣхъ поръ накопился богатый опытъ, систематически еще не использованный. Не всѣ земства, притомъ, отозвались, восемь лѣтъ тому назадъ, на приглашеніе министерства; саратовское земство, напримѣръ, не откликнулось на него вовсе (вѣроятно—потому, что только-что начинало тогда обращать вниманіе на экономическую сторону своей задачи). Замедленія работъ совѣщанія отъ разсмотрѣнія земскихъ представленій ожидать, какъ основательно замѣчаетъ управа, нельзя: онѣ могутъ быть изготовлены къ самому началу 1903 года, а раньше этого времени едва ли будутъ закончены занятія мѣстныхъ комитетовъ, къ организаціи которыхъ (въ началѣ іюня) еще не было приступлено. Исходя изъ этихъ соображеній, управа высказалась за передачу вопросовъ, поставленныхъ совѣщаніемъ, на обсужденіе губернскаго земскаго экономическаго совѣта, съ тѣмъ, чтобы его работа была внесена въ уѣздныя земскія собранія, а потомъ, съ ихъ отзывами, въ губернское собраніе. Вмѣстѣ съ тѣмъ управа предложила ходатайствовать о приглашеніи въ совѣщаніе представителя отъ саратовскаго губернскаго земства. Въ собраніи произошло разногласіе только относительно свойства полномочій, которыя слѣдовало бы дать выбранному земствомъ представителю. Предсѣдатель управы, графъ Олсуфьевъ, полагалъ, что роль этого представителя должна быть ограничена передачей совѣщанію составленной земствомъ, въ выше-

упомянутомъ порядкѣ, записки и словеснымъ ея разъясненіемъ, насколько оно окажется необходимымъ. Къ этому мнѣнію присоединились гласные Павловъ и графъ Уваровъ, возражая: первый—противъ безплодныхъ „теоретическихъ постановленій", второй—противъ „шумихи неумѣренныхъ притязаній". Имъ отвѣчали гласный Масленниковъ и членъ управы Юматовъ, находившіе, что представитель земства не долженъ быть „гастролеромъ", который придетъ, прочтетъ свой докладъ и тотчасъ же уйдетъ. Рѣшающее значеніе получила ссылка гласнаго Масленникова на Высочайшее повелѣніе, въ силу котораго предсѣдатель совѣщанія имѣетъ право приглашать къ участію въ его работахъ всѣхъ тѣхъ, чье мнѣніе было бы полезно выслушать. Убѣдившись въ полнѣйшей законности болѣе широкаго предложенія, собраніе *единогласно* постановило возбудить передъ министромъ финансовъ (какъ предсѣдателемъ совѣщанія) ходатайство о приглашеніи представителя саратовскаго земства, по выбору собранія, къ участію въ работахъ совѣщанія [1]).

Нѣсколько инымъ путемъ пошла курская губернская земская управа: она не только высказалась за активное участіе земства въ работахъ, поставленныхъ на очередь учрежденіемъ совѣщанія, и за приглашеніе въ его составъ выборныхъ представителей отъ земства, но и намѣтила цѣлый рядъ вопросовъ, не включенныхъ въ программу совѣщанія (или, точнѣе, въ ту часть программы, которая сообщена мѣстнымъ комитетамъ), указавъ, въ главныхъ чертахъ, и желательное ихъ разрѣшеніе. Всеобщее обученіе, подъемъ юридическаго положенія крестьянъ, измѣненіе финансовой политики—таковы главныя desiderata, намѣченныя управой. Обмѣнъ мыслей, вызванный ея докладомъ, отличался чрезвычайнымъ оживленіемъ [2]). „Въ докладѣ управы",—воскликнулъ гласный Евреиновъ (если мы не ошибаемся, уѣздный предводитель дворянства),—„безъ утайки указаны всѣ наши болячки. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ секретъ для кого-нибудь темнота и невѣжество массъ, представляющія лучшую почву для распространенія среди народа разныхъ слуховъ, глупѣйшихъ идей, разныхъ манифестовъ и подложныхъ прокламацій? Безъ культуры мы ничего не сдѣлаемъ и закрывать глаза намъ на это нечего"! Гласные, возражавшіе управѣ, настаивали преимущественно на преждевременности ея предложеній и на необходимости выслушать сначала мнѣнія уѣздныхъ земскихъ собраній. Почти вовсе, зато, не было разногласія по вопросу о томъ, слѣдуетъ ли ходатайствовать о вызовѣ въ совѣщаніе выборныхъ представителей отъ земства; за утвердительное его раз-

---

[1]) См. № 155 „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей".

[2]) См. краткое изложеніе ихъ въ № 142 „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей".

рѣшеніе высказалось огромное большинство, къ которому примкнулъ и главный противникъ управы, кн. Касаткинъ-Ростовскій. Въ остальныхъ частяхъ докладъ управы переданъ на заключеніе уѣздныхъ собраній.

Судя по преніямъ, происходившимъ въ курскомъ губ. земскомъ собраніи, въ докладѣ курской губ. земской управы шла рѣчь, между прочимъ, о мелкой земской единицѣ, какъ о средствѣ приближенія земства къ населенію. Противъ нея восстали именно тѣ гласные, которые вообще отнеслись отрицательно къ стремленію расширить программу совѣщанія. „Вспомните"—воскликнулъ одинъ изъ нихъ (г. Мухановъ)—„теперешній умственный уровень крестьянства, вспомните недавніе безпорядки въ полтавской и харьковской губерніяхъ—и вы увидите, что мелкая земская единица на дѣлѣ сведется къ устройству мѣстной колокольни". „При существующихъ условіяхъ" — замѣтилъ кн. Касаткинъ-Ростовскій — „мелкая земская единица обратится въ папскую область (!), гдѣ всѣ дѣла будетъ вершать безграмотный пономарь". Признаемся, мы никакъ не думали, чтобы безпорядки въ полтавской и харьковской губерніяхъ могли быть обращены въ аргументъ противъ мелкой земской единицы. Намъ казалось и кажется безспорнымъ, что чѣмъ ближе сойдутся между собою различные элементы сельскаго населенія, чѣмъ больше у нихъ будетъ точекъ соприкосновенія и общихъ интересовъ, тѣмъ менѣе вѣроятнымъ станетъ повтореніе такихъ колоссальныхъ недоразумѣній, какими были вызваны прискорбныя мартовскія событія. Совершенно непонятной кажется намъ, далѣе, логическая связь между этими событіями и „мѣстной колокольней". Одно дѣло—легковѣріе, заставляющее принимать за чистую монету самые неправдоподобные слухи; другое дѣло—неумѣнье отличить насущныя потребности отъ кажущихся или сравнительно маловажныхъ. Тѣ самые крестьяне, которые въ состояніи увлечься нелѣпою молвою о намѣреніяхъ и распоряженіяхъ верховной власти, вполнѣ способны къ здравому обсужденію вопросовъ, непосредственно касающихся ихъ быта, въ особенности если вмѣстѣ съ ними привлечены къ этому дѣлу и болѣе развитые ихъ сосѣди. Вѣдь и теперь, предоставленные самимъ себѣ и крайне стѣсненные въ средствахъ, крестьяне, на волостныхъ сходахъ, принимаютъ иногда вполнѣ цѣлесообразныя мѣры, устраивая или субсидируя школы, врачебные пункты, пріюты, богадельни; гдѣ же основаніе думать, что менѣе разсудительными они окажутся на всесословномъ волостномъ сходѣ? Гдѣ основаніе опасаться, что рѣшающій голосъ на такомъ сходѣ будетъ принадлежать „безграмотному пономарю" или другому „дѣятелю" ejusdem farinae? Да и всегда ли даже безграмотный пономарь былъ бы болѣе

вреденъ, чѣмъ нынѣшній волостной писарь, грамотный, но, сплошь и рядомъ, чуждый населенію?.. Чрезвычайно характерно отношеніе противниковъ мелкой земской единицы къ другому предложенію губернской управы, имѣвшему предметомъ увеличеніе числа гласныхъ отъ крестьянъ. Кн. Касаткинъ-Ростовскій увидѣлъ въ этомъ возвращеніе къ порядку, существовавшему до 1890-го года—„къ порядку, о которомъ стыдно вспомнить; вѣдь въ то время должность гласнаго отъ крестьянъ покупалась за деньги"! „Гласные отъ крестьянъ"—замѣтилъ, съ своей стороны, г. Мухановъ,—„всегда молчатъ; добиться отъ нихъ какихъ-либо опредѣленныхъ заявленій почти невозможно. Не принимая, въ сущности, участія въ заботахъ земства, они приносятъ крайне мало пользы". Итакъ, нынѣ дѣйствующій порядокъ, обращающій для гласныхъ отъ крестьянъ избраніе—въ назначеніе, систематически оставляющій ихъ въ меньшинствѣ и лишающій цѣлыя волости представительства въ земскомъ собраніи, лучше прежняго, при которомъ гласные отъ крестьянъ были дѣйствительными избранниками населенія и составляли группу, съ которой нельзя было не считаться?! Мы очень хорошо знаемъ, что избирательная система, созданная Положеніемъ 1864-го года, была далека отъ совершенства,—но все же благодаря ей крестьяне играли въ земскихъ собраніяхъ такую роль, какой трудно было ожидать отъ только-что освобожденнаго сословія. Злоупотребленія, на которыя намекаетъ кн. Касаткинъ-Ростовскій, встрѣчались крайне рѣдко уже потому, что для самихъ крестьянъ званіе гласнаго не представляло ничего особенно привлекательнаго, а лица другихъ сословій ставили свою кандидатуру на крестьянскихъ сходахъ, въ большинствѣ случаевъ, только тогда, когда пользовались заслуженною любовью населенія. Иногда, конечно, этимъ путемъ попадали въ гласные лица, преслѣдовавшія какую-нибудь мало симпатичную личную цѣль,—но гораздо чаще землевладѣльцы, избранные крестьянами, были цѣннымъ пріобрѣтеніемъ для собранія: припомнимъ хотя бы барона Н. А. Корфа, забаллотированнаго на землевладѣльческомъ съѣздѣ за слишкомъ усердное служеніе народной массѣ... Весьма возможно, что въ нѣкоторыхъ уѣздныхъ собраніяхъ—между прочимъ и въ томъ, къ которому принадлежитъ г. Мухановъ—гласные отъ крестьянъ оказываются молчаливыми и безучастными слушателями преній; но не зависитъ ли это отъ постороннихъ, внѣшнихъ причинъ—отъ давленія на избирателей, отъ включенія въ списокъ гласныхъ наиболѣе пассивныхъ и безличныхъ изъ числа избранныхъ, отъ превозмогающаго вліянія начальства, засѣдающаго рядомъ съ подчиненными? Какъ бы то ни было, несмотря на совокупность неблагопріятныхъ условій, гласные отъ крестьянъ далеко не вездѣ и не всегда остаются равнодушными къ земскому дѣлу. Не повторяя не-

давно приведенныхъ нами примѣровъ [1]), относящихся къ разнымъ концамъ Россіи (зарайскій уѣздъ—рязанской губ.; балашовскій—саратовской; угличскій — ярославской), ограничимся ссылкой на такъ-называемыя крестьянскія губерніи (вятскую и пермскую), гдѣ почти все сдѣлано крестьянскими руками, и сдѣлано во всякомъ случаѣ не хуже, чѣмъ въ центральной Россіи.

Пренія курскаго губернскаго земскаго собранія служатъ новымъ доказательствомъ тому, что противодѣйствіе мелкой земской единицѣ идетъ *преимущественно* изъ сферъ, враждебныхъ широкому развитію земскаго и всякаго другого самоуправленія. Не случайно же, въ самомъ дѣлѣ, ее такъ усердно стараются опорочить и дискредитировать „Московскія Вѣдомости", еще недавно (въ № 136) вновь провозгласившія ее „величиною чисто-*демократическою*, не соотвѣтствующею общему складу Россіи, какъ государства, исторически сложившагося на основахъ *сословнаго* строя, и какъ государства *монархическаго*" (курсивъ подлинника); не случайно московской реакціонной газетѣ вторитъ и петербургская, утверждая, что „при нынѣшнемъ порядкѣ или, вѣрнѣе, безпорядкѣ въ губернскомъ и уѣздномъ управленіи, учреждать новую административную или экономическую мелкую единицу въ уѣздѣ было бы весьма крупною ошибкою" („Гражданинъ", № 36). „Прислушиваясь къ раздающимся въ провинціи голосамъ", кн. Мещерскій усматриваетъ въ нихъ „настоятельныя указанія на нужду въ благоустроенной полиціи и въ усиленіи власти"—и почти не слышитъ „возгласовъ на счетъ необходимости мелкой земской единицы". Это весьма возможно,—но почему? Потому что редакторъ „Гражданина" „слышитъ" только то, къ чему онъ „прислушивается"—а прислушивается онъ къ однимъ лишь немногочисленнымъ и жалкимъ отголоскамъ, находимымъ его убогими воззрѣніями въ обширномъ и далеко не пассивномъ провинціальномъ мірѣ. Онъ говоритъ о „бѣдныхъ земскихъ плательщикахъ", знающихъ, „гдѣ погребена собака", т.-е. понимающихъ, что „мелкая земская единица нужна земству какъ маскированный способъ" повысить „земскіе поборы", въ обходъ закона о предѣльности земскаго обложенія. Безспорно, есть земскіе плательщики, на все смотрящіе съ точки зрѣнія личныхъ интересовъ и ревниво оберегающіе неприкосновенность своего кармана; но есть и другіе—и мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что ихъ немало,—которые, сознавая, что мелкая единица нѣсколько увеличитъ ихъ платежи, признаютъ это увеличеніе справедливымъ и, слѣдовательно, желательнымъ и цѣлесообразнымъ. Еще недавно, напримѣръ, за мелкую всесословную земскую единицу высказалась московская уѣздная зем-

---

[1]) См. Внутреннія обозрѣнія въ №№ 1 и 5 „Вѣстника Европы" за текущій годъ.

ская управа, въ подробномъ докладѣ, обсужденіе котораго отложено до очередного земскаго собранія.

По возможности безпристрастно регистрируя голоса въ пользу и противъ мелкой земской единицы, мы должны отмѣтить, что взглядъ, признающій ее *несвоевременною*—взглядъ, хорошо знакомый нашимъ читателямъ по рѣчи В. Д. Кузьмина-Караваева [1]),—нашелъ еще сторонника въ газетѣ „Донская Рѣчь". „Если въ настоящее время,—читаемъ мы здѣсь,—даже при устарѣломъ сословномъ управленіи, крестьяне болѣе или менѣе самостоятельно разрѣшаютъ свои дѣла-дѣлишки, то съ учрежденіемъ мелкой единицы или при другомъ опытѣ сближенія сословій они должны будутъ отказаться отъ этой самостоятельности въ пользу другихъ сословій и классовъ деревенскаго населенія". На самомъ дѣлѣ нѣчто похожее на самостоятельность можно найти теперь лишь на сельскихъ и селенныхъ сходахъ, которые остались бы неприкосновенными и при существованіи мелкой земской единицы. Она упразднила бы только волостные сходы, на которыхъ гораздо больше обдѣлывается „дѣлишекъ", чѣмъ разрѣшается „дѣлъ", и самостоятельность которыхъ существенно ограничена властью старшины и вліяніемъ писаря, не говоря уже о возможномъ давленіи сверху. Аргументація „Донской Рѣчи" была бы понятна, еслибы крестьянское волостное самоуправленіе существовало не только на словахъ, еслибы крестьянская волость жила полною жизнью, еслибы ея выборные исполнительные органы не были, прежде всего и больше всего, низшими присутственными мѣстами. Отъ того, что̀ нѣсколько десятилѣтій тому назадъ было или могло быть реальнымъ, теперь уцѣлѣла только декорація, паденіе которой прошло бы совершенно безслѣдно... Другой доводъ „Донской Рѣчи" заключается въ томъ, что земствомъ сдѣлано еще не все, отъ него зависящее, и что въ эту сторону, а не въ сторону мелкой земской единицы, и должно быть направлено его вниманіе. Безспорно, задачи земства далеко не исчерпаны—но нѣтъ, быть можетъ, ни одной изъ нихъ, исполненіе которой не было бы облегчено устройствомъ мелкой земской единицы. Работать, въ предоставленной ему сферѣ, земство и не перестаетъ—и успѣху этой его работы ходатайства, касающіяся мелкой единицы, повредить никакимъ образомъ не могутъ. Въ противоположность „Донской Рѣчи", за своевременность устройства мелкой земской единицы высказалось другое провинціальное періодическое изданіе—„Вѣстникъ Новгородскаго Земства". Допуская, что работа „мелкихъ земствъ" была бы такъ же „пестра", такъ же разнообразна, какъ и работа существующихъ земскихъ собраній, не ожидая отъ

---

[1]) См. № 4 „Вѣстника Европы" за текущій годъ.

новой организаціи ничего грандіознаго, признавая, наоборотъ, что пожеланія ея сторонниковъ отличаются большою скромностью, „Вѣстникъ" находитъ, что даже скромный успѣхъ въ этой области способствовалъ бы созданію почвы, „на которой только и можетъ созрѣть самодѣятельность духа".

Какую долю налогового бремени составляютъ для крестьянъ мірскіе расходы и какая часть этихъ расходовъ идетъ на цѣли, не заключающія въ себѣ ничего спеціально крестьянскаго—это слишкомъ хорошо извѣстно; но для правильной оцѣнки той роли, которую они играютъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ, необходимо имѣть въ виду еще одно обстоятельство, выясняемое, между прочимъ, недавнимъ изслѣдованіемъ уфимскаго губернскаго земства. Съ введеніемъ земскихъ начальниковъ размѣръ мірскихъ расходовъ опредѣляется не однимъ міромъ. Не иниціативѣ міра слѣдуетъ приписать быстрое увеличеніе затратъ на постройку общественныхъ зданій (главнымъ образомъ, волостныхъ правленій), въ уфимской губерніи въ теченіе двадцати лѣтъ (1881—1901) выросшихъ почти втрое (съ 15½ тыс. въ годъ до 41 тыс.). Расходы на волостную администрацію за тотъ же періодъ времени увеличились слишкомъ вдвое, хотя новыхъ волостей открыто только десять (прежде волостей было 171, теперь ихъ 181). Въ связи съ этимъ *уменьшились* мірскіе расходы на народное образованіе и на медицину. Не менѣе поразительны цифры, установленныя недавно херсонской уѣздной земской управой. Изъ общей суммы волостныхъ сборовъ (около 80 тыс. руб.) на нужды собственно крестьянъ (а именно на религіозныя потребности, народное образованіе, медицину, хлѣбозапасные магазины, сельско-хозяйственную часть, путевыя деньги присяжнымъ засѣдателямъ и земскимъ гласнымъ, благотворительность) тратится менѣе *семи* тысячъ рублей (около 8¾%); но расходы на образованіе и медицину несутъ главнымъ образомъ двѣ волости, населенныя колонистами, а въ бюджетахъ остальныхъ 36 волостей перечисленные выше сословные расходы составляютъ не болѣе 3,6%! Радикальный способъ устраненія этой явной несообразности управа видитъ только одинъ—устройство мелкой земской единицы, самоуправляющейся и самооблагающейся; въ качествѣ паллiативныхъ мѣръ она предлагаетъ назначеніе изъ земскихъ средствъ субсидіи волостямъ, наиболѣе обремененнымъ волостными сборами, и ходатайство о предоставленіи земству права принять на себя, не стѣсняясь максимальной нормой обложенія, всѣ волостные расходы земскаго и общесословнаго характера. Отдавая полную справедливость добрымъ намѣреніямъ управы, мы должны замѣтить, что пока *установленіе* волостныхъ расходовъ производится помимо земства, до тѣхъ поръ едва ли возможно принимать ихъ, вполнѣ или отчасти, на земскій счетъ:

между ними, какъ видно изъ только-что приведенныхъ нами свѣдѣній по уфимской губерніи, слишкомъ легко могутъ оказаться такіе, которыхъ волость, предоставленная самой себѣ, ни въ какомъ случаѣ на себя бы не наложила. Въ области самоуправленія участіе въ покрытіи расходовъ непремѣнно предполагаетъ участіе въ ихъ назначеніи... Какъ бы то ни было, готовность херсонскаго земства теперь же придти на помощь волостямъ нельзя не признать однимъ изъ самыхъ краснорѣчивыхъ доводовъ въ пользу устройства мелкой земской единицы.

Высочайшимъ повелѣніемъ, состоявшимся по всеподданнѣйшему докладу министра внутреннихъ дѣлъ, прекращено, въ текущемъ году, собираніе статистическихъ свѣдѣній о земельныхъ имуществахъ въ двѣнадцати земскихъ губерніяхъ (бессарабской, екатеринославской, казанской, курской, орловской, пензенской, полтавской, самарской, симбирской, тульской, харьковской и черниговской), а въ остальныхъ двадцати-двухъ примѣненіе этой мѣры къ отдѣльнымъ сельскимъ мѣстностямъ предоставлено усмотрѣнію губернаторовъ. Въ докладѣ министра объяснено, что работы по переоцѣнкѣ недвижимыхъ имуществъ, предпринятыя на основаніи закона 8-го іюня 1893 года, идутъ не вполнѣ успѣшно, и разсчитывать на скорое завершеніе ихъ не представляется возможнымъ. Въ главныхъ чертахъ дѣло переоцѣнки слагается изъ трехъ послѣдовательныхъ работъ: 1) собиранія и разработки оцѣночно-статистическаго матеріала, 2) установленія общихъ основаній оцѣнки и 3) примѣненія оцѣночныхъ нормъ къ отдѣльнымъ имуществамъ, которыя, въ свою очередь, распадаются на: а) имущества земельныя, б) городскія и в) фабрики, заводы и торгово-промышленныя заведенія. Третьей стадіи, т.-е. примѣненія оцѣнокъ къ отдѣльнымъ имуществамъ, оцѣночныя работы достигли только въ саратовской и нижегородской губерніяхъ, и то не въ отношеніи всѣхъ подлежащихъ обложенію недвижимыхъ имуществъ, а только одного изъ разрядовъ послѣднихъ— именно городскихъ имуществъ въ саратовской губерніи и земельныхъ въ нижегородской. Въ періодѣ установленія общихъ основаній оцѣнки по всѣмъ видамъ недвижимыхъ имуществъ работы находятся въ губерніяхъ уфимской, московской и отчасти костромской и рязанской, въ большинствѣ же губерній работы не вышли изъ періода собиранія и разработки оцѣночно-статистическихъ матеріаловъ. Недостаточно успѣшная дѣятельность земскихъ учрежденій по оцѣночнымъ работамъ объясняется въ докладѣ главнѣйше тѣмъ, что они слишкомъ расширили поставленную имъ задачу. Многія земства, не ограничиваясь собираніемъ свѣдѣній, указанныхъ въ законѣ и въ инструкціи министерства финансовъ, задались цѣлью произвести, черезъ спеціальныхъ оцѣнщиковъ, сложное

оцѣночно-экономическое обслѣдованіе всѣхъ недвижимыхъ имуществъ. Другая причина, препятствующая успѣшному ходу дѣла, кроется въ неудовлетворительномъ составѣ лицъ, привлекаемыхъ къ работѣ. Лица эти бóльшею частью недостаточно подготовлены къ предстоящимъ имъ обязанностямъ и, въ лучшихъ случаяхъ, имѣютъ только теоретическую подготовку, но незнакомы съ практическими требованіями оцѣночнаго дѣла. Вслѣдствіе сего работа этихъ лицъ оказывалась нерѣдко не вполнѣ удовлетворительною, а въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, какъ напримѣръ въ казанской, черниговской и тамбовской, губернскія оцѣночныя коммиссіи и земскія учрежденія вынуждены были даже вовсе отказаться отъ пользованія свѣдѣніями, доставленными статистиками, и признали необходимымъ произвести всѣ работы вновь. Кромѣ того, въ виду большого спроса въ настоящее время на статистиковъ, послѣдніе стремятся занять въ земскомъ хозяйствѣ вполнѣ самостоятельное положеніе и весьма часто вступаютъ въ совершенно неумѣстныя столкновенія съ земскими управами. Подобныя столкновенія, принимавшія въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ характеръ стачекъ и распространявшіяся одновременно на нѣсколько губерній, очевидно, не могли не отразиться неблагопріятно на успѣхѣ работъ. При такихъ условіяхъ естественно возникли опасенія за производительное употребленіе ассигнованныхъ земствами на оцѣночныя работы средствъ, а равно и отпускаемаго на этотъ предметъ по закону 18 января 1899 года казеннаго пособія, выданнаго въ размѣрѣ болѣе трехъ милліоновъ рублей; съ тѣмъ вмѣстѣ выяснилась также и невозможность скораго завершенія переоцѣнокъ, съ которыми, согласно закону 12 іюня 1900 года, связано установленіе предѣльной нормы обложенія земскими сборами недвижимыхъ имуществъ. Въ виду сего предмѣстникъ В. К. фонъ-Плеве, остановившись на мысли изъять оцѣночное дѣло изъ вѣдѣнія земства, приступилъ, совмѣстно съ министромъ финансовъ, къ обсужденію вопроса о возложеніи этого дѣла всецѣло на административныя учрежденія. По сложности своей мѣра эта требуетъ еще обширныхъ соображеній, и потому осуществленіе ея можетъ и не послѣдовать въ ближайшемъ времени. Между тѣмъ, за послѣдніе годы обнаружилась и другая отрицательная сторона земскихъ оцѣночныхъ работъ. Для собиранія необходимыхъ статистическихъ свѣдѣній земскія учрежденія должны были подобрать постоянный личный составъ, пополняемый въ лѣтніе мѣсяцы временными сотрудниками, нерѣдко далеко не безупречными въ политическомъ отношеніи (въ трехъ губерніяхъ такихъ сотрудниковъ было больше 50, а въ полтавской губерніи—594). Преградить неблагонадежнымъ лицамъ доступъ къ занятію статистическими работами не всегда представляется возможнымъ, такъ какъ нѣкоторыя земства, по спѣшности

дѣла, допускали статистиковъ къ работамъ до полученія разрѣшенія губернатора. Такая обстановка дѣла давно уже обращала на себя вниманіе министерства; но ни указанія губернаторамъ, ни надзоръ полиціи, ни разнообразныя справки объ отдѣльныхъ лицахъ не въ состояніи были, однако, въ достаточной степени оградить населеніе отъ вреднаго въ политическомъ отношеніи вліянія нѣкоторыхъ изъ числа подобныхъ лицъ. Постоянное, особенно при обслѣдованіи земельныхъ имуществъ, общеніе съ крестьянами даетъ неблагонадежнымъ людямъ широкое поле для противоправительственной пропаганды, бороться съ которой, при слабости полицейскаго надзора въ селеніяхъ, представляется крайне затруднительнымъ. Послѣднія событія въ полтавской и харьковской губерніяхъ съ очевидностью выяснили необходимость немедленно положить предѣлъ вредному вліянію, которое оказывали на сельское населеніе нѣкоторые изъ земскихъ статистиковъ. При этомъ не можетъ, конечно, подлежать сомнѣнію, что предстоящія въ указанномъ направленіи мѣры, какъ преслѣдующія интересы государственнаго порядка, должны быть осуществлены во всякомъ случаѣ, хотя бы отъ сего еще болѣе замедлились оцѣночныя работы. Отсюда необходимость принятія, впредь до разрѣшенія общаго вопроса о переустройствѣ оцѣночнаго дѣла, такой мѣры, которая устранила бы нежелательныя явленія существующаго порядка земскихъ статистическихъ обслѣдованій. При распространеніи ея только на сельскія мѣстности (и притомъ не всѣ), движеніе работъ ею пріостановлено не будетъ; и въ настоящее время многія земства допускаютъ обращеніе всего состава статистиковъ сначала на городскія, а затѣмъ уже на земельныя имущества. Прекратить въ текущемъ году собираніе свѣдѣній объ этой послѣдней категоріи имуществъ признано нужнымъ въ той полосѣ Россіи, населеніе которой живетъ исключительно земледѣльческимъ трудомъ и, будучи лишено постороннихъ заработковъ, особенно страдаетъ отъ неурожаевъ.

Главнымъ поводомъ къ принятію мѣры, пріостановившей на время и отчасти теченіе оцѣночныхъ работъ, послужили, какъ видно изъ вышеизложеннаго, соображенія политическаго характера, лежащія внѣ кругозора періодической печати. Мы остановимся, поэтому, только на той части всеподданнѣйшаго доклада, которая даетъ поводъ ожидать коренной перемѣны въ постановкѣ оцѣночнаго дѣла, т.-е. возложенія его всецѣло на административныя учрежденія. Съ перваго взгляда можетъ показаться, что она предрѣшена тѣми же обстоятельствами, которыми вызвана частная, временная пріостановка оцѣночныхъ работъ; но болѣе внимательное разсмотрѣніе вопроса приводитъ къ другому заключенію. Порядокъ приглашенія на земскую службу—все равно, постоянную или временную — представляетъ, говоря вообще, тѣ же

гарантій, какъ и порядокъ опредѣленія на государственную службу. Никто не можетъ приступить къ работѣ для земства, не будучи допущенъ къ тому губернаторомъ, собирающимъ, конечно, о каждомъ представленномъ ему кандидатѣ всѣ тѣ свѣдѣнія, какія требуются и при назначеніи не служившаго раньше лица на административную должность. Отдѣльныя, случайныя нарушенія этого правила не свидѣтельствуютъ еще о его недостаточности; нужно только поставить дѣло такъ, чтобы они болѣе не повторялись. Нелегко, правда, удостовѣриться въ благонадежности нѣсколькихъ десятковъ лицъ, одновременно представляемыхъ къ утвержденію. Одно изъ двухъ, однако: или приглашеніе сразу цѣлой массы временныхъ работниковъ необходимо для успѣшнаго хода дѣла, — въ такомъ случаѣ его не избѣжитъ и администрація, причемъ рискъ ошибки останется тотъ же; или безъ него можно обойтись, — въ такомъ случаѣ ничто не мѣшаетъ установить максимальное число временныхъ приглашеній, дальше котораго не должно идти земство въ началѣ каждаго періода усиленной статистической работы. Что это возможно — лучшимъ доказательствомъ тому служитъ громадная разница въ образѣ дѣйствій различныхъ земствъ: если орловское земство, напримѣръ, ограничилось приглашеніемъ двадцати-двухъ временныхъ сотрудниковъ, то трудно допустить, что полтавскому земству необходимо было довести ихъ число до колоссальной цифры 594! Оно хотѣло, очевидно, сразу сдѣлать громадный шагъ впередъ,—но такая усиленная торопливость едва ли была неизбѣжна, и подчиниться мѣрѣ, которою установлялся бы болѣе умѣренный темпъ работы, полтавскому земству было бы не трудно. Охраненіе безопасности и порядка не требуетъ, слѣдовательно, передачи оцѣночныхъ работъ изъ вѣдѣнія земства въ вѣдѣніе административныхъ учрежденій.

Кромѣ доводовъ политическаго свойства, цѣлесообразность изъятія оцѣночныхъ работъ изъ рукъ земства мотивируется медленнымъ и неуспѣшнымъ ихъ производствомъ. Нельзя, однако, упускать изъ виду, что направленіе оцѣночныхъ работъ никогда не зависѣло всецѣло отъ земства. Средоточіемъ ихъ постоянно служила губернская оцѣночная коммиссія, сначала, по закону 8 іюня 1893-го года, состоявшая подъ предсѣдательствомъ губ. предводителя дворянства, потомъ, по закону 18 января 1899-го года—подъ предсѣдательствомъ губернатора (и прежде утверждавшаго главныя постановленія коммиссіи). Въ средѣ губернской коммиссіи должностныя лица имѣли и имѣютъ численный перевѣсъ надъ представителями земства; то же самое слѣдуетъ сказать и объ уѣздныхъ оцѣночныхъ коммиссіяхъ. На комъ лежитъ отвѣтственность за медленность оцѣночныхъ дѣйствій (тамъ, гдѣ она дѣйствительно была допущена)—на земскихъ управахъ или

на оцѣночныхъ коммиссіяхъ,—это вопросъ по меньшей мѣрѣ спорный. Если нѣкоторыя земства соединяли съ оцѣнкой собраніе другихъ статистическихъ свѣдѣній, то это было, говоря вообще, скорѣе экономіей труда, чѣмъ безплодной его затратой. Всего больше времени и расходовъ требуютъ разъѣзды статистиковъ и пребываніе ихъ на мѣстахъ изслѣдованія; отсюда естественно возникала мысль о возможно полной утилизаціи ихъ работы. Если соединеніе различныхъ задачъ признается неудобнымъ, ничто не мѣшаетъ, впрочемъ, устранить его на будущее время, принявъ за правило, что оцѣночныя работы не должны быть усложняемы никакими другими. Что касается до неподготовленности работниковъ, то, при значительномъ числѣ такъ-называемыхъ временныхъ сотрудниковъ, между ними не могъ не оказаться извѣстный процентъ людей мало знающихъ или неумѣлыхъ; весь вопросъ въ томъ, меньше ли былъ бы этотъ процентъ, еслибы оцѣночныя работы были ведены административными учрежденіями? Въ этомъ позволительно усомниться. Ни въ одномъ изъ административныхъ вѣдомствъ не было произведено, въ послѣдніе годы, такой массы разнородныхъ статистическихъ работъ, какая исполнена и исполняется земствомъ. Найти, въ короткое время, достаточный контингентъ опытныхъ статистиковъ для администраціи, поэтому, было бы еще труднѣе, чѣмъ для земства. Что административное руководство не составляетъ, само по себѣ, гарантіи успѣха—это доказываетъ съ достаточною ясностью разработка данныхъ всенародной переписи 1897-го года, медленность и неудовлетворительность которой много разъ выставлялась на видъ въ ученыхъ обществахъ и въ печати... Весьма прискорбно, наконецъ, что съ періодомъ производства оцѣночныхъ работъ совпалъ, въ нѣсколькихъ губерніяхъ, разладъ между управами и земскими статистиками; но это явленіе случайное, имѣющее, каждый разъ, свои особыя причины, безъ подробнаго разсмотрѣнія которыхъ нельзя ни установить степень отвѣтственности той или другой стороны, ни опредѣлить вѣроятность новыхъ столкновеній. Въ черниговской губерніи, напримѣръ, крушеніе оцѣночныхъ работъ произошло, по заключенію экспертовъ (въ составъ которыхъ входилъ, вмѣстѣ съ лучшими нашими статистиками—Н. Ѳ. Анненскимъ, Н. А. Каблуковымъ, Ѳ. А. Щербиной—и представитель министерства финансовъ), вслѣдствіе неудачнаго выбора руководителя. „Вина, казалось бы, всецѣло земская,—пишетъ, по этому поводу, одинъ изъ экспертовъ, А. В. Пѣшехоновъ (въ № 84 „Русскихъ Вѣдомостей“),—„такъ какъ выборъ завѣдующаго работами зависѣлъ отъ губернской управы. Необходимо, однако, замѣтить, что этотъ вопросъ былъ разрѣшенъ земствомъ не сразу и не безъ затрудненій. Статистики, къ которымъ обращалась управа, или оказались лишенными возможности служить земству, или не соглашались принять на себя завѣды-

ваніе, въ виду тѣхъ узкихъ рамокъ, въ которыхъ рѣшено было вести оцѣночное изслѣдованіе". Выбранный наконецъ завѣдующій, совершенно чуждый земской статистикѣ, создалъ „оригинальные и почти неслыханные дотолѣ въ земской практикѣ пріемы веденія дѣла. Онъ ввелъ, напримѣръ, штрафную систему по отношенію къ сотрудникамъ, требовалъ отъ нихъ присяги на вѣрность ему, завѣдующему, въ видѣ особой отбиравшейся отъ нихъ подписки; во главу статистическихъ инструкцій онъ положилъ правило, что *послушаніе, это скромное, но драгоцѣнное качество, важнѣе понятливости*". Что дѣло обстоитъ не ладно, это скоро замѣтили земскіе дѣятели; немалую услугу оказали въ этомъ отношеніи и газеты. „Не легко, однако, было поколебать положеніе завѣдующаго, успѣвшаго заручиться поддержкой въ такихъ сферахъ, въ которыхъ земская статистика крайне рѣдко встрѣчала къ себѣ сочувствіе. Чтобы реорганизовать дѣло, понадобилось сзывать со всей Россіи экспертовъ. Экспертиза была предпринята по почину земской статистической коммиссіи и по постановленію губернскаго земскаго собранія". Еще до прибытія экспертовъ завѣдующій подалъ въ отставку. Эксперты „пробыли въ Черниговѣ недѣлю и успѣли за это время убѣдиться, съ какимъ интересомъ и любовью мѣстные земскіе дѣятели относятся къ своему дѣлу". „Ни мы отъ нихъ,—говоритъ г. Пѣшехоновъ,—„ни они отъ себя не скрывали допущенныхъ ошибокъ. Ошибки были, но въ насъ не осталось и тѣни сомнѣнія, что если не встрѣтится непреодолимыхъ внѣшнихъ препятствій, эти ошибки не повторятся, и дѣло будетъ выведено на надлежащую дорогу. Мы уѣхали изъ Чернигова съ чувствомъ полнаго нравственнаго удовлетворенія. Обмѣниваясь въ дорогѣ впечатлѣніями, мы говорили другъ другу: какъ хорошо, что земство не совсѣмъ еще устранено отъ оцѣночно-статистическаго дѣла! Внѣ гласности, свойственной земскому дѣлу, и внѣ контроля общественнаго мнѣнія, черниговское бюро, вѣроятно, еще долгіе годы занималось бы культивированіемъ послушанія и цифровымъ сочинительствомъ". Освѣщенный такимъ образомъ, черниговскій инцидентъ представляется весьма характернымъ. Ошибки могутъ встрѣтиться вездѣ—но не вездѣ одинаково легко и одинаково вѣроятно ихъ исправленіе... Припомнимъ, наконецъ, что первая сколько-нибудь правильная постановка оцѣночнаго дѣла, давшая возможность пріурочить къ земскимъ оцѣнкамъ взысканіе государственнаго поземельнаго налога, создана земствомъ, не имѣвшимъ при этомъ никакихъ точекъ опоры въ законодательствѣ. Когда вышелъ въ свѣтъ законъ 8-го іюня 1893-го года, оффиціальный органъ министерства финансовъ не затруднился признать, что въ области земскаго обложенія земство, „несмотря на трудность веденія безъ всякихъ законодательныхъ указаній столь сложнаго дѣла, *достигло, въ общемъ, удо-*

влетворительныхъ результатовъ". Прошедшее, такимъ образомъ, служитъ ручательствомъ за будущее и говоритъ противъ новаго ограниченія круга дѣйствій земскихъ учрежденій.

Оригинальный взглядъ на причины неудовлетворительнаго хода оцѣночныхъ работъ высказало „Новое Время" (№ 9431). Оно находитъ корень зла въ той преобладающей роли, которая создана земскимъ Положеніемъ 1890-го года и послѣдующими постановленіями для губернскихъ земскихъ управъ. „На нихъ возложено исключительное распоряженіе дѣлами и дорожнымъ, и страховымъ, и оцѣночнымъ"; волей-неволей губернское земство „прибираетъ къ своимъ рукамъ и народное образованіе, и медицинско-санитарную часть" и вообще подчиняетъ себѣ уѣздныя управы—а такъ какъ „вѣдать всѣмъ сложнымъ хозяйствомъ на громадной территоріи возможно только при посредствѣ письменныхъ сношеній и множества всевозможныхъ дѣлопроизводителей и бюро, то въ результатѣ въ земствахъ и развивается губительный бюрократизмъ. Живое дѣло исчезаетъ, смѣняясь письменными справками, докладами, предписаніями и т. п. И чѣмъ энергичнѣе властвуютъ предсѣдатели губернскихъ земскихъ управъ, тѣмъ бездѣятельнѣе уѣздные земскіе органы, тѣмъ поспѣшнѣе удаляются отъ земскаго дѣла всѣ мѣстные дѣятели, и сотрудниками властныхъ предсѣдателей губернскихъ управъ являются уже не выборные люди, а служащіе по особому приглашенію, иными словами—по найму. Штаты канцелярій разныхъ бюро быстро увеличиваются, тяжесть содержанія ихъ усиливается, а самое земское дѣло замираетъ". Отмѣтимъ, прежде всего, фактическія ошибки, допущенныя газетой. Страховое дѣло находилось въ рукахъ губернскаго земства и при дѣйствіи положенія 1864-го года. Дорожнымъ дѣломъ губернское земство распоряжается вовсе не исключительно. Въ вѣдѣніи уѣздныхъ земствъ по прежнему состоятъ уѣздныя земскія дороги, на которыя расходуются изъ уѣздныхъ земскихъ сборовъ по меньшей мѣрѣ тѣ же суммы, что и прежде. Дорожный капиталъ, созданный закономъ 1895-го года, ввѣренъ, правда, губернскому земству, но оно, въ большинствѣ случаевъ, распредѣляетъ его между уѣздами пропорціонально ихъ взносамъ и, предоставляя уѣздамъ производство работъ, ограничивается общимъ наблюденіемъ, отнюдь не стѣсняющимъ самодѣятельность уѣздныхъ управъ и собраній. Оцѣночное дѣло, въ первыхъ своихъ фазисахъ, сосредоточено, съ 1899-го года, въ губернскихъ управахъ; но почему? Потому что, какъ показалъ опытъ, оно шло всего лучше именно тамъ, гдѣ его съ самаго начала объединяло въ своихъ рукахъ губернское земство. Что̀, далѣе, беретъ на себя обыкновенно губернское земство въ области народнаго образованія и медицины? *Помощь* уѣзднымъ земствамъ, скорѣе расширяющую, чѣмъ съуживающую ихъ сферу дѣй-

ствій. Благодаря субсидіямъ, которыя губернское земство назначаетъ вновь открываемымъ начальнымъ школамъ, число послѣднихъ быстро растетъ,—а непосредственное завѣдываніе ими остается всецѣло за уѣздными земствами. Благодаря субсидіямъ на постройку заразныхъ бараковъ и другихъ больничныхъ зданій, увеличивается число мѣстъ, гдѣ населеніе уѣзда получаетъ правильно организованную медицинскую помощь,—но губернское земство не вмѣшивается ни въ назначеніе медицинскаго персонала, служащаго въ субсидируемыхъ больницахъ, ни въ внутреннее ихъ хозяйство. Вполнѣ губернскими можно считать—кромѣ учительскихъ школъ и центральныхъ больницъ, устройство которыхъ губернское земство, ни съ чьей стороны не встрѣчая возраженій, взяло на себя съ самыхъ первыхъ лѣтъ своего существованія,—только междууѣздные пріемные покои, учреждаемые близъ границы двухъ или нѣсколькихъ уѣздовъ; но если они и состоятъ въ завѣдываніи губернскаго земства, то самое открытіе ихъ почти всегда является результатомъ соглашенія между губерніей и заинтересованными уѣздами. Въ формѣ субсидій губернское земство способствуетъ, бòльшею частью, и развитію въ уѣздахъ агрономической организаціи, не навязывая уѣзднымъ земствамъ своихъ рѣшеній ни при опредѣленіи уѣздныхъ агрономовъ, ни при регулированіи ихъ дѣятельности. При такомъ отношеніи губернскаго земства къ уѣзднымъ не можетъ быть и рѣчи ни о начальствованіи перваго и подчиненности послѣднихъ, ни объ усиленіи „земскаго бюрократизма“. Увеличеніе числа служащихъ въ земствѣ по найму—естественный и неизбѣжный результатъ расширенія и усложненія земской работы. Нельзя вести разросшееся дорожное дѣло безъ инженеровъ, санитарное—безъ врачей, сельско-хозяйственное—безъ агрономовъ. Потребность, возникающая сама собою, чувствуется не только губернскими земствами, но и уѣздными: и они, въ послѣднее время, все чаще и чаще обращаются къ услугамъ техниковъ, спеціалистовъ. Земское дѣло отъ этого не „замираетъ“; если въ немъ слишкомъ часто чувствуется что-то неладное, если, мѣстами, рѣдѣютъ ряды старыхъ земскихъ дѣятелей, то причину этому слѣдуетъ искать отнюдь не въ всевластіи губернскихъ управъ и не въ разлагающемъ вліяніи „третьяго элемента“. Быть можетъ, есть губерніи, въ которыхъ управа—или ея предсѣдатель—стремится играть роль, идущую въ разрѣзъ съ нормами земской жизни; но это, во всякомъ случаѣ, исключенія, а не общее правило—да едва ли, притомъ, подобныя стремленія могутъ быть настойчивы и продолжительны. Земскому дѣятелю, смѣшавшему земскую управу съ присутственнымъ мѣстомъ и усвоившему себѣ девизъ: „не разсуждать, повиноваться“, неминуемо придется убѣдиться въ томъ, что въ земской

сферѣ этотъ девизъ неумѣстенъ, и перемѣнить тактику—или перейти на другую дорогу.

Авторъ статьи, появившейся въ „Новомъ Времени", не принадлежитъ, очевидно, къ числу принципіальныхъ противниковъ земскаго самоуправленія. Его сближаетъ съ ними неправильный взглядъ на значеніе и назначеніе губернскаго земства—но его не веселитъ перспектива новаго ограниченія земскихъ правъ и земскихъ функцій. Другое дѣло—реакціонная печать: оба органа ея—и московскій, и петербургскій—не помнятъ себя отъ радости и спѣшатъ забѣжать впередъ, выставляя рѣшеннымъ то, что̀ пока не выходитъ еще изъ области предположеній. Менѣе всего, по обыкновенію, они церемонятся при этомъ съ истиной. Вотъ, напримѣръ, образчикъ измышленій „Московскихъ Вѣдомостей" (№ 155): „щедрое ассигнованіе правительства на оцѣночныя работы усугубило безучастное отношеніе многихъ земцевъ къ статистикѣ; вѣдь тратимъ мы на нее не свое, а чужое—разсуждали они,—такъ о чемъ же и хлопотать". Въ избыткѣ усердія газета забыла только одно: что по окончаніи оцѣночныхъ работъ сумма, ассигнованная на нихъ правительствомъ, должна, на основаніи закона 18 января 1899-го года, остаться въ распоряженіи земствъ, т.-е. войти въ составъ текущихъ земскихъ доходовъ. Отсюда ясно, что эта ассигновка не только не могла „усугубить безучастіе земства къ оцѣночнымъ работамъ", но, наоборотъ, должна была возбудить въ немъ желаніе ускорить, по возможности, ходъ оцѣночнаго дѣла. Совершенно произвольно, затѣмъ, увѣреніе, что „въ основѣ всѣхъ земскихъ оцѣночныхъ работъ давно уже сквозитъ тенденція уменьшать доходность крестьянскихъ и преувеличивать доходность частно-владѣльческихъ земель". На эту тенденцію нѣтъ ни малѣйшаго указанія въ докладѣ министра внутреннихъ дѣлъ, да и обнаружиться она могла бы только въ періодѣ установленія общихъ основаній оцѣнки, въ который оцѣночныя работы почти нигдѣ еще не вступили... Еще дальше идетъ „Гражданинъ" (№ 43), уклоняясь отъ правды даже въ передачѣ содержанія правительственной мѣры: онъ говоритъ объ *упраздненіи*, въ двѣнадцати губерніяхъ, *статистическихъ работъ*, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ въ этихъ губерніяхъ прекращено только, въ *текущемъ году*, *собираніе* статистическихъ свѣдѣній о *земельныхъ* имуществахъ. „Жизнь и опытъ"—продолжаетъ кн. Мещерскій,—„доказали необходимость отмѣнить неудавшееся предпріятіе—и оно отмѣнено". Что̀ будетъ впослѣдствіи—это неизвѣстно ни намъ, ни редактору „Гражданина"; но пока ничего не *отмѣнено*, а только кое-что *пріостановлено*. Мы знаемъ, что всѣмъ, что̀ неблагопріятно для земства, всегда готова восхищаться реакціонная печать,—но какъ бы горячъ ни былъ восторгъ, онъ не даетъ права—замѣнять факты вымыслами.

P. S. Дополнимъ сказанное нами выше объ особомъ совѣщаніи и о мелкой земской единицѣ двумя интересными фактами. Саратовскій губернаторъ А. П. Энгельгардтъ, возвратясь изъ Петербурга, выразилъ намѣреніе привлечь къ участію въ работахъ мѣстнаго губернскаго комитета всѣхъ безъ исключенія земскихъ гласныхъ, не только губернскихъ, но и уѣздныхъ. Когда ему указали, что губернское земское собраніе уже приняло мѣры къ широкой разработкѣ поставленныхъ совѣщаніемъ вопросовъ, онъ отвѣтилъ, что ожидаетъ лучшихъ результатовъ отъ совмѣстной работы всѣхъ земскихъ людей съ губернскимъ комитетомъ. Работа, по его словамъ, слишкомъ сложна и важна, и было бы нераціонально дробить наши силы, тѣмъ болѣе, что, пользуясь разрѣшеніемъ совѣщанія, онъ намѣренъ выйти изъ той программы, которая назначена совѣщаніемъ для губернскихъ и уѣздныхъ комитетовъ. Быть можетъ, въ саратовской губерніи, по мѣстнымъ условіямъ, соединенная работа земства и комитета не встрѣтитъ особыхъ затрудненій и окажется плодотворной; но, какъ общее правило, она не можетъ быть признана желательной, въ виду обычнаго различія точекъ зрѣнія земской и административной.

Курская уѣздная земская управа представила земскому собранію докладъ о мелкой земской единицѣ, въ которомъ признала устройство ея несвоевременнымъ въ виду малокультурности массы сельскаго населенія. Экономическій совѣтъ пришелъ, наоборотъ, къ заключенію, благопріятному для мелкой земской единицы. Аналогичное мнѣніе было высказано и во время преній. Предсѣдатель собранія предложилъ признать введеніе мелкой земской единицы *принципіально желательнымъ* и поручить экономическому совѣту подробную разработку этого вопроса, съ чѣмъ собраніе и согласилось. Итакъ, вотъ еще одинъ земскій голосъ въ пользу мелкой земской единицы.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 іюля 1902.

Конецъ южно-африканской войны.—Печальные итоги.—Содержаніе и характеръ мирныхъ условій.—Отсроченная коронація Эдуарда VII.—Политическія дѣла во Франціи.—Польскій вопросъ въ прусскомъ сеймѣ.

Окончаніе войны въ южной Африкѣ сдѣлалось совершившимся фактомъ: 31 мая (нов. ст.) бурскіе делегаты и лорды Китченеръ и Мильнеръ подписали въ Преторіи мирныя условія, которыми прекращается существованіе двухъ республикъ—Оранжевой и Южно-африканской. Это счастливое для англичанъ событіе не имѣло однако того характера, какой желали придать ему односторонніе британскіе патріоты. Буры не были покорены силою оружія, а подчинились добровольно, послѣ ряда блестящихъ военныхъ дѣлъ, связанныхъ съ именами Девета и Деларея и доказывавшихъ какъ нельзя яснѣе фактическую способность бурскихъ отрядовъ къ дальнѣйшему сопротивленію. Они не сдались непріятелю какъ побѣжденные, а заключили миръ, послѣ продолжительныхъ совѣщаній и переговоровъ, за ходомъ которыхъ англичане слѣдили съ болѣе напряженнымъ вниманіемъ, чѣмъ сами соотечественники и сторонники бурскихъ вождей.

Первымъ толчкомъ къ возбужденію мирныхъ переговоровъ было сообщеніе оффиціальнымъ представителямъ обѣихъ республикъ, Шалькъ-Бургеру и Штейну, дипломатической переписки съ голландскимъ правительствомъ по поводу предложеннаго послѣднимъ посредничества, причемъ лондонскій кабинетъ выразилъ готовность предоставить начальникамъ бурскихъ войскъ войти въ непосредственныя сношенія съ мѣстнымъ британскимъ главнокомандующимъ для достиженія желаннаго мира, безъ всякаго участія бурскихъ делегатовъ, находящихся въ Европѣ. На этомъ основаніи вице-президентъ Трансвааля, Шалькъ-Бургеръ, съ разрѣшенія лорда Китченера, отправился черезъ мѣстности, занятыя англійскими войсками, для свиданія съ президентомъ Оранжевой республики, Штейномъ, и другими оффиціальными лицами изъ среды буровъ; свиданіе состоялось въ Клерксдорпѣ, куда явились также генералы Бота, Деветъ и Деларей. Результатомъ этого предварительнаго совѣщанія было рѣшеніе собраться въ Преторіи и выслушать возможныя предложенія британскаго „высшаго коммиссара" или губернатора, лорда Мильнера, и главнокомандующаго Китченера.

Съѣздъ въ Преторіи окончился 18 апрѣля постановленіемъ созвать уполномоченныхъ отъ всѣхъ бурскихъ отрядовъ въ какой-нибудь нейтральный пунктъ, для обсужденія вопроса о мирѣ. Въ половинѣ мая съѣхалось около 160 делегатовъ въ мѣстечкѣ Ференигингъ (Vereeniging—„Соединеніе"), на британской территоріи, въ колоніи Наталь; это импровизированное военно-народное собраніе должно было окончательно рѣшить участь обѣихъ злополучныхъ республикъ. Оживленныя совѣщанія происходили большею частью подъ открытымъ небомъ; черезъ нѣсколько дней назначены были спеціальные уполномоченные, въ числѣ шести человѣкъ, со включеніемъ Девета и Деларея, для поѣздки въ Преторію, гдѣ ихъ ожидали уже лорды Мильнеръ и Китченеръ. Получивъ точный текстъ мирныхъ условій и не добившись никакихъ уступокъ, уполномоченные вернулись въ Ференигингъ и предложили проектъ договора на усмотрѣніе собранія. Послѣ долгихъ размышленій и споровъ делегаты примирились съ неизбѣжностью и дали свое согласіе на подписаніе рокового документа. Уполномоченные вновь прибыли въ Преторію, куда былъ вызванъ по телеграфу и лордъ Мильнеръ. Изъ членовъ бывшихъ республиканскихъ правительствъ не участвовалъ въ подписаніи акта одинъ только Штейнъ, отсутствовавшій по болѣзни.

Два дня спустя, вслѣдъ за бурскими уполномоченными, явился передъ собраніемъ въ Ференигингѣ лордъ Китченеръ и произнесъ краткую рѣчь. „Еслибы я былъ однимъ изъ васъ,—сказалъ онъ между прочимъ,—я гордился бы тѣмъ, что̀ вы совершили". Они потерпѣли неудачу только благодаря подавляющему численному превосходству противника, и въ этомъ нѣтъ для нихъ ничего унизительнаго. Онъ поздравилъ ихъ затѣмъ какъ „гражданъ великой британской имперіи" и выразилъ пожеланіе, чтобы они способствовали благосостоянію страны въ томъ же духѣ примиренія, въ какомъ будетъ неуклонно дѣйствовать британское правительство. Одинъ изъ бурскихъ делегатовъ отвѣтилъ, что съ ихъ стороны не будетъ недостатка въ доброй волѣ и въ искренности. Программа сдачи оружія и обезпеченія продовольствія бюргеровъ на первое время также потребовала нѣкоторыхъ объясненій, послѣ чего члены собранія приготовились къ отъѣзду. Въ прощальномъ письмѣ къ трансваальцамъ, Шалькъ-Бургеръ и Луи Бота благодарили ихъ за „героическія жертвы въ борьбѣ за свободу и право", увѣщевая ихъ въ будущемъ „заботиться о духовныхъ и соціальныхъ интересахъ своей національности и сохранять спокойствіе и миръ при новомъ правительствѣ, которому они должны оказывать такое же повиновеніе и уваженіе, какъ и старому".

Буры приняли свое новое положеніе британскихъ подданныхъ съ замѣчательнымъ прямодушіемъ. Они воевали съ беспримѣрнымъ само-

отверженіемъ, чтобы отстоять свою независимость; но, разъ убѣдившись въ невозможности побѣдить британскую имперію или заставить ея правительство измѣнить свои требованія, они пришли къ сознанію, что имъ суждено отказаться отъ завѣтовъ прошлаго и пойти на встрѣчу новому будущему. Какъ люди глубоко религіозные, они усмотрѣли въ печальной развязкѣ борьбы непререкаемую волю Провидѣнія, которой слѣдуетъ подчиниться безропотно и чистосердечно, безъ всякой задней мысли. Этимъ господствующимъ настроеніемъ буровъ объясняется весь поразительно быстрый ходъ повсемѣстной сдачи бурскихъ отрядовъ британскимъ военнымъ властямъ, подъ дѣятельнымъ руководствомъ вождей. Шалькъ-Бургеръ, обращаясь къ собравшимся бурамъ въ Питермарицбургѣ, просилъ ихъ „забыть и простить прошлое, искренно присоединиться къ новому правительству и работать для блага своего народа подъ славнымъ и свободнымъ британскимъ флагомъ, чтобы современемъ залечить раны, причиненныя войною". Продолженіе борьбы было бы безполезно; оно „могло привести только къ дальнѣйшимъ бѣдствіямъ и къ полной гибели буровъ". Одинъ изъ популярнѣйшихъ героевъ только-что прекратившейся войны, настоящій „рыцарь безъ страха и упрека", генералъ Деветъ неутомимо объѣзжалъ бурскіе лагери, убѣждая всѣхъ положить оружіе безъ замедленія. Въ концентраціонномъ лагерѣ при Винбургѣ онъ въ трогательныхъ словахъ превозносилъ заслуги бурскихъ женщинъ, стойкость которыхъ сдѣлала возможнымъ столь продолжительное веденіе кампаніи со стороны бургеровъ. „Бургеры—говорилъ онъ далѣе—находятся теперь подъ властью новаго правительства, и это правительство—британское. Я подчиняюсь теперь этому правительству, противъ котораго боролся до тѣхъ поръ, пока не исчезла всякая надежда на успѣхъ. Какъ ни горько это было намъ, но необходимо было положить оружіе, и я предлагаю вамъ быть вѣрными нашему новому правительству. Быть можетъ, вамъ тяжело слышать изъ моихъ устъ заявленіе, что мы имѣемъ новое правительство, но такъ рѣшилъ Богъ, и мы были принуждены отречься отъ нашего дѣла, которое защищали и поддерживали въ теченіе двухъ лѣтъ и восьми мѣсяцевъ. Нынѣ Богъ повелѣваетъ намъ, какъ христіанскому народу, быть вѣрными нашему новому правительству. Намъ остается подчиниться волѣ Божіей, и я прошу васъ служить добросовѣстно новому правительству вмѣстѣ со мною и съ другими бургерами".

Подъ вліяніемъ подобныхъ идей, всеобщее подчиненіе буровъ совершилось въ такой короткій срокъ и въ такомъ образцовомъ порядкѣ, что англичане были просто озадачены. Въ половинѣ іюня сложная операція сдачи бурскихъ „командъ" на всемъ пространствѣ Трансвааля, Оранжевой республики и прилегающихъ мѣстностей Капской колоніи объяв-

лена была законченною. Всего сдалось 17.740 вооруженныхъ буровъ, въ томъ числѣ трансваальскихъ—11.225, оранжевыхъ—5.395 и капскихъ—1.120. Англійскіе патріоты истолковывали эту поспѣшность добровольнаго разоруженія буровъ, какъ доказательство ихъ радостной готовности вступить въ число гражданъ великой и могущественной имперіи, которой неисчерпаемыя средства и силы стали имъ извѣстны и понятны будто бы только въ послѣднее время. Англичане въ свою очередь считали долгомъ восхвалять драгоцѣнныя качества и добродѣтели своихъ недавнихъ враговъ, обѣщая бурамъ самый сочувственный пріемъ въ ихъ новомъ британскомъ отечествѣ. Лордъ Китченеръ послалъ генераламъ Ботѣ, Деларею и Девету благодарственную телеграмму за энергію и тактъ, съ какими они содѣйствовали его коммиссарамъ въ исполненіи ихъ трудной задачи. „Я признаю,—пишетъ онъ бурскимъ вождямъ,—что преимущественно благодаря вашимъ совѣтамъ бургеры повсюду обнаружили лойяльный духъ по отношенію къ совершившейся перемѣнѣ правительства, и я могу сообщить вамъ, что образъ дѣйствій бургеровъ въ этомъ случаѣ доставилъ большое удовольствіе его величеству королю и возбудилъ глубокій интересъ въ британскомъ народѣ, который сердечно желаетъ поскорѣе привѣтствовать ихъ какъ согражданъ. Я питаю увѣренность, что въ южной Африкѣ начинается нынѣ новая эра полнаго примиренія между всѣми расами“.

Эти изліянія добрыхъ человѣческихъ чувствъ являются довольно неожиданными со стороны руководителя упорной безчеловѣчной борьбы, опустошившей значительную часть южной Африки и доведшей геройскую бурскую народность до совершеннаго изнеможенія. Почти все мужское населеніе Трансвааля и Оранжевой республики, не исключая стариковъ и подростковъ, находилось подъ ружьемъ въ открытомъ полѣ; прежнія жилища буровъ были большею частью сожжены, имущества и хлѣбные запасы захвачены англичанами, а женщины и дѣти согнаны въ концентраціонные лагери, гдѣ тысячи маленькихъ человѣческихъ существъ умирали отъ непривычныхъ лишеній и отъ развившихся эпидемическихъ болѣзней. Война велась съ несомнѣнною жестокостью и имѣла какъ будто цѣлью истребленіе буровъ. Сколько ихъ погибло на войнѣ—въ точности неизвѣстно. Въ плѣну содержалось къ началу мая всего 25.555 человѣкъ,—въ томъ числѣ въ Индіи—8.484, на островѣ св. Елены—5.679, на Цейлонѣ—4.939, на Бермудѣ—4.543, въ Капской колоніи—1.055 и въ Наталѣ—855 бургеровъ. Между плѣнными было больше тысячи человѣкъ въ возрастѣ свыше 60 лѣтъ и 783 мальчика моложе 16 лѣтъ. Какъ извѣстно, буры съ своей стороны отпускали на волю всѣхъ плѣнныхъ англичанъ, которыхъ имъ часто случалось забирать цѣлыми отрядами; и

при этихъ отпускахъ они никогда даже не возбуждали вопроса о соотвѣтственномъ освобожденіи плѣнныхъ бургеровъ, что̀ было особенно удивительно при захватѣ и отпускѣ на свободу лорда Метуэна. Буры какъ будто давали англичанамъ наглядные уроки человѣчности и великодушія; они дѣйствовали по-своему, придерживаясь своей первобытной христіанской морали, и предоставляли противникамъ нести отвѣтственность за грубыя нарушенія не только общечеловѣческой справедливости, но и спеціально-военнаго права. Можно сказать, что бурскій народъ не существовалъ во время войны,—существовали только разрозненные отряды воюющихъ буровъ, британскіе концентраціонные лагери съ бурскими женщинами, дѣтьми и инвалидами, и наконецъ плѣнные буры въ разныхъ мѣстахъ британскихъ владѣній. Чтобы сломить сопротивленіе той части буровъ, которая оставалась подъ ружьемъ, Англія употребляла такія колоссальныя усилія, какихъ могла потребовать отъ нея только большая европейская война. Великобританія, при помощи своихъ колоній, выставила въ поле противъ буровъ, общимъ счетомъ, не менѣе трехсотъ тысячъ человѣкъ, которыхъ надо было снарядить и отправить за океанъ и потомъ снабжать всѣмъ необходимымъ на разстояніи шести или семи тысячъ миль отъ англійскихъ береговъ. Изъ этой массы дѣйствующихъ британскихъ войскъ погибло въ битвахъ и отъ болѣзней 20.870 солдатъ и 1.072 офицера; отослано было въ разное время на родину, по инвалидности, 72.314 солдатъ и 3.116 офицеровъ, изъ которыхъ большинство, однако, поправилось и впослѣдствіи вновь вступило въ ряды южно-африканской арміи. Чрезвычайные военные расходы за время съ октября 1899 года превысили двѣсти милліоновъ фунтовъ стерлинговъ или, по-нашему, два милліарда рублей, и эти грандіозныя затраты нисколько не поколебали общаго финансоваго положенія страны: англійскіе консоли никогда не падали ниже 91, хотя они приносятъ только $2^1/_2$%. Тѣмъ не менѣе и могучіе британскіе финансы имѣютъ свой предѣлъ; они являются теперь въ такой мѣрѣ обремененными, что для поддержанія бюджетнаго равновѣсія приходится вводить весьма непопулярные налоги, въ родѣ хлѣбныхъ пошлинъ. Англія выходитъ изъ войны ослабленною во всѣхъ отношеніяхъ, хотя патріоты и восторгаются увеличеннымъ будто бы „престижемъ“ имперіи и новымъ расширеніемъ ея колоніальныхъ владѣній. Фактически Трансвааль и Оранжевая республика рано или поздно перешли бы подъ власть англичанъ просто потому, что наиболѣе предпріимчивая и энергическая часть населенія этихъ странъ состояла изъ британскихъ подданныхъ и постоянно пополнялась новыми англійскими поселенцами; въ Трансваалѣ британскій элементъ достигъ уже численнаго превосходства надъ голландскимъ или бурскимъ, а предоставле-

ніе этимъ поселенцамъ или „уйтлендерамъ" (т.-е. иностранцамъ) избирательныхъ правъ было только вопросомъ времени. Еслибы не набѣгъ Джемсона и позднѣйшія политическія придирки Чемберлена, Трансвааль никогда не сталъ бы вооружаться для защиты отъ британскихъ посягательствъ, и постепенное подчиненіе его англійскому господству достигнуто было бы мирными путями, безъ всякихъ насилій. При нѣкоторомъ дипломатическомъ искусствѣ и терпѣніи легко было избѣгнуть формальнаго разрыва и послѣ того, какъ отношенія уже обострились; для этого требовалось только простое человѣческое вниманіе къ чувствамъ противника,—то именно вниманіе, которое теперь выражается въ запоздалыхъ похвалахъ лорда Китченера и его единомышленниковъ. Тяжелая южно-африканская война не только не вызывалась никакою необходимостью, но была искусственно навязана обѣимъ сторонамъ закулисными интригами немногихъ мѣстныхъ дѣльцовъ, съ Сесилемъ Родсомъ во главѣ,—интригами, къ которымъ въ Лондонѣ не умѣли или не желали отнестись подобающимъ образомъ. Несомнѣнно также, что война не была бы предпринята, еслибы обѣ стороны имѣли лучшія свѣдѣнія о качествахъ, средствахъ и рессурсахъ противниковъ. Теперь же, потерявъ цвѣтъ своей арміи и своего офицерства и истративъ около двухъ милліардовъ рублей, Великобританія получаетъ въ свое распоряженіе обширныя опустошенныя земли, на которыя придется еще израсходовать десятки милліоновъ въ ближайшемъ будущемъ. Достигнувъ такого результата, она начинаетъ отдавать справедливость нравственнымъ достоинствамъ злосчастныхъ буровъ и этимъ косвенно осуждаетъ свою собственную политику, приведшую къ безцѣльному разгрому мирнаго и непритязательнаго земледѣльческаго народа.

Въ силу соглашенія, подписаннаго въ Преторіи 31 мая, бургеры бывшихъ республикъ не лишаются своихъ прежнихъ правъ, ни личныхъ, ни имущественныхъ, и не подвергаются никакимъ преслѣдованіямъ за участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ; вмѣстѣ съ тѣмъ имъ гарантируется безусловное признаніе ихъ національной и политической полноправности. Голландскій языкъ будетъ преподаваться въ публичныхъ школахъ Трансвааля и Оранжевой колоніи, по желанію родителей, и употребленіе того же языка будетъ допущено и въ судебныхъ учрежденіяхъ. „Военное управленіе въ обѣихъ колоніяхъ въ возможно скорѣйшемъ времени уступитъ мѣсто гражданскому управленію, и какъ только позволятъ обстоятельства, будутъ введены представительныя учрежденія, на началахъ самоуправленія. Вопросъ о предоставленіи избирательныхъ правъ туземцамъ (кафрамъ) не будетъ разрѣшенъ ранѣе введенія самоуправленія. Никакія спеціальныя подати не будутъ наложены на землю для покрытія военныхъ расходовъ. Въ каждомъ

округѣ Трансвааля и Оранжевой колоніи будетъ назначена особая коммиссія, при участіи мѣстныхъ жителей. для содѣйствія возвращенію обывателей въ ихъ жилища и доставленія всего необходимаго тѣмъ лицамъ, которыя вслѣдствіе военныхъ потерь лишились крова и не могутъ сами снабдить себя продовольствіемъ, зерномъ для посѣва, запасами и орудіями, нужными для возстановленія ихъ нормальныхъ занятій. Для этихъ цѣлей правительство предоставитъ въ распоряженіе означенныхъ коммиссій сумму въ три милліона фунтовъ стерлинговъ (до 30 милліоновъ рублей). Въ дополненіе къ этому пожертвованію, правительство готово выдать дальнѣйшія суммы въ счетъ займа для тѣхъ же цѣлей, безъ уплаты процентовъ въ теченіе первыхъ двухъ лѣтъ, и затѣмъ, съ уплатою 3% въ продолженіе извѣстнаго періода". Что касается сдавшихся колонистовъ Капской колоніи, то тѣ изъ нихъ, которые не занимали прежде никакого оффиціальнаго положенія подъ властью капскаго правительства, будутъ на всю жизнь лишены избирательныхъ правъ; бывшія же должностныя лица, а также начальники отрядовъ повстанцевъ или бургеровъ будутъ судимы за государственную измѣну въ общихъ судебныхъ мѣстахъ, причемъ назначеніе смертной казни безусловно исключается.

Постановленія о капскихъ колонистахъ, присоединившихся къ бурскимъ отрядамъ, не были, конечно, включены въ текстъ соглашенія, такъ какъ дѣло шло о британскихъ подданныхъ; но предположенныя мѣры были объявлены уполномоченнымъ буровъ въ особой дополнительной деклараціи. Лишеніе избирательныхъ правъ, хотя бы и на всю жизнь, за участіе въ вооруженномъ возстаніи,—наказаніе, настолько мягкое, что буры могли вполнѣ успокоиться насчетъ судьбы остальныхъ своихъ колоніальныхъ союзниковъ, которымъ грозятъ менѣе фиктивныя судебныя кары.

Какъ бы то ни было, эти мирныя условія не имѣютъ ничего общаго съ тѣми злобными и хищными планами, которые упорно приписывались англичанамъ по отношенію къ бурамъ. Оказывается, что британское правительство не думаетъ вытѣснять буровъ изъ ихъ земель или отнимать у нихъ какія-нибудь права, а напротивъ, берется еще содѣйствовать имъ въ возстановленіи ихъ жилищъ и хозяйствъ. О какихъ-либо привилегіяхъ англичанъ въ предѣлахъ новыхъ колоній нѣтъ и рѣчи; прежніе бургеры остаются тѣми же полноправными людьми, какъ и раньше, съ тою только разницею, что изъ гражданъ Трансвааля или Оранжевой республики они превращаются въ гражданъ британской имперіи. Они сохраняютъ свое самоуправленіе и автономію въ общественныхъ дѣлахъ, получатъ законные способы воздѣйствія на мѣстное законодательство и администрацію, не будутъ ограничены въ своихъ національныхъ интересахъ и стремленіяхъ и

ни въ чемъ не будутъ зависѣть отъ произвола британскихъ властей. Они будутъ пользоваться неограниченною свободою печати, безконтрольнымъ правомъ публичнаго обсужденія всякихъ общественныхъ и государственныхъ вопросовъ, правомъ устраивать митинги и народныя собранія, учреждать школы и вообще способствовать развитію своего народа въ томъ духѣ и направленіи, какъ имъ желательно. При этихъ условіяхъ положеніе „подданныхъ короля Эдуарда VII" представляется не особенно стѣснительнымъ для буровъ, и вѣроятно они въ самомъ дѣлѣ окажутся столь же „лойяльными" въ отношеніяхъ своихъ къ метрополіи, какъ и граждане другихъ автономныхъ британскихъ владѣній въ разныхъ частяхъ свѣта.

Заключеніе мира было принято въ Англіи съ понятнымъ чувствомъ облегченія и удовлетворенія. Англичане уже столько разъ подвергались жестокимъ разочарованіямъ въ своихъ надеждахъ на скорое прекращеніе войны, что они какъ будто перестали надѣяться на благополучную мирную развязку и до конца относились скептически къ происходившимъ переговорамъ съ бурскими уполномоченными; даже во время послѣдняго фазиса этихъ переговоровъ лондонскія газеты совѣтовали не увлекаться преувеличенными ожиданіями, а „Times" чуть не прямо предсказывалъ неудачу. Тѣмъ сильнѣе была радость, когда давно желанное событіе совершилось. Между прочимъ, вопросъ о мирѣ сильно занималъ короля Эдуарда VII и его приближенныхъ, въ виду предстоявшей коронаціи. Миръ былъ безусловною необходимостью для оживленія коронаціонныхъ торжествъ и для приданія имъ извѣстнаго національнаго характера. Праздничное настроеніе могло быть дѣйствительнымъ и искреннимъ только по прекращеніи войны. Независимо отъ этого, король лично былъ всегда горячимъ приверженцемъ мира, не только по своему темпераменту, но и по идеямъ и понятіямъ, унаслѣдованнымъ отчасти отъ королевы Викторіи. Въ своемъ „посланіи", обнародованномъ въ газетахъ, онъ выражаетъ свое „безконечное удовлетвореніе" по поводу счастливаго извѣстія, а въ телеграммѣ къ лорду Мильнеру онъ пишетъ, что „болѣе чѣмъ обрадованъ" окончаніемъ военныхъ дѣйствій. Король возвелъ лорда Китченера въ званіе виконта и предложилъ парламенту назначить ему денежную награду въ размѣрѣ 50 тысячъ фунтовъ стерлинговъ (около полумилліона рублей!), что̀ и было исполнено обѣими палатами.

Общій подъемъ настроенія долженъ былъ обезпечить блестящій успѣхъ разнородныхъ и сложныхъ приготовленій къ коронаціи. Оффиціальная программа празднествъ обнимала тринадцать дней, отъ 23 іюня по 5 іюля (нов. стиля); самый обрядъ коронаціи назначенъ былъ на 26 іюня. Въ Лондонъ заблаговременно съѣхались представители различныхъ странъ и народовъ, подвластныхъ Великобританіи.

По улицамъ, гдѣ долженъ былъ прослѣдовать королевскій кортежъ 27 іюня, воздвигались трибуны; платы за мѣста и за окна вносились заранѣе, достигая иногда баснословныхъ цифръ. Какая-то манія расточительности овладѣла богатою частью населенія; аристократія слѣдовала примѣру короля, который вообще имѣетъ слабость къ пышнымъ придворнымъ церемоніямъ и къ наружному блеску. Въ самый разгаръ этихъ приготовленій разнеслась вѣсть о нездоровьѣ короля; военный смотръ въ Альдершотѣ, 15 іюня, состоялся уже въ присутствіи одной королевы. Простое нездоровье, объясняемое простудою, смѣнилось вскорѣ серьезною болѣзнью, подвергавшею опасности самую жизнь короля. Потребовалась операція, которая и удалась. Коронаціонныя празднества пришлось поневолѣ отложить на неопредѣленное время—по крайней мѣрѣ до осени. Радостное настроеніе, вызванное заключеніемъ мира, внезапно омрачилось, и во многихъ общественныхъ кружкахъ чувствуется нѣчто подобное финансовому краху послѣ неумѣренной биржевой спекуляціи. Убытки, понесенные лондонскими обывателями и массою пріѣзжихъ, по всей вѣроятности, весьма значительны; пострадали и рабочіе, занятые въ извѣстныхъ отрасляхъ производства или въ предпріятіяхъ, имѣющихъ связь съ коронаціонными приготовленіями. Недовольны и многочисленные бѣдняки, ожидавшіе даровыхъ угощеній въ разныхъ мѣстахъ страны. Обстоятельства, приведшія къ отсрочкѣ коронаціи, не зависѣли, конечно, отъ человѣческой воли и никѣмъ не могли быть предусмотрѣны; но народъ дѣлаетъ свои особые выводы и ищетъ иногда предзнаменованій для будущаго въ простомъ сцѣпленіи непріятныхъ случайностей.

- -

Французская палата депутатовъ въ новомъ составѣ открыла свои засѣданія 1 іюня и прежде всего избрала своимъ президентомъ Леона Буржуа на мѣсто Дешанеля. Этимъ выборомъ она сразу подчеркнула перемѣну въ распредѣленіи и настроеніи парламентскихъ партій. Большинство передвинулось влѣво; радикальная группа усилилась, и такой умѣренный, хотя и безусловно корректный президентъ, какъ Дешанель, не былъ уже истиннымъ выразителемъ преобладающихъ мнѣній и чувствъ новой палаты. Леонъ Буржуа, принадлежащій къ радикальной партіи, пользуется издавна большою популярностью, какъ пріятный и ловкій ораторъ, остроумный и находчивый; онъ съ успѣхомъ занималъ въ свое время высокій постъ министра-президента, и его кандидатура въ президенты палаты указывала на то, что онъ не имѣетъ въ виду вновь сдѣлаться главою кабинета, послѣ отставки Вальдека-Руссо. Преемникомъ послѣдняго оказался радикальный сенаторъ Комбъ, бывшій докладчикомъ сенатской коммиссіи по вопросу

объ ассоціаціяхъ и заявившій себя рѣшительнымъ противникомъ монашескихъ орденовъ.

Новое министерство окончательно образовалось 7 іюня; Делькассе, какъ и слѣдовало ожидать, остался министромъ иностранныхъ дѣлъ, а генералъ Андрѐ—военнымъ. Изъ новыхъ министровъ обращаетъ на себя вниманіе Камилль Пельтанъ, одинъ изъ самыхъ интересныхъ и дѣльныхъ ораторовъ крайней лѣвой; странно только, что онъ получилъ портфель морского министерства. Старый оппортунистъ Рувье, замѣшанный когда-то въ панамскомъ дѣлѣ, назначенъ министромъ финансовъ,—вѣроятно только потому, что предстоитъ принять мѣры для покрытія крупнаго дефицита въ бюджетѣ, а для такой практической задачи считается наиболѣе пригоднымъ хитроумный финансистъ-практикъ, недавно еще выработавшій проектъ преобразованія турецкой системы государственныхъ долговъ. Глава кабинета былъ до послѣдняго времени мало извѣстенъ большой публикѣ; съ половины восьмидесятыхъ годовъ онъ дѣйствуетъ въ сенатѣ, и ему будетъ трудно теперь приноровиться къ новымъ условіямъ дѣятельности въ шумной и нервной атмосферѣ палаты депутатовъ, тѣмъ болѣе, что и возрастъ его—уже довольно почтенный, 67 лѣтъ. Министерская декларація, прочитанная имъ въ засѣданіи 10 іюня, богата общими мѣстами, не выражающими ничего опредѣленнаго, и намѣчаетъ только рядъ законодательныхъ вопросовъ, давно поставленныхъ на очередь, но имѣющихъ мало шансовъ получить разрѣшеніе въ близкомъ будущемъ. Правительство обѣщаетъ соблюдать экономію въ бюджетѣ, отстаивать введеніе подоходнаго налога, сокращеніе срока обязательной военной службы до двухъ лѣтъ, выкупъ нѣкоторыхъ частныхъ желѣзныхъ дорогъ государствомъ и устройство пенсіонныхъ кассъ для рабочихъ. Нѣкоторыя изъ этихъ реформъ, какъ, напр., подоходный налогъ и страхованіе рабочихъ, переходятъ изъ одной министерской программы въ другую, какъ бы по наслѣдству; о дѣйствительномъ проведеніи ихъ въ жизнь не можетъ быть и рѣчи, когда министромъ финансовъ состоитъ Рувье. Дефицитъ въ размѣрѣ болѣе 170 милліоновъ франковъ не позволяетъ серьезно думать даже о скромныхъ реформаторскихъ проектахъ, требующихъ прежде всего новыхъ расходовъ и представляющихся притомъ необыкновенно смѣлыми большинству буржуазныхъ французскихъ радикаловъ. Французы вообще чрезвычайно консервативны въ вопросахъ экономической и соціальной практики; передовыя идеи и стремленія, признаваемыя въ теоріи, на словахъ, встрѣчаютъ неодолимыя преграды при всякой попыткѣ осуществленія, и многое изъ того, что̀ издавна утвердилось въ Германіи или Англіи, разсматривается еще, какъ опасная ересь или какъ невинная мечта во Франціи. Единственное, что̀ имѣетъ практическое значеніе въ про-

граммѣ министерства Комба, это—настойчивое указаніе на дальнѣйшую борьбу съ клерикализмомъ и въ частности съ духовными конгрегаціями; но въ этой области новый кабинетъ идетъ по проторенному пути и не предлагаетъ ничего новаго.

Выдающееся положеніе въ палатѣ депутатовъ занимаетъ нынѣ Жоресъ, одинъ изъ лучшихъ ораторовъ Франціи, признанный вождь значительной части — если не всей — крайней лѣвой. Онъ впервые рѣшился громко высказать мысль, что пора бросить безплодныя мечтанія объ Эльзасъ-Лотарингіи и отречься отъ фантастическихъ надеждъ на новую успѣшную войну, въ которую въ душѣ никто не вѣритъ. Завѣтъ Гамбетты—„всегда объ этомъ думать, но никогда не говорить"—превратился въ пустую, безсодержательную формулу, дающую однако неправильное и вредное направленіе національному патріотизму. Жоресъ напомнилъ палатѣ, что союзъ съ Россіею имѣетъ теперь совсѣмъ другой характеръ, чѣмъ предполагаемый первоначально;—это союзъ безусловно мирный, и задача его должна соотвѣтствовать тѣмъ принципамъ, которые были провозглашены Гаагскою конференціею. Франція должна откровенно стремиться къ общему разоруженію, которое сняло бы съ народныхъ массъ непосильное бремя военныхъ расходовъ и повсюду облегчило бы жизнь трудящагося населенія. Рѣчь Жореса возбудила протесты и возраженія; самъ президентъ палаты, Буржуа, счелъ долгомъ заявить, что участіе въ Гаагской конференціи не означало для Франціи отказа отъ ея завѣтныхъ правъ и интересовъ. Но рѣчь была выслушана съ единодушнымъ вниманіемъ, какое всегда выпадаетъ на долю Жореса; его смѣлый голосъ произвелъ впечатлѣніе, и, быть можетъ, необыкновенное краснорѣчіе радикальнаго депутата-соціалиста сыграетъ свою роль въ дальнѣйшей „эволюціи" французскихъ передовыхъ политическихъ партій.

Въ прусскомъ сеймѣ происходили недавно оживленныя пренія по поводу внесеннаго правительствомъ проекта объ ассигнованіи дополнительной суммы въ 250 милліоновъ марокъ „для усиленія нѣмецкаго элемента въ провинціяхъ Восточной Пруссіи и Познани". Изъ этой суммы назначается сто милліоновъ на пріобрѣтеніе имѣній для увеличенія земельнаго фонда государственныхъ имуществъ и для сохраненія лѣсныхъ участковъ, а 150 милліоновъ—на покупку земель для заселенія нѣмецкими крестьянами-хозяевами и колонистами.

Дѣло идетъ о постепенномъ вытѣсненіи польскаго землевладѣнія нѣмецкимъ при помощи государства, въ видахъ противодѣйствія враждебному преобладанію и росту польской народности въ старыхъ прусско-польскихъ провинціяхъ. Проектъ былъ внесенъ еще въ маѣ;

графъ Бюловъ произнесъ большую вступительную рѣчь, въ которой объяснилъ, что необходимо оказать отпоръ „великопольской агитаціи и великопольскимъ мечтаніямъ", направленнымъ противъ цѣлости прусскаго государства, и что правительство при этомъ вовсе не думаетъ нарушать въ чемъ-либо конституціонныя права польскихъ согражданъ. Мѣры для развитія нѣмецкаго землевладѣнія въ бывшихъ польскихъ областяхъ были установлены впервые закономъ 1886 года, при князѣ Бисмаркѣ; спеціальная коммиссія, учрежденная для покупки и заселенія земель въ указанныхъ провинціяхъ, успѣла до конца 1901 года пріобрѣсть 165 тысячъ гектаровъ земли и изъ нихъ распредѣлить около ста тысячъ гектаровъ, причемъ устроено не менѣе пяти тысячъ нѣмецкихъ крестьянскихъ хозяйствъ. Къ первоначальной суммѣ въ сто милліоновъ марокъ было вновь добавлено въ 1898 году сто милліоновъ, которые уже большею частью израсходованы, чѣмъ и мотивируется требованіе дальнѣйшихъ суммъ для той же цѣли; только задача коммиссіи расширяется присоединеніемъ еще заботы о покупкѣ лѣсовъ для вѣдомства государственныхъ имуществъ.

Пріобрѣтеніе продаваемыхъ польскихъ имѣній для устройства крестьянскихъ участковъ было бы мѣрою вполнѣ разумною и симпатичною, еслибы оно не связывалось съ непріятною узко-національною тенденціею, безъ малѣйшей къ тому надобности. Всѣ нѣмецкіе защитники закона, начиная съ графа Бюлова, разсматриваютъ этотъ законъ какъ орудіе борьбы противъ полонизма, признаваемаго по существу непріязненнымъ прусскому государству. Самъ императоръ Вильгельмъ II, въ своей рѣчи, произнесенной 5 іюня въ Маріенбургскомъ замкѣ, ясно намекнулъ на этотъ мотивъ проекта неожиданными грозными словами: „польская надменность опять задѣваетъ нѣмцевъ (вѣрнѣе нѣметчину—Deutschthum), и я вынужденъ обратиться къ своему народу для охраны его національныхъ благъ". Вильгельмъ II говоритъ здѣсь въ качествѣ прусскаго короля; „свой народъ", къ которому онъ обращается какъ король, состоитъ однако не изъ однихъ нѣмцевъ и несомнѣнно заключаетъ въ себѣ между прочимъ и прусскихъ поляковъ, какъ подданныхъ, вполнѣ равноправныхъ по закону съ нѣмецкими. Это важное обстоятельство упускаютъ изъ виду не только нѣмцы, но отчасти и сами поляки; послѣдніе слишкомъ много занимаются опроверженіемъ взводимыхъ на нихъ обвиненій, и слишкомъ часто говорятъ о себѣ именно какъ о полякахъ, вмѣсто того, чтобы выставлять себя только какъ прусскихъ подданныхъ, которыхъ никакой законъ не можетъ ставить ниже другихъ прусскихъ обывателей. Какъ прусскіе подданные, познанскіе поляки безспорно принадлежатъ къ прусскому народу и государству; противопоставлять ихъ можно только нѣмцамъ, которые, правда, господствуютъ въ Пруссіи,

но допускають существованіе пруссаковъ другихъ національностей. Польскіе депутаты въ прусскомъ сеймѣ, гг. Шуманъ, Чарлинскій, Глембоцкій и другіе, жаловались на нарушеніе конституціи, обезпечивающей имъ полную равноправность; но конституція не нарушается системою скупки и продажи земель правительствомъ для цѣлей колонизаціи,—ибо отъ самихъ поляковъ зависитъ не продавать своихъ имѣній въ постороннія руки. Правительственная коммиссія никого не заставляетъ продавать ей землю; она пріобрѣтаетъ только то, что предлагается къ продажѣ, и въ сущности громкія слова о преслѣдованіи поляковъ и вытѣсненіи ихъ изъ наслѣдственныхъ гнѣздъ основываются исключительно на патріотическихъ нѣмецкихъ воззваніяхъ и возгласахъ.

Графъ Бюловъ находитъ, что въ Пруссіи всѣ должны быть нѣмцами, и по этому поводу въ прусской палатѣ господъ одинъ изъ членовъ ея, графъ Квилецкій, пускается въ такого рода разсужденія: „Мы не можемъ вѣдь сложить съ себя національность, какъ снимаютъ верхнее платье. Правда, мы уже не образуемъ государства, и гдѣ можемъ мы имѣть точку опоры, чтобы вновь образовать государство? Развѣ на востокѣ? Тогда мы попали бы изъ огня да въ полымя". Гораздо проще было бы сказать, что мнѣніе графа Бюлова объ обязанности всѣхъ пруссаковъ быть непремѣнно нѣмцами не основано ни на какомъ законѣ и явно противорѣчитъ фактамъ, свидѣтельствующимъ о существованіи полноправныхъ пруссаковъ другихъ національностей. Вмѣсто принципіальнаго отвѣта графу Бюлову и его единомышленникамъ, графъ Квилецкій какъ будто оправдываетъ свою національность и проситъ снисхожденія къ ея злосчастному положенію; ему дѣйствительно кажется, что нельзя быть пруссакомъ, оставаясь полякомъ по національности,—хотя онъ самъ состоитъ не только прусскимъ гражданиномъ, но еще привилегированнымъ,—членомъ прусской палаты господъ, будучи въ то же время полякомъ. Удивительная путаница понятій!

Для насъ странно только одно: почему прозаическія мѣры для устройства крестьянскихъ хозяйствъ въ бывшихъ польскихъ имѣніяхъ Позвани и Восточной Пруссіи оффиціально выставляются прусскимъ правительствомъ въ видѣ какого-то ядовитаго оружія противъ польской народности въ Пруссіи? Устройство мелкаго крестьянскаго землевладѣнія тамъ, гдѣ его нѣтъ или гдѣ оно слишкомъ слабо, оправдывается настолько вѣскими народно-хозяйственными соображеніями, что примѣшивать къ нимъ раздражающіе національные мотивы не было вовсе ни повода, ни надобности. Фактически вновь организуемые крестьянскіе участки доставались бы только нѣмцамъ—по той простой причинѣ, что другихъ надежныхъ хозяевъ-крестьянъ почти не существуетъ

въ Пруссіи. Всего рѣже встрѣчаются хозяева такого типа между польскими крестьянами, и конкурренція ихъ не была бы опасна для нѣмецкихъ „бауеровъ". Польскіе землевладѣльцы и патріоты ничего не могли бы сказать противъ образованія новыхъ крестьянскихъ хозяйствъ, хотя бы и нѣмецкихъ, въ предѣлахъ Познани и Восточной Пруссіи, еслибы эти заботы объ организаціи мелкаго землевладѣнія не прикрывались грубою національною травлею. Конституція не нарушается принимаемыми мѣрами, а нарушается здравый смыслъ тою оффиціальною мотивировкою, которая имъ дается.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 іюля 1902.

— Луи де Сентъ-Обенъ. Тридцать девять портретовъ 1808—1815. Фототипическія воспроизведенія съ біографическими очерками. Изданіе Великаго князя Николая Михаиловича (1902).

Недавно мы говорили въ Литературномъ Обозрѣніи о книгѣ, изданной Его Императорскимъ Высочествомъ Великимъ Княземъ Николаемъ Михаиловичемъ и посвященной біографіямъ и портретамъ „Князей Долгорукихъ". Въ настоящее время вышло въ свѣтъ новое изданіе Его Императорскаго Высочества, заглавіе котораго мы привели. Это обширный альбомъ историческихъ портретовъ, f°, съ краткими біографіями изображенныхъ лицъ. Въ предисловіи сообщены слѣдующія свѣдѣнія о происхожденіи этого собранія.

„Съ разрѣшенія Его Императорскаго Величества Государя Императора изданы портретные рисунки Луи де Сентъ-Обена, находящіеся въ Лобановскомъ отдѣлѣ библіотеки Зимняго Дворца. Часть ихъ была уже издана въ 1813 году Вендрамини, но теперь это изданіе сдѣлалось библіографической рѣдкостью, которую можно съ трудомъ достать у заграничныхъ антикваровъ, и то не въ полномъ видѣ. Полные экземпляры изданія Вендрамини имѣются только у П. А. Ефремова, П. Я. Дашкова и въ собраніи Д. А. Ровинскаго въ Румянцевскомъ музеѣ въ Москвѣ. Поэтому я призналъ интереснымъ воспроизвести теперь всѣ рисунки Сентъ-Обена, отмѣчая звѣздочкой тѣ, которые въ свое время были гравированы Вендрамини. (Пять воспроизведены съ гравюръ Вендрамини, а именно: Барклай, Беннигсенъ, Кутузовъ, Платовъ и Ростопчинъ, такъ какъ оригиналы утеряны)...

„Всѣ портреты писаны съ натуры въ періодъ великихъ Наполеоновскихъ войнъ 1812—1815 годовъ, и многіе являются новинкой, такъ какъ никогда не были воспроизведены.—Луи де Сентъ-Обенъ принадлежалъ къ талантливой семьѣ французскихъ граверовъ XVIII

столѣтія, и приходился племянникомъ Огюстену де Сентъ-Обену, извѣстному рисовальщику и граверу, сдѣлавшему прекрасные портреты Петра I, Екатерины II и многихъ другихъ личностей и умершему въ 1807 году. Племянникъ его, Луи, появился въ Россіи въ началѣ XIX столѣтія и оказался весьма талантливымъ рисовальщикомъ. Къ сожалѣнію, мнѣ не удалось достовѣрно узнать о его послѣдующей жизни; онъ скончался еще весьма молодымъ. Покойный князь А. Б. Лобановъ-Ростовскій пріобрѣлъ оставшіеся послѣ него рисунки; но когда и гдѣ именно, тоже неизвѣстно. Я случайно нашелъ папку съ оригинальными рисунками, исполненными карандашемъ, въ Собственной Е. И. В. библіотекѣ Зимняго Дворца, куда они перешли, какъ и вся библіотека князя Лобанова. Рисунки этихъ портретовъ прекрасно сохранились; они мастерски исполнены, дышатъ правдой и сходствомъ, и Экспедиція Заготовленія Государственныхъ бумагъ воспроизвела ихъ вѣрно, отчетливо и умѣло".

Любители русской исторіи, не говоря о спеціалистахъ, а также безъ сомнѣнія и просвѣщенные художники, съ живѣйшимъ сочувствіемъ встрѣтятъ это великолѣпное изданіе, соединяющее высокій историческій и художественный интересъ. Портреты носятъ на себѣ ту печать таланта, при которой невольно предполагается и сходство. Въ альбомѣ находятся слѣдующіе портреты: имп. Александръ I, имп. Елизавета Алексѣевна, цес. Константинъ, пр. Александръ и Евгеній Виртембергскіе, пр. Георгъ Ольденбургскій и наслѣдный принцъ, пр. Оранскій, пр. Вильгельмъ Прусскій, графъ Армфельтъ, Багговутъ, кн. Багратіонъ, Барклай де-Толли, Беннигсенъ, кн. Васильчиковъ, Витгенштейнъ, кн. Воронцовъ, кн. Голицынъ, кн. Горчаковъ, Дибичъ, гр. Коновницынъ, Кульневъ, кн. Кутузовъ, Орловъ-Денисовъ, Платовъ, Ростопчинъ, Сеславинъ, Строгановъ, Тормасовъ, Чернышевъ и др.—Исполненіе прекрасное, какъ всегда въ изданіяхъ Экспедиціи Заготовленія Государственныхъ бумагъ.

Наконецъ въ предисловіи читаемъ:

„Въ недалекомъ будущемъ я предполагаю заняться изданіемъ подробнаго собранія русскихъ портретовъ и миніатюръ, начиная съ эпохи Императрицы Екатерины II до начала царствованія Императора Николая I. Трудъ этотъ будетъ изданъ на подобіе сочиненія Ровинскаго: „Подробный словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ, 1886—1889 гг.", и я прошу всѣхъ лицъ, обладающихъ миніатюрами или портретами этого времени, не отказать мнѣ присылкой возможно точныхъ съ нихъ фотографій".—А. П.

— И. П. Минаевъ. Путешествіе Марко Поло. Переводъ старо-французскаго текста. Изданіе Имп. русск. Геогр. Общ. подъ редакціей В. В. Бартольда. (Записки Имп. русск. Геогр. Общ., по отд. Этнографіи. Т. XXVI.) Спб. 1902.

Переводъ знаменитой книги Марко Поло былъ послѣднимъ трудомъ нашего извѣстнаго оріенталиста И. П. Минаева; этотъ трудъ не былъ докончень сполна: переведенъ былъ текстъ, но не было докончено составленіе примѣчаній. Совѣтъ Географическаго Общества поручилъ В. В. Бартольду напечатать трудъ Минаева, дополнивъ тѣ объяснительныя примѣчанія, какія начаты были самимъ переводчикомъ, но не были имъ доведены до конца.

Знаменитое путешествіе сдѣлано было въ концѣ XIII столѣтія. Для той поры это было нѣчто замѣчательное: было очень смѣлымъ предпріятіемъ сдѣлать путешествіе изъ Венеціи въ глубину Средней Азіи, попасть ко двору могущественнаго монгольскаго хана, и вернуться обратно. Первый опытъ путешествія сдѣланъ былъ братьями Поло, отцомъ и дядей Марко; во второе путешествіе они взяли съ собой Марко, тогда еще очень молодого человѣка. Путешествіе продолжалось годами и, безъ сомнѣнія, нужна была большая смѣтливость и большая смѣлость, чтобы отправляться въ далекіе и невѣдомые края на свой страхъ, рискуя быть ограбленными или убитыми. Путь лежалъ изъ Венеціи въ Малую Азію и оттуда на далекій сѣверовостокъ. Отецъ Марко Поло былъ купецъ и съ тѣмъ вмѣстѣ, несомнѣнно, авантюристъ. Таковъ былъ и самъ Марко, который въ своемъ путешествіи былъ уже самостоятеленъ. Крайнимъ пунктомъ, до котораго доходилъ Марко Поло, были Сѣверная Монголія, гдѣ была столица „великаго хана“, Каракорумъ (развалины его только недавно были открыты и исторически удостовѣрены экспедиціями покойнаго Н. М. Ядринцева и В. В. Радлова), и сѣверный Китай. Другимъ путемъ онъ сдѣлалъ обратную дорогу, и послѣдовательно онъ описываетъ разные видѣнные имъ царства, города и народы. Разсказъ его по средневѣковому безхитростный, но онъ старается быть обстоятельнымъ и точнымъ.

Введеніе, которымъ начинается книга Марко Поло, любопытно по литературной манерѣ эпохи: „Государи и императоры, короли, герцоги и маркизы, графы, рыцари и граждане, и всѣ, кому желательно узнать о разныхъ народахъ, о разнообразіи странъ свѣта, возьмите эту книгу и заставьте почитать ее себѣ; вы найдете тутъ необычайныя диковины и разные разсказы о Великой Арменіи, о Персіи, о Татарахъ, объ Индіи и о многихъ другихъ странахъ; все это наша книга разскажетъ ясно, по порядку, точно такъ, какъ Марко Поло, умный и благородный гражданинъ Венеціи, говорилъ о томъ, что видѣлъ

своими глазами, и о томъ, чего самъ не видѣлъ, но слышалъ отъ людей нелживыхъ и вѣрныхъ. А чтобы книга наша была правдива, истинна, безъ всякой лжи, о видѣнномъ станетъ говориться въ ней какъ о видѣнномъ, а слышанное разскажется какъ слышанное; всякій, кто эту книгу прочтетъ или выслушаетъ, повѣритъ ей, потому что все тутъ правда. И скажу вамъ еще, съ тѣхъ поръ, какъ Господь Богъ собственными руками сотворилъ праотца Адама, и донынѣ не было такого христіанина, или язычника, или татарина, или индійца, или иного какого человѣка изъ другихъ народовъ, кто разузнавалъ бы и зналъ о частяхъ міра и о великихъ диковинахъ такъ же точно, какъ Марко разузнавалъ и знаетъ. И сказалъ онъ себѣ поэтому: нехорошо, если всѣ тѣ великія диковины, что онъ самъ видѣлъ, или о которыхъ слышалъ правду, не будутъ записаны для того, чтобы и другіе люди, не видѣвшіе и не слышавшіе этого, могли научиться изъ такой книги. Скажу вамъ еще, двадцать шесть лѣтъ собиралъ онъ свѣдѣнія въ разныхъ частяхъ свѣта, и въ 1298 г. отъ Р. Х., сидя въ темницѣ, заставилъ онъ заключеннаго вмѣстѣ съ нимъ Рустикана Пизанскаго записать все это".

Свой разсказъ этотъ венеціанецъ диктовалъ однако по-французски, и этотъ старо-французскій текстъ есть первая форма или редакція путешествія Марко Поло. Впослѣдствіи онъ разсказывалъ и другія подробности своего путешествія, которыя также записывались и прибавлялись къ прежнимъ рукописямъ, и такимъ образомъ образовалось нѣсколько варіантовъ книги. Наиболѣе авторитетный изъ новѣйшихъ комментаторовъ Марко Поло, англійскій ученый Юль, объединилъ весь этотъ матеріалъ въ сборномъ текстѣ своего изданія; но Минаевъ предпочелъ положить въ основаніе своего перевода именно первый, старофранцузскій текстъ, дополняя его только въ примѣчаніяхъ варіантами изъ другихъ редакцій. Этотъ пріемъ кажется намъ совершенно правильнымъ.

На русскомъ языкѣ путешествіе Марко Поло явилось въ 1863 году въ переводѣ съ новѣйшаго нѣмецкаго перевода; потомъ въ 1873 безъ имени переводчика и безъ указанія съ какого изданія сдѣланъ переводъ. Трудъ Минаева является первымъ на русскомъ языкѣ научнымъ переводомъ книги Марко Поло съ историческими и топографическими объясненіями, которыя, конечно, необходимы, чтобы можно было разобраться въ текстѣ. Въ изданіи г. Бартольда текстъ Минаева за немногими исключеніями (напримѣръ, гдѣ приходилось печатать съ черновой рукописи) оставленъ нетронутымъ: „простота и безъискусственность первоначальной версіи переданы,—говоритъ Бартольдъ,—переводчикомъ, какъ увидятъ читатели, съ неподражаемымъ мастерствомъ". Дѣйствительно, было довольно трудной задачей передать тонъ про-

стого пріятельскаго разсказа, въ какомъ написанъ старо-французскій текстъ; требовался особый стиль и, вообще говоря, этотъ стиль проведенъ у Минаева довольно удачно, — но не скажемъ, чтобы вездѣ. Дѣло въ томъ, что брать простонародныя выраженія и слова, чтобы передавать чужія простонародныя выраженія и слова, надо съ большой осторожностью, такъ какъ элементы стиля разнородны,—можетъ получиться нѣсколько странное впечатлѣніе, когда вмѣсто венеціанскаго купца послышится русскій приказчикъ.

Изданіемъ труда Минаева Этнографическое Отдѣленіе Географическаго Общества сдѣлало очень полезный вкладъ въ историческую литературу и достойнымъ образомъ почтило память заслуженнаго русскаго ученаго.—А.

— Петръ Струве. На разныя темы (1893—1901). Сборникъ статей. Спб. 1902. Стр. 555.

Авторъ этого сборника началъ свою литературную дѣятельность сравнительно недавно — всего восемь или девять лѣтъ тому назадъ. Двѣ первыя его статьи- объ австрійскомъ крестьянствѣ—были напечатаны въ „Вѣстникѣ Европы" (1893, іюнь, и 1894, февраль); затѣмъ онъ въ 1894 году выпустилъ въ свѣтъ книжку, которая сразу доставила ему шумную извѣстность передового бойца марксизма и „экономическаго матеріализма" противъ господствовавшихъ въ нашей публицистикѣ народническихъ и прогрессивно-реформаторскихъ идей. Эта книжка („Критическія замѣтки къ вопросу объ экономическомъ развитіи Россіи"), какъ выразился одинъ изъ ея критиковъ, г. Л. Оболенскій, произвела или обнаружила „новый расколъ въ нашей интеллигенціи", но по своему содержанію и характеру свидѣтельствовала скорѣе о смѣлой самоувѣренности, чѣмъ о глубокихъ познаніяхъ и талантахъ автора. Въ позднѣйшихъ своихъ работахъ г. Струве выказалъ болѣе цѣнныя качества, которыя дѣлаютъ его весьма замѣтною и симпатичною фигурою въ нашей серьезной литературѣ. Прежде всего онъ вполнѣ индивидуаленъ въ своихъ умственныхъ интересахъ и стремленіяхъ, отличается искренностью и живою энергіею въ своихъ писаніяхъ и вообще обладаетъ темпераментомъ, невольно привлекающимъ къ нему сочувственное вниманіе публики; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ всегда вноситъ въ свои разсужденія опредѣленную теоретическую или философскую мысль,—хотя и чужую, подкрѣпляемую авторитетомъ заграничныхъ писателей, преимущественно нѣмецкихъ,—причемъ очень умѣло пользуется своею разностороннею начитанностью, чтобы заинтересовать и убѣдить читателя; наконецъ, онъ прекрасно владѣетъ всѣми обычными орудіями ловкаго полемиста и является выразителемъ

духа бодрости среди нашихъ прогрессистовъ, расположенныхъ къ унынію.

Г. Струве принадлежитъ къ числу тѣхъ искателей научно-соціальной правды, которые ищутъ ее въ готовыхъ формулахъ и теоріяхъ отдѣльныхъ авторовъ; повидимому, онъ по своей натурѣ всегда долженъ быть чьимъ-нибудь „ученикомъ“ и послѣдователемъ, хотя и съ оттѣнкомъ самостоятельности, и ему приходится часто „перерабатывать“ свои убѣжденія, подъ вліяніемъ расширяющагося знакомства съ иностранною спеціальною литературою. Со времени появленія своей первой книжки онъ успѣлъ отречься отъ существенныхъ основъ экономической доктрины Маркса, въ которую вѣровалъ безусловно, затѣмъ призывалъ „назадъ къ Лассалю“, увлекся метафизикою и до сихъ поръ еще не достигъ устойчивости въ своихъ взглядахъ и принципахъ. Эта внутренняя работа наглядно отражается въ вышедшемъ нынѣ сборникѣ, гдѣ собраны статьи, отчасти противорѣчащія одна другой. Самъ авторъ съ похвальною откровенностью сознается въ своихъ перемѣнчивыхъ увлеченіяхъ: онъ, какъ сказано въ предисловіи, „на глазахъ читателя перестраиваетъ свое міровоззрѣніе и такимъ образомъ какъ бы ведетъ борьбу съ самимъ собою“. Но онъ придаетъ этой „перестройкѣ“ такой видъ, какъ будто въ ней виноваты другіе, и заранѣе нападаетъ на противниковъ за возможное критическое отношеніе къ его принципіальнымъ противорѣчіямъ, слѣдуя въ этомъ случаѣ установившейся тактикѣ полемическаго искусства.

По словамъ г. Струве, въ 1894 году, при изданіи упомянутой выше книги, онъ „былъ въ философіи критическимъ позитивистомъ, въ соціологіи и политической экономіи — рѣшительнымъ, хотя и вовсе не правовѣрнымъ, марксистомъ. Съ тѣхъ поръ,—продолжаетъ онъ,—и позитивизмъ, и опирающійся на него марксизмъ перестали для автора быть всей истиной, перестали всецѣло опредѣлять и окрашивать его міровоззрѣніе. Ему пришлось на свой страхъ искать и вырабатывать себѣ новый строй идей. Злобствующій догматизмъ, не только опровергающій несогласно-мыслящихъ, но и производящій надъ ними морально-психологическій сыскъ, видитъ въ такой работѣ только „эпикурейское порханіе мысли“. Онъ не способенъ понять, что право критики само по себѣ есть одно изъ драгоцѣннѣйшихъ правъ живой мыслящей личности. Отъ этого права авторъ не намѣренъ отказываться, хотя бы ему и угрожало постоянно находиться подъ обвиненіемъ въ „неустойчивости“... Откровенно критикуя свои прежніе взгляды, авторъ не стыдится ихъ и не желаетъ ихъ утаивать“...

Любопытна здѣсь самая постановка вопроса, разъясняемаго авторомъ: онъ не говоритъ просто, что измѣнилъ свои идеи о позитивизмѣ и марксизмѣ или убѣдился въ ихъ несостоятельности, а заявляетъ,

что „съ тѣхъ поръ и позитивизмъ, и опирающійся на него марксизмъ перестали“ и т. д. Выходитъ какъ будто, что „съ тѣхъ поръ“ произошла какая-то перемѣна въ позитивизмѣ и марксизмѣ, а вовсе не въ личныхъ убѣжденіяхъ г. Струве. Что этотъ оборотъ рѣчи—не случайный, можно видѣть изъ дальнѣйшихъ фразъ, обвиняющихъ кого-то въ „злобствующемъ догматизмѣ“ и въ отрицаніи права критики. Право каждаго автора перерабатывать и мѣнять свои взгляды не подлежитъ никакому сомнѣнію и не нуждалось въ особой защитѣ; но если г. Струве справедливо признаетъ за собою „право критики“ по отношенію къ своимъ собственнымъ идеямъ, то почему же онъ такъ рѣзко отрицаетъ это право у другихъ? Въ полемикѣ съ писателями, примѣнявшими къ его работамъ свое „право критики“, онъ обнаруживаетъ не только неуваженіе, но и явную враждебность къ „одному изъ драгоцѣннѣйшихъ правъ живой мыслящей личности“. Пока онъ вѣрилъ въ непогрѣшимость ученія Маркса, онъ не признавалъ и „права критики“ по отношенію къ этой доктринѣ и высказывался объ ея противникахъ въ духѣ „злобствующаго догматизма“; тогда—говоритъ онъ о Марксѣ въ одномъ изъ позднѣйшихъ дополнительныхъ примѣчаній—„я лично еще принималъ ходячія положенія его экономической доктрины *безъ критики*“ (стр. 32). Между прочимъ, по поводу статей о Марксѣ, печатавшихся въ „Вѣстникѣ Европы“ и вышедшихъ позднѣе отдѣльной книгою, г. Струве прямо давалъ понять, что самостоятельное критическое отношеніе къ такому великому авторитету, какъ Марксъ, непозволительно для обыкновенныхъ смертныхъ; поэтому, не входя вовсе въ разборъ аргументаціи оппонента, онъ ограничился простымъ и совершенно голословнымъ отрицаніемъ ея, и это отрицаніе вошло цѣликомъ и въ настоящій сборникъ (стр. 63), хотя съ тѣхъ поръ самъ г. Струве призналъ за собою право относиться критически къ великому „учителю“. Онъ кстати столь же голословно обвиняетъ критика и въ „лубочномъ“ искаженіи Маркса, изображаемаго будто бы „рыжимъ уродомъ“, и дѣлаетъ далѣе шаблонную выходку противъ „Вѣстника Европы“. „Мы не увлекаемся—говоритъ онъ—девизомъ „умѣренность“, который является руководящимъ началомъ публицистической дѣятельности „Вѣстника Европы“, но полагаемъ, что даже съ точки зрѣнія этого не слишкомъ возвышеннаго и строгаго начала г. Слонимскій заслуживаетъ порицанія“. Съ своей стороны мы всегда полагали, что умѣренность въ способахъ выраженія и особенно въ пріемахъ полемики не исключаетъ полной независимости сужденій и широкаго пользованія правомъ критики даже относительно самыхъ модныхъ и авторитетныхъ теорій. Принимать „ходячія положенія“ какой-нибудь доктрины „безъ критики“, и превозносить ихъ безъ соблюденія умѣренности, — это не такая заслуга, которая давала бы

право относиться свысока къ оппонентамъ и объявлять ихъ достойными порицанія за высказываемыя ими мнѣнія.

Мы упомянули объ этомъ эпизодѣ только для характеристики одной изъ слабыхъ—и въ то же время сильныхъ съ извѣстной точки зрѣнія—сторонъ г-на П. Струве. Ему, къ сожалѣнію, свойственна нѣкоторая неразборчивость въ полемическихъ пріемахъ; онъ чрезвычайно строго судитъ о г. В. В. и другихъ представителяхъ народничества, далеко не всегда оставаясь въ предѣлахъ „права критики" и отступая слишкомъ часто отъ простой справедливости. Онъ щедро надѣляетъ, напр., г-на В. В. такими качествами, какъ лицемѣріе (стр. 31), недобросовѣстность (стр. 24, прим.), невѣжество и т. п. и вообще не щадитъ красокъ для изображенія всѣхъ „несогласно-мыслящихъ" какими-то „рыжими уродами", — т.-е. онъ явно грѣшитъ именно тѣмъ, въ чемъ неосновательно упрекаетъ другихъ. Быть можетъ, этотъ способъ полемики нравится читающей публикѣ и отчасти содѣйствуетъ успѣху автора; намъ кажется только, что публицистъ съ такими серьезными данными, какъ г. Струве, могъ бы обойтись безъ искусственнаго „оживленія" своихъ статей полемическими красотами сомнительнаго достоинства.

Приведемъ еще одинъ образчикъ полемики, касающійся также „Вѣстника Европы": въ статьѣ, озаглавленной „Моимъ критикамъ" и помѣщенной въ началѣ сборника, авторъ какъ бы мимоходомъ указываетъ на рецензію, напечатанную въ нашемъ журналѣ (1894 г., декабрь), и, не касаясь вовсе ея содержанія, цитируетъ изъ нея только одно выраженіе—„жалкая метафизическая фразеологія", послѣ чего считаетъ себя въ правѣ предаться грустнымъ размышленіямъ о „дурной привычкѣ называть метафизикою все, чего мы не понимаемъ", о „печальномъ симптомѣ философской необразованности и отсутствія серьезныхъ философскихъ интересовъ". Между тѣмъ, въ рецензіи ничего не говорилось — и не было повода говорить — о метафизикѣ, а „жалкою метафизическою фразеологіею" или „даже прямо тарабарщиною" названы туманныя мнимо-философскія разсужденія, не имѣющія никакой связи съ обсуждаемыми экономическими вопросами; изъ этихъ разсужденій приведена длинная цитата, которая затѣмъ разбирается и по существу, въ доказательство справедливости высказаннаго рѣзкаго отзыва. Г. Струве утверждаетъ, что рецензентъ усмотрѣлъ метафизику въ „фразѣ" (т.-е. въ цитатѣ, занимающей три четверти страницы), въ которой выражены мысли, ставшія достояніемъ научной философіи, а именно—отрицаніе субстанціальности души и т. п. „Что такія положенія — тарабарщина для г. С.,—заключаетъ авторъ,—въ этомъ я неповиненъ". Въ дѣйствительности, конечно, г. Струве отлично понимаетъ, что самыя вѣскія положенія о субстанціальности

души и тому подобныхъ матеріяхъ могутъ быть, во-первыхъ, облечены въ жалкую метафизическую фразеологію, и, во-вторыхъ, должны казаться лишними и неумѣстными при обсужденіи предметовъ экономической исторіи и политики,—такъ что замѣчаніе рецензента не давало вовсе матеріала для вывода о симптомахъ философской необразованности и отсутствія серьезныхъ философскихъ интересовъ. Но при помощи своего полемическаго пріема авторъ избавилъ себя отъ разбора сущности сдѣланныхъ ему возраженій, которыя понынѣ сохранили свою полную силу и даже косвенно подтверждены новѣйшею „эволюціею" самого г. Струве. Повторяемъ, какъ ни соблазнителенъ полемическій элементъ въ публицистикѣ, но и увлекаться имъ ради мнимыхъ легкихъ побѣдъ надъ противниками не слѣдуетъ.

Изъ многочисленныхъ статей, помѣщенныхъ въ сборникѣ, заслуживаютъ вниманія критическіе этюды о Чичеринѣ, о „Мужикахъ" Чехова, о Лассалѣ, о Ницше и Гауптманѣ, двѣ замѣтки о Вл. С. Соловьевѣ, статьи о „правѣ и правахъ" и объ „истинномъ націонализмѣ" а также обстоятельный отчетъ о цюрихскомъ конгрессѣ 1897 года по вопросамъ законодательной охраны рабочихъ. Статьи г-на П. Струве всегда содержательны и интересны, когда онѣ не страдаютъ излишествомъ личной полемики.—Л. С.

— С. Г. Алексѣевъ. Мѣстное самоуправленіе русскихъ крестьянъ. XVIII—XIX вв. Спб. 1902.

„Предлагаемое читателю изслѣдованіе—какъ предупреждаетъ авторъ въ коротенькомъ предисловіи—является сжатымъ конспектомъ изъ тысячи (?) томовъ законодательнаго и незаконодательнаго матеріала, ссылки на которые приведены самыя необходимѣйшія для уясненія смысла". „Центромъ изслѣдованія" послужилъ „историческій анализъ законодательной дѣятельности и правительственной практики въ отношеніи крестьянскаго самоуправленія русскихъ крестьянъ за границей (?!) и у насъ". Авторъ ограничилъ свой „анализъ" двумя вѣками —XVIII и XIX, „съ одной стороны въ виду того, что историческій анализъ того же самоуправленія до XVIII в. произведенъ профессоромъ Градовскимъ въ его сочиненіи „*Земская община*", а съ другой стороны, въ эти два вѣка проявились двѣ противоположныя государственныя системы по отношенію къ крестьянскому самоуправленію". Въ своей работѣ авторъ придерживался „строго догматическаго метода, *стараясь* выразить собственную мысль системою изложенія и *не стараясь* замѣнить факты жизни безпочвенными спекуляціями разума" (курсивъ нашъ).

Похвальное намѣреніе автора—не замѣнять фактовъ безпочвенными спекуляціями разума—нарушается однако съ первыхъ же словъ и притомъ самымъ страннымъ образомъ. Сочиненія профессора А. Д. Градовскаго подъ заглавіемъ „Земская община" вовсе не существуетъ въ дѣйствительности; никакого подобнаго сочиненія мы не находимъ и въ подробномъ „библіографическомъ указателѣ трудовъ Д. А. Градовскаго", напечатанномъ въ „Журналѣ министерства юстиціи" за 1897 годъ (мартъ). Въ другомъ мѣстѣ своей книги (стр. 99) г. С. Алексѣевъ упорно повторяетъ, что „крестьянское самоуправленіе до XVIII в. изложено въ соч. Градовскаго „Земская община",—причемъ ссылается на „Полное собраніе сочиненій, т. II. Исторія мѣстнаго управленія". Но „Исторія мѣстнаго управленія" А. Д. Градовскаго составилась изъ двухъ работъ, помѣщенныхъ раньше въ журналахъ подъ особыми заглавіями—„Государство и провинція" (въ „Русскомъ Вѣстникѣ" 1868 г.) и „Общественные классы и административное дѣленіе Россіи до Петра I" (въ „Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія" 1868 г.). Откуда же взялъ г. С. Алексѣевъ свое свѣдѣніе о сочиненіи „Земская община"? Вѣроятно, его ввело въ ошибку то обстоятельство, что въ *оглавленіи* указанной книги А. Д. Градовскаго (т. II, изд. 1899 г., стр. 490) вторая глава раздѣла „объ общественныхъ классахъ XVI и XVII вв.", трактующая о земельной или сельской общинѣ, имѣетъ подзаглавіе „земская община" (вмѣсто земельной); эта глава (стр. 201—249), тѣсно связанная съ предъидущимъ и послѣдующимъ изложеніемъ, никогда не составляла и не могла составлять отдѣльнаго сочиненія, такъ что двукратная ссылка г. С. Алексѣева оказывается лишь плодомъ... недоразумѣнія.

Первая часть „изслѣдованія" (стр. 1—42) состоитъ изъ ряда маленькихъ „очерковъ"—сначала по исторіи крестьянъ англійскихъ, французскихъ и нѣмецкихъ, затѣмъ объ устройствѣ ихъ мѣстнаго самоуправленія и отдѣльно объ „объемѣ мѣстнаго самоуправленія" тѣхъ же крестьянъ. На пяти страницахъ излагается исторія англійскихъ крестьянъ, отъ эпохи нашествія англо-саксовъ до новѣйшихъ временъ; мы узнаемъ при этомъ, что первоначально, при господствѣ родового быта, „всѣ жители занимались земледѣліемъ, всѣ были крестьяне". „Сословныхъ и классовыхъ дѣленій не было, такъ какъ не было еще государственнаго строя" (т.-е., по предположенію автора, сословныя и классовыя дѣленія появляются только съ установленіемъ опредѣленнаго государственнаго строя). „Конечно, британская семья, быть можетъ, очень довольная и счастливая въ своемъ существованіи, не могла выдержать борьбы съ воинственными англо-саксами и тѣмъ самымъ должна была отречься отъ своихъ человѣческихъ правъ и уступить таковыя побѣдителямъ". „Вотчинная власть землевладѣльцевъ

отобрала отъ крестьянъ, кромѣ матеріальныхъ средствъ, а и судъ и полицейскую расправу" (стр. 2) и т. д. Въ этомъ же родѣ написаны и остальные очерки, занимающіе также по нѣскольку страницъ. Во Франціи „національное собраніе 1789 года ст. 1 (?) уничтожило всякаго рода феодальныя права и предполагало выкупить сравнительно по высокой цѣнѣ феодальныя имѣнія (?!) въ пользу крестьянъ. Принявшее затѣмъ революціонный характеръ, французское правительство, измѣнивъ взглядъ на весь государственный строй, измѣнило политику по отношенію къ выкупной операціи. Правительство, конфисковавъ дворянскія имѣнія (имѣнія эмигрантовъ?), порѣшило этимъ весьма просто и легко многосложный вопросъ о регулированіи повинностей и проч." (стр. 8—9). Въ Пруссіи „законъ 1807 г. отмѣняетъ личное подданство" (т.-е. личную крѣпостную зависимость?) (стр. 14). Въ Англіи „король (т.-е. королевская власть) въ теченіе многихъ столѣтій ни разу не воспользовался своимъ правомъ смѣстить какого (ое) либо выборнаго (ое) лица (о) съ его должности" (стр. 22). „Вся территорія государства (во Франціи) раздѣляется на участки (paracellses) (т.-е. parcelles?) отличающіеся другъ отъ друга или по владѣнію, или по культурѣ. Муниципальный совѣтъ каждой общины и избираетъ 5 коммиссаровъ для классификаціи почвы и подводитъ парацельсы (sic!) подъ какой-нибудь классъ. Въ подведеніи участковъ подъ соотвѣтствующій классъ... принимаетъ участіе чиновникъ изъ департамента" (?) (стр. 36). „Чиновникъ изъ департамента" долженъ означать вѣроятно департаментскаго—по нашему губернскаго—податного контролера, а „парацельсы" явились вмѣсто парцеллъ—быть можетъ, тоже по недоразумѣнію.

Покончивъ съ западно-европейскими крестьянами, г. С. Алексѣевъ дѣлаетъ во второй части обзоръ исторіи русскаго крестьянства по своду законовъ, съ соотвѣтственными комментаріями, иногда довольно неожиданными. Такъ, „право государственныхъ крестьянъ уходить съ земли" открывало желающимъ изъ нихъ возможность „проявить свои силы и способности въ области городской или государственной жизни". „Но крестьяне отъ всякаго рода политическихъ занятій отвыкли... Вслѣдствіе делегированія своихъ политическихъ правъ царю, у крестьянъ исчезъ всякій интересъ къ политическимъ дѣламъ; поэтому-то мы и не видимъ множества государственныхъ дѣятелей изъ крестьянъ" (стр. 51). Какія „свои политическія права" крестьяне „делегировали" царю и почему это „делегированіе" мѣшаетъ людямъ стремиться быть „государственными дѣятелями", т.-е. слугами царя и отечества,—неизвѣстно. Далѣе, поземельнымъ устройствомъ крестьянъ законодатель „до сихъ поръ ограждалъ государство отъ того пролетаріата, который дѣлаетъ людей звѣрьми (!) на всемъ континентѣ западной Европы" (стр. 52). Выкупныя ссуды помѣщикамъ за отошедшія къ крестья-

намъ земли изображаются авторомъ въ видѣ какой-то постоянной благотворительной дѣятельности государства по отношенію къ мужику: законодатель „всегда (?) подлежащими узаконеніями помогаетъ ему пріобрѣтать кормилицу-землю, но не свыше обыкновенно 15-десятиннаго размѣра на душу, что приблизительно и выражается при подворномъ владѣніи (ст. 38 ссуды) (?!) на отдѣльнаго домохозяина не свыше 500 р.". Трудно даже понять, о чемъ здѣсь говоритъ авторъ. Г. Алексѣевъ слишкомъ часто замѣняетъ „факты жизни" какими-то невѣроятными „безпочвенными спекуляціями"—не разума, а чего-то другого. Къ разряду вольныхъ крестьянъ онъ причисляетъ, напр., „коммунистическія сельскія общества", „соціалистическія", „толстовскія" (стр. 68), отрицающія будто бы не только право частной собственности, но и „право верховной власти, право законовъ божескихъ и человѣческихъ" (стр. 94). „Члены этихъ обществъ,—если только можно считать таковое собраніе индивидуумовъ человѣческаго животнаго міра обществомъ, такъ какъ сами члены считаютъ свою совокупность не за общество, а за стадо, которое тоже въ своемъ родѣ общество,—не признаютъ ничего, ни Бога, ни царя, ни закона,—ничего, какъ животныя" (стр. 96). Въ выноскѣ указывается при этомъ на „ученіе Фохта, Молешота и др.",—изъ чего несомнѣнно видно, что авторъ не имѣетъ понятія ни объ „ученіи Фохта, Молешота и др.", ни объ упомянутыхъ имъ обществахъ „съ противозаконными убѣжденіями".

Слѣдующія затѣмъ главы—объ „устройствѣ мѣстнаго самоуправленія русскихъ крестьянъ"—наполнены безсвязными и безцѣльными выборками изъ полнаго собранія законовъ, матеріаловъ редакціонныхъ коммиссій, трудовъ коммиссіи для изслѣдованія сельскаго хозяйства и друг. „Среди всей этой массы,—заключаетъ авторъ,—такъ сказать, оффиціальнаго матеріала, трактующей о мѣстныхъ учрежденіяхъ въ ихъ отношеніяхъ къ крестьянскому самоуправленію, въ печати періодической и неперіодической появилось, да и теперь появляются, милліоны (!) статей по крестьянскому вопросу". Но „какъ оффиціальный, такъ и неоффиціальный матеріалъ не далъ намъ содержанія для построенія системы самоуправленія вообще и крестьянскаго въ частности. Критицизмъ существующихъ учрежденій, незнаніе историческаго хода ихъ развитія и безпочвенныя или, точнѣе сказать, отвлеченныя построенія организацій проектируемыхъ крестьянскихъ учрежденій составляетъ отличительную черту въ разсужденіи (іяхъ?) лицъ, трактующихъ о крестьянскомъ вопросѣ вообще и о крестьянскомъ самоуправленіи въ частности". Критицизмъ, разсужденіе и построеніе—очевидно, всегда безпочвенны и непозволительны, съ точки зрѣнія г. С. Алексѣева; а законодательный матеріалъ тоже не даетъ ему

руководящей нити. По его мнѣнію, „врядъ ли что̀ можетъ человѣкъ высказать послѣ только-что высказаннаго людьми на страницахъ десятковъ томовъ различныхъ коммиссій“ (стр. 262). При подобныхъ обстоятельствахъ не слѣдовало, конечно, браться за „изслѣдованіе“, требующее все-таки извѣстной доли разсужденія.

Дѣлая подробныя выписки изъ свода законовъ, авторъ не отличаетъ упраздненныхъ учрежденій отъ существующихъ и говоритъ о губернскихъ прокурорахъ и т. п. въ такомъ тонѣ, какъ будто они дѣйствуютъ понынѣ; старыя правила о государственныхъ крестьянахъ онъ принимаетъ за основы быта всѣхъ вообще крестьянъ. Въ заключительномъ очеркѣ общаго хода развитія крестьянства „въ исторіи русскаго государства“ высказываются иногда соображенія, которыхъ нельзя назвать иначе какъ курьезными. „Цѣлыхъ восемь вѣковъ потребовалось для того, чтобы земля послала своихъ представителей за море искать князей“ (стр. 283). Говоря о судьбахъ русской земли „въ первые восемь вѣковъ“, г. С. Алексѣевъ, кажется, думаетъ, что русская земля появилась на свѣтъ Божій въ годъ Рождества Христова. Бунты Стеньки Разина, Пугачева̀ и другихъ—„гражданскія возмущенія, вслѣдствіе юридическихъ недоразумѣній между гражданами, которыя могли быть легко разсѣяны только мировыми и общими судами“ (стр. 302). „Петръ В. своими реформами пытался уничтожить существующій строй государства и оказался совершенно безсильнымъ создать что-либо другое. Конецъ борьбы съ реформами положилъ бы царь-законодатель Николай Павловичъ, подведя итогъ всей государственной жизни въ полномъ собраніи законовъ, еслибы не чуждъ былъ самъ реформаторскаго духа, выразившагося въ изданіи массы узаконеній“ (стр. 307). Что̀ хотѣлъ здѣсь сказать авторъ—догадаться мудрено.

Въ самомъ концѣ книги удѣляется также нѣсколько строкъ оцѣнкѣ выводовъ „нашихъ ученыхъ свѣтилъ, проф. Чичерина, Сергѣевича, Романовича-Славатинскаго и др.“, послѣ чего посвящено двѣ страницы изложенію взглядовъ „иностранныхъ государствовѣдовъ“ и особенно Іеллинека. Авторъ позаботился формулировать и „общія положенія“, вытекающія будто бы изъ его „изслѣдованія“. Приведемъ только одинъ любопытный тезисъ: „современная административная опека надъ крестьянскимъ самоуправленіемъ является послѣдствіемъ ослабленія общаго полицейскаго и прокурорскаго надзора надъ всѣмъ государствомъ“ (стр. 313). Полицейскій и прокурорскій надзоръ надъ всѣмъ государствомъ! До чего можно договориться при нѣкоторой беззаботности насчетъ „отвлеченныхъ спекуляцій разума“!

Независимо отъ этихъ особенностей своего содержанія. трудъ г. С. Алексѣева поражаетъ непомѣрнымъ обиліемъ опечатокъ: между

прочимъ, иностранныя слова и названія перевраны до неузнаваемости.

Въ примѣчаніи къ тезисамъ авторъ скромно сообщаетъ читателямъ, что „сочиненіе это представлено въ одинъ изъ Императорскихъ россійскихъ университетовъ въ качествѣ диссертаціи на ученую степень магистра государственнаго права". Все возможно въ наше время!—Л.

— П. Г. Ганзенъ. Опытъ оздоровленія деревни. Съ предисловіемъ Р. И. Сементковскаго. Спб. 1902.

Подъ этимъ не совсѣмъ подходящимъ заглавіемъ г. Ганзенъ изложилъ (первоначально въ „Русск. Мысли", а затѣмъ въ отдѣльномъ изданіи) наблюденія и впечатлѣнія лицъ, завѣдывавшихъ яслями, которые были устраиваемы въ неурожайномъ 1899 г. попечительствомъ о трудовой помощи въ деревняхъ малмыжскаго уѣзда вятской губерніи. Книжка составлена на основаніи дневниковъ, которые вели лица, завѣдывавшія яслями, и состоитъ главнымъ образомъ изъ выдержекъ изъ этихъ дневниковъ. Данныя, изложенныя въ ней, касаются организаціи и хода самаго дѣла и отношенія къ нему мѣстнаго населенія. Въ книжкѣ яркими чертами рисуются затрудненія, какія приходится испытывать лицамъ, устраивающимъ что-нибудь полезное для крестьянъ, въ медвѣжьихъ углахъ, подобныхъ инородческимъ уѣздамъ вятской губерніи, а также поразительная бѣдность и невѣжество населенія. Но кромѣ этой, всѣмъ извѣстной картины, книжка г. Ганзена заключаетъ матеріалы для характеристики заброшенности крестьянъ въ отношеніи удовлетворенія ихъ повседневныхъ нуждъ и крайней разобщенности культурныхъ классовъ и народа, унаслѣдованной отъ крѣпостныхъ временъ и вполнѣ еще сохранившейся въ захолустьяхъ, несмотря на сорокъ лѣтъ „свободной" жизни крестьянства. Крестьянамъ до того необычно встрѣчать участіе къ ихъ нуждамъ извнѣ и они такъ привыкли къ тому, что вмѣшательство кого-либо въ ихъ дѣла преслѣдуетъ только цѣли эксплуатаціи, что они потеряли способность вообще понимать, чтобы „кто-нибудь— правительство или частныя лица—могли имъ дѣлать добро безъ какой-либо задней мысли" (стр. 13). Поэтому, когда вы вознамѣритесь устроить что-либо полезное для крестьянъ, то вамъ прежде всего придется бороться съ недовѣріемъ и прямымъ недоброжелательствомъ населенія, усматривающаго въ вашемъ намѣреніи какой-либо подвохъ и стремящагося проникнуть въ ваши тайные замыслы. Чего, кажется, проще и понятнѣе для деревенскаго жителя—дѣло устройства на лѣтнее время яслей для крестьянскихъ дѣтей. Въ страдное время всякій работоспособный человѣкъ находится въ

полѣ; маленькія же дѣти остаются на рукахъ нянекъ-подростковъ и выжившихъ изъ ума старухъ, а то оставляются безъ призора на улицѣ или въ избѣ, взаперти. Отъ этого дѣти не только неправильно питаются (маленькія почти лишаются груди), усиленно болѣютъ и мрутъ, подобно мухамъ, но и подвергаются разнымъ другимъ случайностямъ, а своими шалостями нерѣдко являются причиной деревенскихъ пожаровъ. Крестьяне это отлично, разумѣется, понимаютъ, и сами объясняютъ, какъ болитъ у матерей сердце за оставленныхъ дома крошекъ и какъ онѣ, работая въ полѣ, постоянно озираются на деревню—не видно ли дыма, свидѣтельствующаго о пожарѣ. А между тѣмъ, когда въ малмыжскихъ деревняхъ стали открываться ясли для пріюта дѣтей въ страдное время—первая мысль, пришедшая въ голову населенія, была: съ какой стати посороннія лица будутъ безкорыстно трудиться на нашу пользу? Наиболѣе благоразумные рѣшили, что безкорыстія здѣсь нѣтъ и что расходы даннаго дѣла будутъ впослѣдствіи взысканы съ населенія. Многіе же предполагали у устроителей прямыя злокозненныя цѣли. Магометане думали, что отданныхъ въ ясли дѣтей станутъ обращать въ христіанство; старообрядцы опасались, какъ бы ихъ не научили креститься „щепотью"; а между православными пошли слухи, что всѣхъ или избранныхъ дѣтей изъ яслей возьмутъ для какой-то надобности въ казну.

Если крестьяне отнеслись такимъ образомъ къ учрежденію, не касающемуся экономическихъ отношеній, то можно себѣ представить какое недовѣріе вызоветъ въ нихъ предложеніе облагодѣтельствовать ихъ дѣломъ, касающимся ихъ хозяйства. Г. Ганзенъ разсказываетъ объ интересномъ случаѣ попытки осушенія болота въ томъ же уѣздѣ, обѣщавшаго крестьянамъ одной деревни много выгодъ. Несмотря на то, что нѣкогда сама эта деревня пыталась осушить болото—они отказались отъ предложенія сдѣлать это на счетъ попечительства, а въ объясненіе своего отказа крестьяне объясняли, что „болота созданы Господомъ Богомъ; захочетъ—такъ сами просохнутъ, а не захочетъ—на то Его воля... Наши дѣды и отцы пили воду изъ болота и, слава Богу, прожили свой вѣкъ; и мы проживемъ по-ихнему". Эти безсмысленныя рѣчи очень огорчили молодого земскаго техника, бесѣдовавшаго съ крестьянами. „Мнѣ въ первый разъ пришлось присутствовать на сходѣ, и вынесъ я очень печальное впечатлѣніе—пишетъ онъ по этому поводу.—Видите, какъ еще наши вятскіе крестьяне мало развиты и какъ трудно имъ различать добро отъ зла!" (с. 9).

Ближайшее знакомство съ дѣломъ показало, однако, что вышеприведенныя рѣчи крестьянъ были только туманомъ, который они напускали чужимъ людямъ, и свидѣтельствовали лишь о ихъ умѣньи „когда надо, напустить на себя умышленную наивность для зама-

скированія истинныхъ причинъ тѣхъ или иныхъ своихъ поступковъ" (с. 14).

Дѣло въ томъ, что пріѣзжавшіе въ деревню „чиновники", въ томъ числѣ и земскій техникъ, останавливались въ домѣ мѣстнаго лѣсопромышленника, незаконно, по мнѣнію крестьянъ, оттягавшаго у нихъ участокъ земли. Этотъ же лѣсопромышленникъ обѣщалъ дать на осушеніе болота изъ своихъ средствъ 300 р. Комбинаціи этихъ обстоятельствъ было достаточно для того, чтобы въ сдѣланномъ имъ предложеніи осушить болото крестьяне заподозрили намѣреніе со стороны властей приготовить хорошенькій кусочекъ для присвоенія тѣмъ же лѣсопромышленникомъ. Къ этому присоединилось еще опасеніе того, что по превращеніи неудобной земли въ удобную, таковая поступитъ въ собственность казны, и крестьяне лишатся и того болота, которымъ они пользуются нынѣ и которое представляетъ для нихъ все-таки нѣкоторыя выгоды.

Рисуемое приведенными фактами недовѣріе населенія къ благожелательному къ нимъ отношенію со стороны культурныхъ людей, очень характерно для нашихъ общественныхъ порядковъ и очень обидно для нашей культуры. Въ деревнѣ есть священникъ, врачи, фельдшеръ, учителя, помѣщики, управляющіе и т. д. Но каждый изъ нихъ ограничивается своими спеціальными функціями, съ точки зрѣнія которыхъ крестьянинъ представляется рабочей силой, медицинскимъ объектомъ, требователемъ церковныхъ требъ и т. д. И никто изъ нихъ не находится съ крестьяниномъ въ отношеніяхъ простого знакомства, при которомъ онъ могъ бы оказать на него воздѣйствіе своимъ просвѣщеніемъ, знаніемъ отношеній юридическихъ, экономическихъ и т. п. и приготовить населеніе къ мысли, что внѣшній для него міръ состоитъ не только изъ эксплуататоровъ, полицейскихъ и другихъ чиновниковъ, и что этотъ міръ можетъ имѣть къ нему отношенія не только ради вымогательства въ пользу частнаго лица или казны и ради полученія жалованья за исполненіе тѣхъ или другихъ функцій, но и какъ просвѣщенная и доброжелательная къ крестьянину сила вообще. Вина такого отчужденія отъ народа падаетъ не на однихъ только лицъ чуждающихся. Всякое сношеніе внѣ службы интеллигентнаго человѣка съ крестьяниномъ, если послѣдній не кулакъ, считается у насъ подозрительнымъ и можетъ доставить много непріятностей. Неудивительно, поэтому, если пропасть между интеллигенціей и народомъ остается незаполненной, если культурный работникъ въ деревнѣ легко заподозривается крестьянами во всякихъ козняхъ, и въ дни несчастій, въ родѣ эпидемій, противъ него примѣняются такія средства, какими крестьяне расправляются съ злѣйшими своими врагами—конокрадами и т. п.—В. В.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ въ Редакцію поступили нижеслѣдующія новыя книги и брошюры.

Алексѣевъ, С. Г.—Мѣстное самоуправленіе русскихъ крестьянъ. XVIII—XIX вв. М. 902. Ц. 2 р. 50 к.

Андаевъ, Л. А.—Стихи прозаика. Прибыль поступаетъ на благотворительныя нужды о. Сахалина. Спб. 902. Ц. 50 к.

Арищенко, Григ.—Любовь. Стихотвореніе. Спб. 902. Ц. 1 р.

Беннигсенъ, гр., Э. П.—Къ вопросу о пересмотрѣ законодательства о крестьянахъ. Изъ замѣтокъ практика. Спб. 902. Ц. 1 р.

Билимовичъ, Ал. Д.—Товарное движеніе на русскихъ желѣзныхъ дорогахъ. Статистическое изслѣдованіе. Кіевъ. 902. Ц. 2 р. 50 к.

Богдановичъ, К.—Два пересѣченія главнаго Кавказскаго хребта. Съ карт., 3 табл. разрѣзовъ и 27 рис. въ текстѣ. Спб. 902.

Бунинъ, Ив.—Стихотворенія. М. 902. Ц. 1 р.

Величко, В. Л.—Владиміръ Соловьевъ. Жизнь и творенія. Съ приложеніемъ рис. И. Е. Рѣпина, портрета и факсимиле. Спб. 902. Ц. 1 р. 50 к.

Водовозова, Е.—Какъ люди на бѣломъ свѣтѣ живутъ. Турки—Албанцы. Съ 10 картин. 3-е изд. Спб. 902. Ц. 40 к.

Ганзенъ, П. Г.—Опытъ оздоровленія деревни. Съ 5 иллюстрац. и вступительною статьею Сементковскаго. Спб. 902. Ц. 75 к.

Герцль, Теодоръ. — Философскіе разсказы. Съ нѣм. Е. М. и А. К. Спб. 902. Ц. 1 р. 25 к.

Григорьевъ, К.—Бредъ жизни. Повѣсти, разсказы. Спб. 902. Ц. 80 к.

Дергмапъ, I.—Практическіе совѣты для сохраненія жизни на многія лѣта. Спб. 901. Ц. 50 к.

Друммондъ, В. Б.—Дитя, его природа и воспитаніе. Съ англ. А. Каррикъ и С. Феодоровичъ. Спб. 902. Ц. 1 р.

Дэджонъ, д-ръ, А. — Искусство долго жить. Съ англ. д-ръ А. Нѣманскій. Спб. 902. Ц. 40 к.

Жуковскій, В. А.—Сочиненія. П. р. А. Д. Алферова. Въ 2-хъ томахъ. Съ прилож. портретовъ автора и другихъ лицъ. Иллюстриров. изд. Т-ва И. Д. Сытина. М. 902. Ц. 7 р.

Забекъ, Н. А.—Методическое руководство рисованія для преподавателей народныхъ школъ и младшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній (неспеціалистовъ). Изд. В. Березовскій. Спб. 902.

Заболотскій, П. А.—Гоголь въ эпоху творчества I-го тома „М. Душъ“. Варш. 902. Ц. 35 к.

Загоровскій, А. И.—Курсъ семейнаго права. Од. 902. Ц. 3 р. 50 к.

Зеленинъ, А. В.—Гагры, новый климатическій курортъ на кавказ. берегу Чернаго моря. Истор.-географ. очеркъ. Спб. 902. Ц. 30 к.

Зотовъ, А.—Соглашеніе и третейскій судъ между предпринимателями и рабочими въ англійской крупной промышленности. Спб. 902. Ц. 2 р. 50 к.

Каменскій, И. В. — Панславизмъ, пангерманизмъ и панроманизмъ въ XX-мъ вѣкѣ. Очерки. Посвящается участникамъ Гаагской мирной конференціи. Од. 902. Ц. 40 к.

Козакъ, А. А.—Собраніе всѣхъ формулъ по алгебрѣ, геометріи и тригонометріи. Спб. 901. Ц. 25 к.

Кольцовъ, А. В.—Избранныя стихотворенія. 1809—1842. Кн. I. Для младш.

и средн. возраста. Кн. II: Для старшаго возраста. Допущ. Уч. Ком. м. нар. просв. въ ученич. библ. народныхъ училищъ. М. 902. Ц. по 5 к.

Конъ, Ф. Я.—Историческій очеркъ Минусинскаго мѣстнаго Музея, за 25 лѣтъ. (1877—1902 г.). Каз. 902.

Красильниковъ, М. П.—Платежи, недоимки и продовольственная задолженность населенія Уфимской губерніи. Уфа. 902.

Кржививцкій, Людв.—Психическія расы. Опытъ психологіи народовъ. Съ польск. Р. Крживицкая, п. р. автора. Съ 16 иллюстр. Спб. 902. Ц. 1 р. 50 к.

Крюковской (Я. Я. Гуревичъ).—Повѣсти и разсказы: Павелъ Залетный.—Богъ театра.—Бѣглый.—Діана.—Русалочка. Изд. журн. „Русская Школа". Спб. 902. Ц. 1 р.

Крыловъ, Ив. Андр. — Басни. Кн. I: для младш. возр. Кн. II: для средн. возр. Кн. III: для старш. возр. М. 902. Ц. по 5 к.

Лебазейль, Е.—Чудеса полярнаго міра. Перев. Е. Костко. Съ 35 рис. въ текстѣ. 2-е изд. Одобрено Учен. Ком. мин. нар. просв. для ученич. библіот. и рекомендовано для кадетскихъ библіотекъ. Ц. 50 к.

Лебедевъ, Н.—Роль коралловъ въ девонскихъ отложеніяхъ Россіи. Съ 5 таблицами. Спб. 902.

Лернеръ, О. М.—Одесская старина. Историческіе очерки. По даннымъ изъ архива бывшаго новороссійскаго ген.-губернатора. Од. 902.

Липскій, В. И. — Горная Бухара. Результаты 3-лѣтнихъ путешествій въ Среднюю Азію въ 1896, 97 и 99 гг. Часть I: Гиссарская экспедиція 1896 г. Спб. 902

Луговой, А. А.—Умеръ талантъ! Повѣсть. Спб. 902. Ц. 60 к.

Любичъ, С. И.—Изъ жизни. Разсказы и наброски. Од. 902. Ц. 50 к.

Мара, Марія.—Миражи. Варш. 902. Ц. 1 р.

Маршаль, проф.—Анатомія птицъ въ общедоступномъ изложеніи. Съ нѣм., п. р. проф. Н. Холодковскаго. 2-е удешевл. изд. Спб. 902. Ц. 1 р. 50 к.

Мендельсонъ, д-ръ, Александръ. — Положеніе душевно-больныхъ въ Петербургѣ. Проектъ семейнаго патронажа душевно-больныхъ хрониковъ. Спб. 902.

Мережковскій, Д. С.—Л. Толстой и Достоевскій. Т. II. Спб. 902. Ц. 3 р. 75 коп.

Меркель, д-ръ, Ад.—Юридическая Энциклопедія. Перев. Ф. Зейдена, п. р. В. М. Грибовскаго. Спб. 902. Ц. 1 р. 50 к.

Минаевъ, И. П. — Путешествіе Марко Поло. Перев. съ старо-французск. текста. Изд. Имп. Русск. Геогр. Общ., п. р. В. В. Бартольда. Спб. 902.

Мирянинъ.—Нищіе духомъ. Объясненіе первой заповѣди блаженства. Спб. 902. Ц. 10 к.

Моисеевичъ, Григорій. — Иллюстрированный практическій руководитель по Волгѣ, съ приложеніемъ алфавита, 10 картъ, 6 плановъ, росписанія рейсовъ волжскихъ пароходовъ и тарифовъ. Од. 902. Ц. 1 р. въ перепл.

Мюнхгаузенъ, баронъ.—Разсказы объ его удивительныхъ приключеніяхъ и походахъ въ Россіи и другихъ странахъ. Перев. и введеніе З. Венгеровой. Спб. 901. Ц. 50 к.

Невзоровъ, А. С.—Изъ быта села Птичьяго, Челябинскаго уѣзда Оренбург. губ. Юрьевъ. 902.

Неймайръ, проф., М.—Вулканы и землетрясенія. Съ нѣм. С. П. Черновъ. Съ 98 рис. и 2 карт. Спб. 902.

Новиковъ, Александръ. — Второй сборникъ статей, 1901—1902 г., автора „Записокъ земскаго начальника". Спб. 902. Ц. 1 р.

Нордау, Максъ.—Собраніе сочиненій. Перев. съ нѣм. п. р. В. Н. Михайлова. Парижъ, очерки и картинки. Т. V. Кіевъ. 902. Ц. за 12 том. 5 руб.

Оржешко, Эл.—Томъ IV: I. Мейръ Эзофовичъ. Ч. вторая.—II. Звенья. Кіевъ. 902. За 12 том. 4 руб.

Пясецкій, А. А., д-ръ. — Медицина по Библіи и Талмуду. Вып. 1: Медицина по Библіи. Спб. 902. Ц. 80 к.

Радцигъ, Ант.—Производство и потребленіе овса на всемъ свѣтѣ. Статистическое изслѣдованіе. Спб. 902. Ц. 1 р.

Ренанъ, Эрнестъ.—Собраніе сочиненій. Съ франц., п. р. В. И. Михайлова. Т. III: Критическіе и этическіе очерки. Кіевъ. 902. Ежемѣсячное изданіе. 12 том.—5 руб.

Риманъ, Г.—Музыкальный Словарь. Перев. съ 5-го нѣм. изд. Б. Юргенсона, дополненный русскимъ отдѣломъ. П. р. Ю. Энгеля. М. 902. Вып. V. Ц. 40 к.

С—кій, К.—Стихотворенія. Томскъ. 902. Ц. 1 р. 50 к.

Соловьевъ, Н. И.—Православное духовенство. Очерки, повѣсти и разсказы изъ жизни приходскаго духовенства. Изд. 2-е. Спб. 902. Ц. 1 р.

Спасовичъ, В., и *Пильцъ*, Э.—Очередные вопросы въ царствѣ польскомъ. Этюды и изслѣдованія. Т. I. Второе изданіе. Спб. 902. Ц. 1 р.

Сухановъ, Ст. — Правда о Максимѣ Горькомъ. Психологическій этюдъ. Кіевъ. 902. Ц. 15 к.

Тепловъ, Н. В. — Чтó такое культура и чтó такое геніальность съ точки зрѣнія культуры? М. 902. Ц. 40 к.

Тумановъ, Г. М. — Замѣтки о городскомъ самоуправленіи на Кавказѣ. Тифл. 902. Ц. 60 к.

Туръ, Евгенія.—Княжна Дубровина. Повѣсть въ 3 част. Спб. 902. Ц. 1 р. 50 коп.

Хрѣновъ, К. А.—Поэты изъ народа. Избранныя стихотворенія русскихъ народныхъ поэтовъ съ приложеніемъ свѣдѣній о жизни ихъ и 7 портретами. М. 902. Ц. 60 к.

Чайковскій, М.—Жизнь П. И. Чайковскаго, Т. III: 1885—1893 г. М. 902. Ц. 40 к.

Щербатовъ, кн., М. М.—Сочиненія. Исторія россійская отъ древнѣйшихъ временъ. Т. IV, ч. 1. П. р. И. П. Хрущова и А. Г. Воронова. Спб. 902. Ц. 3 р. 50 к.

Maikoff, Apollon. — Poësies. Trad. par F. Martel и Th. Larghine. Par. 902. 3 fr. 50 cts.

Mélusine, comtesse.—L'Initié ou de la régéneration de l'atavisme psychique. Par. 902. Ц. 3 фр. 50 снт.

Silvo, Leo Eugen. — Galeotti und Barnonville. Notizen zur Geschichte des Königlichen Copenhagener Nationalballets. St.-Pet. 902.

— Гражданское Уложеніе. Книга II—Семейственное право. Томъ I: Ст. 1—349, съ объясн. Томъ II: Ст. 350—626, съ объясн. Книга III—Вотчинное право. Томъ I: Ст. 1—374, съ объясн. Томъ II: Ст. 175—420, съ объясн. Томъ III: Ст. 426—590, съ объясненіями. Проекты Высочайше утвержд. Коммиссіи по составленію Гражданскаго Уложенія. Спб. 902.

— Изданія Министерства Земледѣлія и Госуд. Имуществъ. 1) О мѣрахъ борьбы съ хрущами, К. Н. Россикова. 2) Кротъ и важнѣйшіе способы борьбы

съ нимъ, Я. Штейнера. 3) Зерновая моль и простѣйшій способъ ея уничтоженія, I. Порчинскаго. Спб. 902.

— Каталогъ русскихъ книгъ Библіотеки Имп. Спб. Университета. Т. II: съ 1 янв. 1896 г. по 31 дек. 1901 г. Спб. 902. Ц. 3 р.

— Краткій очеркъ дѣятельности вятскаго земства по народному образованію. 1896—1900 г. Вятка. 902.

— Кустарные промыслы Ярославской губерніи: 1. Деревянная посуда. 2. Сапожныя колодки. 3. Мебельный, 4. Рамочный, 5 Ящичный, 6. Бердяный промыселъ. 7. Прядильныя катушки. 8. Прядильные гребни, веретена и прялки. 10. Телѣжный промыселъ. 15. Угольный. 17. Золотобойный. 18. Финифтяный. 20. Кузнечно-слесарный. 24. Топоры.

— Къ 10-лѣтію первой безплатный народной читальни Харьк. Общ. Грамотности. Харьк. 902.

— Матеріалы для исторіи экономич., юридич. и общественнаго быта Старой Малороссіи, издав. п. р. Н. Василенка. Вып. II. Экстрактъ изъ указовъ, инструкцій и учрежденій, съ раздѣленіемъ по матеріямъ на 19 частей. Собрано въ Сенатѣ по малоросс. экспедиціи 1786 года. Черниг. 902. Ц. 1 р.

— Матеріалы для оцѣнки фабрикъ, заводовъ и другихъ промышленныхъ заведеній Нижегородской губерніи. Н.-Новг. 902.

— Отчетъ о дѣятельности библіотекъ служащихъ въ управленіи дорогъ на станціяхъ и библіотекъ-вагоновъ, за 1899—1900 гг. Кіевъ. 902.

— Отчетъ по пріюту „Васильеостровскіе Ясли", съ Убѣжищемъ для безпріютныхъ дѣтей Васильеостр. отдѣла, за 1901 годъ. Спб. 902.

— Отчетъ Харьковскаго Комитета по перевозкѣ минеральнаго топлива, руды, флюсовъ и соли изъ горнозаводскаго района юга Россіи за 1901 годъ. Харьк. 902.

— Сельско-хозяйственный обзоръ Нижегородской губерніи за 1890 годъ. Н.-Новг. 902.

— Статистическій Сборникъ Новгородскаго Губернскаго Земства за 1900 годъ: 1) Свѣдѣнія о ходѣ взаимнаго, обязательнаго и добровольнаго страхованія за 1900 г. 2) Таблицы о движеніи народонаселенія въ Новгород. губерніи за 1900 г. 3) Общія статистическія свѣдѣнія за 1900 г. Новгородъ. 901.

— Стенографическій Отчетъ XXXVII очередного новгород. губ. земскаго собранія 1—15 дек. 1901 г. Новг. 902.

— Текущая сельско-хозяйственная статистика Олонецкой губерніи. В. IV: Извѣстія о состояніи сельскаго хозяйства и внѣземледѣльческихъ промысловъ населенія за сентябрь—октябрь 1901 г. Петрозавод. 902.

— Третье дополненіе къ III-му изданію Систематическаго Сборника приказовъ по военному вѣдомству и циркуляровъ Главнаго Штаба, ген.-лейтен. Коссинскаго, за время съ 1 янв. 1900 г. по 1 янв. 1902 г. Издан. В. Березовскаго. Спб. 902. Съ Приложеніями. Ц. 9 р.

— Указатель къ IV и V книгамъ историческаго сборника „Старина и Новизна". Спб. 902.

— Физико-математическій Ежегодникъ, посвящ. вопросамъ математики, физики, химіи и астрономіи, въ элементарномъ изложеніи, съ 142 рис. въ текстѣ. Изд. Кружка авторовъ „Сборника въ помощь самообразованію". Годъ II. М. 902. Ц. 2 р. 50 к.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I.

Max Dreyer. Drei Schelmenstücke. Berlin. 1902.

Нѣмецкій драматургъ Максъ Дрейеръ—авторъ нѣсколькихъ интересныхъ пьесъ изъ современной жизни, въ которыхъ онъ занимается обличеніемъ нравовъ общества, а также идеализаціей избранныхъ натуръ, страдающихъ отъ грубости окружающей ихъ среды. Тонъ его драмъ ближе всего напоминаетъ Шницлера. Начиная съ имѣвшей большой успѣхъ пьесы „Der Probekandidat" Дрейеръ все болѣе и болѣе становится обличителемъ, показывая контрасты между людьми, незараженными пошлымъ лицемѣріемъ, и общества, въ которомъ имъ приходится жить. Тяготѣніе Дрейера къ контрастамъ невыгодно отзывается на его произведеніяхъ. Тонкій психологъ въ своихъ раннихъ произведеніяхъ, напр., въ драмѣ „Трое", онъ теперь все болѣе сгущаетъ краски: чтобъ яснѣе представить печальное положеніе людей искреннихъ и правдивыхъ среди общаго лицемѣрія, которое ему кажется основной чертой современности, Дрейеръ преувеличиваетъ и возвышенность своихъ положительныхъ героевъ и низость людей противоположнаго типа. Въ результатѣ получается вмѣсто правдивой картины жизни нѣчто очень искусственное, а часто и фальшивое. Этотъ недостатокъ сказывается и въ новѣйшемъ произведеніи Дрейера, его трехъ одноактныхъ пьесахъ, „Ecclesia triumphans", „Volksaufklärung" и „Puss", связанныхъ общей идеей. Серіи одноактныхъ пьесъ, какъ извѣстно, теперь въ большой модѣ, и трилогія Дрейера, при всей своей искусственности, имѣла успѣхъ на сценѣ. Сюжеты трехъ небольшихъ пьесъ интересны, но авторъ слишкомъ злоупотребляетъ рѣзкими контрастами, и мысли его, по существу вѣрныя, перестаютъ быть убѣдительными. Общая идея трилогіи состоитъ въ томъ, что жизнь общества построена на лицемѣріи, противъ котораго возмущается совѣсть отдѣльныхъ правдивыхъ натуръ; протестъ ихъ однако совершенно безсиленъ, и человѣкъ, говорящій правду, осужденъ на полный разладъ съ жизнью.

Центральная пьеса трилогіи, наиболѣе серьезная, носитъ названіе „Ecclesia triumphans" (Торжествующая церковь). Сюжетъ довольно оригиналенъ. Заслуженный морякъ, доживщій до глубокой старости, кончилъ свою жизнь самоубійствомъ. Привыкши вести дѣятельную

жизнь и сохранивъ бодрость до глубокой старости, онъ не хотѣлъ пережить самого себя. Когда корабль идетъ ко дну, говорилъ онъ, то капитанъ долженъ раздѣлить общую гибель, оставаясь на посту; своимъ экипажемъ старикъ называлъ свою способность къ труду, и чувствуя, что силы ему начинаютъ измѣнять, очень спокойно и твердо отправился въ часъ заката на морской берегъ, чтобы въ послѣдній разъ полюбоваться любимымъ зрѣлищемъ моря, и тамъ застрѣлился... Смерть его служитъ причиной тяжелой драмы въ семьѣ его дочери, жены врача. Дочь безумно любила отца, преклонялась передъ его гордостью и независимостью—къ неудовольствію своего мужа, которому эта дружба отца и дочери была не по душѣ. Молодой докторъ трезво практиченъ, готовъ идти на всякіе компромиссы ради жизненныхъ успѣховъ, и то, что онъ называетъ „идеализмомъ" своей жены, т.-е. ея полная правдивость, непониманіе никакихъ сдѣлокъ съ совѣстью, служитъ ему постояннымъ укоромъ. Въ старикѣ-отцѣ молодая женщина находила поддержку, и докторъ до нѣкоторой степени радъ смерти старика, надѣясь, что, оставшись безъ этой поддержки, жена болѣе поддастся его вліянію. Но самая смерть вызываетъ раздоръ. Жена доктора видитъ въ послѣднемъ поступкѣ отца прекрасное завершеніе всей его сильной, дѣятельной жизни,—она примиряется въ душѣ съ его смертью, такъ что мужъ, не понимающій ее, даже иронизируетъ надъ ея легкимъ отношеніемъ къ несчастью. Но тутъ возникаетъ чисто практическій вопросъ. Старикъ лишилъ себя жизни— и духовенство можетъ отказаться похоронить его по церковному обряду; его придется тогда похоронить за оградой кладбища, въ углу, отведенномъ для убійцъ. Когда докторъ говоритъ объ этомъ женѣ, она не выказываетъ никакого огорченія. Она говоритъ, что отца своего вовсе не хоронитъ, такъ какъ память о немъ останется вѣчно живой въ ея душѣ, а вопросъ о мѣстѣ, гдѣ будетъ опущенъ въ могилу его прахъ, не интересуетъ ее—такъ же, какъ онъ не интересовалъ бы ея отца. И къ тому же,—добавляетъ она, возмущая мужа своимъ вольнодумствомъ,—въ углу самоубійцъ онъ будетъ не въ дурномъ обществѣ: тамъ покоятся иногда люди, стоящіе многихъ съ почетомъ погребенныхъ на „патентованномъ" кладбищѣ. Докторъ относится равнодушно къ внутреннему міру жены, и позволяетъ ей предаваться „идеалистическимъ бреднямъ", лишь бы она не тормазила его житейскихъ дѣлъ. А между тѣмъ, именно ея отношеніе къ смерти отца можетъ нанести ему прямой ущербъ. Вопросъ о томъ, похоронятъ ли отца съ почетомъ, или зароютъ какъ самоубійцу, имѣетъ для него практическое значеніе. Всякій скандалъ—а отказъ церкви хоронить отца его жены непремѣнно возстановитъ противъ него общественное мнѣніе въ маленькомъ городкѣ, гдѣ они живутъ — очень вредно отзовется на его практикѣ, и поэтому онъ „во имя своего

долга, какъ мужа и отца", долженъ, во что бы то ни стало, избѣжать скандала. Ему предлагаютъ въ это время выгодное мѣсто при учреждаемой новой больницѣ, и сановникъ, учредитель этой больницы, совершенно открыто заявляетъ ему, что персоналъ больницы долженъ быть чистъ отъ всякихъ подозрѣній въ вольнодумствѣ и отсутствіи христіанскихъ чувствъ. Сановникъ—тоже типичный представитель общественнаго лицемѣрія. Онъ съ паѳосомъ говоритъ о необходимости врачевать не только тѣлесные недуги народа, но и его душу,—о нравственности и высокихъ побужденіяхъ, руководившихъ имъ при учрежденіи больницы—и тутъ же толкаетъ доктора на компромиссы и обманъ во имя этихъ самыхъ явно-лживыхъ нравственныхъ побужденій. Онъ говоритъ о необходимости добиться церковнаго погребенія для старика во избѣжаніе общественнаго скандала, — такъ какъ въ противномъ случаѣ докторъ никакъ не можетъ получить мѣсто въ новой больницѣ. Онъ уже въ этомъ смыслѣ агитировалъ у духовенства, и оно согласно похоронить самоубійцу по церковному обряду,—будучи, по циничному заявленію сановника, заинтересовано въ этомъ и нравственно и матеріально. Но для того, чтобы церковное погребеніе было возможно, нужно дать свидѣтельство въ томъ, что старикъ наложилъ на себя руки въ припадкѣ безумія. Докторъ сначала отказывается дать такое свидѣтельство. Онъ присутствовалъ при вскрытіи, убѣдился въ томъ, что старикъ былъ необычайно здоровъ, и заявилъ объ этомъ женѣ, такъ что не можетъ дать докторскаго свидѣтельства, извращающаго истину. Но сановникъ убѣждаетъ его пойти на компромиссы,—вѣдь все-таки должны же были быть какіе-нибудь слѣды старости у покойнаго, и это въ связи съ отсутствіемъ всякихъ видимыхъ причинъ самоубійства можетъ служить доказательствомъ его ненормальности. Докторъ уступаетъ, всецѣло поглощенный практическими соображеніями, и обѣщаетъ дать свидѣтельство. По уходѣ сановника, онъ сообщаетъ женѣ о только-что происходившемъ разговорѣ; но ея честность и любовь къ отцу заставляетъ ее всѣми силами противиться компромиссу, на который согласенъ ея мужъ. Смерть отца она переноситъ мужественно, понявъ красоту этой смерти; вопросъ о томъ, гдѣ похоронятъ отца, совершенно ее не волнуетъ, но она ни за что не захочетъ допустить, чтобы его объявили сумасшедшимъ и этимъ уничтожили все значеніе его поступка. Она готова открыто обличить мужа во лжи, показать свидѣтельство о вскрытіи, но въ этой борьбѣ прямодушія противъ лжи она безсильна. Мужъ ей спокойно доказываетъ, что своимъ поведеніемъ она только подтвердитъ общую увѣренность въ ненормальности старика, такъ какъ докажетъ, что сама страдаетъ наслѣдственнымъ умопомѣшательствомъ. Сѣти лжи очень искусно сплетены въ разговорѣ между супругами. Молодая женщина чувствуетъ, что правда побѣждена — мужъ ея дастъ нужное свидѣ-

тельство и этимъ устроить свои дѣла. Онъ уходитъ, и она остается совершенно уничтоженной. Утѣшеніе ея только въ маленькомъ сынѣ, въ которомъ она чувствуетъ родственный ей духъ,—онъ такъ же, какъ она, глубоко увѣренъ въ правотѣ дѣда. Борьба за правду противъ лжи и пораженіе правды въ борьбѣ съ ложью представлено въ „Ecclesia triumphans“ болѣе горячо, нежели убѣдительно: въ сущности непонятно, почему женщина, настолько пренебрегающая мнѣніемъ свѣта, что ей безразлично, какъ похоронятъ ея отца, въ то же время такъ безъисходно страдаетъ отъ мысли, что презираемый ею свѣтъ сочтетъ отца ея сумасшедшимъ. Контрасты двухъ враждующихъ сторонъ слишкомъ искусственны: докторъ и сановникъ изображены циниками, молодая женщина—слишкомъ идеальной, слишкомъ чуждой мысли о всемъ житейскомъ. Еслибы то же столкновеніе представлено было въ полутонахъ, еслибы въ каждомъ человѣкѣ и каждомъ дѣйствіи людей сочетались правда и ложь, какъ это, напримѣръ, такъ художественно представлено въ „Зеленомъ попугаѣ“ Шнитцлера,—та же мысль, вѣрная по существу, много выиграла бы.

Двѣ другія пьесы—на ту же тему о силѣ лицемѣрія и безсиліи правды—написаны съ нѣсколько грубоватымъ юморомъ, въ особенности послѣдняя, „Volksaufklärung“: въ ней говорится о пустопорожней—и даже комичной—дѣятельности „общества для поднятія нравственности въ народѣ“, и пустыя фразы предсѣдателя общества противопоставляются дѣйствительной правдѣ жизни. Предсѣдатель, старый сановникъ, женатый на молодой женѣ, съ большимъ паѳосомъ возмущается швейцаромъ своего дома, у котораго, по его мнѣнію, непозволительно много дѣтей. Разговоръ сановника съ швейцаромъ проникнутъ очень яркимъ юморомъ. Сановникъ становится на ходули, говоритъ о безнравственности произведенія на свѣтъ нищихъ, указываетъ на примѣръ болѣе обезпеченныхъ семей, въ которыхъ гораздо меньше дѣтей, указываетъ, наконецъ, на свой собственный примѣръ: у него, стоящаго вверху общественной лѣстницы, совсѣмъ нѣтъ дѣтей. Швейцаръ на-половину не понимаетъ его высокопарныхъ рѣчей, а на приводимые хозяиномъ доводы, какъ, напр., на отсутствіе дѣтей у него самого, отвѣчаетъ грубовато-простодушнымъ тономъ, давая фактамъ простое и далеко не возвышенное объясненіе. На сторонѣ швейцара и его грубой правды—молодая жена сановника, которая болѣе, чѣмъ всѣ, чувствуетъ ложь, лежащую въ основѣ общественной дѣятельности ея мужа. Она знаетъ истинную подкладку вещей, и вдоволь смѣется надъ своимъ высокопарнымъ мужемъ, разсказывая о его бесѣдѣ съ швейцаромъ другу дома, который въ то же время и секретарь общества для поднятія нравственности. По уходѣ мужа она говоритъ съ молодымъ секретаремъ на „ты“ и даетъ понять, что еслибы мужъ ея

былъ менѣе близорукъ, онъ бы не такъ громко говорилъ о примѣрной нравственности своей собственной семьи. Пьеса написана очень живо, и лицемѣріе проповѣдниковъ „нравственности для народа“ изображено довольно зло. Но и тутъ Дрейера губитъ его пристрастіе къ слишкомъ сгущеннымъ краскамъ. Его сановникъ слишкомъ тупоуменъ, а жена, прозрѣвшая правду жизни, слишкомъ ужъ цинична въ эксплуатированіи этой правды.

Третья пьеса—„Puss“—поднимаетъ вопросъ о воспитаніи. Нужно ли дѣтямъ говорить правду о вещахъ недоступныхъ ихъ пониманію? Дрейеръ стоитъ за правду, и показываетъ на примѣрѣ пагубность обмана, который всегда можетъ обнаружиться и возбудить въ дѣтяхъ недовѣріе къ ихъ родителямъ и воспитателямъ. Въ пьесѣ представлены двѣ пріятельницы, двѣ матери, изъ которыхъ одна, бѣдная вдова, живетъ въ тѣсной дружбѣ съ своей маленькой дочерью, и старается не пичкать ее разными выдумками, которыми принято отвѣчать на вопросы дѣтей. Другая, богатая буржуазка, стоитъ за „нравственность и добропорядочность“ и воспитываетъ свою дочь въ цѣлой системѣ лжи, добиваясь уваженія къ себѣ строгостью и наказаніями. На вопросъ дочери: какъ появляются дѣти на свѣтъ, она говоритъ, что ихъ находятъ въ капустѣ. Она дѣлаетъ строгій выговоръ прислугѣ за какое-то неосторожное слово въ этомъ смыслѣ, и споритъ съ пріятельницей, доказывая ей, что нельзя не лгать дѣтямъ. Ея принципы терпятъ жестокое пораженіе, когда дѣвочка, случайно увидавъ, какъ у ея любимой кошки появилось потомство, прибѣгаетъ къ матери и осыпаетъ ее упреками за то, что она ей лгала. Мать кое-какъ урезониваетъ дѣвочку, наказываетъ ее, и во всякомъ случаѣ спѣшитъ распроститься съ пріятельницей и ея ребенкомъ, боясь, что присутствіе правдивой дѣвочки и еще болѣе правдивой матери ея окончательно испортитъ систему ея воспитанія. Пьеса, довольно пустяшная по замыслу, написана крайне тенденціозно и потому не убѣдительна.

II.

Anatole France. L'affaire Crainquebille. Paris, 1901, стр. 101.

Анатоль Франсъ—улыбающійся сатирикъ. Онъ созерцаетъ жизнь и ея кажущееся уродство безъ озлобленія, относится къ людямъ съ философскимъ добродушіемъ, но при этомъ ярко освѣщаетъ нелѣпость и внутреннюю несостоятельность разныхъ общественныхъ явленій, противопоставляя ихъ живой, непосредственной правдѣ человѣческихъ чувствъ. Тонкая усмѣшка сочетается у него съ любовнымъ отношеніемъ ко всѣмъ человѣческимъ слабостямъ: если сердцу его близки жертвы человѣческой несправедливости—обездоленный бѣднякъ, не-

удачникъ ученый, обманутый вслѣдствіе своей незлобивости мужъ—то онъ съ мудрой снисходительностью относится и къ людямъ, порабощеннымъ житейскими страстями: къ мелкимъ честолюбцамъ, теряющимъ силы въ погонѣ за суетными почестями, къ судьямъ, непонимающимъ близорукости человѣческихъ законовъ и вѣчно нарушающимъ истину и справедливость въ своемъ заблужденіи, къ вѣтренымъ женщинамъ, жалкимъ игрушкамъ своихъ мелкихъ капризовъ и т. д. Онъ видитъ всюду въ жизни только заблужденія и нелогичность,—а своей чуткой, любящей душой угадываетъ одинаковое страданіе и у правыхъ, и у неправыхъ. Въ такомъ примирительно-ироническомъ тонѣ написаны всѣ произведенія Анатоля Франса; его судъ надъ обществомъ безпощадно строгій,—но онъ любитъ жизнь, любитъ людей со всѣми ихъ слабостями, и въ его тонкой проницательной критикѣ жизни звучитъ свѣтлый аккордъ. Его произведенія согрѣты нѣжнымъ поэтическимъ чувствомъ,—онъ прежде всего художникъ, который эстетически любуется явленіями и вноситъ въ изображеніе ихъ неподражаемую стильность, эпиграматическую заостренность, сжатость и выпуклость.

Въ послѣдніе годы, послѣ фантастическихъ повѣстей и короткихъ разсказовъ изъ быта минувшихъ вѣковъ, Анатоль Франсъ перешелъ къ изображенію современной дѣйствительности въ серіи романовъ, носящихъ общее заглавіе „Histoire Contemporaine". Перемѣшивая вымыселъ съ дѣйствительностью, онъ рисуетъ всѣ событія, волновавшія французское общество за послѣднее время; но эта хроника современной жизни не имѣетъ ничего общаго съ обычными публицистическими обсужденіями текущихъ событій. Франсъ отдѣляетъ себя отъ всего окружающаго, глядитъ на сегодняшнее съ умудренной безстрастностью изслѣдователя, который изучаетъ событія старины и, объясняя смыслъ происходящаго на его глазахъ, сливаетъ волненія толпы, увлеченной событіями дня, съ происшествіями, волновавшими древнихъ египтянъ; исторія человѣчества представляется ему одной цѣльной драмой, управляемой одинаковыми мотивами,—и поэтому его ничто не изумляетъ, не возмущаетъ, а все интересуетъ строгостью причинной связи явленій. Улыбающійся сатирикъ становится снисходительнымъ, понимающимъ и потому спокойнымъ и всепрощающимъ историкомъ современности. Такого рода полубеллетристика, полуисторія—новый, созданный Анатолемъ Франсомъ литературный жанръ; въ немъ его философское, полускептическое, полулюбовное отношеніе къ жизни сказывается во всемъ своемъ художественномъ блескѣ. Нѣкоторые изъ новѣйшихъ писателей усвоили себѣ эту манеру, но никто не можетъ сравниться съ изысканностью, остротой и вмѣстѣ съ тѣмъ мягкостью его ироніи, никто не заслуживаетъ въ такой высокой степени названія современнаго аѳинянина, какъ Анатоль Франсъ. Въ серію „His-

toire Contemporaine" входятъ нѣсколько романовъ: „L'orme du Mail", „L'anneau d'amethyste". „Mannequin d'osier", „Monsieur Bergeret à Paris". Къ этой же серіи примыкаетъ и повѣсть „L'affaire Crainquebille"; отдѣльныя главы ея печатались сначала въ „Temps", въ концѣ минувшаго года она вышла отдѣльнымъ роскошнымъ изданіемъ съ превосходными иллюстраціями извѣстнаго рисовальщика Стенлена (Steinlen). Экспрессивный юморъ рисунковъ, передающихъ суету парижскихъ улицъ, типичныя фигуры уличныхъ торговцевъ и проникнутыхъ важностью своей миссіи городовыхъ, любопытствующихъ прохожихъ и разнаго мелкаго люда рабочихъ кварталовъ, дополняетъ тонкую сатиру Франса. Въ настоящее время готовится къ печати дешевое изданіе „Affaire Crainquebille"; до сихъ поръ эта повѣсть мало извѣстна въ публикѣ вслѣдствіе очень высокой цѣны перваго изданія (80 франковъ), но, появившись въ общедоступномъ изданіи, она навѣрное станетъ одной изъ самыхъ популярныхъ книгъ Франса,—до того жизненная правда сочетается въ ней съ художественнымъ совершенствомъ оригинальной формы.

„Affaire Crainquebille"—сатира на французское правосудіе. Это излюбленная тема въ современной французской литературѣ. Бріё въ своей драмѣ „La Robe rouge" представилъ трагическую сторону вопроса, изобразилъ внутреннюю борьбу судьи, который сознаетъ всю гнусность компромиссовъ съ совѣстью, къ которымъ его принуждаютъ заботы о карьерѣ; вся драма Бріё—сплошной крикъ возмущенія противъ судейской организаціи во Франціи. Въ повѣсти Анатоля Франса никакихъ обвиненій и благородныхъ протестовъ нѣтъ. Онъ только просто и подробно излагаетъ самое обыденное дѣло, разбираемое въ мировомъ судѣ (police correctionelle), и разсказываетъ жизнь подсудимаго до и послѣ суда, а также описываетъ обстоятельства, въ которыхъ онъ неожиданно для самого себя оказался нарушителемъ закона. Герой повѣсти, уличный торговецъ Жеромъ Кренкебиль, менѣе всего бунтовщикъ противъ установленнаго порядка:—даже придя въ столкновеніе съ блюстителями закона, онъ готовъ признать ихъ правоту во всемъ; не зная за собой вины, онъ все-таки настолько пораженъ торжественной обстановкой суда, что вѣритъ своимъ обвинителямъ и признается въ своей винѣ, совершенной имъ, очевидно, помимо воли, „мистически". Если онъ жертва правосудія, то жертва безсознательная. Ему шестьдесятъ лѣтъ, онъ прожилъ всю жизнь въ неустанномъ трудѣ и никогда не возмущался. Онъ принимаетъ жизнь таковой, какъ она есть,—„не поднимая черное знамя возстанія", какъ постоянно напоминаетъ авторъ читателю, описывая печальную судьбу своего героя. Точно такъ же и представители закона вовсе не изображены извергами; напротивъ того, это честные и ревностные служащіе; полицейскій № 64, виновникъ всѣхъ несчастій героя, „прекрасный

исполнитель своихъ обязанностей и честный солдатъ, храбрый и кроткій; онъ знаетъ долгъ службы",—и только въ томъ, что ни о чемъ, кромѣ формальнаго исполненія долга, онъ не думаетъ, и заключается его вина передъ справедливостью и закономъ совѣсти. Точно такъ же и судья, обвинившій Кренкебиля, дѣйствовалъ вполнѣ послѣдовательно и логично, и всѣ его дѣйствія, по ироническому выраженію Франса, могутъ быть оправданы передъ судомъ „метафизики судопроизводства". Всѣ по-своему правы,—а въ результатѣ получается величайшая несправедливость и загубленная жизнь старика-рабочаго. Философія Франса, отраженная въ этой повѣсти, заключается въ томъ, что онъ не „обличаетъ" отдѣльныхъ дурныхъ людей, а освѣщаетъ контрасты жизни: съ одной стороны—формы, въ которыя вылились человѣческія понятія о правосудіи, съ другой—живая правда, чувства и психологическіе мотивы, не укладывающіеся ни въ какія опредѣленныя заранѣе формы. Эту мысль онъ въ „Affaire Crainquebille" выясняетъ на примѣрѣ, взятомъ изъ судебной практики: съ одной стороны отвлеченная „юридическая" правда, съ другой—живой человѣкъ съ разнообразіемъ мотивовъ, управляющихъ его дѣйствіями. Сопоставляя эти контрасты, Анатоль Франсъ создаетъ удивительно тонкую художественную сатиру нравовъ; онъ въ совершенствѣ изучилъ бытъ парижскихъ рабочихъ, жизнь въ народныхъ кварталахъ, и это знаніе дѣйствительности придаетъ большую жизненность и правдивость его разсказу. Среда, которую онъ описываетъ, ему очень близка. За послѣдніе два-три года Анатоль Франсъ сталъ однимъ изъ самыхъ ревностныхъ устроителей народныхъ университетовъ въ Парижѣ и имѣлъ случай наблюдать жизнь рабочаго класса во всѣхъ подробностяхъ;—результаты его наблюденій, его умѣнья вникать въ психологію рабочей массы, сказались въ „Affaire Crainquebille".

Сатирическій замыселъ повѣсти сказывается съ первой сцены, гдѣ описывается судъ надъ злополучнымъ героемъ. Торжественная обстановка залы засѣданія, распятіе и бюстъ республики, мантіи судей производятъ впечатлѣніе на подсудимаго; онъ не сомнѣвается въ правотѣ всего, что̀ вершается „въ храмѣ правосудія", и только не можетъ согласовать этой несомнѣнной для него правды съ правдой, касающейся его лично. Его обвиняютъ въ преступленіи, котораго онъ не совершилъ; онъ пробуетъ объяснить какъ дѣло происходило въ дѣйствительности, но путается въ словахъ;—къ тому же и адвокатъ его тоже совѣтовалъ ему „сознаться". Потерявшись въ непонятномъ ему противорѣчіи правосудія и истины, онъ перестаетъ бороться, предаетъ себя теченію обстоятельствъ, и принимаетъ обвинительный приговоръ какъ должное. Въ чемъ его вина, онъ такъ и не понялъ,—но таинственность правосудія еще усилила его преклоненіе передъ величіемъ суда, и онъ идетъ въ тюрьму безъ ропота. Каковы же были

дѣйствительныя обстоятельства дѣла—одного изъ самыхъ обыкновенныхъ, разбирающихся десятками у каждаго мирового судьи? Объ этомъ повѣствуетъ слѣдующая глава. Жеромъ Кренкебиль—уличный торговецъ овощами; съ утра до вечера онъ возитъ по улицамъ своего квартала—Монмартра—тяжелую ручную телѣжку съ товаромъ, оглашая воздухъ бодрыми, веселыми криками: „зеленый горошекъ, морковь" и т. п. Онъ любитъ свое дѣло и, несмотря на свои шестьдесятъ лѣтъ, очень бодръ, веселъ, шутитъ съ своими постоянными покупательницами и пользуется довѣріемъ всего околотка; всѣ цѣнятъ въ немъ честнаго, добросовѣстнаго торговца. Заработки у него хорошіе, и послѣ трудового дня, онъ мирно засыпаетъ въ своемъ углу, ни о чемъ не размышляя, довольный своимъ скромнымъ существованіемъ. Но вотъ наступилъ злополучный день, мѣняющій всю его дальнѣйшую жизнь. Онъ съ утра повезъ свою тяжело нагруженную телѣжку по запруженной людьми, экипажами и омнибусами Монмартрской улицѣ, и сталъ высматривать своихъ обычныхъ покупательницъ; къ нему подошла знакомая хозяйка башмачнаго магазина, стала выбирать нужную ей овощь; послѣ долгаго торга она взяла нѣсколько пучковъ порея и пошла къ себѣ въ лавку за деньгами; Жеромъ остановился со своей телѣжкой среди улицы въ ожиданіи уплаты. Къ нему подошелъ полицейскій № 64 и приказалъ продолжать путь,—уличные торговцы не имѣютъ права останавливаться среди улицы, такъ какъ это тормазитъ движеніе. Жеромъ уже цѣлыхъ пятьдесятъ лѣтъ возилъ свою телѣжку съ утра до вечера, никогда не останавливаясь, и потому приказъ „circulez" казался ему совершенно законнымъ и справедливымъ. Но на этотъ разъ онъ считалъ себя въ правѣ не послушаться сразу—онъ ждалъ денегъ за проданный товаръ. Полицейскій спокойно повторилъ приказъ, но Жеромъ не двигался съ мѣста. Въ этомъ-то, какъ объясняетъ авторъ, и заключалась его вина: „у него не было юридически развитого ума. Онъ не зналъ, что личныя права не освобождаютъ отъ исполненія обязанностей передъ обществомъ", т.-е., что, имѣя право на деньги, которыя башмачница, замѣшкавшись въ лавкѣ съ покупателями, долго не приносила ему, онъ все-таки обязанъ былъ уѣхать со своей телѣжкой по требованію полицейскаго. Какъ ни пустяшно было въ данномъ случаѣ столкновеніе правъ личности съ непреклонностью отвлеченныхъ формулъ, оно становится исходнымъ пунктомъ жизненной драмы, изображенной у Франса съ истиннымъ трагизмомъ, тѣмъ болѣе потрясающимъ, что разсказъ ведется все время въ спокойномъ тонѣ, и дѣйствія „защитниковъ закона" мотивированы и логически оправданы. Послѣ третьяго приказа „circulez", полицейскій, въ виду непослушанія торговца, начинаетъ грозить ему. Жеромъ въ полномъ отчаяніи; онъ понимаетъ законность требованій полицейскаго, но не хочетъ потерять своего заработка; онъ плачется на

свою судьбу, безпомощно приговаривая: „Misère de misère! Bon sang de bon sang!“. Эти слова, которыя выражали скорѣе отчаяніе, чѣмъ возмущеніе, кажутся городовому оскорбительными. А такъ какъ всякое оскорбленіе выливалось для него въ традиціонную, установленную, какъ бы литургическую форму „Mort aux vaches“ (обычное ругательство парижской толпы по адресу полиціи)—то слова Жерома дошли до слуха полицейскаго именно въ формѣ такого восклицанія. За это мнимое оскорбленіе полицейскій арестуетъ Жерома, который въ полномъ оцѣпенѣніи повторяетъ: „Какъ, это я-то сказалъ: Mort aux vaches! Я?“—произнося такимъ образомъ, къ великому удовольствію столпившихся зѣвакъ, оскорбительныя для полиціи слова. Напрасно случайный прохожій, докторъ, убѣждаетъ полицейскаго, что торговецъ приписываемыхъ ему словъ не говорилъ:—Жерома вмѣстѣ со свидѣтелемъ ведутъ къ ближайшему коммиссару, гдѣ его вина устанавливается показаніемъ полицейскаго. Жерома отправляютъ въ тюрьму и черезъ нѣсколько времени дѣло его разбирается въ судѣ. Въ тюрьму къ Жерому является адвокатъ, и старикъ пытается объяснить ему, что̀ именно произошло въ злополучное утро. Но адвокатъ относится съ недовѣріемъ къ его словамъ, противорѣчащимъ протоколу, и находитъ, что „система полнаго отрицанія вины невыгодна и очень неумѣло придумана“. Онъ совѣтуетъ сознаться, и Жеромъ, побѣжденный его краснорѣчіемъ, готовъ былъ бы сознаться — еслибы зналъ въ чемъ. На судѣ его допрашиваютъ, и несвязность его словъ еще болѣе убѣждаетъ судей въ его виновности. Показанія полицейскаго точны и отчетливы, видъ его внушителенъ, такъ что судья сразу становится на его сторону. Защита вызвала доктора, и его появленіе сопровождается комическимъ инцидентомъ. Когда онъ настаиваетъ на невиновности Жерома, судья вторично вызываетъ полицейскаго для провѣрки показаній свидѣтеля. Полицейскій твердо заявляетъ, что и докторъ тоже кричалъ: Mort aux vaches! Публика хохочетъ, судья сердится, говоритъ, что прикажетъ всѣхъ удалить, отпускаетъ слишкомъ ревностнаго полицейскаго и рѣшаетъ дѣло противъ подсудимаго, приговоривъ его къ двумъ недѣлямъ тюрьмы и 50 франкамъ штрафа.

Слѣдующая глава, посвященная оправданію судьи—шедевръ иронической казуистики. Устами одного изъ молодыхъ адвокатовъ Франсъ оправдываетъ тактику судьи. Его заслуга въ томъ, что онъ съумѣлъ уберечься отъ соблазна исканія истины. Еслибы онъ сталъ сопоставлять противорѣчивыя показанія полицейскаго и доктора, онъ бы вступилъ на путь сомнѣній и нерѣшительности. Изученіе фактовъ несовмѣстимо съ твердымъ исполненіемъ судейскихъ обязанностей. Онъ долженъ былъ поэтому непремѣнно сдѣлать выборъ между двумя свидѣтелями, и держаться одного изъ двухъ показаній, не задумы-

ваясь о томъ, насколько оно соотвѣтствуетъ истинѣ. Онъ поступилъ совершенно логично, остановившись на показаніи полицейскаго: онъ различаетъ свидѣтелей не по правдоподобію ихъ словъ, не по заключающейся въ нихъ живой человѣческой правдѣ, а по ихъ званію, по явнымъ, неотъемлемымъ и неизмѣннымъ свойствамъ ихъ общественнаго положенія. Поэтому показаніе полицейскаго для него неопровержимо. Онъ видитъ въ немъ не человѣка — человѣку свойственно ошибаться,—а отвлеченное, метафизическое понятіе, номеръ 64, символизирующій его принадлежность къ идеальной полиціи. Только обладая столь твердыми принципами, можно достойно отправлять обязанности судьи: нужно отказаться отъ желанія знать истину, — иначе теряется право судить.—Въ этой „защитѣ" необычайно ясно и остроумно представлена непроходимая пропасть между узкой формалистикой французскаго судопроизводства и дѣйствительной правдой жизни.

Дальнѣйшая судьба Жерома Кренкебиля разсказана въ слѣдующихъ главахъ. Тюремное заключеніе онъ переноситъ покорно—не видя въ немъ ни униженія, ни большихъ страданій, такъ какъ и на волѣ ему не жилось особенно легко и пріятно. Онъ знаетъ, что тюрьмы—необходимое учрежденіе въ странѣ, и не возмущается тѣмъ, что и ему пришлось отбыть „тюремную повинность"; штрафъ за него заплатилъ какой-то неизвѣстный благодѣтель,—очевидно докторъ. Но страданія его начинаются по выходѣ изъ тюрьмы. „Общественное мнѣніе", въ лицѣ хозяекъ и кумушекъ его квартала, ополчается противъ него. Приговоръ суда кажется всѣмъ голосомъ правосудія,—къ старику-торговцу начинаютъ относиться съ недовѣріемъ, всѣ его покупательницы перестаютъ обращаться къ нему—и на его глазахъ выбираютъ овощи въ телѣжкѣ его недостойнаго конкурента—„un pas grand chose, un sale coco",—какъ въ сердцахъ обзываетъ его возмущенный Кренкебиль. Онъ ожесточается, ругаетъ измѣнившихъ ему хозяекъ, попрекая одну изъ нихъ ея недостойнымъ ремесломъ—чего онъ прежде никогда не дѣлалъ, такъ какъ, благодаря своему опыту, зналъ какъ тяжела жизнь, и какъ часто люди неповинны въ выборѣ своихъ занятій. Но „общество" отшатнулось отъ старика и все для него кончено. Его товаръ не раскупаютъ, у него нѣтъ денегъ для покупки доброкачественныхъ продуктовъ, — онъ довольствуется отбросами, и очень быстро доходитъ до полной нищеты, ютится въ сыромъ сараѣ и предается печальнымъ при его положеніи воспоминаніямъ о счастливыхъ дняхъ бодраго, радостнаго труда. Картина счастья, испытываемаго отъ простого труда, нарисована у Франса поразительно свѣтло и художественно: „Онъ вспоминалъ о своей прежней силѣ и минувшей трудовой порѣ, о своихъ долгихъ рабочихъ дняхъ и удачахъ, о множествѣ одинаковыхъ, заполненныхъ дѣломъ дней: о хожденіи

ночью передъ центральнымъ рынкомъ въ ожиданіи подвоза припасовъ, объ искусной нагрузкѣ своей повозки пучками овощей, о быстро выпитой на ходу чашкѣ чернаго кофе, послѣ которой онъ бодро пускался въ путь по густо населеннымъ улицамъ, оглашая воздухъ выкрикиваньемъ товара. Вся его жизнь была невиннымъ и труднымъ существованіемъ человѣка, работающаго какъ лошадь. Въ теченіе полувѣка онъ привозилъ на своей телѣжкѣ горожанамъ, изнемогшимъ отъ заботъ и безсонницы, свѣжую жатву огородовъ".

Несчастное нелѣпое столкновеніе съ полицейскимъ порвало нить его скромнаго, тяжелаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ и счастливаго существованія. Онъ испытываетъ черную нужду, голодаетъ и мерзнетъ, брошенный всѣми. Но у него мелькаетъ мысль, которая ему кажется спасительной. Всѣ его несчастья произошли отъ того, что его посадили въ тюрьму за *не* произнесенное имъ ругательство. Въ теперешнемъ же его положеніи тюрьма кажется ему блаженствомъ, избавленіемъ отъ голода. Значитъ, ему стоитъ только подойти къ любому полицейскому, крикнуть сакраментальныя три слова—и онъ спасенъ. Въ сырую темную осеннюю ночь Жеромъ выползаетъ изъ своего холоднаго убѣжища, идетъ по пустынной улицѣ, видитъ прислонившагося къ фонарному столбу полицейскаго, подходитъ къ нему и кричитъ ему въ лицо: Mort aux vaches. Но не всѣ полицейскіе похожи на № 64—тотъ, къ которому подошелъ Кренкебиль, измученъ своей тяжелой должностью, изнемогъ отъ стоянія подъ дождемъ и отупѣлъ отъ частыхъ оскорбленій со стороны бойкаго парижскаго люда. Онъ слышитъ ругань Жерома и только говоритъ ему: проходи своей дорогой. Жеромъ пораженъ: онъ объясняетъ полицейскому, что оскорбилъ его, что за это слѣдуетъ тюрьма, что для того только, чтобы подвергнуться аресту, онъ и крикнулъ бранныя слова. Но полицейскій не арестуетъ его,—все равно, за всѣми, кто ругаетъ полицію при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ, не угонишься,—и эта послѣдняя „надежда Жерома на правосудіе" рушится; его ожидаетъ голодная смерть—„на волѣ".—Этимъ заканчивается оригинальная повѣсть Анатоля Франса, сочетающая реалистическое описаніе рабочаго быта съ философскимъ освѣщеніемъ самыхъ обыденныхъ происшествій. Изъ простого fait divers, мелкаго уличнаго происшествія, закончившагося разбирательствомъ у мирового судьи, Франсъ извлекъ истины, освѣщающія тяжелыя противорѣчія общественной жизни. И къ идейному интересу присоединяется совершенство его художественной манеры, острота его ироніи, красота стиля:—не даромъ Анатоль Франсъ считается первымъ стилистомъ среди современныхъ французскихъ писателей.—З. В.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 іюля 1902.

Десятилѣтіе Городового положенія 1892-го года—и совпадающее съ нимъ правительственное „обозрѣніе" с.-петербургскаго городского общественнаго управленія.—Своеобразный критерій оцѣнки правительственныхъ мѣропріятій и назначеній.—Предостереженіе, данное „Гражданину".—„Логика жизни" и обыкновенная логика.—Еще о дѣлѣ чернскаго уѣзднаго предводителя дворянства.—Постоянное и временное устройство средней школы.

11-го минувшаго іюня исполнилось десять лѣтъ со времени изданія дѣйствующаго нынѣ городового положенія. По справедливому замѣчанію писателя, спеціально изучившаго городское хозяйство—Г. И. Шрейдера, автора недавно вышедшей книги: „Наше городское общественное управленіе",—городская реформа наиболѣе полно воплотила въ себѣ тѣ принципы, которые положены были въ основаніе преобразованій 80-хъ и начала 90-хъ годовъ — принципы бюрократической опеки. „Отъ городского дѣла—говоритъ г. Шрейдеръ—оказались устраненными наиболѣе заинтересованные въ немъ и наиболѣе жизнедѣятельные элементы населенія. Лучшимъ городскимъ управленіямъ,—какъ это особенно ярко выяснилъ процессъ тифлисской городской управы,—приходится считаться съ непреодолимыми препонами именно тогда, когда они наиболѣе правильно понимаютъ свои задачи и стараются выполнить ихъ наиболѣе удовлетворительно. Ненормальная постановка взаимоотношеній думы и управы, неизбѣжно превращающая ихъ въ два воюющихъ лагеря, уничтожила послѣднюю возможность спокойной и плодотворной работы. Словомъ, въ день перваго десятилѣтія городового положенія 11 іюня 1892 года приходится провозгласить его банкротство. Чтобы вывести наше городское хозяйство и управленіе изъ того тупика, въ которомъ оно очутилось, есть только одинъ выходъ: привлеченіе къ городскому управленію возможно болѣе широкихъ круговъ городского населенія и предоставленіе имъ возможно широкой самодѣятельности" [1]). Совершенно правъ г. Шрейдеръ и тогда, когда прибавляетъ, что все сказанное имъ—не новость; но есть всѣмъ извѣстныя истины, о которыхъ необходимо напоминать какъ можно чаще. Ко всему тому, что̀ много разъ говорилось нами на ту же тему, прибавимъ еще одинъ фактъ, показывающій съ особенною ясностью, что

[1]) См. № 156 „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей".

лучше существующей системы было даже городовое положеніе 1870-го года, несмотря на всѣ его громадные недостатки.

Со времени вступленія въ силу городового положенія 1892-го года въ городѣ Вольскѣ (саратовской губерніи), какъ и въ большинствѣ другихъ, избирателями—а слѣдовательно и гласными,—оказались почти одни купцы, между тѣмъ какъ при дѣйствіи прежняго городового положенія большинство въ думѣ принадлежало мѣщанамъ. Большую роль въ вольскомъ городскомъ хозяйствѣ играла и играетъ городская земля, которою городъ владѣетъ въ довольно большомъ количествѣ (около 25 тыс. десятинъ). Огромную важность она имѣетъ и для населенія, такъ какъ значительная часть его занимается хлѣбопашествомъ. Какъ распоряжалась дума городской землею лѣтъ двадцать тому назадъ—это описано подробно въ одномъ изъ нашихъ внутреннихъ обозрѣній [1]. Нельзя сказать, чтобы существовавшіе тогда способы эксплуатаціи городской земли были близки къ совершенству: въ думѣ, благодаря трехразрядной избирательной системѣ, и тогда имѣли немалое вліяніе богатые торговцы и заводчики, пользовавшіеся имъ не всегда безпристрастно. Часть пахатной и сѣнокосной земли сдавалась въ аренду крупными участками, доступными только для людей состоятельныхъ; изъ числа болѣе мелкихъ участковъ многіе сосредоточивались въ однѣхъ рукахъ; иногда крупными участками продавалась и часть городского лѣса, назначеннаго къ вырубкѣ. Не забыты, однако, были и интересы менѣе достаточныхъ городскихъ жителей. Часть пахатной земли (около 3 тыс. дес.) сдавалась въ пользованіе мѣщанамъ за небольшую плату (2 руб. 33 коп. съ десятины), съ тѣмъ, чтобы они распредѣляли ее между собою черезъ посредство особыхъ лицъ („сотенниковъ"), избранныхъ уполномоченными мѣщанскаго общества. Въ 1881 г. пользовались землею, на этомъ основаніи, триста три съемщика; величина каждаго участка была пропорціональна числу душъ, приписанныхъ къ семейству съемщика. Бо́льшая часть городского сѣнокоса (около 3250 десятинъ) была раздѣлена на десять тысячъ паевъ, сдававшихся желающимъ безъ торговъ, по цѣнѣ, зависѣвшей отъ урожая травы и отъ спроса на сѣно (отъ 2 до 3 рублей). Распредѣленіе паевъ производилось сотенниками, также соразмѣрно величинѣ семей. Небольшими паями (за 25—75 коп.) продавалась и часть лѣса. Совершенно другую картину рисуетъ корреспонденція, напечатанная недавно въ „Саратовскомъ Дневникѣ" (№ 7). Вслѣдъ за измѣненіемъ состава думы арендная плата за десятину пахатной земли была поднята съ 3 до 6 рублей; затѣмъ у мѣщанъ отобрали

---

[1]) См. № 10 „Вѣстника Европы" за 1890 г., стр. 807—816; Вольскъ означенъ здѣсь литерами NN (подъ литерой N разумѣется сосѣдній съ Вольскомъ Хвалынскъ).

землю, которая дѣлилась ими по душамъ, разбили ее на участки и стали сдавать съ торговъ, нагоняя цѣну до 15—20 руб. за десятину. „Что же дѣлать? Податься некуда", говорили мѣщане—и снимали непомѣрно дорогую землю. Подняты были цѣны и на луга, и на лѣсъ. Мѣщане быстро бѣднѣли; на нихъ накоплялись неоплатныя недоимки, за которыя дума сводила у нихъ лошадей со двора. Пробовали они нѣсколько разъ ходатайствовать о пониженіи избирательнаго ценза, но безуспѣшно. „Не одни земледѣльцы страдаютъ" — читаемъ мы дальше; „разные мелкіе торговцы и ремесленники, торгующіе на столикахъ и съ ларей на базарной площади, должны ежегодно увеличивать плату за мѣста, такъ какъ управа систематически повышаетъ ее на торгахъ. Въ женской гимназіи обыкновенно освобождалось отъ платы за ученье до 60 бѣдныхъ ученицъ; теперь рѣшено, для увеличенія городскихъ доходовъ, сократить это число на половину. Какое дѣло думѣ, если изъ-за ея грошовой экономіи нѣсколькимъ ученицамъ придется выйти даже изъ старшихъ классовъ! Надумала также дума и въ начальныхъ школахъ извлекать доходы: разрабатывается проектъ взиманія платы съ иногороднихъ учениковъ. Покровительствуетъ дума только интересамъ купцовъ и капиталистовъ. Перевозъ черезъ Волгу былъ снятъ съ торговъ на десять лѣтъ по 4.210 руб., но, по просьбѣ арендатора, арендная плата была понижена сначала до 3, потомъ до $1^1/_2$ тыс. руб. А сколько пролито слезъ мѣщанами-земледѣльцами изъ-за нѣсколькихъ рублей недоимки"!.. Аналогичныя причины не могутъ не приводить къ аналогичнымъ послѣдствіямъ. Мы вполнѣ убѣждены, что явленія, подобныя происходящимъ въ Вольскѣ, повторяются, въ той или другой мѣрѣ, почти во всѣхъ городахъ имперіи—и будутъ повторяться до тѣхъ поръ, пока не будетъ радикально измѣнено городовое положеніе.

Что необходимость коренной перемѣны сознается и правительствомъ—это доказывается, между прочимъ, „всестороннимъ обозрѣніемъ" с.-петербургскаго городского общественнаго управленія, предпринятымъ, по Высочайшему повелѣнію, съ цѣлью выясненія недостатковъ существующаго его строя, и возложеннымъ на товарища министра внутреннихъ дѣлъ, Н. А. Зиновьева [1]). Строй городского общественнаго управленія въ Петербургѣ, въ главныхъ чертахъ, тотъ же самый, какъ и вездѣ; недостатки его здѣсь только болѣе замѣтны, какъ вслѣдствіе выдающагося положенія, занимаемаго столицей, такъ и вслѣдствіе особенно неудачныхъ выборовъ 1897-го года, дѣйствіе которыхъ продолжено, сверхъ того, за предѣлы нормальнаго срока.

[1]) Случилось такъ, что къ производству „обозрѣнія" Н. А. Зиновьевъ приступилъ 11-го іюня, т.-е. какъ разъ въ тотъ день, когда исполнилось десять лѣтъ со времени изданія городового положенія.

Несомнѣнно поэтому, что реформа городскихъ порядковъ въ Петербургѣ должна повлечь за собою повсемѣстное ихъ преобразованіе, т.-е. общій пересмотръ городового положенія 1892-го года. Весьма интересна, съ этой точки зрѣнія, корреспонденція изъ Петербурга, напечатанная въ № 159 „Московскихъ Вѣдомостей". Основываясь на словахъ „свѣдущаго человѣка", корреспондентъ сообщаетъ, что „обозрѣніе" имѣетъ цѣлью вовсе не „открытіе хищеній", а выясненіе причинъ, тормазящихъ разныя полезныя начинанія, и еще болѣе—„изслѣдованіе самаго матеріала городского управленія со стороны количества и качества". „Городовое положеніе 1892-го года"—говорилъ корреспонденту „свѣдущій человѣкъ", — создало порядокъ вещей, при которомъ на полтора милліона жителей столицы приходится всего шесть-семь тысячъ избирателей. Изъ этого ограниченнаго числа 65% составляютъ торговцы. Какъ я слышалъ, въ правительственныхъ сферахъ находятъ неудовлетворительнымъ ни количество, ни качество избирателей. Затѣмъ есть еще вопросъ чрезвычайной важности: это причина неудачности выборовъ. За послѣднія десять лѣтъ происходили четыре раза выборы [1]), и ни одного раза они не дали законнаго числа гласныхъ. Очевидно, такое положеніе не можетъ длиться; нужно отыскать корень зла, какъ бы онъ горекъ ни былъ". Итакъ, даже въ реакціонной газетѣ признается, наконецъ, несостоятельность порядка, созданнаго городовымъ положеніемъ 1892-го года. Она идетъ еще дальше—и подвергаетъ критикѣ одно изъ началъ, общихъ обоимъ городовымъ положеніямъ, прежнему и нынѣ дѣйствующему: совмѣстительство въ лицѣ городского головы обязанностей предсѣдателя городской думы и предсѣдателя городской управы. Отъ такого совмѣстительства, по словамъ сотрудника „Московскихъ Вѣдомостей", „сильно страдаютъ интересы городской кассы и городского хозяйства. Много нужно отдѣльному гласному гражданскаго мужества, чтобы напроломъ идти противъ предсѣдателя, маскирующаго грѣхи и упущенія предсѣдателя управы, т.-е. свои же собственные упущенія и грѣхи". Для періодическихъ изданій, позволяющихъ себѣ „свое сужденіе имѣть", все это давно уже составляетъ азбучную истину; но, въ силу поговорки: „лучше поздно, чѣмъ никогда", пріятно встрѣтить признаніе этой истины—и другихъ, съ нею сходныхъ,—въ газетѣ, до сихъ поръ упрекавшей городовое положеніе только въ слишкомъ слабомъ развитіи административной опеки. Перемѣна фронта, хотя бы по одному частному вопросу, тѣмъ болѣе съ ея стороны похвальна, что нѣсколькими днями раньше (въ № 148) она предлагала своеобраз-

[1]) Это ошибка: на основаніи положенія 1892-го года выборы происходили въ Петербургѣ только два раза, въ 1893 и 1897 гг.

ный критерій оцѣнки правительственныхъ распоряженій. Въ Россіи,— увѣряла она,—„можно предсказать впередъ пользу и жизненность правительственнаго мѣропріятія. Коли либеральная клика его бранитъ (?!) и недовольна, значитъ оно послужитъ ко благу народу и порядку; коли она его хвалитъ и привѣтствуетъ, можно заранѣе съ увѣренностью сказать, что мѣропріятіе будетъ имѣть обратное значеніе". Конечно, городовое положеніе 1892-го года предметомъ *брани* со стороны тѣхъ, кого московская газета причисляетъ къ „либеральной кликѣ", никогда не было; но они съ самаго начала указывали, насколько могли, его недостатки, теперь признанные оффиціально... Критерій, оказавшійся непригоднымъ въ одномъ случаѣ, становится по меньшей мѣрѣ спорнымъ и по отношенію ко всѣмъ другимъ.

„Критерій", о которомъ мы только-что упомянули, прилагается его изобрѣтателемъ не только къ правительственнымъ мѣропріятіямъ, но и къ назначеніямъ на высокія должности: и здѣсь неудовольствіе „либеральной клики" рекомендуется принимать за лучшее доказательство цѣлесообразности назначенія. На этой почвѣ возраженія противъ „критерія" особенно затруднительны. Только подробная и правдивая исторія государственнаго совѣта—исторія, которую прочтутъ, можетъ быть, лишь наши отдаленные потомки,—покажетъ, напримѣръ, что̀ внесли въ жизнь этого учрежденія бывшіе губернаторы Татищевъ и Анастасьевъ, назначеніе которыхъ членами государственнаго совѣта возбудило, въ свое время, ликованія извѣстной газетной группы—и недоумѣніе, по поводу такихъ ликованій, тѣхъ, кто не раздѣлялъ ея взглядовъ. Какъ ни ничтожно было на самомъ дѣлѣ значеніе „Татищевскихъ бесѣдъ", теперь прославляемыхъ ретроспективно (см. № 137 „Московскихъ Вѣдомостей"), и онѣ найдутъ соотвѣтствующее мѣсто въ лѣтописи послѣдняго десятилѣтія XIX-го вѣка. Исторія покажетъ также, кто былъ болѣе правъ въ 1887 г.—тѣ ли, которые привѣтствовали съ восторгомъ возвышеніе И. А. Вышнеградскаго, или тѣ, которые сожалѣли объ уходѣ Н. Х. Бунге. Мы хотимъ остановиться теперь только на оригинальныхъ мысляхъ, высказанныхъ „Московскими Вѣдомостями" по поводу общей стороны занимающаго насъ вопроса. „Наше правительство"—читаемъ мы въ той же статьѣ, гдѣ, по поводу призыва въ государственный совѣтъ гг. Платонова и Кривскаго, идетъ рѣчь о „Татищевскихъ бесѣдахъ",—„зачастую само себя обезсиливало путемъ назначеній членовъ высшихъ государственныхъ учрежденій. Еслибы таковые всегда назначались изъ числа людей заводомо и искренно преданныхъ русскимъ историческимъ началамъ, правительство явилось бы всегда одинаково твердымъ и устойчивымъ,

и монархи русскіе находили бы въ сенатѣ и государственномъ совѣтѣ твердую опору въ искреннемъ, сочувственномъ отношеніи къ ихъ предначертаніямъ. Между тѣмъ назначенія у насъ зачастую носили совершенно случайный характеръ: или назначались люди за выслугу лѣтъ, независимо отъ соотвѣтствія ихъ взглядовъ съ общею правительственною политическою программой, или, что̀ тысячекратно вреднѣе, въ высшія установленія назначались сановники, отстраняемые по разнымъ причинамъ отъ занимаемыхъ ими высокихъ постовъ. Люди этого разряда, какова бы ни была причина ихъ перемѣщенія, въ большинствѣ уходили скрѣпя сердце и, конечно, недовольные всѣмъ существующимъ строемъ и порядкомъ. Изъ нихъ создавалось въ высшихъ учрежденіяхъ то большинство, которое не только несочувственно относилось къ дѣйствіямъ правительства, но скорѣе склонно было радоваться его неудачамъ. Назначая такихъ лицъ въ высшія учрежденія, правительство тѣмъ самымъ лишь усиливало оппозицію и ставило затрудненія своей дѣятельности. Принципъ этотъ въ государствѣ монархическомъ, очевидно, не можетъ быть признанъ правильнымъ; и не въ немъ ли кроются въ значительной степени основныя причины неурядицы, періодически проявляющейся въ нашей внутренней жизни! Высшія учрежденія въ государствѣ монархическомъ должны быть ближайшими, искренними сотрудниками монарха въ трудномъ дѣлѣ управленія государствомъ, а потому элементы прямо враждебные ему не должны въ нихъ имѣть мѣсто. Казалось бы, это—аксіома, но она у насъ игнорировалась".

Само собою разумѣется, что „элементовъ, *враждебныхъ монарху*", „лицъ, *недовольныхъ всѣмъ существующимъ строемъ* и порядкомъ", въ средѣ нашихъ высшихъ государственныхъ учрежденій нѣтъ и быть не можетъ. Выходка московской газеты направлена, въ сущности, не противъ нихъ, а противъ „несогласно-мыслящихъ", т.-е. противъ тѣхъ, которые и на высокихъ постахъ сохраняютъ самостоятельность убѣжденій и, не во всемъ раздѣляя случайно господствующіе въ *данную минуту* взгляды, подаютъ голосъ противъ *нѣкоторыхъ* предложеній, поддерживаемыхъ тѣмъ или другимъ министромъ. Присутствіе такихъ лицъ въ высшемъ государственномъ учрежденіи не только умѣстно—оно въ высокой степени полезно, предупреждая то мертвящее однообразіе мнѣній, при которомъ нѣтъ гарантій противъ увлеченій и ошибокъ. Audiatur et altera pars—этотъ древній афоризмъ сохраняетъ свою силу вездѣ, гдѣ нужно не *исполненіе*, а *совѣщаніе*. Еслибы у насъ издавна господствовала система, столь беззастѣнчиво рекомендуемая московской газетой, государственный совѣтъ не имѣлъ бы въ своемъ составѣ такихъ выдающихся дѣятелей, какими были — называемъ только умершихъ, и только въ видѣ примѣра,—А. В. Голов-

нинъ, А. П. Заблоцкій-Десятовскій, Е. П. Старицкій, А. А. Абаза, М. С. Кахановъ, М. Н. Любощинскій, Н. И. Стояновскій, Е. А. Перетцъ, Н. Х. Бунге. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что и министръ, сколько-нибудь достойный имени государственнаго человѣка, предпочитаетъ видѣть передъ собою, рядомъ съ союзниками, принципіальныхъ противниковъ, способныхъ замѣтить и выставить на видъ слабыя стороны его проектовъ, чѣмъ сплошную массу единомышленниковъ, все утверждающихъ и одобряющихъ. Статья московской газеты, которую мы разбираемъ, проникнута нетерпимостью низшаго сорта—нетерпимостью не только неспособною, но и не желающею понять законность и неизбѣжность разногласій: и эту-то нетерпимость газета хотѣла бы перенести туда, гдѣ она всего болѣе опасна!.. Кампанія противъ независимости государственнаго совѣта предпринимается не въ первый разъ: ее велъ еще Катковъ, когда возставалъ противъ „изволенія неизвѣстныхъ народу генераловъ", противъ „обструкціонизма", противъ „игры въ парламентъ, въ большинство и меньшинство" [1]. „Къ числу аксіомъ, установленныхъ одинаково прочно и наукой, и практикой"—говорили мы тогда, возражая противъ страстныхъ, не знавшихъ мѣры обвиненій, — „принадлежала, повидимому, необходимость такого устройства законодательнаго механизма, при которомъ каждый законопроектъ подвергался бы разсмотрѣнію со всѣхъ сторонъ, выдерживалъ бы критику, исходящую изъ самыхъ различныхъ точекъ зрѣнія. Въ учрежденіи совѣщательномъ такая критика важнѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было; ничего не предрѣшая, она увеличиваетъ лишь количество свѣта, падающаго на предметъ, и облегчаетъ произнесеніе рѣшительнаго слова. Свобода обсужденія высоко цѣнилась вездѣ, гдѣ только существовало нѣчто похожее на нашъ государственный совѣтъ; ее допускалъ и поощрялъ, въ своемъ Conseil d'état, даже Наполеонъ I-ый; она процвѣтала въ прусскомъ Staatsrath, даже въ эпоху карлсбадскихъ постановленій, въ періодъ наибольшаго затишья политической жизни. Только въ средѣ, спеціально назначенной для критики, могъ раздаваться у насъ, въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ, голосъ Мордвинова,—и традиція, имъ созданная, развѣ только на самое короткое время исчезала безслѣдно. Nous avons changé tout cela— хотятъ сказать теперь наши газетные ультра-реакціонеры. Имъ ненавистно самостоятельное разсужденіе, гдѣ бы оно ни встрѣчалось, хотя бы въ административныхъ сферахъ, если оно несогласно съ ихъ реакціоннымъ credo". Роль мольеровскаго доктора, возбуждавшую тогда наше негодованіе, продолжаютъ играть теперь эпигоны Кат-

---

[1]) См. Внутр. Обозр. въ №№ 4 и 6 „Вѣстн. Европы" за 1886 г.

кова, съ его смѣлостью, но, конечно, безъ его таланта; сообразно съ этимъ измѣняется и внушаемое ими чувство...

Мы всегда останавливались съ особеннымъ вниманіемъ на предостереженіяхъ, объявляемыхъ консервативнымъ періодическимъ изданіямъ, потому что видѣли въ нихъ особенно яркое указаніе на несовершенство дѣйствующаго законодательства о печати. Въ концѣ 1885-го года были даны почти одновременно предостереженія „Гражданину“ и „Руси“ (во главѣ которой стоялъ тогда И. С. Аксаковъ). „Что̀ означаетъ“,—спрашивали мы тогда [1]),—эта строгость по отношенію къ собственнымъ союзникамъ“?—и находили отвѣтъ въ угнетенномъ положеніи печати. „Свободное, прямо сказанное слово становится чѣмъ-то непріятнымъ для слуха, все равно, откуда бы оно ни шло, чѣмъ бы ни было вызвано. Контроль надъ печатью распространяетъ свою дѣятельность далеко за первоначально намѣченные для него предѣлы. Такъ было во Франціи, когда тамъ существовала система административныхъ взысканій: въ 1852 г. авторъ ея, Персиньи, заявилъ оффиціально, что она угрожаетъ только изданіямъ, безусловно враждебнымъ правительству,—но на самомъ дѣлѣ предостереженіямъ подвергались и чисто дѣловыя статьи, и даже оффиціозныя газеты. То же мы видимъ и у насъ въ Россіи. Въ журналѣ коммиссіи, составлявшей русскій законъ о печати, сказано: административныя взысканія находятъ для себя *единственное* извиненіе и *почти единственный* случай примѣненія, когда въ періодическомъ изданіи является такъ называемое вредное направленіе. Практика далеко разошлась съ намѣреніями законодателя“. То же самое приходится повторить и теперь, по поводу предостереженія, даннаго, 27-го минувшаго мая, „Гражданину“. Воспроизводить то мѣсто „Дневника“ кн. Мещерскаго, которымъ вызвана эта мѣра, мы не считаемъ себя въ правѣ; но самое предостереженіе мотивировано тѣмъ, что авторъ „позволяетъ себѣ рѣзкія сужденія о высшихъ должностныхъ лицахъ губернскаго управленія, забывая должное уваженіе къ симъ представителямъ власти“. Основаніемъ для кары, постигшей газету кн. Мещерскаго, является, такимъ образомъ, не *содержаніе* статьи, а только *тонъ* ея. Что кн. Мещерскій не имѣлъ въ виду подрывать уваженіе къ губернаторамъ, какъ къ представителямъ власти—это едва ли можетъ подлежать какому-либо сомнѣнію; слишкомъ извѣстны взгляды „Гражданина“ на призваніе администраціи вообще и губернаторовъ въ особенности. Критикуя, съ своей точки зрѣнія, дѣйствія нѣкото-

---

[1]) См. Внутр. Обозр. въ № 1 „Вѣстн. Европы“ за 1886 г., стр. 388.

рыхъ начальниковъ губерній (которыхъ онъ даже не называетъ), авторъ „Дневника“ могъ быть убѣжденъ, что онъ остается въ границахъ своего права и даже по-своему оберегаетъ престижъ и авторитетъ органовъ власти. Тонъ рѣчи, самъ по себѣ взятый, служитъ вообще мало подходящимъ объектомъ для административныхъ каръ, оправдываемыхъ требованіями общественнаго порядка и спокойствія; съ еще бо̀льшимъ основаніемъ это можно сказать о тонѣ органа, признающаго себя и признаваемаго охранительнымъ по преимуществу... Быть можетъ, все это можно объяснить до нѣкоторой степени тѣмъ, что послѣ новаго узаконенія о предостереженіяхъ, они не имѣютъ прежняго тяжкаго значенія: первое предостереженіе, полученное „Гражданиномъ“, сохраняетъ силу только въ теченіе одного года, если за нимъ въ томъ же году не послѣдуютъ другія.

Признавая, что между понятіями о „Гражданинѣ“ и объ административномъ предостереженіи существуетъ нѣкоторое внутреннее противорѣчіе, мы думаемъ, что еслибы существовали предостереженія со стороны логики и справедливости, то никому они не доставались бы такъ часто и въ такой суровой формѣ, какъ именно газетѣ кн. Мещерскаго. Противопоставляя, по временамъ, „логику тенденція“ „логикѣ жизни“, она постоянно забываетъ, что логика только *одна*, для всѣхъ одинаково обязательная и требующая, прежде всего, послѣдовательности мышленія. Сегодня (въ № 43) кн. Мещерскій возстаетъ противъ мнѣнія „Юридической Газеты“ о возможности установленія таксы на квартиры, усматривая въ немъ соціалистическіе замыслы,—а завтра (въ № 44) выражаетъ сочувствіе членамъ административной коммиссіи, предлагавшимъ обязать фабрикантовъ не возвышать произвольно цѣны на свои произведенія. Что такса на товары (не первой необходимости) ничѣмъ, въ сущности, не отличается отъ таксы на квартиры, что какъ та, такъ и другая одинаково несогласны съ ходячими взглядами на абсолютный характеръ частной собственности и, слѣдовательно, одинаково могутъ (или одинаково не могутъ) быть включены въ категорію „соціалистическихъ“ мѣропріятій—это для „Гражданина“ или непонятно, или безразлично. Ему нужно уколоть не симпатичное ему должностное лицо—и онъ спокойно забываетъ сказанное имъ наканунѣ. Сегодня онъ не шутя предлагаетъ учрежденіе въ каждой губерніи *дворянской земельной общины* (№ 38), „съ круговою отвѣтственностью, съ общественными деньгами, съ общественными сельско-хозяйственными предпріятіями, съ общественною культурою“,—а что̀ сказалъ бы онъ завтра, еслибы кто-нибудь предложилъ подобное объединеніе какого-нибудь другого общественнаго класса? Онъ находитъ, что „огражденіе крестьянина ревизіоннымъ и апелляціоннымъ порядкомъ отъ судебнаго произвола волостного суда“ есть

„дѣйствіе революціонно-разрушительной пропаганды“ (№ 37),—а что сказалъ бы онъ о предложеніи отмѣнить обжалованіе приговоровъ обыкновенныхъ судовъ, составъ которыхъ неизмѣримо выше, производство —неизмѣримо правильнѣе, чѣмъ составъ и производство волостного суда? Не своеобразна ли та логика, которая заставляетъ его съ одной стороны превозносить выше небесъ институтъ земскихъ начальниковъ, съ другой—негодовать на предоставленный этому институту контроль надъ волостнымъ судомъ? Въ основаніи подобныхъ противорѣчій едва ли лежитъ сознательная мысль; они объяснимы только инстинктивными тенденціями—тенденціями, подъ властью которыхъ превозносится произволъ, восхваляются грубѣйшія формы расправы, извращаются понятія о правѣ. И вотъ, такая газета, какъ „Гражданинъ“, позволяетъ себѣ оплакивать упадокъ ежедневной прессы! Отъ кого же авторитетъ повременной печати страдаетъ больше, чѣмъ отъ органовъ, изо дня въ день, безъ увлеченія и таланта, проповѣдующихъ низменный сословный эгоизмъ, приниженность и безправность народной массы? Есть, конечно, газеты, наполняемыя пустяками, роняющія вкусъ своей публики или, лучше сказать, поддерживающія его на низкомъ уровнѣ; но онѣ и не претендуютъ зато на разрѣшеніе крупныхъ вопросовъ, на руководство общественнымъ мнѣніемъ. Утѣшительно лишь одно—что претензіи „Гражданина“, столь рѣзко непропорціональныя его умственнымъ и нравственнымъ силамъ, мало кого вводятъ въ заблужденіе, мало кѣмъ понимаются какъ нѣчто серьезное. Кромѣ небольшого числа поклонниковъ, его читаютъ только тѣ, кто ищетъ въ немъ отдаленныхъ отголосковъ чего-то происходящаго въ другихъ сферахъ [1].

Два мѣсяца тому назадъ мы ознакомили нашихъ читателей съ любопытнымъ чернскимъ инцидентомъ, восходившимъ на разсмотрѣніе Прав. сената. Мы не стали бы, конечно, возвращаться къ этой темѣ, еслибы „Московскими Вѣдомостями“ (№ 154) не была сдѣлана попытка оправдать дѣйствія чернскаго предводителя дворянства, най-

[1]) Просматривая послѣдніе №№ „Гражданина“, мы натолкнулись въ одномъ изъ нихъ (№ 89, „Письмо въ редакцію“) на слѣдующія слова: „Вѣстникъ Европы, довольно хорошо освѣдомленный относительно настроенія министерскихъ сферъ (!?), недавно высказалъ, что такъ какъ министръ юстиціи не требуетъ уничтоженія (лишенія судебной власти) земскихъ начальниковъ, какъ состоящихъ въ чужомъ вѣдомствѣ, то этотъ вопросъ будетъ поднятъ самимъ Государственнымъ Совѣтомъ *немедленно же* (курсивъ подлинника) по внесеніи въ оный проекта судебной реформы“. Мы были бы очень признательны автору письма или редактору „Гражданина“ за указаніе, когда и гдѣ это было высказано нашимъ журналомъ?

денныя неправильными рѣшеніемъ высшаго административнаго суда. Прав. сенатъ призналъ письмо, съ которымъ г. Сухотинъ обратился къ земскому начальнику Карпову, документомъ *оффиціальнымъ*; „Московскія Вѣдомости" находятъ, что такъ какъ самъ г. Сухотинъ, въ объясненіи своемъ на жалобу г. Карпова, назвалъ это письмо *частнымъ*, то едва ли какая-либо власть въ правѣ придавать ему другой характеръ. Итакъ, квалификація дѣянія зависитъ исключительно отъ самого обвиняемаго? Какъ онъ назоветъ свой поступокъ, такъ на него и обязана смотрѣть судебная или иная власть? Столь оригинальное мнѣніе, очевидно, придумано ad hoc: примѣненное къ другому случаю, оно, конечно, не нашло бы мѣста на страницахъ московской газеты. Значеніе документа всегда опредѣляется его содержаніемъ, а не кличкой, которую ему даетъ—да еще вдобавокъ post factum и съ цѣлью самозащиты,—заинтересованное лицо. Въ письмѣ г. Сухотина встрѣчаются слѣдующія слова, устраняющія всякое сомнѣніе въ томъ, какъ смотрѣлъ на него, въ моментъ его составленія, самъ пишущій: „*какъ предводитель дворянства и какъ представитель власти въ уѣздѣ*, считаю долгомъ" и т. д. Столь же ясно оффиціальный характеръ письма обнаруживается и въ его заключеніи: г. Сухотинъ предупреждаетъ, что будетъ просить (не частнымъ, конечно, образомъ) объ удаленіи г. Карпова отъ должности земскаго начальника. Второй защитительный аргументъ заключается въ томъ, что „еслибы г. Сухотинъ дѣйствовалъ не на почвѣ чисто-нравственныхъ своихъ правъ въ отношеніи г. Карпова, то въ его дѣйствіяхъ было бы очевидное превышеніе власти",—а между тѣмъ сенатъ превышенія власти въ нихъ не нашелъ. Неужели, однако, „Московскія Вѣдомости" не знаютъ, что множество дѣлъ, разсматриваемыхъ въ дисциплинарномъ порядкѣ, оканчивается именно такъ, какъ окончилось дѣло г. Сухотина: непривлеченіемъ обвиняемаго къ *судебной* отвѣтственности, за отсутствіемъ признаковъ *преступленія*—и вмѣстѣ съ тѣмъ разъясненіемъ неправильности, неумѣстности или неприличія инкриминированныхъ дѣйствій? Никакого противорѣчія въ рѣшеніи сената нѣтъ: не находя основаній для возбужденія противъ г. Сухотина *уголовнаго* дѣла, онъ остался на почвѣ дисциплинарнаго производства, обнимающаго собою и маловажные случаи превышенія власти [1]. Нельзя, по мнѣнію „Московскихъ Вѣдомостей", считать письмо г. Сухотина „неумѣстнымъ" только потому, что онъ „вышелъ изъ предѣловъ возложенныхъ на него закономъ обязанностей": у человѣка есть, кромѣ

---

[1]) Вотъ подлинныя слова резолютивной части опредѣленія сената: „не усматривая въ дѣйствіяхъ Сухотина состава преступленія по должности, поставить ему на видъ его неумѣстныя и неприличныя дѣйствія по отношенію къ земскому начальнику Карпову".

обязанностей, „нравственныя права“, въ пользованіи которыми нѣтъ ничего неумѣстнаго. Въ области служебной кругъ дѣйствій каждаго служащаго опредѣляется не нравственными, а служебными его правами; признавъ письмо г. Сухотина относящимся къ этой области, сенатъ не имѣлъ надобности опредѣлять, на что уполномочивали г. Сухотина нравственныя права, принадлежащія ему не какъ предводителю, а какъ человѣку... Неумѣстными сенатъ призналъ также „разъясненія и наставленія, касающіяся ученія православной церкви, съ которыми г. Сухотинъ обращался къ волостнымъ старшинамъ, ибо подобнаго рода поученія относятся къ обязанностямъ представителей духовнаго вѣдомства, но отнюдь не предводителей дворянства“. „Московскія Вѣдомости“ не видятъ ничего неумѣстнаго въ томъ, что г. Сухотинъ „указывалъ крестьянамъ необходимость воспитанія дѣтей въ духѣ православной церкви и разъяснялъ, что по ученію церкви обязательно почтеніе къ старшимъ“. На самомъ дѣлѣ г. Сухотинъ не ограничивался совѣтами, основанными на прямомъ смыслѣ церковнаго ученія; онъ брался за болѣе сложныя задачи, причемъ изъ-подъ его пера выходили такія фразы: „всѣ эти лжеученія, что передъ Богомъ мы всѣ равные“ и т. д. Ихъ-то, по всей вѣроятности, и нашелъ неумѣстными Прав. сенатъ. И дѣйствительно, онѣ служатъ яснымъ доказательствомъ тому, во что можетъ обратиться попытка проповѣди, если она исходитъ отъ лица, не только не получившаго богословскаго образованія, но, вдобавокъ, плохо пишущаго по-русски... Совершенно неправильна, наконецъ, общая точка зрѣнія, которую старается провести московская газета. „Еслибы сенатъ,—говоритъ она,—нашелъ дѣйствія чернскаго предводителя дворянства *незаконными*, то, разумѣется, это было бы указаніе высокой важности; но что касается *умѣстности* и особенно *приличія*, то это вопросы, въ которыхъ вполнѣ могутъ быть компетентными всѣ развитые и благовоспитанные люди, каковыхъ особенно много въ средѣ дворянства“. Здѣсь упущено изъ виду, что въ рѣшеніи сената говорится объ умѣстности и приличіи не въ салонномъ или общежитейскомъ смыслѣ этихъ словъ, а въ смыслѣ техническомъ, въ примѣненіи ихъ къ области государственной службы. Для компетентнаго сужденія о вытекающихъ отсюда вопросахъ недостаточно одной благовоспитанности... Высоко цѣня широкую, всестороннюю, свободную критику оффиціальныхъ актовъ, въ томъ числѣ и судебныхъ рѣшеній, мы отнюдь не оспариваемъ право „Московскихъ Вѣдомостей“ на обсужденіе и даже осужденіе сенатскихъ рѣшеній; мы хотимъ только показать несостоятельность дѣленія, которое онѣ пытаются провести между различными категоріями рѣшеній. Каковъ бы ни былъ заключительный выводъ рѣшенія, оно одинаково подлежитъ раз-

бору—но съ помощью аргументовъ и пріемовъ *однородныхъ* съ тѣми, на которыхъ оно основано.

Грустно видѣть, какъ самые важные правительственные акты, вслѣдъ за ихъ обнародованіемъ, становятся, для извѣстныхъ органовъ печати, поводомъ къ повторенію обвиненій, направленныхъ противъ несимпатичныхъ имъ государственныхъ дѣятелей, и къ предсказаніямъ, лишеннымъ всякой прочной основы. Вотъ, напримѣръ, что̀ мы читаемъ въ статьѣ, посвященной „Московскими Вѣдомостями" (№ 160) Высочайшему рескрипту на имя управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія: „педагоги (это слово поставлено въ кавычки), взявшіеся за реформу нашей школы, ввергли нашу среднюю и высшую школу въ невообразимый хаосъ, сдѣлавъ все возможное, чтобы наша учащаяся молодежь утратила чувство долга и предалась необузданному своеволію и дерзкому сомнѣнію". Какіе „педагоги" здѣсь имѣются въ виду—объ этомъ не можетъ быть двухъ различныхъ мнѣній; рѣчь идетъ, очевидно, не о временахъ гр. Делянова и Н. П. Боголѣпова, а о только что закончившемся періодѣ исторіи министерства народнаго просвѣщенія. Чтобы говорить такимъ тономъ, нужно было забыть, прежде всего, знаменательныя слова Высочайшаго рескрипта: „дабы при выполненіи этой работы (составленія проектовъ преобразованія средней школы и высшихъ учебныхъ заведеній) воспользоваться тѣмъ, что̀ Я призналъ полезнымъ въ предположеніяхъ вашихъ *ближайшихъ предшественниковъ*, Мною разрѣшено вамъ подвергнуть новому разсмотрѣнію составленные ими проекты, касающіеся средней школы". Итакъ, и теперь не все сдѣланное въ теченіе послѣдняго года признается „небывалымъ прискорбнымъ недоразумѣніемъ" (выраженіе „Московскихъ Вѣдомостей"). Въ другомъ мѣстѣ рескрипта мы читаемъ: „родительскому сердцу Моему было отрадно узнать, что значительное большинство студентовъ въ концѣ нынѣшняго учебнаго года, въ самостоятельномъ сознаніи своего долга, вернулось къ учебнымъ занятіямъ и къ порядку". Достаточно вспомнить, что этотъ результатъ былъ достигнутъ при П. С. Ванновскомъ, чтобы оцѣнить по достоинству упрекъ, посылаемый московской газетой ему и его сотрудникамъ. Кто знаетъ хоть сколько-нибудь исторію студенческихъ волненій, тому очень хорошо извѣстно, что въ минувшемъ учебномъ году они были менѣе интенсивны и менѣе продолжительны, чѣмъ въ непосредственно предшествовавшіе періоды. Что касается до среднихъ учебныхъ заведеній, то здѣсь, въ періодъ ожиданія коренной реформы, спокойствіе и порядокъ господствовали отнюдь не меньше, чѣмъ тогда, когда ни о какомъ преобразованіи не было и слышно. Чувство „стыда", которое москов-

ская газета приписываетъ ненавистнымъ ей „педагогамъ", слѣдовало бы испытывать ей самой, въ виду безцеремоннаго обращенія ея съ приличіемъ и правдой.

„Относительно устройства средней школы"—сказано въ Высочайшемъ рескриптѣ,—„Я желаю, чтобы она была трехъ разрядовъ: низшая съ законченнымъ курсомъ образованія, средняя школа разныхъ типовъ, также съ законченнымъ образованіемъ, и средняя съ подготовительнымъ для университета курсомъ школы". „Московскія Вѣдомости" считаютъ несомнѣннымъ, что подъ именемъ средней школы послѣдняго рода разумѣется гимназія, и только гимназія. Онѣ не видятъ или не хотятъ видѣть, что впадаютъ при этомъ въ противорѣчіе сами съ собою. „Кто хочетъ учиться *для жизни*"—вотъ ихъ подлинныя слова,—„пусть учится въ общеобразовательныхъ среднихъ школахъ различныхъ типовъ, приспособленныхъ къ различнымъ практическимъ профессіямъ, *не нуждающимся въ спеціальномъ изученіи наукъ*. Всѣ эти школы должны быть приноровлены къ среднимъ способностямъ учащихся, такъ чтобы всѣ эти учащіеся могли получить болѣе или менѣе законченное общее среднее образованіе, *не претендуя на высшее*. Но тотъ, кто пожелаетъ въ средней школѣ учиться для науки, обладая для сего необходимыми умственными дарованіями, *тотъ долженъ учиться въ гимназіи*". Мы также думаемъ, что среднія школы второй категоріи предназначаются для тѣхъ, кто не стремится къ высшему образованію: это видно изъ того, что образованіе, получаемое въ этихъ школахъ, Высочайшій рескриптъ называетъ *законченнымъ*. Но именно отсюда мы заключаемъ, что средняя школа послѣдней категоріи не исчерпывается гимназіей въ нынѣшнемъ смыслѣ этого слова, т.-е. *классической* гимназіей. Вѣдь высшее образованіе даютъ не только университеты, но и многія другія учебныя заведенія, въ которыхъ „спеціально изучаются науки" и которыя именно потому всѣми безспорно причисляются къ высшимъ. Должна, слѣдовательно, существовать и средняя школа, имѣющая въ виду не „законченное образованіе", а именно приготовленіе къ высшимъ спеціальнымъ школамъ, къ числу которыхъ принадлежатъ, въ сущности, и нѣкоторые университетскіе факультеты (напр. медицинскій). Вопросъ о томъ, одна ли гимназія должна готовить къ высшему образованію, разрѣшается, слѣдовательно, далеко не такъ просто, какъ кажется „Московскимъ Вѣдомостямъ".

Не знаменуютъ собою возвращенія къ прежнему порядку и временныя правила о программахъ, которыхъ должны держаться гимназіи и реальныя училища въ наступающемъ учебномъ году. Въ ту минуту, когда мы пишемъ эти строки, они не прошли еще черезъ послѣднюю инстанцію—совѣтъ министра народнаго просвѣщенія; но едва ли онъ внесетъ большія поправки въ проектъ, составленный коммиссіей ди-

ректоровъ учебныхъ заведеній и нѣсколько измѣненный ученымъ комитетомъ министерства. Хотя ученый комитетъ, вопреки мнѣнію коммиссіи, безусловно возстановилъ преподаваніе греческаго языка въ четвертомъ классѣ гимназіи (но не въ третьемъ, гдѣ оно начиналось прежде), но это мотивировано тѣмъ, что предположеніе коммиссіи о возможномъ третьемъ типѣ средней школы (гимназіи съ однимъ древнимъ языкомъ), какъ затрогивающее по существу и отчасти предрѣшающее общій вопросъ о будущей реформѣ, не можетъ подлежать обсужденію въ настоящее время, когда идетъ рѣчь только объ устройствѣ занятій въ теченіе одного учебнаго года. Преподаваніе латинскаго языка какъ коммиссія директоровъ, такъ и ученый комитетъ полагаютъ начинать въ будущемъ году съ третьяго класса, преподаваніе исторіи—съ перваго; удержано также преподаваніе природовѣдѣнія въ трехъ младшихъ классахъ.

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. Стасюлевичъ.

ПИСЬМА
ВЛАДИМІРА СОЛОВЬЕВА

къ кн. Д. Н. Цертелеву.

1874—1878 гг. *).

I.

Москва, 19 іюня 1874 г.

Будучи всегда готовъ, многоуважаемый Дмитрій Николаевичъ, и устно, и письменно говорить о философскихъ предметахъ, я уже собирался отвѣтить вамъ цѣлою диссертаціей въ эпистолярной формѣ и изложить тѣ общія начала, на основаніи которыхъ можно бы было дойти до положительнаго разрѣшенія нашего недоразумѣнія; но такъ какъ мнѣ приходится излагать эти общія начала въ моей настоящей диссертаціи и, конечно, съ бо̀льшей полнотой, нежели это можно сдѣлать въ письмѣ, то я и счелъ теперь болѣе удобнымъ ограничиться только тѣмъ, что̀ прямо относится къ вашимъ возраженіямъ.

Все, что̀ сказано о догматизмѣ на 2-й стр., относится собственно къ „непосредственно передъ Кантомъ господствовавшей догматической метафизикѣ“, т.-е. системѣ Вольфа, и сказано только для того, чтобы показать исходную точку Канта. Вообще же о до-кантовской философіи и въ частности о системѣ

---

*) Сообщено княземъ Д. Н. Цертелевымъ.—*Ред.*

Декарта въ первой статьѣ упоминается только мимоходомъ, подробно же излагается въ четвертой, которую теперь оканчиваю: въ ней между прочимъ показанъ логическій переходъ отъ дуализма Декарта къ монизму Спинозы и далѣе до Канта, какъ это сдѣлано для послѣ-кантовскихъ системъ въ первой статьѣ.

„Онъ (идеализмъ) отрицаетъ внѣшній міръ—развѣ это значитъ рѣшить вопросъ?“ Выраженіе „отрицаетъ внѣшній міръ“ вы употребили, конечно, только для краткости, и мнѣ не нужно доказывать вамъ его неточность. Что же касается того, разрѣшается ли идеализмомъ метафизическій вопросъ, я полагаю, что *не* разрѣшается, но дѣлается возможнымъ его разрѣшеніе, поскольку идеализмъ доказываетъ немыслимость *безусловно*-предметнаго или безусловно внѣшняго бытія, доказываетъ, что „предметное бытіе“ имѣетъ смыслъ только *относительный*, именно относительно того, для котораго оно есть предметъ, такъ что предметность, внѣшность, вещество и т. д. суть *отношенія*, а не субстанція, и не можетъ быть непознаваемаго предмета или вещи, потому что быть предметомъ или вещью—ничего другого не значитъ, какъ быть познаваемымъ, и *внѣшній* міръ именно только и означаетъ *познаваемый* міръ, какъ это прямо слѣдуетъ изъ анализа понятій.

Теперь о пространствѣ: опредѣляя его какъ необходимое условіе нашего представленія, вы потомъ сами замѣчаете, что это опредѣленіе настолько обще, что имъ собственно ничего не разрѣшается. Въ самомъ дѣлѣ, какъ необходимое условіе нашего представленія пространство можетъ быть чѣмъ-нибудь само по себѣ, а чѣмъ—неизвѣстно, тогда какъ въ опредѣленіи Канта именно утверждается, что пространство существуетъ *только* въ представленіи, какъ его общая форма, а что̀ такое *въ представленіи*—это извѣстно непосредственно.

„Что же касается тѣлъ, которыя мы видимъ, мы должны къ нимъ относиться такъ же, какъ еслибы они были протяженныя“ et cet. Это не совсѣмъ точно. Мы относимся къ тѣламъ какъ къ протяженнымъ, потому что они дѣйствительно протяженны. Изъ того, что пространство существуетъ только въ представленіи, никакъ не слѣдуетъ, чтобы тѣла были непосредственны или непротяженны, потому что вѣдь и тѣла *какъ тѣла* существуютъ только въ представленіи. „Пространство есть общая форма представленія“—для идеализма вѣдь значитъ точно то же, что для реализма „пространство есть общее свойство тѣлъ“.

Кантъ называетъ матерію „das Bewegliche“, но что̀ такое Bewegung для Канта? Впрочемъ, какъ вамъ вѣроятно извѣстно,

Кантъ сводитъ въ концѣ концовъ матерію къ дѣйствію притягательныхъ и отталкивательныхъ *силъ*.

Я не утверждаю непознаваемость протяженной матеріи; я утверждаю ея несуществованіе, на томъ основаніи между прочимъ, что̀ дѣйствительное существованіе можно приписывать только тому, что̀ дается въ опытѣ внѣшнемъ или же внутреннемъ, но ни въ томъ, ни въ другомъ матеріи мы не находимъ; правда, мы имѣемъ во внѣшнемъ опытѣ предметы, обладающіе между прочимъ свойствами протяженности и матеріальности (т.-е. сопротивленія движенію), которыя сводятся анализомъ къ дѣйствію духовнаго начала, но матерія и протяженіе *сами по себѣ* суть во всякомъ случаѣ только отвлеченныя понятія разсудка, внѣ котораго, слѣдовательно, они и не существуютъ.

Бездна между *я* и *не-я*, о которой вы говорите, не существуетъ именно для идеализма, такъ какъ въ немъ *не-я* выводится изъ абсолютнаго *я*, какъ его внутреннее и необходимое дѣйствіе. Если еще соберетесь написать мнѣ, многоуважаемый Дмитрій Николаевичъ, изложите пожалуйста тѣ основанія, которыя заставляютъ васъ признавать въ веществѣ что-нибудь, кромѣ отношенія силъ, т.-е. духовныхъ началъ.

P.-S. Очень вамъ благодаренъ за карточку, а я все еще не собрался сняться, но когда-нибудь соберусь непремѣнно. До половины іюля я въ Москвѣ, въ Нескучномъ.

II.

Москва, 13 сентября 1874 г.

Спѣшу отвѣтить вамъ нѣсколько словъ до вашего отъѣзда въ Парижъ и моего въ Петербургъ. Теперь я такъ заваленъ обязательной работой, что долженъ на нѣкоторое время отложить весьма желательное мнѣ продолженіе нашей философской переписки. Дѣло въ томъ, что Юркевичъ, не будучи въ состояніи читать лекціи, просилъ меня взять это на себя во второе полугодіе, а потому я долженъ торопиться съ своимъ магистерствомъ, для чего и отправляюсь въ Петербургъ,—за границу такимъ образомъ я могу ѣхать только лѣтомъ; надѣюсь по крайней мѣрѣ увидѣться съ вами въ промежутокъ между вашимъ возвращеніемъ оттуда и моимъ отъѣздомъ туда.

Разговоръ о Лермонтовѣ, какъ вы угадали, возобновлялся у С. Несомнѣнно, что Лермонтовъ имѣетъ преимущество рефлексіи и отрицательнаго отношенія къ наличной дѣйствительности, хотя

я согласенъ съ С., что въ художественномъ отношеніи Пушкинъ выше. Что касается до стихотворенія „И скучно и грустно", то нельзя не отрицать, что по формѣ оно нѣсколько прозаично. Съ замѣчаніями же вашими относительно „das Ewig weibliche" я вполнѣ соглашаюсь, хотя съ другой стороны долженъ признать и ту печальную истину, что это Ewig weibliche, несмотря на свою очевидную несостоятельность, тѣмъ не менѣе, по какой-то фатальной необходимости zieht uns hinan съ силой непреодолимою.

У меня нѣтъ ни одного порядочнаго стихотворенія въ отдѣланномъ видѣ; Гамлетомъ займусь въ видѣ отдыха по возвращеніи изъ Петербурга; что же касается философскихъ статей, то пришлю вамъ въ Парижъ всю книгу, часть которой онѣ составляютъ и которая должна быть издана черезъ мѣсяцъ; это будетъ моя магистерская диссертація. Если у васъ въ Парижѣ будетъ опредѣленный адресъ, то сообщите мнѣ его тогда—это будетъ вѣрнѣе; мнѣ же пишите въ Москву: оттуда будутъ пересылать. Желаю вамъ благополучнаго путешествія.

P.-S. Въ Петербургѣ предполагаю увидѣть знаменитаго медіума Вильямса; если будетъ что̀ замѣчательное, напишу.

III.

Москва, 8 января 1875.

Что вы не пишете, многоуважаемый Дмитрій Николаевичъ, о томъ, что̀ видѣли вы въ Лондонѣ? Неужели ничего не видали? Или, напротивъ, такъ много видѣли и такія вещи, что въ письмѣ и передать нельзя? Съ большимъ нетерпѣніемъ ожидаю свиданія съ вами, между прочимъ и для того, чтобы окончить нашъ философскій споръ, къ чему посылаемая книжка можетъ дать поводъ.—Я занялъ каѳедру покойнаго Памфила Даниловича и на дняхъ начну читать лекціи въ его духѣ и направленіи, несмотря на совершенное различіе нашихъ характеровъ. Лѣтомъ ѣду въ Лондонъ на годъ или полтора, предоставляя каѳедру своему вновь избранному коллегѣ Троицкому, о которомъ вы, кажется, имѣете понятіе. Теперь буду читать историческое введеніе въ метафизику, а по возвращеніи изъ Лондона предполагаю—исторію древней философіи и метафизику. Я все болѣе и болѣе убѣждаюсь въ важности и даже необходимости спиритическихъ явленій для установленія настоящей метафизики, но пока не намѣренъ высказывать этого открыто, потому что дѣлу это пользы

не принесетъ, а мнѣ доставитъ плохую репутацію; къ тому же теперь я еще не имѣю никакихъ несомнѣнныхъ доказательствъ достовѣрности этихъ явленій, хотя вѣроятность въ пользу ихъ большая. Когда увидите А. Н. Аксакова, передайте ему мой поклонъ и благодарность за присылку Psych. Stud. Нужно бы было ему написать, такъ же какъ и Лапшину, но лѣнь у меня на письма страшная.

Надѣюсь, что вы во всякомъ случаѣ будете до лѣта въ Москвѣ, и потому до свиданія.

P.-S. Если еще не скоро будете, то пожалуйста пишите. Моя улица есть Денежный переулокъ, близъ Пречистенки.

IV.

Москва, 18 апрѣля 1875 г.

Вотъ уже вторая недѣля, дорогой Дмитрій Николаевичъ, какъ я каждый день собирался писать тебѣ и все не находилъ свободной минуты: такую велъ разсѣянную жизнь. Но сегодня положилъ ей конецъ и первымъ дѣломъ пишу тебѣ.

Пріѣхать къ тебѣ я хочу непремѣнно, но нѣсколько позднѣе, чѣмъ думалъ. На дняхъ я долженъ ѣхать въ Петербургъ на недѣлю, а затѣмъ 8-го мая у меня будетъ экзаменъ. 8-го же или 9-го могу выѣхать къ тебѣ. Напиши какъ мнѣ нужно тебѣ телеграфировать.

Прочелъ ли ты статью Вагнера, въ послѣдней книгѣ „Вѣстника Европы"? [1]). Статья весьма любопытна; особенно сильно въ пользу спиритизма говоритъ завѣдомая неудовлетворительность того объясненія, которое Вагнеръ даетъ явленіямъ, объективную реальность которыхъ онъ безусловно признаетъ. Во всякомъ случаѣ въ извѣстныхъ кругахъ эта статья должна производить сильное впечатлѣніе, которое, конечно, не можетъ быть ослаблено оговоркой редакціи „В. Е." и голословными выходками противъ спиритизма со стороны самого Вагнера.

Я оставилъ свое намѣреніе писать статью о матеріи. Вопросъ этотъ такъ важенъ, что о немъ должно или все сказать, или не говорить ничего. Вмѣсто этого я въ формѣ отвѣта Кавелину пишу теперь статью о дѣйствительности внѣшняго міра и объ основаніи метафизическаго познанія, которая должна дать болѣе опредѣлительную постановку этимъ вопросамъ, нежели въ диссертаціи.

---

[1]) „По поводу спиритизма". Письмо къ редактору (апрѣль, 1875).—*Ред.*

Катковъ послѣ смерти Леонтьева совсѣмъ пересталъ заниматься журналомъ, предоставивъ его вполнѣ Любимову. Сего послѣдняго я еще не видалъ. Когда увижу—на дняхъ, передамъ ему твои стихотворенія.

Будь здоровъ. Надѣюсь до скораго свиданія.

V.

Варшава, 27 іюля 1875 г.

Весьма виноватъ передъ тобой, дорогой Дмитрій Николаевичъ, что такъ долго не писалъ; впрочемъ были circonstances atténuantes. Теперь я на пути въ Лондонъ. Въ Варшавѣ пробылъ нѣсколько лишнихъ дней и потому не могу остановиться въ Берлинѣ; да вѣроятно тамъ теперь Гартмана и нѣтъ; познакомлюсь съ нимъ на обратномъ пути.—Благодарю тебя за вниманіе къ моимъ стихамъ; съ замѣчаніями твоими я по бо̀льшей части согласенъ, но передѣлывать теперь некогда, и потому и въ „Русскій В." не отдамъ. Твои печатаются въ іюльской. Въ іюньской помѣщенъ мой отвѣтъ Кавелину. Если будешь въ Москвѣ на нѣсколько дней и не полѣнишься заѣхать въ Нескучное, то получишь оттискъ; я не успѣлъ ихъ взять.

Я чувствую себя превосходно (въ моральномъ отношеніи) и обдумываю подробно планъ своего сочиненія. Пока выходитъ складно и стройно, даже симметрично въ родѣ Канто-Гегелевскихъ трихотомій. Непріятно только, что придется читать много дряни. Въ видѣ отдыха читаю по-польски Мицкевича, въ котораго я совершенно влюбился. Тебѣ непремѣнно нужно выучиться по-польски, хотя бы для него одного, а есть и другіе.

Посылаю тебѣ довольно отвратительную свою карточку. Хотѣлъ послать портретъ, но всѣ расхитили. Пришлю изъ Лондона.

Столь же отвратителенъ, кажется, слѣдующій маленькій переводъ изъ Гейне:

Коль обманулся ты въ любви—
Скорѣй опять влюбись,
А лучше—посохъ свой возьми
И странствовать пустись.

Увидишь горы и моря
И новый бытъ людской (людей?),
И шумная зальетъ волна
Огонь любви былой (твоей?).

Орла услышишь мощный крикъ
Высоко въ небесахъ
И позабудешь о своихъ—
О маленькихъ скорбяхъ.

Будь здоровъ. Передай мое почтеніе княгинѣ.

VI.

London, 22 августа (8 сентября) 1875 г.

Не знаю, дорогой другъ, получилъ ли ты мое письмо изъ Варшавы; изъ Лондона же не писалъ до сихъ поръ, потому что все надѣялся сообщить что-нибудь интересное изъ области спиритизма; но надѣялся напрасно. На меня англійскій спиритизмъ произвелъ точно такое же впечатлѣніе, какъ на тебя французскій: шарлатаны съ одной стороны, слѣпые вѣрующіе—съ другой, и маленькое зерно дѣйствительной магіи, распознать которое въ такой средѣ нѣтъ почти никакой возможности. Былъ я на сеансѣ у знаменитаго Вильямса и нашелъ, что это фокусникъ болѣе наглый, нежели искусный. Тьму египетскую онъ произвелъ, но другихъ чудесъ не показалъ. Когда летавшій во メракѣ колокольчикъ сѣлъ на мою голову, я схватилъ вмѣстѣ съ нимъ мускулистую руку, владѣлецъ которой духомъ себя не объявилъ. Послѣ этого остальныя подробности мало интересны. Являвшійся Джонъ Кингъ такъ же похожъ на духа, какъ я на слона. Вчера былъ я на сборищѣ здѣшняго спиритуалистическаго общества и познакомился между прочимъ съ извѣстнымъ Круксомъ и съ его медіумомъ—бывшей миссъ Крукъ, а нынѣ миссисъ Коноръ... Во всякомъ случаѣ не лишено остроумія сдѣланное мистеромъ Круксомъ заявленіе, что онъ относительно являвшейся ему Кэти Кингъ „вполнѣ признаетъ реальность феноменовъ, но отказывается указать ихъ дѣйствительную причину".

Черезъ недѣлю въ спиритическомъ обществѣ будетъ test-seance при свѣтѣ, но съ тѣмъ же В., который, повидимому, былъ нѣсколько сконфуженъ моими открытіями въ прошлый разъ. Если онъ сверхъ ожиданія покажетъ что-нибудь интересное, то сообщу.

VII.

Парижъ, 2 ноября 1875 г.

Дорогой Дмитрій Николаевичъ!

Вотъ уже три мѣсяца не имѣю о тебѣ никакихъ извѣстій; не знаю, получилъ ли ты два мои письма изъ-за границы.

Я все это время былъ въ Лондонѣ, но не нашелъ тамъ ничего важнаго въ моей сферѣ. Спиритизмъ тамошній (а слѣдовательно и спиритизмъ вообще, такъ какъ въ Лондонѣ есть его центръ), есть нѣчто весьма жалкое. Видѣлъ я знаменитыхъ медіумовъ, видѣлъ знаменитыхъ спиритовъ и не знаю, кто изъ нихъ хуже. Между спиритами самый выдающійся Wallace—соперникъ Дарвина, человѣкъ во многихъ отношеніяхъ почтенный, но въ спиритизмѣ онъ сталъ смиреннымъ ученикомъ Аллана Кардека (съ которымъ теперь, благодаря переводу, стали знакомиться англичане, причемъ оказывается, что они не были кардекистами только потому, что не знали Кардека); сверхъ того, этотъ замѣчательный изслѣдователь, ставши спиритомъ, считаетъ своимъ долгомъ слѣпо вѣрить всякому медіуму. Что касается до этихъ послѣднихъ, то, безспорно, самые лучшіе изъ нихъ—Юмъ и Кэтъ Фоксъ (теперь Mrs Jenkin), родоначальники новѣйшаго спиритизма. Я познакомился съ обоими. Оба больны и не дѣйствуютъ. Юмъ говоритъ „quand j'étais médium". Дѣйствующихъ же лучше, по выраженію одного архіерея, „почтить молчаніемъ". Теперь я проѣздомъ въ Парижѣ. Отправляюсь въ Египетъ и, можетъ быть, въ Индію. Напишу изъ Каира и буду ждать отвѣта.

Будь здоровъ.

VIII.

Каиръ, 8/20 января 1876 г.

Дорогой Дмитрій Николаевичъ! Послалъ тебѣ телеграмму, но на всякій случай и письмо. Очень былъ обрадованъ извѣстіемъ о тебѣ, а то рѣшительно не зналъ, гдѣ ты и чтò съ тобою; посылалъ нѣсколько писемъ въ Липяги, но не получилъ отвѣта.

Ты долженъ непремѣннò пріѣхать въ Каиръ. Я остаюсь здѣсь до марта. Эта поѣздка тебя развлечетъ. Страна весьма оригинальная, климатъ превосходный,—не говорю уже объ удовольствіи, которое ты мнѣ доставишь. Если же тебѣ никакъ нельзя будетъ, то я постараюсь въ февралѣ пріѣхать въ Аѳины или въ Италію, если ты будешь тамъ. Но я надѣюсь, что ты пріѣдешь сюда, и тогда въ началѣ весны мы вмѣстѣ отправимся въ Италію и Парижъ. Оставаться же одному теперь тебѣ совершенно невозможно. Напиши мнѣ немедленно, если можешь пріѣхать. У меня есть кое-что поразсказать тебѣ, но откладываю до свиданія, чтобы не задерживать письма.

P.-S. Остановись въ гостинницѣ Аббатъ, когда пріѣдешь сюда.

IX.

Сорренто, 20 апрѣля 1876 г.

Дорогой Дмитрій Николаевичъ! Могу написать тебѣ только нѣсколько словъ: рука болитъ. Возвращаясь съ Везувія, я искалѣчился, и, можетъ быть, останусь калѣкой на всю жизнь. Нахожусь въ состояніи плачевномъ и намѣреній никакихъ не имѣю.

Въ маѣ вѣроятно буду въ Парижѣ.

X.

Сорренто, 27 апрѣля 1876 г.

Дорогой другъ! Сердечно благодаренъ тебѣ за участіе и готовность ѣхать ко мнѣ, но, къ счастію, въ этомъ нѣтъ никакой надобности. Рана моя (я упалъ вмѣстѣ съ лошадью скача подъ гору и ударился колѣномъ объ острый камень, вслѣдствіе чего образовалась довольно глубокая рана) совершенно заживаетъ и рукой также могу дѣйствовать, и на дняхъ отправлюсь въ Парижъ.—Послѣ своего паденія я пролежалъ недѣлю въ Неаполѣ, гдѣ меня лѣчилъ хорошій нѣмецкій докторъ, а потомъ въ Сорренто два русскіе.

Очень желалъ бы тебя увидѣть, но крайняя скудость средствъ не дозволяетъ заѣхать во Флоренцію, да и не знаю засталъ ли бы тебя тамъ.

Что ты дѣлалъ это время во Флоренціи? Ужъ не явились ли и у тебя сердечныя дѣла?

Возвращаясь въ Россію, я буду проѣзжать черезъ Петербургъ; можетъ быть, увидимся тамъ, а то въ Липягахъ непремѣнно.

XI.

Москва, Нескучное, 19 іюня, 1876.

Сейчасъ получилъ твое письмо изъ Липяговъ, дорогой Дмитрій Николаевичъ; другого же, о которомъ пишешь, не получалъ, а потому и самъ не писалъ, не зная, гдѣ ты находишься.

Я вернулся изъ-за границы двѣ недѣли тому назадъ. Сочиненія своего по-французски не издалъ по разнымъ причинамъ, но, распространивъ его значительно и снабдивъ надлежащимъ количествомъ греческихъ, латинскихъ и нѣмецкихъ цитатъ, издалъ

его по-русски въ качествѣ докторской диссертаціи, ибо писать съ этой цѣлью какое-нибудь спеціальное сочиненіе не имѣю ни способности, ни желанія.

Очень радъ и для тебя и для себя, что ты не оставилъ Шопенгауэра. Относительно твоего порученія въ Парижѣ, я могъ спросить только у Ренана (ни съ кѣмъ другимъ изъ этой сферы не имѣлъ случая познакомиться); онъ сказалъ мнѣ, что писать на академическую премію могутъ только французы,—можетъ быть, совралъ, такъ какъ вообще онъ произвелъ на меня впечатлѣніе пустѣйшаго враля. Въ магазинахъ университетскія программы не продаются. Впрочемъ, я при всемъ своемъ стараніи не могъ даже постичь общее устройство высшаго образованія во Франціи, и что̀ такое тамъ значитъ Université.

Вообще же на меня въ Парижѣ напала такая тоска, что я при первой возможности, бросивъ всѣ дѣла и занятія, устремился безъ оглядки въ Москву. Въ Липяги пріѣду непремѣнно въ концѣ іюля. Рана моя зажила, хотя и покалываетъ передъ дурной погодой,—будто настоящая.

XII.

С.-Петербургъ, 1876.

О, Дмитрій! Что съ тобою? Я два мѣсяца назадъ получилъ твое первое и послѣднее письмо изъ-за границы, на которое и отвѣчалъ. Почему съ тѣхъ поръ не откликнулся?

Боюсь я, что раньше сентября я тебя не увижу, т.-е. въ Липягахъ, по причинамъ, о которыхъ писать скучно.

Я существую попрежнему. Сочинилъ нѣсколько глупостей, которыми самъ доволенъ, но, зная твое критиканство, сообщать подожду...

XIII.

С.-Петербургъ, 12 апрѣля 1877 г.

Очень виноватъ передъ тобой, другъ Дмитрій, но, кажется, моя письмофобія все усиливается. Впрочемъ, послѣднее время я не только никому не пишу, но и ни у кого не бываю—сталъ совсѣмъ мизантропомъ.—Я уже началъ свою службу въ ученомъ комитетѣ. Засѣданія—скука смертная и глупость неисчерпаемая; хорошо еще, что не часто. Въ библіотекѣ занимаюсь только con amore.

Графиня навѣрное, писала тебѣ о твоемъ дѣлѣ. Кажется, не можетъ быть никакихъ препятствій. Я живу пока на Шпалерной вмѣстѣ съ Лесевицкимъ, такъ какъ квартира осталась за графиней до 1-го мая. Сейчасъ получена телеграмма о благополучномъ прибытіи въ Красный Рогъ. Святую и часть Ѳоминой онѣ прожили въ Москвѣ въ Славянскомъ Базарѣ. Впрочемъ, вѣроятно ты имѣлъ извѣстія отъ нихъ самихъ.

Что твои занятія и земская служба? Напиши также, когда ѣдешь за границу. Такъ какъ мнѣ нельзя выбраться изъ Петербурга раньше конца мая, то въ Липяги удобнѣе будетъ пріѣхать во второй половинѣ лѣта послѣ твоего возвращенія изъ-за границы.

Пиши пожалуйста. Сердечный поклонъ княгинѣ. Поздравляю съ войной. Будь здоровъ.

P.-S. Со слѣдующимъ письмомъ пришлю тебѣ комедію, написанную мною—Козьма Прутковъ. Графиня (Толстая С. А.) и Софья Петровна нашли забавной и много смѣялись, закрывшись епанчей.

XIV.

Спб., 30 апрѣля 1877.

Мой адресъ мнѣ совершенно неизвѣстенъ. Пиши пока по адресу брата или хоть на Шпалерную—я поручу швейцару. Если предпочтешь послать статью прямо Ѳеоктистову, то пиши ему такъ: Его п-ству Евгенію Михайловичу Ѳ., Спб., на углу Разъѣзжей и Кабинетской ул., д. Полежаева, кв. № 18. Спѣшу послать тебѣ этотъ адресъ, и потому комедію пришлю отдѣльно, такъ какъ ее еще нужно переписать. Она необыкновенно глупа и для постороннихъ я думаю даже не забавна, но ты, вѣроятно, будешь смѣяться.

Я живу весьма скромно и уединенно, читаю мистиковъ въ библіотекѣ, пишу свою диссертацію, почти ни у кого не бываю. К. видѣлъ одинъ разъ. Вторая дочь Зинаида, большая цѣнительница Козьмы Пруткова, выходитъ замужъ за одного моего знакомаго М.,—можетъ быть, ты знаешь.

Аксаковъ опять заболѣлъ, и я его еще не видѣлъ.

Недавно былъ у В., говорили о тебѣ.

Встрѣтилъ Кутузова въ библіотекѣ—тоже о тебѣ спрашивалъ. Ужасно хотѣлъ бы я быть въ Липягахъ, да грѣхи не пускаютъ. Передай княгинѣ мой сердечный поклонъ. Имѣетъ ли она извѣстія о твоемъ братѣ? Кстати, чуть не забылъ сообщить,

что я тоже *можетъ быть* отправляюсь въ дѣйствующую армію въ Малую Азію—въ качествѣ катковскаго корреспондента. Впрочемъ вѣрнѣе, что это только мечта воображенія.

XV.

С.-Петербургъ, 20 мая 1877 г.

Порученіе твое, милый другъ Дмитрій, исполнилъ немедленно. Статья будетъ помѣщена въ іюльской или въ августовской книгѣ журнала. Статью о Гартманѣ я взялъ и передалъ Владиславлеву, такъ же какъ и оставленную тобою въ Петербургѣ о спиритизмѣ; тотъ же экземпляръ этой послѣдней, который былъ въ редакціи „Русск. Вѣстн.“, тамъ и остался, такъ какъ еще можетъ быть статья будетъ напечатана.

На дняхъ получилъ утвердительный отвѣтъ отъ Каткова на мое предложеніе отправиться на войну въ качествѣ корреспондента. Завтра или послѣ завтра ѣду въ Москву для окончательныхъ переговоровъ. Если сговоримся, то уже намъ съ тобою не придется увидѣться этимъ лѣтомъ. Впрочемъ, я не совсѣмъ еще вѣрю, въ успѣхъ этого предпріятія. Изъ Москвы напишу. Если не устроится мой походъ, то вѣроятно подожду тебя въ Москвѣ.

XVI.

Кишиневъ, 18 іюня 1877 г.

Послѣ различныхъ перипетій, о которыхъ не стоитъ писать, я наконецъ уѣхалъ въ армію на Дунай. На два дня заѣзжалъ въ Красный Рогъ. Здоровъ ли ты и не было ли съ тобою чего-нибудь особеннаго 13-го и 14-го іюня ночью? Тамъ въ моемъ присутствіи произошла какая-то чертовщина: являлся твой духъ и я не знаю, что̀ еще. Вслѣдствіе этого очень о тебѣ безпокоились мы всѣ. Хотѣли, чтобы я послалъ телеграмму, чего я не исполнилъ, чтобы не напугать. Надѣюсь, что все это вздоръ.

Я теперь въ Кишиневѣ для полученія паспорта и завтра рано утромъ ѣду на мѣсто. Здѣсь жарко и я усталъ отъ безсонныхъ ночей; поэтому не пишу ни о чемъ подробно. До слѣдующаго письма. Будь здоровъ.

XVII.

Москва, 22 августа 1878 г.

Другъ любезный! Если ничто не воспрепятствуетъ, то 5-го сентября (во вторникъ) днемъ я буду на станціи Калиновкѣ,—въ противномъ же случаѣ буду телеграфировать своевременно.

Хотя есть у меня кой-что разсказать тебѣ, но, въ виду столь близкаго свиданія, откладываю до онаго.

XVIII.

Москва, 1878 г. (?).

Извини, дорогой другъ, мое долгое молчаніе; время идетъ ужасно скоро, а писать пока было не о чемъ. Я уже давно началъ лекціи въ университетѣ, и къ удивленію моему, студенты весьма довольны и даже отдаютъ мнѣ предпочтеніе передъ самимъ Троицкимъ.

На дняхъ послѣ продолжительнаго размышленія я принялъ два благоразумныхъ рѣшенія: 1) публичныхъ лекцій не читать, 2) въ видѣ докторской диссертаціи издать только первую, чисто-философскую часть системы, именно положительную діалектику, распространивъ ее надлежащимъ образомъ, что̀ потребуетъ мѣсяца три лишнихъ, такъ что въ Петербургъ для диспута я поѣду не раньше марта. Будетъ ли тебѣ возможно отложить и твою поѣздку до этого времени?

Присылай своего Гартмана; я собираюсь къ Каткову въ его подмосковную деревню,—это вѣрнѣе, чѣмъ въ редакцію.

Передай княгинѣ, что всѣ нашли меня очень поправившимся, когда я отъ васъ вернулся. По случаю наступившихъ холодовъ разрѣшаю себѣ иногда животную пищу. Вчера провожалъ К. за-границу, они всѣ тебѣ кланяются...

Кстати о глупостяхъ; нашъ славянскій комитетъ пріобрѣлъ такую популярность, что къ И. С. Аксакову являлся недавно какой-то господинъ, съ требованіемъ узаконить рожденныхъ имъ внѣ брака дѣтей. Другой господинъ представилъ въ тотъ же комитетъ проектъ уничтоженія турецкой арміи посредствомъ химическаго разложенія.

XIX.

Спб., 19 ноября 1878 г.

Изъ твоего письма, дорогой другъ Дмитрій, мнѣ показалось, что ты не получилъ моего послѣдняго изъ Москвы—надѣюсь, что съ настоящимъ не случится того же.

Я въ Петербургѣ около мѣсяца и усиленно занимаюсь своей диссертаціей съ помощью стенографа. Черезъ десять дней буду въ Москвѣ и тамъ надѣюсь встрѣтиться съ тобою.

На дняхъ прочелъ о тебѣ въ „Новомъ Времени", гдѣ Буренинъ доказываетъ свое безпристрастіе, признавая въ твоемъ „Снѣ" поэтическую красоту и недурные стихи. Мораль послѣдняго куплета, за которую онъ тебя поноситъ, и я не одобряю. Кажется, и ты соглашался, что надо исключить эту послѣднюю строфу, и не знаю почему не исполнилъ. Мораль предпослѣдней строфы: „того, что ты ищешь такъ страстно, того на землѣ не найдешь", хотя сама по себѣ не нова, но въ наши дни можетъ почитаться новостью; во всякомъ случаѣ это не въ примѣръ благороднѣе и къ тому же сохраняетъ стихотворенію неопредѣленность, такъ что подъ „она" можно тогда разумѣть все, что угодно—и поэзію, и красоту, и вѣчную истину, и мудрость. Во всякомъ случаѣ стихотвореніе—очень удачное,—Полонскій и другіе весьма одобряютъ.

Я думаю, что наши диспуты будутъ одновременно, такъ какъ врядъ ли я кончу раньше осени,—очень разрослось мое произведеніе. Что касается до критики традиціонныхъ началъ, которую я хотѣлъ помѣстить въ „Отеч. Зап.", то я совсѣмъ отъ нея отказался по соображеніямъ, о которыхъ слишкомъ долго будетъ писать.

XX.

Москва, 1878 г. (?)

Милый другъ, пріѣхавъ на дняхъ въ Москву, я получилъ разомъ три твои письма: меня все ждали сюда и потому не пересылали ихъ въ Петербургъ. Задержало же меня въ Петербургѣ устройство публичныхъ лекцій о религіи, которыя встрѣтили великія препятствія, внезапно и неожиданно устраненныя также не безъ вмѣшательства перста въ лицѣ одной высокой особы.

Пробуду я здѣсь тоже не долго и во время моего пребыванія засѣданій губительнаго общества не будетъ, но желаніе

твое будетъ навѣрно исполнено, такъ какъ предсѣдателемъ теперь мой старый пріятель Юрьевъ. Что касается до лекціи твоей, то если ужъ ты хочешь читать ее въ Москвѣ (я полагаю въ Петербургѣ было бы интереснѣе), то всего удобнѣе въ этомъ же обществѣ,—тогда не нужно никакого особеннаго разрѣшенія— безъ всякихъ хлопотъ. На дняхъ должна выйти твоя первая статья о Шопенгауэрѣ въ „Журн. мин.". Вѣроятно, ты видѣлъ въ „Русск. Вѣстн." начало моей диссертаціи. Я былъ бы очень радъ, еслибы ты могъ пріѣхать въ Петербургъ къ началу моихъ лекцій, т.-е. къ 15 января; я бы даже могъ для тебя отложить на недѣлю, т.-е. до 22-го января. Всѣхъ лекцій будетъ 12, разумѣется въ пользу Краснаго Креста, но отчасти также въ пользу реставраціи Царьградской Софіи.

Если ты мнѣ будешь отвѣчать сейчасъ, то пиши въ Москву, —въ противномъ случаѣ въ Петербургъ, у Краснаго моста, гостинница Соболева.

XXI.

Красный Рогъ, 1878 г. (?).

Дорогой Дмитрій, послѣ разныхъ треволненій, о которыхъ разскажу при свиданіи, наконецъ, я успокоился въ Красномъ Рогѣ. Напиши мнѣ пожалуйста сюда, какъ ты распредѣляешь свое лѣто, потому что я непремѣнно хотѣлъ бы побывать въ Липягахъ. Если ты будешь въ Красномъ Рогѣ, то мы могли бы потомъ вмѣстѣ проѣхать въ Липяги. Я предполагаю остаться здѣсь до 15—20 мая, чтобы потомъ вернуться въ половинѣ іюня. Передъ моимъ отъѣздомъ изъ Петербурга я видѣлъ Θеоктистова, который сказалъ мнѣ, что у него находится твоя рукопись и онъ просилъ бы ему сообщить, можетъ ли онъ ее теперь же печатать.

Будь здоровъ, мой другъ. Пиши, и надѣюсь до скораго свиданія.

Твой Вл. Соловьевъ.

НА ЗОЛОТЫХЪ ПРІИСКАХЪ

ВЪ

ЮЖНОЙ АМЕРИКѢ

По личнымъ воспоминаніямъ.

I.

Жизнь и природа Боливіи вызываютъ вниманіе наблюдателя европейца. Подъ вѣчно голубымъ ея небомъ, въ панорамахъ горъ, зеленѣющихъ пустынь и непроходимыхъ лѣсовъ онъ видитъ другой, чуждый цивилизаціи, міръ.

Плоскогорья страны по высотѣ ихъ надъ уровнемъ моря и безжизненны и безлюдны. Обнаженныя сѣровато-бурыя горы высятся по бокамъ дороги, которая идетъ ущельями, рѣдко пересѣкая ручей или горную рѣчку. Растительности почти нѣтъ, кромѣ сухой травы въ расщелинахъ камней и колючихъ хлыстовъ „abrojos", служащихъ для разведенія огня на ночлегѣ, обыкновенно вынужденномъ на этихъ высотахъ развѣ только усталостью муловъ.

Временами горы расходятся, окружая уступами пустынныя равнины, и тогда, отдалившись отъ дороги, обыкновенно у подошвы горы, чернѣетъ группа хижинъ и, около нихъ, въ грубо сложенной изъ камней загороди, движутся силуэты длинношеихъ ламъ. Но въ воздухѣ ни звука, не видно людей, не видно птицъ или другихъ животныхъ. Эти рѣдкія хижины индѣйцевъ, *аймарà*, не отличаются гостепріимствомъ, и путешественники погоняютъ муловъ, торопясь проѣхать эту безжизненную страну.

Климатъ этихъ возвышенныхъ платò тяжело чувствуется европейцами. Днемъ солнце непріятно упорно рѣжетъ глаза, отражая блескъ ледяныхъ глыбъ на остроконечныхъ вершинахъ, а въ сумерки температура падаетъ до пронзительнаго холода. Ночью, и особенно на разсвѣтѣ, ледяной вѣтеръ чуть не морозитъ руки и ноги. Жалкій костеръ изъ „abrojos", усиленный сухимъ пометомъ прошедшихъ ламъ, горитъ вяло, скорѣе тлѣетъ, чѣмъ горитъ. Путешественники растягиваютъ надъ огнемъ свои плащи, обертывая ими потомъ ноги и колѣни, чтобы согрѣться. При этомъ чувствуется тогда сильнѣе и разрѣженность воздуха—дышется тяжело до боли. Эта боль въ груди и холодъ не даютъ заснуть. Пейзажъ мѣстности по своей безжизненности напоминаетъ пейзажъ луны, чтò видимъ въ географическихъ атласахъ—что-то мертвенно фантастическое.

Но стоитъ только немного спуститься съ этихъ высотъ, и уже чувствуется тамъ, внизу, близость другой природы, точно зовущей къ себѣ образами жизни и красоты.

Пройдя хребетъ Майраца (loma de Mayran), дорога долгими часами спускается на востокъ уступами, точно ступенями широкой гигантской лѣстницы. Потомъ эти ступени переходятъ въ ровно спускающуюся дорогу, грунтъ ея дѣлается болѣе влажнымъ, глинистымъ, а по бокамъ шумно бѣгутъ внизъ неизвѣстно откуда взявшіеся ручьи въ каймѣ чахлой зелени и низкихъ кустарниковъ. Воздухъ дѣлается теплѣе и точно мягче. Оживленное настроеніе овладѣваетъ погонщиками, которые начинаютъ спорить о цѣнѣ и выносливости муловъ. По бокамъ дороги въ ущельяхъ точно спускающихся вмѣстѣ съ ней же и горъ, чаще виденъ синѣющій дымъ хижинъ, а по склону горъ пестрѣютъ овцы.

И чѣмъ ниже, тѣмъ лучше чувствуетъ себя путешественникъ, передъ которымъ проходятъ ряды картинъ по бокамъ дороги. Именно по бокамъ: впереди, т.-е. собственно внизу, нѣтъ еще ни вида, ни перспективы—тѣ же горы, но уже до половины одѣтыя зеленью. Черезъ два-три часа такой дороги мѣстность точно расширяется, горы переходятъ въ ряды холмовъ, которые спускаются внизъ и спускаются такъ далеко, что самого этого низа не видно: онъ точно затянутъ мглой.

Дорога идетъ огибая эти спускающіеся холмы, и скоро странный глухой шумъ порывами вѣтерка доносится снизу. Мулы, насторожнвъ уши, бѣгутъ сдержаннѣе. По мѣрѣ приближенія шумъ усиливается. Слышится не то рокотъ клокочущей воды, не то отдѣльные стуки, что улавливаетъ слухъ, и въ рамкахъ холмовъ

показывается бѣгущій потокъ. Потомъ за излучиной дороги виденъ водопадъ.

Ложе потока, уставленное отдѣльно поднимающимися изъ воды скалами, внезапно обрывается, и между этими стоящими скалами, мчатся между ними и огибая ихъ, торопливо-бѣшено сшибаясь между собою, воды потока—и низвергаются внизъ, въ бездну, съ высоты 8—10 саженъ, въ грохотѣ и пѣнѣ, клочья которой несутся, дѣлая повороты по быстро бѣгущей водѣ.

Путешественники спускаются къ потоку. На выступъ береговой скалы у бѣгущей клокочущей черной воды его выползаетъ большая робкая выдра. Подъ грохотъ водъ и едва ли не оглушенная имъ, она обняла передними лапками побѣгъ деревца, орошеннаго брызгами, лакомясь его сочной корой. Пролетавшая черезъ потокъ птичка привлекла ея вниманіе,—стоя на заднихъ лапкахъ, выдра подняла вверхъ свою умную черноглазую мордочку, увидѣла при этомъ спускавшихся къ потоку всадниковъ и быстро юркнула въ воду.

Дорога идетъ каменистымъ берегомъ, и по мѣрѣ отдаленія отъ водопада вόды потока бѣгутъ медленнѣе. Тихо журча, онѣ огибаютъ громадные, точно опрокинутые, черные камни, съ которыхъ пугливо слетаютъ стаи ярко окрашенныхъ птицъ. Путешественники переходятъ въ бродъ и вступаютъ въ страну изумрудно-зеленыхъ равнинъ и перелѣсковъ. Дорога идетъ между ними въ безконечную даль; шибкой рысью бѣгутъ мулы, чуя близость пастбищъ и скорый отдыхъ. Потомъ перелѣски переходятъ въ сплошной лѣсъ, и дорогу окаймляютъ уже высокія деревья. Этотъ первый лѣсъ производитъ пріятное впечатлѣніе. Сверху слышатся крики птицъ, стаи дикихъ индѣекъ проносятся между стволами, дорогу перебѣгаютъ лани. Погонщики останавливаются у ручья на ночлегъ задолго до темноты, зная, что въ этихъ странахъ она наступаетъ почти тотчасъ же по захожденіи солнца. Первой заботой ихъ по разсѣдланіи муловъ является заготовленіе дровъ для ночного костра. Вскорѣ въ котелкѣ варится мясо ламы и вмѣсто хлѣба подъ золой пекутся мучнистые *бататы*, что-то въ родѣ нашей земляной груши. Изъ опасенія нападенія ягуара мулы съ торбами маиса остаются всю ночь на привязи, и огонь костра поддерживается всю ночь поочередно встающими креолами. Они не покидаютъ оружія и мало довѣряютъ собакамъ, сопровождающимъ ихъ: бѣдныя животныя скоро крѣпко засыпаютъ, утративъ чуткость слуха отъ усталости за долгій день долгаго пути. Но свѣжесть наступающаго разсвѣта пробуждаетъ ихъ прежде всего, и онѣ дочиста вылизываютъ остывшій котелъ

и подбираютъ остатки ужина. Сквозь сонъ слыша пробудившихся собакъ, путники спятъ уже не боясь нападеній, пока не подымется солнце и не потухнутъ головешки костра.

Потомъ опять дорога подъ сводами проснувшагося мирно-оживленнаго лѣса. Въ аллеѣ деревьевъ наклонность ея не замѣчается, пока путешественникъ не пойметъ оптическаго обмана, приглядѣвшись къ постоянно просвѣчивающемуся передъ нимъ пространству между стволами деревьевъ. По наклонности почвы не видны ниже ростущія деревья, и за стволами кажется вотъ-вотъ начнется открытая мѣстность; но лѣсъ длится безконечно долго, почти до полудня, и кончается онъ неожиданно рѣзко, остановившись зеленой стѣной на границѣ обрыва.

Это одна изъ опасныхъ и живописныхъ частей Боливіи. Дорога точно загибается, круто опускается внизъ и... исчезаетъ въ обрывѣ. Подойдя къ его краю, видно какъ она просвѣчиваетъ желтизною песка между густо разросшимся кустарникомъ по почти отвѣсному склону и исчезаетъ внизу. Такая экскурсія внизъ тревожитъ европейца, пока красота открывшейся передъ нимъ картины не займетъ его вниманія.

Съ высоты обрыва могучей ширью дикой природы открывается величественная панорама. Подъ ногами путешественника далеко-далеко внизу, сквозь голубоватую дымку знойнаго воздуха, на необъятное пространство, какое можетъ охватить глазъ, уходятъ къ востоку плавныя возвышенія холмовъ и долинъ. Залитыя яркимъ жгучимъ солнцемъ, они кажутся съ края обрыва точно въ желтоватомъ свѣтѣ бенгальскаго огня, и по нимъ неправильными черно-зелеными пятнами скорѣе угадываются, чѣмъ различаются лѣса. Чѣмъ дальше, тѣмъ эти темныя пятна кажутся болѣе сплоченными, пока не замкнутъ полукружіе горизонта своей чернѣющей полосой. Это начало непроходимыхъ почти тропическихъ лѣсовъ, которые сливаются съ лѣсами Бразиліи, съ ихъ пальмами, ягуарами, змѣями и индѣйцами, съ ихъ знойной вѣковой тишью.

Спускъ по склону обрыва въ эти тропическія пространства страшно опасенъ и утомителенъ. Оттуда снизу вѣетъ жаркимъ и влажнымъ воздухомъ, въ которомъ слышится ароматъ цвѣтовъ, покрывающихъ кустарники. Путешественники спускаются пѣшкомъ, ведя за собою муловъ. Дороги почти не видно; подъ ногами кустарники и вьющіяся растенія коварно скрываютъ промоины и обвалы отъ дождей. Чтобы уменьшить крутизну отвѣса, дорога идетъ зигзагами по склону или почти по стѣнѣ обрыва, но и зигзаги эти не уменьшаютъ ея опасности, преимущественно

для животныхъ,—упавшій мулъ уже не подымется и катится внизъ; погонщики поэтому укрѣпляютъ половину груза, а другую половину его несутъ сами и при этомъ умѣютъ соблюдать равновѣсіе. И долгое время по мѣрѣ спуска дорога кажется еще отвѣснѣе и ужаснѣе. Большія гремучія змѣи (vibora de cascabel), грѣвшіяся на солнцѣ, злобно подымаютъ головы и стуча кольцами хвоста прыгаютъ въ кустарники. Изъ непроходимой чащи ихъ временами доносится странный визгъ и отрывистое рыканье пумъ. Мулы храпятъ и, мотая головами, хотятъ сбить грузъ. Потомъ изъ той же чащи, тяжело хлопая крыльями, неожиданно срывается вверхъ стая индѣекъ, пугая и безъ того пугливаго мула. Путешественникъ видитъ почти надъ собой его голову съ длинными, злобно притиснутыми назадъ ушами, съ раздувающимися ноздрями и дикими глазами, въ которыхъ видны испугъ и упрямая злоба.

Долгій мучительный часъ длится этотъ спускъ. Опасность его утомляетъ напряженные нервы европейца, не освоившагося съ бытомъ этой дикой страны, и онъ почти съ наслажденіемъ ступаетъ наконецъ по болѣе отлогой почвѣ. Отвѣсъ кончился, и дорога идетъ зовущими внизъ излучинами между высокими деревьями, уже обвитыми ліанами и ярко красными цвѣтами орхидей. И тогда, обернувшись назадъ и смотря вверхъ, просто не вѣрится, что можно было спуститься по такой крутизнѣ. А впереди сквозь просвѣтъ деревьевъ, все еще далеко внизу, уже различаются длиннымъ поясомъ тянущіеся лѣса пальмъ; по бокамъ дороги все чаще попадаются громадные кактусы, сѣровато-зеленыя купы колючей юкки. Тропическая природа чувствуется и въ знойномъ воздухѣ, и въ богатствѣ могучей растительности. Въ просвѣтахъ лѣса, на лужайкѣ спускающагося склона, перебѣгаютъ полукругомъ, точно зовя одинъ другого и распустивъ крылья, страусы; испуганное голосами всадниковъ и топотомъ, бѣжитъ, визжа и хрюкая, въ чащу стадо пекари.

Еще немного—и дорога идетъ уже въ аллеѣ пальмъ. Между стволами ихъ высокая трава колышется, бѣгущей волной напоминая милыя нивы родного сѣвера...

Потомъ опять открытая мѣстность. Съ высоты холмовъ открывается видъ на тихую залитую солнцемъ рѣку. За ней бѣлѣютъ линіи домовъ, потонувшихъ въ зелени садовъ. Это маленькій городокъ Санъ-Педро, основанный еще во времена іезуитскаго колоніальнаго режима Испаніи.

Въ этомъ малоизвѣстномъ уголкѣ божьяго міра европейцы еще и рѣдки и случайны. Проникая въ эти лѣса обыкновенно съ похвальными цѣлями золотоисканія и мѣновой торговли—о чемъ мало заботятся туземцы — цивилизаторы-негоціанты точно нарушаютъ гармонію среды.

Въ 1890-хъ годахъ у Санъ-Педро основалась англійская золотопромышленная факторія W. Bromley and Sons Comp., limited. Владѣльцы ея, крупные акціонеры южной желѣзной дороги Буэносъ-Айреса и биржевые дѣятели, были извѣстны въ Санъ-Педро только по имени и тому благоговѣнію, которое внушали ихъ милліонные капиталы. При этомъ промывка золота, дававшая капризно очень неровные доходы, была нужна имъ едва ли только не для большей популярности ихъ фирмы въ лондонскомъ Сити и на биржѣ Буэносъ-Айреса, гдѣ „дутыя“ акціи разныхъ предпріятій имѣли свой сбытъ. Ни одинъ изъ гг. Бромлеевъ ни разу не посѣтилъ факторію Санъ-Педро (Ingenio de San-Pedro), названной такъ по имени городка.

Безвѣстный и затерянный въ глуши боливійскихъ лѣсовъ, онъ напоминалъ бы своей физіономіей южно-русскія мѣстечки Бессарабіи или Волыни, еслибы изъ садовъ не подымались, рисуясь на голубомъ фонѣ неба, уходя въ высь соннаго знойнаго воздуха, гордыя пальмы, и смуглое населеніе и гортанный говоръ негровъ не говорили о чужбинѣ. Съ его трехтысячнымъ населеніемъ креоловъ, мулатовъ и пришедшихъ изъ Бразиліи бывшихъ невольниковъ кофейныхъ плантацій, онъ производилъ хорошее впечатлѣніе: чувствовалось, что люди эти живутъ безъ нужды и не убиваясь работой. Широкія немощеныя улицы окаймляли одноэтажные, но высокіе для прохлады дома изъ сѣраго необожженнаго кирпича. Выбѣленные известью и крытые пальмовыми листьями, они производили впечатлѣніе опрятной домовитости. Окна были сравнительно малы, квадратны и довольно высоко отъ земли. Вмѣсто стеколъ въ нихъ вставлялась деревянная рѣшетка, а закрывались они ставнями. Въ такихъ домахъ даже въ темныя ночи рѣдко виденъ огонь:—жители избѣгаютъ его потому, что москиты, этотъ бичъ тропическихъ ночей, летятъ на свѣтъ и, наполнивъ домъ, дѣлаютъ невозможнымъ покой и сонъ даже самаго усталаго человѣка.

Обитатели Санъ-Педро ѣдятъ круглый годъ подъ открытымъ небомъ или, лучше, подъ выступомъ крыши, составляющимъ сбоку дома родъ веранды, подпертой стволами изъ пальмъ. Изъ садовъ высятся пальмы. Съ улицы черезъ изгородь, между широкими листьями банановыхъ деревьевъ видны навѣсы для скота.

По столбамъ ихъ бѣгутъ вверхъ, обвивая яркой зеленью, тыквы; въ тѣни навѣса и вокругъ него—стаи куръ, надувшіеся индюки; коза, тряся бородкой, ѣстъ арбузныя корки. Сзади дома обширныя плантаціи маиса и *мандіоки*.

Широкія улицы были тихи, почти безлюдны. Оживленіе въ домахъ замѣчалось только по утрамъ съ восходомъ солнца, когда низкіе лучи его точно заливали землю розовымъ свѣтомъ, а длинныя тѣни пальмъ пересѣкали улицы съ обѣихъ сторонъ. Голубой дымъ поднимался надъ домами. Какъ-то особенно вызывающе, нахально кудахтали куры, взлетая на изгороди, а торопливо стряпавшія женщины перекликались черезъ улицы. Мужчины сѣдлали муловъ или шли на плантаціи. И тогда опять стихали улицы. Въ полдень зной, тишина и сонъ охватывали населеніе, и этотъ полуденный сонъ (siesta) длился до трехъ или четырехъ часовъ. Въ лунныя ночи изъ загородей садовъ неслись звуки гитары, грубый говоръ и визгливый смѣхъ женщинъ. Влюбленный негръ подъ звучные аккорды пѣлъ испанскую мелодію, пожирая глазами обнаженные торсы мулатокъ.

Было въ Санъ-Педро и неизбѣжное въ креольскихъ городахъ „plaza"—квадратное, огороженное столбиками пространство, изображающее родъ публичнаго сада, обыкновенно, впрочемъ, безъ публики. По бокамъ этого квадрата разсажены пальмы; аллеи апельсинныхъ деревьевъ пересѣкаютъ его крестообразно, образуя дорожки, заросшія травой и дикими цвѣтами. Въ чащѣ ихъ немало змѣй и ящерицъ. Съ одной стороны этого „plaza" высилась небольшая крытая черепицей церковь—длинный домъ-ящикъ съ башней-колокольней на переднемъ фасадѣ. Надъ дверями на паперти въ синемъ овальномъ фонѣ изображенъ патронъ города апостолъ Петръ съ скрещенными на показъ ключами въ рукахъ, съ большой сѣдой бородой и свирѣпымъ выраженіемъ косо нарисованныхъ глазъ.

Противъ церкви, на другой сторонѣ „plaza", на косогорѣ огибающей городъ рѣки, высится домъ мѣстной ратуши. Двухъэтажный, изъ дурно обожженнаго кирпича, высокій фронтонъ его по стилю напоминалъ средневѣковой замокъ, а желѣзныя рѣшетки въ окнахъ давали ему что-то казарменно-острожное. Онъ составлялъ гордость санъ-педровцевъ, называвшихъ его „домомъ правительства"—„casa del gobierno". Въ немъ помѣщались власти города—алькальдъ или по-боливійски коррехидоръ съ своей канцеляріей и оборванными полицейскими солдатами изъ негровъ. Тамъ же былъ и острогъ (cárcel publica), къ чести санъ-педровцевъ обыкновенно пустой. Но отъ времени до вре-

мени—и къ радости скучавшихъ негровъ—коррехидоръ назначалъ часового противъ угольнаго окна, и солдатъ негръ, держа въ рукахъ ружье, гордо-свирѣпо прохаживался подъ окномъ, не подпуская къ нему даже и собаки. И тогда весь Санъ-Педро зналъ о присутствіи узника. Въ томъ же „casa del gobierno“ помѣщалась и камера, почти постоянно запертая, мѣстнаго судьи, рѣдко кого поэтому судившаго.

Съ косогора открывался чудный видъ на разливъ рѣки съ ея островами зеленыхъ камышей и далью мѣстныхъ холмовъ на другомъ берегу. По красотѣ мѣстоположенія это была лучшая часть Санъ-Педро. Вечеромъ, когда спадалъ жаръ и отъ ратуши тянулись длинныя тѣни, власти оставляли свои канцеляріи. Коррехидоръ, его секретарь, писцы почтовой конторы и нѣкоторые мѣстные обыватели собирались у ратуши, куря и балагуря. Негры выносили имъ стулья, и расположившись въ тѣни у стѣны зданія, этотъ праздный людъ занимался созерцаніемъ женщинъ, шедшихъ за водой на рѣку или возвращавшихся съ мытымъ бѣльемъ. Женщины несли бѣлье на головѣ, сохраняя равновѣсіе тяжелаго узла и не поддерживая его рукой, картинно упертой въ бокъ.

Многія изъ нихъ имѣли совсѣмъ-таки примитивный костюмъ. Въ юбкѣ, облекавшей бедра и ноги, онѣ имѣли обнаженный до пояса торсъ, и бронзовыя формы ихъ при ходьбѣ раздвигали пряди густыхъ черныхъ волосъ, падавшихъ спутанными космами съ плечъ на грудь. Созерцатели дѣлали свои выборы и сравненія... Женщины видимо не торопились, проходили смѣясь, замедляя шагъ, оборачиваясь назадъ и перекликаясь отъ косогора до рѣки. Шутки, смѣхъ и откровенное разглядываніе не смущали этихъ дѣвъ лѣсовъ.

И лѣса эти виднѣлись въ концѣ всѣхъ улицъ городка; вліяніе ихъ чувствовалось на его физіономіи и природѣ. Крикливыми стаями проносились, кружась надъ „plaza“ и крестомъ церкви, стаи зеленыхъ попугаевъ (loros), и отъ времени до времени слышался ружейный выстрѣлъ, пугавшій ихъ съ плантацій за домами. Улицы перебѣгали большія ящерицы или лѣниво переползала коралловая змѣя (bidosa), а ночью злобнымъ лаемъ заливались собаки, чуя за рѣкой ревъ ягуара и рявканье пумъ.

Золотые пріиски гг. Бромлей и промывка песка производились въ верстѣ на югъ отъ Санъ-Педро у ручья Айкъ-Итэ, расходившагося на рукава и потомъ дельтой впадавшаго въ рѣку почти подъ городомъ. Тамъ основалось лѣсное поселеніе рабочихъ туземцевъ, могущихъ переносить условія климата и лѣсной

жизни, жившихъ въ палаткахъ и баракахъ, съ надсмотрщиками и директоромъ работъ.

Это былъ дикій и цвѣтущій уголокъ земли. Айкъ-Итэ до образованія дельты дробился ручьями, шумно бѣжавшими подъ сводомъ вѣчно зеленыхъ исполинскихъ „урундаевъ“ и „небрачо“. Отъ сучьевъ ихъ опускались на землю толстыя ліаны, проростали на землѣ и слали наверхъ свои побѣги. Вьющаяся павилика (rapallos) въ свою очередь обвивала ихъ яркой зеленью и голубыми цвѣтами, образуя трудно проходимую чащу. Внизу подъ этимъ сводомъ лѣса царилъ зеленоватый сумракъ, и только изрѣдка горячій лучъ солнца золотой иглой пронизывалъ этотъ покровъ.

Отдалившись отъ бараковъ рабочихъ и шума стихавшихъ за оврагами ихъ голосовъ, лѣсъ напоминалъ сказочное царство и теремъ „Спящей царевны“, усыпленной злой волшебницей. Въ тишинѣ знойнаго полдня подъ сводами лѣса цвѣли, образуя гирлянды между ліанами, ярко красныя орхидеи, группы юккъ, окруженныя лѣсными лиліями, блѣдно-зеленыя акаціи, убранныя прядями нѣжно-лиловыхъ цвѣтовъ. Надломленный до половины грозой стволъ великана дерева, какъ умирающій склонился на сторону товарищей, безпомощно протянувъ книзу скорченные высыхающіе сучья. Въ образовавшійся наверху просвѣтъ чащи яркое жгучее солнце слало потоки свѣта, и подъ косымъ изломомъ ствола и опущенными его сучьями темнѣе казался сумракъ тѣни. Вьющіяся rapallos, цвѣтя, обвивали стволъ, точно скрывая его смерть, покрывали его сучья цвѣтущей сѣтью и свѣшивались съ нихъ ярко-зеленой бахромой, точно дѣлая навѣсъ терема въ заснувшемъ лѣсу, воскрешая въ душѣ родную сказку дѣтства... Вечеромъ, когда потухалъ яркій жгучій свѣтъ надъ зеленымъ покровомъ лѣса, онъ оживлялся криками попугаевъ и другихъ птицъ. Стада пекари, осторожно хрюкая и обрывая вьющіяся растенія, шли между стволами къ ручьямъ; свѣтящіяся насѣкомыя проносились въ воздухѣ, освѣщая зеленовато-фосфорическимъ свѣтомъ спящіе во тьмѣ цвѣты и кустарники, а рои москитовъ дѣлали невозможными эти лѣса ночью. И тогда у бараковъ и палатокъ зажигались костры, дымъ которыхъ удалялъ насѣкомыхъ и свѣтъ пугалъ ягуаровъ и пумъ. Пламя костровъ скользило и прыгало по стволамъ-исполинамъ, и тогда они казались еще выше, а окружающая темнота еще чернѣе. Ходившіе у костровъ и подымавшіеся съ земли люди казались черными и высокими. Шумъ ихъ голосовъ переходилъ въ ровный говоръ; слышалась гитара, распространенная даже между бѣдняками-рабочими южной

Америки: подъ ея небомъ и среди ея природы бѣдность чувствуется меньше.

Это лѣсное поселеніе Айкъ-Итэ было подчинено директору работъ, ирландцу Джемсу Перкинсу. По первому впечатлѣнію это былъ ограниченный и хлопотливый человѣкъ лѣтъ пятидесяти, лысый и сгорбленный. Изъ его прошлаго никто ничего не зналъ опредѣленнаго, но гг. Бромлей видимо давали ему извѣстную цѣнность, зная о его работахъ въ Австраліи, гдѣ онъ стоялъ во главѣ сильной золотопромышленной компаніи. Потомъ онъ разорился до нищеты, уѣхалъ въ Новую Зеландію, а оттуда въ Аргентину. Въ Буэносъ-Айресѣ его узналъ (кучеромъ конки уже!) одинъ изъ его бывшихъ подчиненныхъ и представилъ его гг. Бромлеямъ. Такова была его одиссея, и никто ничего не зналъ о его семейной или частной жизни. Его обращеніе съ рабочими не лишено было такта, и въ то же время какъ республиканецъ-негоціантъ, онъ давалъ имъ полную свободу дѣйствій. Рабочіе видѣли въ немъ бѣдняка, собирающаго трудомъ и лишеніями запасъ для недалекой уже старости, и одно это уже дѣлало его симпатичнымъ. При своей хлопотливости онъ отличался невозмутимымъ хладнокровіемъ, никогда не сердился, и ссоры рабочихъ съ надсмотрщиками не выходили изъ-подъ сводовъ лѣса у Айкъ-Итэ. И при всѣхъ его качествахъ организатора, выносливости и трудолюбіи, этотъ неудачникъ жизни, сгорбленный годами борьбы на чужбинѣ, держался гг. Бромлей въ черномъ тѣлѣ. Ихъ уполномоченнымъ представителемъ назначенъ былъ сперва сѣверо-американецъ Грей. Онъ не пробылъ въ Санъ-Педро и года, и его замѣнилъ бывшій военный инженеръ, нѣмецкій баронъ Ричардъ фонъ-Ванденъ.

Администраторъ ad hoc, этотъ баринъ не снисходилъ до сношеній съ рабочими, и въ то же время отъ него не ускользали подробности ихъ жизни, ходъ работъ и затраты на нихъ. Два-три раза въ недѣлю онъ ѣздилъ на пріиски верхомъ, весь въ бѣломъ, въ соломенной тонкой шляпѣ, обвитой тюлемъ, концы котораго, падая на спину, скрывали отъ солнца шею всадника. Этотъ нарядъ аристократическаго туриста довершали лакированные ботфорты со шпорами, перчатки, хлыстикъ съ золотой рукояткой. Ѣздилъ онъ обыкновенно красиво и плавно галопируя на высокомъ черномъ конѣ. Санъ-педровцамъ онъ казался чѣмъ-то въ родѣ заморскаго принца. Его скоро знали всѣ, и въ то же время никто не былъ съ нимъ, собственно говоря, знакомъ. И это объяснялось его личностью: онъ былъ больше баронъ и администраторъ, чѣмъ человѣкъ. Онъ пріѣхалъ въ Аргентину съ

планами колонизаціи и финансовыхъ предпріятій, столкнувшими его съ міромъ биржи и крупными негоціантами типа гг. Бромлей. На этотъ міръ его холодная наружность произвела хорошее впечатлѣніе; онъ умѣлъ поддержать его и заинтересовать собой, ожидая „серьезной“ поддержки въ Европѣ. Но ожиданія остались ожиданіями и въ концѣ концовъ повредили барону, такъ что созданныя имъ отношенія привели его только къ администраторству въ Айкъ-Итэ. Въ Германіи фонъ-Вандены имѣли помѣстья съ вѣковыми лѣсами, стеклянный заводъ, замокъ на Рейнѣ и т. п. Объ этомъ денежномъ и родовомъ величіи баронъ упоминалъ какъ-то всегда кстати, какъ будто вскользь; пріѣздъ его въ Южную Америку казался поэтому не совсѣмъ понятнымъ, но баронъ умѣлъ не замѣчать это недоумѣніе слушателя. Высокій и статный, лѣтъ тридцати-пяти, съ усталымъ выраженіемъ лица, съ длинными каштановаго цвѣта усами, которые онъ постоянно гладилъ книзу бѣлой, выхоленной рукой, онъ походилъ по манерамъ на нашего гвардейца или салоннаго льва вообще. Изящный проборъ по серединѣ головы раздѣлялъ на двѣ грядки темнорусые, почти черные волосы, замѣтно уже порѣдѣвшіе. Красивые темносѣрые глаза смотрѣли обыкновенно холодно; смѣялся онъ очень рѣдко, какъ-то снисходительно и точно только губами: глаза и лицо его не оживлялись.

Появленію его въ Санъ-Педро предшествовали хлопоты Джемса Перкинса устроить помѣщеніе администратору. Перкинсъ нанялъ лучшій тамъ домъ, принадлежавшій мѣстному коррехидору, за довольно высокую въ этой глуши плату; онъ имѣлъ около пяти комнатъ, домашнія удобства и недурно распланированный садъ съ аллеями пальмъ, банановыми и апельсинными деревьями. Но и садъ и домъ были запущены и заброшены. Перкинсъ привелъ рабочихъ, и подъ его руководствомъ мылись полы, бѣлились стѣны, расчищались дорожки сада. Владѣлецъ коррехидоръ приходилъ наблюдать за работами, и чѣмъ больше справлялся онъ о личности барона, тѣмъ менѣе понималъ Перкинса, обладавшаго даромъ отвѣчать ничего не сообщая.

Онъ умѣло распоряжался работами и далъ дому недостававшія ему удобства,—вмѣсто рѣшетокъ въ окнахъ натянули сѣтчатую матерію изъ тонкой проволоки отъ москитовъ и т. п. Потомъ пришли изъ Асумціона запряженныя быками двухколесныя „carros“, нагруженныя сундуками, коврами, мебелью, между которой было и фортепіано. Вслѣдъ за ними пріѣхалъ и баронъ съ женой въ сопровожденіи слуги-нѣмца, горничной г-жи фонъ-Ванденъ и проводниковъ туземцевъ.

Этотъ пріѣздъ былъ событіемъ въ тихой жизни Санъ-Педро. По улицамъ, въ „домѣ правительства“ (или лучше у стѣны его), во всѣхъ домахъ за мирнымъ ужиномъ санъ-педровцы говорили о баронѣ, его женѣ и несомнѣнномъ ихъ богатствѣ. Давъ имъ время отдохнуть съ дороги и устроиться, мѣстныя власти явились къ нимъ съ визитомъ.

Первымъ явился коррехидòръ, пріѣхавшій верхомъ на бѣшеномъ полуобъѣзженномъ жеребцѣ. Это былъ высокій боливіецъ, смуглый атлетъ по сложенію, одѣтый въ люстриновый пиджакъ, бѣлые панталоны и ботфорты со шпорами. Нѣмецъ-слуга барона, плохо говорившій по-испански, повелъ посѣтителя въ залъ; тотъ неуклюже шагалъ за нимъ по коврамъ, не узнавая своего дома. Надъ дорогой мебелью, обитой тисненой кожей, красовались портреты императòрской нѣмецкой фамиліи съ неизбѣжными Бисмаркомъ и Мольтке. Драпри надъ окнами, портьеры, дорогія японскія вазы, фортепіано, этажерки съ бронзовыми статуэтками, часы массивнаго серебра, которые держали Амуръ и Психея, рядъ художественныхъ картинъ, запахъ дорогихъ сигаръ,—все это смущало плебея-дикаря.

Онъ засталъ барона въ гостиной сидящимъ у окна въ креслѣ-качалкѣ съ нѣмецкимъ иллюстрированнымъ журналомъ въ рукахъ. При входѣ посѣтителя баронъ всталъ и, обдавъ его холоднымъ взглядомъ, положилъ журналъ на ближайшую софу. Коррехидòръ, невольно смущенный своимъ неумѣньемъ идти по ковру не спотыкаясь, отрекомендовался угловато, держа передъ собой шляпу и нагайку.

— Къ вашимъ услугамъ, сеньоръ баронъ!.. Мануэль Лассàрдіа, здѣшній коррехидòръ.

Это былъ вульгарный типъ креола: узкоглазый, скуластый дѣтина лѣтъ 27—28, почти безбородый, съ сильно развитыми челюстями, узкимъ лбомъ въ угряхъ. Его черные, дурно остриженные волосы, торчавшіе вихрами, хриповатый басъ и смущенность фигуры дѣлали его похожимъ на только-что вставшаго послѣ выпивки человѣка. Баронъ, уже сносно говорившій по-испански, принялъ его съ озабоченно-холодной миной оффиціальнаго лица, указавъ на мягкое кресло. Потомъ онъ опять усѣлся въ кресло-качалку и, положивъ ногу на ногу, безцеремонно скользилъ глазами по физіономіи и фигурѣ сеньора Лассàрдіа.

— И... вы давно уже здѣсь служите?—спросилъ онъ, видимо, чтобы что-нибудь сказать.

Сеньоръ Лассàрдіа, держа на колѣняхъ шляпу и нагайку, поправлялъ галстукъ и откашливался. Онъ отвѣтилъ барону кан-

целярски-точно и опять откашливался, не зная, что̀ сказать. Атлетъ по сложенію, лихой и красивый всадникъ, онъ не былъ человѣкомъ общества. Баронъ это понялъ. Разглядѣвъ своего vis-à-vis, онъ досталъ изъ кармана жилета какой-то замысловатый ножичекъ съ пилкой и началъ чистить и подтачивать ногти. Откинувшись назадъ и протянувъ ноги, онъ спрашивалъ о дорогахъ, о климатѣ, видимо давая тему разговора между ними возможнаго. Оправившись отъ смущенія, Лассàрдіа отвѣчалъ увѣренно, смотря въ упоръ на барона.

Нѣкоторые его отвѣты заставляли барона поднимать голову, чтобы посмотрѣть на говорившаго. Заговорили о почтѣ и дорогахъ отъ Асумціона. Баронъ, продолжая чистить ногти, говорилъ, точно бросая фразы, о парагвайскомъ президентѣ, который содѣйствовалъ ему, барону, сдѣлать путешествіе возможно удобнымъ до границъ Боливіи.

Эта дружба барона съ главой сосѣдняго парагвайскаго государства произвела впечатлѣніе на Лассàрдіа, и онъ тоже обѣщалъ барону свое содѣйствіе „въ дѣлахъ службы". Но по натурѣ свободолюбиваго дикаря онъ скорѣе чувствовалъ, чѣмъ понималъ его надменность. Рѣшивъ показать ему свое значеніе въ Санъ-Педро—а, можетъ быть, и просто изъ подслуживанія маленькаго чиновника глуши—онъ, говоря о наймахъ рабочихъ и формальностяхъ контрактовъ, сказалъ, что „позволяетъ сеньору барону упростить эти формальности". На это обѣщаніе „позволенія" баронъ на мгновеніе сдвинулъ брови. Потомъ, покачнувшись въ креслѣ, разсмѣялся обычнымъ ему смѣхомъ, показавъ свои блестящіе бѣлые зубы.

— Конечно, конечно, не сомнѣваюсь въ вашей любезности, сеньоръ... коррехидòръ, хотя объ этомъ на дняхъ я буду писать вашему министру и по поводу дорогъ... А какъ отъ васъ, однако, пахнетъ лукомъ! — вдругъ сказалъ онъ въ томъ же веселомъ тонѣ.—Ужасно какъ пахнетъ!.. Гансъ!—крикнулъ онъ, продолжая смѣяться, но приподнявъ брезгливо-сморщенный носъ,—принесите сюда сигары. Предложите ихъ сеньору... коррехидòру.

Послѣ этого эпизода сеньоръ Лассàрдіа оставался недолго. Онъ уѣхалъ, очевидно, въ очень дурномъ расположеніи духа и шпоря бѣшено понесшагося жеребца.

Потомъ барона навѣстилъ мѣстный судья, прилично одѣтый и обритый старикъ, очень похожій на Тьера и съ такими же круглыми очками. Онъ засталъ барона за игрою въ шахматы съ г-жею фонъ-Ванденъ, и баронъ, послѣ минутнаго колебанія, пред-

ставилъ его женѣ. Визитъ длился недолго. Хозяева проводили гостя очень любезно, но видимо не ища его знакомства.

Въ одно изъ воскресеній пришли навѣстить барона миссіонеры монахи-францисканцы, пріѣзжавшіе служить „мессу" въ Санъ-Педро, не имѣвшаго штатнаго патера. Разсмотрѣвъ ихъ изъ окна, баронъ рѣшилъ не принимать ихъ. Гансъ вынесъ св. отцамъ на блюдечкѣ два „пезо", сказавъ, что баронъ проситъ извинить: занятъ... не можетъ принять.

Отъ времени до времени приходили и разныя странныя личности: профессоръ (profesőr) игры на гитарѣ, предлагавшій свои услуги и талантъ, продавецъ ученыхъ попугаевъ, полупьяный зубной (онъ же и ветеринарный) врачъ и т. п. Весь этотъ людъ скоро понялъ недоступность барона, и его оставили съ глухой непріязнью въ душѣ, переставъ даже и смотрѣть, когда онъ ѣхалъ верхомъ.

Такъ прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Баронъ организовалъ промывку золота на самыхъ экономическихъ началахъ и зорко наблюдалъ за ней. Потомъ выписалъ изъ Асумціона фельдшера и устроилъ въ Айкъ-Итэ пріемный покой для больныхъ рабочихъ. Въ Санъ-Педро не было доктора, и барона это временами безпокоило; за докторомъ, при болѣзни его или жены, надо было посылать въ штатный городъ округа, т.-е. за 25 верстъ лѣсной дороги муломъ. Устройство пріемнаго покоя онъ объяснилъ гг. Бромлеямъ необходимостью „нормализаціи работъ": законтрактованные рабочіе, подъ предлогомъ болѣзни, уклоняются отъ работъ и т. п. Ввелъ онъ и систему штрафовъ, и строгое распредѣленіе времени работъ. Отношеніе къ нему рабочихъ скоро опредѣлилось бы въ явно враждебное, еслибы тактъ и демократическія манеры Перкинса не поддерживали мира. Рабочіе видѣли и чутьемъ народныхъ массъ поняли, что старикъ не уважаетъ своего принципала, но даетъ имъ примѣръ выносливости. При осмотрѣ барономъ работъ Перкинсъ торопливо ходилъ за нимъ съ записной книжкой въ рукахъ и чуть не на ходу ловя бросаемыя фразы и приказанія; но они не исполнялись и обходились объясненіями опытнаго старика. Барону и въ голову не приходило, что порядокъ и дисциплина поддерживаются какимъ-то Перкинсомъ, а не имъ, барономъ. Въ то же время онъ замѣтилъ, наконецъ, характеръ свободолюбивыхъ креоловъ, между которыми не мало было самыхъ отчаянныхъ бродягъ и убійцъ. Оборванный смуглый боливіецъ, парагваецъ или аргентинскій „гаучо" угрюмо, неохотно снималъ шляпу, когда баронъ, бросая ему поводья лошади, приказывалъ поставить ее въ тѣнь или под-

тянуть подпруги. Рабочій подчинялся, чувствуя самоувѣренно-властную личность европейца, но, смѣшавшись съ родной толпой, онъ смотрѣлъ уже иначе, и злобная насмѣшливость отчаянной голытьбы слышалась въ голосахъ работающихъ группъ. Баронъ это объяснялъ неумѣньемъ Перкинса влiять на рабочихъ, его недостаткомъ энергіи и т. п.

Но въ концѣ концовъ онъ сталъ менѣе винить Перкинса и при всемъ своемъ самомнѣніи увидѣлъ, что въ этой свободной и дикой странѣ не легко пользоваться трудомъ туземца. И это поднимало въ немъ желчь, это совсѣмъ противорѣчило его надеждамъ негоціанта-цивилизатора. Тамъ, за океаномъ, въ Ниццѣ, Монако и Монте-Карло, среди былыхъ наслажденій ему казалось, что въ культурной Южной Америкѣ легко поправить потерянное, вернуть зáмки на Рейнѣ и т. п., не унижаясь до вульгарнаго труда, не теряя своего достоинства; а о достоинствѣ баронъ имѣлъ свое представленіе. И вдругъ такое разочарованіе! Первое время глухая, сдавленная приличіемъ злоба лишала его и сна, и аппетита. Онъ винилъ Бромлеевъ, но, конечно, не самого себя. Не лишенный такта и внѣшне хорошо воспитанный, онъ стоялъ невысоко по своему научному и духовному развитію; отсюда и преувеличенное или даже прямо ложное представленіе о самомъ себѣ, о своихъ силахъ и способностяхъ. Служба военнаго инженера въ Германіи дала ему нѣкоторую систематичность, но не сдѣлала его даже и мыслящимъ человѣкомъ, не говоря уже о развитіи вообще. Надменно прерывая сношенія съ новой средой, не культурной, а потому и низменной, по его понятію, онъ не взвѣсилъ своихъ силъ, не понялъ, что, игнорируя страну и презирая туземное населеніе, трудно расширить дѣло и довести его доходность до желаемаго и возможнаго maximum'а.

А это скоро и явилось единственной и гнетущей его мыслью.

Почти съ каждой почтой онъ отправлялъ длинные отчеты, изъ которыхъ — вопреки баронскому достоинству — явствовало, что процентный интересъ его въ дѣлѣ мало вознаграждалъ его труды, что обстановка цивилизованной жизни въ этой глуши требуетъ много затратъ и т. п. Довольно долго ему на это не отвѣчали, пока баронъ не предложилъ „прибавки“ уже категорично. Гг. Бромлей, видя увеличивающуюся доходность пріисковъ и не забывъ предшественника барона, довольно рѣзко ихъ оставившаго, уступили настоянію ихъ представителя, давъ ему серьезный доходъ въ дѣлѣ.

Это оживило его. Онъ почувствовалъ, что черезъ нѣсколько

лѣтъ онъ можетъ вернуться, если еще и не въ зàмки на Рейнѣ, то хоть въ Буэносъ-Айресъ, гдѣ спекуляціи „возродятъ" его. И онъ началъ жить этимъ будущимъ, видя въ настоящемъ только приходъ дня, сбереженія недѣли и мѣсячный валовой доходъ съ его процентами.

Послѣ перваго впечатлѣнія новизны Санъ-Педро показался ему идіотскимъ ауломъ дикихъ. Къ красотѣ природы онъ былъ совершенно равнодушенъ и видѣлъ неудобства только:—москиты, отсутствіе дорогъ, змѣи, заползавшія въ его садъ, зной и скуку. Карьеристъ и „clubman", онъ принужденъ былъ вести теперь „добродѣтельную и идіотскую жизнь", по его выраженію. Изъ его прошлаго полезными ему оказались только шахматы, дававшіе умственную гимнастику въ этой глуши. Обычный партнеръ его, г-жа Ванденъ показала, что онъ ошибался и въ ней; къ большому его удивленію, она умно и сильно вела разъ созданную атаку, и баронъ проигрывалъ не безъ досады.

II.

Послѣ полуденнаго зноя съ его тишиной заснувшаго населенія легкимъ вѣтеркомъ вѣяло съ рѣки, чуть шевеля листья пальмъ. За изгородями садовъ и у домовъ слышались голоса. Съ рѣки неслись крики купавшихся мальчишекъ; вдоль домовъ проносились стаи ласточекъ, точно перегоняя одна другую. У стѣны ратуши, въ тѣни, солдаты негры, сидя на корточкахъ, ѣли большой арбузъ.

Баронъ съ женой наблюдали посадку розовыхъ кустиковъ вдоль рѣшетки, отдѣлявшей ихъ садъ отъ улицы. Попыхивая окуркомъ сигары, баронъ подымалъ голову, смотря черезъ рѣшетку на улицу. Старый садовникъ-негръ сажалъ кустики по протянутому шнурку, услужливо показывая г-жѣ фонъ-Ванденъ бутончики розъ, и она слушала его разсѣянно, обвивая своей рукой руку барона.

Она была немного ниже его ростомъ и совсѣмъ не нѣмецкаго или сѣвернаго типа. У ней было лицо южанки—матово-блѣдное, съ ярко-красными губами красиво обрисованнаго большого чувственнаго рта; небольшой и прямой носъ; каріе глаза съ длинными рѣсницами имѣли безпокойное и въ то же время повелительное выраженіе, а сходившіяся на переносицѣ темныя, почти прямыя брови какъ будто довершали это послѣднее впечатлѣніе. Лобъ закрывали локоны не русыхъ, а почти пепельнаго цвѣта

роскошныхъ волосъ, и толстая длинная коса лежала вдоль спины. На ней было что-то въ родѣ длиннаго розоваго пеньюара изъ легкой матеріи, перехваченнаго у таліи. Широкіе рукава то открывали часть локтя, то скрывали маленькія руки. Подъ подбородкомъ —треугольный выемъ платья, полузакрытый кружевами, и на бѣлизнѣ тѣла блестѣлъ небольшой золотой медальонъ, осыпанный бриллiантами. Держалась она однако не граціозно и манеры были не лишены рѣзкости. Въ общемъ—красота южанки, лишенная мягкихъ тоновъ или того, что̀ называется симпатичностью.

Но это впечатлѣніе совершенно исчезало при звукѣ ея голоса, пѣвуче-ласкающаго нѣжнаго тембра.

— Знаешь, Риччи, — говорила она, заглядывая сбоку въ лицо барона, и ея голосъ при полузакрытыхъ рѣсницами глазахъ дѣлалъ ее интересно-мечтательной.—Этотъ заборъ изъ розъ напоминаетъ Ниццу. Помнишь?

— Помню, — отвѣчалъ баронъ, и брови его чуть дрогнули.

Она не замѣтила этого подавленнаго внутренняго движенія и продолжала въ томъ же тонѣ на испанскомъ языкѣ:

— Помнишь, у сеньоры Торелли, когда наша труппа пріѣхала изъ Барселоны, ты посылалъ розы...

Она вдругъ смолкла, видя, что баронъ, нахмурившись, рѣзко отряхнулъ пепелъ сигары.

— Это... это очень интимныя воспоминанія, Люси, — сухо сказалъ онъ ей по-нѣмецки, показывая глазами на копавшагося передъ ними негра.

— Ну, что̀ онъ можетъ понять, Риччи! Ты становишься совсѣмъ мрачнымъ въ этой Америкѣ,—отвѣчала она по-нѣмецки же, принужденно весело, точно подавляя тревогу.

Баронъ хотѣлъ что-то отвѣтить, но сзади нихъ появилась горничная и обратилась къ нему съ озабоченнымъ лицомъ умной служанки хорошаго тона. Говорила она тоже по-испански.

— Этотъ тигровый охотникъ хочетъ васъ видѣть. Они принесли вамъ какія-то шкуры...

— Они?.. значитъ не одинъ охотникъ? — спросилъ баронъ.

— Онъ и его товарищъ. Я звала ихъ въ кухню...

— Зачѣмъ вы пускаете въ домъ этихъ людей, Маргарита!— рѣзко перебилъ ее баронъ и, швырнувъ сигару, покосился на жену, точно виня и ее. — Это неосторожно... Вы это можете, думаю, сообразить!

— Извините, сеньоръ баронъ, я... я не знала, гдѣ они должны были васъ ждать... Но они не въ кухнѣ, потому что этотъ

индѣецъ... или охотникъ... оскорбился. И я пришла вамъ сказать...

— Что такое—„оскорбился“? Чѣмъ же это онъ могъ оскорбиться?—спросилъ баронъ.

— Представьте себѣ... онъ сказалъ, что онъ какой-то „кацикъ“ или „кацитъ“ и что онъ не хочетъ ждать въ кухнѣ! Я рѣшительно не знаю, что онъ такое!—вдругъ быстро сказала она, точно сердясь, и потомъ разсмѣялась, видя озадаченное лицо барона.

Старикъ-садовникъ съ кустомъ розъ въ рукахъ обернулся къ барону, какъ бы желая что-то объяснить. Баронъ это замѣтилъ.

— Вы знаете этого охотника, Антоніо?

— Это должно быть—сынъ „кацйка“ Нисахъ-Керру́. Онъ всегда приноситъ шкуры, сеньоръ.

— Сынъ „кацйка“, т.-е. предводителя индѣйцевъ?.. Но самъ-то онъ что́ же дѣлаетъ?

— А самъ онъ охотникъ. Но только онъ большого ума,—вдругъ добавилъ Антоніо.

— Разумѣется! И, конечно, большой умъ помѣшалъ ему ждать въ кухнѣ... И въ то же время онъ принесъ какія-то шкуры, чтобы продать, конечно... Это совершенно въ духѣ страны. Вы знаете уже давно этого индѣйскаго принца, Антоніо?

Г-жа фонъ-Ванденъ и Маргарита смѣялись, но старый негръ былъ совершенно серьезенъ.

— Я его давно знаю, еще съ англійской войны. Онъ ходитъ охотникомъ по своему... характеру, а не по нуждѣ, потому что при его талантѣ онъ давно бы могъ разбогатѣть.

— А-а. Такъ что кромѣ большого ума у него еще и талантъ?.. Какой же это талантъ?

— Онъ здѣсь докторомъ (medico), и извѣстенъ даже на другіе округи, сеньоръ баронъ.

— Докторомъ? Но при этомъ онъ продаетъ шкуры... И... надѣюсь, у него много паціентовъ?

Тонъ барона видимо не нравился старому негру, и онъ, казалось, обидѣлся.

— Его здѣсь, сеньоръ баронъ, всѣ зовутъ, какъ только онъ придетъ изъ лѣсовъ. Даже изъ округа посылаютъ, хоть тамъ и ученый докторъ есть. Но зовутъ не его, а Нисахъ-Керру́.

— Значитъ, онъ тоже ученый?—спросила, переставъ смѣяться, г-жа фонъ-Ванденъ. Маргарита тоже слушала съ любопытствомъ, вытянувъ шею, а баронъ невозмутимо гладилъ усы.

— Ученый — нельзя сказать. Но много травъ знаетъ... А также и колдовство (brujo),—добавилъ Антоніо.

Обѣ женщины посмотрѣли на барона. Слегка прищуривъ глаза, онъ вынулъ изъ кармана часы, молча посмотрѣлъ на нихъ и, не удостоивъ больше своимъ вниманіемъ негра, обратился къ Маргаритѣ:

— Проводите этихъ людей къ павильону. И пусть возьмутъ свои шкуры!

Они пошли по вычищенной широкой дорожкѣ въ аллеѣ апельсинныхъ деревьевъ, и г-жа фонъ-Ванденъ опять завладѣла рукой барона. Аллея кончалась круглой площадкой, и ее окружали часто насаженныя высокія пальмы. Подъ ними въ тѣни отъ громадныхъ вѣеровъ-листьевъ, въ зеленой лентѣ газона, обѣгавшей этотъ громадный кругъ, росли, окружая его, фіалки, бѣлоснѣжныя лиліи, темно-пунцовые георгины и тюльпаны.

Въ серединѣ круга высился большой павильонъ изъ тонкихъ жердей, весь обвитый и точно затканный вьющимися растеніями. Внутри него могло свободно помѣститься небольшое общество въ восемь или десять человѣкъ. Вокругъ вкопаннаго въ землю круглаго стола стояли стулья и складной стулъ-кушетка г-жи фонъ-Ванденъ. На столѣ были разбросаны номера нѣмецкихъ журналовъ, ящикъ съ сигарами и раскрытая шахматная доска съ недоконченной игрой.

— Тебя интересуютъ эти шкуры, Риччи? Это вѣроятно тигровыя? Да?

— Т.-е. ягуаровыя, хотите вы сказать. Если это что-нибудь стоющее и красивое, я пошлю одну въ Буэносъ-Айресъ.

И, освободясь отъ ея руки, онъ прошелъ въ павильонъ и занялъ стулъ у входа въ ожиданіи индѣйцевъ. Г-жа фонъ-Ванденъ вынула изъ кармана небольшую золоченую коробочку съ мятными лепешками и, положивъ одну изъ нихъ себѣ въ ротъ, искоса посмотрѣла на мужа.

— Ты сегодня очень дурно настроенъ, Риччи. Я вижу наконецъ, что причиной этого является постоянно этотъ... Перкинсъ. Не понимаю, зачѣмъ ты его держишь! Я думаю, что онъ совсѣмъ не стоитъ такихъ о немъ заботъ.

— Вы думаете! Вотъ этого именно вамъ и недостаетъ, Люси.

— Вы хотите этимъ сказать, что я глупа и не могу думать?

— Я хочу этимъ сказать, что вы говорите не думая. Зачѣмъ я держу Перкинса? Конечно, не изъ любви къ нему, а потому, что замѣнить его не легко.

— Но развѣ нельзя написать въ Европу или хоть бы въ тотъ же Буэносъ-Айресъ?

Баронъ, не отвѣчая, всталъ, закурилъ сигару и опять сѣлъ. Разговоръ жены раздражалъ его.

— Вы, Люси, имѣете очаровательную привычку говорить именно о томъ, чего не знаете. Написать и замѣнить Перкинса другой личностью очень не трудно, но къ чему это приведетъ? Перкинса можетъ замѣнить не всякій дюжинный чертежникъ или надсмотрщикъ,—это во-первыхъ, а во-вторыхъ, новая личность, не знающая страны и условій климата... А вотъ и индѣйцы! Однако этотъ индѣйскій принцъ, по-моему, имѣетъ очень мало величественнаго.

И они стали въ дверяхъ павильона. По направленію къ нимъ по дорожкѣ шелъ какой-то темнолицый субъектъ. На головѣ у него была грубо сплетенная соломенная шляпа съ опущенными внизъ полями, похожая на опрокинутое блюдечко. Завязанная подъ подбородкомъ, она почти на половину скрывала его лицо. Одѣтъ онъ былъ въ выцвѣтшую, когда-то синюю, узкую и короткую рубашку изъ бумажной матеріи и такіе же панталоны въ грубыхъ заплатахъ. На ногахъ у него были сшитые полосами чулки изъ выдѣланной кожи лани, а къ подошвѣ ноги кожаными же лентами былъ прикрѣпленъ овальный кусокъ толстой кожи. Такая обувь, напоминая „сандаліи“ древнихъ, была легка и удобна для ходьбы. Подъ локтемъ лѣвой руки онъ держалъ связанный цилиндрическій свертокъ шкуръ, а въ правой рукѣ копье—длинную прямую палку, довольно толстую, изъ твердаго и тяжелаго дерева, на верхнемъ концѣ которой былъ укрѣпленъ ссохшимися жилами остроконечный кусокъ желѣза.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ павильона индѣецъ остановился, молча посмотрѣлъ на барона и его жену и, продолжая стоять, полуоборотился назадъ. У спины виденъ былъ за поясомъ подъ рубашкой длинный ножъ въ ножнахъ, за рукоятку котораго заходилъ край его рубашки. Поза полуоборота позволяла разсмотрѣть его лицо только въ профиль,—видно было, что индѣецъ былъ безбородый; изъ-подъ шляпы-блюдечка черные, прямые, видимо толстые волосы обрамляли его щеки свѣтло-шоколаднаго цвѣта. Трудно было опредѣлить его возрастъ; по медленности движеній и нѣкоторой тучности онъ казался пожилымъ. Узкіе черные глаза и нѣсколько выдающіяся скулы дѣлали его похожимъ на киргиза или сибирскаго инородца, но въ немъ не было и слѣда приниженности азіатскаго дикаря,—въ движеніяхъ и

позѣ угадывалась спокойная непринужденность и рѣшимость совсѣмъ не запуганнаго человѣка.

— Онъ не удостоиваетъ насъ своимъ вниманіемъ въ ожиданіи товарища,—проговорилъ баронъ.

— Да, онъ очень... независимъ. Но вы думаете, что это и есть докторъ и принцъ?

— Вѣроятно. Впрочемъ, позвольте!..

Онъ отошелъ къ боку павильона, всматриваясь въ просвѣты между стволами аллеи.

— А-а... Вы правы. Этотъ не принцъ, а вѣроятно его пажъ... или оруженосецъ... Этотъ старый дуралей Антоніо задержалъ другого... О чемъ-то его проситъ... Значитъ, онъ то и есть принцъ.

Госпожа фонъ-Ванденъ быстро подошла къ барону. Стоявшій индѣецъ слегка повернулъ голову, видя ихъ наблюденія, и продолжалъ невозмутимо стоять, не обращая на нихъ вниманія.

Въ просвѣтѣ деревьевъ у рѣшетки въ разговорѣ съ Антоніо баронъ и жена его увидѣли другого индѣйца, высокаго и стройнаго, повидимому молодого, съ такой же плетеной шляпой на головѣ. Слѣдя за его движеніями, огромная черная собака стерегла копье, прислоненное къ рѣшеткѣ. Старый негръ что-то объяснялъ или просилъ, показывая на свою ногу. По знаку индѣйца онъ обнажилъ ногу до колѣна, засучивъ панталоны. Индѣецъ нагнулся, взялъ эту голую черную ногу обѣими руками и, точно сжавъ ее, держалъ ее въ этомъ положеніи. Старикъ съ видимо страдающей физіономіей облокотился на плечо индѣйца, и въ этой позѣ оба оставались нѣсколько минутъ.

— Вы понимаете, что онъ дѣлаетъ?—спросилъ баронъ жену, наблюдая сцену.

— Да. Онъ лечитъ своимъ колдовствомъ ногу Антоніо. Но что такое у этого негра?

— Вчера онъ мнѣ разсказывалъ, что его укусила коралловая змѣя.

— „Bidosa?“ Значитъ, онъ долженъ умереть? Но это ужасно! —вскрикнула она, подбирая инстинктивно подолъ платья и со страхомъ смотря на землѣ вокругъ себя.

— Успокойтесь! Это было годъ тому назадъ... Но нога временами болитъ.—Смотрите!

Индѣецъ быстро рознялъ руки, быстро выпрямился и точно стряхивалъ что-то съ рукъ. Негръ отошелъ назадъ и подошелъ къ индѣйцу бокомъ, точно обходя мѣсто, гдѣ они стояли. Видно было какъ онъ благодарилъ и низко кланялся. Индѣецъ отвѣтилъ

на это дружески коснувшись плеча старика и, взявъ въ правую руку копье, пошелъ по дорожкѣ къ павильону.

По сравненію съ Антоніо, былъ особенно замѣтенъ его высокій ростъ. Поднятая вверхъ голова и стройныя движенія увѣренности и силы дѣлали его интереснымъ. Его шляпа, сдвинувшись назадъ, открывала его лицо. Костюмъ его и обувь напоминали костюмъ ожидавшаго его молчаливаго товарища, но рубашка была новѣе, а панталоны, охватывавшіе его ноги, были изъ выдѣланной коричневой кожи venado (родъ оленя) и входили въ кожаные его чулки, перехваченные ремнями. Къ нимъ была прикрѣплена толстая подошва, вырѣзанная изъ кожи какъ разъ по ступнѣ ноги.

Собака покорно шла за нимъ, не отставая ни на шагъ.

— Риччи! у меня къ вамъ просьба!—сказала вдругъ госпожа фонъ-Ванденъ, слегка покраснѣвъ.

— Что такое?—спросилъ баронъ, наблюдая приближавшагося индѣйца.

— Мы пригласимъ ихъ къ чаю... Это будетъ нашъ five o'clock съ индѣйцами. Согласны?

— Хорошо, но... они вѣроятно обожгутся, не зная его. Но это оригинально, конечно.

Высокій индѣецъ, дойдя до товарища, сказалъ ему что-то, и оба подошли къ павильону. Поставивъ копья у входа и видимо остерегаясь повредить растеніямъ, они положили около нихъ на землю шкуры. Собака по знаку высокаго индѣйца легла сторожить ихъ. Послѣ этого оба индѣйца подошли къ барону и его женѣ, и первымъ заговорилъ, обращаясь къ нему, молодой. Онъ былъ головой выше барона.

— Я Нисахъ-Керрý. Пришелъ съ тобой говорить.—Если это моему бѣлому брату нравится,—добавилъ онъ серьезно и вѣжливымъ тономъ. Съ нѣсколько театральнымъ достоинствомъ, но не кланяясь, онъ протянулъ свою руку барону и его женѣ и посторонился въ бокъ, давъ мѣсто для рукопожатій своему молчаливому товарищу.

— Мой другъ. По-испански не знаетъ. Мало бѣлыхъ людей видѣлъ.

Говорилъ онъ по-испански со страннымъ акцентомъ и конструкціей фразы, сильнымъ баритономъ. Баронъ пригласилъ ихъ въ павильонъ, поставивъ рядомъ два стула и сѣвъ съ женой противъ гостей.

Нисахъ-Керрý сѣлъ рядомъ съ товарищемъ, положивъ ногу на ногу и свободно откинувшись на спинку стула. Видя барона

безъ шляпы, онъ снялъ свою и положилъ ее на землю у стула. Потомъ онъ скрестилъ руки на груди, внимательно смотря на хозяевъ. По наружности это былъ юноша лѣтъ 24-хъ; — но жизнь охотника съ ея борьбой въ лѣсахъ видимо содѣйствовала его возмужалости, не давъ ему однако ничего дикаго или рѣзкаго. При индѣйскомъ типѣ, глаза его не были узкими,—скорѣе большіе, черные, съ гордымъ выраженіемъ спокойной наблюдательности, а лицо менѣе темно. Овалъ его и подбородокъ окаймлялъ узкій бордюръ юношеской, завивавшейся слегка черной бороды, оставляя почти обнаженными губы небольшого рта, сжатаго точно въ раздумьѣ. Носъ большой, горбомъ, красиваго рисунка. Умный, выпуклый лобъ, сохраненный шляпой, былъ свѣтлѣе лица, обожженнаго солнцемъ. Волосы, черные какъ смоль, длинные и съ проборомъ по серединѣ головы, были отброшены назадъ.

— Вы пришли изъ-за рѣки?—не безъ удовольствія разсматривая его, спросила г-жа фонъ-Ванденъ.

— Нѣтъ, изъ Бахчаръ-Итэ.—Его глаза небрежно скользнули по ея лицу.

— И вы охотитесь на ягуаровъ? — спрашивала она своимъ пѣвучимъ голосомъ.

— Я—да!—отвѣчалъ онъ, точно признавая странность этого единоличнаго „вы“.

— Это должно быть очень опасно. Но ваша собака кажется такой умной... Какъ ее зовутъ?

— Керрý.

— Керрý? Но вѣдь и вы Керрý?

— Нѣтъ. Я Нисахъ-Керрý. Это больше.

— Что же значитъ это „Керрý?“

— Другъ.

— А Нисахъ?

— Начальникъ!

— А—а... У васъ хорошее имя. Кто вамъ далъ такое имя?

— Не знаю. Давно всѣ меня такъ зовутъ.

Въ просвѣтѣ двери павильона появилась собака, услыхавшая свое имя, и смотрѣла на индѣйцевъ, точно ожидая приказаній. Это былъ огромный песъ съ головой дога, видимо сильный, широкогрудый, на крѣпкихъ жилистыхъ лапахъ. Черная короткая шерсть плохо скрывала шрамы по бокамъ и спинѣ, а сбоку шеи видно было розовое тѣло недавно зажившей раны. Губа была только одна, т.-е. съ одной стороны, а другая была оторвана и позволяла видѣть страшныя челюсти и чуть не вершковые клыки, что

вмѣстѣ съ обрѣзанными ушами давало головѣ этого пса свирѣпо боевое выраженіе.

На зовъ г-жи фонъ-Ванденъ Керру́ подошелъ къ ней, искоса посматривая на своего повелителя, точно ожидая его разрѣшенія.

— Бѣдный Керру́! Смотрите, Риччи, онъ весь какъ будто сшитый,—нѣжно говорила она, лаская собаку своей маленькой бѣлой ручкой. Нисахъ-Керру́ смотрѣлъ на эту ручку, точно разсматривая ее. Г-жа фонъ-Ванденъ наклонялась надъ собакой. Индѣецъ быстро поднялъ голову.

— Я радъ, что Керру́ тебѣ нравится—сказалъ онъ, смотря точно поверхъ ея головы.

— А ты не можешь продать его?—спросилъ баронъ.

— Мой бѣлый братъ уже слышалъ, что Керру́—другъ,—холодно отвѣчалъ индѣецъ.

Г-жа фонъ-Ванденъ подняла на индѣйца свои глаза, продолжая гладить щурившагося Керру́.

— Конечно, Риччи, это невозможно: они неразлучные товарищи и борцы въ этихъ лѣсахъ.

— Твои мысли такъ же хороши, какъ твой голосъ,—серьезно сказалъ ей Нисахъ-Керру́ и, не глядя на нее, обратился къ барону:

— Я тебѣ его сына дамъ,—указалъ онъ на Керру́, и потомъ сказалъ собакѣ что-то по-индѣйски, показавъ на выходъ. Керру́ покорно вышелъ, повернувъ по направленію къ копьямъ.

— А его сынъ тоже большой?—интересовался баронъ этой собачьей генеалогіей.

— Да. И молодъ. Привыкнетъ. Керру́ не можетъ тебя любить.

— Почему же это?

— Онъ меня только любитъ. А отъ тебя уйдетъ.

— Уйдетъ? Но вѣдь его можно и привязать.

— Нельзя. Безъ меня никто его не тронетъ. Увидитъ веревку и удушитъ человѣка.

— Какое страшное животное... Но такое умное! Эти шрамы у него отъ ягуаровъ?—спрашивала г-жа фонъ-Ванденъ.

— Нѣтъ, отъ пумъ. Ягуаръ для него менѣе опасенъ.

— А для васъ? — спрашивала она, какъ любительница страшнаго.

Отвѣты индѣйца заинтересовали фонъ-Ванденовъ. Точно польщенный вниманіемъ ихъ къ его товарищу-другу, онъ охотно отвѣчалъ имъ. Изъ сообщеній его выходило, что пума, отчаянно

защищаясь при нападеніи, бѣжитъ отъ человѣка, ее не трогающаго. Ягуаръ не нападаетъ на людей, чтобы питаться ихъ мясомъ, и кровожадность его выдумана бѣлыми. При этомъ онъ бываетъ голоднымъ очень рѣдко, почти никогда. Его зрѣніе въ темнотѣ и сила прыжковъ даютъ ему обильную охоту между ланями, телятами, жеребятами и мулами креоловъ, отошедшими отъ дома. На человѣка онъ нападаетъ не изъ голода, а отъ раздраженія, въ которое приводитъ его испугъ человѣка, получающійся отъ глазныхъ лучей этого звѣря. Лучи эти, по его словамъ, не всѣми видимы, но сильно вліяютъ на человѣка, почти парализуя болѣе робкаго; отсюда раздраженіе звѣря и его нападеніе, такъ же, какъ, напримѣръ, собака непремѣнно нападетъ на закричавшаго и испугавшагося человѣка; лошадь бьется и даже кусаетъ боязливаго; быкъ или козелъ нападутъ на бѣгущаго отъ нихъ человѣка. Все объясняется лучами.

— Что же это за лучи? Вы ихъ видѣли?—спрашивала г-жа фонъ-Ванденъ.

— Да. Въ темнотѣ ихъ видѣть могу. Они цвѣта какъ твое платье. Но синѣе.

Синѣе розоваго платья спрашивавшей, т.-е. лучи были фіолетовыми. По словамъ индѣйца, сила ихъ была поразительна по своей проникаемости. Они пронизывали стволъ дерева. Это казалось невѣроятнымъ, но вмѣстѣ и страшнымъ, что̀ особенно нравилось госпожѣ фонъ-Ванденъ. Барона занималъ разсказъ своей формой и обстановкой, а фіолетовые лучи онъ приписывалъ фантазіи охотника или даже его лжи и, улыбаясь, спросилъ: почему никто и нигдѣ не видалъ этихъ лучей у тигровъ и ягуаровъ, когда они въ клѣткахъ? Отвѣтъ индѣйца былъ довольно толковъ. Въ звѣринцахъ между звѣремъ и зрителемъ устанавливаются другія отношенія: первый не думаетъ напасть на второго, понимая свое безсиліе, а второй не боится и вмѣсто лучей испуга даетъ лучи увѣренности и силы, которую сознаютъ животныя. Въ этомъ состоитъ секретъ охотника и укротителя звѣрей.

Баронъ не отвѣчалъ, но не хотѣлъ признать такой силы. Изъ журналовъ онъ зналъ немного о магнетизмѣ и спиритизмѣ, презрительно-враждебно относясь къ „такимъ вещамъ". Вѣроятно, въ нихъ есть что-нибудь... неизслѣдованное еще. Потому что все-таки говорятъ о нихъ и пишутъ... Но... зачѣмъ онѣ? Avant-tout, что̀ въ нихъ собственно полезнаго?—думалось ему.—И узнавъ отъ индѣйца, что обѣщанный ему сынъ Керрӯ—такой же большой, онъ спросилъ о цѣнѣ собаки. Этотъ вопросъ точно не понравился Нисахъ-Керрӯ.

— Я тебѣ продать не сказалъ. Я тебѣ дать сказалъ,—отвѣчалъ онъ.

— Но отчего же ты не хочешь платы? Развѣ это обижаетъ тебя?

— Обижаетъ—нѣтъ. А не хочу. Денегъ не ищу.

— Я уже слышалъ, что ты... не любишь денегъ... Но это потому, что еще не знаешь ихъ,—улыбался баронъ.

— Ты этого не знаешь,—отвѣчалъ индѣецъ, точно не замѣчая насмѣшливаго тона.

— Конечно, не знаешь... Потому что человѣкъ не можетъ пренебрегать ими... если онъ уменъ.

— Ты ошибаешься,—ровно и глухо сказалъ индѣецъ.— Умъ даетъ Великій Духъ. Деньги—другое.

— Что же это другое?

— Хитрость.—И Нисахъ-Керрý въ упоръ смотрѣлъ на барона, пронизывая его глазами.

— Хорошо, хитрость. Но вѣдь это то же, чтò и умъ.

— Нѣтъ. Они отдѣльно. Хитрость—ягуаръ, лисица. Умъ—собака, женщина. Добро—сердце.

— Женщина? Какъ ты любезенъ! Ты равняешь ее собакѣ! —смѣялся баронъ, поглядѣвъ на жену.

— Бѣлый братъ мой даетъ слова, Нисахъ-Керрý—правду! —рѣзко сказалъ индѣецъ.—Собака и женщина—они два. Отдѣльно. Женщина больше. Но Великій Духъ ихъ человѣку шлетъ. И нѣтъ человѣка—они ищутъ. Безъ человѣка—ихъ сердце безъ тепла. И не живетъ.

Онъ говорилъ отрывисто. Убѣжденностью и силой вѣяло отъ его фигуры, гордой и спокойной. Но барона онъ только „занималъ“:—сынъ вѣка безъ идей и вѣры, онъ не понималъ этого идеалиста-дикаря. Прислонясь къ его плечу, съ румянцемъ на щекахъ и полуоткрытымъ ртомъ мечтательно смотрѣла на индѣйца г-жа фонъ-Ванденъ. Сравненіе съ собакой нимало не оскорбляло ее. Актриса-авантюристка, она слишкомъ много играла въ чувства, чтобы сохранить что-нибудь, но чутьемъ женщины поняла неподкупную и страстную натуру этого холоднаго по виду дикаря.

— Вы живете вдвоемъ съ товарищемъ?—спросила она, не спуская съ него глазъ.

— Нѣтъ. Онъ въ Бахчаръ-Итэ. У него семейство.

— А у васъ? Вы женаты?

— Нѣтъ. Моя жена умерла.—Я пришелъ къ тебѣ по дѣлу. Говорить!—обратился онъ къ барону послѣ небольшой паузы.

— Продать шкуры? Хорошо. Вѣроятно онѣ недороги: ты вѣдь не любишь деньги!—язвилъ баронъ.

— Нѣтъ. Шкуры тебѣ я дарю. Онъ такъ просилъ. Онъ хочетъ золото добывать. Надо это рѣшить.

И онъ, точно не замѣчая насмѣшливаго тона барона, указалъ на своего молчаливаго товарища. Этотъ сидѣлъ тоже безъ шляпы, но въ полуоборотъ къ хозяевамъ и совершенно безучастно, повидимому, смотря изъ павильона въ садъ. Вандены переглянулись, видимо, не ожидая этого, и баронъ удивленно посмотрѣлъ на говорившаго. Цивилизаторъ понялъ, что five o'clock съ индѣйцами можетъ дать не развлеченіе только, что они могутъ и найти золото лучше, чѣмъ онъ при своемъ изученіи „горныхъ породъ". Въ головѣ мелькнуло читанное о Калифорніи, объ Австраліи, о дикаряхъ, обогатившихъ многихъ. Рѣшивъ быть осторожнымъ, онъ началъ издалека.

— Хорошо, я приму твоего товарища. Онъ хочетъ найти у меня работу?—спросилъ онъ, ожидая совсѣмъ другого предложенія, но маскируя мысль.

Въ глазахъ Нисахъ-Керрў блеснулъ свѣтъ, и онъ проницательно посмотрѣлъ на цивилизатора, у котораго мелькнуло тревожное сознаніе, что индѣецъ точно читаетъ у него въ душѣ.

— Ты такъ думать не долженъ,—сказалъ Нисахъ-Керрў.

Это было двусмысленно. Сказалъ ли онъ это „не долженъ" только по своеобразности языка?

— Почему же не долженъ? Вѣдь онъ по-твоему хочетъ добывать со мной золото?

— Съ тобой—нѣтъ. Ты съ нимъ—да. Онъ тебѣ укажетъ мѣста и много золота. Много. И дастъ. Его сердце больше твоего. Но ты не долженъ обмануть его,—безцеремонно добавилъ онъ, помолчавъ.

Брови барона дрогнули, но онъ не снизошелъ до гнѣва или обиды.

— Ты, стало быть, считаешь меня способнымъ на обманъ?—холодно спросилъ онъ.

— Ты виноватъ. Ты сказалъ—любишь деньги. Деньги—обманъ.

Баронъ разсмѣялся своимъ обычнымъ смѣхомъ и бросилъ подъ столъ сигару.

— Хорошо. О деньгахъ и добродѣтеляхъ поговоримъ послѣ, а теперь...

— Нѣтъ. Объ этомъ я говорить больше не буду,—рѣзко перебилъ его Нисахъ-Керрў.

— Хорошо, хорошо. А теперь... въ чемъ же дѣло твоего друга?

— Погоди. Я тебѣ все скажу.

И полуоборотившись, онъ заговорилъ по-индѣйски съ товарищемъ.

Послѣдній былъ пожилой и сильно сложенный человѣкъ. Въ его черныхъ волосахъ серебрилась сѣдина. По щекѣ отъ виска и до рта, задѣвая верхнюю губу, проходилъ полукругомъ большой шрамъ. Но это не дѣлало непріятной его физіономіи,—толстыя губы рта были добродушны, узковатые черные глаза глядѣли умно, даже плутовато. Онъ, казалось, только отвѣчалъ на вопросы: Нисахъ-Керрў спрашивалъ его съ рѣзкой морщиной между бровями. Потомъ пожилой индѣецъ совершенно спокойно поднялъ свою рубашку, обнаживъ свою темнокожую грудь, и держа въ зубахъ ея край, искалъ что-то за поясомъ обѣими руками. Изъ внутреннихъ отдѣленій пояса онъ досталъ небольшой кожаный мѣшечекъ и, не опуская еще рубашки, развязалъ и подалъ его барону. Тамъ было золото.

— Это онъ добываетъ. Съ сыномъ и женщинами,—объяснилъ за него Нисахъ-Керрў.

— Хорошо. Посмотримъ, какого оно качества,—сказалъ баронъ, сдерживая охватившее его волненіе.—Онъ высыпалъ изъ мѣшечка на ладонь крупинки золота, покачалъ его на ладони, протянувъ къ свѣту, изслѣдуя вѣсъ и цвѣтъ, перебиралъ крупинки пальцемъ другой руки. Потомъ, ощупавъ мѣшечекъ, вынулъ оттуда небольшой, точно сплавленный кусокъ золота.

— Вы добываете это огнемъ?—спросилъ онъ обоихъ индѣйцевъ.

— Да,—отвѣчалъ Нисахъ-Керрў.—Почему знаетъ это бѣлый братъ мой? По виду?

— Гм... Да... Но какъ же собственно вы дѣйствуете?—спросилъ онъ уже тономъ знатока.

Индѣецъ объяснилъ ихъ пріемы, самые примитивные. Они разбиваютъ въ куски камни и накаливаютъ ихъ на угольяхъ. Золото стекаетъ между ними въ глиняныя блюда, дѣлаемыя женщинами. Да и все собственно дѣлается ими же: мужчины заняты охотой, рыбной ловлей, рубкой лѣса и т. п. При такомъ добываніи золота оно получается чистымъ, но его много сгораетъ, теряется въ золѣ или оно не все вытекаетъ изъ камней. Они рѣшили устроить это добываніе съ барономъ, позвать его въ ихъ лѣса Бахчаръ-Итэ, куда не проникли еще бѣлые. Условія ихъ были очень выгодны для него,—барону дается половина

всего добытаго. Онъ долженъ устроить приспособленія,—раздроблять камни, что является самымъ труднымъ, устроить плавильную печь, хотя бы и небольшую, и вообще организовать добываніе огнемъ. Для этого ему дадутъ все нужное, все, кромѣ желѣзныхъ частей: дадутъ и приготовятъ глину, которая при обжиганіи твердѣетъ въ камень,—топливо, пищу, воду и рабочихъ, сколько онъ захочетъ. Онъ долженъ только устроить приспособленія и плавильную печь для каленія камней съ золотоносными жилами, и разъ добываніе начнетъ давать доходъ, баронъ будетъ получать свою половину, даже и не выѣзжая изъ Санъ-Педро. Индѣйцы будутъ честно приносить ему въ домъ помѣсячно или понедѣльно, какъ онъ захочетъ. Онъ будетъ ихъ „керрў", ихъ другъ, близкій имъ человѣкъ. Они не могутъ обмануть его, они поклянутся въ этомъ мщеніемъ Великаго Духа, жизнью дорогихъ имъ дѣтей. Да имъ и не зачѣмъ его обманывать: золота хватитъ съ избыткомъ на ихъ нужды и на много-много лѣтъ. Они дадутъ барону и ихъ половину, промѣнивая ее на табакъ, ножи, рубашки и т. п.; такъ что у барона много наберется золота. Много. Но они требуютъ тайны—это главное, и въ этомъ весь договоръ. Онъ будетъ единственнымъ бѣлымъ „керрў", котораго они допустятъ узнать золотыя богатства ихъ лѣсовъ. Единственнымъ. Работающіе съ нимъ индѣйцы научатся его пріемамъ очень скоро, и онъ будетъ получать золото, не выѣзжая изъ Санъ-Педро. Но онъ долженъ сохранять тайну, долженъ поклясться именемъ Великаго Духа и его громомъ, что онъ будетъ ихъ вѣрнымъ „керрў".

Все это индѣецъ передалъ отрывистыми періодами образнаго своего языка ясно и рѣзко. Потомъ онъ вынулъ изъ кармана глиняную грубую трубку. Увидя это, баронъ предложилъ индѣйцамъ сигары и самъ отрѣзалъ „гильотинкой" ихъ острые концы, подвинулъ даже и спички.

Фонъ-Вандены слушали эти сообщенія о „золотомъ рунѣ", не перебивая разсказа. Лицо г-жи фонъ-Ванденъ потеряло свою поэтическую мечтательность, дѣлаясь точно холоднѣе. Она сидѣла уже прямо. Обкусывая ноготь мизинца и внимательно слушая индѣйца, она наблюдала за барономъ, по своей манерѣ посматривая на него сбоку. Ея сдвинутыя брови и сжатыя губы показывали въ ней работу мысли. Баронъ, оставивъ свой насмѣшливый тонъ, умѣло сдерживалъ нетерпѣніе, не высказываясь еще ни за, ни противъ сдѣланнаго предложенія.

— Скажи мнѣ, прежде всего,—началъ онъ, обдумывая вопросъ.—Въ этомъ мѣшечкѣ будетъ около 460—500 граммъ.

Не больше, думаю. Во сколько времени вы добыли это количество? Пусть твой товарищъ подробно это разскажетъ. Подробно. Мнѣ это нужно.

Изъ отвѣтовъ пожилого индѣйца оказалось, что костеръ зажгли, когда солнце перешло за полдень, послѣ „siest'ы", а къ захожденію солнца кончили работу. При этомъ выяснилось, что раздробленные камни кладутся, когда костеръ прогоритъ, т.-е. на получающіеся угли изъ твердыхъ деревьевъ, дающихъ сильный жаръ и медленно сгорающихъ; такъ что вся работа длилась долго, но плавленіе собственно заняло два-три часа, не больше. Въ мѣшечекъ всыпали сколько могли въ немъ помѣстить, чтобы показать пробу, а все добытое въ него не вошло бы. Не мало осталось сплава не чистаго отъ угля, золы и т. п.

Все это изслѣдовалъ баронъ, умно ставя вопросы, и понялъ, что сообщенія дышали реализмомъ правды яркой и безхитростной. Онъ смотрѣлъ, гладя усы, на мѣшечекъ, оставленный на краю стола. Въ два-три часа плавленія они, эти дикари, не имѣющіе никакого научно-техническаго знанія, добываютъ около килограмма чистаго золота, теряя еще столько же. И это почти безъ тратъ на матеріалъ и оплату рабочей силы... Такой процентъ рѣдко получится и въ Австраліи и въ Аляскѣ!

И желаніе „схватить" это дѣло пробудилось въ немъ точно порывомъ. Онъ понялъ, что если организовать его правильно и при монополіи, оно можетъ дать милліонное состояніе, можетъ не только вернуть ему прошлое, но и создать положеніе вполнѣ блестящее, міровое! И думая о себѣ, о дѣлѣ, онъ еще игнорировалъ индѣйцевъ...

Рой мыслей вихремъ промчался у него въ мозгу и—такова сила иллюзіи—въ эти короткія мгновенія раздумья онъ, казалось, уже переживалъ годы будущаго.

Онъ рѣшилъ не упустить этого богатства, которое такъ неожиданно *онъ* откроетъ. Настоящее копленіе казалось ему уже медленнымъ, идіотскимъ... И онъ не замѣчалъ, что оно не казалось ему такимъ вчера или даже часъ тому назадъ. И порывъ „схватить дѣло" сказался въ немъ, еще недавнемъ игрокѣ и прожигателѣ жизни. Въ воображеніи воскресало былое, но теперь уже на ряду съ соблазнительными картинами... Онъ стоитъ во главѣ громаднаго предпріятія, о которомъ говоритъ пресса. Его акціи рвутся изъ рукъ на биржахъ Лондона, Гамбурга... Его портреты появляются въ иллюстрированныхъ журналахъ, какъ неустрашимаго *піонера* тропическихъ лѣсовъ.

И тутъ только при мысли о тропическихъ лѣсахъ со дна

души поднималась тревога, являлся вопросъ о своихъ силахъ... объ индѣйцахъ... Уступятъ ли они?

Но это непріятное сознаніе только промелькнуло, и онъ опять отдался иллюзіи успѣха. Индѣйцевъ, конечно, надо отстранить, это неизбѣжно, и они уступятъ его уму, общему такту его плановъ. Имъ дадутъ работу, измѣнятъ ихъ жизнь къ лучшему. Но, разумѣется, нельзя же остановиться на сдѣлкѣ съ ними, быть въ зависимости отъ какихъ-то „керру́“ съ ихъ Великимъ Духомъ, громомъ и т. п. Они исчезаютъ какъ народность для блага цивилизаціи... Это неизбѣжно. Онъ создаетъ дѣло, которое дастъ благосостояніе многимъ, и эти многіе стоятъ этихъ „керру́“. Да и что они за люди? Кто поручится ему, что они не убьютъ его, разъ онъ имъ не нуженъ, а не то такъ и раньше? Чѣмъ онъ гарантированъ? Клятвой „Великому Духу“?

Эти соображенія были прерваны появленіемъ Маргариты. Увидя сидящихъ и курящихъ индѣйцевъ, она, скрывая удивленіе, обратилась къ г-жѣ фонъ-Ванденъ за приказаніями о чаѣ. Та дала ей ключи, приказавъ принести бисквиты и пирожное.

— Какъ зовутъ твоего товарища?—спросилъ баронъ, занимаясь своими ногтями.

— Утуру́нгу,—отвѣчалъ Нисахъ-Керру́.

— Что́ же это... тоже что-нибудь означаетъ?—спросила его г-жа фонъ-Ванденъ.

— Да. Онъ „утуру́нгу“ отъ того...

И онъ показалъ себѣ на щеку, объяснивъ, что, благодаря шраму, его товарищъ похожъ на это животное [1]).

Чай подавалъ Гансъ. На подносѣ красовались чуть не пирамиды пирожнаго и бисквитовъ, между которыми высилась бутылка коньяку. Индѣйцы равнодушно отнеслись къ сладкому, но коньякъ оба они „повторили“ не безъ удовольствія. При этомъ держали себя съ тактомъ: понимая, что ихъ наблюдаютъ, они довольно умѣло подражали хозяевамъ, мѣшая ложечкой сахаръ, брали его изъ сахарницы серебряными щипчиками, а чай прихлебывали маленькими глотками. Выпивъ первую чашку, Уту-

---

[1]) *Утуру́нгу*—значитъ „полосатый“. Этимъ именемъ индѣйцы тропической Боливіи называютъ животное изъ семейства грызуновъ, напоминающее нашего барсука, но гораздо больше его. Сѣро-пепельнаго цвѣта, шерсть его имѣетъ продольныя черныя полосы. Такія же полосы идутъ отъ ушей до конца морды, что́ даетъ ему странный видъ. Охота на него не легка: это злое и дикое животное выходитъ изъ норы только ночью и отчаянно защищается отъ собакъ. Жиръ его употребляется индѣйцами противъ разныхъ болѣзней и высоко ими цѣнится, такъ что они неохотно продаютъ или вымѣниваютъ его даже за любимую ими водку.

рýнгу не отказался отъ другой, сказавъ вѣжливо и по-испански „si“. При этомъ онъ вытеръ губы маленькой салфеточкой (замѣтивъ, что это только-что сдѣлалъ баронъ), и г-жа фонъ-Ванденъ, наливая ему чашку, едва сдерживала улыбку.

Баронъ опять предложилъ имъ сигаръ и коньяку. Нисахъ-Керрý принялъ сигару, но отодвинулъ въ сторону свою рюмку, отказываясь и сказавъ что-то по-индѣйски товарищу. Крѣпкій французскій коньякъ однакоже очень нравился Утурýнгу, и бѣдняга поддался соблазну.

Гансъ по приказанію барона принесъ хрустальный флакончикъ съ кислотой и деревянный полированный ящичекъ съ перегородками внутри, образовавшими квадратныя отдѣленія. Въ каждомъ изъ нихъ были разсортированы крупинки золота и какіе-то камешки съ характернымъ синевато-зеленымъ налетомъ окиси мѣди. Баронъ стеклянной палочкой перенесъ капельку кислоты на золото индѣйцевъ, и она не оставила слѣдовъ рѣзкаго окисленія. Индѣйцы, интересуясь опытами, просили изслѣдовать золото одного изъ квадратиковъ, нѣсколько тусклое и красноватаго оттѣнка. Кислота оставляла на немъ темныя пятна, а на камняхъ—чернѣла.

— Далеко это ваше... Бахчàръ-Итэ?—спросилъ баронъ, посматривая на мѣшечекъ.

— Далеко... для бѣлыхъ. Это за Айкъ-Итэ. Два дня пути,—отвѣчалъ Нисахъ-Керрý.

— Два дня пути... И тоже на югъ?

— Да. Первый день... А другой на востокъ.

Баронъ задумался. Считая день пути индѣйца въ двадцать-пять миль, Бахчаръ-Итэ было далеко.

— Значитъ, это юго-востокъ... И пятьдесятъ миль... Но вѣдь это будетъ уже Бразилія?

— Хэу, хэу! Бразѝлъ,—сказалъ вдругъ Утурýнгу, обратившись къ барону. Три выпитыя рюмки сдѣлали его фамильярнымъ, и онъ видимо тоже желалъ говорить. Настроеніе товарища не ускользнуло отъ Нисахъ-Керрý и, покосившись на него, онъ сухо сказалъ барону:

— Да, тамъ Бразѝлъ. А почему это тебѣ надо... знать?

Баронъ, составлявшій планы, понялъ опасность темы.

— Видишь ли... конечно, это все равно—Боливія или Бразилія... Но... но... тамъ должна быть совершенно дикая мѣстность. Безъ поселеній... Климатъ, перемѣна жизни... Я могу заболѣть.

И чувствуя на себѣ пронизывающій взглядъ индѣйца, онъ

прибѣгнулъ къ чисткѣ ногтей и съ самымъ безмятежнымъ видомъ остановился на мысли: надо отдѣлаться отъ принца,—онъ неудобенъ.

— И тамъ нѣтъ никакого города?—спросила индѣйца г-жа фонъ-Ванденъ.

— Нѣтъ. Тамъ лѣсъ. Семейство его живетъ,—указалъ онъ на товарища.

— Но что же можно сдѣлать съ однимъ семействомъ! — небрежно сказалъ баронъ, скрывая радостное ощущеніе при мысли объ отсутствіи тамъ индѣйцевъ.

— Люди будутъ. Придутъ изъ окружности, — отвѣчалъ индѣецъ, наблюдая барона.

— И много можетъ придти? Потому что людей надо!—точно объясняя, выпытывалъ баронъ.

— Много можетъ быть людей... Когда это надо будетъ.

И во взглядѣ индѣйца было что-то загадочное.

— Но европейцевъ тамъ нѣтъ?—опять спросила г-жа фонъ-Ванденъ.

— Нѣтъ, и ты слышала, что мы этого не хотимъ!—спокойно отвѣчалъ индѣецъ.

Брови барона сдвинулись, но онъ быстро овладѣлъ собой. „Онъ положительно неудобенъ!"—думалъ онъ. Спокойная сила индѣйца, его пытливый умъ не ускользали отъ барона. Рѣшивъ ближе подойти къ дѣлу, онъ положилъ ножичекъ въ карманъ жилета и налилъ три рюмки. Жена скользнула по немъ глазами, точно угадывая его тактику.

— Хорошо, пусть будутъ одни индѣйцы — сказалъ баронъ, беря свою рюмку, и подвинулъ другія индѣйцамъ. Утурўнгу, съ рюмкой въ рукахъ и смотря въ лицо барона, говорилъ что-то видимо одобрительное.

Нисахъ-Керрў молча посмотрѣлъ на товарища, молча взялъ свою рюмку и... разсмѣялся. Смѣхъ вообще какъ-то не ожидался отъ его серьезной физіономіи, выразительной и гордой. Въ усмѣшкѣ его угадывалось сожалѣніе; что-то презрительное и грустное отразилось въ глазахъ. Но это было мгновеніе; лицо его опять сдѣлалось безстрастнымъ. Облокотясь о край стола, онъ подперъ рукой голову. Пряди черныхъ волосъ упали ему на щеку. Онъ не замѣчалъ этого и, слушая, казалось, не слышалъ говорившаго.

— Чему ты смѣялся? — спросилъ его баронъ, прихлебывая свой коньякъ.

— Съ нимъ. Съ Утурўнгу—уклончиво отвѣтилъ индѣецъ.

— Но я видѣлъ, что онъ говорилъ обо мнѣ... Если ты хочешь быть... „керру́", надо быть откровеннымъ!

Нисахъ-Керру́, не отвѣчая, отбросилъ назадъ волосы и медленно выпилъ свою рюмку.

— А ты нашимъ „керру́" хочешь быть? Ты этого еще не сказалъ,—холодно замѣтилъ онъ.

Баронъ точно поперхнулся и поставилъ рюмку на столъ. Индѣецъ невозмутимо молчалъ.

— Конечно, я могу быть вашимъ „керру́",—заговорилъ баронъ, смотря ему въ бѣлки глазъ,—но я вижу... я вижу, что ты очень недовѣрчивъ! И я не знаю, почему это недовѣріе!

— Да, да! Вы очень недовѣрчивы, это замѣтно,—обратилась къ Нисахъ-Керру́ г-жа фонъ-Ванденъ. — Вы должны сказать, чему вы смѣялись, если хотите быть моимъ „керру́". Вѣдь вы скажете? Да?

И она, наклоняясь, положила свою маленькую горячую руку на его точно бронзовую. Ея ласкающій пѣвучій голосъ, запахъ пудры и какихъ-то тонкихъ раздражающихъ духовъ, глаза, въ которыхъ онъ видѣлъ и нѣжность, и ласку, прекрасный ротъ,— все это вліяло на Нисахъ-Керру́, какъ чарующее видѣніе. Въ то же время можно было замѣтить, что онъ отдавалъ себѣ отчетъ въ своихъ ощущеніяхъ, какъ человѣкъ владѣющій собою и сознающій свою волю.

— Ты это зачѣмъ знать хочешь?—отвѣчалъ онъ ей вопросомъ же.

Она отняла свою руку съ жестомъ обиженной хорошенькой женщины.

— Какъ хотите!.. Но тогда не зачѣмъ и говорить, что вы— „керру́".

Индѣецъ улыбнулся снисходительно и съ выраженіемъ уступчивости. Потомъ вдругъ лицо его опять сдѣлалось серьезнымъ, точно онъ пожалѣлъ о своей минутной слабости.

— Хорошо, я скажу; онъ тоже хочетъ,—сказалъ Нисахъ-Керру́, указывая на барона. И точно избѣгая смотрѣть на него, онъ объяснилъ, что Утуру́нгу, въ рѣдкихъ своихъ столкновеніяхъ съ бѣлыми, ни разу не попробовалъ такой водки, какъ водка барона. Его обыкновенно обманывали, продавая водку дурно пахнущую, мутную и съ водой пополамъ. И чѣмъ хуже была водка, тѣмъ хуже былъ и человѣкъ,—онъ, Утуру́нгу, это замѣтилъ; такъ что по логикѣ событій баронъ долженъ быть хорошій человѣкъ. Это доказывается еще и тѣмъ, что баронъ угощалъ ихъ, тогда какъ онъ могъ утаить ее и пить одинъ.

Разсказъ этотъ, передаваемый невозмутимо серьезно, точно по обязанности обѣщанія, очень понравился фонъ-Ванденъ и они долго смѣялись. Нисахъ-Керрў однакоже оставался серьезнымъ.

Утурўнгу, на котораго послѣдняя рюмка произвела замѣтное дѣйствіе, видя, что рѣчь идетъ о немъ и что, глядя на него, смѣются, почувствовалъ особенно дружеское влеченіе къ барону, который не безъ тревоги наблюдалъ за молодымъ индѣйцемъ.

— Хорошо,—обратился онъ къ нему,—поговоримъ о нашемъ дѣлѣ. Когда, думаешь ты, можно будетъ ѣхать въ ваши лѣса? И съ кѣмъ? Вы оба опять придете?

— Нѣтъ. Черезъ шесть дней придутъ провожатые. Будешь ты готовъ?

— Видишь ли...—баронъ принялъ небрежный тонъ и сталъ смотрѣть вверхъ.

— Я пошлю на первый разъ моего слугу, Ганса. Съ порученіями... собрать руду. Самъ поѣду потомъ.

— Это быть не должно! Ты одинъ знать насъ долженъ,— рѣзко сказалъ индѣецъ.

— Я и буду одинъ. Я посылаю его только на первый разъ.

Въ глазахъ индѣйца блеснулъ гнѣвъ, а лицо приняло рѣзкое выраженіе. Въ небрежномъ спокойствіи барона онъ видѣлъ искусственность, умыселъ, игру.

— Ты условія знаешь. Если не хочешь — свободенъ насъ оставить. Много говорить—дурное дѣло.

И онъ сдѣлалъ движеніе, точно хотѣлъ подняться со стула, но баронъ остановилъ его жестомъ. Утурўнгу смотрѣлъ на обоихъ, вытаращивъ глаза, а г-жа фонъ-Ванденъ слегка поблѣднѣла.

— Ты, значитъ, меня не понялъ! — заговорилъ баронъ спокойно, какъ приготовившійся къ полемикѣ человѣкъ. Я допускаю твои требованія, но ты долженъ знать мое настоящее положеніе! Я не могу оставить Айкъ-Итэ съ его работами и людьми и ѣхать съ вами, не зная чтò именно надо тамъ дѣлать. Я посылаю Ганса,—вѣдь это мальчишка и мой слуга. Чѣмъ онъ опасенъ? А потомъ я хочу знать, почему именно нельзя туда допустить ни одного бѣлаго.

— Ты это знаешь!—рѣзко отвѣчалъ индѣецъ.

— Почему же это я долженъ знать? — смѣясь, спросилъ баронъ.

— Пòтому что раньше этого не спросилъ. Ты словъ хочешь? Хорошо, все ясно теперь скажу.

И онъ заговорилъ по своей манерѣ отрывисто и рѣзко. Самъ

онъ не принимаетъ участія въ дѣлѣ, но его и Утурýнгу выбрали, чтобы условиться съ барономъ. Ему даютъ *половину* всего того, чтò добудется. Онъ понимаетъ, что это много, но они сдержатъ клятву, и онъ, Нисахъ-Керрý, согласенъ на такую сдѣлку. Онъ только не хочетъ допустить къ нимъ бѣлыхъ, потому что одинъ и хорошо оплаченный можетъ сдержать тайну, но два или три уже опасны: они поссорятся изъ-за выгодъ, они такъ любятъ золото! Вѣрить имъ нельзя. Онъ былъ въ районѣ Амазонки. Пріемы бѣлыхъ вездѣ были одинаковы. Они угощали индѣйцевъ водкой, давали имъ табакъ и другія вещи, но, разузнавъ мѣстà золота, звали другихъ бѣлыхъ и креоловъ, потомъ требовали у начальниковъ солдатъ для защиты. И тогда прекращались и водка и дружба. Индѣйцы дѣлались рабами, солдаты стерегли, попытка уйти наказывалась цѣпями и побоями. Кто поручится ему, что то же не будетъ и въ Бахчаръ-Итэ?

Баронъ, невозмутимо слушая, налилъ въ стаканъ воды, бросилъ въ него сахаръ и, размѣшавъ, влилъ коньяку. Онъ сталъ прихлебывать это питье, не столько слушая, сколько соображая. Одно время онъ остановился на мысли о *половинѣ*... Кто знаетъ, удастся ли ему скоро создать компанію съ ея будущимъ величіемъ! А тутъ, кажется, вѣрно! Но вѣрно ли? Нельзя имѣть что-либо прочное, серьезное съ дикàрями, которые за водку и дрянной табакъ готовы на все. Кто они и сколько ихъ тамъ? Кто поручится, что устроенное имъ дѣло не перейдетъ въ руки другихъ „керрý"? Нѣтъ, надо дѣйствовать самостоятельно... И конечно прежде всего надо удалить этого „принца", отдѣлить его, это главное,—думалъ баронъ и рѣшилъ продолжать игру.

— Хорошо, ты объяснилъ, и я понимаю тебя. Но въ то же время, пославъ моего слугу собрать образчики руды и минераловъ, я не возьму же его въ долю со мною. Какъ же ты этого не поймешь?

— Твой слуга—мальчикъ, сказалъ ты?—спросилъ индѣецъ, нѣсколько успокоенный доводомъ.

— Да. Ты его видѣлъ—Гансъ. Онъ, конечно, не позоветъ другихъ бѣлыхъ и не будетъ просить у начальства солдатъ, чтобы, вредя вамъ, вредить и мнѣ, а притомъ и не съумѣетъ этого сдѣлать! Ты видишь, я совершенно откровененъ. И я прошу тебя передать этотъ разговоръ и твоему товарищу — Утурýнгу. Онъ тоже выборный, и я желаю, чтобы оба вы сообщили вашимъ землякàмъ, чтò мы здѣсь говоримъ и... рѣшимъ... „Раздѣлить и царствовать"—мелькнуло у него въ головѣ.

Появившаяся Маргарита принесла ему на подносѣ пришедшую

почту. Сверхъ газетъ и журналовъ лежалъ большой конвертъ съ напечатанными на немъ: W. Bromley and Sons. Buenos-Ayres. Баронъ быстро разорвалъ конвертъ и, читая письмо, бросилъ взглядъ на заговорившихъ между собой индѣйцевъ. Лицо его выразило волненіе и, точно сознавая это, онъ закрывался при чтеніи. Потомъ онъ сразу выпилъ свой стаканъ и, сложивъ письмо, положилъ его въ боковой карманъ.

— Это отъ Бромлеевъ?—спросила его г-жа фонъ-Ванденъ.

— Да, — отвѣчалъ онъ по-нѣмецки и глядя искоса на индѣйцевъ—это отъ нихъ. И вы не можете себѣ представить, какъ совпадаетъ ихъ письмо съ вашимъ five o'clock индѣйцевъ. Но объ этомъ послѣ! — быстро закончилъ онъ, указавъ глазами на своихъ гостей.

— Хочу тебѣ говорить,—обратился къ нему Нисахъ-Керрý, точно замѣтивъ его движеніе.— Утурýнгу согласенъ на пріѣздъ твоего слуги.

— Очень радъ! Значитъ, черезъ шесть дней пришлете проводниковъ для Ганса?

— Да, Утурýнгу придетъ съ другими, которые знаютъ по-испански. Слугѣ долженъ дать мула.

— Хорошо, я найму мула. А теперь, видишь ли... Гансъ молодъ.—Скажи: что тамъ за люди?

Вопросъ при безцеремонности былъ откровенно-дѣловой, и индѣецъ такимъ его и понялъ. Объясненія его на этотъ счетъ дышали обычной прямотой и ясностью. Въ Бахчаръ-Итэ, кромѣ семейства Утурýнгу и его сына, тоже семейнаго, есть осѣдлое поселеніе индѣйцевъ, въ шесть семействъ. Сначала они жили охотой только, а теперь сѣютъ тыквы, маисъ и мандіоку. Всего тамъ будетъ около тридцати человѣкъ съ женщинами и дѣтьми, а въ окружности отъ нихъ „на всѣ четыре вѣтра“ въ разстояніи дня пути нѣтъ ни души и никакого другого враждебнаго племени. Гансъ будетъ принятъ дружественно, разъ онъ явится отъ имени его, Нисахъ-Керрý, и въ сопровожденіи Утурýнгу и его сына.

Баронъ слушалъ все это внимательно и повидимому довольный; но въ душѣ онъ рѣшилъ не отпустить Ганса, пока не разузнаетъ объ индѣйцахъ отъ Лассàрдіа. Полученное письмо волновало его, и онъ инстинктивно проводилъ ладонью руки по боковому карману. „Потеря Ганса (еслибы что-либо съ нимъ случилось въ этихъ лѣсахъ) явилась бы первой помѣхой для дальнѣйшихъ плановъ“—досадливо думалось ему. Рѣшили, что Гансъ пробудетъ у нихъ не больше одного дня, т.-е. лишь

только онъ найдетъ куски минераловъ, образчики которыхъ ему покажетъ баронъ въ своей коллекціи. Говорить больше было не объ чемъ и, сказавъ что-то товарищу, Нисахъ-Керру́ поднялся со стула. Вандены тоже встали.

— Прощай, „керру́“!—сказалъ онъ и протянулъ руку барону.

— Прощай,—отвѣчалъ баронъ, подавая ему руку.—Не удерживаю тебя, потому что солнце уже низко. И, думаю, скоро опять увидимся?

— Скоро нѣтъ... если не забудешь условій.

И бросивъ быстрый загадочный взглядъ на барона, онъ протянулъ руку его женѣ.

— Прощайте, „керру́“, Нисахъ-Керру́,—смѣясь, сказала она. Кокетливо ставъ въ полуоборотъ и давъ ему руку, она медлила отнять ее.—Мы очень рады васъ знать и благодаримъ за подарокъ. Не забывайте же насъ!

— Да, да... За подарокъ благодарю, но о золотѣ спроси... Утуру́нгу, сколько онъ хочетъ?—сказалъ баронъ.

Изъ объясненій на этотъ счетъ оказалось, что Утуру́нгу желаетъ получить не деньги, а одежду, табакъ, муку и другія съѣдобныя вещи, которыя баронъ и перешлетъ съ Гансомъ. Эта сдѣлка была очень „по душѣ“ барону: золото такой высокой пробы нужно было ему какъ реклама для его предпріятій, и въ то же время онъ казался равнодушнымъ въ глазахъ индѣйцевъ.

— Хорошо, хорошо... Ты останешься доволенъ,—обратился онъ къ Утуру́нгу въ то время, когда Ниссахъ Керру́ обернулся къ нимъ спиной уже выходя изъ павильона. Баронъ дружески коснулся плеча Утуру́нгу, выразительно смотря на бутылку и на него, точно обѣщая ему будущее блаженство.

Послѣдовавшій затѣмъ осмотръ шкуръ пріятно удивилъ Ванденовъ. Всѣхъ шкуръ было четыре: двѣ большія шкуры ягуаровъ, одна шкура пу́мы, поменьше, и четвертая, равная ей по величинѣ, шкура пантеры. Собственно красивы были двѣ первыя— по желтооранжевому полю были почти симметрично расположены черныя круглыя пятна, въ видѣ круглаго глаза. Всѣ шкуры были мягко выдѣланы и сняты съ животныхъ умѣлой рукой. Острымъ концомъ ножа шкура головы была снята, не повредивъ ни ушей, ни глазныхъ отверстій, а на тонкой кожѣ морды сохранились даже щетинки усовъ. На лапахъ были оставлены когти и держались изогнутыми кольцами. Разглядѣвъ шкуры, баронъ мысленно рѣшилъ сдѣлать къ шкурѣ ягуара голову съ стеклянными зелеными глазами чучелъ и съ оскаленной пастью, уже видя этотъ трофей своей цивилизаторской дѣятельности какъ украшеніе его

кабинета финансиста. Другую шкуру онъ пошлетъ въ подарокъ. „Этотъ своеобразный коверъ поможетъ сдѣлать первые шаги",— мелькнуло у него въ головѣ, и рука его опять тронула боковой карманъ. Рѣшивъ покончить съ индѣйцами, онъ сказалъ что-то вполголоса женѣ, и она, выслушавъ его, пошла по направленію къ дому.

Баронъ продолжалъ разсматривать шкуры.

— Она ушла? Не вернется больше?—спросилъ барона Нисахъ-Керрý.

— Нѣтъ, я послалъ ее... А почему ты это спрашиваешь?— удивился тотъ.

— Мнѣ это надо. Мнѣ надо съ тобой говорить,—медленно сказалъ индѣецъ.

— Хорошо... Что же это такое? Говори, пока она не вернулась, если это секретъ отъ нея.

Индѣецъ заговорилъ не сразу, точно соображая, но баронъ уже догадывался... Нисахъ-Керрý не хотѣлъ тревожить или пугать его подругу... Но онъ предупреждаетъ барона вò-время: если онъ, баронъ, обманетъ индѣйцевъ и приведетъ въ Бахчаръ-Итэ другихъ бѣлыхъ—смерть ждетъ его и его товарищей! Онъ не долженъ забывать этого. Если не хочетъ быть съ индѣйцами— пусть скажетъ теперь, и они останутся „керрý" и вознаградятъ его честность, оставивъ его. Но они не простятъ измѣны, и баронъ, и другіе бѣлые за попытку овладѣть богатствами Бахчаръ-Итэ заплатятъ жизнью, не овладѣвъ этими богатствами. Пусть онъ не забываетъ этого, пусть рѣшитъ теперь же, не колеблясь въ выборѣ.

Съ рукой за бортомъ жилета и точно продолжая разсматривать шкуры слушалъ его баронъ. Онъ чувствовалъ, что блѣднѣетъ, но привычка стараго игрока владѣть собой при опасностяхъ игры была въ немъ сильна. Хмурясь и не поддаваясь ощущенію безпокойства, почти страха, онъ старался сохранять спокойствіе. Открыто честное отношеніе къ нему индѣйца ничуть не тронуло его цивилизованную душу. Онъ видѣлъ въ немъ препятствіе, противную ему и видимо опасную силу—это главное. Но отступить онъ не могъ уже: заснувшая въ немъ страсть игры и наживы вполнѣ овладѣла имъ опять, подавляя ощущенія страха при мысли объ индѣйцахъ. И онъ понялъ необходимость осторожно-продуманнаго плана дѣйствій, спокойствія и такта, и, вѣря въ успѣхъ, онъ почувствовалъ себя „совершенно безопаснымъ отъ мести жалкихъ дикарей, хотя бы ими и руководилъ Нисахъ-Керрý или ему подобный". Баронъ не отвѣчалъ въ увѣ-

рительномъ тонѣ не по нежеланію лгать, а изъ высокомѣрія. При этомъ у него уже сложилось воззрѣніе на дѣло: богатства Бахчаръ-Итэ принадлежатъ вполнѣ цивилизаціи и ея дѣятелямъ, т.-е., напримѣръ, ему, барону, и онъ скоро покажетъ наглому дикарю, какъ мало устрашаютъ его угрозы смерти. Но пока—онъ понимаетъ это—надо избѣгать... рѣзкости...

— Мы уже рѣшили это,—сухо сказалъ онъ индѣйцу.—А о смерти и т. п. не будемъ говорить, потому что... Ты видишь—она возвращается.

— Ты правъ. Ты теперь все знаешь. Пойдемъ же! — сказалъ Нисахъ-Керрў.

И они, оставивъ развернутыя шкуры, пошли отъ павильона къ рѣшеткѣ сада. Это шествіе барона по дорожкѣ между двумя индѣйцами съ копьями въ рукахъ имѣло свою оригинальность, которую и замѣтила шедшая имъ на встрѣчу г-жа фонъ-Ванденъ.

Вмѣстѣ съ ней у рѣшетки были Гансъ и Маргарита, съ подарками для индѣйцевъ. Гансъ подарилъ имъ по трубкѣ, а Маргарита подала имъ корзину, въ которой былъ завернутъ хлѣбъ, жаркое, пирожки и т. п. Виднѣлось и горлышко бутылки.

Нисахъ-Керрў принялъ подарокъ молча, не благодаря, точно соображая надо ли принять его. Потомъ онъ сунулъ трубку въ карманъ и, простившись кивкомъ головы съ присутствующими, вышелъ за рѣшетку и пошелъ по улицѣ, на этотъ разъ задумчиво опустивъ голову и точно не интересуясь болѣе только-что оставленными имъ людьми.

Позади него, съ корзиной, шагалъ Утурўнгу, оборачиваясь назадъ и благодарно кланяясь провожавшимъ ихъ глазами господамъ фонъ-Ванденъ.

Н. С. Кларкъ.

ВЪ ОПУСТѢЛОМЪ ДОМѢ

ПОВѢСТЬ.

I.

Лѣтомъ прошлаго года я опять вернулся въ свою давно покинутую Березовку. Цѣлыхъ пять лѣтъ я туда не заглядывалъ и за это время изрядно-таки потрепала меня жизнь. Я думалъ, что и на Березовкѣ эти пять лѣтъ скажутся, и запустѣніе успѣло протянуть надъ ней свои унылыя крылья. И нарочно я пріѣхалъ невзначай, чтобы застать приказчика врасплохъ. Но въ этомъ я ошибся. Все глядѣло съ иголочки—и домъ свѣже выкрашенный, и службы, и самъ приказчикъ, бодро выскочившій изъ своего флигеля мнѣ на встрѣчу съ выраженіемъ невозмутимой увѣренности на лицѣ. Въ комнатахъ все было свѣтло и чисто, все въ нихъ оставалось въ томъ же видѣ, въ какомъ я ихъ оставилъ пять лѣтъ назадъ. Жизнь, казалось, могла пойти опять съ той же точки, на которой она прервалась. И оттого, должно быть, что все въ Березовкѣ не измѣнилось ничуть, я живѣе почувствовалъ, какъ измѣнился я самъ. Грустный я спустился въ садъ и пошелъ по знакомымъ дорожкамъ. И здѣсь все было по старому. Только пышнѣе разрослись сирени да длиннѣе стояла тѣнь отъ высокихъ липъ и березъ. Все цвѣло, все благоухало. Весна дышала полной страстностью юной, пробуждавшейся силы.

Шмели весело жужжали вокругъ, мотыльки жадно упивались запахомъ цвѣтовъ и отъ всей этой молодой радости грусть еще тяжелѣе легла мнѣ на сердце. Вотъ и любимое мѣсто въ саду и на немъ все та же скамейка, гдѣ юношей еще, почти мальчикомъ я просиживалъ долго, мечтая, что̀ принесетъ мнѣ

будущее. Ничего не принесло оно изъ того, чего я отъ него ожидалъ, зато и дало оно много негаданнаго—стремленіе, приводившее не туда, куда хотѣлось идти, внезапное странное равнодушіе къ тому, что прежде казалось цѣлью, какъ скоро эта цѣль была достигнута.

Почти безсознательно я опустился на скамейку, горько сознавая, какъ поблекло все во мнѣ. „Да, сказалъ я себѣ невольно, лучше бы, лучше бы я сюда не пріѣзжалъ воскрешать старыя, потухшія грезы"...

Среди этой пышной весны я больнѣе чувствовалъ, какъ во мнѣ самомъ наступила осень. И поднявъ голову, я замѣтилъ, что приказчикъ, слѣдовавшій за мною неслышною походкой, въ почтительномъ ожиданіи остановился въ нѣсколькихъ шагахъ отъ скамейки. Руки у него, какъ всегда, были скрещены за спиной. Я сознавалъ, что надо ему сказать что-нибудь, поблагодарить за то, что все было въ такомъ отличномъ порядкѣ.

— Василій Борисовичъ,—сказалъ я,—спасибо вамъ. Я не ожидалъ даже.—Мнѣ необыкновенно претило это говорить, такъ какъ похвалы мои были очевидная ложь и я зналъ очень хорошо, что Василій Борисовичъ на самомъ дѣлѣ такъ же обкрадываетъ меня, какъ нѣкогда моего покойнаго отца.

— Помилуйте, Александръ Димитріевичъ,—только проронилъ онъ съ обычнымъ кроткимъ самодовольствомъ на лицѣ и при этомъ слегка выставилъ впередъ правую ногу.

— Все, я вижу, у васъ попрежнему,—нехотя продолжалъ я.

— Попрежнему-съ...

Онъ глубоко вздохнулъ и тотчасъ добавилъ:

— Только по сосѣдству перемѣна-съ большая. Предводитель нашъ старый Всеволодъ Ѳомичъ душу свою Богу отдать изволили, и сосѣдъ нашъ Ѳедоръ Кирилловичъ—изволите помнить?—разорился до-чиста и имѣніе его Сальниковъ купилъ... Терентій Евстафьевичъ. Ну, и село Заозерье тоже, какъ вышла эта непріятность у Владиміра Николаевича Полянскаго съ ихней супругой, и попустилъ Господь, чтобы онъ руку на себя наложилъ... ну такъ и пошли споры промежъ наслѣдниковъ и до сихъ поръ дѣло не рѣшилось, а на Заозерье глядѣть жалко... такъ-съ... Только мы вотъ не запущаемъ ничего,—засмѣялся онъ вдругъ.

— А вокругъ, — мысленно добавилъ я за него,—повсюду смерть и запустѣніе. И еще ниже, еще унылѣе поникъ я головой.

— И народъ здѣшній, доложу вамъ,—продолжалъ Василій

Борисовичъ,—совсѣмъ ужъ не тотъ сталъ. На работу не идетъ ни за какія цѣны. Все больше по фабрикамъ шляется да въ Питеръ. А много есть и такихъ, что землю бросили и не вѣсть гдѣ пропадаютъ. Флегонтъ, бывшій мельникъ нашъ—изволите помнить?—лавку въ Заозерьѣ держитъ. Брюхо отростилъ, бариномъ расхаживаетъ. Ѳома Самойловъ съ двумя товарищами предводительское имѣніе торгуетъ, а Кудряшъ Григорій изъ простыхъ кузнецовъ въ машинисты обратился... большія деньги зарабатываетъ. Вотъ, пойди, сунься къ нимъ съ работой господской,—не то, что сами не идутъ, другихъ не пускаютъ. На кой имъ чортъ работа наша, когда разбогатѣли!.. А бѣднотѣ деревенской и работать не на чемъ—свой надѣлъ на чужихъ лошаденкахъ пашутъ, да и то не сами, а бабы. На однѣхъ бабахъ и хозяйство ихъ держится. Просто срамъ одинъ, озорство.

Почему во всемъ этомъ Василій Борисовичъ видѣлъ озорство, я хорошенько не понималъ. Хотѣлъ я спросить—откуда онъ рабочихъ беретъ, да совѣстно мнѣ было выказать явно свое невѣдѣніе о собственномъ хозяйствѣ, такъ какъ мнѣ аккуратно высылались каждый мѣсяцъ отчеты, которыхъ я, увы! почти не читалъ. Слова приказчика одно мнѣ показывали ясно, что наступилъ конецъ прежнему добродушно-безалаберному складу, при которомъ мужики нанимались за грошъ и на грошъ тоже отрабатывали. Все старое разлагалось и вымирало—не однѣ помѣщичьи усадьбы съ ихъ распущеннымъ хлѣбосольствомъ и вѣковымъ безпорядкомъ, а деревня тоже, съ ея нищенскимъ равенствомъ, съ твердою когда-то крестьянскою семьей, съ непроизводительнымъ трудомъ надъ тощею землей,—трудомъ, который на долгіе зимніе мѣсяцы смѣнялся столь же непроизводительною праздностью.

Я велѣлъ приказчику черезъ часъ прійти ко мнѣ въ кабинетъ съ книгами—надо было хотя для виду выполнить формальность контроля,—а пока я его отпустилъ, чтобы побродить по саду да хорошенько потерзать себя, растравливая до боли заглохшія было воспоминанія. Неугомонной толпой онѣ будто стерегли меня за каждымъ кустомъ, и горькая насмѣшка мнѣ слышалась въ мягкомъ шелестѣ молодой зелени, въ тихомъ плескѣ большого соннаго пруда.

Пять лѣтъ назадъ, когда, схоронивъ отца, я покинулъ Березовку, жизнь стояла передо мной еще открытой и свободной, и могъ я, не разставаясь съ роднымъ угломъ, свить себѣ тамъ прочное гнѣздо, довольствуясь простою неказистою долей, какую предлагала мнѣ судьба. Да что судьба! Не ея вина, коли потя-

нуло меня вдаль и отвернулся я отъ того, что было подъ рукой, и пустился искать... чего?—Не счастья даже, а только суеты. И коли теперь въ тридцать четыре года я принесъ съ собою не раскаяніе, не разочарованіе, а нѣчто худшее—несносное ощущеніе пріѣвшейся бевполезной жизни,—винить за это я могу только самого себя.

Вспомнилось мнѣ вдругъ, что разсказывалъ Василій Борисовичъ про Заозерье. Итакъ, онъ кончилъ самоубійствомъ, этотъ бѣдный Полянскій. Кто бы могъ подумать! Идеалистъ, воображавшій себя желѣзной, боевой натурой, а между тѣмъ мягкій и податливый, вѣчно увлекавшійся мечтами и съ ними заводившій нескончаемую борьбу, человѣкъ никому не сдѣлавшій ни малѣйшаго зла, высокообразованный и въ то же время простой и добродушный... И такой жалкій, безобразный конецъ!.. Неудовольствіе съ супругой, говорилъ Василій Борисовичъ. Да, Вѣра Сергѣевна была не подъ масть идеалисту-мужу. Всѣ ея помыслы—это и мнѣ было замѣтно въ то далекое время, когда я такъ часто бывалъ въ Заозерьѣ—льнули къ близкому, земному, осязаемому, и Владиміръ Николаевичъ могъ вызвать у нея одно презрѣніе своей неумѣлостью справиться съ задачами дѣйствительности. Эта бывшая институтка съ томными глазами, съ чистыми линіями удивительно сложеннаго тѣла, вѣдь она таила въ себѣ скрытую силу, которой дома негдѣ было развернуться; даже материнской любви, такъ часто замѣняющей страстнымъ женщинамъ иную, и то ей не пришлось испытать. Вмѣсто отсутствующихъ дѣтей въ домѣ у Полянскихъ былъ цѣлый рой племянницъ, которыхъ Вѣра въ душѣ ненавидѣла. Младшая изъ нихъ Ксаня...

Я отогналъ это имя, когда оно пришло мнѣ на мысль... Да, Вѣра Сергѣевна... Кто же былъ героемъ ея романа? Неужели этотъ бравый отставной гусаръ баронъ Штейнбергъ, вѣчно торчавшій у нихъ въ домѣ, всегда готовый выпить да разсказать двусмысленный анекдотъ, да нахально затѣять съ кѣмъ-нибудь исторію, да попросить у перваго встрѣчнаго взаймы съ твердымъ намѣреніемъ никогда не отдавать?.. Неужели этотъ?.. Да отчего же нѣтъ?.. И презрительно я пожалъ плечами, хоть и не зналъ вовсе настоящей причины семейной драмы, разыгравшейся у Полянскихъ. И теперь, значитъ, это гостепріимное Заозерье, гдѣ столько я провелъ веселыхъ дней, заброшено, застыло отъ того, что наслѣдники Владиміра Николаевича ведутъ между собой нескончаемый споръ. А эти наслѣдники—не кто иной, какъ три племянницы покойнаго, за которыми такъ дружно ухаживали всѣ. Двѣ старшія — Ольга и Кира—давно замужемъ—я это

зналъ—и мужья ихъ выходятъ въ люди. А младшая?.. И снова предсталъ передо мной во всей своей загадочной, почти злой прелести образъ этой дѣвушки, которую я знавалъ еще подросткомъ, а потомъ... Но снова я немилосердно отогналъ докучливое воспоминаніе. Два чувства во мнѣ боролись—желаніе взглянуть опять на Заозерье, на старинный домъ, такъ привѣтливо глядѣвшійся въ спокойныя, свѣтлыя воды маленькаго озера, на противоположномъ берегу котораго будто караулилъ его вѣковой лѣсъ, куда мы такъ часто отправлялись гулять, и какое-то тайное отвращеніе опять увидѣть, но уже съ печатью смерти надъ нимъ, этотъ домъ, когда-то мнѣ дорогой и милый.

Солнце склонялось къ западу. За поворотомъ аллеи я вдругъ увидѣлъ весь залитый багровѣвшими лучами мой тоже долго покинутый домъ, съ которымъ связана была священная память моего дѣтства, моей бѣдной, рано умершей матери. Неужели и надъ нимъ стрясется та же бѣда, что и надъ Заозерьемъ? И ему суждено погибнуть отъ постепеннаго разоренія? При одной этой мысли что-то возмутилось во мнѣ, и я сказалъ себѣ твердо, что если даже всѣ вокругъ меня сдадутся малодушно, моя родная Березовка устоитъ... Тутъ только я почувствовалъ, какъ привязанъ я къ семейному гнѣзду, и съ этими мыслями я прошелъ въ кабинетъ и съ строгою внимательностью принялся за провѣрку книгъ, принесенныхъ Василіемъ Борисовичемъ.

II.

— Ѳома Самойловъ тутъ,—таинственнымъ шопотомъ заговорилъ приказчикъ, едва я успѣлъ пробѣжать нѣсколько страницъ,—къ вашей милости.

— Что̀ ему надо?—спросилъ я.

— Не могу знать. Должно быть, по дѣлу-съ, — ухмыляясь, отвѣтилъ приказчикъ.

Ровно никакого дѣла у меня до Самойлова не было, а все-таки я велѣлъ его позвать. Это былъ удобный случай увидать образчикъ новаго народившагося мужика-богатѣя.

Вошелъ рослый человѣкъ, одѣтый по-городскому, съ какой-то непріятною развинченностью въ движеніяхъ. Я помнилъ Ѳому еще съ дней моей молодости, помнилъ разбитнымъ, ухарскимъ малымъ себѣ на умѣ, но безъ этой противной смѣси почтительнаго самодовольства съ трактирною развязностью. Въ его низ-

комъ поклонѣ даже чувствовалась какая-то полупрезрительная насмѣшка.

— Здравствуй, Ѳома! Чего тебѣ надо?—слегка кивнувъ головой, началъ я.

— Да вотъ-съ,—ухмыльнулся онъ,—наслышаны мы насчетъ пріѣзда вашей милости, такъ навѣдаться пришелъ.

— Ты, говорятъ, богачомъ сталъ, Ѳома?

— Какимъ богачомъ! Шутить изволите... Гдѣ намъ?.. Сколотилъ копѣечку про черный день, вотъ и все... Пожаловаться не могу, — добавилъ онъ послѣ короткаго молчанія, понизивъ голосъ.

— Изрядная, должно быть, копѣечка, коли предводительское имѣніе торгуешь.

Онъ тряхнулъ волосами и, откинувъ назадъ голову, глубоко вздохнулъ. Но и въ этомъ вздохѣ было что-то самодовольное.

— Пустое толкуютъ, разговоръ одинъ. Больно ужъ дорожатся Всеволода Ѳедоровича наслѣдники.—Онъ вздохнулъ опять. Наступило молчаніе. И вдругъ, склонивъ голову на правый бокъ, онъ весело сказалъ:—вотъ коли вашей милости угодно, не продадите ли намъ Лещово?

— Съ сосновымъ боромъ?

— Ужъ извѣстное дѣло. Почемъ возьмете за десятину?

— Да ни по чемъ. Не продаю—и только...

Во мнѣ заговорила потребность сразу осадить Самойлова. Лещово была пустошь десятинъ въ триста, прилегавшая къ Березовкѣ. У меня поднималось что-то похожее на ненависть противъ этого человѣка, протягивавшаго свою цѣпкую лапу къ вѣковому лѣсу, который отецъ мой такъ усердно берегъ.

— Какъ вашей милости угодно будетъ,—почти обиженно проговорилъ Ѳома.—У васъ земелька, у насъ денежки—мы вамъ покупатели, а коли не желаете...

Я поднялся со стула и смѣрилъ его съ ногъ до головы.

— Ни одной десятины изъ своей земли я не продаю. Слышишь?.. А затѣмъ, больше никакого дѣла до меня не имѣешь?

Съ этимъ я его и отпустилъ, очень хорошо сознавая, что нажилъ себѣ въ немъ врага.

Василій Борисовичъ, простоявшій все время молча съ опущенными глазами, взглянулъ на меня теперь съ необыкновенно слащавой улыбкой.

— А напрасно вы такъ, Александръ Дмитріевичъ, — склонивъ голову на бокъ, сказалъ онъ мягко.—Покупатель хорошій, цѣну бы далъ настоящую!..

— Никакой цѣны мнѣ не надо,—уже прямо съ раздраженіемъ отвѣтилъ я. А недовѣріе и скрытая насмѣшка такъ и читались въ прищуренныхъ зрачкахъ приказчика. „Сколько тотъ ему посулилъ за Ленцово",—пронеслось у меня въ головѣ. Но если не мѣшало у мѣстныхъ кулаковъ съ перваго же раза отбить охоту являться съ предложеніями, разсчитанными на мою готовность спустить отцовское добро, приказчику слѣдовало выказывать довѣрчивую ласковость, пока я не войду въ суть дѣла и не въ состояніи буду взяться за бразды.

А исполнить это было не совсѣмъ-то легко. Василій Борисовичъ помнилъ меня почти съ дѣтства и былъ очень невысокаго мнѣнія о моихъ хозяйскихъ способностяхъ. Онъ хорошо зналъ, что при жизни отца мнѣ не сидѣлось въ Березовкѣ, и деревенскому дѣлу я предпочелъ Петербургъ съ частыми поѣздками за границу; къ такому образу жизни онъ питалъ въ душѣ не совсѣмъ безосновательное презрѣніе. Когда отца не стало и приняться за хозяйство было моей прямой обязанностью, я сдалъ ему на руки имѣніе и поспѣшилъ уѣхать опять. Не мудрено, что теперь въ моихъ разспросахъ онъ увидѣлъ одну пустую формальность и разъяснить мнѣ суть дѣла считалъ излишнимъ. Я твердо рѣшился доказать ему, что каково бы ни было прошлое, теперь я собой играть не дамъ. Но скоро я увидѣлъ, что тягаться съ Василіемъ Борисовичемъ пока для меня рано. На мои замѣчанія онъ отвѣчалъ съ побѣдоносною увѣренностью и сбивалъ меня съ позиціи безъ труда. Надо было сперва осмотрѣться и все хорошенько разузнать. „А потомъ ужъ, любезный другъ,—говорилъ я себѣ,—посмотримъ, кто кого осѣдлаетъ"...

И захлопнувъ книгу, я объявилъ, что пойду съ Василіемъ Борисовичемъ осматривать хозяйство.

— Не лучше ли будетъ до завтра отложить, а то ваша милость съ дороги, должно быть, устать изволили?

— Пустяки,—отвѣтилъ я, хватаясь за шляпу.

И цѣлыхъ два часа Василій Борисовичъ водилъ меня по усадьбѣ, все съ тою же смиренной улыбкой хвастаясь ея отличнымъ порядкомъ. Своимъ осмотромъ я, разумѣется, ничего не достигъ. Василій Борисовичъ хорошо умѣлъ напускать туманъ и отвиливать, ссылаясь на плохую память, когда разговоръ заходилъ о цифрахъ. Съ первыхъ же шаговъ было ясно, что у меня пойдетъ глухая борьба съ старымъ приказчикомъ и всѣ мѣры имъ будутъ приняты, чтобы не дать мнѣ вникнуть въ настоящую суть дѣла. Планъ дѣйствія установился у меня очень скоро. Надо было побывать въ деревнѣ, да будто невзначай раз-

говориться съ крестьянами. Какъ ни ловокъ былъ Василій Борисовичъ, а кой-кого изъ нихъ онъ успѣлъ, конечно, противъ себя возстановить. Такъ я всего легче доберусь до истины. На сосѣдей-помѣщиковъ надежда была плоха: ихъ хозяйство могло развѣ послужить отрицательнымъ примѣромъ, но объѣхать околотокъ я все-таки счелъ не лишнимъ. На чужихъ промахахъ тоже вѣдь можно учиться. И объѣздъ скоро показалъ мнѣ, что врагъ, котораго всего труднѣе осилить—собственная распущенность, упорно державшаяся, не вытравленная еще привычка хозяйничать на авось.

Да, старое вымирало. Уцѣлѣвшіе владѣльцы сосѣднихъ имѣній казались мнѣ послѣдними, доживавшими свой вѣкъ представителями угасающаго племени. Всѣ они жаловались на внѣшнія причины—на погоду, на рабочихъ, на кризисъ—и не чувствовали они, что зародышъ смерти—въ нихъ самихъ, что роковую судьбу, какъ всегда оно бываетъ, напрасно они ищутъ въ обстановкѣ, потому что носятъ они ее на самомъ дѣлѣ внутри себя.

Мимоходомъ я узналъ кое-что о владѣльцахъ Заозерья. Владиміръ Николаевичъ, какъ увѣряли всѣ, три года назадъ дѣйствительно покончилъ съ собой, не чувствуя себя въ силахъ устоять противъ двойной бѣды—измѣны жены, уѣхавшей съ барономъ, и грозно подступавшаго разоренія. Сожалѣли о немъ, но съ презрительной жалостью, какъ будто всѣхъ этихъ презиравшихъ его людей не поджидала такая же участь—крушеніе жизни, будто сѣвшей на мель. И лучше развѣ, что вмѣсто жизненной драмы, надъ которой разомъ опустилась занавѣсь смерти, этихъ людей медленно подтачиваетъ глухое постыдное безсиліе? А пять лѣтъ назадъ—я помнилъ это хорошо—всѣ они собирались въ Заозерьѣ, всѣ охотно заслушивались его хозяина, умѣвшаго говорить такъ бодро и красиво. Спросилъ я, какъ бы невзначай, и про младшую изъ племянницъ покойнаго. Про нее одни смутные слухи ходили: одни увѣряли, что Ксаня убѣжала съ какимъ-то провинціальнымъ актеромъ, другіе, что она замѣшана была въ политическомъ дѣлѣ, но всѣ отзывались на ея счетъ неодобрительно, и чѣмъ менѣе знали съ достовѣрностью, что произошло, тѣмъ охотнѣе распространяли самые невѣроятные слухи. А въ памяти моей, пока я слушалъ эти росказни, ярко возставала та Ксаня, какую я видѣлъ еще пять лѣтъ назадъ—семнадцатилѣтней дѣвушкой, съ короткими вьющимися темными волосами, какъ у мальчика, съ причудливыми, даже рѣзкими пріемами, съ быстро вспыхивавшими черными нетерпѣливыми глазами,—дѣвушкой, такъ легко, такъ неожиданно перехо-

дившей отъ тихой молчаливой задумчивости къ необузданному, шумливому веселью. И чего-то мнѣ жалко вдругъ стало. Вѣдь не поступи я такъ... можетъ быть, теперь... Она была ребенокъ, правда, шаловливый, пожалуй, дурно воспитанный ребенокъ, а я требовалъ отъ нея разсудительности не по лѣтамъ: мое оскорбленное самолюбіе не захотѣло простить этому ребенку вырвавшагося у него опрометчиваго слова...

III.

Прошло нѣсколько недѣль, понемногу я добивался своего и забиралъ въ свои руки хозяйство. Отъ первоначальнаго намѣренія уволить Василія Борисовича я отказался. Его несомнѣнная дѣловитость могла пойти въ прокъ, какъ скоро онъ убѣдится, что я себя въ обманъ не даю. И убѣдить его въ этомъ мнѣ удалось. Онъ было представилъ мнѣ сильно раздутую смѣту на устройство зерносушилки. Я совершенно спокойно, не возвышая голоса, передѣлалъ разсчетъ въ его же присутствіи. Василій Борисовичъ не возражалъ и даже извинился за свою опрометчивость. Съ этой минуты я зналъ, что дѣло пойдетъ гладко и онъ изъ рукъ моихъ уже не вырвется.

И до того гладко оно пошло, что мнѣ удивляться приходилось—отчего это вокругъ меня все валится и гибнетъ, коли мнѣ, совершенному новичку, такъ быстро удавалось проникнуть въ самую сердцевину хозяйства. Наступили между тѣмъ знойные іюльскіе дни, палило немилосердно и дышалось легко только въ вечернюю прохладу. Во мнѣ проснулись опять охотничьи наклонности, позабытыя съ тѣхъ поръ, какъ я покинулъ деревню. Разъ, когда уже стемнѣло совсѣмъ, я возвращался домой съ вечерняго поля; три подстрѣленныя утки и двое дупелей въ ягдташѣ свидѣтельствовали о вѣрности моего прицѣла. Охватило меня то блаженное, почти тупое настроеніе, когда отлетаютъ куда-то въ даль заботы о завтрашнемъ днѣ, и внутри себя, и въ головѣ, и на сердцѣ ощущаешь какое-то сладостное затишье. И вотъ, пустое мѣсто, оставленное во мнѣ исчезнувшей злобой дня, поспѣшили занять набѣжавшія вдругъ откуда-то воспоминанія прошлаго. Самъ я не замѣтилъ, какъ въ ночной тиши онѣ заговорили одно за другимъ. Опять я увидѣлъ себя почти еще мальчикомъ, съ головой, набитой заученными терминами, и съ неопредѣленными желаніями чего-то новаго, необъятнаго. Съ отцомъ у меня общаго было немного. Весь ушедшій въ свое

хозяйство, онъ не имѣлъ времени мною заниматься. Изрѣдка только онъ говорилъ мнѣ, что поучиться бы надо не отвлеченной моей университетской наукѣ, а тому, что̀ вокругъ меня происходитъ—быту крестьянъ, сельскимъ работамъ, словомъ, деревнѣ. „Тутъ жизнь, — говорилъ онъ, — а твоя мертвая теорія—что̀“? Я покачивалъ только скептически головой и обижался немного за себя и за свою науку. Мелочнымъ, ненужнымъ мнѣ казался непрекращавшійся трудъ, въ который весь уходилъ отецъ,—трудъ бѣлки въ колесѣ, какъ я мысленно обзывалъ его. Что-то почти смѣшное, ненужное мнѣ представлялось въ этомъ вѣчномъ чередованіи посѣвовъ и жатвъ, отъ которыхъ всегда такъ много ожидаютъ, хоть и не сбываются никогда эти надежды. Для меня деревня была чѣмъ-то совсѣмъ инымъ, мѣстомъ отдыха и праздности, гдѣ такъ хорошо бываетъ росистымъ утромъ или подъ вечернюю зарю цѣлыми часами ходить за дичью, бережно переступая съ кочки на кочку, или скакать во весь духъ по отлогимъ скатамъ, тѣша себя сладкою мечтой, что когда-нибудь современемъ пользу великую принесешь окрестному населенію. И съ сознаніемъ своего превосходства и надъ этимъ населеніемъ и надъ всѣми сосѣдями, которые не умѣютъ или не хотятъ послужить народному дѣлу, окидывалъ я съ вершины отлогаго холма столпившіяся вдоль ручьевъ крестьянскія избы съ нагроможденными на нихъ, будто ползучими соломенными крышами. Все это измѣнится разомъ,—думалось мнѣ,—когда я самъ и мое поколѣніе примемся за настоящую работу.

Въ чемъ эта работа должна была состоять, я, конечно, не зналъ. Зналъ я только, что она будетъ „настоящею“, и что мы не послѣдуемъ неудачному примѣру отцовъ. Многіе изъ нихъ—мой отецъ въ томъ числѣ—были тоже въ молодости либералами, а затѣмъ поступили на службу, какъ дѣлалось это и прежде, составляли записки и отношенія и тогда только вспомнили о своихъ деревенскихъ гнѣздахъ, когда служба эта имъ принесла разочарованіе, а хозяйство принялось трещать по всѣмъ швамъ. Что и со мною это могло повториться, я и не допускалъ. А время шло, и когда, сдавъ экзамены, я долженъ былъ рѣшить прямой вопросъ—что̀ же дѣлать съ собою, иного отвѣта, кромѣ все той же службы, не отыскалось. Ученымъ я не былъ, художникомъ тоже, а съ полнымъ незнаніемъ хозяйства приниматься за деревенское дѣло было бы явной нелѣпостью. И потянулъ я попросту лямку, какъ всѣ, ту самую казенную лямку, надъ которой я въ университетѣ глумился. Лѣтомъ только я наѣзжалъ въ Березовку, чистосердечно воображая, что готовлюсь стать

помощникомъ отца, пока, наконецъ, не помогать ему пришлось, а замѣнить его, поплакавъ надъ его могилой. Тяжелое раздумье взяло меня, когда я стоялъ надъ этой свѣже засыпанной могилой, и совѣсть—впрочемъ, тогда я въ совѣсть не вѣрилъ—тихо, но неотступно упрекала меня, что много я горя причинилъ этому доброму, такъ мало отъ меня требовавшему отцу. И никогда ужъ, никогда не услышу я болѣе надоѣдавшихъ мнѣ прежде его мягкихъ снисходительныхъ упрековъ... И что-то во мнѣ говорило, что надо на родной землѣ пустить корни и бросить эту безцѣльную полубродячую жизнь, наполненную одной мишурой... А все-таки эта жизнь опять меня къ себѣ потянула и... но лучше про это не вспоминать. Я отряхнулъ съ себя докучливыя тѣни прошлаго и осмотрѣлся кругомъ. При слабомъ мерцаніи звѣздъ, при дрожащемъ свѣтѣ затаившагося мѣсяца, мѣста, гдѣ я находился, показались мнѣ незнакомыми. Я шелъ по дну оврага, на краяхъ котораго засѣлъ цѣпкій кустарникъ. Туманъ застилалъ передо мною дорогу. Я, очевидно, сбился съ пути. А оврагъ между тѣмъ спускался все глубже, края по сторонамъ поднимались круче, изъ-за кустовъ уже не было видно полей. Я продолжалъ идти, и вдругъ сквозь туманъ что-то блеснуло вдали. Мѣсяцъ кстати только-что вынырнулъ изъ тучи. Я узналъ озеро, надъ которымъ стоялъ опустѣвшій теперь домъ Полянскихъ: оврагъ меня велъ прямо туда. Я ускорилъ шагъ, почувствовавъ вдругъ неудержимое желаніе взглянуть на мѣста, гдѣ столько я провелъ счастливыхъ, а то и жуткихъ часовъ. За два мѣсяца, проведенныхъ въ деревнѣ, я не заглядывалъ еще въ Заозерье. И вотъ, берегъ уже совсѣмъ близко. Озеро дремало неподвижное, будто стальное съ дрожавшей на немъ яркой полосой луннаго свѣта. Полусгнившая лодка была привязана къ такому же, какъ и она, ветхому колу на берегу, и озеру не хватало силъ покачать и убаюкать ее на своей гладкой поверхности. А справа, гдѣ нѣкогда густой лѣсъ поднимался, все глядѣло пусто, уныло... Рѣдкія деревья остались будто затѣмъ, чтобы оплакивать своихъ погибшихъ собратій. А слѣва постройки какія-то показались приземистыя, точно понурившіяся. И мѣсяцъ, ярко теперь ударявшій по крышамъ, обнаруживалъ всю ихъ жалкую непригляднную ветхость. Еще сотня шаговъ по мокрому лугу, и ограда передо мной поднялась, тоже изуродованная, полуразрушенная. Обломки кирпичей валялись на землѣ, кустарникъ разросся, безпорядочно протягивая во всѣ стороны перепутавшіяся вѣтки. Ночная птица, вспуганная мною, тяжело взмахнула крыльями и, точно предостерегая меня, съ зловѣщимъ крикомъ пронеслась мимо.

Я перешагнулъ черезъ ограду и вошелъ въ садъ. Тутъ на меня со всѣхъ сторонъ такъ и пахнуло недавней стариной. Немного времени нужно природѣ, чтобы высвободиться изъ-подъ давящей ее руки человѣка, и за эти пять лѣтъ она успѣла вернуть себѣ полную, непослушную свободу. Дорожки въ саду заросли, съ роскошнымъ своеволіемъ деревья пустили шальные побѣги. Какъ дремучій лѣсъ, сторожившій дворецъ спящей царевны, стоялъ передо мною садъ, гдѣ столько разъ веселый смѣхъ молодыхъ голосовъ раздавался, гдѣ такъ часто принималось смутно еще биться проснувшееся сердце. И все-таки въ этомъ очаровательно-волшебномъ запустѣніи, въ этомъ будто заколдованномъ лунномъ свѣтѣ я сразу узнавалъ каждое мѣсто, каждый поворотъ скрывшихся подъ дерномъ дорожекъ. Вотъ гдѣ была прежде бесѣдка, куда мы съ Ксаней разъ укрылись отъ набѣжавшаго дождя, гдѣ намъ вдругъ обоимъ такъ жутко показалось, гдѣ такъ хорошо и странно въ то же время было почувствовать охватившее насъ неожиданное ощущеніе близости. Отсюда, помнится, аллея вела къ дому, а тутъ сбоку оранжерея стояла, а теперь одна куча мусора напоминаетъ о ея существованіи. Я шелъ впередъ, увѣренный, что не собьюсь съ пути. Да вотъ и качели, отъ которыхъ остались лишь два полусгнившихъ столба. Деревья разступились, по обѣ стороны дорожки пошли сильно разросшіеся сиреневые кусты, а тамъ должна быть лужайка передъ домомъ... И вдругъ изъ-за густой зелени онъ разомъ выросъ передо мной, этотъ старинный домъ съ широкой полуразрушенной террасой. Мѣсяцъ ударялъ въ его посѣрѣвшія, будто сморщенныя стѣны, съ которыхъ почти обвалилась штукатурка. Онъ весь стоялъ передо мной, и галереи съ флигелями по бокамъ глядѣли на меня какъ безпомощно распростертыя крылья. Кое-гдѣ на колоннахъ террасы еще уцѣлѣли вычурно закрученныя капители. На одномъ изъ оконъ повисла ставня, державшаяся на одномъ крюкѣ. Кое-гдѣ стекла были выбиты, и одинъ только мѣсяцъ, вливавшійся въ комнаты, свободно гулялъ по нимъ, какъ единственный уцѣлѣвшій ихъ хозяинъ. Я взошелъ на террасу, двери въ гостиную были забиты наглухо, но сквозь окно все можно было хорошо разглядѣть. Кое-какая мебель стояла въ безпорядкѣ, въ углу обширной комнаты виднѣлся еще старинный рояль, звуки котораго то задорные, то грустно-тоскливые такъ часто волновали меня прежде. Двери въ сосѣднюю залу были широко раскрыты, и тамъ, будто дожидаясь гостей, вдоль стѣнъ чинно были разставлены стулья. Казалось, сейчасъ вотъ, сейчасъ легкіе шаги послышатся, раздастся молодой ча-

рующій голосъ, и отъ прикосновенія тонкихъ гибкихъ пальчиковъ оживутъ застывшія клавиши. А тамъ справа былъ обширный кабинетъ покойнаго хозяина, куда старшіе собирались послушать его умныхъ, живыхъ рѣчей. Да и молодежь тоже заходила внимать имъ, когда надоѣдятъ бѣготня и шумъ. Я хорошо помнилъ изящно-тонкое лицо Владиміра Николаевича, немного блѣдное только, будто восковое, и оживленіе неподвижнымъ чертамъ этого лица одни глаза придавали. Что это были за чудные блестящіе глаза, когда въ нихъ страсть зажигалась! И трудно было отгадать, что имъ суждено было навѣки такъ жалко закрыться въ минуту забытья отъ безпомощнаго отчаянія.

Призраки недавняго прошлаго все еще будто носились по опустѣлымъ комнатамъ. Боязливо-чутко я прислушивался, точно сейчасъ вотъ звуки жизни разбудятъ застывшій домъ и все прошлое воскреснетъ, точно оно притаилось только и заснуло. Тишина мертвая, непроглядная продолжала стоять, а я все болѣе цѣпенѣлъ, будто приросшій къ мѣсту въ ожиданіи чего-то. И вдругъ что-то сухо прозвучало въ залѣ—кусокъ штукатурки, должно быть, свалился съ потолка. Я вздрогнулъ. Опять молчаніе. Потомъ издали донесся хриплый лай собаки. Я прислушивался, въ ожиданіи, что всплыветъ гдѣ-нибудь живое существо, но снова погрузилось все въ гробовую тишину. Я вздохнулъ глубоко и, сойдя съ террасы, пошелъ вокругъ дома.

Едва растворилъ я калитку во дворъ, какъ бѣшеный лай меня встрѣтилъ оттуда. Моя собака прижалась ко мнѣ и заворчала. Огромный песъ хотѣлъ-было кинуться на меня, но его окликнулъ чей-то густой, заспанный голосъ, и тотчасъ затѣмъ этотъ голосъ обратился въ мою сторону:—Эй, кто тамъ? Я назвался и добавилъ: значитъ, еще караулятъ развалившуюся усадьбу.

— Видно, такъ господамъ угодно,—угрюмо проворчалъ сторожъ,—а вамъ что надо?

— А кто здѣсь теперь господа?—спросилъ я въ свою очередь, не отвѣчая на его вопросъ.

— Не могимъ знать... много ихъ, господъ-то... въ толкъ не возьмешь...

— Ты, значитъ, здѣсь одинъ хозяиномъ?

— Какой тамъ хозяинъ! Надъ чѣмъ тутъ хозяйничать?.. Одно упущеніе... А живетъ тутъ приказчикъ Кондратій Савельевичъ. Вы у него разспросите, онъ вамъ все скажетъ... Да на что вамъ?..

— А сейчасъ его видѣть нельзя?—спросилъ я.

— Кого, Савельича-то? Вона!.. Давно спать улегся. Да опять говорятъ вамъ, на что?

Я убѣдился, что толку изъ моихъ разспросовъ не выйдетъ и, успокоивъ сторожа на счетъ своихъ намѣреній, пошелъ по направленію къ Березовкѣ. Дорогу я помнилъ хорошо. Сердитый лай долго провожалъ меня.

IV.

Да, это было хорошее время, и какъ скоро, какъ страшно скоро оно поросло быльемъ и затянулось плѣсенью. Заозерье, должно быть, и тогда ужъ подтачивалъ семейный разладъ и неумѣлость его хозяина справляться съ практическими задачами. Но мы, собиравшаяся тамъ молодежь, мы этого не замѣчали. Домъ Владиміра Николаевича былъ вѣчно полонъ гостей, полонъ шума, радости и смѣха. И гостепріимный хозяинъ, какъ ни безцеремонно мѣшали мы его занятіямъ своей вѣчной несмолкаемой возней, всегда принималъ насъ съ одинаковымъ откровеннымъ радушіемъ. Мы всѣ до того не то чтобы сдружились, а какъ-то слились вмѣстѣ, что все у насъ стало общимъ—и впечатлѣнія, и чувства. Мы не только веселились, но даже влюблялись коллективно. И вспоминая про это недавнее чудное время, мнѣ казалось теперь, что все вокругъ, весь уѣздъ нашъ, все мое поколѣніе разомъ постарѣли, съежились какъ-то, и на смѣну намъ даже не пришелъ и не придетъ никто. Ваня Зарубинъ, напримѣръ, сынъ покойнаго предводителя—гдѣ онъ теперь? Служитъ тамъ гдѣ-то, въ какомъ-то полку на далекихъ окраинахъ, а что онъ былъ за славный малый и сколько надеждъ подавалъ! А Вася Климовъ, Жоржъ Зарницкій,—мои университетскіе товарищи? Одинъ на цыганкѣ женился и прокутилъ отцовское достояніе, а теперь какое-то жалкое мѣсто занимаетъ и на хлѣбахъ состоитъ у земства, другой и того хуже—незамѣтно сталъ опускаться по наклонной дорожкѣ, да свихнулся подъ конецъ и попалъ на скамью подсудимыхъ. А какъ всѣмъ улыбалась жизнь и какъ они ей улыбались тоже!.. Да, хорошее было время и обманчивое тоже, обманчивое, какъ сама молодость, какъ женская любовь. Я могу себя счастливымъ, пожалуй, еще признать. Никакихъ особыхъ невзгодъ надо мною не стряслось, и въ тридцать четыре года я бодръ и тѣломъ и душой, заволокло только крошечными сѣренькими тучками надо мною свѣтлое когда-то небо, развѣяло все, что̀ издали казалось такимъ прекраснымъ и манящимъ. Но, слава Богу, не разучился я пока уважать былые,

можетъ быть, призрачные идеалы, не раздается во мнѣ самомъ горькой насмѣшки надъ собой...

А было бы надъ чѣмъ посмѣяться. Живо мнѣ помнится, какъ шесть лѣтъ назадъ—передъ тѣмъ я цѣлыхъ три года не бывалъ въ Березовкѣ—я увидѣлъ Ксаню,—увидѣлъ, и сладкій трепетъ прошелъ по мнѣ и жгучее ожиданіе чего-то совсѣмъ близкаго, милаго и въ то же время тревожнаго. Я ее совсѣмъ дѣвочкой помнилъ, съ смуглымъ неправильнымъ лицомъ, съ черезчуръ длинными руками. Непослушные темные волосы какъ-то безпорядочно завивались колечками; ихъ коротко остригли послѣ бывшаго съ ней тифа и съ той поры они не успѣли еще отрости. Она держала себя вольно, черезчуръ даже вольно, и какая-то задорная неловкость была во всѣхъ ея движеніяхъ и упрямое своенравіе читалось на лицѣ. Теперь все это измѣнилось. Граціозно и легко спускались съ покатыхъ плечъ тонкія руки (и тогда только, когда она отвѣчала на рукопожатіе, какая-то своевольная сила чувствовалась въ ея пальчикахъ). Черты стали мягче и въ то же время законченнѣе; алыя губки, чуть-чуть оттопыренныя, глядѣли совсѣмъ кротко, пока имъ не приходилось сложиться въ насмѣшку или не охватывалъ все ея молодое существо быстрый порывъ нетерпѣливаго гнѣва. Въ такія минуты яркій румянецъ выступалъ на щекахъ и злыя искорки сыпались изъ глазъ. Бывало, она топнетъ ножкой, и высокая нотка на мигъ зазвенитъ въ ея ровномъ, бархатномъ голосѣ, и въ такія минуты—чего грѣха таить—она мнѣ особенно нравилась.

Своего чувства я не открывалъ ни ей, ни другимъ. Въ домѣ ее считали еще дѣвочкой, хоть и не трудно было замѣтить, что дѣтскія мысли давно отлетѣли изъ ея рано созрѣвшей головки. Ухаживали за ней, впрочемъ, всѣ, хотя казалось, что всѣ ее только дразнятъ, но сознавалъ я все-таки, что заикнись я только о чемъ-нибудь похожемъ на любовь къ этому полуребенку, которому и длиннаго платья не успѣли еще надѣть, всѣ бы надо мной насмѣялись, и она въ томъ числѣ... Она, впрочемъ... не знаю... Въ глазахъ ея по крайней мѣрѣ, когда она украдкой, бывало, на меня взглянетъ, читалась, правда, усмѣшка, но совсѣмъ особаго рода, въ которой полусознаніе было и полупоощреніе. Я держалъ себя, помнится, съ нею невыразимо глупо, несмотря на то, что былъ на двѣнадцать лѣтъ ея старше. Я стыдился чего-то, особенно въ присутствіи постороннихъ, и чего-то побаивался тоже, когда случалось остаться съ нею вдвоемъ. И все это казалось мнѣ мучительнымъ и милымъ. А несмотря на мои старанія, скрыть истину мнѣ все-таки не удалось. Молодые

люди, бывавшіе въ Заозерьѣ, стали ужъ называть Ксаню моимъ предметомъ. На самомъ дѣлѣ я стыдился своей любви, потому что за настоящую любовь ее самъ не хотѣлъ признать. Какъ ранней весной легкій вѣтерокъ возвѣщаетъ о наступающемъ теплѣ и блѣдное солнце слабо еще грѣетъ даже въ полдень, мое забившееся чувство лишь едва замѣтно—такъ мнѣ казалось по крайней мѣрѣ—щекотало мнѣ сердце сладкимъ прикосновеніемъ чего-то прозрачно-воздушнаго и невыразимо жуткаго въ то же время. Глупо и стыдно было, что я, прошедшій черезъ огонь и воду, почти робѣлъ передъ этимъ ребенкомъ и вдобавокъ старался, да еще неудачно, скрыть отъ чужихъ глазъ, какъ этотъ ребенокъ меня обворожилъ.

Разъ, въ жаркій августовскій день мы цѣлымъ обществомъ долго катались въ лодкѣ по озеру, какъ вдругъ изъ-за лѣса подползла блѣдная туча. Одна изъ барышень объявила, что надо торопиться домой, но Ксаня упорно настаивала, что ничего не случится и что не бѣда, если насъ чуть-чуть помочитъ. Я, разумѣется, принялъ ея сторону. Даже когда мы причалили, и небо совсѣмъ уже заволокло, мы съ нею поотстали отъ другихъ, занятые какой-то до-нельзя глупой, ребяческой, но сильно меня заинтересовавшей тогда болтовней. Такъ оживленно, по дружески я разговорился съ ней впервые. Мнѣ вдругъ неудержимо захотѣлось бросить прежній шутливый тонъ и глубже раскрыть передъ нею свои настоящія задушевныя мысли.

— Вы, я вижу,—сказалъ я между прочимъ,—сильно на мой счетъ ошибаетесь. Вы, кажется, думаете, что жизнь моя—одно сплошное благодушество.

— Признаюсь, Александръ Дмитріевичъ, я надъ этимъ до сихъ поръ мало задумывалась...

Слова эти, разумѣется, только подлили масла въ огонь. Надо было во что бы то ни стало измѣнить ея очевидно невысокое мнѣніе обо мнѣ. И я принялся съ жаромъ увѣрять ее, что за кажущейся пустотой моей жизни кроются широкія задачи и твердыя убѣжденія, что нельзя только пока расправить крылья и я приберегаю себя на настоящій день, когда можно будетъ лучшимъ русскимъ людямъ поработать на крупномъ и свободномъ дѣлѣ.

— А пока,—немилосердно отвѣтила она,—вы не дѣлаете ровно ничего, т.-е. ѣздите въ свѣтъ, за границу, а въ министерствѣ вашемъ—сами же вы это разсказывали—больше куреніемъ папиросъ занимаются.

— Да, такъ ужъ жизнь наша сложилась,—возразилъ я.—

Лѣтомъ деревня или путешествіе, зимой Петербургъ, гдѣ все-таки есть умственные и общественные интересы. Не я виноватъ, коли во всемъ этомъ пока одно лишь битье баклушъ. И лучшіе люди могутъ только готовиться къ будущему.

— Да, да, да... готовиться! — разсмѣялась Ксаня.—Это по крайней мѣрѣ трудовъ не стоитъ.

— А что же по-вашему,—загорячился я,—круглый годъ въ деревнѣ оставаться, даже зимой, когда все пусто, занесено снѣгомъ, все обледенѣло, и поля и рѣки, да и мысли въ головѣ?

— По-моему, — отвѣтила она, склонивъ головку на мигъ и потомъ обдавъ меня быстрымъ взглядомъ, — коли ужъ записать себя въ серьезные люди, какъ вы вотъ, такъ не отступать передъ такими пустяками, какъ скука и снѣгъ, и все, что̀ вы тамъ насчитали. Мнѣ бы все это ни по чемъ, будь я на вашемъ мѣстѣ.

По ея голосу и выраженію лица нельзя было угадать—смѣется она или говоритъ серьезно, и на всякій случай я рѣшился отвѣтить шутливо: и теперь вамъ это кажется ни по чемъ?

Она собиралась возразить что-то, должно быть, не особенно лестное для меня, какъ вдругъ крупная дождевая капля упала къ ней на шляпу, а мигъ спустя, дождь такъ и посыпалъ съ потемнѣвшаго неба. Нечего было дѣлать: приходилось укрыться гдѣ-нибудь—у Ксани и зонтика не было съ собою — и мы побѣжали въ стоявшую невдалекѣ бесѣдку.

И теперь, когда я вспоминаю про это, мнѣ жутко становится, а тогда, очутившись съ нею вдвоемъ, въ тѣсной бесѣдкѣ, среди надвинувшейся вдругъ полутьмы, странное оцѣпенѣніе меня охватило. Намъ обоимъ было неловко. Что-то невысказанное до сихъ поръ, но давно уже будто носившееся въ воздухѣ, вдругъ явственно, сознательно почувствовалось нами. Да, обоими нами: ея задорно смѣющееся личико присмирѣло и затихло, съ безпричинной робостью она опустилась на самый край скамейки, точно отдаляясь отъ меня, и въ самомъ этомъ движеніи, въ самой безпомощности, выражавшейся во всей ея позѣ, было что-то невыразимо обаятельное, почти трогательное. Выскажи я тогда прямо, что̀ такъ и просилось мнѣ на языкъ, притяни я къ себѣ ея задрожавшій тонкій станъ —и вся моя жизнь пошла бы иначе. И счастье, быть можетъ, полное, опьяняющее, такое счастье, какое мнѣ и не снилось никогда, выпало бы мнѣ на долю... Но я этого не сдѣлалъ. Какъ ни тянуло меня обнять Ксаню, расцѣловать ее, признаться, что я безумно полюбилъ ее, такое объясненіе съ шестнадцатилѣтней дѣвочкой мнѣ показалось до того нелѣпымъ, что я отряхнулъ съ себя навожденіе. И какъ разъ

оттого, что искушеніе было такъ сильно, что такъ обольстительно глядѣла ея слегка опущенная изящная головка и густыя пряди волосъ, такъ мягко ложившіяся на тонкую шейку, ея трепетавшая подъ лифомъ молодая грудь и стройная ножка, такъ безпокойно бившаяся о землю, я увѣрялъ себя, что мои лѣта обязываютъ меня пожалѣть этого полуребенка, не говорить съ нимъ на языкѣ, котораго онъ понять еще не можетъ и не долженъ. А на самомъ дѣлѣ, мнѣ живо представлялось, какимъ дружнымъ хохотомъ насъ бы встрѣтили, еслибы мы вышли изъ своей засады женихомъ и невѣстой. И, овладѣвъ собой, я попробовалъ спокойно вернуться къ нашему прерванному разговору.

— Итакъ,—усаживаясь возлѣ нея, заговорилъ я,—вы обвиняете меня въ легкомысліи и вдобавокъ въ неискренности. Я по-вашему одинъ изъ тѣхъ...

Она такъ посмотрѣла на меня — никогда не забуду этого взгляда, глубокаго, мягкаго, будто умоляющаго,—что всякая охота шутить у меня мигомъ прошла. Невольно я взялъ ее за руку. Мы такъ близко сидѣли на маленькой скамейкѣ, что колѣна наши касались. На своей щекѣ я слышалъ ея порывистое, учащенное дыханіе. Рука ея повисла почти безжизненно и не отвѣтила на мое пожатіе. Ея горячіе пальцы задрожали въ моихъ.

— Вы знаете и знаете это давно,—проговорилъ я тихо,—какъ дорожу я вашимъ мнѣніемъ, хоть васъ и всѣ здѣсь, кажется, да поневолѣ и я тоже, еще дѣвочкой считаютъ...

Эти слова разомъ придали Ксанѣ покинувшую ее увѣренность. Насмѣшливыя искры заблистали въ ея глазкахъ.

— Вотъ какъ! Дѣвочкой считаете и все-таки мнѣніемъ дорожите,—значитъ, видите во мнѣ серьезную особу, а я попросту, какъ вы сами сейчасъ сказали, маленькая совсѣмъ, и мнѣ рѣзвиться еще надо, а пожалуй и въ куклы играть. Какъ мнѣ позволить себѣ имѣть мнѣніе о такомъ важномъ господинѣ, какъ вы?

Чтò это было—наивность или кокетство, или просто желаніе надо мною посмѣяться? Мнѣ захотѣлось ее тотчасъ наказать за эту попытку.

— Если вы и ребенокъ, — отвѣтилъ я съ притворной небрежностью въ голосѣ,—то во всякомъ случаѣ очень милый и довольно своенравный тоже. А вѣдь и дѣти свое мнѣніе имѣютъ и очень часто даже не хранятъ его про себя, какъ дѣлаютъ это старшіе...

Теперь я уже не могъ сомнѣваться въ значеніи улыбки, заигравшей на ея губахъ—въ ней прямо читалась насмѣшка.

— А вотъ я вамъ его и не выскажу, — сказала она, скрестивъ руки на колѣняхъ.—Догадывайтесь сами.

— Плохой я угадчикъ,—отвѣтилъ я слегка обиженнымъ тономъ.—Лучше ужъ я скажу вамъ свое мнѣніе на вашъ счетъ, скажу съ полной откровенностью.

Почему-то я покраснѣлъ, говоря это.

— Скажите...

Разговоръ нашъ принималъ странный оборотъ и совсѣмъ уже не отвѣчалъ настроенію, охватившему насъ обоихъ, когда мы вошли въ бесѣдку. Но какъ я ни сожалѣлъ объ этой дорогой утраченной минутѣ, вернуть ее было уже не въ моей власти.

— Вы, — продолжалъ я съ притворной развязностью,—не то ангелъ, не то бѣсенокъ, а всего скорѣе поочередно то и другое...

Мнѣ самому было стыдно отъ пошлостей, какія срывались у меня съ языка. Но дѣлать было нечего. Фальшивая нота взята, и надо уже держаться невѣрнаго тона. А Ксаня будто замерла въ неподвижномъ вниманіи.

— Вы сами хорошенько не знаете, когда и отчего съ вами перемѣна случается. Часто вы безсознательно добрая и кроткая, а пять минутъ спустя—насмѣшливая и злая.

При словѣ „кроткая" она подняла голову и посмотрѣла на меня вопросительно.

— Ну, а теперь я какая?—спросила она, когда я кончилъ.

— Прелестная, какъ всегда, только беретъ ли верхъ теперь доброе или злое начало, сказать не берусь.

— Ну, изъ вашихъ словъ попросту выходитъ, что я очень неблаговоспитанная барышня. — Сказавъ это, она рѣшительно поднялась.—Дождь пересталъ, пойдемте,—проговорила она, слегка высунувшись изъ бесѣдки.

Въ голосѣ ея звучало что-то холодное, чужое. И, не дожидаясь меня, она быстро пошла къ дому. Я живо нагналъ ее, мысленно обзывая себя очень нелестными эпитетами. Чуть было я не сдѣлалъ новую глупость и не сталъ извиняться передъ нею. Въ этомъ, очевидно, не было никакой надобности. Личико ея глядѣло совсѣмъ открыто, почти по-дѣтски. Бѣсенка въ ней не было теперь и слѣда. Порой только, пока она совсѣмъ просто говорила со мной, чуть замѣтная, но странная улыбка извивалась въ углахъ ея губъ, обнаруживая тамъ двѣ прелестныя ямочки.

Какъ бы то ни было, нашей начавшейся дружбѣ не наступилъ конецъ. Чаще прежняго теперь у насъ заводились длинныя

бесѣды. Прочіе намѣренно оставляли насъ вдвоемъ, слегка даже подчеркивая это. А Ксаня и не думала конфузиться, оставаясь со мной наединѣ. И держалась она со мной какъ нельзя болѣе просто, безъ малѣйшаго оттѣнка лукаваго кокетства, какъ бывало прежде. Бѣсенокъ, повидимому, исчезъ.

Однажды, когда всѣ прочіе ушли въ столовую пить чай, мы съ нею остались въ саду, любуясь яркимъ звѣзднымъ небомъ. Вечеръ былъ по лѣтнему теплый, хоть и напоминали о наступавшей осени хрустѣвшіе подъ ногами сухіе желтые листья.

— А что,—спросила она, разомъ перебивая нашу болтовню,—никогда вы не спрашивали у себя, на что эти многія, многія звѣзды,—вѣдь не на то лишь, разумѣется, чтобы горѣть по ночамъ.

— Разумѣется... — И я хотѣлъ ужъ было изложить ей по профессорски мои довольно скудныя астрономическія познанія, но во-время остановился и только сказалъ:—на то онѣ вѣроятно, чтобы давать барышнямъ въ нихъ засматриваться и одну изъ нихъ себѣ выбирать.

— Вы никогда не можете говорить серьезно?—спросила она почти съ упрекомъ.

— Надоѣдать вамъ не хочу, вотъ и все, — было моимъ извиненіемъ.

Бровки у нея сдвинулись на мигъ, на одинъ мигъ всего.

— Разсердиться на васъ слѣдовало бы,—чуть слышно разсмѣялась она, — да не стоитъ, и не въ такомъ я сегодня расположеніи.

— Бѣсенокъ въ отпуску?

— Въ отпуску, да... Такъ вотъ видите, я все думаю, что не здѣсь только жизнь на нашей землѣ, а и тамъ тоже... И много тамъ, много новаго для насъ, непонятнаго... А когда-нибудь мы все это увидимъ и узнаемъ. А, можетъ быть, и жить будемъ тамъ.

Мои строгіе матеріалистическіе взгляды,—тогда я воображалъ себя суровымъ матеріалистомъ,—вызвали у меня невольную улыбку. Но Ксаня не обидѣлась.

— Все это вамъ глупостью кажется,—сказала она мягко,—а я такъ вотъ думаю, что мы все это увидимъ, а пока мы здѣсь, на насъ оттуда глядятъ... Звѣзды — это точно Божьи глаза, и, право,—она понизила голосъ,—часто туда хочется...

— Вамъ? Полноте...

— Не пугайтесь, не пугайтесь, я умирать вѣдь не собираюсь.

— Ксаня!—позвала ее черезъ окно старшая сестра.—Чего

ты тамъ въ саду съ Александромъ Дмитріевичемъ застряла, еще простудишься, а чай остынетъ.

Ксаня побѣжала въ домъ.

„Она совершенный ребенокъ,—подумалъ я, глядя ей вслѣдъ.—А мнѣ померещилось... полно... смѣшно даже“...

Пить чай однако я не пошелъ, а отправился отыскивать свою лошадь и ускакалъ домой.

Два дня спустя—вечеръ былъ опять необыкновенно теплый—мы съ нею стояли на балконѣ верхняго этажа, опершись на перила. Болтали мы совершенные пустяки. Но украдкой я не могъ не засмотрѣться, какъ блескъ звѣздной ночи придавалъ что-то особенно нѣжное, тающее, будто волшебное, стройному облику, играя на свѣтлой ткани ея платья. Ксаня нагнулась впередъ, легкая и воздушная, какъ сказочное видѣніе. А ножка ея то и дѣло стучала о перила балкона. Я чувствовалъ, какъ лихорадочно бился у меня пульсъ и страстныя, безумныя слова такъ и просились наружу... Ксаня нагнулась еще.

— Берегитесь!—воскликнулъ я, удерживая ее за талію.

Я испугался не на шутку, какъ бы не подались перила, и этотъ испугъ отрезвилъ меня. Я остановилъ слишкомъ увлекшееся воображеніе, говоря себѣ, что рядомъ со мной ребенокъ, котораго не должны касаться не совсѣмъ чистые помыслы. Она выпрямилась и посмотрѣла на меня въ упоръ съ страннымъ выраженіемъ въ глазахъ.

— А знаете, что меня тянетъ иногда внизъ туда, и вотъ сейчасъ потянуло даже. Какъ подумаешь, что стóитъ нагнуться еще немножко и...

— Полноте!—перебилъ я ее горячо.—Этимъ шутить нельзя, голова закружиться можетъ.

— Она у меня и закружилась сейчасъ вотъ,—съ спокойной улыбкой отвѣтила Ксаня. Но сквозь эту улыбку что-то до того нешуточное и недѣтское читалось, что я вздрогнулъ и, почти насильно схвативъ ее за обѣ руки, оттянулъ ее отъ перилъ.

И странное дѣло! Это взбалмошное, своевольное существо послушно дало себя отвести. Что-то необыкновенно мягкое засвѣтилось вдругъ въ ея глазахъ.

— Ну, не буду... обѣщаю вамъ, коли вы такъ за меня боитесь,—промолвила она тихо, наклоняя головку.

А минуты двѣ спустя доносился уже снизу ея звонкій смѣхъ. Я не послѣдовалъ за ней и въ раздумьи остался на балконѣ, тщетно стараясь привести въ порядокъ сновавшія въ моей головѣ противорѣчивыя мысли. Мнѣ слышалось, между тѣмъ, какъ принялась

она дразнить Ваню Зарубина, самаго усерднаго изъ своихъ поклонниковъ, какъ потомъ, усѣвшись за рояль, она бойко запѣла модный тогда романсъ, удачно подражая цыганамъ.

Бѣсенокъ, повидимому, возвращался. Когда нѣсколько дней спустя я проѣзжалъ мимо заозерскаго сада, я увидѣлъ ее тамъ изъ-за ограды вдвоемъ съ Ваней. Гнѣвъ слышался въ ея голосѣ, а лицо Зарубина глядѣло сконфуженно-виновато.

— Въ толкъ не возьмешь эту Ксаню,—говорилъ онъ мнѣ позже въ тотъ же день,—ни съ того, ни съ сего вдругъ на меня разсердилась и совсѣмъ искренно, не на шутку. А вѣдь смѣется, кокетничаетъ, даже заигрываетъ съ каждымъ, будто просится, чтобы за нею пріударили хорошенько. Ну, да не стòитъ надъ ея причудами себѣ голову ломать.

Я не удостоилъ Ваню даже отвѣта, а побилъ бы я его охотно за такія слова. Во мнѣ самомъ, однако, все чаще поднимался недоумѣвающій вопросъ,—что̀ по настоящему за дѣвушка эта Ксаня? Попросту ли она плохо воспитанный ребенокъ, или безсердечіе, даже ранняя испорченность кроется за ея измѣнчивымъ нравомъ?

Меня она стала вдругъ избѣгать почему-то. Разъ, на какой-то мой вопросъ она отвѣтила нетерпѣливо, почти вспыльчиво, и немедленно скрылась, а минутъ десять спустя я увидѣлъ ее поспѣшно утирающей слезы. Новый стихъ на нее будто нашелъ: она стала какъ-то молчалива, почти угрюма, ежилась и сторонилась отъ всѣхъ.

Разъ вечеромъ—погода хмурилась и по неволѣ всѣмъ приходилось оставаться въ комнатахъ—у Владиміра Николаевича завязался длинный споръ съ двумя изъ его пріятелей.

Они говорили, что изъ земства никакого прока не выйдетъ, что заниматься мѣстными дѣлами при теперешнихъ обстоятельствахъ—одна трата времени, да еще не совсѣмъ безопасная. Полянскій имъ возражалъ, что въ общественномъ дѣлѣ никогда не надо брезгать даже маленькимъ просторомъ для самоуправленія, что культурные народы—тѣ именно, которые за крошечныя права умѣли цѣпляться, и тотъ не настоящій сынъ родины, которому жаль для нея клочка своего времени или кто передъ опасностью сторонится. Никогда еще Владиміръ Николаевичъ не говорилъ такъ увлекательно, и все-таки меня онъ не увлекъ. Я только-что вернулся съ земскаго собранія — меня въ этомъ году въ гласные выбрали — и необыкновенно мизерной мнѣ показалась борьба земскихъ партій, очевидная трусость такъ называемыхъ либераловъ и столь же очевидная неискренность консервато-

ровъ; я принялся возражать Владиміру Николаевичу, доказывая, что никакого самоуправленія не выйдетъ при отсутствіи политическаго смысла и самостоятельности характера, какъ неминуемо долженъ разсыпаться домъ, выстроенный изъ плохого матеріала. Помнится, я говорилъ почти такъ же хорошо, какъ и Полянскій; желчь меня подмывала, а онъ меня слушалъ ласково, съ улыбкой на лицѣ, и когда я кончилъ, онъ снисходительно произнесъ: молодой человѣкъ, рано вамъ въ разочарованные записываться... Вы вотъ два раза въ лондонской палатѣ общинъ побывали и привезли оттуда какое-то чувство пренебреженія къ своей родинѣ. Не хорошо это, не хорошо... Надъ неопытностью нашей смѣяться—это почти то же, что надъ нашей бѣднотой... Какъ почва наша рожь да овесъ только родитъ, да и то съ грѣхомъ пополамъ, такъ и нѣтъ у насъ пока крупныхъ политическихъ дѣятелей. А презирать насъ за это грѣшно, потому что вѣдь только одной вѣрой въ будущность Россіи и однимъ безкорыстнымъ трудомъ на ея пользу ихъ создать можно. А зубоскальство ваше—простите меня—ничего не создастъ. На старости лѣтъ оно еще простительно, а вамъ, молодымъ людямъ, еще не потрудившимся на родной нивѣ, оно какъ будто не пристало.

Я не возражалъ. Мягкій укоръ этого добраго человѣка меня пристыдилъ. И оглянувшись случайно, я замѣтилъ Ксаню. Она неслышно вошла и присѣла въ самомъ отдаленномъ углу комнаты. На ея взволнованномъ лицѣ я прочелъ глубокое, страстное вниманіе и такую же глубокую грусть. Никогда еще это лицо не казалось мнѣ такимъ прелестнымъ.

Я воспользовался первой удобной минутой, чтобы выйти изъ кабинета Владиміра Николаевича. Ксани тамъ уже не было. Я засталъ ее въ столовой, стоявшую передъ окномъ, черезъ которое виднѣлось сумрачное, хмурое, печальное небо.

— Ксаня,—заговорилъ я тихо,—въ глазахъ вашихъ я прочелъ такое строгое осужденіе себѣ...

Невольнымъ движеніемъ она отстранилась отъ меня, будто уменьшительное имя, съ которымъ я впервые къ ней обращался, ее кольнуло и оскорбило.

— Не говорите лучше, не говорите,—чуть слышно отвѣтила она задрожавшимъ голосомъ.

— Напротивъ,—попробовалъ я отшутиться,—вотъ вамъ новое доказательство, какъ дорожу я вашимъ мнѣніемъ. Помните, я сказалъ вамъ это разъ...

Но въ ея нѣмомъ взглядѣ я увидѣлъ такую скорбь, что про-

должать въ этомъ шутливомъ тонѣ я не могъ. А въ душѣ моей поднималось такое чувство безконечной, пламенной любви, что мнѣ захотѣлось тутъ же высказать ей, какъ дорога она мнѣ стала какъ разъ теперь, когда сердце ея возмущалось противъ меня. Но въ комнатѣ были посторонніе, и снова я подавилъ въ себѣ готовую вылиться страсть. „Въ другой разъ, когда мы будемъ наединѣ“,—говорилъ я себѣ.

Но въ эту осень мы болѣе не видались. Когда я снова пріѣхалъ въ Заозерье, Ксаня не показывалась,—она была нездорова,—а черезъ недѣлю мнѣ пришлось уѣхать въ Петербургъ: я вѣдь и такъ замѣшкался въ деревнѣ.

V.

Земское дѣло съ первыхъ же шаговъ принесло мнѣ одни разочарованія. Я его сравнивалъ съ широтой размаха и плодотворною мощью правительственнаго почина. И передъ этой силой я невольно преклонялся. Но Петербургъ и мое министерство очень скоро заставили меня разстаться и съ этой иллюзіей. Меня завалили работой, едва я показался въ свой департаментъ, куда только что передъ тѣмъ былъ назначенъ новый директоръ Аггей Христофоровичъ Терницкій. Нельзя было уже пожаловаться, что занимаются тамъ больше куреніемъ папиросъ. Но страннымъ образомъ прежде изъ-за этого куренія мнѣ настоящее дѣло представлялось могучей работой огромнаго махового колеса, сознательно управляемаго опытной рукой, а теперь, когда дѣла вокругъ меня дремучимъ лѣсомъ выростали, я въ эту работу пересталъ вѣрить. Когда утромъ цѣлый ворохъ бумагъ вносили въ святую святыхъ министерскаго кабинета, а часъ спустя выносились оттуда подписанными, а курьеры тотчасъ развозили ихъ во всѣ стороны, и все это производилось съ лихорадочной поспѣшностью, подъ неумолкаемый шумъ электрическихъ и телефонныхъ звонковъ,—когда по шести часовъ сряду, не разгибая спины, канцелярскіе чиновники и молодые люди, чаявшіе карьеры, покрывали безчисленные листы, первые—медленнымъ, артистическимъ почеркомъ, вторые—едва понятными каракулями, во всемъ этомъ я видѣлъ движеніе колоссальнаго усовершенствованнаго механизма, и въ этомъ механизмѣ современемъ занять дѣятельное мѣсто—льстило моему честолюбію. Теперь впечатлѣнія были не тѣ. Аггей Христофоровичъ похвалилъ меня за прекрасный канцелярскій слогъ и почему-то выказалъ мнѣ сразу необыкновенную благосклонность. Результатомъ было то, что товарищи стали смотрѣть на

меня недружелюбно, а курьеры низко кланяться. И мнѣ было дано заглянуть въ самый центръ огромной машины, прикоснуться къ одной изъ ея главныхъ пружинъ. Аггей Христофоровичъ былъ умный человѣкъ и отлично зналъ, кому и какъ подставить ножку и какъ увернуться отъ служебной непріятности. Онъ разрѣшалъ себѣ довольно часто ядовитыя насмѣшки надъ ходомъ дѣлъ, надъ промахами администраціи и надъ устарѣлой неуклюжестью закона. Зато онъ твердо вѣрилъ, что исправить все это можно безъ особаго труда, что всякое распоряженіе центральнаго вѣдомства исполняется въ точности, и если будетъ приказано, чтобы въ Нижнеболвановской волости Тмутараканскаго уѣзда тринадцатаго числа водворилось благосостояніе, благосостояніе непремѣнно водворится. И вотъ этому я уже вѣрить не могъ, послѣ краткаго моего опыта съ земствомъ. Контрастъ былъ уже слишкомъ великъ между дѣйствительнымъ положеніемъ дѣлъ и тѣмъ, какъ представлялось оно въ министерскихъ докладахъ. Я увидѣлъ лицомъ къ лицу реальнаго мужика, дѣйствительное хозяйство, и частное, и общественное, но тотъ средній мужикъ, то общее отвлеченное состояніе народа, о которыхъ трактовали въ министерствѣ, были только на бумагѣ.

И сразу мнѣ стало ясно, что огромное маховое колесо работаетъ въ пустомъ пространствѣ и молотитъ не зерно, а мякину.

Своему начальнику я, разумѣется, этого не высказывалъ, но откровенно высказалъ свои мысли его женѣ Аглаѣ Александровнѣ, не менѣе своего супруга выражавшей мнѣ благосклонность. Однажды, когда Аггей Христофоровичъ только-что покинулъ ея гостиную, гдѣ разглагольствовалъ передъ тѣмъ о новыхъ вѣяніяхъ и о будущихъ предначертаніяхъ, жена проводила его чуть замѣтной улыбкой своихъ тонкихъ губъ. Такую улыбку я не разъ ужъ имѣлъ случай примѣчать на ея лицѣ, въ присутствіи мужа и въ особенности тотчасъ послѣ его ухода. И за выраженный мною скептицизмъ она меня вовсе не пожурила.

— Что дѣлать, Александръ Дмитріевичъ, — сказала она мягко, подавая мнѣ чашку чая.—Здѣсь въ Петербургѣ всѣ будто съ вершины горы оглядываютъ Россію и думаютъ, разумѣется, что оттуда виднѣе... Панорама, конечно, широкая, но зато подробностей не замѣчаешь, и оттого объ эти подробности умные люди такъ часто и спотыкаются.

Но очень быстро съ государственныхъ вопросовъ Аглая Александровна свела разговоръ на личныя ощущенія, — на вѣчную тему, интересующую всѣхъ женщинъ. Аглая Александровна была

на цѣлыхъ пятнадцать лѣтъ моложе супруга и мнѣ приходилась ровесницей. У нея по вечерамъ собирались люди всякаго возраста, но всѣ безъ исключенія имѣвшіе мало общаго съ Аггеемъ Христофоровичемъ. Не мудрено, что въ гостиной жены онъ не засиживался, и едва рѣчь зайдетъ о тонкомъ, затаенномъ чутьѣ сердца, разумѣется женскаго, онъ поднимался и уходилъ въ свой кабинетъ, гдѣ ожидала его цѣлая гора представленій, докладовъ и записокъ. И съ этой минуты разговоръ въ гостиной какъ разъ оживлялся по настоящему, перепархивая съ одного предмета на другой, но вращаясь неизмѣнно вокругъ центральнаго вопроса о женскомъ сердцѣ.

Аглая Александровна замѣтила мнѣ разъ, когда мы остались съ нею наединѣ, что я будто неохотно распространяюсь о психологіи сердечныхъ отношеній.

— А это значитъ, что въ вашей жизни есть незаконченный романъ и вы недостаточно еще освободились отъ власти прежняго чувства, чтобы относиться къ нему критически.

Я признался, что она угадала.

— Ну, такъ разскажите мнѣ вашу исторію, хотя бы безъ развязки. Или, быть можетъ, это нескромная просьба съ моей стороны, и вамъ тяжело объ этомъ говорить?

— О, нѣтъ, нисколько, — поспѣшилъ я успокоить Аглаю Александровну, и тутъ же разсказалъ ей про Ксаню. А пока она слушала меня съ участливымъ вниманіемъ, въ которомъ былъ легкій оттѣнокъ снисходительной жалости, я думалъ про себя, что въ сущности никакого романа во всемъ этомъ и не было. Чего грѣха таить—я стыдился про себя своего минувшаго ребяческаго увлеченія.

Аглая Александровна скрестила руки, слушая меня—обычный знакъ терпѣливаго вниманія у женщинъ—а когда я кончилъ, съ минуту промолчала, нюхая одеколонъ. Тяжелой мнѣ показалась эта минута. Я чувствовалъ, что кровь приливаетъ къ моимъ щекамъ.

— Очень интересно и мило,—заговорила она необыкновенно музыкальнымъ голосомъ.—Я люблю такія идилліи... и вотъ бѣда: весь романъ происходилъ въ одномъ воображеніи, —конечно, въ вашемъ, такъ какъ дѣвочка эта, разумѣется, забавлялась безсознательнымъ кокетничаніемъ съ вами и не чувствовала при этомъ ровно ничего. Эти героини въ коротенькихъ платьицахъ,—проговорила она, поводя плечами, и, не докончивъ фразы, слегка вздохнула.

Мнѣ показалось, что я упалъ въ ея мнѣніи.

— Что дѣлать,—поспѣшилъ я замѣтить небрежно, — коли могу теперь сдѣлать лишь такое невинное признаніе. Деревенскіе романы большею частью таковы, а съ тѣхъ поръ, какъ я здѣсь, Аггей Христофоровичъ такъ энергически засадилъ меня за письменный столъ...

Аглая Александровна ничего не отвѣтила и, посмотрѣвъ на меня какъ-то загадочно, принялась опять нюхать одеколонъ. Въ эту минуту вошелъ Аггей Христофоровичъ своей быстрой и нѣсколько суетливой походкой. Онъ былъ въ мундирѣ съ анненской лентой черезъ плечо, и въ этомъ парадномъ костюмѣ его приземистая, круглая фигурка глядѣла нѣсколько комичной. Я зналъ, что мой начальникъ только-что представлялся и вѣроятно имѣетъ передать супругѣ подробности объ оказанномъ ему пріемѣ. Мое присутствіе было, очевидно, лишнимъ, и я поспѣшилъ раскланяться.

— Куда вы?—спросила Аглая Александровна.—Впрочемъ, молодыхъ людей никогда не слѣдуетъ разспрашивать...

И протягивая руку, она добавила:

— Мы возобновимъ, неправда ли, этотъ разговоръ?..

Уходя я разслышалъ, какъ она усталымъ голосомъ обратилась къ мужу по-французски:

— Mon ami, vous avez quelque chose à me dire?..

Разговоръ мы возобновили очень скоро. И супруга моего начальника рядомъ тонкихъ мудреныхъ узоровъ, гдѣ не такъ-то легко было уловить ея мысль, внушила мнѣ, что отдавать сердце совсѣмъ еще молоденькой дѣвушкѣ—почти то же, что пить изъ пустой чаши или черпать воду изъ сухого колодца.

— Въ древности, правда,—закончила она,—Пигмаліону удалось оживить даже статую, хотя, думаю, прока изъ этого особеннаго не вышло, но пробудить чувство у дѣвушки—повѣрьте мнѣ—еще труднѣе...

Этотъ намекъ было не трудно понять. Аглая Александровна, несмотря на большую разницу лѣтъ съ мужемъ, слыла за одну изъ самыхъ серьезныхъ и строгихъ женщинъ петербургскаго общества. Многихъ ея серьезность даже пугала. Но я хорошо зналъ, что женщины никогда не прощаютъ тому, кто не понялъ ихъ съ полуслова, черезчуръ повѣривъ ихъ неприступности, и намекъ для меня даромъ не пропалъ.

Любилъ ли я тогда Аглаю, право, мнѣ трудно сказать, хотя конечно одна вполнѣ искренняя любовь могла въ собственныхъ моихъ глазахъ оправдать нашу связь. Одно только я помню хорошо—я былъ опьяненъ, околдованъ. Женщины подъ тридцать,

когда природа ихъ наградила гибкимъ умомъ и такою же гибкою привлекательностью, я не хочу сказать красотой, такъ какъ Аглая красавицей не была—обладаютъ такой вкрадчивой прелестью, что всѣмъ существомъ своимъ, всѣми, такъ сказать, духовными нервами воспринимаешь ихъ обаятельную власть, какъ струны музыкальнаго инструмента послушно дрожатъ отъ легкаго прикосновенія умѣлой руки. Быть избранникомъ такой женщины до того лестно, что и разобрать трудно, какое чувство отвѣчаетъ такому избранію—вѣчно ненасытная любовь или удовлетворенное тщеславіе. И все-таки счастливымъ я себя не чувствовалъ. На самомъ днѣ совѣсти что-то неустанно царапало меня, что-то вызывало не то, чтобы прямыя угрызенія, а какую-то неодолимую, утомительную тошноту. Мнѣ стыдно было передъ Аггеемъ Христофоровичемъ, который теперь какъ разъ сталъ выказывать мнѣ особую любезность, пожимая даже при встрѣчахъ мнѣ руку крѣпче прежняго, точно онъ былъ мнѣ чѣмъ-то обязанъ. Но и это ощущеніе неловкости понемногу стерлось. Семейная жизнь, говорилъ я себѣ, не могла удовлетворить Аглаю, тѣмъ болѣе, что дѣтей у нея не было. Она и Аггей Христофоровичъ жили какъ бы въ двухъ, совершенно различныхъ стихіяхъ, сходясь только случайно. И теперь каждому изъ нихъ будто свобода была дана оставаться въ своемъ привычномъ мірѣ и оттого имъ обоимъ становилось легче.

Но эти разсужденія плохо меня утѣшали, слегка лишь заглушая неподкупный ропотъ совѣсти.

Въ деревню, разумѣется, слѣдующимъ лѣтомъ я рѣшился не ѣхать. Въ министерствѣ было почти такъ же много дѣла, какъ и зимой. Аглая взяла дачу въ Петергофѣ, куда мнѣ было тѣмъ удобнѣе наѣзжать, что Аггей Христофоровичъ предпринялъ оффиціальное путешествіе по Россіи. Живо помню мельчайшія подробности этого лѣта. Одного только не могу воскресить—тогдашняго очарованія, заглушившаго во мнѣ все остальное, все прежнее.

Во мнѣ звучала будто одна только струна. Всѣ прочія замолкли, словно онѣмѣли. И помню я тоже, какъ это очарованіе кончилось. Разъ Аглая заговорила со мной о будущей моей карьерѣ: прежде мы этого вопроса не касались. И я почувствовалъ разомъ, что новая полоса настаетъ въ нашихъ отношеніяхъ, что отлетѣла, словно весенняя, свѣжая ихъ прелесть.

— Какъ умный человѣкъ,—дѣловымъ тономъ говорила Аглая,—ты не можешь не быть честолюбивымъ. Въ Россіи вѣдь попросту для такъ называемой общественной пользы не служитъ

никто, а дураки, конечно, воображають, что такъ дѣлають... Ну, такъ и тебѣ пора бы подумать о себѣ. Аггей Христофоровичъ, я знаю, самъ собою не догадается что-нибудь для тебя устроить. Онъ очень добрый человѣкъ, но пока его не заставятъ о комъ-нибудь другомъ подумать, ему это на умъ не придетъ. Хочешь, я съ нимъ поговорю? Я умѣю съ нимъ ладить, онъ у меня какъ шолковый.

Но мысль, что въ нашихъ отношеніяхъ можетъ быть практическая сторона, мнѣ претила до того, что съ самаго начала нашей связи я совершенно отбросилъ всякую мечту о близкой карьерѣ. Моя любовь къ Аглаѣ была совершенно несовмѣстима съ протекціей ея мужа. Я высказалъ ей этой прямо, я даже не обинуясь сказалъ ей, что мое чувство погибло бы съ той самой минуты, когда, благодаря ему, я пріобрѣлъ бы какія-нибудь выгоды. Аглая въ отвѣтъ только пожала плечами. „Я считала тебя умнѣе. И чего тутъ совѣститься? Развѣ мужу будетъ что-нибудь стоить отдать мѣсто тебѣ, а не кому-нибудь другому? Еслибы ты былъ человѣкъ неспособный, еще я понимала бы твои сомнѣнія. Но вѣдь ты можешь оправдать довѣріе мужа, стало быть, всѣмъ будетъ одинаково хорошо“... Какъ ни силился я объяснить Аглаѣ, сколько унизительнаго было для меня въ самомъ ея предложеніи, она этого понять не хотѣла. И съ этого дня мое чувство къ ней будто подернуло раннимъ морозомъ.

На слѣдующій день послѣ нашего разговора—было это въ самыхъ первыхъ числахъ іюля—громовая вѣсть пришла мнѣ изъ Березовки: отецъ находился при смерти. Я взялъ мѣсячный отпускъ и поѣхалъ.

VI.

Въ живыхъ я отца уже не засталъ. Онъ скончался за какой-нибудь часъ до моего пріѣзда. Всего только одинъ часъ, и я могъ бы... Но дорогія уста были замкнуты навѣки, и никогда уже ни упрека, ни прощенія я отъ нихъ не услышу. Полное спокойствіе читалось на блѣдномъ лицѣ, но это было то спокойствіе, какое наступаетъ послѣ долгаго тяжкаго страданія. Онъ получилъ свободу отъ земной скорби, но мнѣ онъ не оставилъ того разрѣшающаго слова, безъ котораго я чувствовалъ себя глубоко и непоправимо виноватымъ. И теперь стоитъ мнѣ зажмурить глаза и перенестись мысленно въ тотъ знойный, хоть и тусклый іюльскій день, когда я пріѣхалъ въ Березовку, и я будто вижу передъ собой это болѣзненно затихшее восковое лицо

и эти неподвижныя руки, которыя, быть можетъ, такъ часто хотѣли обнять меня, притянуть къ себѣ... И все то невысказанное, что между нами осталось, та молчаливая холодность, которую прежде мнѣ такъ легко было бы устранить, они навѣки теперь будутъ заслонять отъ меня дорогую память, словно лишній камень своею тяжестью легъ надъ его безмолвной могилой.

На похороны съѣхалось, какъ мнѣ сказали потомъ, все наше сосѣдство. Отца очень любили. Но пока длилась служба, я смутно только слышалъ глухіе шаги входившихъ въ церковь, а разглядѣть чье-нибудь лицо я не былъ въ состояніи. Да и тяжело мнѣ было бы выслушивать слова участія отъ этихъ людей, въ сущности для меня совершенно чужихъ. Я никогда еще не чувствовалъ такъ живо, что добровольно отстранилъ себя и отъ покойнаго отца, и отъ близкаго мнѣ дѣла. И упрекъ за это, казалось мнѣ, я прочту на лицѣ каждаго.

И въ первый разъ за многіе годы, когда старый нашъ священникъ о. Леонтій дрожащимъ, взволнованнымъ голосомъ читалъ разрѣшительную молитву, я усумнился въ своемъ невѣріи.

Вѣдь то, что я испытывалъ въ эти три дня—сознаніе своей неправоты передъ отцомъ, вдругъ открывшаяся мнѣ виновность цѣлой моей жизни, — развѣ это могло быть однимъ обманомъ воображенія, навѣяннымъ кончиной отца и неискоренимымъ вліяніемъ воспринятыхъ съ дѣтства предразсудковъ, развѣ эта глубокая мучительная тяжесть на сердцѣ не соотвѣтствуетъ никакому дѣйствительно нарушенному мною нравственному закону? А если такой законъ есть, если совѣсть возмущается не напрасно, есть, стало-быть, и законодатель, волѣ котораго она служитъ отголоскомъ... И неужели всѣ эти люди, пришедшіе молиться за упокой души, совершаютъ одинъ пустой обрядъ, завѣщанный стариною, и чувство скорби, приведшее сюда ихъ, въ эту церковь, должно такъ же безслѣдно исчезнуть, какъ кадильный дымъ, поднимающійся къ ея сводамъ?...

Отпѣваніе кончилось. Надо мнѣ было выйти изъ своего оцѣпенѣнія, послѣдній разъ проститься съ покойникомъ, понести гробъ на кладбище... Я хорошенько не зналъ, что мнѣ надо было исполнить, но мнѣ чувствовалось, что всѣ бывшіе тутъ ждутъ отъ меня чего-то, и полубезсознательно я сдѣлалъ то, что было надо. Послышались шаги, поднялась суета, двое какихъ-то людей несли крышку, обитую малиновымъ бархатомъ. Только что охватившее меня передъ тѣмъ настроеніе тихой скорби, сосредоточенной на мысли о чемъ-то далекомъ, мигомъ было развѣяно. Я бы хотѣлъ теперь остаться наединѣ съ покойнымъ отцомъ,

всмотрѣться въ его окаменѣлыя черты, среди полнаго безмолвія вылить передъ нимъ свою наболѣвшую, виновную душу. А тутъ надо было торопливо подняться на ступени, быстро поцѣловать похолодѣвшій лобъ и уступить мѣсто другимъ. И нехорошее ощущеніе лживой условности всего этого охватило меня и стерло во мнѣ желаніе оторваться хоть на нѣсколько минутъ отъ обыденныхъ суетливыхъ требованій жизни и остаться лицомъ къ лицу съ тѣмъ невѣдомымъ, могучимъ, непреклоннымъ и въ то же время примиряющимъ, что будто звало меня за нѣсколько мгновеній передъ тѣмъ. Я выполнилъ свою роль, шелъ впереди всѣхъ, вынося гробъ изъ церкви, и тамъ, на кладбищѣ, бросилъ горсточку земли въ ужасную яму, куда опустили останки покойнаго. И тутъ опять надо было исполнить рядъ обязанностей, требуемыхъ кѣмъ-то безымяннымъ, но всесильнымъ. Это былъ тоже долгъ, но какъ-то не походилъ онъ на тотъ, неисполненный мною священный долгъ, такъ тяжело лежавшій на моей совѣсти, пока отпѣвали отца. Ко мнѣ подходили, пожимали мнѣ руку, выражали прискорбіе. Надо было отвѣтить на все это, благодарить...

Лица сновали передо мной безразличныя, иногда даже неузнанныя. Но вотъ застѣнчиво, будто стыдясь, подходитъ ко мнѣ молодая дѣвушка и тоже протягиваетъ руку. Ее не узнать я не могъ. Мнѣ показалось, что на ея чертахъ болѣе теплое, искреннее участіе, чѣмъ у остальныхъ. И участіе это лично касается меня. Я крѣпко пожалъ ея руку, пока она извиняла дядю, что тотъ не могъ пріѣхать по какой-то причинѣ и сестру тоже, — про тетку она не упомянула. Другая старшая сестра вышла замужъ и уѣхала,—я про это уже слышалъ.

— Вы здѣсь надолго? — спросила Ксенія, когда мы вмѣстѣ отошли нѣсколько шаговъ отъ могилы.

— Я взялъ мѣсячный отпускъ... Много предстоитъ вѣроятно дѣла, хоть я еще и не знаю, какого.

— Надѣюсь, мы съ вами еще увидимся, — просто, по-дружески проговорила она и опять протянула руку.

Тутъ только я хорошенько ее разглядѣлъ. Она выросла немножко за этотъ годъ и перестала смотрѣть дѣвочкой. Въ своемъ черномъ платьѣ она казалась еще стройнѣе прежняго. И черты были тоже строже и правильнѣе, но подъ этой строгостью чувствовалось затаенное, готовое вспыхнуть шаловливое и въ то же время какъ будто доброе лукавство. Да, эти двѣ черты—лукавство и доброта—были въ ней попрежнему, ихъ только сдерживало что-то.

— А у васъ въ Заозерьѣ,—спросилъ я на прощанье,—все по старинному?

— Какъ вамъ сказать.—Бываютъ, какъ въ прошломъ году, только не такъ часто, кажется... Дядюшка не совсѣмъ здоровъ...

Ей будто неловко было, говоря это. Она точно не хотѣла распространяться о томъ, что̀ дѣлалось въ Заозерьѣ. И скоро дошедшіе до меня слухи дополнили ея слова. У Владиміра Николаевича дѣла приходили въ разстройство, да и что-то неладно было въ семьѣ. Намекали на какія-то несогласія съ женой и, какъ водится, почуявъ бѣду, доброжелательная молва ее раздувала, будто радуясь ея близкому наступленію, какъ слетѣвшихся коршуновъ привлекаетъ запахъ трупа.

Дѣла и меня обступили со всѣхъ сторонъ, и съ первыхъ же дней я убѣдился, что мѣсячнаго отпуска не хватитъ. Я попросилъ Аггея Христофоровича его продлить и въ то же время написалъ Аглаѣ, увѣряя ее, какъ тяжело мнѣ отсрочить наше свиданіе. И странное дѣло! — нѣжныя слова давались мнѣ съ трудомъ, изъ-подъ моего пера выливались фразы чопорныя, почти сухія въ своей прибранной дѣланности. На самомъ дѣлѣ—я это почувствовалъ вдругъ—не только мнѣ не было жаль остаться въ деревнѣ до осени, я охотно бы не возвратился въ Петербургъ совсѣмъ. Можетъ быть, мнѣ захотѣлось остаться какъ разъ потому, что было это такъ невозможно.

Приходилось перебывать у всѣхъ, кто выразилъ мнѣ соболѣзнованіе по случаю моей утраты. И на этотъ разъ нашъ провинціальный уголъ произвелъ на меня совсѣмъ другое впечатлѣніе, чѣмъ въ предыдущемъ году. Та самая шероховатость, немного аляповатая, та неуклюжая распущенность, которая мнѣ тогда показалась чуть ли не признакомъ варварства, мнѣ почти теперь нравилась, въ сравненіи съ гладкою вылощенностью чиновнаго Петербурга. И встрѣченный мною пріемъ былъ такъ радушенъ, такъ усердно всѣ меня убѣждали остаться въ уѣздѣ, что я почувствовалъ какую-то нежданную близость къ этимъ людямъ и къ ихъ неказистому земскому дѣлу. Я зналъ, правда, что мнимо-откровенная привѣтливость этихъ людей прикрываетъ собою особое провинціальное коварство, совсѣмъ не похожее на петербургское, и стоитъ двумъ уѣзднымъ дамамъ не обмѣняться визитами, какъ слѣдуетъ, чтобы возгорѣлось непримиримое междоусобіе. Но гдѣ же отыскать людей, свободныхъ отъ тщеславія и заносчивости? Здѣсь только, вдали отъ столицы, они выражаются проще, сырѣе, пожалуй, и мельче ставки въ игрѣ уѣздныхъ самолюбій. Да развѣ все дѣло въ крупныхъ призахъ и утонченности пріемовъ?

Побывалъ я, разумѣется, и въ Заозерьѣ. Тамъ въ самомъ дѣлѣ вѣяло чѣмъ-то недобрымъ. Владиміръ Николаевичъ какъ будто опустился немного, а у Вѣры Сергѣевны какая-то затаенная холодность чувствовалась; въ ея поступи, въ самомъ шелестѣ ея платья былъ словно протестъ чему-то. Когда она говорила съ мужемъ, немного крикливыя, а подчасъ и кисловатыя нотки у нея слышались. И во всемъ домѣ уже не было прежняго оживленія. Рѣже наѣзжали сосѣди, музыка и пѣніе тоже ужъ не часто разливались по комнатамъ и по саду. Зато всякій разъ, что я бывалъ тамъ, мнѣ попадалась на глаза коренастая фигура барона Штейнберга. Изъ прихлебателя онъ будто превращался въ хозяина. Когда приносили почту, онъ первый брался ее разбирать, иной разъ онъ заказывалъ даже повару обѣдъ. Мнѣ смутно чувствовалось, что его присутствіе непріятно Владиміру Николаевичу. Когда баронъ входилъ, у него чуть-чуть сдвигались брови, и при немъ онъ становился молчаливымъ. И рѣдко лишь находилъ на него прежній стихъ и поднятый вопросъ пробуждалъ вдругъ задремавшій будто въ немъ огонь. Тогда, въ эти рѣдкія минуты узнать можно было въ немъ прежняго Владиміра Николаевича.

Разъ въ одну изъ такихъ минутъ поднялся опять политическій споръ, какъ въ прошломъ году. Мы всѣ размѣстились на террасѣ—дѣло было вечеромъ—и на застывшій въ неподвижности воздухъ будто тяжело давили густыя, нависшія тучи. Ксаня стояла поодаль и, казалось, не слушала. Когда, по окончаніи спора, я сталъ медленно спускаться съ террасы, она меня вдругъ нагнала и пошла со мной рядомъ по дорожкѣ.

— Александръ Дмитріевичъ,—начала она тихо, будто робѣя немного,—какъ хорошо было, что̀ вы сказали сейчасъ, совсѣмъ не то, что въ прошломъ году. Помните?

— А вы слушали развѣ?—спросилъ я, втайнѣ польщенный ея одобреніемъ, хоть и смѣшно было немножко, что дѣвочка эта будто ставила мнѣ хорошій баллъ за поведеніе.

— Слушала, конечно... И такъ радовалась перемѣнѣ въ вашихъ взглядахъ.

— Это не перемѣна,—покачалъ я головой.—Въ сущности, я всегда думалъ такъ.

— То-есть, какъ въ прошломъ году или какъ теперь вотъ,—живо перебила она меня, съ какою-то строгостью въ голосѣ.

— Какъ теперь...

Мы посмотрѣли другъ другу прямо въ глаза, и во взглядѣ ея я подмѣтилъ такое неподдѣльное теплое участіе, что и во

мнѣ невольно что-то невыразимо сладостное отвѣтило на этотъ мягкій лучистый взглядъ. Мысленно я перенесся къ прошлому лѣту, и снова ощущеніе близости между нами мгновенно во мнѣ возродилось.

— Видите, Ксаня,—сказалъ я, и голосъ мой задрожалъ чуть-чуть,—человѣкъ я въ высшей степени впечатлительный... И то, что̀ вамъ кажется перемѣной въ убѣжденіяхъ, на самомъ дѣлѣ только новая волна, то ровная и тихая, то бурливая и злая. Смѣшно такъ про себя говорить—я это чувствую—только передъ вами почему-то мнѣ не совѣстно...

Она хотѣла что-то возразить, но удержалась, и сквозь надвинувшуюся темноту мнѣ почудилось, что краска залила ея милое лицо, еще болѣе милое теперь, чѣмъ годъ назадъ, когда она была только по-дѣтски очаровательна.

— Вы не боитесь, что пойдетъ дождь,—спросилъ я, оглядывая хмурое небо.

Теплый ночной вѣтеръ страстными порывами набѣгалъ на верхушки деревьевъ, предвѣщая грозу.

Она рѣшительно покачала головой, не отвѣтивъ прямо на мой вопросъ.

— И къ людямъ,—мигъ спустя заговорила она,—вы тоже, должно быть, мѣняетесь, если набѣжитъ на васъ новое, мимолетное впечатлѣніе?

— Можетъ быть,—отвѣтилъ я, чуть-чуть засмѣявшись.— Но есть и такіе люди, отъ которыхъ дурного впечатлѣнія никакъ не получишь... А коли они не всегда одинаковы, коли настроены они бываютъ на разный ладъ, тѣмъ лучше... Вѣдь и въ музыкѣ разнообразіе хорошо, а человѣческая душа, особенно женская—та же музыка...

Она опять не отвѣтила. Наступило неловкое молчаніе. Издали послышался глухой раскатъ грома. Но я уже не торопилъ ее домой. Начавшаяся между нами бесѣда меня такъ завлекла, что я ни за что не захотѣлъ бы ее прервать. Мы проходили мимо скамейки и, будто сговорившись, оба на нее опустились. Въ первыя минуты мы просидѣли молча, слегка наклонивъ голову, и будто прислушиваясь къ приближавшейся грозѣ. Что-то тревожное, лихорадочное, напряженное чувствовалось въ воздухѣ.

— Ксаня,—началъ я опять,—вы вѣдь позволите мнѣ такъ васъ называть, не правда ли? Мы вѣдь старинные друзья! я такъ много, много старше васъ. Да, представьте себѣ, я почти старикомъ себя чувствую, точно вся жизнь ужъ позади.

— Это отъ вашего семейнаго горя, должно быть... Отъ горя всегда старѣешь...

— Не отъ одного этого... А кстати, вы-то какъ можете про это знать,—вамъ горе развѣ знакомо?

Она неожиданно засмѣялась звонкимъ смѣхомъ.—Право, не знаю... должно быть, настоящаго горя я не испытывала, какъ впрочемъ и настоящаго счастья.

Смѣхъ ея вдругъ осѣкся.

— А что,—спросилъ я,—бѣсенокъ совсѣмъ исчезъ?

— Подождите, сами увидите,—весело отвѣтила она.

— И у меня увидите тоже,—возразилъ я,—наступила ли для меня въ самомъ дѣлѣ холодная осень. А вѣдь хочется вновь весны,—добавилъ я помолчавъ.

Я самъ не примѣчалъ, какъ разговоръ нашъ все болѣе увлекалъ меня на скользкій путь ухаживанія за Ксаней. Слово „любовь“ мнѣ, разумѣется, не попадалось на языкъ, но невысказанною любовью такъ и дышало все, что̀ ни говорилъ я. И все дальше мы углублялись оба въ какой-то чудный затаенный міръ, и уходить туда, словно прячась отъ дѣйствительности, было мнѣ невыразимо сладостно. Близость милой дѣвушки, теперь уже совершенно взрослой, хоть такими же прелестно-чистыми оставались дѣвственныя линіи ея тѣла, и сознаніе того, что другая, духовная близость выростаетъ для меня опять,—это навѣвало на меня какую-то очаровательную истому; хотя мы оживленно болтали и смѣялись тоже, я уходилъ въ какое-то волшебное забытье, точно опьянѣніе мною незамѣтно овладѣвало. И сквозь это чувство мало-по-малу, все внятнѣе иной голосъ во мнѣ говорилъ—желаніе совсѣмъ овладѣть этимъ милымъ существомъ, такъ довѣрчиво раскрывавшимъ передо мною свою душу.

Рѣзкій ударъ грома, вдругъ раздавшійся совсѣмъ вблизи, протрезвилъ меня разомъ. Крупная дождевая капля упала ко мнѣ на руку, уже готовую было жадно протянуться къ молодой дѣвушкѣ и страстно обвить ея станъ.

— Пойдемте,—сказалъ я хриплымъ голосомъ.—Сейчасъ, кажется, разойдется не на шутку.

Бѣшеный ударъ вѣтра, хлестнувшій по деревьямъ, подтвердилъ мои слова. А самому себѣ, торопясь къ дому, я говорилъ между тѣмъ, какъ будто въ ревѣ поднявшагося вѣтра я слышалъ голосъ моей проснувшейся совѣсти,—я говорилъ себѣ, что поступаю какъ безумецъ, что утратилъ право на любовь этого ребенка. Нечистыя желанія, поднимавшіяся въ моей груди, я долженъ былъ подавить въ себѣ, заставить ихъ замолчать,—

вѣдь я былъ связанъ, и всякая попытка овладѣть сердцемъ Ксани была святотатственнымъ оскорбленіемъ ея чистоты, была измѣной и передъ Аглаей. О, еслибы милая дѣвушка, въ нѣмомъ удивленіи глядѣвшая теперь на меня, еслибы она могла догадаться, отчего такъ вдругъ измѣнилось мое лицо, еслибы она узнала правду... Съ какимъ бы она тогда негодованіемъ отвернулась, что за гордое, заслуженное презрѣніе я прочелъ бы въ ея глазахъ!.. А вѣтеръ бушевалъ все сильнѣе, поднимая цѣлую оргію звуковъ въ молчавшемъ передъ тѣмъ саду. Голубая молнія засверкала надъ нашими головами, на мигъ вѣтеръ затихъ, точно прислушиваясь, и сухой трескъ раздался тотчасъ, долгими раскатами повторяясь среди густыхъ тучъ.

— Ну, успѣли таки вò-время вернуться,—добродушно встрѣтилъ насъ Владиміръ Николаевичъ.—А мы ужъ за васъ безпокоились.

Прочіе не сказали ничего, но на ихъ лицахъ я прочелъ почти укоризненное удивленіе, словно всѣмъ имъ была извѣстна моя тайна, и то, чтò они считали возможнымъ, даже естественнымъ годъ назадъ, теперь стало чѣмъ-то почти преступнымъ. А во мнѣ уже складывалось рѣшеніе покончить второпяхъ съ дѣломъ и уѣхать черезъ какую-нибудь недѣлю. Я подошелъ къ хозяйкѣ дома и сталъ прощаться.

— Куда вы, въ такую погоду? Подождите!—вмѣшался Полянскій, удерживая меня.

— Да поздно становится,—извинялся я,—а у меня дома пропасть дѣла. Черезъ недѣлю я думаю уѣхать.

— Во-первыхъ,—улыбнулся Владиміръ Николаевичъ,—оттого, что вы у насъ лишнихъ полчаса останетесь, дѣла ваши не пострадаютъ, а во-вторыхъ, какъ же вы собираетесь уѣхать, —а земское собраніе?..

— До земскаго собранія цѣлый мѣсяцъ, а моя служба...

Я и не замѣтилъ, что Ксаня насъ слушаетъ.

— Полноте,—возразилъ Полянскій,—что за отговорка! Какая теперь служба! Знаемъ, чтò у васъ въ министерствѣ въ эту пору дѣлается. И послѣ того, чтò вы говорили вотъ сейчасъ на террасѣ, я, признаюсь, думалъ...

Въ его словахъ мнѣ послышался снисходительный, но чуть-чуть насмѣшливый укоръ, а тутъ какъ разъ мои глаза встрѣтились съ взглядомъ Ксани. Не одинъ укоръ, а прямое негодованіе читалось въ этомъ взглядѣ. И какъ ни говорилъ я себѣ за минуту передъ тѣмъ, что мы должны стать чужими другъ

для друга, мнѣ не хватало рѣшимости уѣхать, оставивъ въ ея душѣ дурное, почти презрительное мнѣніе о себѣ.

— Вы такъ краснорѣчиво доказывали,—настаивалъ Владиміръ Николаевичъ,—что земство наше хромаетъ отъ недостатка людей, что петербургская мишура беретъ у насъ все лучшее, молодое, а у насъ одна инвалидная команда остается. Не любезно, что и говорить, но правдиво... И что-жъ, это были одни слова?.. И вы, человѣкъ молодой и самостоятельный, хотите отлынивать? Повѣрьте, здѣсь на скромномъ нашемъ дѣлѣ настоящая служба родинѣ, а тамъ одна погоня за мѣстами да шитыми мундирами.

— Да я бы могъ уѣхать и вернуться,—попробовалъ я замаскировать свое отступленіе.

— Э, полноте! засосетъ васъ тамъ въ Петербургѣ, коли уѣдете, да и надо хорошенько имѣніемъ вашимъ позаняться.

— Двумъ господамъ служить нельзя, — вѣскимъ голосомъ вставилъ Ѳедоръ Кирилловичъ Буйносовъ, одинъ изъ самыхъ ревностныхъ земцевъ, вполнѣ еще сохранившій восторженныя иллюзіи шестидесятыхъ годовъ. — И сколько у насъ вопросовъ въ этомъ году поднято—агрономическій совѣтъ, попеченіе надъ сиротами, общество трезвости, богадѣльня... Грѣшно вамъ, грѣшно не принять участія.

Чувствительная, взволнованная нота въ голосѣ старика Буйносова мигомъ развѣяла мои возродившіяся земскія симпатіи. Такимъ ужъ сдѣлала меня природа, что малѣйшая приподнятость расхолаживаетъ меня тотчасъ, рѣжетъ мнѣ ухо какъ диссонансъ. Я готовъ былъ уже возразить въ насмѣшливомъ тонѣ, но удержался во-время. Такимъ отвѣтомъ я оскорбилъ бы не одного только Буйносова, но и Владиміра Николаевича, и возстановилъ бы противъ себя Ксаню. А чего грѣха таить—истинная причина моей готовности уступить настояніямъ Полянскаго было тайное, непобѣдимое желаніе еще повидаться съ молодой дѣвушкой, еще разъ опьянѣть отъ ея чудныхъ, лучистыхъ глазъ...

И сказавъ Владиміру Николаевичу, что я остаюсь до собранія, я принялся отыскивать Ксаню. Но ея уже не было въ комнатѣ, и въ этотъ вечеръ мы болѣе не видѣлись. Случилось такъ, что и въ слѣдующій мой пріѣздъ намъ разговориться не пришлось. Ей приходилось занимать какихъ-то невыразимо скучныхъ, какъ мнѣ показалось, мѣстныхъ барышень, наѣхавшихъ въ Заозерье цѣлой ордой. Да и почудилось мнѣ, что она будто намѣренно меня избѣгаетъ. Я внутренно взбѣсился, наговорилъ, бесѣдуя съ Вѣрой Сергѣевной, кучу ѣдкихъ замѣчаній насчетъ женскаго пола вообще и оставилъ Заозерье гораздо ранѣе обык-

новеннаго. Странное дѣло — совѣсть моя, такъ громко заговорившая было въ тотъ достопамятный вечеръ, замолчала совсѣмъ. Я зналъ очень хорошо, что Ксаня никогда не будетъ моей, что самая попытка овладѣть ея привязанностью была чѣмъ-то недостойнымъ, даже подлымъ. И все-таки я не могъ отказаться отъ ея зарождавшагося чувства, мнѣ неудержимо хотѣлось надышаться имъ, какъ запахомъ едва распустившагося цвѣтка. А какъ нарочно въ этотъ вечеръ, пріѣхавъ домой изъ Заозерья, я засталъ у себя письмо отъ Аглаи. Она звала меня назадъ, осыпая меня легкими, остроумными упреками, и въ увѣреніяхъ ея любви была какая-то особая тонкая смѣсь затаенной страстности и самоувѣреннаго кокетства. Съ раздраженіемъ я швырнулъ письмо въ корзинку подъ столомъ и почувствовалъ, что не только я ее не люблю, что во мнѣ поднимается отвращеніе къ этой женщинѣ, такъ умѣло, такъ хладнокровно примѣшивавшей извилистые узоры своего ума къ самымъ тайнымъ изліяніямъ чувства. „Изъ-за нея,—твердилъ я себѣ,—мнѣ надо пожертвовать этой милой дѣвушкой? Нѣтъ, нѣтъ“!..

Но жертвы принести мнѣ уже не приходилось. Еще разъ я побывалъ въ Заозерьѣ и Ксаню не засталъ дома. Черезъ недѣлю я опять возобновилъ свою поѣздку—осень тѣмъ временемъ наступила, и садъ, недавно еще такой волшебный, съ потемнѣвшей листвой густыхъ деревьевъ, съ теплыми, страстными августовскими ночами, уже подернуло пестрымъ ненавистнымъ мнѣ осеннимъ убранствомъ. И не въ одной природѣ, казалось, была осень. Ксаню я засталъ на этотъ разъ одну на той самой скамейкѣ, гдѣ мы разговорились въ тотъ незабвенный вечеръ.

Я замѣтилъ ее издали, еще подъѣзжая, и, соскочивъ съ лошади, вошелъ въ садъ. Она не поднялась ко мнѣ на встрѣчу и, взглянувъ на меня холодно и грустно, едва протянула мнѣ руку.

— Ксенія Павловна,—началъ я,—что за странная перемѣна въ вашемъ обращеніи? Сегодня я такъ счастливъ, что наконецъ застаю васъ одну, и вотъ...

Она остановила меня строгимъ взглядомъ и поднялась съ мѣста.

— Я не измѣнилась, я только узнала васъ лучше,—проговорила она тихо.

Я хотѣлъ что-то возразить, но она продолжала, и слова ея теперь полились быстро, горячо.

— Помните, что̀ вы говорили въ тотъ вечеръ на террасѣ, а потомъ повторяли мнѣ,—и что же? Нѣсколько минутъ спустя

все это было уже позабыто. Какъ хотите вы, чтобы вѣрили словамъ человѣка, которому такъ легко почти смѣяться надъ тѣмъ самымъ, о чемъ онъ говорилъ такъ горячо,—который...

Но теперь я ее остановилъ:

— Позвольте, Ксенія Павловна! Во-первыхъ, вы вините меня напрасно: вы видите, я остался,—во-вторыхъ...

Она пожала только плечами, усиленно покачавъ головой.

— Во-вторыхъ, — настаивалъ я,—если даже насчетъ земскихъ вопросовъ у меня впечатлѣнія бываютъ различны, это не можетъ касаться того, что̀ чувствую я къ людямъ, близкимъ мнѣ людямъ.

— О, нѣтъ,—страстно возразила она,—вопросы эти, какъ вы ихъ называете, тоже людей касаются, а кто въ собственныя мысли не вѣритъ, кто имъ не преданъ всей душой, на того положиться нельзя и во всемъ остальномъ. Я, положимъ, хорошенько не знаю земскаго дѣла и о немъ судить не могу, но чувствую я какъ-то, что надо относиться къ нему съ сердцемъ, или лучше не касаться его вовсе.

— Этотъ выговоръ я заслужилъ, — попробовалъ я отшутиться, — оттого, что собирался уѣхать ради исполненія долга службы?

Она покраснѣла и гнѣвно заблестѣли ея глаза.

— Полноте! Вы меня отлично понимаете. И теперь вы такъ же неискренни, какъ тогда, а я неискренности не прощаю.

Она отвернулась и быстрыми шагами пошла къ дому. Послѣдовать за ней, почувствовалъ я, было совсѣмъ невозможно.

„Дуракъ! — ударилъ я себя по лбу, — какъ нелѣпо я велъ этотъ разговоръ... А все-таки,—добавилъ я минуту спустя,— она любитъ меня и сердится не за какую-то мнимую измѣну земству, а попросту за то, что я хотѣлъ уѣхать".

Это соображеніе меня нѣсколько утѣшило, и медленными шагами я направился въ сторону дома.

К. Головинъ.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПРОБУЖДЕНІЕ

ИТАЛІИ

Италія переживаетъ въ настоящее время эпоху глубокихъ соціальныхъ и экономическихъ перемѣнъ; во всѣхъ областяхъ ея общественной жизни проявляется какъ бы приливъ свѣжихъ силъ и энергіи; бюджетное равновѣсіе, установившееся за послѣдніе три года, и которымъ ея правительство столь основательно гордится, стоило странѣ неимовѣрныхъ усилій. Непосильные налоги, во многихъ случаяхъ, истощили самые источники богатства и производительности страны, такъ что можно сказать, что стремленіе къ чисто финансовому благосостоянію (т.-е. равновѣсію бюджета) было однимъ изъ главныхъ препятствій для экономическаго возрожденія страны.

Италія считается страной, которая болѣе всякой другой въ Европѣ обременена налогами, и столь дорого пріобрѣтенное бюджетное равновѣсіе еще не успѣло значительно улучшить ея экономическое положеніе. Причина этого заключается, главнымъ образомъ, въ самомъ употребленіи государственныхъ рессурсовъ, изъ которыхъ значительная часть идетъ на уплату дефицита истекшаго періода.

Итальянскій бюджетъ доходитъ приблизительно до 1700 милл. лиръ, изъ которыхъ 800 милл. поглощаются процентами государственнаго долга, въ разныхъ его видахъ, въ томъ числѣ и пенсій, такъ что на государственныя надобности, а именно—на армію, флотъ, общественныя работы, администрацію, судебныя учрежденія, общественную безопасность и проч., остается всего только около 900 милл. лиръ. Эта сумма, по мнѣнію компе-

тентныхъ итальянскихъ писателей, совершенно недостаточна, вслѣдствіе чего, не взирая на бюджетъ въ 1700 милл. лиръ, самая строгая экономія соблюдается во всѣхъ отрасляхъ общественной жизни. Школы, клиники и медицинскія лабораторіи, общественныя библіотеки,—едва могутъ существовать. По словамъ сенатора Виллари, даже государственные архивы гніютъ въ подвалахъ за неимѣніемъ необходимыхъ средствъ на отведеніе имъ подходящаго помѣщенія.

Другая причина экономическаго упадка заключается въ несправедливомъ распредѣленіи и безъ того уже тяжелыхъ налоговъ, изъ которыхъ 50%, по увѣренію статистиковъ, падаетъ на классъ наиболѣе нуждающійся. Невозможно провѣрить совершенную точность указанной пропорціи, но во всякомъ случаѣ достовѣрно то, что очень часто предметы роскоши оказываются менѣе обложенными, чѣмъ предметы первой необходимости, какъ, напр., зерно, керосинъ, соль и сахаръ.

Учрежденіе „лото“ обходится публикѣ ежегодно въ 70 милл. лиръ, изъ которыхъ 27 милл. составляютъ чистый доходъ казны. Налогъ на соль приноситъ казнѣ отъ 50 до 60 милл. лиръ въ годъ. Квинталъ соли стоитъ казнѣ 1 лиру 60 сант., между тѣмъ какъ онъ обходится публикѣ въ 40 лиръ. Керосинъ, который обходится въ 17 лиръ квинталъ, продается за 65 лиръ. Ввозная пошлина на зерно поднялась съ 1 л. 60 с. за квинталъ до 7 л. 50 с. и даетъ казнѣ отъ 30 до 45 милл. лиръ дохода въ годъ, вслѣдствіе чего урожайный годъ нарушаетъ бюджетное равновѣсіе. Нѣкоторые итальянскіе экономисты, и между ними Панталеони, разсчитываютъ, что въ Италіи на каждаго жителя приходится 82 лиры податей, включая провинціальные и муниципальные налоги, причемъ самая тяжелая доля податей падаетъ на землевладѣльцевъ, платящихъ прямыми и косвенными налогами 40% своего чистаго дохода. Такое положеніе дѣлъ служитъ благопріятною почвою для возбужденія въ народѣ недовольства противъ правительства. Дѣйствительно, успѣшная пропаганда представителей самыхъ крайнихъ убѣжденій, парламентскій обструкціонизмъ, побѣда соціалистовъ на выборахъ 1900 г., бунты 1898 г., жертвами которыхъ пали многіе сборщики податей,—все это указывало на неотложную необходимость коренныхъ реформъ.

Министерство Цанарделли, сформированное въ самомъ началѣ настоящаго царствованія и состоящее, какъ извѣстно, изъ представителей „лѣвой“, было горячо привѣтствовано демократіей и народомъ и возбудило самыя радужныя надежды. Дѣйствительно,

новое правительство приняло на себя нелегкую задачу удовлетворить требованія новаго теченія и осуществить цѣлый рядъ реформъ и преобразованій въ пользу неимущихъ и рабочихъ классовъ.

Первая изъ этихъ реформъ, недавно одобренная парламентомъ (20 декабря 1901 г.) и сенатомъ (20 января 1902 г.), отмѣняетъ столь непопулярный муниципальный налогъ на муку, хлѣбъ и тѣсто. Убытокъ, причиненный этой мѣрой общинамъ и равняющійся приблизительно 30 милліонамъ лиръ, возмѣщается установленіемъ прогрессивнаго налога на наслѣдства.

Понятно, что 30 милл. лиръ, разложенныхъ на 36 милл. жителей, не могутъ дать большого облегченія, и цѣна хлѣба мало измѣнится; но здѣсь важенъ не практическій результатъ, а принципъ: облегченіе неимущихъ народныхъ массъ на счетъ болѣе богатаго населенія.

Насколько министерству Цанарделли удастся достигнуть дальнѣйшаго облегченія положенія рабочаго класса, будетъ зависѣть, съ одной стороны, отъ улучшенія финансоваго положенія Италіи, а съ другой—отъ замѣчаемаго съ нѣкотораго времени подъема экономическихъ силъ страны, проявившагося въ усиленномъ поступленіи существующихъ податей, въ оживленіи вывозной торговли и проч.

Бюджетъ,—говоритъ сенаторъ Виллари,—является зеркаломъ, въ которомъ отражается не только финансовое благосостояніе, но и соціальное и политическое положеніе страны; вслѣдствіе того слѣдуетъ въ особенности изучить бюджетъ, чтобы составить себѣ ясное понятіе о современномъ состояніи Италіи.

Говоря о финансовомъ положеніи Италіи, надо имѣть въ виду, что съ 1862 года, т.-е. со времени основанія королевства, ей пришлось обзавестись всѣмъ тѣмъ, что̀ уже существовало въ другихъ государствахъ, начиная съ желѣзныхъ дорогъ, портовъ, школъ и кончая арміей, торговымъ и коммерческимъ флотомъ.

Между тѣмъ, при незначительности государственныхъ имуществъ, налоги являются для Италіи чуть ли не исключительной доходной статьей, вслѣдствіе чего увеличеніе доходовъ очень ограничено.

Что же касается расходовъ, то они до послѣдняго времени все увеличивались, благодаря увеличенію процентовъ по долгу и расходовъ на армію и флотъ.

При такихъ неблагопріятныхъ условіяхъ нѣтъ ничего удивительнаго, что Италія до самаго послѣдняго времени не могла

достичь равновѣсія въ бюджетѣ; громадные дефициты покрывались все возрастающими налогами и распродажей государственныхъ имуществъ или же увеличеніемъ долга, доходящаго теперь до суммы 13 милліардовъ лиръ.

Главный налогъ въ итальянской финансовой системѣ составляетъ подоходный налогъ на движимое имущество, который и пришлось увеличить въ 1894 г. съ 13,20 до 20%; этому же возвышенію подвержена и государственная рента, приносящая теперь 4% вмѣсто пяти.

Этотъ налогъ напоминаетъ англійскій income tax, превышая его однако въ четыре раза даже послѣ того, какъ по случаю трансваальской войны income tax былъ поднятъ съ 8 пенсовъ до 1 шиллинга за фунтъ стерлинговъ.

Въ Италіи нѣтъ значительнаго увеличенія національнаго богатства, какъ въ Англіи, Франціи, Германіи, гдѣ, по разсчету Тери, богатство увеличивается въ пропорціи 3500, 2500 и 2000 милліоновъ франковъ въ годъ. По разсчету профессора Панталеони, національное богатство Италіи съ 1874 по 1898 г. увеличилось на 10 милліардовъ, т.-е. на 400 милліоновъ въ годъ. Одна изъ причинъ этой бѣдности, безъ сомнѣнія, заключается въ чрезмѣрномъ увеличеніи податей.

Такъ, общинныя пошлины возвысились съ 1871 до 1895 г. съ 71 милліона до 152 милл., провинціальныя же пошлины увеличились съ 57 милл. въ 1871 г. до 86 милл. въ 1895 г.

Провинціальные и общинные долги тоже увеличились:

Въ 1877 г. . . .	855 милліоновъ.
„ 1882 „ . . .	900 „
„ 1888 „ . . .	1147 „
„ 1891 „ . . .	1290 „
„ 1900 „ . . .	1600 „
„ 1901 „ . . .	1620 „

Съ 1872 по 1900 г. сумма податей, приходящаяся на каждаго плательщика, возвысилась съ 31 лиры до 66 лиръ, т.-е. больше чѣмъ вдвое, а имущественное состояніе почти не измѣнилось.

Изъ доклада Рафаэля Жоржа Леви [1]), представленнаго въ 1900 г. конгрессу политическихъ наукъ въ Парижѣ, видно, что Англіи принадлежитъ первое мѣсто по количеству взимаемыхъ

---

[1]) Des tendances nouvelles de la législation fiscale en Europe depuis 50 ans (Paris, 1901).

прямыхъ налоговъ, равняющихся 700 милл. франковъ. Затѣмъ слѣдуетъ Франція съ 508 милл. Третье мѣсто принадлежитъ Италіи съ 482 милл., которые составляютъ 30% ея доходовъ, т.-е. пропорцію, далеко превышающую силы страны. Въ Россіи прямой налогъ приноситъ всего 320 милл. франковъ, а въ Пруссіи—202 милл. Соединенные Штаты и Германская имперія не имѣютъ вовсе прямыхъ налоговъ.

Если къ прямымъ налогамъ прибавить налоги на сдѣлки и по наслѣдству, то оказывается, что имущество, движимое и недвижимое, доставляетъ во Франціи 40% всего бюджетнаго дохода, 36% въ Англіи и 43% въ Италіи.

Таможенные доходы доставляютъ одну треть американскаго бюджета, и приблизительно 500 милл. франковъ во Франціи, Россіи, Германіи и въ Англіи. Въ Италіи—234 милл. франковъ.

Налоги на потребленіе составляютъ почти одну треть американскаго бюджета, одну треть англійскаго бюджета, приблизительно четвертую часть русскаго и французскаго, 1/6 германскаго (375 м.) и только 1/16 итальянскаго (107 милл. фран.).

Что же касается государственныхъ монополій, то въ Англіи и Америкѣ ихъ вовсе нѣтъ; онѣ приносятъ самую высокую сумму въ Россіи — 500 милл. франковъ, за ней слѣдуетъ Франція—436 милл., и Италія, съ огромной для нея суммой—329 милл. франк. (игра въ лото, табакъ, соль).

Общественныя учрежденія (почта, телеграфъ, государственныя желѣзныя дороги), приносящія столь огромныя суммы въ Пруссіи (1397 милл.), въ Россіи (880 милл.), въ Америкѣ (500 м.), въ Италіи не превышаютъ суммы 94 м. франковъ.

Государственныя имущества приносятъ 418 милл. въ Россіи, 266 м. въ Пруссіи и 95 м. въ Италіи.

Кромѣ непосильной тяжести налоговъ, общему неудовольствію способствуетъ неравномѣрное ихъ распредѣленіе въ различныхъ областяхъ королевства и вытекающая изъ этого политическая и экономическая вражда между южной и сѣверной Италіей.

Болѣе богатая сѣверная часть Италіи — край вполнѣ промышленный, между тѣмъ какъ жители южной Италіи почти исключительно занимаются сельско-хозяйственной культурой.

Мелкій сельскій хозяинъ жалуется на протекціонную политику правительства, которая, говоритъ онъ, служитъ только интересамъ крупныхъ поземельныхъ собственниковъ и промышленниковъ. Впрочемъ, совершенно вѣрно, что искусственно повышенная цѣна на зерно не представляетъ никакой выгоды мелкому хозяину, который производитъ лишь настолько, насколько это

требуется для собственной надобности, а между тѣмъ, вслѣдствіе промышленнаго протекціонизма, ему приходится приплачивать, покупая свои рабочіе инструменты, одежду и проч.

Землевладѣльцы тоже недовольны тѣмъ, что налогъ на движимое имущество (richezza mobile), очень обременительный въ Италіи, даетъ извѣстныя льготы классу мелкихъ промышленниковъ и профессіоналистовъ.

Такимъ образомъ доходъ ниже 533 лиръ, вырученный отъ торговли или промышленности, освобожденъ отъ налога, а если доходъ этотъ менѣе 1.060 лиръ, то къ нему примѣняется налогъ въ уменьшенномъ размѣрѣ. Профессіональные доходы до 640 лиръ освобождены совсѣмъ отъ налога; съ тѣхъ же доходовъ; но не превышающихъ 1.280 лиръ, платится уменьшенный налогъ.

Въ противоположность этому доходы съ земледѣлія, хотя и несутъ громадные налоги, не пользуются ни исключеніями, ни какими-либо льготами.

Къ тому же еще одно обстоятельство не даетъ успѣшно развиться земледѣлію, а именно: капиталы, употребленные на земледѣліе, доставляютъ лишь ничтожныя выгоды, вслѣдствіе чего они направляются къ промышленному сѣверу, гдѣ они находятъ себѣ болѣе прибыльное помѣщеніе, или же употребляются на пріобрѣтеніе государственной ренты, дающей чистыхъ 4% безъ приложенія труда.

Конечнымъ результатомъ всего этого является постепенное исчезновеніе мелкихъ землевладѣльцевъ, которые могли бы составить силу въ Италіи, а также и эмиграція земледѣльцевъ. Правительство съ каждымъ годомъ увеличиваетъ число принудительныхъ продажъ съ молотка участковъ земли изъ-за несвоевременнаго платежа налога, часто не превышающаго суммы отъ 2-хъ до 5-ти лиръ.

До какой степени неравномѣрно распредѣленіе податей, можно судить по изслѣдованію депутата Панталеони о народномъ богатствѣ Италіи. Изъ этого труда видно, что сѣверная Италія владѣетъ 48% всего богатства, а между тѣмъ она платитъ только 40% налоговъ; центральная Италія обладаетъ 25% общаго богатства и платитъ 28% налоговъ и пошлинъ; наконецъ, южная Италія владѣетъ 27% всего народнаго богатства, а между тѣмъ платитъ 32% налоговъ.

Если эти цифры вѣрны, въ чемъ сомнѣваться нѣтъ основанія, то неудивительно, что недовольство въ нѣкоторыхъ частяхъ государства принимаетъ тревожные размѣры.

Слѣдуетъ, однако, сказать, что вопреки всѣмъ этимъ препятствіямъ за послѣднее время замѣчается улучшеніе въ экономическомъ положеніи страны.

Италія имѣла благоразуміе перемѣнить свою внѣшнюю политику и отказаться отъ проектовъ грандіозной африканской колонизаціи; она уменьшила расходы на армію съ 319 милл. въ 1887—1888 г. до 274 милл. въ 1900—1901; правда, что расходы на флотъ за этотъ періодъ времени увеличились, съ 91 милл. до 109 милл., но общая сумма расходовъ на эти два вѣдомства уменьшилась въ теченіе этихъ двѣнадцати лѣтъ, что̀ по нынѣшнимъ временамъ представляетъ достопримѣчательный фактъ.

Итальянскіе государственные дѣятели согласны, что можно будетъ еще достичь не мало экономій, сокращая нѣкоторые менѣе необходимые расходы въ различныхъ вѣдомствахъ; но надо замѣтить, что хотя бюджетный доходъ колебался за послѣдніе годы между 1.600 и 1.700 милл. лиръ, эта сумма не представляетъ большой эластичности, такъ какъ половина ея (48%) идетъ на покрытіе долговъ, вслѣдствіе чего для различныхъ министерствъ остается всего 800 или 900 милл. лиръ. Суммы, предназначенныя для всѣхъ вѣдомствъ,—вообще небольшія; такъ напримѣръ: на народное просвѣщеніе отъ 40 до 45 милл., на юстицію отъ 30 до 35 милл., на министерство земледѣлія, торговли и промышленности 12 милл. только. Самый обременительный бюджетъ приходится на вѣдомства арміи и флота, составляющій вмѣстѣ въ среднемъ 370 милл. лиръ. Нечего и говорить, что бюджетъ 1.700 милл. лиръ для страны въ 33 милл. жителей съ государственнымъ долгомъ въ 13 милліардовъ оказывается несоразмѣрнымъ; но, какъ видно, изъ вышесказаннаго, только половина этой громадной суммы остается въ распоряженіи правительства на нужды страны. Неудивительно, что при громадныхъ издержкахъ, которыя Италіи пришлось нести для своего объединенія, и при неблагопріятныхъ условіяхъ, которыя она унаслѣдовала отъ бывшихъ самостоятельныхъ итальянскихъ государствъ, ей было трудно достичь равновѣсія бюджета. Однако уже четыре года оно кажется твердо установившимся.

Сенаторъ Камбре-Дини доказываетъ въ своей исторіи итальянскаго бюджета [1]), что бюджетныя недоимки, повторяющіяся почти безъ промежутка съ 1862 до 1896 г., однѣ увеличили общественный долгъ на 3.800 милліоновъ лиръ.

---

¹) Atti Parlamentari. Senato, 6 giugno 1899.

Притомъ большая часть этихъ займовъ сдѣлана въ тяжелый для правительства періодъ 1860—1870 г. и на неблагопріятныхъ и даже ростовщическихъ условіяхъ. Министръ Квинтинно Селла объявилъ въ 1873 г. палатамъ, что для того, чтобы получить съ 1862 до 1872 г. 2.691 милл. лиръ, государство приняло обязательства на сумму 3.852 милл., изъ чего слѣдуетъ, что 1.161 милл. составили коммиссіонный процентъ и премію заимодавцамъ. Сенаторъ Камбре-Дини утверждаетъ въ вышеупомянутомъ трудѣ, что эти коммиссіонныя и преміи составляютъ часть государственнаго долга въ два милліарда лиръ, т.-е. 15,37%.

При такихъ разорительныхъ займахъ вполнѣ понятно, что забота объ устойчивости бюджетнаго равновѣсія сдѣлалась главной цѣлью итальянскихъ правительствъ и что раньше достиженія этой цѣли не могло быть рѣчи о необходимыхъ податныхъ реформахъ.

Съ 1862 г. итальянское правительство должно было бороться съ небывалыми затрудненіями, и дефициты сдѣлались хроническимъ явленіемъ; одинъ лишь 1874 г. представляетъ исключеніе, но послѣ него рядъ дефицитовъ длился безпрерывно до самаго послѣдняго времени.

Годъ 1898—1899 предвѣщалъ наконецъ, по выраженію бывшаго министра казначейства Рубини, новое возрожденіе; онъ окончился съ избыткомъ доходовъ надъ расходами въ 16 милліоновъ лиръ, но надо замѣтить, что въ этотъ годъ вошли въ счетъ чрезвычайные доходы, полученные отъ отчужденія имуществъ.

Еще лучшимъ представляется финансовый годъ 1899—1900, съ избыткомъ лишь въ 5 милл., но уже безъ чрезвычайныхъ доходовъ. Наконецъ, 1900—1901 г. представляетъ чистый избытокъ въ 41 милл. лиръ.

По предварительнымъ смѣтамъ на 1901—1902 и 1902—1903 г. предвидятся излишки въ 13 и 14 милл. лиръ [1]).

Такое положеніе дѣлъ получаетъ еще бо́льшее значеніе, если замѣтить, что итальянскій бюджетъ въ противоположность бюджетамъ другихъ, болѣе богатыхъ странъ, покрываетъ обыкновенными дѣйствительными доходами не только всѣ обыкновенные и чрезвычайные расходы, но также расходы на постройку желѣзныхъ дорогъ и погашеніе срочныхъ долговъ. За 1900—1901 г. эти обыкновенные доходы покрыли также расходы на китайскую войну.

Если принять еще во вниманіе, что за три года Италія не

---

[1]) Esposizione finanziaria del Ministro del Tesoro, Di Broglio. 30 Novembre 1901.

сдѣлала новыхъ долговъ и что, наоборотъ, она погасила на 113 милліоновъ желѣзнодорожныхъ, срочныхъ и казначейскихъ долговъ, то надо признать, что ея финансы приняли весьма устойчивый характеръ, и можно согласиться съ министромъ казначейства, что равновѣсіе бюджета обезпечено на долгое время.

Но какой цѣной пришлось Италіи заплатить за столь блестящее финансовое хозяйство? Тѣмъ, что ея плательщики обременены самымъ высокимъ податнымъ обложеніемъ во всемъ цивилизованномъ мірѣ.

Бывшій министръ Рубини говоритъ въ своей финансовой „экономіи" 1900 года (какъ въ Италіи называютъ пояснительную записку къ государственной росписи) [1]), что въ связи съ общей суммой росписи государственный долгъ Италіи тяжелѣе, чѣмъ долгъ какой-либо другой страны. Притомъ итальянскій бюджетъ— самый большой въ сравненіи съ національнымъ богатствомъ.

По изслѣдованію министерства финансовъ изъ реестровъ прямыхъ налоговъ и по оцѣнкамъ видно, что національный доходъ равняется 3.400 милл. въ годъ, изъ которыхъ государственный долгъ поглощаетъ:

	На каждаго жителя.	% всѣхъ расходовъ.
Въ Италіи	25.50 л.	48.50 л.
Во Франціи	32.90 „	36.70 „
Въ Англіи	20.70 „	28.50 „
„ Германіи.	18.10 „	22.20 „
„ Австріи	21.90 „	33.50 „

Нѣтъ сомнѣнія, что изъ всѣхъ повинностей самыя тяжелыя для плательщиковъ—тѣ, которыя предназначаются на уплату долговъ. Налоги, идущіе на покрытіе общественныхъ надобностей, отражаются видимымъ образомъ и возвращаются плательщикамъ въ видѣ ссудъ, всякихъ удобствъ, общественныхъ работъ и пр. Но то, что̀ платится за долги, возвращается населенію крайне медленно и нечувствительно, а если платится за границу, то вовсе не возвращается.

Послѣдній финансовый годъ, т.-е. 1900—1901, окончился съ излишкомъ въ 41.234.451 лиръ 31 с., тогда какъ предварительная смѣта предвидѣла, наоборотъ, дефицитъ въ 7 милліоновъ (7.460.790 л. 34 с.).

---

[1]) Esposizione finanziaria del Ministro del Tesoro, Rubini, 2 Dicembre 1900.

Это значительное улучшеніе зависѣло отъ уменьшенія предполагаемыхъ расходовъ и еще болѣе отъ увеличенія доходовъ.

Въ общемъ окончательныя цифры даютъ:

Дѣйствительные	расходы . .	1.710.625.864.11
„	доходы . . .	1.751.860.315.42
	Излишекъ .	41.234.451.31

Итальянское казначейство, хотя находится еще въ очень серьезномъ положеніи, не могло не воспользоваться улучшеніемъ финансовъ; за послѣдніе три года оно уменьшило свой пассивъ на 61 милл. лиръ.

30-го іюня 1898 г. пассивъ кассы доходилъ до 418.637.299.28 лиръ, а 30-го іюня 1901 г. онъ составляетъ уже только 357.531.410.86 лиръ.

Эмиссіонные банки, т.-е. имѣющіе право выпускать кредитные билеты, какъ видно изъ отчета ревизіонной коммиссіи, также достигли хорошихъ результатовъ. Законъ 1890 г. ставитъ предѣломъ обращенію кредитныхъ билетовъ сумму 1.097 милл. лиръ и устанавливаетъ годичное уменьшеніе этой суммы; и дѣйствительно, перваго января 1902 г. это уменьшеніе достигло 134-хъ милліоновъ лиръ, такъ что въ обращеніи находятся всего 963 милліона.

Всѣ три эмиссіонные банка располагаютъ металлическимъ резервомъ въ 630 милл. лиръ, изъ которыхъ 530 милл. лиръ золотомъ и 50 м. серебромъ, т.-е. почти 50% общаго количества кредитныхъ билетовъ.

Благополучный ходъ итальянскихъ финансовъ вмѣстѣ съ улучшеніемъ международнаго денежнаго рынка повліялъ на курсъ ренты. Съ ноября 1900 г. она поднялась на 5 процентовъ на парижской биржѣ, доходя съ фр. 94.92 до фр. 100.05.

Ажіо на лиру значительно уменьшилось и колеблется теперь около 2¼%.

Интересное явленіе представляетъ также выкупъ и возвращеніе въ Италію государственной ренты, принимающій характеръ постояннаго помѣщенія національныхъ сбереженій. Въ 1899—1900 г. было уплачено за границу 73 милл. процентовъ по государственной рентѣ, а въ 1900—1901 г. только 65 милліоновъ,—значитъ, меньше на 8 милліоновъ, что̀ соотвѣтствуетъ приблизительно 160 милл. капитала, возвратившагося въ Италію.

Финансовое улучшеніе, только-что разсмотрѣнное, хотя и представляетъ собою фактъ весьма благопріятный по своему непосредственному вліянію на общее хозяйство, однако не даетъ права заключать объ улучшеніи экономическаго состоянія страны, какъ непремѣнномъ его послѣдствіи.

Италія слишкомъ истощена, чтобы экономическое пробужденіе могло проявиться сразу; но нѣтъ сомнѣнія, что ея производительныя силы увеличиваются и что она подвигается на пути прогресса не особенно скорыми, но зато вѣрными шагами.

Земледѣльцы улучшили примитивныя, устарѣвшія системы обрабатыванія земли и присоединили къ главнымъ производствамъ нѣкоторыя второстепенныя, вслѣдствіе чего вывозъ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ увеличился. Такъ, напримѣръ, вывозъ апельсиновъ и лимоновъ (agrumi) дошелъ въ теченіе 20 лѣтъ отъ 900.000 до 2.400.000 лиръ. Вывозъ фруктовъ, цвѣтовъ и зелени увеличился тоже съ 25 до 81 милл. лиръ.

Приготовленіе оливковаго масла дѣлается теперь гораздо аккуратнѣе, нежели прежде, что̀ много способствуетъ его сбыту на иностранныхъ рынкахъ.

Въ теченіе 10 лѣтъ привозъ земледѣльческихъ машинъ успѣлъ увеличиться съ 1 до 4 милліоновъ лиръ, несмотря на довольно значительное національное производство.

Болѣе 50-ти фабрикъ доставляютъ на 30 милліоновъ лиръ химическихъ удобреній, что̀ является несомнѣннымъ доказательствомъ начинающейся интенсивной культуры. Коннозаводство и шелководство также развиваются, а вывозъ и привозъ рогатаго скота уравновѣшивается.

Не мало способствовали улучшенію земледѣлія устройство переносныхъ агрономическихъ каѳедръ (Catedre ambulante) и мелкихъ взаимокредитныхъ кассъ, большей частью типа Райффейзена.

Вопросъ о земледѣльческомъ кредитѣ, однакоже, еще далеко не рѣшенъ, и недостатокъ въ капиталахъ даетъ себя сильно чувствовать. По увѣренію землевладѣльцевъ, единственная протекція, оказанная сельскому хозяйству, это—высокая ввозная пошлина на пшеницу (7 лиръ 50 сантимовъ съ квинтала, т.-е. 46.073 копѣекъ съ пуда), которой впрочемъ, по всей вѣроятности, не долго суждено оставаться въ дѣйствіи.

Въ настоящее время происходитъ сильная агитація въ пользу уменьшенія ввозной пошлины на хлѣбъ, и законъ, только-что одобренный палатами, объ отмѣнѣ общинныхъ налоговъ на муку

и хлѣбъ, можетъ считаться важнымъ шагомъ, сдѣланнымъ въ этомъ направленіи.

Весьма возможно, что подъ вліяніемъ общественнаго давленія палатамъ придется въ скоромъ времени переработать таможенный тарифъ и понизить ставки на товары, имѣющіе, какъ, напр., хлѣбъ, прямое отношеніе къ народному продовольствію.

Но если итальянское правительство мало сдѣлало въ пользу земледѣлія, то оно не такъ поступило съ промышленностью. Тарифъ 1887 г., въ высшей степени покровительственный, способствовалъ быстрому развитію промышленности, такъ что Италія теперь сама производитъ значительную часть необходимыхъ ей мануфактурныхъ издѣлій и сильно увеличила свой вывозъ за границу.

О ростѣ промышленности можно судить до извѣстной степени по увеличенію количества ввозимаго угля: въ 1878 г. ввезено 1 1/з милліона тоннъ; въ 1895 г.—4 милліона, а въ 1900—5 милліоновъ.

Отсутствіе угольныхъ копей въ Италіи и необходимость полученія угля изъ-за границы, конечно, тормазило развитіе промышленности; но съ нѣкотораго времени итальянцы стали примѣнять къ производству силу такъ называемаго бѣлаго угля, то-есть гидравлическую силу многочисленныхъ водопадовъ и горныхъ потоковъ, которыми Италія изобилуетъ. По оффиціальнымъ даннымъ 1-го января 1899 г., были приведены въ дѣйствіе болѣе 300.000 пар. лошадей гидравлической силы, и недавно былъ представленъ палатамъ проектъ объ утилизаціи 30 тысячъ пар. лош. для электрической тяги между Римомъ и Неаполемъ.

Бывшій министръ Коломбо [1]) увѣряетъ, что при нынѣшнемъ развитіи электротехники Италія можетъ добыть изъ своихъ водъ нѣсколько милліоновъ пар. лошад. силъ.

Металлургическая промышленность сдѣлала необыкновенные успѣхи. Матеріалъ для металлическихъ строеній и мануфактуръ болѣе не привозится изъ-за границы, а приготовляется въ сталелитейныхъ заводахъ Терни, Вобарно, Сестри-Поненте и въ другихъ заводахъ Ривьеры и Тосканы.

Еще недавно Италія принуждена была заказывать въ Англіи и другихъ государствахъ артиллерійскія орудія, броненосцы и другія военныя суда. Теперь же верфи Ансалдо, Одеро, Орландо, заводы Армстронга въ Поццуоли и Шварцкопфа въ Венеціи вполнѣ ее освободили отъ иностраннаго производства и могутъ сопер-

---

[1]) Nuova Antologia, 1 ottobre 1898.

ничать съ самыми лучшими англійскими, французскими и нѣмецкими заводами.

Болѣе десяти лѣтъ Италія не обращалась къ иностраннымъ фирмамъ за поставкой желѣзнодорожнаго матеріала. Одна миланская фабрика „Бреда" изготовила въ эти послѣдніе годы 15.200 тоннъ локомотивовъ, изъ которыхъ 3.350 были вывезены за границу (между прочимъ 42 локомотива въ Румынію и 28 въ Данію).

То же можно сказать о производствѣ паровыхъ машинъ; въ теченіе десяти лѣтъ въ Италіи почти прекратился ихъ ввозъ и даже одна фабрика въ Леньяно вывезла 140 машинъ на 30.000 пар. лошад. силъ, изъ которыхъ 5.000 въ Россію.

Та же фабрика снабдила машинами (системы Този) заводы электрическаго освѣщенія городовъ Буэносъ-Айресъ, Сантъ-Яго, Каира, Мельбурна, Берлина и Вѣны.

Но самые большіе успѣхи сдѣлала прядильная промышленность. Между 1878 и 1899 г. привозъ пеньковыхъ и льняныхъ тканей упалъ съ 13 милліоновъ до 297 тысячъ лиръ, тогда какъ ихъ вывозъ увеличился въ 8 разъ.

Дешевыя бумажныя матеріи различныхъ сортовъ вывозятся приблизительно на 50 милліоновъ въ годъ, особенно въ южную Америку, Египетъ и Малую Азію. Общая стоимость производства бумажныхъ тканей оцѣнивается въ 300 милліоновъ въ 1900 году противъ 58 милліоновъ въ 1880 году.

Что же касается шелковыхъ матерій, то до 1890 года привозъ ихъ превышалъ вывозъ, а начиная съ 1891 г. происходитъ противоположное. Такъ, напримѣръ, въ 1894 г. излишекъ вывоза надъ привозомъ составилъ 141.000 килограммовъ, а въ 1900—уже 746.000 килограммовъ.

Съ нѣкотораго времени итальянцы принялись за производство сахара и уже доставляютъ двѣ трети всего національнаго потребленія на сумму въ 20 милліоновъ лиръ.

Въ первой части этой статьи мы обратили вниманіе на поднятіе цѣнъ итальянскихъ бумагъ, на выкупъ части національной ренты, находящейся за границей, такъ же какъ и на увеличеніе доходности податей.

Всѣ эти явленія имѣютъ безспорное значеніе, но чтобы имѣть право утверждать, что экономическое состояніе народа дѣйствительно сдѣлало большіе успѣхи, требуются еще другія косвенныя доказательства.

Такъ, напримѣръ, параллельно съ увеличеніемъ доходности податей было бы важно констатировать увеличеніе народныхъ потребленій, такъ какъ количество кофе, сахара, мяса, потребленное народомъ, представляетъ вѣрное мѣрило его благосостоянія.

Къ сожалѣнію, въ Италіи количество народнаго продовольствія не повышается. Въ десятилѣтіе 1871—1880 гг. среднее потребленіе сахара на каждаго жителя было килограммовъ 2,914, а кофе—килограммовъ 0,467; въ десятилѣтіе 1881—1900 г. они возвысились до килограммовъ 3,501 для сахара и 0,509 для кофе. Зато въ послѣднее десятилѣтіе потребленіе сахара упало до килограм. 2,635 и кофе до 0,423.

Эмиграція тоже представляетъ собой довольно вѣрное указаніе на степень народнаго благосостоянія, и значительное ея уменьшеніе, чего въ Италіи не наблюдается, доказало бы улучшеніе условій жизни.

Возможно привести еще много фактовъ, говорящихъ въ пользу или противъ экономическаго пробужденія Италіи, но въ общемъ нѣтъ сомнѣнія, что нѣкоторое улучшеніе уже достигнуто. Италія вышла изъ особеннаго затруднительнаго положенія, и главная задача ея правительства состоитъ въ упроченіи настоящаго положенія дѣлъ и постепенномъ проведеніи обѣщанныхъ фискальныхъ реформъ въ пользу трудящихся классовъ населенія.

Въ недавно вышедшемъ этюдѣ извѣстный писатель Колаяни [1]) старается выяснить причины, повліявшія на подъемъ національной экономіи. По его мнѣнію, представляется страннымъ и даже непостижимымъ то, что проявившееся улучшеніе могло быть достигнуто при существующей податной системѣ, не только обременительной въ отношеніи объема податей, но и крайне несправедливой въ ея распредѣленіи.

Фактъ этотъ только доказываетъ трудоспособность и необыкновенную выносливость итальянскаго народа.

Ярые протекціонисты утверждаютъ, что теперь собираются плоды протекціоннаго тарифа, введеннаго въ 1887 году, и хотя это кажется очень сомнительнымъ, но отрицать это нѣтъ, повидимому, возможности, такъ какъ таблицы коммерческихъ статистикъ содержатъ факты, способные смутить самыхъ увѣренныхъ приверженцевъ свободы торговли.

Увеличеніе коммерческихъ оборотовъ, и въ особенности вы-

---

[1]) Napoleone Colajanni. „Il problema finanziario in Italia“. Roma 1900.

воза, даетъ несомнѣнный признакъ экономическаго пробужденія страны и является вмѣстѣ и причиной и слѣдствіемъ его.

Сравнивая сумму коммерческихъ оборотовъ 1900 года въ три милліарда лиръ съ суммой оборотовъ 1870 г., немного превышающей полтора милліарда, получается разница почти въ 100%.

Вывозъ въ 1866 г. равнялся 600 милл. лиръ, а въ 1899 году достигъ 1431 милл., что составляетъ довольно высокую пропорцію увеличенія даже въ сравненіи съ другими болѣе культурными странами.

Вывозъ Соединенныхъ Штатовъ, по даннымъ профессора Сабатини [1]), былъ 1400 милл. лиръ въ 1866—67 г., а уже 6270 милл. лиръ въ 1897—98 г.; Германіи: 2866 милл. лиръ въ 1874 г.,—4650 милл. въ 1898; Россіи 594 милл. лиръ въ 1866 г.,—1878 милл. въ 1899 г.; Голландіи: 714 милл. лиръ въ 1867,—3100 м. въ 1897; Бельгіи 650 милл. въ 1866,—1652 милл. въ 1898 году.

Чтобы составить себѣ болѣе точное понятіе о промышленномъ положеніи Италіи среди другихъ государствъ, полезно будетъ сравнить сумму вывоза съ числомъ населенія. Оказывается, что въ Италіи въ 1898 г. на каждаго жителя приходится 38 лиръ вывоза.

Ниже Италіи, по тѣмъ же источникамъ, представляется одна Россія, вывозившая въ 1898 г. 15 лиръ на каждаго жителя. Первое мѣсто въ этомъ отношеніи принадлежитъ Голландіи—735 лиръ; потомъ слѣдуютъ Бельгія—260 лиръ; Швейцарія 237 лиръ; Англія—186; Германія 98; Франція 92; Испанія 53 лиры.

Въ будущемъ году кончается срокъ коммерческихъ трактатовъ, связывающихъ Италію съ важнѣйшими для ея торговли государствами. Отъ возобновленія ихъ или отъ измѣненія ихъ сущности будетъ зависѣть дальнѣйшій ходъ ея коммерческой дѣятельности; но можно предположить, что въ рѣшеніи итальянскаго правительства будутъ играть роль соображенія не только чисто экономическія, но также и политическаго свойства.

Новая тарифная политика Германіи можетъ составить поворотный пунктъ въ исторіи коммерческой политики Европы, и группировка державъ въ ближайшемъ будущемъ будетъ имѣть громадное вліяніе на развитіе отдѣльныхъ странъ.

При нынѣшнихъ, почти во всѣхъ государствахъ принятыхъ

---

[1]) Leopoldo Sabbatini. „Per le nostre esportazioni", Milano 1900.

протекціонныхъ тарифахъ, успѣхъ коммерческихъ оборотовъ находится въ зависимости не только отъ производительности страны, но тоже и отъ торговыхъ договоровъ.

Покровительственная система, примѣняя къ иностраннымъ продуктамъ высокія таможенныя пошлины, можетъ въ скоромъ времени создать національную промышленность тамъ, гдѣ ея прежде не было. Однако нѣтъ сомнѣнія, что принципъ покровительства, то-есть искусственное поощреніе производства, хотя и санкціонированъ такимъ блестящимъ примѣромъ, какъ небывалый экономическій ростъ Соединенныхъ Штатовъ, не огражденъ отъ большихъ опасностей, временныхъ кризисовъ перепроизводства и тому подобныхъ разочарованій.

Правительство, рѣшившееся на покровительственную политику, должно быть поддержано дружными усиліями всей страны, безъ чего самый блестяще задуманный планъ не можетъ придти къ нормальному осуществленію.

Италія, какъ видно изъ вышесказаннаго, несмотря на всевозможные кризисы, на удручающее податное обложеніе и на громадные расходы, которые ей пришлось перенести, даетъ примѣръ бодрости, выносливости и, главное, самонадѣянности, безъ которыхъ ея начинающееся экономическое возрожденіе не могло бы быть доведено до конца.

Покойный итальянскій посолъ въ Лондонѣ, баронъ Де-Рензисъ, въ рѣчи, произнесенной на банкетѣ торговой палаты, слѣдующимъ образомъ обрисовалъ современное положеніе: „Теперь уже нѣтъ болѣе націй воинственныхъ и націй мирныхъ, нѣтъ болѣе націй доблестныхъ и націй скромныхъ; теперь имѣются лишь народы, которые работаютъ, и народы, которые не работаютъ. Первымъ принадлежитъ будущность, вторымъ же предстоитъ быстрый упадокъ“. Въ томъ, что итальянцы принадлежатъ къ работающимъ народамъ, нѣтъ сомнѣнія, но главнымъ препятствіемъ къ ихъ быстрому экономическому возвышенію служитъ ихъ непомѣрное податное обложеніе.

По этому поводу Р. Штурмъ говоритъ, что итальянская податная система можетъ вызвать, по своей простотѣ и ясности, восхищеніе съ теоретической точки зрѣнія, но что въ примѣненіи она перестаетъ удовлетворять своихъ сторонниковъ. Этой системѣ недостаетъ самаго жизненнаго условія фискальной политики: она слишкомъ неподвижна и не обладаетъ свойствомъ естественнаго, прогрессивнаго прироста. Дѣйствительно, ежегодное увеличеніе податныхъ доходовъ гораздо незначительнѣе, нежели въ другихъ странахъ; такъ, напр., налоги на потребленіе

увеличились въ теченіе пятнадцати лѣтъ всего на 50 милліоновъ лиръ.

Преслѣдуя во что бы то ни стало одну цѣль—равновѣсіе бюджета, правительство не только исчерпываетъ источники богатства, но вызываетъ и усиливаетъ неудовольствіе бѣднѣйшаго населенія, что̀ можетъ въ свою очередь сдѣлаться большой опасностью для финансовъ. Дѣло доходитъ до того, что финансовое благосостояніе государства противопоставляется экономическому, тогда какъ обѣ стороны національнаго хозяйства должны бы содѣйствовать, помогая одна другой, осуществленію соціальнаго идеала—всеобщаго народнаго благосостоянія и благоустройства.

Сенаторъ Пиза [1]) говоритъ, что тогда какъ во всѣхъ цивилизованныхъ государствахъ старались осторожными и постепенными реформами облегчить податное бремя бѣднаго населенія, перенося эту тяжесть на имущіе классы, въ Италіи установилось въ распредѣленіи налоговъ противоположное направленіе. Можно утверждать, что итальянская податная система до извѣстной степени приближается къ прогрессивному примѣненію налоговъ, но въ обратномъ направленіи. Благодаря косвеннымъ налогамъ, въ особенности налогамъ на потребленіе, самое бѣдное населеніе платитъ казнѣ сравнительно больше, нежели богатое.

Этой системой дошли до деморализаціи плательщиковъ, которые пріобрѣли необыкновенную ловкость въ искусствѣ обманывать фискъ.

Впрочемъ, итальянское правительство отлично это понимаетъ, что̀ видно изъ неоднократныхъ заявленій министра Цанарделли и изъ послѣдовавшей отмѣны муниципальнаго налога на муку, хлѣбъ и тѣсто.

Подготовляемое правительствомъ облегченіе народныхъ массъ должно въ концѣ концовъ принести желанные плоды, и нѣтъ сомнѣнія, что освобожденіе народа отъ удручающей тяжести существующихъ податей отразится на производительности и благосостояніи страны; а за благосостояніемъ страны послѣдуетъ, въ свою очередь, увеличеніе поступленія налоговъ.

Но переходъ отъ настоящаго порядка къ новому положенію дѣлъ представитъ громадныя техническія затрудненія.

Облегченію народныхъ массъ должно соотвѣтствовать, хотя бы временно, усиленное обремененіе болѣе богатаго населенія; но, какъ было показано выше, обложеніе имущихъ классовъ уже

---

[1]) Nuova Antologia, 16 aprile 1901. „Il problema economico e finanziario in Italia“. U. Pisa, Senatore.

такъ высоко, что нѣтъ почти возможности его больше увеличить.

Переступить предѣлы платежныхъ силъ—это значитъ вызвать неизбѣжное уменьшеніе частной дѣятельности и застой въ дѣловыхъ оборотахъ, что̀ отзовется разорительно на самихъ же рабочихъ.

Чрезвычайно интересно прослѣдить за тѣмъ, какъ итальянское правительство, столь опытное въ финансовыхъ задачахъ, рѣшитъ этотъ затруднительный вопросъ и какъ оно съумѣетъ воспользоваться уже достигнутыми результатами и провести дальнѣйшія реформы.

Г. Э. Франкенштейнъ.

Римъ.

МУРАВЕЙНИКЪ

РАЗСКАЗЪ.

Принцъ Гамлетъ пользовался значительной извѣстностью среди мѣстной публики. Звали его Михаилъ Александровичъ Краевичъ, а „принцъ Гамлетъ"—это былъ его псевдонимъ. Такъ онъ подписывалъ свои разсказы и фельетоны въ провинціальной газетѣ „Z-ская Рѣчь". Провинція любитъ создавать, помимо общепризнанныхъ знаменитостей, еще и своихъ, туземныхъ. На Z-скомъ горизонтѣ принцъ Гамлетъ считался наиболѣе крупной литературной величиной. И въ самомъ дѣлѣ, онъ былъ не безъ дарованія. Въ редакціи говорили о немъ:

— Еслибы Мишенька захотѣлъ, да пересталъ лѣниться, ого-го-го! чтò бы изъ него вышло...

Но онъ, повидимому, ничего не хотѣлъ и рѣдко усердствовалъ.

Время отъ времени его разсказы и фельетоны замѣтно увеличивали розничную продажу. Разсказы отличались яркой жизненностью: они свидѣтельствовали о широкой наблюдательности автора. Многіе полагали, будто принцъ Гамлетъ выводитъ живыхъ людей, т.-е. пишетъ прямо съ натуры. Это казалось тѣмъ болѣе вѣроятнымъ, что въ пейзажѣ Краевича читатель сейчасъ же узнавалъ свой родной городъ Z. Обывательское любопытство настораживалось: всякому хотѣлось узнать, кто именно выведенъ въ разсказѣ.

И публика набрасывалась на „Z-скую Рѣчь".

— Какъ же, помилуйте: и набережная наша, и пароходы свистятъ, и скверъ на горѣ... Даже городовой съ однимъ глазомъ—и тотъ есть. Видимое дѣло: здѣсь, у насъ происходитъ

дѣйствіе... Кого же это онъ изобразилъ? Г-мъ... Блондинка въ черномъ... съ легкой наклонностью къ полнотѣ... Въ оперномъ театрѣ часто бываетъ... Что-то знакомое. Но кто такая?

Впрочемъ, узнать кого-либо въ произведеніи принца Гамлета было затруднительно. Онъ обыкновенно выдумывалъ своихъ героевъ, но выдумывалъ интересно и живо. Въ фельетонахъ на злобы дня онъ проявлялъ неистощимый запасъ юмора. Юморъ у него былъ хорошаго тона: довольно мѣткій и своеобразный.

Однако, при всѣхъ этихъ данныхъ Краевичъ не могъ создать ничего большого, цѣльнаго, законченнаго. Изъ-подъ его пера выходили лишь хорошенькіе отрывки, остроумныя сценки, торопливые, но живые наброски. Михаилъ Александровичъ не умѣлъ долго сосредоточиваться на одномъ предметѣ: у него не хватало терпѣнія распространять и отдѣлывать свои вещицы. Сперва новая тема увлекала его фантазію. Въ такомъ настроеніи онъ писалъ очень недурно. Но это продолжалось недолго. Вслѣдъ затѣмъ наступалъ періодъ охлажденія. Идея, сюжетъ и дѣйствующія лица внезапно надоѣдали автору, переставали интересовать его, и онъ самъ не зналъ, что̀ дѣлать съ ними дальше. Повѣствованіе или безжалостно обрывалось, или заканчивалось кое-какъ, черезъ пень въ колоду: блѣдно, вяло, вымученно. Тутъ никакія авторскія усилія не помогали бѣдѣ. Напротивъ, чѣмъ больше старался Михаилъ Александровичъ побороть свою холодность къ сюжету, тѣмъ слабѣе и хуже выходило произведеніе. При бѣгломъ чтеніи можно было подумать, будто начало написано однимъ авторомъ, а конецъ принадлежитъ другому, не имѣющему съ первымъ ничего общаго. Начиналъ разсказъ вдумчивый бытописатель съ несомнѣнной творческой способностью, съ красивымъ слогомъ и оригинальной манерой, а заканчивалъ кто-то бездарный, лишенный художественнаго чутья и такта.

Принцъ Гамлетъ выбиралъ изъ своихъ рукописей только болѣе удачныя мѣста, написанныя въ тѣ мгновенія, когда онъ бывалъ въ ударѣ. Неудавшіяся страницы назывались у него „мертворожденными младенцами“ и предавались сожженію. Самолюбіе художника не позволяло ему выступать передъ читателями съ завѣдомо-слабыми вещами. Оттого-то его разсказы и носили такой отрывочный характеръ. Эту закулисную сторону его творчества знали лишь немногіе. Большинство же думало, что онъ просто талантливый лѣнтяй, который не хочетъ приняться за работу, довольствуясь пустячками. А стоитъ ему пожелать и онъ ого-го-го! какъ далеко пойдетъ... Михаилъ Александровичъ не опровергалъ подобныхъ мнѣній, хотя наединѣ съ самимъ

собою не придавалъ собственнымъ дарованіямъ никакой серьезной цѣны.

Зарабатывалъ Краевичъ въ „Z-ской Рѣчи" порядочно; гораздо больше, чѣмъ другіе сотрудники. Кромѣ построчнаго гонорара за разсказы и воскресные фельетоны, онъ получалъ еще и жалованье за веденіе двухъ постоянныхъ отдѣловъ: „По бѣлу свѣту" и „Обзоръ печати". Къ служебнымъ обязанностямъ принцъ Гамлетъ относился съ легкимъ сердцемъ. Да и работа была необременительная, почти механическая. Вырѣзывались для перепечатокъ разныя сообщенія и разсужденія, а внизу подъ каждой вырѣзкой добавлялась коротенькая „отсебятина" въ родѣ: „когда же, наконецъ, прекратятся эти безпорядки?" „Мудрый Эдипъ, разрѣши!" „Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ". И тому подобное... Или же приводилось какое-нибудь общеупотребительное латинское изреченіе, чаще всего: „Sapienti sat". Свое положеніе въ редакціи Краевичъ считалъ непоколебимо-прочнымъ. Онъ спеціализировался на газетномъ трудѣ лѣтъ двѣнадцать назадъ, тотчасъ послѣ того, какъ добровольно покинулъ университетъ. Все это время Михаилъ Александровичъ занималъ пріятное амплуа редакціоннаго премьера. Онъ былъ обезпеченъ, свободенъ; любилъ поиграть въ карты и велъ, не зарываясь, приличную игру. Жилось ему безпечально: ни въ чемъ онъ себя не стѣснялъ, никогда не урѣзывалъ привычныхъ расходовъ.

И вдругъ у него подъ ногами зашаталась почва. Опасность стала надвигаться одновременно съ двухъ сторонъ. Во-первыхъ, редакторъ-издатель выразилъ желаніе зачислить въ постоянные сотрудники заѣзжаго фельетониста, Листопадова. Пока Листопадовъ напечаталъ въ „Z-ской Рѣчи" только три случайныхъ фельетона. Но вопросъ о дальнѣйшемъ его сотрудничествѣ висѣлъ надъ редакціей неразрѣшеннымъ. Положимъ, принцу Гамлету ничуть не грозила отставка: редактору лишь хотѣлось поразнообразить фельетонный отдѣлъ, ввести маленькіе фельетоны въ увеселительномъ тонѣ. Редакторъ вообще началъ заботиться о приданіи газетѣ болѣе веселаго характера.

— Публика,—говорилъ онъ,—та же женщина. Ее забавлять надобно.

И онъ ухватился за Листопадова.

Относительно публики издатель, можетъ быть, и правъ. Но чередоваться фельетонами съ какимъ-то г. Homo популярному принцу Гамлету казалось неудобно во всѣхъ отношеніяхъ. И непріятно, и обидно для самолюбія. Михаила Александровича считали въ редакціи хорошимъ товарищемъ. Никому изъ сотруд-

никовъ онъ не подставлялъ ножки. Зато и самъ не допускалъ, чтобы въ его область вторгались посторонніе лица: онъ не выносилъ соперничества ни въ какой формѣ.

Вторая непріятность была обще-редакціонная. Съ ноября мѣсяца въ Z. ожидали появленія третьей газеты подъ заглавіемъ: „Новое Слово". До сихъ поръ мѣстныхъ газетъ было двѣ: строго-консервативный „Обыватель" и, какъ противовѣсъ „Обывателю", умѣренно-либеральная „Z-ская Рѣчь". Въ послѣднія пять-шесть лѣтъ то-и-дѣло разносились слухи о новомъ мѣстномъ изданіи. Хлопотали о правѣ на издательство разныя лица: профессора, зажиточные врачи, промышленные предприниматели и землевладѣльцы. Но въ подлежащихъ сферахъ находили, что для Z-скаго района достаточно двухъ газетъ. И всѣ ходатайства отклонялись. Наконецъ, когда горожане переставали уже вѣрить въ самую возможность нарожденія третьей газеты, газета вдругъ народилась. Разрѣшеніе получилъ молодой адвокатъ, Ксаверій Аполлоновъ. Его часто называли для краткости просто: Ксаверій, и каждый безошибочно угадывалъ, о комъ идетъ рѣчь. Ксаверій былъ типичный дилеттантъ во всемъ. Онъ и адвокатурой занимался, и въ любительскихъ спектакляхъ участвовалъ, и газетные фельетоны пописывалъ. Ему случалось играть на віолончели, пѣть теноромъ и декламировать на одномъ и томъ же благотворительномъ раутѣ. Онъ произносилъ тосты и рѣчи на торжественныхъ собраніяхъ, на выдающихся обѣдахъ, юбилеяхъ и похоронахъ; онъ и пейзажи писалъ акварельными красками, и шелками вышивалъ по атласу. Словомъ, былъ на всѣ руки. Никто не ожидалъ увидѣть Ксаверія въ роли руководителя общественнаго мнѣнія, хотя онъ легко освоился и съ этой ролью.

„Новое Слово" являлось опаснымъ конкуррентомъ для „Z-ской Рѣчи". Оно готовилось дебютировать съ большою пышностью и обѣщало быть тоже изданіемъ прогрессивнымъ. Главная же опасность таилась въ томъ, что предусмотрительное „Новое Слово" назначило невысокую подписную цѣну. Подписчикъ падокъ на дешевизну, и редакція „Z-ской Рѣчи" пріуныла in corpore! Для „Z-ской Рѣчи" нарождающійся соперникъ былъ несравненно страшнѣе, чѣмъ для „Обывателя". У „Обывателя" составился опредѣленный кругъ поклонниковъ, успѣвшихъ давно привыкнуть къ излюбленной газетѣ. Такіе подписчики отличаются упорнымъ постоянствомъ: ихъ трудно пріобрѣсть, но трудно и потерять. Между тѣмъ „Z-ская Рѣчь" существовала сравнительно недавно и еще не успѣла заручиться преданностью подписчика, хотя дѣла ея при ограниченной конкурренціи шли не-

дурно. Теперь ей угрожало съ новаго года пониженіе подписки, а это, въ свою очередь, неминуемо должно было отразиться на бюджетѣ сотрудниковъ. Изъ сотрудниковъ больше всѣхъ тревожился избалованный судьбою принцъ Гамлетъ. Съ одной стороны „Новое Слово“, съ другой — новообъявившійся фельетонистъ Листопадовъ не давали ему покоя. Думая о нихъ, Михаилъ Александровичъ терялъ сонъ, аппетитъ и равновѣсіе духа.

— — —

Принцъ Гамлетъ не могъ уснуть почти цѣлую ночь. На разсвѣтѣ онъ поднялся съ постели въ отвратительномъ настроеніи. Обширный меблированный домъ „Интернаціональ“ еще не проснулся. „Интернаціональ“ славился комфортабельной тишиной своихъ благоустроенныхъ комнатъ. Въ иное время эта буржуазная тишина нравилась Краевичу. Но теперь, въ предъутренній часъ октябрьскаго дня, она дѣйствовала угнетающимъ образомъ. Вокругъ было черезчуръ тихо: точно въ тюрьмѣ или въ больницѣ.

Михаилъ Александровичъ шагалъ взадъ и впередъ по комнатѣ. Голова его напряженно работала. И мысли помимо воли складывались въ фельетонномъ духѣ. Онъ думалъ: что̀ дѣлать? что̀ предпринять? какъ найти выходъ изъ затруднительнаго положенія? Не переходить же, въ самомъ дѣлѣ, къ Ксаверію, разсердившись на „Z-скую Рѣчь“? Неловко... Да и Ксаверій у себя въ газетѣ навѣрное станетъ строчить воскресные фельетоны собственноручно. Онъ вѣдь графоманъ: издавна одержимъ писательскимъ зудомъ... Изъ-за того, пожалуй, и газету издавать затѣялъ. Нигдѣ въ чужомъ мѣстѣ его печатать не хотятъ, вотъ и понадобилось обзавестись собственнымъ о̀рганомъ. Всякій другой фельетонистъ, если и попадетъ въ „Новое Слово“, то на вторыя роли. Да принцъ Гамлетъ не пошелъ бы туда и на первыя. Въ „Z-ской Рѣчи“ все-таки лучше. Надо лишь сплавить Листопадова, иначе тотъ начнетъ подкапываться подъ воскресный фельетонъ. А какъ это сдѣлать? Поставить ультиматумъ: Homo или Гамлетъ? Нельзя... Не тѣ времена нынче. Могутъ сказать: „вы вмѣсто того, чтобы подумать объ улучшеніи газеты, исключительно о своей шкурѣ заботитесь. У насъ Ксаверій, какъ бѣльмо въ глазу, а вы нашли время для капризовъ!“ И будутъ правы... Листопадовъ—такой фруктъ, что на безрыбьѣ въ любой редакціи пригодится. Хотя балаганитъ, но пишетъ бойко. Насобачился... Черезъ три-четыре строчки ни къ селу, ни къ городу Ницше приплетаетъ, а выходитъ, какъ будто кстати. Слѣ-

дитъ за модой и всегда въ курсѣ дѣла. Сейчасъ цитируетъ, комментируетъ, разъясняетъ... Малый ловкій. И вдохновенія ему не нужно дожидаться: присѣлъ и написалъ. Теперь у него Заратустра на эксплоатаціи; потомъ еще что-нибудь выищетъ: за этакимъ субъектомъ не угоняешься. Обязательно надо изъять его изъ обращенія, пока не поздно. Но какъ изъять? Идти противъ него окольнымъ путемъ—некрасиво. Выступить открыто—еще хуже...

Женичку придется пустить въ оборотъ!

Натравить ее на Листопадова, и дѣло въ шляпѣ. Она хоть кого въ одинъ мигъ сплавитъ, и сплавитъ благородно, безъ шума, безъ непріятностей. Ради пользы редакціоннаго дѣла. Женька —баба прямолинейная, упрямая, энергичная. Если она чего захочетъ, то ужъ добьется своего. Издатель, Иліодоръ Петровичъ, такъ и называетъ ее вмѣсто Евгенія Васильевна — Энергія Васильевна. Дорожитъ ею... Еще бы, самъ Иліодоръ — господинъ безхарактерный, флегматикъ на рѣдкость и записной лѣнтяй, а Женька всю редакторскую работу тащитъ на своихъ плечахъ. И въ секретаряхъ редакціи состоитъ. Безъ нея никакъ не выживешь Листопадова. Только удастся ли ее провесть?—вотъ задача. Женька добренькая-добренькая, а тоже тонкая штучка! Съ нею трудно хитрить, насквозь каждаго видитъ... Съ полуслова пойметъ и высмѣетъ. Преехидно высмѣетъ... Не лучше ли поговорить съ нею по душѣ, откровенно? Такъ, молъ, и такъ, Женичка! Сеньоръ Листопадовъ дѣйствуетъ мнѣ на нервы. Видѣть не могу этого ницшеанца. Уберите его куда-нибудь подальше во имя нашей многолѣтней дружбы. Этакъ на чистоту съ Евгеніей Васильевной скорѣе сваришь кашу. Къ товарищамъ по редакціи она относится хорошо: своего не выдастъ и всегда поддержитъ. Ея протеже, полицейскій хроникеръ Райзманъ, не даромъ говоритъ:—мы за вами, Евгенія Васильевна, какъ за каменной стѣною.

И правда, съ нею удобно работать. Надо признать ея гегемонію и тогда спи спокойно. Женичка, да Лука Тимоѳеевичъ, завѣдующій типографіей и конторой,—это и есть главные столпы редакціоннаго зданія. Иліодоръ у нихъ только такъ, больше для подписи поставленъ. Иліодоръ сдѣлался издателемъ случайно: онъ смотритъ на газету, какъ на статью дохода. Редактировать „Z-скую Рѣчь“ лѣнится; въ конторскихъ же и редакціонно-хозяйственныхъ дѣлахъ абсолютно ничего не смыслитъ. Еслибы Лука захотѣлъ, по міру пустилъ бы Иліодора, но Лука человѣкъ чистоплотный. И добродушенъ отъ природы. Хотя во всемъ, что

касается хозяйскаго добра, Лука страшная жила,—заработанные гонорары и тѣ выдаетъ съ душевнымъ прискорбіемъ, а слово авансъ—прямо-таки ненавидитъ. Сотрудники называютъ его за глаза не иначе, какъ Лука-скопидомъ. У Луки съ Женькой нѣчто въ родѣ синдиката. Такъ и раздѣлились: твоя—контора, моя—редакція. Ты ко мнѣ не мѣшайся, я тебя не трону. Заповѣдныя тайны редакціи—истинное количество подписчиковъ, размѣры доходовъ съ объявленій, годовая сумма чистой прибыли—все это доподлинно извѣстно лишь Лукѣ, Иліодору и Евгеніи Васильевнѣ. Сотрудникамъ такія вещи не довѣряются. Сотрудникъ—существо вѣтреное, неуравновѣшенное, склонное къ измѣнѣ. Того и гляди перебѣжитъ въ „Обыватель" или въ иное иногороднее изданіе, а потомъ и разболтаетъ про редакціонныя дѣла на каждомъ перекресткѣ. Они же — столпы редакціи — свои люди между собою. Лука Тимоѳеевичъ смотритъ на сотрудниковъ небрежно, но Женичку онъ цѣнитъ высоко. Находитъ, будто другой подобной бабы нѣтъ во всей Россійской имперіи. Да и какъ ему не цѣнить ее, если она замѣняетъ въ редакціи троихъ мужчинъ, а жалованье-то ей за одного... Работаетъ, работаетъ и никогда не заболѣетъ, никогда не попроситъ отпуска—безъ передышки, ни мигрени, ни зубной боли, ни истерики — ничего дамскаго; точно ее изъ металла какого-то выдѣлали. Живучее женское племя!

Дѣлать нечего, пришла пора и принцу Гамлету поэксплоатировать старинную дружбу съ Евгеніей Васильевной, иначе не одержишь побѣды надъ фельетонистомъ Листопадовымъ. А дружба у принца Гамлета съ Женичкой дѣйствительно многолѣтняя. Онъ у Евгеніи Васильевны въ квартирѣ, какъ свой; даже и на прислугу покрикиваетъ. Вздумается Женичкѣ оперу послушать или въ концертъ поѣхать, онъ состоитъ при ней въ качествѣ кавалера. По магазинамъ для нея рыщетъ, подбираетъ отдѣлку для платьевъ; ей самой некогда, а онъ человѣкъ болѣе свободный. Порою, послѣ крупныхъ проигрышей, принцъ Гамлетъ впадаетъ въ добродѣтельное настроеніе и нѣсколько вечеровъ подъ-рядъ бѣгаетъ въ редакцію, помогаетъ Женичкѣ „выпускать" газету. По поводу ихъ пріятельскихъ отношеній злые языки до сихъ поръ толкуютъ много лишняго. Но злые языки, какъ это часто съ ними бываетъ, ошибаются. Дружба носила и носитъ вполнѣ невинный характеръ. За Женькой, хоть ухаживай, хоть не ухаживай, все равно. У нея одна неизмѣнная сноровка—отшучиваться.

— Поищите, говоритъ, Мишенька, кого-нибудь получше

меня. Желаю вамъ успѣха... А мнѣ такихъ, какъ вы, ненадобно. Я своего законнаго мужа за легкомысліе и непослушаніе въ трубу пустила. Съ какой же стати навяжу себѣ на шею новое сокровище? Да еще на честное слово!

— Испытайте мое послушаніе, Евгенія Васильевна... Ей-Богу, буду слушаться. Рабомъ вашимъ буду.

— Зачѣмъ мнѣ рабъ? Развѣ я плантаторъ?

Или же начнетъ критиковать и вышучивать:

— Нѣ-ѣ-ѣ-тъ, Мишенька... Вы для меня недостаточно хороши собою. Я сама некрасива. Мнѣ нравится изящество. А у васъ вонъ какъ вихры торчатъ во всѣ стороны... Ростомъ вы не вышли и цвѣтъ лица плохой. Нѣтъ, не годитесь! По-моему, ужъ падать съ коня, такъ съ хорошаго. А то, что это: ни по любви, ни по разсчету? Да и недосугъ мнѣ...

И такъ всегда что-нибудь въ этомъ жанрѣ.

Правду сказать, ухаживать за нею не стоитъ. Но въ жизни Евгенія Васильевна ничего... милая особа... Принца Гамлета она сразу выдѣлила изъ среды прочихъ сотрудниковъ, какъ самаго даровитаго и развитого. Хотя тоже, если въ чемъ-либо проштрафится, распечетъ на всѣ корки. Сперва сокрушаетъ молчаніемъ.

Ничего ему Женя не скажетъ,
Только взглянетъ... Убійственный взглядъ!

Затѣмъ уже начнется канитель,—и такой ты, и сякой... Вонъ, какіе въ „Обывателѣ“ приличные люди работаютъ, и непохоже, что газетные сотрудники. А у насъ одни картежники, пьянчужки, да шалопаи... Роняютъ престижъ редакціи! Никакого сознанія своего достоинства... И пойдетъ, и пойдетъ...

Любитъ также пробрать за индифферентизмъ.

— Къ чему вамъ, Мишенька, ваши способности? Вотъ ужъ глупому сыну не въ помощь богатство. Какой вы литераторъ? Бродите по свѣту мертвецъ мертвецомъ... Ни до чего вамъ нѣтъ дѣла! Чтò бы вы писать стали, если бы я васъ не начиняла всякой всячиной?

И тутъ есть доля правды.

Благодаря Женькѣ, постоянно пребываешь въ курсѣ дѣла относительно самыхъ разнородныхъ вещей. У нея ужъ такъ голова устроена: схватываетъ все на лету. Это ея индивидуальное свойство. Просмотритъ что бы то ни было и выложитъ передъ тобою готовое резюмè. Просматриваетъ же она чуть ли не все на свѣтѣ. Ну, понятно, и бѣжишь къ ней заряжаться для фельетона,—надо же запастись матеріаломъ. Евгенія Васильевна

не женщина, а какой-то ходячій справочный словарь; все помнитъ, все предвидитъ, ничего не перепутаетъ. Городскія дѣла знаетъ, какъ свои пять пальцевъ. Кто изъ обывателей, когда именно и противъ какой статьи закона провинился,—это у нея въ головѣ, какъ въ обвинительномъ актѣ, сгруппировано. И доблести разныя лучше послужного списка перечислитъ. Есть у Женички особый шкафъ. Называется онъ: „Общія справки и матеріалы для некрологовъ“. Такъ, тамъ у нея весь существующій міръ распредѣленъ по составнымъ частямъ въ алфавитномъ порядкѣ. Что ни понадобится, все раздобудешь.

„Женька—энциклопедистъ! — говорятъ сотрудники.—Она и языки знаетъ, и груду газетъ за день пересмотритъ, и репортерской братіей руководитъ, направляя каждаго соотвѣтственно его силамъ и разумѣнію. Женичка пишетъ статейки и замѣтки, исправляетъ ошибки и неточности сотрудниковъ, принимаетъ рукописи и посѣтителей, правитъ редакторскую корректуру и ѣздитъ къ цензору по дѣламъ редакціи. Чуть выйдетъ какое недоразумѣніе съ цензурой, Женька надѣваетъ парадное платье и отправляется объясняться. А недоразумѣнія выходятъ частыя потому, что „Z-ская Рѣчь“—изданіе сравнительно передовое. Такая газета всегда на виду у цензуры“.

Но гдѣ незамѣнима Евгенія Васильевна, такъ это при пріемѣ посѣтителей. У нея рѣдкостное умѣнье распознавать людей. По нѣсколькимъ быстро схваченнымъ штришкамъ безошибочно опредѣлитъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло. Тутъ у нея цѣлая гамма оттѣнковъ привѣтливости и интонацій голоса. Кого проситъ садиться, кого на ногахъ принимать, — догадается въ секунду. Вступать въ разговоры или нѣтъ,—это у нея, какъ по росписанію. Отъ нея всѣ уходятъ довольными: никого не задѣнетъ, не обидитъ, умиротворитъ всякую претензію.

Дипломатъ почище самого Бисмарка.

Къ дарованіямъ сотрудниковъ Женичка относится бережно, заботливо. Иногда чувствуешь себя настолько не въ духѣ, что не въ силахъ состряпать даже простую газетную замѣтку. Пустота въ головѣ сквозная... Изъ пустого же сосуда не нальетъ ничего и самъ премудрый Соломонъ. Пойдешь тогда къ Евгеніи Васильевнѣ и взмолишься слезнымъ голосомъ:

— Не могу на завтра фельетонъ доставить, хоть убейте... Если и начну писать, ерунда выйдетъ. Зачѣмъ я буду портить марку принцу Гамлету? Напишите вы за меня...

Писать Женичка никогда не откажется. Навыкъ у нея выработался невѣроятный. Для нея изготовить фельетонъ, это зна-

читъ разрѣзать четыре листа бумаги на восемь полулистовъ, взять въ руки перо, подумать немножко. И вмѣсто расхандрившагося принца Гамлета въ воскресномъ нумерѣ выступитъ несокрушимо-бодрая „Madame Нитушъ". Ея фельетоны не блещутъ острословіемъ. Нѣтъ въ нихъ чего-то... огонька, что ли?.. Но пишетъ Madame Нитушъ содержательно и литературно.

Въ трудныя минуты жизни сотрудники неуклонно прибѣгаютъ къ Женичкину заступничеству. Особенно, когда понадобится авансъ. Иліодоръ, на первый взглядъ, издатель доброжелательный. Если обратиться лично къ нему, ни въ чемъ не откажетъ. Сейчасъ напишетъ ордеръ въ контору: выдать такому-то авансомъ сто пятьдесятъ рублей серебромъ. Подпишется, годъ и число проставитъ... Объ одномъ забудетъ—не расчеркнется при подписи. А въ этомъ-то росчеркѣ и вся соль. У нихъ съ Лукой Тимоѳеевичемъ существуютъ, какъ у масоновъ, условные знаки. Если подпись Иліодора „съ хвостикомъ", выдавать по ордеру деньги; если нѣтъ, ни подъ какимъ видомъ. Принесешь такой ордеръ Лукѣ Тимоѳеевичу, онъ прочтетъ, повертитъ въ рукахъ и начнетъ всматриваться въ пространство прозрачными глазами.

— Что же вы, Лука Тимоѳеевичъ? Давайте деньги.

— Какія?

— По ордеру...

— Гдѣ я вамъ ихъ наберу? У меня не фабрика. Нѣтъ въ кассѣ денегъ.

— Да вѣдь Иліодоръ написалъ?

— Ну и сохраните его автографъ себѣ на память.

Человѣкъ малоопытный, махнувъ рукой, спасуетъ окончательно. Тотъ же, кто успѣлъ ознакомиться съ редакціонными порядками, прямымъ путемъ бѣжитъ къ Женичкѣ.

— Выручите, Евгенія Васильевна. Исходатайствуйте „хвостикъ"; до зарѣзу надо.

Женичка вникнетъ въ дѣло по существу. Если нужда у сотрудника настоящая, пойдетъ къ Иліодору и возвратится „съ хвостикомъ". Отдавая ордеръ, непремѣнно скажетъ въ назиданіе:

— На-те. Да погашайте авансъ поскорѣе, не то въ другой разъ не получите. Иліодоръ и такъ злится. Кричитъ: бѣда мнѣ съ этими литераторами! У нихъ скоро жены по два раза въ годъ рожать будутъ, лишь бы брать авансы покрупнѣе... Изъ-за нихъ я самъ потащусь съ торбой по міру. У меня тоже жена и дѣти...

Идетъ торжествующій сотрудникъ къ Лукѣ Тимоѳеевичу;

смотритъ—и деньги въ кассѣ нашлись. Лука-скопидомъ, хоть и съ болью сердечной, но отсчитаетъ авансъ полностью.

Зато безъ участія Женички никакая редакціонная конверсія не удастся во вѣки.

Если кто и вступится за безпутнаго собрата по перу, то только она. И взаймы у нея перехватить можно: Женичка всегда при деньгахъ. Отчасти Райзманъ правъ: при ней сотрудники, какъ за каменной стѣною.

Нѣкоторые изъ редакціонныхъ товарищей помнили Евгенію Васильевну совсѣмъ еще молодой женщиной.

Появилась она въ редакціи лѣтъ восемь тому назадъ. Женичка тогда попала въ удачный для нея моментъ. Иліодоръ только-что поссорился до полусмерти съ бывшимъ секретаремъ редакціи, Щигловымъ. По своей халатности Иліодоръ сваливалъ всю „Z-скую Рѣчь“ на секретаря, а секретарь не зѣвалъ и втихомолку обрабатывалъ разныя шантажныя дѣлишки. Случайно Иліодоръ узналъ истину и освирѣпѣлъ. Изъ редакціи вылетѣлъ Щигловъ; за нимъ еще кое-кто изъ сотрудниковъ.

Оставшіеся съ любопытствомъ ждали, кого-то теперь поставитъ Иліодоръ себѣ въ намѣстники. Предполагали, что Писаревскаго. Въ тѣ времена въ „Z-ской Рѣчи“ работалъ сотрудникъ Писаревскій, славный малый, но большой чудакъ изъ репортеровъ прежней школы. Репортерствовалъ онъ много лѣтъ, пока не палъ на ноги; потомъ перешелъ на амплуа „вырѣзайлы“; сталъ выбирать изъ газетъ внутреннія и внѣшнія извѣстія. Человѣкъ онъ былъ въ трезвомъ состояніи неглупый, работящій и добрый. Одно нехорошо: рѣдко бывалъ трезвъ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ щигловскаго краха Иліодоръ Петровичъ вошелъ въ редакцію и сказалъ:

— Ну, господа, завтра съ новымъ секретаремъ знакомиться будете.

Оказалось, въ секретари попала какая-то пріѣзжая дама.

— Да-а-ама?—разочарованно пронеслось по редакціи.

А Писаревскій даже обозлился:

— Богъ знаетъ, что вы, Иліодоръ Петровичъ, выдумали... Зачѣмъ вамъ дама въ редакцію? Никакого проку отъ нея быть не можетъ: одно стѣсненіе для сотрудниковъ... Ни тебѣ выругаться, какъ слѣдуетъ, ни посквернословить... Торчитъ день деньской холера передъ глазами! Что это за редакція, если въ ней и посквернословить нельзя?

— Сподручнѣе для меня дама,—возразилъ Иліодоръ Петровичъ:—меньше будетъ мудрить. Твори волю пославшаго тебя, вотъ и вся ея обязанность. Лишь бы исполнительная дама попалась. Хотя она, кажется, дѣльная. И газетную музыку, какъ будто, понимаетъ. Не новичекъ... Посмотримъ... Если не подойдетъ... не вѣнчаемся же мы съ нею.

— Старая дѣва, надо полагать?—угрюмо спросилъ Писаревскій.—Изъ феминистокъ?

— Нѣтъ. Говоритъ, замужняя.

— Гдѣ же мужъ?

— Я не разспрашивалъ. Мнѣ что за дѣло.

— Сбѣжалъ вѣрно, бѣдняга, отъ избытка блаженства.

Принцъ Гамлетъ легкомысленно освѣдомился:

— А изъ себя недурненькая?

Иліодоръ Петровичъ отрицательно покачалъ головою.

— Гдѣ тамъ. Худа, какъ палка; черна, какъ галка... Да вотъ, завтра сами увидите.

На утро секретарь редакціи прибылъ часамъ къ одиннадцати, когда уже собрались сотрудники.

Иліодоръ Петровичъ оказался правъ: Евгенія Васильевна была женщина не изъ красивыхъ. Къ ней вовсе не шла ея нѣмецкая фамилія Штейнъ. Высокая, худощавая брюнетка съ смышленымъ лицомъ и проницательными глазами, съ вѣжливой, но нѣсколько покровительственной манерой, она съ перваго раза показалась сотрудникамъ „деревяшкой". Держала себя самостоятельно, но просто. Платье на ней было модное, отъ хорошей портнихи; всѣ мелочи туалета доказывали, что это—особа, непривыкшая къ нуждѣ. Одно изъ двухъ—предположили сотрудники: или со средствами, или зарабатываетъ много.

Евгенія Васильевна перезнакомилась съ членами редакціи, поговорила съ ними съ четверть часа, пересмотрѣла двѣ-три газеты, потомъ отошла къ секретарскому столу и, казалось, забыла о присутствующихъ. Сперва она произвела ревизію въ редакціонныхъ шкафахъ; велѣла разсыльному Никифору вытереть пыль и разсортировала на новый ладъ энциклопедическіе словари, лексиконы и другія справочныя изданія. По тѣмъ пріемамъ, съ какими бралась Евгенія Васильевна за дѣло, можно было догадаться, что „газетную музыку" она дѣйствительно понимаетъ и любитъ въ этой музыкѣ строгую систематичность.

Тихо сдѣлалось въ редакціи.

Съ непривычки сотрудникамъ странно было работать въ такомъ безмолвіи. Они поглядывали на секретаршу, а та попреж-

нему никого не примѣчала. Точно она всю жизнь только тѣмъ и занималась, что приводила въ порядокъ чужія редакціи. Молчаніе нарушилъ Писаревскій.

Онъ заговорилъ о вчерашнемъ спектаклѣ въ опереткѣ; затѣмъ демонстративно закурилъ сигару. Сигары у него водились необыкновенно злокачественныя. Иліодоръ Петровичъ утверждалъ, будто на каждой изъ нихъ вытиснены буквы: к. н. д., что означаетъ: кури на дворѣ. Ѣдкій дымъ сталъ расплываться въ душномъ воздухѣ, столбомъ поднимаясь къ потолку.

Секретарша и не кашлянула. Даже не поинтересовалась взглянуть, откуда идетъ зловоніе. Наблюдательный газетный людъ безъ словъ, но единодушно пришелъ къ заключенію: явное дѣло, женщина бывалая. Видывала виды на своемъ вѣку...

Сигары Писаревскаго не всякій мужчина могъ переносить, не то, что дама.

Писаревскій попытался сквернословить. Но тутъ въ принцѣ Гамлетѣ сказался джентльменъ. Онъ искусно оборвалъ Писаревскаго, а самъ, чтобы замять разговоръ, обратился къ Евгеніи Васильевнѣ:

— Васъ не безпокоитъ табачный дымъ?

— Нисколько. Не стѣсняйтесь, пожалуйста. Курите.

Сотрудники переглянулись, какъ бы говоря:

— Ну-ну! Эту не выкуришь спроста...

Принцъ Гамлетъ все же поспѣшилъ открыть форточку, не замѣчая угрожающихъ взоровъ Писаревскаго.

То была первая уступка редакціонной дамѣ.

Спустя мѣсяцъ, редакція приняла обновленный видъ. Издатель раскошелился: купилъ новый письменный столъ, еще два шкафа, вѣнскія кресла, контръ-абажуры для лампъ. Репортеровъ—во главѣ съ Писаревскимъ—перевели въ отдѣльное—черезъ коридоръ—помѣщеніе, въ такъ-называемую кордегардію или курилку. Въ секретарской остались тѣ изъ сотрудниковъ, которые выглядѣли почище.

При болѣе близкомъ знакомствѣ Евгенія Васильевна переставала казаться деревяшкой. Принцъ Гамлетъ теперь говорилъ:

— А все-таки она—ничего себѣ... На невзыскательный вкусъ даже миловидная.

Сотрудники быстро привыкли къ Женичкѣ, къ ея распорядительности, къ ея пунктуальной точности. Кстати она умѣла балагурить такъ же, какъ они, и никого не стѣсняла.

— Сама недотрога,—повторялъ о ней Краевичъ,—а шутитъ свободно, почти по газетному...

Одинъ Писаревскій не въ силахъ былъ пойти на примиреніе. Вскорѣ онъ перекочевалъ въ редакцію „Обывателя".

— Не было,—заявлялъ онъ,—еще этого и не будетъ, чтобы женщина верховодила надо мною. Не музыкантъ я въ томъ оркестрѣ, гдѣ бабу за дирижера посадили...

И ушелъ.

Товарищи устроили ему прощальный обѣдъ. За обѣдомъ Писаревскій былъ очень взволнованъ и вмѣсто отвѣтной рѣчи произнесъ нѣчто совершенно неподходящее.

— Выпьемъ, друзья мои; выпьемъ, родные! — порывисто воскликнулъ онъ.—Спасибо вамъ за ласку. Тронутъ я... Да, растроганъ. Смотрю на васъ и жалко мнѣ всѣхъ. Себя я уже не жалѣю: спѣта моя пѣсенка. А вы... вы еще молоды. Не обижайтесь на меня: отъ любви жалѣю. Горькая наша участь, товарищи! Лучше не думать о ней на досугѣ. Люди мы безъ будущаго, люди безъимянные... Чѣмъ больше работаешь, тѣмъ меньше цѣна тебѣ. Видите меня? Вотъ наша старость... Палъ человѣкъ на ноги, и цѣна ему пала. И нѣтъ у него ни теплаго угла, ни куска хлѣба, ни утѣшенія... Такъ-то... Годы приходятъ, годы уходятъ; силъ убываетъ, а результата не видно. Пока еще кое-какъ. А дальше: иди, инвалидъ, на всѣ четыре стороны, взять съ тебя больше нечего... Не кстати это началъ я... Понимаю, что не кстати. Да накипѣло... Тронутъ я, и жалко мнѣ... Ну, да что тамъ... Выпьемъ, товарищи! Выпьемъ... и спасибо!

Неумѣстное слово потрясло обѣдающихъ. Каждый старался замаскировать волненіе, но всѣ были взволнованы. И долго не налаживалась бесѣда въ веселомъ тонѣ. Да и потомъ—среди оживившихся, шумныхъ голосовъ—кто-то съ пьяна опять сталъ повторять заплетающимся языкомъ:

— Годы приходятъ... годы уходятъ... Силъ убываетъ, а результата не видно... Выпьемъ...

Послѣ безсонной ночи принцъ Гамлетъ принялся за утренній чай.

День насталъ яркій—по осеннему. Прояснилось солнце; вѣтеръ торопливо гналъ по небу остатки разрозненныхъ облаковъ.

Нервы Михаила Александровича успокаивались: выходъ былъ найденъ. Обратиться по-дружески къ Женичкѣ, попросить ее хорошенько, и Листопадовъ исчезнетъ, какъ докучный сонъ. Лучше ужъ начать писать—помимо воскресныхъ—и маленькіе фельетоны. Прибавится работы, зато обрѣтешь душевное спокойствіе. Плохо жить безъ душевнаго спокойствія.

У двери раздался осторожный стукъ.

— Войдите.

Въ первую минуту принцъ Гамлетъ не съумѣлъ скрыть изумленія. Передъ нимъ стоялъ сотрудникъ „Z-ской Рѣчи“, Дмитрій Ивановичъ Татаровъ. До сихъ поръ Татаровъ не бывалъ у Краевича. Принцъ Гамлетъ вообще держался чуть-чуть въ сторонкѣ отъ прочихъ коллегъ, за исключеніемъ Женички. Нельзя сказать, чтобы онъ зазнавался передъ ними; напротивъ, онъ даже любилъ общество этихъ нервныхъ, по-своему остроумныхъ людей, всегда весело настроенныхъ, жаждущихъ развлеченія, неохотно думающихъ о завтрашнемъ днѣ. Въ редакціи или такъ гдѣ-нибудь на нейтральной почвѣ онъ не прочь былъ поболтать съ ними на томъ особомъ полужаргонѣ, который выработанъ газетною средою. И владѣлъ онъ этимъ молодецки-фельетоннымъ жаргономъ въ совершенствѣ. Но любилъ принцъ Гамлетъ своихъ товарищей лишь на извѣстномъ разстояніи отъ себя. Самъ онъ почти что не пилъ. Его шокировала полупьяная и фамильярная безцеремонность редакціонныхъ собратьевъ. Онъ—деликатнымъ образомъ — ограждалъ себя отъ нихъ. Художникъ въ душѣ, Краевичъ въ то же время былъ художникомъ съ буржуазными наклонностями: ему слегка претило все то, что̀ отзывалось богемой.

Татаровъ—высокій, болѣзненно-полный мужчина съ всклоченной, курчавой шевелюрой и одутловато-блѣднымъ лицомъ,— принадлежалъ къ числу литераторовъ-кочевниковъ. Онъ не выносилъ осѣдлаго образа жизни; постоянно переѣзжалъ изъ города въ городъ, переходилъ изъ газеты въ газету. Дмитрій Ивановичъ говорилъ о себѣ:

— Нѣтъ въ Россіи такой газетной редакціи, гдѣ бы я не извелъ хотя одной банки чернилъ.

И въ „Z-ской Рѣчи“ Татаровъ работалъ не въ первый разъ. Онъ то внезапно исчезалъ неизвѣстно куда, то появлялся вновь, спустя два-три года. Сотрудники подсмѣивались надъ нимъ, увѣряя, будто въ каждомъ городѣ у него припасена резервная семья и потому онъ всюду у себя дома. Наскучатъ одни домочадцы, Татаровъ ѣдетъ навѣстить другихъ. И такъ до безконечности. Содержаніе столь многочисленныхъ семействъ ему, будто бы, не стоитъ ни гроша: человѣку везетъ на женское безкорыстіе. Иногда еще и его самого обошьютъ и приведутъ въ приличный видъ на лонѣ той или иной семьи. Татаровъ любилъ основательно выпить. Всѣ же остальныя жизненныя блага и удобства ставилъ ни во что. Писалъ Дмитрій Ивановичъ по-

преимуществу передовыя статьи. Онъ могъ распространяться на любую тему: составлялъ и политическія разсужденія, и экономическія, и по внутреннимъ вопросамъ, и на философскіе мотивы. Эрудиція у него была огромная, хотя лишенная даже намека на систему. Впрочемъ, гдѣ недоставало знаній, тамъ Дмитрій Ивановичъ бралъ отвагою. Объ его статьяхъ сложилась поговорка:

— „Татаровъ, чего не знаетъ, о томъ привретъ".

Привиралъ онъ съ тактомъ и съ оглядкой, такъ-что рѣдко нарывался на опроверженія. Если же и случалось попасть въ просакъ, Татаровъ не унывалъ: дѣло житейское, на вѣку, какъ на долгой нивѣ, чего-чего не бываетъ.

— А я къ вамъ, Михаилъ Александровичъ! — заговорилъ Татаровъ осиплымъ баритономъ со свойственными ему сердечными нотками въ голосѣ: — давно собираюсь зайти навѣстить и никакъ не соберусь. Занятъ все. И ничего, какъ будто, не дѣлаешь, а дѣла по горло.

— Милости просимъ! — сказалъ принцъ Гамлетъ и подумалъ: — пришелъ просить о чемъ-то. Вѣрно денегъ взаймы безъ отдачи. Дамъ ему денегъ, лишь бы уходилъ поскорѣе. Не до него теперь.

— Чайку не позволите ли?

— Безъ рома? Не одобряю. Вредитъ.

— Есть и ромъ.

— Тогда другое дѣло.

Татаровъ ловко выплеснулъ половину своего чая въ полоскательную чашку и долилъ стаканъ ромомъ. Михаилъ Александровичъ молчалъ, предоставляя гостю возможность высказаться. Но Татаровъ не спѣшилъ. Онъ, тоже молча, прихлебывалъ чай. Его дѣтски-простодушное лицо свѣтилось раздумьемъ. Наконецъ, онъ началъ:

— Видѣли, какія Ксаверій прокламаціи по городу расклеилъ?

Краевичъ заинтересовался.

— Нѣтъ, не видалъ... О чемъ?

— О газетѣ, конечно. На манеръ объявленій... Или воззваній къ подписчикамъ... Всю свою программу на заборахъ выписалъ.

— Да ну?

— Вѣрное слово. Нашъ, говоритъ, идеалъ подобенъ свѣточу во мракѣ. Теперь, когда вокругъ царитъ тьма и ненастье, лучи свѣта необходимы всѣмъ. Мы будемъ яркимъ лучемъ. Идя на встрѣчу правдѣ съ горящими свѣтильниками познанія и убѣжденія, мы признали за благо стойко бороться... И прочее—этакое... Всего не перечтешь. Не помню подробностей, но витіевато...

— Не вѣрю я въ такіе предподписочные либерализмы! — скептически отозвался принцъ Гамлетъ.

— Кто же имъ вѣритъ? Старая исторія. Нашъ братъ знаетъ ее наизусть, какъ по нотамъ. На первыхъ порахъ пойдетъ спекуляція на разныя возвышенныя матеріи. Для привлеченія интеллигентнаго читателя будутъ писать съ пѣной у рта, со слезою негодованія...

— Еще бы... У нихъ лишь на интеллигенцію и надежда. Средняя публика—та не бросится. Она и „Обывателемъ" довольна. Ей „Новаго Слова" не надо.

— Натурально. По первоначалу, значитъ, игра въ гражданскія добродѣтели. А чуть заручились подписчикомъ, глядишь, и притихли. У насъ, молъ, обширная аудиторія. Мы не въ правѣ рисковать ею: не можемъ ставить на карту ея духовные интересы.

— И свою матеріальную выгоду?

— Это ужъ само собою. Хотя, что касается Ксаверія, онъ дѣйствуетъ не ради одной выгоды. Ему играть роль желательно, апплодисментовъ хочется. Дилеттантское желаніе побывать на пьедестальчикѣ... Поѣдомъ оно ѣстъ Ксаверія... Онъ изъ-за апплодисмента на крестъ полѣзетъ.

— Только во-время сорвется съ креста? Безъ ущерба для себя и для своего кармана?

— Карманомъ онъ рискуетъ менѣе всего. Деньги-то у него—чужія. Кому нечего терять, тотъ во всякомъ дѣлѣ можетъ лишь заработать,—такъ и Ксаверій. Ему повезло здорово. Встрѣтилъ я его вчера, сіяетъ... Цилиндръ блеститъ, физіономія лоснится... И во всей наружности уже есть нѣчто такое... редакторское... То, бывало, чуть завидитъ тебя, сейчасъ въ ресторанъ тащитъ—на бутылочку коньяку. И коньякъ спрашиваетъ настоящій: пятизвѣздный, мартеловскій. Лестно ему съ литераторомъ попьянствовать. А нынче—даже и не примѣчаетъ. Важный сталъ... Да и какъ не заважничать: что̀ онъ былъ раньше? Лоботрясъ изъ адвокатовъ. А теперь—не угодно ли: редакторъ-издатель ежедневной литературной и политической газеты „Новое Слово". Титулъ!

— И вѣдь какое названіе претенціозное изобрѣлъ: „Новое Слово"! Подумаешь, кто начнетъ вѣщать міру новое слово? Ксаверій Аполлоновъ.

— Можно предсказать заранѣе: ничего умнаго онъ не возвѣститъ. А вотъ, что новая газета появится, это недурно. Для насъ съ вами всегда желательно. Рынокъ расширяется, увели-

чивается спросъ на нашего брата. Было двѣ скворешницы, станетъ три.

— Ну, изъ нашего брата не каждый еще и пойдетъ къ Ксаверію?

— Отчего? Пойдутъ... Разборчивые—и тѣ пойдутъ. Газетка у нихъ вытанцуется приличная. Особливо, если Ксаверію удастся переманить нашу Женьку. Женька—администраторъ.

Что-то кольнуло Краевича въ области сердца. Онъ испуганно всвочилъ съ кресла.

— Какъ вы сказали? Чтò? Чтó вы говорите?

Дмитрій Ивановичъ затихъ. Съ минуту онъ проникновенно глядѣлъ въ лицо принцу Гамлету, безмолвно спрашивая: ты это въ серьезъ? Или комедію ломаешь передо мною?

Но вся фигура Краевича выражала такую неподдѣльную растерянность, что больше не оставалось сомнѣній: принцъ Гамлетъ слышалъ новость впервые.

Татаровъ продолжительно посвисталъ.

— Эге-ге-ге... Да вы, кажется, сами ничего не знаете? А я-то! я-то... Ну, и дурака же свалялъ! На заглядѣнье... Вотъ такъ опечатка... Думаете, я къ вамъ спроста притащился спозаранку? Подосланъ, душа моя, подосланъ... Почву уполномоченъ развѣдать. Самъ Иліодоръ—чортова кукла—уполномочилъ. Гамлетъ, говоритъ, Женькинъ любимчикъ: онъ долженъ знать... Ступайте къ Гамлету. Я сдуру и отправился... Иліодоръ тамъ такого труса правитъ, ой-ой! Боится: а ну, какъ въ самомъ дѣлѣ Женька ударится въ измѣну?

— Но... Откуда пошелъ этотъ слухъ?—съ усиліемъ спросилъ Краевичъ.

— Вона! Хорошъ слухъ... Это уже, батюшка, не слухъ, а „намъ сообщаютъ изъ достовѣрнаго источника“. Райзманъ еще третьяго дня пронюхалъ и разблаговѣстилъ по редакціи. А я вчера у Женькинаго подъѣзда носъ къ носу столкнулся съ Ксаверіемъ. Я отъ нея, а онъ—къ ней... Нѣтъ... Что Ксаверій съ Женькой кокетничаетъ,—это фактъ. Не знаю, согласна ли она? Можетъ, у нихъ дѣло наполовину слажено: одна сторона соглашается, а другая не хочетъ. Оно и такъ бываетъ.

— Иліодоръ удержитъ ее... Иліодоръ не отпуститъ: она ему нужна.

— Да насильно никого не удержите. Иліодоръ, по крайней мѣрѣ, зѣло встревоженъ. Ему не столько секретаря потерять жалко... Секретарь—персона наживная... И вы, и я въ секретари годимся. И Листопадовъ обѣими руками ухватится. Благо

онъ безъ ангажемента. Иліодору прискорбно другое. Зачѣмъ у конкуррентовъ сразу наладится дѣло? Все упованіе, авось они не найдутъ умѣлыхъ рукъ... Чтобы некому было завесть машинку...

— Поищутъ, найдутъ. И безъ Евгеніи Васильевны кто-нибудь найдется. Было бы корыто...

— Не скажите. Опытный сотрудникъ—онъ не валяется на улицѣ. Его на толкучкѣ не сыщешь. Иной появится съ вѣтру, наговоритъ о себѣ съ три короба. Послушать его, чуть ли не въ „Journal des Débats" первую скрипку держалъ. А коснется до дѣла, онъ ни бе, ни ме, ни кукареку. Или еще...

Принцъ Гамлетъ, не слушая Татарова, замѣтилъ:

— И все же—не могу повѣрить. Евгенія Васильевна никогда не согласится...

— Никогда, Михаилъ Александровичъ, не говорите: никогда. А съ женщинами—спеціально.

— То-то и есть, что женщины—народъ консервативный. Женщина неохотно бросается на новизну.

— Если она довольна существующимъ порядкомъ. Откуда мы знаемъ, что Женька Иліодоромъ ужъ такъ всесторонне довольна? Можетъ, для нея, что Иліодоръ, что Ксаверій, все одна цѣна. А Ксаверій, безъ сомнѣнія, сулитъ ей золотыя перспективы.

— Тяжело будетъ безъ Евгеніи Васильевны.

— Да, жаль. Она баба сердечная, хотя и педантка.

— Пріищетъ Иліодоръ какого-нибудь Аракчеева, тоже не порадуешься. Что-жъ? Придется экспортировать. Я и то чувствую, что созрѣлъ къ отъѣзду. Пора dahin!

— Куда, напримѣръ?

— А куда вздумается. Въ Москву, въ Петербургъ, въ Одессу... Нынче, что ни городъ, то газета. И не одна газета... Лишь бы ты былъ сотрудникъ, какъ подобаетъ, а редакція найдется.

— То-то Листопадовъ цѣлый мѣсяцъ у насъ зря околачивается?

— Листопадовъ-неврастеникъ. И кромѣ фельетона ни на что непригоденъ. А толковые сотрудники вездѣ нужны.

— Счастливый вы. Кочуете себѣ безъ заботъ. Какъ перекати-поле...

— Кто же вамъ мѣшаетъ?

— Навыка нѣтъ.

— Пріучайтесь. Кочевать занятнѣе. Я бы на вашемъ мѣстѣ собрался и—айда въ Петербургъ... У васъ талантъ. Пробьетесь...

— Не хочу пробиваться! - капризно сказалъ Краевичъ:—я не мальчишка. Человѣкъ сложившійся, съ привычками... Привыкъ къ извѣстному положенію. Если хотите—даже къ почету. Заслуженно или нѣтъ, иной вопросъ. Но я привыкъ... Здѣсь, куда ни приду, вездѣ ко мнѣ съ полнымъ вниманіемъ: „Михаилъ Александровичъ! неугодно ли вамъ впередъ?"—„Михаилъ Александровичъ, пожалуйте къ намъ?"—„Нашъ извѣстный, нашъ талантливый!" Лебезятъ, угождаютъ, задабриваютъ... Поневолѣ начинаешь думать: я—это я! А тамъ: я—это никто. Вдругъ очутишься въ роли новичка, дебютанта. Ходи по редакціямъ съ трубочкой: „Не пригодится ли вамъ моя вещица?" Фу ты, дьяволъ! Подумать, и то нелѣпо... Все равно, что заставить директора департамента держать экзаменъ на чинъ.

— А вы бы попытались... Спросъ не бѣда. Авось и выдержите экзаменъ...

— Не вижу надобности ломать самого себя. Трудно это. И для меня труднѣе, чѣмъ для другого. „Я въ городѣ родномъ одинъ на цѣлый край"...

— „А тамъ такихъ, хоть отбавляй?" — подхватилъ Татаровъ:—э-э-эхъ! Вѣрьте мнѣ: и тамъ такихъ не очень-то много. Тщеславіе у васъ большое. Тщеславіе да страхъ передъ нуждой,—потому и сидите, какъ куликъ на болотѣ. Я, напримѣръ, не боюсь лишеній: мнѣ не стать привыкать! А вы избалованы. Вамъ все улыбаться должно... Какъ же: премьеръ. Не то, что мы, рабочія клячи. У меня, вотъ, сердце пошаливать начало,—это плохая штука. Безсонница—тоже дрянное дѣло. А нужда—пустяковина! Вамъ—такъ, съ непривычки боязно... Впрочемъ, какъ хотите. Останетесь, значитъ, у Иліодора?

— Нн-не знаю!—нерѣшительно отвѣтилъ Краевичъ и сталъ собираться въ редакцію.

Напряженная озабоченность отражалась на лицахъ сотрудниковъ. Отдыхали ножницы и перья. Опустѣла кордегардія: репортеры собрались въ секретарской.

Михаилъ Александровичъ вошелъ въ редакцію и первое, что бросилось ему въ глаза,—пустое кресло Женички.

— Гдѣ Евгенія Васильевна? — нервно спросилъ онъ, не успѣвши поздороваться.

— Поѣхала къ цензору. Опять придираться началъ. Вчера полтора столбца задержалъ.

Сотрудники продолжали прежній разговоръ. Толковали о переходѣ Евгеніи Васильевны въ „Новое Слово". По-ребячески

печалился полицейскій хрониверъ, Райзманъ, молодой еврей, почти мальчикъ. Онъ плохо зналъ русскую грамоту, но—какъ репортеръ—не имѣлъ соперниковъ. Что бы ни случилось въ городѣ, Райзманъ тотчасъ узнавалъ обо всемъ до мельчайшихъ подробностей.

— Какъ вы полагаете,—спрашивалъ онъ, обращаясь къ сотрудникамъ:—возьметъ меня Евгенія Васильевна съ собою?

Краевичъ успокоилъ его:

— Навѣрное возьметъ. Она вами довольна.

— Безъ нея я совсѣмъ пропалъ. Другой редакторъ скажетъ: „Райзманъ неграмотный. Какой онъ сотрудникъ?“ А того и не подумаетъ, что у Райзмана свѣдѣнія первый сортъ.

— Еще бы!—шутливо добавилъ Татаровъ:—Райзманъ вѣдь служитъ при тайной полиціи. Мелкихъ жуликовъ выслѣживаетъ... Какъ же ему не имѣть свѣдѣній?

— И вовсе я не служу въ полиціи. Зачѣмъ вы такъ нехорошо шутите? Я только умѣю все узнавать... У меня предчувствіе... Выйду на промыселъ, вдругъ, что-то ударитъ въ голову: ой, сегодня происшествіе! Ну-ка, узнаю... И есть. А при полиціи Райзманъ не числится.

— Наоборотъ: онъ со всѣми босяками въ дружбѣ. Брудеръ, и брудеръ съ ними. Ну, и освѣдомленъ о каждой кражѣ еще наканунѣ.

— О, у Райзмана съ дѣтскихъ лѣтъ огромныя связи. Онъ, говорятъ, и выросъ въ колоніи для малолѣтнихъ преступниковъ.

— Никогда тамъ даже не былъ. Спросите у Евгеніи Васильевны: она мою мамашу видѣла.

— Евгенія Васильевна его покрываетъ.

— Да и мамаша не признается относительно колоніи...

— И всегда вы меня терзаете! Что я вамъ сдѣлалъ?—Райзманъ умолкъ, къ чему-то прислушался и объявилъ, перемѣняя тонъ:

— Уже Евгенія Васильевна въ конторѣ.

— Онъ—ясновидящій, этотъ Райзманъ! Черезъ стѣны, за три комнаты все видитъ и слышитъ...

— Что-жъ такого? У меня слухъ хорошій: развѣ я виноватъ?

Евгенія Васильевна дѣйствительно шла въ редакцію. Должно быть, объясненіе съ цензоромъ было не изъ пріятныхъ. Секретарша выглядѣла разстроенной и недовольной. Она поздоровалась съ сотрудниками, не глядя на нихъ; нажала кнопку въ типографію, давая знать метранпажу, что редакція въ сборѣ,

отперла шкафы, пробѣжала глазами столбцы набраннаго „запаса“ и сѣла на свое мѣсто—читать газеты. Все было продѣлано по обычному ежедневному ритуалу, но въ каждомъ движеніи Евгеніи Васильевны сквозила взвинченность, раздраженіе.

Принцъ Гамлетъ лишь теперь обратилъ вниманіе, какъ сильно измѣнилась Женичка за послѣднее время. Когда видишь человѣка каждый день, почти не замѣчаешь его наружности. Но перемѣна во внѣшности Евгеніи Васильевны такъ и рѣзала глаза. Женичка стала какая-то прозрачная. Вѣки припухли, глаза ввалились; по лицу пошли желтоватыя пятна. Даже на вискахъ образовались впадины, точно послѣ тяжелой болѣзни. Парадное „цензурное“ платье висѣло на ней мѣшкомъ. Сегодня Женичкѣ свободно можно было дать на видъ лѣтъ сорокъ. На самомъ же дѣлѣ ей едва минуло тридцать.

— Плохо смотритъ,—думалъ Михаилъ Александровичъ:—иногда въ гробъ кладутъ краше. А еще—„каменная стѣна“ и „металлическая женщина“!

Редакція молчала.

Вдругъ Райзмана словно укусило что-то. Обиженнымъ голосомъ, похожимъ на всхлипыванье ребенка, онъ крикнулъ:

— Евгенія Васильевна!

Секретарша отвела глаза отъ нумера „Temps“.

— Что вамъ?—спросила она немного апатично.

— Такъ нельзя, Евгенія Васильевна! — безсвязно началъ Райзманъ, спѣша, захлебываясь и волнуясь: — вы намъ прямо должны сказать... Мы такъ не желаемъ... Что же это? Всѣ знаютъ, а вы молчите! Какъ же мы останемся?

Пожелтѣвшія щеки Женички чуть-чуть порозовѣли. Она догадалась.

— Что̀ „всѣ знаютъ?“—строго спросила Евгенія Васильевна. По ея лицу проскользнула нервная гримаса. Райзманъ выпалилъ съ мужествомъ отчаянья:

— А то, что вы въ „Новое Слово“ уходите! Вотъ что̀. Мы знаемъ... Уже всѣ знаютъ...

— Свиньи вы всѣ!—неожиданно вспылила Женичка и голосъ ея зазвенѣлъ, какъ надорвавшаяся струна:—Свиньи... Другого вамъ имени нѣтъ... Сами вы на всякую гадость способны. И меня подозрѣваете въ томъ же...

У редакціи отлегло отъ сердца. Въ секретарской загудѣли полусмущенные голоса:

— Не сердитесь, Евгенія Васильевна...

— За что же вы насъ ругаете?

— Райзманъ выскочилъ, а намъ влетѣло!

— Это все Райзманъ раззвонилъ. Онъ первый пронюхалъ.

— Ну да, онъ.

— Не посмотрѣвши въ святцы, да бухъ въ колокола!

— Райзманъ всегда такъ. Вотъ его свѣдѣнія.

Райзманъ озирался вокругъ виноватыми глазами. И началъ оправдываться:

— Оно правда: я узналъ первый... Услышалъ и испугался очень. Сказалъ имъ... хотѣлъ провѣрить... А они сами перепугались. И всѣ боялись... Потому намъ безъ васъ...

Татаровъ перебилъ Райзмана:

— Да вѣдь Ксаверій предлагалъ вамъ, Евгенія Васильевна?

— Ну и что же изъ того, что предлагалъ?

— А вы никому ни полслова, не по-товарищески.

— Скажите на милость! Съ какихъ это поръ я должна рапортовать вамъ о своихъ дѣлахъ?

— Тутъ не только ваше личное дѣло. Оно всѣхъ насъ касается.

— О чемъ же разсказывать, если ничего нѣтъ? Зачѣмъ я начну нохваливаться: вотъ, молъ, какая я цаца! Вотъ какъ меня люди переманиваютъ! Съ какой это благодати я запишусь въ хвастуны? Ну, и народъ! небось, чему-нибудь хорошему не повѣрятъ...

— Что же здѣсь плохого, Евгенія Васильевна?—примирительнымъ тономъ спросилъ Татаровъ.

Евгенія Васильевна стремительно встала на ноги.

— Что плохого? А развѣ порядочные люди оставляютъ редакцію въ такой моментъ? Мы не лакеи, чтобы летѣть туда, гдѣ накинутъ на чай! Худо ли, хорошо ли намъ было, но до сихъ поръ мы молчали... не разбѣгались, не выражали протестовъ... Теперь мы обязаны оставаться! Черезъ годъ пусть идетъ каждый, куда хочетъ... А теперь нельзя... Слышите?

— Слышимъ, Евгенія Васильевна...

— Намъ не пристало топить порядочную газету. „Z-скую Рѣчь“ мы знаемъ, а что такое „Новое Слово“, никому неизвѣстно... Стыдно подставлять ножку своему изданію! Такія вещи называются свинствомъ... И кто изъ васъ пойдетъ въ перебѣжчики, тотъ большой руки скотина! Такъ и знайте... это ему мое напутствіе.

Евгенія Васильевна бросила краснорѣчивый взглядъ въ сторону Татарова и сѣла на мѣсто. Ее утомила длинная рѣчь. Она дышала тяжело и неровно, какъ послѣ быстрой ходьбы.

Сотрудники шумно заговорили въ одинъ голосъ. Каждый увѣрялъ, что именно онъ наименѣе всего думаетъ объ измѣнѣ. Выходило такъ, какъ будто редакція присягаетъ кому-то на вѣрность. Подлѣ двери очутился Лука Тимоѳеевичъ.

Онъ подошелъ неслышными шагами и остановился у порога. Его кругловатые глаза растроганно щурились и улыбались. И весь онъ походилъ на хорошо откормленнаго кота, у котораго щекочутъ за ушами.

Вечеромъ принцъ Гамлетъ спѣшилъ на чай къ Евгеніи Васильевнѣ. Женичка пригласила его, когда онъ уходилъ днемъ изъ редакціи.

— Загляните, принцъ, ко мнѣ сегодня, къ чаю... Послѣ корректуры... Дѣло у меня къ вамъ.

— Я здѣсь всегда къ услугамъ вашимъ, королева!—отвѣтилъ онъ, à la Мефистофель. А самъ рѣшилъ: Вотъ на руку, будетъ случай поговорить по душѣ.

Къ ночи на дворѣ похолодало. Осенній дождь то накрапывалъ, то переставалъ. Потомъ началъ моросить не спѣша, но густо; и зачастилъ, повидимому, на много часовъ, если не на цѣлыя сутки.

Женичка сидѣла въ столовой съ ногами на турецкомъ диванѣ. Она была въ затрапезномъ тепломъ капотѣ и все-таки зябко куталась въ оренбургскій платокъ. Ярко горѣла висячая лампа, привѣтливо шумѣлъ самоваръ; домоправительница Феоктиста сосредоточенно разливала чай. Принцъ Гамлетъ смотрѣлъ на отлично знакомую ему комнату съ дубовой мебелью, съ огромными фикусами передъ окнами. Какая-то сверлящая жалость наполняла его душу. Какъ будто ему предстояло потерять въ скоромъ времени этотъ тихій уголокъ, гдѣ онъ привыкъ чувствовать себя такъ легко и спокойно. Михаилъ Александровичъ задумался: откуда налетѣла на него жалость? И вспомнилъ: Женичка больна, больна несомнѣнно. Она при вечернемъ освѣщеніи еще зеленѣе, чѣмъ днемъ. Перемогается, но ей нехорошо. Что за оказія? Никогда не хворала, и нà тебѣ!

— Вамъ не здоровится, Евгенія Васильевна?

— Нѣтъ, ничего... Я позвала васъ... Во-первыхъ, хотѣла переговорить насчетъ этого... какъ его? Листопадова.

— Сердце сердцу вѣсть подаетъ. Я лишь о томъ и мечтаю, какъ бы съ вами побесѣдовать о немъ же.

— Вы настроены противъ него?

— То-есть... Какъ вамъ сказать...

— Конечно, противъ. Не лавируйте; я вижу. Вы недовольны. И напрасно. Листопадова слѣдуетъ оставить. Намъ необходимо завести маленькій фельетонъ.

— Я могу принять на себя доставку онаго?

— Сорветесь, Мишенька. Вы только сообразите: е-же-днев-но! Да это генія не хватитъ.

— А господинъ Листопадовъ берется?

— Листопадовъ сихъ дѣлъ мастеръ. Онъ скорописатель. Будетъ себѣ съ холодной кровью трынькать по сто двадцать строкъ въ сутки... А вы такъ не можете. На арабскихъ лошадяхъ не возятъ воду. И вамъ не пристало идти въ ремесленники.

— Та-акъ-съ...

— Вѣдь вы передъ нимъ, какъ мандолина передъ балалайкой. Неужели онъ кажется вамъ опаснымъ? Себѣ вы цѣны не знаете, если такъ...

— Почтительно благодаренъ за поощреніе... Но просьбою васъ прошу, Евгенія Васильевна: не надо этого ницшеанца! Не то я за себя не ручаюсь. Не люблю: дѣйствуетъ онъ мнѣ на нервы.

— Черная и неосновательная ревность. Профессіональная ревность... Смотрите! Не будетъ Листопадова, попадется другой, дѣйствительно опасный. Тотъ васъ въ уголъ затретъ... Тогда ужъ на себя пеняйте. Я умываю руки.

— Зачѣмъ же другой?

— Затѣмъ, что намъ безъ второго фельетониста никакъ невозможно.

— А madame Нитушъ?

— Madame Нитушъ не годится. Фельетоны у нея нудные. Нѣтъ, она на случай болѣзни сотрудника. И только... По-моему, Листопадовъ для принца Гамлета удобнѣе, чѣмъ кто иной. Съ Листопадова не возьмешь многаго: старый газетчикъ—человѣкъ вымотанный. Онъ до весны весь свой репертуаръ израсходуетъ. И начнетъ повторяться подъ разными соусами... Совсѣмъ не страшный! А попадется кто-нибудь свѣженькій, что̀ вы тогда запоете?

— И пусть. Вы думаете, я боюсь? Нисколько. Кого угодно, лишь бы не Листопадова,—рожа его мнѣ не нравится.

— Жалко.

— Что вы такъ стоите за Листопадова?

— Вамъ не случалось увидѣть его пальто?

— Нѣтъ. А что?

— Взгляните. Поучительно...

— Въ какомъ отношеніи?

— Оборвался коллега до нитки. Ни кола, ни двора... Зато жена имѣется.

— Кто же виноватъ? Отчего не сидитъ на мѣстѣ? Работалъ вѣдь въ К. Ну, и держался бы тамъ. Такъ нѣтъ, рассорился. Задира, видно, порядочный.

— Изнервничался онъ... Не владѣетъ собою.

— Психопатъ. Напрасно вы уповаете, что онъ въ состояніи писать фельетоны съ холодной кровью.

— Одно другому не мѣшаетъ. Самъ онъ взвинченный, но пишетъ хладнокровно. Ремесленно пишетъ... Такого гуся щадить надобно. А его, должно быть, по редакціямъ, какъ индюка, дразнятъ. Вотъ и не уживается...

— Еще и жену завелъ, голь перекатная! Скажите, ферлакуръ какой: подавай ему жену... Я, примѣрно сказать, двѣнадцать лѣтъ фельетоны съ искрой пишу, а и то жены не имѣю...

— Вы въ макао играете.

— И жена у него навѣрняка на прокатъ. Пари держу, что незаконная? Сердцеѣдъ тоже.

— А развѣ незаконной, такъ ужъ и ѣсть не надо?

Принцъ Гамлетъ согласился.

— Оно, положимъ, надо.

— И я такъ думаю. Взгляните въ окно; на дворѣ осень. Вонъ, какая мерзкая слякоть сегодня... Добрый хозяинъ собаки не выгонитъ. А Листопадовъ потащится въ рваномъ пальтишкѣ... Куда? И самъ не знаетъ. Въ невѣдомую даль, авось гдѣ-нибудь пристроится...

Принцъ Гамлетъ вспомнилъ свое щегольское пальто съ котиковымъ воротникомъ. Ему стало совѣстно. И злость его разбирала: эта Женька, если чего захочетъ, непремѣнно добьется своего.

Евгенія Васильевна продолжала:

— Я о немъ съ Ксаверіемъ говорила. Предлагала въ воскресные фельетонисты. Для насъ желательно, чтобы у Ксаверія засѣлъ кто-нибудь послабѣе, чѣмъ вы. Не соглашается. Говоритъ: пустомеля, бездарность.

— Ахъ ты, шутъ гороховый! Онъ еще будетъ раздавать патенты на талантъ? Этакое ничтожество... Ксаверій! Ему за три копѣйки со строки да звѣзды съ неба хватай? Пустозвонъ въ колпакѣ.

— Вотъ то-то и оно. Въ жизни, Мишенька, все такъ...

Многіе не на своихъ мѣстахъ сидятъ; и ничего не подѣлаешь... Надо считаться съ тѣмъ, что̀ есть.

— Н-да... Перспектива незавидная.

— Представьте, еслибы вамъ или мнѣ пришлось слоняться, подобно Листопадову? Не знаю, какъ вамъ, а мнѣ уже случалось... И вдругъ намъ нигдѣ не даютъ хода: кому-то тамъ кажется, что мы для него опасны. А? Какъ вы полагаете: вкусно?

— Будетъ вамъ, Евгенія Васильевна... Довольно. Вы уже рады негодяя изъ меня выкроить... Интригана и кандидата на злодѣйскія роли!

— Ничуть. Человѣкъ—вездѣ человѣкъ. Никому не доставляетъ удовольствія, когда ему наступаютъ на хвостъ. И вамъ также. Каждый охраняетъ себя, какъ умѣетъ. Разумѣется, коли придется выбирать между вами и Листопадовымъ, вы восторжествуете. Вы лучше вооружены, чѣмъ онъ... Болѣе цѣнный экземпляръ. Но почему бы не задержать его, хоть до весны? Говорятъ, „лѣтомъ и качка—прачка", къ лѣту мы его и отпустимъ. Тамъ видно будетъ... А сотрудникъ онъ все-таки невредный. Фейерверочный, съ трескомъ, хотя и безъ толку.

— Если у него такая нужда, чо-о-ртъ съ нимъ! Мнѣ въ результатѣ наплевать: меня моя публика знаетъ.

Евгенія Васильевна оживилась. Заблестѣли глаза и лицо больше не казалось зеленымъ.

— Вопросъ исчерпанъ?—спросила она.

— Отдаю на ваше усмотрѣніе,—отвѣтилъ принцъ Гамлетъ.

— Это благородно съ вашей стороны. А теперь... теперь у меня къ вамъ большая просьба. Постойте... дайте собраться съ мыслями... Ужъ вы не откажите услужить... за мной не пропадетъ, сочтемся.

— Приказывайте, Евгенія Васильевна. Если начнемъ считаться, я неоплатный должникъ.

— Вотъ что, Мишенька: помогите мнѣ подтянуть сотрудниковъ. Повліяйте на нихъ, чтобы вызвать усердіе. Разумѣете?

— Какъ будто.

— Сами видите, какой у насъ критическій моментъ. Необходимо выступить во всеоружіи. Нужно, чтобы каждый стоялъ на высотѣ призванія, кто во что гораздъ.. Война! Мнѣ прежде всѣхъ ополчиться надо, а я не могу. Хожу истуканъ-истуканомъ. Подмѣнили меня: сама себя не узнаю... И такъ не во̀-время... Ужасно не во̀-время!

— Что съ вами? Видите: вы больны? Я же говорилъ... Что̀ у васъ болитъ?

— Никому объ этомъ ни звука. Даже не намекайте никому: это наша тайна. Если сотрудники замѣтятъ, что я спасовала,—кончено... Пойдутъ, кто въ лѣсъ, кто по дрова! Они, какъ дѣти... Отпустишь вожжи и—пропало... Смотришь, уже и распустились. Пожалуйста, никому...

— Да развѣ я сплетникъ? но что съ вами такое?

— Я, собственно, и не больна. Никакой боли не чувствую: но страшный упадокъ силъ... Невыразимый упадокъ. Апатія—полная... Въ редакціи подчасъ сижу, какъ автоматъ: ничего не понимаю. Голова работаетъ медленно, плохо... Единственный мой талантъ—быстрота соображенія—и тотъ мнѣ измѣняетъ! То найдетъ на меня безсонница, то спячка. Сплю, сплю мертвымъ сномъ, а проснусь утромъ,—никакого облегченія: та же слабость, что и съ вечера.

Принца Гамлета охватила пугливая тревога. Но онъ поспѣшилъ принять искусственно-спокойный видъ и поставилъ діагнозъ:

— У васъ—утомленіе... Сильное утомленіе... Берите отпускъ. Сейчасъ же, поскорѣй... Въ Крымъ, за границу, куда-нибудь! но поскорѣе.

— Теперь? немыслимо. Ни за что не поѣду. Да мнѣ и не хочется на отдыхъ. Пожалуй, начну отдыхать, еще хуже расклеюсь... До поры, до времени всякій жбанъ воду носитъ... Нѣтъ ужъ... Будемъ догрызать свой орѣхъ на прежнемъ посту. Куда я поѣду? Одна... въ новую обстановку? Слова сказать не съ кѣмъ... Я тамъ умру отъ бездѣлья! Меня пока только редакція и подбодряетъ. Съ утра, кажется, рукой пошевелить трудно. А придешь въ секретарскую, зашевелятся сотрудники, явится метранпажъ:—„Петитъ есть, пожалуйте корпуса"... Ну и оживешь... Хоть на время, а воскресаешь...

— Боже мой, можно ли было до такой степени не жалѣть себя! А мы-то всѣ... Смотрѣли, какъ будто такъ и надо. Точно вы, въ самомъ дѣлѣ, изъ металла...

— При чемъ же вы тутъ?

— Какъ при чемъ? Не берегли васъ.

— Ну, вотъ еще!.. Ума не приложу, что̀ такое приключилось? Откуда? Готова подумать, что меня сглазили. Всѣ кричали, кричали: „Евгенія Васильевна—гранитная! Устали на нее нѣту"... Иліодоръ тоже постоянно:—„Еслибы мнѣ ваша энергія, я бы уже министромъ былъ"... Вотъ и договорились.

— Давайте, я васъ съ уголька умою? Говорятъ, помогаетъ...

— Подите вы... Не до шутокъ мнѣ.

— Простите, не буду. Глупая привычка—всегда паясничать.

Помолчали.

— Слушайте, Мишенька: не смотрите вы на меня такими глазами.

— Какими?

— Жалобными. Точно моя Феоктиста. Та надо мною рѣкой разливается. Воображаетъ, что финалъ. Догораю, по ея мнѣнію... Сокрушается въ родѣ Райзмана: „Какъ же я безъ васъ останусь? Гдѣ я этакое мѣсто найду?"

— Она вѣдь у васъ, кажется, полная хозяйка въ домѣ?

— Да. И двое дѣтей при ней. На мелочныя преступленія по должности я не обращаю вниманія. Лишь бы не было крупныхъ. Тепло ей у меня, вотъ и плачетъ. Говоритъ: не хорошо, что у насъ съ вами барина нѣту. Теперь бы и онъ пригодился...

Михаилъ Александровичъ улыбнулся.

— А по-вашему—развѣ не пригодился бы?

— Какъ не пригодиться? Баринъ, Мишенька, всегда пригодится. Особенно, если хорошій. Безъ барина тоже плохо. Жаль только, что баринъ на мою долю выпалъ завалящій: нѣтъ тебѣ отъ него ни гласа, ни послушанія... Одни огорченія да ссоры. Не люблю такихъ. И сотрудникъ неважный: что ни напишетъ, все перевретъ. Декадентъ... Пишетъ не то, что̀ есть, а то, что̀ ему кажется. Вдобавокъ еще и нѣмецъ. Это хуже всего...

— Не зналъ, что вы—націоналистка!

— Нѣтъ, я не націоналистка, но... Не легко нашей сестрѣ, русской женщинѣ, съ инородцемъ ужиться. Тутъ не въ національности дѣло, а совершенно иная культура... Иныя требованія отъ жизни. Что̀ я люблю, то у него въ презрѣніи. Одинъ сплошной диссонансъ выходитъ.

— За то и отставку получилъ нѣмецъ? За диссонансы?

— А что же съ нимъ дѣлать? Пришлось ликвидировать это предпріятіе. Изъ двухъ золъ выбирай меньшее... Чѣмъ отравлять жизнь себѣ и другому, лучше жить въ одиночествѣ. Въ такомъ случаѣ операція необходима. У кого посильнѣе характеръ, тотъ и долженъ съиграть роль хирурга.

— И вы такъ, не говоря худого слова, взяли и оперировали?

— Зачѣмъ же: не говоря худого слова? Я сперва побранилась съ нѣмцемъ. Перевоспитать его хотѣла на русскій ладъ. Было ему отъ меня первое предостереженіе... было и второе... Онъ тоже выпилъ горькую чашу. Вижу: не поддается. Что ни годъ, то эмансипируется пуще. Не исправляется и неисправимъ. Тогда уже я приступила къ операціи. Пускай живетъ на здоровье, какъ хочетъ: мнѣ такихъ, какъ онъ, не нужно.

— И вамъ не жалко?

— Чего жалѣть? Ему безъ меня лучше. И мнѣ безъ него спокойнѣе. Выгода обоюдная. До сихъ поръ я была довольна; теперь, вотъ, мнѣ тяжело стало... Больна... А тутъ еще Ксаверій съ „Новымъ Словомъ"! Не знаю, за что ухватиться... Просто, хоть плачь...

— Не волнуйтесь, Евгенія Васильевна: я за васъ, куда направите. Воевать надо? воевать будемъ. Укажите непріятеля. Кто онъ? Ксаверій? Одолѣемъ!

— Одолѣемъ ли? Боевыя силы у насъ незавидныя. Народъ въ редакціи безалаберный, недисциплинированный, равнодушный. Имъ все трынъ-трава. А „Z-скую Рѣчь" жалко... Какое ни на есть, но родное дитя. Вѣдь это—наша кровь, наши нервы... И, право же, газета не очень плохая? Поддержать ее надо... хорошо, Мишенька?

— Хорошо, Евгенія Васильевна.

Онъ продолжалъ думать о болѣзни Женички; дѣло плохо, плохо, плохо... И сказалъ вслухъ полушутливо:

— Положимъ, „Z-ская Рѣчь" не наше дѣтище. Мы ее лишь вынянчили.

— Все равно. Часто нянька горячѣе родной матери любитъ. Такъ поддержимъ?

— Попробуемъ.

— Надо дѣйствовать не силою, не натискомъ. Тутъ преданность требуется, а преданность—даръ добровольный. Воодушевите редакцію. Постарайтесь вызвать подъемъ духа... солидарность... Они люди нервные: легко поддаются внушенію. Но... чтобы незамѣтнымъ образомъ.

— Словомъ: рр-ра-азгорячись, ребята?

— Вотъ, вотъ. Можете это сдѣлать? Для меня?

— Для васъ? Для васъ я все могу. Прикажите, Евгенія Васильевна, акушеромъ буду.

— Похлопочите, Мишенька, около сотрудниковъ.

— Въ чинѣ вдохновителя? Можно. Привьемъ имъ бациллу азартнаго трудолюбія. Устрою у себя ассамблейку, созову пишущую братію... И начну внушать мысли на разстояніи.

— Вы только не пересолите.

— Не безпокойтесь, Евгенія Васильевна: вамъ подражать буду. Насмотрѣлся. Это вы меня почему-то придурковатымъ считаете. А я далеко не такъ глупъ, какъ кажусь.

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Честное слово.

— Ну, поживемъ — увидимъ.

Евгенія Васильевна протянула Краевичу руку. Онъ спросилъ:

— Поцѣловать разрѣшается? авансомъ?

— Дерзайте. Да вотъ еще что: сами, Мишенька, подтянитесь. Насчетъ фельетоновъ... Поживѣй, посвѣжѣй, пооригинальнѣй... Чтобы задоръ былъ... Чтобы наборщики улыбались!

— Можетъ еще: чтобы „Figaro“ перепечатало?

— И то желательно. Выручайте, голубчикъ: силъ моихъ не хватаетъ.

— Радъ стараться, Евгенія Васильевна. Отдыхайте и не тревожьтесь. Положитесь на мою дружбу: не выдамъ. Грудью отстоимъ, ляжемъ костьми за честь знамени... И заново волшебно отремонтируемъ вамъ газету. Довольны вы?

— Отслужу, право отслужу. Развѣ умру до весны... тогда не взыщите. Если же нѣтъ, отдохну весною и воздамъ вамъ сторицею.

— Слушаю-съ.

— Ужъ очень, знаете ли, обидно мнѣ стало. Ксаверій предложилъ деньги и не сомнѣвался въ моемъ согласіи. Съ мѣста въ карьеръ заговорилъ откровенно, какъ съ вѣрнымъ сообщникомъ. Ну, и наговорилъ же... До сихъ поръ я Татарова большимъ циникомъ считала. А теперь вижу: Дмитрій Ивановичъ— это еще наивность. Мальчишка и щенокъ передъ Аполлоновымъ. Вотъ гдѣ цинизмъ настоящій: холодный, послѣдовательный, разсчетливый... Онъ мечтаетъ выѣзжать на тѣхъ вещахъ, которыя намъ все-таки дороги... Собирается чуть ли не канканировать подъ тѣ мотивы, которые уважать должно. Но мы не допустимъ... Сами не приложимъ рукъ къ его затѣѣ и сотрудникамъ не позволимъ. Выписывай заморскихъ сподвижниковъ: посмотримъ, что̀ ты создашь съ ними?

— Пусть-ка попробуетъ!—серьезно и въ тонъ Евгеніи Васильевнѣ предложилъ увлекшійся Краевичъ:—это у васъ вѣрный разсчетъ; безъ сотрудниковъ недалеко умчится. А разъ наши не пойдутъ, Ксаверій останется безъ штата. Онъ видно на то и надѣялся, что вы перетащите за собою лучшенькихъ. Теперь же ему некуда толкнуться. Въ „Обывателѣ“ всѣ хорошо обезпечены: оттуда никого не извлечешь. Такъ развѣ—завалъ какую-нибудь...

— А нашихъ попридержать нужно. Вы, Михаилъ Александровичъ, обязаны заняться этимъ. Я нездорова... И кромѣ того меня могутъ посчитать лицомъ заинтересованнымъ. Подумаютъ, будто я хлопочу изъ боязни конкурренціи; тогда какъ тутъ—

совсѣмъ иныя причины... Вы же—сотрудникъ нейтральный... Васъ скорѣе послушаютъ. Такъ сдѣлаете внушеніе?

— Непремѣнно, Евгенія Васильевна.

Онъ опять возвратился къ своему обычному тону и сказалъ съ оттѣнкомъ неисправимаго балагурства:

— Охъ, и подложимъ же мы Ксаверію свинью! То-есть, такъ подкатимъ къ провалу, держись покрѣпче! А пока что— покойной ночи, королева.

Краевичъ отвѣсилъ глубокій поклонъ.

— До скораго свиданья, принцъ. Благодарю.

Къ ноябрю „Z-ская Рѣчь" подтянулась по всѣмъ отдѣламъ. Homo-Листопадовъ каждый день писалъ коротенькими строчками маленькій фельетонъ. Соловьемъ заливался по воскресеньямъ принцъ Гамлетъ. Редакція начала печатать небольшими порціями его бойкій разсказъ изъ мѣстной жизни. Судебные отчеты стали выходить въ полубеллетристической формѣ, подъ рубрикой: „Изъ залы суда". Татаровъ авторитетнымъ слогомъ строчилъ забористыя статьи. Райзманъ метался по городу въ погонѣ за новостями, какъ подстрѣленный. Появились спеціальныя телеграммы, интересныя театральныя рецензіи, биржевыя и торговыя справки. Розничная продажа явнымъ образомъ шла на повышеніе.

Наконецъ, вышелъ въ свѣтъ первый нумеръ „Новаго Слова". Сотрудники „Z-ской Рѣчи" возликовали.

— Евгенія Васильевна! Да вы поглядите...

— Видѣла я, видѣла... Шаблонно. Газетка сѣ-ѣ-ѣренькая!

— Два печатныхъ листа, и читать нечего.

— Либеральничаютъ все-таки...

— И либерализмъ у нихъ заѣзженный. Совсѣмъ истрепанныя темы.

— Статьи—огромнѣйшія. На журнальный образецъ. Сейчасъ видно, что любители стряпали.

— Какое тамъ: на журнальный образецъ! Ни то, ни сё... Ни газетной сжатости, ни журнальной полноты.

— Масса длиннотъ... Слогъ невозможный: по семнадцати строкъ періоды. И это—при компактномъ шрифтѣ.

— Отъ точки до точки выспаться можно.

— А воды-то, воды, Господи Боже мой! День и но-очь шуми-итъ Ара-агва...

— Особенно въ фельетонѣ. Кто это у нихъ—Донъ Жуанъ?

— Самъ Ксаверій. Кто же другой? Его манера: много словъ, а до смысла не докопаешься.

— Вотъ тебѣ и лучъ свѣта въ темномъ царствѣ!

— Надѣлала синица шуму, а моря не зажгла.

— Обождемъ съ мѣсяцъ. Первый блинъ иногда комомъ: можетъ, у нихъ и поправится дѣло.

Однако, дѣло не поправилось и впослѣдствіи. Редакторъ „Новаго Слова" былъ вполнѣ доволенъ своимъ новорожденнымъ дѣтищемъ. И потому никакихъ улучшеній не воспослѣдовало. Наоборотъ, на первыхъ же порахъ за молодою газетою насчитали нѣсколько комическихъ промаховъ и крупныхъ оплошностей.

Въ „Z-ской Рѣчи" пріободрились.

— Ну, что, Лука Тимоѳеевичъ: какъ подписка? Не хуже прошлогодней?—спрашивали сотрудники въ концѣ декабря.

Лука Тимоѳеевичъ скромно потуплялъ глаза.

— Пока грѣхъ роптать. Неизвѣстно, что̀ Богъ дастъ дальше?—смиренно отвѣчалъ онъ.

Но его длинные пушистые усы прикрывали жизнерадостную улыбку. По лицу Луки Тимоѳеевича можно было замѣтить, что подписка идетъ не плохо.

Иліодоръ Петровичъ опять началъ ругаться въ редакціи.

— Хорошій признакъ,—соображали сотрудники,—значитъ, доволенъ и опасается, какъ бы сотрудникъ не возмечталъ о себѣ лишняго. Боится, чтобы у того не закружилась голова.

Новый годъ встрѣчали коллективно въ ресторанѣ. Настроеніе у всѣхъ было приподнятое, боевое; точно люди одержали блестящую побѣду надъ могучимъ врагомъ. Женичка въ бѣломъ платьѣ казалась помолодѣвшей. Послѣ двѣнадцати часовъ пили за „Z-скую Рѣчь". Принцъ Гамлетъ поднялъ бокалъ за будущіе успѣхи редакціонной арміи. Онъ говорилъ долго, зажигательно. И закончилъ словами: „Наша сила—въ единеніи. Мы больше не боимся соперниковъ: пусть теперь они боятся насъ. Соперничество страшитъ только слабаго, а мы встрѣчаемъ его во всеоружіи. И мы побѣдимъ!"

— Ура!

— За наши побѣды!

— За единеніе..

— И за главнокомандующаго: ваше здоровье, Евгенія Васильевна!

— За здоровье Евгеніи Васильевны...

— Командуйте, Евгенія Васильевна!—крикнулъ принцъ Гамлетъ, а мы... мы ваши слуги.

Тогда Евгенія Васильевна отвѣтила съ большимъ достоинствомъ и даже съ нѣкоторой торжественностью.

— Не мнѣ, господа, вы служите. Не мнѣ и не Иліодору Петровичу. Всѣ мы, взятые вмѣстѣ, слуги общества. И—надѣюсь—мы будемъ твердо помнить объ этомъ? Пока есть силы, мы на дѣйствительной службѣ. Пусть наше служеніе маленькое, незамѣтное... Что-жъ изъ того? Служимъ — какъ можемъ, какъ умѣемъ. А все-таки у насъ нѣтъ иного господина, кромѣ общества, и мы должны съ нимъ считаться. Оно ждетъ кое-чего отъ насъ... Мы не имѣемъ права забывать объ его ожиданіяхъ. Предлагаю тостъ за общество.

Собраніе увлеклось тостомъ.

— Урра-а-а!

— Браво, Евгенія Васильевна!

— Браво!

— Надо выпить за общество...

— Выпьемъ...

— Да здравствуетъ общество!

О. Н. Ольнемъ.

ФИНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

ВЪ ЕЯ

ПРОШЛОМЪ и НАСТОЯЩЕМЪ

Окончаніе *).

III.

Художественная литература на финскомъ языкѣ, какъ уже сказано было выше, — явленіе сравнительно недавняго времени: если не считать дѣтскихъ попытокъ простонародныхъ стихотворцевъ сочинять пѣсни и поучительныя вирши въ тонѣ и размѣромъ „Калевалы", не имѣвшія, можно сказать, никакого литературнаго значенія, то первыя произведенія художественнаго творчества на финскомъ языкѣ придется отнести только къ началу 60-хъ годовъ, когда, по волѣ императора Александра II, финскому языку были даны литературныя права. Съ этого времени всѣ старанія финскихъ патріотовъ направлены были къ тому, чтобы сдѣлать этотъ языкъ, хотя и очень гибкій и своеобразно богатый, но совершенно необработанный, послушнымъ орудіемъ для выраженія разнообразныхъ оттѣнковъ чувства и мысли,—приспособить его къ литературѣ и наукѣ. Начинается дѣятельная разработка грамматики и словаря, создается множество новыхъ словъ для обозначенія понятій, остававшихся до того времени чуждыми финской народной жизни; вырабатываются

*) См. выше, іюль, стр. 187.

новыя формы рѣчи стихотворной и прозаической. Въ нѣсколько лѣтъ финская литература быстро проходитъ этотъ періодъ своего ученичества и затѣмъ даетъ цѣлый рядъ произведеній, замѣчательныхъ какъ по своей формѣ, такъ и по содержанію, и представляющихъ не только этнографическій, но и литературный интересъ.

Однимъ изъ первыхъ піонеровъ этой молодой литературы явился Алексисъ *Киви* (1834—72). Сынъ бѣднаго деревенскаго портного, онъ только 17-ти лѣтъ началъ учиться грамотѣ, а черезъ шесть лѣтъ уже выдержалъ экзаменъ для поступленія въ университетъ. Работая надъ своимъ образованіемъ, онъ въ то же время обратился и къ литературѣ и написалъ на народномъ языкѣ нѣсколько драматическихъ произведеній и большой романъ „Семеро братьевъ“ (Seitsemän Veljestä), который справедливо считается однимъ изъ перловъ финской литературы. Чрезмѣрное напряженіе умственныхъ силъ роковымъ образомъ отразилось на здоровьѣ молодого писателя: въ самый годъ изданія этого романа (1869) Киви сошелъ съ ума и черезъ три года скончался.

Романъ Киви задуманъ очень оригинально. Это—сложная исторія семерыхъ братьевъ, совершенно непохожихъ другъ на друга по характеру. По разнымъ обстоятельствамъ, жизнь въ культурномъ обществѣ становится для нихъ невозможною, и они удаляются въ лѣсъ, гдѣ и живутъ нѣкоторое время посреди всевозможныхъ опасностей и приключеній, изображаемыхъ нерѣдко съ большою силою поэтическаго воображенія и съ смѣлымъ, чисто-народнымъ юморомъ. Наконецъ, послѣ разныхъ передрягъ и треволненій, братья возвращаются на родину, поселяются въ отцовскомъ домѣ, пріобрѣтаютъ извѣстное образованіе и необходимыя для нихъ знанія, обзаводятся семьями и становятся полезными членами общества, отъ котораго раньше бѣжали.

Въ этомъ романѣ все было новостью для финскихъ читателей: и неподкрашенная правда изображенія народной жизни, и картины борьбы съ суровой природой въ дикой лѣсной глуши, то романтически-яркія, то причудливо-каррикатурныя, и основная мысль, въ которой выразилось желаніе автора наглядно представить постепенное пробужденіе въ человѣкѣ самосознанія и прослѣдить тотъ процессъ, благодаря которому первобытный дикарь мало-по-малу превращается въ піонера культуры. Не менѣе замѣчателенъ этотъ романъ и по своей формѣ: здѣсь мы находимъ, можно сказать, смѣшеніе всѣхъ стилей, — и трезвую сухую протокольную прозу, и яркій, образный языкъ романтика, иногда переходящій даже въ мѣрную рѣчь, похожую на стихи,

и оживленные разговоры, какъ въ драмѣ, и подробнѣйшія описанія природы, а рядомъ съ ними—крайній лаконизмъ. Но вообще романъ Киви производитъ впечатлѣніе вполнѣ законченнаго и хорошо продуманнаго цѣлаго: въ немъ виденъ опредѣленный планъ и заранѣе поставленная авторомъ цѣль.

Киви хотя и происходилъ изъ простого народа, но получилъ университетское образованіе, и знакомство съ европейскими литературами не могло не отразиться на его собственныхъ произведеніяхъ, хотя и отличающихся большою оригинальностью. Такимъ образомъ, по характеру своей дѣятельности онъ принадлежитъ къ числу представителей литературы не „народной“ въ строгомъ смыслѣ этого слова, а художественной. Но его примѣръ вызвалъ къ дѣятельности цѣлый рядъ писателей, которые по своему происхожденію принадлежали къ крестьянству или къ низшимъ слоямъ городского населенія и большею частью не „выходили изъ народа“ въ иной общественный кругъ. Это своеобразное участіе простонародья въ литературномъ творчествѣ націи—явленіе, постоянно наблюдаемое въ финской литературѣ, которая по самому своему существу есть литература глубоко-демократическая. Конечно, огромное большинство этихъ народныхъ писателей, — народныхъ и по языку своихъ произведеній, и по ихъ содержанію, и по тому кругу читателей, для котораго эти произведенія предназначаются,—стоитъ далеко отъ „художественнаго творчества“; они просто передаютъ свои житейскія впечатлѣнія, нерѣдко задаваясь дидактическою цѣлью—указывать читателямъ правильный жизненный путь, представлять имъ образцы, заслуживающіе подражанія или осужденія, содѣйствовать пробужденію общаго національнаго самосознанія и распространенію тѣхъ идей, которыя кажутся имъ полезными для народа. Всѣ такіе народные поэты, разсказчики, романисты почти совсѣмъ лишены воображенія: они ничего не „изобрѣтаютъ“, ничего не выдумываютъ, ничѣмъ не украшаютъ своего разсказа; они просто, непосредственно только передаютъ то, что̀ имъ привелось увидѣть, услышать, узнать; но при этомъ они не знаютъ и эпической объективности: факты всегда получаютъ у нихъ личное освѣщеніе, то или иное толкованіе,—юмористическое, грустное, насмѣшливое, негодующее. Само собою разумѣется, что и сюжеты для своихъ произведеній они черпаютъ исключительно изъ той дѣйствительности, которая ихъ самихъ окружаетъ, и что изображеніе этой дѣйствительности отличается у нихъ самымъ неподдѣльнымъ реализмомъ. Нѣкоторые изъ нихъ даже не умѣютъ отдѣлять важнаго отъ мелочей и разсказываютъ все по порядку,

какъ оно было на самомъ дѣлѣ, такъ что получается нѣчто въ родѣ живой фотографіи, снятой съ подлинной жизни.

Старѣйшимъ и первымъ въ ряду этихъ народныхъ писателей является Петръ *Пэйвэринта* (Pietari Päivärinta, род. 1827). Это—человѣкъ, не получившій почти никакого образованія и въ началѣ своей писательской дѣятельности не имѣвшій даже и понятія о литературѣ другихъ народовъ. „Удивительно,—говоритъ Юхани Ахо [1],—какъ изъ него могъ выйти такой писатель, какимъ онъ оказался". У себя на родинѣ онъ принадлежитъ къ числу самыхъ любимыхъ авторовъ; его произведенія читаются во всѣхъ слояхъ финскаго общества и даже переводятся на иностранные языки, — на шведскій, нѣмецкій, русскій. Уже самый ранній его литературный опытъ, — небольшой разсказъ „Моя жизнь" (Elämäni), — при своемъ появленіи въ печати вызвалъ общее вниманіе и одобреніе со стороны всѣхъ друзей финской литературы. Онъ былъ изданъ отдѣльной книжечкой финскимъ литературнымъ обществомъ; Ирье Коскиненъ въ финскомъ „Литературномъ Ежемѣсячникѣ" (Kirjallinen Kuukauslehti) далъ о немъ восторженный отзывъ и выразилъ сожалѣніе, что общество не присудило автору какой-либо награды. И дѣйствительно, этотъ первый разсказъ Пэйвэринты былъ однимъ изъ самыхъ лучшихъ его произведеній. Картины изъ собственной жизни писателя, нарисованныя неопытной, но талантливой рукой, вышли чрезвычайно живыми и жизненными; да иначе, конечно, и быть не могло, такъ какъ Пэйвэринта изображаетъ дѣйствительно то, что̀ онъ самъ пережилъ: это — самая настоящая Wahrheit, въ которой очень мало Dichtung. Здѣсь нѣтъ ничего лишняго; отдѣльные эпизоды удачно другъ друга дополняютъ и даютъ общую картину жизни автора. Вотъ какъ разсказываетъ онъ о томъ, почему ему вздумалось заняться писательствомъ.

Онъ имѣлъ несчастіе сломать себѣ ногу и долженъ былъ нѣсколько мѣсяцевъ пролежать въ постели. И вотъ, когда онъ поправился настолько, что ему стало можно въ постели сидѣть, онъ приладилъ скамейку такъ, что на ней можно было писать, и началъ „марать бумагу". Онъ горячо убѣждаетъ своихъ земляковъ учить дѣтей писать. Самъ онъ былъ сынъ бѣднаго поденщика, но отецъ научилъ его читать и писать, несмотря на то, что семья жила часто въ крайней нуждѣ, и будущему писателю въ дѣтствѣ приходилось ходить за милостынькой. Двѣ-

---

[1] „Взглядъ на новѣйшую финскую беллетристику", въ журналѣ „Valvoja", 1884, стр. 346—358.

надцати лѣтъ онъ уже самъ зарабатывалъ себѣ хлѣбъ, а двадцати лѣтъ женился, хотя ему и женѣ приходилось снискивать себѣ пропитаніе поденной работой. Впослѣдствіи имъ удалось занять у кого-то денегъ, они купили себѣ клочекъ земли, построили избу и начали обработывать поле, какъ это дѣлаютъ всѣ финскіе „новосельцы", о которыхъ разсказываетъ Юхани Ахо въ одномъ изъ своихъ очерковъ:

„Двѣ руки простого рабочаго и двѣ руки бабы—вотъ и весь тотъ капиталъ, съ помощью котораго финскія пустыни превращаются въ плодороднѣйшія нивы. Еслибы этотъ рабочій и эта баба не пришли сюда, имъ жилось бы легче, — но пустыня осталась бы пустыней, и культурный шагъ впередъ остался бы не сдѣланнымъ. Мы не можемъ поставить никакихъ памятниковъ на могилахъ этихъ людей, потому что число ихъ превышаетъ тысячи"...

Пэйвэринтѣ, впрочемъ, не пришлось вести суровую борьбу съ морозомъ и голодомъ, злѣйшими врагами всякаго новосельца: у него былъ хорошій голосъ, и потому его взяли въ помощники церковнаго регента; затѣмъ онъ сдалъ кистерскій экзаменъ и сдѣлался кистеромъ въ своемъ родномъ селѣ. Впослѣдствіи, заслуживъ извѣстность и довѣріе своихъ односельчанъ, онъ не разъ былъ избираемъ въ разныя почетныя должности и былъ даже депутатомъ на сеймѣ. Всѣ эти занятія отвлекали его отъ дома; онъ привыкъ проводить время въ кругу веселыхъ товарищей и, наконецъ, запьянствовалъ и однажды, пьяный, побилъ свою жену. Тогда онъ почувствовалъ угрызенія совѣсти и силой воли одолѣлъ захватившій его порокъ.

Жизнь Пэйвэринты, въ томъ видѣ, какъ онъ самъ о ней разсказываетъ, представляется типичною почти для всѣхъ финскихъ народныхъ писателей. Мы не знаемъ, вышелъ ли этотъ разсказъ такимъ изъ-подъ пера автора, или онъ подвергся, во время печатанія, нѣкоторымъ исправленіямъ со стороны людей, болѣе свѣдущихъ въ литературѣ; но въ отношеніи внѣшней формы и выбора подходящаго содержанія онъ заключаетъ въ себѣ много поучительнаго и для самого автора, въ позднѣйшихъ произведеніяхъ котораго бросается въ глаза недостатокъ разборчивости въ обоихъ отношеніяхъ. Въ этомъ первомъ разсказѣ Пэйвэринты уже высказываются почти всѣ тѣ идеи, которыя впослѣдствіи были имъ развиты съ большею подробностью. Самая главная изъ нихъ, это—благо народнаго просвѣщенія. Почти во всѣхъ его разсказахъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ является какой-нибудь молодой человѣкъ, который горитъ жаждою знанія,

необходимаго для борьбы съ бѣдностью и нравственными недостатками народа. Чаще всего онъ выступаетъ въ роли новосельца. Онъ упорно ведетъ начатую борьбу, и вотъ—недостатки мало-по-малу устраняются, заботъ и непріятностей становится меньше, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и герой поддается искушенію и обыкновенно дѣлается пьяницей. Впрочемъ, въ концѣ концовъ, онъ успѣваетъ, все-таки, избавиться отъ этого порока и становится всѣми уважаемымъ гражданиномъ. Благородная и любящая жена остается ему неизмѣнно вѣрной во всѣхъ превратностяхъ судьбы, во всемъ ему помогаетъ и нерѣдко дѣйствуетъ успѣшнѣе своего мужа. Уваженіе къ женщинѣ, любовь къ семьѣ и домашнему очагу—любимыя темы Пэйвэринты, и Юхани Ахо ставитъ ему это въ особенную заслугу. Но во всѣхъ его разсказахъ болѣе или менѣе повторяется все одно и то же: у него мало разнообразія въ выборѣ сюжетовъ и въ ихъ обработкѣ.

Вслѣдъ за первымъ разсказомъ Пэйвэринты сталъ печататься въ „Финской иллюстраціи“ (Suomen Kuvalehti) рядъ его небольшихъ очерковъ, изданныхъ впослѣдствіи отдѣльно подъ общимъ заглавіемъ: „Наблюденія надъ жизнью“ (Elämän havannoita). Здѣсь изображаются разные случаи и происшествія, которые авторъ имѣлъ возможность наблюдать лично во время своихъ многочисленныхъ поѣздокъ по Финляндіи, или о которыхъ онъ слышалъ отъ другихъ людей. Во время своихъ поѣздокъ онъ всегда сворачивалъ въ сторону, по деревнямъ и хуторамъ, „чтобы чему-нибудь научиться, что-нибудь увидать, узнать чистые и трезвые обычаи своего народа, его жизнь и труды, заглянуть въ человѣческое сердце и познакомиться съ волнующими его радостями и печалями, надеждами и стремленіями“. И дѣйствительно, во всѣхъ своихъ произведеніяхъ онъ является внимательнымъ, правдивымъ и любящимъ наблюдателемъ народной жизни. Первый изъ разсказовъ названнаго сборника—„Домъ новосельца“—сразу привлекаетъ читателя той простотою и задушевностью, какою вообще отличаются у Пэйвэринты описанія родной природы. Здѣсь именно описаніе снѣжной бури служитъ, можно сказать, мрачнымъ введеніемъ въ печальное повѣствованіе. Передъ нами—занесенная снѣгомъ избушка новосельца, въ которой ютится вся его семья, съ больнымъ ребенкомъ,—предметомъ любви и тревогъ молодыхъ отца и матери. Запоздалымъ путникомъ, ищущимъ ночлега, приходитъ сюда авторъ разсказа и слышитъ отъ этихъ простыхъ людей трогательныя рѣчи объ ихъ трудахъ, нуждахъ, лишеніяхъ и надеждахъ на будущее. Но простота и безъискусственность этого разсказа неожиданно на-

рушаются новою чертою. Авторъ спитъ въ банѣ и видитъ во снѣ оставшагося въ избѣ больного ребенка съ отцомъ и матерью. Вдругъ дверь избы растворяется, какой-то призрачный снѣжный образъ входитъ туда, приближается къ колыбели, беретъ ребенка, бѣжитъ съ нимъ на дворъ, поднимается на высоту,—и среди завываній вѣтра слышится пѣніе: „Слава, благодареніе и поклоненіе Господу Богу нашему во вѣки вѣковъ!" Этотъ неожиданный эпизодъ, совершенно искусственный и излишній, видимо показался автору особенно возвышеннымъ...

Въ томъ же родѣ и разсказъ „Морознымъ утромъ". Путникъ приходитъ вечеромъ въ деревню, гдѣ всѣ встревожены возможностью морозной ночи. Особенно волнуется одинъ древній старикъ. Наступаетъ ночь,—тихая, холодная; всѣ спятъ,—а морозъ дѣлаетъ на поляхъ свое разрушительное дѣло. И вотъ, путникъ видитъ во снѣ этого общаго врага: морозъ входитъ въ избу; онъ весь изъ луннаго сіянія; на немъ ледяная шапка съ сосульками... Онъ уничтожаетъ жатву, не обращая вниманія на мольбы путника пощадить народное достояніе...

Въ другихъ своихъ очеркахъ и разсказахъ Пэйвэринта изображаетъ разныя другія стороны народной жизни и взаимныя отношенія крестьянъ въ быту семейномъ и общественномъ. Какъ и всѣ финскіе народные писатели, Пэйвэринта отличается искренней религіозностью. Идеаломъ женщины является въ его глазахъ мать-воспитательница въ христіанскомъ духѣ. Въ одномъ разсказѣ отецъ, сынъ котораго сдѣлался убійцей, приписываетъ эту бѣду отсутствію матери. „Сынъ долженъ теперь страдать изъ-за меня",—говоритъ онъ.—„Я не научилъ дѣтей бояться Бога и уважать людей. Они слышали отъ меня только брань, въ памяти у нихъ остались только мои побои!.."

Пэйвэринта является также горячимъ проповѣдникомъ христіанской любви къ ближнему. Въ разсказѣ „Старуха-нищенка" онъ яркими красками рисуетъ людское безсердечіе и безчувственность; въ другомъ разсказѣ—„Бѣднякъ Матвѣй"—жадный и суровый эгоистъ-пасторъ не прощаетъ бѣдному бобылю, который не заплатилъ ему годовой дани, и обращается за взысканіемъ къ суду. Совершенно разоренный этимъ взысканіемъ, мужикъ уже не въ силахъ держаться дольше; онъ напрягаетъ послѣднія усилія, стараясь достать хоть немного денегъ, въ зимнюю метель везетъ на продажу въ городъ деготь и на дорогѣ замерзаетъ, а въ ближайшее воскресенье, послѣ его похоронъ, пасторъ читаетъ краснорѣчивую проповѣдь на текстъ: „Возлюби ближняго какъ самого себя"...

Позднѣйшія произведенія Пэйвэринты слабѣе первыхъ уже и потому, что обширнѣе ихъ: у него не хватаетъ умѣнья для обработки болѣе обширныхъ сюжетовъ,—и въ результатѣ дѣло сводится къ одному многословію, тѣмъ болѣе, что „изъ боязни показаться лгуномъ“ онъ считаетъ необходимымъ передавать факты со всѣми, даже самыми мелкими и несущественными ихъ подробностями, не отдѣляя важнаго отъ неважнаго. Но несомнѣнное его достоинство составляетъ полное отсутствіе той дѣланной слащавости, какою иногда такъ сильно грѣшатъ, напримѣръ, наши писатели „для народа“.

Мы сочли необходимымъ подробнѣе остановиться на произведеніяхъ Пэйвэринты, потому что этотъ писатель является типичнымъ представителемъ весьма обширнаго и значительнаго отдѣла современной финской литературы. Его примѣръ вызвалъ множество послѣдователей, среди которыхъ найдется нѣсколько писателей несомнѣнно даровитыхъ и хорошо, изъ первыхъ рукъ, знающихъ финскую народную жизнь.

Въ числѣ этихъ писателей выдающееся положеніе занимаетъ въ настоящее время *Кауппись-Хейкки* (Генрихъ Кауппиненъ). Онъ служилъ батракомъ близъ Иденсальми, у пастора Бруфельда, отца Юхани Ахо. Послѣдній, вмѣстѣ съ двумя своими братьями, также очень даровитыми и образованными людьми, сталъ учить молодого парня, который оказался очень понятливымъ. Познакомившись съ первыми литературными опытами своего учителя, Хейкки захотѣлъ и самъ попробовать заняться литературой. Его первые разсказы („Tarinoita“, 1886) не отличались самостоятельностью; они были написаны въ обычномъ стилѣ народныхъ финскихъ писателей, съ длиннотами и обиліемъ мелкихъ подробностей. Но въ позднѣйшихъ своихъ произведеніяхъ онъ все больше и больше освобождался отъ этого недостатка, такъ что послѣдніе его разсказы принадлежатъ къ лучшимъ образцамъ финской народной литературы. Кауппись-Хейкки нерѣдко берется за очень серьезныя темы и отличается особеннымъ мастерствомъ въ характеристикѣ отдѣльныхъ дѣйствующихъ лицъ. Общій тонъ его произведеній—довольно мрачный; онъ вообще предпочитаетъ сюжеты печальные и даже трагическіе. Такъ, въ самомъ значительномъ изъ своихъ романовъ „Проклятая работа“ (1891) онъ выводитъ крестьянъ, которые убѣждены въ томъ, что образованіе приноситъ деревнѣ одинъ только вредъ. Господскій сынъ соблазнилъ дочь одного богатаго мужика; отецъ думаетъ, что это произошло единственно оттого, что онъ далъ дочери „высшее образованіе“, благодаря которому она могла за-

вести съ барчукомъ переписку и вообще увлечься его изящной внѣшностью и манерами. Самъ этотъ крестьянинъ гибнетъ изъ-за своей негодной жены, но также приписываетъ все зло образованію... Прочіе романы Кауппись-Хейкки: „Жители Мэкиярви“, „Лаара“ и „Війя“—исторія крестьянки съ колыбели до могилы,—страдаютъ излишнимъ многословіемъ. Года три тому назадъ вышелъ новый томъ его сочиненій, заключающій въ себѣ нѣсколько очень удачныхъ и сильно написанныхъ разсказовъ изъ деревенской жизни. Полученное въ пасторскомъ домѣ образованіе дало ему возможность изъ простого батрака сдѣлаться школьнымъ учителемъ; въ настоящее же время онъ стоитъ во главѣ одного воспитательнаго заведенія.

На ряду съ Кауппись-Хейкки, но превосходя его сжатостью своего изложенія, стоитъ Александръ *Филандеръ*, пишущій подъ псевдонимомъ *Алькіо*. Это—простой лавочникъ въ маленькомъ мѣстечкѣ, человѣкъ, не получившій никакого школьнаго образованія, но собственнымъ упорнымъ трудомъ достигшій и знаній, и выдающагося положенія среди своихъ земляковъ. Въ настоящее время онъ является однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ поборниковъ народной трезвости и нравственнаго воспитанія юношества и въ этомъ направленіи редактируетъ журналъ „Pyrkija“ („Стремящійся“). Въ своей литературной дѣятельности онъ представляетъ примѣръ быстраго и значительнаго развитія писательскаго таланта. Въ первыхъ своихъ произведеніяхъ онъ мало отличался отъ другихъ народныхъ писателей, но чѣмъ дальше, тѣмъ больше выдѣлялся и оригинальностью композиціи, и художественной обработкой сюжетовъ, и мастерствомъ характеристики дѣйствующихъ лицъ. Самое крупное изъ его произведеній—разсказъ „Потерянный“—рисуетъ печальную долю бѣднаго, больного школьнаго учителя и, несмотря на свой нѣсколько слезливый тонъ, производитъ сильное впечатлѣніе. Въ другомъ разсказѣ—„Герои ножа“—онъ далъ яркую картину суровой и грубой жизни остроботнійцевъ, покоряемыхъ силою проповѣди піэтизма. Алькіо обладаетъ также тонкимъ юморомъ, которымъ въ его произведеніяхъ нерѣдко освѣщаются даже трагическія стороны жизни.

Въ числѣ современныхъ финскихъ народныхъ писателей слѣдуетъ упомянуть еще кузнеца Хейкки *Мериляйнена*, который въ своемъ романѣ „Торпарь Тапани“ выступаетъ рѣшительнымъ противникомъ піэтизма и унижающей человѣческое достоинство нетерпимости представителей этого ученія, которое занесено было въ Финляндію изъ скандинавскихъ странъ и нашло здѣсь под-

ходящую для себя почву. Онъ издалъ также сборникъ финскихъ народныхъ пѣсенъ.

Лѣсной сторожъ Юхана *Кокко*, пишущій подъ псевдонимомъ „Kyösti", въ разсказѣ „Въ казенныхъ лѣсахъ" изобразилъ столкновеніе старинныхъ правовыхъ понятій народа, привыкшаго считать лѣсъ „ничьимъ да Божьимъ", съ новыми лѣсоохранительными законами, запрещающими крестьянамъ свободное пользованіе лѣсомъ, корчеваніе деревьевъ подъ распашку нови, собираніе коры для подѣлокъ и для примѣси къ хлѣбу, гонку дегтя и т. п. Авторъ стоитъ на сторонѣ народа, показывая, какъ исполненіе этихъ законовъ мелкими административными властями ведетъ къ разнаго рода ябедамъ и даже къ полному разоренію живущихъ около лѣса крестьянъ. Послѣдняя сцена разсказа представляетъ яркую сатиру: выгнанная изъ лѣсу крестьянская семья эмигрируетъ въ Америку, а господа и чиновники празднуютъ открытіе Улеаборгской желѣзной дороги, какъ побѣду цивилизаціи...

Изъ новѣйшихъ писателей этого направленія слѣдуетъ еще назвать Ээро *Сиссала*, недавно выступившаго съ талантливымъ разсказомъ: „Хейкки Хельмикангасъ". Недурныя вещицы въ томъ же родѣ писалъ Отто *Туоми*. Есть также и народная писательница Лиза *Терво*, авторъ романа „Новый отецъ".

Всѣ перечисленные здѣсь авторы повѣстей и романовъ изъ народнаго быта являются настоящими „народниками", подобныхъ которымъ немного найдется въ другихъ европейскихъ литературахъ: всѣ они подлинныя „дѣти деревни", большею частью и теперь недалеко отъ нея ушедшія и, во всякомъ случаѣ, сохраняющія съ нею живую, кровную связь, благодаря которой они являются въ литературѣ вполнѣ компетентными представителями своего народа, такъ сказать, органами финскаго крестьянства. Ихъ произведенія широко распространены среди финскаго простонародья, которое, кстати сказать, почти поголовно грамотно, и, безъ сомнѣнія, имѣютъ на этихъ читателей сильное вліяніе. Но и образованная финская публика, также полная живыхъ симпатій къ народу, притомъ постоянно подогрѣваемыхъ патріотическимъ движеніемъ и борьбою финномановъ и свевомановъ, относится къ этимъ писателямъ съ живѣйшимъ интересомъ и сочувствіемъ. Демократическій элементъ, внесенный ими въ финскую литературу, занимаетъ въ ней выдающееся мѣсто и проявляется въ дѣятельности многихъ писателей, по своему происхожденію не принадлежащихъ собственно къ „народу" или ушедшихъ изъ него въ высшіе классы общества, но сохранившихъ или съумѣв-

шихъ усвоить и развить въ себѣ народную „складку“. Такимъ образомъ, какъ мы уже и замѣтили выше, современная финская литература на финскомъ языкѣ носитъ на себѣ яркую печать демократическаго духа.

Въ ряду этихъ демократическихъ писателей, получившихъ высшее образованіе, знакомыхъ съ европейскими литературами и выработавшихъ себѣ извѣстные художественные пріемы, первое мѣсто занимаетъ недавно скончавшаяся Минна *Кантъ*. По своему происхожденію она также принадлежитъ къ народу, но ей удалось получить высшее образованіе и пріобрѣсти порядочный запасъ литературныхъ свѣдѣній. Ея біографія во многомъ похожа на романъ. Минна Кантъ родилась въ 1844 году въ Таммерфорсѣ, въ семьѣ рабочаго хлопчато-бумажной мануфактуры, Густава-Вильгельма Іонсона. Пяти лѣтъ отъ роду она уже умѣла читать, пѣть и аккомпанировать себѣ на фисъ-гармоніи, къ великой гордости своего отца. Когда ей исполнилось восемь лѣтъ, отецъ ея открылъ въ Куопіо лавочку шерстяныхъ издѣлій и отдалъ дочку въ находившееся тамъ трехклассное женское училище, гдѣ преподаваніе велось на шведскомъ языкѣ. Въ 1863 году въ гор. Ювэскюля открыта была первая въ Финляндіи учительская семинарія; Минна поступила туда, но уже черезъ годъ вышла замужъ за учителя, работавшаго также и въ литературѣ, Іоганна Канта. Бракъ этотъ оказался неудачнымъ: Минна по натурѣ была слишкомъ самостоятельна и, несмотря на всѣ свои старанія, чувствовала себя неспособною подчиняться своему мужу. Впрочемъ, по его настояніямъ, она занялась литературной работой: онъ сдѣлался редакторомъ одной газеты, а жена должна была помогать ему. Помощь эта вышла, однако, неловкой: у Минны оказалось такое „острое перо“, что мужъ ея лишился своего редакторскаго мѣста...

Нѣсколько лѣтъ спустя, Кантъ опять сдѣлался редакторомъ, уже другой газеты, и Минна снова получила возможность заниматься литературой. Спектакли финской драматической труппы въ томъ городкѣ, гдѣ она жила, навели ее на мысль попробовать свои силы въ драмѣ. Первая ея пьеса, „Кража со взломомъ“, была уже наполовину готова, когда вдругъ умеръ ея мужъ, и Минна осталась съ семерыми дѣтьми безъ всякихъ средствъ къ существованію. Несмотря на этотъ ударъ, она все-таки докончила свою пьесу и отослала ее въ финскій театръ. И вотъ, въ то время, когда она уже совершенно изнемогала, и физически, и духовно, въ непосильной борьбѣ за существованіе, она получила отъ Финскаго Литературнаго Общества премію за свою

пьесу съ извѣщеніемъ, что пьеса эта принята на сцену финскаго театра. „Кража со взломомъ“ имѣла большой успѣхъ и до сихъ поръ остается репертуарной пьесой въ Финляндіи. Однако, Минна не могла просуществовать однимъ только литературнымъ трудомъ: ей пришлось, по примѣру отца, открыть лавочку мануфактурныхъ издѣлій.

Рѣшительное вліяніе на развитіе литературнаго таланта Минны Кантъ имѣли сочиненія Георга Брандеса, благодаря которымъ она познакомилась также и съ идеями Тэна, Спенсера, Милля и Бокля. Эта теоретическая подготовка выработала изъ нея оригинальную тенденціозную писательницу и проповѣдницу общественныхъ реформъ, занимающую въ современной финской литературѣ довольно своеобразное положеніе. Въ своихъ произведеніяхъ Минна Кантъ является поборницей новѣйшей европейской культуры, въ духѣ которой она желала бы реформировать общественный строй своей родины. Она выступаетъ въ защиту правъ угнетенныхъ общественныхъ классовъ, въ защиту бѣдныхъ противъ сильныхъ и богатыхъ, въ защиту правъ женщины, не признаваемыхъ нынѣшнимъ обществомъ, въ защиту истиннаго христіанства, какъ религіи любви, противъ прикрывающагося пышными фразами оффиціальнаго лицемѣрія. Во всемъ, что̀ вышло изъ-подъ ея пера, виденъ ясный, холодный умъ, боевое настроеніе, проницательность и способность тонко понимать и изображать различныя стороны душевной жизни. Въ ея произведеніяхъ всегда много жизни и драматическаго движенія; но у нея вовсе нѣтъ способности наивнаго, непосредственнаго поэтическаго созерцанія и творчества: она ко всему подходитъ съ вполнѣ опредѣленными, заранѣе продуманными требованіями и сужденіями; это—не простая наблюдательница, а полемистка, всегда склонная къ сатирѣ. Ея кругозоръ узокъ не только потому, что она всю жизнь провела въ узкомъ кругу, но еще и потому, что ея холодный умъ отводитъ слишкомъ мало мѣста чувству. У нея нѣтъ душевной теплоты. Но зато, съ другой стороны, никто лучше ея не знаетъ и не умѣетъ такъ ярко изображать мелочныхъ предразсудковъ мелкаго мѣщанства со всѣми его низменными вожделѣніями и обнаруживать, во всей ея неприглядности, „подоплёку“ этого общественнаго слоя.

Другая отличительная особенность Минны Кантъ—искренняя и глубокая религіозность, во имя которой она строго осуждаетъ обычный образъ дѣйствій лютеранскаго духовенства, въ значительной степени зараженнаго мѣщанскими идеалами. Одинъ изъ ея разсказовъ оканчивается горячимъ призывомъ „врачей душев-

ныхъ, которые могли бы помочь заблудшему и исцѣлить его". Но Минна Кантъ—вовсе не піэтистка: въ ея произведеніяхъ нѣтъ ничего похожаго на поученія тѣхъ лицемѣровъ, которые, по извѣстному выраженію Гейне, „публично проповѣдуютъ воду, а тихонько попиваютъ винцо". Она является также постоянной защитницей правъ свободной личности. Но выше всего на свѣтѣ ставитъ она строгое чувство долга и неуклонное исполненіе человѣкомъ своихъ нравственныхъ обязанностей.

Къ направленію Минны Кантъ близко подходитъ другой, также вышедшій изъ народа, финскій романистъ Тэуво *Паккала* или „Фростерусъ", который, впрочемъ, въ главныхъ своихъ произведеніяхъ остается строгимъ реалистомъ. Его первый разсказъ „Внизъ по рѣкѣ Улео" даетъ объективную, хотя и нѣсколько юмористически окрашенную картину изъ быта крестьянъ сѣвернаго Саволакса, которые изъ окрестностей Каяны и съ береговъ озера Улео сплавляютъ въ Улеаборгъ тысячи бочекъ съ дегтемъ и смолою. Полное опасностей плаваніе „смоляныхъ лодокъ" по быстрой порожистой рѣкѣ уже не разъ было описано и русскими путешественниками, попадавшими въ этотъ край; недаромъ оно привлекаетъ туристовъ, которые не прочь испытать сильныя ощущенія. Посреди узкой рѣки, усѣянной надводными и подводными скалами, длинная и тяжелая лодка несется съ быстротою самаго скораго парохода, ежеминутно рискуя разбиться въ щепки отъ малѣйшей неосторожности своихъ пассажировъ, которые не смѣютъ пошевельнуться при проходѣ особенно страшныхъ мѣстъ, или отъ неловкаго движенія лоцмана, который крѣпко держитъ руль и зорко слѣдитъ за всѣми изгибами фарватера. Вдругъ выростаетъ на пути огромный камень; лодка прямо несется на него, еще минута—и отъ нея останется одно воспоминаніе... Но въ эту послѣднюю минуту лоцманъ сильнымъ движеніемъ руля дѣлаетъ крутой поворотъ, и лодка входитъ въ болѣе спокойное теченіе. „Nyt ollaan chitse!" (теперь проѣхали!) говоритъ лоцманъ, и всѣ пассажиры могутъ вздохнуть свободно и расправить затекшія отъ долгаго неподвижнаго сидѣнья руки и ноги... Бываютъ, конечно, и несчастные случаи, хотя, сравнительно, очень рѣдко, потому что смоляными лодками всегда управляютъ только самые опытные и сильные люди, которымъ весь фарватеръ пороговъ извѣстенъ во всѣхъ подробностяхъ. Одинъ изъ такихъ несчастныхъ случаевъ изображаетъ и Тэуво Паккала: лодка погибла, но бывшіе въ ней крестьяне успѣли спастись и вмѣстѣ съ другими болѣе счастливыми своими товарищами благополучно добрались до Улеаборга. Авторъ съ большою прав-

дивостью и мѣткою наблюдательностью передаетъ впечатлѣнія этихъ, можно сказать, полудикихъ „дѣтей сѣверной природы“, впервые попавшихъ въ губернскій городъ и наслаждающихся никогда невиданными зрѣлищами и никогда неиспытанными увеселеніями.

Въ позднѣйшихъ своихъ произведеніяхъ Тэуво Паккала изображаетъ болѣе мрачныя стороны народной жизни. Такъ, въ романѣ „Эльза“ разсказывается печальная исторія падшей дѣвушки, которая хочетъ лишить себя жизни, потому что ее покинулъ соблазнившій ее купеческій сынокъ. Ее спасаютъ отъ самоубійства; но ей приходится вести тяжкую жизнь, полную горя, лишеній и позора и, отказывая себѣ часто въ самомъ необходимомъ, воспитывать своего сына. Мальчикъ, подростая, постоянно пристаетъ къ матери съ вопросами о томъ, кто его отецъ, и этимъ приводитъ несчастную больную женщину въ такое отчаяніе, что она, наконецъ, умираетъ. Сирота-ребенокъ, по финскому обычаю, продается съ аукціона; отецъ его присутствуетъ тутъ же, но не хочетъ его купить, и мальчикъ попадаетъ къ чужимъ людямъ. Такова эта исторія изъ повседневной народной жизни, полная сочувствія къ бѣднымъ, страждущимъ и притѣсняемымъ людямъ и гнѣвнаго осужденія ихъ притѣснителей. По своей жизненности, мѣткости и психологической правдѣ этотъ разсказъ Тэуво Паккала можетъ смѣло выдержать сравненіе съ лучшими образцами скандинавской реалистической литературы.

Въ томъ же духѣ написаны и его „Воспоминанія дѣтства“, также рядъ мастерски переданныхъ тяжелыхъ впечатлѣній „голоднаго года“, оставившаго въ народной памяти неизгладимый слѣдъ. Между прочимъ, яркими чертами изображается здѣсь и то мрачное, можно сказать, звѣрское пьянство, которое является однимъ изъ самыхъ крупныхъ золъ въ жизни финскаго крестьянина. Впрочемъ, въ душѣ героя разсказа, отца семейства, происходитъ благодѣтельный переворотъ, когда онъ вступаетъ въ піэтистическую секту хихулитовъ...

Кромѣ этихъ воспоминаній о собственномъ дѣтствѣ, Тэуво Паккала издалъ еще небольшой томикъ разсказовъ изъ дѣтской жизни, въ которыхъ видно большое знаніе дѣтской души и вообще дѣтскаго міросозерцанія. Особенно удаются ему изображенія дѣтскихъ фантазій, напримѣръ, въ разсказѣ „Лгуны“, гдѣ два ребенка до такой степени сживаются съ своими выдумками, что потомъ уже и сами не въ силахъ разобрать, гдѣ ложь и гдѣ правда.

По своей писательской манерѣ Тэуво Паккала стоитъ ближе

къ тому фотографическому реализму, какимъ отличается большинство финскихъ народныхъ писателей, чѣмъ къ художественной повѣсти или роману болѣе опытныхъ литераторовъ; но, какъ говоритъ о немъ Юхани Ахо, его непосредственность, тамъ, гдѣ она всего свободнѣе выражается, производитъ наиболѣе сильное и выгодное для него впечатлѣніе.

Кромѣ названныхъ писателей, разсказы и сцены изъ народнаго быта пишутъ еще Вильхо *Сойни*, магистръ филологіи и редакторъ гельсингфорской большой газеты „Uusi Suometar" („Новая Финляндія"), Эрко *Виртало* и др. Сойни—родомъ изъ Тавастланда, и въ своихъ очеркахъ даетъ интересныя картины изъ жизни своихъ земляковъ, во многомъ отличающихся отъ остального населенія Финляндіи. Произведенія Вирталы и другихъ мелкихъ писателей представляютъ интересъ уже не столько литературный, сколько этнографическій.

Отъ этихъ писателей, кругозоръ которыхъ ограничивается исключительно жизнью финскаго простонародья и близкихъ къ нему классовъ мѣстнаго общества, переходимъ теперь къ романистамъ съ гораздо болѣе крупнымъ талантомъ и съ болѣе широкими литературными горизонтами,—къ выдающимся представителямъ финской художественной литературы. Такими писателями являются въ настоящее время: Юхо Рэйоненъ, Сантери Ингманъ, Арвидъ Эрнефельтъ и, наконецъ, успѣвшій пріобрѣсти уже европейскую извѣстность Юхани Ахо.

Юхо *Рэйоненъ* (род. 1855), сынъ торговца изъ сѣверной Кареліи, окончилъ курсъ богословскаго факультета въ Гельсингфорсѣ и въ настоящее время занимаетъ мѣсто сельскаго пастора. Печататься онъ началъ еще въ бытность свою студентомъ, подписывая свои маленькіе разсказики псевдонимомъ „Хейкки" или буквами: ijo (1880 г.). Въ большей части своихъ произведеній онъ является народнымъ бытописателемъ, рисуя преимущественно печальную жизнь и суровую природу сѣвера, съ морозами, голодовками, снѣжными бурями, жизнь безпріютныхъ бѣдняковъ, всѣми покинутыхъ въ нуждѣ, въ такой мѣстности, гдѣ хлѣбъ безъ примѣси березовой коры даже и у зажиточныхъ людей появляется на столѣ только въ праздники. Таковъ, напримѣръ, разсказъ „Въ голодный годъ", гдѣ семья несчастнаго мужика, у котораго продали за долги послѣднюю хату, едва оправившись отъ голоднаго тифа, идетъ, вмѣстѣ съ толпой такихъ же несчастливцевъ, искать пріюта и хлѣба въ русской Кареліи. По дорогѣ ихъ настигаетъ метель, и больше половины этихъ голодныхъ переселенцевъ, еле прикрытыхъ жалкимъ рубищемъ, ста-

новится жертвой мороза. Такое же сильное впечатлѣніе безвыходнаго горя и муки производитъ и другой разсказъ Рэйонена „Въ плохія времена", гдѣ онъ показываетъ, какъ люди иногда склонны ссылаться на неблагопріятныя обстоятельства вмѣсто того, чтобы винить самихъ себя въ своихъ неудачахъ. Лѣнивая и лживая мотовка-жена доводитъ своего работящаго и зажиточнаго мужа до нищенской сумы, а затѣмъ учитъ своихъ дѣтей воровать, такъ что отецъ, въ порывѣ гнѣва и отчаянія, убиваетъ одного изъ нихъ и самъ идетъ въ судъ съ повинной. Но Рэйонену доступны также и мягкія, нѣжныя, задушевныя отношенія, которыя онъ умѣетъ изображать съ большой теплотой чувства, какъ, напр., въ разсказѣ „Душевное утѣшеніе", гдѣ бѣднякъ, у котораго и безъ того ѣсть нечего, радуется рожденію двухъ малютокъ, которыми только-что подарила его жена: „Время отъ времени онъ отрывался отъ работы и съ улыбкой поглядывалъ на эти два крѣпко спавшія маленькія существа; въ глазахъ матери сіяла такая же тихая радость, хотя оба знали, какая тяжелая доля ждетъ новорожденныхъ"...

Нерѣдко у Рэйонена встрѣчается и тонкій юморъ, особенно въ разсказахъ изъ дѣтской жизни, которую онъ умѣетъ изображать съ такою же мѣткою наблюдательностью и знаніемъ души ребенка, какъ и Тэуво Паккала. Но настоящее художественное мастерство Рэйонена обнаруживается въ психологіи не дѣтей, а взрослыхъ: здѣсь ему удалось создать цѣлый рядъ типовъ, удивительныхъ по своей правдивости и жизненности. Такова, напр., фигура гордаго крестьянина Пьетари, на котораго обрушиваются всевозможныя невзгоды, такъ что въ концѣ концовъ, сломленный жизнью и ослѣпшій, онъ становится смирнымъ и набожнымъ и на смертномъ одрѣ прощаетъ свою дочь за то, что она его бросила. Очень удачно справляется онъ также и съ комическими темами, напр., въ разсказѣ „Воспоминанія о Саволаксѣ", гдѣ двое влюбленныхъ все не могутъ рѣшиться на объясненіе и когда, наконецъ, случайно открываютъ другъ другу свою любовь, то оказывается, что время уже прошло, такъ какъ оба они успѣли уже состарѣться. Описанія природы у Рэйонена отличаются большою живописностью; это—одинъ изъ лучшихъ мастеровъ художественнаго пейзажа въ финской литературѣ.

Сантери (Александръ) *Ингманъ* (род. 1865), сынъ пастора изъ финской Лапландіи, является въ своихъ произведеніяхъ преимущественно юмористомъ. Этотъ писатель еще въ молодые годы обратилъ на себя вниманіе своею разносторонностью и плодовитостью: въ ряду его сочиненій мы встрѣчаемъ и этюды изъ финской

исторіи, и повѣсти, и юмористическіе очерки, историческіе романы и разсказы изъ современной жизни. По окончаніи университетскаго курса, онъ сдѣлался однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ сотрудниковъ „ново-финноманскаго“ органа „Päivälehti“ („Ежедневная Газета“), основаннаго въ 1890 г., и помѣстилъ въ этой газетѣ множество статей политическаго и экономическаго содержанія. Еще будучи студентомъ, онъ написалъ свою первую повѣсть: „Въ Элладѣ“ —такъ называется одинъ загородный ресторанъ близъ Гельсингфорса,—въ которой очень живо и мѣтко изобразилъ нѣсколько эпизодовъ изъ студенческой жизни. Вскорѣ затѣмъ онъ издалъ два томика разсказовъ подъ заглавіемъ „Въ сумерки“ (Iltapuhteeksi) изъ гельсингфорсской и провинціальной жизни. Здѣсь передъ нами проходитъ цѣлый рядъ юмористическихъ картинокъ изъ быта студентовъ, школьниковъ, вообще подростковъ обоего пола, а также и изъ жизни разныхъ провинціальныхъ „дѣятелей“, изображеніе которыхъ иногда принимаетъ и болѣе серьезный сатирическій характеръ, какъ, напр., въ разсказѣ „Безхвостый теленокъ“, гдѣ цѣлая компанія самыхъ почтенныхъ въ городѣ лицъ, „ректоръ“ учебнаго заведенія, учитель, почтмейстеръ, докторъ, аптекарь, владѣлецъ кожевеннаго завода, судья, коммерціи совѣтникъ, пресерьезно обсуждаютъ вопросъ о томъ, можно ли помѣстить въ предположенной къ изданію азбукѣ картинку, на которой представленъ Іосифъ, пасущій стадо, а въ стадѣ бѣгаетъ теленокъ съ задраннымъ кверху хвостомъ; одни не находятъ въ этой картинкѣ ничего предосудительнаго, другіе признаютъ ее рѣшительно безнравственной и настаиваютъ на томъ, что у теленка непремѣнно нужно „отгравировать прочь хвостъ“...

Новый томикъ разсказовъ Сантери носитъ заглавіе „Въ резервной казармѣ“. Здѣсь изображается рядъ комическихъ положеній, въ какія попадаютъ неуклюжіе финскіе „обломы“, взятые подъ ружье прямо отъ сохи и наивно не понимающіе, чего отъ нихъ требуетъ начальство.

Многіе изъ мелкихъ очерковъ Сантери имѣютъ совершенно безобидный, фельетонный характеръ. Но въ числѣ его произведеній есть вещи и гораздо болѣе серьезнаго литературнаго достоинства. Таковъ, напр., его большой историческій романъ „Крестьянскій вождь“ изъ эпохи войны съ Россіей, въ которомъ онъ изображаетъ партизанскіе набѣги финскихъ крестьянъ подъ предводительствомъ Юхо Весайнена. Здѣсь авторъ съ большимъ искусствомъ и знаніемъ рисуетъ рядъ картинъ изъ стариннаго быта финской Кареліи; изображаемые имъ ужасы войны

въ этой полудикой странѣ производятъ очень сильное впечатлѣніе,—и романъ заключается торжественнымъ гимномъ въ честь мира. „Дай Богъ, чтобы миновало это неспокойное время!“ говоритъ пасторъ надъ трупомъ Юхо Весайнена. „Учите дѣтей вашихъ ужасаться кровопролитія и любить миръ,—учите ихъ, что только Господу принадлежитъ отмщеніе!“ Въ другомъ своемъ историческомъ романѣ „Анна Флеммингъ“ Сантери очень удачно воспроизводитъ жизнь и нравы высшаго шведско-финскаго общества въ XVII вѣкѣ, обнаруживая обширную начитанность и знаніе даже разныхъ археологическихъ мелочей. Любопытно, что нѣкоторыя дѣйствующія лица этого романа уже высказываются въ національно-финскомъ духѣ противъ исключительнаго господства шведскаго элемента въ Финляндіи: такимъ образомъ, авторъ искусно переноситъ во времена давно минувшія отголоски споровъ, волнующихъ современное финляндское общество. По отзыву компетентныхъ цѣнителей финской литературы, оба эти романа Сантери страдаютъ чрезмѣрнымъ обиліемъ матеріала, съ которымъ автору не всегда удается справиться, такъ что иногда его изложеніе сбивается на сухой рефератъ; но зато въ обоихъ романахъ есть не мало и прекрасныхъ поэтическихъ сценъ и эпизодовъ, а по своему стилю они принадлежатъ къ образцовымъ произведеніямъ молодой финской литературы.

Очень интересенъ также и послѣдній романъ Сантери: „Пасынокъ своего вѣка“ (Aikansa lapsipuoli, 1897)—изъ современной жизни. Авторъ желаетъ наглядно показать, какъ настоящіе, одушевленные знаменоносцы идеи часто становятся жертвами своей восторженности, между тѣмъ какъ трезвые и благоразумные карьеристы, увлекающіеся идеями только наружно, для болѣе удобной ловли мечтателей въ свои сѣти, торжествуютъ и возвышаются, причемъ не только достигаютъ личныхъ своихъ цѣлей, но, какъ будто, приносятъ пользу также и общественному дѣлу. Восторженный идеалистъ, дѣйствительно способный совершить нѣчто великое, оказывается на самомъ дѣлѣ, благодаря обстоятельствамъ, „пасынкомъ своего вѣка“ и кончаетъ свои бурные дни въ сумасшедшемъ домѣ. Въ этомъ романѣ, изъ котораго читатель можетъ хорошо познакомиться съ современными настроеніями финской интеллигенціи, чувствуется замѣтное вліяніе Достоевскаго, котораго Сантери, повидимому, основательно изучалъ.

Арвидъ *Эрнефельтъ* (род. 1866), безспорно, одинъ изъ самыхъ даровитыхъ и оригинальныхъ представителей „молодой

Финляндіи". По своему происхожденію онъ принадлежитъ къ высшему обществу: отецъ его, генералъ русской службы, занималъ одно время должность вазаскаго губернатора. Арвидъ Эрнефельтъ получилъ прекрасное образованіе у себя дома и въ гельсингфорсскомъ университетѣ, которое еще значительно дополнилъ самостоятельнымъ трудомъ. Одаренный въ высшей степени нервной и впечатлительной натурой, онъ въ своихъ произведеніяхъ всегда является выразителемъ волнующихъ его идей и современныхъ вопросовъ, находящихъ себѣ живое воплощеніе въ изображаемыхъ имъ дѣйствующихъ лицахъ. Онъ постоянно увлекается какой-нибудь новой идеей,—увлекается горячо, всецѣло, до энтузіазма, и старается заразить своимъ увлеченіемъ читателя. Большая дорога, по которой идетъ всякій, ему противна; онъ выбираетъ себѣ собственную тропинку и смѣло идетъ по ней; свои мнѣнія, почти никогда не совпадающія съ мнѣніемъ большинства, онъ высказываетъ и защищаетъ со всею силою убѣжденія, со всею пылкостью прозелита.

Въ первомъ своемъ романѣ „Родина", 1893 г. [1]), Эрнефельтъ рисуетъ картину національнаго пробужденія края:

„Въ тѣ времена, когда сѣрыя скалы и зеленые острова Финляндіи были еще покрыты вѣковыми соснами, среди которыхъ слышалось только постукиванье дятла, маленькіе городки на берегахъ внутреннихъ озеръ или на приморьѣ, почти лишенные путей сообщенія между собою, влачили, можно сказать, безсознательное, совершенно обособленное существованіе подъ сѣнью своихъ приходскихъ церквей. Ихъ духовныя нужды вполнѣ удовлетворялись праздничною проповѣдью пастора, а матеріальныя—добросовѣстными лавочниками. Единственнымъ отличіемъ горожанъ отъ мужиковъ была грамотность, а единственной заботой всего населенія—ненарушимое соблюденіе старинныхъ дѣдовскихъ и прадѣдовскихъ обычаевъ.

„Приморская столица Великаго Княжества, съ своимъ шведскимъ университетомъ и шведскими же школами, жила своею особою жизнью, не сознавая никакой связи съ остальною страной, на счетъ которой она развивалась.

„Но именно среди этого мертваго затишья въ числѣ образованныхъ и просвѣщенныхъ людей нашлось нѣсколько такихъ, у которыхъ въ сердцѣ загорѣлась искра Божья. Они начали говорить о родинѣ и о любви къ народу; они искали словъ, чтобы передать другимъ ту животворную силу, которую чувствовали

---

[1]) „Isänmaa", переведенъ *П. Морозовымъ* въ „Мірѣ Божьемъ" 1895, №№ 8—12.

въ себѣ самихъ,—и всѣ слова казались имъ недостаточно сильными и выразительными; но искра все-таки росла и мало-помалу раздувалась въ пламя. По душѣ людей шелъ точно трепетъ пробужденія. Это было новое ученіе. Съ безсознательною, но крѣпкою силою отзывалось оно въ сердцахъ и говорило: люби свой народъ!

„Ученіе Гегеля, побѣдившее завоевателей Европы и возродившее Германію, выражалось этими же завѣтными словами: люби свой народъ!

„Когда оно появилось въ нашихъ краяхъ, оно встрѣтило здѣсь піэтизмъ, разросшійся въ долгіе зимніе вечера и крѣпко овладѣвшій сердцами. Но новое ученіе проложило себѣ путь къ сердцу молодежи. Въ ея глазахъ черствая проповѣдь піэтизма нисколько не противорѣчила новымъ идеямъ; напротивъ, эти идеи только дополняли и разъясняли ее. Мать учила: „слѣдуй волѣ Божіей“; дочь прибавляла: „люби свой народъ“. Обѣ эти заповѣди легко соединялись въ одну: „воля Божія именно въ томъ и заключается, чтобы любить ближняго, то-есть свой народъ“.

„И вотъ, насажденное заботами матери ученіе о Богѣ и Его святой волѣ освѣтило умы ясно и отчетливо, какъ огонь среди сѣверной зимней ночи. Оно обратилось въ животворную силу, двигающую міръ; оно явилось уже не только закономъ совѣсти для тихой, избѣгающей мірскихъ треволненій, душевной жизни, но указало людямъ новыя, возвышенныя стремленія и сдѣлало гражданскій долгъ жизненнымъ закономъ для всякаго. Люди, захваченные вліяніемъ этихъ идей, почувствовали въ себѣ приливъ новыхъ силъ; передъ ними раскрылась новая сторона жизни, объявились новыя жизненныя задачи, требовавшія всего человѣка,—и они сами дивились тому безграничному вліянію на умы, какое они вдругъ пріобрѣли. Всюду, гдѣ они появлялись, тотчасъ же чувствовалось вѣяніе новаго духа; ледяныя оковы жизни таяли, старые, заскорузлые понятія и обычаи органически измѣнялись; начиналось прогрессивное развитіе. Упорный и дружный трудъ этихъ дѣятелей и радостно приносимыя ими жертвы быстро приводили къ такимъ плодотворнымъ результатамъ, о которыхъ они даже и не мечтали. Повсюду занималась заря новой жизни. Пустынныя скалы стали покрываться растительностью; послышались давно замолкшія пѣсни; появилась финская школа, яркимъ пламенемъ вспыхнула финская поэзія, возникла финская наука, и звучный финскій языкъ, какъ новый пришелецъ, занялъ мѣсто въ ряду цивилизованныхъ языковъ. Рядъ пріобрѣтеній казался безконечнымъ“...

Въ этомъ романѣ передъ нами проходитъ вся умственная жизнь финскаго студенчества 70-хъ и 80-хъ годовъ,—увлеченіе наукой, въ особенности философіей, въ которой молодежь мечтала найти ключъ къ разумной общественной дѣятельности, развитіе финскаго „народничества“ и оживленная борьба финномановъ и свевомановъ. Въ нѣсколькихъ сильныхъ строкахъ ярко очерчена дѣятельность знаменитаго „творца финской культуры“ Іоганна-Вильгельма Снельмана, въ проповѣди котораго финская молодежь слышала „властный, могучій призывъ посвятить себя всецѣло на служеніе народу, считать его интересы цѣлью всей своей дѣятельности, отдавать ему всю свою жизнь, всѣ надежды и стремленія и любить его до смерти больше всего на свѣтѣ“. Далѣе мы видимъ, какъ это юношески-восторженное настроеніе съ теченіемъ времени уступаетъ другому, уже далекому отъ этой идеальной высоты, и борьба за „принципы“ смѣняется борьбой за „положеніе“...

Герой романа, пылкій и вдумчивый юноша Хейкки, сынъ старозавѣтнаго крестьянина, очень неохотно давшаго согласіе на поступленіе его въ университетъ, переживаетъ цѣлый „логическій романъ“ и, въ концѣ концовъ, становится убѣжденнымъ народникомъ, проповѣдующимъ возвратъ „интеллигенціи“ въ деревню, изъ которой она вышла и которой должна служить своими знаніями, пріобрѣтенными на счетъ народнаго труда. Образованныя дѣти народа не должны, не смѣютъ уходить въ ряды „аристократіи“; они должны оставаться на своей родной почвѣ, углубиться въ нее всѣми своими корнями и работать для блага своей родины. „Можетъ быть, и даже навѣрное, необходимы люди, которые заботились бы о поддержаніи духовнаго и свѣтскаго благосостоянія въ обществѣ; но и крестьянство также нуждается въ своихъ людяхъ, и простому человѣку нелегко отказаться отъ своего единственнаго сына“.

Хейкки рѣшается бросить ученую карьеру и уѣзжаетъ въ родную глушь,—служить своимъ темнымъ братьямъ:

„Онъ снова готовъ трудиться,—трудиться для тѣхъ, кто въ немъ нуждается, готовъ отдать все, что у него есть самаго лучшаго, самаго завѣтнаго, этому бѣдному родному народу, этой горячо любимой родинѣ. И радость наполняетъ его сердце. Мысль его, словно жаворонокъ, летитъ къ небу и поетъ хвалу Богу за то, что на свѣтѣ есть такъ много достойнаго любви, и за то, что Онъ, Творецъ небесный, видя, что наши ограниченныя души не въ состояніи возвыситься до пониманія всего созданнаго Имъ чуднаго міра, выдѣлилъ изъ него нашу родную землю, далъ

намъ родной языкъ и, вдохнувъ въ насъ частичку Своей божественной любви, повелѣлъ намъ любить эту дорогую и ничѣмъ незамѣнимую родину!“

Эта радостная готовность жертвовать личными своими интересами и выгодами ради блага родины, отказываясь отъ блеска и извѣстности какъ отъ „призрачныхъ идеаловъ“, и составляетъ основу не только перваго романа Эрнефельта, но и вообще настроенія этого писателя. Выраженіемъ той же идеи является и второй его романъ—„Человѣческая судьба“, въ художественномъ отношеніи далеко уступающій первому, такъ какъ дѣйствіе здѣсь развивается слишкомъ отрывочно и неполно. Выше мы уже привели отрывокъ изъ этого романа, гдѣ такъ сильно выразилось національное чувство автора. Надо, впрочемъ, замѣтить, что къ этому чувству примѣшивается слегка скептическое отношеніе къ одностороннему націоналистическому мечтательству. Авторъ изображаетъ горестныя разочарованія и гибель одного такого мечтателя; но въ то же время остается неудовлетвореннымъ и также гибнетъ и представитель эгоистическаго міросозерцанія,—хотя для такого исхода и недостаетъ внутреннихъ мотивовъ, такъ какъ оба героя становятся жертвами лишь чисто-внѣшнихъ обстоятельствъ — „судьбы“. Въ заключеніе изображается опять-таки разочарованіе вѣрующаго человѣка, который гибнетъ, желая провѣрить на опытѣ слова Евангелія: „Вѣрующій въ Меня совершитъ болѣе, чѣмъ Я самъ“. Конечный идеалъ, на долю котораго и выпадаетъ успѣхъ, заключается въ скромномъ, молчаливомъ исполненіи своего долга, безъ широкихъ надеждъ и всеобъемлющихъ мечтаній,—въ стремленіи жертвовать собою ради блага ближняго.

При той глубокой религіозности, готовности къ самопожертвованію и способности воодушевляться высокими идеями служенія человѣчеству, которыми отличаются герои романовъ Эрнефельта, становится вполнѣ понятнымъ увлеченіе молодого писателя ученіемъ Толстого. Выраженіемъ этого душевнаго переворота явились двѣ книжки Эрнефельта: „Мое пробужденіе“ и „Атеистъ“, а также и то, что онъ отказался отъ должности судьи, къ которой усердно готовился (онъ—юристъ по спеціальности),—отказался потому, что „люди не смѣютъ судить людей“, и, проработавъ нѣкоторое время въ кузницѣ, сдѣлался земледѣльцемъ. Первая изъ названныхъ книжекъ представляетъ откровенное признаніе автора въ своихъ юношескихъ заблужденіяхъ и грѣхахъ противъ нравственности и разсказъ о томъ, какъ онъ пришелъ къ познанію правды и съ помощью Христова ученія достигъ

нравственной чистоты. Вторая книжка заключаетъ въ себѣ развитіе тѣхъ же мыслей и, въ особенности,—разсужденіе о томъ, какимъ образомъ люди въ научномъ изслѣдованіи религіозныхъ вопросовъ утрачиваютъ ту вѣру, въ которой они были воспитаны. „Мы отрицали Бога, потому что не могли согласиться, что во вселенной можетъ существовать что-либо сверхъестественное или чуждое нашему уму“. Но въ душѣ атеиста живетъ „тоска по Богѣ“ и, въ концѣ концовъ, приводитъ къ сознанію, что „Богъ обитаетъ тамъ же, гдѣ находится нашъ умъ,—въ насъ самихъ, въ нашей душѣ“. Далѣе авторъ излагаетъ свою новую вѣру и жизненныя убѣжденія: „Богъ есть отецъ всѣхъ людей“; слѣдовательно, всѣ люди—братья, и въ каждомъ живетъ голосъ Бога, въ видѣ совѣсти. Отсюда выводится необходимость новообразованія жизни внѣшней и внутренней, такъ какъ братская любовь должна привести людей къ совершенно новому общественному порядку. Идеалъ этого порядка у Эрнефельта совпадаетъ съ идеаломъ Толстого: онъ требуетъ братской любви и общаго равенства, упраздненія войнъ и войска, цѣломудрія до брака и неразрушимости послѣдняго. Далѣе, исходя изъ положеній: „не противьтесь злу“ и „не судите“, онъ требуетъ устраненія всякихъ возмездій и наказаній. Естественнымъ выводомъ изъ его основныхъ положеній является также и уничтоженіе собственности, хотя онъ прямо и не выставляетъ этого требованія. Въ противоположность Толстому, который, какъ извѣстно, не признаетъ загробной жизни, Эрнефельтъ старается доказать, что возможность ея логически вытекаетъ изъ нашего самосознанія.

Обѣ эти книжки Эрнефельта написаны съ истинно-поэтическимъ одушевленіемъ; возвышенное настроеніе и глубокое чувство автора нашли себѣ достойное выраженіе въ прекрасномъ, пророческомъ языкѣ. Такой глубины мысли и такой высоты нравственнаго чувства не достигалъ еще ни одинъ финскій писатель. Неудивительно, что идеи Эрнефельта, а, слѣдовательно, и идеи Толстого, находятъ среди финской молодежи многочисленныхъ и преданныхъ сторонниковъ, тѣмъ болѣе, что большинство этихъ идей раздѣляется и многими протестантскими сектами, которыя нашли себѣ довольно благопріятную почву въ скандинавскихъ странахъ и въ Финляндіи (піэтисты, баптисты, хихулиты, армія спасенія и пр.).

Переходимъ теперь къ самому выдающемуся представителю современной финской литературы, въ произведеніяхъ котораго всего ярче и нагляднѣе отражаются идеи и настроенія нынѣш-

ней финской интеллигенціи, признавшей его своимъ духовнымъ вождемъ. Это—Юхани *Ахо*.

Юхани Ахо родился въ 1861 году, въ семьѣ пастора Бруфельда [1]), близь маленькаго городка Иденсальми, въ сѣверо-восточной части Финляндіи, учился въ гельсингфорсскомъ университетѣ, но отказался отъ экзаменовъ и обратился къ журналистикѣ—сначала въ Куопіо, потомъ въ Гельсингфорсѣ, гдѣ принялъ дѣятельное участіе въ газетѣ „Päivälehti“, при самомъ ея основаніи. Свою литературную дѣятельность онъ началъ небольшими очерками изъ финской народной жизни, о которыхъ мы уже говорили выше и въ которыхъ онъ въ особенности останавливается на анализѣ впечатлѣній, вызываемыхъ въ народѣ разными явленіями культуры, измѣняющей старозавѣтный деревенскій бытъ. Таковы, напр., его разсказы: „Какъ отецъ купилъ лампу“ и „Про старика и старуху, которые поѣхали по желѣзной дорогѣ“. Первая лампа въ крестьянской избѣ! Какъ ярко горитъ этотъ свѣточъ, подвѣшенный къ потолку и замѣнившій собою дымную лучину! Какъ любуются имъ дѣти и взрослые, сбѣжавшіеся со всей деревни поглядѣть на невиданное изобрѣтеніе! Недовѣрчивая жена пробуетъ высказать кое-какія сомнѣнія насчетъ выгодности новаго свѣта, но мужъ сразу находитъ самую чувствительную струну въ ея сердцѣ: „Ты только подумай: вѣдь первая лампа во всей деревнѣ!“ Но старый батракъ Пекка ворчитъ и уходитъ въ свой темный уголъ: онъ всю жизнь

[1]) Эта двойственность фамилій многихъ финскихъ писателей и общественныхъ дѣятелей требуетъ объясненія. Въ прежнее время, при господствѣ въ краѣ исключительно шведскаго образованія, большинство образованныхъ финновъ стыдилось своего „мужицкаго“, „чухонскаго“ прозвища и замѣняло его шведской фамиліей, желая этимъ показать свою принадлежность къ „правящему“ классу. Такимъ образомъ, напр., Karhunen (отъ karhu—медвѣдь, по-шведски björn, по-латыни ursus) превращался въ Björnson'а или даже въ Ursinus'а, Vuorinen или Vuorela (vuori—гора) становился Бергомъ, Васаненъ—Васеніусомъ и т. п., а старое родовое финское прозвище отбрасывалось и забывалось. Впослѣдствіи, по мѣрѣ пробужденія національнаго самосознанія, когда финноманія стала все сильнѣе и сильнѣе захватывать интеллигентную часть общества, обнаружилось обратное явленіе: лица, носившія шведскія фамиліи, не только „благопріобрѣтенныя“ вышеуказаннымъ путемъ, но и родовыя, стали переводить и передѣлывать ихъ на финскій языкъ, желая этимъ выразить свое сочувствіе національнымъ финскимъ стремленіямъ: Forsström (fors—водопадъ, по-фински koski) сталъ Koskinen'омъ, Фогель (птица по-фински lintu)—Lintunen'омъ, Sjöman (sjö—море)—Meriläinen'омъ и т. п. Шведскому слову brofeld (лѣсъ, выжженный подъ пашню, „пáло“) отвѣчаетъ финское aho; такимъ образомъ Johann Brofeld обратился въ Juhani Aho. Эти финскія фамиліи вовсе не псевдонимы: присвоившія ихъ лица, при соблюденіи извѣстныхъ формальностей, имѣютъ право употреблять ихъ во всѣхъ случаяхъ жизни наравнѣ со шведскими и подписывать какіе угодно документы той или другой фамиліей, по своему выбору.

щепалъ лучину,—онъ будетъ продолжать это занятіе и теперь, несмотря ни на какія новыя выдумки! А въ сумеркахъ къ нему часто будутъ приходить ребятишки и при свѣтѣ дымной лучины онъ будетъ пѣть имъ старинныя пѣсни и разсказывать сказки... Вторженіе культуры убиваетъ старый патріархальный бытъ, въ которомъ, однако, были и свои хорошія стороны, и радость культурнаго завоеванія омрачается тихою грустью о невозвратномъ прошломъ.

Съ тонкой ироніей и вмѣстѣ съ добродушнымъ сочувствіемъ разсказываетъ Юхани Ахо о двухъ представителяхъ этой патріархальной старины, которыхъ вдругъ смутилъ странный слухъ о „новомъ устройствѣ"—о желѣзной дорогѣ. Сначала они не хотятъ вѣрить въ самую возможность существованія такого „устройства"; но слухъ повторяется упорно и настойчиво; самъ господинъ пасторъ похвалилъ новую дорогу... И вотъ, горя любопытствомъ и въ то же время скрывая другъ отъ друга свое нетерпѣніе подъ видомъ притворнаго равнодушія, старички отправляются, наконецъ, на станцію и даже рѣшаются сѣсть въ вагонъ и ѣхать. Но разныя мелкія неудобства этой пробной поѣздки навсегда отнимаютъ у нихъ желаніе повторить свой опытъ: „эти новости—не про насъ!" Въ противоположность этимъ старозавѣтнымъ людямъ выведенъ въ разсказѣ „толсторожій" батракъ, который получилъ на станціи мѣсто сторожа и гордо посматриваетъ на „глупыхъ мужиковъ", хотя самъ ровно ничего не смыслитъ въ желѣзной дорогѣ.

Столкновеніе культуры съ первобытными условіями жизни и, такъ сказать, оборотная сторона культурной медали остается и до сихъ поръ одной изъ любимыхъ темъ Юхани Ахо. Къ этой темѣ онъ возвращается въ одномъ изъ недавнихъ своихъ разсказовъ—„Безпокойный человѣкъ" (1896, русск. переводъ въ „Мірѣ Божьемъ"). Работникъ у богатаго крестьянина, подравшійся съ товарищами и угодившій за это въ тюрьму, отбывъ наказаніе, рѣшается уйти отъ людей въ лѣсную глушь, строитъ себѣ тамъ хижинку, раздѣлываетъ поле, обзаводится скотомъ. Но „культура" гонится за нимъ по пятамъ и не даетъ ему покоя даже и въ этомъ медвѣжьемъ углу: Богъ вѣсть откуда появляются какіе-то странные люди—инженеры, которые говорятъ, что по этой землѣ должна пройти желѣзная дорога и что ему надо снести свою хату. Онъ не соглашается, хату сносятъ насильно, заставляя его взять деньги на постройку новаго жилья. Тогда онъ забирается еще дальше въ глушь; но „врагъ" и здѣсь преслѣдуетъ его: первый же поѣздъ новой дороги наповалъ уби-

ваетъ единственную его корову. Разгнѣванный дикарь рѣшается отомстить—и ночью взваливаетъ на рельсы огромный камень. Пойманный на мѣстѣ преступленія, онъ отправляется опять въ тюрьму, на этотъ разъ—уже надолго. Такимъ образомъ, передъ нами является неповинная жертва борьбы съ новымъ строемъ жизни. Авторъ не ставитъ прямо вопроса о томъ, настолько ли хорошъ этотъ новый строй, чтобы ради него мириться съ жертвами, и возможно ли обойтись безъ этихъ жертвъ, но для читателя ясно, что сочувствіе автора не на сторонѣ права, подтверждаемаго силой...

Юхани Ахо въ высокой степени обладаетъ способностью усвоивать міросозерцаніе изображаемыхъ имъ лицъ и, такъ сказать, перевоплощаться въ нихъ,—способность, присущая только настоящимъ художникамъ. Шведскій писатель Густавъ Гейерстамъ говоритъ о немъ: „Въ изображеніи народнаго быта онъ умѣетъ тонко соблюдать всѣ пропорціи повседневной жизни. Онъ понимаетъ все, что думаютъ и чувствуютъ эти простые люди, чѣмъ движется ихъ фантазія и что можетъ производить на нихъ сильное впечатлѣніе. Онъ питаетъ нѣжное чувство къ людямъ, отвергнутымъ жизнью; его симпатіи не только на сторонѣ новаго, грядущаго, но нерѣдко также и на сторонѣ стараго, отходящаго. Этотъ двойственный взглядъ на жизнь, эта способность къ всестороннему, свободному отъ предразсудковъ сочувствію является характерною особенностью всей поэтической дѣятельности Юхани Ахо“.

Въ дальнѣйшихъ своихъ произведеніяхъ Юхани Ахо обратился къ изображенію жизни культурныхъ классовъ финскаго общества,—жизни не столько внѣшней, сколько внутренней: его романы и повѣсти вообще не богаты „фабулой“; весь его интересъ сосредоточивается на психологіи дѣйствующихъ лицъ, на тѣхъ внутреннихъ, затаенныхъ побужденіяхъ, которыми вызываются тѣ или иныя дѣйствія. Это преобладаніе психологическаго элемента надъ фактическимъ составляетъ вообще характерную особенность сѣверныхъ писателей; но у Ахо, при большой простотѣ и прозрачности его литературныхъ пріемовъ, эта особенность сказывается, можетъ быть, еще сильнѣе, чѣмъ у кого-либо другого. Въ этомъ отношеніи его нельзя не признать выразителемъ національнаго финскаго характера. По условіямъ природы и климата своей страны, финнъ—и не только земледѣлецъ, заброшенный куда-нибудь въ невылазную глушь, но и городской житель, пользующійся всѣми благами культуры,—бо̀льшую часть жизни долженъ проводить въ одиночествѣ или въ

тѣсномъ кругу только самыхъ близкихъ людей. При такихъ житейскихъ условіяхъ и вырабатывается та замкнутость, сосредоточенность въ самомъ себѣ и недовѣрчивость къ другимъ, то отсутствіе живой подвижности и склонность къ задумчивой созерцательности, которыя составляютъ типичныя черты финскаго національнаго характера. Такими именно людьми и являются дѣйствующія лица романовъ и повѣстей Юхани Ахо,—изъ какой бы среды онъ ихъ ни бралъ: это все—натуры тихія, меланхолически-сосредоточенныя, ушедшія въ себя, въ собственное я, и не привыкшія раскрывать свою душу передъ постороннимъ наблюдателемъ. Когда такой типъ начинаетъ дѣйствовать, всегда передъ нами является нѣчто внезапное, неожиданное, потому что дѣйствія его не мотивируются словами, а выходятъ изъ внутреннихъ побужденій, глубоко скрытыхъ въ душѣ и недоступныхъ случайному свидѣтелю. Не менѣе типично у Ахо изображеніе сѣверной страсти. Это—не бурный порывъ чувства, не гейневская wilde Rauheit, die sich Bahn durch Felsen bricht, а тихое, но неуклонное стремленіе, которое таится гдѣ-то глубоко, на самомъ днѣ души, и отъ препятствій только еще сильнѣе укореняется въ ней. Страстными порывами проявляется только гнѣвъ,—эта грубѣйшая стихійная сила въ человѣкѣ,—и дикія вспышки гнѣва дѣйствуютъ разрушительно, какъ ураганъ...

Основное и господствующее настроеніе Юхани Ахо, также вполнѣ національное,—спокойная, можно сказать, торжественная меланхолія, не покидающая писателя даже въ минуты юмора, который, вслѣдствіе этого, пріобрѣтаетъ особенный, мрачный оттѣнокъ. Судьба надвигается на людей съ неотразимой силой, въ трагическомъ величіи, но тихо и чуть замѣтно; это—не случайность, не что-нибудь извнѣ приходящее, а какъ бы логическое слѣдствіе всей внутренней сущности человѣка, всего, что дано ему воспитаніемъ, общественнымъ положеніемъ, условіями жизни. Эта неизбѣжность судьбы порождаетъ скорбное примиреніе человѣка съ своей долей, заставляетъ его отказываться отъ всѣхъ радостей жизни, отъ всѣхъ стремленій... Небольшой отрывокъ изъ Юхани Ахо—„Похвала меланхоліи" лучше всякаго комментарія объясняетъ это настроеніе:

„Далеко отсюда, на берегу уединеннаго лѣсного озера, на косѣ, далеко ушедшей въ воду, стоитъ хижинка, наполовину закрытая темною зеленью сосенъ. Тамъ хотѣлъ бы я жить...

„Да, мнѣ хотѣлось бы жить одиноко въ бѣдной маленькой хижинкѣ, гдѣ у очага мурлыкаетъ кошка, въ углу чирикаетъ сверчокъ, луна грустно освѣщаетъ занесенныя снѣгомъ поля и

сверкаетъ въ иглахъ ледяныхъ цвѣтовъ на стеклѣ... Тамъ хотѣлъ бы я жить...

„Я никого не сталъ бы звать къ себѣ,—никого, кто могъ бы пробудить во мнѣ тревожную память о минувшемъ. Единственнаго друга хотѣлъ бы имѣть съ собою—мѣднострунную кàнтеле; я игралъ бы на ней, сидя у очага въ пріятной теплотѣ и глядя, какъ лунный свѣтъ переходитъ съ одной половины на другую...

„А что̀ бы я сталъ играть? Мои мѣдныя струны зазвенѣли бы похвальной пѣснью въ честь меланхолическаго одиночества, и въ скорбномъ настроеніи я сталъ бы мурлыкать про себя печальный напѣвъ безъ словъ. Я не кричалъ бы, не плакалъ, не колотилъ бы себя въ грудь, я безъ слезъ усмирилъ бы послѣднія волны минувшихъ бурь...

„И когда я доигралъ бы свой напѣвъ до конца, я повѣсилъ бы кàнтеле на стѣну и сталъ бы задумчиво смотрѣть на унылый, темный сосновый лѣсъ, на холодныя бѣлыя облака и на снѣгъ, который искрится въ полѣ. И въ душу мою снизошелъ бы миръ, и она разлилась бы скорбной, тихой радостью“...

Юхани Ахо съ мрачнымъ юморомъ изображаетъ окружающее его общество, котораго узкій умственный кругозоръ сдавленъ мелочами повседневной жизни, гдѣ прочное традиціонное міровоззрѣніе благопріятствуетъ только душевной пустотѣ и гдѣ человѣкъ изъ чувства самосохраненія вынужденъ подавлять въ себѣ все индивидуальное, все несогласное съ общими понятіями. Живя въ такихъ условіяхъ, мыслящій человѣкъ и въ обществѣ чувствуетъ себя совершенно одинокимъ. Но онъ не въ силахъ выносить этого одиночества и бѣжитъ отъ него туда, гдѣ надѣется найти настоящую жизнь, бѣжитъ далеко отъ родины, въ шумную „столицу міра“, въ Парижъ. Однако, тамъ, среди настоящей культуры, онъ оказывается только варваромъ и набрасывается только на отрицательныя стороны жизни: его влечетъ развратъ, не веселый и жизнерадостный разгулъ чувства, а мрачный, меланхолическій, сосредоточенный, чуть не злобный развратъ, въ которомъ его душа совершенно опустошается. Тогда его опять съ неудержимой силой начинаетъ тянуть назадъ, домой, на родину, гдѣ онъ отказался и отъ общества, и отъ дѣятельности, и отъ личныхъ радостей любви, потому что и эти радости были для него отравлены господствомъ традиціонныхъ предразсудковъ. Но теперь онъ уже не въ состояніи пересилить своего влеченія и какъ блудный сынъ возвращается къ роднымъ

берегамъ, думая найти здѣсь счастье въ тихомъ примиреніи съ судьбой...

Таково содержаніе романа „Одинокій" (1890), который вызвалъ въ свое время сильную полемику, доходившую даже до дебатовъ на сеймѣ. Дѣло въ томъ, что, согласно постановленію сейма, въ Финляндіи особенно отличившимся писателямъ выдается пособіе отъ казны на поѣздку за границу для усовершенствованія. Юхани Ахо былъ однимъ изъ кандидатовъ на такое пособіе, но нашлись критики, обвинившіе писателя въ недостаткѣ патріотизма, въ томъ, что онъ отрицательно относится къ Финляндіи, а также и въ томъ, что онъ слишкомъ увлекается дурными примѣрами французскихъ натуралистовъ въ изображеніи грязныхъ сторонъ дѣйствительности. Это послѣднее обвиненіе было отчасти справедливо: „сѣверное варварство" финскаго беллетриста дѣйствительно сказалось въ романѣ утратою чувства мѣры въ картинахъ парижскихъ похожденій своего героя. Что касается обвиненія въ недостаткѣ патріотизма, то оно было принято къ сердцу духовнымъ и крестьянскимъ сословіями сейма,— и романисту отказано въ пособіи... [1]).

Это обстоятельство, однакоже, не заставило молодого писателя измѣнить свой взглядъ на характеръ буржуазнаго финскаго общества, въ культурномъ отношеніи еще очень незрѣлаго. Продолжая работать въ прежнемъ направленіи, онъ остановился на женскомъ вопросѣ. Въ той средѣ, какую онъ изображаетъ въ своихъ произведеніяхъ, положеніе женщины представляется особенно тяжелымъ: она не смѣетъ и помышлять о какой-нибудь самостоятельности, о свободномъ удовлетвореніи своихъ душевныхъ запросовъ; пассивное повиновеніе, строгое исполненіе своихъ обязанностей и безусловное подчиненіе требованіямъ вѣками освященной морали—вотъ вся ея жизненная задача. Въ повѣсти „Дочь пастора" (1885) Ахо далъ типичную исторію такого воспитанія финской дѣвушки: здѣсь мы видимъ, какъ постепенно заглушается прирожденная, дѣтская любовь къ свободѣ, какъ открытая, наивная душа на каждомъ шагу испытываетъ разочарованія, какъ пробуждается въ ней любовь и вмѣстѣ съ нею—первые порывы къ проявленію собственной личности, и какъ, подобно финскому весеннему морозу, суровый авторитетъ родительской власти губитъ эти нѣжные ростки самостоятельности и заставляетъ дѣвушку стать безмолвной жертвой заранѣе приготовленнаго для нея брака. Восемь лѣтъ спустя, въ

---

[1]) Valvoja 1891, стр. 521.

1893 году, Ахо опять вернулся къ той же темѣ въ новой повѣсти „Жена пастора". Здѣсь передъ нами та же самая дѣвушка, только уже замужемъ; еще разъ, подъ вліяніемъ снова проснувшейся юношеской любви, проявляется въ ея душѣ, почти уже раздавленной подъ бременемъ привычнаго режима, стремленіе къ лучшей жизни, еще разъ мечтаетъ она о радостяхъ и о счастьѣ... но суровая, съ дѣтства привитая мораль возвращаетъ ее въ повседневной, безрадостной дѣйствительности и уже навсегда разрушаетъ всѣ воздушные зàмки.

Въ обѣихъ этихъ повѣстяхъ, конечно, нельзя не замѣтить тихой грусти за судьбу женщины вмѣстѣ съ призывомъ къ высшему духовному развитію, къ инымъ, болѣе разумнымъ интересамъ; авторъ показываетъ на примѣрѣ своей героини, какъ недюжинныя душевныя силы гибнутъ въ узкой атмосферѣ традиціонной семьи: но онъ вовсе не имѣетъ цѣлью ставить „вопросы" подобно Ибсену или предлагать „рѣшенія" подобно Бьернсону; онъ ограничивается только психологической картиной событій, происходящихъ въ душѣ человѣка, жизнь котораго обращена въ машинальное существованіе. Здѣсь нѣтъ никакихъ трагическихъ происшествій, никакихъ катастрофъ; „просто" гаснетъ блѣдный душевный огонекъ, который при другихъ условіяхъ могъ бы, можетъ быть, разгорѣться яркимъ пламенемъ, освѣтить и согрѣть жизнь...

И эта повѣсть Ахо также вызвала сильныя критическія нападки на автора. Его упрекали въ томъ, что онъ измѣняетъ „національности" и увлекается подражательностью,—что разсказывать о супругѣ почтеннаго пастора, будто она любитъ другого—прямо безнравственно, тѣмъ болѣе, что въ Финляндіи ничего подобнаго и случиться не можетъ. Другіе критики находили, что писатель просмотрѣлъ женское движеніе на своей родинѣ, что его героиня вовсе не можетъ считаться типичной представительницей современныхъ „цивилизованныхъ" финскихъ женщинъ, а наоборотъ, представляетъ собою явленіе отживающее, если не совсѣмъ отжившее. „Возможно ли,—писалъ, напр., редакторъ вліятельнаго журнала „Valvoja", О. Тудéръ [1]),—возможно ли, чтобы писатель, заявившій себя тонкимъ знатокомъ женскаго сердца, ничего не зналъ о томъ сильномъ движеніи, которое въ послѣднія десятилѣтія охватило финскихъ женщинъ? Неужели онъ не видитъ, какъ расширился ихъ умственный кругозоръ, какъ онѣ начали сознавать, что ихъ трудъ въ семьѣ

---

[1]) 1894, стр. 28—37.

и въ обществѣ такъ же важенъ и полезенъ родинѣ, а стало быть—и всему человѣчеству, какъ и трудъ мужчины? Это сознаніе пробудило въ душѣ финской женщины новыя силы,—и она радостно устремилась къ пріобрѣтенію знаній, необходимыхъ для полезной работы, и въ этомъ стремленіи нашла себѣ новую жизнь" и т. д. На этотъ упрекъ романистъ могъ бы отвѣтить, что онъ и брался рисовать „новую" женщину; а на другіе упреки онъ отвѣтилъ двумя разсказами. Въ одномъ изъ нихъ—„Обнаженная натурщица"—скульпторъ воспроизводитъ фигуру миѳической дѣвушки „Айно" (изъ „Калевалы") съ ея безсознательнымъ цѣломудріемъ „не только въ чертахъ лица, но и во всемъ тѣлѣ", но публика усматриваетъ въ этой статуѣ „порнографію", и невѣста художника посылаетъ ему гнѣвный отказъ. Въ другомъ разсказѣ, изъ народнаго быта,—„Ярмарочный пѣвецъ",—герой съ горечью говоритъ:

„Не должны ли вы глубоко возмущаться, когда васъ начинаютъ хвалить за то, чего вы сами въ себѣ не одобряете, или когда вы возбуждаете хохотъ и насмѣшки, желая говорить серьезно? А такъ было со мною во всю мою жизнь: надъ моими лучшими пѣснями люди смѣялись, а разныя глупыя мои выходки вызывали у нихъ восторгъ. Да такъ это и всегда бываетъ,—вѣдь люди не хотятъ стать лучше, чѣмъ они есть!"

Но, кромѣ этого, Юхани Ахо захотѣлъ еще показать своимъ критикамъ, что онъ въ состояніи понимать и изображать „національную" жизнь. Онъ написалъ большой историческій или, вѣрнѣе, миѳологическій романъ, въ двухъ томахъ, изъ эпохи „Калевалы", подъ заглавіемъ „Пану". Героемъ этого романа является могучій колдунъ, пророкъ и вождь крестьянства Пану,—нѣчто въ родѣ легендарнаго богатыря Вейнемейнена. Онъ живетъ въ эпоху появленія въ Финляндіи христіанства, благодаря которому его власть начинаетъ колебаться,—и, желая во что бы то ни стало удержать ее, онъ становится обманщикомъ и злодѣемъ. Но въ концѣ концовъ онъ все-таки гибнетъ: его приверженцы, возмущенные его неправдами и преступленіями, переходятъ въ христіанство, а его за „волшебство" сжигаютъ на кострѣ.

Въ характеристикѣ дѣйствующихъ лицъ этого широко задуманнаго и мастерски исполненнаго романа Ахо обнаружилъ большой психологическій талантъ; не только главный герой, но и другія лица, въ особенности же—христіанскій миссіонеръ Мартинъ Олай, являются вполнѣ живыми людьми; авторъ съ большимъ искусствомъ вводитъ въ жизнь изображаемой имъ полу-

миѳической эпохи, съ ея воззрѣніями, обычаями, вѣрованіями, съ борьбою противоположныхъ убѣжденій. Получилась въ высшей степени интересная историческая картина стародавней культуры, основанная на внимательномъ изученіи источниковъ, но созданная съ помощью богатой поэтической фантазіи,—картина, въ которой всѣ лица и вся культурная обстановка производятъ впечатлѣніе живой дѣйствительности. Этотъ романъ въ значительной степени возвысилъ литературную репутацію Юхани Ахо среди „избранной“ публики, способной зачитываться такого рода произведеніями; но имя писателя пріобрѣло популярность въ несравненно болѣе широкомъ кругу читателей благодаря произведеніямъ совершенно иного характера.

„Какъ во время большой столярной или токарной работы, между прочимъ, получаются стружки и обрѣзки, которые въ данное время не нужны, но могутъ на что-нибудь пригодиться впослѣдствіи,—такъ и при работѣ писателя надъ крупными произведеніями всегда остается куча разныхъ набросковъ, обрывковъ, замѣтокъ, которые также не сейчасъ идутъ въ дѣло, но и не совсѣмъ безполезны“. Этими словами Юхани Ахо объясняетъ странное на первый взглядъ заглавіе сборниковъ своихъ мелкихъ этюдовъ и замѣтокъ—„Стружки“ (Lastuja, 1-я книжка 1891, 4-я 1899 г.). Это—рядъ очень маленькихъ статеекъ,—по двѣ, по три страницы, рѣдко больше,—самаго разнообразнаго содержанія: тутъ и зарисованные съ натуры типы, и характерные финскіе пейзажи, и небольшіе разсказики то грустнаго, то юмористическаго содержанія, и обрывки мыслей или, вѣрнѣе, настроеній, среди которыхъ преобладаетъ уже знакомая намъ тихая грусть:

„Настроенія,—вы, мотыльки, порхающіе между мною и міромъ,—что̀ была бы моя жизнь безъ васъ?

„Она была бы для меня какъ небо безъ молній, какъ безконечная пустыня, какъ замерзшее море, какъ безлистный осенній лѣсъ. Она была бы похожа на жизнь безъ заботы, на рабочій день безъ радости, на вѣчное повтореніе все одного и того же, на дѣйствительность безъ формы и содержанія. Она была бы похожа на большую дорогу, по которой идетъ всякій и которой всѣ повороты одинаково извѣстны всѣмъ, какъ и мнѣ.

„А теперь моя жизнь въ свѣтѣ моихъ настроеній похожа на дневное небо при сильномъ вѣтрѣ, который то окутываетъ его тучами и молніями, то снова позволяетъ ему сіять яркимъ блескомъ,—похожа на тучную ниву съ волнующимися колосьями, по которымъ перебѣгаютъ причудливыя тѣни,—на море, кото-

рое то спокойно спитъ, то вздымаетъ грозныя волны,—на рощу весной, гдѣ зеленѣютъ деревья и кукуетъ кукушка,—на лѣтній воскресный день,—на юношескую мечту, въ которой надежда и отчаяніе переливаются въ тысячѣ оттѣнковъ. Она похожа на новую, незнакомую лѣсную тропинку, которая исчезаетъ въ чащѣ, спускается въ овраги и вьется по горамъ, открывая передо мною такіе виды, которыхъ раньше не подозрѣвалъ никто,— даже и я самъ.

„Оттого-то и люблю я васъ, мои настроенія, какъ въ семьѣ любятъ ребенка; я радуюсь вамъ и не стыжусь признаться, что иногда я васъ балую.

„Я берегу васъ, какъ странствующій по деревнямъ музыкантъ бережетъ свою флейту,—свое единственное утѣшеніе на одинокихъ тропинкахъ,—и мнѣ кажется, что я и на водѣ, и на сушѣ видалъ такихъ, которые останавливались и прислушивались къ моей пѣснѣ, а иногда и вторили ей. И, можетъ быть, геній языка, несмотря на свои строгія манеры и стѣснительный костюмъ, иногда раздѣляетъ мои радостныя минуты и благосклонно является вашимъ истолкователемъ.

„Я знаю, что вы часто меня обманываете, что вы заставляете меня блуждать въ лѣсной чащѣ или заманиваете въ тупикъ,—но я не хочу разставаться съ вами и другого путеводителя по жизни знать не хочу. Я иду за вами, какъ искатель клада идетъ за трепетно блуждающимъ огонькомъ, и хотя я часто падалъ среди камней, но все-таки я вѣрю, что сокровище лежитъ тамъ, гдѣ горитъ ваше пламя.

„Если вы погаснете, — охладѣетъ мой очагъ, и холодные вѣтры начнутъ хозяйничать въ моемъ домѣ. Оттого-то я и берегу васъ, мои настроенія, какъ жертвенный огонь, и никогда не допущу, чтобы этотъ огонь погасъ“...

Эти „настроенія“ Юхани Ахо такъ характерны для всей финской литературы, такъ привлекательны своей мягкой задумчивостью, изображаемые въ его бѣглыхъ очеркахъ типы такъ жизненны, картины природы такъ близки сердцу каждаго финскаго читателя,—что неудивительно, если „Стружки“ сдѣлались одной изъ самыхъ любимыхъ въ Финляндіи книгъ. Трудно встрѣтить сколько-нибудь образованнаго финляндца, который бы не читалъ этихъ книжекъ, не отмѣчалъ въ нихъ любимыя страницы. Этой широкой популярности не мало содѣйствовало также и то, что писатель придаетъ нѣкоторымъ изъ своихъ очерковъ характеръ политическихъ аллегорій, комментирующихъ разные моменты общественной жизни края. Выше мы уже приводили

нѣкоторыя выдержки изъ этого рода статей. Въ 1895 г. онъ издалъ новый томъ разсказовъ подъ общимъ заглавіемъ „Пробужденные“ (Heränneitä), гдѣ изображаетъ разные моменты финскаго національнаго движенія. Наконецъ, въ самое последнее время вышло еще два томика небольшихъ разсказовъ подъ заглавіемъ, уже объясненнымъ выше: „Нашъ можжевеловый народъ“, отражающихъ въ себѣ самую жгучую въ настоящее время для Финляндіи злобу дня...

IV.

Рядомъ съ повѣствовательной литературой на финскомъ языкѣ, со второй половины XIX столѣтія развивается и родственная ей по духу лирическая поэзія. Первые начатки этой поэзіи относятся, впрочемъ, къ болѣе раннему времени, — къ началу столѣтія, когда среди финскаго крестьянства стали появляться свои „домашніе“ стихотворцы, которые въ „рунахъ“, написанныхъ любимымъ народнымъ размѣромъ „Калевалы“, отзывались на разные случаи деревенской жизни. Безхитростныя пѣсни этихъ поэтовъ-самоучекъ изрѣдка проникали и въ печать, особенно съ тѣхъ поръ, какъ Лённротъ изданіемъ „Калевалы“ далъ сильный толчекъ изученію народной поэзіи. Впослѣдствіи, въ 1889 г., эти пѣсни изданы были финскимъ литературнымъ обществомъ въ небольшомъ сборникѣ, подъ заглавіемъ: „Восемнадцать руно-слагателей“ [1]). Старѣйшимъ изъ этихъ восемнадцати является Пааво *Корхоненъ* (1775—1840), а младшимъ—Альбертъ *Кукконенъ* (р. 1835). Ихъ умственный кругозоръ крайне ограниченъ, „руны“ очень сухи и бѣдны содержаніемъ; поэзія, говоря извѣстными словами Тургенева, здѣсь „и не ночевала“. Рядъ стихотвореній посвящается, напримѣръ, развитію мысли: „Слава Богу, что въ нашемъ селѣ построили церковь“; другой рядъ стихотвореній хвалитъ образцовое крестьянское хозяйство,—„полную чашу“ зажиточнаго дома; третій подсмѣивается надъ пьяницами и табачниками, и т. д. Болѣе другихъ интересны „руны“, въ которыхъ сказалось пробужденіе національнаго самосознанія и ясно выразилось требованіе гражданскихъ правъ для народнаго языка, пренебрегаемаго „господами, что сидятъ за длинными столами“. Въ нѣкоторыхъ стихотвореніяхъ выражается благодарность финскому литературному обществу и тѣмъ ученымъ людямъ, которые заботятся о просвѣщеніи финскаго народа и о

[1]) Kahdeksantoista Runoniekkaa. Hels. 1889.

распространеніи книгъ на финскомъ языкѣ, радость по поводу открытія народныхъ школъ, изданія финскихъ газетъ и пр.

Этотъ національный мотивъ и былъ подхваченъ впослѣдствіи уже настоящими представителями художественной финской лирики, изъ которыхъ первымъ по времени является выдающійся филологъ, профессоръ гельсингфорсскаго университета Августъ-Энгельбрехтъ *Альквистъ*, писавшій подъ псевдонимомъ „Оксаненъ“ (1826—89). Онъ былъ родомъ изъ Саволакса (Куопіо) и происходилъ изъ народа; въ научной своей дѣятельности онъ поставилъ себѣ цѣлью изслѣдованіе финскихъ языковъ и литературную обработку финской народной рѣчи. Для этого онъ основалъ въ 1847 г. журналъ, въ которомъ печаталъ на финскомъ языкѣ стихи, издавалъ учебники, финскую хрестоматію, сборникъ финскихъ пословицъ, финскую метрику и былъ творцомъ художественной финской лирики, въ которую ввелъ современныя стихотворныя формы. Собраніе его стихотвореній издано въ двухъ томахъ, подъ заглавіемъ „Искры“ (Säkeniä, 1860—68). Здѣсь впервые на финскомъ языкѣ сильное лирическое чувство поэта получило вполнѣ художественное выраженіе. Заглавіе сборника объясняется вступительнымъ стихотвореніемъ:

Искры.

Въ деревняхъ настала осень,
Затуманилась страна;
Тяжко бьетъ въ родныя скалы
Моря темная волна.

Вотъ, въ лѣсу стоитъ избушка,—
Тамъ кузнецъ куетъ булатъ:
Искры яркой вереницей
Изъ-подъ молота летятъ.

Искры въ воздухѣ танцуютъ,
Вьются,—радостны, легки,
Но, въ туманѣ замирая,
Скоро гаснутъ огоньки.

Блескомъ искорокъ ничтожныхъ
Не разсѣять мракъ ночной...
Но, быть можетъ, засіяетъ
И отъ нихъ намъ свѣтъ иной.

Поднялись бы только искры
Дружнымъ роемъ высоко,—
И пожаромъ яркимъ небо
Озарится далеко!

Пѣснь моя,—лети, какъ искра
Сквозь туманъ и мракъ ночной,
Дай страдальцу утѣшенье,
Въ сердце кинь огонь живой!

Если смѣлю понесешься
Вдоль родимыхъ береговъ,—
Ты съ полей родной Суоми
Созовешь другихъ пѣвцовъ.

Дружный хоръ о лучшей жизни
Пѣснь побѣдную споетъ,—
Къ намъ весна опять вернется,
Горе зимнее пройдетъ!

Стихотворенія Оксанена были встрѣчены финнами съ восторгомъ; особенною популярностью пользуются и до настоящаго времени двѣ его патріотическія пѣсни: „Пѣснь саволаксца“, о которой мы уже упоминали выше, положенная на музыкуКолланомъ и повсюду распѣваемая, и „Мощь Финляндіи“,—восторженный призывъ къ пробужденію народнаго самосознанія. Прочія стихотворенія посвящены преимущественно мотивамъ личной лирики; большею частью въ нихъ чувствуется вліяніе народной пѣсни, а также—Рунеберга, Стенбека и другихъ шведско-финскихъ поэтовъ болѣе ранняго періода.

Вслѣдъ за Оксаненомъ выступилъ также и другой извѣстный ученый, профессоръ Юлій *Кронъ* (1835—88). Онъ происходилъ изъ нѣмецкой купеческой семьи, поселившейся въ Выборгѣ; занявшись, подъ вліяніемъ Лённрота, финскимъ языкомъ и литературой, онъ сталъ однимъ изъ выдающихся изслѣдователей финской народной поэзіи; ему принадлежитъ, между прочимъ, замѣчательный трудъ о „Калевалѣ“, изданный въ видѣ перваго тома широко задуманной исторіи финской словесности. Съ начала 60-хъ годовъ онъ сталъ издавать журналъ подъ оригинальнымъ названіемъ: „Земляника и Черника“ (Mansikoita ja Mustikoita), гдѣ печаталъ свои стихи съ подписью „Суоніо“, которые въ 1865 г. появились и въ отдѣльномъ изданіи. Въ этихъ стихотвореніяхъ онъ является возвышеннымъ идеалистомъ, полнымъ вѣры въ добро, истину и красоту, глубоко религіознымъ и горячимъ патріотомъ; но имъ не хватаетъ глубины чувства, силы и непосредственности поэтическаго вдохновенія. Приводимъ для образца одно изъ нихъ:

Воробей.

Когда-бъ я голосистымъ
Родился соловьемъ,—
Торжественно я пѣлъ бы
Свой гимнъ въ краю родномъ.

Финляндію родную
Тогда-бъ я воспѣвалъ
И радостныя пѣсни
Во славу ей слагалъ.

И еслибъ могъ я въ небо
Полетъ направить свой,—
Къ Предвѣчнаго престолу
Вознесся-бъ я съ зарей.

Быть можетъ, устремилъ бы
На насъ Онъ взоръ благой,
И край нашъ озарилъ бы
Лучъ солнца золотой.

Но пѣсенъ соловьиныхъ
Мнѣ пѣть не суждено,
Взлетать на мощныхъ крыльяхъ
Мнѣ къ небу не дано.

Но пусть, хотя и слабый,
Раздастся голосъ мой:
Вѣдь прочихъ птичекъ пѣнье
Не слышится зимой!

Съ весной вернутся птицы,
Поющія звучнѣй,
И, пѣнью ихъ внимая,
Умолкнетъ воробей.

Особый кругъ стихотвореній Крона, подъ заглавіемъ „Эмма", посвященъ изображенію тихихъ семейныхъ радостей. Онъ писалъ также и церковные гимны, и дѣтскія пѣсенки, изъ которыхъ многія положены на музыку. Кромѣ того, для дѣтей онъ написалъ въ прозѣ „Разсказы мѣсяца" и рядъ разсказовъ изъ исторіи Финляндіи.

Къ числу ученыхъ финскихъ лириковъ принадлежатъ также профессоръ финскаго языка и литературы въ гельсингфорсскомъ университетѣ Арвидъ *Генетцъ* (род. 1848), издавшій въ 1889 г. книжку стихотвореній подъ заглавіемъ: „Воспоминанія и надежды" (Muistoja ja Toiveita). Эти стихотворенія, отличающіяся большою энергіею чувства, написаны на разныя темы, преимущественно семейныя и патріотическія. Въ числѣ послѣднихъ находится и

финноманскій гимнъ „Проснись, Финляндія!“, положенный на музыку братомъ поэта,—гимнъ очень патетическій и воинственный.

Изъ другихъ поэтовъ старшаго поколѣнія заслуживаютъ вниманія Пааво *Каяндеръ* (род. 1846, въ Тавастгусѣ, нынѣ — лекторъ финскаго языка въ гельсингфорсскомъ университетѣ) и Карлъ *Крамсу* (1855—95). Первый пріобрѣлъ почетную извѣстность переводомъ 15-ти пьесъ Шекспира; оригинальныя его стихотворенія разбросаны по журналамъ и альманахамъ и не появлялись отдѣльнымъ изданіемъ; по отзыву критики, они отличаются поэтическимъ содержаніемъ и мастерствомъ формы и принадлежатъ къ числу перловъ финской лирики. Въ одномъ изъ нихъ — „Освобожденная Королева“ —въ аллегорической формѣ изображается освобожденіе финскаго языка и финской національности отъ шведскаго ига знаменитымъ патріотомъ Снельманомъ. Крамсу, окончившій жизнь въ сумасшедшемъ домѣ, издалъ въ 1878 г. книжку стихотвореній, въ которыхъ преимущественно обработывалъ сюжеты изъ исторіи Финляндіи въ формѣ балладъ, отличающихся большимъ паѳосомъ. Лирическія его стихотворенія проникнуты мрачнымъ пессимистическимъ настроеніемъ.

Но самымъ замѣчательнымъ изъ лириковъ старшаго поколѣнія является Іоганнъ-Генрихъ *Эркко* (род. 1849), сынъ тавастгусскаго крестьянина, окончившій курсъ учительской семинаріи и нѣкоторое время бывшій ректоромъ элементарной школы въ Выборгѣ, а теперь занимающійся исключительно литературнымъ трудомъ. Онъ издалъ уже болѣе десяти томиковъ стихотвореній („Стихотворенія“ 1881, „Новыя стихотворенія“ 1885, „Послѣ моего пробужденія“ 1886, „Водяные пузыри“ 1890 и др.). Это, большею частью, коротенькія лирическія вещицы, своимъ наивнымъ тономъ, близостью къ природѣ и безъискусственностью формы напоминающія народную лирику; между ними есть прекрасныя картинки природы, идиллическія сценки, поэтическія размышленія, проникнутыя глубокимъ чувствомъ. Эркко писалъ также, конечно, и патріотическія стихотворенія; въ нихъ много одушевленія и энергіи, но нѣтъ той ясной простоты, благодаря которой многія подобныя же произведенія другихъ поэтовъ успѣли сдѣлаться народными пѣснями. Въ позднѣйшихъ его стихотвореніяхъ замѣчается стремленіе излагать въ лирической формѣ высшіе вопросы и передовыя идеи; но это ему менѣе удается, такъ какъ въ нѣкоторыхъ этого рода стихотвореніяхъ онъ достигаетъ только значительной степени... темноты. Кромѣ стихотвореній, Эркко издалъ два тома „Домашнихъ разсказовъ“ (1881—1885) и романъ „Вѣрующій“, гдѣ изображается про-

цессъ духовнаго развитія крестьянина, который изъ строго-ортодоксальнаго лютеранина становится философомъ-пантеистомъ. Главною же литературною заслугою Эркко являются его драматическія произведенія, о которыхъ мы скажемъ ниже.

Среди поэтовъ младшаго поколѣнія первое мѣсто занимаетъ Казиміръ *Лейно* (Lönnbohm, род. 1866 въ Улеаборгской губ., учился въ университетѣ, съ 1896 г.—докторъ философіи, живетъ въ Гельсингфорсѣ). Это, несомнѣнно, одинъ изъ самыхъ даровитыхъ представителей финской художественной лирики. Первыя его стихотворенія появились въ 1886 г. подъ заглавіемъ „Стихотворные опыты" (Runokokeita); затѣмъ онъ издалъ еще два стихотворныхъ сборника, въ 1890 и 1894 гг. Въ нихъ съ большой энергіей и неподдѣльнымъ одушевленіемъ сказалась юношеская любовь къ свободѣ и жажда наслажденій. Его мысли не отличаются новизною и самостоятельностью, но онъ умѣетъ придавать современнымъ идеямъ прекрасную, выразительную форму и въ серьезныхъ стихотвореніяхъ достигаетъ нерѣдко сильнаго эффекта. Въ особенности любитъ онъ писать стихи на разные торжественные случаи, которые даютъ пищу его патріотическимъ вдохновеніямъ, а иногда—и его добродушному юмору. Вотъ одно изъ его патріотическихъ стихотвореній.

СОСНА НА СКАЛѢ.

Твой стволъ величавый до самыхъ небесъ
И гордо, и стройно растетъ,
И вѣтеръ, качая молоденькій лѣсъ,
Тебя лишь едва всколыхнетъ.
Свободно взросла ты,—и корни твои
Въ скалистую почву глубоко ушли.

Зеленая шапка надъ темной скалой
Раскинулась пышнымъ щитомъ;
Выграетъ ли буря ночною порой,—
И буря тебѣ нипочемъ:
Сильна ты, и крѣпко стоишь на скалѣ,
Зарывшись корнями въ родимой землѣ.

Какъ вольно и гордо вознесъ тебя Богъ
Надъ этой свободной землей!
О, еслибы съ той же свободою могъ
Рости мой народъ дорогой!
О, еслибъ народнаго духа ушли
Могучіе корни въ глубь вольной земли!

Братъ только-что названнаго поэта, Эйно *Лейно*, принадлежитъ къ самымъ молодымъ финскимъ поэтамъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ,

отличается необыкновенною продуктивностью: первая книжка его стихотвореній вышла только въ 1896 году, а съ тѣхъ поръ онъ уже успѣлъ издать еще четыре такихъ же книжки. Несмотря на такое многописаніе, въ этихъ сборникахъ есть не мало вещей высокаго художественнаго достоинства,—хотя не мало и такихъ, которыхъ вовсе не слѣдовало бы печатать, потому что въ нихъ сказалась только любовь поэта къ риѳмѣ. Въ лучшихъ произведеніяхъ Эйно Лейно видно сильное, молодое чувство и любовь къ природѣ; особенно склоненъ онъ къ символикѣ природы, къ картинамъ, выражающимъ субъективное настроеніе, причемъ различныя настроенія передаются у него и различными стихотворными размѣрами,—чтò для *финскаго* стихотворства является совершенною новостью. Эти качества молодого поэта обнаружились уже въ первомъ его сборникѣ—„Мартовскія пѣсни", который особенно понравился виртуозностью стихосложенія; по содержанію эти пѣсни во многомъ напоминаютъ Гейне,—только у финскаго поэта нѣтъ и слѣда той язвительной ироніи, какою дышатъ многія страницы „Книги Пѣсенъ". Эйно Лейно пользуется иногда также мотивами народнаго эпоса—для подражанія или для самостоятельной обработки; таковы, напр., въ послѣднемъ его сборникѣ лирическія сцены: „Лебедь Туонелы" (т.-е. страны смерти). „Легенда о большомъ дубѣ" также навѣяна эпическими народными преданіями: здѣсь изображается переселеніе народа „Калевалы", покореніе Финляндіи шведами и вторженіе шведской культуры, которую поэтъ рисуетъ въ образѣ стараго широковѣтвистаго дуба, покрывающаго своей тѣнью всю страну такъ, что она не видитъ солнца. Но мечъ Вейнемейнена—возрождающаяся сила финскаго духа—рубитъ это мрачное дерево, и солнечные лучи свободно льются на финскую землю, принося съ собою золотой вѣкъ... Авторъ видимо очень увлекся своей финноманской идеей, но въ общемъ получилось произведеніе довольно слабое и слишкомъ искусственное. Вообще, онъ какъ будто торопится высказать въ своихъ стихахъ все, чтò приходитъ ему на мысль, и безъ разбора печатаетъ обрывки бѣглыхъ впечатлѣній и разные наброски рядомъ съ стихотвореніями, въ которыхъ нельзя не видѣть сильнаго таланта. Въ этомъ отношеніи онъ во многомъ напоминаетъ нашего Фофанова.

Наконецъ, говоря о самыхъ младшихъ представителяхъ финской поэзіи, нельзя пройти молчаніемъ оригинальнаго юмориста Кюбсти *Ларсона*. Онъ издалъ два сборника своихъ стихотвореній, содержаніе которыхъ взято почти исключительно изъ народной жизни: ея комическія стороны освѣщаются здѣсь такимъ зара-

зительно-веселымъ юморомъ, какого до сихъ поръ не знала финская литература. Внѣшняя форма этихъ стихотвореній нерѣдко страдаетъ шероховатостью, невыдержанностью ритма; но зато у Ларсона нѣтъ той „казенной“ патріотической фразеологіи, которою часто увлекаются другіе финскіе лирики; его отношеніе къ своему народу вполнѣ самобытно и опредѣляется только его личными впечатлѣніями, внѣ зависимости отъ тѣхъ или иныхъ настроеній общества.

V.

Намъ остается еще сказать о финской драматической литературѣ. Она пока еще очень не обширна, такъ какъ въ Финляндіи существуетъ только одинъ финскій театръ—въ Гельсингфорсѣ. Театръ этотъ основанъ акціонернымъ обществомъ и пользуется правительственнымъ пособіемъ, но, несмотря на это, иногда переживаетъ очень трудныя времена. Его основателемъ и первымъ руководителемъ былъ Карлъ *Бергбомъ*, написавшій драму „Паоло Марони“; впослѣдствіи онъ же составилъ провинціальную странствующую труппу артистовъ, къ которой примкнули многіе любители,—ради идеи распространенія финскаго народнаго театра и литературы.

Въ числѣ драматическихъ произведеній, имѣвшихъ значительный успѣхъ на сценѣ финскаго театра, слѣдуетъ, прежде всего, отмѣтить рядъ пьесъ изъ національной исторіи. Таковы: драма Габріэля *Лагуса* „Война дубинами“ (крестьянское возстаніе въ XVI вѣкѣ) и драмы Густава-Адольфа фонъ-*Нумерса* „Эрикъ Пукке“ (XV столѣтіе), „Смерть Элины“ (изъ народныхъ преданій) и „Битва при Туукалѣ“ (изъ языческаго періода Финляндіи). Послѣднему писателю принадлежитъ также веселая комедія „За Куопіо“, въ которой выведены реальные комическіе типы, отличающіеся большою жизненностью. Историческимъ драматургомъ является также Эдуардъ *Янсонъ*, писатель не особенно даровитый, но поощряемый критикой за то, что онъ выбираетъ для своихъ произведеній національныя темы: „Лалли“—трагедія изъ эпохи борьбы христіанства съ язычествомъ; „Бартольдъ Симонисъ“ —изъ исторіи шведскихъ войнъ и пр. Небольшія одноактныя пьески изъ жизни гельсингфорсскаго общества, очень живыя и веселыя, писалъ Робертъ *Кильяндеръ*, авторъ двухъ очень любимыхъ финской публикой комедій: „Наша пріятельница Амалія“ и „Въ затруднительномъ положеніи“.

Упомянутый выше финскій народный романистъ Алексисъ Киви пробовалъ свои силы также и въ драматической поэзіи. Онъ написалъ комическія сцены изъ народной жизни—„Деревенскій башмачникъ", веселую шутку „Обрученіе" и еще нѣсколько одноактныхъ пьесъ, а также драму изъ народнаго эпоса „Куллерво" и библейскую трагедію „Лія", которая, по отзыву критики, отличается яркимъ и образнымъ поэтическимъ языкомъ, но не была поставлена на сценѣ.

Но самыми выдающимися изъ финскихъ народныхъ драматурговъ являются Юхани *Эркко* и Минна *Кантъ*. Первому принадлежитъ библейская драма „Пророкъ", содержаніемъ которой служитъ борьба израильтянъ съ мадіанитами и въ которой авторъ излагаетъ свои идеи о національномъ развитіи и свои религіозно-пантеистическія воззрѣнія. Выше мы уже говорили, что Эркко въ „идейныхъ" своихъ произведеніяхъ нерѣдко является мало вразумительнымъ: ему не удается выразить свои мысли въ ясной и удобопонятной формѣ; онъ слишкомъ увлекается изысканностью рѣчи, подборомъ звучныхъ, красивыхъ словъ и фразъ, метафоръ, сравненій и т. п. „цвѣтовъ краснорѣчія", благодаря которымъ его стихъ пріобрѣтаетъ сильное лирическое „пареніе"—въ ущербъ вразумительности. Этотъ недостатокъ особенно сказывается въ его крупныхъ произведеніяхъ, каковы „Пророкъ" и другая его лирическая драма „Айно", содержаніе которой взято изъ „Калевалы". Но въ глазахъ финской критики національность произведенія стоитъ выше всего и искупаетъ всѣ недостатки композиціи и исполненія; неудивительно поэтому, что „Айно" съ торжествомъ была провозглашена однимъ изъ самыхъ выдающихся и самыхъ смѣлыхъ произведеній финской литературы. Первое представленіе этой пьесы на сценѣ финскаго театра, въ началѣ 1893 года, было своего рода литературнымъ событіемъ; постановка ея отличалась особою археологическою тщательностью, а въ исполненіи приняли участіе самыя выдающіяся силы финскаго театра.

Финская критика, какъ уже было замѣчено, считаетъ „Айно" классическимъ произведеніемъ. Это обязываетъ насъ подробнѣе остановиться на содержаніи пьесы, которая, дѣйствительно, характерна для современной финской литературы.

Эпизодъ Айно составляетъ третью и четвертую „руны" Калевалы. Айно—молодая красавица, дочь хозяйки Іоуколы (отъ joukko—толпа, орда, собраніе людей; слѣд. Joukola—„жилье толпы"). Ея братъ, молодой и заносчивый Іоукагайненъ, ищетъ случая помѣряться силами съ старымъ, вѣщимъ пѣвцомъ Вейне-

мейненомъ, жителемъ Сувантолы (отъ suvanto—тихая вода между порогами, слѣд. Suvantola—„тиховодье“). Между ними происходитъ встрѣча и начинается состязаніе въ волшебныхъ пѣсняхъ. Вейнемейненъ поетъ свои заклинанія,—и дерзкій юноша погружается все глубже и глубже въ топь; его лошадь превращается въ скалу, сани—въ болотный кустарникъ, дуга—въ радугу, шапка—въ облако, рукавицы—въ листья, и т. д. Испугался Іоукагайненъ и взмолился вѣщему пѣвцу: „Возьми, что хочешь, только избавь меня отъ этихъ чаръ“. Но разгнѣванный старецъ отвергаетъ всѣ его посулы и продолжаетъ свои пѣсни. Іоукагайненъ ушелъ въ топь уже по самый подбородокъ; стоитъ Вейнемейнену спѣть еще одно заклинаніе,—и топь совсѣмъ его покроетъ. Тогда въ послѣдній разъ взмолился молодой Іоукагайненъ, предлагая, въ видѣ выкупа за свое освобожденіе, отдать старцу въ жены свою сестру Айно. „Старый вѣщій Вейнемейненъ“ согласился принять этотъ выкупъ и освободилъ своего несчастливаго соперника. Вернувшись домой, посрамленный юноша разсказываетъ матери, какъ онъ продалъ сестру. Мать очень рада породниться съ сильнымъ и вѣщимъ героемъ Сувантолы; но Айно и слышать не хочетъ о бракѣ съ старикомъ; она плачетъ три дня и три ночи, потомъ наряжается, идетъ въ лѣсъ и, встрѣтивъ тамъ Вейнемейнена, который говоритъ ей о своемъ сватовствѣ, заявляетъ ему, что никогда не будетъ его женою. Разсказавъ объ этой встрѣчѣ своей матери, она снова плачетъ три дня и три ночи и, наконецъ, уходитъ изъ дому, бродитъ по лѣсамъ и болотамъ, жалуясь на горькую судьбу свою, и топится въ морѣ.

Этотъ эпизодъ и обработалъ Эркко въ своей лирической драмѣ, стараясь придать баснословнымъ фигурамъ народнаго эпоса общечеловѣческія черты и сдѣлать ихъ выразителями идей, близкихъ нашему времени. Въ его изображеніи Іоукола и Сувантола представляются двумя взаимно враждебными стадіями быта: первая—страна грубыхъ звѣролововъ, вторая—уже земледѣльческая община и, стало быть, стоитъ на высшей степени культуры. Побѣда Вейнемейнена есть, такимъ образомъ, побѣда высшаго развитія; его оружіе—не мечъ, а слово, пѣсня. Айно также любитъ пѣсни, и потому герой Сувантолы въ ея глазахъ является высшимъ существомъ. „Развѣ здѣсь я слыхала о чемъ-нибудь другомъ,—говоритъ она,—кромѣ волковъ да медвѣдей, побоищъ да схватокъ? Вѣдь вы не любите ни загадокъ, ни сказокъ, ни рунъ; вы говорите: пусть этимъ тѣшатся дѣти!—Такъ дайте же мнѣ быть ребенкомъ!“

Откуда же она научилась любить пѣсни?—Отъ самой природы, такъ же, какъ и Вейнемейненъ. Природа одарила вѣщаго пѣвца силою пѣснопѣнія; въ нее же вѣруетъ и юная дѣвушка, полу-ребенокъ:

„Когда я хожу одна въ лѣсу, я разговариваю съ лѣсными вѣтерками или слушаю птичекъ, онѣ понимаютъ меня, а я—ихъ“...

Такимъ образомъ, оба главныя лица пьесы находятся въ единеніи съ природой, а слѣдовательно—и въ духовномъ единеніи между собою; и тѣмъ не менѣе, сватовство Вейнемейнена становится причиной гибели Айно...

Дѣйствіе начинается весной,—въ такую пору, когда природа сильнѣе всего дѣйствуетъ на людей, обновляя ихъ чувства послѣ долгой зимней ночи. И въ Іоуколѣ, и въ Сувантолѣ—весенній праздникъ; въ семьѣ Іоукагайнена обсуждаютъ замыслы молодого храбреца противъ Вейнемейнена и говорятъ о силѣ „рунъ“, заклинательныхъ пѣсенъ. Айно жалуется, что всякій разъ, когда она спрашиваетъ у брата,—въ чемъ источникъ этой силы, тотъ грубо отвѣчаетъ ей: „У дѣвчонокъ умъ короткій,—не дано имъ разумѣнья!“ Вейнемейнена она считаетъ настоящимъ героемъ. Она видитъ, что жизнь есть борьба, и ей хотѣлось бы прекратить всякія столкновенія, всѣхъ помирить. Она спрашиваетъ у брата, зачѣмъ онъ такъ суровъ, зачѣмъ онъ не хочетъ слушать „мольбы цвѣтовъ“ и ея собственной мольбы о томъ, чтобы буря не уносила весеннихъ чувствъ. Но Іоуко рѣзко отвѣчаетъ ей:

Не совѣтуй мнѣ, дѣвчонка,
Предоставь заботу взрослымъ.

Айно скорбитъ о томъ, что ея братъ нарушаетъ гармонію природы и разбиваетъ весеннія надежды; но онъ не обращаетъ на ея слова никакого вниманія и спѣшитъ „воевать“ съ Вейнемейненомъ. Слѣдуетъ извѣстная уже встрѣча и пораженіе молодого нахвальщика. Между тѣмъ, мать уже начинаетъ поговаривать о томъ, что Айно „стала дѣвушкой-невѣстой“ и что пора думать о женихѣ. „По деревнѣ ходятъ слухи, что запродана ужъ дочка“. Эта „грозная стрѣла“ глубоко поражаетъ сердце дѣвушки: какъ смѣютъ чужіе люди врываться въ ея мирную внутреннюю жизнь, какъ смѣютъ они распоряжаться ея судьбою? Она чувствуетъ, что ея свободѣ грозитъ опасность. Но мать старается успокоить ее, говоря, что „змѣя и невиннаго укуситъ“. „Отчего такъ зла природа?“—спрашиваетъ Айно.

„Нѣтъ, не зла,—она премудра;
„Надо быть на все готовымъ,
„Хорошо вооруженнымъ,
„Чтобы съ нею побороться“,

отвѣчаетъ мать. Но вѣдь слабая дѣвушка не можетъ выдержать этой борьбы. „Что же дѣлать?—говоритъ мать:

„Если прятаться ты станешь,
„Такъ и силъ въ тебѣ не будетъ:
„Силы жизнью лишь даются!“

Но откуда же взять силъ на эту борьбу дѣвушкѣ, которую всѣ называютъ ребенкомъ, дѣвчонкой, у которой „умъ коротокъ“? Жизнь представляется ей грубымъ, суровымъ насиліемъ... но въ то же время въ ней пробуждается и желаніе извѣдать эту жизнь, которой она такъ боится. Въ эту минуту приходитъ братъ и разсказываетъ, какъ онъ въ самомъ дѣлѣ „запродалъ“ свою сестру. Мать радуется сватовству вѣщаго старца, но Айно чувствуетъ, что всѣ ея мечты разбиты этимъ неожиданнымъ ударомъ жизни. Она бѣжитъ на лоно природы и возвращается нѣсколько успокоенною. Она не можетъ рѣшить,—любитъ ли она Вейнемейнена или нѣтъ: „можетъ быть,—говоритъ она,—онъ и побѣдитъ меня, если его сильная рука вырветъ птичку изъ сѣтей; вѣдь онъ—смѣлый и сильный витязь; его сватовство—не въ словахъ, а въ смѣломъ дѣлѣ“. Такимъ образомъ, она ждетъ отъ Вейнемейнена подвига; но герой оказывается нерѣшительнымъ и слабымъ; это умаляетъ его въ глазахъ Айно, и она чувствуетъ, какъ растетъ ея собственная смѣлость. Она, какъ и братъ, хочетъ бороться съ вѣщимъ пѣвцомъ, возстаетъ противъ его требованій: вѣдь природа, отъ которой онъ получилъ свои вѣщіе символы, и ей извѣстна такъ же хорошо, какъ и ему; стало быть, она и выйдетъ изъ этой борьбы побѣдительницей. Но эта побѣда убиваетъ въ ней любовь и снова будитъ уснувшее чувство скорби, особенно послѣ того, какъ отецъ говоритъ ей: „Повинуйся!—вотъ заповѣдь природы; будь довольна судьбой!—другого утѣшенія нѣтъ“. Горько жалуется дѣвушка на свою долю:

„У счастливца мысли смѣлы:
„Это—волнъ игра свободныхъ
„На хребтѣ широкомъ моря;
„У несчастнаго же мысли—
„Ручеекъ въ оврагѣ темномъ,
„Гдѣ и солнце не играетъ!“

Ея внутренній міръ возмущенъ этимъ насильственнымъ втор-

женіемъ; вольное развитіе чувства для нея уже невозможно, и она сознаетъ, что ей осталось только готовиться къ свадьбѣ съ другимъ, болѣе сильнымъ и великимъ женихомъ,—со смертью. Такимъ образомъ, въ дѣвическихъ мечтахъ Айно все сильнѣе и сильнѣе сказывается потребность свободы. Эта потребность проявляется тѣмъ ярче, чѣмъ пристальнѣе дѣвушка начинаетъ присматриваться къ той жизни, среди которой она выросла. Отецъ, мать, братъ, слуги—всѣ постоянно учили ее, что міръ полонъ зла и всего дурного; и вотъ, нѣжное дитя природы возмущается противъ этого царства мрака и сознательно гибнетъ...

Что касается Вейнемейнена, то онъ представляетъ собою полную противоположность жителямъ Іоуколы, этой „толпѣ", живущей подъ властью насилія и деспотизма; въ его лицѣ передъ нами высшая культура:

„Хороши и лѣсъ, и море:
То—сокровища природы;
Но владѣть должны мы также
И полями, и горами;
Если новь ты поднялъ плугомъ, —
Самъ себя ты выше поднялъ.
И растетъ навстрѣчу свѣту
Дружной, братской чередою,
Родъ за родомъ, поднимаясь
Вмѣстѣ съ жатвой золотою".

А свѣтъ ведетъ къ свободѣ. „Власть земли—это власть свѣта и солнца, не знающая раздоровъ; люди съ мягкими нравами ходятъ свободно, а дикіе остаются въ цѣпяхъ". Свободному человѣку не нуженъ мечъ; его оружіе—высшія духовныя стремленія. Такимъ образомъ, вѣщій пѣвецъ является представителемъ высшаго начала. Но въ то же время онъ и человѣкъ. Возвышаясь надъ толпой, онъ чувствуетъ себя одинокимъ; онъ хотѣлъ бы любить и быть счастливымъ, какъ и всѣ обыкновенные люди; при этомъ онъ надѣется, что Айно не только принесетъ „весну" въ Сувантолу, но и примиритъ обѣ враждующія стороны. Эта надежда, однако, не оправдалась, потому что онъ захотѣлъ взять Айно какъ вещь, въ видѣ выкупа за брата, и этимъ насиліемъ надъ личностью погубилъ дѣло свободы, которому онъ желалъ служить. Оттого-то онъ и является въ глазахъ Айно слабымъ, безсильнымъ, даже смѣшнымъ старикомъ, который весь вѣкъ сидитъ за печкой и которому нужна не жена, а нянька. Но это же самое стремленіе вѣщаго богатыря къ

личному счастью дѣлаетъ его человѣчнымъ и возбуждаетъ къ нему сочувствіе.

Вейнемейненъ теряетъ Айно, но зато опять становится народнымъ героемъ, призывающимъ работать ради высшей культуры:

„О, народъ мой! Твой я снова!
Всѣ мечты о личномъ счастьѣ
Перемѣнчивы, непрочны,
Словно мѣсяца сіянье,
Отблескъ солнца золотого.
Такъ начнемъ же трудъ свой братскій
Ради общаго мы блага!
Взбороздимъ-ка дружно плугомъ
Эту сѣверную землю,—
Царство холода и мрака
Общей силой покоримъ!"

„Нашему поэту удалось, — говоритъ авторитетный финскій критикъ [1]),—сочетать идеалы общечеловѣческіе съ высшими идеалами своего народа; его драма явилась выраженіемъ не только тѣхъ основныхъ идей, которыя въ теченіе вѣковъ хранились, не увядая, въ лонѣ финскаго народа, но и тѣхъ, которыя живутъ въ этомъ народѣ и теперь, въ эпоху пробужденія его самосознанія и стремленій служить благороднѣйшимъ передовымъ началамъ нашего времени".

Эркко въ своихъ пьесахъ трактуетъ лирически болѣе или менѣе общіе сюжеты, далекіе отъ современной дѣйствительности и имѣющіе, такъ сказать, только отвлеченный интересъ. Полную противоположность ему въ этомъ отношеніи представляетъ талантливая реалистка Минна *Кантъ*, о которой мы уже говорили выше: всѣ ея пьесы взяты прямо изъ современной финской жизни и болѣе или менѣе тѣсно связаны съ интересами настоящей минуты и вопросами, волнующими современное общество. Первая ея комедія „Кража со взломомъ", написанная безъ всякаго знанія театральной техники, доставила ей премію отъ финскаго литературнаго общества и сдѣлалась репертуарной пьесой финскаго театра благодаря своему жизненному содержанію и удачно очерченнымъ комическимъ типамъ. Съ большими похвалами встрѣчена была и публикой, и критикой также и вторая пьеса Минны Кантъ—„Въ помѣстьѣ Ройнила" (1883), сюжетъ которой взятъ изъ народной жизни. Но дальнѣйшія ея драматическія произве-

[1]) Valfrid Vasenius, въ журналѣ Valvoja. 1893, стр. 183.

денія вызвали уже далеко не такія единодушныя похвалы; напротивъ, у нея оказалось не мало противниковъ и порицателей. Дѣло въ томъ, что Минна Кантъ, какъ мы уже говорили выше, писательница тенденціозная и преимущественно полемическая; выразившееся въ ея пьесахъ рѣзко опредѣленное отношеніе къ современной злобѣ дня смутило ту часть финской критики, которая, какъ мы видѣли на примѣрѣ Юхани Ахо, не одобряетъ изображенія отрицательныхъ сторонъ жизни и раздѣляетъ мнѣніе одного изъ лицъ въ „Театральномъ разъѣздѣ" Гоголя о томъ, что не слѣдуетъ показывать „общественныя язвы". А пьесы Минны Кантъ, и помимо своего жгучаго содержанія, уже самой своей формой приводили въ ужасъ благонамѣренныхъ критиковъ: написанныя нáскоро, подъ первымъ сильнымъ впечатлѣніемъ той или другой идеи, эти пьесы отличаются сильнымъ, рѣзкимъ языкомъ и такимъ реализмомъ, отъ котораго „коробило" непривычную публику.

Первою по времени въ ряду этихъ пьесъ Минны Кантъ на общественныя темы была драма „Жена рабочаго", полная рѣзкихъ нападокъ на несправедливость нормъ, опредѣляющихъ общественное положеніе женщины, на легкомысліе, предразсудки, ханжество и развратъ „буржуазной" среды. Такимъ же характеромъ отличалась и слѣдующая за этой драмой пьеса „Дитя несчастія", въ которой ярко иллюстрируется безправное положеніе незаконныхъ дѣтей. Далѣе, въ „Семьѣ пастора" Минна Кантъ изображаетъ борьбу финскихъ „отцовъ и дѣтей", борьбу старыхъ понятій и предразсудковъ съ новыми идеями, причемъ сочувствіе автора, конечно, на сторонѣ послѣднихъ. Сильное негодованіе въ лагерѣ защитниковъ „нравственности" вызвала драма „Сильвія" (1893), изображающая темныя стороны семейной жизни, по мнѣнію благонамѣренныхъ критиковъ, совершенно невозможныя въ Финляндіи, гдѣ каждое супружество представляетъ во всѣхъ отношеніяхъ рай. А между тѣмъ, именно въ одномъ изъ такихъ благополучныхъ супружествъ произошло странное, загадочное событіе: молодая, жизнерадостная женщина, почти еще ребенокъ, убила своего мужа, съ которымъ жила, повидимому, счастливо. Какъ это могло случиться и какія причины вызвали это преступленіе? Вотъ вопросъ, заставляющій автора вскрыть внутреннюю, душевную сторону семейной жизни своей героини.

Сильвія—натура цѣльная: у нея чувство, воля и дѣло не расходятся между собою; она не знаетъ искусственности, и такъ

называемые „законы свѣта“ для нея не существуютъ; она исполняетъ эти условныя свѣтскія требованія лишь постольку, поскольку они не противорѣчатъ ея внутренней правдѣ. Она не притворяется передъ свѣтомъ, не принуждаетъ себя скрывать или сдерживать свои чувства,—все, чѣмъ волнуется или возмущается ея душа. Она вышла замужъ чуть не ребенкомъ, и ея мужъ такъ же мало обращалъ вниманія на ея душевную жизнь и потребности, какъ и мужъ ибсеновской Норы; она была для него только забавой, игрушкой, „кошечкой“, и пока она жила безсознательною жизнью, это положеніе казалось ей вполнѣ естественнымъ. Но вотъ, ея сердце просыпается, она чувствуетъ въ себѣ присутствіе какой-то новой силы, въ которой видитъ „самую суть своего существованія“, „душу своей души“ и которому она отдается безъ страха и сомнѣнія. Сожительство съ мужемъ становится для нея невозможнымъ: она не хочетъ и не можетъ его обманывать; она полюбила другого, и готова открыто и смѣло заявить о своей любви передъ цѣлымъ свѣтомъ, потому что въ этой любви—вся ея жизнь, осуществленіе всѣхъ ея романтическихъ мечтаній. Эта любовь толкаетъ ее къ разрыву съ мужемъ, а когда послѣдній, въ угоду требованіямъ „приличія“, прибѣгаетъ къ насилію, чтобы эту любовь уничтожить, Сильвія убиваетъ его, потому что она не можетъ вынести насилія надъ своей личностью.

Такимъ образомъ, эта драма Минны Кантъ является протестомъ, во имя душевной правды и свободы чувства, противъ той „условной лжи“, которая создается мелочными поклонниками общественныхъ предразсудковъ и, опутывая своими сѣтями чистую душу, доводитъ ее до преступленія и гибели. Такой чистой душѣ нѣтъ мѣста въ современномъ обществѣ; оно губитъ ее своимъ лицемѣріемъ, своей притворной добродѣтелью, подъ которой кроется грязный развратъ. Тема, въ сущности, не новая; и только слишкомъ рѣзкая и слишкомъ реальная ея разработка въ этой драмѣ, а въ особенности то обстоятельство, что дѣйствіе происходитъ въ маленькомъ *финскомъ* городкѣ, вызвало противъ „Сильвіи“ критическую грозу: въ финскомъ обществѣ нѣтъ и не можетъ быть мѣста для подобныхъ романтическихъ натуръ, оторванныхъ отъ дѣйствительной жизни; притомъ, и наше время не годится для „розовыхъ иллюзій“, а требуетъ отъ человѣка серьезнаго отношенія къ жизни и такого всесторонняго развитія собственной личности, которое могло бы служить на пользу общую; а потому и задача литературы вовсе не въ томъ, чтобы изобра-

жать исключительныя и темныя явленія общественной жизни, а въ томъ, чтобы рисовать идеалы добрые и полезные [1]).

Изъ нашего бѣглаго обзора современной финской литературы, въ которомъ мы старались не пропустить ничего, что̀ заслуживаетъ хоть какого-нибудь вниманія, читатель можетъ видѣть, что эта молодая литература, обязанная своимъ развитіемъ пробужденію національнаго самосознанія въ народѣ, такъ долго жившемъ подъ властью чужой культуры, успѣла, въ сравнительно короткое время, выставить цѣлую плеяду несомнѣнно даровитыхъ и оригинальныхъ писателей; въ ней замѣтна большая энергія и жизненность; но до настоящаго времени она все еще находится въ той стадіи развитія, въ которой на первомъ планѣ стоятъ узконаціональные интересы, такъ что для посторонняго читателя она любопытна почти исключительно съ этнографической точки зрѣнія. Въ этомъ отношеніи она представляетъ много своеобразнаго и поучительнаго, въ особенности для насъ, русскихъ: вѣдь мы такъ тѣсно связаны съ финнами политически и въ то же время такъ мало знакомы съ умственной жизнью этого народа, совершенно намъ чужого по языку и духу.

П. Морозовъ.

---

[1]) О. Е. Tudeer въ журналѣ Valvoja 1893, стр. 333—342.

СТРАНИЧКА

ИЗЪ

ЗАХОЛУСТНОЙ ЖИЗНИ

ОЧЕРКЪ.

I.

Сторожъ лыковскаго волостного правленія лежалъ растянувшись на лавкѣ въ пустой сборной.

Но едва вдали заслышался звонъ колокольцовъ, онъ приподнялся, наскоро обдернулся и побрелъ къ выходу.

Минуты черезъ двѣ пара мохнатыхъ ямскихъ лошадокъ подкатила къ крыльцу правленія плетеную телѣжку, изъ которой не спѣша вылѣзъ молодой человѣкъ, мѣстный земскій врачъ.

Заказавъ лошадей, молодой человѣкъ прошелся по двору, стараясь размяться послѣ долгаго сидѣнья на тряской перекладной. Немного погодя онъ взошелъ на крыльцо, закурилъ папиросу и окинулъ взглядомъ мѣстность.

Сельцо Лыково безпорядочно раскинулось вдоль узкой, извилистой рѣчки. Крестьянскія избы тонули въ зелени деревъ и кустарниковъ; огороды на задахъ пестрѣли крупными цвѣтами мака и подсолнуха; за церковной оградой высились стройныя березы, по берегу рѣки тамъ и сямъ задумчиво клонились къ водѣ сѣдыя вербы.

И все это, вмѣстѣ съ ярко-зеленымъ ковромъ широкой лу-

говины, съ темно-синей стѣной стараго лѣса, красовалось какой-то тихой, трогательной прелестью простого деревенскаго вида.

Было утро погожаго іюньскаго дня, одного изъ тѣхъ дней, когда даже несчастнымъ и больнымъ живется какъ будто легче. Сѣнокосъ былъ въ самомъ разгарѣ и все село опустѣло, точно вымерло или уснуло въ окружавшей тишинѣ.

— Вотъ славный уголокъ!—сказалъ самъ себѣ молодой врачъ, задумчиво глядя вдаль.

— Къ вамъ тутъ пришли,—заговорилъ сторожъ, подходя къ нему сбоку.

Докторъ круто повернулся, спрашивая глазами, въ чемъ дѣло.

— Поповская работница пришла, батюшка просили...

— Хорошо; сейчасъ буду.

Докторъ сошелъ съ крыльца и направился черезъ улицу къ церковному дому.

— Хорошо тутъ у васъ!—закричалъ онъ издали вышедшему за ворота священнику,—тишь да гладь, да Божья благодать!

— Благость Божія повсюду, а жизнь и у насъ, какъ вездѣ, не безъ скорби и печали!—проговорилъ отецъ Павелъ, пожимая доктору руку.—Вотъ и сейчасъ я васъ побезпокоилъ по одному печальному дѣлу... а впрочемъ,—спохватился онъ,—не желаете ли сначала закусить съ дороги?..

— Не могу, спѣшу въ Сосновку.

— Въ такомъ случаѣ позвольте изложить вкратцѣ...

Оказалось, что на дняхъ отцу Павлу пришлось исповѣдывать и пріобщать больную, не встающую съ постели три года. Потерявъ всякую надежду на выздоровленіе, сама больная громко молитъ о смерти, а окружающіе хоть и молчатъ, но видимо жаждутъ такого конца. Да иначе и не можетъ быть: семья состоитъ изъ пяти душъ, а работница на всѣхъ одна. Сама старуха у корыта, сама и у печки; всѣхъ обшить, обмыть, да накормить надо однѣми руками, да еще и за хворой снохой приглядывать. Семья и раньше сильно перебивалась, а какъ слегла молодушка, тутъ ужъ и совсѣмъ захудала. Отецъ Павелъ прежде всего посовѣтовалъ больной проситься въ больницу, но та и слушать не хотѣла: ей наговорили, что въ больницахъ живыхъ людей морятъ для науки, что у докторовъ души заговореныя и прочее въ такомъ родѣ. Съ большимъ трудомъ удалось убѣдить ее согласиться на докторскій осмотръ.

— Такъ вотъ,—закончилъ отецъ Павелъ,—ужъ будьте столь

добры, осмотрите несчастную; всего двадцать второй годъ, на видъ почти дитя, и уже три года такъ тяжко страдаетъ!..

Докторъ порывисто загасилъ недокуренную папиросу и взялъ шапку; черезъ минуту онъ уже шагалъ по пыльной улицѣ; отецъ Павелъ кричалъ ему вслѣдъ:

— Какъ повернете за уголъ—шестая изба по правой рукѣ!.. Силуяновой, спросите, вдовы!..

Докторъ кивнулъ утвердительно головой и ускорилъ шагъ. Молодой врачъ служилъ недавно, вѣрилъ въ свое дѣло, и столкновенія съ дѣйствительностью еще не успѣли охладить его; онъ переживалъ годы благородныхъ порывовъ, тѣ годы, когда почти каждый готовъ не разсуждая кинуться на помощь ближнему.

— Три года безъ ногъ!—восклицалъ онъ мысленно, горя нетерпѣніемъ видѣть больную и страстно желая оказать ей помощь.

Избу Силуяновыхъ онъ отыскалъ безъ труда.

Дверь въ сѣни стояла настежь; на порогѣ показался мальчуганъ лѣтъ около девяти.

— Гдѣ тутъ у васъ больная?—обратился къ нему докторъ.

Мальчикъ съ секунду подумалъ, отвѣтилъ вопросомъ:

— А ты кто?—и уставилъ на доктора свои черные глазенки, какъ два вопросительныхъ знака.

— Я докторъ; а ты кто?

— Я-то?

— Да, ты.

— Я Петька.

— А гдѣ же большакѝ?

— На покосѣ всѣ...

— Ну, веди-жъ меня, Петька, къ больной. Какъ она у васъ называется, какимъ именемъ?

— Степанидой.

Больная лежала въ кутникѣ на доскахъ, покрытыхъ войлокомъ, лицомъ къ стѣнѣ; она зашевелилась и повернулась къ вошедшимъ. Молодой врачъ пораженъ былъ видомъ ея совсѣмъ желтаго, словно костяного лица; казалось, одни глаза только и жили въ своихъ глубокихъ впадинахъ. Она приподнялась, упираясь руками въ подушку, и устремила на доктора такой страдальческій взглядъ, что молодому человѣку стало жутко.

— Кто же за тобой, Степанида, ходитъ?—спросилъ врачъ.

Она указала глазами на Петьку.

— Сирота, отъ покойной мужниной сестры остался,—пояснила она, стараясь избѣгать докторскаго взгляда. На его во-

просы она отвѣчала неохотно, но изъ ея отвѣтовъ все-таки выяснилось, что въ первый же годъ замужества она разрѣшилась мертвымъ; была она тогда безъ памяти и ничего не помнитъ, но послѣ слышала, что мучилась тогда нѣсколько сутокъ; съ той поры она не встаетъ и недавно минуло три года, какъ она перестала владѣть ногами.

Кончивъ осмотръ, докторъ обнадежилъ больную, сказалъ, чтобы поскорѣй пріѣзжала въ земскую больницу, и поспѣшно вышелъ. На волостномъ дворѣ его ждала пара такихъ же мохнатыхъ ямскихъ лошадокъ, какъ и тѣ, на которыхъ онъ пріѣхалъ, только другой масти.

II.

Вечеромъ Петька еще за околицей встрѣтилъ своихъ и весело, скороговоркой выболталъ, что былъ докторъ и велѣлъ Степанидѣ ѣхать въ больницу.

Силуяниха, крестясь широкимъ крестомъ, воскликнула:

— Слава Господу Создателю! Знать ужъ, пожалѣлъ насъ горькихъ! Можетъ, и смѣнитъ гнѣвъ на милость!..

Максимъ вздохнулъ съ облегченіемъ: можетъ, и въ самомъ дѣлѣ жена поправится и все пойдетъ по хорошему; можетъ, и наладится ихъ житье; а то легкое ли дѣло: четвертый годъ онъ— ни женатъ, ни холостъ!..

Младшій братъ его Ефремъ, недавно вернувшійся въ безсрочный отпускъ, остался равнодушенъ: онъ не успѣлъ еще войти въ интересы своей семьи.

За ужиномъ сообща порѣшили завтра же и доставить Степаниду въ городъ, благо день не рабочій, воскресный.

Везти вызвался солдатъ Фремка, такъ какъ самъ Максимъ собирался завтра на сходъ. Послѣ ужина всѣ разошлись по своимъ мѣстамъ; братья ночевали на дворѣ подъ навѣсомъ и Максимъ выходилъ изъ избы послѣдній. Онъ былъ уже у порога, когда Степанида тихо окликнула его.

— Максимушка!—заговорила она,—боязно мнѣ что-то! Можетъ, не вернусь живая изъ больницы!.. Можетъ, и видимся въ послѣдній разъ!.. Страдовать станете—и не провѣдаешь меня!..

Голосъ у ней пресѣкся, глаза наполнились слезами.

— Ну, чего тамъ впередъ загадывать!—съ напускнымъ равнодушіемъ возразилъ Максимъ, но и у него тоже голосъ дрогнулъ, послѣднее слово какъ будто застряло въ горлѣ.

Оба замолчали, не зная, что̀ еще сказать другъ другу.

Слезы текли по щекамъ Степаниды, но она не замѣчала ихъ и не вытирала.

— А ты вотъ что, не думай,—заговорилъ Максимъ послѣ недолгой паузы, и ласково поглядѣлъ на жену; она отвѣтила ему благодарнымъ взглядомъ.

— И не хотѣла бы думать, да все думается!—жалобно прошептала она сухими губами, казавшимися при лунномъ свѣтѣ совсѣмъ черными на ея мертвенно-блѣдномъ лицѣ.

— Ты не думай!—повторилъ Максимъ уходя; больная тихо вздохнула.

На дворѣ было хорошо. Ночь стояла тихая, свѣтлая; въ воздухѣ пахло свѣжимъ сѣномъ. Но на душѣ у Максима было очень нехорошо: жалость и раскаяніе больно давили ему грудь. Его мучило то, что онъ никогда не вступался за жену, когда мать донимала ее разными попреками. Правда, самъ онъ не обижалъ жену, даже жалѣлъ ее, но что изъ этой жалости, когда у него не хватало духу защитить ее!.. Вотъ и сейчасъ: ему хотѣлось какъ-нибудь утѣшить ее, успокоить, сказать ей что-нибудь хорошее, да ничего не вышло, словъ подходящихъ не нашелъ. Не умѣетъ онъ говорить по хорошему!.. И всегда этакъ же: въ умѣ, кажись, вертится и то и другое, а наружу не выходитъ!.. Онъ затянулся въ послѣдній разъ, выбилъ трубку объ косякъ и пошелъ подъ навѣсъ. Черезъ минуту онъ уже засыпалъ съ мыслью о томъ, чтобы встать на утро какъ можно раньше.

III.

А Степанидѣ долго не спалось, хотя сонъ и клонилъ ее.

Круглая луна свѣтила въ окошко и не давала ей уснуть по настоящему. Чуть забудется—и сейчасъ, какъ отъ толчка проснется, а въ головѣ дѣйствительность мѣшается съ вымысломъ. Подъ конецъ ей пригрезилось что-то страшное: похоронный звонъ, кладбище, чья-то могила. Она проснулась съ громкимъ стономъ. Луны не было; вѣтерокъ чуть слышно шелестилъ листьями и легкой струйкой вливался въ окно.

— Чего тебѣ?—отозвалась Силуяниха, услыхавшая стонъ.

Больная разсказала свой сонъ; свекровь стала ободрять ее:

— Ну, и слава Богу, слава Богу!—Худое видится—къ хорошему! Худой сонъ, сказываютъ, хорошую правду пророчитъ!

Старуха проворно одѣлась, заботливо прикрыла разметавшагося на полу Петьку и пошла будить сыновей.

Около часу спустя, Степанида сидѣла на телѣгѣ, устланной свѣжимъ сѣномъ. Максимъ отворилъ ворота; Фремка подобралъ вожжи, сбилъ на бокъ свою шапку, молодецки ухнулъ, и телѣга съ грохотомъ покатила.

Утро было хорошее, предвѣщавшее жаркій день, а пока еще стояла здоровая свѣжесть, росистыя травы издавали сильный запахъ.

Вернувшись въ избу, Максимъ разобралъ и вынесъ на дворъ доски, на которыхъ такъ долго лежала Степанида, а Силуяниха, несмотря на то, что былъ воскресный день, первымъ дѣломъ принялась всюду мыть и скоблить. Когда Петька проснулся, въ избѣ не было и слѣдовъ пребыванія больной: изорванный войлокъ съ грязной подушкой, доски, поганое ведро,—все куда-то дѣлось, а на ихъ мѣстѣ стоялъ бабкинъ сундукъ, покрытый, хоть худенькимъ, но чистымъ настольникомъ.

— Что такъ уставился, дурачокъ?—ласково обратилась къ нему старуха,—умывайся скорѣй, да бѣги въ церковь... Надо бы свѣчечку Богу поставить, да не на что, такъ ужъ ты, гляди, молись хорошенько!.. а тетка зато пряниковъ тебѣ привезетъ, какъ здоровая вернется изъ города!..

Петька отстоялъ всю обѣдню, усердно крестился и стукался лбомъ въ церковный полъ.

IV.

Максимъ вышелъ изъ волости, не дождавшись конца схода. Онъ и такъ ужъ даромъ пробылъ тамъ чуть ли не цѣлый день: ушелъ туда прямо отъ обѣдни, а теперь солнце клонилось къ закату.

Максимъ поднялъ глаза кверху: красноватыя облака обѣщали и на утро хорошій вёдреный день. Онъ досадливо тряхнулъ головой. Косить бы да косить, пользуясь погодой, а тутъ одна помѣха за другой!

Сейчасъ въ волости онъ узналъ, что попалъ въ свидѣтели по дѣлу, возбужденному противъ сосѣда лѣсообъѣздчикомъ еще въ апрѣлѣ; онъ ужъ и забылъ-было объ этомъ дѣлѣ, а оно вотъ и подоспѣло въ самую горячую пору; хорошо какъ отложатъ разбирательство до осени, а если теперь вызовутъ—прямо зарѣзъ! И дѣло-то пустое, выѣденнаго яйца не стоитъ, а вотъ поди-жъ ты... И донимаютъ же нынче эти лѣсники! Чуть что, сейчасъ протоколъ, и волокутъ на судъ за какую-нибудь лѣ-

синку либо за клокъ казенной травы!.. Законъ, говорятъ!.. Больно ужъ солонъ законъ этотъ!..

Максимъ подходилъ къ дому медленнымъ шагомъ. Мать поджидала его, сидя у воротъ на лавочкѣ.

— Что-то нонѣ сходъ-отъ у васъ больно дологъ?

— Дологъ, да хуже короткаго!—отозвался Максимъ, садясь съ матерью рядомъ.

— Обсудили старики насчетъ общественныхъ луговъ?

— Толковали, да хорошаго отъ этихъ толковъ немного. Черезъ недѣлю опять назначенъ сходъ для торговъ... Да что-жъ торги?.. И назначаются они только для одной видимости!..

— Неужто и нонѣ все одному Гурину достанется?

— Кому-жъ, какъ не ему? Онъ и сейчасъ ужъ по карману хлопаетъ да похваляется: нельзя, молъ, миновать меня! Сколько хочу, столько и сдеру за десятину, а свои заартачитесь—чужимъ отдамъ!.. Погляжу, что̀ вы будущей весной запоете!

— Охъ, Господи, Господи!.. Кругомъ одно горе!..

— Ну, мама, обойдемся и безъ луговъ, нечего ужъ сейчасъ Бога гнѣвить!.. Погоди, дай срокъ, будетъ и на нашей улицѣ праздникъ!.. Кажись, все ужъ къ тому идетъ, одно къ одному сходится: Степаниду обѣщали вылечить, сѣно нонѣ хорошее и на хлѣбъ урожай предвидится!..

Старуха молчала. Мало видала она хорошаго за всю свою жизнь, а какъ овдовѣла съ малыми дѣтками, столько нахлебалась горя, что и совсѣмъ разучилась чему-либо радоваться или на что-нибудь надѣяться. Во всякомъ дѣлѣ она привыкла съ давнихъ поръ разсчитывать только на худшее. Но теперь и она склонна была согласиться съ Максимомъ, хотя все еще боялась высказаться вслухъ.

Немного погодя она поднялась со скамейки, но въ воротахъ, полуобернувшись, спросила:

— Фремка когда домой будетъ?

— Завтра утромъ долженъ бы вернуться; хотѣлъ выѣхать на ночь.

— Спаси Богъ, не запировалъ бы въ городу! Заприметила я, что къ винцу его тянетъ нонѣ. Охъ, ужъ эта солдатчина!.. Прокисай она!.. Испортила парня...

Максимъ опять досадливо тряхнулъ головой. Онъ и самъ уже давно мучился заботой, какъ бы братъ не загулялъ да не испортилъ бы лошадь. Вскорѣ и онъ поднялся, чтобъ идти во дворъ.

— Скликалъ бы ты Петьку,—обратилась къ нему мать на

ходу изъ погреба, — отужинаемъ безъ огня, а тогда и сидите себѣ за воротами кому охота.

Было около полуночи, когда Максимъ собрался идти на сѣноваль спать. Въ это время вдали застучала телѣга, послышались громкіе окрики; Максимъ узналъ голосъ брата и разглядѣлъ издали скакавшую во всю мочь лошадь.

— Господи батюшка! — завопила прибѣжавшая на шумъ Силуяниха,—ты съ которой же это стати пируешь?—накинулась-было она на въѣзжавшаго во дворъ солдата, и вдругъ умолкла, подозрительно покосившись на сосѣдскій заборъ. Фремка безуспѣшно пытался что-то бормотать, едва ворочая языкомъ и завязая на каждомъ словѣ.

— А гдѣ-жъ у тебя жилетка?—спросилъ Максимъ.

Фремка только рукой махнулъ и побрелъ въ избу.

V.

Максимъ проснулся на зарѣ. Ночь уходила, уступая мѣсто новому дню. Блѣдная полоса на востокѣ становилась все ярче; слышался тихій плескъ воды, шелестъ растеній, робкое чириканье пичужекъ. Вдругъ полоса на востокѣ заблестѣла золотомъ и въ тотъ же мигъ все слилось въ одинъ общій смутный звукъ пробужденія всей природы.

Максимъ первымъ дѣломъ пошелъ къ лошади; она ничего, послѣ ночной выстойки глядѣла бодро и весело пофыркивала. Покуда Максимъ поилъ ее и потомъ запрягалъ, Силуяниха нѣсколько разъ принималась будить Фремку, но тотъ только мычалъ да отмахивался. Между тѣмъ Петька, перетаскавъ на возъ провизію, забрался туда самъ и бойко таращилъ свои заспанные глазки въ нетерпѣливомъ ожиданіи. Онъ сильно наскучался при больной теткѣ и теперь съ восторгомъ ѣхалъ на покосъ. Онъ поддразнивалъ радостно визжавшую собачонку и все поглядывалъ, скоро ли всѣ сборы кончатся. Но вотъ дядя Максимъ отворилъ ворота, вывелъ лошадь подъ уздцы, самъ проворно вскочилъ на телѣгу и наскоро перекрестился.

— Но, но, но!—крикнулъ Максимъ, выѣзжая на дорогу.

Собачка стрѣлой понеслась впередъ, Петька громко захохоталъ, Максимъ оглянулся на него, улыбаясь широкой улыбкой.

Въ головѣ его бродили какія-то неясныя, но радостныя мысли, грудь ныла сладко и больно. Онъ не могъ бы сказать, чему онъ радовался, отчего у него такъ замирало сердце и ныла

грудь; его мысли не укладывались въ форму отвѣта, но ему было хорошо. Ему было такъ хорошо, что молодое красивое лицо его стало какъ будто еще моложе: поперечная морщинка между бровей разгладилась, добрые сѣрые глаза сіяли и улыбались.

Онъ еще разъ оглянулся на племянника и затянулъ какую-то пѣсню почти безъ словъ.

Вдали, съ того конца села, послышался пастушій рожокъ. Силуяниха выгнала корову и провожала глазами удалявшійся возъ съ тяжелымъ вздохомъ. Она тоже не могла бы сказать, о чемъ она такъ тяжко вздыхаетъ и печалится; но она просто боится радоваться. Да и какъ не бояться? Вотъ хоть бы вчера: не успѣла подумать о хорошемъ, какъ сейчасъ и бѣда! Фремка напился и рабочій день пропалъ задаромъ, да еще и жилетка пропита. На выздоровленіе Степаниды тоже не надо надѣяться, чтобы чего не вышло худого. Многолѣтнимъ опытомъ убѣдилась Силуяниха, что никогда не надо впередъ радоваться и загадывать. Но какъ ни настраивала себя старуха на печальный ладъ, пріятныя мысли нѣтъ-нѣтъ да и прорвутся сквозь ряды мрачныхъ. А солнышко такъ ласково начинало пригрѣвать, кошка такъ весело играла со своими котятами, что хмурое лицо старухи невольно прояснилось, и она, глядя на хохлатую насѣдку, окруженную цѣлымъ роемъ желтенькихъ цыплятокъ, подумала: сколько годовъ половину яицъ запàривала, а нонѣ всѣ четырнадцать яичекъ высидѣла какъ слѣдуетъ!.. Хорошая примѣта... Тьфу, не накликать бы опять бѣды! Того и гляди коршунъ похватаетъ!..

VI.

Фремка спалъ долго, потомъ мучился похмельемъ. Онъ хныкалъ, проклиналъ все и всѣхъ, покуда мать не достала ему у поповой работницы на шкаликъ.

Осушивъ однимъ духомъ шкаликъ, онъ лѣниво побрелъ на лугъ. Было около полудня, когда онъ подходилъ къ покосу. Максимъ увидалъ его издали и нахмурился, вспомнивъ вчерашнее. Онъ, какъ и мать, замѣчалъ, что братъ не дуракъ выпить, но все же не думалъ считать его забулдыгой, способнымъ напиться до потери сознанія и заморить свою лошадь. Все это онъ и хотѣлъ высказать брату, но тотъ былъ еще далеко и плелся нога за ногу. Поджидая его, Максимъ оглянулся назадъ и весь просіялъ отъ внутренняго удовлетворенія: онъ одинъ накосилъ за двоихъ, если не больше. Не грѣхъ и отдохнуть да покурить!

Доставая кисетъ съ трубкой, онъ заглядѣлся на Петьку: барахтается себѣ на травѣ съ Шарикомъ! Вотъ собачонка вывернулась у него изъ-подъ рукъ, закрутила хвостъ кольцомъ и быстро скрылась въ чащѣ; вотъ въ глубинѣ лѣса раздается ея отрывистое тявканье, а вонъ ужъ она и назадъ мчится стрѣлой... Тоже радуется, Божія тварь!.. И хорошо же тутъ! Кажись, такъ и не ушелъ бы во вѣкъ!..

А Петька, набѣгавшись, свалился и моментально уснулъ на солнопекѣ, обнявши усталаго, потнаго Шарика.

Максимъ бережно перенесъ мальчугана въ тѣнь, подъ густую поросль молодого березняка, и при этомъ въ душѣ его затеплилась надежда, что, можетъ быть, жена поправится и у нихъ будутъ дѣти. Мысль, что онъ будетъ держать на рукахъ свое родное дитя, умилила его и переполнила его душу восторгомъ.

— Хорошо!—повторилъ онъ громко, глядя затуманеннымъ взоромъ на подходившаго брата.

— Кому хорошо, а кому и нѣтъ!—хмуро отозвался тотъ.

— Что такъ? Аль головой маешься съ похмелья?

Фремка молча курилъ.

— И давно это ты пить началъ?—заговорилъ Максимъ послѣ недолгой паузы,—раньше въ ротъ вина не биралъ. Словно бы лѣшій тебя подмѣнилъ!..

— Не лѣшій меня подмѣнилъ, а солдатчина. Ушелъ я изъ дому однимъ человѣкомъ,—вернулся другимъ!—Онъ тяжело вздохнулъ; рука его конвульсивно сжала трубку и бросила ее наотмашь въ траву. Онъ всталъ, крякнулъ и принялся косить, стараясь не отставать отъ брата. Докончивъ полосу, Фремка остановился.

— Совсѣмъ я отъ работы отвыкъ,—замѣтилъ онъ, разминая правое плечо. Долго косили молча.

Солдатъ думалъ о томъ, что теперь ему одна дорога—въ городъ. Онъ совсѣмъ отбился отъ деревни и привыкать ужъ поздно. Мать хочетъ женить его, чтобы прикрѣпить къ дому, но напрасно; онъ чувствуетъ, что ему нѣтъ возврата къ прежнему и никогда уже не войти ему въ колею крестьянской жизни!.. Все это понялъ онъ съ первыхъ же дней своего прихода въ домъ, и съ тѣхъ поръ, вотъ ужъ скоро два мѣсяца, злая тоска безпрестанно грызетъ его.

Максимъ хоть и слыхалъ отъ брата, что тотъ отбывалъ свой срокъ не въ строевой службѣ, а въ денщикахъ, но, какъ человѣкъ совсѣмъ незнакомый съ городомъ, не придавалъ этому значенія. Не имѣя понятія о той развращающей обстановкѣ, въ

которой зачастую приходится жить господской прислугѣ, онъ не могъ, конечно, и сочувствовать брату. Наоборотъ, онъ думалъ, что братъ говоритъ пустое, что при желаніи можно опять привыкнуть къ работѣ, все это зависитъ отъ себя. Послѣднюю мысль онъ и высказалъ вслухъ.

— Ха! Привыкнуть! Разсуждать-то тебѣ хорошо, а ты побывалъ бы въ моей шкурѣ! Вѣдь у меня въ рукахъ сколько годовъ настоящей работы не бывало. Денщицкая жизнь, прямо сказать, хуже собачьей! Цѣлый день мечешься какъ угорѣлый, а все нѣтъ конца этому метанью! Чуть глаза продралъ—разводи плиту, грѣй воду на ванну, кипяти дѣтямъ молоко, чисти командирскіе сапоги, командиршины подолы, обмывай дѣтскія калоши, бѣги въ булочную, подавай самоваръ, убирай въ комнатахъ, да все попроворнѣй, безъ передышки! Только уберешь въ комнатахъ, опять въ кухню: тереби птицу, чисти картошку, лукъ, выноси помойное ведро, накорми собакъ, вычеши щенка... Такъ вотъ и мытàрышься съ самой ранней зари до поздней ночи, покуда не свалишься снопомъ гдѣ попало. Не успѣешь ладомъ и уснуть, какъ опять подымайся и опять—самовары, плита, ванны и проч. Изо-дня въ день одна толчея, да спѣшка, а настоящей работы нѣтъ! Ѣсть тоже приходилось на спѣхъ, да и какая пища: господскіе объѣдки, да свой хлѣбъ, такой, что и собака у хорошаго хозяина ѣсть не станетъ...

— Рыбки бы наловилъ когда,—замѣтилъ Максимъ,—бредень-то свой ты вѣдь унесъ?

— Ха! Бредень-то мой давно ужъ сгорѣлъ! На первыхъ порахъ, ничего не зная, показалъ я его товарищу, а онъ схватилъ бредень, да прямо въ огонь! Попадись, говоритъ, на глаза командиру—бѣда! И сейчасъ, говоритъ, работаемъ на него отъ зари до зари, какъ каторжные, а какъ увидалъ бы твой бредень, еще и ночами заставилъ бы рыбачить!

— Жалко, — замѣтилъ Максимъ,—хорошій былъ бредень.

Солдатъ, увлекшись изліяніемъ всего, что̀ наболѣло и накипѣло у него на душѣ, продолжалъ:

— А лѣтомъ, кромѣ всего прочаго, еще и за птицей ходи, карауль отъ коршуна цыплятъ, да индюшатъ. Сидишь, бывало, сидишь, даже одурь возьметъ! Тутъ вòтъ я и пить научился. Раньше только остатки изъ господскихъ стакановъ, да рюмокъ высасывалъ, а тутъ ужъ по настоящему сталъ напиваться.

— Гдѣ же деньги добывалъ на вино?

— Гмъ... Гдѣ плохо лежали, тамъ и бралъ! Да и нельзя было не роспиться, потому—тоска!..

— Съ чего же и тосковать-то ужъ больно?

— А ты посиди-ка часа три на солнопекѣ, либо походи съ хворостинкой за утятами, тогда и узнаешь!.. Иной разъ такъ остервенишься, что свернешь птицѣ голову, да въ канаву! Нарочно, чтобы въ карцеръ попасть—тамъ по крайности выспишься!.. Разъ я со злости командирскому жеребенку уши обрѣзалъ...

— Господи! Грѣхъ-отъ какой!..

— Самому потомъ было жалко, а какъ рѣзалъ—себя не помнилъ!..

— Дяденька, ѣсть хочу! Давай, дяденька, обѣдать!—кричалъ издали Петька, вылѣзая изъ-подъ телѣги.

Немного погодя косари сѣли обѣдать. Фремка ѣлъ лѣниво и думалъ все ту же думу: какъ бы поскорѣй вырваться изъ дома на житье въ городъ.

VII.

Время шло. Силуяновымъ дышалось свободнѣй; судьба какъ будто устала ихъ преслѣдовать.

Отъ Степаниды приходили хорошія вѣсти: всѣ ея страхи оказались напрасными; она посылала своимъ поклоны и не могла нахвалиться больничной жизнью: кормятъ хорошо и всѣ къ ней добры, да жалостливы; мужа она не зоветъ провѣдать ее, такъ какъ хорошо понимаетъ, что ему теперь всякій часъ дорогъ.

И дѣйствительно, Максиму приходилось работать за двоихъ: мать съ Петькой только ворошили сѣно, а братъ косилъ вяло, какъ сонный. Максимъ на него косился, но молчалъ, возлагая большія надежды на то, что не сегодня-завтра въ Лыковѣ не будетъ винной лавки.

Еще зимой общество послало въ губернію прошеніе о ея закрытіи. А какъ закроютъ—ближе семи верстъ кабака не будетъ, а за семь верстъ не такъ-то способно за водкой бѣгать!

Конецъ іюня и весь іюль стояла жара, такъ что съ первыхъ чиселъ августа началось и жнитво. Однажды, когда Фремка, ссылаясь на нездоровье, остался дома, Силуяниха сказала Максиму:

— Видно солдатикъ-отъ нашъ ломоть отрѣзанный... Знать, ужъ онъ не работникъ въ дому, не добытчикъ!..

Максимъ только волосами тряхнулъ.

— Справимся и безъ него, далъ бы Господь вёдро! Эхъ, и досада же, что старики заупрямились насчетъ жатки! Вчера, сказывали, пріѣзжалъ торговецъ съ машиной, предлагалъ и въ разсрочку, такъ нѣтъ: авось и такъ обойдется!

— А Богъ съ ней, съ машиной! раньше жили же безъ нихъ...

— Машиной-то къ Успенью и отжались бы, а такъ когда еще! Тоже опять и вѣялка: много ли навѣешь лопатой? А подойдетъ, спаси Богъ, ненастье, да подгніетъ хлѣбъ, вотъ тебѣ и урожай!..

Но погода стояла чудесная, работалось хорошо, и на душѣ у Максима было легко и весело. Онъ такъ осмѣлѣлъ, что въ его мозгу даже зароились кое-какіе планы и мечты. Онъ мечталъ главнымъ образомъ о покупкѣ другой лошади. На первыхъ порахъ эта мечта пугала его, казалась слишкомъ смѣлой, дерзкой; онъ всѣми силами гналъ ее, отмахивался отъ нея, но мечта эта, разъ забравшись въ голову, властно подчинила себѣ его воображеніе. Онъ во снѣ и на яву видѣлъ рядомъ со своимъ старымъ конемъ молодую, кругленькую и сытую лошадку, въ родѣ той, на какой ѣздитъ старшина. Онъ забывался въ мечтахъ о томъ, какъ онъ съ женой поѣдетъ въ Михайловъ день къ празднику въ Сосновку на своей парѣ: старый коренникъ и новенькая пристяжка! Къ самой обѣднѣ подоспѣли бы: колокола звонятъ, народъ по улицѣ къ церкви тянется, а онъ съ женой катитъ на парѣ! На Степанидѣ шаль гарусная алая, самъ онъ въ новомъ полушубкѣ, на лошадяхъ вся сбруя новая!.. Ухъ, подкатилъ бы къ церковной оградѣ!..

Такія мысли опьяняли его, вызывали страстное желаніе высказаться, подѣлиться ими съ кѣмъ-нибудь; но прирожденная застѣнчивость и неумѣнье говорить „по хорошему" удерживали его, и онъ таилъ свои мечты про себя. Иногда, впрочемъ, въ такія восторженныя минуты онъ подходилъ къ лошади, обнималъ и крѣпко стискивалъ руками ея шею, а старый конь ласково перебиралъ его ухо своими отвислыми губами. Если въ минуты такого настроенія подъ руку попадался Петька, Максимъ хваталъ его подъ мышки, высоко подбрасывалъ и порывисто прижималъ къ себѣ.

Силуяниха все это замѣчала, видѣла, что Максимъ словно переродился, что всякое дѣло въ его рукахъ кипитъ, и старое сердце ея, давнымъ-давно застывшее, начало понемногу отогрѣваться. Наконецъ и въ ея головѣ закопошились скромные разсчеты и планы. Первымъ дѣломъ надо женить Фремку: Степанида, хоть и поправится—какая-жъ работница? И до хворости своей все была какая-то хлипкая... А бабу въ домъ на смѣну ей взять надо: достаточно помаялась она въ своемъ вдовьемъ положеніи. Выкормила, выростила дѣтокъ однимъ своимъ гор-

бомъ—пора и на отдыхъ!.. Только какъ приступить къ сватанью? Съ чѣмъ затѣвать свадьбу? За дѣвку на худой конецъ надо заплатить рублей пятнадцать, а то такъ и всѣ двадцать!..

— Ну, объ деньгахъ, мама, не тужи, — говорилъ ей Максимъ,—послѣ Покрова деньги будутъ.

— Ладно. А самоваръ у насъ гдѣ? Станутъ высматривать, да узнавать, какъ живемъ, а нонѣ, самъ знаешь, все по модному: изба не изба, коли безъ самовара!..

— И это бы не бѣда: можно взять въ долгъ на самоваръ у отца Павла, онъ не откажетъ, дастъ и за отработокъ, а вотъ какъ еще ты Фремку уломаешь? Не хочетъ онъ жениться, сколько разъ говорилъ мнѣ...

Старуха задумалась и долго думала, пока не остановилась на мысли просить содѣйствія отца Павла.

— Ужели же парень попа не послушаетъ!

VIII.

Церковный домъ—ветхое деревянное зданіе, раздѣлялся большими сѣнями на двѣ половины.

Одну половину занималъ отецъ Павелъ, въ другой помѣщалась старая работница съ сыномъ, служившимъ за кучера. Отецъ Павелъ вдовѣлъ уже больше двадцати лѣтъ. Когда-то онъ мечталъ объ академіи, но по настоянію матери, бѣдной діаконской вдовы, долженъ былъ постричься въ священники прямо съ семинарской скамьи.

Несмотря на крайне неблагопріятныя условія воспитанія, душа Павла Орлеанскаго всегда оставалась младенчески чистой, умъ утонченно деликатенъ.

На первыхъ порахъ многое смущало его въ служебной іерейской дѣятельности. Очень тяжело было ему мириться съ необходимостью принимать плату за совершеніе требъ, брать деньги, иной разъ почти при послѣднемъ молитвенномъ словѣ. Ему казалось, что это унижаетъ его санъ и, главное, религію, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ умаляетъ и значеніе таинства. Бѣганье съ иконами по домамъ считалъ онъ великимъ грѣхомъ, кощунствомъ, и желающимъ поднять икону совѣтовалъ заявлять объ этомъ раньше, чтобы приготовиться достойно, съ благоговѣніемъ встрѣтить святыню.

Потерявъ жену, онъ снова порывался въ академію, но надо было кормить престарѣлую мать, и онъ остался священникомъ.

Смерть молодой жены сильно потрясла его, и долго послѣ ея похоронъ отецъ Павелъ, въ случаяхъ отпѣванія, плакалъ навзрыдъ вмѣстѣ съ домашними покойника. Въ такихъ случаяхъ ему особенно трудно было брать плату и онъ всегда опускалъ деньги въ карманъ съ такой поспѣшностью, какъ будто онѣ жгли ему руки.

Но приходилось все-таки брать: въ его приходѣ жалованья отъ казны не полагалось, а причтовый надѣлъ былъ крайне скудный. Сборъ съ прихожанъ натурой такъ тяготилъ молодого священника, что онъ началъ добиваться отъ прихожанъ, чтобы собрали сходъ и приговоромъ утвердили за причтомъ, хотя бы самый скромный, но опредѣленный годовой окладъ. Крестьяне, послѣ долгихъ колебаній, наконецъ, согласились; но тутъ всполошилось большинство изъ окрестнаго духовенства. Отца Павла вызвали въ городъ, посовѣтовали „не мудрствовать" и черезъ два мѣсяца перевели его въ другой приходъ. Все это было еще въ ранней молодости отца Павла, и повидимому онъ давно уже перестаiъ мудрствовать, а живетъ себѣ, какъ и многіе іереи: тихо, мирно и благодушно, въ полномъ матеріальномъ довольствѣ. Родительница его давно умерла, но послѣ ея смерти онъ уже не думалъ объ академіи, хотя былъ совсѣмъ одинокъ и вполнѣ свободенъ: къ тому времени онъ уже нѣсколько облѣнился. Помышлялъ-было перебраться на родину въ Малороссію, да все какъ-то не рѣшался, а затѣмъ и совсѣмъ отказался отъ этой мысли. Ясный, открытый взоръ отца Павла, казалось, говорилъ: „я стараюсь устроить свою жизнь такъ, чтобы какъ можно меньше вредить другимъ,—и весь я тутъ".

Эта скромная роль человѣка безобиднаго, вѣроятно, удовлетворяла его, и отецъ Павелъ никогда не вмѣшивался ни въ какія общественныя дѣла. Въ частной жизни своихъ прихожанъ онъ охотно принималъ, если нужно было, участіе и не отказывалъ въ совѣтахъ.

Онъ терпѣливо выслушалъ Силуяниху, обѣщалъ дать передъ свадьбой денегъ на самоваръ.

— А Ефрема ты какъ-нибудь пришли ко мнѣ: я поговорю ему насчетъ женитьбы, а также и относительно пьянства.

— Послѣднее, впрочемъ, вѣроятно, скоро уменьшится само собою: думаю, что скоро получится отвѣтъ на прошеніе о прекращеніи въ нашемъ селѣ виноторговли,—добавилъ отецъ Павелъ, когда старуха была уже въ дверяхъ.

IX.

На Воздвиженье въ Лыковѣ опять собирался сходъ.

Въ виду важности предстоявшихъ обсужденію вопросовъ, ожидали земскаго начальника и потому назначено было собираться попозже, послѣ вечерни.

Раньше въ дни сходовъ винная лавка совсѣмъ не открывалась, а въ тотъ день, къ удивленію большинства, открылась тотчасъ же послѣ обѣдни, и къ открытію схода многіе успѣли захмелѣть. На вопросы болѣе степенныхъ міряпъ писарь объяснилъ, что на-дняхъ сельскія власти получили циркуляръ, вмѣнявшій имъ въ обязанность извѣщать сидѣльцевъ не только о дняхъ сходовъ, но также и о часахъ „начала и окончанія оныхъ“.

Къ четыремъ часамъ комнаты волостного правленія были набиты биткомъ, и вновь прибывающимъ приходилось толпиться у крыльца. Изъ открытыхъ оконъ выносило табачнымъ дымомъ, кругомъ стоялъ говоръ и гулъ сотни голосовъ. Говорили всѣ разомъ; съ каждой минутой толпа становилась шумнѣй, голоса возвышались, тамъ и сямъ раздавались рѣзкіе возгласы, пьяная ругань.

Было около шести часовъ, когда на пригоркѣ показалась тройка вороныхъ. Всѣ вдругъ притихли. Старшина наскоро обдергивался и поправлялъ медаль; писарь бросилъ въ сторону задавленную пальцами папиросу, сбѣжалъ дробнымъ шажкомъ съ крыльца и сталъ на площадкѣ, какъ вкопанный; мужики, какъ по командѣ, разступились направо и налѣво, поснимали шапки.

Тройка быстро примчала къ правленію крытый тарантасъ, въ которомъ оказался только письмоводитель земскаго начальника.

— Не будетъ! Сходъ велѣлъ распустить!—весело закричалъ письмоводитель, кивая головой направо и налѣво.

Онъ ловко выскочилъ изъ экипажа, поздоровался за руку съ писаремъ и старшиной, и всѣ трое скрылись въ помѣщеніи правленія.

Толпа у крыльца загудѣла, заволновалась, медленно надѣвая шапки; многіе двинулись къ выходу.

Но вдругъ по двору засуетились десятскій и староста.

— Помѣшкайте, старики, не уходите! Сейчасъ бумагу станутъ вычитывать! Бумага, слышь, получена изъ губерніи! — скороговоркой выкрикивали они, догоняя уходившихъ со двора мужиковъ.

Всѣ ринулись назадъ. Двѣ-три минуты спустя, среди мертвой

тишины, писарь, стоя рядомъ съ неграмотнымъ старшиной, отчетливо и громко читалъ: „Господинъ земскій начальникъ такого-то участка предписываетъ старшинѣ Лыковской волости объявить на сходѣ о томъ, что ходатайство общества о закрытіи казенной винной лавки не уважено...“

При этомъ послѣднемъ словѣ за минуту мертвое молчаніе разомъ было нарушено. И опять загудѣла, разомъ заговорила невнятнымъ говоромъ, взволнованная толпа. Только прислушавшись, можно было разобрать отдѣльныя фразы:

— „Вотъ тѣ и на!.. Свалилась бѣда откудова и не ожидали!.. Тоже и дѣла нонѣ пошли какія-то мудреныя, и не разберешь!.. нонѣ пить не велитъ, а утре—кабаки навяливаетъ!..

Изумительная новость быстро долетѣла до села; прибѣжали впопыхахъ бабы, и вскорѣ на волостномъ дворѣ стоялъ чисто-ярмарочный шумъ.

На улицахъ, около домовъ, народъ собирался кучками и всѣ толковали о странной, по ихъ разумѣнію, „распоряженности“ начальства.

Вышелъ и отецъ Павелъ посидѣть на своемъ крылечкѣ и посмотрѣть на людей.

Вскорѣ сидѣлецъ, гремя ключами, пробѣжалъ на площадь и спустя нѣсколько минутъ надъ дверью винной лавки замигалъ фонарь; на его привѣтливый огонекъ сейчасъ же потянулись одинъ за другимъ покупатели. Небольшая безпорядочная кучка молодежи тоже двинулась къ фонарю; въ этой кучкѣ сильно подвыпившій Фремка что-то хрипло горланилъ. Увидавъ шедшаго навстрѣчу брата, онъ съ самодовольнымъ, хвастливымъ видомъ подбоченился и закричалъ:

— Эхъ ты! Максимъ — сирота казанская! Айда, братъ, выпьемъ; ребята, которые нонѣ къ призыву, даромъ поятъ. Гуляй душа безъ кунтуша!..

Максимъ молча прошелъ мимо.

Къ отцу Павлу подошли писарь съ письмоводителемъ. Разговоръ тотчасъ же завязался.

— Но на какомъ же основаніи отклонено ходатайство?—полюбопытствовалъ отецъ Павелъ.—И потомъ еще, говорятъ, получены какіе-то циркуляры о базарныхъ и ярмарочныхъ дняхъ, а также о сходахъ?

Писарь, какъ вытверженный урокъ назвалъ статьи, на основаніи которыхъ отказано ходатаямъ, и слово въ слово передалъ содержаніе циркуляровъ.

— Но чѣмъ же все это объясняется?

— Во избѣжаніе тайной продажи водки...

— Да полно!—перебилъ письмоводитель.—И статьи ваши и мотивы, все это одинъ вздоръ! Все это, такъ сказать, фиговый листъ, которымъ прикрывается вѣдомство градусовъ!..

— Не намъ судить!—замѣтилъ отецъ Павелъ, поднимаясь со ступеньки, — пойдемте лучше чай пить! Мнѣ вчера сосновскій церковный староста свѣжаго медку привезъ!.. чудесный медъ!..

Усѣвшись за самоваръ, отецъ Павелъ принялся радушно угощать гостей и только изрѣдка вставлялъ въ разговоръ три-четыре слова. Больше всѣхъ, и даже почти одинъ за всѣхъ, говорилъ письмоводитель.

Изъ канцеляріи, гдѣ онъ занимался, было слышно и видно все, что̀ говорилось и дѣлалось въ квартирѣ земскаго начальника, и письмоводителю извѣстны были многія подробности изъ жизни мѣстиыхъ чиновниковъ и вообще всѣхъ знакомыхъ его патрона.

Онъ разсказалъ веселымъ тономъ, кто съ кѣмъ и почему друженъ, а кто—на ножахъ; кто куда переводится и кто на кого послалъ доносъ; кто съ кѣмъ поссорился изъ-за первенства въ церкви, кто изъ-за поклона; кто кого „продернулъ“ въ газетахъ, кто кому собирается мстить тѣмъ, что всѣ дѣла будетъ на засѣданіяхъ „проваливать“, и кто такому мщенію сочувствуетъ, кто нѣтъ, и т. д.

По всей вѣроятности письмоводитель не спасовалъ бы, еслибы отецъ Павелъ или писарь пожелали запастись свѣдѣніями еще болѣе интимнаго свойства, но и тотъ и другой слушали его болтовню разсѣянно. Отецъ Павелъ спросилъ только про благочиннаго; писарь молча пилъ стаканъ за стаканомъ. Этотъ несообщительный человѣкъ, весь ушедшій въ свою тяжелую службу, угрюмо, про себя разсуждалъ: „они тамъ, черти, изъ-за пустяковъ ссорятся, мѣшаютъ свои личные счеты со службой, а тутъ ни за что, ни про что терпишь! Городскія собаки грызутся,—съ деревенскихъ клочья летятъ!...“

Съ тѣхъ поръ какъ промѣнялъ канцелярскую службу въ губернскомъ правленіи на теперешнее мѣсто, писарь былъ постоянно въ самомъ мрачномъ настроеніи. Тамъ онъ хоть маленькое получалъ жалованье, да зато—отсидѣлъ свои часы и уже самъ себѣ господинъ. Здѣсь же, ни праздника, ни отдыха, работай, какъ машина, а впереди только—потеря здоровья, нищенская старость съ необезпеченной и неустроенной семьей, да худая писарская слава! Не очень-то еще вѣрятъ въ писарскую честность. Кто только и въ чемъ только ни подозрѣваетъ его... Вотъ хоть бы и здѣсь: мужики кричма кричатъ учесть старшину

и старость, а писарь виноватъ, что не учитаютъ. Да по правдѣ сказать, міръ отчасти и правъ: писарю волей-неволей приходится кривить душой и на многое смотрѣть сквозь пальцы, потому что старшина всегда можетъ насолить ему. Вѣдь у старшины половина села—кумовья да свояки, а ихъ всегда можно нашпиговать на свой ладъ къ новому году...

Сквозь однообразно-унылое теченіе своихъ мыслей писарь услыхалъ, что письмоводитель говорилъ что-то про земскаго начальника и насторожился.

— Совсѣмъ ужъ мы уложились, экипажъ у крыльца, а тутъ гости,—разсказывалъ письмоводитель,—ну, разумѣется, выпивка, карты; черезъ полчаса проигрался въ дребезги! За два мѣсяца впередъ жалованье ухнулъ!..

„Проигрался, значитъ, пойдутъ штрафы, нарочные, всякія придирки!“—мелькнуло въ головѣ писаря. Онъ всталъ, рѣзкимъ движеніемъ отодвинулъ стулъ и сталъ прощаться. Ему надо еще окончить свѣдѣнія о состояніи продовольственныхъ запасовъ, а въ два часа ночи пріѣдетъ почтарь и надо будетъ сейчасъ же разобрать почту, узнать, нѣтъ ли чего экстреннаго.

Писарь только-что вышелъ за ворота церковнаго дома, какъ къ нему подбѣжалъ волостной сторожъ, весь запыхавшійся.

— Что тебѣ, что случилось?

— За вами, въ волостное пожалуйте, чиновники наѣхали.

— Кто да кто?

— Темно въ сѣняхъ, не разглядѣлъ... То ли исправникъ съ заводскимъ управляющимъ, то ли становой...

Раздѣваясь въ сѣняхъ волостного правленія, писарь слышалъ, какъ одинъ изъ чиновниковъ громко кричалъ, стуча объ столъ кулакомъ:

— Ступай и ты!.. Да сейчасъ, сію минуту, чтобъ былъ мнѣ писарь!.. Довольно ему въ своихъ тамъ перинахъ нѣжиться!.. Пьяницы, взяточники!..

Въ это же время шумная ватага будущихъ новобранцевъ, съ Фремкой во главѣ, приближалась къ дому Силуяновыхъ. Пьяный, нестройный хоръ выкрикивалъ:

Нашъ полковникъ молодой,
Подъ нимъ коникъ вороной!..
Намъ хочется погулять,
Командиры не велятъ!..

Силуяниха, сидя облокотясь на столъ и положивъ голову на ладонь, печально глядѣла куда-то въ пространство. Вотъ пьяные

голоса все ближе и громче, вотъ ужъ они совсѣмъ близко, подъ окномъ...

Въ сѣняхъ послышался топотъ ногъ, скверная ругань, дверь распахнулась, на порогѣ стоялъ Фремка; шатаясь, кой-какъ добрался онъ до лавки, грузно свалился и захрапѣлъ.

— Охъ, Господи, Господи! Вотъ онъ и праздничекъ на нашей-отъ улицѣ!—вскрикнула старуха,—такъ-то видно и все пойдетъ! Не приплывать, видно, къ нашему берегу ничему добренькому!..

— Молчи ужъ хоть ты, не каркай!—съ досадой отозвался Максимъ, оттачивавшій ножницы для стрижки овецъ.

Силуяниха, вся измученная, потрясенная, закрыла лицо фартукомъ и тихо заплакала.

X.

Съ половины сентября погода рѣзко измѣнилась. Начались сырые ненастные дни, съ мелкимъ надоѣдливымъ дождемъ. Раннее ненастье многихъ застигло врасплохъ. У Силуяновыхъ хлѣбъ не успѣли провѣять и онъ лежалъ въ ворохахъ; скирды стояли непокрытыя. Максимъ пахалъ подъ яровое, мочилъ коноплю и ленъ, но все это приходилось дѣлать на спѣхъ, коекакъ, урывками, въ тѣ промежутки, когда хоть ненадолго переставалъ дождь. Фремка дѣлалъ видъ, что работаетъ, и только мѣшалъ Максиму. У старухи были свои заботы. Въ первые дни ненастья свалился Петька, и всѣ извѣстныя средства, начиная отъ жаркой бани и четверговой соли, не помогли; пришлось везти его въ Сосновку на фельдшерскій пунктъ. А тѣмъ временемъ потерялась корова. Нашли ее на шестой день, всю израненную, чуть живую. Силуяниха съ ногъ сбилась хлопоча то съ хворымъ внукомъ, то съ коровой, но спасти корову всетаки не удалось.

Старуха едва бродила отъ горя и слезъ, а ночами ворочалась съ боку на бокъ въ болѣзненной безсонницѣ. Максимъ ходилъ какъ въ воду опущенный; рѣзкая поперечная морщина опять глубоко перерѣзала его лобъ, въ глазахъ постоянно отражалась тревога.

— Сдѣлай мнѣ, дяденька, свистокъ! — просилъ съ блѣдной улыбкой, трудно поправлявшійся Петька. А Максимъ даже не глядѣлъ на него, а, можетъ быть, и не слышалъ его словъ.

Семья опять переживала тяжелые дни.

— Уйти бы мнѣ въ городъ, —говорилъ чуть не каждый день

Фремка,—нанялся бы тамъ въ кучера, а то что я у васъ тутъ?— ни Богу свѣчка, ни чорту кочерга!—Мать ужъ оставила мысль о его женитьбѣ,—съ какихъ достатковъ затѣвать свадьбу, когда и на корову дай Богъ собрать?—и только слабо возражала:

— А съ кѣмъ же Максимъ-отъ молотить станетъ?.. Мнѣ ужъ не подъ силу!..

Фремка настаивалъ и наконецъ прямо заявилъ:

— Благослови, мать, въ путь-дорогу! Завтра съ попутными въ городъ отправляюсь!..

— Что больно торопишься? словно на пожаръ бѣжишь?.. Дай хоть рубаху да порты выстирать...

— Не надо, послѣ съ оказіей вышлешь.

Старуха, горестно вздыхая, безнадежно махнула рукой.

На другой день Фремка уѣхалъ.

Максимъ отнесся къ этому совершенно равнодушно. Неудачи въ хозяйствѣ и потеря коровы совсѣмъ обезкуражили его. На корову надо припасать рублей двадцать, если не больше,—значить, о покупкѣ лошади нечего и думать! Но разстаться съ завѣтной мечтой не такъ-то легко! Онъ сжился, сроднился съ ней и не могъ безъ борьбы вырвать ее изъ своей души.

И онъ весь погрузился въ разсчеты и соображенія о будущей выручкѣ за продажу зерна и проч.

Что бы онъ ни дѣлалъ, въ головѣ стояли все рубли да копѣйки: столько-то за пеньку, столько-то за льняное и конопляное сѣмя, столько-то за зерно... Хорошо бы продать шерсть и коровью кожу, но шерсть нужна самимъ, всѣ обносились, а кожа попорчена во многихъ мѣстахъ и годится только для себя... Онъ работалъ и вообще двигался, какъ автоматъ, почти не замѣчая окружающаго. Онъ не замѣтилъ, какъ Фремка укладывалъ свои пожитки съ вечера, и не замѣтилъ его отсутствія на другой день за обѣдомъ.

Силуяниха нѣсколько дней, вздыхая, повторяла:

— Вотъ и остались мы, сироты, горе мыкать! Взошло, было, солнышко и для насъ, да не обогрѣвши, не освѣтивши и закатилось!.. Ожидали радостей, а тутъ однѣ печали!.. Такъ ужъ видно и помереть доведется, не видавши ясныхъ дней!..

— Ну, чего такъ ужъ шибко печалиться! Погоди, дай срокъ, можетъ, еще и вотъ какъ поправимся!—утѣшалъ Максимъ, а у самого кошки скребли на душѣ.

XI.

Недѣли черезъ двѣ Фремка прислалъ своимъ письмо, въ которомъ извѣщалъ, что нашелъ себѣ мѣсто въ клубѣ при буфетѣ. Онъ былъ въ больницѣ, видѣлъ Степаниду: съ лица она какъ будто поправилась, но фельдшеръ говоритъ, что она безнадежна; прожить можетъ и долго, но владѣть ногами не будетъ; давно бы ужъ ее выписали, да она все просила оставить, и младшій докторъ держалъ ее въ больницѣ изъ жалости; теперь же держать больше нельзя: старшій докторъ самъ осмотрѣлъ ее, назначилъ къ выпискѣ и велѣлъ отправляться домой.

На этомъ словѣ голосъ Максима дрогнулъ; изъ груди старухи вырвался глухой стонъ. Они не обмолвились ни однимъ словомъ за весь остальной день; и мать и сынъ думали одно и то же: какъ пуститься въ путь по такому страшному ненастью и какъ везти хворую? Погода все еще стояла отвратительная, и все кругомъ глядѣло уныло, непривѣтно.

Плакали на почернѣвшихъ, разбухшихъ избахъ крыши, плакали расплывчатыми слезами окна, плакали крупными слезами деревья; рѣдкій прохожій на улицѣ не проклиналъ ненастье, шлепая по жидкой грязи; мокрая, иззябшая скотина ежилась и вздрагивала, тоскливо понуривъ голову...

Силуяниха и Максимъ угрюмо и молча исполняли домашнія работы; исхудалый Петька слабо покашливалъ на полатяхъ. Даже вертлявый Шарикъ забился куда-то подъ крыльцо и цѣлыми днями не подавалъ голосу.

Такъ прошло три дня, а на четвертый изъ волости принесли двѣ бумаги: повѣстку, по которой Максимъ вызывался на судъ, и требованіе земской управы немедленно взять изъ барака Степаниду.

Нечего дѣлать, надо было ѣхать. На другой день Максимъ выѣхалъ въ девять часовъ утра, но было еще совсѣмъ темно; нависшая пелена тумана скрадывала мутный свѣтъ сѣраго утра. Мелкій дождь по вчерашнему моросилъ безъ перерыва, сыпалъ въ лицо мокрой пылью и, забираясь подъ одежду, ледяными иглами покалывалъ по тѣлу. Всю дорогу грязь была настоящая невылазная, такъ что Максимъ едва къ вечеру дотащился до города. Онъ отправился прямо въ больницу. Въ палату уже не пускали, но ему удалось повидать фельдшера; тотъ подтвердилъ все, что писалъ Фремка.

— Сдѣлайте милость, попользуйте еще!.. Можетъ, она еще и оправится!—просилъ Максимъ.

Онъ зналъ, что жена не поправится, и просилъ самъ не зная зачѣмъ. Это была соломинка утопающаго, безсознательный порывъ души, переполненной отчаяніемъ.

— Нѣтъ, ужъ теперь нельзя оставить,—проговорилъ фельдшеръ и, взглянувъ на убитое горемъ лицо Максима, поспѣшно добавилъ:

— Все, впрочемъ, зависитъ отъ старшаго врача; его надо просить, а еще лучше докторшу: барыня, говорятъ, предобрѣйшая.

Когда Максимъ вышелъ, фельдшеру стало неловко: съ чего это онъ наговорилъ человѣку такой чепухи? Вѣдь онъ прекрасно знаетъ, что докторъ не можетъ оставить больную, а добрѣйшую барыню самъ выдумалъ, такъ какъ докторша добротой никогда не отличалась.

Фельдшеръ почесалъ въ раздумьи затылокъ, хотѣлъ-было вернуть Максима и тутъ же махнулъ рукой. За десять лѣтъ своей тяжелой службы онъ слишкомъ навидался всякихъ человѣческихъ страданій, и еще однимъ больше или меньше—не все ли равно?

XII.

Отъ биржевыхъ извозчиковъ Максимъ узналъ, гдѣ находится клубъ, и пустился разыскивать брата. Онъ надѣялся переночевать гдѣ-нибудь на клубномъ дворѣ, чтобы не платить за ночлегъ на постояломъ. Но Фремка объяснилъ, что это невозможно: клубъ снималъ только помѣщеніе, а дворъ съ наружными постройками оставался въ вѣдѣніи домохозяина. Проводить брата къ доктору онъ взялся неохотно и всю дорогу понукалъ Максима подгонять лошадь.

Приходилось, однако, пробираться шагомъ, почти ощупью: городскія улицы залиты были во всю ширину жидкой грязью, а кругомъ—темно какъ въ могилѣ. Тащились они что-то очень долго, но наконецъ достигли цѣли своего труднаго пути.

Фремка проворно соскочилъ съ воза.

— Ты тутъ побудь съ лошадью, а я узнаю, дома ли господа, скажу пару словъ прислугѣ и живо назадъ,—проговорилъ онъ, скрываясь въ темнотѣ.

Минутъ десять спустя онъ вернулся.

— Въѣзжай во дворъ и ступай направо; увидишь крылечко

въ кухню, а тамъ ужъ знаютъ, я сказалъ, что нужно. Ну, прощай!—крикнулъ онъ и снова скрылся въ темнотѣ.

Въ ярко освѣщенной кухнѣ было грязно и тѣсно. Надъ раскаленной плитой носились волны зеленоватаго чада; потная, раскраснѣвшаяся кухарка, что-то мѣшая, поджаривала. Глянувъ мелькомъ на Максима, она сказала, что къ господамъ собираются гости, но горничная знаетъ, когда доложить.

Максимъ стоялъ прислонясь къ косяку дверей и терпѣливо ждалъ. Сверху доносились громкіе возгласы, смѣхъ, а Максимъ думалъ, какъ бы поскорѣй добраться на постоялый да выпрячь лошадь. Видъ молчаливой хмурой кухарки пугалъ его и онъ не рѣшался спросить, долго ли еще ждать. Наконецъ той, видно, надоѣло молчать и она спросила:

— Парень, который забѣгалъ сейчасъ, тебѣ кто будетъ?

— Братъ мнѣ родной.

— А ровно бы не походите другъ на друга: ты, видать, по крестьянству, а онъ словно бы городской...

— Онъ тутъ въ городу живетъ... На легкой хлѣбъ польстился...

— Да гдѣ онъ этотъ легкой хлѣбъ? — горячо воскликнула кухарка и принялась осуждать господъ, жаловаться на свою судьбу, и долго говорила на эту тему.

Максимъ, ободренный ея словоохотливостью, нѣсколько разъ собирался заговорить о своемъ дѣлѣ, да какъ-то все не успѣвалъ вставить свое слово.

„Вишь какъ на языкъ бойка: такъ и сыплетъ, словно изъ мѣшка горохъ",—мелькало у него въ головѣ, а въ груди стало болѣть. Онъ вспомнилъ, что съ утра ничего не ѣлъ, что въ груди болитъ отъ голоду, и вышелъ, чтобы провѣдать лошадь и взять съ воза хлѣбъ. Вернувшись, онъ развязалъ мѣшокъ съ хлѣбомъ, отломилъ кусокъ и сталъ ѣсть.

Время не шло, а ползло; плита накалилась до красна; въ кухнѣ стояла невыносимая духота. Максимъ жевалъ свой хлѣбъ; кухарка, стоя у плиты, мѣшала и переливала, приправляя господскія кушанья такими пожеланіями, что еслибы до господъ дошло хоть одно изъ нихъ, то навѣрно кусокъ не пошелъ бы имъ въ горло.

На городскихъ часахъ пробило десять, когда на лѣстницѣ раздались тяжелые шаги и въ кухню сошелъ высокій толстый докторъ, лѣтъ сорока.

— Что тебѣ? — обратился онъ къ Максиму своимъ чисто діаконскимъ басомъ.

Максимъ разсказалъ, въ чемъ дѣло. Докторъ нахмурился.

— Да ты что это? Съ ума спятилъ? Вѣдь она выписана, жена твоя! Чего же ты, дуракъ, лѣзешь?

— Сдѣлайте Божескую милость! Фершалъ сказывалъ...

— Чтò? Чтò такое фершалъ? А, хорошо, вотъ я ему!.. А ты ступай вонъ!.. Ступай и завтра же забирай свою жену! Надоѣли вы мнѣ до тошноты. Черти вы этакіе!..

Максимъ молча мялъ въ рукахъ шапку.

Докторъ съ минуту глядѣлъ на него.

— Да ты вотъ что, — заговорилъ онъ тише,—ты, можетъ, думаешь, что я по своей охотѣ выгоняю твою калѣку? Такъ что ли, по-твоему? Но ты, болванъ, пойми: не мой хлѣбъ, не моя койка, не мое все, такъ мнѣ-то что? Пускай хоть по десять лѣтъ лежатъ! Но вѣдь васъ много, а больница одна, земство отпускаетъ скупо, усчитываетъ каждую копѣйку, коекъ мало, и ради твоей безнадежной калѣки я долженъ отказывать тому, кого еще можно поправить!.. Понимаешь?..

Максимъ глядѣлъ, не мигая, совсѣмъ безсмысленнымъ взглядомъ. Докторъ опять вскипѣлъ.

— Да ты понимаешь ли, что я тебѣ говорю? Понимаешь? О, чортъ! Ступай, ступай вонъ!.. День и ночь покою нѣтъ отъ васъ!.. Ха! — крикнулъ онъ гнѣвно, съ горечью, и круто повернулся къ двери. И пока онъ взбирался по лѣстницѣ своей тяжелой, грузной поступью, только и слышно было:—черти! дьяволы! Чортъ, чортъ, чортъ!..

— На кого это вы тамъ накинулись? — спросилъ гость, слышавшій докторскіе окрики.

— Ни на кого! Это каторга, а не жизнь!.. Лѣзутъ болваны, а куда я ихъ дѣвать буду?.. Хоть по десять человѣкъ на одну койку клади!..

— Требуйте отъ земства...

— Нà вотъ!.. Америку открыли! А земству откуда же взять капиталы? Родить ихъ, что ли?..

— Но нельзя же безъ борьбы,—вмѣшался другой гость,— и всякія мѣропріятія...

— Да полно вамъ, — перебилъ третій гость, нетерпѣливо барабанившій пальцами правой руки по зеленому сукну, а лѣвой перебиравшій карты,—мужикъ, земство, мѣропріятія,—все это жевано-пережевано и надоѣло до тошноты! Садитесь, мнѣ сдавать!..

— Сначала пойдемте въ столовую,—предложилъ хозяинъ, — отдадимъ честь генералу, а тогда и за винтъ!.. Да-съ, господа,—

продолжалъ онъ, хлопая себя по животу и весело подмигивая,—желудокъ—это, я вамъ скажу, сила и власть!.. Это, можно сказать, главнокомандующій въ жизни!.. Ха-ха!.. Говорю это какъ врачъ!..

Но когда всѣ дружно принялись за вина и закуски, докторъ незамѣтно оставилъ гостей и опять пошелъ въ кухню. Съ послѣдней ступеньки онъ услыхалъ, какъ кухарка говорила Максиму:

— Отсчитаешь отъ нашего дома четыре,—тутъ и постоялый.

— Куда ему, дураку, въ экую темень на постоялый, — загремѣлъ докторъ, распахнувъ дверь,—ночуй тутъ, у меня подъ навѣсомъ, да смотри не проворонь лошадь!.. А ты, чортова перечница, дай ему чего-нибудь поѣсть!..

Все время, пока докторъ, пыхтя и отдуваясь, взбирался наверхъ, потомъ медленно проходилъ корридоръ, ведущій въ столовую, въ его умныхъ сѣрыхъ глазахъ отражалась глубокая грусть.

XIII.

Максимъ уснулъ моментально, какъ только забрался въ телѣгу, но спалъ не долго. Проснулся онъ внезапно, какъ отъ толчка, вспомнилъ, гдѣ онъ, зачѣмъ, и это сознаніе дѣйствительности разомъ отогнало сонъ, вызвало щемящую боль въ сердцѣ. Онъ поднялся: дѣлать ему нечего, на судъ еще рано, но оставаться въ лежачемъ положеніи было невыносимо.

Онъ вспомнилъ, что забылъ въ докторской кухнѣ мѣшокъ съ хлѣбомъ и пошелъ за нимъ.

Плита уже погасла, но жестяная лампочка еще мигала и свѣтъ ея падалъ на груды немытыхъ тарелокъ, сверху доносились звуки рояля и шарканье ногъ.

Кухарка, спавшая на полу, проснулась отъ прохватившаго ее холода и, глянувъ сонными глазами на Максима, мрачно проворчала:

— Плясать передъ заутреней вздумали, анаѳемы треклятые!..

Эти проклятія и звуки музыки въ такую пору показались Максиму чѣмъ-то до того дикимъ, нелѣпымъ, что ему стало жутко.

— Сколько грѣха подъ одной крышей! — проговорилъ онъ самъ себѣ, и сердце его сжалось еще больнѣй.

Онъ досталъ изъ-подъ лавки свой мѣшокъ и потихоньку выбрался изъ кухни.

На дворѣ уже начинали чирикать и копошиться воробьи; слышалось отдаленное перекликанье пѣтуховъ. На улицѣ у подъѣзда дремали извозчики и кучера.

Квартира земскаго начальника была далеко, но все же Максимъ прибылъ туда такъ рано, что не только камера, но и ворота были заперты. Привязавъ лошадь, онъ сталъ ждать на улицѣ. Онъ не зналъ, сколько времени и сколько еще ждать: на каланчѣ нѣсколько разъ били часы, но, погруженный въ свои мысли, онъ отрывался отъ нихъ только за вторымъ или третьимъ ударомъ и сбивался со счету. Утро было холодное, вѣтряное, но дождя не было.

Стали, наконецъ, собираться люди; прибѣжалъ десятскій и отперъ камеру. Дѣло, по которому былъ вызванъ Максимъ, къ разбору назначено было пятымъ и ему снова приходилось ждать и ждать. Напряженное ожиданіе и непривычная, тоскливая праздность истомили его хуже самой тяжелой работы. У него разболѣлась голова, въ глазахъ двоилось и поминутно звенѣло то въ правомъ ухѣ, то въ лѣвомъ. При разборѣ дѣла въ камерѣ онъ отвѣчалъ машинально, какъ автоматъ, почти не сознавая, что̀ говоритъ. Въ головѣ его гнѣздилась одна главная мысль: не задержали бы въ больницѣ. Къ этой мысли примѣшивались еще смутныя соображенія о томъ, что если и завтра не будетъ дождя, то надо непремѣнно успѣть управиться по хозяйству съ тѣмъ, чему помѣшало ненастье. Но вскорѣ и эти смутныя мысли отлетѣли, осталось одно только непреодолимое желаніе быть какъ можно скорѣй дома. По дорогѣ въ больницу онъ, всегда жалѣвшій лошадь, всегда относившійся къ ней съ трогательной нѣжностью, вдругъ началъ изо всей силы хлестать ее. Онъ дошелъ уже до того состоянія, когда человѣкъ окончательно утрачиваетъ способность соображать, когда разбитый, измученный организмъ его жаждетъ только отдыха, облегченія, хоть на часъ, хоть наконецъ на одинъ мигъ, а тамъ ужъ будь что̀ будетъ!

Въ больницѣ его задержали не слишкомъ долго, но все же, когда выбрались за черту города—было уже далеко за полдень. Не отъѣхали и пяти верстъ, какъ Максиму пришлось слѣзть съ воза и идти пѣшкомъ: старый конь насилу тащилъ его по глубокимъ колеямъ загустшей отъ холода грязи.

Немного погодя засыпалъ мелкій, колючій дождь; Степанида стала охать и жаловаться на холодъ; Максимъ машинально досталъ изъ-подъ сидѣнья рогожу, уложилъ больную на бокъ, прикрылъ ее съ головой и продолжалъ молча шагать около воза.

Къ вечеру добрались до лѣса и стало какъ будто теплѣе, но зато ужъ совсѣмъ было темно.

— О, Господи!—стонала Степанида,—скоро ли доѣдемъ?..

— Теперь ужъ скоро,—отозвался Максимъ.

И оба опять замолчали.

Въ это самое время Силуяниха поджидала ихъ за воротами. Но вотъ ужъ давно и ночь спустилась, замигали тамъ и сямъ огоньки, а ихъ все нѣтъ.

Старуха вернулась въ избу и забралась-было на печь, но долго лежать не могла: не привыкла даромъ тратить время, да за работой и ждать будто не такъ тоскливо. Она слѣзла съ печки, засвѣтила керосинку, усѣлась за красна и принялась перекидывать привычной рукой челнокъ.

И долго тишина въ избѣ нарушалась только ровнымъ дыханіемъ спавшаго Петьки, да стукомъ берда. Проходили часы; въ головѣ старухи тянулись унылыя, горькія мысли одна за другой, какъ звенья долгой цѣпи. Между прочимъ она вспомнила, какъ однажды прохожая монашка предлагала ей помянуть Степаниду за упокой на девяти обѣднях и увѣряла, что послѣ этого больная непремѣнно помретъ. Степанида сама хотѣла этого и разошлись тогда съ монашкой изъ-за полтины. Всего-то и просила монашка трубку холста да полтину денегъ, и надо было хоть взять у кого въ долгъ, да дать. Можетъ быть, давно ужъ и освободились бы отъ этой обузы, а теперь вотъ опять она будетъ тутъ, всегда на глазахъ. И ходи за ней цѣлую долгую зиму, а лѣтомъ работай изъ-за нея рукъ не покладая! Теперь не пожалѣла бы и трехъ полтинъ, да гдѣ взять монашку? Самимъ поминать нельзя: ихъ поминанье хорошо знаютъ церковники, а батюшка на духу сказывалъ, что это великій грѣхъ. Грѣхъ можно бы и замолить послѣ, а терпѣть ужъ больше нѣту силъ. Старуха стала-было соображать, какъ бы устроить это поминанье за упокой, но ничего не могла придумать въ такомъ выходящемъ изъ предѣловъ ея ежедневнаго обихода дѣлѣ.

Эти мысли смѣнились тревогой ожиданія, и она стала прикидывать въ умѣ, въ какое время могли выѣхать и сколько часовъ надо ѣхать отъ города, а въ головѣ, въ то же время, проносилось, что въ лѣсу, можетъ быть, напали волки или бродяги.

Силуяниха опустила руки и прислушалась: ничего не слышно! Тревога наконецъ такъ захватила ее, что она не въ силахъ была оставаться на мѣстѣ и, подойдя къ окошку, припала лицомъ къ стеклу.

Огни на селѣ погасли, кругомъ непроглядная темь. Немного

погодя поднялся затихшій-было вѣтеръ, дождь забарабанилъ въ окно мелкой дробью, Шарикъ жалобно завизжалъ и завылъ подъ крыльцомъ.

— Охъ, не случилось бы, спаси Богъ, чего худого!..

XIV.

Максимъ шагалъ рядомъ съ лошадью тяжелымъ, крупнымъ шагомъ, съ трудомъ выволакивая ноги изъ густой липкой грязи. Въ лѣсу было совсѣмъ темно, дорога шла узкая; мокрыя вѣтки часто задѣвали его по лицу, вѣтеръ врывался сердитыми порывами сбоку и, обдавъ холодной колючей пылью, уносился куда-то дальше; колеса то-и-дѣло попадали въ глубокія колеи, телѣга наклонялась, Степанида стонала и охала. Максимъ ни о чемъ не думалъ; въ его головѣ была какая-то странная пустота; но всякій разъ, какъ только Степанида подавала голосъ, передъ его глазами появлялось ея, какъ бы закостенѣвшее лицо съ опущенными вѣками, съ крѣпко-сжатыми сухими губами. Такимъ онъ видѣлъ это лицо въ послѣдній разъ, когда укладывалъ жену въ телѣгу и закрывалъ ее рогожей, такимъ оно врѣзалось въ его мозгъ и теперь представлялось въ темнотѣ. Холодная дрожь мурашками пробѣгала по его тѣлу; умъ еще боролся, силился отогнать видѣніе, а оно то появлялось, то исчезало и наконецъ стало носиться передъ нимъ неотступно.

Онъ шагалъ и шагалъ своимъ тяжелымъ крупнымъ шагомъ, не замѣчая ни мокрыхъ вѣтокъ, ни бѣшеныхъ порывовъ вѣтра, съ одной только смутной надеждой, что вотъ-вотъ лѣсъ кончится и хоть сколько-нибудь посвѣтлѣетъ. Вдругъ колесо за что-то зацѣпилось; Степанида вскрикнула, ударившись объ телѣгу; лошадь остановилась. Максимъ подступилъ къ возу и отшатнулся: передъ нимъ все то же каменное лицо, но уже съ открытыми злыми глазами и кривой усмѣшкой. Онъ рванулся-было бѣжать—ноги не двигались, дрожали колѣни.

— Неловко мнѣ... сѣно подо мной сбилось,—раздался слабый голосъ изъ-подъ рогожи.

Максимъ на секунду пришелъ въ себя и откинулъ рогожу, чтобы помочь женѣ приподняться. Но руки его тряслись, не слушались, самого трепала лихорадка, а передъ глазами—оскаленное злое лицо!..

Въ головѣ у него помутилось, въ глазахъ пошли огненные кружки, пальцы машинально нащупали впотьмахъ тонкую шею

больной и сжали ее изо всей силы; въ тотъ же мигъ на возу раздался хриплый, задавленный стонъ. Пальцы Максима быстро, словно обжегшись, разжались, его бросило въ потъ.

Новый порывъ вѣтра освѣжилъ его.

— Съ нами сила крестная! — прошепталъ онъ и приникъ ухомъ къ тѣлу больной. Она не дышала. Леденящій ужасъ охватилъ его и онъ закричалъ дикимъ голосомъ:

— Степанида!.. Степанида!..

— А-а-а!—раскатилось кругомъ громкое эхо.

Лошадь рванулась и поскакала. Максимъ пустился вслѣдъ за ней, то нагоняя, то отставая.

Онъ опомнился только передъ фасадомъ своей избы съ двумя освѣщенными окнами. Двѣ косыя полоски свѣта падали на телѣгу и на крупъ дрожащей, взмыленной лошади, оставляя въ тѣни лицо Максима. На крыльцо вышла Силуяниха.

— Замаялась я, ждавши васъ... Ну, подымайся-ко, Степанида.

— Дорогой померла!—глухо отозвался Максимъ.

XV.

Обмывая трупъ Степаниды, бабы замѣтили на шеѣ синебагровые кровоподтеки и сейчасъ же разболтали объ этомъ. Пошли по селу толки, догадки.

— Ежели Степанида померла дорогой, значитъ шибко была плоха и не зачѣмъ было брать ее: пущай бы больница и хоронила своимъ-отъ коштомъ.

— При ихней-то бѣдности, ровно бы и не слѣдъ убыточиться на похороны.

— Видимое дѣло: взялъ Максимко грѣха на душу!..

Дошло до полиціи и началось слѣдствіе.

Максимъ сейчасъ же сознался. На допросѣ и на судѣ онъ пытался разсказывать, какъ лѣшачиха въ образѣ Степаниды долго дразнила и пугала его, а потомъ его же руками и удушила покойницу. Но онъ говорилъ такъ сбивчиво, отрывисто, что предсѣдатель, поморщившись, замѣтилъ громко:

— Говорите, подсудимый, яснѣе, опредѣленнѣе.

Максимъ опѣшилъ. Немного погодя, онъ однако оправился и снова началъ-было разсказывать про лѣшачиху. Но тутъ опять вмѣшался прокуроръ, напомнивъ суду, что подсудимый грамотенъ, окончилъ школу, слѣдовательно, не можетъ быть такъ суе-

вѣренъ, какъ показываетъ. По наружному виду подсудимый былъ крѣпокъ, здоровъ, и никому въ голову не явилась мысль о галлюцинаціяхъ, переутомленіи мозга, истеріи, нервной горячкѣ и тому подобномъ.

Максима приговорили къ ссылкѣ и нѣсколькимъ годамъ каторжныхъ работъ.

Фремка выправилъ изъ волости паспортъ, взялъ у матери лошадь, продалъ овецъ и уѣхалъ куда-то далеко на пріисковыя работы. Кое-кто изъ мірскихъ стариковъ вмѣшался-было въ дѣло, но Фремка увѣрилъ, что будетъ исправно высылать матери на хлѣбъ. Силуяниха на все соглашалась молчаливо. На лицѣ ея навсегда застыло скорбное выраженіе, съ какимъ она прощалась съ Максимомъ въ острогѣ, а губы постоянно что-то шептали.

На всѣ вопросы внука она только повторяла:

— Молись, дитятко, Боженькѣ!.. Пуще молись!..

Она видимо таяла и угасала.

Однажды Петька, вернувшись изъ школы, еще съ порога закричалъ, что хочетъ ѣсть. Силуяниха, сидѣвшая на сундукѣ, прислонясь спиной къ печкѣ, не откликнулась и не шевельнулась.

— Баушка, ѣсть хочу, ѣсть!—снова закричалъ онъ и подбѣжалъ къ ней, чтобы разбудить. Но едва онъ дотронулся до ея плеча, руки старухи упали, голова покачнулась на слабой вихлявой шеѣ и свѣсилась на грудь. Два-три судорожныхъ вздоха и все было кончено. Петька догадался, въ чемъ дѣло, и съ громкимъ плачемъ выбѣжалъ на улицу.

Силуяниху похоронили рядомъ съ могилкой Степаниды.

Отецъ Павелъ взялъ Петьку къ себѣ на воспитаніе.

Иногда, глядя на мальчика и перебирая въ умѣ все пережитое семьей Силуяновыхъ, отецъ Павелъ мысленно ставилъ вопросъ: къ чему, казалось бы, столько никому ненужныхъ страданій? И всякій разъ, какъ бы въ отвѣтъ, громко произносилъ:

— Неисповѣдимы пути Господни!..

Нат. Стахевичъ.

ФРАНЦУЗСКІЕ
ПАМФЛЕТИСТЫ
XIX-го вѣка.

I.

Памфлетъ во Франціи имѣлъ своихъ представителей въ самыхъ разнообразныхъ лагеряхъ французскаго общества. Тутъ попадаются имена и аристократовъ изъ древнихъ дворянскихъ фамилій, и плебеевъ городскихъ предмѣстій; памфлету посвящали себя и ультра-роялисты, и ультра-демократы, клерикалы и свободомыслящіе.

Памфлетистъ—это писатель съ темпераментомъ, который отражается въ тѣхъ небольшихъ, но проникнутыхъ горячею страстностью полемическихъ произведеніяхъ, какія принято называть памфлетами. Памфлетистъ—не спокойный искатель истины, а проповѣдникъ и распространитель уже существующихъ истинъ. Главная его цѣль—привлечь на свою сторону какъ можно больше людей. Онъ дѣйствуетъ и на разумъ, и на сердце, разсуждаетъ, доказываетъ, сердится и смѣется, возмущается и восторгается и своимъ увлеченіемъ захватываетъ и самого читателя. Преобладаніе того или другого изъ этихъ элементовъ въ памфлетѣ зависитъ отъ индивидуальности писателя, но какъ бы они ни различались по настроенію, каждый памфлетистъ одинаково можетъ повторить слова Бульмье, которыми онъ начинаетъ біографію Этьена Долѐ: „я объявляю, что не буду безпристрастнымъ“.

Памфлетъ существовалъ у всѣхъ народовъ и во всѣ времена.

Но несомнѣнно, что нѣкоторые народы, вслѣдствіе своего болѣе живого темперамента и болѣе развитой общественной жизни, чаще пользовались этой литературной формой, чѣмъ другіе. „Въ старой Греціи памфлетъ былъ преимущественно аѳинскій“,— пишетъ Кормененъ,—„а въ новыя времена онъ преимущественно французскій“ [1]). Это распространеніе памфлета во Франціи легко объяснимо существовавшею при всѣхъ режимахъ относительной свободой критики. Кромѣ того, французская нація пробудилась къ общественной и политической жизни рано, еще въ XIV столѣтіи, когда при Этьенѣ Марселѣ французское третье сословіе было уже настолько политически развито, что требовало либеральную конституцію. Первые политическіе памфлеты появились въ эпоху малолѣтства Людовика XIV во время Фронды, когда писались знаменитыя Мазаринады — памфлеты, направленные исключительно противъ кардинала Мазарини.

Un vent de fronde
A soufflé ce matin,
Je crois qu'il gronde,
Contre le Mazarin.

Въ XVIII столѣтіи появился философскій памфлетъ, въ которомъ такъ умѣло боролись противъ іезуитовъ Вольтеръ и его друзья.

Но свое полное и разностороннее значеніе памфлеты получили только въ XIX столѣтіи. Какъ читатель увидитъ, самые знаменитые памфлетисты принадлежатъ къ первой половинѣ XIX столѣтія, въ особенности къ эпохѣ реставраціи. Тогда, при сравнительно слабомъ распространеніи газетъ и журналовъ, брошюра была обыкновеннымъ средствомъ передачи мысли.

Памфлеты эпохи реставраціи замѣчательны не только своимъ количествомъ, но еще своимъ разнообразнымъ и цѣннымъ содержаніемъ. Можно сказать безъ преувеличенія, что политическая и общественная жизнь второй половины XIX столѣтія жила идеями его первой половины. Поколѣніе, дѣйствовавшее тогда, обладало очень рѣдкимъ преимуществомъ: у него былъ громадный личный историческій опытъ, который одинъ изъ соціальныхъ памфлетистовъ XIX столѣтія, Сенъ-Симонъ, считалъ вторымъ предварительнымъ условіемъ для появленія великаго мыслителя. Большая часть дѣятелей эпохи реставраціи пережила „въ нѣсколько лѣтъ событія нѣсколькихъ вѣковъ“, какъ говорилъ Шатобріанъ.

---

[1]) L. Cormenin. Le Livre des Orateurs. 10-eme édition. P. 1869, p. 99.

По своему содержанію памфлеты могутъ быть различные и даже чисто научные, какими являются „Fouets Scientifiques“ Распайля, гдѣ знаменитый ученый и крайній демократъ осмѣивалъ теорію Кювье о внезапномъ появленіи видовъ. Но вообще памфлетъ мало подходитъ къ объективному и скептическому духу ученаго. Его настоящая область начинается въ спорахъ о религіи, экономикѣ и политикѣ—наукахъ, связанныхъ съ общественной жизнью и затрогивающихъ страсти, интересы, вѣрованія отдѣльной личности или цѣлой группы людей.

Въ нашемъ очеркѣ мы ограничимся политическимъ памфлетомъ. Отмѣтимъ только, что самыми замѣчательными представителями памфлета во Франціи въ XIX столѣтіи были—въ религіозной области Ламенне, а въ соціальной—Сенъ-Симонъ, Фурье и Прудонъ.

Всѣ сочиненія Ламенне, за исключеніемъ его четырехтомнаго „Esquisse d'une philosophie“, носятъ черты памфлета. Это была единственная возможная форма, въ которой свободно могъ развернуться полемическій талантъ этого „сына бури“, какъ былъ прозванъ Ламенне за его страстное увлеченіе всѣмъ, что̀ онъ считалъ истиной.

Такимъ полемическимъ жаромъ проникнуты и всѣ произведенія Сенъ-Симона отъ перваго его памфлета „Письма Женевскаго обывателя“ и до послѣдняго: „Новое Христіанство“. Во всѣ свои предпріятія онъ вноситъ то увлеченіе и страстность, которую завѣщалъ и своимъ ученикамъ. „Помните: чтобы дѣлать великое, надо быть восторженнымъ и страстнымъ“,—говорилъ онъ на смертномъ одрѣ, обращаясь къ своему ученику Родригу [1]).

Фурье началъ свою литературную дѣятельность ожесточенной полемикой противъ философовъ и моралистовъ „отъ Сократа до Вольтера“ [2]) и кончилъ памфлетомъ противъ Сенъ-Симона и Оуэна.

Что касается до Прудона, онъ самъ считаетъ себя памфлетистомъ. „Мемуары“,—пишетъ онъ своему другу Акерману въ 1841 году,—„составляютъ, повидимому, наиболѣе подходящій для меня родъ литературы: наполовину наука, наполовину памфлетъ, благородный, веселый, печальный, но и возвышенный, онъ говоритъ разуму, воображенію и чувству“ [3]).

Но настоящее свое значеніе памфлетъ пріобрѣтаетъ въ по-

---

[1]) Oeuvres etc., 1841. Préface de Rodrigues, p. X.

[2]) Ch. Fourier. Théorie de quatre mouvements, edit. 1846, p. 12.

[3]) Proudhon. Sa vie et sa correspondance, par Sainte-Beuve. P. 1875, p. 118.

литической жизни, въ борьбѣ партій, гдѣ нужно разжечь страсти, поднять духъ, вызвать увлеченіе и восторгъ. Политическій памфлетъ касается обыкновенно какой-нибудь „злобы дня". Онъ направленъ противъ какой-нибудь мѣры, противъ какой-нибудь личности или группы личностей. Дѣйствіе политическаго памфлета ограничено очень короткимъ временемъ, послѣ чего онъ перестаетъ имѣть другое значеніе, кромѣ историческаго.

Всѣ политическія партіи во Франціи имѣли своихъ памфлетистовъ, такъ что по жизни и дѣятельности послѣднихъ мы можемъ прослѣдить отчасти, какъ развивались сами партіи. Въ жизни Шатобріана мы увидимъ, какіе фазисы переживалъ французскій роялизмъ первой половины XIX столѣтія. Памфлеты Поля-Луи Курье представляютъ страницы изъ исторіи либеральной партіи въ эпоху реставраціи, какъ памфлеты Корменена представляютъ нѣсколько эпизодовъ борьбы республиканцевъ противъ Луи-Филиппа. Въ дѣятельности клерикальнаго памфлетиста Вельо мы прослѣдимъ всѣ политическія метаморфозы католической церкви въ теченіе половины столѣтія. Памфлеты Рожара и Рошфора даютъ намъ картину послѣднихъ лѣтъ второй имперіи. Наконецъ, въ дальнѣйшей дѣятельности того же Рошфора, какъ и въ памфлетахъ другихъ современныхъ намъ памфлетистовъ, какъ Лафарга, Кассаньяка, Дрюмона и др., мы познакомимся въ общихъ чертахъ съ политической жизнью современной Франціи.

Но кромѣ связи между памфлетистами и ихъ временемъ, существуетъ еще преемственная связь между самими памфлетистами. Поль-Луи Курье былъ образцомъ, которому подражали и Корменен, и Рошфоръ, какъ самому Рошфору подражаютъ другіе французскіе памфлетисты. Дрюмонъ подражаетъ Вельо, какъ послѣдній подражалъ Ламенне, т.-е. тѣмъ его произведеніямъ, которыя онъ писалъ, будучи еще клерикаломъ. Но несомнѣнно, что эти общія черты, соединяющія всѣхъ памфлетистовъ въ группы и подгруппы, не исключаютъ ихъ индивидуальности. Съ этой индивидуальностью мы и познакомимся, переходя къ жизни и произведеніямъ каждаго памфлетиста отдѣльно.

I.—Шатобріанъ.

Шатобріанъ, съ котораго мы начнемъ наши характеристики, представляетъ двойной интересъ, какъ беллетристъ и какъ политическій дѣятель. Въ данномъ случаѣ насъ интересуетъ только

политическая дѣятельность Шатобріана, съ которой связаны и его памфлеты.

Какъ извѣстно, Шатобріанъ занималъ нѣсколько разъ высокія государственныя должности. Сначала онъ былъ посланникомъ въ Лондонѣ, потомъ министромъ иностранныхъ дѣлъ и затѣмъ посланникомъ въ Римѣ, но все это очень кратковременно, такъ какъ его характеръ мало подходилъ къ такой дѣятельности. Онъ не имѣлъ необходимой для практическаго дѣятеля гибкости характера. Шатобріанъ и въ этой области оставался большимъ романтикомъ, который слишкомъ любилъ свое „я", чтобы подчинять его разнымъ обстоятельствамъ, даже если они составляли государственную и политическую необходимость. Глубокимъ политикомъ онъ не былъ и не могъ быть, но онъ былъ политикомъ оригинальнымъ и разностороннимъ. Тотъ самый романтизмъ, который мѣшалъ ему отречься отъ своихъ симпатій и антипатій и подчиниться требованіямъ политики, съ другой стороны и предохранялъ его отъ партійной узости. Шатобріанъ вообще проявлялъ большую независимость въ дѣйствіяхъ, хотя часто это ему стоило дорого. Онъ отзывался съ „электрической быстротой", какъ говоритъ Сентъ-Бёвъ, на самыя разнообразныя общественныя идеи. Онъ былъ одновременно и ультра-роялистомъ и защитникомъ свободы печати и конституціонной формы правленія,—католикомъ и безпощаднымъ врагомъ духовныхъ конгрегацій. „Я роялистъ и по разуму и по убѣжденію,—республиканецъ по вкусамъ, и по характеру", — писалъ онъ самъ [1]). По своему происхожденію, по семейнымъ традиціямъ и по своимъ связямъ Шатобріанъ былъ роялистомъ, но по своему свободному и независимому характеру онъ могъ только чувствовать себя хорошо въ свободной республикѣ. Очевидно, такой человѣкъ не могъ стать вѣрнымъ и преданнымъ служителемъ трона, что и понималъ Людовикъ XVIII, когда говорилъ своимъ окружающимъ, имѣя въ виду Шатобріана: „Не довѣряйте вашихъ дѣлъ поэту, онъ васъ погубитъ". Настоящее мѣсто Шатобріана было въ рядахъ оппозиціи, гдѣ могъ бы развернуться его полемическій и ораторскій талантъ. Будучи въ рядахъ оппозиціи, онъ и написалъ свои памфлеты противъ смѣнявшихся политическихъ режимовъ Франціи, начиная имперіей и кончая монархіей Луи-Филиппа.

Жизнь Шатобріана естественно раздѣляется на четыре періода: первый, отъ 1768 до 1801 года, охватываетъ годы ученія

---

[1]) La Restauration et la Monarchie élective. P. 1831.

и эмигрантства; второй, отъ 1801 года до 1814, соотвѣтствуетъ его замѣчательной литературной дѣятельности; третій тянется черезъ всю реставрацію и охватываетъ его политическую дѣятельность; и, наконецъ, четвертый періодъ начинается паденіемъ Бурбоновъ и кончается смертью его послѣ февральской революціи 1848 года.

Самымъ тяжелымъ и полнымъ горечи является первый періодъ. Во время изгнанія его молчаливость и тоска, отражавшаяся во всей фигурѣ, однажды вызвали слѣдующія слова со стороны красивой ирландки Мери Ниль (Mary Neal): „You carry your heart in a sling“ (Вы носите ваше сердце на повязкѣ“) [1]). За короткій періодъ времени Шатобріанъ испыталъ наибольшія несчастія, какія могутъ постигнуть человѣка.

Раннее дѣтство Шатобріана было также тяжело и горестно. Онъ происходилъ отъ одной изъ самыхъ знатныхъ аристократическихъ фамилій. Еще въ XIII столѣтіи одинъ изъ его предковъ былъ раненъ въ битвѣ при Мансурѣ въ Египтѣ, гдѣ несъ королевскій штандартъ. Преданія о подвигахъ предковъ развивали въ ребенкѣ аристократическую гордость, но не могли замѣнить любви и нѣжности, въ которыхъ онъ нуждался. Отецъ Шатобріана подъ утонченной вѣжливостью, появлявшеюся при постороннихъ, скрывалъ властолюбивое и черствое сердце. У него не было мягкихъ словъ и ласковыхъ взглядовъ ни для жены, ни для дѣтей. Шатобріанъ самъ разсказываетъ о паническомъ страхѣ, который испытывала вся семья въ присутствіи отца. Никто не смѣлъ при немъ даже разговаривать между собою. Они рѣшались переглядываться и переговариваться только послѣ того, какъ строгій глава семьи уходилъ въ свою комнату въ опредѣленный часъ вечера [2]).

Въ этотъ первый періодъ жизни, проведенный въ отцовскомъ имѣніи, у будущаго романтика и памфлетиста было только два товарища: поле и маленькая сестра Люсиль.

Двадцати-трехъ лѣтъ, въ 1791 году, Шатобріанъ уѣхалъ въ Америку. Ея дѣвственные лѣса, ея пампасы, озера, громадныя какъ моря, скалистыя горы, широкія рѣки и стремительные водопады, наконецъ роскошная флора и фауна Новаго Свѣта, вдохнули въ молодого поэта неугасшій до послѣдней минуты его жизни энтузіазмъ передъ природой [3]).

Нигдѣ любовь эта не выражена такъ ярко и колоритно,

---

[1]) Mémoires d'Outre-Tombe, ed. 1849, T. II, p. 116.

[2]) Essais historiques, ed. 1827, T. I, Préface.

[3]) Saint-Beuve. Portraits contemporains, ed. 1855.

какъ въ слѣдующей страницѣ его дневника, писаннаго во время путешествія.

„Небо чисто надъ моей головой, волны прозрачны подъ моей лодкой и бѣгутъ, гонимыя легкимъ вѣтеркомъ. Слѣва отъ меня—отвѣсные холмы и скалы, съ которыхъ свѣшивается цвѣтущій вьюнокъ, съ бѣлыми и голубыми цвѣтами, гирлянды бегоніи, длинные злаки и травы всѣхъ цвѣтовъ, справа—широкіе луга. По мѣрѣ того, какъ челнокъ подвигается впередъ, открываются новыя сцены и новые виды: то пустынныя и смѣющіяся долины, то обнаженные холмы, здѣсь кипарисовая роща, съ темными навѣсами, тамъ легкій кленовый лѣсъ, гдѣ солнце играетъ, какъ сквозь кружево.

„Первобытная свобода, наконецъ я нашелъ тебя! Я движусь, какъ та птица, которая пролетаетъ предо мной, и которая задумывается только надъ тѣмъ, какую выбрать тѣнь. Я здѣсь таковъ, какимъ меня создалъ Всемогущій,—какъ властелинъ природы, побѣдоносно несомый водами, въ то время, какъ обитатели рѣкъ сопровождаютъ меня въ моемъ движеніи, воздушное населеніе поетъ мнѣ свои гимны, животныя земли привѣтствуютъ меня, а рощи на моемъ пути склоняютъ вершины. На моемъ ли челѣ или на челѣ общественнаго человѣка лежитъ безсмертная печать нашего происхожденія? Спѣшите запереться въ свои города, идите подчиняться вашимъ мелкимъ законамъ; зарабатывайте свой хлѣбъ въ потѣ лица, или пожирайте чужой хлѣбъ, убивайте другъ друга изъ-за слова, изъ-за господина, сомнѣвайтесь въ существованіи Бога, или поклоняйтесь ему подъ формами суевѣрія; а я пойду бродить въ уединеніи, и ни одно біеніе моего сердца не будетъ подавлено, ни одна изъ моихъ мыслей не будетъ окована цѣпями; я буду свободенъ, какъ природа, я не буду признавать другого властелина, кромѣ Того, кто зажегъ пламя солнцъ и однимъ движеніемъ своей руки привелъ въ движеніе всѣ міры“ [1]).

Шатобріанъ вернулся изъ Америки съ толстой тетрадью литературныхъ опытовъ. Но во Франціи среди близкихъ онъ нашелъ скорбь и опустошеніе. Отецъ его умеръ. Революція уже сдѣлала рѣшительный шагъ, уничтоживъ королевскую власть. Король былъ въ тюрьмѣ, а аристократія спѣшила эмигрировать, чтобы участвовать въ войнахъ противъ республики. Движеніе увлекло и Шатобріана; но, прежде чѣмъ уѣхать, Шатобріанъ женился по настоянію своей матери; жена же его осталась во Франціи.

---

[1]) Voyage en Amérique, t. I, p. 68 (éd. 1828).

Шатобріанъ вступилъ въ войска герцога де-Конде и принималъ участіе въ битвѣ при Тіонвилѣ противъ войскъ республики. Раненый, онъ съ трудомъ выбрался съ траншей и въ страшномъ жару отъ лихорадки вслѣдствіе раны и отъ оспы, которая тогда свирѣпствовала въ прусскихъ войскахъ, добрался до Намюра, то пѣшкомъ, то на телѣгѣ, а оттуда переправился въ Брюссель. Здѣсь онъ получилъ первое извѣстіе о томъ, что братъ его гильотинированъ, а мать, сестры, жена заключены неизвѣстно въ какую темницу. Изъ Брюсселя Шатобріанъ уѣхалъ въ Лондонъ, гдѣ для него начались: голоданіе, выпрашиваніе субсидій изъ Litterary fund, цѣлый рядъ несконченаемыхъ бѣдъ, доведшихъ до самоубійства одного изъ его товарищей Hingaut. Чтобы добыть средства къ существованію, Шатобріанъ пишетъ свой „Опытъ о революціяхъ“—книгу, проникнутую религіознымъ скептицизмомъ XVIII столѣтія и за которую его такъ часто упрекали потомъ іезуиты. Она была напечатана въ Лондонѣ, а во Францію вслѣдствіе тогдашнихъ условій проникла только въ ничтожномъ количествѣ экземпляровъ.

Шатобріанъ прислалъ, между прочимъ, одинъ экземпляръ своей матери, которая въ это время уже была выпущена на свободу и жила въ крайней нищетѣ въ Бретани. Невѣріе сына страшно огорчило преданную католицизму мать. Вскорѣ онъ получилъ письмо своей сестры, изъ котораго узналъ о смерти своей матери и о большомъ огорченіи, причиненномъ его книгой. „Еслибы ты зналъ,—писала ему сестра,—сколько слезъ заставили твои заблужденія пролить нашу мать... еслибы ты зналъ это, можетъ быть, это открыло бы тебѣ глаза и заставило бы тебя отказаться писать“.

Черезъ годъ Шатобріанъ получилъ другое печальное извѣстіе—о смерти сестры Жюли, той самой, которая уговаривала его покаяться. Столько тяжелыхъ ударовъ не могли не оказать дѣйствія на его впечатлительную душу. Послѣдній завѣтъ умирающей матери, бывшій и послѣднимъ завѣтомъ умирающей сестры, раздулъ въ его сердцѣ тлѣющую искру вѣры. „Я плакалъ и увѣровалъ. Мое убѣжденіе вышло изъ сердца“. Такъ объяснялъ Шатобріанъ происхожденіе „Le Génie du Christianisme“ въ предисловіи къ этой книгѣ. Еще до ея выхода Шатобріанъ писалъ своему другу Фонтану, въ письмѣ, которое Сенъ-Бёвъ послѣ его смерти приложилъ къ своимъ лекціямъ о Шатобріанѣ, читаннымъ въ люттихскомъ университетѣ. „Богъ зналъ, что я люблю моихъ родителей, и что въ этомъ была моя гор-

дость. Онъ лишилъ меня ихъ для того, чтобы я обратилъ свой взоръ къ Нему. Отнынѣ всѣ мои мысли будутъ посвящены Ему" [1]).

Успѣхъ „Генія христіанства" былъ необыкновенный. Шатобріанъ въ это время уже вернулся въ Парижъ и самъ былъ свидѣтелемъ своей славы.

Громадная извѣстность, которую получила эта книга, зависѣла не только отъ ея литературныхъ достоинствъ—чудеснаго слога и романтической поэзіи, которою она дышетъ, но и отъ особенныхъ политическихъ условій, при которыхъ она появилась. Какъ извѣстно, Бонапартъ подписалъ въ 1801 году конкордатъ, регулирующій отношеніе церкви къ государству. Первый консулъ, мечтавшій уже сдѣлаться императоромъ, понималъ то громадное вліяніе, которымъ еще пользуется надъ французскимъ народомъ католическая церковь, и рѣшилъ отдать ей часть старыхъ правъ, но сдѣлать ее предварительно вполнѣ подчиненною государству. Онъ приравнялъ духовенство къ чиновникамъ и сдѣлалъ изъ него „святую жандармерію",—какъ выражался его министръ Порталисъ. Но эта сторона конкордата была очевидна для Бонапарта, для папы и для посвященныхъ въ переговоры,—а народъ въ конкордатѣ видѣлъ только возстановленіе католическаго культа и возвращеніе духовенству церквей, остававшихся до тѣхъ поръ закрытыми. Это какъ будто бы новое, по милости Бонапарта, возрожденіе христіанства производилось съ особеннымъ торжествомъ въ Парижѣ и по всей Франціи. Въ Парижѣ 1-го января 1802 года былъ отслуженъ торжественный молебенъ, на которомъ присутствовалъ самъ Бонапартъ съ блестящей свитой. Въ это именно время появилась поэма Шатобріана о христіанствѣ. Книга была посвящена первому консулу, который осыпалъ Шатобріана похвалами и сдѣлалъ его секретаремъ французскаго посольства въ Римѣ. Въ 1804 году Шатобріанъ получилъ болѣе высокое назначеніе: посланника въ Валлійскомъ кантонѣ въ Швейцаріи. Но еще прежде, чѣмъ онъ успѣлъ занять этотъ постъ, одно непредвидѣнное событіе—убійство герцога Энгьенскаго, заставило Шатобріана подать въ отставку.

Какъ извѣстно, герцогъ Энгьенскій, сынъ одного изъ принцевъ Конде, изъ Бурбонской линіи, былъ схваченъ ночью, по приказанію перваго консула, причемъ были нарушены всѣ обычные международные законы, такъ какъ онъ былъ взятъ на чужой

---

[1]) Sainte-Beuve, Chateaubriand et son groupe littéraire sous l'empire. Cours professé à Liège en 1848—1849. T. I, p. 173 (édit. 1861).

территоріи—Баденской. Отсюда его привезли въ Парижъ, въ Венсеннъ, и въ одну ночь и судили и разстрѣляли въ венсенскихъ траншеяхъ. Вина молодого герцога не превышала вины всѣхъ другихъ эмигрантовъ, съ оружіемъ въ рукахъ боровшихся противъ существующаго режима во Франціи, но Бонапартъ хотѣлъ наказать въ его лицѣ самихъ Бурбоновъ. Извѣстіе объ этомъ убійствѣ дошло до Шатобріана въ тотъ день, когда онъ долженъ былъ явиться къ первому консулу на прощальную аудіенцію. Въ тотъ же день онъ послалъ свое заявленіе объ отставкѣ отъ только-что полученной должности. „По настоянію моихъ друзей,—пишетъ онъ,—я долженъ былъ смягчить форму своей отставки и не излагать ея мотивовъ, но Наполеонъ, хорошо понимавшій людскіе характеры, не могъ ни на минуту сомнѣваться относительно ея причины“ [1]). Со стороны Шатобріана этотъ поступокъ явился актомъ гражданскаго мужества, такъ какъ имъ онъ не только уничтожалъ свою дипломатическую карьеру, но и навлекъ на свою голову мщеніе Бонапарта, никогда не прощавшаго своимъ врагамъ.

Въ продолженіе десяти лѣтъ, съ 1804 до 1814 года, Шатобріанъ жилъ подъ надзоромъ полиціи Наполеона, но сохранилъ всю независимость своихъ сужденій и не упускалъ случая выразить протестъ противъ бонапартовскаго режима. Въ 1807 году, въ журналѣ „Le Mercure“, перешедшемъ подъ редакторство Шатобріана, вышла извѣстная его статья противъ Наполеона, вызвавшая закрытіе журнала. „Когда среди молчанія приниженности,—писалъ онъ,—прерываемаго только звономъ цѣпей и голосомъ доносчика, все трепещетъ передъ тираномъ и когда является одинаково опаснымъ навлечь на себя его милость или заслужить его немилость, месть за народы, кажется, является дѣломъ историка. Напрасно благоденствуетъ Неронъ; въ имперіи уже родился Тацитъ. Если роль историка прекрасна, то она часто опасна, но есть алтари, которые, какъ алтарь чести, требуютъ жертвъ и тогда, когда они покинуты. Нѣтъ никакого героизма пытаться сдѣлать что-нибудь, что̀ имѣетъ еще шансы на счастливый исходъ, но единственнымъ великодушнымъ дѣяніемъ считается то, результатомъ котораго является заранѣе извѣстные несчастіе и смерть. Въ концѣ концовъ, что̀ такое всѣ превратности судьбы, если ваше имя, произносимое потом-

---

[1]) Memoires d'Outre-Tombe. T. II, p. 346.

ствомъ, будетъ заставлять великодушныя сердца сильнѣе биться двѣ тысячи лѣтъ спустя послѣ насъ“ [1]).

Однако Наполеонъ все-таки сохранилъ къ Шатобріану извѣстное доброжелательное чувство. „Это была невольная симпатія генія къ другому генію“,—пишетъ Шатобріанъ [2]).—Такъ объясняетъ Шатобріанъ, почему послѣ смерти Шенье въ 1811 году Наполеонъ позволилъ академіи избрать его въ свои члены. Но онъ не допустилъ Шатобріана произнести вступительную рѣчь, въ которой было нѣсколько словъ по адресу Наполеона, но еще больше по адресу свободы. Наполеонъ собственноручно вычеркнулъ изъ рѣчи Шатобріана эти мѣста, но поэтъ отказался произнести эту исправленную рѣчь. Скоро онъ получилъ приглашеніе отъ министра полиціи Савари, смѣнившаго знаменитаго Фуше, отправиться въ Дьеппъ.

Въ 1814 году мы находимъ автора „Генія Христіанства“ снова въ Парижѣ, гдѣ онъ работаетъ надъ самымъ знаменитымъ своимъ памфлетомъ: „Бонапартъ и Бурбоны“. Послѣ окончанія наполеоновскаго похода въ Россію Шатобріанъ считалъ, что Бурбоны должны быть естественными преемниками Бонапарта. Но они сдѣлались не только непопулярными, но прямо неизвѣстными во Франціи. Они покинули страну четверть столѣтія назадъ, и въ продолженіе этой четверти вѣка ихъ имена произносились на ряду съ именами внѣшнихъ враговъ, а при имперіи, когда пресса печатала только то, что ей приказывали, имя Бурбоновъ совсѣмъ нигдѣ не упоминалось. Явились новыя поколѣнія, которыя совсѣмъ не знали ихъ. Шатобріанъ написалъ въ защиту ихъ сочиненіе, явившееся въ то же время обвинительной рѣчью противъ Наполеона. Онъ нанялъ квартиру, какъ разъ противъ Тюльерійскаго дворца, и началъ писать свой памфлетъ подъ постояннымъ страхомъ обыска. Союзныя войска были у стѣнъ Парижа. Наполеонъ отступилъ къ Фонтенебло, но у него еще оставалась армія въ 40.000 человѣкъ. Союзныя дер-

[1]) Memoires d'Outre-Tombe. T. III, p. 77.

[2]) Если вѣрить Меттерниху, приблизительно въ ту эпоху Наполеонъ говорилъ ему о Шатобріанѣ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Шатобріанъ резонеръ, но резонеръ обладающій большой діалектикой. Еслибы онъ хотѣлъ идти по пути, который ему укажутъ, онъ со своимъ талантомъ могъ бы быть полезнымъ. Но онъ на это не согласился бы и поэтому онъ ни къ чему не пригоденъ. Нужно умѣть или управлять собою, или подчиняться другимъ. Онъ не въ состояніи дѣлать ни того, ни другого. Онъ предлагалъ мнѣ свои услуги двадцать разъ, но такъ какъ его желаніе было заставить меня подчиняться его фантазіи, которая всегда его ведетъ на ложный путь, то я не принялъ ихъ, т.-е. я не согласился *ему служить*“ (Metternich, Mémoires. P. 1880. T. I, p. 309).

жавы рѣшили свергнуть его, но не были согласны относительно его преемника. Меттернихъ поддерживалъ Бурбоновъ; остальные же ожидали вѣрнаго указанія отъ общественнаго мнѣнія самой Франціи. Въ это-то время появился памфлетъ Шатобріана. „Онъ замѣнилъ мнѣ цѣлое войско“, говорилъ впослѣдствіи Людовикъ XVIII [1]). Одинъ экземпляръ этого памфлета попалъ и въ Фонтенебло въ руки Наполеона. Онъ былъ принесенъ императору герцогомъ Бассано. Врядъ ли свергнутый властитель видѣлъ когда-нибудь свой образъ до такой степени заклейменнымъ. Память павшихъ жертвъ и совѣсть еще живой Франціи отомщали за себя устами Шатобріана.

„Бонапартъ воспользовался ужасомъ, въ который насъ повергло Венсенское убійство, чтобы сдѣлать послѣдній шагъ и сѣсть на тронъ. Тогда начались великія сатурналіи королевской власти: преступленіе, угнетеніе, рабство пошли на ряду съ безуміемъ. Всякая свобода умираетъ, всякое честное чувство, всякая великодушная мысль дѣлается заговоромъ противъ государства. Тотъ, кто говоритъ о добродѣтели, становится подозрительнымъ. Хвалить прекрасное дѣяніе, значитъ оскорблять властителя. Слова мѣняютъ свой обычный смыслъ: народъ, который сражается за своихъ законныхъ властителей, становится бунтовщикомъ; измѣнникъ превращается въ вѣрноподданнаго; вся Франція дѣлается имперіей лжи; газеты, памфлеты, рѣчи, проза и стихи,—все скрываетъ истину. Если шелъ дождь, то говорятъ, что была прекрасная погода; если тиранъ прогуливается среди нѣмого молчанія народа, то говорятъ, что онъ шелъ среди привѣтствій толпы. Единственная цѣль, это—монархъ; единственная мораль заключается въ томъ, чтобы служить его капризамъ; единственная обязанность—въ томъ, чтобы хвалить его. Особенно нужно кричать отъ восторга, когда онъ дѣлаетъ ошибку или совершаетъ преступленіе. Литераторовъ угрозами заставляютъ восхвалять деспота. Они торговались, они дѣлали уступки относительно степени похвалы. Хорошо, если цѣною нѣсколькихъ общихъ мѣстъ относительно славы оружія они покупали право испустить нѣсколько вздоховъ, обличить какое-нибудь преступленіе, напомнить о какой-нибудь мнимой истинѣ. Ни одна книга не могла появиться, не бывъ помѣчена, какъ клеймомъ рабства, одобреніемъ Бонапарта. Въ новыхъ изданіяхъ старыхъ авторовъ цензура вычеркивала всѣ мѣста, направленныя противъ завоевателей, противъ рабства и тираніи; такъ же какъ директорія ста-

---

[1]) De Bonaparte et des Bourbons (préface, p. XI) éd. 1828.

вила себѣ цѣлью исправлять у тѣхъ же самыхъ авторовъ всѣ мѣста, гдѣ говорилось о монархіи и короляхъ. Впрочемъ, не говорите вовсе объ общественномъ мнѣніи: правило таково, что властитель располагаетъ имъ каждое утро. Въ усовершенствованной Бонапартомъ полиціи былъ комитетъ, на который возлагалась обязанность направлять умы, а во главѣ этого комитета стоялъ руководитель общественнаго мнѣнія".

„Ложь и молчаніе были двумя большими средствами держать народъ въ заблужденіи. Если ваши дѣти умираютъ на полѣ битвы, то думаете ли вы, что васъ настолько считаютъ людьми, что извѣстятъ объ ихъ участи? Вамъ ничего не скажутъ о событіяхъ самыхъ важныхъ для родины, для Европы, для цѣлаго міра. Васъ окружаютъ мракомъ, надъ вашимъ безпокойствомъ смѣются, смѣются и надъ вашими страданіями, презираютъ чувства и мысли, которыя могутъ у васъ быть. Вы хотите повысить голосъ—на васъ доноситъ шпіонъ, васъ арестовываетъ жандармъ, васъ судитъ военная коммиссія; вамъ разбиваютъ голову и о васъ забываютъ".

„Но недостаточно было сковать цѣпями отцовъ; нужно было еще располагать дѣтьми. Можно было видѣть матерей, являющихся съ отдаленныхъ концовъ имперіи, чтобы, обливаясь слезами, требовать сыновей, которыхъ отняло правительство. Отцовская власть, уважавшаяся самыми ужасными тиранами древности, для Бонапарта являлась злоупотребленіемъ и предразсудкомъ. Онъ хотѣлъ сдѣлать изъ нашихъ сыновей какихъ-то мамелюковъ, безъ Бога, безъ семьи, безъ родины. Этотъ врагъ всего, какъ будто стремился уничтожить Францію въ самыхъ ея основахъ. Онъ больше развратилъ людей, больше сдѣлалъ зла человѣческому роду въ короткій срокъ десяти лѣтъ, чѣмъ всѣ тираны Рима вмѣстѣ, начиная съ Нерона и кончая послѣднимъ гонителемъ христіанъ" [1]).

Но если геніи симпатизируютъ другъ другу и ненавидятъ другъ друга, то они легко и прощаютъ другъ другу. Наполеонъ не сохранилъ злобы противъ Шатобріана. Вотъ какъ онъ высказывался о немъ, будучи уже на о-вѣ св. Елены: „Шатобріанъ получилъ отъ природы священный огонь; его произведенія свидѣтельствуютъ объ этомъ. Слогъ его—не слогъ Расина, а языкъ пророка. Еслибы онъ очутился у кормила правленія, возможно, что Шатобріанъ и уклонился бы отъ праваго пути,—столько

---

[1]) Ibid., pp. 10—13.

людей нашли тутъ свою погибель! Но все великое и національное должно несомнѣнно подходить его генію" [1]).

Съ возвращеніемъ Бурбоновъ начинается эпоха политической дѣятельности Шатобріана. Во время ста дней, когда Наполеонъ, возвратившійся съ о-ва Эльбы, до пораженія своего при Ватерлоо управлялъ Франціей, Шатобріанъ былъ въ Гентѣ при Людовикѣ XVIII. Онъ исполнялъ обязанности временнаго министра внутреннихъ дѣлъ и въ качествѣ послѣдняго напечаталъ въ оффиціальномъ органѣ двора „Le Journal Universel" докладъ королю, въ которомъ заявлялъ, что онъ и его товарищи—приверженцы „разумной свободы", т.-е. хартіи, въ основѣ которой долженъ лежать принципъ представительнаго правленія и извѣстная свобода печати [2]).

Потому ли, что Людовикъ XVIII не любилъ независимыхъ характеровъ, какъ это утверждаетъ Шатобріанъ, или потому, что онъ не находилъ его подходящимъ для своей политики,— король отстранилъ Шатобріана отъ занимаемой имъ должности. Къ этой эпохѣ относятся приводимыя Шатобріаномъ въ его мемуарахъ слова Людовика XVIII, гдѣ послѣдній высказался о негодности поэтовъ, какъ государственныхъ дѣятелей [3]). Такимъ образомъ Шатобріанъ очутился въ рядахъ оппозиціи еще въ первые годы реставраціи.

Чтобы лучше прослѣдить дальнѣйшую роль Шатобріана, нужно имѣть всегда въ виду тогдашнее политическое состояніе страны.

Возстановленіе легитимной монархіи произошло, благодаря иностранному вмѣшательству. Людовикъ XVIII, который былъ въ политикѣ дальновиднѣе, чѣмъ его братъ, будущій Карлъ X, понималъ, что немыслимо было бы возстановить старый порядокъ, не вызвавъ опять революціи. Поэтому онъ старался успокоить буржуазію, объявивъ въ воззваніи изъ Сентъ-Уана, что пріобрѣтенныя права останутся неприкосновенными. Такимъ образомъ самъ король обѣщалъ не отнимать у буржуазіи дворянскихъ земель, которыми она завладѣла во время революціи. Чтобы еще больше успокоить общественное мнѣніе, король оставилъ Талейрана и Фуше на постахъ, которые они занимали при Наполеонѣ, и назначилъ во главѣ министерства бордосскаго адвоката и разночинца Деказа. Вотъ какъ самъ Людовикъ XVIII въ частномъ

---

[1]) Mémoires pour servir à l'histoire de France sous Napoléon, par M. de Montholon. T. IV, p. 248.

[2]) Mémoires d'Outre-Tombe. T. III, p. 437.

[3]) Тамъ-же, p. 400.

письмѣ къ Деказу отъ 9 марта 1817 года оправдывалъ свою политику: „Если я остановился на системѣ умѣренности—это не изъ-за лѣни, не по личному влеченію, не по разсудку, но потому, что я знаю, что только она одна можетъ помѣшать Франціи разрывать себя собственными руками“ [1]).

Но, уступая въ экономическомъ и самомъ чувствительномъ для буржуазіи вопросѣ, король и его первый министръ не стѣснялись прибѣгать ко всякимъ репрессивнымъ мѣрамъ въ политическомъ управленіи страны. Къ нимъ относятся: ограниченіе свободы печати, сходокъ и сильное административное давленіе, къ которому прибѣгало правительство во время выборовъ, чтобы провести своихъ приверженцевъ. Деказъ хотѣлъ создать особую правительственную партію, при помощи которой онъ могъ бы бороться противъ либераловъ и ультра-роялистовъ. Въ первые годы реставраціи въ палатѣ депутатовъ было сравнительно очень мало либераловъ, и поэтому главная опасность для правительства заключалась въ оппозиціи ультра-роялистовъ.

Ультра-роялисты требовали, прежде всего, чтобы имъ были возвращены всѣ прежнія владѣнія или чтобы имъ была заплачена ихъ стоимость. Для достиженія своей цѣли, т.-е. чтобы заставить правительство удовлетворить ихъ требованія, они предприняли кампанію какъ въ парламентѣ, такъ и въ прессѣ. Именно тогда ультра-роялисты и явились защитниками свободной печати и свободныхъ отъ правительственнаго вмѣшательства выборовъ. Все это нужно имъ самимъ для борьбы съ правительствомъ. Самый выдающійся представитель подобнаго соединенія ультра-роялизма съ либерализмомъ, стараго режима съ конституціей, былъ именно Шатобріанъ. Этому „республиканцу по вкусамъ“ и „роялисту по убѣжденію“, какъ разъ подходила такая смѣшанная политика. Несомнѣнно даже, что онъ своимъ обычнымъ увлеченіемъ внесъ много крайнихъ элементовъ въ различныя требованія ультра-роялистовъ. О впечатлѣніи, произведенномъ этой политической амальгамой, можно судить по слѣдующему письму самого Шатобріана отъ 30 декабря 1822 года, которое онъ писалъ австрійскому дѣятелю Генцу, когда самъ сдѣлался французскимъ министромъ. „Подчасъ вы насъ принимали за древнихъ бароновъ тринадцатаго столѣтія, подчасъ—за новаторовъ девятнадцатаго. Но позвольте мнѣ быть конституціоннымъ роялистомъ (royaliste constitutionnel)“ [2]).

---

[1]) Lettres de Louis XVIII au duc de Decazes (Nouvelle Revue. 1. Janvier 1900).

[2]) V-te de Chateaubriand, Congrès de Vérone et guerre d'Espagne, éd. 1838, p. 299.

Идею этого „конституціоннаго роялизма“ Шатобріанъ уже развиваетъ въ своемъ первомъ при реставраціи памфлетѣ, „La Monarchie selon la Charte“, изданномъ въ 1816 году. Онъ выражаетъ энергичный протестъ противъ „революціонной“ политики министровъ Людовика XVIII. По Шатобріану, все до сихъ поръ дѣлалось ими противъ духа самой хартіи. Онъ кончаетъ протестомъ противъ распущенія палаты, которая не хотѣла подчиниться волѣ Деказа, и противъ давленія, которое правительство собирается произвести на избирателей. Въ этомъ памфлетѣ, между прочимъ, Шатобріанъ развиваетъ мысль о совмѣстимости политической свободы съ интересами аристократіи. „Свобода вовсе не чужда французскому дворянству,—оно всегда признавало за королями абсолютную власть только въ своемъ сердцѣ и надъ своею шпагой“ [1]). Этими словами Шатобріанъ просто передаетъ тотъ несомнѣнный фактъ, что французская аристократія всегда желала быть не стѣсненной въ своихъ дѣйствіяхъ, но такую свободу она желала только для себя, а не для народа.

Памфлетъ „La Monarchie selon la Charte“ имѣлъ успѣхъ въ публикѣ, а у правительства вызвалъ сильное раздраженіе. Людовикъ XVIII лишилъ Шатобріана почетнаго титула государственнаго министра, съ которымъ была связана извѣстная пенсія, а полиція убрала ящики съ брошюрами изъ склада типографіи, несмотря на протесты и даже на физическое сопротивленіе Шатобріана.

Въ 1817 г. Шатобріанъ началъ издавать газету „Le Conservateur“, гдѣ на ряду съ нимъ участвовалъ и Ламенне. Но въ 1820 году, послѣ убійства герцога Беррійскаго, правительство учредило цензуру, и Шатобріанъ пріостановилъ свою газету въ видѣ протеста. Въ то же время онъ, какъ членъ палаты пэровъ, боролся противъ предложеннаго правительствомъ законопроекта, ограничивающаго свободу печати. Благодаря его настояніямъ, былъ отмѣненъ тотъ параграфъ, который устанавливалъ особыя наказанія въ защиту католической религіи. Этотъ успѣхъ Шатобріана возмутилъ тогда еще большого клерикала аббата Ламенне, который въ письмѣ къ своему другу барону де-Витролю, комментируя рѣчь Шатобріана, причисляетъ его самого къ роялистамъ, „проповѣдующимъ революцію и водворяющимъ ее своими дѣйствіями“ [2]).

Съ паденіемъ министерства Ришелье въ 1822 году и по-

---

[1]) De la Monarchie selon la Charte, édit. 1827, p. 271.

[2]) Correspondance inédite entre Lamennais et Baron de Vitrolles. P. 1886, p. 92.

явленіемъ Виллеля во главѣ новаго министерства, состоявшаго изъ друзей Шатобріана, послѣдній примирился съ Людовикомъ XVIII и былъ назначенъ посланникомъ въ Лондонѣ, потомъ министромъ иностранныхъ дѣлъ. Въ 1824 году, вслѣдствіе различныхъ интригъ его товарищей министровъ, онъ былъ опять отстраненъ королемъ. По выходѣ изъ министерства Шатобріанъ сталъ сотрудникомъ газеты „Journal des Débats".

Въ томъ же 1824 году умеръ и Людовикъ XVIII. Со вступленіемъ на престолъ Карла X, который еще наслѣдникомъ считался покровителемъ ультра-роялистовъ, надежда послѣднихъ получить вознагражденіе за конфискованныя во время революціи имѣнія осуществилась.

Съ политической стороны царствованіе Карла X было эпохой полнѣйшей реакціи. Правительство боялось усиливавшейся оппозиціи либераловъ и старалось задушить ее новыми ограниченіями печати и усиленіемъ власти духовныхъ конгрегацій.

Виллель, который и при Карлѣ X продолжалъ занимать постъ министра-президента, внесъ въ палату депутатовъ законопроектъ, получившій потомъ въ шутку прозвище „закона правды и любви", гдѣ назначались наказанія за богохульство и святотатство. Іезуиты торжествовали. Получивши милліардъ франковъ вознагражденія, ультра-роялисты тоже всѣми силами поддерживали правительство. Изъ нихъ дѣлали исключеніе нѣсколько лицъ, въ томъ числѣ и Шатобріанъ. Его заслуги въ борьбѣ противъ тогдашней реакціи были въ свое время оцѣнены и самими либералами.

Онъ началъ войну противъ духовныхъ конгрегацій и главное противъ іезуитскаго ордена, успѣвшаго уже опутать своими невидимыми нитями администрацію, судъ, школу, общество и семью. „Я ненавижу, — писалъ Шатобріанъ въ напечатанномъ въ „Journal des Débats" письмѣ къ своему другу Монлозье, — я ненавижу эти лицемѣрныя общества, которыя превращаютъ моихъ слугъ въ шпіоновъ и у алтаря ищутъ только власти" [1]).

Съ своей стороны іезуиты ему отвѣчали обвиненіемъ въ невѣріи, доказательствомъ чему должно было служить первое произведеніе Шатобріана—„О революціяхъ". Въ началѣ 1827 года Шатобріанъ выпустилъ новое изданіе этой написанной еще въ Англіи книги, и въ предисловіи къ новому изданію посвятилъ своимъ противникамъ слѣдующую отповѣдь: „Я вѣрую очень искренно; завтра я готовъ твердыми шагами идти на эшафотъ за мою

---

[1]) Mémoires d'Outre-Tombe, t. IV, p. 250.

вѣру... Вотъ что такое я... А вотъ то, что не я: я не христіанинъ, по патенту, выданному торговцами религіи: моимъ патентомъ служитъ только свидѣтельство о крещеніи... Я не дѣлаю изъ своихъ убѣжденій ни ремесла, ни товара Я независимъ ни отъ кого, кромѣ Бога; я христіанинъ, и не нахожусь въ невѣдѣніи относительно своихъ слабостей; я не выставляю себя образцомъ, я не гонитель, не инквизиторъ, не доносчикъ, я не шпіоню за моими братьями, не клевещу на сосѣдей. Я — вовсе не невѣрующій, который притворяется христіаниномъ и предлагаетъ религію въ качествѣ удобной узды для народа. Я объясняю евангеліе не въ пользу деспотизма, но въ пользу несчастныхъ. Еслибы я не былъ христіаниномъ, я не давалъ бы себѣ труда казаться имъ, такъ какъ всякое принужденіе меня тяготитъ; всякая маска душитъ меня; на второй же фразѣ характеръ мой взялъ бы верхъ и я выдалъ бы себя“ [1]).

Одновременно съ кампаніей противъ конгрегацій Шатобріанъ велъ кампанію и противъ законопроектовъ правительства.

Кромѣ статей въ „Journal des Débats“, онъ написалъ распространившійся по всей Франціи памфлетъ: „Письмо виконта де-Шатобріана къ издателю „Journal des Débats“. На обложкѣ памфлета напечатаны были жирнымъ шрифтомъ слова: „Противъ вандальскаго закона!“ Несмотря на всѣ усилія оппозиціи, законопроектъ прошелъ въ палатѣ депутатовъ; но онъ провалился въ своихъ существенныхъ параграфахъ, когда явился передъ палатой пэровъ. Большая часть пэровъ, назначенныхъ еще Людовикомъ XVIII, по представленію министра Деказа, принадлежала къ умѣреннымъ роялистамъ, боявшимся одинаково какъ демократовъ, такъ и ультра-роялистовъ. Самая замѣчательная рѣчь, произнесенная въ палатѣ пэровъ противъ законопроекта, была рѣчь Шатобріана. Онъ разсѣялъ послѣднія колебанія своихъ коллегъ „глухой аристократической палаты“, какъ онъ называлъ палату пэровъ, и заставилъ ихъ отвергнуть предлагаемыя мѣры.

Послѣ этой побѣды Шатобріанъ сдѣлался героемъ дня. Имъ восторгались во всѣхъ либеральныхъ газетахъ, въ которыхъ и приводилась цѣликомъ его рѣчь. Либеральные вожаки, Бенжаменъ Констанъ и Этвенъ, написали ему привѣтственныя письма, а Лафайетъ прислалъ ему лавровую вѣтвь.

Недовольство противъ министерства Виллеля возростало въ массѣ съ каждымъ днемъ, въ чемъ могъ убѣдиться самъ король

[1]) Essais historiques sur les Révolutions. T. I. Preface, p. 43, éd. 1827.

во время смотра на Марсовомъ полѣ, когда народъ встрѣчалъ его карету криками: „Долой Виллеля! Долой іезуитовъ!“ Въ виду такой всеобщей демонстраціи, Карлъ X нашелъ болѣе благоразумнымъ распустить министерство и составить новый кабинетъ подъ предсѣдательствомъ Мартиньяка. Шатобріанъ уѣхалъ посланникомъ въ Римъ. Но черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Карлъ X снова призвалъ къ власти ультра-реакціонное министерство, съ герцогомъ де-Полиньякомъ во главѣ. Шатобріанъ въ тотъ же день уѣхалъ изъ Рима, явился въ Парижъ, подалъ въ отставку и снова вступилъ въ ряды оппозиціи. Злополучная политика Полиньяка, его знаменитые декреты, противорѣчившіе хартіи, вызвали іюльскую революцію. Бурбоны снова отправились въ изгнаніе.

Теперь, когда защитники ультра-реакціонной политики должны были бѣжать отъ народнаго гнѣва, Шатобріанъ всталъ на защиту легитимной монархіи. Это произошло въ палатѣ пэровъ, обсуждавшей форму правленія, которая должна быть дана Франціи.

Рѣчь эта, въ которой гнѣвъ и скорбь были облечены въ такую изящную литературную форму, останется однимъ изъ прекраснѣйшихъ образцовъ краснорѣчія Шатобріана. Слезы нѣсколько разъ наполняли его старческіе глаза. Онъ жалѣлъ самого себя и усилій, безплодно потраченныхъ на спасеніе монархіи черезъ свободу; но эта жалость смѣнялась гнѣвомъ, когда онъ переходилъ къ ложнымъ защитникамъ монархіи, погубившимъ ее своими реакціонными стремленіями. „Какъ безполезная Кассандра, я достаточно утомлялъ тронъ и отечество моими предупрежденіями... Благочестивые враги мои, сочинители пасквилей! Ренегатъ зоветъ васъ. Идите же пролепетать съ нимъ одно слово, одно только слово о несчастномъ господинѣ, который осыпалъ васъ своими дарами и котораго вы лишились“ [1]).

Шатобріанъ отказался и отъ пэрства, выйдя въ отставку. Въ 1831 году онъ издалъ два политическихъ памфлета, изъ которыхъ одинъ былъ направленъ противъ Луи-Филиппа, „Стряпня прислужнической монархіи“, а въ другомъ—„Избирательная монархія“, онъ указывалъ на всеобщую подачу голосовъ, какъ на основу будущей монархіи.

Подъ вліяніемъ событій іюльской революціи Шатобріанъ убѣдился, какъ несбыточны мечты ультра-роялистовъ возвратить старый порядокъ. Его политическіе и общественные взгляды сдѣлались шире. Онъ сталъ приверженцемъ того, что можно назвать

[1]) Mémoires d'Outre-Tombe. T. V, p. 183.

консервативнымъ соціализмомъ. Когда въ 1834 году вышелъ знаменитый памфлетъ „Paroles d'un croyant" Ламенне, стараго друга Шатобріана, съ которымъ тоже совершилась идейная перемѣна, друзья Шатобріана совѣтовали ему написать отвѣтъ: „Вотъ вамъ чудесный случай заработать деньги,—говорили они ему, — въ которыхъ вы такъ нуждаетесь, и сдѣлать немного шума. Отвѣтьте г. де-Ламенне". „Какъ отвѣтить де-Ламенне?— воскликнулъ съ удивленіемъ Шатобріанъ.—Но это недостойно! Скорѣе я написалъ бы десять тысячъ памфлетовъ въ томъ же духѣ" [1]). И дѣйствительно, въ ближайшемъ, въ 1837 году, изданіи „Очерковъ англійской литературы" Шатобріанъ написалъ страницы, достойныя быть написанными Ламенне. „Возстановите, если можете, аристократическія фикціи, — пишетъ Шатобріанъ, —попробуйте увѣрить народъ, когда онъ станетъ просвѣщеннымъ,—народъ, къ которому слово будетъ доходить черезъ газеты, распространяющіяся изъ города въ городъ, изъ деревни въ деревню, попробуйте увѣрить народъ, владѣющій тѣмъ же разумомъ и тѣми же знаніями, какъ и вы, что онъ долженъ выносить всѣ лишенія, тогда какъ другой человѣкъ, его сосѣдъ, имѣетъ безъ труда въ тысячу разъ больше, чѣмъ ему нужно для жизни, — ваши усилія будутъ тщетными: не требуйте отъ массы добродѣтели больше, чѣмъ назначила сама природа. Матеріальное развитіе общества ускоритъ его духовное развитіе. Когда приложеніе пара распространится, когда онъ вмѣстѣ съ телеграфомъ и съ желѣзной дорогой уничтожитъ разстояніе, тогда не только товары, но и идеи будутъ переходить съ одного конца земли до другого съ быстротою молніи. Когда таможенныя и торговыя преграды будутъ уничтожены между различными государствами, какъ онѣ уже уничтожены между различными провинціями одного и того же государства, когда наемный трудъ, который есть не что иное, какъ продолженіе рабства, будетъ замѣненъ равенствомъ между производителемъ и потребителемъ, когда различныя страны, воспринявъ нравы одна отъ другой и отбросивъ національные предразсудки, устарѣлыя идеи первенства и территоріальныхъ завоеваній, будутъ стремиться къ объединенію народовъ,—какими средствами заставите вы общество возвратиться къ отжившимъ принципамъ? Самъ Бонапартъ этого не могъ сдѣлать: равенство и свобода, противъ которыхъ онъ воздвигнулъ неумолимую преграду своего генія, возобновили свое

---

[1]) Изъ письма барона де-Виттроля къ Ламенне. Correspondance inédite entre Lamennais et baron de Vitrolles. P. 1885, p. 253.

теченіе. Созданная силой, его система погибла, родъ его исчезъ вмѣстѣ съ своимъ представителемъ. Свѣтъ, который онъ вызвалъ, былъ метеоромъ... Будущность передъ нами,—будущность могучая, свободная при всей полнотѣ евангельскаго равенства; но она еще далеко; далеко за всѣми видимыми горизонтами,—человѣчество къ ней дойдетъ только поддерживаемое неутомимой и непреклонной передъ несчастіями надеждой,—надеждой болѣе сильной и болѣе прочной, чѣмъ само время, и какою обладаетъ только христіанство" [1].

При всемъ томъ Шатобріанъ продолжалъ оставаться роялистомъ. Онъ считалъ Луи-Филиппа узурпаторомъ, называлъ его презрительно „г. Филиппъ" и признавалъ законнымъ наслѣдникомъ французскаго престола только внука Карла X—графа Шамбора или Генриха V. Когда его мать, герцогиня Беррійская, въ 1832 году старавшаяся поднять возстаніе роялистовъ въ Вандеѣ, была арестована и посажена въ крѣпость, Шатобріанъ написалъ въ ея защиту горячую статью, кончающуюся словами, которыя сдѣлались потомъ лозунгомъ роялистовъ: „Madame, votre fils est notre roi!" Но роялизмъ Шатобріана былъ скорѣе дѣломъ чести, желаніемъ остаться вѣрнымъ своему прошлому, а не убѣжденіямъ. Наоборотъ, онъ не вѣрилъ въ возможность новой легитимной реставраціи, что̀ и высказывалъ въ такихъ энергичныхъ словахъ: „Я меньше вѣрю въ возвращеніе Генриха V, чѣмъ самый несчастный представитель золотой середины и чѣмъ самый крайній республиканецъ". Его романтической душѣ, любящей странности, нравилось быть „куртизаномъ несчастія" (courtisan du malheur), какъ онъ самъ выражался.

Но вообще четвертый и послѣдній періодъ своей жизни Шатобріанъ посвятилъ, главнымъ образомъ, литературнымъ занятіямъ. Тогда ему было уже больше шестидесяти лѣтъ, и онъ спѣшилъ привести въ порядокъ свои мемуары, а кромѣ того и вопросъ о существованіи былъ для него очень важенъ. Онъ отказался, въ видѣ протеста противъ царствованія Луи-Филиппа, отъ своего званія пэра, съ чѣмъ была связана потеря 12.000 франко̀въ годичнаго жалованья [2]. Онъ отказался и отъ пенсіи, которую предлагала ему герцогиня Беррійская въ признательность за написанную имъ біографію ея мужа. Поэтому первое время послѣ іюньской революціи онъ переживалъ трудныя минуты и, какъ онъ разсказываетъ въ своихъ мемуарахъ, долженъ былъ продать за

[1]) Essais sur la littérature anglaise. T. II, p. 346 (éd. 1837).

[2]) Какъ извѣстно, палата пэровъ была въ своемъ прежнемъ составѣ сохранена при Луи-Филиппѣ.

700 франковъ свою шпагу, золотое шитье и другіе предметы, оставшіеся у него со времени его посланнической и министерской службы. Вслѣдствіе такихъ обстоятельствъ, онъ и „заложилъ свой гробъ", какъ самъ выражался, продавъ свои мемуары еще при жизни.

Шатобріанъ умеръ въ іюлѣ 1848 г. Годомъ раньше умерла его жена. Мы уже сказали, какой случайный характеръ носилъ бракъ Шатобріана: онъ женился на женщинѣ, которой почти не видалъ до свадьбы. Къ несчастію, характеры супруговъ оказались совершенно неподходящими другъ къ другу, и это обстоятельство отразилось на всей ихъ жизни. У каждаго изъ нихъ былъ свой кругъ интересовъ и свой кругъ знакомыхъ. Въ теченіе послѣднихъ двадцати лѣтъ своей жизни Шатобріанъ былъ въ большой дружбѣ съ г-жей Рекамье. Викторъ Гюго въ своихъ „Воспоминаніяхъ" разсказываетъ, что въ послѣдніе годы жизни Шатобріанъ былъ разбитъ параличемъ, а г-жа Рекамье въ это время совершенно ослѣпла. Но каждый день въ три часа пополудни за Шатобріаномъ являлись люди съ носилками, и онъ навѣщалъ свою слѣпую пріятельницу [1]).

Тѣло Шатобріана похоронено въ Сенъ-Мало, на родинѣ его, на крутомъ морскомъ берегу, согласно его завѣщанію, въ которомъ онъ писалъ: „такъ я буду покоиться на берегу моря, которое я такъ любилъ".

Мемуары Шатобріана, которые должны были появиться послѣ его смерти, начали печататься еще при его жизни, въ 1847 году. Это случилось по желанію издателей, въ рукахъ которыхъ они находились, и противъ воли автора.

Какъ при жизни, такъ и послѣ смерти Шатобріана во Франціи появилось множество статей о его значеніи во французской художественной литературѣ. Довольно сказать, что вся литература первой половины XIX столѣтія находилась вполнѣ подъ его вліяніемъ. Но вліяніе его на политическую жизнь Франціи ограничилось только эпохой реставраціи. Его попытки примирить французское дворянство съ политической свободой не увѣнчались успѣхомъ. Своей борьбой за свободу печати самъ Шатобріанъ фактически очутился внѣ аристократіи. Его дѣятельность въ теченіе всего царствованія Карла X встрѣчала одобреніе и поддержку только либераловъ. Соціальныя идеи, которыя высказывалъ Шатобріанъ въ послѣдній періодъ своей жизни, приближаютъ его къ предвѣстникамъ современнаго христіанскаго соціализма.

---

[1]) Victor Hugo, Choses Vues, Nouvelle série. Paris, 1900, p. 233.

II.—Поль-Луи Курье.

Параллельно съ дѣятельностью Шатобріана развивалась дѣятельность самаго знаменитаго французскаго памфлетиста XIX столѣтія, Поля-Луи Курье. Тогда какъ для Шатобріана составленіе памфлетовъ было побочнымъ занятіемъ, для Курье, наоборотъ— оно было единственнымъ. Курье любилъ свое занятіе памфлетиста, гордился имъ и старался дать своимъ памфлетамъ самую совершенную форму. И дѣйствительно, его памфлеты по своей литературной обработкѣ выше памфлетовъ Шатобріана. А кромѣ того у Курье есть и другое качество, сообщавшее его памфлетамъ цѣнность и интересъ, котораго они не потеряли и въ наше время. Это—проникающій всѣ памфлеты Курье современный духъ. Тогда какъ Шатобріанъ возвращался очень часто назадъ къ прошлому, Курье, наоборотъ, все время смотрѣлъ впередъ, призывая съ восторгомъ то будущее, которое Шатобріанъ принималъ, какъ печальную необходимость. Всѣ памфлеты Курье дышатъ вѣрой въ прогрессъ и справедливость.

Наконецъ, Курье вноситъ новый элементъ въ памфлетъ— иронію и смѣхъ, которыми такъ хорошо владѣли философы-памфлетисты XVIII столѣтія. Какъ у Курье, такъ и у нихъ смѣхъ былъ связанъ не съ философіей сенсуализма, какъ ошибочно думала m-me де-Сталь, а съ тѣмъ жизнерадостнымъ оптимистическимъ настроеніемъ, которое даетъ вѣра въ лучшее будущее.

Поль-Луи Курье принадлежалъ къ либеральной партіи, и его дѣятельность, продолжавшаяся съ 1816 до 1825—года его смерти, совпала съ самой трудной эпохой развитія этой партіи. Съ одной стороны она была малочисленна, а съ другой—политическая реакція, противъ которой она должна была бороться, переходила всякіе предѣлы. Возвратившіеся эмигранты бросились ожесточенно на все, что̀ напоминало „нечестивую революцію“, на все, даже на „картофель“, какъ иронически замѣчаетъ историкъ Волабель [1]).

Правда, что хартія признавала конституціонную форму правленія и извѣстную свободу печати, а также и то, что нѣкоторые ультра-роялисты защищали парламентскіе принципы, но въ послѣднихъ они видѣли орудіе господства аристократіи. Только за аристократами они хотѣли сохранить всѣ обѣщанныя хартіей

---

[1]) Vaulabelle, Histoire de la Réstauration. T. IV, p. 237. Какъ извѣстно, агрономъ Пармантье началъ культивировать во Франціи картофель во время революціи.

права. Людовикъ XVIII и его министры, съ своей стороны, тоже смотрѣли на хартію, какъ на вынужденную уступку, и пользовались каждымъ случаемъ, чтобы не исполнять обязанностей, налагаемыхъ ею. Но какъ ультра-, такъ и умѣренные роялисты вполнѣ сходились въ своей безграничной ненависти къ либераламъ. Для тѣхъ и другихъ либералы или „якобинцы", какъ они ихъ называли презрительно, олицетворяли ненавистные принципы революціи. Роялистская печать сравнивала либераловъ съ ворами и разбойниками. „Либерализмъ—религія людей, посѣщающихъ галеры"—писалъ одинъ роялистъ. На что другой отвѣчалъ слѣдующимъ діалогомъ между двумя каторжниками, встрѣчающимися на свободѣ. Первый спрашиваетъ второго: „какъ, другъ мой, я вижу тебя внѣ родимой каторги? Развѣ ты освобожденъ? (liberé)". —„Нѣтъ, я либералъ (liberal)".

Памфлеты Поля-Луи Курье мстили за всѣ эти оскорбленія. Курье тоже бывалъ иногда несправедливъ и грубъ въ своихъ нападеніяхъ. Такъ, напримѣръ, въ своихъ памфлетахъ „Simple discours" и „Le procés de Paul-Louis" онъ развиваетъ идею, что французская аристократія достигла того положенія, которое она занимаетъ въ исторіи Франціи, „развратомъ и грабежомъ".

Впрочемъ, такое отношеніе къ противникамъ было чертою цѣлаго поколѣнія. Всѣ смѣнявшіеся до тѣхъ поръ режимы: республика, имперія, легитимная монархія—держались притѣсненіями и насиліемъ, жертвой которыхъ бывали то роялисты, то либералы. Постоянное военное положеніе развило у всѣхъ только боевые инстинкты. Этимъ духомъ было заражено все,—не только политика, но и критика и литература. Характерной для тогдашней критики является слѣдующая эпиграмма, написанная по случаю смерти извѣстнаго критика Жофруа.

„Nous venons de perdre Geoffroy.
„Il est mort? Ce soir on l'inhume.
„De quel mal?—Je ne sais.—Je le devine, moi.
„L'imprudent, par mégarde, aura sucé sa plume".

(Мы лишились Жофруа.—Онъ умеръ?—Сегодня вечеромъ его хоронятъ.—Отъ какой болѣзни?—Не знаю.—Я догадываюсь: неосторожный, онъ, должно быть, пососалъ свое перо).

Курье, конечно, не могъ избавиться отъ этого общаго тона, и притомъ онъ былъ прежде всего памфлетистомъ. Но подъ его перомъ сарказмъ и иронія принимали самые различные оттѣнки. Сквозь смѣхъ и остроты автора чувствуется негодованіе, возмущеніе или восторгъ его души. Ничто не способствовало

такъ сильно поднятію чувства личнаго достоинства, какъ осмѣиваніе общихъ читателямъ и автору враговъ. Такой родъ литературы имѣлъ повсюду большой успѣхъ, а въ особенности во Франціи, гдѣ понятіе о равенствѣ такъ глубоко утвердилось въ народномъ сознаніи.

Уже давно, еще при старомъ режимѣ, французская буржуазія перестала смотрѣть на аристократію, какъ на высоко стоящій въ умственномъ и нравственномъ отношеніи классъ. Наоборотъ, чѣмъ больше аристократія дѣлалась служебнымъ сословіемъ, чѣмъ больше она бросала свои замки, чтобы селиться въ Парижѣ при дворѣ, тѣмъ болѣе она падала въ глазахъ буржуазіи. Въ послѣдніе годы стараго режима аристократы, „люди шпаги“, сдѣлались предметомъ всеобщихъ насмѣшекъ. Впрочемъ, сами аристократы не только были равнодушны къ этимъ насмѣшкамъ, но даже смѣялись вмѣстѣ съ другими надъ своею собственною пошлостью. Они даже лучше всѣхъ другихъ знали и понимали эту пошлость. Бомарше, написавшій самую лучшую сатиру на аристократическіе нравы—безсмертныя натуралистическія комедіи: „Ѳевильскій цирюльникъ“ и „Свадьба Фигаро“, самъ былъ аристократомъ. Для такой сатиры на аристократовъ у буржуазіи еще не хватало необходимой смѣлости. Величайшій изъ ея комическихъ авторовъ, Мольеръ, не шелъ дальше осмѣянія іезуитовъ, философовъ и самихъ буржуа. Между эпохами, въ которыя писали Бомарше, а тѣмъ болѣе Мольеръ, и тою, въ которую писалъ Поль-Луи Курье, прошли десятки лѣтъ. Но еще важнѣе были случившіяся въ этотъ промежутокъ событія: провозглашеніе сначала конституціонной монархіи, потомъ республики и имперіи. Генералы, вышедшіе изъ рядовъ буржуазіи и простого народа, побѣждали войска всѣхъ европейскихъ монарховъ. Простой офицеръ сдѣлался императоромъ и въ продолженіе пятнадцати лѣтъ держалъ въ рукахъ всю Европу. Въ самомъ сознаніи французской буржуазіи произошла перемѣна, которая по своей быстротѣ не имѣетъ себѣ подобной въ исторіи. Недаромъ Буасси д'Англасъ, знаменитый предсѣдатель конвента, говорилъ: „въ шесть лѣтъ мы пережили шесть столѣтій“ [1]). Понятно, что при такомъ настроеніи легко было Курье возбудить смѣхъ надъ этой несчастной аристократіей, которая вернулась съ помощью европейскихъ войскъ и сдѣлалась правительницей Франціи, послѣ 25 лѣтъ, прожитыхъ за границею подачками

---

[1]) A. Aulard, Histoire politique de la Révolution française. Paris. 1901 (Préface).

Питта и разныхъ европейскихъ государей. Это было то же самое, какъ еслибы во главѣ арміи здоровыхъ и сильныхъ солдатъ сталъ начальникъ калѣка. Такъ же легко было Курье поднять на смѣхъ и ту другую новую аристократію, которую Наполеонъ, желая подражать старому режиму, создалъ вокругъ себя. И той и другой Курье противопоставилъ независимый духъ буржуазіи и народа. „Главное—терпѣніе,—писалъ Курье,—терпѣніе для придворныхъ заступаетъ мѣсто всѣхъ другихъ заслугъ".

„Монсеньеръ, я подожду", говоритъ аббатъ де-Берни министру, который крикнулъ ему: „Вы ничего не получите", и гналъ его, толкая за плечи. Я знаю такихъ людей, которые послѣ этого рѣшились бы поискать средства обойтись безъ монсеньера, жить сами по себѣ и работать. Гнусное слово—языкъ разночинца, рожденнаго для того, чтобы всегда имъ оставаться. Дворянинъ Людовика XVI, благородный по рожденію, говоритъ: „я подожду". Дворянинъ Бонапарта, благородный по его милости, говоритъ: „мы подождемъ" (j'attendons)" [1]).

Но если смѣяться надъ старой и новой аристократіей было легко, то нельзя сказать, чтобы это было безопасно. Кромѣ того, ни въ прошломъ Поля-Луи Курье, ни въ его характерѣ ничто не указывало на то, что онъ будетъ политическимъ дѣятелемъ. Наоборотъ, молодость его проходитъ въ погонѣ за удовольствіями. Ему было уже 14 лѣтъ, а предметъ его писемъ къ отцу все еще составляла его любимая канарейка [2]). 21-го года онъ пишетъ своей матери изъ Парижа: „вы не можете себѣ представить, сколько огорченій и униженій причинило мнѣ мое неумѣніе танцовать; я и теперь еще не избавился отъ нихъ". Какъ мы далеки здѣсь отъ жизни Сенъ-Симона, который 19-лѣтъ сражался за независимость Америки, а немного позднѣе ѣхалъ изъ Америки уже зараженный „болѣзнью вѣка"—скукою. Ничего подобнаго вы не встрѣтите и въ жизни Фурье, который потерялъ отца 9-ти лѣтъ, а 21-го года былъ уже совершенно разоренъ осадою Ліона. У Курье не было ни жажды славы, ни страсти къ приключеніямъ, которыми отличались Сенъ-Симонъ и Шатобріанъ; у него не было и того священнаго огня, который согрѣвалъ сердце бѣднаго марсельскаго приказчика Фурье. Съ самаго ранняго возраста у него была только одна страсть—къ чтенію хорошихъ литературныхъ произведеній. „Онъ отдалъ бы всю жизнь за страницу Изократа"—пишетъ Арманъ

[1]) Lettres au Censeur. Oeuvres de P.-L. Courier, précédé d'un essai sur la vie de Courier, par Armand Carrel, éd. 1876, p. 71.

[2]) Lettres inédites ecrites de France et d'Italie (Oeuvres, p. 253).

Каррель. Но и это преклоненіе передъ литературой является для Курье только источникомъ наслажденій, и здѣсь обнаруживается его сенсуалистическая природа. Въ вышеупомянутомъ письмѣ къ своей матери, гдѣ онъ выражаетъ сожалѣніе о своемъ неумѣніи танцовать, Поль-Луи пишетъ дальше: „мой отецъ считаетъ дурно употребленнымъ то время, которое я посвящаю мертвымъ языкамъ, но признаюсь, что я совсѣмъ этого не думаю;—еслибы даже при этомъ у меня не было иной цѣли, кромѣ моего личнаго удовлетворенія, то и это я непремѣнно ввожу въ мои разсчеты. Я считаю потеряннымъ въ моей жизни только то время, которое я не могу употребить съ пріятностью, и никогда не раскаиваюсь въ прошедшемъ и не боюсь будущаго. Если я смогу избавиться отъ нищеты, то это—все, что̀ мнѣ нужно; остатокъ моего времени я буду употреблять на то, чтобы удовлетворить этой моей склонности, которую никто не можетъ порицать и которая составляетъ для меня источникъ вѣчно новыхъ удовольствій". Эта страсть къ литературѣ и вообще къ искусству, живописи, скульптурѣ, архитектурѣ, осталась постоянною страстью Курье въ теченіе всей его жизни. Если мы захотимъ характеризовать душевный складъ его новымъ словомъ, то найдемъ, что эстетъ—самое подходящее для него названіе. Онъ былъ поклонникомъ красоты. Къ ея законамъ сводилъ онъ несознательно и истину и добро. Режимъ Бурбоновъ поражалъ его своею страшною дисгармоніей, этой громадною непропорціональностью, которая существовала между значеніемъ Бурбоновъ самихъ по себѣ и той ролью, которую они хотѣли играть. Это и пробудило сознаніе Курье, вызвало его изъ міра книгъ и открыло передъ нимъ новые горизонты.

Когда Курье выпустилъ свой первый памфлетъ, ему было уже сорокъ три года. Начало было запоздалое, очень запоздалое, „что̀ и неудивительно"—говоритъ самъ Поль-Луи въ одномъ изъ своихъ памфлетовъ, — „такъ какъ мы прожили всю нашу жизнь въ военномъ лагерѣ"; но онъ не былъ индифферентенъ къ общественной дѣятельности. По своему характеру, по своему здоровому воспитанію, Курье былъ человѣкъ прямодушный, и протестъ противъ несправедливости вырывался изъ его груди естественно, какъ будто бы противъ его воли. „Иронія срывается съ его губъ", пишетъ о немъ Сентъ-Бёвъ. Смерть очень рано положила конецъ жизни самаго талантливаго памфлетиста XIX столѣтія. Онъ умеръ на девятый годъ своей литературной дѣятельности.

Поль-Луи Курье родился въ Парижѣ въ 1773 году, т.-е. годомъ позже Фурье. Отецъ его, богатый буржуа, далъ ему хо-

рошее воспитаніе. Въ то время буржуазія смѣялась надъ аристократіей, но подражала ея педагогическимъ пріемамъ. У Курье, по примѣру дѣтей аристократовъ, нѣкоторыя знаменитости были частными учителями, напримѣръ, математики Калле и Лабе. Позднѣе онъ поступилъ въ Шалонское артиллерійское училище. Къ этому періоду относится анекдотъ, характеризующій правдивость будущаго памфлетиста. Когда на выпускномъ экзаменѣ профессоръ физики спросилъ у него что-то по гидростатикѣ, Курье отвѣчалъ: „Милостивый государь, я ничего не знаю по этому предмету, но если вы мнѣ дадите нѣсколько дней, то я буду знать". Въ 1793 году Курье вышелъ изъ училища съ чиномъ поручика и немедленно былъ отправленъ въ Тіонвильскій гарнизонъ. Тогда Франція, какъ извѣстно, переживала самый бурный періодъ въ своей исторіи. Въ продолженіе 25 лѣтъ война была ея обычнымъ занятіемъ. Курье съ 1793 до 1809 года былъ въ арміи, но очень непостоянно, такъ какъ онъ не чувствовалъ ни малѣйшей склонности къ военной службѣ. Стоя гдѣ-нибудь на бивуакахъ, онъ пользовался каждой минутой, когда пушки его батареи переставали оглашать окрестности, чтобы взяться за чтеніе своихъ любимыхъ авторовъ. Онъ пишетъ изъ Тіонвиля своей матери въ Парижъ, прося ее прислать Демосѳена: „Мои книги, это—моя радость и почти единственное мое общество. Я скучаю только тогда, когда меня отъ нихъ отрываютъ, и всегда возвращаюсь къ нимъ съ удовольствіемъ".

Курье очень часто писалъ своимъ родителямъ, которыхъ любилъ съ неподдѣльной нѣжностью. Въ 1795 году внезапно умеръ его отецъ, и онъ немедленно покинулъ Майнцъ, чтобы утѣшить мать. Этотъ отъѣздъ безъ разрѣшенія начальства могъ обойтись ему очень дорого, еслибы за него не заступились вліятельные люди изъ Парижа. Затѣмъ его послали въ Альби, вблизи Тулузы, чтобы принять изготовленные на шалонскихъ заводахъ артиллерійскіе снаряды. Исполняя эту обязанность, онъ въ то же время переводилъ одну изъ рѣчей Цицерона. Позднѣе Курье былъ отправленъ въ дѣйствующую армію въ Италію,—чѣмъ исполнилась его мечта видѣть прекрасную классическую страну съ ея античными и средневѣковыми памятниками. Письма его оттуда въ Тулузу свидѣтельствовали о его энтузіазмѣ и въ то же время о негодованіи, которое въ немъ возбуждалъ вандализмъ французскихъ солдатъ. Въ то время какъ они грабили и разрушали, Курье осматривалъ зданія, церкви, картины, рылся въ манускриптахъ по библіотекамъ. Въ Римѣ онъ чуть не сдѣлался жертвой своего увлеченія. Въ сентябрѣ 1798 года всѣ фран-

цузскія войска покинули Римъ. Курье былъ въ библіотекѣ Ватикана, откуда вышелъ поздно вечеромъ, когда во враждебно настроенномъ противъ француза городѣ уже не было ни одного французскаго солдата. Мундиръ Курье былъ замѣченъ на улицѣ при свѣтѣ лампады, горѣвшей передъ статуей Мадонны; какой-то фанатикъ закричалъ: Giaccobino! и выстрѣлилъ въ него изъ ружья. Пуля попала въ мимо проходящую женщину. Курье едва успѣлъ ускользнуть, воспользовавшись минутой замѣшательства послѣ этого неожиданнаго убійства, и скрылся у своего пріятеля итальянца Кіармонте, съ помощью котораго на другой день выбрался изъ Рима. По возвращеніи во Францію Курье взялъ отпускъ на годъ, а потомъ мы видимъ его то въ Страсбургѣ, то въ Дуэ, то въ 1804 г. снова въ Италіи, гдѣ онъ оставался до 1808 года. Здѣсь въ 1804 г. онъ вмѣстѣ съ другими солдатами и офицерами долженъ былъ голосовать относительно того, быть ли Наполеону императоромъ или нѣтъ. Курье заявилъ, что если такова воля народа, то и онъ голосуетъ за провозглашеніе его императоромъ. По поводу этого онъ пишетъ одному своему пріятелю: „Такому человѣку, какъ Бонапартъ, главѣ арміи, первому полководцу въ мірѣ—желать, чтобы его назвали величествомъ! Быть Бонапартомъ и сдѣлаться коронованнымъ правителемъ,—это значитъ стремиться къ пониженію!“ [1]).

Во время продолжительной войны и стоянки въ Италіи Курье успѣлъ перевести руководство къ верховой ѣздѣ Ксенофонта. Какъ извѣстно, во время Ксенофонта употребленіе стремени было еще неизвѣстно, и Курье, къ большому удивленію публики, разъѣзжалъ по тряскимъ улицамъ Неаполя безъ стремянъ. Тогда же будущій памфлетистъ открылъ въ миланской библіотекѣ рукопись „Дафниса и Хлоя“ Лонгуса, въ которой были налицо тѣ нѣсколько страницъ, которыя отсутствовали во всѣхъ другихъ текстахъ, извѣстныхъ раньше. Въ 1808 году онъ вышелъ въ отставку изъ военной службы и возвратился во Францію съ цѣлью посвятить себя исключительно литературѣ.

Въ 1809 году Наполеонъ началъ готовиться къ большой войнѣ съ Австріей. Воинственное настроеніе, отчасти созданное искусственно, охватило всю страну и пробудило боевые инстинкты самого Курье. До сихъ поръ онъ участвовалъ въ небольшихъ экспедиціяхъ и въ сраженіяхъ второстепенной важности. Теперь онъ началъ мечтать о настоящей военной славѣ, подъ командой самого Бонапарта. Его заявленіе о вторичномъ вступленіи въ

---

[1]) Lettres inédites etc. (Oeuvres, p. 283).

армію было принято, и онъ отправился на островъ Лобау, возлѣ Вѣны, гдѣ тогда сосредоточились французскія войска, послѣ неудачной попытки взять позиціи лѣваго берега Дуная, на которыхъ располагались австрійскія войска.

Когда Курье прибылъ на мѣсто, Наполеонъ уже приготовился къ новому сраженію. Онъ сосредоточилъ на островѣ 150 тысячъ человѣкъ пѣхоты, 26 тыс. человѣкъ кавалеріи и 12 тыс. артиллеристовъ съ 550 пушками. „Такая вооруженная сила—пишетъ Тьеръ—еще не фигурировала ни на одномъ полѣ битвы въ исторіи“. Сраженіе 4 іюля 1809 года началось ночью, сигналъ былъ данъ 109-ю пушечными жерлами, которыя начали осыпать картечью австрійцевъ, расположенныхъ между Асперномъ и Эслингомъ и на Ваграмскихъ высотахъ. Австрійцы отвѣчали съ такимъ же ожесточеніемъ. Адскій ревъ стольких пушекъ, трескъ ружей, ржаніе десятковъ тысячъ лошадей, стоны раненыхъ пробудили самую природу. Небо какъ бы вмѣшалось въ битву людей. Яркія молніи прорѣзывали темную ночь и страшные удары грома заглушали шумъ битвы. Дунай вышелъ изъ береговъ, и во многихъ мѣстахъ островъ Лобау, такъ же какъ и маленькій островъ Александръ, были затоплены. Наполеонъ, самъ руководившій сраженіемъ, быстро переѣзжалъ отъ одного берега острова до другого, слѣдилъ за установкою подвижныхъ мостовъ и за направленіемъ артиллерійскаго огня.

Курье былъ при своей батареѣ на островѣ Александръ. Но онъ былъ въ ужасномъ физическомъ состояніи. При самомъ пріѣздѣ на островъ онъ заболѣлъ болотною лихорадкой, совершенно истощившей его силы, тѣмъ болѣе, что онъ ничего не ѣлъ въ теченіе нѣсколькихъ дней. Въ этомъ состояніи Курье оставался при своей батареѣ до тѣхъ поръ, пока продолжался огонь. Когда послѣдній прекратился и войска стали переправляться на непріятельскій берегъ, Курье переправился однимъ изъ первыхъ, но здѣсь силы его совсѣмъ оставили. „Нѣсколько человѣкъ солдатъ, видѣвшихъ, что я больше не держусь на ногахъ,—писалъ онъ,—отнесли меня въ баракъ, гдѣ возлѣ меня легъ генералъ Бертранъ“. На другой день Курье перенесли въ военную больницу, изъ которой по выздоровленіи онъ прямо отправился во Францію, черезъ Швейцарію и Италію, поселился въ своемъ имѣніи, гдѣ женился, бросивши окончательно военную службу.

Такъ прошли для Курье семнадцать лѣтъ военной службы. Онъ только разъ поддался общему увлеченію, а все остальное время былъ пассивнымъ исполнителемъ своего служебнаго долга.

Онъ оставался равнодушенъ ко всѣмъ военнымъ событіямъ. Его вниманіе все время поглощалось античною литературой. Нѣсколько лѣтъ спустя послѣ возвращенія Курье во Францію пала имперія. Тогда для него наступило время стяжать на литературномъ полѣ тѣ лавры, которыхъ онъ такъ напрасно искалъ въ ужасную ночь Ваграмской битвы.

Публицистическая дѣятельность Поля-Луи Курье началась послѣ возвращенія эмигрантовъ. Въ продолженіе 25 лѣтъ ихъ отсутствія изъ Франціи настолько измѣнились идеи, нравы, привычки людей, что первое появленіе эмигрантовъ вызвало такое же удивленіе и любопытство, какое вызываетъ появленіе въ городѣ какой-нибудь экзотической труппы комедіантовъ въ странныхъ костюмахъ, съ еще болѣе странными манерами. Французы съ любопытствомъ и со смѣхомъ встрѣчали своихъ прежнихъ сеньоровъ. Это общее чувство раздѣлялъ и Курье: „я видѣлъ двухъ возвратившихся эмигрантовъ,—пишетъ онъ своей женѣ въ 1816 году,—которые дѣйствительно смѣшнѣе всего, что̀ только можно себѣ представить. Это двѣ фигуры, которыя можно поставить въ музей рѣдкостей. На каждомъ шагу у нихъ поклоны, комплименты, церемоніи; и все это до такой степени каррикатурно, что можно лопнуть со смѣху. Мы страшно смѣялись надъ ними, когда они ушли“.

Эта абсолютная отчужденность роялистовъ отъ французской буржуазіи и была причиной, почему Поль-Луи Курье началъ замѣчать вещи, которыя при владычествѣ Бонапарта оставляли его равнодушнымъ. Тиранія послѣдняго была чѣмъ-то стихійнымъ, въ родѣ урагана, съ которымъ человѣку невозможно бороться, а можно только укрыться въ болѣе безопасное мѣсто. И кромѣ того Курье, проведшій много лѣтъ въ военномъ лагерѣ, безсознательно выработалъ себѣ культъ передъ Бонапартомъ за его военный геній. Наполеонъ добылъ власть на поляхъ битвы, но что̀ за права предъявляли Бурбоны? Мысль Курье была прямо противоположна мысли Шатобріана, такъ же какъ были противоположны интересы тѣхъ сословій, къ которымъ они принадлежали. „Освященныя вѣками легитимныя права“ были для Курье пустою фразой, если не дурнымъ воспоминаніемъ о тяжелыхъ временахъ, пережитыхъ его предками при старомъ режимѣ.

Первымъ памфлетомъ Курье было „Прошеніе къ обѣимъ палатамъ“, напечатанное въ 1816 году. Впечатлѣніе, произведенное этимъ памфлетомъ, было сильно. Намъ трудно даже приводить выдержки изъ этого и изъ другихъ его памфлетовъ, такъ

какъ памфлеты вообще не поддаются сокращенному изложенію: сила ихъ, такъ же какъ красота пейзажа, заключается въ общемъ впечатлѣніи. Онъ дѣйствуетъ общимъ тономъ и совокупностью отдѣльныхъ мѣткихъ опредѣленій, смѣшныхъ сопоставленій и разсѣянныхъ въ немъ каламбуровъ,—однимъ словомъ, всѣми тѣми чертами, которыя отдѣльно не производятъ никакого впечатлѣнія, или производятъ слабое впечатлѣніе, а въ своей совокупности создаютъ у читателя особенное настроеніе. Памфлеты Курье имѣютъ еще одно достоинство: чистый классическій языкъ, —хотя Курье писалъ отъ имени крестьянина, „винноградаря" Поля-Луи.

Въ „Прошеніи къ обѣимъ палатамъ" Курье говоритъ о преслѣдованіяхъ, которымъ подвергаются его сосѣди. „Съ годъ тому назадъ у насъ заговорили о хорошихъ подданныхъ и дурныхъ; что̀ подъ этимъ подразумѣвали—я не знаю хорошенько, да еслибы и зналъ, такъ, можетъ быть, не сказалъ бы, боясь поссориться со слишкомъ большимъ количествомъ людей. На дняхъ французъ Фуке, идя на мельницу, встрѣтилъ кюре, который провожалъ покойника на кладбище Люинъ. Дорога была узкая; кюре, увидавъ Фуке на лошади, крикнулъ ему, чтобы онъ остановился,—тотъ не останавливается; онъ велѣлъ ему снять шляпу, —тотъ не снимаетъ; онъ ѣдетъ рысью и забрызгиваетъ грязью кюре. И это еще не все: нѣкоторые говорятъ—и я охотно вѣрю имъ,—что, проѣзжая, онъ ругался и смѣялся (вы меня понимаете) надъ кюре и надъ его мертвецомъ. Вотъ въ чемъ дѣло, господа; я не прибавляю и не убавляю; я вовсе не заступаюсь за Фуке, Боже сохрани!—и не стараюсь уменьшить его вину. Онъ поступилъ дурно, я порицаю его и порицалъ тогда же. Но посмотрите-ка, что̀ изъ этого вышло. Три дня спустя, четверо жандармовъ входятъ къ Фуке, хватаютъ его, тащатъ въ тюрьму, связаннаго, скрученнаго, босого, съ кандалами на рукахъ и, для бо̀льшаго униженія, между двумя ворами съ большой дороги. Всѣхъ троихъ бросили въ одну и ту же темницу. Фуке пробылъ тамъ два мѣсяца; за это время у семьи его не было средствъ къ жизни, помимо состраданія добрыхъ людей, которые, къ счастью, не рѣдки у насъ. У насъ вы найдете больше милосердія, чѣмъ набожности. Итакъ, въ то время, какъ Фуке былъ въ тюрьмѣ, дѣти его не умерли съ голода,—въ этомъ отношеніи онъ былъ счастливѣе другихъ".

„Власть, господа, вотъ великое слово во Франціи. Въ другихъ странахъ говорятъ: законъ, а здѣсь—власть. О, какъ отецъ

Канэ [1]) былъ бы доволенъ нами, еслибы онъ могъ воскреснуть! Онъ увидалъ бы вездѣ надписи: долой разумъ, да здравствуетъ власть и авторитетъ! Правда, авторитетъ этотъ не авторитетъ вселенскихъ соборовъ, ни отцовъ церкви, ни еще того меньше авторитетъ юрисконсультовъ,—это авторитетъ жандармовъ, который стбитъ всякаго другого".

Въ 1819 и 1820 гг. Курье написалъ рядъ писемъ въ редакцію либеральнаго органа „Le Censeur", которыя окончательно утвердили его славу, какъ перваго политическаго памфлетиста того времени. Между этими письмами были и такія, въ которыхъ обсуждались экономическіе вопросы. Курье былъ горячимъ защитникомъ мелкаго землелѣлія и землевладѣнія, промышленности и торговли, за что Сенъ-Симонъ, не особенно любившій его „шутки", считалъ его однимъ изъ распространителей „индустріальной" системы. Дѣйствительно, Курье защищалъ промышленность отъ нападковъ тѣхъ, которые видѣли въ ней силу, разрушающую старыя отношенія. Между этими консерваторами былъ Ламенне. „Аббатъ Ламенне охраняетъ развалины,—пишетъ Курье, — остатки башенъ, заброшенныя стѣны, все, что гніетъ и распадается. Какъ только изъ этихъ остатковъ старыхъ зданій построятъ мостъ, или поправятъ заводъ, онъ выходитъ изъ себя и кричитъ: „духъ революціи неизбѣжно разрушителенъ!" Какой шумъ поднялъ бы аббатъ въ день сотворенія міра! Онъ кричалъ бы: Господи, сохранимъ хаосъ!"

Другая часть этихъ „Lettres au Censeur" посвящена духовнымъ конгрегаціямъ, а остальная — чисто-политическимъ вопросамъ, въ томъ числѣ вопросу о свободѣ печати, которая послѣ убійства герцога Беррійскаго была стѣснена цензурою. Пренія, происходившія прежде, чѣмъ палаты приняли законъ, послужили Курье темою для двухъ писемъ по этому предмету. „Книгопечатаніе направляетъ міръ ко злу,—такъ начинаетъ Курье первое письмо.— Отлитыя буквы сдѣлали то, что люди убиваютъ съ первыхъ дней созданія: и Каинъ въ земномъ раѣ читалъ газеты. Не нужно сомнѣваться въ этомъ, такъ какъ это говорятъ министры, а министры не лгутъ, особенно съ трибуны. Да будетъ проклятъ авторъ этого ужаснаго изобрѣтенія, а вмѣстѣ съ нимъ тѣ, кто увѣковѣчилъ его употребленіе, или кто когда-то научилъ людей сообщать другъ другу свои мысли!.. Но замѣтьте, какъ постоянно прогрессируетъ развращенность. Въ естественномъ состояніи, такъ справедливо восхваляемомъ Жанъ-Жакомъ Руссо,

---

[1]) Отецъ Канэ—извѣстный іезуитъ XVIII столѣтія.

человѣкъ, свободный отъ всѣхъ пороковъ и развращенности того времени, въ которое мы живемъ, вовсе не говорилъ, а кричалъ, бормоталъ или рычалъ, смотря по настроенію минуты. Тогда управлять было пріятно. Ни памфлетовъ, ни газетъ, ни петицій о хартіи, ни жалобъ на налоги. Счастливый вѣкъ, который длился слишкомъ мало!"

Слѣдующее письмо Курье по вопросу о печати, помѣщенное 10 апрѣля 1820 года, было написано послѣ преній о введеніи цензуры. Несмотря на усилія либеральныхъ ораторовъ, большинство депутатовъ дало согласіе на министерскій проектъ. Самый сильный аргументъ, которымъ пользовались въ этомъ случаѣ защитники законопроекта, былъ тотъ, что проектъ соотвѣтствовалъ желанію великихъ державъ. Мнѣніе послѣднихъ, а особенно Австріи, судьбами которой въ это время руководилъ Меттернихъ, не могло, конечно, не имѣть значенія для правительства и партіи, достигшихъ власти во Франціи только благодаря иностранной поддержкѣ. Оба эти факта—безсиліе либеральныхъ ораторовъ не допустить введеніе цензуры и постоянное обращеніе къ мнѣнію великихъ державъ со стороны ея защитниковъ,—сдѣлались предметомъ новаго письма Курье. Онъ въ шутливой формѣ упрекаетъ либераловъ за отсутствіе у нихъ мужества и въ то же время бичуетъ раболѣпіе приверженцевъ законопроекта передъ Меттернихомъ и его прусскими и англійскими коллегами, Гарденбергомъ и Кастельри. „Что меня удивляетъ, — пишетъ Курье,—въ прекрасныхъ либеральныхъ рѣчахъ, которыя я читаю въ Moniteur'ѣ, — такихъ поражающихъ, такъ прекрасно развивающихся, что, кажется, на нихъ нельзя возразить ни слова,—что меня удивляетъ, такъ это то, какъ мало дѣйствія производятъ онѣ на слушателей. Наши Цицероны со всѣмъ своимъ краснорѣчіемъ убѣдили только тѣхъ, которые держались ихъ мнѣнія еще раньше, чѣмъ выслушали ихъ. Я знаю, какъ это объясняютъ: у брюха нѣтъ ушей, и нѣтъ глухого глуше того, кто не хочетъ слышать. Высказать ли вамъ мою мысль? Это искусные люди, умные, хорошо говорящіе, однимъ словомъ—ораторы; но они не умѣютъ пользоваться *обращеніемъ*, однимъ изъ самыхъ сильныхъ пріемовъ реторики, или не хотѣли имъ пользоваться во время этихъ споровъ изъ вѣжливости, какъ я предполагаю, изъ того принципа приличія, служащаго доказательствомъ хорошаго воспитанія, которое они получали отъ родителей, такъ какъ *обращеніе* невѣжливо; я съ этимъ безъ труда соглашаюсь. Но, съ другой стороны, найдите мнѣ оборотъ рѣчи, болѣе живой, болѣе воодушевленный, болѣе сильный, болѣе способный расшевелить

собраніе, поразить министерство, удивить правую, взволновать брюхо. Безъ обращенія я не вѣрю, что вамъ удастся поколебать большинство, когда мнѣніе его прочно составлено. Никто не станетъ васъ слушать; вы будете видѣть, какъ правая зѣваетъ, министерство сморкается, а брюхо отправляется по своимъ дѣламъ". Здѣсь Курье даетъ опредѣленіе „обращенія". „Это—фигура, посредствомъ которой нашли секретъ говорить съ людьми, которыхъ здѣсь нѣтъ, вести бесѣду со всею природой, задавать вопросы на далекія разстоянія мертвымъ и живымъ... Еслибы я былъ въ палатѣ (обращенія эти—моя сильная сторона и я совсѣмъ не говорю иначе, я никогда не говорю: „Николь, принеси мнѣ мои туфли", но всегда говорю: „о, мои туфли, и ты, о, Николь! и ты!..") Еслибы я былъ въ палатѣ въ качествѣ депутата низшихъ классовъ своего департамента, когда предложили вопросъ о свободѣ печати, я заговорилъ бы такъ: *Милордъ Кастельри*, занимайтесь своими дѣлами, ради Бога, *господинъ Меттернихъ*, оставьте насъ въ покоѣ, и вы, *мой милый Гарденбергъ*, думайте лучше о томъ, чтобы хорошенько сварить свою *кислую капусту* [1]). Или я ошибаюсь, или этотъ оборотъ фразы оказалъ бы свое дѣйствіе на собраніе, возбудилъ бы его вниманіе; а это первый пунктъ, необходимый для того, чтобы убѣдить,—первое предписаніе Аристотеля. Нужно заставить себя слушать, —говоритъ онъ, — а объ этомъ и не подумали наши депутаты лѣвой; они не подумали о томъ, чтобы прибѣгнуть къ какому-нибудь изъ средствъ, доставляемыхъ ораторскимъ искусствомъ, чтобы добиться вниманія аудиторіи. Только этого имъ недоставало, такъ какъ языкъ у нихъ былъ, умъ они проявили, также и изобрѣтательность и жаръ, и при всемъ этомъ они не съумѣли заставить себя слушать. Чего же у нихъ не было? Они не пользовались обращеніемъ, живымъ обращеніемъ къ богамъ и къ людямъ, во вкусѣ древнихъ".

„Не давъ брюху времени опять уснуть, я продолжалъ бы: превосходные министры иностранныхъ державъ, не слишкомъ довѣряйте вашимъ здѣшнимъ друзьямъ. Не то, чтобы я подозрѣвалъ ихъ въ желаніи васъ предать, нѣтъ, я только думаю, что они ошибаются и обманываютъ васъ изъ самаго чистаго усердія передъ вашими иностранными превосходительствами. Приходите, здѣсь хорошо, говорятъ они, это нація подлая. Это ужъ не прежніе французы, — ужасъ Европы и предметъ удивленія для всего міра. Они были великими, гордыми, великодушными.

---

[1]) Курсивъ Курье.

Но они были укрощены, придавлены, изуродованы и исковерканы Наполеономъ; теперь они даютъ подковывать себя и ѣздить на себѣ верхомъ первому встрѣчному; нѣтъ такого вьюка, отъ котораго бы они отказались, такихъ ударовъ, которые бы они почувствовали, нѣтъ ига слишкомъ унизительнаго для нихъ. Сначала, когда мы вернулись вслѣдъ за вами въ эту страну, мы опасались ихъ; это имя, эти слова импонировали намъ, и мы долго не смѣли смотрѣть на нихъ прямо. Ну, а теперь мы смѣемся надъ ними, мы каждый день ихъ оскорбляемъ, и они не только терпятъ это, но, повѣрите ли, они боятся насъ... Идите же, бѣгите, здѣсь васъ ожидаетъ вѣрная награда, легкая добыча. Или не безпокойтесь; положитесь на насъ; мы семеро беремъ на себя остричь француза и содрать съ него шкуру за вашъ счетъ, разумѣется, за извѣстную долю въ добычѣ и за вознагражденіе".

„Вотъ что̀ они вамъ говорятъ. Берегитесь повѣрить имъ, иностранныя державы, не слушайте ихъ, они васъ заведутъ далеко. Слова ихъ—не слова евангелія. Однако надо сознаться, что въ томъ, что̀ они вамъ говорятъ, есть доля правды. Мы терпимъ такія вещи... такихъ людей... Пятнадцать лѣтъ, проведенныя на галерахъ, — скажемъ прямо,—унизили нашъ гордый духъ и сдѣлали то, что мы терпимъ вашихъ корреспондентовъ: что̀ съ полнымъ правомъ ихъ удивляетъ. Однако, вырвавшись изъ каторги Наполеона, мы еще сохранили людей, и не совсѣмъ лишились силы; свидѣтельствомъ могутъ служить безчисленныя уловки, которыя употребляются, чтобы помѣшать намъ сдѣлать мужественный поступокъ, и все-таки имъ это не удастся. Префекты, телеграфы, жандармы, цензура, законъ о подозрительныхъ лицахъ — ничто не помогаетъ; миссіонеры, іезуиты, священники совершенно теряютъ всѣ свои скудныя средства; напрасно всѣ проповѣди, угрозы, ласки, обѣщанія смѣщенія; какъ только нужно выбирать, выборъ падаетъ на людей. Случай ли это, или хитрость, но во всякомъ случаѣ вотъ ихъ сто пятнадцать [1]) въ палатѣ и было бы гораздо больше, еслибы не то, что̀ попадаетъ въ палату изъ двора и изъ министерскихъ переднихъ. Вы, англичане, общественное мнѣніе которыхъ такъ восхваляется,—выдумавъ слово, вы, конечно, обладаете и самой вещью, но скажите по правдѣ, думаете ли вы, что вашимъ министрамъ дѣйствительно трудно устранить съ своего пути неподкупныхъ гражданъ, избавиться отъ такихъ людей, которыхъ ничѣмъ нельзя

[1]) Курье имѣетъ въ виду число либеральныхъ депутатовъ въ палатѣ.

склонить на свою сторону, которые не вступаютъ въ сдѣлки, знаютъ только свои полномочія и видятъ свое собственное благо только въ общемъ благѣ, предпочитая общественное уваженіе предлагаемымъ или полученнымъ мѣстамъ, чинамъ, почестямъ, деньгамъ и,—почему не сказать?—жизни менѣе цѣнной и менѣе необходимой для людей,—иначе развѣ они отдавали бы ее такъ дешево? Иначе развѣ мы видѣли бы въ нашихъ революціяхъ столько душъ, не поддающихся искушенію золота, и часто самыхъ храбрыхъ солдатъ—самыми подлыми придворными, еслибы не было правдой, что люди любятъ почести и богатства больше, чѣмъ жизнь? Тотъ, кто умираетъ за свою родину, дѣлаетъ меньше, чѣмъ тотъ, кто отказывается управлять, нарушая законы. А между тѣмъ, у насъ есть такіе люди, у насъ есть люди, умѣющіе возвратить портфель, отказаться отъ префектуры, отъ управленія банкомъ, и которые прежде чѣмъ предать вамъ, господа дѣятели конгресса, эту страну, вамъ или вашимъ вассаламъ, погибнутъ въ ней вмѣстѣ со многими другими, такъ какъ весь народъ— съ ними, и не такой, какимъ вамъ его изображаютъ, не слабый, придавленный и робкій. Эта нація — не униженная: вызванная вами на битву, пользуясь побѣдой, она сдѣлала васъ рабами и была сама рабою вмѣстѣ съ вами, такъ какъ иначе не можетъ быть". Курье предсказалъ великимъ державамъ сопротивленіе со стороны низшихъ классовъ, если онѣ рѣшатся еще разъ вступить на французскую территорію: „за каждымъ домомъ, за каждымъ плетнемъ, деревомъ, за каждой виноградной лозой, они найдутъ француза съ ружьемъ въ рукѣ".

Это письмо, создавшее наибольшую извѣстность Курье, оканчивается такъ: „*узнайте*, говоритъ пророкъ,—узнайте, великіе міра сего, то-есть господа конгресса [1]), откажитесь отъ старыхъ глупостей. Учитесь, вершители судебъ человѣчества, т.-е. ваши превосходительства, смотрите, что̀ происходитъ вокругъ, и будьте мудры, если можно. Испанія смѣется надъ вами и Франція не боится васъ. Ваши друзья могутъ говорить и дѣлать, что имъ угодно,—мы не расположены управляться по вашему приказу, и ни они со своими семью человѣками, ни вы съ вашими семьюстами тысячами человѣкъ не страшны намъ нисколько; тѣмъ не менѣе, я не вижу ни малѣйшей причины мѣнять намъ ходъ для того, чтобы вамъ понравиться, и въ заключеніе я предлагаю отбросить всякій законъ, исходящій отъ нихъ или отъ васъ".

Годъ спустя послѣ своего письма редактору „Censeur", Курье

---

[1]) Курье намекаетъ на Ахенскій конгрессъ 1818 года.

написалъ свой самый знаменитый памфлетъ „Simple discours". Въ 1821 году, по случаю рожденія герцога Бордосскаго, нѣкоторые усердные роялисты предложили національную подписку, для покупки ему, въ видѣ подарка, Шамборскаго замка, который во время революціи перешелъ въ частныя руки. Курье въ рѣчи, произнесенной будто бы передъ членами коммунальнаго совѣта въ Верецѣ,—деревня, въ которой онъ жилъ,—спрашиваетъ: „кто былъ авторомъ этого предложенія?" „Это придворные, воображеніе которыхъ каждый день внушаетъ такіе удивительные совѣты. Они скорѣе изобрѣтутъ это, нежели сѣялку или пароходъ. Явилась идея,—говоритъ министръ, — купить для герцога Бордосскаго Шамборскій замокъ отъ имени коммунъ Франціи. Явилась идея! Да кому же она явилась? Министру? Онъ не сталъ бы скрываться и не удовольствовался бы одною только честью одобрять въ подобномъ случаѣ. Принцу? Дай-то Господи, чтобы не это была его первая мысль, чтобы не это желаніе явилось у него первымъ, раньше чѣмъ онъ пожелалъ конфектъ и игрушекъ. Остается, значитъ, что эта мысль явилась коммунамъ? Нѣтъ, по крайней мѣрѣ, не нашимъ, насколько я знаю, не коммунамъ по эту сторону Луары. Но, можетъ быть, она явилась тѣмъ коммунамъ, въ которыхъ два раза квартировали донскіе казаки. Здѣсь мы, кажется, не хотимъ больше благодѣяній священнаго союза, но тамъ, можетъ быть, совсѣмъ иначе, — тамъ, гдѣ наслаждались ихъ присутствіемъ и обладали Сакеномъ и Платовымъ. Тамъ, конечно, прежде всего хотятъ покупать замки принцамъ, а потомъ уже думаютъ о поправкѣ своей крыши и своего очага. Во времена добраго короля Генриха IV, народнаго короля, единственнаго короля, память о которомъ народъ сохранилъ, такіе же дары были поднесены его новорожденному сыну. Явилась мысль, чтобы всѣ коммуны Франціи участвовали въ этомъ въ честь королевскаго дитяти, и изъ одного только города Ла-Рошели явились депутаты, принесшіе сто тысячъ экю золотомъ,— сумма по тому времени громадная. Но король сказалъ: „Это слишкомъ много на кашу; оставьте это у себя, и употребите на перестройку того, что у васъ разрушила война; и никогда не слушайте тѣхъ, кто вамъ будетъ говорить о подаркахъ, потому что это не мои друзья и не ваши". Такъ думалъ этотъ король, извѣстный покровитель мелкой собственности, который всю свою жизнь былъ въ ссорѣ съ иностранными державами, который рубилъ головы придворнымъ и фаворитамъ, если заставалъ ихъ за приготовленіемъ тайныхъ нотъ. Сказавши это, возвратимся къ идеѣ купить Шамборъ и сознаемся, что не намъ,

бѣднымъ деревенскимъ людямъ, посылаетъ небо такія вдохновенія; но въ концѣ концовъ, не все ли равно?"

„Le simple discours" — самый горячій памфлетъ изъ всѣхъ, написанныхъ въ XIX вѣкѣ противъ французской аристократіи. Нигдѣ ея распущенность и ея нравственный упадокъ не изображены такими густыми красками. Цѣль его была—возбудить вниманіе, а вслѣдъ за нимъ и негодованіе публики, довѣріемъ которой хотѣли злоупотребить усердные, но своекорыстные слуги трона. И Курье дѣйствительно достигъ своей цѣли: подписка была пріостановлена. Впечатлѣніе, которое произвелъ на публику памфлетъ Курье, было громадно. Въ письмѣ изъ Парижа, отъ іюня 1821 года, Курье пишетъ своей женѣ: „моя брошюра имѣла безумный успѣхъ; ты не можешь себѣ этого вообразить. Повсюду восхищеніе, повсюду энтузіазмъ". Въ другомъ письмѣ онъ пишетъ женѣ, что отъ разныхъ лицъ онъ слышалъ, что его памфлетъ есть „лучшее, что было написано со временъ революціи".

Но мнѣніе прокурора Жана Броэ было нѣсколько иное. Онъ обвинилъ Курье въ оскорбленіи общественной нравственности и потребовалъ для него трехъ лѣтъ тюрьмы и нѣсколькихъ тысячъ франковъ штрафа. Однако судъ, разсматривавшій дѣло Курье въ концѣ августа 1822 года, присудилъ его только къ двумъ мѣсяцамъ тюрьмы и къ 200 франкамъ штрафа.

Курье выпустилъ новый памфлетъ: „Процессъ Поля-Луи", въ которомъ безжалостно смѣялся надъ прокуроромъ и писалъ еще болѣе рѣзко о французской аристократіи. Успѣхъ этого памфлета былъ также великъ. 11-го октября 1821 года Поль-Луи Курье вступилъ въ тюрьму Сенъ-Пелажи. Адресы, письма съ выраженіями сочувствія посыпались на него со всѣхъ сторонъ. Стендаль послалъ ему свою исторію итальянской живописи съ посвященіемъ: „Hommage au peintre de Jean Broë". Поэтъ Беранже нѣсколько разъ навѣщалъ его въ тюрьмѣ, желая познакомиться съ нимъ поближе. Въ промежуткахъ между посѣщеніями Курье работалъ надъ своими любимыми античными писателями. Онъ доканчивалъ переводъ Геродота.

Послѣ выхода изъ тюрьмы Курье поселился въ своемъ имѣніи, но его писательская дѣятельность проявилась очень скоро въ „Прошеніи крестьянина, которому запрещаютъ танцовать". Эта книга была направлена противъ духовенства, нѣкоторые члены котораго до того дошли въ своемъ фанатизмѣ, что запрещали крестьянамъ самыя невинныя удовольствія. За этотъ

памфлетъ Курье снова долженъ былъ появиться передъ судомъ, но на этотъ разъ онъ былъ оправданъ.

До 1824 года Курье остался въ Верецѣ, и издалъ нѣсколько памфлетовъ, а въ 1824 году онъ отправился въ Парижъ, гдѣ напечаталъ свой послѣдній „Памфлетъ памфлетовъ". Тамъ изложенъ діалогъ между двумя лицами, изъ которыхъ первое говоритъ противъ памфлета, а второе за памфлетъ: „Пусть вамъ говорятъ, пусть васъ порицаютъ,—говоритъ защитникъ памфлета,—пусть васъ осуждаютъ, сажаютъ въ тюрьму, пусть васъ вѣшаютъ, но объявляйте вашу мысль. Это не право, это обязанность всякаго, у кого есть мысль, выразить ее, объявить ее для общаго благополучія".

„Правда—вся и для всѣхъ. Все, что̀ вы знаете полезнаго для каждаго, вы не можете молчать объ этомъ. Мысль, выраженная въ короткихъ и ясныхъ словахъ, съ доказательствами, съ документами, примѣрами, когда ее напечатаютъ—даетъ памфлетъ, и это лучшій, самый смѣлый поступокъ, который только можетъ сдѣлать человѣкъ. Если ваша мысль хороша, то ею пользуются; если она плоха, то ее исправляютъ и всетаки пользуются ею. Но злоупотребленіе... Это слово—глупо; тѣ, кто выдумалъ его, именно они-то и злоупотребляютъ печатью, печатаютъ, что̀ хотятъ, обманываютъ, клевещутъ и не даютъ отвѣчать. Когда они кричатъ противъ памфлетовъ, газетъ, брошюръ, у нихъ изумительные доводы; но у меня тоже есть доводы въ пользу того, чтобы ихъ писалось какъ можно больше, чтобы каждый писалъ то, что̀ онъ думаетъ и знаетъ! Іезуиты тоже кричали противъ Паскаля и назвали бы его памфлетистомъ, да только слово то еще не существовало; они называли его „адскою головней", что̀ одно и то же на языкѣ ханжи. Это точно такъ же обозначаетъ человѣка, который говоритъ правду и умѣетъ заставить себя слушать. Они отвѣтили на его памфлеты сначала тоже памфлетами, и безуспѣшно, а потомъ lettres de cachet, которыя имъ удавались гораздо лучше".

Вслѣдъ затѣмъ Курье указываетъ еще на нѣкоторыхъ другихъ памфлетистовъ прошлаго: Демосѳена, Цицерона, св. Павла, св. Василія, Франклина, и заканчиваетъ слѣдующими словами: „Міръ идетъ, мои милые друзья, и не перестаетъ идти. Если ходъ его кажется намъ медленнымъ, то это оттого, что мы живемъ всего одно мгновеніе. Но сколько онъ прошелъ за пять или за шесть вѣковъ. Теперь ничто не можетъ остановить его!"

Черезъ годъ послѣ изданія этого памфлета, который былъ названъ его лебединою пѣснью, Курье былъ убитъ, 10-го апрѣля

1825 года, пулею одного лѣсника. При первомъ извѣстіи объ этомъ убійствѣ всѣ хотѣли видѣть въ немъ дѣло реакціонной партіи; но если судить по дебатамъ во время процесса, то надо заключить, что мотивы убійцы были личнаго характера.

Курье часто говорилъ въ кружкѣ друзей, что его убьютъ „ханжи". За годъ до смерти онъ, самъ какъ бы предчувствуя свой близкій конецъ, писалъ въ „Памфлетѣ памфлетовъ" слѣдующія полныя грусти и патетизма слова: „Никакая истина не утверждается безъ мучениковъ, кромѣ той, которой учитъ Эвклидъ. Убѣдить можно только, страдая за свои убѣжденія, и св. Павелъ говоритъ: „Вѣрьте мнѣ, такъ какъ я часто сижу въ тюрьмѣ". Итакъ, виноградарь Поль-Луи, ты, который одинъ въ твоей странѣ соглашаешься быть сыномъ народа, дерзай быть памфлетистомъ и заявляй объ этомъ громко. Пиши, твори памфлеты до тѣхъ поръ, пока будетъ хватать матеріалъ. Влѣзай на крышу, проповѣдуй Евангеліе народамъ, и они будутъ тебя слушать".

IV.—Кормененъ.

Еще въ началѣ нашей статьи мы упомянули о вліяніи, которое Поль-Луи Курье оказалъ на слѣдующихъ памфлетистовъ. Прежде всего это вліяніе Курье сказывается на Кормененѣ, самомъ знаменитомъ памфлетистѣ іюльской монархіи.

Въ эпоху реставраціи Кормененъ принадлежалъ къ роялистамъ правой, но іюльская революція была для него тѣмъ же fiat lux, какимъ она была для Ламенне и отчасти для Шатобріана. Изъ рядовъ роялистовъ Кормененъ перешелъ прямо къ крайней республиканской лѣвой и принялъ участіе въ борьбѣ противъ Луи-Филиппа. По своему образованію и по своей предшествующей дѣятельности Кормененъ былъ юристомъ. Съ этого времени онъ сохранилъ то почитаніе формъ, которымъ онъ, какъ увидимъ, очень часто въ продолженіе своей политической дѣятельности, приносилъ въ жертву самую суть.

Памфлеты Корменена не получили такой всемірной извѣстности и не будутъ пользоваться литературной долговѣчностью памфлетовъ Курье, но въ свое время они распространялись въ десяткахъ тысячъ экземпляровъ. По количеству изданій они даже имѣли несравненно большій успѣхъ, чѣмъ памфлеты самого Курье, что̀ объясняется и успѣхами грамотности, а главное перемѣной режима. Іюльская революція вызвала въ широкой массѣ необыкновенный интересъ къ политическимъ и обществен-

нымъ вопросамъ, и при этомъ, съ уничтоженіемъ стѣснительныхъ мѣръ противъ печати, дала возможность писателямъ войти въ прямое общеніе съ народомъ. Наконецъ, памфлеты Корменена были написаны на языкѣ болѣе близкомъ народу. Курье своимъ чисто классическимъ языкомъ, своими закругленными періодами имѣлъ въ виду главнымъ образомъ людей съ извѣстнымъ литературнымъ вкусомъ. Эти качества отсутствуютъ у Корменена; у него нѣтъ и той широкой литературной образованности, проявляющейся у Курье на каждой страницѣ во множествѣ намековъ, цитатъ, именъ изъ современной и прошлой исторіи, смыслъ которыхъ могъ понимать только ограниченный кружокъ людей. Наоборотъ, у Корменена языкъ чрезвычайно простой, сжатый, нервный, говорящій прежде всего здравому смыслу.

Корменeнъ родился въ Парижѣ въ 1788 году. По окончаніи юридическаго факультета онъ посвятилъ себя спеціально административному праву и въ 1822 году издалъ даже особое руководство по этому предмету—первое полное руководство, вышедшее на французскомъ языкѣ. За свои большія юридическія познанія онъ былъ назначенъ въ государственный совѣтъ. Чтобы вознаградить его за административныя заслуги, Карлъ X далъ ему въ 1826 году титулъ барона, а потомъ виконта, и создалъ майоратъ въ его пользу. Потомъ онъ былъ выбранъ депутатомъ, какъ крайній роялистъ, но скоро разразилась іюльская революція, вызвавшая перемѣну его взглядовъ.

Когда 12-го августа 1830 года, послѣ предложенія депутата Берара, палата, выбранная еще при Карлѣ X, рѣшила, что престолъ свободенъ и можетъ перейти къ Луи-Филиппу, Корменeнъ вышелъ въ отставку. Онъ считалъ, что палата формально не имѣла права предрѣшать вопросъ о формѣ правленія и что для этого нужно созвать особое учредительное собраніе. Въ то же время онъ представилъ свою отставку въ государственный совѣтъ, отказался отъ созданнаго въ его пользу майората и пересталъ носить какіе бы то ни было ордена.

Черезъ нѣсколько времени онъ снова явился въ палату въ качествѣ депутата. Онъ не обладалъ ораторскимъ талантомъ и поэтому очень рѣдко появлялся на трибунѣ. Кромѣ того, онъ былъ чрезвычайно застѣнчивъ и легко терялся передъ публикой. Но памфлеты его скоро создали ему еще бо̀льшую извѣстность, чѣмъ та, которою пользовались многіе ораторы.

Первымъ памфлетомъ Корменена были его „Письма о королевскомъ цивильномъ листѣ“.

Когда шла рѣчь о кандидатурѣ Луи-Филиппа на французскій престолъ, то однимъ изъ аргументовъ въ его пользу была его скромная частная жизнь. Защитники его кандидатуры предсказывали, что царствованіе Луи-Филиппа будетъ „самымъ дешевымъ царствованіемъ". Но каково было всеобщее удивленіе, когда въ первый же годъ своего царствованія Луи-Филиппъ представилъ цивильный листъ, доходившій до суммы 18.533.000 франковъ! Кромѣ того въ пользованіе королевской фамиліи переходили земли, лѣса и луга, приносившіе ежегодно 4 милліона франковъ дохода. Въ пользованіе той же королевской фамиліи переходили и 11 великолѣпныхъ дворцовъ съ драгоцѣнной меблировкой. Эти преувеличенныя требованія возбудили всеобщее негодованіе, самымъ удачнымъ истолкователемъ котораго явился Корменевъ. Въ своихъ письмахъ онъ со сдержанной, но неумолимой ироніей подвергаетъ критикѣ одинъ за другимъ всѣ параграфы королевскаго жалованья. Въ то же время онъ дѣлаетъ такія характерныя сравненія съ цивильными листами прошедшихъ режимовъ, что корыстолюбіе орлеанской династіи должно было бы поразить всѣхъ. „Когда Францiя была бичомъ міра,— замѣчаетъ Корменевъ,—три консула ея стоили всего 1.050.000 франковъ". Не болѣе выгодны для Луи-Филиппа были и тѣ сравненія, которыя дѣлалъ Корменевъ между нимъ и Карломъ X. Послѣдній на нужды своей придворной церкви получалъ въ десять разъ меньшую сумму, чѣмъ та, которую требовалъ Луи-Филиппъ, хотя всѣ знали, что Луи-Филиппъ менѣе набоженъ и ходитъ въ церковь гораздо рѣже. Всѣ, знавшіе его воздержность и скупость, поражены тѣмъ, что онъ требуетъ только на мелкіе расходы (menus plaisirs) колоссальную сумму въ 4.268.000 франковъ. Между другими расходами онъ записалъ 300 лошадей, по 1.000 франковъ на содержаніе каждой, „то-есть больше, чѣмъ получалъ членъ академіи". Однимъ изъ аргументовъ, которымъ пользовались придворные Луи-Филиппа, былъ тотъ, что цивильный листъ представляетъ „вспомогательную кассу, которая всегда открыта для несчастныхъ". „Жалкій софизмъ,— отвѣчалъ на это Корменевъ,—цивильный листъ оплачивается народомъ, мелкимъ народомъ, и смѣшно брать у народа его деньги для того, чтобы ему же дѣлать благодѣянія. Не то обогащаетъ народъ, что̀ у него берутъ, а то, что̀ ему оставляютъ, и нелѣпо видѣть въ излишней роскоши короля средство для развитія торговли, какъ будто богатство создается перемѣщеніемъ".

Впечатлѣніе отъ памфлетовъ Корменена было очень сильно.

Газеты оппозиціи съ своей стороны дополняли ихъ, сопоставляя претензіи короля съ бѣдственнымъ положеніемъ парижскаго населенія. Въ одномъ только парижскомъ 12 округѣ въ спискахъ общественнаго призрѣнія числилось 24.000 человѣкъ, не имѣющихъ ни хлѣба, ни одежды.

Депутаты оппозиціи не хотѣли согласиться на требованія двора, тѣмъ болѣе, что въ памяти всѣхъ была еще свѣжа исторія этой іюльской монархіи, не имѣвшей за собою ни историческаго права Бурбоновъ, ни военной славы Наполеона. Всѣ смотрѣли на Орлеанскій домъ какъ на узурпаторовъ. Этимъ объясняется и то страшное, неописуемое негодованіе, которое вызвало въ палатѣ неосторожное слово министра Монталивè. Когда онъ, говоря о цивильномъ листѣ, произнесъ слово „подданные", депутаты со всѣхъ концовъ бросились къ нему со своихъ мѣстъ, какъ бѣшеные. „Во Франціи нѣтъ подданныхъ, а есть граждане",—кричали одни.—„Люди, которые создаютъ королей—не подданные",—говорилъ депутатъ Маршаль.—Болѣе ста депутатовъ, подъ предводительствомъ Одилона Баро, вышли изъ палаты, чтобы написать протестъ, въ то время, какъ другіе кричали президенту палаты, чтобы онъ заставилъ министра взять эти слова назадъ.

Въ виду этого общаго протеста, Луи-Филиппъ уменьшилъ свои требованія и королевскій окладъ былъ опредѣленъ въ суммѣ около 14 милліоновъ франковъ. Но баснословное корыстолюбіе Орлеановъ постоянно понуждало ихъ къ обогащенію себя всѣми средствами на счетъ государственнаго бюджета. И при всякомъ такомъ фактѣ Кормененъ появлялся съ новымъ памфлетомъ, подъ псевдонимомъ греческаго мизантропа Тимона. Такъ въ 1838 году онъ издалъ: „Смиреннѣйшія указанія Тимона по поводу новаго рода равновѣсія, которое хочетъ установить цивильный листъ между четырьмя милліонами, которые онъ долженъ государственной казнѣ, и четырьмя милліонами, которые государственная казна не должна ему". Въ самое короткое время этотъ памфлетъ выдержалъ 40 изданій.

Въ 1845 году Кормененъ выпустилъ новый памфлетъ „Скандальные вопросы по поводу одного пожалованія". Поводомъ къ этому памфлету послужило предложеніе отдать дворецъ Рамбулье вмѣстѣ съ его окрестностями въ видѣ подарка Немурскому герцогу, сыну Луи-Филиппа. „Я слишкомъ много разъ подводилъ ваши счеты, монсиньоръ", обращается Кормененъ къ герцогу, „для того, чтобы не напоминать вамъ здѣсь снова, что вы и ваши близкіе пользуетесь Лувромъ, Тюльери, дворцами Елисейскимъ и

Бурбоновъ и ихъ службами, замками Марли, Сенъ-Клу, Медонскимъ, Сенъ-Жерменскимъ, Компьенскимъ, Фонтенебло и По, такъ же, какъ и домами, зданіями, фабриками, землями, лугами, фермами, лѣсами и рощами, составляющими ихъ, Булонскимъ и Венсенскимъ лѣсами, рощею Сенаръ, бриллiантами, жемчугомъ, драгоцѣнными камнями, статуями, картинами, рѣзными камнями, музеями, библіотеками, и другими памятниками искусства, такъ же какъ мебелью, сохраняющеюся въ разныхъ дворцахъ и королевскихъ учрежденіяхъ". Далѣе Кормененъ указываетъ, сколько добрыхъ дѣлъ можно было бы сдѣлать на тѣ богатства, которыхъ герцогъ требуетъ для себя. „Съ 40 милліонами, которыхъ стоитъ Рамбулье, вы могли бы дать народныя библіотеки тридцати восьми тысячамъ французскихъ коммунъ. Вы могли бы устроить двѣнадцать тысячъ школъ шитья для бѣдныхъ деревенскихъ женщинъ. Вы покрыли бы расходы на устройство десяти тысячъ пріютовъ для маленькихъ дѣтей. Вы открыли бы въ трехстахъ пятидесяти городахъ свободныя убѣжища для стариковъ и старухъ. Вы не дали бы умирать съ голоду въ теченіе двухъ зимнихъ мѣсяцевъ тридцати тысячамъ рабочихъ, оставшихся безъ работы. Вы въ теченіе пяти лѣтъ доставляли бы пенсію въ 100 франковъ пяти тысячамъ раненыхъ, изувѣченныхъ и больныхъ солдатъ".

И этотъ памфлетъ получилъ необыкновенное распространеніе. Онъ проникъ въ такія деревни и хижины, куда никогда не попадали газеты. Въ сѣверномъ департаментѣ крестьяне собирались слушать его чтеніе, по нѣскольку человѣкъ, вокругъ грамотнаго крестьянина, который читалъ его вслухъ.

Литературная дѣятельность Корменена создала ему громадную популярность во всѣхъ политическихъ фракціяхъ демократической лѣвой. Но онъ утратилъ всѣ эти симпатіи, когда черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ упомянутаго памфлета выпустилъ брошюру подъ заглавіемъ „Oui et Non!" гдѣ вступился за іезуитовъ, у которыхъ новый законъ отнималъ право преподаванія.

„Свобода совѣсти важна для католиковъ?—спрашиваетъ Кормененъ и отвѣчаетъ: „Да. А для протестантовъ? Да. А для евреевъ? Да. А для философовъ? Да. И для вѣрующихъ? Да. И для невѣрующихъ? Да. И для тѣхъ, которые перестали вѣрить? Да. И для тѣхъ, которые будутъ вѣрить? Да. Значитъ для всѣхъ? Да. А когда въ свободной странѣ стѣсняютъ свободу совѣсти нашихъ священниковъ, развѣ этимъ не стѣсняютъ нашей свободы? Да. А когда стѣсняютъ нашу свободу, развѣ этимъ не

стѣсняютъ и вашу. Да. Quod erat demonstrandum—какъ говоритъ латинистъ—что и требовалось доказать".

Этотъ памфлетъ вызвалъ въ антиклерикальномъ лагерѣ цѣлую литературу памфлетовъ, направленныхъ противъ Корменена. И нѣкоторые изъ нихъ носили довольно характерныя заглавія: „Посвящается святому Корменену, памфлетисту и мученику", или „Смиреннѣйшій отвѣтъ на литіи гражданина Тимона, виконта де-Корменена, эксъ-имперіалиста, эксъ-ультра рояниста, эксъ-радикала, эксъ-остроумнаго человѣка, а нынѣ ультрамонтана".

Вопросъ о свободѣ образованія былъ послѣднимъ, о которомъ Корменень писалъ, какъ памфлетистъ. Послѣ революціи 1848 года онъ былъ снова избранъ депутатомъ. Палата избрала его въ коммиссію, назначенную для переработки конституціи республики. По инціативѣ Корменена былъ проведенъ роковой для республики параграфъ, по которому президентъ республики выбирался самимъ народомъ, что, какъ извѣстно, помогло Луи Бонапарту осуществить свои диктаторскія цѣли.

Корменень былъ безусловнымъ приверженцемъ всеобщаго избирательнаго права, даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда оно могло привести къ прямо противоположнымъ результатамъ. Онъ смотрѣлъ на конституцію черезъ очки юриста, который ищетъ логическаго развитія одного принципа, не сообразуясь съ реальными условіями.

При второй имперіи Корменень снова поступилъ на службу въ государственный совѣтъ. Наполеонъ III предложилъ ему мѣсто сенатора, но, по словамъ анонимнаго автора біографической замѣтки, приложенной къ книгѣ Корменена „Les orateurs", послѣдній отказался, такъ какъ по принципу былъ противъ сената и противъ многочисленныхъ должностей.

Въ заключеніе замѣтимъ, что Корменень былъ большимъ филантропомъ; часть доходовъ, получаемыхъ имъ съ многочисленныхъ изданій его памфлетовъ, посвящалась на помощь сиротамъ и бѣднымъ.

Кромѣ политическихъ памфлетовъ, Корменень писалъ и популярныя книжки научнаго и нравственнаго содержанія. Эти своего рода крестьянскіе памфлеты получили тоже очень широкое распространеніе.

VII.—Вельо.

Однимъ изъ неожиданныхъ на первый взглядъ результатовъ французской революціи было появленіе той ультрамонтанской

партіи во Франціи, къ которой принадлежалъ памфлетистъ Вельо. Но прежде чѣмъ перейти къ его характеристикѣ, мы должны указать общія причины ультрамонтанскаго движенія. Такихъ причинъ три—и всѣ онѣ связаны съ событіями революціи. Во-первыхъ, во время революціи духовенство освободилось отъ священниковъ, чуждыхъ католической религіи по духу и характеру [1]).

Нѣкоторые изъ нихъ пристали къ различнымъ фракціямъ третьяго сословія, другіе эмигрировами за границу вмѣстѣ съ дворянами, и въ духовенствѣ остались только священники, преданные религіи и своей миссіи. Этотъ подборъ несомнѣнно поднялъ нравственный уровень французскаго духовенства, который въ этомъ отношеніи даже и теперь выше духовенства стараго режима.

Вторая причина заключалась въ конкордатѣ. Мы уже видѣли изъ жизни Шатобріана, что конкордатъ поставилъ французское духовенство въ большую зависимость отъ правительства, и это въ то время, когда само духовенство больше, чѣмъ когда-нибудь, цѣнило и дорожило своей независимостью.

Противъ всесильнаго правительства духовенству оставалась только одна поддержка—поддержка папы. „Пользуясь покровительствомъ свѣтской власти,—пишетъ орлеанистскій епископъ Туше,—епископы стараго режима мало нуждались въ поддержкѣ Рима. Но теперь, когда мы лишены поддержки власти, которая относится къ намъ скорѣе враждебно, чѣмъ дружески, — мы выработали въ себѣ привычку чаще обращаться къ папѣ“ [2]).

Внутренняя перемѣна въ самомъ духовенствѣ, новыя отношенія церкви къ государству—вотъ что̀ создало ультрамонтанское движеніе.

Этому способствовала и третья причина—развитіе демократической формы правленія. Не нужно упускать изъ виду, что значительная часть французскаго населенія, а въ особенности крестьянство, остается вѣрнымъ по традиціи католической религіи. Пока это крестьянство не пользовалось политическими правами, духовенство его игнорировало, какъ политическую силу. Но какъ только крестьянство, благодаря борьбѣ городскихъ массъ, получило избирательныя права, духовенство постаралось организовать въ его средѣ клерикальную партію, обращаясь къ его религіозному фанатизму и къ его предразсудкамъ. Демагогическая

---

[1]) F. de Lamennais, Affaires de Rome, éd. 1844, p. 263.

[2]) La Vie intime de l'Eglise (Un Siècle, le Mouvement du Monde de 1800 à 1900). Paris, 1901, p. 873.

политика духовенства имѣетъ еще и теперь успѣхъ во Франціи и будетъ его имѣть, пока весь французскій народъ не подымется до полнаго политическаго сознанія.

Самыми ярыми защитниками ультрамонтанства являлись духовные ордена. Какъ извѣстно, они въ теченіе всего XIX столѣтія—до изданія послѣдняго закона объ ассоціаціяхъ — жили болѣе самостоятельною жизнью, чѣмъ бѣлое духовенство, получавшее вознагражденіе изъ государственной казны.

Говоря о Шатобріанѣ, мы видѣли какія усилія употребляли духовные ордены въ эпоху реставраціи, чтобы путемъ разныхъ реакціонныхъ мѣръ утвердить свою власть надъ французскимъ обществомъ. Іюльская революція разрушила всѣ эти мечты, вызвавъ другія, которымъ также мало суждено было осуществиться. Мы имѣемъ въ виду истинное демократическое теченіе среди ультрамонтановъ, во главѣ котораго былъ аббатъ Ламенне. Онъ желалъ примирить церковь съ политической свободой и съ современной мыслью, какъ раньше Шатобріанъ желалъ сдѣлать то же самое относительно аристократіи. Но Римъ, понимавшій хорошо, что абсолютизмъ церкви неразрывно связанъ съ абсолютизмомъ власти, положилъ конецъ демократическому ультрамонтанизму.

Ультрамонтанизмъ опять вернулся къ старой реакціонной политикѣ. Къ этому періоду исторіи французскаго клерикализма относится и дѣятельность Вельо.

Правда, и Вельо проявлялъ въ критическія минуты нѣкоторыя колебанія относительно политической программы. Но это бывало только до іюньской рѣзни 1848 г. Послѣ этого событія Вельо переходитъ на сторону крайней политической реакціи. Но какъ въ теченіе этого второго періода, такъ и во время его колебанія, цѣль оставалась у него одна и та же: усиленіе власти церкви. Этой цѣли онъ подчинялъ всѣ свои политическія, соціальныя и нравственныя идеи.

Въ сущности Вельо даже не признавалъ существованія другихъ цѣнныхъ идей, кромѣ религіозныхъ. „Я мало питаю уваженія къ тому, что̀ называютъ убѣжденіемъ, — писалъ онъ,— если только это убѣжденіе не изъ области религіи. Всякое понятіе, не относящееся къ области религіи, есть обманчивый софизмъ страсти, упрямства или интереса. Правда, можно и искренно находиться подъ властью этого софизма: почти въ каждомъ сумасшедшемъ домѣ есть больные, искренно считающіе себя солнцемъ“ [1]). Всѐ, что̀ не согласуется съ католической религіей,

[1]) Louis Veuillot, Rome et Lorette. P., éd. 1848, p. 21.

есть заблужденіе, ложь, противъ которой нужно бороться всѣми средствами. Ложь — тоже религіозная терпимость и религіозная свобода. Послѣднюю онъ допускаетъ только и исключительно въ пользу католической церкви. „Я больше страдаю,—писалъ онъ двадцать лѣтъ спустя, — и считаю свои интересы болѣе нарушенными тѣмъ, что не могу поддерживать и защищать папскую энциклику, чѣмъ невозможностью выразить свое мнѣніе на счетъ мексиканской экспедиціи, или насчетъ публичности засѣданій городскихъ совѣтовъ [1]). Здѣсь Вельо напоминаетъ Ламенне эпохи революціи, когда будущій авторъ „Словъ одного вѣрующаго", былъ ярымъ клерикаломъ и писалъ: „Да! мы противъ толерантности" [2]). Вельо тоже противъ терпимости и приводитъ тотъ же аргументъ, что приводилъ и Ламенне, т.-е. что онъ не можетъ допустить „никакого параллелизма или равенства между истиной и заблужденіемъ". Такимъ образомъ, Вельо шелъ по стопамъ Ламенне, но онъ не обладалъ ни той относительною сдержанностью, которую духовное званіе налагало на священника Ламенне, ни той высокой научной и литературной культурой, которая удерживала Ламенне отъ тривіальности и грубости обычной газетной полемики. Сама религіозная идея, которой служилъ Ламенне, была несомнѣнно болѣе возвышенна по существу, такъ какъ она не только не наполняла его сердце ненавистью къ человѣчеству, но, наоборотъ, зажигала въ немъ горячую любовь къ людямъ. А подъ религіозной маской Вельо всѣ видѣли лицо, физическое безобразіе котораго вполнѣ выражало его желчную и завистливую душу. Слова, которыя Вельо писалъ по адресу своихъ противниковъ, вполнѣ могли бы быть приложены къ нему самому. Именно религіозныя идеи Вельо представляли не что иное, какъ обманчивый софизмъ, подъ которымъ скрывались страсти и интересы. Вельо вышелъ изъ народа, но у него не видны ни та доброта, ни то чувство состраданія, которыми отличается народъ; изъ своей родной среды Вельо воспринялъ и сохранилъ только грубые инстинкты. Эта черта его характера цѣликомъ перешла въ его памфлеты. Образцомъ дикой полемики Вельо можетъ служить его „Галерея свободныхъ мыслителей", въ которой онъ выступаетъ въ защиту религіи слѣдующимъ образомъ: „Я знаю твою силу и не оспариваю ее, — пишетъ онъ одному изъ своихъ противниковъ, — ты говоришь каждый день сотнѣ тысячъ идіотовъ, которые слышатъ только твой голосъ и

---

[1]) L. Veuillot, Odeurs de Paris. P. 1867, p. 13.

[2]) F. de Lamennais, Essais sur l'indifférence en matière de réligion. P. 1820, t. II, p. XXXV.

не хотятъ слушать никакого другого;—поэтому ты можешь раздавить меня, глупецъ! Но ты давишь меня ногами твоей гнусной массы, а не умомъ. Ты давишь меня, какъ взбѣсившійся быкъ давитъ иногда пастуха, котораго встрѣтилъ одного и безоружнаго. Торжествуй, быкъ, и будь побѣдителемъ! Ты вѣсишь тысячу килограммовъ и тебя украшаютъ два рога. Но послушай. Ты меня раздавишь, но я человѣкъ и успѣю сказать нѣсколько словъ, которыя, несмотря на твой ревъ, дойдутъ до ушей тѣхъ, кто такіе же люди, какъ и я. Эти слова научатъ ихъ, какъ нужно тебя загнать въ стадо или на работу". Сравненіе свободомыслящаго съ „быкомъ" настолько нравится Вельо, что онъ имъ пользуется и въ другихъ своихъ памфлетахъ. Такимъ же языкомъ выражался Вельо и о другихъ современникахъ. О поэтѣ Беранже онъ говорилъ, что въ его народныхъ пѣсняхъ—„ложныя мысли, ложная веселость, ложное добродушіе", что „патріотизмъ его притворенъ, безнравственность гнусна, безбожіе глупо". Браня живыхъ, онъ не щадилъ и мертвыхъ. Онъ называлъ Мольера „скоморохомъ" [1], а о слогѣ Вольтера писалъ: „Это кинжалъ убійцы. Онъ твердъ, блестящъ, остеръ, хорошо заключенъ, съ красивой ручкой и укладывается въ карманъ". Эта ретроспективная ненависть къ умершимъ доходила у Вельо до пароксизмовъ. Онъ начиналъ жалѣть, что мертвецы не могутъ еще разъ явиться на землю, чтобы понести заслуженное наказаніе. Онъ проклиналъ Марка Аврелія за то, что тотъ не убилъ своего сына Коммода, и Карла IX за то, что онъ перерѣзалъ слишкомъ мало гугенотовъ; онъ сыпалъ проклятіями по поводу того, что не нашлось ни одного государя, который бы сжегъ Лютера живымъ. Въ томъ же духѣ и тѣмъ же языкомъ Вельо писалъ и свои памфлеты и свои политическія статьи. У него не было даже того остроумія, которое у Рошфора, напримѣръ, обезвреживаетъ отчасти ядовитость его слога. Вельо всегда золъ и злобенъ до послѣдней степени. Онъ наносилъ своимъ противникамъ удары съ жестокостью палача, который не понимаетъ ничего, кромѣ возложенной на него обязанности. Впрочемъ, онъ самъ видѣлъ въ себѣ орудіе—правда, орудіе Божьяго промысла, но во всякомъ случаѣ только орудіе. „Въ самыя раннія времена христіанской церкви существовали распространители Божьяго слова,—писалъ онъ,—которые ходили по большимъ дорогамъ съ палкой въ рукѣ. Дороги тогда были не безопасны, и при случаѣ они пускали въ

[1]) Charles de Mazade, Un pamphletaire catholique (Revue des Deux Mondes, 15 Juillet 1884, p. 411).

ходъ палку. Я — такой же распространитель Божьяго слова. У меня тоже палка и я пускаю ее въ ходъ".

Во все время своей дѣятельности Вельо оставался чѣмъ-то въ родѣ свѣтскаго посланника папы во Франціи, чѣмъ-то въ родѣ цензора и наставника не только католическихъ массъ, не только низшаго католическаго духовенства, но и самихъ епископовъ. Часто онъ оказывался сильнѣе ихъ. Извѣстна его полемика съ парижскимъ архіепископомъ Сибуромъ и съ орлеанскимъ епископомъ Дюпанлу,—полемика, въ которой папа Пій IX принялъ сторону Вельо. Онъ былъ, можно сказать, вдохновителемъ и руководителемъ не только французскаго, но даже всемірнаго ультрамонтанства. Вельо началъ увѣнчавшуюся успѣхомъ кампанію для провозглашенія двухъ новыхъ католическихъ догматовъ, непорочнаго зачатія Божьей Матери и непогрѣшимости папы.

Съ другой стороны Вельо вызывалъ противъ себя страшное возмущеніе. Рѣдко журналистъ встрѣчалъ такую ненависть и презрѣніе среди французскаго общества, какъ Вельо. И это презрѣніе было всюду, какъ въ некатолическихъ, такъ и въ католическихъ либеральныхъ кругахъ. Епископъ Дюпанлу прозвалъ его „отцомъ-обвинителемъ" за его постоянные доносы. Другой католикъ, секретарь Шатобріана Даніело писалъ о немъ: „кто кричитъ, кто скрежещетъ зубами, кто кусается какъ Вельо? Это очковая змѣя фантастической литературы и крокодилъ клерикальныхъ газетъ" [1]).

„Полемика Вельо—теологическая сатурналія", говорилъ знаменитый доминиканецъ, либеральный аббатъ Лакордеръ: „Онъ компрометировалъ бы самого Бога, еслибы только Бога можно было компрометировать". Если Вельо не могъ компрометировать Бога, во всякомъ случаѣ несомнѣнно дѣятельность его компрометировала папство и католическую религію. Своими отрицательными свойствами она принесла пользу, такъ какъ способствовала исцѣленію значительной части французскаго общества отъ многихъ заблужденій относительно католической церкви.

Х. Г. Инсаровъ.

[1]) Danielo, Souvenirs sur Chateaubriand, p. 187.

КИМЪ

РОМАНЪ.

Kim, by Rudyard Kipling.

— —

VIII *).

— Ну, ради Бога, замѣни ты синее краснымъ,—сказалъ Магбубъ, намекая на синій индусскій, неприличный на его взглядъ, тюрбанъ Кима.

Кимъ отвѣтилъ ему старой пословицей: „И вѣру, и обычай охотно-бъ я смѣнилъ, когда бы ты за это заплатилъ".

Торговецъ до того расхохотался, что чуть не свалился съ лошади. Въ одной изъ лавокъ предмѣстья обмѣнъ былъ сдѣланъ, и Кимъ превратился, по крайней мѣрѣ по внѣшности, въ магометанина.

Магбубъ нанялъ комнату противъ желѣзнодорожной станціи, послалъ за самымъ вкуснымъ жаренымъ кушаньемъ, сластями, сдѣланными изъ творога съ миндалемъ, и лукноусскимъ табакомъ мелкой крошки.

— Это вкуснѣе, чѣмъ тѣ кушанья, которыя я ѣлъ, когда служилъ конюхомъ, и ужъ, конечно, въ школѣ такихъ вещей не даютъ.

— А я хотѣлъ бы послушать объ этой самой школѣ,— произнесъ Магбубъ, набивая себѣ ротъ кусками баранины, пропитанной специями и зажаренной въ салѣ съ капустой и темно-золотистымъ лукомъ.—Но сначала разскажи мнѣ подробно и точно,

---

*) См. выше: іюль, 247 стр.

какимъ образомъ ты убѣжалъ. Я не думаю, о, „всѣмъ на свѣтѣ другъ“,—при этомъ онъ разстегнулъ сдѣлавшійся ему тугимъ поясъ,—не думаю, чтобы сагибы и сыновья сагибовъ часто оттуда убѣгали.

— Да какъ же бы они это стали дѣлать? Они не знаютъ страны,—возразилъ Кимъ и разсказалъ шагъ за шагомъ всѣ свои приключенія, прерывая разсказъ кашлемъ, когда сильно пахнущій табакъ попадалъ ему въ легкія.

— Я говорилъ,—проворчалъ про себя Магбубъ,—я говорилъ, что жеребенокъ удралъ, чтобы приготовиться играть въ „поло“. Ему остается только научиться ходить разными ходами, различать разстоянія, выбирать дороги и направленія. Послушай-ка. Я отвратилъ бичъ полковника отъ твоей спины, и это не малая услуга.

— Вѣрно.—Кимъ мирно попыхивалъ изъ трубки.—Это все вѣрно.

— Но это не значитъ, что хорошо такъ удирать и опять возвращаться.

— Вѣдь это же были мои вакаціи, хаджи. Я былъ рабомъ много недѣль. Почему же мнѣ было и не убѣжать, когда школу закрыли? А ты сообрази, вѣдь живя у моихъ друзей или зарабатывая себѣ хлѣбъ въ качествѣ грума, я избавилъ полковника сагиба отъ многихъ издержекъ.

Губы Магбуба-Али дрогнули подъ красиво подстриженными магометанскими усами.

— Что значатъ для полковника сагиба нѣсколько рупій?—Онъ сдѣлалъ небрежное движеніе рукой.—Онъ тратитъ ихъ съ извѣстной цѣлью и ужъ никакъ не изъ любви къ тебѣ.

— Это,—медленно произнесъ Кимъ,—я знаю уже очень давно.

— Кто тебѣ сказалъ?

— Самъ полковникъ сагибъ. Не этими словами, но достаточно ясно для каждаго, у кого голова не сѣномъ набита. Да, онъ сказалъ мнѣ это въ поѣздѣ, когда мы вмѣстѣ ѣхали въ Лукноу.

— Пусть будетъ такъ. И тогда я скажу тебѣ еще больше, „всѣмъ на свѣтѣ другъ“, хотя этими словами и выдамъ тебѣ себя головою.

— Ты ужъ мнѣ ее выдалъ,—съ глубокимъ наслажденіемъ проговорилъ Кимъ,—въ Умбаллѣ, когда взялъ меня къ себѣ на лошадь, послѣ того, какъ мальчишка барабанщикъ побилъ меня.

— Говори яснѣе. Всѣ другіе могутъ лгать, кромѣ насъ съ

тобой. Ибо и твоя жизнь въ моихъ рукахъ,—стоитъ мнѣ пальцемъ шевельнуть.

— И это мнѣ тоже извѣстно,—сказалъ Кимъ, поправляя красный уголь въ трубкѣ.—Между нами существуетъ поэтому прочная связь. Но твое положеніе вѣрнѣе еще моего, потому что кому какое дѣло до того, что какого-то мальчишку забили до смерти или сбросили въ какой-нибудь колодезь у дороги? А съ другой стороны, очень многіе въ Симлѣ и по дорогамъ за горами стали бы спрашивать: „Что случилось съ Магбубомъ-Али?“ еслибы его нашли мертвымъ среди лошадей. Навѣрно также полковникъ сагибъ сталъ бы производить дознанія. Хотя, конечно,—лицо Кима все сморщилось отъ лукавства,—онъ не сталъ бы слишкомъ дознаваться, иначе люди начали бы спрашивать: „Что за дѣло этому полковнику сагибу до этого торговца лошадьми?“ Но я... если я буду живъ...

— Такъ какъ ты навѣрное умрешь...

— Можетъ быть, но я говорю: если я буду живъ, то я, я одинъ буду знать, что кто-то, подъ видомъ простого вора, приходилъ къ Магбубу-Али подъ навѣсъ въ сараѣ ночью и тамъ убилъ его, прежде чѣмъ или послѣ того какъ обыскалъ его переметныя сумы и подошвы его туфель. Надо ли сообщать эти новости полковнику или, можетъ быть, онъ мнѣ скажетъ (я не забылъ, какъ онъ посылалъ меня за сигарами, которыхъ не оставлялъ): „Какое мнѣ дѣло до Магбуба-Али?“

Выпущенное пухлое облако тяжелаго дыма поползло вверху. Послѣдовало долгое молчаніе. Наконецъ, Магбубъ-Али произнесъ восторженно:

— И съ такими-то мыслями въ головѣ ты ложишься и встаешь среди маленькихъ сыновей сагибовъ въ школѣ и покорно выслушиваешь наставленія своихъ учителей?

— Это приказаніе,—кротко отвѣтилъ Кимъ.—Кто я такой, чтобы ослушаться приказанія?

— Самый совершенный изъ сыновъ Эблиса,—сказалъ Магбубъ-Али,—но что это за сказка про вора и про обыскъ?

— Это то, что я видѣлъ,—отвѣчалъ Кимъ и передалъ во всѣхъ подробностяхъ все, что ему удалось подсмотрѣть сквозь щель въ перегородкѣ.

— Ха!—Магбубъ-Али ласково улыбнулся.—Видя все это, ты что же себѣ придумалъ, кладезь истины?

— Ничего. Я положилъ руку на мой амулетъ и, помня объ аттестатѣ бѣлаго жеребца, найденномъ мною въ краюшкѣ магометанскаго хлѣба, отправился въ Умбаллу, сообразивъ, что мнѣ

довѣрена важная тайна. Тогда, стоило мнѣ захотѣть, и я выдалъ бы тебя головой. Мнѣ стоило только сказать этому человѣку: „у меня тутъ есть бумага, которую я не могу прочитать, о какой-то лошади“. И тогда?—Кимъ взглянулъ на Магбуба изъ-подъ сдвинутыхъ бровей.

— Тогда тебѣ не пришлось бы пить воды болѣе двухъ или трехъ разъ. Думаю, что не болѣе трехъ,—отвѣчалъ Магбубъ просто.

— Это правда. Я и объ этомъ немного подумалъ, но больше я думалъ о томъ, что люблю тебя, Магбубъ. Поэтому я отправился въ Умбаллу, какъ тебѣ извѣстно, но—и это тебѣ неизвѣстно—я лежалъ спрятавшись въ травѣ, чтобы посмотрѣть, что̀ станетъ дѣлать полковникъ Крейтонъ сагибъ, прочитавъ бумагу.

— Что̀ же онъ дѣлалъ?

— А *ты* передаешь извѣстія изъ любви или продаешь ихъ?

— Я продаю и... покупаю.—Магбубъ вынулъ изъ пояса монету въ четыре „анна“ и протянулъ ее мальчику.

— Восемь!—сказалъ Кимъ, невольно слѣдуя своей восточной привычкѣ торговаться.

Магбубъ засмѣялся и спряталъ монету.

— На этомъ рынкѣ слишкомъ легко торговать, „всѣмъ на свѣтѣ другъ“,—сказалъ онъ.—Скажи мнѣ изъ любви. Наши жизни взаимно въ рукахъ другъ у друга.

— Ну, хорошо,—согласился Кимъ и подробно разсказалъ Магбубу о сценѣ въ уборной и о тѣхъ выгодахъ, которыя онъ извлекъ, путешествуя съ ламой, изъ своего подслушиванья.

— Это было безуміе,—сказалъ, нахмурившись, Магбубъ.— Такія новости не для того существуютъ, чтобы ихъ разбрасывать, какъ мусоръ; ихъ надо употреблять осторожно и экономно.

— Теперь и я такъ думаю, но вѣдь это было давно,—онъ сдѣлалъ движеніе смуглой тонкой рукой, какъ бы отбрасывая все это въ сторону,—съ тѣхъ поръ и особенно по ночамъ въ школѣ я очень много думалъ.

— А позволено ли спросить, куда были направлены мысли Небомъ рожденнаго?—сказалъ Магбубъ съ дѣланнымъ сарказмомъ, поглаживая свою красную бороду.

— Позволено,—отвѣчалъ Кимъ тѣмъ же тономъ.—Въ Лукноу говорятъ, что ни одинъ сагибъ не долженъ признаваться въ своей ошибкѣ черному человѣку.

Магбубъ невольно схватилъ мальчика за воротъ: для „патана“ кровная обида, если его назовутъ „чернымъ человѣкомъ“.

— Но,—произнесъ Кимъ,—я не сагибъ и говорю, что былъ не правъ, когда проклиналъ тебя, Магбубъ-Али, тогда, въ Умбаллѣ, за измѣну. Теперь я сознаю, хаджи, что это было хорошо сдѣлано, и путь мой ясенъ предо мною. Я останусь въ школѣ, пока не сдѣлаюсь вполнѣ взрослымъ.

— Хорошо сказано. Особенно ты долженъ выучиться измѣрять время и пространства. Тебя ждетъ одинъ человѣкъ въ горахъ, чтобы научить всему этому.

— Я согласенъ учиться у нихъ, но подъ однимъ условіемъ, чтобы я былъ предоставленъ самому себѣ безъ всякихъ разговоровъ, когда школу закрываютъ. Попроси для меня объ этомъ у полковника.

— Но почему же не попросить объ этомъ у полковника на языкѣ сагибовъ?

— Полковникъ—слуга правительства. Ему скажутъ слово и онъ ѣдетъ туда или сюда и при этомъ еще долженъ заботиться о собственномъ повышеніи по службѣ. (Видишь, я ужъ многому научился въ Лукноу!) Кромѣ того, полковника я знаю всего три мѣсяца, а нѣкоего Магбуба-Али я зналъ шесть лѣтъ. Вотъ что! Въ школу я пойду. Въ школѣ буду учиться. Въ школѣ я буду сагибомъ. Но когда школа закрыта, я долженъ быть свободенъ и идти къ моему народу. Иначе я умру!

— А гдѣ твой народъ, „всѣмъ на свѣтѣ другъ“?

— Во всей этой огромной, прекрасной странѣ,—отвѣчалъ Кимъ, обводя своей смуглой рукой вокругъ маленькой комнаты съ глиняными стѣнами. Масляная лампа въ нишѣ бросала тусклый свѣтъ сквозь полосы табачнаго дыма.—А потомъ я увижу моего ламу. А потомъ мнѣ нужны деньги.

— Онѣ каждому нужны,—спокойно возразилъ Магбубъ.—Я дамъ тебѣ восемь „анна“, ибо изъ конскихъ копытъ денегъ не достанешь, а этого тебѣ хватитъ на нѣсколько дней. Что касается всего остального, то я доволенъ, и говорить больше не о чемъ. Торопись учиться, и черезъ три года, а можетъ быть и скорѣе, ты будешь годиться въ помощники даже мнѣ.

— А до сихъ поръ я былъ помѣхой?—хихикнулъ по-мальчишески Кимъ.

— Не возражай! — проворчалъ Магбубъ. — Ты мой новый мальчикъ-конюхъ. Отправляйся ночевать съ моими людьми. Они возлѣ сѣверной стороны станціи вмѣстѣ съ лошадьми.

— Но если я явлюсь безъ всякаго полномочія отъ тебя, то

они мнѣ дадутъ такую затрещину, что я перелечу на южную сторону станціи.

Магбубъ ощупалъ свой поясъ, обмакнулъ большой палецъ въ китайскія чернила и надавилъ имъ на кусочекъ мягкой туземной бумаги. Отъ Балка до Бомбея всѣ знали эту грубую печать съ поперечной морщиной стараго пальца.

— Вотъ покажи это моему управителю. А я пріѣду утромъ.

— По какой дорогѣ?

— Изъ города. Другихъ дорогъ нѣтъ. А потомъ мы вернемся къ Крейтону сагибу. Я тебя избавилъ отъ порки.

— Аллахъ! Что значитъ порка, когда не увѣренъ, что и голова-то цѣла на плечахъ?

Кимъ спокойно вышелъ, обогнулъ въ темнотѣ домъ, держась вдоль стѣнъ, и потомъ сдѣлалъ большой обходъ, чтобы успѣть выдумать цѣлую исторію, къ случаѣ, еслибы конюхи Магбуба стали задавать ему вопросы. Управитель Магбуба хотѣлъ прогнать Кима, но смирился, увидавъ печать хозяина.

— Хаджи по своей милости взялъ меня къ себѣ на службу, —задорно заявилъ Кимъ. — Если не вѣрите, то подождите до утра, когда онъ пріѣдетъ. А пока дайте-ка мнѣ мѣстечко у огня.

Послѣдовала безцѣльная болтовня, безъ которой ни въ какомъ случаѣ не можетъ обойтись индусъ низшей касты. Потомъ всѣ замолчали и Кимъ улегся возлѣ кучки конюховъ Магбуба, почти совсѣмъ подъ колесами платформы, на которой стояли лошади, укрывшись взятымъ у кого-то на время одѣяломъ.

— Я очень старъ,—думалъ онъ въ полуснѣ.—Съ каждымъ мѣсяцемъ я старѣю на годъ. Какой я былъ молодой и глупый, когда отвозилъ посланіе Магбуба въ Умбаллу. Даже когда я шелъ съ этимъ бѣлымъ полкомъ, я былъ еще молодъ и малъ и лишенъ мудрости. Но теперь я каждый день чему-нибудь научаюсь, и черезъ три года полковникъ возьметъ меня изъ школы и пошлетъ съ Магбубомъ-Али на большую дорогу охотиться за лошадиными аттестатами, или, можетъ быть, я самъ поѣду. Или, можетъ быть, я найду ламу и пойду съ нимъ. Да, это лучше.

Мысли становились медленнѣе и безсвязнѣе. Онъ уже погружался въ блаженный сонъ, какъ вдругъ его слуха коснулся чей-то шопотъ, тонкій, но рѣзкій, выдѣлявшійся среди однообразной болтовни людей, сидѣвшихъ вокругъ огня. Шопотъ этотъ слышался изъ-за покрытой кожей платформы.

— Такъ, значитъ, его здѣсь нѣтъ?

— Гдѣ ему быть, какъ не въ городѣ? Кутитъ тамъ навѣр-

ное. Не ищи крысу въ лягушечьей лужѣ. Пойдемъ, что ли. Это не тотъ, котораго намъ нужно.

— Но онъ не долженъ второй разъ проѣхать черезъ ущелья. Таковъ приказъ.

— Найми женщину, чтобы отравила его. Стоитъ всего нѣсколько рупій, а доказательствъ никакихъ.

— Нѣтъ, женщину оставимъ. Надо дѣйствовать навѣрняка,— вспомни сколько обѣщали за его голову.

— Такъ какой же у тебя планъ?

— О, дуракъ! Тысячу разъ я тебѣ говорилъ. Подождемъ, пока онъ придетъ и ляжетъ спать, и тогда покончимъ однимъ вѣрнымъ выстрѣломъ. Насъ заслоняютъ платформы, и намъ только останется перебѣжать черезъ желѣзнодорожную линію и продолжать нашъ путь. Имъ не будетъ видно откуда сдѣланъ выстрѣлъ. Подождемъ по крайней мѣрѣ до разсвѣта. Чтò ты за факиръ, если тебя пугаетъ одна безсонная ночь?

„Ого!—подумалъ Кимъ, не раскрывая глазъ.— Опять Магбубъ. Довольно-таки нехорошо оказывается разносить сагибамъ аттестаты бѣлыхъ жеребцовъ! Или, можетъ быть, Магбубъ продалъ еще какія-нибудь новости. Что же теперь дѣлать, Кимъ? Я не могу вспомнить ни одного школьнаго урока, который помогъ бы мнѣ въ этомъ случаѣ. Во всякомъ случаѣ надо встать... люди иногда просыпаются отъ тяжелыхъ сновъ.“

Онъ вскочилъ и началъ выкрикивать безсмысленныя слова, какъ человѣкъ въ кошмарѣ, и съ закрытыми глазами побѣжалъ въ сторону, а конюхи осыпали его проклятіями за то, что онъ перебудилъ ихъ. Отбѣжавъ немного, онъ прилегъ, продолжая стонать и бормотать, такъ, чтобы его слышали шептавшіеся люди, и только подождавъ немного, прополвъ къ дорогѣ и сталъ пробираться въ глубокой темнотѣ. Дойдя до небольшого мостика черезъ канаву, онъ подлѣзъ подъ него, такъ что его подбородокъ пришелся на уровнѣ дороги. Такимъ образомъ онъ могъ наблюдать за движеніемъ по дорогѣ, а его самого не было видно.

Проѣхали двѣ или три повозки, проѣхалъ верхомъ кашляющій полицейскій и быстро прошелъ человѣкъ пѣшкомъ, громко распѣвая, чтобы отогнать отъ себя злыхъ духовъ. Наконецъ раздался стукъ подковъ.

— А! Вотъ это всего вѣроятнѣе Магбубъ,—подумалъ Кимъ, когда надъ его головой показалась голова лошади.

— Оэ, Магбубъ-Али!—прошепталъ онъ:—берегись!

Въ ту же секунду всадникъ такъ осадилъ лошадь, что она почти сѣла на заднія ноги.

— Никогда больше,—раздался голосъ Магбуба, — не буду ѣздить ночью на подкованной лошади. Онѣ себѣ ломаютъ и кости и копыта по городскимъ улицамъ.

Онъ наклонился, какъ будто поправляя что-то у лошади и его голова пришлась на футъ разстоянія отъ головы Кима.

— Не вылѣзай, сиди тамъ, — пробормоталъ Кимъ.—Ночь полна глазъ. Двое людей дожидаются тебя за повозками. Они хотятъ застрѣлить тебя, когда ты будешь ложиться спать, потому что твоя голова оцѣнена. Я это слышалъ, когда спалъ возлѣ лошадей.

— Ты ихъ видѣлъ?.. Да стой ты, чортово отродье! — сердито прикрикнулъ онъ на лошадь.

— Нѣтъ.

— Не былъ ли одинъ изъ нихъ одѣтъ факиромъ?

— Одинъ сказалъ другому: „какой же ты факиръ, если боишься одну ночь не поспать".

— Хорошо. Отправляйся назадъ къ стоянкѣ и ложись. Я не умру сегодня ночью.

Магбубъ поворотилъ лошадь и ускакалъ, а Кимъ пробрался на свое прежнее мѣсто, возлѣ лошадей. Прошелъ часъ и, несмотря на сильное желаніе не спать, онъ все-таки заснулъ.

Но Магбубъ не спалъ. Ему было чрезвычайно непріятно, что люди не его племени и не имѣвшіе никакого отношенія къ его случайнымъ любовнымъ похожденіямъ, преслѣдовали его съ тѣмъ, чтобы убить. Его первымъ и естественнымъ побужденіемъ было вернуться, схватить сзади своихъ доброжелателей и убить обоихъ за разъ. Но потомъ онъ сообразилъ къ своему большому неудовольствію, что другая часть администраціи, не имѣвшая никакого отношенія къ полковнику Крейтону, потребуетъ объясненій, а ихъ будетъ крайне трудно давать. Потомъ его осѣнила блестящая мысль. „Отправлюсь на станцію и скажу, что меня обокрали. На что̀ годится полиція, если бѣднаго Кабули могутъ свободно грабить! Если имъ удается словить вора, то это дѣлаетъ имъ большую честь. Я знаю одного молодого сагиба на станціи".

Онъ привязалъ лошадь и пошелъ на платформу.

— Эй, Магбубъ-Али! — крикнулъ молодой помощникъ начальника движенія, собира̀вшійся отправиться вдоль по линіи, высокій бѣлокурый юноша въ полотняномъ костюмѣ. — Что̀ ты тутъ дѣлаешь? Сѣно, что ли, продаешь — а?

— Нѣтъ, я пришелъ посмотрѣть не тутъ ли Лутуфъ-Улла. У меня на линіи стоятъ платформы съ лошадьми. Вѣдь безъ

вѣдома желѣзнодорожнаго управленія ихъ никто не можетъ тронуть?

— Ну, я думаю, Магбубъ. Ты можешь съ насъ взыскать, еслибы это случилось.

— Я видѣлъ двухъ людей, присѣвшихъ на корточки подъ колесами одной изъ платформъ. Почти всю ночь они тамъ просидѣли. Факиры не крадутъ лошадей, такъ что я не обратилъ на нихъ особеннаго вниманія. Хочу отыскать своего компаньона, Лутуфъ-Уллу.

— Чортъ возьми! И ты даже не сталъ ломать себѣ голову надъ тѣмъ, что̀ они тамъ дѣлаютъ и зачѣмъ пришли? Хорошо, что ты мнѣ попался. Какой видъ былъ у этихъ людей?

— Факиры они и больше ничего. Если и стащутъ, такъ я думаю, только немножко зерна съ одной изъ платформъ. Такихъ много ходитъ по линіи. Я сюда пришелъ отыскать моего компаньона, Лутуфъ-Улла...

— Брось ты своего компаньона. Гдѣ стоятъ платформы съ лошадьми?

— Немного въ сторонѣ, подальше, къ тому мѣсту, гдѣ зажигаютъ фонари для поѣздовъ.

— Возлѣ сигнальной будки? Да?

— На самыхъ ближнихъ рельсахъ справа, если смотрѣть на линію такъ. Что же касается Лутуфъ-Уллы, то онъ высокій человѣкъ съ перешибленнымъ носомъ и съ персидской борзой собакой.. И-ишь ты!

Юноша бросился будить молодого увлекающагося полицейскаго, потому что, какъ онъ говорилъ, желѣзная дорога очень страдала отъ грабежей и потери товаровъ. Магбубъ-Али хихикнулъ себѣ въ крашеную бороду.

— Теперь они пойдутъ въ своихъ сапожищахъ, нашумятъ, а потомъ будутъ удивляться, почему нѣтъ никакихъ факировъ. Ловкіе они ребята, эти молодые сагибы.

Онъ подождалъ, не двигаясь, нѣсколько минутъ, ожидая, что они побѣгутъ по линіи, воодушевленные предстоящимъ подвигомъ. Скоро блестящій паровозъ промчался мимо станціи, и Магбубъ поймалъ взглядъ молодого полицейскаго, проѣхавшаго на немъ.

— Я былъ несправедливъ къ этому юношѣ. Онъ не совсѣмъ дуракъ, — проговорилъ Магбубъ-Али. — Взять огненную повозку, чтобы поймать вора, это новая штука!

Когда на разсвѣтѣ Магбубъ-Али вернулся къ своимъ людямъ, то никто не счелъ нужнымъ сообщить ему о томъ что̀

случилось ночью. Никто, кромѣ маленькаго конюха, только-что поступившаго въ услуженіе къ великому человѣку. Магбубъ позвалъ его въ свою крошечную палатку помогать ему укладываться.

— Я все знаю,—прошепталъ Кимъ, наклоняясь надъ переметными сумками.—Два сагиба подъѣхали въ поѣздѣ. Я бѣгалъ въ темнотѣ то туда, то сюда по эту сторону платформъ, пока поѣздъ медленно двигался то взадъ, то впередъ. Они напали на двухъ людей, сидѣвшихъ подъ платформой... Хаджи, что мнѣ дѣлать съ этой глыбой табака? Завернуть въ бумагу и положить подъ этотъ мѣшокъ съ солью?.. Да... и они сшибли ихъ. Но одинъ изъ нихъ ударилъ сагиба факирскимъ козлинымъ рогомъ (Кимъ имѣлъ въ виду соединенные рога чернаго козла, составляющіе единственное свѣтское оружіе факировъ), полилась кровь. Тогда другой сагибъ поднялъ ружье, выпавшее изъ рукъ его безчувственнаго товарища, и ударилъ имъ факира. И всѣ они сшиблись съ такимъ бѣшенствомъ, точно безумные.

— Ты говоришь—ружье было? За это отсиживаютъ добрыхъ десять лѣтъ въ тюрьмѣ.

— Потомъ оба упавшіе лежали совершенно неподвижно и, мнѣ кажется, ихъ втащили въ поѣздъ уже полумертвыми. Головы у нихъ вотъ такъ качались. И по всей линіи столько крови! Пойди посмотри.

— Мнѣ случалось и прежде видѣть кровь. Тюрьма—мѣсто вѣрное... и, конечно, они назовутся ложными именами и, конечно, ни одному человѣку не удастся ихъ отыскать очень долго. Они были моими недругами. Твоя судьба и моя скованы одною цѣпью. А какой разсказъ для „цѣлителя жемчуга!“ Ну, теперь живо справляйся съ переметными сумками и посудой. Возьмемъ лошадей и маршъ въ Симлу.

Быстро, то-есть такъ, какъ считается быстро у восточныхъ народовъ: съ долгими объясненіями, съ бранью и пустой болтовней, небрежно и неопрятно, съ безконечными задержками и остановками по случаю забытыхъ мелочей собрался неряшливый караванъ и двинулся въ путь. Кимъ считался любимцемъ Магбуба-Али, и всѣ, желавшіе быть въ хорошихъ отношеніяхъ съ патаномъ, не обременяли мальчика работой. Дорогой продавецъ лошадей дѣлалъ своему юному спутнику наставленія:

— Если находишься среди сагибовъ, никогда не забывай, что ты сагибъ, а среди народовъ Индіи всегда помни, что ты...— онъ остановился въ затрудненіи и улыбнулся.

— Чтò я такое? Мусульманинъ, индусъ или буддистъ? Это вопросъ трудный.

— Ты, конечно, невѣрный, и поэтому будешь проклятъ. Такъ говоритъ мой законъ, или мнѣ кажется, что онъ такъ говоритъ. Но ты также мой маленькій „всѣмъ на свѣтѣ другъ“ и я люблю тебя. Такъ говоритъ мое сердце. Эти вопросы вѣры все равно, что лошади. Всякая хороша для своей страны.

— А мой лама говорилъ совершенно другое.

— Ахъ, онъ старый мечтатель изъ Ботіала и больше ничего! Сердце мое немножко раздражается, „всѣмъ на свѣтѣ другъ“, что ты находишь такое достоинство въ столь мало извѣстномъ тебѣ человѣкѣ.

— Это правда, хаджи, но я вижу въ немъ это достоинство, и сердце мое привязано къ нему.

— А его сердце къ тебѣ, какъ я слышалъ. Сердца подобны лошадямъ: стремятся, не слушаясь узды и шпоръ... Теперь слушай. Для спокойствія твоего сердца тебѣ необходимо видаться съ этимъ ламой?

— Это одно изъ необходимыхъ условій,—отвѣчалъ Кимъ.— Если его у меня отнимутъ, то я уйду изъ школы и... и разъ я уйду, кто найдетъ меня опять?

— Это вѣрно,—Магбубъ утвердительно кивнулъ головой,— еще никогда ни одинъ жеребенокъ не ходилъ на такомъ длинномъ поводу.

— Ты не бойся,—замѣтилъ Кимъ, какъ будто могъ исчезнуть въ одну минуту,—мой лама сказалъ, что будетъ приходить, чтобы видѣться со мной въ школѣ...

— Нищій со своей чашкой въ присутствіи всѣхъ этихъ молодыхъ са...

— Не всѣ они!—прервалъ его Кимъ и фыркнулъ.—У большинства изъ нихъ бѣлки глазъ посинѣли, а ногти почернѣли, оттого что въ жилахъ течетъ кровь низшей касты.

Потомъ Кимъ спокойно и подробно перечелъ всю родословную своихъ товарищей, жуя въ то же время сахарный тростникъ.

— „Всѣмъ на свѣтѣ другъ“,—сказалъ Магбубъ, отдувая въ сторону дымъ, чтобъ яснѣе видѣть,—я встрѣчалъ много мужчинъ, женщинъ и мальчиковъ и не мало сагибовъ. Но во всю свою жизнь я не встрѣчалъ такого чертенка, какъ ты.

— А почему же такъ? Вѣдь я всегда говорю тебѣ правду, или продаю ее.

Въ его тонѣ послышалось что-то, заставившее Магбуба повернуться къ нему.

— Еще какая-нибудь новая дьявольская выдумка?

— Восемь „анна“, и тогда я скажу,—объявилъ осклабившись Кимъ.— Дѣло идетъ о твоемъ спокойствіи.

— О, шайтанъ!—Магбубъ далъ ему монету.

— Помнишь ли ты это приключеніе съ ворами на желѣзной дорогѣ въ Умбаллѣ?

— Такъ какъ это былъ для меня вопросъ жизни и смерти, то я не совсѣмъ еще забылъ его. А что?

— А помнишь ли ты приключеніе съ воромъ въ Кашмиръ-Сараѣ?

— Я сію минуту выдеру тебя за уши, сагибъ.

— Не вижу никакой въ этомъ нужды, патанъ. А только второй факиръ, котораго сагибъ ударилъ до безчувствія, былъ тотъ самый человѣкъ, который приходилъ обыскивать твое помѣщеніе въ Лагорѣ. Я видѣлъ его лицо, когда его втаскивали въ вагонъ. Это тотъ самый человѣкъ.

— Почему ты раньше не сказалъ?

— О, вѣдь онъ пойдетъ въ тюрьму и нѣсколько лѣтъ будетъ вполнѣ безвреденъ. Не надо говорить заразъ больше того, что̀ слѣдуетъ. Кромѣ того, я тогда не нуждался въ деньгахъ на сласти.

— Аллахъ Керимъ! — произнесъ Магбубъ-Али: — на тебя когда-нибудь найдетъ и ты мою голову продашь за сласти.

. . . .

Кимъ будетъ помнить всю свою жизнь это долгое медленное путешествіе отъ Умбаллы до Симлы. Внезапно разлившаяся рѣка унесла одну лошадь (конечно самую дорогую) и чуть не утопила Кима среди пляшущихъ галекъ. Потомъ дальше встрѣтился по дорогѣ слонъ изъ мѣстнаго полка и сталъ топтать лошадей. Такъ какъ это произошло на пастбищѣ, гдѣ лошади свободно паслись, то потребовалось цѣлыхъ полтора дня, чтобы опять согнать ихъ въ табунъ. Но все это было одно наслажденіе: карабкаться на горные хребты и потомъ сползать съ нихъ; глядѣть какъ румянецъ зари ложится на далекіе горные снѣга; разсматривать кактусы съ ихъ извилистыми отростками, возвышающіеся рядами по склонамъ каменистыхъ холмовъ; прислушиваться къ журчанью тысячи ручьевъ и потоковъ и къ крикамъ обезьянъ, прыгающихъ среди длинныхъ, опущенныхъ къ землѣ вѣтокъ деодаровъ. Интересны были также остановки для молитвъ (Магбубъ очень ревностно исполнялъ всѣ омовенія и обряды, когда нечего было спѣшить), вечерніе разговоры на стоянкахъ, когда верблюды и волы, стоя въ одной кучѣ, съ медленной важностью жевали кормъ, а глупые погонщики разсказывали по-

слѣднія новости о томъ, что̀ случилось на большой дорогѣ. Все это приводило Кима въ такой восторгъ, что сердце его такъ и пѣло въ груди.

— А когда придетъ конецъ пѣснямъ и пляскамъ,—сказалъ Магбубъ-Али, - тогда придется плясать по дудочкѣ полковника сагиба, а это не очень-то сладко.

— Что за веселая страна, самая прекрасная страна въ Индіи и страна Пяти Рѣкъ—та прекраснѣе всѣхъ,—произнесъ нараспѣвъ Кимъ. - И туда я уйду, если Магбубъ-Али или полковникъ попробуютъ лишить меня свободы. А если я уйду, то кто меня найдетъ? Посмотри-ка, хаджи, это тамъ городъ Симла̀? Аллахъ, что за городъ!

— Братъ моего отца, а онъ человѣкъ очень старый, помнитъ, когда въ немъ было всего два дома.

Они согнали лошадей на нижній базаръ, и Магбубъ-Али нанялъ для себя комнату у торговца скотомъ, гораздо лучше запиравшуюся, чѣмъ его помѣщеніе въ Лагорѣ. И здѣсь не обошлось безъ чудесъ, потому что въ сумеркахъ въ комнату вошелъ магометанскій мальчикъ конюхъ, а черезъ часъ вышелъ изъ нея евразійскій подростокъ въ дурно сидѣвшемъ на немъ одѣяніи, купленномъ въ лавкѣ готовымъ.

— Я говорилъ съ Крейтономъ сагибомъ, — объявилъ Магбубъ-Али,—и еще разъ рука дружбы отстранила бичъ бѣдствія. Онъ говоритъ, что ты уже прогулялъ на большой дорогѣ шестьдесятъ дней и что теперь уже поздно посылать тебя въ горную школу.

— Я уже сказалъ, что мои вакаціи принадлежатъ мнѣ вполнѣ и что въ другую школу не отправлюсь. Это вѣдь входитъ въ мои условія.

— Полковникъ сагибъ еще не знаетъ ничего о твоемъ контрактѣ. Ты долженъ остановиться въ домѣ Лурганъ-сагиба, пока не придетъ время отправляться тебѣ въ Лукноу.

— Мнѣ бы хотѣлось больше жить съ тобою, Магбубъ.

— Ты не понимаешь какой чести удостоенъ. Самъ Лурганъ-сагибъ тебя требуетъ. Ты подымешься на гору и потомъ пойдешь по дорогѣ наверху и тамъ ты долженъ забыть, что когда-нибудь видѣлся или говорилъ со мною, Магбубомъ-Али, продающимъ лошадей Крейтону сагибу, котораго ты не знаешь. Запомни это хорошенько.

Кимъ кивнулъ головой.

— Хорошо. Но кто этотъ Лурганъ сагибъ? Нѣтъ,—прибавилъ онъ, поймавъ острый, какъ лезвіе ножа, взглядъ Магбуба, —

я вѣдь въ самомъ дѣлѣ никогда не слыхалъ этого имени. Быть можетъ, онъ,—мальчикъ понизилъ голосъ,—одинъ изъ „нашихъ“?

— Что это за разговоръ о какихъ-то „нашихъ“, сагибъ?—возразилъ Магбубъ-Али тѣмъ тономъ, какимъ обыкновенно разговаривалъ съ европейцами.

— У Лургана-сагиба есть лавка среди другихъ европейскихъ лавокъ. Вся Симла знаетъ эту лавку. Спроси тамъ... и его надо слушаться съ перваго слова. Люди говорятъ, что онъ занимается колдовствомъ, но это тебя не касается. Взойди на гору и спроси. Теперь-то и начнется большая игра.

IX.

Колесо жизни сдѣлало еще одинъ поворотъ, и Кимъ храбро вступилъ въ новую полосу своего существованія. Онъ долженъ былъ опять стать на время сагибомъ. Дойдя до широкой дороги въ Симлѣ, онъ сталъ озираться. Подъ фонарнымъ столбомъ сидѣлъ на корточкахъ маленькій индусъ лѣтъ десяти.

— Гдѣ домъ мистера Лургана?—спросилъ Кимъ.

— Я не понимаю по-англійски, — отвѣтилъ мальчикъ, и Кимъ сейчасъ же перешелъ на мѣстное нарѣчіе.

— Я тебя проведу.

Они вдвоемъ вступили въ таинственный полу-мракъ, сквозь который смутно доносился шумъ города, расположеннаго внизу у горы, и дыханіе прохладнаго вѣтра съ возвышавшагося подъ самыми звѣздами и увѣнчаннаго деодарами Якко. Огоньки, разсѣянные на различныхъ высотахъ, представляли собой какъ бы второй рядъ звѣздъ. Одни изъ нихъ были неподвижны, другіе же двигались—это были фонари *рикшо*, колясокъ, въ которыхъ веселые и безпечные англичане отправлялись на званые обѣды.

— Вотъ здѣсь,—сказалъ проводникъ Кима и остановился у веранды, расположенной у большой дороги. Двери не было; входъ былъ завѣшанъ только занавѣсью изъ бисера, пропускавшей свѣтъ лампы изнутри.

— Вотъ онъ,—сказалъ мальчикъ тихимъ какъ вздохъ голосомъ. Кимъ понялъ, что мальчикъ поджидалъ его на дорогѣ, чтобы проводить его сюда, и ему стало жутко; но онъ подавилъ страхъ и смѣло раздвинулъ занавѣсь. Человѣкъ съ темной бородой и съ зеленымъ щиткомъ надъ глазами сидѣлъ у стола и выбиралъ короткими бѣлыми пальцами сверкающіе шарики съ подноса, стоявшаго передъ нимъ; онъ ихъ нанизывалъ на бле-

стящую шелковую нитку и все время напѣвалъ про себя. Кимъ угадывалъ, что за кругомъ свѣта отъ лампы комната была полна предметовъ, напоминавшихъ своимъ ароматомъ восточные храмы. Онъ потянулъ воздухъ и почувствовалъ запахъ мускуса, сандаловаго дерева и жасминоваго масла.

— Это я,—сказалъ наконецъ Кимъ на мѣстномъ нарѣчіи; среди этихъ запаховъ онъ забылъ, что долженъ былъ изображать изъ себя сагиба.

— Семьдесятъ девять, восемьдесятъ, восемьдесятъ одинъ,— продолжалъ считать человѣкъ, такъ быстро нанизывая жемчужины одну за другой, что Кимъ не поспѣвалъ слѣдить за движеніями его пальцевъ. Человѣкъ снялъ зеленый щитокъ и съ полъ-минуты пристально смотрѣлъ на Кима. Его зрачки то расширялись, то, казалось, произвольно съуживались до размѣра булавочной головки. Кимъ зналъ одного факира, который тоже умѣлъ это дѣлать и зарабатывалъ этимъ много денегъ, особенно когда принимался проклинать глупыхъ женщинъ. Киму сдѣлалось любопытно. Но его другъ факиръ умѣлъ, кромѣ того, двигать ушами, и Киму было жалко, что новый знакомый этого не дѣлалъ.

— Ты не бойся,—проговорилъ наконецъ м-ръ Лурганъ.

— Чего мнѣ бояться?

— Ты здѣсь будешь ночевать сегодня, и останешься у меня до начала занятій въ Лукноу. Такъ приказано.

— Такъ приказано,—повторилъ Кимъ.—Но гдѣ же я буду спать?

— Здѣсь, въ этой комнатѣ.—Лурганъ сагибъ указалъ рукой на неосвѣщенную часть комнаты.

— Хорошо,—спокойно сказалъ Кимъ.—Сейчасъ ложиться?

Лурганъ сагибъ кивнулъ головой и, взявъ лампу, высоко поднялъ ее. На освѣщенныхъ свѣтомъ лампы стѣнахъ Кимъ увидѣлъ расшитыя страшными узорами ткани, а надъ ними коллекцію тибетскихъ дьявольскихъ масокъ—рогатыхъ, нахмуренныхъ или съ выраженіемъ идіотскаго ужаса. Въ углу стоялъ японскій воинъ, въ латахъ и съ перьями на головѣ, угрожая своей аллебардой, и множество пикъ и „кутаровъ“ отразили слабый свѣтъ лампы. Но болѣе, чѣмъ всѣ эти предметы—онъ уже видѣлъ подобныя маски въ лагорскомъ музеѣ—Кима заинтересовалъ взглядъ маленькаго индуса съ кроткими глазами; онъ сидѣлъ теперь, скрестивъ ноги подъ столомъ съ жемчугомъ, и на его красныхъ какъ пурпуръ губахъ мелькала улыбка.

— Кажется, Лурганъ сагибъ хочетъ меня напугать. И это

чортово отродье подъ столомъ навѣрное хотѣло бы, чтобы я въ самомъ дѣлѣ испугался.—Эта комната,—сказалъ онъ вслухъ,—похожа на „домъ чудесъ“. Гдѣ моя постель?

Лурганъ сагибъ указалъ ему на сложенное одѣяло въ углу, подлѣ отвратительныхъ масокъ, потомъ взялъ лампу и ушелъ, оставивъ его въ темнотѣ.

— Это былъ Лурганъ сагибъ?—спросилъ Кимъ, свернувшись на своемъ одѣялѣ.

Отвѣта не послѣдовало. Онъ слышалъ дыханіе маленькаго индуса, поползъ по полу по направленію этого звука и сталъ наносить удары въ темнотѣ:—Отвѣчай, дьяволъ,—крикнулъ онъ. —Какъ ты смѣешь лгать сагибу?

Ему послышалось, что въ темнотѣ кто-то смѣется. Это не могъ быть слабенькій индусъ, потому что тотъ плакалъ. Кимъ возвысилъ голосъ и сказалъ громко:

— Лурганъ сагибъ, о, Лурганъ сагибъ! Развѣ приказано, чтобы твой слуга не отвѣчалъ мнѣ?

— Да, такъ приказано.

Голосъ, къ великому изумленію Кима, раздался за его спиной.

— Хорошо. Но помни,—пробормоталъ онъ, укладываясь на свое одѣяло,—я тебя утромъ отколочу. Я не люблю индусовъ.

Ночь была не изъ пріятныхъ, такъ какъ комната была полна голосовъ и музыки. Кимъ два раза проснулся, услыхавъ, что его кто-то зоветъ по имени. Во второй разъ онъ отправился на поиски и наткнулся носомъ на ящикъ, который несомнѣнно говорилъ человѣческимъ языкомъ, но какимъ-то не человѣческимъ голосомъ. Ящикъ заканчивался металлической трубой и соединялся проволоками съ ящикомъ меньшихъ размѣровъ, стоящимъ на полу—такъ это по крайней мѣрѣ казалось на ощупь. Голосъ, очень рѣзкій и дребезжащій, выходилъ изъ трубы. Кимъ потеръ себѣ носъ и пришелъ въ бѣшенство, говоря про себя, какъ обыкновенно, на мѣстномъ нарѣчіи.

— Это годится для базарнаго нищаго, но я сагибъ и сынъ сагиба, и что еще гораздо важнѣе—ученикъ лукноуской школы. Да (тутъ онъ мысленно перешелъ на англійскій языкъ), ученикъ школы Сентъ-Ксавье. Чортъ побери мистера Лургана! Эта штука похожа на швейную машину. Онъ очень ошибается—у насъ въ Лукноу такими пустяками не испугаешь—нѣтъ! Потомъ онъ опять перешелъ на индусскій языкъ.—Но сколько же платятъ ему? Онъ только торговецъ—я въ его лавкѣ. Но Крейтонъ сагибъ полковникъ—и, кажется, я здѣсь по приказанію Крейтона

сагиба. Ну да и отколочу же я этого индуса утромъ! Это еще что̀ такое?

Изъ ящика съ трубой полился потокъ самой отборной брани, которую Кимъ когда-либо слышалъ; она произнесена была высокимъ равнодушнымъ голосомъ,—и у Кима на минуту волосы стали дыбомъ. Но когда проклятая штука стала переводить дыханіе, Кимъ успокоился, услышавъ жужжаніе, напоминавшее швейную машину.

— Chûp (замолчи)! — крикнулъ онъ, и опять услышалъ нѣчто въ родѣ смѣха.—Chûp, или я сломаю тебѣ голову.

Ящикъ не обращалъ на него вниманія. Кимъ сталъ возиться у металлической трубы, и что-то взлетѣло вверхъ со стукомъ: онъ, очевидно, поднялъ крышку. Если внутри сидѣлъ дьяволъ, то теперь ему наступилъ конецъ. Кимъ понюхалъ,—такой запахъ былъ у швейныхъ машинъ на базарѣ. Теперь онъ покончитъ съ этимъ „шайтаномъ". Онъ снялъ куртку и всунулъ ее въ открытый ящикъ. Что-то длинное и круглое погнулось подъ его рукой, раздался скрипъ, и голосъ затихъ—что̀ и должно произойти, если засунуть сложенную втрое куртку во внутрь дорогого фонографа. Кимъ безмятежно заснулъ.

Утромъ онъ проснулся, почувствовавъ на себѣ взглядъ Лурганъ-сагиба.

— О,—сказалъ Кимъ, твердо рѣшившись быть сагибомъ.— У васъ тутъ какой-то ящикъ бранился ночью. Я его остановилъ. Это вашъ ящикъ?

Лурганъ сагибъ протянулъ ему руку.

— Съ добрымъ утромъ, О'Гара,—сказалъ онъ.—Да, этотъ ящикъ мой. Я держу у себя въ лавкѣ такого рода вещи, потому что онѣ нравятся моимъ друзьямъ раджамъ. Этотъ ящикъ ты сломалъ, но я за него недорого заплатилъ. Да, мои друзья, короли, очень любятъ игрушки—и я иногда тоже.

Кимъ искоса взглянулъ на него. Онъ былъ сагибомъ по платью; но, судя по совершенству его урдусскаго языка, въ особенности по недостаткамъ въ произношеніи англійскаго, видно было, что онъ все, что угодно, но только не сагибъ. Онъ видимо отлично понималъ душевное состояніе Кима, прежде чѣмъ мальчикъ открылъ ротъ, и не трудился точно разъяснять свои мысли, какъ отецъ Викторъ или учителя въ Лукноу. Самое пріятное было то, что онъ обращался съ Кимомъ какъ съ равнымъ себѣ азіатомъ.

— Жалко, что ты не сможешь отколотить моего мальчика сегодня. Онъ говоритъ, что или заколетъ, или отравитъ тебя.

Онъ очень ревнивъ, и поэтому я поставилъ его въ уголъ, и не буду говорить съ нимъ цѣлый день. Онъ только-что пытался убить меня. Такъ ты ужъ помоги мнѣ пожалуйста приготовить завтракъ. Онъ слишкомъ ревнивъ, чтобы ему можно было довѣриться теперь.

Настоящій сагибъ изъ Англіи навѣрное бы болѣе пространно все это разсказалъ. А Лурганъ сагибъ совершенно просто передалъ самый фактъ—какъ это сдѣлалъ бы Магбубъ-Али, говоря о своихъ дѣлахъ на сѣверѣ.

Сзади лавки Лургана была веранда, построенная надъ отвѣснымъ горнымъ спускомъ, и съ нея видны были дымовыя трубы сосѣдей, какъ это всегда бываетъ въ Симлѣ. Киму пришелся очень по вкусу чисто персидскій завтракъ, собственноручно изготовленный Лурганъ-сагибомъ, но еще болѣе привела его въ восторгъ лавка Лургана. Лагорскій музей былъ обширнѣе, но здѣсь было больше разныхъ диковинъ: тибетскіе амулеты, бирюзовыя и янтарныя ожерелья, браслеты изъ зеленаго нефрита, палочки ладана въ горшечкахъ, выложенныхъ неотшлифованными гранатами, маски, которыя онъ видѣлъ наканунѣ, синія цвѣта павлиньяго хвоста ткани, покрывавшія всю стѣну, золоченыя изображенія Будды, и маленькіе переносные алтари, русскіе самовары съ бирюзой на крышкѣ, тонкія, какъ яичная скорлупа, чашки въ странныхъ восьмиугольныхъ ящичкахъ, распятія изъ пожелтѣвшей слоновой кости, свернутые запыленные ковры, отъ которыхъ шелъ удушливый запахъ, персидскіе кувшины для омовеній послѣ ѣды, тусклыя мѣдныя курильницы, не китайской и не персидской работы, украшенныя фигурами дьяволовъ, всякаго рода оружіе и тысяча другихъ предметовъ въ ящикахъ, въ кучахъ, или просто разбросанныхъ по комнатѣ; свободнымъ оставалось только мѣсто у шаткаго деревяннаго стола, за которымъ работалъ Лурганъ сагибъ.

— Все это пустяки!—сказалъ Лурганъ, слѣдя за восхищеннымъ взоромъ Кима.—Я покупаю эти предметы, потому что они красивы, и иногда продаю ихъ, если мнѣ нравятся покупатели. Моя главная работа на столѣ—вотъ посмотри.

Въ утреннемъ свѣтѣ на столѣ сверкали красные, синіе и зеленые камни и кое-гдѣ синевато-бѣлые брызги брилліантовъ. Кимъ широко раскрылъ глаза.

— О, эти камни прочные. Они не испортятся отъ солнца, да и къ тому же они дешевые. Вотъ если камни больны—дѣло другое. — Онъ наложилъ Киму вторую порцію. — Никто кромѣ меня не умѣетъ лечить больной жемчугъ и возвращать голубой

цвѣтъ бирюзѣ. Я не говорю объ опалахъ—всякій дуракъ можетъ вылечить опалъ, но съ больнымъ жемчугомъ никто, кромѣ меня, не съумѣетъ справиться. Что, еслибы я умеръ? Вѣдь тогда не было бы никого... Нѣтъ, ты не съумѣешь обращаться съ драгоцѣнными камнями—развѣ только съ бирюзой, да и то не скоро.

Онъ сталъ мягко потирать руки. Изъ-за ковровъ послышалось отрывистое, слабое рыданіе. Это былъ маленькій индусъ, послушно стоявшій лицомъ къ стѣнѣ: его тонкія плечи дрожали отъ рыданій.

— Онъ ревнивъ,—онъ очень ревнивъ. Посмотримъ, будетъ ли онъ еще разъ пытаться отравить меня за завтракомъ и заставлять меня на-ново варить его.

— Kubbee-Kubbee nahin,—послышался прерывистый отвѣтъ.

— И захочетъ ли онъ опять убить другого мальчика.

— Kubbee-Kubbee nahin (никогда, никогда. Нѣтъ!).

— А какъ ты думаешь, что̀ онъ сдѣлаетъ,—спросилъ Лурганъ Кима.

— О, я не знаю. Можетъ быть, лучше отпустить его. А почему онъ хотѣлъ отравить васъ?

— Потому что онъ меня очень любитъ. Что, еслибы ты кого-нибудь любилъ, а пришелъ бы чужой человѣкъ, и тому, котораго бы ты любилъ, чужой нравился бы больше тебя,—что̀ бы ты сдѣлалъ?

Кимъ задумался. Лурганъ повторилъ ту же фразу на мѣстномъ нарѣчіи.

— Я бы не отравилъ того человѣка, — сказалъ Кимъ задумчиво, — но я бы отколотилъ чужого мальчика, еслибы мальчикъ любилъ этого человѣка. Но я бы сначала спросилъ мальчика, любитъ ли онъ его.

— Да, но онъ думаетъ, что меня нельзя не любить.

— Ну, такъ онъ глупъ, по-моему.

— Слышишь,—сказалъ Лурганъ сагибъ, обращаясь къ рыдающему мальчику. — Сынъ сагиба говоритъ, что ты дурачекъ. Выходи, и слѣдующій разъ, когда тебѣ будетъ тяжело на душѣ, не прибѣгай такъ открыто къ мышьяку. Я бы могъ заболѣть, дитя, и тогда драгоцѣнные камни перешли бы въ другія руки. Иди сюда.

Мальчикъ выползъ изъ-за ковровъ съ распухшими отъ слезъ глазами и бросился къ ногамъ Лурганъ-сагиба съ такимъ страстнымъ раскаяніемъ, что даже Кимъ былъ тронутъ.

— Я буду вѣрно хранить драгоцѣнные камни. О, отецъ мой и мать моя, прогони его!

Онъ указалъ на Кима движеніемъ откинутой назадъ голой пятки.

— Подожди немного, онъ скоро опять уйдетъ. А пока онъ здѣсь, въ школѣ у насъ, и ты будешь его учителемъ. Сыграй съ нимъ въ игру драгоцѣнныхъ камней. Я буду вести счетъ.

Мальчикъ быстро отеръ слезы, кинулся въ глубину лавки и вернулся съ мѣднымъ подносомъ.

— Дай мнѣ ихъ самъ, — сказалъ онъ Лурганъ-сагибу,— своей собственной рукой, чтобы онъ не сказалъ, что я зналъ ихъ раньше.

— Подожди, не волнуйся,—сказалъ Лурганъ и вынулъ изъ ящика подъ столомъ пригоршню блестящихъ камней.

— Ну, а теперь,—сказалъ мальчикъ Киму, размахивая старой газетой,—гляди на нихъ сколько хочешь, пересчитай ихъ, можешь даже взять ихъ въ руки. Мнѣ достаточно одинъ разъ взглянуть. — Онъ гордо повернулся спиной.

— Но въ чемъ состоитъ игра?

— Когда ты ихъ пересчитаешь и разсмотришь, и будешь увѣренъ, что запомнилъ всѣ камни, я ихъ закрою вотъ этой бумагой, а ты долженъ перечислить ихъ всѣхъ Лурганъ-сагибу. Я напишу свой счетъ на бумагѣ.

Духъ соревнованія проснулся въ груди Кима. Онъ наклонился къ подносу. На немъ лежало около пятнадцати камней.— Это не трудно,—сказалъ онъ черезъ минуту. Мальчикъ накрылъ бумагой сверкающіе камни, и самъ сталъ что-то писать въ счетной книгѣ.

— Тутъ подъ бумагой пять синихъ камней: одинъ большой, одинъ поменьше и три маленькихъ,—торопливо сказалъ Кимъ.— Есть еще четыре зеленыхъ камня и одинъ съ дыркой, есть зеленый прозрачный камень, и другой, въ родѣ мундштука. Есть два красныхъ камня, и я насчиталъ пятнадцать, но два я забылъ. Нѣтъ, дай мнѣ подумать. Одинъ шарикъ изъ слоновой кости, маленькій и... и... дай мнѣ подумать...

— Разъ, два... — Лурганъ сагибъ просчиталъ до десяти, но Кимъ не могъ вспомнить.

— Такъ слушай мой счетъ,—проговорилъ маленькій индусъ, весь дрожа отъ радостнаго смѣха. — Во-первыхъ, два потрескавшихся сапфира: одинъ въ два карата, другой—въ четыре, насколько я могу судить. Сапфиръ въ четыре карата поцарапанъ у края. Затѣмъ туркестанская бирюза, гладкая, съ черными жилками, и двѣ съ надписями—одна съ названіемъ бога золотыми буквами, другая—съ трещиной посрединѣ, — она вынута

вѣроятно изъ стараго кольца. Я не могъ прочесть надпись. Вотъ и всѣ пять синихъ камня... Затѣмъ, четыре растресканныхъ изумруда, но одинъ пробуравленъ въ двухъ мѣстахъ, а у другого недостаетъ кусочка.

— Какой вѣсъ?—безстрастно спросилъ Лурганъ сагибъ.

— Три, пять, пять и четыре карата, насколько я могу судить. Затѣмъ кусокъ стараго зеленоватаго янтаря отъ трубки и рѣзной топазъ изъ Европы. Еще бурманскій рубинъ въ два карата, безъ трещины, и поцарапанный балійскій рубинъ въ два карата. Затѣмъ рѣзной шарикъ изъ слоновой кости, китайскій, съ изображеніемъ крысы, высасывающей яйцо; а, наконецъ,— ага!.. хрустальный шарикъ величиной въ бобъ, посаженный на золотой листикъ.

Онъ захлопалъ въ ладоши, кончивъ перечисленіе.

— Онъ побѣдилъ,—сказалъ, улыбаясь, Лурганъ сагибъ.

— Ну, да, онъ зналъ названія камней,—отвѣтилъ Кимъ покраснѣвъ.—Попробуемъ повторить игру, но съ предметами, которые мы съ нимъ одинаково знаемъ.

Они наполнили подносъ разными вещами, подобранными въ лавкѣ, и даже притащили кое-что изъ кухни, но мальчикъ каждый разъ оказывался побѣдителемъ; Кимъ былъ совершенно изумленъ.

— Завяжи мнѣ глаза, а самъ можешь глядѣть, я только пощупаю пальцами, и все-таки выиграю,— предложилъ индусъ.

Кимъ топнулъ ногой отъ досады, когда мальчикъ и въ этихъ условіяхъ оказался побѣдителемъ.

— Еслибы дѣло шло о людяхъ или лошадяхъ, — сказалъ онъ, — я бы угадалъ лучше, чѣмъ онъ. А эта игра въ ножи, щипцы и ножницы совсѣмъ пустая.

— Сначала научись, а потомъ будешь учить самъ,—сказалъ Лурганъ сагибъ.—Искуснѣе онъ тебя?.. Скажи самъ.

— Да. Но какъ этому научиться?

— Нужно постоянно упражняться, пока не достигнешь совершенства, а поучиться стоитъ.

Маленькій индусъ, упоенный своимъ торжествомъ, похлопалъ Кима по спинѣ.

— Не отчаявайся,—сказалъ онъ,—я самъ буду тебя учить.

— А я буду наблюдать за тѣмъ, чтобы онъ тебя хорошо училъ, — прибавилъ Лурганъ сагибъ, продолжая говорить на мѣстномъ нарѣчіи. — Вѣдь кромѣ вотъ этого мальчика—глупо онъ сдѣлалъ, что купилъ такъ много мышьяку; вѣдь я самъ бы далъ ему, еслибы онъ попросилъ — кромѣ него, я давно не

встрѣчалъ болѣе способнаго ученика, чѣмъ ты. А у насъ еще десять дней впереди до твоего отъѣзда въ Лукноу, гдѣ все равно ничему не учатъ, а только берутъ большія деньги. Мы съ тобой, надѣюсь, будемъ друзьями.

Прошло десять сумасшедшихъ дней, но Кимъ слишкомъ былъ упоенъ своей новой жизнью, чтобы размышлять о ея безразсудности. По утрамъ онъ игралъ со своимъ товарищемъ въ новую для него игру, иногда съ настоящими камнями, иногда съ ворохами шпагъ и кинжаловъ, или же съ фотографическими карточками туземцевъ. Днемъ онъ и маленькій индусъ сидѣли на стражѣ въ лавкѣ, прикурнувъ безмолвно за кучами сложенныхъ ковровъ или за ширмами, и наблюдали за многочисленными и очень интересными посѣтителями м-ра Лургана. Это были мелкіе раджи, свита которыхъ, покашливая, дожидалась на верандѣ; они покупали разныя диковины, фонографы и заводныя игрушки. Приходили дамы покупать ожерелья, и мужчины, которые, какъ казалось Киму,—но, можетъ быть, воображеніе его было развращено преждевременнымъ опытомъ,—являлись главнымъ образомъ изъ-за дамъ; заходили также и придворные мелкихъ владѣтельныхъ князей, какъ бы для того, чтобы отдавать въ починку старинныя ожерелья,—сверкающіе потоки свѣта разливались по столу, когда они раскладывали камни; на самомъ дѣлѣ, имъ нужно было добывать деньги для сердитыхъ магаарани или молодыхъ раджей. Приходили и „бабу“ (господа); Лурганъ сагибъ говорилъ съ ними строго и внушительно, но дѣло кончалось всегда тѣмъ, что онъ давалъ имъ деньги чеканнымъ серебромъ и бумажками. Иногда въ лавкѣ собирались театральнаго вида туземцы въ длиннополой одеждѣ и бесѣдовали о разныхъ метафизическихъ вопросахъ по-англійски и на мѣстномъ нарѣчіи, къ великому удовольствію м-ра Лургана. Онъ всегда интересовался религіей. Вечеромъ Кимъ и маленькій индусъ, имя котораго Лурганъ постоянно мѣнялъ по вдохновенію, должны были давать точный отчетъ о всемъ, что̀ они видѣли и слышали въ теченіе дня, высказывать свое мнѣніе о каждомъ человѣкѣ по его лицу, по разговорамъ и манерамъ, угадывать дѣйствительную цѣль его прихода. Послѣ ужина Лурганъ сагибъ устраивалъ игру въ переодѣванія и самъ видимо увлекался ею. Онъ удивительно умѣлъ разрисовывать лица,—однимъ мазкомъ кисти онъ измѣнялъ ихъ до неузнаваемости. Въ лавкѣ было множество всевозможнаго платья и тюрбановъ, и Кимъ переодѣвался то молодымъ магометаниномъ изъ хорошей семьи, то продавцомъ оливковаго масла, а однажды—это было очень весело—сыномъ мелкаго землевла-

дѣльца, разряженнымъ по праздничному. Лурганъ сагибъ очень зорко подмѣчалъ малѣйшую неточность въ костюмѣ. Лежа на истертомъ тиковомъ диванѣ, онъ по получасу объяснялъ, какъ каждая каста говоритъ, ходитъ, кашляетъ или чихаетъ. Маленькій индусъ былъ очень неловокъ въ этой игрѣ. Его ума хватало на угадываніе числа камней, но не на то, чтобы проникать въ чужую душу; въ Кимѣ же пробуждался какой-то демонъ и наполнялъ его душу радостью, когда онъ надѣвалъ разные костюмы и одновременно мѣнялъ характеръ рѣчи и движеній.

Увлеченный игрой, онъ въ одинъ изъ вечеровъ вызвался показать Лурганъ сагибу, какъ ученики факировъ, его старые лагорскіе знакомые, просятъ милостыню по дорогамъ, а также представилъ въ лицахъ, какъ бы онъ обратился за подаяніемъ къ англичанину, къ пенджабскому фермеру, идущему на ярмарку, и къ женщинѣ, которая ходитъ безъ покрывала. Лурганъ сагибъ очень смѣялся и попросилъ Кима остаться въ томъ же видѣ, т.-е. посидѣть скрестивъ ноги, съ измазаннымъ золой лицомъ и съ дикимъ выраженіемъ глазъ, еще съ полчаса. По истеченіи этого срока въ лавку вошелъ старообразный толстый „бабу“ съ заплывшими отъ жира ногами въ длинныхъ чулкахъ; Кимъ встрѣтилъ его потокомъ типичныхъ уличныхъ причитаній. Лурганъ сагибъ, къ досадѣ Кима, смотрѣлъ только на бабу, и не обращалъ вниманія на представленіе.

— По-моему... — сказалъ бабу, закуривая папироску, — по моему мнѣнію, въ высшей степени вѣрно и искусно представлено. Еслибы вы не предупредили меня, я бы сказалъ, что это вы сами хватали меня за ноги. А какъ по вашему, скоро онъ будетъ болѣе или менѣе годиться намъ? Потому что тогда я похлопочу за него.

— Онъ учился всему, что нужно, въ Лукноу.

— Такъ велите ему не зѣвать. Спокойной ночи, Лурганъ.— Бабу вышелъ, ковыляя, изъ лавки.

Когда они стали обсуждать всѣхъ перебывавшихъ въ лавкѣ за день людей, Лурганъ сагибъ спросилъ Кима, кто, по его мнѣнію, былъ этотъ человѣкъ.

— Господь знаетъ,—беззаботно отвѣтилъ Кимъ. Тонъ, которымъ онъ это сказалъ, могъ бы обмануть Магбуба-Али, но никакъ не цѣлителя жемчуга.

— Это правда. Господь, конечно, знаетъ. Но я желаю услышать твое мнѣніе.

Кимъ искоса посмотрѣлъ на Лургана, взглядъ котораго вынуждалъ говорить правду.

— Я... я... думаю, что онъ захочетъ взять меня на службу, когда я кончу школу. Но, — прибавилъ онъ конфиденціально, когда Лурганъ сагибъ кивнулъ въ знакъ одобренія,—я не понимаю, какъ онъ можетъ мѣнять одѣянія и говорить на многихъ языкахъ.

— Ты потомъ многое поймешь. Онъ пишетъ донесенія извѣстному намъ полковнику. Онъ въ почетѣ только въ Симлѣ, и притомъ, замѣть, у него нѣтъ имени; онъ значится только подъ одной буквой и номеромъ—таковъ обычай у насъ.

— И его голова тоже оцѣнена какъ голова Маг... всѣхъ другихъ?

— Пока еще нѣтъ; но еслибы мальчикъ, который сидитъ теперь здѣсь, пошелъ—смотри, дверь открыта—не далѣе, чѣмъ въ извѣстный домъ, съ выкрашенной въ красный цвѣтъ верандой, и шепнулъ бы черезъ отверстіе ставень: „Дурныя вѣсти въ прошломъ мѣсяцѣ дошли до начальства черезъ Гурри Чундеръ Мукерджи", то мальчикъ унесъ бы съ собой въ поясѣ пятьсотъ или тысячу рупій,—столько, сколько онъ потребовалъ бы.

— Хорошо. А долго ли такой мальчикъ остался бы въ живыхъ послѣ того?

Кимъ весело улыбнулся, глядя въ лицо Лурганъ-сагибу.

— Трудно сказать. Можетъ быть, еслибы онъ былъ очень хитеръ, то дотянулъ до вечера, но уже ночь онъ бы не пережилъ до утра,—ни въ коемъ случаѣ не дожилъ бы.

— Такъ сколько же получаетъ бабу, если за его голову такъ много даютъ?

— Восемьдесятъ, можетъ быть, сто или даже сто-пятьдесятъ рупій. Но жалованье тутъ послѣднее дѣло. Отъ времени до времени на свѣтъ рождаются люди, и ты одинъ изъ такихъ людей, которымъ страстно хочется ходить по свѣту, даже рискуя своей жизнью, и разузнавать разныя разности—иногда о чемъ-нибудь очень далекомъ, о томъ, что̀ происходитъ въ глухихъ горахъ, иногда объ измѣнникахъ, живущихъ по близости. Такихъ людей вообще немного, но и среди нихъ едва ли найдется десятокъ очень выдающихся. Къ ихъ числу принадлежитъ и бабу, и это очень любопытно. Какъ велико и увлекательно должно быть это дѣло, если оно закаляетъ даже бенгалійца.

— Правда. Но какъ медленно тянется время для меня! Я еще мальчикъ, и мнѣ понадобилось цѣлыхъ два мѣсяца, чтобы научиться писать по-англійски. А читать я и теперь еще не совсѣмъ умѣю. И должно пройти еще много лѣтъ, прежде чѣмъ я попаду на службу.

— Вооружись терпѣніемъ, „всѣмъ на свѣтѣ другъ“!

Кимъ былъ пораженъ этимъ обращеніемъ.

— Хотѣлось бы мнѣ имѣть впереди годы, которыми ты тяготишься. Я испыталъ тебя разными способами—и не забуду всего въ моемъ донесеніи полковнику сагибу.—И, перейдя вдругъ на англійскій языкъ, Лурганъ прибавилъ смѣясь:—Право, О'Гара, изъ тебя выйдетъ толкъ. Ты только не возмечтай о себѣ и, главное, не болтай попусту. Теперь вернись въ Лукноу, веди себя хорошо и прилежно работай; а на слѣдующія каникулы, если хочешь, можешь вернуться ко мнѣ.—У Кима затуманилось лицо.

— Я говорю, если тебѣ захочется. Я знаю, куда тебя тянетъ.

Черезъ четыре дня Киму куплено было мѣсто для него и для его чемодана на имперіалѣ дилижанса, который отправлялся въ Калку. Его спутникомъ оказался китообразный „бабу“. Онъ обмоталъ себѣ голову платкомъ съ бахромой и поджалъ подъ себя лѣвую ногу; онъ дрожалъ и стоналъ, страдая отъ утренняго холода.

„Какимъ образомъ этотъ человѣкъ можетъ быть однимъ изъ *нашихъ*?“—думалъ Кимъ, глядя на его трясущуюся спину, когда они спускались съ горы въ дилижансѣ.

Эта мысль навела его на пріятныя мечты. Лурганъ сагибъ далъ ему пять рупій, огромная сумма, и обѣщалъ ему свое покровительство, если онъ будетъ прилежно работать. Въ противоположность Магбубу, Лурганъ сагибъ очень ясно говорилъ о наградѣ, ожидающей Кима за повиновеніе, и Кимъ былъ очень доволенъ. Еслибы только онъ, подобно бабу, удостоился буквы и номера, и еслибы голова его была оцѣнена! Когда-нибудь онъ добьется и этого и еще бо́льшаго. Райономъ его наблюденій сдѣлается половина Индіи; онъ будетъ слѣдить за королями и министрами, какъ въ прежнее время слѣдилъ за темными людьми въ Лагорѣ по порученію Магбуба. Но пока ему предстояло—а это было вовсе не лишено пріятности—вернуться въ Сентъ-Ксавье. Тамъ онъ будетъ снисходительно разговаривать съ новичками, подавляя ихъ своимъ превосходствомъ, будетъ слушать разсказы о приключеніяхъ во время каникулъ. Мартинъ, сынъ чайнаго плантатора въ Манипурѣ, хвасталъ, что пойдетъ съ ружьемъ на войну. Это возможно, но, навѣрное, Мартина не отбросило взрывомъ фейерверка черезъ весь дворъ на празднествѣ раджи, и навѣрное также... Кимъ сталъ вспоминать свои приключенія за послѣдніе три мѣсяца. Онъ могъ бы привести въ трепетъ весь Сентъ-Ксавье, даже самыхъ большихъ мальчиковъ, которые брили усы, своими разсказами, еслибы ему дозволено было говорить.

Но объ этомъ, конечно, не могло быть и рѣчи. Въ свое время его голова будетъ оцѣнена, какъ его увѣрялъ Лурганъ сагибъ; если же онъ теперь станетъ попусту болтать, то этого никогда не случится. Полковникъ Крейтонъ откажется отъ него, и онъ будетъ предоставленъ мести Лурганъ-сагиба и Магбубъ-Али на то короткое время, которое ему останется жить. Поэтому, гораздо благоразумнѣе забыть о каникулахъ (за нимъ остается право выдумывать несуществующія приключенія, а это тоже очень весело) и, какъ сказалъ Лурганъ сагибъ, прилежно работать.

Изъ всѣхъ мальчиковъ, возвращавшихся изъ разныхъ мѣстъ въ Сентъ-Ксавье, никто не былъ преисполненъ такихъ благихъ намѣреній, какъ Кимбалъ О'Гара, который трясся по дорогѣ въ Умбаллу, сидя за спиной Гурри Чундера Мукерджи, занесеннаго въ одну изъ книгъ этнологическаго общества подъ буквами Р. 17.

Разговоръ съ бабу еще болѣе укрѣпилъ Кима въ его рѣшеніяхъ. Послѣ сытнаго обѣда въ Калкѣ, бабу сталъ безъ умолку говорить.

— Кимъ отправляется въ школу? Въ такомъ случаѣ онъ, имѣющій дипломъ Калькутскаго университета, объяснитъ ему пользу образованія. Мальчикъ, который хорошо выдерживаетъ экзамены по всѣмъ предметамъ, можетъ, только пройдясь по какой-нибудь мѣстности съ компасомъ и ватерпасомъ въ рукахъ, конечно, если у него зоркій глазъ, снять планъ съ этой мѣстности и, продавъ его, получить большія деньги. Но такъ какъ иногда неудобно носить съ собой приборы для съемокъ, то хорошо знать точную длину своихъ шаговъ, такъ, чтобы даже не имѣя того, что̀ Гурри Чундеръ называлъ „вспомогательными средствами“, можно было измѣрить пройденное пространство. Гурри Чундеръ увѣрялъ по опыту, что для того, чтобы вести счетъ многимъ тысячамъ шаговъ, нѣтъ ничего болѣе удобнаго, чѣмъ четки изъ восьмидесяти-одной и ста-восьми бусъ—потому что это число дѣлится на безконечное количество множителей.

Сквозь ошеломляющій гулъ англійскаго языка Кимъ схватывалъ общій смыслъ словъ, и былъ очень заинтересованъ. Онъ узналъ, что есть наука, которою можно пользоваться безъ всякихъ приспособленій, и глядя на развертывающійся передъ нимъ широкій міръ, онъ понималъ, что чѣмъ больше человѣкъ знаетъ, тѣмъ лучше для него.

Проговоривъ болѣе получаса, бабу сказалъ:

— Я надѣюсь, что въ будущемъ у насъ съ вами завяжутся дѣловыя отношенія; а пока, позвольте преподнести вамъ вотъ

этотъ ящичекъ, который можетъ сослужить вамъ службу; я за него заплатилъ двѣ рупіи года четыре тому назадъ.—Это былъ дешевый мѣдный ящичекъ сердцевидной формы, съ тремя отдѣленіями для бетеля, извести и перцоваго листа (индусы имѣютъ обыкновеніе жевать этотъ составъ), но вмѣсто всего этого наполненный стклянончками съ разными лекарственными лепешками.— Это я даю вамъ въ награду за представленіе у Лургана. Вы, по своей молодости, думаете, что васъ хватитъ Богъ знаетъ насколько, и не заботитесь о своемъ здоровьѣ. Очень непріятно заболѣть среди дѣла. Я люблю принимать лекарства, ими также удобно пользоваться для леченія бѣднаго народа. Тутъ все очень хорошія аптечныя средства—хининъ и разныя другія. Я даю это вамъ на память. А теперь, прощайте. У меня здѣсь по дорогѣ есть важныя частныя дѣла.

Онъ выскользнулъ изъ дилижанса безшумно, какъ кошка, на дорогѣ въ Умбаллу, подозвалъ проѣзжавшую мимо повозку и уѣхалъ, оставивъ примолкнувшаго Кима съ мѣднымъ ящичкомъ въ рукахъ.

. . . .

Отчетъ о воспитаніи мальчика не интересуетъ, обыкновенно, никого, кромѣ его родителей, а, какъ извѣстно, Кимъ былъ сирота. Въ книгахъ школы Сентъ-Ксавье значилось, что отчетъ объ успѣхахъ Кима посылался въ концѣ каждаго семестра полковнику Крейтону и отцу Виктору, отъ котораго аккуратно получалась плата за ученіе. Въ тѣхъ же книгахъ было отмѣчено, что Кимъ обнаружилъ большія способности къ математикѣ и къ черченію географическихъ картъ, и что онъ получилъ награду за успѣхи, а также участвовалъ въ спортовыхъ состязаніяхъ школы Сентъ-Ксавье съ Аллигурской магометанской школой и былъ въ числѣ побѣдителей;—ему было тогда 14 лѣтъ и 10 мѣсяцевъ. На поляхъ было отмѣчено карандашомъ, что онъ подвергался нѣсколько разъ наказаніямъ за разговоры съ неподходящими людьми, и разъ даже былъ наказанъ особенно строго за то, что отлучился на цѣлый день въ обществѣ какого-то нищаго. Это случилось тогда, когда Кимъ ушелъ изъ школы съ ламой и бродилъ съ нимъ цѣлый день по берегамъ Гумти, умоляя взять его съ собой въ слѣдующія каникулы, на мѣсяцъ или хоть на недѣльку. Но лама былъ неумолимъ, доказывая, что время еще не настало. Кимъ долженъ,—говорилъ старикъ въ то время, какъ они вмѣстѣ ѣли пряники,—усвоить себѣ всю мудрость сагибовъ, а тогда будетъ видно. Рука дружбы съумѣла, очевидно, отклонить бичъ бѣдствія, потому что шесть недѣль

спустя, Кимъ, какъ видно было по школьнымъ отчетамъ, выдержалъ экзаменъ по элементарному курсу „очень удовлетворительно“;—ему было тогда 15 лѣтъ и 8 мѣсяцевъ. Съ этого времени о немъ уже не упоминалось въ книгахъ. Имя его не вошло въ списки поступившихъ въ младшую секцію индійской администраціи, но противъ его имени стояли слова: „вытребованъ изъ школы“.

За эти три года лама появлялся нѣсколько разъ въ Бенаресскомъ храмѣ тиртанкеровъ; онъ немножко похудѣлъ и сталъ еще желтѣе—если это было возможно; но оставался такимъ же кроткимъ и чистымъ какъ ребенокъ. Иногда онъ приходилъ съ юга, иногда съ зеленаго дождливаго запада, изъ фабричныхъ городовъ, окружавшихъ Бомбей, а разъ пришелъ съ сѣвера, пройдя восемьсотъ верстъ туда и обратно, чтобы побесѣдовать съ „хранителемъ изображеній“ въ „домѣ чудесъ“. Лама уходилъ въ свою прохладную, выложенную мраморомъ келью—монахи любили старика и отвели ему лучшее помѣщеніе—смывалъ дорожную пыль, молился и отправлялся въ Лукноу, совершенно освоившись съ путешествіемъ по желѣзной дорогѣ въ вагонѣ третьяго класса. По возвращеніи оттуда, онъ—какъ замѣтилъ его другъ „искатель“, обратившій на это вниманіе настоятеля,—на время переставалъ тосковать о рѣкѣ, не рисовалъ уже странныхъ изображеній „колеса жизни“, а предпочиталъ разсказывать о красотѣ и мудрости какого-то таинственнаго челы, котораго ни одинъ изъ живущихъ въ храмѣ никогда не видѣлъ. Лама прошелъ по слѣдамъ благословенныхъ ногъ Будды по всей Индіи (у настоятеля сохранилось удивительное описаніе его странствованій и размышленій). Въ жизни ему оставалось только найти рѣку, рожденную стрѣлой, но ему было откровеніе во снѣ, что эта мечта не можетъ осуществиться, пока его не будетъ сопровождать чела, усвоившій себѣ всю мудрость сѣдовласыхъ „хранителей изображеній“.

Однажды, бродя по проѣзжей дорогѣ въ окрестностяхъ Умбаллы, лама попалъ въ ту деревню, гдѣ браминъ пробовалъ когда-то опоить его. Но, не зайдя туда, онъ направился черезъ поле и, погруженный въ мысли, подошелъ къ домику стараго солдата. Тутъ вышло нѣкоторое недоразумѣніе: старый солдатъ спросилъ его, зачѣмъ „другъ звѣздъ“ проходилъ по этой дорогѣ шесть дней тому назадъ.

— Этого не можетъ быть, — сказалъ лама,—мальчикъ вернулся къ своему собственному народу.

— Онъ сидѣлъ здѣсь въ углу и разсказывалъ разныя весе-

-лыя исторіи пять дней тому назадъ,—настаивалъ хозяинъ.— Правда, что онъ послѣ того вдругъ исчезъ, наговоривъ глупостей моей внучкѣ. Онъ возмужалъ, но это все тотъ же „другъ звѣздъ", который предсказалъ мнѣ войну. Ты съ нимъ разстался?

— И да, и нѣтъ,—отвѣтилъ лама. — Мы не совсѣмъ разстались, но намъ еще не время отправиться вмѣстѣ въ путь. Онъ обогащается мудростью въ другомъ мѣстѣ. Мы должны ждать.

— Все это хорошо, но если это не тотъ же самый мальчикъ, почему же онъ говорилъ все о тебѣ?

— Что̀ же онъ говорилъ?—спросилъ лама.

— Много, очень много хорошаго,—что ты для него и отецъ, и мать, и все такое. Жаль, что онъ не поступаетъ на военную службу,—онъ ничего не боится.

Эти извѣстія изумили ламу, который еще не зналъ, какъ вѣрно Кимъ выполнялъ условіе, сдѣланное съ Магбубомъ-Али и подтвержденное полковникомъ Крейтономъ.

— Молодого пони нельзя удержать отъ игры,—сказалъ торговецъ лошадьми, когда полковникъ замѣтилъ, что бродить по Индіи въ каникулы не имѣетъ смысла.—Если ему не позволить идти куда онъ хочетъ, онъ все равно не послушается и убѣжитъ. Какъ его тогда поймать? Полковникъ сагибъ, только разъ въ тысячу лѣтъ рождается лошадь, столь приспособленная къ игрѣ, какъ нашъ жеребенокъ—а намъ люди нужны.

X.

Лурганъ сагибъ не выражалъ такъ прямо своего мнѣнія, но его совѣтъ совпадалъ со словами Магбуба, и результатъ былъ благопріятенъ для Кима. Онъ теперь уже понималъ, что неосторожно переодѣваться въ туземное платье въ Лукноу, и потому, когда Магбубъ былъ гдѣ-нибудь, гдѣ съ нимъ можно было списаться, онъ къ нему ѣхалъ и у него мѣнялъ платье. Еслибы казенный ящикъ съ красками, выдаваемый ученикамъ Сентъ-Ксавье для раскрашиванія географическихъ картъ, могъ разсказать о занятіяхъ Кима во время каникулъ, мальчика навѣрное бы исключили изъ школы. Однажды онъ съ Магбубомъ отправились въ Бомбей съ тремя вагонами лошадей для конокъ, и Магбубъ пришелъ въ восторгъ, когда Кимъ предложилъ ему переправиться черезъ Индійскій океанъ для покупки арабскихъ коней, которые, какъ онъ узналъ отъ одного изъ мѣстныхъ про-

давцовъ, гораздо дороже цѣнятся, чѣмъ простыя кабульскія лошади.

На возвратномъ пути Кимъ въ первый разъ испыталъ морскую болѣзнь, сидя на носу парохода. Онъ былъ увѣренъ, что его отравили. Знаменитый ящикъ съ лекарствами бабу оказался безполезнымъ, хотя Кимъ наново наполнилъ его въ Бомбеѣ. У Магбуба были дѣла въ Кветтѣ, и Кимъ,—Магбубъ не могъ не признать этого—окупилъ издержки на свое содержаніе, проведя четыре дня въ качествѣ поваренка въ домѣ жирнаго сержанта; онъ въ удобную минуту вытащилъ у него изъ ящика маленькую записную книжку и всю ее списалъ,—она состояла изъ записей, касающихся продажи скота и верблюдовъ; онъ провелъ цѣлую ночь, лежа за домомъ и списывая книжку при лунѣ. Потомъ онъ положилъ книжку на мѣсто, и по совѣту Магбуба тотчасъ же ушелъ, не потребовавъ жалованья. Онъ нагналъ Магбуба въ шести миляхъ отъ города и принесъ ему переписанную книжку.

— Этотъ солдатъ мелко плаваетъ,—объяснилъ Магбубъ,—но современемъ мы поймаемъ и болѣе крупную рыбу. Онъ только продаетъ скотъ по двумъ цѣнамъ—по одной для себя и по другой для правительства; но это я не считаю большимъ грѣхомъ.

— Почему, собственно, ты не велѣлъ мнѣ просто взять книжку, вмѣсто того, чтобы переписывать ее?

— Онъ бы испугался и разсказалъ своему начальнику. Отъ насъ бы тогда ускользнули новыя ружья, которыя теперь пересылаются изъ Кветты на сѣверъ. Игра такая крупная, что ее однимъ взглядомъ не обнимешь.

— Ого!—сказалъ Кимъ и замолчалъ.—Это происходило во время осеннихъ каникулъ, послѣ того, какъ онъ получилъ награду за успѣхи въ математикѣ. Рождественскіе праздники онъ провелъ у Лурганъ сагиба, сидя большую часть времени передъ ярко горящимъ каминомъ—въ тотъ годъ всѣ дороги были покрыты глубокимъ снѣгомъ—и помогалъ Лургану нанизывать жемчугъ; маленькаго индуса не было, онъ уѣхалъ жениться. Лурганъ заставлялъ Кима выучивать цѣлыя главы изъ корана до тѣхъ поръ, пока онъ не научился читать ихъ нараспѣвъ, какъ настоящій мулла. Кромѣ того, онъ сообщилъ Киму названія и свойства разныхъ мѣстныхъ лекарствъ, а также заклинанія, которыя нужно произносить давая ихъ. Онъ совѣтовалъ Киму заботиться о своемъ здоровьѣ, научилъ его лечить лихорадку и пользоваться разными лекарственными травами. За не-

дѣлю до возвращенія въ Лукноу полковникъ Крейтонъ сагибъ— это было очень нелюбезно съ его стороны—прислалъ Киму экзаменаціонный листъ съ вопросами, касавшимися исключительно линій, угловъ и приборовъ для измѣреній дорогъ.

Слѣдующія каникулы Кимъ провелъ опять съ Магбубомъ. Онъ чуть-чуть не погибъ отъ жажды, пробираясь по песку на верблюдѣ въ таинственный городъ Буканиръ, гдѣ колодцы вырыты на глубинѣ четырехсотъ футовъ и выложены верблюжьими костями. Это не была пріятная экспедиція съ точки зрѣнія Кима, потому что, вопреки условію, ему велѣно было снять планъ съ этого дикаго укрѣпленнаго города. Такъ какъ магометанскимъ конюхамъ не полагается снимать планы въ независимыхъ туземныхъ государствахъ, то Киму пришлось измѣрять всѣ разстоянія при помощи четокъ. Компасомъ ему удавалось пользоваться только изрѣдка—большею частью послѣ захода солнца, и при помощи маленькаго ящика съ красками и трехъ кисточекъ онъ сдѣлалъ планъ какого-то фантастическаго города. Магбубъ очень смѣялся, глядя на его чертежъ, и посовѣтовалъ ему приложить къ рисунку письменное объясненіе.

— Напиши обо всемъ, что̀ ты видѣлъ, чего касался рукой, и что̀ могъ предположить. Пиши такъ, какъ будто самъ Джунгилатъ сагибъ собирается осадить городъ съ большой арміей.

— Съ арміей во сколько человѣкъ?

— Тысячъ въ пятьдесятъ.

— Глупости! Вспомни, какъ мало здѣсь колодцевъ въ пескахъ и какъ они плохи. Даже тысяча человѣкъ не сможетъ пробраться сюда—они умрутъ отъ жажды.

— Такъ напиши все это, отмѣть также старыя бреши въ стѣнахъ, напиши, гдѣ можно достать хворость, и каковы настроенія и намѣренія короля. Я здѣсь останусь, пока не продамъ лошадей. Найму комнату у городскихъ воротъ, и ты будешь моимъ помощникомъ. Комната хорошо запирается.

Кимъ написалъ рапортъ аккуратнымъ почеркомъ школьниковъ Сентъ-Ксавье, и прибавилъ раскрашенный планъ. На возвратномъ пути Кимъ перевелъ написанное на туземный языкъ для Магбуба. Афганецъ поднялся со своего мѣста и сталъ что-то вытаскивать изъ переметной сумы.

— Я зналъ, что ты заслужишь праздничное платье, и приготовилъ его тебѣ,—сказалъ онъ, улыбаясь.—Еслибы я былъ афганскимъ эмиромъ, я бы тебя озолотилъ.—Онъ торжественно положилъ свои дары къ ногамъ Кима: вышитый золотомъ тюрбанъ съ остроконечнымъ верхомъ и съ длинными концами, обши-

тыми золотой бахромой, вышитый жилетъ, бѣлую рубаху, застегивавшуюся сбоку, зеленые шаровары съ шелковымъ поясомъ, и въ завершеніе всего туфли изъ русской кожи, съ дерзко вздернутыми носками; запахъ кожи былъ упоительный.

— Новое платье приноситъ счастье, особенно, если его одѣть въ среду утромъ,—торжественно сказалъ Магбубъ.—Но не нужно забывать, что на свѣтѣ есть злые люди. Вотъ тебѣ.

Магбубъ довершилъ свои приношенія, отъ вида которыхъ у Кима захватило дыханіе, маленькимъ перламутровымъ револьверомъ съ никелевой пластинкой.

— Я думалъ-было выбрать меньшій калибръ, но сообразилъ, что для этого годятся пули правительственныхъ ружей. А такія пули можно легко достать—особенно на границѣ. Ну, встань-ка, покажись мнѣ.—Онъ похлопалъ Кима по плечу.—Дай тебѣ Богъ силы, сынъ мой. Сколько ты погубишь сердецъ! Сколько глазъ будетъ заглядываться на тебя украдкой изъ-подъ опущенныхъ рѣсницъ!

Кимъ повертѣлся на каблукахъ, выпрямился и сталъ машинально закручивать едва пробивающійся усъ. Потомъ онъ припалъ къ ногамъ Магбуба, чтобы поблагодарить его; онъ не могъ выговорить ни слова отъ волненія. Магбубъ обнялъ его.

— Сынъ мой,—сказалъ онъ,—между нами не нужно словъ. Но не правда ли, этотъ маленькій револьверъ очарователенъ? Всѣ шесть зарядовъ можно выпустить сразу. Его нужно носить на груди, у самаго тѣла,—это предохранитъ его отъ ржавчины. Никогда не клади его въ другое мѣсто.

— Когда я буду возвращаться въ школу, мнѣ придется отдать тебѣ его. Тамъ не позволяютъ носить оружіе. Ты припрячь его для меня.

— Сынъ мой, мнѣ надоѣла твоя школа, гдѣ у человѣка отнимаютъ лучшіе годы, чтобы учить его тому, чему можно научиться только въ пути. Глупость сагибовъ безпредѣльна. Ну, да погоди. Можетъ быть, твой отчетъ спасетъ тебя отъ дальнѣйшаго рабства. И, вѣдаетъ Богъ, намъ все болѣе и болѣе нужны люди для дѣла.

Они прошли, боясь открыть ротъ изъ-за густой пыли, черезъ соляную пустыню въ Іодпору, гдѣ Магбубъ-Али и его красивый племянникъ Габибъ-Улла много наторговали. А потомъ, переодѣвшись въ европейское платье, изъ котораго успѣлъ уже вырости, Кимъ отправился во второмъ классѣ въ Сентъ-Ксавье. Черезъ три недѣли полковникъ Крейтонъ, прицѣниваясь къ тибетскому амулету въ лавкѣ Лургана, встрѣтилъ тамъ Магбуба-

Али. Афганецъ сталъ выражать ему свое негодованіе по поводу слишкомъ долгаго, по его мнѣнію, пребыванія Кима въ школѣ. Лурганъ сагибъ молчалъ, оставаясь въ резервѣ.

— Пони совсѣмъ окрѣпъ, твердъ въ ходѣ, сагибъ. Теперь онъ съ каждымъ днемъ будетъ только застаиваться, если его держать на конюшнѣ. Брось поводъ и пусти его въ поле,— сказалъ лошадникъ.—Онъ намъ нуженъ.

— Но онъ такъ молодъ, Магбубъ, ему не болѣе шестнадцати лѣтъ, не правда ли?

— Когда мнѣ было пятнадцать, я уже убилъ одного человѣка и родилъ другого, сагибъ.

— Неисправимый старый язычникъ!—Крейтонъ обратился къ Лургану, и тотъ поддержалъ афганца.

— Я бы давно уже употребилъ его въ дѣло,—сказалъ Лурганъ.—Чѣмъ моложе, тѣмъ лучше. Вотъ почему я всегда поручаю храненіе самыхъ цѣнныхъ камней ребенку. Вы мнѣ послали его на испытаніе. Я всячески его испытывалъ—это единственный мальчикъ, не поддавшійся моимъ внушеніямъ—у него очень твердая воля. Такъ оно было уже три года тому назадъ. А съ тѣхъ поръ онъ многому научился у меня, полковникъ Крейтонъ. По-моему, вы теперь теряете время.

— Гм! Можетъ быть, вы правы. Но вы это сами знаете, теперь нѣтъ никакого серьезнаго дѣла.

— Дайте ему испробовать свои силы,—перебилъ Магбубъ. —Нельзя требовать отъ жеребенка, чтобы онъ сразу сталъ возить тяжести. Пусть онъ походитъ сначала наудачу съ караванами, какъ наши молодые верблюды. Я бы самъ взялъ его съ собой, но...

— Есть кое-что на югѣ, въ чемъ онъ можетъ оказаться полезнымъ,—сказалъ Лурганъ сладкимъ голосомъ, опуская свои тяжелыя вѣки.

— Это дѣло въ рукахъ Е. 23,—быстро сказалъ Крейтонъ. —Туда ему не слѣдъ идти. Къ тому же онъ не знаетъ по-турецки.

— Объясните ему только видъ и запахъ писемъ, которыя намъ нужны, и онъ принесетъ ихъ,—настаивалъ Лурганъ.

Они говорили объ очень запутанномъ дѣлѣ—о недозволенной и разжигающей страсти перепискѣ одного магометанскаго духовнаго лица съ младшимъ членомъ индійской королевской семьи, обвиняемымъ въ захватѣ женщинъ на британской территоріи. Мусульманскій мулла велъ себя очень дерзко, а молодой принцъ негодовалъ на стѣсненіе его правъ. Во всякомъ

случаѣ имъ не слѣдовало продолжать переписку, которая могла когда-нибудь надѣлать бѣды. Одно изъ писемъ было перехвачено, но перехватившій его найденъ былъ убитымъ на дорогѣ въ одеждѣ арабскаго торговца,—какъ Е. 23, взявшійся за продолженіе дѣла, обстоятельно изложилъ въ своемъ донесеніи.

Эти факты и нѣкоторые другіе, болѣе секретные, заставили призадуматься Магбуба и Крейтона.

— Пусть онъ себѣ бродитъ со своимъ краснымъ ламой,— сказалъ продавецъ лошадей съ видимымъ усиліемъ.—Онъ любитъ старика. Онъ, по крайней мѣрѣ, научится считать шаги по четкамъ.

— Я имѣлъ кой-какія сношенія съ этимъ старикомъ письменно,—сказалъ полковникъ, улыбаясь.—Гдѣ же онъ ходитъ?

— Онъ ходитъ по всей Индіи, вотъ уже три года. Онъ ищетъ какую-то „рѣку исцѣленія". Проклятіе всѣмъ—Магбубъ сдержался.—Онъ живетъ въ храмѣ тиртанкеровъ, или въ Будгайѣ, когда возвращается изъ странствія. Онъ навѣщаетъ мальчика въ школѣ, мы это знаемъ, такъ какъ мальчикъ былъ за это нѣсколько разъ наказанъ. Онъ сумасшедшій, но очень смирный человѣкъ. Я съ нимъ встрѣчался. Бабу тоже знаетъ. Мы за нимъ наблюдали все это время. Красныхъ ламъ не такъ много въ Индіи, чтобы можно было потерять ихъ изъ виду.

Крейтонъ задумался и сталъ внимательно разсматривать амулетъ.

— А какъ скоро можно вывести жеребца изъ конюшни?— спросилъ лошадникъ, видя по глазамъ полковника, что онъ колеблется.

— Гм. Если я возьму его изъ школы, что же съ нимъ будетъ по-вашему?

— Онъ придетъ ко мнѣ,—быстро сказалъ Магбубъ.—Лурганъ сагибъ и я подготовимъ его для этихъ странствій.

— Ну, хорошо. Въ теченіе шести мѣсяцевъ пусть онъ дѣлаетъ что̀ хочетъ. Но кто будетъ отвѣчать за него?

Лурганъ слегка наклонилъ голову.—Онъ ничего не разболтаетъ, если это то, чего вы боитесь, полковникъ Крейтонъ.

— Вѣдь онъ все-таки мальчикъ.

— Конечно; но, во-первыхъ, ему нечего выдавать, а во-вторыхъ, онъ знаетъ, къ чему это ведетъ. Къ тому же онъ очень любитъ Магбуба-Али, и меня тоже немножко.

— А ему будутъ платить жалованье?—спросилъ практичный торговецъ лошадьми.

— Онъ будетъ получать только на прокормъ двадцать рупій въ мѣсяцъ.

Магбубъ-Али и Лурганъ очень радовались тому, что имъ удалось убѣдить полковника Крейтона и устроить судьбу Кима; но ихъ радость блѣднѣла передъ тѣмъ восторгомъ, который охватилъ самого Кима, когда директоръ школы Сентъ-Ксавье призвалъ его и объявилъ, что полковникъ Крейтонъ требуетъ его.

— Я такъ понимаю, О'Гара, что онъ нашелъ вамъ мѣсто въ департаментѣ каналовъ,—вотъ видите, что̀ значитъ дѣлать успѣхи въ математикѣ. Вамъ очень повезло, вѣдь вамъ только семнадцать лѣтъ. Но, конечно, вы понимаете, что штатнаго мѣста вамъ не дадутъ, пока вы осенью не сдадите экзамена. Поэтому не воображайте, что васъ ожидаетъ теперь только веселье и развлеченія, или что ваша карьера уже обезпечена. Вамъ предстоитъ еще много серьезнаго труда. Только сдавъ окончательный экзаменъ, вы можете сдѣлаться штатнымъ служащимъ и дойти до жалованья въ четыреста пятьдесятъ рупій въ мѣсяцъ.—Директоръ далъ ему еще много хорошихъ совѣтовъ, касающихся его поведенія и нравственности въ будущемъ. Его товарищи, которые хотя и были старше его, но еще не получали назначеній, стали поговаривать о подкупѣ и протекціи; были намеки на то, что полковникъ Крейтонъ слишкомъ ужъ по отечески относится къ Киму, но Кимъ даже не хотѣлъ отругиваться. Онъ весь былъ поглощенъ мечтами о предстоящихъ ему наслажденіяхъ, и думалъ о письмѣ, полученномъ наканунѣ отъ Магбуба. Афганецъ писалъ ему по-англійски, назначая свиданіе на этотъ день. Вечеромъ, на вокзалѣ въ Лукноу, Кимъ говорилъ о своихъ чувствахъ Магбубу.—Я боялся, что на меня крыша обрушится и раздавитъ меня,—слишкомъ ужъ я счастливъ. Неужели теперь школѣ совсѣмъ конецъ, отецъ мой?

Магбубъ махнулъ рукой въ знакъ подтвержденія, и глаза Кима засверкали какъ угли.

— Такъ дай мнѣ револьверъ, теперь я могу носить его при себѣ.

— Потише, потише. Я только выговорилъ тебѣ у сагиба право дѣлать, что̀ хочешь въ теченіе шести мѣсяцевъ. Будешь получать двадцать рупій въ мѣсяцъ. „Красная шляпа" знаетъ, что ты придешь къ нему.

— Я тебѣ буду выплачивать коммиссіонныя изъ моего жалованья въ теченіе трехъ мѣсяцевъ. Да, по двѣ рупіи въ мѣсяцъ,—сказалъ Кимъ съ важнымъ видомъ.—Но прежде всего нужно освободиться отъ этого.—Онъ указалъ на свои полотня-

ные панталоны и дернулъ себя за воротникъ куртки.—Я привезъ съ собой все, чтò нужно для дороги. Мой чемоданъ отправленъ къ Лурганъ-сагибу.

— Онъ шлетъ тебѣ поклонъ, сагибъ.

— Лурганъ сагибъ очень умный человѣкъ. Но чтò ты теперь намѣренъ дѣлать?

-- Я отправляюсь на сѣверъ, тамъ идетъ большая игра. Ну, а ты попрежнему хочешь слѣдовать за старой „красной шляпой"?

— Не забудь, что я всѣмъ ему обязанъ. Онъ сдѣлалъ меня тѣмъ, чѣмъ я сталъ, хотя онъ и не знаетъ, чтò я такое. Онъ изъ года въ годъ аккуратно платилъ за мое ученіе.

— Я бы сдѣлалъ то же самое, если бы это пришло мнѣ въ мою глупую голову,—проворчалъ Магбубъ.—А теперь идемъ. Всюду уже зажжены огни, и никто не замѣтитъ тебя на базарѣ. Мы идемъ къ Гунифѣ.

По дорогѣ Магбубъ обстоятельно разсказалъ Киму о томъ, какъ Гунифа и подобныя ей колдуньи могутъ наслать несчастія на королей.—Въ нашей игрѣ женщины особенно опасны,—прибавилъ онъ.—Изъ-за нихъ, главнымъ образомъ, и рушатся всѣ наши предпріятія, и насъ находятъ на зарѣ съ перерѣзаннымъ горломъ. Такъ случилось съ...—и онъ разсказалъ самыя ужасныя подробности.

— Такъ почему же...—Кимъ остановился передъ грязной лѣстницей, которая вела въ мрачную комнату во дворѣ за табачной лавкой Азимъ-Уллы.

Комната съ ея грязными подушками и закопченными ширмами вся пропитана была запахомъ плохого табака. Въ одномъ углу лежала огромная безформенная женщина, одѣтая въ зеленоватый газъ; на лбу, въ ушахъ, на груди, на рукахъ у нея было навѣшано множество тяжеловѣсныхъ украшеній мѣстнаго издѣлія. При каждомъ ея движеніи все это звенѣло, какъ мѣдная посуда. Тощая кошка, сидѣвшая на балконѣ за окномъ, жалобно мяукала отъ голода. Кимъ остановился растерянный у входной занавѣси.

— Это и есть твой новичекъ, Магбубъ?—лѣниво спросила Гунифа, даже не вынимая мундштукъ изо рта.—О, буктаны! – у нея, какъ у всѣхъ ей подобныхъ, вѣчно вертѣлись на языкѣ имена джинновъ.—О, буктаны! да онъ славный такой!

— Это входитъ въ торговлю лошадьми,—объяснилъ Магбубъ Киму, который сталъ смѣяться.

— Я уже это давно слышу, — отвѣтилъ Кимъ, усаживаясь подлѣ лампы.—А къ чему это все?

— Это нужно для огражденія отъ опасностей. Сегодня мы измѣнимъ цвѣтъ твоей кожи. Ты сталъ бѣлымъ какъ миндаль отъ спанья. Но у Гунифы есть краска, которая не сходитъ ни въ одинъ, ни въ два дня. Мы также заворожимъ тебя отъ случайностей пути. Это мой тебѣ даръ. Сними съ себя все металлическое и положи сюда. Приготовь что надо, Гунифа.

Кимъ выложилъ свой компасъ, школьный ящикъ съ красками и наново наполненный ящичекъ съ лекарствами. Все это сопровождало его во всѣхъ его странствованіяхъ, и онъ по дѣтски очень дорожилъ этими предметами.

Женщина медленно поднялась и сдѣлала нѣсколько шаговъ по комнатѣ, слегка протягивая впередъ руки. Кимъ увидѣлъ, что она слѣпая.

— Да,—пробормотала она,—моя краска не сходитъ ни черезъ недѣлю, ни черезъ мѣсяцъ. Патанъ сказалъ правду. А тѣ, кого я беру подъ свое покровительство, находятся подъ сильной охраной.

— Когда попадаешь куда-нибудь далеко, и не имѣешь никого подлѣ себя, не хорошо вдругъ покрыться прыщами или заболѣть проказой,—сказалъ Магбубъ.—Когда ты былъ со мной, я могъ слѣдить за тобой. Раздѣнься до пояса. Посмотри, какой ты сталъ бѣлый.—Гунифа вернулась ощупью изъ внутренней комнаты.

— Ничего, вѣдь она не видитъ.—Магбубъ взялъ оловянный кувшинъ изъ ея унизанной кольцами руки.

Краска была на видъ синяя и клейкая. Кимъ обмакнулъ въ нее кусочекъ ваты и потеръ руку, но Гунифа услыхала его движеніе.

— Нѣтъ, нѣтъ,—крикнула она,—это не такъ дѣлается; нужно исполнить при этомъ нѣкоторыя церемоніи. Выкрасить послѣднее дѣло. Я раньше заворожу тебя отъ всѣхъ опасностей пути.

— Jadoo (колдовство)?—спросилъ Кимъ съ нѣкоторымъ испугомъ.—Ему становилось жутко отъ ея бѣлыхъ незрячихъ глазъ. Но Магбубъ положилъ ему руку на шею и пригнулъ его книзу, такъ что Кимъ чуть не стукнулся носомъ о полъ.

— Не сопротивляйся. Тебѣ ничего худого не сдѣлаютъ, мой сынъ.

Кимъ не могъ видѣть, что дѣлаетъ женщина, но въ теченіе нѣсколькихъ минутъ слышалъ звонъ ея украшеній. Въ темнотѣ

вспыхнула спичка, и онъ узналъ знакомое шипѣніе зеренъ ладана. Потомъ комната наполнилась дымомъ—тяжелымъ, ароматнымъ и одуряющимъ. Сквозь находящую на него дремоту онъ слышалъ имена дьяволовъ—Зулбазана, сына Эблиса, который живетъ въ базарахъ и „парао", порождая распущенность нравовъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ останавливаются караваны,—Дулгана, невидимо витающаго надъ мечетями, прокрадывающагося въ туфли правовѣрныхъ и мѣшающаго имъ молиться, Мусбута, дьявола лжи и страха. Гунифа то нашептывала ему что-то на ухо, то говорила какъ бы издалека и касалась его своими ужасными мягкими пальцами; но Магбубъ все время не отнималъ руки отъ его шеи, до тѣхъ поръ, пока мальчикъ съ глубокимъ вздохомъ не лишился чувствъ.

— Аллахъ, какъ онъ сопротивлялся! Безъ куреній ничего бы не вышло. Я думаю, что этому причиной его бѣлая кровь,—раздраженно сказалъ Магбубъ.—Ну, а теперь начинай свои заклинанія. Заворожи его отъ всего.

— О, внимающій, ты, который внимаешь слухомъ, я призываю тебя. Слушай, о, внимающій!—Гунифа взывала, обращая на востокъ свои мертвые глаза. Темная комната наполнилась возгласами и стонами.

Съ балкона какая-то громоздкая фигура просунула въ комнату круглую какъ шаръ голову и нервно закашляла.

— Не прерывайте этихъ чревовѣщаній, другъ мой!—сказала фигура по-англійски.—Я вѣрю, что все это васъ волнуетъ, но просвѣщенный наблюдатель не долженъ терять самообладанія.

— ...Я истреблю враговъ. О, пророкъ, будь терпѣливъ къ невѣрующимъ. Оставь ихъ на время въ покоѣ!—Лицо Гунифы, обращенное на сѣверъ, было страшно искажено, и казалось, что голоса отвѣчаютъ ей съ потолка.

Гурри-бабу сталъ опять дѣлать отмѣтки въ своей записной книжкѣ, сидя на перилахъ балкона, но рука его дрожала. Гунифа какъ бы подъ вліяніемъ наркоза качалась, сидя скрестивъ ноги подлѣ усыпленнаго Кима, и заклинала одного дьявола за другимъ, чтобы охранить мальчика отъ ихъ вліянія.

— Я... я надѣюсь, что ничего вреднаго въ ея манипуляціяхъ нѣтъ,—сказалъ бабу, наблюдая за тѣмъ, какъ напрягались и судорожно двигались мускулы на шеѣ Гунифы, когда она разговаривала съ голосами.—Вѣдь, надѣюсь, она не умертвила мальчика? Въ противномъ случаѣ я отказываюсь быть свидѣтелемъ на судѣ... Какой это былъ послѣдній дьяволъ, котораго она назвала?

— Бабуджи,—сказалъ Магбубъ на мѣстномъ нарѣчіи.—Я не вѣрю въ индусскихъ дьяволовъ, но сыновья Эблиса совсѣмъ другое дѣло. А они, какъ и „джумали" (доброжелательные), такъ и „джулали" (мстительные), не любятъ кафировъ.

— Такъ, по-вашему, мнѣ лучше уйти? — спросилъ Гурри-бабу, поднимаясь съ мѣста.—Конечно, это дематеріализованныя явленія. Спенсеръ сказалъ...

Припадокъ у Гунифы прошелъ, закончившись, какъ это всегда бываетъ, истерическимъ рыданіемъ; на губахъ у нея выступила пѣна. Она лежала неподвижно около Кима, и дикіе голоса замолкли.

— Уфъ, кончено! Дай Богъ, чтобы это принесло пользу мальчику. Бабу, помоги мнѣ приподнять ее. Не бойся!

— Какъ бы я боялся абсолютно несуществующаго?—сказалъ Гурри-бабу, перейдя для собственнаго успокоенія на англійскій языкъ.—Въ самомъ дѣлѣ, очень стѣснительно чувствовать ужасъ передъ колдовствомъ, занимаясь имъ съ научной точки зрѣнія; тяжело собирать свѣдѣнія по фолькъ-лору для королевскаго этнологическаго общества, и въ то же время вѣрить во всѣ темныя силы.

Магбубъ засмѣялся—онъ зналъ бабу изъ прежнихъ совмѣстныхъ экспедицій.

— А теперь надо его выкрасить,—сказалъ онъ.—Мальчикъ теперь находится подъ могущественной охраной, если у духовъ есть уши, чтобы слышать. Я самъ „суфи" (свободомыслящій), но если можно узнать слабыя стороны женщины, лошади и чорта, то почему бы не воспользоваться этимъ на всякій случай. Выведи его на дорогу, бабу, и смотри, чтобы красная шляпа не завела его слишкомъ далеко отъ насъ. Мнѣ пора вернуться къ лошадямъ.

— Хорошо,—сказалъ Гурри-бабу.—Теперь ему вѣрно снятся любопытные сны.

Подъ самое утро Кимъ проснулся какъ будто послѣ тысячелѣтняго сна. Гунифа тяжело храпѣла въ своемъ углу, но Магбуба уже не было.

— Надѣюсь, что вамъ не было страшно,—произнесъ подлѣ него вкрадчивый голосъ.—Я присутствовалъ при всей операціи, очень интересной съ этнологической точки зрѣнія.

— У-у!—сказалъ Кимъ, узнавъ Гурри-бабу, который признательно улыбнулся ему.—Я имѣлъ также честь привезти вамъ отъ Лургана нужное вамъ теперь платье. Я не имѣю обыкно-

венія развозить такія бездѣлицы подчиненнымъ—онъ засмѣялся—но ваше положеніе считается исключительнымъ. Надѣюсь, м-ръ Лурганъ оцѣнитъ мою любезность.

Кимъ зѣвнулъ и потянулся. Пріятно будетъ опять свободно двигаться въ старомъ платьѣ.

— Это что же такое?—Онъ съ любопытствомъ сталъ разглядывать тяжелую шерстяную матерію, пропитанную запахомъ далекаго сѣвера.

— Это скромное платье челы, сопровождающаго ламайскаго ламу. Оно выдержано до мелочей,—сказалъ Гурри-бабу, выходя на балконъ.—Вѣдь вашъ лама, хотя не совсѣмъ этого толка, но все-таки приблизительно въ томъ же родѣ. Я объ этомъ вопросѣ писалъ въ Asiatic Quarterly Review. Замѣчательно, что онъ не вѣритъ въ дьявола, совершенно такъ же, какъ и я.

Гунифа задвигалась во снѣ, и Гурри-бабу нервно кинулся къ мѣдной курильницѣ, казавшейся совсѣмъ черной въ утреннемъ свѣтѣ, взялъ немножко копоти на палецъ, провелъ имъ діагональныя полосы по своему лицу.

— Кто умеръ у тебя въ домѣ?—спросилъ Кимъ на мѣстномъ нарѣчіи.

— Никто, но, можетъ быть, у нея, у этой колдуньи дурной глазъ,—отвѣтилъ бабу.—Ну, а теперь ты куда ѣдешь? Я провожу тебя на поѣздъ, вѣдь ты ѣдешь въ Бенаресъ, и сообщу тебѣ все, что̀ каждый изъ насъ долженъ знать.

— Да, я ѣду въ Бенаресъ. Въ которомъ часу идетъ поѣздъ?

Кимъ всталъ, оглядѣлся въ мрачной комнатѣ, и взглянулъ на желтое какъ воскъ лицо Гунифы.—Нужно заплатить этой колдуньѣ, что ли?

— Нѣтъ, она заворожила тебя противъ всѣхъ темныхъ силъ и всѣхъ опасностей, взывая къ своимъ дьяволамъ. Таково было желаніе Магбуба.—Переходя на англійскій языкъ, бабу прибавилъ:—Въ высшей степени глупо, я думаю, потворствовать такимъ суевѣріямъ. Вѣдь все это чревовѣщательство, не правда ли?

Кимъ машинально щелкнулъ пальцами въ огражденіе отъ всякаго зла, которое могло произойти отъ заклинаній Гунифы, и Гурри опять засмѣялся. Но, проходя черезъ комнату, онъ старательно обходилъ тѣнь Гунифы на полу. Колдуньи могутъ завладѣть душой человѣка, если наступить на ихъ тѣнь.

— Ну, а теперь выслушайте меня внимательно,—сказалъ бабу, когда они вышли на воздухъ.—Въ составъ церемоній, которыхъ мы были свидѣтелями, входитъ передача амулета служа-

щимъ въ нашемъ департаментѣ. У васъ виситъ теперь на шеѣ маленькій серебряный амулетъ, очень дешевый. Это нашъ, вы понимаете?

— О, да, это амулетъ, „снимающій тяжесть съ души“,— сказалъ Кимъ, ощупывая амулетъ на шеѣ.

— Гунифа дѣлаетъ ихъ за двѣ рупіи, конечно, со всякаго рода заклинаніями. Они не представляютъ ничего особеннаго— это только кусочекъ черной эмали, а внутри бумажка съ именами мѣстныхъ святыхъ. Гунифа изготовляетъ ихъ только для насъ, но на всякій случай, т.-е. еслибы она работала не только для насъ, мы еще вставляемъ въ наши амулеты маленькую бирюзу. Ее доставляетъ м-ръ Лурганъ,—въ другомъ мѣстѣ такой бирюзы достать нельзя. Все это я самъ придумалъ. Конечно, это не имѣетъ оффиціальнаго характера, но очень удобно въ сношеніяхъ съ подчиненными. Полковникъ Крейтонъ этого не знаетъ, онъ европеецъ. Бирюза завернута въ бумагу.—А вотъ мы и у вокзала... Представь себѣ, вы отправились куда-нибудь съ ламой, или со мной—какъ я надѣюсь, что это когда-нибудь случится—или съ Магбубомъ. Предположимъ, что мы попадаемъ куда-нибудь въ очень опасное мѣсто. Я боязливый человѣкъ, очень боязливый; но, увѣряю васъ, мнѣ приходилось быть въ очень опасныхъ мѣстахъ. Вы тогда должны сказать: „я сынъ волшебныхъ чаръ“. Прекрасно.

— Я не совсѣмъ понимаю. Однако, не слѣдуетъ намъ говорить по-англійски во всеуслышаніе.

— Нѣтъ, ничего. Я бабу, хвастающій своимъ англійскимъ языкомъ. Бабу всегда говорятъ по-англійски изъ тщеславія,— сказалъ Гурри.—Такъ вотъ „сынъ волшебныхъ чаръ“—это знакъ того, что вы, можетъ быть, членъ союза „Семи Братьевъ“. Считается, что это общество уже исчезло, но я въ своемъ изслѣдованіи доказалъ, что оно существуетъ. Вотъ видите: все это я придумалъ. Союзъ „семи братьевъ“ имѣетъ много членовъ, и вмѣсто того, чтобы перерѣзать вамъ горло, васъ могутъ пощадить. Это во всякомъ случаѣ полезно. И кромѣ того, эти глупые туземцы, если они не слишкомъ возбуждены, всегда призадумаются, прежде чѣмъ убить человѣка, принадлежащаго къ какому-нибудь союзу. Понимаете? Конечно, этимъ нужно пользоваться только въ крайнемъ случаѣ, или вступая въ переговоры съ кѣмъ-нибудь чужимъ... Поняли? Прекрасно. Но представьте себѣ, что я, или кто-нибудь изъ нашихъ, явился къ вамъ переодѣтымъ. Вы бы меня не узнали, еслибы я не захотѣлъ того, увѣряю васъ. Когда-нибудь я вамъ это докажу. Приду я, напри-

мѣръ, какъ торговецъ, или что-нибудь подобное, и скажу вамъ: „не хотите ли купить драгоцѣнныхъ камней?“ Вы отвѣтите: развѣ я похожъ на человѣка, покупающаго драгоцѣнные камни? Тогда я скажу: даже самый бѣдный человѣкъ можетъ купить бирюзу или „таркинъ“.

— Вѣдь таркинъ, это кёрри (кушаніе изъ овощей),—сказалъ Кимъ.

— Конечно. Такъ вотъ вы говорите: покажи мнѣ „таркинъ“!—Тогда я скажу: онъ былъ свaренъ женщиной и, можетъ быть, недостаточно хорошъ для людей вашей касты. А вы отвѣчаете: „Какая рѣчь можетъ быть о кастѣ, когда человѣку нуженъ „таркинъ“? Вы только должны сдѣлать маленькую остановку передъ словомъ: нуженъ. Вотъ и весь секретъ. Только маленькая остановка передъ словомъ.

Кимъ повторилъ условную фразу.

— Вотъ такъ, совершенно вѣрно. Тогда я вамъ покажу мою бирюзу, и вы поймете кто я, и мы можемъ обмѣняться мнѣніями, показать другъ другу документы и т. д. Такъ нужно говорить со всѣми нашими. Мы иногда говоримъ о бирюзѣ, иногда о „таркинѣ“, но всегда дѣлаемъ маленькую остановку передъ этимъ словомъ. Это очень легко. Сначала нужно сказать „я сынъ волшебныхъ чаръ“ въ случаѣ опасности. Затѣмъ, то, чтò я вамъ сказалъ о „таркинѣ“, если вамъ нужно переговорить о дѣлѣ съ чужимъ человѣкомъ. Конечно, у васъ теперь еще нѣтъ постояннаго дѣла. Вы пока на испытаніи. Еслибы вы были Азіатъ по происхожденію, васъ сразу можно было бы пустить въ дѣло; но этотъ полугодовой срокъ данъ вамъ для того, чтобы отстать отъ всего англійскаго, понимаете? Лама васъ ожидаетъ. Я его полу-оффиціально извѣстилъ о томъ, что вы сдали всѣ экзамены и скоро поступите на государственную службу. А теперь покажите себя, постарайтесь не ударить лицомъ въ грязь. Прощайте, надѣюсь, что все пойдетъ на ладъ.

Гурри-бабу смѣшался съ толпой у входа на вокзалъ и черезъ нѣсколько минутъ безслѣдно исчезъ. Кимъ глубоко вздохнулъ и встряхнулся. Револьверъ съ никелевой пластинкой былъ при немъ, амулетъ висѣлъ на шеѣ, чашка для собиранія милостыни и четки были на своихъ мѣстахъ, а также ящичекъ съ лекарствомъ, краски и компасъ, а въ поясѣ лежало его мѣсячное жалованье. Кимъ чувствовалъ себя богаче короля. Онъ купилъ сласти у индусскаго торговца и принялся грызть ихъ съ восхищеніемъ до тѣхъ поръ, пока полицейскій не велѣлъ ему отойти отъ лѣстницы.

XI.

За этимъ послѣдовала внезапная и вполнѣ естественная реакція.

„Теперь я одинъ—совсѣмъ одинъ,—подумалъ онъ.—Во всей Индіи нѣтъ болѣе одинокаго человѣка, чѣмъ я! Если я умру сегодня, то кто объ этомъ разскажетъ и кому? А если я останусь живъ Божьей милостью, то моя голова будетъ оцѣнена, ибо я сынъ „волшебныхъ чаръ“. Я Кимъ“.

Съ европейцами это рѣдко случается, но большинству азіатовъ свойственно впадать въ неясное и тягостное состояніе отъ долгаго повторенія собственнаго имени, причемъ мысль свободно предается соображеніямъ о томъ, что̀ такое человѣкъ по существу. Выростая, люди утрачиваютъ эту особенность, но если она остается, то отъ времени до времени на человѣка находитъ это странное состояніе.

— Что̀ такое Кимъ... Кимъ... Кимъ?..

Онъ усѣлся, скорчившись, въ углу шумной комнаты для пассажировъ, совершенно оторванный отъ всякой другой мысли. Руки его были сложены на колѣняхъ, а зрачки совсѣмъ съузились. Черезъ минуту, черезъ полъ-секунды... онъ чувствовалъ, что придетъ къ разрѣшенію этого ужаснаго недоумѣнія, но вдругъ, какъ это всегда бываетъ, его умъ сорвался съ высоты съ быстротой раненой птицы и, проведя рукой по глазамъ, онъ встряхнулъ головою. Длинноволосый индусскій бераги (святой человѣкъ), только-что купившій билетъ, остановился возлѣ него въ эту минуту и пристально смотрѣлъ на него.

— И я тоже это утратилъ,—произнесъ онъ печально.— Это одни изъ вратъ, ведущихъ къ пути, но передо мною они закрывались много лѣтъ.

— О чемъ ты говоришь?—съ изумленіемъ спросилъ Кимъ.

— Ты въ умѣ своемъ удивился тому, что такое твоя душа. На тебя это вдругъ нашло. Я знаю. Кому и знать, какъ не мнѣ? Ты куда ѣдешь?

— Въ Бенаресъ.

— Тамъ нѣтъ боговъ. Я въ этомъ убѣдился. Я ѣду въ Аллахабадъ, въ пятый разъ, ища пути къ просвѣтленію. Какой ты вѣры?

— Я тоже ищущій,—отвѣчалъ Кимъ, употребляя любимое выраженіе ламы.—Хотя...—онъ на мгновеніе забылъ о своей сѣверной одеждѣ,—хотя одинъ Аллахъ вѣдаетъ, что̀ я ищу.

Старикъ сунулъ подъ мышку свою монашескую клюку и усѣлся на кускѣ красноватой леопардовой шкуры, въ то время, какъ Кимъ всталъ, услыхавъ призывъ поѣзда въ Бенаресъ.

— Иди съ надеждой, маленькій братъ,—сказалъ монахъ.— Дологъ путь до подножія ногъ Единаго; но туда должны мы всѣ стремиться.

Послѣ этого Кимъ уже не чувствовалъ себя болѣе такимъ одинокимъ и, не успѣвъ еще отъѣхать и двадцати милей въ набитомъ народомъ вагонѣ, уже развеселялъ своихъ сосѣдей цѣлымъ рядомъ хитросплетенныхъ разсказовъ о волшебной силѣ своей и своего учителя.

Бенаресъ поразилъ его своею грязью, хотя пріятно было видѣть съ какимъ уваженіемъ всѣ относились къ его костюму. По крайней мѣрѣ одна треть населенія вѣчно молится то той, то другой группѣ всевозможныхъ божествъ и поэтому относится съ почтеніемъ ко всѣмъ святымъ людямъ. Къ храму тиртанкеровъ, находящемуся около мили разстоянія отъ города, Кима провожалъ случайно попавшійся пэнджабскій крестьянинъ. Онъ тщетно прибѣгалъ ко всѣмъ богамъ своей родины, моля исцѣлить его маленькаго сына, и теперь рѣшился испробовать послѣднее средство и пойти въ Бенаресъ.

— Ты съ сѣвера?—спросилъ онъ Кима, прочищая себѣ путь по узкимъ вонючимъ улицамъ энергичнымъ движеніемъ плеча, дѣлавшимъ его похожимъ на его любимаго, оставленнаго дома, бычка.

— Да, я знаю Пэнджабъ. Моя мать была пагаринка родомъ, а отецъ пришелъ изъ Аминцара чрезъ Жандіалу,—отвѣчалъ Кимъ, пользуясь своей изобрѣтательностью.

— Жандіала—Жулундуръ? Осо! Въ такомъ случаѣ мы въ нѣкоторомъ родѣ сосѣди.—Крестьянинъ съ нѣжностью кивнулъ головой жалобно плакавшему на его рукахъ ребенку.—А кому ты служишь?

— Самому святому человѣку въ храмѣ тиртанкеровъ.

— Они всѣ самые святые и самые жадные,—съ горечью замѣтилъ крестьянинъ.—Я обошелъ всѣ столбы и всѣ храмы исходилъ, пока кожа съ ногъ не слѣзла, а ребенку все не лучше. Да и мать-то его тоже больна... Ну, молчи ужъ, молчи, дѣточка... Мы ему имя перемѣнили, когда на него напала лихорадка. Одѣли его дѣвочкой. Чего-чего мы только не дѣлали... Вотъ только... я говорилъ его матери, когда она гнала меня въ Бенаресъ—сама бы шла со мною—я говорилъ, что Саки-Сарваръ

султанъ намъ всего лучше помогъ бы. Намъ извѣстно его великодушіе, но эти боги намъ чужіе.

Ребенокъ повернулъ голову на служившей ему подушкой жилистой рукѣ отца и взглянулъ на Кима изъ-подъ отяжелѣвшихъ вѣкъ.

— И все было напрасно?—спросилъ Кимъ, сразу заинтересовавшись судьбой чужого человѣка.

— Все напрасно—ничего не помогло,—отвѣчалъ ребенокъ, съ трудомъ двигая растрескавшимися отъ лихорадки губами.

— По крайности боги дали ему хорошій умъ,—съ гордостью произнесъ отецъ.—Кому бы въ голову пришло, что онъ такъ хорошо все слышитъ. Ну, вотъ твой храмъ. Я человѣкъ бѣдный, со сколькими монахами и браминами пришлось мнѣ торговаться, но мой сынъ—мнѣ сынъ и, можетъ быть, хоть подарокъ твоему учителю поможетъ ему, и онъ выздоровѣетъ, а ужъ я больше ничего и придумать не могу.

Кимъ пораздумалъ немного, испытывая чувство удовлетворенной гордости. Три года назадъ онъ извлекъ бы выгоду изъ такого положенія и пошелъ бы своей дорогой, не раздумывая, но теперь то уваженіе, съ какимъ относился къ нему крестьянинъ, доказывало, что онъ уже настоящій человѣкъ. Кромѣ того, онъ самъ разъ или два уже испыталъ на себѣ, что̀ значитъ лихорадка, и легко различалъ признаки изнуренія организма отъ недостатка питанія.

— Вызови его, и я дамъ ему приплодъ отъ лучшей пары моего скота, если ребенокъ будетъ здоровъ.

Кимъ остановился передъ рѣзной наружной дверью храма. Аджмирскій ростовщикъ въ бѣлой одеждѣ, только-что очищенный отъ грѣха лихоимства, спросилъ чего ему надо.

— Я чела Тешу-ламы, святого старца изъ Ботіала, живущаго здѣсь. Онъ велѣлъ мнѣ придти. Я жду. Скажи ему.

— Не забудь о ребенкѣ,—закричалъ надоѣдливый крестьянинъ ему вслѣдъ и вдругъ завопилъ по-пэнджабски:

— О, святой отецъ... о, ученикъ святого отца... о, боги, царящіе надъ всѣми мірами, воззрите на страданіе, сидящее у вратъ!

Въ Бенаресѣ такъ привыкли къ подобнымъ крикамъ, что прохожіе даже не оглянулись на него.

Примиренный съ человѣчествомъ, ростовщикъ пошелъ и скрылся въ темномъ проходѣ, чтобы передать по назначенію слова Кима, и тихо потянулись несчитанныя восточныя мгновенія: лама спалъ въ своей кельѣ и ни одинъ монахъ не сталъ бы будить его. Но

когда щелканье его четокъ снова нарушило тишину внутренняго двора, обставленнаго изображеніями аратовъ, то послушникъ шепнулъ старику:

— Твой чела здѣсь,—и лама поспѣшилъ къ выходу, забывъ окончить молитву. Едва высокая фигура монаха показалась въ дверяхъ, какъ крестьянинъ подбѣжалъ къ нему, поднимая на рукахъ ребенка, и закричалъ:

— Взгляни на него, святой отецъ, и если на то воля Божія, да будетъ онъ живъ... да будетъ онъ живъ!

Онъ порылся за поясомъ и вытащилъ мелкую серебряную монету.

— Что̀ у него такое? — глаза ламы устремились на Кима. Было замѣтно, что онъ сталъ говорить гораздо чище по-урдусски, чѣмъ тогда, давно, у Замъ-Замма. Но крестьянинъ не хотѣлъ допустить никакого частнаго разговора.

— Это просто лихорадка и ничего больше,—отвѣчалъ Кимъ. —У ребенка недостатокъ питанія.

— Его отъ всего тошнитъ, а матери его здѣсь нѣтъ.

— Если будетъ дозволено, я могу вылечить, святой отецъ.

— Какъ! Они сдѣлали тебя врачемъ? Подожди немного,— сказалъ лама и сѣлъ рядомъ съ крестьяниномъ на самую нижнюю ступеньку храма, въ то время какъ Кимъ, искоса поглядывая на него, открылъ тихонько свой ящичекъ съ лекарствами. Въ школѣ онъ часто мечталъ о томъ, какъ вернется къ ламѣ сагибомъ и какъ они будутъ разговаривать до тѣхъ поръ, пока онъ не откроется ему; но все это были дѣтскія мечты. Онъ чувствовалъ гораздо большій драматизмъ, когда съ увлеченіемъ, совсѣмъ забывъ о себѣ и нахмуривъ брови, рылся въ пузырькахъ съ надписями, останавливаясь отъ времени до времени, чтобы подумать, и произнося какія-то воззванія. У него былъ хининъ въ облаткахъ и темно-коричневыя лепешки, вѣроятно изъ мясного порошка, но это его не касалось. Ребенокъ, ничего не хотѣвшій ѣсть, сталъ съ жадностью сосать лепешку и сказалъ, что ему нравится ея соленый вкусъ.

— Вотъ возьми еще шесть такихъ,—Кимъ передалъ лепешки крестьянину.—Возблагодари боговъ и свари три изъ нихъ въ молокѣ; другія три—въ водѣ. Когда онъ выпьетъ молоко, дай ему это—онъ далъ полъ хинной облатки—и укрой его потеплѣе. А когда онъ выспится, то дай ему воду съ вываренными лепешками и еще половину этого бѣлаго порошка. А кромѣ того вотъ еще другое коричневое лекарство, которое онъ долженъ сосать, возвращаясь домой.

— Боги, что за премудрая голова!—воскликнулъ крестьянинъ, съ жадностью хватая лекарства. Это было все, что Кимъ могъ припомнить изъ собственнаго леченія, когда у него былъ одинъ разъ припадокъ осенней маляріи. Онъ прибавилъ только воззванія, чтобы произвести впечатлѣніе на ламу.

— Теперь иди и приходи завтра утромъ.

— Но какая же плата, какая же плата?—сказалъ крестьянинъ, вздергивая свои крѣпкія плечи.—Мой сынъ—сынъ мнѣ. Когда онъ будетъ здоровъ, какъ я вернусь къ его матери и какъ скажу ей, что мнѣ помогли въ дорогѣ, а я не далъ за это даже чашки творога?

— Всѣ они одинаковы,—ласково сказалъ Кимъ.—Одинъ его землякъ стоялъ на кучѣ мусора, а мимо проходили королевскіе слоны. „О, погонщикъ",—сказалъ онъ,—„за сколько ты продашь этихъ маленькихъ ословъ?"

Крестьянинъ разразился громкимъ смѣхомъ и, задыхаясь, сталъ восхвалять ламѣ его ученика.

— Вотъ точно такъ говорятъ на моей родинѣ, точь-въ-точь такъ. И я и всѣ мои земляки такіе. Завтра я приду съ ребенкомъ утромъ и да будетъ благословеніе домашнихъ боговъ—они добрые божки—на васъ обоихъ... Ну, сынишка, теперь мы опять будемъ сильные. Да ты не выплевывай, принцъ ты мой маленькій! Король моего сердца, ты не выплевывай лекарство-то, и тогда мы будемъ съ тобой сильные мужчины, завтра же утромъ на бой можемъ идти и дубиной орудовать.

Онъ ушелъ, причитывая что-то и бормоча. Лама повернулся къ Киму, и вся его старая любящая душа отразилась въ его узкихъ глазахъ.

— Вылечить больного—доброе дѣло и заслуга передъ Богомъ, но сначала надо пріобрѣсти познанія. Ты поступилъ мудро, о, „всѣмъ на свѣтѣ другъ".

— Я умудрился благодаря тебѣ, святой отецъ,—сказалъ Кимъ, забывая только-что проведенную маленькую игру, забывая Сентъ-Ксавье, забывая, что въ немъ течетъ кровь бѣлаго человѣка, забывая даже большую игру, въ ту минуту, какъ онъ склонился, по магометанскому обычаю, чтобы коснуться ногъ своего учителя въ пыли стараго храма.—Моимъ ученьемъ я обязанъ тебѣ. Я ѣлъ твой хлѣбъ въ теченіе трехъ лѣтъ. Мое испытаніе окончено. Я выпущенъ изъ школы. Я пришелъ къ тебѣ.

— Въ этомъ моя награда. Войди! Войди! Ну, что, все благополучно?

Они прошли во внутренній дворъ, пронизанный косыми лучами послѣполуденнаго солнца.

— Встань, чтобъ я могъ тебя видѣть. Такъ!—Онъ критически осмотрѣлъ его.—Ты не дитя больше, а мужчина, созрѣвшій въ мудрости и путешествующій, какъ врачъ. Я хорошо сдѣлалъ... я хорошо сдѣлалъ, когда отдалъ тебя вооруженнымъ людямъ въ ту черную ночь. Помнишь ли ты день нашей первой встрѣчи у Замъ-Замма?

— Да,—отвѣчалъ Кимъ.—А ты помнишь, какъ я выскочилъ изъ коляски въ первый день моего вступленія...

— Во врата ученья? Помню. А тотъ день, когда мы ѣли вмѣстѣ пряники, на берегу рѣки возлѣ Лукноу? Ага! Много разъ ты собиралъ милостыню для меня, но въ тотъ день я собиралъ для тебя.

— Ну, еще бы, для этого была важная причина,—произнесъ Кимъ.—Я вѣдь тогда былъ ученикомъ, вступающимъ въ ворота ученья, и былъ одѣтъ, какъ сагибъ. Не забывай, святой отецъ,— продолжалъ онъ весело,—что я и до сихъ поръ сагибъ по твоей милости.

— Правда. И сагибъ достойный наибольшаго уваженія. Пойдемъ въ мою келью, чела.

— Откуда ты это знаешь?

Лама улыбнулся.

— Изъ писемъ добраго священнослужителя, котораго мы встрѣтили въ лагерѣ вооруженныхъ людей. Но теперь онъ уѣхалъ къ себѣ на родину, и я посылалъ деньги его брату. Полковникъ Крейтонъ, замѣнившій отца Виктора въ качествѣ опекуна, едва ли былъ братомъ капелана. Но я не очень-то понимаю письма сагиба. Ихъ должны мнѣ переводить. Я избралъ самый вѣрный путь. Много разъ, возвращаясь съ моего исканія въ этотъ храмъ, всегда служившій мнѣ убѣжищемъ, я встрѣчалъ одного человѣка, ищущаго просвѣтленія. Онъ говоритъ, что былъ индусомъ, но пересталъ вѣрить во всѣ эти божества.

Онъ указалъ на изображенія, стоявшія вокругъ двора.

— Онъ толстый человѣкъ? — спросилъ Кимъ, сверкнувъ глазами.

— Очень толстый. Я скоро замѣтилъ, что умъ его преданъ безполезнымъ вещамъ, въ родѣ дьяволовъ, колдовства, и онъ занятъ тѣмъ, какимъ образомъ и какъ мы пьемъ чай и какимъ путемъ научаемъ нашихъ послушниковъ. Онъ задаетъ все время безконечные вопросы, но онъ тебѣ другъ, чела. Онъ мнѣ ска-

залъ, что ты на пути къ большому почету въ качествѣ писца. А теперь я вижу, что ты врачъ.

— Да, я и въ самомъ дѣлѣ писецъ, когда я сагибъ, но я освобождаю себя отъ этой должности, какъ только становлюсь твоимъ ученикомъ. Я провелъ въ школѣ время, назначенное для сагибовъ.

— Какъ, назначаютъ время для послушниковъ?—спросилъ лама, кивнувъ головой.—Значитъ, ты совсѣмъ освободился отъ школьнаго ученья? Мнѣ не хотѣлось бы брать тебя, если ты не вполнѣ созрѣлъ въ наукѣ.

— Я вполнѣ свободенъ. Въ положенное время я поступаю на правительственную службу въ качествѣ писца...

— А не воина. Это хорошо.

— Но прежде я пришелъ, чтобы постранствовать съ тобою. Кто проситъ для тебя милостыню все это время?—быстро спросилъ онъ.

— Очень часто я прошу самъ, но, какъ тебѣ извѣстно, я рѣдко здѣсь бываю, только когда прихожу справляться о моемъ ученикѣ. Я путешествовалъ отъ одного конца Индіи до другого, то пѣшкомъ, то въ поѣздѣ. Большая и удивительная эта страна! Но когда я возвращаюсь сюда, то мнѣ кажется, что я въ моемъ родномъ Ботіалѣ.

Онъ радостно оглядѣлъ маленькую чистую келью. Сидѣньемъ ему служила низкая подушка, и онъ сидѣлъ на ней, скрестивъ ноги, въ положеніи Бодизата, погруженнаго въ созерцаніе. Передъ нимъ стоялъ черный столъ изъ тиковаго дерева не болѣе двадцати дюймовъ вышины, уставленный чайными чашками изъ мѣди. Въ одномъ углу возвышался крошечный алтарь, тоже изъ тиковаго дерева, покрытый рѣзьбой. На немъ помѣщалось изображеніе сидящаго Будды изъ позолоченной мѣди, передъ нимъ висѣла лампа, кадильница и два мѣдныхъ цвѣточныхъ горшка.

— Хранитель изображеній въ „домѣ чудесъ“ сдѣлалъ доброе дѣло и заслужилъ передъ Богомъ, подаривъ мнѣ все это годъ тому назадъ, — сказалъ лама, слѣдя за направленіемъ глазъ Кима.—Когда кто-нибудь живетъ далеко отъ родины, то такія вещи служатъ напоминаніями, и мы должны благоговѣйно чтить Господа, указавшаго намъ путь. Посмотри! — онъ показалъ ему на удивительно сложенную кучу раскрашеннаго риса, наверху которой помѣщалось фантастическое украшеніе изъ металла.

— Когда я былъ настоятелемъ въ моей странѣ, прежде, чѣмъ достичь высшаго знанія, я ежедневно совершалъ это приношеніе. Это всемірная жертва Господу. Такимъ образомъ, мы,

обитатели Ботіала, приносимъ ежедневно весь міръ въ жертву „совершенному закону". Я и теперь это дѣлаю, хотя знаю, что „совершеннѣйшій" выше всякихъ жертвъ и приношеній.—Онъ понюхалъ изъ своей табакерки.

— И это очень хорошо, святой отецъ,—пробормоталъ Кимъ, усаживаясь поудобнѣе на подушки и чувствуя себя счастливымъ и страшно утомленнымъ.

— И также,—продолжалъ старикъ,—я дѣлаю рисунки „колеса жизни". Три дня употребляю на одинъ рисунокъ. Я былъ имъ занятъ, а, можетъ быть, и закрылъ глаза немного, когда мнѣ пришли сказать о тебѣ. Хорошо, что ты здѣсь. Я покажу тебѣ мою работу не изъ тщеславія, а потому, что ты долженъ учиться. Сагибы не обладаютъ „всею" міровою мудростью.—Онъ вынулъ изъ-подъ стола листъ желтой китайской, странно пахнущей бумаги, кисточки и плитку индійской туши. Чистѣйшими и строгими линіями начертилъ онъ большое колесо съ шестью спицами, центромъ для которыхъ служатъ свинья, змѣя и голубь (невѣжество, гнѣвъ и сладострастіе), а пространства между которыми заняты всѣми раями, адами и всѣми случайностями человѣческой жизни. Говорятъ, что самъ Бодизатъ впервые нарисовалъ его зернами риса на пескѣ, чтобы научить своихъ учениковъ причинѣ вещей. Долгіе годы закрѣпили этотъ рисунокъ, какъ удивительное условное изображеніе въ его первоначальномъ видѣ, украсивъ его сотнями маленькихъ фигуръ. Каждая линія заключаетъ въ себѣ особый смыслъ. Немногіе умѣютъ объяснять загадку этого рисунка и не болѣе двадцати человѣкъ на свѣтѣ могутъ вѣрно нарисовать его отъ себя, не копируя, а вмѣстѣ и рисовать и объяснять въ состояніи только трое.

— Я немного учился рисовать, — сказалъ Кимъ,—но вѣдь это чудо изъ чудесъ.

— Я рисовалъ его въ теченіе многихъ лѣтъ, — произнесъ лама,—было время, когда я могъ сдѣлать рисунокъ отъ вечера до вечера. Я научу тебя этому искусству послѣ необходимыхъ приготовленій и покажу тебѣ значеніе всего „колеса".

— Такъ, значитъ, мы отправимся въ путь?

— Да, и возобновимъ наше исканіе. Я только и дожидался тебя. Мнѣ открылось во множествѣ сновъ, особенно въ одномъ, приснившемся мнѣ въ ночь того дня, когда за тобою впервые закрылись „ворота ученья", что безъ тебя я никогда не найду моей рѣки. Опять и опять, какъ тебѣ извѣстно, я старался отклонить отъ себя эту мысль, боясь, что это обманъ и заблужденіе. Поэтому я не взялъ тебя съ собою изъ Лукноу въ тотъ

день, когда мы ѣли съ тобой пряники. Я и не взялъ бы тебя, пока не настало бы настоящее и благопріятное время. Отъ горъ до моря и отъ моря до горъ ходилъ я, но тщетно. Ты былъ посланъ мнѣ на помощь. Лишившись этой помощи, я не могъ довести моего исканія до конца. Поэтому мы пойдемъ теперь вмѣстѣ и можемъ быть увѣрены, что исканіе будетъ успѣшно.

— А куда мы пойдемъ?

— Не все ли равно, „всѣмъ на свѣтѣ другъ"? Я говорю тебѣ, что успѣхъ исканія обезпеченъ. Если будетъ нужно, то рѣка брызнетъ изъ земли передъ нами. Я сдѣлалъ доброе дѣло и заслужилъ передъ Богомъ, пославъ тебя къ „воротамъ ученья" и подаривъ тебѣ драгоцѣнный камень, называемый „мудростью".

Потомъ они стали говорить о мірскихъ дѣлахъ, но нельзя было не замѣтить, что лама не разспрашивалъ ни о какихъ подробностяхъ жизни въ Сентъ-Ксавье и не высказывалъ ни малѣйшаго интереса къ образу жизни и обычаямъ сагибовъ. Онъ весь уходилъ мыслями въ прошедшее и вновь переживалъ каждый шагъ ихъ удивительнаго перваго совмѣстнаго путешествія, потирая руки и тихо смѣясь. Наконецъ, онъ улегся, свернувшись, и заснулъ внезапнымъ старческимъ сномъ.

Кимъ наблюдалъ, какъ со двора исчезали послѣдніе падавшіе пыльными столбами лучи заходящаго солнца, перебирая въ рукахъ амулетъ и четки. Шумъ Бенареса, старѣйшаго изъ всѣхъ городовъ, бодрствующаго днемъ и ночью передъ лицомъ своихъ боговъ, разливался и гудѣлъ вокругъ стѣнъ, какъ море шумитъ вокругъ мола. Отъ времени до времени какой-нибудь монахъ или браминъ проходилъ черезъ дворъ съ маленькимъ приношеніемъ божеству, слегка обметая вокругъ себя землю изъ страха уничтожить какое-нибудь живое существо. Въ сумеркахъ начинала мерцать лампада и затѣмъ слѣдовали звуки молитвы. Кимъ наблюдалъ, какъ всходили одна за другой звѣзды въ неподвижномъ густомъ мракѣ, пока, наконецъ, не заснулъ у подножья алтаря. Въ эту ночь онъ грезилъ по-индустански и не произнесъ во снѣ ни единаго англійскаго слова.

— Святой отецъ, вѣдь тутъ еще этотъ ребенокъ, которому мы дали лекарство,—сказалъ онъ около трехъ часовъ утра проснувшемуся вмѣстѣ съ нимъ и собравшемуся въ путь ламѣ.— Крестьянинъ придетъ сюда съ разсвѣтомъ.

— Это доброе возраженіе. Въ моей поспѣшности я чуть было не сдѣлалъ ошибки.—Онъ усѣлся на подушки и взялся за свои четки. – Старые люди, это правда, становятся, точно дѣти,— прибавилъ онъ трогательно. — Ихъ ближайшее желаніе должно

тотчасъ же исполняться, а иначе они сердятся и плачутъ. Много разъ на пути я былъ готовъ затопать ногами, когда являлось препятствіе въ видѣ повозки съ волами или простого облака пыли. Не такъ было, когда я былъ молодъ... давнымъ давно. Во всякомъ случаѣ, это несправедливо...

— Но ты въ самомъ дѣлѣ старъ, святой отецъ.

— Такъ положено. Въ мірѣ существуетъ причина, и старый или молодой, слабый или сильный, знающій или незнающій, кто можетъ вмѣшиваться въ дѣйствіе этой причины? Развѣ „колесо" можетъ стоять неподвижно, еслибы его вертѣлъ и ребенокъ или... пьяница? Чела, это огромный и страшный свѣтъ.

— Я думаю, что онъ хорошій.—Кимъ зѣвнулъ. — А найдется что-нибудь поѣсть? Я со вчерашняго вечера ничего не ѣлъ.

— Я забылъ о твоей потребности. Вонъ тамъ ты найдешь хорошій ботіальскій чай и холодный рисъ.

— Ну, съ такой начинкой намъ далеко не уйти.—Кимъ почувствовалъ истинно европейскую потребность въ мясѣ, неумѣстную въ буддійскомъ храмѣ. Но вмѣсто того, чтобы отправиться поскорѣе сбирать милостыню, онъ удовольствовался тѣмъ, что набивалъ свой желудокъ комками холоднаго риса вплоть до зари. А съ зарею явился словоохотливый крестьянинъ, захлебываясь отъ избытка благодарственныхъ словъ.

— Ночью лихорадка прекратилась и появилась испарина,— закричалъ онъ.—Пощупай-ка какая у него кожа свѣжая, точно новая! Ему нравятся соленыя лепешки и молоко онъ пьетъ съ жадностью.

Онъ стащилъ покрывало съ лица ребенка и тотъ сонно улыбнулся Киму. Небольшая кучка монаховъ, молча, но наблюдая за всѣмъ происходившимъ, выглядывала изъ дверей храма. Они знали—и Кимъ зналъ, что они знали,—какъ старый лама встрѣтилъ своего ученика. Такъ какъ они были вѣжливый народъ, то вчера вечеромъ не стали навязываться и мѣшать своимъ присутствіемъ и разговорами. Поэтому, въ это утро Кимъ отплатилъ имъ за ихъ деликатность.

— Благодареніе вашимъ богамъ, братья, — сказалъ онъ, не зная именъ этихъ боговъ.—Лихорадка въ самомъ дѣлѣ прекратилась.

— Посмотрите! глядите! — лама весь сіялъ, стоя сзади монаховъ, оказывавшихъ ему гостепріимство въ теченіе трехъ лѣтъ. —Былъ ли когда-нибудь подобный „чела"? Онъ слѣдуетъ примѣру нашего Господа Цѣлителя!

— Помни,—сказалъ Кимъ, наклоняясь надъ ребенкомъ,—болѣзнь можетъ снова вернуться.

— Но вѣдь у тебя же есть чары противъ нея,—возразилъ крестьянинъ.

— Но мы скоро уходимъ отсюда.

— Это правда,—сказалъ лама, обращаясь къ монахамъ,—мы теперь вмѣстѣ идемъ продолжать „исканіе", о которомъ я вамъ часто говорилъ. Мы идемъ на сѣверъ, и никогда болѣе не увижу я этого мѣста моего отдохновенія, о, люди съ доброй волей!

— Но вѣдь я не нищій. — Крестьянинъ поднялся на ноги, сжимая въ объятіяхъ своего ребенка.

— Тише. Не мѣшай святому отцу, — крикнулъ одинъ изъ монаховъ.

— Иди,—шепнулъ ему Кимъ,—дожидайся насъ подъ большимъ желѣзнодорожнымъ мостомъ и, ради всѣхъ боговъ Пэнджаба, принеси разной ѣды: овощей, стручковыхъ плодовъ, жареныхъ въ жиру лепешекъ и сластей. Особенно сластей. Живо!

Появившаяся вслѣдствіе голода блѣдность очень шла къ Киму, когда онъ стоялъ высокій и стройный, въ своей темной, падавшей красивыми складками одеждѣ, держа одну руку на четкахъ, а другую протянувъ, какъ бы благословляя. Этотъ жестъ онъ точно скопировалъ съ ламы. Еслибы за нимъ наблюдалъ какой-нибудь англичанинъ, то сказалъ бы, что онъ похожъ на святого съ расписного церковнаго окна, хотя на самомъ дѣлѣ онъ былъ просто изнуренъ голодомъ.

Прощанье было долгое и обставленное всѣми формальностями. Три раза кончали прощаться и начинали снова.

Старикъ-искатель, пригласившій ламу въ этотъ пріютъ изъ далекаго Тибета, безволосый аскетъ съ серебристымъ цвѣтомъ кожи, не принималъ участія въ прощаньѣ и, какъ всегда, сидѣлъ среди изображеній боговъ, одинъ, погруженный въ созерцаніе. Но другіе держали себя просто и по-человѣчески: старались оказать ламѣ маленькіе знаки вниманія и устроить такъ, чтобы ему было удобнѣй. Подаривъ ему ящикъ съ бетелемъ для жеванья, красивый новый пеналъ изъ желѣза, мѣшокъ для провизіи и т. п., предостерегали его отъ опасностей на предстоящемъ пути и предсказывали счастливое окончаніе исканія. Между тѣмъ, Кимъ, болѣе одинокій, чѣмъ когда-либо, усѣлся, скорчившись, на ступеняхъ и ворчалъ про себя на языкѣ школьниковъ въ Сентъ-Ксавье.

— Впрочемъ, я самъ виноватъ,—заключилъ онъ.—Съ Маг-

бубомъ я ѣлъ хлѣбъ Магбуба или Лургана сагиба. Въ Сентъ-Ксавье давали ѣсть три раза въ день. А здѣсь я долженъ самъ о себѣ заботиться. Какъ бы я теперь поѣлъ говядины!.. Ну, что, кончено, святой отецъ?

Лама, воздѣвъ обѣ руки, началъ произносить прощальное благословеніе на цвѣтистомъ китайскомъ языкѣ.

— Я долженъ опереться на твое плечо, — произнесъ онъ, когда ворота храма затворились за ними. — Подъ старость лишаешься гибкости и ходить становится трудно.—Не легко выдерживать тяжесть высокаго человѣка, опирающагося на плечо, когда идешь черезъ множество улицъ среди толпы народа. Кимъ, съ головы до ногъ нагруженный связками и пакетами, былъ очень доволенъ, когда они пришли, наконецъ, подъ тѣнь желѣзнодорожнаго моста.

— Здѣсь мы поѣдимъ,—рѣшительно объявилъ онъ, завидѣвъ крестьянина, бросившагося въ глаза своимъ голубымъ платьемъ, корзиной въ одной рукѣ и ребенкомъ въ другой.

— Присаживайтесь, святые отцы!—закричалъ онъ еще издали.

Они спустились къ отмели у перваго пролета моста, гдѣ ихъ не могли видѣть голодные странствующіе монахи.

— Вотъ рисъ и вкусные овощи, горячія лепешки, сильно пахнущія камедью, творогъ и сахаръ. Король полей моихъ,— обратился онъ къ своему маленькому сыну, — давай, покажемъ этимъ святымъ людямъ, что мы, жулундурцы, умѣемъ отплатить за услугу... Я слыхалъ, что мои земляки не ѣдятъ того, чего сами не готовили, но поистинѣ, — онъ оглядѣлся кругомъ,— гдѣ нѣтъ глазъ, тамъ нѣтъ и кастъ.

— А мы, — сказалъ Кимъ, поворачиваясь спиною и дѣлая тарелку изъ листьевъ для ламы,—мы—выше всѣхъ кастъ.

Они молча наѣлись вкусныхъ кушаній. Только облизавъ себѣ мизинецъ съ послѣдними остатками сластей, Кимъ замѣтилъ, что крестьянинъ тоже подпоясался въ дорогу.

— Если наши дороги совпадаютъ, – сказалъ онъ грубовато,— то я пойду съ тобой. Вѣдь не часто встрѣчаются люди, дѣлающіе чудеса, а ребенокъ еще слабъ. Ну, а я зато не тростинка какая-нибудь.

Онъ подхватилъ свою пятифутовую бамбуковую палку, скрѣпленную въ нѣсколькихъ мѣстахъ отшлифованными желѣзными кольцами и сталъ размахивать ею по воздуху.

— Говорятъ, что мы, чаты, буяны, но это неправда. Если только насъ не сердятъ, то мы такіе же смирные, какъ наши буйволы.

— Пусть будетъ такъ,—сказалъ Кимъ,—хорошая палка—вещь очень убѣдительная.

Лама всталъ.

— Идемъ къ сѣверу, — проговорилъ онъ, — я помню тамъ одно мѣсто, засаженное фруктовыми деревьями, гдѣ хорошо предаваться созерцанію. Тамъ и воздухъ прохладнѣе: онъ идетъ съ горъ и съ горныхъ снѣговъ.

— А какъ называется это мѣсто?—спросилъ Кимъ.

— Какъ могу я знать? Ты развѣ не былъ... Нѣтъ, это было послѣ того, какъ войско явилось изъ-подъ земли и взяло тебя съ собою. Я пребывалъ тамъ одно время въ созерцаніи, сидя въ комнатѣ противъ голубятни... исключая того времени, когда она начинала безъ конца разговаривать.

— Ого! Это значитъ была женщина изъ Кулу. Это возлѣ Сагарунпора,—воскликнулъ Кимъ, смѣясь.

— Какимъ образомъ думаетъ твой учитель совершить свой путь? Пойдетъ ли онъ пѣшкомъ для искупленія прошлыхъ грѣховъ? — спросилъ крестьянинъ и прибавилъ разсудительно:—до Дели не ближняя дорога.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ Кимъ.—Я буду собирать ему на билетъ въ поѣздъ. Въ Индіи никто не признается, что имѣетъ деньги.

— Въ такомъ случаѣ, ради боговъ, сядемъ скорѣй въ огненную повозку. Моему сыну будетъ лучше на рукахъ матери. Правительство налагаетъ на насъ много поборовъ, но даетъ намъ одну хорошую вещь—поѣздъ, сочетающій друзей и соединяющій людей, которые безпокоятся другъ о другѣ. Удивительная эта вещь—поѣздъ.

Черезъ два часа они всѣ четверо заразъ влѣзли въ вагонъ и проспали самое жаркое время дня. Крестьянинъ засыпалъ Кима вопросами относительно путешествія, и того, что дѣлаетъ лама, и получалъ самые удивительные отвѣты. Кимъ былъ очень доволенъ, что сидитъ въ вагонѣ, можетъ любоваться ровнымъ сѣверо-западнымъ пейзажемъ и разговаривать съ смѣняющейся толпой пассажировъ. Даже и теперь билеты и стрижка билетовъ производятъ подавляющее впечатлѣніе на простонародье въ Индіи. Они не понимаютъ, зачѣмъ, когда они заплатятъ за волшебный кусочекъ бумаги, являются посторонніе люди и выбиваютъ рѣзцомъ куски изъ этой бумаги. Поэтому между путешественниками и сборщиками билетовъ происходятъ долгіе и ожесточенные споры. Кимъ присутствовалъ при двухъ или трехъ изъ нихъ и съ важнымъ видомъ давалъ совѣты, чтобы еще болѣе сбить съ толку спорящихъ и выказать свою мудрость передъ

ламой и восхищеннымъ крестьяниномъ. Но на одной изъ станцій судьба послала ему трудное дѣло, надъ которымъ дѣйствительно пришлось призадуматься. Когда поѣздъ уже двинулся, то въ отдѣленіе ворвался маленькій, худенькій человѣкъ, „маратта", насколько Кимъ могъ судить по остроконечной формѣ его тюрбана. Лицо его было порѣзано, верхняя одежда изъ кисеи вся разодрана и одна нога забинтована. Онъ разсказалъ имъ, что его опрокинула и чуть не убила деревенская повозка и что онъ ѣхалъ къ сыну, живущему въ Дели. Кимъ внимательно наблюдалъ за нимъ. Еслибы, какъ онъ увѣрялъ, ему пришлось нѣсколько разъ кубаремъ катиться по землѣ, то на его кожѣ остались бы ссадины и слѣды грязи, тогда какъ всѣ его поврежденія были не что иное, какъ свѣжіе порѣзы и, кромѣ того, обыкновенное паденіе изъ повозки не могло бы привести его въ такой ужасъ. Застегивая дрожащими пальцами свою разорванную одежду возлѣ шеи, онъ обнаружилъ амулетъ, одинъ изъ тѣхъ амулетовъ, которые извѣстны подъ названіемъ „снимающихъ тяжесть съ души". Амулетъ вещь довольно обыкновенная, но они рѣдко бываютъ перевиты мѣдной проволокой, и только очень немногіе изъ нихъ украшаются черной эмалью по серебру. Кромѣ ламы и крестьянина никого не было въ отдѣленіи, принадлежавшемъ, по счастію, къ старому типу, съ прочными массивными дверцами. Кимъ сдѣлалъ видъ, что почесалъ себѣ грудь и при этомъ приподнялъ свой собственный амулетъ. При видѣ его лицо маратты мгновенно измѣнилось. Онъ спряталъ на груди свой амулетъ и проговорилъ, обращаясь къ крестьянину:

— При моемъ паденіи я опрокинулъ цѣлое блюдо „таркина". Да, я не „сынъ волшебныхъ чаръ" (счастливый человѣкъ).

— А кто варилъ „таркинъ"?—спросилъ Кимъ.

— Женщина.—Маратта поднялъ глаза.

— Всякая женщина можетъ сварить „таркинъ", — сказалъ крестьянинъ.—Это лучшій сортъ „кёрри", насколько мнѣ извѣстно.

— И дешево стоитъ,—прибавилъ Кимъ,—но для всякой ли касты оно годится?

— Что за разговоры о кастахъ, когда человѣку... нуженъ „таркинъ",—отвѣчалъ маратта, съ условной остановкой.

— Ты кому служишь?—спросилъ онъ, обращаясь къ Киму.

— Этому святому старцу. — Кимъ указалъ на блаженно-дремавшаго ламу. Старикъ вздрогнулъ и проснулся при звукѣ хорошо знакомаго обращенія.

— Ахъ, онъ посланъ „небомъ" мнѣ на помощь,—произнесъ

онъ. — Его зовутъ „всѣмъ на свѣтѣ другъ“, а также „другъ звѣздъ“. Онъ путешествуетъ въ качествѣ врача, ибо настало время его. Велика его мудрость.

— Я также и „сынъ волшебныхъ чаръ“,—тихо выговорилъ Кимъ, въ то время, какъ крестьянинъ сталъ поспѣшно набивать трубку, боясь, что маратта станетъ просить милостыню.

— А кто „этотъ“?—спросилъ маратта, безпокойно поглядывая на него сбоку.

— Это человѣкъ, которому я... мы вылечили ребенка и который очень намъ обязанъ. Отсядь-ка туда, къ окошку, житель Жулундура. Ты видишь, тутъ больной.

— Ишь ты! Да я и самъ не хочу связываться съ первымъ попавшимся проходимцемъ. У меня не длинныя уши. Я не женщина, чтобы подслушивать секреты.

Крестьянинъ поспѣшно убрался въ дальній уголъ.

— Ты, быть можетъ, умѣешь исцѣлять? Я въ глубокомъ несчастіи,—воскликнулъ маратта, понявъ намекъ и подхватывая слова Кима.

— Этотъ человѣкъ весь расшибленъ и порѣзанъ. Я хочу полечить его,—сказалъ Кимъ.—Никто не мѣшался, когда я лечилъ твоего ребенка.

— Я виноватъ, - покорно произнесъ крестьянинъ.—Я обязанъ тебѣ жизнью моего сына. Ты чудодѣй... Я это знаю.

— Покажи мнѣ твои порѣзы? — Кимъ наклонился къ шеѣ маратты, причемъ сердце его почти перестало биться отъ волненія: это была „большая игра“ и дѣло шло о мести. — Ну, теперь разсказывай все скорѣе, братъ, пока я буду говорить заклинаніе.

— Я пришелъ съ юга, гдѣ у меня было дѣло. Одного изъ нашихъ они убили въ сторонѣ отъ дороги. Ты слышалъ?—Кимъ отрицательно кивнулъ головой; онъ, конечно, ничего не зналъ о предшественникѣ Е. 23, убитомъ на югѣ въ одеждѣ арабскаго торговца. — Отыскавъ то письмо, за которымъ меня посылали, я вернулся. Я убѣжалъ изъ одного города въ Моу. Я такъ былъ увѣренъ, что никто ничего не знаетъ, что не переодѣлся. Въ Моу одна женщина обвинила меня въ кражѣ драгоцѣнностей изъ того города, откуда я бѣжалъ. Тогда я увидалъ, что на меня спущена вся свора, и убѣжалъ изъ Моу ночью, подкупивъ полицію, которая была уже подкуплена, чтобы выдать меня безъ допроса въ руки моихъ враговъ на югѣ. Потомъ я пролежалъ въ старомъ городѣ Читорѣ цѣлую недѣлю, какъ покаянникъ въ храмѣ, но никакъ не могъ избавиться отъ порученнаго мнѣ

письма. Я зарылъ его подъ „камнемъ королевы" въ Читорѣ, въ мѣстѣ, всѣмъ намъ извѣстномъ.

Кимъ не зналъ этого мѣста, но ни за что на свѣтѣ не хотѣлъ прервать нити разсказа.

— За мной гнались, какъ за шакаломъ, и я пробрался черезъ Бандакуи, гдѣ услыхалъ, что меня обвиняють въ убійствѣ мальчика, въ томъ городѣ, откуда я бѣжалъ. Они ждали меня и съ мертвымъ тѣломъ и со свидѣтелями.

— Но развѣ правительство не могло защитить?

— Мы, участники игры, находимся внѣ защиты. Если мы умираемъ, то умираемъ. Имена наши вычеркиваются изъ книги. Вотъ и все. Въ Бандакуи, гдѣ живетъ одинъ изъ нашихъ, я думалъ, что замету слѣды, измѣнивъ свой видъ и одѣлся мараттой. Потомъ отправился въ Агру и думалъ вернуться въ Читоръ, чтобы достать письмо обратно. Я былъ такъ увѣренъ, что всѣ слѣды заметены. Поэтому и не послалъ телеграммы одному человѣку съ сообщеніемъ, гдѣ лежитъ письмо. Я хотѣлъ, чтобы вся слава принадлежала мнѣ одному.

Кимъ кивнулъ головой. Это чувство было ему такъ понятно.

— Но въ Агрѣ, когда я шелъ по улицѣ, какой-то человѣкъ закричалъ, что я ему долженъ и, быстро подойдя, хотѣлъ вести меня въ судъ, но я вырвался и бросился въ домъ одного еврея. Онъ меня выгналъ, опасаясь шума и непріятностей. Я пришелъ пѣшкомъ на станцію Сомна-родъ... денегъ у меня хватало только на билетъ въ Дели... но тамъ, когда я лежалъ въ лихорадкѣ на днѣ канавы, изъ кустовъ выскочилъ какой-то человѣкъ, избилъ меня, изранилъ и обыскалъ съ головы до ногъ. Это все было такъ близко, что съ поѣзда можно было слышать.

— Почему онъ тебя сразу не убилъ?

— Они не такъ глупы, ловкій народъ. Если меня схватятъ въ Дели по настоянію судей, по доказанному обвиненію въ убійствѣ, то выдадутъ тому государству, которому я нуженъ. Меня вернутъ подъ конвоемъ и потомъ я умру медленною смертью въ назиданіе всѣмъ нашимъ... Я ужъ двое сутокъ ничего не ѣлъ. Я мѣченный,— онъ указалъ на грязную перевязку на своей ногѣ, —такъ что меня узнаютъ въ Дели.

— Въ поѣздѣ по крайней мѣрѣ ты въ безопасности.

— Поживи одинъ годъ среди большой игры, и тогда повтори мнѣ это! Въ Дели уже дали знать обо мнѣ по телеграфу и описываютъ на мнѣ каждую тряпку, каждую прорѣху. Двадцать... сто человѣкъ, если понадобится, станутъ говорить, что видѣли, какъ я убилъ мальчика. И ты для меня безполезенъ!

Маратта отъ времени до времени судорожно подергивалъ пальцами отъ боли. Крестьянинъ поглядывалъ яростнымъ окомъ изъ своего угла; лама былъ занятъ своими четками, а Кимъ, осматривая и щупая, какъ врачъ, шею маратты, обдумывалъ планъ дѣйствій, произнося заклинанія.

— Владѣешь ли ты какимъ-нибудь колдовствомъ, чтобы перемѣнить мой видъ? Иначе я погибъ. Пять... десять минутъ остаться бы мнѣ одному, и я бы могъ...

— Что-жъ, онъ еще не исцѣленъ, чудодѣй?—ревниво спросилъ крестьянинъ.—Ужъ, кажется, ты довольно надъ нимъ причитаешь.

— Нѣтъ. Какъ я вижу, его раны нельзя вылечить иначе, какъ заставивъ его просидѣть три дня въ одеждѣ „бераги".—Это обычная форма покаянія, налагаемая на богатыхъ разжирѣвшихъ торговцевъ ихъ духовнымъ наставникомъ.

— Одинъ монахъ всегда старается сдѣлать другого монаха, —замѣтилъ крестьянинъ. Подобно большинству грубыхъ и суевѣрныхъ людей, онъ не могъ воздержаться отъ насмѣшки надъ своей религіей.

— Что же, значитъ, и сынъ твой будетъ монахомъ? А ему ужъ пора принять еще моей хины.

— Мы, чаты, всѣ чистые буйволы, — проговорилъ крестьянинъ, снова смягчившись.

Кимъ обмакнулъ конецъ пальца въ горькій порошокъ и потеръ имъ довѣрчиво протянутыя губы ребенка.

— Я у тебя ничего не просилъ,—сурово обратился онъ къ отцу,—кромѣ пищи. А ты ужъ позавидовалъ? Я собираюсь вылечить другого человѣка. Что-жъ, ты мнѣ разрѣшаешь... принцъ?

Крестьянинъ сложилъ съ мольбой свои огромныя руки.

— Нѣтъ... нѣтъ. Не смѣйся такъ надо мною.

— Я желаю вылечить этого больного. Ты сдѣлаешь доброе дѣло и заслужишь передъ Богомъ, если поможешь мнѣ. Какого цвѣта зола въ твоемъ чубукѣ? Бѣлая. Это для меня благопріятно. Нѣтъ ли сырого желтаго инбиря въ твоей провизіи?

— Я... я...

— Развяжи узелъ!

Тамъ оказалось множество самыхъ разнообразныхъ предметовъ: части одежды, разныя лекарства, дешевые гостинцы, сѣроватая грубая мѣстная мука, крученыя волокна табака, пестрые мундштуки отъ трубокъ и пакетъ сухихъ овощей,—все это завернутое въ стеганое одѣяло. Кимъ все перевернулъ и осмотрѣлъ съ видомъ мудраго колдуна, произнося магометанское заклинанье.

— Этой премудрости я научился у сагибовъ,—шепнулъ онъ ламѣ, и сказалъ совершенную правду, потому что думалъ въ это время о томъ, какъ его дрессировали у Лургана.—Въ судьбѣ этого человѣка есть большое зло, какъ показываютъ звѣзды. Долженъ ли я снять съ него это зло?

— „Другъ звѣздъ", ты во всѣхъ случаяхъ поступалъ хорошо. Поступай сообразно своему желанію. Это еще новое исцѣленіе?

— Скорѣй! Торопись!—выговорилъ, задыхаясь, маратта,—поѣздъ сейчасъ остановится.

— Это освобожденіе отъ тѣни смертной, — сказалъ Кимъ, перемѣшивая муку, взятую изъ мѣшка крестьянина, съ размельченнымъ древеснымъ углемъ и табакомъ въ красной глиняной трубкѣ. Е. 23, не говоря ни слова, стащилъ свой тюрбанъ и распустилъ длинные черные волосы.

— Вѣдь это же моя ѣда,—проворчалъ крестьянинъ.

— Ахъ ты буйволъ въ храмѣ! Какъ ты осмѣлился смотрѣть? —сказалъ Кимъ.—Я принужденъ творить тайны передъ дураками, но береги свои глаза. Что̀, ужъ начинаетъ тебѣ ихъ мракомъ застилать? Я спасаю твоего ребенка, а ты за это... о, безсовѣстный!

Крестьянинъ отступилъ передъ пристальнымъ взглядомъ: Кимъ говорилъ совершенно серьезно.

— Я долженъ или проклясть тебя или...—онъ вытащилъ изъ узла какую-то одежду и бросилъ ее на склоненную голову крестьянина.—Подумай только пожелать увидѣть что-нибудь и даже... даже я не смогу спасти тебя. Сиди!—онѣмѣй!

— Я ослѣпъ и онѣмѣлъ. Только не проклинай! По... поди сюда, дитя; давай играть въ прятки. Только, если любишь меня, не выглядывай изъ-подъ одежды.

— Я начинаю надѣяться,—произнесъ Е. 23.—Что̀ ты собираешься дѣлать?

— А вотъ сейчасъ увидишь, — отвѣчалъ Кимъ, разрывая тонкую нижнюю рубашку. Е. 23 колебался: какъ всѣ сѣверозападные жители, онъ не любилъ обнажать свое тѣло.

— Какая ужъ тутъ каста, когда того и гляди горло перерѣжутъ,—сказалъ Кимъ, скатывая рубашку и дѣлая изъ нея поясъ для бедръ.—Мы должны изъ тебя сдѣлать настоящаго желтаго садду. Раздѣвайся... раздѣвайся скорѣе и спусти волосы на глаза, пока я посыпаю ихъ пепломъ. Ну, теперь сдѣлаемъ кастовый знакъ на лбу.—Онъ вытащилъ изъ-за пазухи маленькій ящикъ съ красками и плитку ярко краснаго лака.

— Ты еще новичекъ? — спросилъ Е. 23, буквально въ

борьбѣ за существованіе, стаскивая свои одежды и стоя совершенно голый съ поясомъ на бедрахъ передъ Кимомъ, брызгавшимъ краской на запачканный пепломъ лобъ, въ видѣ знака благородной касты.

— Только два дня, какъ я вступилъ въ игру, братъ,—отвѣчалъ Кимъ.—Насыпь побольше пепла на грудь.

— Не встрѣчалъ ли ты... „цѣлителя больного жемчуга?"

— Ха! И ты, значитъ, знакомъ съ его ученіемъ? Онъ нѣсколько времени былъ моимъ учителемъ. Нужно обнажить твои ноги. Пепелъ залечиваетъ раны.

— Я когда-то составлялъ его гордость, но ты, пожалуй, еще лучше меня. Боги милостивы къ намъ. Дай-ка мнѣ „это".— Онъ указалъ на ящичекъ съ пилюлями опія, попавшійся среди всевозможной дряни въ узлѣ крестьянина, и захватилъ изъ него полъ-горсти.

— Это помогаетъ отъ голода, страха и озноба. И кромѣ того отъ этого глаза дѣлаются красными,—пояснилъ онъ.—Теперь у меня хватитъ смѣлости разыграть игру. Намъ не хватаетъ только клещей, употребляемыхъ садду. А что ты сдѣлаешь съ старымъ платьемъ?

Кимъ скаталъ его въ маленькій свертокъ и засунулъ въ широкія складки своей верхней одежды. Кускомъ желтой охры онъ запачкалъ ноги и грудь Е. 23, проведя широкія полосы по фону изъ муки, пепла и желтаго инбиря.

— Крови на моей одеждѣ достаточно, чтобъ тебя повѣсили, братъ.

— Можетъ быть, но все-таки нѣтъ нужды бросать ее за окошко... Теперь готово.—Голосъ его задрожалъ отъ чисто мальчишечьяго наслажденія игрой.

— Теперь оглянись и посмотри!—обратился онъ къ крестьянину.

— Да защитятъ насъ боги,—произнесъ крестьянинъ, высовывая голову изъ-подъ одежды, какъ вылѣзающій изъ камышей буйволъ.—Но... гдѣ же маратта? Что ты сдѣлалъ?

Кимъ не даромъ учился у Лургана сагиба, а Е. 23, въ силу своей должности, былъ хорошимъ актеромъ. Вмѣсто дрожащаго запуганнаго торговца, въ углу сидѣлъ почти совсѣмъ голый, выпачканный пепломъ и охрой садду съ запыленными волосами. Его выпученные глаза—опіумъ быстро дѣйствуетъ на пустой желудокъ—горѣли нахальствомъ и животнымъ сладострастіемъ, ноги были сложены крестъ на крестъ, вокругъ шеи висѣли коричневыя четки Кима, а на плечи была накинута узкая полоса

разорваннаго ситца. Ребенокъ скрылъ лицо на груди пораженнаго отца.

— Подними головку, маленькій мой принцъ! Мы путешествуемъ съ колдунами, но они насъ не обидятъ. А ты не плачь... И что за смыслъ сегодня вылечить ребенка, а завтра напугать его до смерти?

— Ребенка твоего ждетъ счастливая жизнь. Онъ видѣлъ великое исцѣленіе. Когда я былъ ребенкомъ, то дѣлалъ изъ глины людей и лошадей.

— И я тоже,—пропищалъ ребенокъ.—Сиръ Банасъ приходитъ ночью и дѣлаетъ ихъ живыми у насъ въ кухнѣ въ печкѣ.

— Такъ, значитъ, ты ничего не боишься. А, принцъ?

— Я потому испугался, что отецъ испугался. Я почувствовалъ, какъ у него руки задрожали.

— Ахъ ты цыпленокъ малодушный,—сказалъ Кимъ, и даже еще не пришедшій въ себя отъ изумленія крестьянинъ разсмѣялся.—Я совершилъ исцѣленіе этого бѣднаго торговца. Онъ долженъ бросить всю свою прибыль и счетныя книги и просидѣть три ночи у дороги, чтобы преодолѣть злобу своихъ враговъ. Звѣзды противъ него.

— Чѣмъ меньше ростовщиковъ, тѣмъ лучше по-моему; а только садду онъ или не садду, а все-таки долженъ заплатить за мою матерію, что̀ теперь у него на плечахъ.

— Вотъ какъ! А на твоемъ плечѣ ребенокъ, спасенный два дня тому назадъ отъ горящаго костра. Я сдѣлалъ волшебство въ твоемъ присутствіи, потому что нужда была велика. Я перемѣнилъ его тѣло и его душу. Но если когда-нибудь случайно, житель Жулундура, ты вспомнишь о томъ, что̀ видѣлъ, сидя ли среди стариковъ подъ своимъ деревенскимъ деревомъ, или въ своемъ собственномъ домѣ, или въ присутствіи жреца, благословляющаго твой скотъ, то падежъ откроется среди твоихъ буйволовъ, огонь пожретъ твою солому, а крысы—твои закрома, и боги проклянутъ твои поля и сдѣлаютъ ихъ безплодными повсюду, гдѣ ступитъ твоя нога и пройдетъ твой плугъ.

Это была часть проклятія, заимствованнаго у одного факира, у Таксалійскихъ воротъ, еще во дни невинности Кима. Отъ повторенія оно ничего не потеряло.

— Остановись, святой человѣкъ! Сдѣлай милость, замолчи!—закричалъ крестьянинъ.—Не проклинай моего хозяйства. Я ничего не видѣлъ! Я ничего не слышалъ! Я твоя корова!—Онъ обхватилъ голую ногу Кима, ритмически ударяясь головой объ полъ вагона.

— Но такъ какъ тебѣ было дозволено помочь мнѣ въ этомъ дѣлѣ, давъ щепотку муки, немного опіума и еще разныхъ пустяковъ, которые я удостоилъ употребить, то боги вернутъ тебѣ свое благословеніе.—И онъ произнесъ его къ великой радости и облегченію крестьянина. Это было одно изъ благословеній, выученныхъ у Лургана сагиба.

Лама смотрѣлъ сквозь свои очки, но уже не такъ, какъ смотрѣлъ во время переодѣванья.

— „Другъ звѣздъ“,—сказалъ онъ наконецъ,—ты пріобрѣлъ большую мудрость. Берегись, чтобъ она не породила гордости. Ни одинъ человѣкъ, имѣющій законъ передъ глазами, не говоритъ поспѣшно и запальчиво о томъ, что видѣлъ и слышалъ.

Молча, со страхомъ и полнымъ непониманіемъ другъ друга, подъѣхали они къ Дели, къ тому времени, когда стали зажигаться огни.

Съ англ. П—на С—ва.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 августа 1902.

Законъ объ улучшеніи положенія внѣбрачныхъ дѣтей.—Черты сходства и различія между нимъ и проектомъ гражданскаго уложенія.—Отыскиваніе отцовства и материнства.—„Признаніе“ внѣбрачныхъ дѣтей.—Узаконеніе и усыновленіе ихъ.—Первые шаги губернскихъ комитетовъ.—Слухъ объ упраздненіи губернскаго земства.—Еще о мелкой земской единицѣ.—Post-scriptum.

Обнародованный въ концѣ іюня законъ объ улучшеніи положенія незаконнорожденныхъ дѣтей принадлежитъ къ числу тѣхъ рѣдкихъ въ послѣднее время мѣръ, которыя составляютъ существенно важный шагъ впередъ, несомнѣнную перемѣну къ лучшему. Пожалѣть можно только о томъ, что такія мѣры совершаются у насъ съ большою, трудно объяснимою медленностью; между признаніемъ ихъ необходимости и осуществленіемъ, далеко не всегда рѣшительнымъ и полнымъ, часто проходитъ нѣсколько лѣтъ, иногда нѣсколько десятилѣтій. Уже въ 1880 г. Государственный Совѣтъ нашелъ, что „между родителями и дѣтьми, хотя бы прижитыми въ незаконномъ сожитіи, существуетъ тѣсная кровная связь; самый фактъ прижитія ребенка возлагаетъ на каждаго важныя обязанности. Незаконнорожденные, не имѣя семьи и родного крова и сохраняя на всю жизнь неизгладимое пятно своего происхожденія, должны съ особою силою чувствовать всю горечь отчужденнаго отъ всѣхъ положенія своего, нисколько ими самими незаслуженнаго. Тяготясь своею участью, они естественно способны умножать число недовольныхъ существующимъ общественнымъ строемъ, а слѣдовательно и правительствомъ“. Прошло болѣе десяти лѣтъ, прежде чѣмъ былъ сдѣланъ хоть какой-нибудь практическій выводъ изъ этихъ безспорныхъ предпосылокъ. Только въ 1891 г. состоялся законъ, облегчившій узаконеніе и усыновленіе—законъ, подъ дѣйствіе котораго, по справедливому замѣчанію Государственнаго Совѣта, могла подойти лишь часть незаконнорожденныхъ дѣтей. Тогда же, поэтому, найдено было нужнымъ пересмотрѣть всѣ вообще постановленія о

незаконнорожденныхъ дѣтяхъ. Проектъ новыхъ узаконеній по этому предмету, изготовленный редакціонною коммиссіею, составляющею гражданское уложеніе, былъ выдѣленъ, согласно Высочайше утвержденному 29-го декабря 1897 г. мнѣнію Государственнаго Совѣта, изъ остальныхъ работъ коммиссіи и внесенъ, въ 1898 г., въ Государственный Совѣтъ. Въ началѣ 1900-го года можно было думать, что близко время его окончательнаго разсмотрѣнія—и мы тогда же ознакомили нашихъ читателей съ главными его чертами [1]). Послѣдній фазисъ его движенія замедлился, однако, еще на два года, и только теперь исполнилось то, что было рѣшено въ принципѣ почти четверть вѣка тому назадъ. А между тѣмъ, для улучшенія положенія незаконнорожденныхъ дѣтей не нужно было ни производства обширныхъ подготовительныхъ работъ, ни собранія разнообразныхъ свѣдѣній: достаточно было убѣдиться въ несправедливости условій, при которыхъ приходится жить милліонамъ ни въ чемъ неповинныхъ людей—несправедливости, послѣдствія которой тяжело чувствуются и обществомъ, и государствомъ. Такое убѣжденіе, какъ мы видѣли, существовало уже давно—и если оно столь долго не приводило къ своему логическому результату, то причину этому слѣдуетъ искать въ несовершенствахъ нашего законодательнаго механизма, въ несоотвѣтствіи его новымъ условіямъ жизни.

Любопытно сравнить только-что обнародованный законъ съ соотвѣтствующею частью законченной недавно второй книги („Семейственнаго права") проекта гражданскаго уложенія—тѣмъ болѣе любопытно, что первоначальный текстъ, внесенный на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта, представлялъ собою, повидимому, не что иное, какъ воспроизведеніе правилъ, входящихъ въ составъ проекта. Согласно съ проектомъ, законъ замѣняетъ терминъ: *незаконнорожденныя дѣти* терминомъ: *внѣбрачныя дѣти*; предоставляетъ матери родительскую власть надъ внѣбрачнымъ ребенкомъ и возлагаетъ на нее связанныя съ этою властью обязанности; обязываетъ отца внѣбрачнаго ребенка, сообразно его имущественнымъ средствамъ и общественному положенію матери, нести издержки на его содержаніе, если онъ въ томъ нуждается, до его совершеннолѣтія (или до замужества внѣбрачной дочери, или до того времени, когда внѣбрачный ребенокъ, будучи приготовленъ къ предназначенной ему дѣятельности, въ состояніи самъ себя содержать); опредѣляетъ, что въ издержкахъ на содержаніе внѣбрачнаго ребенка участвуетъ и мать, соотвѣтственно своимъ имущественнымъ средствамъ, принимаемымъ въ разсчетъ при назначеніи размѣровъ содержанія, слѣдующаго съ отца; включаетъ въ составъ

---

[1]) См. Внутр. обозрѣніе въ № 4 „Вѣстн. Европы" за 1900 г.

суммы, обязательно уплачиваемой отцомъ, содержаніе нуждающейся въ томъ матери ребенка, если уходъ за послѣднимъ лишаетъ ее возможности снискать себѣ средства къ жизни; возлагаетъ на отца, въ случаѣ недостаточности средствъ матери, обязанность оплатить необходимые расходы, вызванные разрѣшеніемъ ея отъ бремени, и доставить ей насущное содержаніе впредь до ея выздоровленія; допускаетъ, съ согласія сторонъ и съ утвержденія опекунскаго установленія, замѣну повременныхъ выдачъ единовременно уплачиваемою отцомъ ребенка суммою.

Таковы главныя черты сходства между проектомъ и закономъ; рядомъ съ ними существуютъ не менѣе важныя различія. Проектъ присвоиваетъ внѣбрачному ребенку фамилію его матери, принадлежащую ей по рожденію, а при неизвѣстности матери—фамилію, одинаковую съ отчествомъ; отчество дается по имени воспріемника, а если его не было или ребенокъ принадлежитъ къ нехристіанскому исповѣданію—назначается по усмотрѣнію лица, совершающаго метрическую запись о рожденіи ребенка. По новому закону внѣбрачный ребенокъ, если ему не было присвоено отчества при совершеніи метрической о его рожденіи записи, именуется по отчеству сообразно имени своего воспріемника, а фамилію получаетъ одинаковую съ отчествомъ, развѣ еслибы мать его и отецъ ея, находящійся въ живыхъ, согласились на именованіе его фамиліею матери, принадлежащею ей по происхожденію. Способъ назначенія отчества, опредѣленный закономъ, имѣетъ, въ нашихъ глазахъ, безспорное преимущество передъ способомъ, намѣченнымъ въ проектѣ: онъ позволяетъ дать ребенку отчество согласное съ именемъ его природнаго отца и устраняетъ, тѣмъ самымъ, неудобства, сопряженныя съ обязательной зависимостью отчества отъ имени воспріемника. Представимъ себѣ, въ самомъ дѣлѣ, что сынъ Ивана, названный, по воспріемнику, Петровымъ, впослѣдствіи будетъ узаконенъ или усыновленъ своимъ отцомъ. Если онъ сохранитъ прежнее отчество, то получится явная несообразность—и вмѣстѣ съ тѣмъ постоянное напоминаніе о внѣбрачномъ происхожденіи, тогда какъ обѣ стороны (и сынъ, и отецъ) заинтересованы въ возможно скоромъ и полномъ его забвеніи; если онъ перемѣнитъ отчество, то эта перемѣна можетъ внести сбивчивость въ его гражданскія отношенія и затруднить удостовѣреніе его тождества. Гораздо лучше поэтому сразу согласовать наименованіе съ дѣйствительностью—что̀ и будетъ достигнуто, въ большинствѣ случаевъ, разрѣшеніемъ опредѣлять отчество при совершеніи метрической записи, т.-е. по указанію матери или близкихъ ей лицъ, знающихъ имя отца ребенка. Что касается до вопроса о назначеніи фамиліи, то здѣсь, наоборотъ, мы отдаемъ проекту предпочтеніе передъ закономъ. Естественная

связь между матерью и ребенкомъ, глубокая и тѣсная сама по себѣ, въ настоящее время признается оффиціально, освящается словомъ закона. Матери предоставляется власть надъ внѣбрачными ея дѣтьми; они образуютъ съ нею одно семейство, она наслѣдуетъ послѣ нихъ, они наслѣдуютъ послѣ нея (въ благопріобрѣтенномъ ея имуществѣ) и другъ послѣ друга. Логическимъ выводомъ отсюда является общее наименованіе—а такимъ наименованіемъ (при отсутствіи узаконенія, усыновленія или признанія) можетъ быть только фамилія матери (конечно, дѣвическая, а не пріобрѣтенная вступленіемъ въ бракъ). Общность фамиліи—лучшая гарантія противъ брака между близкими родственниками, лучшее доказательство наслѣдственныхъ правъ, лучшій внѣшній признакъ общности происхожденія. Ставить переходъ фамиліи въ зависимость отъ согласія отца матери—значитъ затруднять, безъ достаточныхъ основаній, выясненіе и регулированіе положенія внѣбрачныхъ дѣтей, т.-е. достиженіе цѣли, преслѣдуемой закономъ. Наименованіе внѣбрачныхъ дѣтей фамиліей матери можетъ быть непріятно для самолюбія отца ея, но никакимъ серьезнымъ ущербомъ оно ему не угрожаетъ; дѣтямъ лишеніе фамиліи матери можетъ причинить существенный вредъ, разобщивъ ихъ между собою и какъ бы отдаливъ ихъ отъ матери. Предоставить отцу право veto на передачу фамиліи дочери внѣбрачнымъ ея дѣтямъ, значитъ признать, что онъ заинтересованъ въ сокрытіи самаго факта ихъ рожденія,—а отсюда только одинъ шагъ до сокрытія материнства, т.-е. до разрушенія той связи, къ поддержанію которой стремится законодатель. Въ самомъ дѣлѣ, если мать прямо провозглашаетъ себя матерью, если ребенокъ записывается въ метрической книгѣ какъ *ея* ребенокъ, если онъ остается при ней, на ея попеченіи, это, съ общежитейской точки зрѣнія, „компрометируетъ“ ея родителей и родственниковъ, хотя бы ребенокъ и не былъ названъ ея фамиліей; „шитымъ и крытымъ“ ея „грѣхъ“ можетъ остаться только въ такомъ случаѣ, если ребенокъ съ самаго начала разлученъ съ нею и показанъ рожденнымъ отъ неизвѣстной матери, т.-е. брошенъ въ жизнь безсемейнымъ и одинокимъ. Чтобы уменьшить число заброшенныхъ дѣтей, обреченныхъ на несчастье и ложащихся тяжелымъ бременемъ на государство, слѣдуетъ устранить изъ закона все препятствующее сближенію между матерью и ея внѣбрачными дѣтьми—а къ разряду такихъ препятствій принадлежитъ согласіе третьяго лица, какъ необходимое условіе присвоенія дѣтямъ фамиліи ихъ матери. Если оно требуется для того, чтобы не допускать къ ношенію данной фамиліи лицъ, рожденныхъ внѣ законнаго брака, то оно не достигаетъ своей цѣли: при естественномъ ходѣ событій отецъ умираетъ раньше своей дочери—а послѣ смерти отца дочь и при дѣйствіи разбираемаго нами закона

можетъ передать своимъ внѣбрачнымъ дѣтямъ свою, т.-е. принадлежащую ей по отцу фамилію.

Внѣбрачному ребенку, въ метрической записи о рожденіи котораго не означена его мать или означена подъ чужимъ или вымышленнымъ наименованіемъ, проектъ предоставляетъ право доказывать по суду свое происхожденіе отъ опредѣленной женщины. По новому закону, при требованіи отъ матери содержанія внѣбрачному ея ребенку, а также при предъявленіи его наслѣдственныхъ либо иныхъ правъ, доказательствомъ происхожденія ребенка отъ матери служитъ метрическая запись о его рожденіи; если же въ этой записи не поименована мать или если невозможно представить метрическую запись о рожденіи внѣбрачнаго ребенка, то въ доказательство происхожденія его отъ матери принимаются только исходящія отъ нея самой письменныя о томъ удостовѣренія. Первое различіе между закономъ и проектомъ заключается въ томъ, что законъ допускаетъ искъ къ матери лишь какъ средство осуществленія какого-нибудь права, принадлежащаго рожденному внѣ брака, а въ проектѣ такого ограниченія не установлено. Существенно важнымъ это различіе назвать нельзя, такъ какъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ поводомъ къ иску является именно нарушеніе конкретнаго права. Трудно представить себѣ, чтобы кто-нибудь сталъ доказывать по суду происхожденіе свое отъ опредѣленной женщины, не будучи въ томъ такъ или иначе реально заинтересованъ; вѣдь материнской любви, материнской нѣжности нельзя добиться путемъ процесса. Закономъ, далѣе, не предусмотрѣнъ тотъ упомянутый въ проектѣ случай, когда въ метрической записи мать означена подъ чужимъ или вымышленнымъ наименованіемъ. Между тѣмъ, такіе случаи вполнѣ возможны и несомнѣнно встрѣчаются на практикѣ. Мы не видимъ причины, по которой мать, просто умолчавшая свое имя, должна и можетъ подлежать отвѣтственности передъ своимъ внѣбрачнымъ ребенкомъ, а мать, скрывшаяся подъ маской и тѣмъ самымъ затруднившая обнаруженіе истины, является свободной отъ всякой отвѣтственности. Восполнить въ этомъ отношеніи пробѣлъ закона можетъ, впрочемъ, судебная практика; подъ слова закона: „если въ этой (метрической) записи не поименована мать“ могутъ быть, безъ особой натяжки, подведены и тѣ случаи, когда не поименована *настоящая* мать, а вмѣсто нея названо другое или вымышленное лицо... Всего серьезнѣе послѣднее различіе между закономъ и проектомъ. Проектъ ничѣмъ не стѣсняетъ свободу истца въ выборѣ доказательствъ его происхожденія; законъ, при непоименованіи матери въ метрической записи или при невозможности представить метрическую запись, допускаетъ, въ видѣ доказательствъ, только исходящія отъ самой матери письменныя о происхожденіи ребенка удостовѣренія.

Если даже понимать эти слова въ самомъ широкомъ смыслѣ, распространяя ихъ дѣйствіе не только на документы или акты, въ которыхъ данная женщина прямо признаетъ себя матерью даннаго ребенка, но и на всякаго рода бумаги, изъ которыхъ вытекаетъ фактъ материнства (напримѣръ, письма матери, гдѣ она говоритъ о ребенкѣ, какъ о своемъ),—то и въ такомъ случаѣ юридическое доказательство событія, лежащаго въ основаніи иска, представляется крайне затруднительнымъ, а иногда и совершенно невозможнымъ. Когда ребенокъ показанъ въ метрической записи рожденнымъ отъ неизвѣстной матери, это значитъ, что его происхожденіе хотятъ сохранить въ тайнѣ, боясь или стыдясь сказать правду. Трудно предположить, чтобы мать, съ самаго начала рѣшившаяся остаться чуждой своему ребенку, признала его своимъ, по какому бы то ни было поводу, на письмѣ. Обнаружить истину въ такихъ случаяхъ можно, за рѣдкими исключеніями, только путемъ свидѣтельскихъ показаній. О рожденіи ребенка, какъ бы тщательно оно ни скрывалось, знаетъ обыкновенно повивальная бабка, знаетъ кто-нибудь изъ прислуги или изъ близкихъ къ роженицѣ, знаютъ тѣ, кто взялъ на себя хлопоты по внесенію новорожденнаго въ метрическую книгу, или тѣ, на чьи руки его отдала мать. Разъ что законъ допускаетъ вообще отысканіе материнства (recherche de la maternité), разъ что попеченіе матери о внѣбрачномъ ребенкѣ, хотя бы вынужденное, признается желательнымъ не только въ интересахъ ребенка, но и въ интересахъ государства, нѣтъ основанія воздвигать преграды, могущія парализовать дѣйствіе закона. Если свидѣтельскія показанія считаются достаточными для изобличенія обвиняемыхъ въ самыхъ тяжкихъ преступленіяхъ, нѣтъ основанія не довѣрять имъ въ менѣе важномъ, сравнительно, дѣлѣ установленія материнства. Противъ лжесвидѣтельства существуютъ здѣсь тѣ же самыя гарантіи, какъ и въ уголовныхъ процессахъ: отвѣтственность передъ закономъ, отвѣтственность передъ совѣстью, отягчаемая присягой, перекрестный допросъ, очныя ставки и т. п.

Желательно ли, цѣлесообразно ли, однако, допущеніе вообще исковъ о материнствѣ? „Редакціонная коммиссія—читаемъ мы въ объяснительной запискѣ къ проекту,—не скрывала отъ себя, что предъявленіе и удовлетвореніе подобныхъ исковъ, когда ребенокъ родился отъ дѣвушки, принадлежащей къ образованнымъ классамъ общества, и его рожденіе было скрыто, для матери и ея семьи несомнѣнно будетъ сопряжено съ значительными нравственными страданіями. Не слѣдуетъ, однако, упускать изъ виду, что случаи, когда внѣбрачный ребенокъ рожденъ образованною дѣвушкою или женщиною, въ дѣйствительности, къ счастію, встрѣчаются настолько рѣдко, что не могутъ вліять на установленіе въ законѣ общаго правила. Это правило

должно быть приноровлено къ тѣмъ условіямъ, которыя при внѣбрачныхъ рожденіяхъ представляются нормальными. Въ громадномъ большинствѣ случаевъ внѣбрачныхъ рожденій матерями являются дѣвушки принадлежащія къ низшимъ классамъ общества, въ которыхъ внѣбрачное рожденіе, а слѣдовательно и предъявленіе иска о материнствѣ не вызываютъ столь рѣзкаго нравственнаго осужденія, какъ среди образованныхъ классовъ, и въ которыхъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, больше сознается обязанность внѣбрачной матери нести всѣ послѣдствія своего проступка. Опасность огласки дѣлъ подобнаго рода не такъ велика, потому что они должны слушаться въ судахъ при закрытыхъ дверяхъ, а противъ шантажа долженъ ограждать уголовный законъ" [1]). Какъ бы то ни было, „тамъ, гдѣ сталкиваются интересы виновной, а иногда и преступной матери и интересы невиновнаго въ своемъ рожденіи ребенка, вторые несомнѣнно заслуживаютъ предпочтенія. Устраненіе исковъ о материнствѣ дало бы матерямъ возможность произвольно уклоняться отъ исполненія святой обязанности, которую на нихъ возлагаетъ природа и законъ, а такое уклоненіе должно отразиться на общественной нравственности вреднѣе, чѣмъ возможная огласка факта внѣбрачнаго рожденія". Всѣ эти соображенія безусловно справедливы—и именно потому нельзя не пожалѣть о томъ, что законъ, допустивъ, согласно съ проектомъ, предъявленіе исковъ о материнствѣ, до крайности, въ противоположность проекту, затруднилъ ихъ удовлетвореніе. Если въ средѣ образованныхъ классовъ „обязанность внѣбрачной матери нести всѣ послѣдствія своего проступка" сознается слабѣе, чѣмъ среди народной массы, то задача законодательства заключается именно въ усиленіи этого сознанія. Въ борьбѣ съ предразсудкомъ, столь же безнравственнымъ, сколько и вреднымъ для общества и для государства, не слѣдовало бы ограничиваться полумѣрами. Не даромъ же иски объ отысканіи матери допускаются не только законодательствами германскаго типа, наиболѣе склонными къ охранѣ интересовъ внѣбрачныхъ дѣтей, но и нѣкоторыми законодательствами французской группы, гораздо болѣе въ этомъ отношеніи отсталыми.

Мы видѣли уже, что новый законъ возлагаетъ на отца внѣбрач-

---

[1]) Разбираемый нами законъ дополняетъ уставъ гражданскаго судопроизводства слѣдующимъ постановленіемъ: „судебныя засѣданія по дѣламъ о содержаніи внѣбрачныхъ дѣтей происходятъ при закрытыхъ дверяхъ". Редакція этого постановленія кажется намъ недостаточно полной: предметомъ иска о материнствѣ можетъ служить не только требованіе содержанія, но и признаніе наслѣдственныхъ или иныхъ правъ внѣбрачнаго ребенка. Правильнѣе было бы сказать, что при закрытыхъ дверяхъ производятся всѣ вообще судебныя дѣла, проистекающія изъ факта внѣбрачнаго рожденія.

наго ребенка цѣлый рядъ обязательствъ какъ по отношенію къ ребенку, такъ и по отношенію къ его матери. Этимъ не вводится у насъ нѣчто безусловно новое: отвѣтственность отца передъ внѣбрачными матерью и ребенкомъ существовала и до сихъ поръ, но могла быть опредѣляема лишь въ уголовномъ порядкѣ (Улож. о наказ., ст. 994), при разсмотрѣніи дѣла о незаконномъ сожитіи неженатаго съ незамужней. Это была явная несообразность: женщина, безъ того уже много пострадавшая, должна была выступать обвинительницею не только отца своего ребенка, но и самой себя—и вмѣстѣ съ тѣмъ уголовное дѣло, оканчиваясь осужденіемъ, не влекло за собою для осужденныхъ никакихъ уголовныхъ послѣдствій (обвинительнымъ приговоромъ опредѣлялось, кромѣ матеріальнаго обезпеченія матери и ребенка, только церковное покаяніе). Даже этотъ ненормальный способъ огражденія правъ внѣбрачнаго ребенка становился, притомъ, непримѣнимымъ въ случаѣ смерти отца до возбужденія уголовнаго дѣла или до постановленія судебнаго рѣшенія. Разсматриваемымъ нами закономъ ст. 994 Улож. о наказ. отмѣнена, и отношеніе внѣбрачнаго отца къ внѣбрачному ребенку поставлено всецѣло на почву гражданскаго права. Не договорено въ законѣ только одно: какимъ путемъ установляется самый фактъ отцовства? При существованіи брака отцомъ считается мужъ матери, въ силу стариннаго правила: pater est quem justae nuptiae demonstrant. Чѣмъ же замѣнить эту презумпцію, когда нѣтъ налицо брачныхъ отношеній? Проектъ коммиссіи давалъ на этотъ вопросъ очень опредѣленный отвѣтъ: „отцомъ внѣбрачнаго ребенка признается мужчина, который въ промежутокъ времени, когда должно было произойти зачатіе ребенка, имѣлъ съ матерью его незаконное сожитіе, развѣ бы судъ по обстоятельствамъ дѣла призналъ, что ребенокъ могъ произойти отъ сожитія въ указанное время съ другимъ мужчиной“. Это постановленіе, прямо разрѣшая отысканіе отца (recherche de la paternité), указывало совершенно ясно, что̀ именно служитъ доказательствомъ (или, лучше сказать, законнымъ предположеніемъ) отцовства, равно какъ и то, чѣмъ можно его опровергнуть. Вмѣстѣ съ тѣмъ проектъ содержалъ въ себѣ подробныя правила о добровольномъ *признаніи* внѣбрачныхъ дѣтей, какъ матерью (если она не означена въ метрической записи о рожденіи ребенка), такъ и отцомъ. Во вновь изданномъ законѣ мы не видимъ ни того, ни другого. Изъ того, что на отца внѣбрачнаго ребенка возложены извѣстныя *обязанности*, слѣдуетъ заключить, что отецъ можетъ быть *понуждаемъ* къ ихъ исполненію—понуждаемъ, конечно, чрезъ посредство суда, который, при наличности спора, долженъ будетъ установить, прежде всего, доказана *ли* кровная связь, служащая основаніемъ иска. Это даетъ право думать, что новый законъ допускаетъ отысканіе от-

цовства,—но пробѣлъ, замѣчаемый въ немъ при сравненіи его съ проектомъ, остается, тѣмъ не менѣе, не восполненнымъ и можетъ сдѣлаться источникомъ прискорбныхъ недоразумѣній. Въ особенности жаль, что не введенъ институтъ добровольнаго признанія, представляющій собою одинъ изъ самыхъ лучшихъ коррективовъ къ положенію внѣбрачныхъ дѣтей. Конечно, и теперь ничто не мѣшаетъ отцу внѣбрачнаго ребенка открыто провозгласить свое отцовство и принять на себя, тѣмъ самымъ, всѣ проистекающія отсюда обязанности; но, во-первыхъ, онъ не въ правѣ передать ребенку свое отчество и свою фамилію (что̀, на основаніи проекта, должно было служить послѣдствіемъ признанія); не регулировано, во-вторыхъ, оспариваніе признанія со стороны матери или самого ребенка; не предусмотрѣна, въ третьихъ, отвѣтственность наслѣдниковъ отца, если онъ умеръ до окончательнаго исполненія обязанностей, возложенныхъ на него закономъ по отношенію къ внѣбрачному ребенку и къ его матери (на основаніи проекта отвѣтственность передъ матерью и ребенкомъ остается, по смерти отца, на наслѣдственномъ его имуществѣ, въ размѣрѣ не свыше той части наслѣдства, какую ребенокъ получилъ бы въ случаѣ признанія его отцомъ).

На основаніи проекта отецъ, признавшій внѣбрачнаго ребенка и доставляющій средства на его содержаніе, имѣетъ право надзора за содержаніемъ и воспитаніемъ ребенка; разногласіе по этимъ предметамъ между отцомъ и матерью или опекуномъ ребенка разрѣшается подлежащимъ опекунскимъ установленіемъ. Это правило вошло въ составъ новаго закона, за исключеніемъ словъ: „признавшій внѣбрачнаго ребенка", такъ какъ институтъ признанія закономъ не усвоенъ. Сомнительною, вслѣдствіе этого, стала цѣлесообразность самаго правила. Что отецъ, признавшій ребенка и загладившій тѣмъ, до извѣстной степени, свою вину передъ нимъ, можетъ наблюдать за его воспитаніемъ—это вполнѣ понятно и справедливо; но такъ ли велика заслуга назначенія содержанія—можетъ быть весьма недостаточнаго, черезчуръ скуднаго,—чтобы служить законнымъ источникомъ вліянія на судьбу ребенка? Правда, противъ желаній или требованій отца въ правѣ возражать мать—но послѣднее слово предоставлено не ей, а опекунскому установленію, отъ котораго не всегда можно ожидать внимательнаго и безпристрастнаго отношенія къ мотивамъ разногласія. А что, если средства на содержаніе ребенка доставляются отцомъ лишь вслѣдствіе уваженнаго судомъ требованія матери, которое отвѣтчикъ энергично оспаривалъ, отрицая, быть можетъ, и самое свое отцовство? Неужели и такому отцу malgré lui долженъ быть предоставленъ контроль надъ ребенкомъ, о которомъ онъ незадолго передъ тѣмъ не хотѣлъ и слышать?.. Аналогичное замѣчаніе можно сдѣлать

и по поводу другого различія между проектомъ и закономъ. На основаніи проекта отецъ, признавшій внѣбрачнаго ребенка, можетъ быть назначенъ опекуномъ его, съ согласія его матери, а когда это необходимо для блага ребенка—и помимо ея согласія, по опредѣленію опекунскаго установленія. По закону отецъ внѣбрачнаго ребенка, доставляющій средства на его содержаніе, въ случаяхъ учрежденія надъ ребенкомъ опеки можетъ быть назначенъ, по желанію, опекуномъ предпочтительно передъ другими лицами. И здѣсь одинаковымъ юридическимъ послѣдствіямъ соотвѣтствуетъ далеко не одинаковое юридическое основаніе: на опеку надъ ребенкомъ участіе въ его содержаніи даетъ еще меньше правъ, чѣмъ на контроль надъ его воспитаніемъ. Несообразность усиливается тѣмъ, что въ проектѣ опекунство отца, несмотря на признаніе имъ ребенка, обусловливается, по общему правилу, согласіемъ матери, а въ законѣ относительно отца, доставляющаго ребенку содержаніе, такой оговорки не сдѣлано. Правда, по закону, какъ и по проекту, возложеніе опекунства на отца для опекунскаго установленія не обязательно; но буквальный смыслъ закона позволяетъ назначить отца опекуномъ даже предпочтительно передъ матерью—что едва ли отвѣчаетъ интересамъ ребенка. Самымъ простымъ средствомъ устранить указанныя нами неудобства было бы введеніе института признанія, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ намѣченъ проектомъ. Другимъ, въ высокой степени желательнымъ результатомъ такой реформы было бы предоставленіе внѣбрачнымъ дѣтямъ (въ случаѣ признанія ихъ отцомъ) извѣстныхъ наслѣдственныхъ правъ на имущество отца. Постановленія по этому предмету, проектированныя коммиссіей, не вошли въ составъ закона именно потому, что имъ не допущено признаніе внѣбрачныхъ дѣтей. По вновь редактированной ст. 132[12] Св. зак. гражд., внѣбрачныя дѣти не имѣютъ права на законное наслѣдованіе въ имуществѣ отца (а также родственниковъ его и матери).

Менѣе важнымъ, чѣмъ признаніе отцомъ, является признаніе внѣбрачныхъ дѣтей матерью, такъ какъ въ большинствѣ случаевъ фактъ материнства удостовѣряется метрическою записью о рожденіи ребенка; тѣмъ не менѣе нельзя не пожалѣть, что относящееся къ этому предмету постановленіе проекта не вошло въ составъ закона. Для тѣхъ случаевъ, когда мать не поименована въ метрической записи, весьма полезно было бы установить порядокъ, въ которомъ она можетъ оффиціально признать себя матерью. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно припомнить, что, по мысли проекта, признаніе (какъ матерью, такъ и отцомъ) можетъ быть сдѣлано, между прочимъ, въ духовномъ завѣщаніи, т.-е. вступить въ силу и сдѣлаться извѣстнымъ лишь послѣ смерти признавшаго. Быть можетъ, судебная практика

и при дѣйствіи разбираемаго нами закона закрѣпить за этой формой признанія послѣдствія, благопріятныя для внѣбрачнаго ребенка; но полной увѣренности въ томъ имѣть нельзя, пока самое понятіе о признаніи не усвоено законодательствомъ. Далеко не излишней, далѣе, кажется намъ возможность оспаривать признаніе, установляемое проектомъ. Для спора необходимо имѣть ясную, опредѣленную исходную точку—и такой точкой служитъ именно оффиціальный актъ признанія. Только въ связи съ нимъ возможно и установленіе особаго давностнаго срока для предъявленія спора—срока, цѣлесообразность котораго не подлежитъ сомнѣнію.

Проектъ, распространяя на мать внѣбрачныхъ дѣтей всѣ обязанности законныхъ родителей, не ограничиваетъ никакимъ срокомъ право дѣтей требовать алиментовъ отъ матери, если они не могутъ содержать себя своимъ трудомъ; законъ уравниваетъ въ этомъ отношеніи отца и мать, признавая, что обязанность содержать внѣбрачныхъ дѣтей прекращается какъ для отца, такъ и для матери съ достиженіемъ дѣтьми совершеннолѣтія (а иногда, какъ объяснено выше, и раньше). Неспособность содержать себя собственнымъ трудомъ можетъ продолжаться или наступить и послѣ достиженія совершеннолѣтія; едва ли справедливо лишать, въ такихъ случаяхъ, внѣбрачныхъ дѣтей права на поддержку матери. Намъ казалось бы даже, что отъ обязанности содержать совершеннолѣтнихъ внѣбрачныхъ дѣтей, при постоянной или временной неспособности ихъ къ труду, не слѣдуетъ освобождать и отца—хотя бы потому, что онъ иногда бываетъ виновникомъ болѣзненности своихъ дѣтей... Послѣднее замѣчаніе наше относится къ постановленію, заимствованному закономъ, въ нѣсколько измѣненной редакціи, изъ проекта. Въ составъ слѣдующаго съ отца внѣбрачнаго ребенка содержанія включается, по закону, и содержаніе нуждающейся въ томъ матери ребенка, если уходъ за нимъ лишаетъ ее возможности снискать себѣ средства къ жизни. Справедливѣе было бы, какъ намъ кажется, признать за матерью внѣбрачнаго ребенка право на полученіе содержанія отъ его отца во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда она, не имѣя постоянныхъ источниковъ дохода, не можетъ содержать себя своимъ трудомъ, хотя бы эта невозможность и не зависѣла отъ ухода за ребенкомъ. Рожденіе ребенка, особенно при тѣхъ тяжелыхъ условіяхъ, въ которыхъ оно, сплошь и рядомъ, происходитъ внѣ брака, часто причиняетъ матери продолжительное или совершенно непоправимое разстройство здоровья, затрудняющее для нея производительный трудъ или крайне ограничивающее его размѣры; сверхъ того, внѣбрачный ребенокъ служитъ для матери, сплошь и рядомъ, препятствіемъ къ вступленію въ бракъ и, слѣдовательно, лишаетъ ее той опоры, которою служитъ для жены трудъ мужа. Кто

былъ виновникомъ паденія женщины, кто довелъ ее до безпомощнаго положенія, тотъ долженъ оказывать ей матеріальную поддержку, отъ чего бы ни зависѣла ея неспособность къ труду.

Мы говорили до сихъ поръ только о той части новаго закона, которая касается внѣбрачныхъ дѣтей. Этимъ не ограничивается его содержаніе. Онъ радикально измѣняетъ къ лучшему положеніе дѣтей, родившихся отъ брака, признаннаго недѣйствительнымъ: они сохраняютъ всѣ права законныхъ дѣтей [1]), а отношенія ихъ къ родителямъ опредѣляются примѣнительно къ правиламъ, выработаннымъ въ проектѣ гражданскаго уложенія на случай разлученія супруговъ. Облегчается, далѣе, узаконеніе дѣтей послѣдующимъ бракомъ ихъ родителей. По закону 1891-го года родители имѣли право просить объ узаконеніи родившихся до брака дѣтей, что̀ какъ будто бы указывало на возможность отказа въ ихъ просьбѣ (судебная практика разрѣшила, впрочемъ, спорный вопросъ въ смыслѣ благопріятномъ для дѣтей); по новому закону внѣбрачныя дѣти узаконяются самымъ фактомъ брака ихъ родителей. Уничтожено, притомъ, одно изъ ограниченій, установленныхъ закономъ 1891-го года: узаконены послѣдующимъ бракомъ родителей могутъ быть теперь и дѣти, прижитыя въ прелюбодѣяніи. Облегчено, наконецъ, усыновленіе собственныхъ внѣбрачныхъ дѣтей смягченіемъ, по отношенію къ нимъ, условій, при которыхъ допускается усыновленіе: разрѣшено усыновлять ихъ до достиженія усыновителемъ тридцатилѣтняго возраста, при менѣе чѣмъ восемнадцатилѣтней разницѣ въ возрастѣ усыновителя и усыновляемаго, и при наличности законныхъ или узаконенныхъ дѣтей, если послѣднія—или, при несовершеннолѣтіи ихъ, другой супругъ—на то согласны. При усыновленіи отцомъ внѣбрачнаго ребенка согласіе матери ребенка требуется въ томъ лишь случаѣ, если она значится въ метрической о рожденіи его записи, или если происхожденіе отъ нея удостовѣрено судомъ. Намъ кажется, что въ послѣднемъ случаѣ усыновленіе могло бы быть допущено и безъ согласія матери: женщинѣ, которую нужно было понудить судомъ къ исполненію самыхъ элементарныхъ материнскихъ обязанностей, не слѣдовало бы предоставлять рѣшающаго голоса въ такую важную минуту жизни ребенка, какъ усыновленіе его отцомъ.

Повторяемъ еще разъ: несмотря на всѣ сдѣланныя нами оговорки, нельзя не привѣтствовать новый законъ, во многомъ улучшающій положеніе значительной части населенія. Всего меньше практическихъ

[1]) Такъ какъ выраженіе: *законныя* дѣти невольно, въ силу противоположности, возбуждаетъ мысль о дѣтяхъ *незаконныхъ* или *незаконорожденныхъ*, а эти послѣднія наименованія законодатель стремится вывести изъ употребленія, то было бы правильнѣе говорить въ законѣ не о законныхъ дѣтяхъ, а о дѣтяхъ, рожденныхъ въ законномъ бракѣ.

послѣдствій будетъ имѣть та часть закона, которая касается дѣтей отъ браковъ, признанныхъ недѣйствительными. По свѣдѣніямъ „Права" (№ 28), число такихъ браковъ за послѣднія тридцать лѣтъ колебалось между 17 и 84 въ годъ, составляя въ среднемъ 46, и всеподданѣйшія ходатайства о дарованіи рожденнымъ отъ нихъ дѣтямъ правъ законныхъ дѣтей всегда удовлетворялись. Широкое примѣненіе могутъ получить, за то, постановленія, касающіяся внѣбрачныхъ дѣтей. Хотя незаконныхъ рожденій у насъ гораздо меньше, чѣмъ въ Западной Европѣ, но все-таки ихъ число составляетъ почти $2^3/_4$% общаго числа рожденій (268 на десять тысячъ). Въ 50 губерніяхъ европейской Россіи, съ 1885 по 1894 г., число незаконныхъ рожденій составляло, въ среднемъ, почти 112 тысячъ ежегодно. Въ сельскихъ мѣстностяхъ послѣдствія незаконнаго рожденія сглаживаются легче, чѣмъ въ городахъ— но именно въ городахъ ихъ особенно много (въ Россіи—11% въ городахъ, 1,8% въ селахъ). Число внѣбрачныхъ рожденій новый законъ едва ли понизитъ, но отъ него можно ожидать уменьшенія бѣдствій и стѣсненій, испытываемыхъ внѣбрачными дѣтьми, и постепеннаго смягченія предразсудковъ, отягощающихъ ихъ участь.

Губернскіе и уѣздные комитеты, учрежденные для разсмотрѣнія программы особаго совѣщанія, приступили къ своей дѣятельности. Свѣдѣній о ихъ занятіяхъ появляется въ печати немного, можетъ быть, потому, что немного, пока, они успѣли и сдѣлать, а можетъ быть и потому, что не вездѣ одинаково смотрятъ на оглашеніе ихъ заключеній. По этому вопросу несомнѣнно существуютъ разныя мнѣнія: въ орловскомъ губернскомъ комитетѣ, напримѣръ, нѣкоторые уѣздные предводители дворянства высказались противъ гласности, находя, что газетныя корреспонденціи страдаютъ неточностью и тенденціозностью —но огромное большинство оказалось на сторонѣ противоположнаго мнѣнія. Далеко неодинаково, повидимому, предсѣдатели губернскихъ комитетовъ (т.-е. губернаторы) пользуются правомъ приглашенія постороннихъ лицъ, не принадлежащихъ, въ силу своего званія, къ составу комитета. Въ Орлѣ, напримѣръ, въ первомъ засѣданіи комитета присутствовали, кромѣ губернатора, управляющаго казенной палатой, предводителей дворянства и предсѣдателей земскихъ управъ, только два старшихъ маклера биржъ орловской и елецкой. Предсѣдатели земскихъ управъ просили о допущеніи къ участію въ работахъ комитета выборныхъ отъ уѣздныхъ земскихъ собраній, совершенно основательно мотивируя эту просьбу тѣмъ, что предсѣдатели и члены управъ, какъ исполнительные только органы земства, не считаютъ себя въ правѣ говорить отъ его имени. Просьбѣ ихъ, однако, не было дано

хода, на томъ основаніи, что на подобное ходатайство орловскаго губернскаго собранія уже раньше послѣдовалъ отрицательный отвѣтъ. Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что аналогія между обоими случаями неполная: орловское губернское земство просило о призывѣ его уполномоченныхъ въ особое совѣщаніе [1]), а предсѣдатели управъ говорили о призывѣ выборныхъ отъ уѣздныхъ земскихъ собраній въ засѣданія губернскаго комитета. Гораздо шире смотритъ на задачу губернскаго комитета саратовскій губернаторъ: онъ открываетъ доступъ въ комитетъ не только гласнымъ земскихъ собраній, губернскаго и уѣздныхъ, но и „всѣмъ мѣстнымъ дѣятелямъ, которые пожелали бы своимъ знаніемъ и практическимъ сельско-хозяйственнымъ опытомъ способствовать лучшему выясненію нуждъ сельско-хозяйственной промышленности въ саратовской губерніи" [2]). По приглашенію губернатора, въ первомъ засѣданіи комитета присутствовали и нѣкоторые изъ числа земскихъ агрономовъ. Діаметрально различны взгляды губернаторовъ и на ту роль, которую можетъ играть земство рядомъ съ губернскими комитетами. „Надъ многими вопросами, затронутыми программой особаго совѣщанія"—читаемъ мы въ рѣчи, которою саратовскій губернаторъ открылъ первое засѣданіе губернскаго комитета, —„работаетъ экономическій совѣтъ при губернской земской управѣ, и я просилъ бы управу все то, что̀ будетъ выработано совѣтомъ, представить мнѣ, для ознакомленія съ этой работой комитета, тѣмъ болѣе, что все, о чемъ бы пожелало ходатайствовать земство, для представленія въ совѣщаніе должно быть сопровождено заключеніемъ комитета". Итакъ, саратовскій губернаторъ признаетъ вполнѣ допустимой и нормальной одновременную работу земства и комитета; одна другой ни въ чемъ не мѣшаетъ, а служить другъ для друга дополненіемъ или коррективомъ онѣ, безспорно, могутъ. Иначе стоитъ дѣло въ Казани. Состоящій при казанской губернской земской управѣ экономическій совѣтъ намѣревался приступить къ разработкѣ доклада о сельско-хозяйственныхъ нуждахъ населенія казанской губерніи, о которыхъ желательно было бы заявить особому совѣщанію. Осуществленію этого намѣренія помѣшалъ запретъ губернатора, мотивированный тѣмъ, что обсужденіе вопросовъ, включенныхъ въ програму особаго совѣщанія, не можетъ входить въ компетенцію земскихъ собраній и ихъ исполнительныхъ органовъ, къ числу которыхъ принадлежитъ экономическій совѣтъ. Отсутствіе прямого разрѣшенія понято

[1]) См. Внутр. обозрѣніе въ № 4 „Вѣстн. Европы" за 1902 г.

[2]) Само собою разумѣется, что участіе въ комитетѣ отдѣльныхъ гласныхъ, выражающихъ въ немъ только свои личныя мнѣнія, не можетъ замѣнить участія выборныхъ, представляющихъ собою цѣлое собраніе; но губернаторъ сдѣлалъ все отъ него зависѣвшее, открывъ двери комитета передъ всѣми гласными.

здѣсь, очевидно, какъ запрещеніе. Изъ того, что земскія учрежденія не призваны, непосредственно и прямо, къ участію въ работахъ совѣщанія, еще не слѣдуетъ, чтобы они не были въ правѣ коснуться вопросовъ, поставленныхъ совѣщаніемъ, разъ что эти вопросы не выходятъ за предѣлы земской сферы. Образъ дѣйствій саратовскаго губернатора, не встрѣчающій препятствій свыше, позволяетъ думать, что и въ Казани земской работѣ будетъ данъ, въ концѣ концовъ, такой же просторъ, какимъ она пользуется въ Саратовѣ [1]); трудно поправимой, однако, останется потеря времени, обусловливаемая безпричиннымъ запрещеніемъ. Начавшись нѣсколькими мѣсяцами позже, труды казанскаго земства могутъ не быть законченными къ тому моменту, когда особое совѣщаніе приступитъ къ группировкѣ отзывовъ, доставленныхъ мѣстными учрежденіями.

Что представитель административной власти старается съузить кругъ дѣятельности земства—въ этомъ нѣтъ ничего необыкновеннаго и удивительнаго; но тяжелое впечатлѣніе производитъ зрѣлище усилій, направляемыхъ къ той же цѣли самими земцами. Въ тульскомъ чрезвычайномъ губернскомъ земскомъ собраніи возникъ недавно вопросъ о томъ, желательно ли дать управѣ какія-либо указанія по вопросамъ, переданнымъ особымъ совѣщаніемъ на разсмотрѣніе губернскихъ комитетовъ. Нѣкоторые изъ гласныхъ находили, что такъ какъ предсѣдатель и члены управы входятъ въ составъ губернскаго комитета въ силу самаго его установленія, помимо желанія собранія, то послѣднее не должно давать имъ никакихъ инструкцій или полномочій. Это—логика совершенно особеннаго свойства. Связь между земскимъ собраніемъ и его избранниками такъ тѣсна, что мнѣніе перваго, разъ что идетъ рѣчь объ общихъ вопросахъ [2]), не можетъ не имѣть для послѣднихъ высоко авторитетнаго значенія. При отсутствіи ясныхъ, опредѣленныхъ указаній они будутъ угадывать мысль собранія, выводить ее изъ прежнихъ его постановленій, лишь бы только избѣжать противорѣчій, которыя могли бы быть поставлены имъ въ вину ихъ избирателями. Почему, съ другой стороны, предсѣдатель и члены управы включены въ составъ комитета? Не потому, что они занимаютъ извѣстное мѣсто въ губернской іерархіи, а потому, что выборъ ихъ земскимъ собраніемъ создалъ въ ихъ пользу презумпцію знакомства съ потребностями и интересами мѣстнаго населенія. Про-

---

[1]) Казанская губернская земская управа, получивъ сообщеніе губернатора, возбудила ходатайство о созывѣ чрезвычайнаго земскаго собранія, вѣроятно для того, чтобы выяснить свое право на бо̀льшую свободу дѣйствій.

[2]) Дѣлая эту оговорку, мы имѣемъ въ виду тѣ *частныя* дѣла, въ рѣшеніи которыхъ члены управы не должны руководствоваться ничѣмъ инымъ, кромѣ своего личнаго убѣжденія.

грамма особаго совѣщанія, въ томъ видѣ, въ какомъ она сообщена губернскимъ комитетамъ, не содержитъ въ себѣ, притомъ, ни одного вопроса, обсужденіе котораго выходило бы за предѣлы земской компетенціи—и уже поэтому одному попытки устранить земское собраніе отъ всякаго прикосновенія къ названной программѣ должны быть названы усердіемъ не по разуму.

Въ печати появился недавно слухъ, будто бы въ правительственныхъ сферахъ возбужденъ вопросъ о совершенномъ упраздненіи губернскихъ земствъ, съ цѣлью предоставленія уѣзднымъ земствамъ большей самостоятельности. Съ упраздненіемъ губернскаго земства— такъ гласитъ газетное сообщеніе,—„уѣздныя земства получатъ возможность возбуждать различнаго рода ходатайства непосредственно, благодаря чему увеличится значеніе и дѣятельность уѣздныхъ земствъ. Такъ какъ у уѣздовъ окажутся, притомъ, значительныя свободныя средства, то ускорится введеніе всеобщаго обученія и улучшится медицинская часть. Роль губернскаго земства предполагается передать губернаторамъ". Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что въ этомъ сообщеніи нѣтъ ни слова правды. Слишкомъ очевидна полная несостоятельность мотивовъ, приводимыхъ въ пользу предвѣщаемой имъ мѣры. Право непосредственнаго возбужденія ходатайствъ принадлежало уѣзднымъ земскимъ собраніямъ при дѣйствіи положенія 1864-го года; отнятое у нихъ реформой 1890-го года, оно можетъ быть имъ возвращено во всякое время. О такомъ возвращеніи уже возникалъ вопросъ, когда министерство внутреннихъ дѣлъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, намѣтило рядъ перемѣнъ въ положеніи 1890-го года и пожелало узнать мнѣнія о нихъ земскихъ собраній. Многія губернскія земства (напр. с.-петербургское) высказались тогда въ пользу возстановленія порядка, существовавшаго до 1890-го года. Въ этомъ отношеніи самостоятельность уѣздныхъ земствъ можетъ быть, слѣдовательно, увеличена безъ наложенія рукъ на губернское земство—а во всемъ другомъ уѣздныя земства, въ сферѣ, отведенной имъ закономъ [1]), самостоятельны, по отношенію къ губернскому земству, и въ настоящее время. Губернское земство помогаетъ уѣзднымъ, поддерживаетъ ихъ начинанія и, прокладывая новые пути, побуждаетъ, но не понуждаетъ ихъ слѣдовать его примѣру. Какимъ образомъ, далѣе, упраздненіе губернскаго земства могло бы увеличить средства уѣздныхъ? Значительно бо̀льшая часть нынѣшней губернской земской смѣты осталась бы въ полной силѣ:

[1]) Мы подчеркиваетъ слова: *въ сферѣ, отведенной имъ закономъ*, потому что расширеніе этой сферы возможно и при сохраненіи губернскаго земства. Ничто не мѣшало бы, напримѣръ, теперь же, въ измѣненіе закона 1-го іюня 1895 года, передать дорожный капиталъ въ завѣдываніе уѣздныхъ земствъ.

измѣнилась бы рука расходчика, но не исчезъ бы самый предметъ расхода. Попрежнему пришлось бы тратить земскія деньги на содержаніе губернскихъ земскихъ дорогъ, губернскихъ больницъ, домовъ умалишенныхъ, богадѣленъ, учительскихъ и фельдшерскихъ школъ, кустарныхъ музеевъ, книжныхъ и сельско-хозяйственныхъ складовъ, агрономической, санитарной и технической организаціи. Можно было бы, конечно, свести на нѣтъ ту или другую отрасль хозяйства, теперь состоящую въ вѣдѣніи губернскаго земства—но экономія была бы достигнута, въ такомъ случаѣ, не измѣненіемъ организаціи, а сокращеніемъ функцій, и притомъ сокращеніемъ очевидно нецѣлесообразнымъ. Даже расходъ на содержаніе губернской земской управы былъ бы сложенъ со счетовъ далеко не вполнѣ, потому что нужно же было бы оплачивать трудъ тѣхъ лицъ, которыя замѣнили бы собою губернскую управу. Явилось бы новое отдѣленіе канцеляріи губернатора, въ рукахъ котораго сосредоточивалось бы губернское земское хозяйство; явилось бы особое губернское страховое учрежденіе, такъ какъ пріурочить страхованіе къ единицамъ меньшимъ, чѣмъ губернія, было бы черезчуръ рискованно и убыточно. Въ концѣ концовъ податное бремя населенія оказалось бы не облегченнымъ вовсе или облегченнымъ въ самой незначительной степени. Какимъ образомъ, наконецъ, упраздненіе губернскаго земства могло бы ускорить введеніе всеобщаго обученія, разъ что всѣ рѣшительные шаги въ этомъ направленіи сдѣланы именно благодаря губернскимъ земствамъ? Гдѣ основаніе думать, что оно могло бы улучшить медицинскую часть, разъ что и въ этой области такія важныя мѣры, какъ устройство санитарнаго надзора и санитарныхъ изслѣдованій, приняты, въ большинствѣ случаевъ, по иниціативѣ губернскаго земства?

Мысль объ упраздненіи губернскаго земства не нова: ее проводилъ съ большою настойчивостью, лѣтъ семь тому назадъ, одинъ изъ сотрудниковъ „Московскихъ Вѣдомостей", допуская, впрочемъ, какое-то подобіе губернскаго земства, въ видѣ съѣзда представителей уѣздовъ и ихъ уполномоченнаго, съ небольшимъ при немъ бухгалтерскимъ бюро. Разбирая, въ свое время, этотъ прожектъ [1]), мы имѣли случай показать, до какой степени незамѣнимы губернскія земскія учрежденія—учрежденія, конечно, земскія на самомъ дѣлѣ, а не только по имени. Мы старались, вмѣстѣ съ тѣмъ, объяснить, откуда идетъ вражда противъ губернскаго земства. „Въ огромномъ большинствѣ уѣздныхъ городовъ"—говорили мы тогда—„пульсъ общественной жизни бьется едва замѣтно; гласность проникаетъ туда рѣдко и слабо. Въ этомъ затишьѣ, въ этой полу-темнотѣ уѣздныя земскія собранія

[1]) См. Внутреннее обозрѣніе въ № 7 „Вѣстн. Европы" за 1895 г.

проходятъ почти незамѣченными; они дѣлаютъ свое дѣло, дѣлаютъ его иногда очень хорошо, раскрываютъ и освѣщаютъ многое, заслуживающее вниманія—но все сказанное и сдѣланное ими, за немногими исключеніями, остается похороненнымъ въ докладахъ земскихъ управъ и журналахъ земскихъ собраній, мало доступныхъ уже вслѣдствіе своей объемистости и малочисленности. Какъ ни важны, для каждаго уѣзда, труды его уѣзднаго земскаго собранія, показателемъ положенія и настроенія страны дѣятельность уѣздныхъ земствъ вообще можетъ служить только въ весьма ограниченной степени. Это зависитъ какъ отъ свойства вопросовъ, разрѣшаемыхъ уѣздными собраніями—вопросовъ по преимуществу частныхъ, пріуроченныхъ къ условіямъ данной мѣстности,—такъ и отъ состава уѣздныхъ гласныхъ, значительная часть которыхъ не привыкла къ обобщеніямъ, къ болѣе широкимъ взглядамъ. Совершенно инымъ представляется положеніе губернскихъ земскихъ собраній. Ихъ сравнительно мало, слѣдить за дѣятельностью ихъ сравнительно легко; они засѣдаютъ въ губернскихъ городахъ, гдѣ гораздо больше людей, интересующихся ихъ занятіями, гораздо больше гласности; имъ гораздо чаще приходится встрѣчаться съ вопросами общегосударственной или общенародной важности; въ ихъ составѣ всегда находится хоть нѣсколько лицъ, способныхъ отнестись къ этимъ вопросамъ не съ точки зрѣнія *интересовъ колокольни*. Не будь губернскихъ земскихъ собраній, не было бы такихъ страницъ въ исторіи нашего земства, какъ отвѣты 1871-го года на вопросъ объ отмѣнѣ подушной подати, какъ отвѣты 1881-82 гг. на вопросъ о реформѣ мѣстнаго управленія, какъ длинный рядъ ходатайствъ, намѣтившихъ—и во многихъ случаяхъ не безплодно—цѣлую программу преобразованій. Представимъ себѣ теперь, что губернскія земскія учрежденія прекратили свое существованіе. Земская дѣятельность тотчасъ же стушевывается, теряется изъ виду, погружается почти всецѣло въ полнѣйшую безгласность. До всеобщаго свѣдѣнія доходятъ, отъ времени до времени, только безсвязные ея отрывки. Никто не говоритъ правительству, отъ имени населенія, о назрѣвшихъ и наболѣвшихъ вопросахъ народной жизни. Земство перестаетъ быть однимъ изъ двигателей развитія, однимъ изъ показателей пути, по которому должно идти государство. Этого именно и хотятъ наши газетные реакціонеры. Они ненавидятъ земство именно какъ одну изъ немногихъ сколько-нибудь самостоятельныхъ силъ, возвышающихъ голосъ среди всеобщаго молчанія. Имъ нужно запрятать его въ медвѣжьи углы, запереть его въ узкій кругъ мелкихъ хозяйственныхъ вопросовъ". Всѣ эти соображенія сохраняютъ полную силу и въ настоящее время. Весьма можетъ быть, что источникомъ опровергаемаго нами слуха служатъ тѣ же кружки, которымъ принадлежитъ иниціа-

тива похода противъ губернскаго земства. Подъ флагомъ самостоятельности уѣздныхъ земствъ проповѣдуется, въ сущности, не что иное, какъ обезличеніе, обезцвѣченіе и обезсиленіе земства. Распространеніемъ права ходатайства на уѣздныя земства прикрывается отнятіе его у тѣхъ учрежденій, которыя, какъ показалъ опытъ, одни способны поднять это право на надлежащую высоту, пользоваться имъ не только въ видахъ пріобрѣтенія мелкихъ выгодъ. Если уже теперь ходатайства губернскихъ земскихъ собраній отклоняются иногда въ виду ихъ единичности, т.-е. заявленія ихъ только однимъ какимъ-либо губернскимъ земствомъ, то не трудно понять, какая fin de non recevoir противополагалась бы каждому ходатайству уѣзднаго земства, не пріуроченному *всецѣло* къ данной мѣстности. При отсутствіи губернскаго земства земскія ходатайства обратились бы весьма скоро въ испрашиванье разныхъ небольшихъ льготъ, милостей, удобствъ (въ родѣ пользованія казеннымъ участкомъ земли, сложенія недоимокъ, пособія на ту или другую постройку и т. п.) и потеряли бы то серьезное значеніе, которое они, несмотря на множество неблагопріятныхъ условій, успѣли пріобрѣсти въ русской государственной и общественной жизни.

До какой степени упраздненіе губернскаго земства—и неразрывно связанное съ нимъ ослабленіе земской дѣятельности—было бы нежелательно именно въ настоящее время, объ этомъ можно судить, между прочимъ, по обнародованнымъ недавно соображеніямъ особаго совѣщанія. Въ одномъ изъ его засѣданій былъ поставленъ вопросъ, слѣдуетъ ли искать улучшенія сельско-хозяйственной промышленности преимущественно въ возбужденіи самодѣятельности сельскихъ хозяевъ и въ соотвѣтствіи съ этимъ принимать мѣры къ развитію самодѣятельности и устраненію препятствующихъ ей обстоятельствъ, или же надлежитъ преимущественно идти путемъ правительственнаго воздѣйствія. По этому вопросу—читаемъ мы въ журналѣ засѣданія—„сужденія членовъ совѣщанія сводились къ признанію невозможности достиженія серьезнаго успѣха безъ широкаго развитія частной и общественной самодѣятельности. ...Надо стремиться къ возбужденію въ населеніи личной предпріимчивости, которая является главнымъ и непремѣннымъ условіемъ прочнаго улучшенія хозяйственной дѣятельности. Для объединенія же и поддержки индивидуальныхъ усилій отдѣльныхъ хозяевъ можетъ оказать значительное содѣйствіе организація разнаго рода хозяйственныхъ союзовъ". Дальше говорится о сельско-хозяйственныхъ обществахъ, распространеніе которыхъ, конечно, весьма желательно—но самыми могущественными хозяйственными союзами являются, безъ сомнѣнія, земства, эти главные разсадники и опоры „самодѣятельности" въ русской жизни. Въ сознаніи,

что путемъ „правительственнаго воздѣйствія“ достижимо далеко не все, мы видимъ гарантію противъ урѣзыванія и изувѣченія учрежденій, долгимъ опытомъ доказавшихъ свою жизнеспособность и приспособляемость къ постоянно растущимъ и измѣняющимся требованіямъ времени.

Изъ того, что̀ появилось въ послѣднее время въ печати по вопросу о мелкой земской единицѣ, особаго вниманія заслуживаютъ статьи г. К. Ровинскаго („Новое Время“ №№ 9439, 9440 и 9441), посвященныя коммунамъ измаильскаго уѣзда (бессарабской губерніи). Въ этой мѣстности, возвращенной подъ власть Россіи въ 1878 г., сохранились до сихъ поръ, какъ въ городахъ, такъ и въ селахъ, румынскія учрежденія, основанныя на началѣ всесословности и достигающія, во многихъ отношеніяхъ, блестящихъ результатовъ. Учрежденія эти, по словамъ бывшаго бессарабскаго губернатора (генералъ-майора Янковскаго), отличаются простотою и ясностью; коммунальное устройство, дающее всѣмъ жителямъ коммуны, безъ различія сословій, одинаковыя права и возлагающее на нихъ одинаковыя обязанности, предупреждаетъ всѣ тѣ неудобства, какія представляетъ наше крестьянское общественное управленіе, дѣйствующее подъ вліяніемъ писарей и разныхъ заинтересованныхъ въ дѣлѣ должностныхъ лицъ. По справедливому замѣчанію г. Ровинскаго, всего правильнѣе было бы, оставивъ въ силѣ нынѣшнія коммунальныя управленія, ввести въ измаильскомъ уѣздѣ земскія учрежденія и посмотрѣть, какъ будутъ дѣйствовать совмѣстно тѣ и другія; болѣе удобнаго случая для наблюденія надъ дѣятельностью мелкой земской единицы нельзя, въ самомъ дѣлѣ, себѣ и представить.

Въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ (№ 169) мелкой земской единицѣ посвящена небольшая, но очень содержательная статья г. Л. Дашкевича, доказывающая необходимость „поправить старую ошибку: спаять крестьянство со всѣми умственными и нравственными силами мѣстности“. „Дѣйствительно, — продолжаетъ г. Дашкевичъ, — теперь далеко не всѣ живыя силы утилизируются; даже постоянно живущій въ деревнѣ помѣщикъ, если онъ не попалъ въ число земскихъ начальниковъ и гласныхъ, оказывается лишеннымъ политическихъ правъ. Духовенство, бокъ-о-бокъ живущее съ народомъ и прекрасно знакомое съ его бытомъ, также въ управленіи не участвуетъ, какъ и сельская интеллигенція—врачи, учителя, люди разныхъ профессій, ряды которыхъ ежегодно увеличиваются... Слава Богу, если интеллигенція пойдетъ въ народъ на дѣйствительную работу, вмѣсто того, чтобы скопляться безъ дѣла въ городахъ“. Примыкая, такимъ образомъ, къ „современнымъ иниціаторамъ вопроса о мелкой земской единицѣ“, г. Да-

шкевичъ находитъ, что они впадаютъ въ ошибку, отдѣляя хозяйственныя дѣла отъ дѣлъ управленія. Въ *принципѣ*, сколько намъ извѣстно, никто не поддерживаетъ такого отдѣленія: хозяйственная мелкая единица выдвигается на первый планъ только какъ палліативъ, сравнительно легче осуществимый *въ данную минуту*. „Нужно ли намъ,—восклицаетъ г. Дашкевичъ, — идти столь робкими и нерѣшительными шагами на пути обновленія нашего быта и строя въ національномъ духѣ"? Въ томъ-то и бѣда, что національный характеръ всесословной мелкой единицы до сихъ поръ не только не можетъ считаться общепризнаннымъ, но встрѣчаетъ съ разныхъ сторонъ самое ожесточенное отрицаніе. На скорое наступленіе условій, необходимыхъ для коренной перемѣны, разсчитывать нельзя—а между тѣмъ, недостатки существующаго на мѣстахъ порядка чувствуются съ каждымъ днемъ все сильнѣе и сильнѣе. Отсюда стремленіе найти линію наименьшаго противодѣйствія, намѣтить улучшенія, мыслимыя въ ближайшемъ будущемъ. Въ всесословной мелкой единицѣ, хотя бы ограниченной хозяйственными функціями, мы видимъ, прежде всего, общую почву для дѣятельности всѣхъ сословій, всѣхъ общественныхъ классовъ. Что такая почва именно теперь болѣе чѣмъ когда-нибудь необходима—это доказывается свидѣтельствомъ особаго совѣщанія. „Совѣщаніемъ, — читаемъ мы въ оффиціальномъ сообщеніи, — было обращено вниманіе на важность сближенія сельскаго населенія съ болѣе образованными и имущими классами, личная иниціатива и примѣръ которыхъ могли бы оказывать весьма благотворное вліяніе на различныя стороны хозяйственнаго быта сельскаго населенія". Пути сближенія, указываемые совѣщаніемъ (широкое распространеніе испольной аренды, увеличеніе числа и расширеніе дѣятельности сельско-хозяйственныхъ обществъ), не имѣютъ ничего общаго съ переустройствомъ мѣстнаго управленія—но для насъ важно основное начало, высказанное совѣщаніемъ. Въ дальнѣйшемъ логическомъ своемъ развитіи оно ведетъ къ организаціи мелкой всесословной единицы.

Свидѣтельствовать, a contrario, въ пользу мелкой земской единицы попрежнему продолжаютъ реакціонныя газеты. Характерна неразборчивость въ выборѣ аргументовъ, приводимыхъ ими противъ ненавистной имъ мысли—характерна именно какъ признакъ неувѣренности въ правотѣ дѣла. „Московскія Вѣдомости" (№ 183) не отступаютъ передъ явной неправдой, утверждая, что „печать либеральнаго лагеря *дружно* и настойчиво ополчилась противъ общины" — ополчилась противъ нея какъ противъ преграды, „мѣшающей введенію мелкой земской единицы". Во-первыхъ, существованіе общины вполнѣ совмѣстимо съ существованіемъ мелкой земской единицы; сторонники послѣдней часто являлись и являются до сихъ поръ сторонниками пер-

вой,—и наоборотъ, не мало найдется людей, отрицательно относящихся и къ той, и къ другой. Совершенно невѣрно, во-вторыхъ, что либеральная печать *дружно* ополчилась на общину; не говоря уже о нашемъ журналѣ, много разъ высказывавшемся противъ упраздненія общины, достаточно назвать „Русскія Вѣдомости", именно въ послѣднее время посвятившія ея защитѣ цѣлый рядъ превосходныхъ статей. Что же остается, затѣмъ, отъ измышленія московской газеты?.. Другой ея сотрудникъ ставитъ вопросъ: „что нужнѣе деревнѣ—мелкая земская единица или единица помѣщичья", понимая подъ послѣднимъ выраженіемъ „хорошаго, просвѣщеннаго, самостоятельнаго помѣщика". Понятно, что такой вопросъ не имѣетъ никакого смысла: „хорошій помѣщикъ" останется хорошимъ и въ всесословной волости, но сфера дѣйствій его сдѣлается гораздо шире, потому что къ фактическому вліянію присоединится юридическое. Учрежденія можно сопоставлять и сравнивать только съ учрежденіями, а не съ частными лицами.

P.-S. Наше обозрѣніе было уже закончено, когда мы прочли въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ" (№ 191) чрезвычайно интересное сообщеніе о первомъ засѣданіи суджанскаго (курской губерніи) уѣзднаго комитета. Приглашены были предсѣдателемъ всѣ уѣздные земскіе гласные, члены земскаго экономическаго совѣта (въ числѣ которыхъ было много крестьянъ), преподаватели сельско-хозяйственной школы, земскій агрономъ. Всего собралось 48 человѣкъ. Въ залу засѣданія была допущена публика. Предсѣдатель (А. В. Евреиновъ) объяснилъ, что Высочайше утвержденное положеніе особаго совѣщанія предоставляетъ уѣзднымъ комитетамъ право коснуться въ своихъ сужденіяхъ, помимо вопросовъ чисто сельско-хозяйственныхъ и вопросовъ мѣстной жизни, также и вопросовъ, касающихся общаго правопорядка и общаго управленія, поскольку таковые отражаются на сельскомъ хозяйствѣ и мѣстной жизни вообще, что вноситъ громадный интересъ въ работы уѣздныхъ комитетовъ. Затѣмъ комитетомъ единогласно была принята программа занятій, составленная г. Евреиновымъ. Въ составъ ея входятъ, между прочимъ, слѣдующіе вопросы: общій правопорядокъ, нынѣ почти устраняющій общественныя силы отъ дѣятельности, построенный на административно-бюрократическо-полицейскомъ основаніи и общемъ недовѣріи; правопорядокъ крестьянъ и уклада ихъ жизни; административная опека какъ надъ обществомъ и его дѣятельностью, такъ и надъ отдѣльными лицами; финансовая политика, построенная не на основаніи главнаго занятія 85% русскаго населенія (налоги, прямые и косвенные); вытекающая отсюда ненародная экономическая общая политика, покровительствующая весьма малому

меньшинству въ ущербъ огромнаго большинства; всеобщее обученіе; пресса, какъ общая, такъ и спеціальная; относящійся къ мѣстному правопорядку вопросъ о полномъ прекращеніи преслѣдованія сектантовъ, составляющихъ по бо̀льшей части самый хозяйственный и домовитый народъ; вопросъ о сельскомъ духовенствѣ и о зависимости прихода отъ духовной консисторіи и епархіальнаго начальства; устраненіе земскихъ собраній отъ обсужденія вопросовъ, подлежащихъ разсмотрѣнію особаго совѣщанія; организація земскихъ учрежденій внѣ зависимости отъ сословныхъ соображеній; приближеніе земскихъ учрежденій къ сельскому населенію устройствомъ мелкой земской единицы; необходимая для земскихъ учрежденій самостоятельность и возможная ихъ устойчивость; рабочій вопросъ. Утвердивъ программу, комитетъ столь же единогласно согласился съ кн. П. Д. Долгоруковымъ (предсѣдателемъ суджанской уѣздной управы), предложившимъ ходатайствовать о томъ, чтобы запрошенъ былъ отзывъ уѣзднаго земскаго собранія по всѣмъ вопросамъ, подлежащимъ обсужденію комитета. Для разработки поставленныхъ въ программѣ вопросовъ уѣздный комитетъ учредилъ четыре подготовительныхъ коммиссіи: 1) по вопросамъ общаго правопорядка, 2) по вопросамъ крестьянскаго правопорядка, 3) по вопросамъ юридическимъ и 4) по вопросамъ хозяйственно-агрономическо-техническимъ. Предсѣдателями коммиссій избраны: въ 1-ю—предводитель дворянства А. В. Евреиновъ, во 2-ю—податной инспекторъ П. П. Пустовитовъ, въ 3-ю—предсѣдатель земской управы кн. П. Д. Долгоруковъ и въ 4-ю—членъ уѣздной земской управы В. В. Усовъ. Всѣмъ предсѣдателямъ коммиссій уѣздный комитетъ предоставилъ полнѣйшее право приглашать, кромѣ избранныхъ комитетомъ членовъ, и другихъ лицъ. Засѣданія коммиссій имѣютъ быть публичными. Въ числѣ другихъ членовъ въ коммиссіи входятъ и крестьяне.

Еслибы большинство губернскихъ и уѣздныхъ комитетовъ послѣдовало примѣру, данному суджанскимъ комитетомъ, и еслибы параллельно съ широко раздвинутой работой комитетовъ шла такая же работа земскихъ собраній, учрежденіе особаго совѣщанія могло бы сдѣлаться исходной точкой для новаго періода русской государственной и общественной жизни. Въ связи съ расширеніемъ программы комитетовъ большую важность получаетъ только-что появившееся въ газетахъ извѣстіе о томъ, что срокъ для окончанія занятій комитетовъ, сначала назначенный на 15-е октября, продленъ до 1-го февраля будущаго года.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 августа 1902.

Международное положеніе Италіи.—Рѣчь Делькассè о франко-итальянской дружбѣ.—Возобновленный тройственный союзъ и общая политика въ Европѣ.—Борьба съ клерикализмомъ во Франціи.—Перемѣны въ составѣ британскаго правительства.—Лордъ Сольсбери, Бальфуръ и Чемберлэнъ.

Въ послѣднее время въ западно-европейской печати и въ парламентахъ много говорилось объ измѣнившемся международномъ положеніи Италіи. Тройственный союзъ, заключенный впервые въ 1883 году при министерствѣ Криспи, былъ возобновленъ въ маѣ 1891 года на двѣнадцать лѣтъ, до 6 мая 1903 года; почти за годъ до срока, въ концѣ истекшаго іюня, договоръ о дальнѣйшемъ сохраненіи союза подписанъ въ Берлинѣ имперскимъ канцлеромъ, графомъ Бюловымъ, и посланниками Австро-Венгріи и Италіи, графами Сечени и Ланца. Вслѣдъ затѣмъ возвѣщено было оффиціально, что король Викторъ-Эммануилъ III, собираясь сдѣлать обычные визиты иностраннымъ дворамъ, отправится прежде всего въ Россію. Поѣздка короля въ Петербургъ, мимо Германіи, съ соблюденіемъ полнаго инкогнито въ предѣлахъ австрійскихъ владѣній, послужила предметомъ всевозможныхъ толковъ. Почему король Италіи началъ свой объѣздъ не съ союзныхъ державъ, а съ далекой Россіи, союзницы Франціи? Не для того ли, чтобы показать всему свѣту, что внѣшнія отношенія Италіи не находятся уже въ прежней зависимости отъ условій тройственнаго союза? Или самый этотъ союзъ утратилъ свое первоначальное значеніе и пересталъ быть орудіемъ вражды и недовѣрія, направленнымъ спеціально противъ Франціи и Россіи?

Несомнѣнно, что Италія болѣе чѣмъ когда-либо стремится возстановить и упрочить дружественныя связи съ Франціею, отъ которой ее оттолкнули пагубныя политическія комбинаціи Бисмарка;—точно такъ же и французы съ своей стороны чрезвычайно дорожатъ хорошими отношеніями съ Италіею, что̀ подтвердилъ еще недавно французскій министръ иностранныхъ дѣлъ Делькассè. Запросъ одного изъ депутатовъ о возможныхъ послѣдствіяхъ возобновленія тройственнаго союза далъ поводъ министру произнести интересную успокоительную рѣчь въ засѣданіи палаты, 4 іюля (нов. ст.). „Наша иностранная политика—сказалъ Делькассè—имѣетъ своею главною цѣлью защиту

высшихъ и постоянныхъ интересовъ страны, опираясь на союзъ, въ которомъ Россія въ свою очередь находитъ одинаковую гарантію для своихъ собственныхъ высшихъ и постоянныхъ интересовъ. Мы прежде всего заботились объ улучшеніи нашихъ внѣшнихъ отношеній и особенно нашихъ отношеній съ Италіею. Для этого мы, четыре года тому назадъ, положили конецъ тарифной войнѣ и пришли къ торговому соглашенію, которое должно было подготовить общественное мнѣніе обѣихъ странъ къ политическимъ объясненіямъ, признаннымъ необходимыми со стороны ихъ правительствъ. Изъ этихъ взаимныхъ объясненій обнаружилось, что существенные интересы обѣихъ державъ ни въ какомъ пунктѣ не находятся между собою въ серьезномъ противорѣчіи и что положеніе дѣлъ въ Средиземномъ морѣ, которое было причиною розни, должно было, напротивъ, привести къ единенію. Само собою разумѣется, что столь счастливое согласіе не могло остаться безъ вліянія на общую политику Франціи и Италіи. Понятно поэтому, что при извѣстіи о предстоявшемъ возобновленіи тройственнаго союза мы желали выяснить, въ какой мѣрѣ этотъ дипломатическій актъ могъ согласоваться съ отношеніями дружбы и интереса, такъ удачно возстановленными между Франціею и Италіею. Наше безпокойство было естественно, но оно продолжалось недолго, ибо само итальянское правительство сочло нужнымъ въ точности выяснить и опредѣлить свою политику. Данныя намъ объясненія позволили намъ удостовѣриться, что политика Италіи, насколько она выражается въ ея союзахъ, не направлена ни прямо, ни косвенно противъ Франціи; что она не можетъ ни въ какомъ случаѣ представлять для насъ угрозу, ни въ формѣ дипломатической, ни въ видѣ международныхъ военныхъ соглашеній или протоколовъ, и что ни при какихъ обстоятельствахъ и ни въ какой формѣ Италія не можетъ сдѣлаться участницею нападенія на Францію. Эти заявленія не оставляютъ никакого сомнѣнія относительно безусловно миролюбиваго и дружественнаго характера итальянской политики по отношенію къ намъ, какъ и относительно того взаимнаго чувства безопасности, которымъ отнынѣ должны быть проникнуты обѣ націи. Они даютъ намъ твердую увѣренность, что ничто не препятствуетъ дальнѣйшему развитію дружбы, которая имѣла уже благотворныя послѣдствія".

Категорическія увѣренія французскаго министра настолько ясны, что изъ нихъ можно сдѣлать только одинъ выводъ—о совершенной безсодержательности и безцѣльности того договора о тройственномъ союзѣ, который только-что вновь подписанъ Италіею. Въ самомъ дѣлѣ, противъ кого итальянская дипломатія искала обезпеченія въ союзѣ и приняла на себя обязанность дѣйствовать совмѣстно съ Германіею, если она ни въ какомъ случаѣ и ни при какихъ обстоятельствахъ не

имѣетъ въ виду дѣйствовать противъ Франціи? Австро-Венгрія участвуетъ въ союзѣ, чтобы гарантировать себя со стороны Россіи и пользоваться свободою дѣйствій на Балканскомъ полуостровѣ; для Германіи союзъ необходимъ, какъ залогъ безопасности ея западныхъ и восточныхъ границъ, въ виду завѣтной французской мечты объ обратномъ завоеваніи Эльзаса и Лотарингіи при содѣйствіи Россіи;—какихъ же противниковъ могла имѣть въ виду Италія, при заключеніи и возобновленіи этого союза съ двумя имперіями? Крупные національные интересы оправдывали бы антагонизмъ съ Австро-Венгріею, владѣющею еще значительными итальянскими землями; но съ австрійцами существуетъ союзъ, и слѣдовательно не противъ нихъ онъ направленъ. Объ Англіи не можетъ быть и рѣчи уже потому, что прочное соглашеніе ея съ державами тройственнаго союза составляетъ давнишнюю цѣль берлинскаго кабинета; притомъ Англія всегда готова была оказать содѣйствіе Италіи противъ Франціи. Противъ кого же заключила союзъ Италія, если политика ея ни прямо, ни косвенно не направлена противъ французской націи? Такъ какъ руководящею и вдохновляющею силою тройственнаго союза является Германія, которая, безспорно, создала и поддерживаетъ этотъ союзъ исключительно противъ Франціи и Россіи, то и участіе Италіи въ этомъ союзѣ не можетъ имѣть другого смысла, кромѣ враждебнаго по отношенію къ тѣмъ же двумъ державамъ или къ одной изъ нихъ. О Россіи въ данномъ случаѣ нечего говорить; съ нею итальянцы не имѣютъ никакихъ счетовъ,—остается одна только Франція, возбудившая недоброжелательство Италіи завоеваніемъ Туниса и успѣвшая съ тѣхъ поръ занять преобладающее положеніе въ Средиземномъ морѣ. Конечно, итальянское правительство не думаетъ о войнѣ и не питаетъ непріязни къ французамъ,—точно такъ же какъ и Германія вовсе не расположена нынѣ воевать съ Россіею, а напротивъ, старательно сохраняетъ съ нею оффиціальную дружбу; Австро-Венгрія тоже твердо стоитъ за миръ и опирается въ своей балканской политикѣ на дружественное соглашеніе съ русскою дипломатіею. Однако кто скажетъ, что тройственный союзъ ни въ какомъ случаѣ не направленъ противъ Россіи и что участвующія въ немъ державы ни при какихъ обстоятельствахъ не имѣютъ въ виду угрожать намъ войною? Нельзя предположить, что государственные люди и дипломаты подписываютъ договоръ о союзѣ безъ всякой опредѣленной цѣли и безъ намѣренія исполнить постановленныя въ немъ условія; а всякій союзъ, хотя бы самый мирный, предусматриваетъ случаи совмѣстнаго дѣйствія не только дипломатическаго, но и военнаго, подъ предлогомъ взаимной защиты отъ внѣшнихъ нападеній. Наступательный союзъ, съ прямою цѣлью нападенія на другія государства, рѣдко заключается въ но-

вѣйшее время, да и въ прежнія времена облекался обыкновенно въ форму необходимой обороны; нынѣшній тройственный союзъ есть тоже оборонительный и, слѣдовательно, миролюбивый союзъ, разсчитанный лишь на огражденіе отъ опасностей, могущихъ возникнуть со стороны Франціи и Россіи. Но и Франція и Россія никому не угрожаютъ, а въ свою очередь заботятся о защитѣ на случай внѣшняго нападенія, для чего и вступили между собою въ союзъ, въ видѣ противовѣса пресловутой лигѣ мира. Въ результатѣ выходитъ, что всѣ думаютъ только о защитѣ и никто не собирается нападать,—всѣ охраняютъ миръ при помощи милліонныхъ армій и могущественныхъ оборонительныхъ союзовъ, при отсутствіи враговъ, стремящихся или расположенныхъ къ войнѣ.

Кажущаяся парадоксальность такого положенія зависитъ въ сущности отъ двусмысленности или недостаточной опредѣленности употребляемыхъ словъ: дипломаты могутъ разумѣть подъ защитою то, въ чемъ мы видимъ нападеніе, и наоборотъ,—тѣмъ болѣе, что нѣтъ ничего легче какъ вынудить противника къ наступательнымъ дѣйствіямъ. Извѣстно, что съ точки зрѣнія Англіи трансваальскіе буры напали на британскія владѣнія, а англичане только защищались до тѣхъ поръ, пока не присоединили бурскихъ земель къ своимъ южно-африканскимъ колоніямъ. Пруссія только охраняла нѣмецкіе національные интересы отъ датскихъ посягательствъ, когда вмѣстѣ съ Австріею подвергла разгрому маленькую Данію. Франко-прусская война 1870 года представляется и нѣмцамъ, и французамъ несомнѣнно оборонительною: нѣмцы вынуждены были защищаться противъ безпричиннаго французскаго нападенія, а французы—отъ прусскаго; первые считаютъ главнымъ виновникомъ Наполеона III, а вторые—Бисмарка. И, вѣроятно, обѣ стороны правы, какъ это часто бываетъ въ политикѣ. Поэтому нынѣшній тройственный союзъ, при всемъ своемъ безусловно оборонительномъ характерѣ, сохраняетъ значеніе постоянной угрозы для общаго мира и можетъ въ каждый данный моментъ превратиться въ орудіе воинственныхъ и завоевательныхъ цѣлей. Еслибы Вильгельмъ II почему-либо нашелъ нужнымъ устроить для Германіи такъ-называемую оборонительную войну, то за нимъ противъ воли пошла бы и Италія, въ надеждѣ на участіе въ богатой добычѣ;—иначе не зачѣмъ было бы заключать союзъ. Каковъ бы ни былъ текстъ союзнаго договора, онъ во всякомъ случаѣ, въ большей или меньшей мѣрѣ, связываетъ политику участвующихъ сторонъ, подчиняя ее руководящему вліянію первенствующей державы, стоящей во главѣ союза, и Италія никакъ не можетъ предвидѣть, когда и при какихъ обстоятельствахъ она вынуждена будетъ примкнуть къ непріязненнымъ дѣйствіямъ Германіи противъ Франціи. Если же Италія

вовсе не намѣрена выступать противъ французовъ ни прямо, ни косвенно, какъ удостовѣрился въ этомъ Делькассѐ, то отсюда слѣдуетъ заключить, что она подписала союзный договоръ съ Германіею и Австро-Венгріею, вопреки своимъ лучшимъ намѣреніямъ, въ силу побужденій, о которыхъ мы ничего не знаемъ,—быть можетъ, подъ давленіемъ берлинскаго кабинета, или изъ уваженія къ политическому наслѣдію короля Гумберта и его министра Криспи. Но для французскаго министра иностранныхъ дѣлъ самый фактъ возобновленія союза Италіею долженъ былъ имѣть несравненно большее значеніе, чѣмъ тѣ успокоительныя увѣренія и комментаріи, которые даны были итальянскимъ министромъ Принетти. Повторяя эти увѣренія и комментаріи, Делькассѐ даетъ какъ будто понять, что ему конфиденціально сообщенъ текстъ договора, окончательно убѣдившій его въ полной безобидности союза для Франціи; въ противномъ случаѣ онъ не могъ бы такъ положительно говорить о „достовѣрности" представленныхъ ему объясненій. Тогда весь союзъ, въ которомъ участвуетъ Италія, оставался бы чѣмъ-то загадочнымъ и непонятнымъ, и итальянская дипломатія, всегда отличающаяся тонкою разсчетливостью и честолюбіемъ, оказалась бы виновною въ преступномъ легкомысліи—въ заключеніи рискованныхъ обязательствъ, лишенныхъ цѣли и смысла. Скорѣе можно предположить, что Делькассѐ сознательно принялъ на вѣру заявленія Принетти, въ интересахъ ближайшаго будущаго, надѣясь современемъ дѣйствительно отвлечь Италію отъ соблазновъ тройственнаго союза.

Нѣкоторыя австрійскія газеты, и притомъ такія, какъ „Neue Freie Presse", утверждали, что при послѣднемъ возобновленіи тройственнаго союза, по требованію Италіи, исключены изъ текста договора весьма важныя статьи, касавшіяся распредѣленія итальянскихъ войскъ на случай войны. Италія обязывалась доставить извѣстную часть своей арміи къ Рейну, въ подкрѣпленіе германскихъ войскъ, а другую часть послать черезъ Венгрію на Дунай, для присоединенія къ австрійскимъ и румынскимъ войскамъ, дѣйствующимъ противъ Россіи подъ общимъ начальствомъ румынскаго короля. Этихъ постановленій нѣтъ уже въ договорѣ. Оффиціозные берлинскіе органы, съ своей стороны, рѣшительно заявляютъ, что договоръ возобновленъ безъ всякихъ измѣненій, въ томъ же видѣ и содержаніи, и что онъ никогда не заключалъ въ себѣ указанныхъ военныхъ обязательствъ, которыя поэтому и не могли быть изъ него устранены. „Разумѣется само собою,—говоритъ одинъ изъ оффиціозовъ,—что тройственный союзъ налагаетъ на своихъ участниковъ военныя обязательства; но способы исполненія ихъ не могутъ быть опредѣлены заранѣе на продолжительный срокъ въ такомъ дипломатическомъ актѣ, какъ союзный договоръ, и потому уже при пер-

вомъ возобновленіи союза въ 1891 году были выдѣлены изъ текста всѣ спеціально-военныя условія и постановленія; въ настоящее же время никакихъ перемѣнъ въ этомъ отношеніи не произошло, и текстъ остался прежнимъ". Но, отвергая существованіе подобныхъ статей въ самомъ текстѣ договора, оффиціозная печать тщательно обходила вопросъ о содержаніи спеціальныхъ военныхъ конвенцій, относящихся къ тройственному союзу, и ни однимъ словомъ не упоминала ни объ участіи короля Карла румынскаго въ этихъ военныхъ соглашеніяхъ, ни о военныхъ обязательствахъ Италіи, о которыхъ сообщала „Neue Freie Presse". Положеніе, очевидно, мало измѣняется отъ того, что эти обязательства установлены были не въ дипломатическомъ актѣ, а въ особой военной конвенціи; между тѣмъ, къ такому именно указанію сводятся берлинскія опроверженія. Еслибы сообщенныя свѣдѣнія были по существу невѣрны, то ихъ опровергли бы независимо отъ того, относятся ли они къ союзному договору или къ приложеннымъ къ нему военнымъ конвенціямъ; а такъ какъ опроверженіе касается исключительно лишь текста договора, то оно естественно оставляетъ въ читателѣ мысль, что газетныя разоблаченія относительно спеціальныхъ военныхъ обязательствъ Италіи остаются въ полной силѣ. Получается теперь такая версія: текстъ союзнаго договора, правда, ни въ чемъ не измѣнился, и въ этомъ пунктѣ берлинскіе оффиціозы безусловно правы; но военныя конвенціи подверглись существенной передѣлкѣ, и, между прочимъ, изъ нихъ исключены упомянутыя выше постановленія, касающіяся Италіи. Въ этомъ и заключается будто бы та важная перемѣна въ характерѣ союза, на которую намекалъ Делькассѐ. Но, какъ справедливо замѣчено оффиціозною нѣмецкою печатью, тройственный союзъ несомнѣнно возлагаетъ на участниковъ, и въ томъ числѣ на Италію, извѣстныя военныя обязательства: это вѣское напоминаніе показываетъ, что устраненіе тѣхъ или другихъ военныхъ частностей не измѣняетъ сущности и не должно бы вызывать чрезмѣрно оптимистическіе выводы по отношенію къ новому фазису въ исторіи тройственнаго союза.

Министерство Комба съ необыкновенной энергіей вступило въ борьбу съ монашескими орденами, не желающими подчиниться новому закону объ ассоціаціяхъ; заодно съ духовенствомъ дѣйствуютъ вліятельные клерикалы, которые особенно возмущаются по поводу правительственныхъ декретовъ о закрытіи многочисленныхъ частныхъ школъ, основанныхъ или завѣдываемыхъ монахами безъ полученія требуемаго закономъ разрѣшенія государственнаго совѣта. Министерство считаетъ, что законы обязательны и для католическихъ духовныхъ конгрегацій;

противники не отрицаютъ этого, но толкуютъ законныя постановленія по-своему и громко жалуются на произволъ и насиліе администраціи. Въ палатѣ депутатовъ кабинетъ Комба имѣетъ за собою значительное, тѣсно сплоченное большинство передовыхъ республиканскихъ группъ; самъ президентъ совѣта министровъ, главный инниціаторъ и исполнитель принимаемыхъ мѣръ, въ качествѣ министра внутреннихъ дѣлъ и исповѣданій, высказывается весьма рѣшительно и рѣзко, и его энергическія антиклерикальныя заявленія неизмѣнно встрѣчаютъ живѣйшее сочувствіе среди радикаловъ и соціалистовъ. Въ засѣданіи 4 іюля, въ отвѣтъ на запросъ Дени-Кошена, Комбъ вновь изложилъ свои взгляды, и несмотря на сбивчивый ходъ его мыслей, палата постановила обнародовать его рѣчь во всѣхъ общинахъ Франціи.

Возбужденіе умовъ дошло до того, что клерикалы и націоналисты грозятъ революціею и устраиваютъ серьезные уличные безпорядки въ Парижѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ городахъ. Эти шумныя демонстраціи имѣютъ довольно оригинальный видъ и даютъ вообще матеріалъ для насмѣшекъ. Изящные кавалеры, аристократы съ громкими историческими именами, нарядныя дамы изъ высшаго общества, жены богатыхъ промышленниковъ, воинственные патріоты, поклонники покойнаго генерала Буланже и соратники Деруледа, представляютъ собою ту революціонную армію, которая нынѣ возстаетъ противъ властей и ищетъ столкновенія съ полиціею. Небольшіе отряды этихъ революціонеровъ новаго типа подвергались бы нѣкоторой опасности со стороны республиканской массы населенія, еслибы ихъ не ограждали полицейскія и военныя силы; но часто происходятъ все-таки крупныя стычки, кончающіяся обыкновенно поспѣшнымъ бѣгствомъ клерикальныхъ зачинщиковъ подъ охраною городовыхъ. Консерваторы и реакціонеры, столь долго и безуспѣшно боровшіеся противъ всякой вообще свободы, взываютъ теперь къ этой самой свободѣ и горячо протестуютъ противъ ея нарушенія; возгласъ: „vive la liberté!“ признаётся какъ бы направленнымъ противъ республики и вызываетъ протесты, а иногда вмѣшательство полиціи. Въ толпѣ раздаются крики: „долой монаховъ!„—„a bas la calotte!“, на что съ другой стороны отвѣчаютъ: „a bas les sectaires!“ Многіе почтенные отцы семействъ волнуются и негодуютъ изъ-за добродѣтельныхъ монахинь, посвятившихъ себя воспитанію дѣтей и оторванныхъ правительствомъ отъ любимаго дѣла; священники публично провозглашаютъ, что „свобода умерла“. Въ этой агитаціи играетъ большую роль „лига французскаго отечества“, съ Жюлемъ Леметромъ во главѣ; остроумный писатель и фельетонистъ потерялъ въ своихъ политическихъ увлеченіяхъ прежнее остроуміе и превратился въ зауряднаго ругателя-полемиста, союзника свѣтскихъ ханжей и усерднаго врага демократіи. Единомышленникъ Леметра,

поэтъ Франсуа Коппè, лично участвуетъ въ манифестаціяхъ и отчасти руководитъ ими, въ качествѣ горячаго клерикала, и нѣсколько разъ онъ попадался въ руки полицейскихъ за неумѣренные призывы къ волненіямъ.

Такъ какъ защитники свободы дѣйствій „патеровъ" и „сестеръ" не могутъ разсчитывать на сочувствіе народа въ Парижѣ и въ большихъ городахъ, а напротивъ, сами нуждаются въ защитѣ отъ враждебныхъ контръ-демонстрацій рабочихъ, то эти волненія не представляютъ, конечно, ни малѣйшей опасности для республики и ея правительства. Но благоразумная часть французскаго общества видимо затрудняется понимать мотивы, побуждающіе министерство Комба дѣйствовать такъ круто противъ женщинъ-воспитательницъ и вообще идти напроломъ въ такой области, гдѣ прежде всего требовалось бы соблюденіе твердой сдержанности, терпѣнія и такта. Въ этомъ смыслѣ высказывается противъ Комба и такая вліятельная республиканская газета, какъ „Temps". Къ сожалѣнію, привычка къ крутымъ административнымъ мѣропріятіямъ для подтвержденія крѣпости и авторитета государственной власти унаслѣдована отъ имперіи и прочно укоренилась въ идеяхъ и традиціяхъ французскихъ практическихъ дѣятелей, не исключая и самыхъ передовыхъ. Комбъ убѣжденъ, что сломить клерикализмъ можно только настойчивыми и послѣдовательными усиліями администраціи и что всякая уступка въ истолкованіи и примѣненіи антиклерикальныхъ законовъ была бы принята за доказательство слабости. При обсужденіи закона объ ассоціаціяхъ Вальдекъ-Руссо высказалъ мнѣніе, что школы, устроенныя въ частныхъ помѣщеніяхъ, внѣ зданій монашескихъ орденовъ, и имѣющія только одного преподавателя духовнаго званія, не подходятъ подъ дѣйствіе новыхъ правилъ. Опираясь на это толкованіе бывшаго министра-президента, представители такого рода школъ не заявляли ходатайства о разрѣшеніи ихъ, и многія школы были вновь открыты духовными конгрегаціями на тѣхъ же основаніяхъ; однако, по предложенію правительства, государственный совѣтъ разсмотрѣлъ вопросъ о законномъ характерѣ этихъ школъ и пришелъ къ заключенію, что онѣ должны быть причислены къ конгрегаціоннымъ, для которыхъ обязательно оффиціальное разрѣшеніе. Когда же завѣдывающіе этими заведеніями и учредители ихъ стали обращаться куда слѣдуетъ съ надлежащими ходатайствами, то имъ было сообщено, что они пропустили для этого срокъ, установленный закономъ. Оказалось, что срокъ истекъ раньше, чѣмъ состоялось заключеніе государственнаго совѣта, и на этомъ основаніи изданъ декретъ о прямомъ закрытіи школъ, которыя ошибочно считались свободными отъ соблюденія предписаній новаго закона и затѣмъ лишены были вовсе возможности исполнить требуемыя фор-

мальности. Такимъ образомъ, толкованію государственнаго совѣта дана была обратная сила, въ ущербъ общепринятой практикѣ, и вмѣсто простого безпристрастнаго примѣненія закона получилось подобіе какой-то искусственной махинаціи, направленной противъ клерикаловъ.

Сторонники министерства Комба оправдываютъ его боевую политику краснорѣчивыми фактами и цифрами, свидѣтельствующими о непомѣрномъ систематическомъ развитіи духовныхъ учрежденій и ихъ дѣятельности во Франціи. По свѣдѣніямъ, собраннымъ въ 1900 году при министерствѣ Вальдека-Руссо, выяснилось существованіе 147 мужскихъ и 606 женскихъ неразрѣшенныхъ конгрегацій; изъ нихъ послѣднія, женскія, имѣли въ своемъ завѣдываніи 13.252 неразрѣшенныхъ заведенія. Если въ дополненіе къ этимъ указаніямъ припомнить нѣкоторыя данныя объ общемъ положеніи учебнаго дѣла во Франціи, то дѣйствительно есть надъ чѣмъ призадуматься республиканцамъ. Добрая половина населенія и огромное большинство женщинъ зажиточныхъ и высшихъ классовъ воспитываются въ школахъ монашескихъ орденовъ, проникаясь внѣшнею набожностью, гибкою и условною іезуитскою моралью, суевѣрнымъ уваженіемъ къ обрядамъ и традиціямъ, враждою къ существующимъ учрежденіямъ и неопредѣленными мечтаніями о будущемъ возстановленіи прошлаго величія католической Франціи. Выростаютъ ряды поколѣній, чуждыхъ современному прогрессивному духу, и страна раздѣляется какъ бы на два лагеря, перестающіе понимать другъ друга. При обязательномъ всеобщемъ обученіи заботы о школьномъ дѣлѣ были фактически въ значительной мѣрѣ предоставлены духовнымъ конгрегаціямъ. Для дѣтей отъ шести до тринадцати лѣтъ имѣется во Франціи, со включеніемъ Алжира, 62.192 правительственныхъ общедоступныхъ школъ и 22.167 монашескихъ и духовныхъ; въ первыхъ числится 3.789.405, а въ школахъ второй категоріи—1.629.612 учащихся. Изъ школъ для дѣтей меньше шести лѣтъ большинство принадлежитъ конгрегаціямъ, а именно 2.905 съ 362.214 учащихся, тогда какъ общественныхъ школъ этого разряда считается 2.574 съ 359.660 учащихся. Что касается среднихъ учебныхъ заведеній, то всѣ правительственные лицеи и коллежи въ совокупности имѣютъ 85.599 учениковъ, а изъ частныхъ училищъ числится въ свѣтскихъ—10.182 учащихся, въ духовныхъ—68.825, не считая еще около 23 тысячъ воспитанниковъ епископскихъ семинарій. Въ обученіи дѣвицъ старшаго возраста духовныя конгрегаціи господствуютъ почти безраздѣльно, такъ какъ немногія женскія учебныя заведенія, устроенныя правительствомъ въ болѣе крупныхъ городахъ, удовлетворяютъ лишь ничтожную долю потребности французскаго общества въ женскомъ образованіи. Женскіе монашескіе

ордена подготовляютъ будущихъ женъ и матерей для французскихъ гражданъ, и враждебные республикѣ клерикальные элементы непрерывно крѣпнутъ и растутъ, властно водворяясь и въ республиканскихъ семьяхъ. Съ теченіемъ времени республика подъ вліяніемъ женщинъ можетъ постепенно переродиться и пріобрѣсть клерикальный оттѣнокъ; клерикалы незамѣтно вытѣснятъ прежнія умѣренно-либеральныя и прогрессивныя партіи и составятъ сплоченную парламентскую силу, которая будетъ располагать министерствами, правительствомъ и законодательствомъ по своему усмотрѣнію, или, вѣрнѣе, по внушеніямъ изъ Рима.

Какъ выразился Вальдекъ-Руссо въ сенатѣ, черезъ десять лѣтъ нельзя было бы уже провести законъ противъ духовныхъ конгрегацій,— было бы уже слишкомъ поздно. Вальдекъ-Руссо вѣритъ въ дѣйствительность этой внѣшней легальной борьбы съ клерикализмомъ, и Комбъ не только раздѣляетъ его вѣру, но идетъ еще дальше: онъ полагается на усердіе администраціи и полиціи, надѣясь при помощи этихъ орудій добиться подчиненія и покорности клерикальныхъ силъ. Республиканскіе вожди не замѣчаютъ, что самая задача поставлена невѣрно и потому должна неизбѣжно оказаться неразрѣшимою. Французскія женщины, воспитанныя монахинями, заступаются за своихъ воспитательницъ, за ихъ право учить и воспитывать дальнѣйшія женскія поколѣнія; онѣ смѣло готовы бороться въ защиту этого права, угрожая даже кровавыми жертвами—появленіемъ „женскихъ труповъ" на улицахъ Парижа, какъ заявила одна изъ свѣтскихъ дамъ въ передней Елисейскаго дворца. Это понятно и естественно; но крайне странно то, что республиканское правительство, выдвигающее кавалерію противъ бунтующихъ дамъ и монахинь, не ставитъ предъ собою перваго, простѣйшаго вопроса: что̀ помогутъ строжайшіе законы и всякія принудительныя мѣры, пока фактически масса французскихъ женщинъ будетъ воспитываться въ монастыряхъ, за отсутствіемъ нужнаго количества государственныхъ и общественныхъ женскихъ училищъ? Не слѣдовало ли начать борьбу съ повсемѣстнаго устройства женскихъ учебныхъ заведеній и добавочныхъ элементарныхъ школъ, которыя сдѣлали бы излишнимъ нынѣшнее преобладающее участіе конгрегацій въ дѣлѣ воспитанія и обученія? Закрывать школы нежелательнаго типа, прежде чѣмъ устроены взамѣнъ ихъ другія, лучшія, болѣе приспособленныя къ современнымъ условіямъ и понятіямъ, — значитъ только создавать ненужное раздраженіе въ обществѣ и усиливать нравственное вліяніе гонимыхъ патеровъ и сестеръ монашескихъ орденовъ. Клерикализмъ не искореняется насиліемъ и принужденіемъ; а чтобы подорвать его господство надъ умами значительной части под-

ростающихъ поколѣній, необходимы были бы широкія образовательныя средства, организація которыхъ дѣйствительно достигала бы цѣли и способствовала бы упроченію авторитета республики безъ помощи полицейскихъ и военныхъ мѣропріятій. Въ этомъ направленіи сдѣлано еще очень мало во Франціи, и министерство Комба, увлекаясь легкими внѣшними побѣдами надъ клерикальной оппозиціею, едва ли избѣгнетъ непріятныхъ разочарованій въ ближайшемъ будущемъ.

Новѣйшія правительственныя перемѣны въ Англіи вызваны чисто личными причинами и не имѣютъ большого политическаго значенія. Въ послѣдніе годы лордъ Сольсбери неоднократно выражалъ рѣшимость выйти въ отставку, какъ только позволятъ обстоятельства, и благополучное окончаніе южно-африканской войны дало ему возможность осуществить свое намѣреніе. Достигнувъ преклоннаго возраста—72 лѣтъ, онъ тяготился уже бременемъ власти и почета, и стремился къ заслуженному отдыху отъ государственныхъ дѣлъ и заботъ. Аристократъ по рожденію, глава богатаго и знатнаго дома Сесилей, онъ не былъ по темпераменту человѣкомъ борьбы и никогда не отличался тѣмъ духомъ политической предпріимчивости и энергіи, которымъ до поздней старости удивляли современниковъ Гладстонъ и Биконсфильдъ. Въ молодости, будучи еще лордомъ Сесилемъ, онъ пріобрѣлъ извѣстность талантливаго публициста и обращалъ на себя вниманіе своими остроумными статьями въ „Quarterly Review"; позднѣе, въ качествѣ лорда Кранборна, онъ былъ однимъ изъ видныхъ дѣятелей консервативной партіи въ палатѣ общинъ, а затѣмъ, получивъ по наслѣдству титулъ маркиза Сольсбери, доставилъ этому имени громкую европейскую славу своимъ руководящимъ участіемъ въ управленіи внѣшнею политикою Англіи, въ теченіе многихъ лѣтъ. Какъ ближайшій союзникъ и помощникъ Дизраэли-Биконсфильда, онъ раздѣлялъ его туркофильскія идеи и поддерживалъ ихъ на конференціяхъ въ Константинополѣ и на берлинскомъ конгрессѣ,—не изъ сочувствія къ туркамъ и не изъ презрѣнія къ требованіямъ человѣчности, а изъ убѣжденія въ важности британскихъ интересовъ, требующихъ сохраненія Турціи. Въ политикѣ онъ не признавалъ другихъ принциповъ, кромѣ интересовъ британскаго могущества, и на этой почвѣ онъ сошелся съ бывшимъ радикаломъ и сотрудникомъ Гладстона, Чемберленомъ. Какъ оффиціальный вождь консервативной партіи, онъ способствовалъ постепенному перерожденію ея въ ту смѣшанную уніонистско-имперіалистскую партію, какою она является нынѣ. Съ 1885 года, за исключеніемъ непродолжительныхъ мини-

стерствъ Гладстона и лорда Розбери, онъ тринадцать съ половиною лѣтъ занималъ съ перерывами постъ премьера.

Не только утомленіе дѣлами и разстройство здоровья, но и личные вкусы побуждали лорда Сольсбери искать покоя и уединенія въ роскошномъ Гатфильдскомъ замкѣ; тамъ онъ издавна проводилъ свободные дни и часы въ своей химической лабораторіи, или за книгами, и его всегда тянуло къ умственнымъ и научнымъ занятіямъ, подальше отъ практики жизни. Говорятъ, что лордъ Сольсбери—ученѣйшій спеціалистъ по разнымъ отраслямъ естествознанія; но онъ занимался науками только для собственнаго удовольствія и не дѣлился съ публикою своими выводами и опытами. Еще задолго до введенія электрическаго освѣщенія Гатфильдскій замокъ освѣщался электричествомъ по способу, изобрѣтенному самимъ владѣльцемъ. Руководство государственными дѣлами все болѣе переходило въ руки отдѣльныхъ министровъ, особенно Чемберлена и Бальфура. Старшій сынъ маркиза Сольсбери, лордъ Кранборнъ, выражаетъ взгляды правительства по иностранной политикѣ въ палатѣ общинъ, въ качествѣ товарища министра иностранныхъ дѣлъ, такъ какъ самъ министръ, лордъ Лансдоунъ, принадлежитъ къ палатѣ лордовъ. Пока не возстановленъ былъ миръ въ южной Африкѣ, до тѣхъ поръ имя лорда Сольсбери служило какъ бы гарантіею умѣренности и осторожности въ международныхъ отношеніяхъ Англіи. Но сами англичане, повидимому, смотрѣли на роль его нѣсколько иначе, чѣмъ западно-европейскіе публицисты, предполагавшіе какой-то принципіальный антагонизмъ между премьеромъ и министромъ колоній; англійскіе патріоты просто находили, что лордъ Сольсбери устраняется отъ завѣдыванія дѣлами и предоставляетъ Чемберлену вести имперіалистскую политику, какъ наиболѣе популярную въ странѣ и наиболѣе соотвѣтствующую британскимъ интересамъ. Поэтому извѣстіе объ уходѣ лорда Сольсбери никого не удивило въ Англіи; но нѣкоторое удивленіе или недоумѣніе вызвано было назначеніемъ на его мѣсто Бальфура, очень симпатичнаго „лидера“ консервативнаго большинства палаты общинъ, но слишкомъ скромнаго по дарованіямъ и заслугамъ для занятія поста, который съ такимъ блескомъ занимали Гладстонъ, Биконсфильдъ и Сольсбери.

Почему премьеромъ назначенъ былъ Бальфуръ, а не Чемберленъ, бывшій несомнѣнно душой кабинета лорда Сольсбери,—это становится яснымъ при чтеніи отчета о парламентскомъ засѣданіи, происходившемъ 14 іюля, въ самый день оффиціальнаго возвѣщенія перемѣны въ составѣ кабинета. Когда новый премьеръ появился въ палатѣ общинъ, онъ былъ встрѣченъ продолжительными рукоплеска-

ніями со стороны членовъ всѣхъ партій—консерваторовъ, либераловъ и прогрессистовъ. Глава либеральной оппозиціи, сэръ Кемпбель-Баннерманъ, обратился къ Бальфуру съ горячимъ привѣтствіемъ. „Вмѣстѣ съ своими личными поздравленіями,—сказалъ онъ,—я приношу Бальфуру искреннія выраженія сочувствія отъ всей оппозиціонной партіи и отъ всѣхъ членовъ палаты, къ какой бы политической фракціи они ни принадлежали. Мы единодушно желаемъ ему успѣха какъ въ образованіи правительства, которымъ онъ призванъ руководить, такъ и въ направленіи, которое онъ сообщитъ дѣламъ страны". Выразивъ благодарность палатѣ и особенно оппозиціи, которая, „осуждая его политику, никогда не имѣла повода считать его своимъ врагомъ", Бальфуръ произнесъ похвальное слово лорду Сольсбери и указалъ на великое значеніе потери, испытываемой страною отъ его отставки. И въ этомъ случаѣ предводитель либеральной партіи обнаружилъ нѣкоторую солидарность съ главою консервативнаго большинства. „Въ дѣлахъ иностранныхъ и во всѣхъ международныхъ вопросахъ, — заявилъ сэръ Кемпбель-Баннерманъ, — лордъ Сольсбери пользовался нашимъ полнымъ довѣріемъ и одобреніемъ, и мы, быть можетъ, даже больше самихъ министровъ сожалѣемъ о томъ, что онъ отнынѣ не будетъ уже участвовать въ совѣтахъ британской имперіи".

Очевидно, сочувственныя заявленія оппозиціи по адресу Бальфура имѣли характеръ демонстраціи противъ Чемберлена: либеральная партія громко выражала свое удовольствіе по поводу устраненія министра колоній отъ кандидатуры на постъ премьера. Въ то же время сожалѣніе оппозиціи о полномъ удаленіи лорда Сольсбери связывается съ намекомъ на то, что отнынѣ Чемберленъ будетъ избавленъ отъ сдерживающаго вліянія авторитетнаго стараго премьера и получитъ гораздо бо̀льшую свободу дѣйствій. Чемберленъ не могъ сдѣлаться главою правительства потому, что онъ возбудилъ противъ себя ненависть либеральной оппозиціи и создалъ себѣ непріятную репутацію за границею. Вполнѣ сознавая эти щекотливыя обстоятельства, онъ охотно подчинился номинальному руководству Бальфура, тѣмъ болѣе что послѣдній былъ всегда восторженнымъ поклонникомъ его талантовъ и стремленій. Выборъ Бальфура не имѣлъ въ себѣ ничего произвольнаго или случайнаго: напротивъ, въ силу старой конституціонной практики, онъ былъ прямымъ кандидатомъ на должность премьера, въ качествѣ оффиціальнаго предводителя большинства въ палатѣ общинъ; но это положеніе его зависѣло отъ того, что глава кабинета принадлежалъ къ другой палатѣ и что Чемберленъ числится либераломъ-уніонистомъ, а не консерваторомъ, и слѣдовательно не могъ претен-

довать на роль вождя консервативной партіи въ парламентѣ. Какъ бы то ни было, перемѣна не касается политики и не окажетъ на нее замѣтнаго вліянія: Бальфуръ останется тѣмъ же номинальнымъ лидеромъ палаты общинъ, какимъ былъ; Чемберленъ будетъ попрежнему давать тонъ британскому имперіализму, а только въ палатѣ лордовъ будетъ въ подобающихъ случаяхъ говорить отъ имени большинства не лордъ Сольсбери, а герцогъ Девонширскій.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 августа 1902.

— Исторія города Москвы. Сочиненіе Ивана Забѣлина, написанное по порученію Московской Городской Думы. Часть первая, съ приложеніемъ древняго плана Кремля. Изданіе Московской Городской Думы. М. 1902.

Не только спеціалисты, но всѣ образованные люди, которымъ не чуждъ интересъ къ русской исторіи, безъ сомнѣнія, съ великимъ удовольствіемъ встрѣтятъ трудъ заслуженнаго писателя, старѣйшаго въ кругу современныхъ русскихъ историковъ. Съ юныхъ лѣтъ его историческія изученія обращались къ Москвѣ: она была для него, истаго москвича, первой представительницей русской старины, и эти впечатлѣнія несомнѣнно много участвовали въ томъ, что вся послѣдующая дѣятельность И. Е. Забѣлина посвящена была русской исторіи. Впослѣдствіи онъ часто возвращался къ судьбамъ именно Москвы, и въ „Исторіи русской жизни" уже намѣчалъ первыя рѣшающія черты ея исторіи, ея возникновенія и будущаго центральнаго политическаго значенія.

Въ предисловіи авторъ разсказываетъ о происхожденіи своего труда. Первая мысль о необходимости имѣть „подробное историческое описаніе города Москвы" заявлена была въ московской городской думѣ Н. А. Найденовымъ еще въ 1877 году; дѣло велось „неторопливо"— составлена была коммиссія, которой поручено было разсмотрѣть вопросъ и представить докладъ. Не ближе какъ въ 1880 г. коммиссія (въ которой участвовалъ между прочимъ Иванъ Аксаковъ) представила этотъ докладъ, и въ началѣ 1881 года московская дума поручила исполненіе историческаго описанія Москвы г. Забѣлину. Лучшаго выбора она конечно сдѣлать не могла.

Коммиссія, опредѣлившая требуемый составъ историческаго описанія, на первомъ планѣ указывала, что „первымъ дѣломъ этого пред-

пріятія должно быть собраніе и разработка еще ни кѣмъ не тронутаго архивнаго матеріала съ составленіемъ надлежащей программы для предстоящихъ работъ".

Для каждаго серьезнаго изслѣдователя то и другое подразумѣвалось само собой; но пунктуальное исполненіе перваго требованія грозило превратить „историческое описаніе Москвы" въ одну опись ея архивовъ, которые конечно громадны. Г. Забѣлинъ составилъ чрезвычайно обстоятельную программу своего предполагаемаго труда и, приступивъ къ исполненію требованія коммиссіи, въ 1884 и 1891 издалъ первую и вторую часть „Матеріаловъ для исторіи, археологіи и статистики города Москвы"—всего до 200 печатныхъ листовъ! Кому нѣсколько извѣстно, что̀ значитъ работа надъ архивнымъ матеріаломъ, „еще никѣмъ не тронутымъ", тотъ пойметъ, какую массу труда представляетъ эта цифра; продолженіе работы въ томъ же направленіи обѣщало конечно еще многія сотни печатныхъ листовъ...

Къ счастію, г. Забѣлинъ нашелъ нужнымъ измѣнить направленіе своей работы. Какъ ни важно описаніе архивныхъ матеріаловъ, оно вовсе не давало исторіи, а именно исторія,—хотя бы съ менѣе детальнымъ архивнымъ матеріаломъ,—составляла бы желательный и для города Москвы и для всѣхъ любителей русской исторіи трудъ изъ рукъ такого глубокаго знатока и искуснаго повѣствователя, какъ И. Е. Забѣлинъ.

Въ предисловіи читаемъ, что послѣ изданія упомянутой второй части „Матеріаловъ"—„редакторъ пришелъ къ убѣжденію, что дальнѣйшее ихъ изданіе съ бо̀льшею экономіею и пользою должно составляться *въ обработанномъ видѣ*, т.-е. въ извлеченіяхъ только однихъ фактическихъ свѣдѣній, устраняя канцелярскія формальности, которыя безпрестанными повтореніями одного и того же и разныхъ титуловъ напрасно обременяютъ содержаніе старинныхъ бумагъ. При этомъ и фактическія свѣдѣнія должны группироваться или подбираться въ отдѣлы, указанные программою". Понятно, что такое собираніе матеріаловъ должно потребовать „премного времени".

Наконецъ, въ ожиданіи достаточнаго накопленія этихъ матеріаловъ, авторъ приступилъ къ изложенію самой исторіи города Москвы.

„Эта задача по своему содержанію столь обширна, разнообразна и сложна и настолько мелочна въ своей обработкѣ, что выполнить ее въ желанномъ порядкѣ возможно только въ теченіе долгаго времени, главнымъ образомъ по той причинѣ, что не существуетъ полныхъ подробныхъ источниковъ, и исторію приходится собирать по крупицамъ, разсѣяннымъ въ множествѣ книгъ и рукописей, не говоря объ архивномъ матеріалѣ, гдѣ и самыя крупицы добываются съ утратою премногаго времени".

Этимъ авторъ и объясняетъ, что книга выходитъ гораздо позднѣе, чѣмъ онъ предполагалъ... Тѣмъ не менѣе, взглянувъ на содержаніе этой первой книги „Исторіи", надо по истинѣ удивляться громадному труду, какой исполненъ авторомъ.

Г. Забѣлинъ приступалъ къ своему труду съ привычными пріемами знатока дѣла. Онъ ознакомился съ этими пріемами уже давно, полъ-вѣка назадъ, когда началъ свои изысканія о „Домашнемъ бытѣ русскихъ царей и царицъ". Теперь задача была сложнѣе, но выросъ и богатый опытъ изслѣдователя.

Программа, которую нѣкогда составилъ г. Забѣлинъ и которую теперь исполняетъ въ своей книгѣ, чрезвычайно обширна и разнообразна: вообще, это—исторія города, какъ жилища, со всѣми подробностями его созиданія и топографіи,—и исторія самихъ жителей, его домовладѣльцевъ, оставившихъ имя въ исторіи не только Москвы, но и государства; исторія бытовыхъ нравовъ и обычаевъ, связанныхъ съ мѣстностями или „урочищами", и т. д. „Авторъ имѣлъ въ виду,— говоритъ г. Забѣлинъ,—основныя указанія составленной имъ программы и потому вдавался по мѣстамъ во многія мелочныя статистическія и бытовыя подробности, опредѣлявшія характеръ излагаемыхъ фактовъ или событій. Такія подробности, хотя и обременяютъ теченіе рѣчи, но зато всегда болѣе или менѣе ярко окрашиваютъ бытъ населенія.—Исторію города сооружали люди, поэтому объ нихъ больше, чѣмъ о стѣнахъ и разныхъ постройкахъ, долженъ говорить и историкъ. Вотъ основанія, почему авторъ отдѣлилъ не малое мѣсто и для біографіи домовладѣльцевъ"... Понятно само собою, что эти подробности придадутъ только наглядности и жизненности разсказу о старомъ бытѣ: домовладѣльцы, „дворы" которыхъ описываются въ книгѣ, были напримѣръ, кромѣ дворцовъ царскихъ и княжескихъ, дворы Морозовыхъ, Годуновыхъ, Шуйскихъ, Трубецкихъ, Богдана Бѣльскаго, Стрешневыхъ, далѣе патріаршій дворъ, подворья архіерейскія и монастырскія, и пр. Описывая патріаршій дворъ, авторъ даетъ при этомъ и черты патріаршаго быта.

Общій планъ описанія, въ вышедшемъ теперь томѣ, есть историко-топографическій. Авторъ начинаетъ, какъ и естественно, съ самаго основанія города, приводитъ первыя лѣтописныя упоминанія, объясняетъ историческія и народно-бытовыя условія, которыя повели къ возникновенію города въ новомъ мѣстѣ, гдѣ ему суждено было пріобрѣсти господствующее политическое и національное значеніе. Затѣмъ, авторъ переходитъ къ описанію Кремля, даетъ исторію его созиданія; излагаетъ судьбу его памятниковъ, и т. д.; переходитъ потомъ къ послѣдовательному описанію отдѣльныхъ мѣстностей, улицъ— съ главными „дворами", которыя на нихъ помѣщались, и т. д. Исто-

рію Спасскаго моста авторъ доводитъ почти до нашего времени, описывая, напр., и его книжную народную торговлю, и т. д.

Нельзя не привѣтствовать съ самымъ теплымъ сочувствіемъ этого новаго труда почтеннаго писателя, въ которомъ Москва находитъ своего достойнаго историка. Книга его представитъ живѣйшій интересъ для москвичей, которымъ знакомы всѣ главныя мѣста города,—и для тѣхъ, кто нѣсколько знакомъ съ Москвой; но затѣмъ, книга исполнена интереса для всѣхъ, кто неравнодушенъ къ своей исторіи: книга И. Е. Забѣлина есть не только спеціальное описаніе города, это—чрезвычайно характерный эпизодъ цѣлой русской исторіи.

Мы прибавили бы одно желаніе. Для книги необходимы иллюстраціи: несомнѣнно богатый запасъ ихъ (въ видѣ старыхъ гравюръ и иныхъ изображеній) имѣется во владѣніи, или въ памяти, самого автора и въ московскихъ книгохранилищахъ, музеяхъ, частныхъ собраніяхъ,—и столь широко задуманное описаніе Москвы даетъ особый, единственный, поводъ собрать эти остатки старины. Это было бы достойное завершеніе предпріятія московской Городской Думы.— А. П.

— А. Никольскій. Земля, община и трудъ. Особенности крестьянскаго правопорядка, ихъ происхожденіе и значеніе. Спб. 1902.

Сочиненіе г. Никольскаго написано въ томъ гладкомъ, спокойномъ и увѣренномъ стилѣ, какимъ пишутся оффиціальныя бумаги въ министерскихъ канцеляріяхъ: предметъ разсмотрѣнъ обстоятельно, съ различныхъ сторонъ, съ приведеніемъ всевозможныхъ общихъ и высшихъ соображеній, съ указаніемъ подходящихъ къ дѣлу законовъ и съ точною формулировкою желательныхъ преобразованій. Жаль только, что авторъ не успѣлъ ознакомиться съ дѣйствительнымъ положеніемъ вещей и принялъ обычную канцелярскую фразеологію за выраженіе безспорныхъ истинъ. Повидимому, онъ разсуждаетъ правильно и здраво; но исходная точка его никуда не годится.

Говоря очень много о необходимости примѣненія къ крестьянскому быту „общихъ гражданскихъ законовъ страны", г. Никольскій предполагаетъ, что эти законы у насъ существуютъ, именно въ десятомъ томѣ свода законовъ, представляя собою *„итогъ тысячелѣтней работы русскаго народа* въ сферѣ правосознанія". Увы, авторъ не знаетъ, что нашъ десятый томъ есть только плохая компиляція случайныхъ и разрозненныхъ указовъ, источники которыхъ рѣдко восходятъ далѣе XVIII вѣка,—отчасти же продуктъ заимствованій и переводовъ (притомъ иногда ошибочныхъ), преимущественно съ нѣмецкаго, — итогъ

неумѣлаго сочинительства подъячихъ, которое просто смѣшно припутывать къ „тысячелѣтней работѣ русскаго народа въ области правосознанія". Содержаніе десятаго тома не только не имѣетъ ничего общаго съ вѣковыми народными понятіями о правѣ, но и прямо противорѣчитъ имъ, по своему узкому канцелярскому формализму, исключительному уваженію къ буквѣ и формѣ, обилію мелочныхъ правилъ о второстепенныхъ предметахъ (напр., о подрядахъ и поставкахъ) и полному отсутствію какихъ бы то ни было постановленій о важнѣйшихъ явленіяхъ и особенностяхъ народной хозяйственной жизни. Автору, конечно, извѣстно, что у насъ давно уже вырабатывается проектъ новаго гражданскаго уложенія, взамѣнъ десятаго тома, оффиціально признаннаго несостоятельнымъ; и если г. А. Никольскій считаетъ этотъ десятый томъ „продуктомъ тысячелѣтней работы русскаго народа въ области правосознанія", то онъ долженъ былъ бы прежде всего возстать противъ святотатственнаго посягательства на это драгоцѣнное національное сокровище. Онъ не дѣлаетъ этого,—быть можетъ, изъ боязни разсмѣшить нашихъ юристовъ, или изъ уваженія къ министерству юстиціи и къ тѣмъ сенаторамъ и членамъ государственнаго совѣта, которые заняты выработкою новаго гражданскаго кодекса; а вѣрнѣе всего, онъ ничего не думалъ, употребляя громкія фразы объ общихъ гражданскихъ законахъ. Впрочемъ, ему представляется почему-то, что новое гражданское уложеніе будетъ только передѣлкою, исправленнымъ и дополненнымъ изданіемъ десятаго тома; оно можетъ—говоритъ онъ—„внести многія существенныя улучшенія и дополненія..., но не можетъ положить въ основу гражданскаго оборота какія-либо иныя начала, чѣмъ какія приняты въ Х-мъ томѣ". Этимъ же, по мнѣнію автора, объясняется то обстоятельство, что составители новаго кодекса совершенно оставляютъ въ сторонѣ крестьянскія отношенія, построенныя на общинныхъ началахъ, а „имѣютъ въ виду исключительно ту часть населенія, которая живетъ по Х тому". Общинныя начала чужды и непонятны образованному классу; они несовмѣстимы съ основами всего нашего гражданскаго быта—свободою личности и индивидуальною собственностью, и составлять законы для общины было бы для насъ „все равно, какъ еслибы христіанинъ взялся составить символъ вѣры для магометанъ" (стр. 78). „Съ Х томомъ—увѣряетъ г. Никольскій—мы сростаемся съ первыми проблесками сознанія" (стр. 77); и не будь общины, искусственно введеной въ жизнь крестьянства цѣлымъ рядомъ узаконеній, тотъ же благодѣтельный десятый томъ имѣлъ бы полное примѣненіе среди всей народной массы: не было бы тогда нынѣшняго обособленія и отчужденія крестьянства отъ другихъ классовъ населенія, и намъ не грозили бы ужасныя послѣдствія этой раздвоенности.

Мы подозрѣваемъ, однако, что авторъ, сросшійся, по его выраженію, съ X томомъ, „съ первыхъ проблесковъ сознанія", имѣетъ лишь весьма смутное представленіе объ этомъ дѣйствующемъ у насъ сводѣ гражданскихъ законовъ. Стоило бы только г. Никольскому перейти отъ общихъ неопредѣленныхъ разсужденій къ реальной сторонѣ вопроса и заглянуть въ любой отдѣлъ десятаго тома съ точки зрѣнія примѣнимости его къ крестьянскому быту, и онъ тотчасъ же самъ замѣтилъ бы несообразность своей основной идеи. Подумалъ ли онъ, напр., какъ примѣнить къ народнымъ условіямъ жизни существующія правила о благопріобрѣтенныхъ и родовыхъ имуществахъ, о порядкѣ наслѣдованія и т. п.? Находитъ ли онъ, что и у крестьянъ вдова должна получать послѣ мужа „изъ недвижимаго имѣнія седьмую часть, а изъ движимаго—четвертую"? Затѣмъ, какъ регулировать сельскія арендныя и прочія земледѣльческія отношенія по десятому тому, когда о нихъ ничего не сказано въ нашихъ „общихъ гражданскихъ законахъ"? Объ этихъ земледѣльческихъ отношеніяхъ имѣются цѣлые обстоятельные отдѣлы въ иностранныхъ кодексахъ, напр., въ кодексѣ Наполеона,—а у насъ они вовсе не предусмотрѣны десятымъ томомъ.

Намъ не разъ уже приходилось указывать на уважительныя причины этихъ пробѣловъ нашего гражданскаго законодательства: десятый томъ составился въ эпоху крѣпостного права и приспособленъ къ потребностямъ только высшихъ и среднихъ сословій--помѣщиковъ, чиновниковъ, купцовъ и мѣщанъ; поэтому, вопреки „глубокому убѣжденію" г. А. Никольскаго, онъ не заключаетъ въ себѣ „общихъ гражданскихъ законовъ страны" и не имѣетъ въ виду имущественныхъ отношеній огромнаго большинства народа, такъ какъ самое сословіе свободныхъ сельскихъ обывателей не существовало при изданіи десятаго тома. Такимъ образомъ все краснорѣчіе г. Никольскаго на тему о превосходствѣ нашихъ общихъ гражданскихъ законовъ надъ обычнымъ правомъ крестьянъ и о непремѣнной обязательности для послѣднихъ десятаго тома оказывается совершенно безсодержательнымъ и безцѣльнымъ.

Что касается того, что будто бы нельзя составлять законы для отношеній, чуждыхъ намъ по своей основѣ, то достаточно напомнить выработанные уже проекты законовъ объ артеляхъ: артельный духъ столь же несвойственъ образованному классу, какъ общинный, и тѣмъ не менѣе оказалось вполнѣ возможнымъ установить опредѣленныя правила объ артеляхъ. Самъ же авторъ утверждаетъ, что общинные порядки созданы законодательствомъ и администраціею, и слѣдовательно они могутъ быть также регулированы закономъ во всѣхъ подробностяхъ, ибо устанавливать законодательныя правила объ из-

вѣстномъ предметѣ, на основаніи имѣющагося фактическаго матеріала,—это вовсе не то же самое, что составлять „символъ вѣры".

Предположеніе автора, что крестьянство не знаетъ личной собственности и усвоило превратные и опасные взгляды подъ вліяніемъ общины, легко опровергается простѣйшими, общедоступными фактами: кромѣ мірскихъ земель, у крестьянъ имѣются и купленные участки, которыми они располагаютъ на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и владѣльцы изъ другихъ классовъ общества. Мірская земля есть также собственность опредѣленнаго сельскаго общества, и крестьяне никогда не смѣшаютъ своихъ общинныхъ земель съ чужими, сосѣдними. Крестьянство стоитъ несравненно ближе къ самому источнику собственности, чѣмъ такъ называемое образованное общество, питающееся казенными окладами, биржевыми спекуляціями или доходами съ случайно доставшихся капиталовъ и имѣній; крестьяне-общинники проникнуты крайнимъ уваженіемъ даже къ завѣдомымъ хищникамъ и нисколько не сомнѣваются въ правѣ собственниковъ взимать какіе угодные платежи за денежныя ссуды или за отдачу нужнаго куска земли въ аренду. А г. Никольскій увѣренъ, что въ народѣ зрѣютъ опасные зачатки разрушительнаго соціализма, такъ какъ условія и порядки общиннаго быта даютъ понятіе будто бы только о собственности общей, а не индивидуальной. Ему кажется, что онъ „отчасти раскрылъ тѣ перспективы, которыя сулитъ въ будущемъ окончательное обособленіе крестьянства". „Разумъ, совѣсть и патріотическое чувство—говоритъ онъ далѣе—глубоко возмущаются при одной мысли, что эти печальныя перспективы когда-нибудь могутъ стать дѣйствительностью". Въ одномъ мѣстѣ упоминаются и „пресловутыя басни о черномъ передѣлѣ" (стр. 167); но авторъ долженъ былъ бы знать, что эти басни возникаютъ не вслѣдствіе непониманія правъ частной поземельной собственности, а подъ вліяніемъ стариннаго убѣжденія, что верховное право на землю принадлежитъ государству и что царская власть всегда можетъ устроить новое распредѣленіе земель. Очевидно, этотъ взглядъ не имѣетъ никакой связи съ общиною и держится по традиціи при всякомъ поземельномъ строѣ.

Г. Никольскій смотритъ очень мрачно на крестьянство съ высоты своего культурнаго пьедестала. Сельскій „міръ", которому подчинены отдѣльные крестьяне, „такъ же теменъ, какъ и вся сельская масса, но при этомъ лишенъ чувства нравственной отвѣтственности и порядочности и сплошь и рядомъ болѣе чѣмъ доступенъ самымъ дряннымъ вліяніямъ, особенно когда проводникомъ послѣднихъ является достаточное количество зелена-вина. Многочисленные факты изъ сельской хроники, оффиціальнымъ путемъ удостовѣренные и зарегистрированные, рисуютъ такія невѣроятныя, истинно варварскія отно-

шенія сельскаго міра къ слабѣйшимъ своимъ членамъ—вдовамъ, сиротамъ и т. д., что становится стыдно, не за крестьянъ конечно,—они темные и безпомощные люди,—а за нашу образованность и культуру, которыя могутъ уживаться бокъ-о-бокъ съ этимъ царствомъ тьмы, матеріально и нравственно порабощающимъ десятки милліоновъ русскихъ людей" (стр. 76—77). Можно бы подумать, что въ томъ „царствѣ свѣта", въ которомъ пребываетъ авторъ, ничего не слышно о слабости къ вину и къ картамъ, о страсти къ наживѣ, о распущенности нравовъ, о разныхъ „дрянныхъ вліяніяхъ", пускаемыхъ въ ходъ для пріобрѣтенія матеріальныхъ выгодъ, наконецъ о многочисленныхъ „невѣроятныхъ" фактахъ, попадающихъ иногда въ уголовную хронику. Люди, живущіе по X тому, вполнѣ сознаютъ свою порядочность и нравственную отвѣтственность, а милліоны нашихъ крестьянъ представляютъ собою темное, безсознательное „быдло": таковъ взглядъ г. А. Никольскаго. Но вотъ какъ разсуждаетъ человѣкъ, принадлежащій тоже къ культурному классу и имѣвшій случай на дѣлѣ изучить крестьянскій бытъ, въ качествѣ уѣзднаго предводителя дворянства,—и притомъ юристъ по образованію, знакомый съ X томомъ не по наслышкѣ только. „Если всмотрѣться поближе въ эти рѣшенія (волостныхъ судовъ), вдуматься въ нихъ,—говоритъ графъ Э. П. Беннигсенъ,—то за исключеніемъ, конечно, тѣхъ изъ нихъ, которыя постановлены явно неправосудно, нельзя не придти къ заключенію, что примѣненіе при разрѣшеніи ихъ нормъ закона дало бы безусловно нежелательные результаты. Нашъ X томъ настолько далеко стоитъ отъ жизни, предписанія его такъ формальны и часто случайны и безсистемны, что примѣненіе его къ крестьянской жизни ничего кромѣ зла не принесло бы". Начало справедливости „лежитъ въ глубинѣ всѣхъ рѣшеній волостныхъ судовъ и служитъ тѣмъ кодексомъ, изъ котораго они почерпаютъ мотивы для обоснованія ихъ. И если волостному суду и предстоитъ быть реформированнымъ, то это начало, по моему глубокому убѣжденію, безусловно должно быть для него сохранено и будетъ всегда служить залогомъ того, что судъ этотъ никогда не окажется чуждымъ жизни и имѣющимъ дѣло не съ нею, а съ какими-то абстракціями кабинетнаго мышленія. Я думаю, что многіе, принимавшіе участіе въ засѣданіяхъ уѣздныхъ съѣздовъ, согласятся со мною, что совершенно иначе чувствуешь себя, когда разсматриваются дѣла волостныхъ судовъ, или же земскихъ начальниковъ и городскихъ судей. При разборѣ первыхъ сознаешь себя господиномъ положенія, имѣющимъ право постановить рѣшеніе сообразно тому, что̀ по дѣлу выяснится по глубокому убѣжденію совѣсти своей; при разборѣ же вторыхъ это сознаніе пропадаетъ, и начинаешь испытывать какое-то непріятное ощущеніе, что вотъ изъ глубины дѣла вынырнетъ не-

счастная 409-ая статья устава гражданскаго судопроизводства или какая-нибудь другая, столь же враждебная свободному убѣжденію, и прощай тогда всѣ мечты о высокомъ назначеніи судьи, призваннаго, какъ говорятъ, водворять справедливость на землѣ, а въ дѣйствительности часто исполняющаго лишь функціи какой-то машины по подъисканію наиболѣе подходящихъ къ данному случаю статей закона. Вполнѣ возможно при этомъ, что понятія о справедливости окажутся различными въ разныхъ мѣстахъ имперіи..., но вѣдь и въ современномъ нашемъ писанномъ законѣ можно указать на такія же противорѣчія... Противорѣчія безусловно будутъ, но противорѣчія, объясняемыя вполнѣ мѣстными особенностями и нисколько дѣлу правосудія не вредящія, такъ какъ они не будутъ идти въ разрѣзъ съ правосознаніемъ народа, что часто замѣчается въ настоящее время при примѣненіи X тома". Въ заключеніе гр. Беннигсенъ высказываетъ „свою глубокую увѣренность въ томъ, что въ нашемъ волостномъ судѣ есть всѣ задатки для того, чтобы стать истиннымъ выразителемъ народнаго правосознанія и вмѣстѣ съ тѣмъ стать такимъ судомъ, который осуществилъ бы всѣ завѣты Царя-освободителя о судѣ скоромъ, правомъ и милостивомъ" [1]).

Нѣкоторыя утвержденія г. А. Никольскаго могутъ быть отмѣчены лишь въ видѣ курьеза: такъ, многіе законы о крестьянахъ за послѣднее двадцатилѣтіе издавались будто бы подъ вліяніемъ „народническаго направленія" нашей интеллигенціи! „Словомъ, въ общемъ результатѣ народническое направленіе нашего интеллигентнаго общества закрѣпило (!) тѣ особенности крестьянскаго благоустройства, которыя положеніемъ 19 февраля были установлены лишь въ качествѣ временнаго порядка..." (стр. 132—133). Чтобы „народническое направленіе" обладало такою властью и подчинило себѣ министерства, государственный совѣтъ и правительствующій сенатъ,—объ этомъ, конечно, никто не слыхалъ, кромѣ г. А. Никольскаго.

Въ самомъ началѣ своей книжки авторъ говоритъ слѣдующее: „Мы по праву гордимся тѣмъ, что крестьяне у насъ получили волю съ землею. Принципъ „земельнаго обезпеченія" или такъ называемое „право на землю"—наше самобытное установленіе, тѣмъ болѣе достойное удивленія и уваженія, что оно выработано и проведено въ жизнь при ближайшемъ дѣятельномъ участіи земельнаго дворянства, которое до реформы 19 февраля 1861 г. было полноправнымъ собственникомъ всей земли, поступившей въ надѣлъ освобожденнымъ крестьянамъ. Едва ли это не безпримѣрный фактъ въ исторіи,—пусть оправдывае-

---

[1]) Къ вопросу о пересмотрѣ законодательства о крестьянахъ, гр. Э. П. Беннигсена. Спб. 1902, стр. 56—63.

мый условіями возникновенія у насъ крѣпостного права, но при всемъ томъ для дворянства, современнаго реформѣ, бывшій проявленіемъ высокаго самопожертвованія и великодушія". Г. Никольскій забылъ здѣсь объ одномъ весьма существенномъ обстоятельствѣ—о выкупныхъ суммахъ, полученныхъ помѣщиками отъ государственнаго казначейства за надѣльныя крестьянскія земли, большею частью по преувеличенной оцѣнкѣ, и о выкупныхъ платежахъ, понынѣ уплачиваемыхъ крестьянами въ погашеніе этого долга казнѣ. Уступка земли за хорошую цѣну никогда еще не считалась доказательствомъ высокаго самопожертвованія и великодушія и вовсе не означаетъ признанія „такъ-называемаго права на землю", тѣмъ болѣе, что земля продавалась тѣмъ самымъ крестьянамъ, которые раньше владѣли ею фактически, иногда въ теченіе длиннаго ряда поколѣній.

По словамъ автора, цѣлью крестьянской реформы было—„создать свободный классъ земледѣльцевъ-собственниковъ, равноправныхъ гражданъ земли русской", а благодаря укрѣпленію общинныхъ порядковъ крестьянство не могло воспользоваться дарованными имъ правами свободы и собственности, получивъ обособленное существованіе внѣ общихъ гражданскихъ законовъ. Объ этой обособленности авторъ высказывается въ тонѣ патріотической скорби, съ чувствомъ страха за будущее; но онъ видитъ источникъ обособленія не тамъ, гдѣ его слѣдовало искать: еслибы онъ вспомнилъ, что съ „людей X тома" не взимаютъ налоговъ и платежей, превышающихъ ихъ доходы, и не продаютъ имущества на уплату податей, то онъ вѣроятно съ меньшимъ паѳосомъ громилъ бы крестьянскую общину и не сталъ бы искать спасенія въ X томѣ и въ общихъ гражданскихъ законахъ.

Заключительный практическій выводъ г. Никольскаго поражаетъ своимъ явнымъ несоотвѣтствіемъ всему содержанію книжки: вмѣсто упраздненія общины предлагается лишь „предоставленіе отдѣльнымъ домохозяйствамъ права выдѣла полевой надѣльной земли изъ общиннаго землевладѣнія въ участковое, т.-е. возстановленіе того права, которое условно давалось крестьянамъ статьею 165 положенія о выкупѣ и отмѣнено закономъ 14 декабря 1893 года". „Кто хочетъ хозяйственной самостоятельности, пусть выдѣляется; кто предпочитаетъ остаться участникомъ общиннаго землевладѣнія, пусть остается имъ. Вотъ и вся реформа. Никакой ломки, никакого насилія, а лишь устраненіе существующаго насилія" (стр. 193—194). Для чего же долженъ былъ служить грозный обвинительный актъ противъ общины, составленный съ такимъ апломбомъ и въ такомъ категорическомъ тонѣ? Не странно ли возлагать какія-то надежды на возстановленіе права выдѣла, существовавшаго до 1893 года и не приведшаго, однако, къ разложенію общины? Авторъ какъ будто почувствовалъ въ

концѣ неувѣренность въ правильности своихъ посылокъ или усомнился вообще въ своей компетентности по данному вопросу,—иначе трудно объяснить его неожиданно мягкое и снисходительное къ крестьянству предложеніе, основанное, впрочемъ, на явномъ незнакомствѣ съ мотивами закона 14 декабря 1893 года.— Л. С.

— Д. Н. Вергунъ. Червонно-русскіе отзвуки. Львовъ, 1901.

Стихотворенія г. Вергуна (извѣстнаго въ качествѣ издателя „Славянскаго Вѣка") изданы кружкомъ галицко-русскихъ студентовъ во Львовѣ. Цѣлью изданія было, по словамъ ихъ, желаніе „доказать, что Червонная или Галицкая Русь производитъ не однихъ только „украинофильскихъ" или „русько-украиньскихъ" поэтовъ, пишущихъ на языкѣ Шевченка, но и пѣвцовъ общерусскихъ, выливающихъ свои звуки (?) и на языкѣ Пушкина и Гоголя".

Издатели извиняютъ недостатокъ чистоты его русскаго языка условіями его школы, которая отъ элементарнаго ученія до университета была то польская, то нѣмецкая (за невозможностью пройти школу русскую). При всемъ томъ онъ овладѣлъ русскимъ языкомъ, и его книжка можетъ служить доказательствомъ, что „усвоеніе общерусскаго литературнаго языка вовсе не трудно для галицкаго малоросса, хотя бы ему и не приходилось жить въ Россіи, а въ уголкѣ русской земли, гдѣ каждая общерусская книжка считается чуть ли не клеймомъ государственной измѣны Австріи". Издатели припоминаютъ, что въ началѣ самого Гоголя обвиняли въ плохомъ знаніи русскаго языка, —что̀ однако не помѣшало ему стать потомъ образцовымъ русскимъ писателемъ,—и признаютъ за галицкимъ писателемъ „неоспоримое право вносить въ общерусскій литературный языкъ и свои мѣстные червонно-русскіе, карпатскіе обороты"...

Галицко-русская литература,—съ ея рѣзкимъ дѣленіемъ на общерусскую и „украинскую" школу и, среди этого раздора, въ крайне тяжеломъ политическомъ и экономическомъ положеніи самаго галицко-русскаго народа,—при нѣсколько серьезномъ взглядѣ и сочувствіи къ цѣлому положенію этого народа производитъ истинно удручающее впечатлѣніе. Эта отрасль отдѣлилась отъ массы русскаго племени въ концѣ XIV вѣка въ силу политическихъ условій, и снова въ концѣ XVIII-го вѣка, въ эпоху раздѣловъ Польши, оказалась прямо въ неславянскомъ государствѣ, безъ всякой воли самого населенія. Народъ могъ просто ополячиться или онѣмечиться, но этого не случилось, и въ эпоху славянскихъ „возрожденій" въ галицко-русскомъ народѣ пробудился племенной инстинктъ, чувство своей особности и вмѣстѣ

родства съ народомъ русскаго великаго государства. Но исторія такъ развела народы, что возрождавшаяся Галицкая Русь имѣла передъ собой въ Россіи уже двѣ стороны русскаго племени: могущественное русское государство создано было новымъ оттѣнкомъ племени—велико-русскимъ, или „московскимъ", а та Русь древняя, къ которой нѣкогда Галичъ примыкалъ, оказалась Малороссіей,—и въ составѣ политической жизни русскаго государства, какъ и въ составѣ новой широко развившейся культурной жизни и богатой литературы малорусскій элементъ оказался только тѣснымъ провинціализмомъ. Нынѣшнія галицкія „партіи" произошли по существу изъ этого историческаго сюрприза. *Обѣ* имѣютъ свои законныя логическія основанія. Одна мечтаетъ о нравственномъ единеніи съ великимъ родственнымъ народомъ, создавшимъ могущественное государство и богатую литературу, въ надеждѣ найти въ этомъ поддержку своимъ народнымъ стремленіямъ. Другая, находя вѣроятно такую цѣль слишкомъ отвлеченной и неудобоисполнимой, ожидаетъ найти болѣе прочную опору въ солидарности съ ближайшими родичами въ русской Украйнѣ, такъ какъ необходимо поднять непосредственное сознаніе народной массы—на первый разъ ближайшими общими историческими воспоминаніями, и первыми элементарными книжками на понятномъ малорусскомъ языкѣ. То и другое имѣло органическій смыслъ и могло быть благотворно; но требовались большія дарованія и умы, чтобы въ опытахъ сближенія сохранить этотъ органическій смыслъ... Къ сожалѣнію, это не совсѣмъ вышло: обѣ „партіи", каждая съ своей стороны, какъ будто хотѣли *сразу*, безъ предварительной работы установить то сближеніе, о которомъ думали,—что̀ было физически невозможно, потому что предварительная работа было необходима. Партія „общерусская" хотѣла прямо принять нашъ русскій языкъ, но этотъ русскій языкъ (созданный съ конца XVII вѣка, и особенно съ эпохи Петра, сильнымъ литературнымъ движеніемъ, въ которомъ Галицкая Русь не участвовала) былъ въ данную минуту мало доступенъ, а кромѣ того первые начинатели „общерусскаго" направленія были люди старомоднаго, семинарскаго образованія и столь далекіе отъ настоящей русской литературы, что въ эпоху Пушкина, Жуковскаго, Гоголя они перенимали языкъ временъ Ломоносова и Сумарокова—онъ былъ имъ понятнѣе. Съ другой стороны, партія народная, „русско-украинская" предполагала полное тождество русскихъ галичанъ съ нашими украинцами—чего опять не было; жизнь тѣхъ и другихъ, *въ разныхъ государствахъ*, складывалась несходно, и была разница не только въ народной поэзіи (а это могла бы быть наиболѣе однородная почва), но и въ характерѣ литературнаго движенія: наша *малорусская* литература выростала изъ спеціальнаго мѣстно-русскаго положенія вещей и

изображала другой бытъ, чѣмъ бытъ Галицкой Руси. На нашей малорусской, а не на галицкой почвѣ создалась поэзія думъ и поэзія Шевченка: у галичанъ не было непосредственнаго увлекающаго впечатлѣнія малорусскихъ думъ, преданій казачества, и не могло быть настроенія, которое дѣлало бы прямо понятной поэзію Шевченка—то и другое требовало объясненія. (Прибавимъ еще, что обѣ партіи, и „обще-русская", и народная, въ своемъ языкѣ до сихъ поръ не могутъ избавиться отъ полонизмовъ). Наконецъ, двѣ партіи, на которыя дѣлится маленькая галицко-русская литература, рѣзко разошлись не только по взглядамъ литературнымъ, но и по взглядамъ общественно-политическимъ.

Это раздѣленіе силъ, и безъ того немногочисленныхъ, есть конечно явленіе весьма неблагопріятное, особенно, если раздоръ идетъ, и весьма долго, по первымъ вопросамъ самаго существованія литературы и вопросамъ иногда элементарнымъ,—когда рядомъ „врагъ не дремлетъ". Къ числу такихъ элементарныхъ предметовъ раздора принадлежитъ вопросъ о языкѣ: партія „обще-русская" слишкомъ легко смотритъ на возможность общаго введенія въ книгу русскаго языка (сами руководители ея владѣютъ русскимъ языкомъ пока еще довольно плохо); партія „народная" дѣлаетъ ошибку въ другую сторону, преувеличивая необходимость народнаго языка (избѣгая нашего русскаго) даже для книгъ чисто-научнаго характера. Слишкомъ усердные послѣдователи этого послѣдняго взгляда говорили даже, что нашъ русскій языкъ (въ подобныхъ книгахъ!) былъ бы галичанамъ непонятенъ. Еслибы это было дѣйствительно такъ, т.-е. еслибы галичане образованные (способные читать спеціально научныя книги) не понимали русскаго языка, или не захотѣли бы положить на это труда (очень небольшого), это было бы по истинѣ фатально: такимъ людямъ —въ дальнѣйшемъ—оставалось бы превращаться въ поляковъ или въ нѣмцевъ.

Въ подобныхъ условіяхъ дѣятельность галицко-русской литературы становится особенно трудна, и нужно большое дарованіе, чтобы писатель могъ найти широкое признаніе и въ средѣ соотечественниковъ и найти мѣсто въ русской литературѣ. Г. Вергунъ обнаруживаетъ въ своихъ литературныхъ предпріятіяхъ немалую смѣлость: на почвѣ галицко-русской онъ началъ издавать журналъ съ обще-славянской программой (хотя въ газетахъ были довольно странныя разоблаченія о составѣ „обще-славянской" редакціи); теперь онъ выступаетъ во Львовѣ писателемъ обще-русскимъ.

Въ „Отзвукахъ" есть обыкновенныя поэтическія темы, какъ „вешнія вѣянія", „осеннія слезы", „тризна по юности", „лепестки любви", даже „брызги жизни" и т. п.; но есть и спеціальные гражданско-по-

литическіе мотивы,—стихотворенія этого рода собраны въ рубрикахъ: „родныя скорби“, „боевые кличи“, „видѣнія“... Поэтъ исполненъ скорби о бѣдствіяхъ своей родины и угнетеніи народа; онъ питаетъ надежды на лучшія времена, на освобожденіе, даже призываетъ на борьбу, — но его ожиданія и идеалы весьма неясны, и выражены иногда весьма нескладно. Между прочимъ онъ дѣлаетъ вызовъ какимъ-то врагамъ, вспоминаетъ Хмѣльницкаго, казачество, даже Гонту, и вмѣстѣ возлагаетъ надежды на могущество Россіи,—хотя одно съ другимъ очень мало вяжется.

Нѣсколько образчиковъ дадутъ понятіе о поэзіи и о политическихъ идеяхъ г. Вергуна.

Въ отдѣлѣ „учителямъ“ онъ вспоминаетъ и восхваляетъ Пушкина, Лермонтова, Достоевскаго, и здѣсь же находимъ воспоминаніе о князѣ Владимірѣ:

„Тотъ свѣтъ, что Володиміръ князь
по всей Руси зажегъ,
тотъ духъ на нашей родинѣ
давнымъ давно бы могъ
погаснуть, улетучиться (?)...
И въ копоти чужой
не разъ ужъ задыхался онъ...
Но всякій разъ живой
пахнулъ духъ русскій въ нашу Русь,
и ожилъ, не потухъ,
и вспыхнулъ яркимъ пламенемъ
нашъ святорусскій духъ!
Пахнулъ разъ духъ Хмѣльницкаго,
казаковъ удалыхъ,
потомъ и Гонта мстительный
пріободрилъ родныхъ, и т. д.

Придумано не ладно, и сопоставленіе Владиміра-князя и Гонты очень неудовлетворительно даже какъ поэтическая вольность. Кончается такъ:

„И крѣпнетъ Русь Червонная,
и не погибнуть ей,
пока стомилліонная
тамъ Русь стоитъ за ней.
„Едина, недѣлимая“,
храни святой завѣтъ,
стой-стой, непобѣдимая,
и обнови весь свѣтъ!“

Какой завѣтъ и кѣмъ данный, остается неизвѣстно,—неизвѣстно также и отношеніе Россіи къ Руси Галицкой.

Въ стихотвореніи „За Русь“ также высказывается ожиданіе, что освобожденіе придетъ отъ русскаго народа... Между прочимъ:

„Могучъ былъ Римъ—его рабовъ
очеловѣчилъ свѣтъ Христовъ,
но ненасытный *капиталъ* (!)
людей въ ярмо вновь заковалъ...
И кто же имъ вернетъ свободу,
кто правду дастъ людскому роду?
Лишь тотъ народъ, что въ жертву кровь
несетъ за братство, за любовь,
вотъ жребій русскому народу!“

Русскій народъ дѣйствительно проливалъ кровь за братство; но можно ли думать, что это непремѣнно его „жребій“, и затѣмъ, какъ все та же Россія должна будетъ еще спасать славянство (или цѣлое человѣчество?) отъ „капитала“?

Мы опасаемся, что патріотическіе „боевые кличи“ галицкаго поэта кончаются простымъ пустословіемъ.

Здѣсь же, въ „боевыхъ кличахъ“ находимъ „Славянскую стражу на Дунаѣ“. Поэтъ зоветъ славянъ на Дунай, гдѣ „колыбель нашей славы“, гдѣ „гнѣздо славянской державы“, и т. д.: оказывается, что „забыли сыны о Дунаѣ“, но авторъ предполагаетъ, что

„... съ давнихъ временъ,
сзываетъ насъ звонъ
туда, гдѣ Дуная разливы“.

Но когда Дунай былъ „колыбелью нашей славы“, неизвѣстно. Авторъ припоминаетъ только книжническое преданіе о Чехѣ, Ляхѣ и Русѣ, и думаетъ, что этого довольно, чтобы созвать на Дунай славянскую стражу; и далѣе, фактически, уже съ очень древнихъ временъ по крайней мѣрѣ три четверти Дуная вовсе не принадлежали славянамъ. Наконецъ, эта „славянская стража“ очень странно напоминаетъ die Wacht am Rhein. Опять опасаемся, что въ поэзію забралось пустословіе.—Д.

Въ іюлѣ мѣсяцѣ, въ Редакцію поступили нижеслѣдующія новыя книги и брошюры:

Вундтъ, Вильгельмъ.—Введеніе въ философію. Полный переводъ со второго нѣмецкаго изданія Г. А. Котляра подъ ред. проф. кн. С. Н. Трубецкого. Москва. 902. Стр. XIV + 338. Ц. 2 р. 25 к.

Гамицкій, Н. И.—Гг. читателямъ и гг. писателямъ. Спб. 902. Стр. 122. Ц. 50 коп.

Гамбаровъ, П.—Двадцать пять лѣтъ дѣятельности германскаго имперскаго банка (1876—1900). Рига. 902. Стр. XI + 221. Ц. 1 р. 80 к.

Гексли, Т. и *Мартинъ*, Г.—Практическія занятія по зоологіи и ботаникѣ. Москва. 902. (Библ. для самообразованія). Стр. 762. Ц. 3 р. 50 к.

Гофштеттеръ, И.—Пожарно-страховое дѣло въ земскихъ губерніяхъ. Исторія его развитія и современная постановка. Спб. 902. Стр. IX + 299. Цѣна 2 рубля.

Добролюбовъ, В. А.—Ложь гг. Николая Энгельгардта и Розанова о Н. А. Добролюбовѣ, Н. Г. Чернышевскомъ и духовенствѣ. Спб. 902. Стр. 170. Ц. 80 к.

Забѣлинъ, Иванъ.—Исторія города Москвы. Сочиненіе, написанное по порученію Московской городской управы. Часть первая, съ приложеніемъ древняго плана Кремля. Изданіе Московской городской думы. Москва. 902. Стр. XX + 635. (Безъ означенія цѣны).

Загоскинъ, М. Н.—Юрій Милославскій или Русскіе въ 1612 году. Историческій романъ въ трехъ частяхъ. Спб. 902. Стр. 285. Ц. 40 к.

Киплингъ, Р.—По склонамъ нагорья и трущобамъ Калькутты. Перев. съ англ. С. Займовскаго. Кіевъ. 902. Стр. 234. Ц. 65 к.

Конанъ-Дойль, А.—Война въ южной Африкѣ, ея причины и способъ ея веденія. Переводъ съ англійскаго, подъ ред. В. В. Явева. Одесса. 902. Стр. 147. Цѣна 25 коп.

Кривенко, В. С.—На окраинахъ. (Ялта.—Въ Стамбулѣ!—Прикаспійская дорога.—Нѣмой край). Съ иллюстраціями. Спб. 902. Стр. 236. Ц. 1 р. 50 к.

Круксъ, Вильямъ.—О происхожденіи химическихъ элементовъ. (Библіотека для самообразованія). Москва. 902. Стр. 49. Съ рисунками. Ц. 50 к.

Лавриновичъ, Ю. Н.—Образованіе рабочихъ въ Россіи. Спб. 902. (Изд. журнала „Техническое образованіе"). Стр. 26.

Никитинъ, Н. В.—Преступный міръ и его защитники. Съ 11 портретами. Спб. 902. Стр. 295. Ц. 1 р. 50 к.

Никольскій, А.—Земля, община и трудъ. Особенности крестьянскаго правопорядка, ихъ происхожденіе и значеніе. Спб. 902. Стр. XII + 195. Ц. 1 р.

Нордау, Максъ.—Собраніе сочиненій. Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей В. Н. Михайлова. Современные французы. Томъ VI. („Библіотека иностранныхъ публицистовъ". 1902). Кіевъ. 902. Стр. 201. Ц. за 12 томовъ 6 р. съ доставкою и пересылкою.

Оболенскій, Л. Е.—Научныя основы красоты и искусства. (Изъ лекцій, читанныхъ въ „Ecole russe des hautes études sociales" въ Парижѣ 1902 г.). Съ общедоступнымъ этюдомъ по основнымъ даннымъ физіологіи. („Общеобразовательная Библіотека", вып. IV). Спб. 902. Стр. LXXX + 136. Ц. 75 к.

Ожешко, Элиза.—Собраніе сочиненій. Переводъ съ польскаго подъ ред. С. С. Зелинскаго. Т. VI.—I. Прерванная идиллія—II. Тьма. Кіевъ. 902. Стр. 270.

Писаревскій, Б. Е.—Горошки. (Изъ жизни мелкаго муравейника). Одесса. 902. Стр. 245. Ц. 1 р.

Рейсъ, П., проф.—Основы физики, метеорологіи и математической географіи. Перев. съ VI нѣм. изданія П. И. Лурье-Гиберманъ подъ ред. проф. Н. А. Гезехуса. (Безплатное приложеніе къ журналу „Самообразованіе"). Спб. 902.

Ренанъ, Эрнестъ.—Собраніе сочиненій. Перев. съ франц. подъ ред. В. Н. Михайлова. Т. IV. Кіевъ. 902. Стр. 247.

Рожицкій, Ч. К., врачъ. Скелеты характера. Популярный психологическій очеркъ. Житоміръ. 902. Стр. 44. Ц. 50 к.

Серао, Матильда.—Сестра Джіованна. Перев. съ итальянскаго Е. М. Лазаревской. Спб. 902. Стр. 294. Ц. 1 р.

Степановъ, И. и *Базаровъ*, В.—Общественныя отношенія во Франціи XVII и XVIII вѣка(овъ). Составили по Боннемеру, Зеверту, Ковалевскому, Гуго и др. Спб. 902. Стр. 150. Ц. 50 к.

Тезяковъ, Н. Й.—Бесѣды по гигіенѣ въ примѣненіи ея къ народной школѣ. 3-е изд., съ 5 рисунками. Спб. 902. Стр. VIII + 146. Ц. 60 к.

Федорченко, Ив.—Въ чаду мрій. Вирши и писни. Кіевъ. 902. Стр. 72. Ц. 10 к.

Фирсова, Кл. А.—Разсказы. I. Отъ нечего дѣлать. II. Законный бракъ. Кронштадтъ. 902. Стр. 112.

Чайковскій, М.—Жизнь Петра Ильича Чайковскаго. Т. III. Вып. XIX. Стр. 161—240. Изд. П. Юргенсона.

Шараповъ, Сергѣй.—Страда. (Сочиненія, вып. 19, т. VII). Москва. 902. Стр. 80. Ц. 30 к.

John Rhys, and *David Brynmor-Jones*. The Welsh people. Chapters on their origin, history, laws, language, literature and charasteristics. With two maps. Third and revised edition. London. 902. Стр. 678.

— Викъ (1798—1898). Томъ первый. Украиньска поэзія видъ Котляревсього до останнихъ часивъ. Выдання друге, зъ одминамы й додаткамы. Стр. 494 + XI.—Томъ другый. Украиньска проза видъ Квиткы до 80-хъ рокивъ XIX в. Стр. 584.—Томъ третій. Украиньска проза зъ 80-хъ рокивъ XIX в. до останнихъ часивъ. Стр. 566 + II.—Кыивъ, 902.—Ц. каждаго тома 2 р.

— Земство Новгородской губерніи, Устюженскій уѣздъ. Систематическій сборникъ постановленій земскихъ собраній за 35 лѣтъ, съ разъясненіями изъ докладовъ и дѣлъ управы 1865—1899 гг. Подъ редакціей предсѣдателя управы А. М. Колюбакина. Т. I. Народное образованіе Новгородъ. 902. Стр. IX+417.

— Историческій обзоръ дѣятельности Комитета министровъ. Къ столѣтію Комитета министровъ (1802—1902). Т. II. Ч. I. Комитетъ министровъ въ царствованіе императора Николая I (1825 г., ноября 20—1855 г., февраля 18). Стр. IX + 373. Ч. II. Стр. 366. Составилъ С. М. Середонинъ. Изданіе Канцеляріи Комитета министровъ. Съ портретами Спб. 902.

— Обзоръ податного состоянія Курской губерніи за 1900 годъ. Составленъ по отчетамъ податныхъ инспекторовъ. (Изданіе Курской казенной палаты). Курскъ. 902. Стр. III + 119, съ 30 таблицами, 5 сводными табл. и 8 таблицами діаграммъ.

— Собраніе трактатовъ и конвенцій, заключенныхъ Россіею съ иностранными державами. По порученію министерства иностр. дѣлъ составилъ Ф. Мартенсъ. Т. XIII. Трактаты съ Франціею. 1717—1807 Спб. 902. Стр. LXXXVI+338.

— Хозяйственное положеніе района станицъ Баракаевской, Каменномостской и Севастопольской, Кубанской области. Статистико-экономическій очеркъ. Составилъ Л. В. Македоновъ. Воронежъ. 902. Съ діаграммами. Стр. 91.

— 1901 годъ въ сельско-хозяйственномъ отношеніи по отвѣтамъ, полученнымъ отъ хозяевъ. Вып. VI. Спб. 902. (Изд. мин. земледѣлія и госуд. имуществъ). Стр. 388.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I.

Maurice Maeterlinck. Monna Vanna. Pièce en trois actes. Paris, 1902.

Новая драма Мориса Метерлинка, представленная недавно съ большимъ успѣхомъ въ Парижѣ, а затѣмъ въ Лондонѣ, издана теперь отдѣльной книжкой и встрѣчена критикой единодушнымъ хоромъ хвалебныхъ отзывовъ. Метерлинкъ, писавшій до сихъ поръ для обособленнаго кружка цѣнителей его сказочныхъ, мистическихъ туманныхъ произведеній, обращается, такъ сказать, къ большой публикѣ своей новой драмой. За послѣдніе годы Метерлинкъ отошелъ отъ своей первоначальной чисто символической манеры, сталъ моралистомъ, проповѣдующимъ новое отношеніе къ жизни, цѣлительность самоуглубленія, святость чувствъ, скрытыхъ въ глубинахъ молчанія; онъ изучаетъ первоисточники идеи справедливости въ человѣчествѣ, объясняетъ цѣлесообразность и мудрость жизни. Философію свою онъ излагаетъ чрезвычайно ясно, просто, почти наивно вдохновеннымъ поэтическимъ языкомъ. Ту же ясность онъ хочетъ теперь внести и въ художественное творчество:—„Монна Ванна" первый опытъ въ этомъ родѣ. Туманныя принцессы невѣдомыхъ странъ, неземныя чувства, жизнь въ мірѣ предчувствій и тайнъ замѣнены вполнѣ реальными, страстными итальянцами XV вѣка; событія, происходящія въ драмѣ, осязательны и понятны, борьба страстей имѣетъ вполнѣ земной, общечеловѣческій характеръ. Прежнія драмы Метерлинка производили странное впечатлѣніе своей манерной наивностью, повтореніями по нѣскольку разъ однѣхъ и тѣхъ же фразъ;—дѣйствующія лица казались лунатиками, глухими ко всему окружающему, съ трудомъ отрывающимися отъ своей печальной думы, изумленными всѣмъ, что̀ они видятъ и чувствуютъ. Въ „Моннѣ Ваннѣ" отъ всего этого не осталось слѣда. Языкъ драмы—страстный и мощный, поэтичный безъ манерности, выражающій безъ всякой туманности напряженность трагическихъ чувствъ. На этотъ разъ Метерлинкъ создалъ истинно сценическую вещь—драму въ шекспировскомъ духѣ, простую и потрясающую, человѣчную и вмѣстѣ съ тѣмъ выражающую глубокую философскую мысль. Метерлинкъ всегда тяготѣлъ къ Шекспиру—его послѣ первыхъ же драмъ стали называть „бельгійскимъ Шекспиромъ". Одна изъ его раннихъ драмъ, „Princesse

Maleine“ всецѣло состоитъ изъ шекспировскихъ мотивовъ, перенесенныхъ въ міръ мистическихъ грёзъ. Въ „Монна Ванна“, напротивъ того, сюжетъ совершенно оригиналенъ, но манера изображать страсти—шекспировская.

Близость „Монны Ванны“ къ шекспировскимъ драмамъ обусловливается самымъ сюжетомъ. Шекспиръ пользовался въ большинствѣ случаевъ итальянскими новеллами XV вѣка;—сюжетъ „Монны Ванны“ хотя и не взятъ изъ итальянскаго источника, но производитъ впечатлѣніе новеллы Боккачіо. Сѣверный поэтъ создалъ страстную южную легенду совершенно въ духѣ Декамерона. На фонѣ борьбы двухъ городовъ, Флоренціи и Пизы, разыгрывается мрачная семейная драма. Пиза осаждена и погибаетъ, истощивъ запасы оружія и пищи. Она посылаетъ своихъ старѣйшинъ для переговоровъ съ непріятелемъ, но флорентинцы не хотятъ снять осады—въ своей непримиримой злобѣ на Пизу они хотятъ взять ее приступомъ и уничтожить городъ до тла. Но въ самый критическій моментъ посланный къ флорентинцамъ старецъ Марко Колонна, отецъ предводителя пизанцевъ, Гвидо, возвращается съ спасительнымъ предложеніемъ: вождь флорентинцевъ, грозный Принчивалле, согласенъ измѣнить Флоренціи, тайно перейти на сторону Пизы, прислать осажденнымъ обозъ съ припасами и оружіемъ и даже увеличить гарнизонъ осажденнаго города сотней преданныхъ ему, Принчивалле, стрѣлковъ—другими словами, онъ сулитъ вѣрную побѣду потерявшимъ всякую надежду пизанцамъ. Но условія, на которыхъ онъ предлагаетъ свою помощь, такъ страшны, что Марко съ трудомъ рѣшается передать ихъ своему сыну: Принчивалле требуетъ, чтобы жена Гвидо, Монна Ванна, явилась къ нему ночью, нагая, подъ дорожнымъ плащомъ. Стоикъ Марко, гуманистъ, проникнутый идеями греческихъ мудрецовъ, настаиваетъ на принятіи условія Принчивалле; справедливо опасаясь сопротивленія сына, онъ до бесѣды съ нимъ оповѣстилъ о предложеніи флорентинскаго вождя и синьорію, и монну Ванну. Гвидо негодуетъ, отвергаетъ гнусное предложеніе, предпочитаетъ гибель Пизы и собственную смерть,—но ему приходится согласиться на страшную жертву. Начинается борьба двухъ эгоизмовъ: Гвидо не соглашается на позоръ, а пизанцы хотятъ во что бы то ни стало спастись отъ гибели. Эту борьбу разрѣшаетъ чуждая эгоизма монна Ванна: она спокойно заявляетъ, что пойдетъ, и исполняетъ свое рѣшеніе, несмотря на мольбы и даже оскорбленія мужа, который видитъ въ ея готовности измѣну супружеской любви. Но монна Ванна думаетъ только о спасеніи Пизы—и приноситъ себя въ жертву; то, что отъ нея требуетъ Принчивалле, равносильно смерти,—она готова умереть.

Но, явившись въ лагерь флорентинскаго вождя, она видитъ передъ

собой не грубаго варвара, какъ ожидала, а человѣка, котораго знала въ дѣтствѣ; вся его жизнь полна любви къ ней, желанія снова съ ней свидѣться. Она пришла, готовая пожертвовать собой, и твердо заявляетъ о своемъ согласіи на его условія;—тогда на ея глазахъ приготовленный для пизанцевъ огромный обозъ отправляется въ путь—она остается въ палаткѣ Принчивалле. Но съ первыхъ же его словъ она узнаетъ, что онъ ее любитъ, и это даетъ ей власть надъ нимъ. Она для него свята—свиданія съ ней онъ добивался лишь для того, чтобы открыть ей свою любовь. Она уходитъ изъ его палатки такой же гордой и чистой, какъ пришла, и уводитъ Принчивалле съ собой въ Пизу, чтобы спасти ему жизнь: оставшись во Флоренціи послѣ совершеннаго предательства, Принчивалле былъ бы неминуемо казненъ и безъ того озлобленными на него флорентинцами.

Монна Ванна возвращается въ родной городъ при звонѣ колоколовъ, осыпанная цвѣтами. Она сіяетъ радостью и думаетъ только о мужѣ, для спасенія котораго шла на жертву. Гвидо встрѣчаетъ ее мрачный, уничтоженный своимъ воображаемымъ позоромъ,—ее онъ не винитъ, считаетъ ее жертву высокой, но свое отчаяніе онъ побѣдить не можетъ: единственное его утѣшеніе—мысль о мести оскорбителю. Его жена возвращается радостная въ сопровожденіи незнакомца—онъ не хочетъ говорить съ ней въ присутствіи другихъ, не хочетъ, чтобы кто-нибудь злорадствовалъ, видя его горе. Но монна Ванна не позволяетъ удалить незнакомца, говоритъ, что это ея спаситель, что это—Принчивалле. Гвидо сначала внѣ себя отъ радости: онъ предполагаетъ, что жена его задумала страшную месть, лукаво заманила оскорбителя въ лагерь мужа, для того, чтобы предать его позорной казни; убить его въ его палаткѣ, какъ Юдиѳь убила Голоферна, было бы недостаточно — нужно, чтобы его жертвы стали его палачами, чтобы преступленіе его было искуплено небывалыми муками—только тогда торжество мести будетъ полное. Гвидо благословляетъ жену за ея поступокъ, и проситъ всѣхъ не уходить, быть свидѣтелями готовящейся грозной казни. Но монна Ванна спѣшитъ увѣрить Гвидо въ его заблужденіи: Принчивалле не врагъ, а другъ—онъ пощадилъ ее—супруга Гвидо не опозорена. Гвидо не можетъ повѣрить—онъ слишкомъ полонъ предразсудковъ, слишкомъ скованъ обычными представленіями о человѣческихъ чувствахъ, чтобы допустить нѣчто столь непонятное. „Правда должна быть хоть сколько-нибудь человѣчной", говоритъ онъ женѣ въ отвѣтъ на ея увѣренія. „Какъ! Этотъ человѣкъ, который подъ вліяніемъ страстной любви къ тебѣ измѣнилъ отечеству, совершилъ самое гнусное преступленіе для того, чтобы цѣной чести и жизни добиться свиданія съ тобой, не коснулся тебя, въ ночь, проведенную тобой въ его палаткѣ?.." Всѣ, кромѣ старика

Марко, раздѣляютъ сомнѣнія Гвидо:—въ то, что любовь можетъ побѣдить животную страсть, никто не вѣритъ. Пизанцы благодарятъ монну Ванну, спасшую ихъ цѣной своей чести, но всѣ увѣрены, что Принчивалле не пощадилъ ее. Ея страстныя увѣренія въ противномъ внушаютъ Гвидо увѣренность, что она полюбила своего оскорбителя. Онъ такъ жаждетъ знать правду, что обѣщаетъ женѣ мирно отпустить ее вмѣстѣ съ Принчивалле, если она сознается. Онъ хочетъ только добиться истины,—но въ эту истину онъ повѣритъ лишь въ томъ случаѣ, если она совпадетъ съ его ожиданіями и окажется жестокой и страшной для него. Монна Ванна продолжаетъ настаивать на томъ, что сказала правду,—и тогда Гвидо отдаетъ приказъ схватить Принчивалле и пытками заставить его признаться. Чтобы спасти Принчивалле, монна Ванна принуждена прибѣгнуть ко лжи; правда, въ своей простотѣ и чистотѣ, недоступна людямъ, — ложь болѣе человѣчна и правдоподобна. Монна Ванна „сознается", что Принчивалле поступилъ такъ, какъ Гвидо ожидалъ этого, что она привела его съ собой, чтобы убить его медленной смертью, но не хотѣла сказать мужу правду, чтобы не отравить счастья супружеской любви позорными воспоминаніями. Принчивалле принадлежитъ ей, только ей одной и ея гнѣву; она заманила его ласками, и будетъ его тюремщикомъ и палачомъ. Она связываетъ ему руки, говоря ему шопотомъ, что все дѣлается для его спасенія, что она его любитъ и убѣжитъ съ нимъ; затѣмъ она поручаетъ Принчивалле старику Марко, который вѣрилъ, когда она говорила правду, и теперь понимаетъ святость ея лжи; флорентинца уводятъ въ тюрьму и монна Ванна требуетъ, чтобы ключъ отъ тюрьмы ей немедленно принесли, чтобы никто кромѣ нея не имѣлъ доступа къ ея врагу. Гвидо понимаетъ ея жажду мести—онъ спокоенъ и говоритъ нѣжныя слова женѣ. Она лишается чувствъ отъ волненія; придя въ себя, она шепчетъ: „Все прошлое было тяжелымъ сномъ—теперь начинается прекрасное..." Она полюбила Принчивалле такъ же страстно, какъ онъ ее,—и люди научили ее лгать во имя непонятной для нихъ святыни любви.

Самая фабула драмы, какъ видно изъ простого пересказа,—совершенно въ духѣ итальянскихъ средневѣковыхъ новеллъ, служившихъ источникомъ для англійской драмы Елизаветинской эпохи; въ „Моннѣ Ваннѣ" повторяется даже одинъ изъ излюбленныхъ мотивовъ итальянскихъ новеллистовъ—жертва женской стыдливостью во имя человѣколюбія; монна Ванна какъ бы родная сестра милосердной герцогини Годивы, которая согласилась проѣхать черезъ весь городъ нагой, чтобы этимъ смягчить гнѣвъ своего жестокаго мужа, притѣснявшаго подданныхъ. Самоотверженность герцогини вознаграждена тѣмъ, что благодарные за ея заступничество подданные щадятъ ея скромность—

всѣ улицы пусты, всѣ окна и двери наглухо закрыты, когда она проѣзжаетъ на своемъ конѣ, — точно такъ же и монна Ванна встрѣчаетъ вмѣсто предполагаемаго оскорбителя нѣжно и свято любящаго ее человѣка. Сюжетъ „Монны Ванны“ менѣе всего производитъ впечатлѣніе поддѣлки. Напротивъ того, онъ тѣсно слитъ съ идейнымъ содержаніемъ драмы; фантазія поэта создала образы, наиболѣе полно и человѣчно отражающіе мысли моралиста и философа— и въ результатѣ получилась легенда, дышащая прелестью наивнаго средневѣковаго сказанія. Ничего сказочнаго, фантастическаго, какъ въ прежнихъ драмахъ Метерлинка, въ „Моннѣ Ваннѣ“ нѣтъ. Поэтъ рисуетъ живую суровую дѣйствительность той отдаленной поры, когда чувства и страсти были болѣе цѣльными, быть можетъ, зато менѣе сложными, и вносили въ жизнь бо́льшую активность, бо́льшую способность къ подвигамъ. Долгіе вѣка культуры измѣнили человѣчество, развили расположеніе къ созерцательности, къ анализу: страстная мстительность Гвидо и его неумѣніе вдуматься въ чуждую ему психологію, такъ же какъ безотчетный героизмъ монны Ванны и святая любовь пламеннаго Принчивалле кажутся намъ теперь отголосками изъ чуждаго намъ наивнаго міра. Но на фонѣ давно минувшаго поэтическаго прошлаго въ драмѣ Метерлинка выступаютъ вѣчные мотивы душевной жизни, и возсоздавая ихъ со свойственной ему сосредоточенностью, Метерлинкъ даетъ философское освѣщеніе контрастамъ, составляющимъ трагизмъ жизни. Нравоучительная идея его драмы—ея мораль—выступаетъ очень ясно въ поступкахъ монны Ванны и Принчивалле: они учатъ своимъ геройствомъ, что нѣтъ того блага, той святыни, которой отдѣльный человѣкъ не долженъ былъ бы жертвовать, когда это нужно для другихъ—или для другого, потому что только въ взаимодѣйствіи усилій, въ общеніи съ другими, можно стремиться приблизиться къ идеалу добра. Это, казалось бы, противорѣчитъ „культу личности“, индивидуализму, составляющему „credo“ современнаго искусства вообще и Метерлинка въ частности. Но противорѣчіе—только кажущееся: Метерлинкъ и въ „Моннѣ Ваннѣ“ учитъ людей искать истины въ глубинѣ собственнаго сознанія, въ себѣ, а не въ окружающемъ мірѣ. Но здѣсь онъ указываетъ путь, который ведетъ къ наиболѣе высокому проявленію индивидуальности. Путь этотъ— свобода отъ узъ личнаго блага, отрѣшеніе отъ всѣхъ страстей и отъ всѣхъ нравственныхъ переживаній, сковывающихъ стремленіе къ добру. Принчивалле, просвѣтленный любовью, перестаетъ быть рабомъ страсти, отрекается отъ своихъ низменныхъ желаній, думая только о благѣ любимой женщины; монна Ванна изъ любви къ людямъ отказывается отъ наиболѣе святого изъ личныхъ, эгоистическихъ чувствъ— отбрасываетъ, не задумываясь, чувство стыдливости и женской чести.

И оба они въ своемъ геройскомъ самоотверженіи испытываютъ высоту экстаза, недоступнаго честному, благородному, но порабощенному эгоистическими чувствами и предразсудками Гвидо. Когда человѣкъ отрываетъ себя отъ общаго дѣла во имя эгоистическихъ побужденій, хотя бы и весьма благородныхъ, онъ нравственно погибъ: все, что онъ дѣлаетъ, безплодно. Дѣло не всегда идетъ о защитѣ погибающаго города—а иногда о борьбѣ за отвлеченныя нравственныя и религіозныя идеи, но всегда побѣждаютъ лишь умѣющіе слиться съ другими, дѣйствовать сообща, во имя всѣхъ. Таковъ выводъ, къ которому приходитъ Метерлинкъ.

Помимо этой мысли, въ драмѣ Метерлинка есть другая, отмѣченная глубокимъ пессимизмомъ. Въ драмѣ говорится о томъ, какое мѣсто занимаютъ въ жизни правда и ложь. Правда оказывается слишкомъ таинственной въ своей простотѣ—и потому недоступной людямъ. Никто не можетъ повѣрить моннѣ Ваннѣ, что Принчивалле поборолъ соблазнъ страсти, — высокія истины не умѣщаются въ узкихъ рамкахъ жизни, и нуждаются въ прикрытіи лжи. Ложь, къ которой прибѣгаетъ монна Ванна, служитъ орудіемъ высшей правды, даетъ возможность осуществить подвигъ любви. Въ этомъ противопоставленіи условныхъ понятій правды и лжи сказывается прежній Метерлинкъ, отдѣляющій скрытую правду души отъ наслоеній условной морали, въ которой люди привыкли жить. Для него правда—нѣжный цвѣтокъ, расцвѣтающій въ душѣ избранныхъ натуръ и не переносящій соприкосновенія съ внѣшнимъ міромъ. Монна Ванна и Принчивалле — фигуры изъ его прежнихъ символическихъ драмъ, перенесенныя въ реальный міръ, въ жизнь, гдѣ все сводится къ борьбѣ за осязательныя преходящія блага. Въ ихъ душѣ происходятъ событія чисто идеальнаго характера, побѣждаетъ добро, рождается экстазъ, — но когда ихъ чувства вынесены на поверхность жизни, они кажутся ложью, и лишь тогда могутъ одержать побѣду, когда закроются отъ жизни и людей панцыремъ лжи. Метерлинкъ какъ бы даетъ отповѣдь въ „Моннѣ Ваннѣ" критикамъ, упрекавшимъ его въ заоблачности, неопредѣленности и сказочности дѣйствія въ его прежнихъ произведеніяхъ. Онъ показываетъ, что внутренняя правда души можетъ свершить свой полный кругъ лишь будучи отдѣленной отъ условій дѣйствительности: какъ только тѣ же борцы за божественную правду пришли къ людямъ, получилось неминуемое роковое непониманіе—и побѣдила ложь.

По своимъ художественнымъ достоинствамъ новая драма Метерлинка, быть можетъ, одна изъ его самыхъ лучшихъ по яркости и выпуклости характеровъ, по страстности діалога и неотразимому поэтическому обаянію языка. Наиболѣе удачна цѣльная, нѣжная въ своемъ героизмѣ, пламенная въ своей жаждѣ истины героиня. Необыкновенно

хорошъ и Гвидо съ его безпомощнымъ стремленіемъ понять, т.-е. очеловѣчить недоступную ему въ своей божественной простотѣ истину. Отмѣтимъ также старика Марко, напоминающаго мудраго короля Аркеля въ „Пелеасѣ и Мелизандѣ", старца, который ближе къ пониманію истины, потому что онъ ближе къ могилѣ—къ вѣчности.

II.

Gabriele d'Annunzio. Francesca da Rimini (Tragedia). Стр. 290. Milano, Ed. Fratelli Treves, 1902.

Трагическая любовь Паоло и Франчески да-Римини — одинъ изъ самыхъ незабвенныхъ эпизодовъ „Божественной Комедіи", и нѣжный образъ Дантовской героини часто вдохновлялъ художниковъ къ воссозданію его въ живописи, въ музыкѣ. Есть, кромѣ множества разнообразныхъ иллюстрацій къ „Божественной Комедіи", знаменитая картина современнаго англійскаго живописца, Ф. Уотса,—„Paolo and Francesca". Она передаетъ мрачными и въ то же время нѣжными, расплывающимися красками весь паѳосъ сцены, описанной въ 5-й пѣсни Inferno. Есть музыкальныя произведенія на ту же тему, какъ напр., симфонія Чайковскаго „Франческа да-Римини". Въ поэзіи, казалось бы, этотъ сюжетъ исчерпанъ вдохновенными терцинами Данте: въ сжатой передачѣ однихъ только внѣшнихъ событій геніально воплощена исторія двухъ обреченныхъ на гибель душъ, и въ простомъ фактическомъ заявленіи — „Quell'giorno non vi leggiavamo avanti", передана вся сила торжествующей страсти и вся безнадежность порожденной ею скорби.

Данте исчерпалъ лирическій элементъ исторіи Паоло и Франчески—но трагизмъ ея, столь сгущенный въ его пересказѣ, даетъ богатый матеріалъ для драматической разработки сюжета. Въ настоящее время эта старинная, но вѣчная по своимъ основнымъ мотивамъ исторія несчастной любви вдохновила сразу нѣсколькихъ драматурговъ—американскаго писателя Маріона Кроуфорда, англичанина Стефена Филипса и итальянскаго поэта Габріэля д'Аннунціо. Очень интересно сравнить ихъ драмы, появившіяся на сценѣ и въ печати за послѣдній годъ. Всѣ три драмы передаютъ исторію Паоло и Франчески да-Римини. Каждый изъ трехъ авторовъ находится, очевидно, подъ вліяніемъ классическаго стиха: „Quell'giorno non vi leggiavamo avanti" и ведетъ дѣйствіе различными способами къ этому кульминаціонному пункту. Затѣмъ каждому изъ трехъ авторовъ нужно разрѣшить психологичеекую задачу, оставленную въ тѣни у Данте: что̀ возбудило

подозрѣніе мужа Франчески и привело къ катастрофѣ? Всѣ три драматурга вводятъ для объясненія ревности Малатесты какое-нибудь постороннее, неисторическое лицо, и художественное достоинство каждой изъ трехъ драмъ зависитъ отъ того, какъ фантазія автора заполняетъ этотъ пробѣлъ въ повѣствованіи Данте. Эти два пункта—сцена совмѣстнаго чтенія поэмы о Ланчелотѣ Франческой и Паоло, и психологическая мотивировка дѣйствій Джіанчотто Малатесты опредѣляетъ коренное различіе трехъ драмъ, почерпнутыхъ изъ общаго источника. Историческій и литературный матеріалъ, которымъ могли пользоваться авторы драмъ о Франческѣ да-Римини, состоитъ изъ эпизода „Божественной Комедіи" и изъ равенскихъ преданій о Гвидо Полента, которому было предсказано, что семья его прославится кровопролитіями и подвигами любви. Дѣйствительно, въ семьѣ равенскаго тирана произошли отцеубійства и братоубійства, а подвигомъ любви прославила свой родъ дочь Гвидо, Франческа. Но семья Поленты прославилась болѣе всего тѣмъ, что пріютила и взяла подъ свое покровительство флорентинскаго изгнанника Данте Алигьери, который закончилъ свой трудъ и умеръ въ Равеннѣ, въ домѣ Поленты. Большинство памятниковъ, свидѣтельствовавшихъ о жизни и дѣятельности рода Поленты въ Равеннѣ, разрушены, но память объ этой семьѣ сохранилась благодаря поэту, воспѣвшему Франческу. Кромѣ разсказа Данте, историческими документами служатъ фрески въ Равеннѣ съ портретами Франчески, ея брата Остазіо и ея отца Гвидо. Преданіе о несчастной судьбѣ Франчески разсказано также Боккаччіо, который болѣе обстоятельно, чѣмъ Данте, говоритъ о подробностяхъ семейной драмы: „Въ Равенну,—повѣствуетъ Боккаччіо,—пріѣхалъ въ назначенный срокъ Паоло (Polo), братъ Джіанчотто съ полномочіемъ обвѣнчаться съ мадонной Франческой. Паоло былъ красивъ, пріятенъ съ виду и изященъ. Когда онъ, вмѣстѣ съ другими синьорами, проходилъ черезъ дворъ дома мессэра Гвидо, одна изъ дѣвицъ указала на него изъ окна мадоннѣ Франческѣ, говоря: вотъ тотъ, кто станетъ вашимъ мужемъ; такъ она дѣйствительно полагала. Мадонна Франческа сразу полюбила его всей душой. Послѣ того хитростью заключенъ былъ брачный договоръ, и молодая женщина уѣхала въ Римини. Нужно предположить, что, увидавъ, какъ ее обманули, она сильно возмутилась, но уже не могла вырвать изъ своей души любовь къ Паоло".

Наименѣе удачно воспользовался всѣми этими историческими данными и эпизодомъ изъ „Inferno" Маріонъ Кроуфордъ, пьесу котораго „Франческа да-Римини" ставила, съ очень среднимъ успѣхомъ, Сара Бернаръ, въ французскомъ переводѣ, въ своемъ театрѣ. Кроуфордъ превратилъ нѣжную возвышенную исторію болѣе несчастной, нежели преступной любви, въ адюльтерную драму во французскомъ духѣ.

Исторія обмана и насилія, свершеннаго надъ Франческой, видоизмѣнена: Франческа знаетъ, что Паоло,—посланецъ Джіанчотто Малатеста: отъ нея только скрыли уродство и дикій нравъ ея будущаго мужа, и она надѣется, что онъ похожъ на понравившагося ей сразу Паоло. Первый актъ заканчивается появленіемъ страшнаго хромого Джіанчотто Малатесты (прозваннаго Lo Scanciato—кривобокій—за свое уродство), который объявляетъ испугавшейся при видѣ его Франчески, что онъ ея мужъ. Уже эта завязка искажаетъ итальянскій первоисточникъ. Тамъ супружеская измѣна Франчески объясняется обманомъ, совершеннымъ относительно нея,—здѣсь же этого оправданія нѣтъ, такъ какъ ей извѣстна роль Паоло. Изъ дальнѣйшаго развитія драмы изъято все, что составляетъ драматизмъ сюжета, т.-е. вмѣсто того, чтобы представить развитіе роковой страсти, Кроуфордъ переноситъ дѣйствіе (со второго акта) на четырнадцать лѣтъ послѣ свадьбы Франчески. Въ событіяхъ принимаетъ участіе дочь Франчески (отецъ которой, по недосказаннымъ намекамъ въ пьесѣ, Паоло, а не Джіанчотто). Она введена въ драму только для мотивировки ревности Джіанчотто, такъ какъ изъ ея невинной передачи разговоровъ между ея матерью и ея дядей мужъ Франчески догадывается объ измѣнѣ жены. Не говоря уже объ искусственности этой чисто внѣшней мотивировки, дочь Франчески—совершенно лишнее лицо въ драмѣ; вся разыгрывающаяся въ концѣ трагедія любви теряетъ въ значительной степени свой драматизмъ — такъ сказать, за „давностью“ событій. Франческа ничѣмъ не отличается отъ героини всякой французской адюльтерной драмы,—она даже, для дополненія сходства, ревнуетъ своего возлюбленнаго къ его законной женѣ, чѣмъ отчасти выдаетъ себя и ускоряетъ развязку. Знаменитая сцена чтенія Ланчелота, конечно, входитъ въ составъ драмы, но все ея обаяніе уничтожено тѣмъ, что она представлена какъ воспоминаніе Франчески и Паоло о началѣ ихъ любви. Все это совершенно измѣняетъ и опошляетъ старинное преданіе. Тамъ счастье любви представляетъ яркій и мучительный контрастъ жестокости наказанія, смѣнившаго его, и ужасъ катастрофы сливается съ экстазомъ страсти. Если же все это растянуть на долгіе годы, представить Франческу обманывавшей мужа много лѣтъ, матерью полувзрослой дѣвочки, то получается некрасивая буржуазная драма съ менѣе всего привлекательной и поэтичной героиней.

Стефенъ Филипсъ, авторъ драмы „Paolo and Francesca“, имѣвшей большой успѣхъ въ Лондонѣ [1]), этой ошибки не дѣлаетъ. Дѣйствіе въ его трагедіи происходитъ очень быстро: Франческа является въ домъ своего мужа полу-ребенкомъ, относится къ привезшему ее изъ

---

[1]) Stephen Philipps. Paolo and Francesca. A tragedy in four acts. London, 1902.

Равенны брату мужа какъ къ милому товарищу полу-дѣтскихъ игръ; онъ ей ближе, чѣмъ пугающій ее своей суровостью немолодой мужъ, и она наивно удерживаетъ Паоло, который пытается убѣжать отъ очевидной для него опасности. Любовь овладѣваетъ сердцемъ Франчески незамѣтно, и чтобы привести развитіе любовной драмы къ неизбѣжной сценѣ чтенія Ланчелота (преимущество англійской пьесы въ томъ, что эта сцена представлена непосредственно, а не въ расхолаживающей формѣ воспоминанія), Филипсъ прибѣгаетъ къ цѣлому ряду выдумокъ, крайне романтичныхъ, искусственныхъ, идущихъ въ разрѣзъ съ духомъ Дантовскаго повѣствованія: Паоло понимаетъ роковой характеръ своей страсти, не въ силахъ побороть ее, но не хочетъ быть предателемъ относительно своего брата, который безгранично довѣряетъ ему и даже поручаетъ ему надзоръ за молодой женщиной во время своего отсутствія. Эта душевная близость двухъ братьевъ Малатеста выдумана и вноситъ въ драму фальшивый элементъ сентиментальности, противорѣчащій жестокимъ средневѣковымъ нравамъ. Чувствительный Паоло англійской драмы видитъ одинъ исходъ для своей душевной борьбы: онъ рѣшаетъ лишить себя жизни и, сказавъ, что уѣзжаетъ во Флоренцію, гдѣ его избрали capitano del popolo, идетъ къ аптекарю и покупаетъ себѣ ядъ. Но ему хочется еще разъ взглянуть на Франческу; онъ идетъ въ садъ, подъ окна ея комнаты, и проводитъ тамъ всю ночь въ печальныхъ думахъ; на зарѣ Франческа, которой тоже не спится, приходитъ въ садъ съ книгой (конечно, это поэма о Ланчелотѣ) и садится читать. Правдоподобности въ этомъ чтеніи на зарѣ мало—но автору нужно во что бы то ни стало заставить влюбленную чету читать злополучнаго Ланчелота. Приходитъ Паоло, блуждающій по саду, говоритъ Франческѣ о томящей его тревогѣ, говоритъ о томъ, что онъ не могъ уѣхать, не повидавъ ее, выдаетъ свою сердечную тайну своимъ волненіемъ, начинаетъ читать вмѣстѣ съ ней книгу, которую она принесла въ садъ и—„quell giorno non vi leggiavamo avanti". Въ послѣднемъ актѣ узнавшій обо всемъ мужъ устраиваетъ западню влюбленнымъ, убѣждается въ измѣнѣ—и убиваетъ обоихъ. Пьеса заканчивается такой же сентиментальной нотой, какая звучитъ и въ отношеніяхъ двухъ братьевъ: Джіанчотто съ умиленіемъ цѣлуетъ трупы убитыхъ, говоритъ съ благоговѣніемъ объ ихъ „глубокой любви", и отворачивается отъ слишкомъ тяжелаго для него вида: „Уберите ихъ,—говоритъ онъ,—они похожи на крѣпко уснувшихъ дѣтей".

Главный недостатокъ драмы Филипса въ томъ, что своими дополненіями къ основной фабулѣ авторъ исказилъ духъ изображаемой эпохи. Его братья Малатеста похожи на добродѣтельныхъ молодыхъ пасторовъ изъ англійскаго романа по своимъ разсужденіямъ о долгѣ

совѣсти, и имъ совершенно не къ лицу совершать „дѣянія крови и подвиги любви“ Дантовскихъ героевъ. Мысль о самоубійствѣ во избѣжаніе соблазна преступной любви могла придти въ голову томному юношѣ послѣ-Вертеровской поры, но никакъ не выросшему среди крови и насилій члену семьи Малатеста. Еще менѣе соотвѣтствуетъ духу времени образъ Франчески, превращенный въ невинную англійскую миссъ, все время повторяющую всѣмъ, что она „бэби“. „Я еще совершенно далека отъ знанія жизни“,—заявляетъ она мужу, прибывъ въ его домъ по волѣ отца. („Мой отецъ отдалъ меня вамъ“,—покорно говоритъ она). „Я до сихъ поръ внимала только зову монастырскаго колокола, училась пѣть и вышивать, и гляжу какъ бы черезъ стекло на бурный міръ“. Обмана надъ ней не совершили—этотъ очень важный психологическій мотивъ итальянскаго преданія устраненъ Филипсомъ,—который считаетъ достаточнымъ оправданіемъ Франчески то, что она наивный ребенокъ, о чемъ она постоянно сама говоритъ. Уговаривая Паоло не уѣзжать изъ Римини, она опять увѣряетъ его, что она „еще совсѣмъ дитя“, что поэтому ей не по себѣ съ ея слишкомъ серьезнымъ мужемъ, и что только съ Паоло она сможетъ „играть и рѣзвиться“ какъ дома. Даже въ самые трагическіе моменты, когда ей трудно бороться съ овладѣвшей ею страстью, Франческа все повторяетъ, что она безпомощное дитя—и проситъ кузину мужа, Лукрецію, быть ей матерью, уберечь ее отъ бѣды. Эту дѣтскость Франчески слѣдовало во всякомъ случаѣ обрисовать чертами ея характера, а не заявленіями самой Франчески,—производящими впечатлѣніе жантильничанья. Если Франческа Кроуфорда отталкиваетъ тѣмъ, что она годами обманываетъ мужа, то героиня Филипса столь же мало интересна благодаря своему институтству. Вмѣсто страстной итальянки среднихъ вѣковъ, трагичной и нѣжной, преисполненной гнѣва и любви—и во всякомъ случаѣ вполнѣ сознательной въ своихъ чувствахъ и дѣйствіяхъ, въ драмѣ Филипса передъ нами благовоспитанная робкая дѣвочка, попадающая какъ-то нечаянно въ непосильную ей душевную борьбу. Вся прелесть Дантовскаго образа исчезаетъ въ передѣланной на англійскій ладъ Франческѣ. Очень неудачна также у Филипса мотивировка ревности Джіанчотто: вмѣсто дочери, будящей подозрѣніе обманутаго мужа, англійскій драматургъ придумалъ старую слѣпую служанку, которая при появленіи молодой жены Малатесты впадаетъ въ трансъ: ей представляется въ видѣніи вся готовящаяся трагедія—сцена чтенія, измѣна и смерть Франчески и ея возлюбленнаго. Малатеста внимаетъ съ ужасомъ словамъ ясновидящей, и настаиваетъ на томъ, чтобы она описала лицо предателя. Но старуха не можетъ различить его лица, и прорицаніе ея заканчивается туманными предвѣщающими недоброе словами: „Его недалеко искать, но опасно найти. Онъ противъ воли полюбитъ ее и она противъ воли уступитъ его

любви, но все же они полюбятъ другъ друга. Его поцѣлуй былъ запечатлѣнъ на ея устахъ до ея рожденія". Этимъ пророчествомъ въ реалистическую драму ненужнымъ образомъ вводится элементъ чудеснаго, нарушающій психологическій интересъ. Столь же неправдоподобно и непсихологично все, что вытекаетъ изъ предвѣщанія слѣпой старухи. Испуганный видѣніемъ ея, Малатеста прежде всего дѣлится своими опасеніями съ любимымъ братомъ, поручаетъ Паоло оберегать Франческу отъ опасностей и соблазновъ въ его отсутствіе, затѣмъ, отправившись къ аптекарю за приворотнымъ зельемъ (онъ надѣется хоть такимъ образомъ побѣдить равнодушіе къ себѣ своей молодой жены), онъ нечаянно подслушиваетъ ламентаціи Паоло, пришедшаго за ядомъ, и узнаетъ тайну несчастной и преступной любви своего брата (совершенно непонятно, зачѣмъ Паоло открываетъ свою сердечную тайну аптекарю). При всей любви къ брату, онъ однако не думаетъ воспрепятствовать его намѣренію убить себя; но, узнавъ, что Паоло не убилъ себя, а вернулся домой и видѣлся съ Франческой, онъ отдается внушеніямъ гнѣва и ревности, подстерегаетъ преступную чету и убиваетъ обоихъ, а потомъ умиляется и говоритъ прочувствованныя слова объ ихъ любви и объ ихъ трагической судьбѣ. Въ драму введено еще одно совершенно ненужное лицо—кузина и прежняя возлюбленная Джіанчотто, озлобленная женщина, которая сначала разжигаетъ ревность, а потомъ, исполнившись материнскихъ чувствъ къ Франческѣ, тщетно старается отвратить катастрофу. Все это нагроможденіе лишнихъ, не вяжущихся съ характеромъ сюжета и неправдоподобныхъ обстоятельствъ превращаетъ драму въ чисто ремесленное произведеніе, разсчитанное на любовь англійской публики къ грубымъ сценическимъ эффектамъ. Ни психологической правды, ни поэзіи въ драмѣ Филипса нѣтъ, и съ итальянскимъ поэтическимъ преданіемъ она связана только нѣсколькими фактическими данными, и то искаженными въ передачѣ. Успѣхъ пьесы въ Англіи подтверждаетъ уже вполнѣ установленный фактъ о низкомъ уровнѣ современнаго англійскаго театра.

Переходя къ драмѣ д'Аннунціо „Francesca da Rimini", мы вступаемъ какъ бы въ иной міръ. При всѣхъ своихъ недостаткахъ, это произведеніе истиннаго поэта, который глубоко проникся духомъ Дантовской поэзіи и Дантовской эпохи и возсоздалъ ее съ глубокимъ лиризмомъ. Въ стихахъ, помѣщенныхъ въ видѣ послѣсловія къ драмѣ, д'Аннунціо называетъ свое произведеніе „поэмой крови и любовной страсти" (poema di sangue e di lussuria), и это опредѣляетъ характеръ драмы. Она выдвигаетъ основныя черты средневѣковья, его жестокіе кровожадные нравы, среди которыхъ „какъ цвѣтокъ среди груды желѣза" (comme un fiore in mezzo a tanto ferro), расцвѣтаютъ такія нѣжныя, обреченныя на душевныя муки существа, какъ Франческа и

ея возлюбленный. Задача д'Аннунціо заключается въ томъ, чтобы наиболѣе драматично представить эти контрасты грубости и жестокости въ однихъ, съ красотой и глубиной чувствъ—въ другихъ, т.-е возсоздать духъ эпохи, изобразить на фонѣ мрачныхъ безпощадныхъ кровопролитій, злобныхъ и дикихъ страстей, превращающихъ членовъ одной и той же семьи въ заклятыхъ враговъ, истинно поэтическую, нѣжную и сильную любовь. Исторія Франчески да-Римини сочетаетъ въ себѣ всѣ эти элементы итальянской жизни ранняго возрожденія, и, возсоздавая старинное преданіе въ драматической формѣ, д'Аннунціо рисуетъ широкую историческую картину, которая служитъ фономъ для изображенія общечеловѣческихъ вѣчныхъ страстей.

Историческій или, вѣрнѣе, декоративно историческій элементъ первенствуетъ въ драмѣ д'Аннунціо, даже подавляя до нѣкоторой степени психологическое ея содержаніе. Въ этомъ главный недостатокъ пьесы: она бѣдна дѣйствіемъ; драматическій интересъ не сосредоточенъ на основномъ трагическомъ мотивѣ, множество эпизодическихъ сценъ и посторонніе дѣйствію характеры и типы отвлекаютъ вниманіе отъ душевныхъ переживаній героини. Д'Аннунціо какъ бы загипнотизированъ своей эрудиціей, своимъ знаніемъ Дантовской эпохи. Со свойственной ему воспріимчивостью онъ всецѣло проникся чувствами, нравами, языкомъ XIV вѣка, сжился съ колоритными формами средневѣковой обиходной жизни, и все это знаніе, всѣ краски, почерпнутыя изъ точнѣйшаго изученія хроникъ, средневѣковыхъ новеллистовъ, поэтовъ, старинныхъ памятниковъ искусства, вложилъ въ пространное, сдѣланное съ большой любовью, изображеніе рамокъ средневѣковой жизни. Итальянскіе знатоки Данте и Возрожденія, какъ, напр., Изидоро дель Лунгэ (въ статьѣ „Medievo dantesco sul teatro" въ Antologia) и проф. Р. Ренье, редакторъ „Giornale storico della leteratura italiana" (въ газетѣ „Stampa, 21 янв. 1902) превозносятъ эрудицію д'Аннунціо и чисто Дантовскій духъ его „Франчески". Драматическая сосредоточенность дѣйствія страдаетъ отъ чрезмѣрнаго обилія декоративныхъ подробностей, но колоритность драмы отъ этого только выигрываетъ. Каждый актъ рисуетъ какую-нибудь другую сторону средневѣковаго быта. Въ первомъ актѣ обстановка дома Поленты въ Равеннѣ, невинныя игры и занятія прислужницъ и подругъ Франчески, шуты и пѣвцы, кочующіе по городамъ—поэтическая картина безпечной красивой жизни, пѣсенъ и шутокъ въ домахъ; съ улицъ же и площадей доносятся грозные звуки постоянныхъ кровавыхъ стычекъ между горожанами, раздѣленными на враждебные лагери борьбой гвельфовъ и гибеллиновъ. Во второмъ дѣйствіи другая военная сцена на башнѣ замка Малатесты въ Римини, съ подробностями битвы феодальныхъ временъ, съ бросаніемъ „feu gregois", съ огнемъ стрѣлъ, съ жестокими сценами преслѣдованій затравленнаго врага, съ подробностями

дикихъ страстей и грубости воиновъ. Въ дальнѣйшихъ трехъ актахъ рисуется постоянная жизнь женской половины въ замкѣ Малатесты, чтеніе волнующихъ молодыя сердца рыцарскихъ поэмъ, занятіе нарядами, покупка заморскихъ диковинныхъ тканей у пріѣзжаго продавца, пѣніе и музыка—и на ряду съ этимъ тревоги непрекращающихся военныхъ дѣйствій, крики заточенныхъ въ замковой тюрьмѣ плѣнныхъ враговъ, постоянное пролитіе крови. Вся эта обстановка тревожной жизни, въ которой все обостряется—и ненависть, и любовь, гдѣ люди чувствуютъ полнѣе каждый мигъ — не будучи увѣрены въ слѣдующемъ днѣ, передана д'Аннунціо съ большой виртуозностью и правдивостью. Его бытовыя сцены не производятъ впечатлѣнія подделки подъ стиль и тонъ изображаемой эпохи, а дѣйствительно свидѣтельствуютъ о томъ, что поэту глубоко родственна описываемая имъ среда. Въ этомъ отношеніи драма д'Аннунціо гораздо выше средневѣковыхъ и иныхъ трагикомедій Ростана, которыя постоянно сводятся къ болѣе или менѣе удачнымъ pastiches, и лишены всякой непосредственной поэзіи. Въ драмѣ д'Аннунціо все красиво—часто слишкомъ поверхностно и манерно, и потому пусто,—но во всякомъ случаѣ красиво и выдержано въ Дантовскихъ нѣжныхъ тонахъ.

Психологическая трагедія, включенная въ эти рамки, вполнѣ соотвѣтствуетъ историческимъ даннымъ и повѣствованію Данте. Въ противоположность Кроуфорду и Филипсу, д'Аннунціо сохраняетъ мотивъ обмана, совершеннаго надъ Франческой:—этому посвященъ первый актъ. Отцу Франчески нужна помощь Джіанчотто Малатесты, обѣщающаго прислать войско, если ему дадутъ въ жены Франческу. Коварный заговоръ противъ дѣвушки приводитъ въ исполненіе братъ ея Остазіо (историческое лицо—его портретъ сохранился на надгробной плитѣ равеннской церкви св. Франциска); онъ устраиваетъ такъ, что Франческа принимаетъ брата и уполномоченнаго Джіанчотто, Паоло Il Bello, за предназначеннаго ей въ мужья Малатесту. Въ дальнѣйшемъ развитіи дѣйствіе д'Аннунціо тоже очень близко придерживается исторической правды, мѣняя только отчасти хронологію событій ради художественныхъ цѣлей; нѣкоторые факты войны гвельфовъ и гибеллиновъ, случившіеся послѣ смерти Франчески и Паоло, какъ, напр., захватъ старика Парчидади, врага семьи Малатеста, перенесены назадъ для того, чтобы выдвинуть фигуру брата Джіанчотто, Malatestino dall'Occhio; послѣднему д'Аннунціо отводитъ видную роль въ семейной драмѣ его брата. Малатестино—самый младшій изъ братьевъ, по изложенію д'Аннунціо, сначала только дикій, суровый воинъ, несмотря на свою молодость; онъ думаетъ о гибели враговъ. Въ одной изъ битвъ ему удается захватить главнаго врага своего рода, Парчидади, но онъ при этомъ раненъ въ глазъ и остается одноглазымъ (отсюда прозвище „dall'Occhio“ или „dall'Uno“). Франческа за нимъ

ухаживаетъ, и юношу, обуреваемаго до того лишь пламенной ненавистью къ врагамъ, охватываетъ столь же пламенная любовь къ невѣсткѣ. Ея отпоръ и испугъ передъ его любовью доводитъ его до неистовства, обостряетъ его бдительность; онъ первый догадывается о любви Франчески и Паоло, будитъ ревность старшаго брата (эта сцена слишкомъ напоминаетъ сцены между Отелло и Яго)—и ускоряетъ трагическую катастрофу. Такая мотивировка ревности Джіанчотто, конечно, несравненно драматичнѣе и правдоподобнѣе выдумокъ разобранныхъ нами выше авторовъ. Она совершенно въ духѣ времени, и образъ Малатестино—въ высшей степени яркій, художественный, захватывающій по страстности и силѣ. Другой, неизбѣжный во всякомъ изложеніи исторіи Франчески, эпизодъ—сцена чтенія Ланчелота,—искусно и правдоподобно подготовленъ въ драмѣ д'Аннунціо. Отношенія между Франческой и Паоло развиваются постепенно: любовь загорается уже въ первомъ актѣ, при первой нѣмой встрѣчѣ, когда взволнованная дѣвушка только молча передаетъ сорванную ею розу тому, кого считаетъ своимъ женихомъ. Затѣмъ, въ сценѣ на башнѣ, гдѣ Франческа безстрашно принимаетъ участіе въ военныхъ подготовленіяхъ, она дѣлаетъ горькіе, но нѣжные упреки Паоло за его участіе въ обманѣ, и хотя оба они боятся выдать ясную для каждаго изъ нихъ тайну, но чувства ихъ просвѣчиваютъ въ осторожныхъ, безконечно печальныхъ словахъ. Въ третьемъ дѣйствіи Франческа начинаетъ читать своимъ прислужницамъ и подругамъ поэму о Ланчелотѣ, и дѣвушки комментируютъ стихи разными шутками. Чтеніе прервано разными другими занятіями,—но когда Паоло, вернувшійся неожиданно изъ Флоренціи, приходитъ къ Франческѣ, то сцена ихъ свиданія и первыхъ вырвавшихся признаній въ любви естественно заканчивается чтеніемъ поэмы о Ланчелотѣ—и затѣмъ роковымъ поцѣлуемъ, прерывающимъ чтеніе. Эта лирическая сцена написана со свойственной д'Аннунціо страстностью, нѣгой и поэтичностью. Сила д'Аннунціо—въ изображеніи характеровъ; одинаково удачны въ его драмѣ и жестокосердые, дикіе воинственные феодалы—Ожіанчотто, Малатестино, Остазіо, и нѣжныя любящія существа какъ Франческа, ея сестра Самаритана и другія. Франческа д'Аннунціо очень близка къ своему Дантовскому первообразу и къ женскимъ типамъ поэзіи и искусства ранняго Возрожденія. Драма д'Аннунціо—лучшее изъ всего, что онъ написалъ до сихъ поръ.

„Francesca da-Rimini" издана очень красиво, и внѣшній видъ книги соотвѣтствуетъ художественности содержанія. Обложка и шрифтъ въ средневѣковомъ стилѣ; иллюстраціи и виньетки съ выдержками изъ Данте и съ разными изреченіями очень тонко исполнены художникомъ А. де-Каролисъ.—З. В.

НЕКРОЛОГЪ.

Маркъ Матвѣевичъ Антокольскій.

† 26 іюня 1902 г.

Антокольскому было всего 58 съ небольшимъ лѣтъ, когда онъ умеръ: онъ родился 21 октября 1843 года. Какъ рано, какъ безвременно наложила на него смерть свою равнодушную тиранскую лапу! Какъ далеко не выполнилъ онъ всего того, къ чему былъ способенъ и къ чему готовился, въ послѣдніе дни жизни, его вполнѣ возмужавшій талантъ, къ чему страстно направлялась его творческая мысль! Но такова безотрадная участь большинства русскихъ талантливѣйшихъ людей. Почти всѣ умираютъ въ тѣ дни, когда готовились создавать самые могучія, самыя широкія и великія свои chefs d'oeuvre'ы. Глинка и Даргомыжскій, Ивановъ, Ѳедотовъ, Перовъ, Шварцъ и Крамской, Бородинъ и Мусоргскій, развѣ не всѣ они умерли рано, слишкомъ рано, не совершивъ еще для своего искусства всего, что̀ могли бы и должны были бы совершить? А все это были истинные „начинатели", главы и вожди въ большихъ, несравненныхъ дѣлахъ. Все это были „Ермаки" новыхъ странъ, завоеватели новыхъ владѣній для человѣчества. И такъ рано умирать? Зачѣмъ? Отчего?

Антокольскій родился въ такой странѣ и мѣстности, откуда никто ничего не ожидалъ великаго по части искусства. Онъ произошелъ изъ племени, которое приговоромъ всѣхъ историковъ и бытописателей искусства на вѣки вѣковъ было приговорено къ безплодію: „евреи неспособны къ творческому искусству, и всего менѣе—къ скульптурѣ", твердилъ общій гласъ всѣхъ докъ и мудрецовъ въ сотняхъ книгъ и трактатовъ. Но явился нежданно и негаданно Антокольскій, и переломалъ въ дребезги всѣ рѣшенія и глубокія предвидѣнья. Отнынѣ у человѣчества однимъ несокрушимымъ убѣжденіемъ, одною свѣтлою надеждою больше, отнынѣ оно смѣетъ ожидать великихъ твореній изъ тѣхъ рукъ, которыя для искусства до сихъ поръ считались безплодными или нечистыми.

Какъ у большинства выдающихся людей, начало и молодость у Антокольскаго были печальны и мрачны до безотрадности. Видно простымъ людямъ приходится съ самаго дѣтства брать все съ бою, наталкиваться на каждомъ шагу на бѣды и лишенія, не одного физическаго, но, всего болѣе, интеллектуальнаго склада. Только людямъ

необыкновеннымъ суждено видѣть каждую секунду подъ ногами по камню, по препятствію, по шлагбауму. Но про нихъ про всѣхъ именно сказалъ великое свое слово великій русскій поэтъ:

Тяжелый млатъ,
Дробя стекло, куетъ булатъ.

Антокольскій былъ одинъ изъ такихъ булатовъ. Ничто его не раздробило, тяжелый млатъ жизни выковалъ его въ громадную чудную силу.

Въ одномъ письмѣ своемъ (20 іюня 1898 года) Антокольскій разсказывалъ мнѣ про свое дѣтство и говорилъ мнѣ: „Въ дѣтствѣ я не былъ балованъ никѣмъ. Я былъ нелюбимый ребенокъ, мнѣ доставалось отъ всѣхъ; кто хотѣлъ, билъ меня, даже прислуга, а ласкать—меня никто не ласкалъ, еще меньше цѣловалъ. Я ничьихъ ласокъ не помню. Я донашивалъ старыя одежды другихъ, меня звали „истуканомъ“, „оловянной рукой“, разъ меня чуть не отдали трубочисту. Я былъ на посылкахъ у всѣхъ. Не унижала меня только мать моя. Но не за это одно я ее люблю. Я люблю ее главное за то, что она была матерью для всѣхъ. Я помню наше бѣдное положеніе, и, тѣмъ не менѣе, моя мать, тайкомъ отъ отца, дѣлила съ болѣе бѣдными все, что у нея было. Я былъ тутъ ея посыльнымъ, она оставляла себѣ самой только крохотки самыя насущныя, но готова была отдавать ихъ. Она была замѣчательна по уму, несмотря на малую образованность; она была сильно набожна, но шла съ временемъ, была толерантна, умъ ея былъ въ высшей степени свѣтлый, у ней былъ даръ слова, къ ней часто приходили бесѣдовать иные образованные виленскіе люди, просто ради удовольствія. Она меня сильно любила“...

Таковы были первыя впечатлѣнія у Антокольскаго, и сильная печать ихъ осталась на его натурѣ. Съ одной стороны—бѣдность, приниженность семейства, личное несчастіе, безотрадное мрачное собственное положеніе, но тутъ же солнечный свѣтлый лучъ, исходившій изъ натуры великодушной матери,—вотъ среди какихъ противоположныхъ вліяній, какъ среди поминутно смѣняющихся холода и жара, складывалась мучительно и тяжко его натура.

Конечно, никто въ семействѣ Антокольскихъ не воображалъ, что среди нихъ есть маленькій мальчикъ, которому суждено быть художникомъ, а потомъ – знаменитостью. Поэтому никто никогда не заботился о какомъ-нибудь, хотя бы самомъ микроскопическомъ воспитаніи, даже простомъ ученіи его. Поэтому его сначала употребляли по домашнему хозяйству, въ трактирѣ, которымъ промышлялъ его отецъ; потомъ позаботились отдать его въ ремесло, добывать хлѣбъ для семьи. Сначала отдали его, въ 1856 году, когда ему было 13 лѣтъ—къ позументщику, но тутъ дѣло какъ-то ему не пра-

вилось, онъ жаловался, и его отдали въ науку къ рѣзчику. Это уже было ему гораздо болѣе по нутру, это немного подвигало его къ тому, чтò ему было по натурѣ и чтò ему требовалось, по таинственному инстинкту, явственно еще не опредѣлившемуся. По ночамъ, тайкомъ отъ всѣхъ, гдѣ-нибудь въ углу или на чердакѣ трактира, онъ лѣпилъ всякія фигурки изъ глины, вырѣзывалъ маленькимъ ножикомъ, или ковырялъ гвоздемъ изъ дерева и изъ мягкаго камня. Но когда ему исполнилось 17 лѣтъ, его уже не удовлетворяли попытки самоучки. Онъ сталъ все болѣе и болѣе думать о томъ, какъ бы скорѣе въ Петербургъ, о которомъ онъ наслушался чудесъ отъ кое-какихъ посѣтителей отцовскаго трактира,—какъ бы поскорѣе тамъ приняться за ученье, все тамъ увидать, все услыхать.

И вотъ, въ это самое время, когда фантазія и потребность дѣятельности и такъ уже была у него сильно возбуждена, случай далъ ему познакомиться съ однимъ человѣкомъ, который еще сильнѣе сталъ разжигать его волшебные сны, его ожиданія и надежды на будущее. Это былъ одинъ изъ тѣхъ людей, которые сами—маленькіе, сами ничего не способны создать новаго и замѣчательнаго, и навѣки остаются людьми темными и незнаемыми, но благотворно дѣйствуютъ на развитіе людей исключительныхъ, даровитыхъ, помогаютъ имъ вылупиться изъ скорлупы, и показываютъ имъ вдали лучезарные горизонты. Это былъ, на этотъ разъ, виленскій землемѣръ, котораго ни фамиліи, ни имени Антокольскій не сохранилъ въ своихъ автобіографическихъ запискахъ,—а это ужасно жалко: имена этихъ свѣтлыхъ благодѣтелей нашего рода должны были бы сохраняться. Землемѣръ этотъ, человѣкъ впрочемъ довольно не казистый, немного даже попивавшій, но много читавшій, и уберегшій въ своей натурѣ неиспорченные добрые осадки прочитаннаго и узнаннаго отъ другихъ, проводилъ съ юношей Антокольскимъ много времени въ оживленныхъ бесѣдахъ о всяческихъ высокихъ, значительныхъ предметахъ, особенно объ искусствѣ, котораго вовсе не зналъ вблизи, а только любилъ и обожалъ издали, платонически и идеально. Онъ разговаривалъ съ Антокольскимъ уже какъ съ человѣкомъ, избраннымъ самою судьбой, намѣченнымъ быть художникомъ, тàкъ, какъ никто другой съ нимъ еще не разговаривалъ, и все о такихъ предметахъ, до которыхъ при Антокольскомъ еще никто не дотрогивался. Онъ ему говорилъ, немного преувеличивая, какъ идеалистъ, но съ жаромъ и увлекательнымъ убѣжденіемъ, указывая на проходящую мимо толпу людскую: „Это стадо барановъ! Они живутъ безъ души, безъ чувства, изо дня въ день, какъ эгоисты. Не смотри на нихъ! Ты—художникъ, царь природы! Вонъ имъ, проходящимъ, ничего не нужно, но ты—ты драгоцѣнный камень—только еще нешлифованный. Ты долженъ не работать, а творить, и только тогда, когда муза за-

хочетъ" и т. д. Онъ ему разсказывалъ біографіи разныхъ знаменитыхъ художниковъ—чьихъ произведеній, впрочемъ, онъ никогда не видалъ, да и негдѣ было ему видѣть,—и возбуждалъ его энтузіазмъ. Все это была самая здоровая, питательная пища для молодого начинающаго художника. Этотъ виленскій землемѣръ былъ настоящій *воспитатель* Антокольскаго. Что въ натуру молодого талантливаго человѣка принесла, со стороны моральной и душевной—мать, то, со стороны художественной и интеллектуальной—невѣдомый намъ теперь землемѣръ.

Не взирая на упорное сопротивленіе, встрѣчаемое въ отцовскомъ домѣ, Антокольскій съ непобѣдимымъ упорствомъ настоялъ на своемъ: онъ оставилъ Вильну и поѣхалъ въ Петербургъ,—учиться и сдѣлаться художникомъ. Ему помогла въ этомъ жена виленскаго генералъ-губернатора, Настасья Александровна Назимова. По счастливой случайности, она увидѣла нѣкоторыя работы молодого самоучки, двѣ рѣзьбы изъ дерева, головы Христа и Богоматери, Вандейки, скопированныя Антокольскимъ съ гравюръ. Высокообразованная, полная доброжелательства, дама эта приняла большое участіе въ немъ, помогла устройству его путешествія и дала ему рекомендательное письмо къ баронессѣ Эдитѣ Өедоровнѣ Раденъ, фрейлинѣ великой княгини Елены Павловны. Результатъ былъ самый счастливый: при помощи профессора скульптуры Пименова, Антокольскій былъ принятъ въ академію художествъ, не взирая на то, что совсѣмъ почти не умѣлъ рисовать. Фактъ замѣчательный—Антокольскій никогда не научился рисовать. Онъ не имѣлъ къ этому никакой способности, чѣмъ и отличался отъ всѣхъ художниковъ прежнихъ и новыхъ. Этимъ, по нечаянности, онъ совершенно опровергалъ общепринятое понятіе, общепринятый законъ, что живописецъ и скульпторъ прежде всего должны умѣть рисовать. Правда, Антокольскій, сдѣлавшись художникомъ, глубоко владѣлъ рисункомъ и считался во всей Европѣ истиннымъ великимъ мастеромъ правдивѣйшаго изображенія существующихъ въ природѣ предметовъ, но онъ выражалъ это свое знаніе и мастерство всегда только въ формахъ скульптурныхъ—въ глинѣ, мраморѣ, бронзѣ, и никогда посредствомъ карандаша и рисунка на бумагѣ. Онъ въ этомъ былъ совершенно родной братъ Берліозу, который, точно такъ же, вопреки всѣмъ принятымъ художественнымъ мнѣніямъ и законамъ, былъ талантливѣйшій музыкальный сочинитель, геніальнѣйшій инструментаторъ прямо на оркестръ, и никогда неспособенъ былъ сочинить что-либо для фортепіано, и даже сыграть на немъ два такта. Таковъ былъ уже необыкновенный, совершенно выходящій изъ ряда вонъ складъ этихъ двухъ великихъ художниковъ.

Въ концѣ 50-хъ и въ началѣ 60-хъ годовъ, академія много требо-

вала и мало учила своихъ учениковъ. Въ своей автобіографіи Антокольскій мило, живо, интересно и талантливо разсказываетъ, какъ странно и несообразно шло тогда академическое ученіе. Перовъ, Крамской, Рѣпинъ и другіе талантливые люди того времени разсказываютъ подобное же. Учиться учились они всѣ, и въ классахъ долго и много сидѣли, но учились какъ-то сами и по-своему, другъ отъ дружки, и по музеямъ, — часто вопреки приказамъ и указамъ своихъ оффиціальныхъ наставниковъ. Ихъ двигалъ впередъ всего болѣе собственный талантъ, товарищество и высокій подъемъ общаго духа того времени.

Для Антокольскаго случилось два великихъ счастья въ Петербургѣ: первое, что онъ съ самаго же почти начала сошелся съ однимъ молодымъ начинающимъ художникомъ, однихъ съ нимъ лѣтъ, и такимъ же оригинальнымъ, своеобразнымъ и самостоятельнымъ, какъ онъ самъ; второе, что онъ сблизился съ другимъ художникомъ, который былъ лишь всего на семь лѣтъ старше его годами, но уже вполнѣ созрѣлъ талантомъ и мыслью, и обладалъ такою силою художественнаго пониманія настоящаго искусства, его задачъ и потребностей, но вмѣстѣ и такою твердостью убѣжденія, что стоялъ во главѣ тогдашней талантливѣйшей русской художественной молодежи, былъ ея вождемъ, учителемъ, направителемъ. Первый былъ — Рѣпинъ, второй—Крамской. Скоро оба юноши, Рѣпинъ и Антокольскій, такъ сошлись, такъ были близки душой и стремленіями, такъ были нужны одинъ другому, что стали жить вмѣстѣ, въ одной комнатѣ, но въ то же время съ одинаковою любовью и страстнымъ поклоненіемъ относились къ Крамскому, который, въ свою очередь, высоко цѣнилъ обоихъ и былъ счастливъ помогать имъ въ отыскиваніи настоящей ихъ дороги. И Рѣпинъ, и Антокольскій нарисовали впослѣдствіи, въ печати, въ своихъ автобіографическихъ воспоминаніяхъ, свои чудныя отношенія къ „учителю" и истинному „воспитателю" своему. Но вмѣстѣ они тутъ же нарисовали и картину того изумительно-прелестнаго періода русской художественной исторіи, когда, скоро послѣ крымской войны, начало просыпаться, отъ долгаго мертвеннаго сна, все русское общество. „Во всѣхъ сферахъ и на всѣхъ поприщахъ,—говоритъ Рѣпинъ,—искали новыхъ здоровыхъ путей. Молодость и сила свѣжей русской мысли царила вездѣ, весело, бодро шла впередъ и ломала безъ сожалѣнія все, что находила устарѣлымъ, ненужнымъ. Не могла же эта могучая волна интеллигенціи не захватить и русскаго искусства и не захлестнуть въ академію художествъ". Оба, и Рѣпинъ и Антокольскій—яркій, высокій результатъ этого небывалаго роста и расцвѣта русскаго художества. Оба были новаторы, оба начинатели новой эры въ своемъ дѣлѣ. Но какими усиліями, какой работой достались имъ этотъ ростъ, это

торжество! Оба пріятеля, въ разное время, но словно согласившись, разсказали въ художественныхъ своихъ страницахъ исторію своего высокаго воспитанія, своей первой молодой жизни среди тогдашней художественной молодежи, разношерстной и разнообразной по талантамъ, но единой и нераздѣльной по горячему стремленію впередъ. Какъ они упорно и прилежно учились, какъ сами знали технику своего дѣла, но въ то же время сколько читали, продумывали, совѣщались, бесѣдовали и спорили на своихъ маленькихъ собраніяхъ, сходкахъ, въ вѣчномъ общеніи своемъ! Они перечитали все русское, въ оригиналахъ, все иностранное, въ переводахъ, что̀ только доступно было имъ и что̀ касалось искусства, литературы, художества; всѣ мастерскія ихъ были наполнены книгами, они, сами того не вѣдая, дѣлали въ Петербургѣ то, что̀ завѣщалъ Антокольскому, въ какомъ-то уголку Вильны, его первоначальный, безвѣстный учитель—землемѣръ-идеалистъ. Они шлифовали себя.

Какое счастливое время они проживали тогда!

Нѣкоторою помощью имъ всѣмъ служили тоже и нѣкоторыя личности, не принадлежавшія къ числу художниковъ. Были тутъ и студенты, и ученые петербургскіе, и такія прекрасныя, честныя, благородныя личности, какъ, наприм., Мстиславъ Праховъ, неудачникъ ученый и педагогъ, человѣкъ очень образованный и милый, но безконечно-наивный, идеальный и „не отъ міра сего" (какъ товарищи прозывали его), —всѣ эти не-художники своими свѣдѣніями, спорами, бесѣдами тоже помогали общему движенію. Но, среди всего совершавшагося, новаго, внезапно нарождавшагося, быстро летѣвшаго впередъ, Антокольскій всего болѣе былъ обязанъ—своей собственной натурѣ, здоровой, цѣльной, свѣжей и оригинальной. У него съ юношескихъ еще лѣтъ утвердилось на вѣки-вѣковъ одно твердое правило, о которомъ онъ всегда разсказывалъ всѣмъ близкимъ (въ томъ числѣ и мнѣ). „Я слушаю всѣхъ, и не слушаюсь никого",—говаривалъ онъ постоянно намъ всѣмъ, и это мужественное правило такъ меня восхищало, что я много разъ повторялъ ему, что надо бы это правило награвировать большими золотыми буквами въ мастерской каждаго настоящаго художника (о ненастоящихъ не стоитъ и говорить). Этому великому правилу Антокольскій не измѣнилъ никогда, во всю свою жизнь, и никогда не былъ совращенъ отъ него никакимъ на свѣтѣ чувствомъ уваженія, любви, дружбы, почтенія и т. д. Онъ всю жизнь „никого не слушался". Его иногда за это укоряли непонимающіе, даже читали выговоры (наприм., однажды даже академическое начальство, а впослѣдствіи разные невѣжды, въ томъ числѣ, и даже особенно нелѣпо, разные лже-критики и цѣнители),—но это не дѣйствовало на

него, и онъ оставался несокрушимо вѣренъ закону, къ которому съ самаго спозаранку привыкнулъ внутри души своей.

При первомъ выступленіи Антокольскаго со своими произведеніями въ публику, разныя внѣшнія обстоятельства благопріятствовали ему. Съ тѣхъ поръ, какъ Россія ступила на новый путь, въ началѣ первой половины XIX-го столѣтія, она бросила въ сторону, со стыдомъ, какъ старинную и негодную ветошь, множество гадкихъ предразсудковъ, въ томъ числѣ презрѣніе, а иногда и ненависть къ еврейскому племени, недовѣріе къ его таланту и разнообразнымъ способностямъ. Никакой сколько-нибудь интеллигентный человѣкъ русскій уже не считалъ болѣе приличнымъ для себя преслѣдовать, гнать, не признавать себѣ равнымъ еврея Антокольскаго, едва только сталъ замѣтенъ его оригинальный талантъ, не отказывалъ въ сочувствіи. Сама академія художествъ, во многомъ рутинная, отсталая и упорная, давала ему серебряныя медали и поощренія, даже за самые, что ни есть, еврейскіе сюжеты; впослѣдствіи выхлопотала ему даже почетное гражданство, а стоявшая во главѣ академіи, какъ президентъ, великодушная, полная художественнаго чувства, великая княгиня Марія Николаевна не только съ восторгомъ заявляла свои симпатіи къ геніальной статуѣ „Иванъ Грозный“ и къ ея создателю, и убѣдила императора Александра II пріѣхать въ академію смотрѣть и пріобрѣсти Эрмитажу эту небывалую русскую скульптуру, но еще заказала Антокольскому для самой себя его оригинальную „Инквизицію“ изъ терракотты. Почти вся петербургская пресса высказала свое восхищеніе безпримѣрной, по таланту и реализму, новой статуѣ, а еще раньше того, я имѣлъ счастіе и честь заговорить въ печати *первый* про два самыя молодыя созданія Антокольскаго, еще ученика академіи: про его „Еврея портного“ (горельефъ изъ дерева, 1864), и его „Еврея скупого“ (горельефъ изъ слоновой кости, 1865). Я прямо сказалъ въ „Спб. Вѣдомостяхъ“, что надо сравнивать эти совершенно новыя созданія только съ талантливыми, прелестными созданіями старой голландской школы; что здѣсь лежатъ задатки будущности для русской скульптуры; что я требую, для этой послѣдней, уничтоженія ходулей, лжи и идеальничанья. Я признавалъ Антокольскаго „революціонеромъ“ въ нашей (да и всяческой) скульптурѣ, и считалъ его произведенія новой эрой. Со мною тогда же соглашалась, и до сихъ поръ соглашается, вся лучшая, интеллигентнѣйшая часть русской публики; сопротивлялись и возражали, гнѣвались и фыркали лишь немногіе, люди отсталые и тупые, и Антокольскій сдѣлался вдругъ одною изъ крупнѣйшихъ нашихъ знаменитостей. За „Іоанна Грознаго“ академія дала ему (помимо академическаго устава) званіе академика, позже—званіе профессора, и Европа, когда узнала созданія Антокольскаго, тоже

признала и назвáла его великимъ художникомъ, дала ему высшую, самую первую награду, среди скульптурныхъ созданій всего свѣта, на всемірной парижской выставкѣ 1878 года; кенсингтонскій музей въ Лондонѣ, содержащій собраніе знаменитѣйшихъ скульптуръ всѣхъ временъ и народовъ (въ гипсовыхъ слѣпкахъ), поставилъ у себя и „Ивана Грознаго" еще въ 1872 году. Иностранная художественная пресса, итальянская, французская, англійская, нѣмецкая, а позже—даже американская, чествовала и возвеличивала Антокольскаго въ безчисленныхъ статьяхъ и иллюстраціяхъ.

Все это всеобщее сочувствіе и искреннее признаніе его личности было для него, конечно, необыкновенно великимъ счастіемъ и радостью. Одно только его не радовало: худое состояніе его здоровья. Еще въ 1871 году, еще въ Петербургѣ, онъ началъ страдать катарральными болѣзнями желудка, которыя конечно выходили слѣдствіемъ худыхъ условій его первоначальной жизни, и въ Вильнѣ, и въ Петербургѣ. И зловредное питаніе (одно время трактирное, на манеръ студентовъ), и зловредныя квартиры, сырыя, и лишенныя воздуха, разстроили и ослабили его организмъ, уже и по натурѣ слабый и непрочный. Впослѣдствіи, знаменитый нашъ врачъ Боткинъ, пріятель и ревностный почитатель Антокольскаго, много разъ говаривалъ про него, что не принадлежи онъ къ еврейскому племени, необычайно выносливому и гибкому, онъ давно долженъ былъ бы погибнуть. И эта застарѣлая болѣзнь съ годами разрослась и усилилась, и заставила его въ мученіяхъ умереть раньше времени. Но въ началѣ 70-хъ годовъ Антокольскій уже такъ бѣдствовалъ и мучился, что принужденъ былъ покинуть Россію. Онъ уѣхалъ, въ сентябрѣ 1871 г., въ Римъ, оттуда переѣхалъ, въ 1880 г., въ Парижъ, въ Россіи бывалъ рѣдко и на короткое время, и прожилъ такимъ образомъ за границей цѣлыхъ 30 лѣтъ. Что дѣлать, иначе нельзя было.

Но это долгое пребываніе за границей ничего добраго ему не принесло, никакой пользы ему не сдѣлало, ни въ физическомъ, ни въ интеллектуальномъ отношеніи.

Въ физическомъ отношеніи онъ ни на единую іоту не поправилъ своего здоровья. Въ Римѣ онъ всѣ восемь лѣтъ сплошь принужденъ былъ жаловаться, то на нездоровье, то на положительную болѣзнь, которая мѣшала ему по нѣскольку дней работать. И немудрено: онъ наконецъ убѣдился, но уже немного поздно, что римскій климатъ для него вреденъ, сущій ядъ, да сверхъ того, у него была постоянная неудача съ квартирой и мастерской. Онъ и мнѣ, и другимъ близкимъ людямъ много разъ писалъ, что „мастерская у него скверная, сырая, плесень кругомъ, и даже трава по угламъ растетъ... Свѣтъ нижній, голова статуи (когда такую онъ работаетъ)—въ тѣни; пробовалъ ра-

ботать днемъ при ночномъ освѣщеніи, но все-таки нехорошо. Вообще, я работаю съ мученіемъ. Римская глина отвратительна для работы: она не вязка и распадается... Когда утромъ я встаю, я съ отвращеніемъ вспоминаю, что долженъ идти въ эту проклятую яму"... Италія сильно ему нравилась своею природой и красотой, и онъ ими восхищался. Но настолько же ему сильно не нравились итальянцы. Онъ писалъ мнѣ и другимъ знакомымъ: „никогда я не видалъ такихъ отвратительныхъ людей, какъ итальянцы. До того они мелки и безсовѣстны"... Крамскому, своему великому пріятелю, онъ писалъ: „я не восторгаюсь Италіей. Настроеніе мое скорѣе похоже на петербургскую осень, когда сверху льетъ, точно небесныя слезы оплакиваютъ человѣческій родъ: на душѣ гадко, а подъ ногами такая грязь, что невозможно подойти къ человѣку поближе и отъ души крѣпко пожать ему руку... Римъ истинно благословенный... Здѣсь на каждомъ шагу очень живописно, но на солнечномъ фонѣ ползаютъ іезуиты, отцы инквизиціи, эксплуататоры всего и всѣхъ, вообще всего человѣчества. Подобныя сокровища нескоро у насъ увидишь"... Не нравились ему современные итальянскіе художники своею корыстью, жадностью, пустотой и лѣнью, но также не нравилась ему и та компанія, съ которою ему приходилось встрѣчаться и проводить иногда время. Она не годилась для него. Онъ много разъ на нее жалуется мнѣ въ письмахъ, говоря, что „не съ кѣмъ поговорить, посовѣтоваться", „я совершенно одинъ одинёхонекъ, а знакомыхъ можно здѣсь найти много, но я требую искреннихъ бесѣдъ, а не приличной и пустой болтовни. Ужъ лучше молчать и думать про себя"... Результатъ всего этого вмѣстѣ былъ тотъ, что онъ сталъ писать знакомымъ: „поскорѣе, поскорѣе оставить Италію навсегда... Въ Римѣ ничего новаго нѣтъ: всѣ спятъ, точно сквозь сонъ мычатъ и кряхтятъ". И все-таки онъ не терялъ бодрости, говорилъ: „А я все-таки дѣлаю и сдѣлаю свое дѣло, и докажу, что желаніе можетъ преодолѣть всѣ препятствія"...

Онъ это и доказалъ, создавъ въ Римѣ нѣсколько крупнѣйшихъ созданій („Петръ I", проекты группъ для Александровскаго моста: „Ярославъ Мудрый", „Иванъ III"; надгробный памятникъ „княжны Оболенской")—но какою цѣною это досталось, цѣною какихъ мукъ и страданій! „Ярославъ Мудрый" и „Иванъ III" по мысли и по фактурѣ совершенно примыкали къ „Ивану Грозному", и, такъ сказать, были созданы тѣмъ же рѣзцомъ и той же мыслью.

Единственной отрадой и утѣшеніемъ были для него, въ Римѣ, нѣкоторые интеллигентные люди, любящіе и понимающіе художество; Е. А. Боткина (въ то время еще Мордвинова), С. И. Мамонтовъ и нѣкоторые другіе русскіе. Къ несчастію, ихъ было слишкомъ мало.

„Въ Парижѣ,—писалъ онъ впослѣдствіи,—я нашелъ меньше, чѣмъ

ожидалъ, но больше, чѣмъ гдѣ-либо"... Оттого онъ прожилъ тамъ болѣе 20 лѣтъ, и создалъ тамъ также нѣсколько очень крупныхъ, очень значительныхъ созданій, между которыми главныя: „Несторъ лѣтописецъ" и „Ермакъ, завоеватель Сибири". Въ такомъ несравненномъ міровомъ центрѣ, какъ Парижъ, многія поколѣнія талантливыхъ людей находили себѣ вдохновеніе, отраду, покой и нарожденіе громадныхъ творческихъ силъ. Такъ было, конечно, съ Антокольскимъ, такимъ всегда нервнымъ и горячимъ. Онъ чувствовалъ себя въ Парижѣ бодрымъ, свѣжимъ, здоровымъ, сильнымъ. Безчисленныя chefs d'oeuvre'ы прежнихъ временъ и разнообразнѣйшихъ народностей прежняго времени, талантливыя, стремящіяся къ жизни и свѣту созданія горячихъ французовъ новаго времени—не могли оставлять его равнодушнымъ и спокойнымъ. Онъ воодушевлялся, кипѣлъ вдохновеніемъ, устремлялся къ новымъ планамъ и задачамъ. Но была въ его жизни цѣлая полоса, когда его талантъ какъ будто покинулъ, на время, свою настоящую, прямую дорогу, свою истинную задачу. Я однажды писалъ: „не въ одномъ только талантѣ состоитъ все дѣло въ искусствѣ. Для него есть что-то такое, чего не замѣнитъ никакой талантъ, никакое мастерство, никакая виртуозность, что-то такое, безъ чего всѣ они мертвы и ничтожны будутъ; это—здоровое, свѣтлое, прямое чувство, мысль, понятіе жизни"... По своей могучей натурѣ, Антокольскій росъ и умножался въ силѣ, мастерствѣ и умѣньѣ, но ощущеніе жизни и того, что̀ по натурѣ его принадлежало характеру его творчества, какъ будто затмевалось на время, ускользало отъ него. Еще въ 1878 году, послѣ всемірной парижской выставки того года, когда онъ получилъ высшія награды и одобренія, я отмѣчалъ, на страницахъ „Вѣстника Европы", тѣ неблагопріятные результаты, которые, по моему убѣжденію, накладывала на его талантъ продолжительная жизнь въ западной Европѣ, среди чуждыхъ ему элементовъ, дѣятельности и направленій. Продолжительная жизнь въ чуждой странѣ всегда оказывалась вредною, неблагопріятною для русскихъ художниковъ. Кто изъ нихъ ясно и твердо сознавалъ себя, стремился выйти изъ круга чужой жизни и воротиться къ своей, родной, дорогой и потребной для его натуры—почвѣ. Долго заживаться за границей ни одному даровитому, талантливому русскому, съ истинно значительною индивидуальностью, никогда не проходило даромъ, всегда было не безвредно. Ивановъ, Герценъ, Тургеневъ до нѣкоторой степени поплатились, подъ конецъ жизни, за долгое проживанье внѣ своего отечества. Я писалъ въ 1878 году: „нѣтъ сомнѣнія, съ тѣхъ поръ, что Антокольскій уѣхалъ въ чужіе края, онъ сдѣлалъ большіе успѣхи собственно въ самой скульптурѣ, въ техникѣ своего дѣла, но, по-моему, онъ нѣсколько утратилъ того

своеобразнаго духа, который дышалъ у него въ „Иванѣ Грозномъ", въ „Инквизиціи", въ его статуэткахъ-эскизахъ: „Иванѣ III" и „Ярославѣ Мудромъ". Онъ нѣсколько объитальянился (*и прибавлю теперь*, не взирая на все свое недовольство Италіей и итальянцами:—таково засасывающее и иногда неотразимое вліяніе чужой среды). Италія отучила его отъ истинной драмы временъ его „Ивана Грознаго" и „Инквизиціи". Тогда онъ работалъ на почвѣ близкой и знакомой ему: ему стоило только оглянуться вокругъ себя, оригиналы стояли вокругъ него готовые, онъ ихъ могъ видѣть (*въ томъ числѣ и среди прежнихъ столѣтій, по родству и связи историческимъ*), могъ, такъ сказать, дотронуться до нихъ. Теперь онъ все это бросилъ, занялся интересами „общечеловѣческими", перенесся въ чуждыя народности, гдѣ уже надо идеальничать, надо насильно переноситься туда, и въ то, чего не видалъ, чего не знаешь, чего никогда не чувствовалъ, надо быть—*космополитомъ*"... Но по рожденію своему, по натурѣ, Антокольскій никогда не былъ, не могъ и не желалъ быть космополитомъ, какъ большинство русскихъ—до сихъ поръ, по крайней мѣрѣ. До сихъ поръ вся главная сила наша была въ націонализмѣ и именно за націонализмъ (по части искусства) насъ всего болѣе всегда цѣнила и славила Европа. У Антокольскаго не было того дарованія, которое давало Шекспиру силу и возможность, наравнѣ съ англійскими Генрихами, Ричардами и Фальстафами, несравненными огненными чертами рисовать и африканца Мавра, и азіата Шейлока,—и которое (хотя и въ несравненно меньшей мѣрѣ, въ сравненіи съ Шекспиромъ) давало нашему Пушкину силу и возможность, наравнѣ съ царемъ Борисомъ, монахомъ Пименомъ и новыми русскими, Онѣгинымъ и Нулинымъ, рисовать великими и глубокими чертами египтянку Клеопатру, средневѣковаго нѣмца барона и его сына рыцаря, Лауру и Донъ-Жуана. Роль и задача Антокольскаго была тѣснѣе и меньше: ему удавалось и чудно у него выходило только то, что̀ принадлежало къ русской и еврейской національности. Если „Инквизиція" была у него созданіе истинно великое и монументальное, то именно потому, что онъ тутъ хотѣлъ изобразить громадную массу еврейскихъ типовъ и натуръ, ему близко и глубоко извѣстныхъ, изобразить еврейскую жизнь и судьбу, близко и глубоко ему извѣстныя; если онъ съ несравненнымъ талантомъ изобразилъ Ивана Грознаго, Петра Великаго, Ивана III, то это потому, что онъ былъ ими полонъ, видѣлъ и чувствовалъ вокругъ себя ихъ натуры, жизнь и дѣятельность;—все остальное было ему далеко и мало доступно, не взирая ни на какую философическую подкладку, идеальныя мечты и думы, съ какими созданы были у него „Сократъ", „Спиноза", безтѣлесная, резонерская и сухая аллегорія „Мефистофель".

Въ Парижѣ, несмотря на все жизненное, внѣшнее, и—художественное, интеллектуальное и творческое приволье тамъ, Антокольскій долго не сдѣлалъ ничего такого, что̀ свойственно было его настоящему, углубившемуся и выросшему таланту. „Космополитическія задачи", космополитическая точка зрѣнія продолжали вредить ему и задерживать полетъ его таланта. Можно сказать, было бы великое счастье, еслибы Антокольскій не прожилъ цѣлыхъ 30 лѣтъ въ Римѣ и Парижѣ. Это было отчасти новое повтореніе того, что̀ случилось съ Ивановымъ, нашимъ столько значительнымъ живописцемъ. Его талантъ и творчество много потерпѣли отъ 20 лѣтъ житья въ Италіи. Но Антокольскій еще очнулся во̀-время: восторгаясь Парижемъ и его величіемъ, но въ то же время искренно чувствуя все худое, наносное, вредное и фальшивое, что̀ накопилось столѣтіями во французскомъ искусствѣ, и удручающими путами тяготѣло надъ геніальною французскою натурою, сковывало ее безчисленными предразсудками и преданіями, Антокольскій стоялъ въ сторонѣ отъ французскаго искусства, отъ французской многопрославленной скульптуры, и во множествѣ писемъ и печатныхъ статей выразилъ свое несимпатизированіе имъ. Онъ въ Парижѣ былъ столько же „одинокъ-одинёшенекъ", какъ нѣкогда въ Римѣ. И онъ, въ послѣдніе годы свои, поворотилъ отъ „космополитства" опять къ прежней правдивой и коренной своей дѣятельности—къ задачамъ первой своей юности, къ творчеству, продолжающему созданія „Ивана Грознаго", „Петра I", „Ивана III", и выше всего—своей чудной „Инквизиціи". Онъ сотворилъ „Нестора", „Ермака", принялся снова за старую „Инквизицію", и за чудную и великую новую трилогію свою: „Цивилизованные народы гонятъ и избиваютъ дикарей", „Классическій древній міръ гонитъ и избиваетъ новый, христіанскій", „Христіане гонятъ и избиваютъ евреевъ". Но смерть остановила его.

Таковы, по-моему, главныя черты и событія жизни Антокольскаго. Болѣе важныхъ, многочисленныхъ біографическихъ подробностей, всестороннее изложеніе его мыслей и направленія, подробную оцѣнку его созданій—должна дать подробная и полная его біографія.

В. Стасовъ.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 августа 1902.

Двадцатипятилѣтіе дѣятельности петербургской училищной коммиссіи по начальному народному образованію и главнѣйшіе результаты ея.—„Городскія“ училища Думы и причина ихъ успѣха.—Вопросъ о городскихъ исполнительныхъ коммиссіяхъ.—Проектъ созыва съѣзда городскихъ учащихъ въ Москвѣ, и общеобразовательные курсы для учащихъ въ г. Павловскѣ. — Несправедливыя обвиненія. — Оригинальная городская дума.—А. Н. Бекетовъ †.

Въ маѣ мѣсяцѣ текущаго года закончился учебный годъ въ начальныхъ народныхъ училищахъ города С.-Петербурга и вмѣстѣ съ тѣмъ и первое двадцатипятилѣтіе дѣятельности завѣдующей ими городской исполнительной коммиссіи по народному образованію, избранной Думою 15-го іюня 1877 года [1]). Коммиссія, какъ извѣстно,

[1]) Конецъ этого 25-лѣтія совпалъ съ лѣтними вакаціями, а потому, какъ мы слышали, чествованіе дня вступленія городского общественнаго управленія въ новое двадцатипятилѣтіе по завѣдыванію училищнымъ дѣломъ отложено до осени; къ тому времени выйдетъ въ свѣтъ и отчетъ коммиссіи за истекшія 25 лѣтъ ея дѣятельности. Такое изданіе явится тѣмъ болѣе кстати, что въ одной изъ іюльскихъ книжекъ „Извѣстій Городской Думы“ (№ 17, Приложеніе) напечатанъ какой-то „обзоръ дѣятельности спб. городского общественнаго управленія за десятилѣтіе 1891—1900 г.“, составленный В. А. Никольскимъ, но при этомъ не выяснено, кто поручилъ автору такую работу, и кѣмъ она была предварительно просмотрѣна, чтобы получить право на помѣщеніе въ оффиціальномъ изданіи. Повидимому, этотъ обзоръ составленъ лицомъ мало знакомымъ съ исторіею городского общественнаго управленія,—иначе онъ не взялъ бы на себя смѣлости увѣрять (стр. 1), будто составленный имъ обзоръ „представляетъ собою *первую* (?!) попытку въ этомъ новомъ для городского общественнаго управленія дѣлѣ“ (т.-е. составленія обзоровъ за нѣсколько лѣтъ). „Дальнѣйшій опытъ, надо думать, укажетъ какъ на потребность въ подобнаго рода изданія, такъ и на его программу, способъ составленія и, наконецъ, на самый его объемъ“. Смѣемъ увѣрить почтеннаго автора, что его обзоръ вовсе не представляетъ ни первой, ни какой другой попытки, и городъ не нуждается ни въ какомъ „дальнѣйшемъ опытѣ“, такъ какъ подобные обзоры, но, конечно, вполнѣ основательные, были не разъ составляемы. притомъ не иначе, какъ съ вѣдома городской Думы, лицами ею же избранными и ею одобренными. Такъ, въ 1883 г. по распоряженію Думы былъ составленъ обзоръ за первое десятилѣтіе ея дѣятельности (1873—1883), цѣлою коммиссіею изъ 15 гласныхъ, при участіи городского секретаря М. В. Соловьева, и 20 февраля 1883 г. доложенъ Думѣ въ ея засѣданіи, по случаю совершившагося въ этотъ день перваго десятилѣтія. Въ 1885 г., опять по распоряженію Думы, былъ изданъ другой весьма извѣстный обзоръ: „Столѣтіе спб. городского общества 1785—1885 г.“, въ память дня 21 апрѣля 1785 г., когда дана жалованная грамота городамъ. Наконецъ, въ 1887 г. былъ изданъ обзоръ „Перваго десятилѣтія городскихъ начальныхъ училищъ, 1877—1887 гг.“.

приняла тогда изъ рукъ министерства народнаго просвѣщенія въ свое завѣдываніе 16 низшихъ (начальныхъ) училищъ или классовъ, для мальчиковъ и дѣвочекъ, съ 900 учащихся въ нихъ на весь городъ и съ расходомъ Думы на ихъ содержаніе въ 14½ тысячъ рублей въ годъ, отпускавшихся городомъ министерству народнаго просвѣщенія, какъ вспомоществованіе. Нынѣ же, по прошествіи 25 лѣтъ, городское общественное управленіе содержитъ и вѣдаетъ 470 классовъ (каждый на 50 учащихся), размѣщенныхъ въ 333-хъ квартирахъ, съ 23½ тысячъ учащихсл обоего пола; расходъ же города вообще по народному образованію превысилъ въ настоящее время 1.300.000 рублей, т.-е. увеличился почти въ 100 разъ, сравнительно съ его расходомъ на тотъ же предметъ 25 лѣтъ тому назадъ.

Вообще, народное образованіе въ столицѣ шло съ безпримѣрною медлительностью до самаго 1877 года. Ровно за 100 лѣтъ предъ передачею въ вѣдѣніе города начальныхъ училищъ, а именно въ 1777 году, было основано въ Петербургѣ *первое* низшее народное училище для бѣдныхъ дѣтей, по плану и на средства частнаго лица—столь извѣстнаго по его общественной дѣятельности—Н. И. Новикова; это первое училище было открыто въ приходѣ Владимірской церкви, на Владимірской улицѣ, а для дня открытія было избрано 24-ое ноября, какъ день тезоименитства императрицы Екатерины II. Оно существуетъ и понынѣ въ московской части, подъ именемъ 1-го московскаго мужского училища. Этимъ и ограничился пока первый шагъ, сдѣланный притомъ по частному почину на поприщѣ народнаго образованія въ нашей столицѣ, и только четыре года спустя день рожденія Петра В., 30 мая 1781 г., послужилъ поводомъ къ основанію второго народнаго училища, уже на средства казны; по имени святого, чтимаго въ этотъ день, оно было названо исаакіевскимъ (существуетъ и понынѣ, подъ именемъ 2-го коломенскаго мужского училища). Къ концу царствованія Екатерины II, въ 1796 году Петербургъ имѣлъ уже 7 училищъ, и затѣмъ, въ теченіе цѣлыхъ 80 лѣтъ, начиная отъ смерти импе-

---

Но худшее въ „Обзорѣ", нынѣ напечатанномъ редакціею „Изв. Спб. Городск. Думы", „съ разрѣшенія г. спб. городского головы", состоитъ въ томъ, что онъ, очевидно, не былъ надлежащимъ образомъ провѣренъ свѣдущими людьми, а потому не можетъ даже служить „хотя бы только въ качествѣ простой справочной книжки", какъ того желалъ бы авторъ. По крайней мѣрѣ глава, посвященная народному образованію (стр. 108), безъ сомнѣнія, не была провѣрена самою коммиссіей, такъ какъ въ такомъ случаѣ она не представляла бы въ себѣ столько ошибочнаго. Конечно, авторъ сдѣлалъ свое дѣло такъ, какъ умѣлъ, и за помѣщеніе его труда въ оффиціальномъ изданіи безъ надлежащей провѣрки онъ не несетъ никакой отвѣтственности. Для Думы является вопросъ, въ какой мѣрѣ можно пользоваться подобнымъ изданіемъ, гдѣ дѣятельность самой Думы за 10 лѣтъ занимаетъ собою буквально менѣе одной страницы (стр. 5)!!

ратрицы и до передачи училищъ въ вѣдѣніе города, къ нимъ присоединилось всего 9 училищъ (въ царствованіе Александра I—4 училища, въ царствованіе Николая I — 5 училищъ). Такъ медленно росло дѣло народнаго образованія въ столицѣ имперіи въ теченіе цѣлыхъ ста лѣтъ (1777—1877 г.), предшествовавшихъ истекшей нынѣ первой четверти вѣка дѣятельности городского общественнаго управленія на этомъ новомъ тогда для него поприщѣ. Съ того времени число училищъ начало быстро рости: въ первое пятилѣтіе (1877—1881 г.) къ принятымъ 16 училищамъ присоединилось 89 новыхъ училищъ; во второе пятилѣтіе (1882—1886 гг.)—125; въ третье (1887—1891 г.)—51; въ четвертое (1892—1896)—61; наконецъ, въ пятое (1897—1901 г.)—129 училищъ. Въ наступающемъ учебномъ 1902—1903 году число училищъ-классовъ приблизится, съ открытіемъ новыхъ школъ, къ пятистамъ.

Такое громадное различіе въ ходѣ народнаго образованія въ столицѣ имперіи, если сравнить результаты цѣлаго вѣка (1777—1877 гг.) и одного только 25-лѣтія (1877—1901 г.)—объясняется очень просто. Нѣтъ и не можетъ быть такого богатаго правительства, которое могло бы на свои средства вести въ странѣ все дѣло народнаго образованія. Это хорошо понимала и сама имп. Екатерина II; открывъ въ Петербургѣ на средства казны до 5 начальныхъ училищъ (одно на средства Новикова и одно въ нарвской части—на средства города, въ 1785 г., когда была дана грамота городамъ), въ именномъ указѣ, данномъ по случаю открытія перваго училища на средства казны, она заявила: „нѣтъ сомнѣнія, что въ другихъ частяхъ города обыватели по мѣрѣ состоянія своего не отрекутся содѣйствовать пользѣ согражданъ своихъ и самихъ ихъ, изъ сего (т.-е. народныхъ училищъ) ожидаемой“. Такъ говорила императрица еще въ 1781 году, когда, какъ мы видѣли, ею было открыто, въ день рожденія Петра В., исаакіевское народное училище; но въ 1785 г. она даровала грамоту россійскимъ городамъ, а потому съ того времени вышеприведенныя слова императрицы должны были относиться уже не къ обывателямъ, а къ выборнымъ представителямъ городовъ. Но, какъ мы видѣли, содѣйствіе со стороны городского общественнаго управленія къ развитію въ Петербургѣ народнаго образованія, въ теченіе цѣлыхъ 80 лѣтъ, достигло весьма ничтожной суммы, $14^1/_2$ тысячъ ежегодно, отпускавшихся въ распоряженіе министерства народнаго просвѣщенія на содержаніе 16 народныхъ училищъ въ столицѣ. Только съ семидесятыхъ годовъ быстро измѣнилось такое отношеніе городского общественнаго управленія къ дѣлу народнаго образованія; до того времени правительственная администрація одна открывала училища, а общественному управленію предоставляла только оказывать ей матеріальное

содѣйствіе. „Городовое Положеніе" 1870 года предоставило самимъ городамъ „*участіе* въ попеченіи о начальномъ образованіи"; вслѣдъ за тѣмъ „Положеніе о начальныхъ училищахъ" 1874 года разрѣшило городамъ самимъ „учреждать народныя училища", съ предварительнаго разрѣшенія училищной инспекціи, и, что̀ еще важнѣе, „избирать для нихъ попечителей, завѣдывающихъ дѣлами ввѣренныхъ имъ училищъ". Главнымъ же образомъ участіе города въ руководительствѣ дѣломъ народнаго образованія въ столицѣ выразилось въ учрежденіи особаго отъ общей училищной администраціи городского училищнаго совѣта, подъ предсѣдательствомъ городского головы, и съ допущеніемъ въ составъ его, на правахъ членовъ, представителей отъ города и попечителей, также съ правомъ голоса, по дѣламъ ввѣренныхъ имъ училищъ. Вотъ въ чемъ единственно и заключалась главная причина необыкновенно быстраго развитія дѣла народнаго образованія въ столицѣ въ послѣднее 25-лѣтіе. Расходы на народное образованіе относятся, какъ извѣстно, къ числу необязательныхъ для города, а потому только непосредственное участіе города въ училищномъ дѣлѣ могло вызвать съ одной стороны сильное увеличеніе матеріальнаго расхода на народное образованіе, а съ другой—что̀ не менѣе важно—пожертвованія не однѣми деньгами, а также временемъ и трудомъ на пользу училищнаго дѣла: завѣдующіе училищами избираются Думою какъ изъ среды гласныхъ, такъ и вообще изъ среды избирателей, а попечители—изъ среды всѣхъ городскихъ обывателей обоего пола, безъ требованія для нихъ избирательнаго ценза.

Но въ исторіи двадцатипятилѣтняго завѣдыванія городомъ начальными училищами не одинъ ихъ количественный ростъ обращаетъ на себя главное вниманіе: городское общественное управленіе было постоянно озабочено наилучшею обстановкою школьныхъ помѣщеній, съ наблюденіемъ за здоровьемъ учащихся, а также поддержаніемъ слабыхъ и вмѣстѣ бѣдныхъ дѣтей устройствомъ завтраковъ, отправленіемъ ихъ на лѣтнее время въ колоніи и т. п. Все это сдѣлалось вполнѣ возможнымъ только при постройкѣ соотвѣтственныхъ школьныхъ домовъ съ соединенными классами, какъ это давно уже осуществлено въ Германіи и другихъ странахъ западной Европы. Только въ послѣднее шестилѣтіе коммиссіи по народному образованію удалось, наконецъ, преодолѣть оппозицію, во главѣ которой стоялъ г. Латышевъ, бывшій тогда директоромъ народныхъ училищъ и вмѣстѣ редакторъ повидимому педагогическаго журнала: „Русскій начальный учитель"; въ одной изъ его книжекъ 1896 года, когда Дума приняла предложеніе коммиссіи и было даже приступлено къ самой постройкѣ, г. Латышевъ выразилъ сожалѣніе о томъ, что „хотятъ устраивать столь вредное, въ воспитательномъ отношеніи, массовое скопле-

ніе учащихся и проявляютъ любовь къ муштровкѣ (?) учащихся; вопросъ былъ рѣшенъ въ Думѣ безъ совѣщанія съ врачами и педагогами—и неудачно". Но теперь уже исполнилось съ того времени пять лѣтъ, и можно только радоваться, что Дума не совѣщалась особенно съ такими педагогами, какъ г. Латышевъ. Доказательствомъ тому служитъ помѣщенный въ послѣднемъ „Отчетѣ Коммиссіи по народному образованію въ г. Петербургѣ за 1901 годъ" (стр. 18 и 19) отзывъ Н. Я. Сонина, бывшаго недавно попечителемъ Спб. учебнаго округа, объ одномъ изъ городскихъ школьныхъ домовъ, устроенномъ на Прудкахъ, съ 18-ью соединенными классами (почти на 900 учащихся обоего пола). Осмотрѣвъ домъ во всѣхъ подробностяхъ и посѣтивъ классы, попечитель, „высказывая похвалы самому училищному дому и установившемуся въ немъ порядку—учебному и воспитательному, пожелалъ, чтобы городъ и въ дальнѣйшихъ заботахъ о народномъ образованіи предпочиталъ устройство для училищъ собственныхъ домовъ—найму помѣщеній въ частныхъ зданіяхъ, такъ какъ въ учебно-воспитательномъ отношеніи и въ санитарномъ учащіеся въ городскихъ школахъ, помѣщающихся въ спеціально устроенныхъ для нихъ собственныхъ домахъ, пользуются такими удобствами обученія и гарантіями здоровья, какихъ помѣщенія въ частныхъ обывательскихъ домахъ дать не могутъ"; при этомъ Н. Я. Сонинъ справедливо замѣтилъ, что „при значительности числа такихъ городскихъ школъ нельзя опасаться дальности разстояній училищныхъ домовъ отъ мѣста жительства учащихся"...

Нельзя не присоединиться къ высказанному бывшимъ попечителемъ округа пожеланію, чтобы городъ не медлилъ постройкою собственныхъ помѣщеній для училищъ, что̀ для Думы не представляетъ финансовыхъ затрудненій: расходъ по займу на постройку не падалъ бы на городскую кассу, такъ какъ для уплаты процентовъ послужила бы сумма, расходуемая нынѣ на наемъ квартиръ въ частныхъ домахъ, а эта сумма въ настоящее время приближается, какъ видно изъ послѣдняго отчета коммиссіи, къ 400.000 рублей, и расходуется ежегодно безъ всякаго погашенія и съ опасеніемъ ежегоднаго ея повышенія. Между тѣмъ, въ теченіе истекшаго пятилѣтія устроено всего только два дома на 30 классовъ (съ 1.500 учащихся обоего пола)—и на этомъ, какъ будто, дѣло остановилось. Эти два дома, если мы не ошибаемся, обошлись городу въ 350 тысячъ рублей съ небольшимъ; для уплаты 7% съ погашеніемъ потребовался бы ежегодный расходъ въ 25.000 рублей, а наемъ 30 училищныхъ квартиръ въ частныхъ домахъ требуетъ такого же расхода (въ среднемъ, квартира стоитъ около 850 руб.), но безъ погашенія. Впрочемъ, въ этомъ дѣлѣ важны

не столько матеріальныя выгоды, сколько учебныя (въ классѣ нѣтъ трехъ отдѣленій), воспитательныя и гигіеническія.

Городская коммиссія, завѣдующая училищами, до послѣдняго времени носила наименованіе, не вполнѣ соотвѣтствовавшее области, въ которой она дѣйствовала. До половины девятидесятыхъ годовъ она завѣдывала только *начальными* народными училищами и потому могла правильно называться коммиссіею по начальному народному образованію. Министерство народнаго просвѣщенія, какъ мы видѣли, сдало на руки коммиссіи одни начальныя училища въ числѣ 16, а училища, гдѣ можно было заканчивать низшее образованіе, удержало за собою, въ числѣ шести на весь городъ. Это число такъ-называемыхъ четырехклассныхъ городскихъ училищъ по Положенію 1872 года, въ теченіе послѣднихъ 25 лѣтъ едва только удвоилось, между тѣмъ какъ число начальныхъ училищъ городъ увеличилъ за это время въ 30 разъ. Отношеніе городского общественнаго управленія къ 4-хъ-классньмъ училищамъ министерства совершенно напоминаетъ собою его отношеніе къ начальному образованію до 1877 года: пособіе города министерству, какъ мы видѣли, выражалось тогда въ суммѣ ежегоднаго расхода 14½ тысячъ рублей; точно такъ же и нынѣ участіе города въ расходахъ на 4-хъ-классныя училища, въ теченіе всего 25-лѣтія, достигло суммы 6.400 рублей. Но все рѣзко измѣнилось, какъ только городъ добился, наконецъ, разрѣшенія открывать самому 4-хъ-классныя училища. 6-го ноября 1896 г., въ день совершившагося тогда столѣтія со смерти имп. Екатерины II, городская Дума, имѣвшая засѣданіе какъ разъ въ этотъ самый день, постановила ознаменовать столѣтнюю годовщину смерти великой императрицы ходатайствомъ о разрѣшеніи открыть собственное 4-хъ-классное мужское училище имени Екатерины II. Только спустя два года, послѣ двукратнаго отказа со стороны министерства народнаго просвѣщенія, послѣдовало въ 1898 г. разрѣшеніе, но не иначе, какъ на правахъ частнаго лица, а въ 1899 году такое училище было уже открыто; въ будущемъ 1903 году оно сдѣлаетъ даже и первый свой выпускъ. Съ того времени прошло, значитъ, всего какихъ-нибудь три года—и что же?—къ началу наступающаго нынѣ учебнаго 1902—1903 года городъ уже имѣетъ пять такихъ училищъ, мужскихъ и женскихъ, и ассигнуетъ на ихъ содержаніе ежегодно до 40 тысячъ рублей, т.-е. въ шесть разъ больше того, что онъ расходовалъ на этотъ предметъ въ теченіе послѣднихъ 25 лѣтъ. Вопросъ: желательно ли, чтобы и въ будущемъ городская Дума продолжала идти такъ счастливо начатымъ ею путемъ?—конечно, ни съ какой стороны не можетъ вызвать

отрицательнаго отвѣта. Но въ такомъ случаѣ надобно желать также, чтобы Дума на этомъ пути не только не встрѣчала препятствій, какъ это было до 1898 года, но нашла бы себѣ даже и нѣкоторую поддержку. Поддержка же должна состоять только въ томъ, чтобы городъ по отношенію 4-хъ-классныхъ городскихъ училищъ сталъ въ то же положеніе, въ какое онъ былъ поставленъ въ 1877 г. по отношенію къ начальнымъ училищамъ, а именно необходимо, чтобы и 4-хъ-классныя училища были переданы въ вѣдѣніе того же городского училищнаго совѣта, или чтобы Положеніе о городскихъ училищахъ 1872 года было пересмотрѣно въ тѣхъ статьяхъ, которыя совершенно устраняютъ городъ отъ завѣдыванія этими училищами; хотя тамъ и допускаются попечители отъ города, но въ совѣтѣ училища предсѣдательствуетъ не попечитель, а одинъ изъ учащихъ, да и вообще городу предоставлена одна обязанность вносить деньги. Мы слышали, что и въ Москвѣ, гдѣ уже давно городъ вноситъ министерству деньги на содержаніе 4-хъ-классныхъ училищъ, имѣется въ виду, по наступленіи конца срока, „на который былъ назначенъ отпускъ денегъ“, прекратить дальнѣйшую субсидію, и по примѣру Петербурга открывать свои 4-хъ-классныя городскія училища на правахъ частнаго лица.

Въ наступающемъ 1903 году исполнится 30-лѣтіе дѣятельности самого городского общественнаго управленія (1873—1903 гг.), и надобно полагать, что городская Дума озаботится къ тому времени издать обзоръ истекшаго періода, конечно, не въ такомъ жалкомъ видѣ, въ какомъ — мы замѣтили выше — недавно былъ изданъ обзоръ дѣятельности Думы за послѣднее десятилѣтіе (1890—1901 гг.),—причемъ обнаружится само собою различіе перваго 20-лѣтія (1873—1892 г.), когда въ основѣ городского общественнаго управленія лежало Городовое Положеніе 1870 года, и послѣдняго десятилѣтія, когда это Положеніе было видоизмѣнено въ 1892 году. Теперь ожидается новый пересмотръ уже однажды пересмотрѣннаго Городового Положенія 1870 года, причемъ на основаніи опыта можно будетъ убѣдиться въ томъ, выиграло ли городское дѣло отъ перваго пересмотра, или, наоборотъ, потеряло отъ него. Въ печати по поводу такого пересмотра было высказано такъ много пожеланій, что трудно сказать что-нибудь безъ опасенія повторить въ сотый разъ то, что̀ указывалось уже нѣсколько разъ, между прочимъ, и у насъ. Но есть одно обстоятельство, на которое, какъ кажется, еще не обращалось вниманія, а между тѣмъ оно представляетъ чрезвычайную важность. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ исторіи 30-лѣтія, по крайней мѣрѣ спб. городской Думы, весьма видное мѣсто должны занять ея исполнительныя ком-

миссіи, такъ какъ имъ были ввѣрены самыя важныя городскія дѣла, какъ напримѣръ, больничное, санитарное, благотворительное, училищное, освѣтительное и т. д. Отношеніе исполнительныхъ коммиссій къ управѣ и до 1892 г., и послѣ того, выражалось въ законѣ однимъ словомъ: онѣ „подчинены" управѣ—но до самаго послѣдняго времени это подчиненіе выражалось только тѣмъ, что исполнительныя коммиссіи не могли сноситься съ Думою иначе, какъ чрезъ управу; управа вносила въ Думу доклады коммиссій съ своимъ заключеніемъ, поддерживая мнѣнія коммиссій или отвергая ихъ, а Дума рѣшала дѣло; такимъ образомъ поддерживалось единство въ городскомъ общественномъ управленіи. До самаго послѣдняго времени, при прежнихъ составахъ управы и прежнихъ городскихъ головахъ, никому не приходило на мысль, что думскія коммиссіи, гдѣ члены работаютъ безмездно, подчинены управѣ и городскому головѣ въ канцелярскомъ смыслѣ этого слова, и что управа съ городскимъ головой являются властью по отношенію къ коммиссіямъ, а не однимъ контролемъ надъ ними. Дума, конечно, приняла сторону коммиссій, а особое присутствіе по городскимъ дѣламъ — управы, и дѣло дошло до сената, такъ что до сихъ поръ нельзя считать его вполнѣ оконченнымъ; Дума вторично обжаловала особое присутствіе по городскимъ дѣламъ. Значеніе и роль исполнительныхъ коммиссій, а также польза, принесенная ими городу, такъ очевидны и велики, что при пересмотрѣ Городового Положенія необходимо было бы оставить для нихъ возможность быть попрежнему полезными городскому дѣлу. При этомъ слѣдуетъ обратить вниманіе и на то ненормальное положеніе вещей, какое порождаетъ новѣйшая претензія управы и городского головы—властвовать, не дѣлая ничего, и предоставляя исполнительнымъ коммиссіямъ трудъ, а себѣ—жалованье. Члены исполнительныхъ коммиссій, какъ гласные Думы, имѣютъ право контроля надъ дѣйствіями управы и городского головы — и въ то же время они оказываются подчиненными управѣ и городскому головѣ, и притомъ безапелляціонно. Такое ненормальное положеніе, при которомъ въ засѣданіи Думы управа и ея предсѣдатель подчинены суду членовъ Думы, а за стѣною собранія тѣ же самые члены Думы подчинены управѣ и городскому головѣ—является именно вслѣдствіе властолюбивыхъ ихъ притязаній, основанныхъ на буквальномъ смыслѣ одной изъ статей Городового Положенія. Совершенно аналогично то положеніе, въ какомъ состоитъ сама Дума по отношенію къ ея предсѣдателю, противъ чего высказалась единодушно вся печать: Дума имѣетъ право требовать всякій разъ отчета и обсуждать дѣйствія предсѣдателя управы—но не иначе какъ подъ его же предсѣдательствомъ! Въ отношеніи исполнительныхъ коммиссій слѣдуетъ, на основаніи ихъ же исторіи, выразить по-

желаніе, чтобы фактическое ихъ положеніе, какое онѣ имѣли цѣлыхъ 30 лѣтъ и при какомъ принесли такъ много пользы, было бы облечено въ форму закона, и такимъ образомъ обезпечилась бы на будущее время и та польза, какую исполнительныя коммиссіи приносили городу до настоящаго времени.

Въ Москвѣ, нынѣшнею весною, былъ возбужденъ вопросъ о созывѣ съѣзда учащихъ въ московскихъ начальныхъ народныхъ училищахъ. Съ представленіемъ объ исходатайствованіи разрѣшенія на то обратились въ московскую городскую Думу многіе изъ попечителей и попечительницъ училищъ. „Жизнью и практикой — высказывалось въ ихъ представленіи — нашей начальной и въ томъ числѣ московской городской школы выдвинутъ цѣлый рядъ вопросовъ, требующихъ для правильнаго своего разрѣшенія данныхъ непосредственнаго учительскаго опыта“; а такъ какъ „лучшимъ средствомъ для проявленія и выраженія того, что̀ можетъ принести для освѣщенія и разъясненія этихъ вопросовъ учительскій опытъ, являются учительскіе съѣзды“, — то попечители и попечительницы, ближайше завѣдующіе училищами, просили Думу возбудить ходатайство о разрѣшеніи такихъ учительскихъ съѣздовъ; удобнымъ же для того временемъ они находили масляную недѣлю будущаго 1903 года. Въ программу съѣзда, какъ сообщаютъ „Русскія Вѣдомости“ (№ 125), предполагается внести вопросы: о развитіи въ начальныхъ училищахъ воспитательнаго начала; о желательныхъ измѣненіяхъ въ программахъ этихъ училищъ; о распредѣленіи классныхъ занятій; объ экзаменахъ; о хозяйственныхъ и гигіеническихъ условіяхъ школьной жизни; о содѣйствіи образованію учителей и т. п. „Созвавъ на съѣздъ преподавательскій персоналъ своихъ училищъ,—справедливо замѣчаетъ газета,—московская городская Дума и учебное вѣдомство тѣмъ самымъ получатъ возможность выслушать по ряду важныхъ вопросовъ мнѣніе сотенъ (въ г. Москвѣ 75 учителей и 480 учительницъ) ближайшихъ участниковъ веденія школьнаго дѣла“... Нѣтъ даже и малѣйшаго повода къ сомнѣнію относительно того, будетъ ли уважено подобное ходатайство московской Думы, такъ какъ земству давно уже разрѣшались подобные учительскіе съѣзды—въ Новгородѣ, Саратовѣ, Перми и другихъ городахъ; на этихъ съѣздахъ, подъ руководствомъ земскихъ или учебныхъ должностныхъ лицъ, устраивались совѣщанія съ учащими о нуждахъ мѣстной школы. Не дальше какъ въ прошедшемъ году происходилъ съѣздъ земскихъ учителей московскаго уѣзда, подъ предсѣдательствомъ мѣстнаго директора народныхъ училищъ, отнесшагося съ полнымъ уваженіемъ и похвалой къ земскимъ учителямъ и учительницамъ; „всѣ до-

клады и обмѣнъ мнѣній на съѣздѣ,—высказался онъ,—свидѣтельствовали о серьезномъ отношеніи къ дѣлу со стороны преподавателей и преподавательницъ, объ ихъ полномъ знакомствѣ съ дѣломъ и горячей къ нему любви". Однимъ словомъ, на учительскихъ съѣздахъ въ земствѣ учащіе являлись какъ бы лучшими экспертами при рѣшеніи разнообразныхъ вопросовъ, относящихся къ жизни народной школы,—какими, въ самомъ дѣлѣ, нельзя и не признать ихъ. Какъ мы видѣли, въ Москвѣ, между многими вопросами предполагается поставить также вопросъ о содѣйствіи образованію учителей, такъ какъ жизнь образованнаго человѣка, какимъ является учащій въ деревнѣ, не находитъ себѣ поддержки въ окружающей его деревенской средѣ.

У насъ въ Петербургѣ этотъ вопросъ уже, такъ сказать, предрѣшенъ, года три тому назадъ, устройствомъ, во время лѣтнихъ вакацій, общеобразовательныхъ курсовъ, состоящихъ подъ августѣйшимъ покровительствомъ Е. И. В. Великаго Князя Константина Константиновича, въ собственномъ Его дворцѣ въ г. Павловскѣ. Какъ ни полезны чтенія, но эти собранія учащихъ, безъ сомнѣнія, приносятъ и помимо того пользу, вслѣдствіе сближенія между учащими для обмѣна мыслей, для собиранія свѣдѣній, справокъ и т. п. Конечно, было бы желательно воспользоваться такими собраніями, какъ учительскимъ съѣздомъ, по примѣру московскаго и другихъ земствъ,—съ тою же цѣлью совѣщанія съ учащими и выслушиванія ихъ мнѣнія по различнымъ вопросамъ школьной жизни,—а это мнѣніе учителей и учительницъ, какъ мы видѣли, весьма цѣнитъ г. директоръ народныхъ училищъ въ Москвѣ. Но врядъ ли наша мысль заслужитъ одобреніе редактора педагогическаго журнала „Русскій Начальный Учитель", г. Латышева. По крайней мѣрѣ, въ его статьѣ, помѣщенной въ собственномъ же журналѣ (№ 4, апрѣль, 1902, стр. 119), объ общеобразовательныхъ курсахъ въ г. Павловскѣ, высказанъ, между прочимъ, такой взглядъ на пользу этихъ курсовъ для земскихъ учителей и учительницъ: собравшіеся изъ губерніи „учащіе, не привыкшіе—говоритъ г. Латышевъ,—думать о томъ, какъ держать себя, попавъ въ такую чудесную обстановку, видя примѣръ другихъ (?), сейчасъ же поняли, что людямъ вовсе не нужно *плевать* (?!!) *на полъ*, всюду сорить, разваливаться на диванѣ; что гораздо болѣе пріятное впечатлѣніе на нихъ самихъ производятъ тѣ люди, которые ничего подобнаго не дѣлаютъ"... Вотъ какую пользу павловскихъ общеобразовательныхъ курсовъ особенно отмѣтилъ авторъ упомянутой статьи, и какими почти дикарями представились ему земскіе учителя и учительницы петербургскаго уѣзда и другихъ уѣздовъ нашей губерніи. Но этого мало: авторъ хочетъ еще убѣдить насъ, будто бы дня черезъ три, по собственному почину, пришли къ нему (г. Латышеву) „выборные

отъ учащихъ сообщить, что они замѣтили недостатки своей внѣшности (??) и рѣшили взаимно напоминать другъ другу, чего не слѣдуетъ дѣлать" (!!),—другими словами, обѣщали, вѣроятно, г. Латышеву больше не плевать на полъ, не сорить и не разваливаться на диванахъ. Авторъ не называетъ этихъ выборныхъ по именамъ, а потому мы ограничиваемся однимъ удивленіемъ, какимъ образомъ авторъ, житель столицы, а не провинціи, могъ дозволить себѣ въ печати такую неприличную и оскорбительную выходку по адресу тружениковъ, посвящающихъ свою жизнь воспитанію дѣтей, съ одобренія и утвержденія притомъ самой администраціи.

Въ газетахъ недавно появилась программа образовательныхъ чтеній на нынѣшній сезонъ въ Павловскѣ; эта программа доказываетъ, что въ слушателяхъ и слушательницахъ предполагаютъ найти вовсе не дикарей: такъ, будутъ читать проф. спб. университета С. Ѳ. Платоновъ и магистранты Н. К. Кульманъ и М. А. Поліевктовъ (вѣкъ имп. Екатерины II); А. П. Нечаевъ по педагогикѣ; проф. технолог. института А. А. Яковкинъ по химіи; проф. спб. университета В. М. Палладинъ по ботаникѣ; проф. медицинской академіи И. П. Павловъ; приватъ-доцентъ спб. университета С. Е. Савичъ по математикѣ; членъ археографическаго комитета А. А. Спицынъ по археологіи.

Повторимъ, въ заключеніе, высказанное нами выше: было бы очень кстати воспользоваться такимъ собраніемъ учащихъ изъ губерній и для другой цѣли, какую имѣютъ въ виду земскіе съѣзды учащихъ, а именно, для совѣщанія съ ними по различнымъ вопросамъ школьной жизни въ деревнѣ и для выслушанія ихъ мнѣній о средствахъ и мѣрахъ къ ея улучшенію; не даромъ же въ баснѣ кротъ оказался болѣе свѣдущимъ, нежели орелъ, сидѣвшій на дубѣ, а подобное случается и въ жизни—не въ одной баснѣ.

Полтавская губернская земская управа, отвѣчая „Кіевлянину", обвинявшему ее въ неумѣломъ и неосторожномъ веденіи статистическаго дѣла, объяснила, между прочимъ, побужденія, въ силу которыхъ ею было привлечено къ этому дѣлу значительное число временныхъ сотрудниковъ [1]). Рѣчь шла не о статистическомъ *изслѣдованіи*, а только о собраніи статистическихъ *свѣдѣній*, которое желательно было произвести въ возможно болѣе короткій срокъ, въ видахъ возможно бо̀льшей удобосравнимости полученныхъ данныхъ. Собирались свѣдѣнія учителями и учительницами земскихъ и церковно-приходскихъ школъ (218 лицъ), волостными и сельскими писарями (21),

[1]) См. Внутреннее обозрѣніе въ іюльской книжкѣ „Вѣстника Европы", стр. 357.

другими служащими въ городахъ и селахъ (29), мѣстными землевладѣльцами и ихъ сыновьями и дочерьми, живущими при родителяхъ (149), студентами высшихъ учебныхъ заведеній и лицами духовнаго званія (10); всего приглашено было 436 лицъ (цифра 555, поразительная по своей величинѣ, образовалась потому, что нѣкоторыя лица, занимавшіяся сначала въ одномъ уѣздѣ, потомъ въ другомъ, были сосчитаны два раза). Такимъ образомъ,—говоритъ управа, отражая упрекъ „Кіевлянина" въ приглашеніи „какихъ-то неизвѣстныхъ и подозрительныхъ личностей",—„дѣло было поручено почти исключительно лицамъ, живущимъ въ полтавской губерніи, такъ или иначе связаннымъ постоянно съ деревней, знакомымъ и мѣстному населенію, и мѣстной администраціи"; съ разрѣшенія послѣдней состоялось и самое допущеніе ихъ къ работамъ. По удостовѣренію управы, къ разслѣдованію о крестьянскихъ волненіяхъ въ полтавской губерніи никто изъ служащихъ въ полтавскомъ статистическомъ бюро не привлеченъ; всѣ статистики продолжаютъ заниматься исполненіемъ своихъ прямыхъ обязанностей. Понятно, во что обращается затѣмъ увѣреніе „Кіевлянина", что „въ батальонѣ статистиковъ оказалась рота пропагандистовъ, которая и *была пущена* прямо въ села для бесѣды съ крестьянами на аграрныя темы съ коммунистической точки зрѣнія и для распространенія возмутительныхъ прокламацій". Кіевская газета. однако, не беретъ назадъ своихъ обвиненій: она „оставляетъ на земской управѣ отвѣтственность за такое глубоко печальное явленіе, какъ компрометированіе неосторожнымъ приглашеніемъ служащихъ земскаго дѣла вообще и земскихъ статистическихъ работъ въ частности". По мнѣнію „Новаго Времени" (№ 9463), этой точкѣ зрѣнія нельзя отказать въ большой долѣ основательности. Еще дальше идутъ „Московскія Вѣдомости" (№ 191), утверждая, что полтавская губернская управа пишетъ „вздорныя опроверженія" какъ бы „Кіевлянину", а въ сущности „Правительственному Вѣстнику". „И въ этомъ случаѣ"—добавляетъ московская газета,—„земскія учрежденія остались вѣрными старымъ традиціямъ семидесятыхъ годовъ; вмѣсто того, чтобы помогать правительству въ борьбѣ съ крамолой, они предпочитаютъ... спорить съ правительствомъ и возводить на него обвиненія". Съ гораздо бо́льшимъ правомъ можно сказать, что вѣрными своимъ традиціямъ остались „Московскія Вѣдомости", занимаясь неосновательными извѣщеніями. Возстановляя факты, неправильно освѣщенные „Кіевляниномъ", констатируя непривлеченіе земскихъ статистиковъ (т.-е. постоянныхъ работниковъ статистическаго бюро) къ слѣдствію о крестьянскихъ безпорядкахъ, излагая мотивы, которыми руководствовалось земство при приглашеніи временныхъ сотрудниковъ, полтавская губернская управа воспользовалась принад-

лежащимъ каждому правомъ самозащиты, отнюдь не вступая въ споръ съ правительствомъ или съ правительственнымъ сообщеніемъ. Не ясно ли, въ самомъ дѣлѣ, что слова „Кіевлянина" о „ротѣ пропагандистовъ, *пущенной* въ села", заключали въ себѣ прямое обвиненіе противъ статистическаго бюро—обвиненіе, оказавшееся несогласнымъ съ истиной?.. Приглашеніе сразу большого числа лицъ для собранія свѣдѣній на мѣстѣ—пріемъ далеко не новый: къ нему прибѣгали не только земства, но и администрація (напр., при производствѣ всенародной переписи 1897-го года). Онъ сопряженъ, безъ сомнѣнія, съ нѣкоторымъ рискомъ, съ возможностью ошибокъ—ошибокъ двоякаго рода: въ выборѣ лицъ, именно вслѣдствіе ихъ многочисленности, и въ самомъ веденіи дѣла, вслѣдствіе неподготовленности и неопытности многихъ изъ числа работниковъ. Лучше, поэтому, избѣгать, по возможности, массовыхъ приглашеній,—но это еще не значитъ, что приглашенія, уже состоявшіяся, должны быть вмѣняемы въ вину пригласившимъ.

Съ какою беззастѣнчивостью извѣстные органы печати эксплуатируютъ грозу, разразившуюся надъ земской статистикой,—объ этомъ можно судить по корреспонденціи изъ Ярославля, напечатанной въ № 169 „Московскихъ Вѣдомостей". Начинается она слѣдующими словами: „насколько дорогими для нашего сельскаго населенія, помимо другихъ отрицательныхъ сторонъ, оказываются *яко бы совершенно безкорыстныя затѣи либераловъ,* до сихъ поръ еще *не оставившихъ своего излюбленнаго хожденія въ народъ, хотя и подъ прикрытіемъ различныхъ благовидныхъ предлоговъ,*—доказываетъ дѣятельность ярославскаго земскаго статистическаго бюро". Послѣ такого вступленія можно было бы ожидать самыхъ серьезныхъ разоблаченій; но все сводится къ голословному увѣренію, что труды бюро—не что иное какъ „статистическая макулатура" [1]), и къ указанію на новые кредиты, испрашиваемые для продолженія оцѣночно-статистическихъ работъ. Въ губернскомъ земскомъ собраніи—читаемъ мы дальше—„ораторствовали, по обыкновенію, *красные*, и въ томъ числѣ *негласный редакторъ* газеты „Сѣверный Край", *уже давно извѣстной своимъ направленіемъ,* кн. Д. И. Шаховской". Подчеркнутыя нами мѣста не требуютъ комментаріевъ... Въ концѣ корреспонденціи статистическое бюро именуется „организаціей, которая уже проявила себя *врагомъ существующаго порядка въ государствѣ*—результатомъ чего и было недавнее воспрещеніе разъѣздовъ статистиковъ во многихъ губерніяхъ". Для оцѣнки этой послѣд-

---

[1]) Въ подтвержденіе этой характеристики сдѣлана только одна ссылка—на неудовлетворительность описанія мышкинскаго уѣзда; но если эта ссылка и соотвѣтствуетъ дѣйствительности, то отсюда ничего нельзя вывести относительно другихъ работъ статистическаго бюро.

ней выходки достаточно замѣтить, что ярославская губернія не принадлежитъ къ числу тѣхъ, которыхъ коснулось воспрещеніе, — да и самое воспрещеніе, какъ временная мѣра предосторожности, не предрѣшаетъ еще окончательно судьбу земской статистики.

Мы говорили въ предыдущей хроникѣ о прискорбныхъ результатахъ, къ которымъ приводитъ дѣйствующая городская избирательная система. Къ примѣру гор. Вольска, которымъ мы иллюстрировали нашу мысль, можно прибавить теперь еще другой, не менѣе характеристичный [1]). Въ подольской губерніи есть заштатный городъ Баръ, съ населеніемъ свыше 12 тысячъ. Городъ этотъ владѣетъ нѣсколькими тысячами десятинъ земли и располагаетъ бюджетомъ въ 40 тыс. руб. Городскихъ избирателей въ послѣднее четырехлѣтіе было въ Барѣ лишь 88, а Дума его состоитъ изъ 18 членовъ. Почти всѣ барскіе избиратели и гласные состоятъ вмѣстѣ съ тѣмъ и арендаторами городскихъ пахатныхъ земель. Въ настоящемъ году въ барскую Думу поступили ходатайства разныхъ лицъ о сдачѣ имъ въ аренду городскихъ земель по 12—15-ти руб. за десятину, но Дума эти предложенія отклонила и рѣшила сдать городскія пахатныя поля прежнимъ арендаторамъ на новый 12-лѣтній срокъ по 6 р. Такъ какъ это постановленіе, немедленно вызвавшее жалобы нѣкоторыхъ городскихъ жителей, отражало въ себѣ интересы лишь сравнительно небольшой группы городского населенія и было сопряжено съ потерею для города около 200.000 руб., то подольскій губернаторъ призналъ его явно нарушающимъ интересы большинства городского населенія и представилъ его въ министерство внутреннихъ дѣлъ для отмѣны. Когда объ этомъ стало извѣстно Думѣ, она рѣшила обжаловать распоряженіе губернскаго начальства въ сенатъ, а пока сдать городскія поля въ аренду прежнимъ арендаторамъ по 5 р. за десятину. Это новое опредѣленіе барской Думы начальникъ губерніи также представилъ въ министерство. Вскорѣ изъ министерства послѣдовало сообщеніе объ отмѣнѣ перваго изъ упомянутыхъ опредѣленій Думы, а затѣмъ получено извѣщеніе объ отмѣнѣ и послѣдняго опредѣленія барской Думы, какъ явно нарушающаго интересы мѣстнаго населенія. Въ предложеніи начальника юго-западнаго края по этому предмету объяснено, что министръ внутреннихъ дѣлъ усмотрѣлъ въ дѣйствіяхъ Думы явное нежеланіе подчиниться законнымъ требованіямъ губернской власти, а потому полагаетъ необходимымъ, въ случаѣ если Дума постановитъ и въ будущемъ подобное же опредѣленіе, войти въ обсу-

---

[1]) См. № 190 „Русскихъ Вѣдомостей“.

жденіе вопроса о томъ, не представляется ли соотвѣтственнымъ пріостановить въ г. Барѣ дѣйствіе Городового Положенія 1892 г. и ввести въ немъ особое правительственное управленіе. — Намъ кажется, что такъ какъ неправильныя дѣйствія барской Думы выражаютъ собою не волю городского населенія или хотя бы значительной его части, а настроеніе ничтожнаго меньшинства, ставящаго свои личные интересы выше интересовъ города, то естественнымъ выводомъ изъ вышеизложенныхъ фактовъ было бы не пріостановленіе въ гор. Барѣ дѣйствія Городового Положенія 1892-го года, а примѣненіе къ нему—и, конечно, не къ нему одному, — новой избирательной системы, при которой судьбы цѣлаго города не могли бы зависѣть отъ горсти людей и городское имущество не могло бы становиться способомъ обогащенія немногихъ, въ ущербъ многимъ. Что въ данномъ случаѣ губернская администрація поступила совершенно правильно, воспользовавшись правомъ протеста,—это не подлежитъ никакому сомнѣнію; но столь же несомнѣнно и то, что не чрезвычайными средствами можетъ быть обезпечено нормальное теченіе жизни. Еслибы постановленія барской Думы не такъ рѣзко шли въ разрѣзъ съ интересами города, порядокъ, выгодный для искусственно созданной городской олигархіи, могъ бы существовать еще много лѣтъ, не вызывая противодѣйствія со стороны администраціи; вѣдь не были же опротестованы постановленія вольской городской Думы, разорительныя для массы мѣщанъ-земледѣльцевъ.

Скончавшійся недавно А. Н. Бекетовъ былъ не только замѣчательнымъ ученымъ, но и выдающимся общественнымъ дѣятелемъ. Какъ ректоръ с.-петербургскаго университета (1876—83), онъ оставилъ по себѣ самую лучшую память; многимъ обязаны ему с.-петербургскіе высшіе женскіе курсы, во главѣ которыхъ онъ стоялъ, послѣ К. Н. Бестужева-Рюмина, до самаго ихъ преобразованія (1882—89); долго и усердно онъ трудился и на пользу Вольнаго экономическаго общества, какъ его секретарь и вице-президентъ. Когда, въ 1897 г., образовался союзъ взаимопомощи русскихъ писателей, А. Н., несмотря на свой преклонный возрастъ, принялъ избраніе въ учрежденный при союзѣ судъ чести, и только болѣзнь заставила его отказаться отъ званія судьи. Рядомъ съ научными трудами А. Н. постоянно шла популяризаторская дѣятельность. Давнишнимъ читателямъ нашего журнала вѣроятно памятны еще прекрасныя его статьи: „Борьба за существованіе въ органическомъ мірѣ“ (1873, октябрь) и „Питаніе человѣка въ его настоящемъ и будущемъ“ (1878, августъ), особенно

послѣдняя—одна изъ самыхъ раннихъ и самыхъ краснорѣчивыхъ защитъ вегетаріанства, связанная съ высокимъ представленіемъ о назначеніи человѣка и человѣчества. Усматривая въ прошедшемъ періодъ *самосохраненія*, въ настоящемъ — періодъ *сохраненія рода*, А. Н. Бекетовъ вѣрилъ въ наступленіе вѣка *самосовершенствованія*, „когда заботы о самосохраненіи и сохраненіи рода войдутъ въ плоть и кровь каждаго человѣка, а высшею заботою и высшимъ наслажденіемъ будетъ выработка и осуществленіе нравственныхъ идеаловъ".

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. Стасюлевичъ.

СОДЕРЖАНІЕ
ЧЕТВЕРТАГО ТОМА

Іюль. — Августъ. 1902.

Книга седьмая. — Іюль.

Книга восьмая. — Августъ.

